

4

Н.В. ГОГОЛЬ

H. V. Gogol

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

Н. В. ГОГОЛЬ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В двадцати трех томах

МОСКВА НАУКА 2003

Н. В. ГОГОЛЬ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

Том четвертый

МОСКВА НАУКА 2003

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус) 1
Г58

*Федеральная целевая программа "Культура России"
(подпрограмма "Поддержка полиграфии и книгоиздания России")*

*Том подготовлен при финансовой поддержке
Российского гуманитарного фонда (РГНФ),
проект № 01-04-00012а*

Редакционная коллегия:

*Е.И. Анненкова, А.Г. Битов, С.Г. Бочаров,
Л.Д. Громова-Опульская, В.М. Гуминский, И.А. Зайцева,
И.В. Карташова, Ю.В. Манн (главный редактор)*

Тексты и комментарии подготовили:

И.А. Зайцева, Ю.В. Манн

Ответственный редактор тома

Ю.В. Манн

Рецензенты:

И.В. Карташова, Л.М. Розенблюм

Лингвистический консультант издания

А.Д. Шмелев

Подписное

ISBN 5-02-032711-5

ISBN 5-02-006375-4 (т. 4)

- © Институт мировой литературы им. А.М. Горького (составление, подготовка текстов, комментарии), 2003
- © Российская академия наук и издательство "Наука", Полное (академическое) собрание сочинений и писем Н.В. Гоголя в двадцати трех томах (оформление), 2003

Ревизор

На зеркало неча пенять,
коли рожа крива.

Народная пословица

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Антонович Сквозник - Дмухановский, городничий.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ.

Жена его.

Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений.

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер.

Петр Иванович Добчинский }
Петр Иванович Бобчинский } городские помещики.

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

Федор Андреевич Люлюков

Иван Лазаревич Растаковский }
Степан Иванович Коробкин } отставные чиновники, почетные лица в городе.

Степан Ильич Уховертов, частный пристав.

Свистунов

Пуговицын }
Держиморда } полицейские.

Абдулин, купец.

Февронья Петрова Пошлепкина, слесарша.

Жена унтер-офицера.

Мишка, слуга городничего.

Слуга трактирной.

Гости и гости, купцы, мещане, просители.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

Замечания для гг. актеров

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно; довольно сурьезен; несколько даже резонер; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, как у всякого, начавшего тяжелую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своем мундире с петлицами и ботфортах со шпорами. Волоса на нем стриженные, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, еще не совсем пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девичьей. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берет иногда власть над мужем потому только, что тот не находится, что отвечать ей. Но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек, лет 23-х, тоненькой, худенькой; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове. Один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьезно; смотрит несколько вниз, резонер и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина, и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его серой или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные и чрезвычайно похожи друг на друга. Оба с небольшо-

ми брюшками. Оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и сурьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Л я п к и н - Т я п к и н, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом, как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

З е м л я н и к а, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всем том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

П о ч т м е й с т е р, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы их всегда почти находятся пред глазами.

Г. актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесенное слово должно произвесть электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумленья должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. К нам едет ревизор.

Аммос Федорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием.

Аммос Федорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай.

Лука Лукич. Господи Боже. Еще и с секретным предписанием.

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, таких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: “Любезный друг, кум и благодетель (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*)... и уведомить тебя”. А! вот: “Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты

человек умной и не любишь пропускать того, что плывет в руки...” (остановясь) ну, здесь свои... “то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякой час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дни я...” Ну, тут уж пошли дела семейные: “...сестра Анна Кириловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кирилович очень потолстел и все играет на скрипке...” и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Л у к а Л у к и ч. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Г о р о д н и ч и й. Зачем! Так уж, видно, судьба. (Вздыхнув.) До сих пор, благодарение Богу, подбирались к другим городам. Теперь пришла очередь к нашему.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтоб узнать, нет ли где измены.

Г о р о д н и ч и й. Эк куда хватили! Еще и умной человек. В уездном городе измена! Что он, пограничной, что ли? Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Нет, я вам скажу, вы не того... Вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Г о р о д н и ч и й. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредомил. Смотрите! по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович. Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Ну это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Г о р о д н и ч и й. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по-латыне или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь, когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкой табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача.

Артеми́й Филиппович. О! насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться, он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович *издает звук, отчасти похожий на букву и и несколько на е.*

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно конечно, домашним хозяйством заводитья всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал.

Аммос Федорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, — это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах. Можно ему посоветовать есть лук или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович *издает тот же звук.*

Аммос Федорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла и с тех пор от него отдает немного водкою.

Городничий. Да я так только заметил вам. Насчет же внутреннего распорядка и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить. Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого говорят.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Г о р о д н и ч и й. Ну, щенками или чем другим, — всё взятки.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль.

Г о р о д н и ч и й. Ну а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я, по крайней мере, в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Г о р о д н и ч и й. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу. Вот этак (*делает гримасу*). И потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего, может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить, но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, — это может быть очень худо: г. ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого черт знает что может произойти.

Л у к а Л у к и ч. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а мне выговор, зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Г о р о д н и ч и й. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова — это видно, и сведений хватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покаместь говорил об ассирянах и вавилоня-

нах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар. Ей-богу! сбежал с кафедры и, что силы есть, хватъ стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч, я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: "Как хотите. Для науки я жизни не пощажу".

Городничий. Да. Таков уже неизъяснимый закон судеб: умной человек или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи Бог служить по ученой части, всего боишься. Всякой мешается, всякому хочется показать, что он тоже умной человек.

Городничий. Это бы еще ничего. Инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: "А вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?" — "Ляпкин-Тяпкин". — "А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! а кто попечитель богоугодных заведений?" — "Земляника". — "А подать сюда Землянику!" Вот что худо.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, что? какой чиновник едет?

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну что? как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это все француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то — не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антоныч?

Городничий. Да что я? страху-то нет, а так немножко... Купечество да гражданство меня смущает. Говорят, что я им солоно пришелся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой не-

ненависти. — Я даже думаю (*берет его под руку и отводит в сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же в самом деле к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам для общей нашей пользы всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочесть: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите. Это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства. Смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение! иное письмо с наслаждением прочтешь. Так описываются разные пассажи... а назидательность какая... Лучше, чем в "Московских ведомостях"!

Городничий. Ну что ж, скажите: ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет. О петербургском ничего нет; а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем. Есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: "Жизнь моя, милый друг, течет, говорит, в эмпиреях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет..." — с большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Городничий. Ну теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадетс я жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Федорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если б вы из этого публично что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Федорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шел было к вам, Антон Антонович, с тем, чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы. У меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждешь, что вот отворится дверь и — шашть...

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Бобчинский и Добчинский,
оба входят запыхавшись.

Б о б ч и н с к и й. Чрезвычайное происшествие!

Д о б ч и н с к и й. Неожданное известие!

В с е. Что? что такое?

Д о б ч и н с к и й. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Б о б ч и н с к и й (*перебивая*). Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу...

Д о б ч и н с к и й (*перебивая*). Э, позвольте, Петр Иванович, я расскажу.

Б о б ч и н с к и й. Э, нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

Д о б ч и н с к и й. А вы собьетесь и не припомните всего.

Б о б ч и н с к и й. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу. Не мешайте! скажите, господа, сделайте милость, чтоб Петр Иванович не мешал.

Г о р о д н и ч и й. Да говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! возьмите стулья! Петр Иванович, вот вам стул!

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что, что такое?

Б о б ч и н с к и й. Позвольте, позвольте: я все по порядку. Как только имел я удовольствие выйти от вас, после того как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с — так я тогда же забежал... Уж пожалуста, не перебивайте, Петр Иванович. Я уж все, все, все знаю-с. — Так я, вот изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Д о б ч и н с к и й (*перебивая*). Возле будки, где продаются пироги.

Б о б ч и н с к и й. Возле будки, где продаются пироги. Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: "Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма". А Петр Иванович уж услышали об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая не знаю за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Д о б ч и н с к и й (перебивая). За бочонком для французской водки.

Б о б ч и н с к и й (отводя его руки). За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву... Уж вы, Петр Иванович... ентого... не перебивайте, пожалуста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Петр Иванович говорит: “Зайдем, говорит, в трактир. В желудке-то у меня... с утра я ничего не ел, так желудочное трясение...” — да-с, в желудке-то у Петра Ивановича. “А в трактир, говорит, привезли теперь свежей семги, так мы закусим”. — Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Д о б ч и н с к и й (перебивая). Недурной наружности, в партикулярном платье...

Б о б ч и н с к и й. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит эдак по комнате, и в лице этакое рассуждение, физиономия... поступки... и здесь (*вертит рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: “Здесь что-нибудь неспроста-с”. Да. А Петр-та Иванович уж мигнул пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа: у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкой мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Петр Иванович и спроси его потихоньку: “Кто, говорит, этот молодой человек”; а Влас и отвечай на это: “Это”, — говорит... Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуста, не перебивайте; вы не расскажете, ей-богу, не расскажете, вы пришепетываете, у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом... “Это, говорит, молодой человек, чиновник, — да-с, — едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует: другую уж неделю живет, из трактира не едет, забирает все на счет и ни копейки не хочет платить”. Как сказал он мне это, а меня так вот свыше и вразумило. “Э!” — говорю я Петру Ивановичу...

Д о б ч и н с к и й. Нет, Петр Иванович, это я сказал: “Э”.

Б о б ч и н с к и й. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. “Э! — сказали мы с Петром Ивановичем. — А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?” — Да-с! А вот он-то и есть этот чиновник.

Г о р о д н и ч и й. Кто, какой чиновник?

Б о б ч и н с к и й. Чиновник-та, о котором изволили получить нотицию, ревизор.

Городничий *(в страхе)*. Что вы, Господь с вами! Это не он.

Добчинский. Он! и денег не платит, и не едет, кому же б бытъ, как не ему? и подорожная прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей-богу, он... Такой наблюдательной: все обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели семгу, больше потому, что Петр Иванович насчет своего желудка... да. Так он и в тарелки к нам заглянул. Такой осмотрительной, меня так и про- няло страхом.

Городничий. Господи помилуй нас грешных! где же он там живет?

Добчинский. В пятом номере под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года под- рались проезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Егип- тянина.

Городничий. Две недели! *(В сторону.)* Батюшки, сва- тушки, выносите, святые угодники, в эти две недели высечена ун- тер-офицерская жена! арестантам не выдавали провизии. На ули- цах кабак, нечистота. Позор! поношенье! *(Хватается за голову.)*

Артемий Филиппович. Что ж, Антон Антонович, ехать парадом в гостиницу.

Аммос Федорович. Нет, нет. Вперед пустить голову, духовенство, купечество, вот и в книге: Деяния Иоанна Масона...

Городничий. Нет, нет, позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, еще даже и спасибо получал, авось Бог вынесет и теперь. *(Обращаясь к Бобчинскому.)* Вы говорите, он молодой человек?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трех или четырех с не- большим.

Городничий. Тем лучше; молодого скорее пронюхает. Бе- да, если старый черт, а молодой весь наверху. Вы, господа, пригото- вляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам или вот хоть с Пет- ром Ивановичем, приватно, для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Свистунов.

Свистунов. Что угодно?

Городничий. Ступай сейчас за частным приставом, или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда.

Квартальной бежит впопыхах.

Артеми́й Филиппович. Идем, идем, Аммос Федорович. В самом деле может случиться беда.

Аммос Федорович. Да вам чего бояться. Колпаки чистые надел на больных, да и концы в воду.

Артеми́й Филиппович. Какое колпаки! Больным велено габерсуп давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос.

Аммос Федорович. А я на этот счет покоен. В самом деле, кто зайдет в уездный суд? а если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уж пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как углублюсь иной раз в записку — а! только рукой махну. Сам Соломон не разрешит, что в ней правда, а что неправда.

Судья, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ и почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимися квартальными.

ЯВЛЕНИЕ IV

Городничий, Бобчинский, Добчинский
и квартальной.

Городничий. Что, дрожки там стоят?

Квартальной. Стоят.

Городничий. Ступай на улицу... или нет, стой! ступай принеси... да другие-то где? неужели ты только один? ведь я приказывал, чтобы и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

Квартальной. Прохоров в частном доме, да только к делу не может быть употреблен.

Городничий. Как так?

Квартальной. Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий (*хватаясь за голову*). Ах, Боже мой, Боже мой! ступай скорее на улицу, или нет, беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петр Иванович, поедем.

Бобчинский. И я, и я... позвольте и мне, Антон Антонович.

Городничий. Нет, нет, Петр Иванович, нельзя, нельзя! неловко, да и в дрожки не поместимся.

Бобчинский. Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне бы только немножко в щелочку-та, в дверь эдак посмотреть, как у него эти поступки...

Городничий (принимая шпагу, к квартальному). Беги сейчас, возьми десятских, да пусть каждый из них возьмет... Эх шпага как исцарапалась! проклятой купчишка Абдулин видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О, лукавый народ! а так мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят. Пусть каждый возьмет в руки по улице, черт возьми, по улице, по метле, и вымели бы всю улицу, что идет к трактиру, и вымели бы чисто. Слышишь. Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься да крадешь в ботфорты серебряные ложечки, смотри, у меня ухо остро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым, а? он тебе на мундир дал два аршина сукна; а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берешь! ступай!

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и частный пристав.

Городничий. А, Степан Ильич, скажите, ради Бога, куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный пристав. Я был тут сейчас за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Частный пристав. Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

Частный пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе.

Городничий. А Прохоров пьян?

Частный пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это так допустили?

Частный пристав. Да Бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, — поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте ж, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старой забор, что возле сапожника, и поставить соломенную вежу, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя. Ах, Боже мой, я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверной город: только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор, черт их знает откуда и нанесут всякой дряни! (Вздыхает.) Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу: довольны ли, —

чтобы говорили: “Всем довольны, ваше благородие”, а которой будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, х! грешен, во многом грешен (*берет вместо шляпы футляр*), дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О Боже мой, Боже мой! едем, Петр Иванович! (*Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.*)

Ч а с т н ы й п р и с т а в. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Г о р о д н и ч и й (*бросает ее*). Коробка так коробка. Черт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что началась строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он для порядка всем ставит фонари под глазами: и правому, и виноватому. Едем, едем, Петр Иванович (*уходит и возвращается*); да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарнизона наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ VI

Анна Андреевна и Марья Антоновна
вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах Боже мой... (*Отворяя дверь.*) Муж! Антоша! Антон! (*Говорит скоро.*) А все ты, а все за тобой. И пошла копаться: “Я булабочку, я косынку”. (*Подбегает к окну и кричит.*) Антон, куда, куда? что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Г о л о с г о р о д н и ч е г о. После, после, матушка.

Анна Андреевна. После? вот новости, после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А? (*С пренебрежением.*) Уехал! Я тебе вспомню это! А все эта: “Маминька, маминька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас”. Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! а все проклятое кокетство, услышала, что почтмейстер здесь, и давай пред зеркалом жеманиться: и с той стороны, и с этой стороны подойдет. Воображает, что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернешься.

М а р ь я А н т о н о в н а. Да что ж делать, маминька? все равно: через два часа мы все узнаем.

А н н а А н д р е е в н а. Через два часа! покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом. Как ты не догадалась сказать, что через месяц еще лучше можно узнать. *(Свешивается в окно.)* Эй, Авдотья! А! что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то... Не слышала? глупая какая! Машет руками? пусть машет, а ты все бы таки его расспросила. Не могла этого узнать! в голове чепуха, все женихи сидят. А? скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас. Слышишь, побеги, расспроси, куда поехали, да расспроси хорошенько, что за приезжий, каков он, слышишь! подсмотри в щелку и узнай все, и глаза какие: черные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь! Скорее, скорее, скорее, скорее. *(Кричит до тех пор, пока не опускается занавесь. Так занавесь и закрывает их обеих, стоящих у окна.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

ЯВЛЕНИЕ I

О с и п лежит на барской постеле.

Черт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот, не доедем да и только домой! что ты прикажешь делать? второй месяц пошел, как уже из Питера! Профинтил дорогою денежки голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы и очень бы стало на прогоны; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя. (*Дразнит его.*) “Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед”. Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь ели-стратишка простой. С проезжающим знакомится, а потом в картишки, — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатах да ешь пироги. Ну кто ж спорит, конечно, если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебе танцуют, и все, что хочешь. Разговаривает все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдешь на Щукин — купцы тебе кричат: “Почтенной”; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагеря и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони все видишь. Старуха офицерша забредет; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! (*Усмехается и трясет головою.*) Галантерейное, черт возьми, обхождение! Невежливост

го слова никогда не услышишь, всякой тебе говорит “Вы”. Наскучило идти — берешь извозчика и сидишь себе как барин, а не хочешь заплатить ему, — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А все он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлет денежки, чем бы их попридержать — и куды!.. пошел кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеатр билет, а там через неделю — глядь, и посылает на толкучий продавать новой фрак. Иной раз все до последней рубашки спустит, так что на нем всего останется сертучишка да шинелишка, ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублей полтора ста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать, а о брюках и говорить нечего — нипочем идут. А отчего? оттого, что делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в картишки играет. Эх, если б узнал это старой барин. Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почесывался. Коли служить, так служи; вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну а коли не заплатим? *(Со вздохом.)* Ах, Боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи. Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится, верно, это он идет. *(Поспешно схватывается с постели.)*

ЯВЛЕНИЕ II

О с и п и Х л е с т а к о в.

Х л е с т а к о в. На, прими это. *(Отдает фуражку и тросточку.)* А, опять валялся на кровати?

О с и п. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Х л е с т а к о в. Врешь, валялся; видишь, вся склочена.

О с и п. Да на что мне она? не знаю я разве, что такое кровать? у меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Х л е с т а к о в *(ходит по комнате)*. Посмотри, там в картузе табаку нет?

О с и п. Да где ж ему быть, табаку! вы четвертого дня последнее выкурили.

Х л е с т а к о в *(ходит и разнообразно сжимает свои губы. Наконец говорит громким и решительным голосом)*. Послушай, эй, Осип!

О с и п. Чего изволите?

Х л е с т а к о в (громким, но не столь решительным голосом). Ты ступай туда.

О с и п. Куда?

Х л е с т а к о в (голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе). Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

О с и п. Да нет, я и ходить не хочу.

Х л е с т а к о в. Как ты смеешь, дурак!

О с и п. Да так, все равно хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Х л е с т а к о в. Как он смеет не дать. Вот еще вздор!

О с и п. “Еще, говорит, и к городничему пойду, третью неделю барин денег не платит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой плут. Мы-де, говорит, таких широмыжников и подлецов видали”.

Х л е с т а к о в. А ты так уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне все это.

О с и п. Говорит: “Этак всякой приедет, обживется, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтоб на съезжую, да в тюрьму”.

Х л е с т а к о в. Ну, ну, дурак, полно. Ступай, ступай скажи ему. Такое грубое животное!

О с и п. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Х л е с т а к о в. На что ж хозяина? ты поди сам скажи.

О с и п. Да, право, сударь...

Х л е с т а к о в. Ну, ступай, черт с тобой! позови хозяина.

О с и п уходит.

ЯВЛЕНИЕ III

Х л е с т а к о в один.

Ужасно как хочется есть. Так немножко прошелся; думал, не пройдет ли аппетит, — нет, черт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня. Штосы удивительно bestия срезывает. Всего каких-нибудь четверть часа посидел и все обобрал. А при всем том страх хотелось бы с ним еще раз сразиться. Случай только не привел. Какой скверной городишка! В овошенных лавках ничего не дают в долг. Это уж просто подло. (Насвистывает сначала из “Роберта”,

потом: “Не шей ты мне, матушка”, а наконец ни се ни то.) Никто не хочет идти.

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.

Слуга. Хозяин приказал спросить, что вам угодно.

Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

Слуга. Слава Богу.

Хлестаков. Ну что, как у вас в гостинице? хорошо ли все идет?

Слуга. Да, слава Богу, все хорошо.

Хлестаков. Много проезжающих?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуста, поторопи, чтоб поскорее, видишь, мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Слуга. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак могу я совсем отощать. Мне очень есть хочется; я не шутя это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил: “Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее”. Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

Хлестаков. Ты растолкуй ему сурьезно, что мне нужно есть. Деньги сами собою... Он думает, что, как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков один.

Это скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как еще никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать. Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме. Жаль, что Иохим не дал напрокат кареты, а хорошо бы, черт побери, приехать домой в карете. Подкатить эдаким чертом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо с фонарями, а Осипа сзади одеть в ливрею. Как бы, я

воображаю, все переполошились: “Кто такой, что такое?”, а лакей, золотая ливрея, входит (*вытягиваясь и представляя лакея*): “Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?” Они, пентюхи, и не знают, что такое значит “прикажете принять”. К ним если приедет какой-нибудь гусь помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдешь: “Сударыня, как я...” (*Потирает руки и подшаркивает ножкой.*) Тьфу (*плюет*), даже тошнит, так есть хочется.

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков, Осип, потом слуга.

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков (*прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле*). Несут! несут! несут!

Слуга (*с тарелками и салфеткой*). Хозяин в последний раз уж дает.

Хлестаков. Ну хозяин, хозяин... Я плевать на твоего хозяина! что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это, в самом деле, такое!.. этого мало.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что еще много.

Хлестаков. А соуса почему нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет! я видел сам, проходя мимо кухни, там много готовилось. И в столовой сегодня поутру двое каких-то коротеньких человека ели семгу и еще много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нет.

Хлестаков. Как нет?

Слуга. Да уже нет.

Хлестаков. А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тех, которые почище-с.

Хлестаков. Ах ты дурак.

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Поросенок ты скверной... Как же они едят, а я не ем? отчего же я, черт возьми, не могу так же? разве они не такие же проезжающие, как и я?

С л у г а. Да уж известно, что не такие.

Х л е с т а к о в. Какие же?

С л у г а. Обнаковенно какие! они уж известно: они деньги платят.

Х л е с т а к о в. Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать; (*наливает суп и ест*) что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вкуса нет, только воняет. Я не хочу этого супа, дай мне другого.

С л у г а. Мы примем-с. Хозяин сказал, коли не хотите, то и не нужно.

Х л е с т а к о в (*защищая рукою кушанье*). Ну, ну, ну... оставь, дурак; ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую... (*Ест.*) Боже мой, какой суп! (*продолжает есть*) я думаю, еще ни один человек в мире не едал такого супа. Какие-то перья плавают вместо масла. (*Режет курицу.*) Ай, ай, ай, какая курица! дай жаркое! там супу немного осталось, Осип, возьми себе (*режет жаркое*), что это за жаркое? Это не жаркое.

С л у г а. Да что ж такое?

Х л е с т а к о в. Черт его знает, что такое, только не жаркое. Это топор, зажаренный вместо говядины. (*Ест.*) Мошенники, каналы, чем они кормят! и челюсти заболят, если съешь один такой кусок (*ковыряет пальцем в зубах*); подлецы! совершенно как деревянная кора, ничем выгащить нельзя, и зубы почернеют после этих блюд, мошенники! (*Вытирает рот салфеткой.*) Больше ничего нет?

С л у г а. Нет.

Х л е с т а к о в. Каналы! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих.

С л у г а убирает и уносит тарелки вместе с О с и п о м.

ЯВЛЕНИЕ VII

Х л е с т а к о в, потом О с и п.

Х л е с т а к о в. Право, как будто и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть сайку.

О с и п (*входит*). Там чего-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Х л е с т а к о в (*испугавшись*). Вот тебе на! Эка bestия трактирщик, успел уже пожаловаться! Что, если в самом деле он потащит меня в тюрьму? Что ж? Если благородным образом, я, пожалуй... нет, нет, не хочу. Там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как

нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой... Нет, не хочу. Да что он, как он смеет в самом деле, что я ему, разве купец или ремесленник? (*Бодрится и выпрямливается.*) Да я ему прямо скажу: "Как вы смеете, как вы?.." (*У дверей вертится ручка, Хлестаков бледнеет и съезживается.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский.
Городничий, вошел, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий (*немного оправившись и протянув руки по швам*). Желаю здравствовать.

Хлестаков (*кланяется*). Мое почтение...

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего.

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков (*сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко*). Да что ж делать!.. я не виноват... я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Добчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как бревно; а суп — он черт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня голодом по целым дням... Чай такой странной: воляет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость.

Городничий (*робея*). Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу. Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Да какое вы имеете право. Да как вы смеете?.. Да вот я... Я служу в Петербурге. (*Бодрится.*) Я, я, я...

Городничий (*в сторону*). О господи ты Боже, какой сердитой! все узнал, все рассказали проклятые купцы.

Хлестаков (*храбрясь*). Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду! Я прямо к министру. (*Стучит кулаком по столу.*) Что вы? что вы...

Городничий (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу. Вот еще! мне какое дело. Оттого что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (*дрожа*). По неопытности, ей-богу, по неопытности. Недостаточность состояния. Сами извольте посудить, казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь, да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу, клевета. Это выдумали злодеи мои, это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них (*в размышлении*); я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях; или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь. До этого вам далеко... Вот еще! смотри ты какой!.. я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий (*в сторону*). О, тонкая штука! Эк куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет! Не знаешь, с которой стороны и приняться. Ну да уж попробовать не куды пошло! что будет, то будет. Попробовать на авось. (*Вслух.*) Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуточку. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне займы. Я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий (*поднося бумажки*). Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (*принимая деньги*). Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни, у меня это вдруг... я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий (*в сторону*). Ну, слава Богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот чептыреста вернул.

Хлестаков. Эй, Осип.

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! (к городничему и Добчинскому) а что ж вы стоите? сделайте милость, садитесь; (Добчинскому) садитесь, прошу покорнейше.

Г о р о д н и ч и й. Ничего, мы и так постоим.

Х л е с т а к о в. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... (Добчинскому.) Садитесь!

Городничий и Добчинский садятся, Б о б ч и н с к и й выглядывает в дверь и прислушивается.

Г о р о д н и ч и й (в сторону). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы; прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (Вслух.) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, еще по христианскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший прием, и вот как будто в награду случай доставил такое приятное знакомство.

Х л е с т а к о в. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Г о р о д н и ч и й (в сторону). Да, рассказывай, не знал, чем заплатить! (Вслух.) Осмелюсь ли спросить, куда и в какие места ехать изволите?

Х л е с т а к о в. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Г о р о д н и ч и й (в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение). В Саратовскую губернию! А? И не покраснеет! О, да с ним нужно ухо остро. (Вслух.) Благое дело изволили предпринять... Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчет задержки лошадей. А ведь, с другой стороны, развлечение для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Х л е с т а к о в. Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал, да сейчас тебе Владимира в петлицу и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Г о р о д н и ч и й (в сторону). Прошу посмотреть, какие пули отливает. И старика отца приплел! (Вслух.) И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старой хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками. Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Городничий (в сторону). Славно завязал узелок! Врет, врет и нигде не оборвется! А ведь какой невзрачной, низенькой. Кажется, ногтем бы придавил его. Ну да постой! ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! (Вслух.) Справедливо изволили заметить, что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно еще когда будет. (Окидывает глазами комнату.) Кажется, эта комната несколько сыра.

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки, кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещенной гость и терпит, от кого же? от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно, хозяин завел обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать, или придет фантазия сочинить что-нибудь, не могу — темно, темно.

Городничий. Осмеюсь ли просить вас... но нет, я недостоин.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет, недостоин, недостоин.

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь. Ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется. У меня уж такой нрав: гостеприимство с самого детства; особенно если гость просвещенной человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести. Нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже, я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне: преданность и уваженье, уваженье и преданность.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и трактирной слуга, сопровождаемый Осипом,
Бобчинский выглядывает в дверь.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаков. Да; подай счет.

Слуга. Я уж давеча подал вам другой счет.

Хлестаков. Я уж не помню твоих глупых счетов. Говори,
сколько там?

Слуга. Вы изволили в первый день спросить обед, а на другой
день только закусили семги и потом пошли все в долг брать.

Хлестаков. Дурак, еще начал высчитывать. Всего сколько
следует?

Городничий. Да вы не извольте беспокоиться, он подождет;
(слуге) пошел вон, тебе пришлют.

Хлестаков. В самом деле, и то правда. (Прячет деньги.)

Слуга уходит. В дверь выглядывает Бобчинский.

ЯВЛЕНИЕ X

Городничий, Хлестаков, Добчинский.

Городничий. Не угодно ли будет вам осмотреть теперь не-
которые заведения в нашем городе, как-то богоугодные и другие.

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какое у нас течение дел...
порядок какой...

Хлестаков. С большим удовольствием, я готов.

Бобчинский выставляет голову в дверь.

Городничий. Также, если будет ваше желание, оттуда в
уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас
науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и го-
родские тюрьмы, — рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да зачем же тюрьмы? Уж лучше мы обсмотрим
богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены: в своем
экипаже или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да я лучше с вами на дрожках поеду.

Г о р о д н и ч и й (Добчинскому). Ну, Петр Иванович, вам теперь нет места.

Д о б ч и н с к и й. Ничего, я так.

Г о р о д н и ч и й (тихо Добчинскому). Слушайте: вы побегите, да бегом, во все лопатки, и снесите две записки: одну в богоугодное заведение Землянике, а другую жене. (Хлестакову.) Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку к жене, чтоб она приготовилась к принятию почтенного гостя?

Х л е с т а к о в. Да зачем же?.. а впрочем, тут и чернила, только бумаги не знаю... Разве на этом счете.

Г о р о д н и ч и й. Я здесь напишу. (Пишет и в то же время говорит про себя.) А вот посмотрим, как пойдет дело после фриштика да бутылки толстобрюшки! Да есть у нас губернская мадера, неказиста на вид, а слона повалит с ног. Только бы мне узнать, что он такое и в какой мере нужно его опасаться. (Написавши, отдает Добчинскому, который подходит к двери, но в это время дверь обрывается и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с нею на сцену. Все издают восклицания. Бобчинский подымается.)

Х л е с т а к о в. Что? не ушиблись ли вы где-нибудь?

Б о б ч и н с к и й. Ничего, ничего-с, без всякого-с помешательства, только свех носа небольшая нашлапка. Я забегу к Христиану Ивановичу, у него-с есть пластырь такой, так вот оно и пройдет.

Г о р о д н и ч и й (делая Бобчинскому укорительный знак, Хлестакову). Это-с ничего. Прошу покорнейше, пожалуйста! а слуге вашему я скажу, чтобы перенес чемодан. (Осипу.) Любезнейший, ты перенеси все ко мне, к городничему, тебе всякой покажет. Прошу покорнейше! (Пропускает вперед Хлестакова и следует за ним, но, оборотившись, говорит с укоризной Бобчинскому.) Уж и вы! не нашли другого места упасть! и растянулся, как черт знает что такое. (Уходит; за ним Бобчинский.)

Занавесь опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ I

Анна Андреевна, Марья Антоновна стоят у окна в тех же самых положениях.

Анна Андреевна. Ну вот, уж целый час дожидаемся, а все ты с своим глупым жеманством: совершенно оделась, нет, еще нужно копаться... Было бы не слушать ее вовсе. Экая досада! как нарочно, ни души! как будто бы вымерло все.

Марья Антоновна. Да право, маминька, чрез минуты две все узнаем. Уж скоро Авдотья должна прийти. *(Всматривается в окно и вскрикивает.)* Ах, маминька, маминька! кто-то идет, вон в конце улицы.

Анна Андреевна. Где идет? у тебя вечно какие-нибудь фантазии; ну да, идет. Кто ж это идет? небольшого роста... во фраке... кто ж это? А? это, однако ж, досадно! кто ж бы это такой был?

Марья Антоновна. Это Добчинский, маминька.

Анна Андреевна. Какой Добчинский? тебе всегда вдруг вообразится этакое! совсем не Добчинский. *(Машет платком.)* Эй вы, ступайте сюда! скорее!

Марья Антоновна. Право, маминька, Добчинский.

Анна Андреевна. Ну вот: нарочно, чтобы только поспорить. Говорят тебе, не Добчинский.

Марья Антоновна. А что? а что, маминька? видите, что Добчинский.

Анна Андреевна. Ну да, Добчинский, теперь я вижу; из чего же ты споришь. *(Кричит в окно.)* Скорей, скорей! вы тихо идете. Ну что, где они? А? да говорите же оттуда, все равно. Что? очень

строгой? А? а муж, муж? (Немного отступя от окна, с досадою.)
Такой глупой: до тех пор, пока не войдет в комнату, ничего не расскажет!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Добчинский.

Анна Андреевна. Ну скажите, пожалуйста: ну, не совестно ли вам? я на вас одних полагаюсь как на порядочного человека: все вдруг выбежали, и вы туда ж за ними! и я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь, не стыдно ли вам! я у вас крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили!

Добчинский. Ей-богу, кумушка, так бежал засвидетельствовать почтение, что не могу духу перевести. Мое почтение, Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петр Иванович.

Анна Андреевна. Ну, что? ну рассказывайте: что и как там?

Добчинский. Антон Антонович прислал вам записочку.

Анна Андреевна. Ну, да он кто такой? генерал?

Добчинский. Нет, не генерал, а не уступит генералу. Такое образование и важные поступки-с.

Анна Андреевна. А! так это тот самой, о котором было писано мужу.

Добчинский. Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

Анна Андреевна. Ну, расскажите: что и как?

Добчинский. Да, слава Богу, все благополучно. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово, да-с, сердился и говорил, что и в гостинице все нехорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме, но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, тотчас переменил мысли, и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поехали осматривать богоугодные заведения... а то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнула немножко.

Анна Андреевна. Да вам-то чего бояться: ведь вы не служите?

Добчинский. Да так, знаете, когда вельможа говорит, чувствуешь страх.

А н н а А н д р е е в н а. Ну, что ж... это все, однако ж, вздор; расскажите, каков он собою! что, стар или молод?

Д о б ч и н с к и й. Молодой, молодой человек: лет двадцати трех; а говорит совсем так, как старик. “Извольте, говорит, я поеду: и туда, и туда...” (*размахивает руками*) так это все славно. “Я, говорит, и написать, и почитать люблю, но мешает, что в комнате, говорит, немножко темно”.

А н н а А н д р е е в н а. А собою каков он: брюнет или блондин?

Д о б ч и н с к и й. Нет, больше шантрет, и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущенье даже приводят.

А н н а А н д р е е в н а. Что тут пишет он мне в записке. (*Читает.*) “Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние мое было весьма печальное, но, уповая на милосердие Божие, за два соленые огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек...” (*Останавливается.*) Я ничего не понимаю, к чему же тут соленые огурцы и икра?

Д о б ч и н с к и й. А, это Антон Антонович писали на черновой бумаге по скорости: там какой-то счет был написан.

А н н а А н д р е е в н а. А да, точно. (*Продолжает читать.*) “Но, уповая на милосердие Божие, кажется, все будет к хорошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками, к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в богоугодном заведении у Артемия Филипповича. А вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислал самого лучшего; а не то я перерою весь его погреб. Целуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антон Сквозник-Дмухановский...” Ах, Боже мой! это, однако ж, нужно поскорей! Эй, кто там? Мишка!

Д о б ч и н с к и й (*бежит и кричит в дверь*). Мишка! Мишка! Мишка!

М и ш к а входит.

А н н а А н д р е е в н а. Послушай: беги к купцу Абдулину... постой, я дам тебе записочку. (*Садится к столу, пишет записку и между тем говорит.*) Эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтоб он побежал с нею к купцу Абдулину и принес оттуда вина. А сам поди сейчас прибери хорошенько эту комнату для гостя. Там поставить кровать, рукомойник и прочее.

Д о б ч и н с к и й. Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обзореваает.

А н н а А н д р е е в н а. Ступайте, ступайте, я не держу вас.

ЯВЛЕНИЕ III

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка, Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмел. Тебе приличнее всего надеть твое голубое платье с мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маминька, голубое! мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земляники тоже в голубом. Нет, лучше я надену цветное.

Анна Андреевна. Цветное!.. право, говоришь лишь бы только наперекор. Оно тебе будет гораздо лучше потому, что я хочу надеть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ах, маминька, вам нейдет палевое!

Анна Андреевна. Мне палевое нейдет?

Марья Антоновна. Нейдет, я что угодно даю, нейдет: для этого нужно, чтобы глаза были совсем темные.

Анна Андреевна. Вот хорошо, а у меня глаза разве не темные? самые темные. Какой вздор говорит! как же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трюфовую даму.

Марья Антоновна. Ах, маминька, вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *(Поспешно уходит вместе с Марьей Антоновной и говорит за сценою.)* Эдакое вдруг вообразится! червонная дама! Бог знает что такое.

По уходе их отворяются двери, и Мишка выбрасывает из них сор.

Из других дверей выходит Осип с чемоданом на голове.

ЯВЛЕНИЕ IV

Мишка и Осип.

Осип. Куда тут?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда.

Осип. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты горемышное житье! на пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будет генерал?

Осип. Какой генерал?

Мишка. Да барин ваш.

Осип. Барин? да какой он генерал?

Мишка. А разве не генерал?

О с и п. Генерал, да только с другой стороны.

М и ш к а. Что ж, это больше или меньше настоящего генерала?

О с и п. Больше.

М и ш к а. Вишь ты как! то-то у нас сумятицу подняли.

О с и п. Послушай, малой: ты, я вижу, проворной парень, приготовь-ка что-нибудь поесть.

М и ш к а. Да для вас, дядюшка, еще ничего не готово; простова блюда вы не будете кушать, а вот как барин ваш сядет за стол, так и вам того же кушанья отпустят.

О с и п. Ну, а простова-то что у вас есть?..

М и ш к а. Щи, каша да пироги.

О с и п. Давай их, щи, кашу и пироги! ничего, все будем есть. Ну, понесем чемодан! что, там другой выход есть?

М и ш к а. Есть.

Оба несут чемодан в боковую комнату.

ЯВЛЕНИЕ V

Квартальные открывают обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу, городничий указывает квартальным на полу бумажку, они бегут и снимают ее, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим все в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о своей то есть пользе. А здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош. Я совсем объелся. Что, у вас каждой день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович (подбегая). Лабардан-с.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство, может быть, вам покажется даже невероятным, все, как мухи, выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность здешнего градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наиумнейший человек пришел бы в затруднение, но, благодарение Богу, все идет благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но верите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: "Господи Боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольно..." Наградит ли оно или нет, конечно, в его воле, по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всем порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью все прах и суета.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Эка, бездельник, как расписывает! дал же Бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться, иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутся.

Бобчинский *(Добчинскому)*. Справедливо, все справедливо, Петр Иванович. Замечания такие... видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуста: нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий *(в сторону)*. Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! *(Вслух.)* Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть не мог на них равнодушно, и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились проклятые. Бог с ними, как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них.

Лука Лукич *(в сторону)*. А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей.

Г о р о д н и ч и й. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Х л е с т а к о в. Ну нет, вы напрасно, однако же... Все зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь, тогда как нужно гнуть от трех углов... ну тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНИЕ VI

Т е ж е, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Г о р о д н и ч и й. Осмелюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Х л е с т а к о в *(раскланиваясь)*. Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.

А н н а А н д р е е в н а. Нам еще более приятно видеть такую особу.

Х л е с т а к о в *(рисуюсь)*. Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

А н н а А н д р е е в н а. Как можно-с! Вы это так изволите говорить для комплимента. Прошу покорно садиться.

Х л е с т а к о в. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сяду возле вас.

А н н а А н д р е е в н а. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счет... Я думаю, вам после столицы вояжировка показалась очень неприятною.

Х л е с т а к о в. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, comparez vous, в свете и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества. Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... *(посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней)* так вознаградил за все...

А н н а А н д р е е в н а. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Х л е с т а к о в. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

А н н а А н д р е е в н а. Как можно-с, вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Х л е с т а к о в. Отчего же не заслуживаете? вы, сударыня, заслуживаете.

А н н а А н д р е е в н а. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да, деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом. Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю. Нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: "Приходи, братец, обедать". Я только на две минуты захожу в департамент с тем только, чтобы сказать: это вот так, это вот так, а там уж чиновник для письма, эдакая крыса, пером только: тр, тр... пошел писать. Хотели было даже меня коллежским ассессором сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит еще на лестнице за мною с щеткою: "Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу". (*Городничему.*) Что вы, господа, стоите? пожалуста, садитесь!

Вместе. { Гордничий. Чин такой, что еще можно постоять.
Артеми́й Филиппович. Мы постоим.
Лука Лукич. Не извольте беспокоиться.

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Я не люблю церемонии. Напротив, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: "Вон, говорят, Иван Александрович идет!" А один раз меня приняли даже за главнокомандующего, солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьем. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: "Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего".

Анна Андреевна. Скажите, как!

Хлестаков. Да меня уже везде знают. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: "Ну что, брат Пушкин?" — "Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то все..." Большой оригинал.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? как это должно быть приятно сочинителю. Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: Женитьба Фигаро, Роберт Дьявол, Норма. Уж и названий даже не помню. И все случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: "Пожалуста, братец, напиши что-нибудь". Думаю себе: "Пожалуй, изволь, братец!" И тут же в один вечер, кажется, все написал, всех изумил. У меня легкость необычно-

венная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбеуса, Фрегат Надежды и Московский телеграф... все это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю стихи. Мне Смирдин дает за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и Юрий Милославский ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маминька, там написано, что это г. Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будет спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой Юрий Милославский, так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (*Обращаясь ко всем.*) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы.

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа, откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякой день на балах. Там у нас и вист свой составился. Министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж, скажешь только кухарке: “На, Маврушка, шинель...”. Что ж я вру, я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся. Графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно ж, ж, ж... Иной раз и министр.

Городничий и прочие с робостью встают с своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: Ваше Превосходительство. Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но по-

дойдут, бывало: нет, мудрено. Кажется и легко на вид; а рассмотришь — просто черт возьми, видят, нечего делать — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! каково положение, я спрашиваю? “Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!” Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате; хотел отказать, но думаю, дойдет до Государя; ну да и послужной список тоже... “Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни! уж у меня ухо остро! уж я...” И точно, бывало: прохожу через департамент — просто землетрясение — все дрожит, трясется, как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха; Хлестаков горячится сильнее.

О! Я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится. Да что, в самом деле? я такой! Я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: я сам себя знаю, сам. Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлепнул на пол, но с почтеньем поддерживается чиновниками.)*

Г о р о д н и ч и й *(подходя и трясясь всем телом, силится выговорить)*. А ва-ва-ва... ва.

Х л е с т а к о в *(быстрым отрывистым голосом)*. Что такое?

Г о р о д н и ч и й. А ва-ва-ва... ва.

Х л е с т а к о в *(таким же голосом)*. Не разберу ничего, все вздор.

Г о р о д н и ч и й. Ва-ва-ва...шество, Превосходительство, не прикажете ли отдохнуть... вот и комната и все, что нужно.

Х л е с т а к о в. Вздор: отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... я доволен, я доволен. *(С декламацией.)* Лабардан! лабардан! *(Входит в боковую комнату, за ним городничий.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Т е ж е, кроме Хлестакова и городничего.

Б о б ч и н с к и й *(Добчинскому)*. Вот это, Петр Иванович, человек-то. Вон оно что значит человек. В жисть не был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер со страху. Как вы думаете, Петр Иванович, кто он такой в рассуждении чина?

Д о б ч и н с к и й. Я думаю, чуть ли не генерал.

Б о б ч и н с к и й. А я так думаю, что генерал-то ему и в подмет-

ки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: государственный-та совет как прижал? Пойдем расскажем поскорей Аммосу Федоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!
Д о б ч и н с к и й. Прощайте, кумушка.

Оба уходят.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч (Луке Лукичу). Страшно просто. А отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундире. Ну что, как проспится да в Петербург махнет донесение. (Уходит в задумчивости вместе с смотрителем училищ, произнеся.) Прощайте, сударыня.

ЯВЛЕНИЕ VIII

А н н а А н д р е е в н а и М а р ь я А н т о н о в н а.

А н н а А н д р е е в н а. Ах, какой приятной!

М а р ь я А н т о н о в н а. Ах! милашка!

А н н а А н д р е е в н а. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приемы и все это такое... Ах, как хорошо! я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Он, однако ж, меня очень понравил: я заметила — все на меня поглядывал.

М а р ь я А н т о н о в н а. Ах, маминька, он на меня глядел.

А н н а А н д р е е в н а. Пожалуста, с своим вздором подальше! Это здесь вовсе неуместно.

М а р ь я А н т о н о в н а. Нет, маминька, право.

А н н а А н д р е е в н а. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно. Где ему смотреть на тебя? и с какой стати ему смотреть на тебя?

М а р ь я А н т о н о в н а. Право, маминька: все смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

А н н а А н д р е е в н а. Ну может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. “А, — говорит себе, — дай уж посмотрю на нее”.

ЯВЛЕНИЕ IX

Т е ж е и г о р о д н и ч и й.

Г о р о д н и ч и й (входит на цыпочках). Чш... ш...

А н н а А н д р е е в н а. Что?

Г о р о д н и ч и й. И не рад, что напоил. Ну что если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? (*Задумывается.*) Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек все несет наружу. Что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного. Да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... черт его знает, не знаешь, что и делается в голове, просто как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

А н н а А н д р е е в н а. А я никакой совершенно не ощутила робости, я просто видела в нем образованного светского, высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Г о р о д н и ч и й. Ну, уж вы — женщины. Все кончено, одного этого слова достаточно! Вам все: финтирлютки. Вдруг брякнут ни из того, ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

А н н а А н д р е е в н а. Об этом я уж советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое... (*Посматривает на дочь.*)

Г о р о д н и ч и й (*один*). Ну, уж с вами говорить!.. Эка в самом деле оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. (*Отворяет дверь и говорит в дверь.*) Мишка, позови квартальных Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. (*После небольшого молчания.*) Чудно все завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видной, а то худенькой, тонинькой — как его узнаешь, кто он! Еще военный все-таки кажет из себя, а как наденет фрачишку — ну точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давеча в трактире. Заламливал такие аллегии и еквиоки, что, кажись, век бы не добился толку. А вот наконец и подался. Да еще наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой.

ЯВЛЕНИЕ X

Т е ж е и О с и п, все бегут к нему навстречу и кивают пальцами.

А н н а А н д р е е в н а. Подойди сюда, любезный!

Г о р о д н и ч и й. Чш!.. что? что? спит?

О с и п. Нет еще, немножко потягивается.

А н н а А н д р е е в н а. Послушай, как тебя зовут?

О с и п. Осип, сударыня.

Г о р о д н и ч и й (*жене и дочери*). Полно, полно вам! (*Осипу.*) Ну, что, друг, тебя накормили хорошо?

О с и п. Накормили, покорнейше благодарю, хорошо накормили.

А н н а А н д р е е в н а. Ну, что, скажи: к твоему барину слишком, я думаю, много ездит графов и князей?

О с и п (в сторону). А что говорить! коли теперь накормили хорошо, значит, после еще лучше накормят. (Вслух.) Да, бывают и графы.

М а р ь я А н т о н о в н а. Душенька Осип, какой твой барин хорошенькой!

А н н а А н д р е е в н а. А что, скажи, пожалуйста, Осип, как он...

Г о р о д н и ч и й. Да перестаньте, пожалуйста! Вы эдакими пустыми речами только мне мешаете. Ну что, друг?..

А н н а А н д р е е в н а. А чин какой на твоём барине?

О с и п. Чин обыкновенно какой.

Г о р о д н и ч и й. Ах Боже мой, вы все с своими глупыми расспросами! не дадите ни слова поговорить о деле. Ну что, друг, как твой барин?.. строг? любит этак распекать или нет?

О с и п. Да, порядок любит. Уж ему чтобы все было в исправности.

Г о р о д н и ч и й. А мне очень нравится твое лицо! друг, ты должен быть хороший человек. Ну что...

А н н а А н д р е е в н а. Послушай, Осип, а как барин твой там в мундире ходит...

Г о р о д н и ч и й. Полно вам, право, трещотки какие. Здесь нужная вещь. Дело идет о жизни человека... (к Осипу) ну, что, друг, право, мне ты очень нравишься. В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик; оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай.

О с и п (принимая деньги). А покорнейше благодарю, сударь. Дай Бог вам всякого здоровья; бедной человек, помогли ему.

Г о р о д н и ч и й. Хорошо, хорошо, я и сам рад, а что, друг...

А н н а А н д р е е в н а. Послушай, Осип, а какие глаза больше всего нравятся твоему барину...

М а р ь я А н т о н о в н а. Осип, душенька! какой миленькой носик у твоего барина!

Г о р о д н и ч и й. Да постойте, дайте мне!.. (К Осипу.) А что, друг, скажи, пожалуйста: на что больше барин твой обращает внимание, то есть что ему в дороге больше нравится?

О с и п. Любит он по рассмотрению, что как придется. Больше всего любит, чтобы его приняли хорошо, угощение чтоб было хорошее.

Г о р о д н и ч и й. Хорошее?

О с и п. Да, хорошее. Вот уж на что я, крепостной человек, но и то смотрит, чтобы и мне было хорошо. Ей-богу! бывало, заедем куда-

нибудь: “Что, Осип, хорошо тебя угостили?” — “Плохо, Ваше Высокоблагородие!” — “Э, говорит, это, Осип, нехороший хозяин. Ты, говорит, напомни мне, как приеду”. — “А, — думаю себе (*махнув рукою*), — Бог с ним! я человек простой”.

Г о р о д н и ч и й. Хорошо, хорошо, и дело ты говоришь. Там я тебе дал на чай, так вот еще сверх того на баранки.

О с и п. За что жалуете, Ваше Высокоблагородие? (*прячет деньги*) разве уж выпью за ваше здоровье.

А н н а А н д р е е в н а. Приходи, Осип, ко мне! тоже получишь.

М а р ь я А н т о н о в н а. Осип, душенька, поцелуй своего барина!

Слышен из другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.

Г о р о д н и ч и й. Чш! (*Поднимается на цыпочки. Вся сцена вполголоса.*) Боже вас сохрани шуметь! идите себе! полно уж вам...

А н н а А н д р е е в н а. Пойдем, Машинька! я тебе скажу, что я заметила у гостя, такое, что нам вдвоем только можно сказать.

Г о р о д н и ч и й. О, уж там наговорят! я думаю, поди только да послушай! и уши потом заткнешь. (*Обращаясь к Осипу.*) Ну, друг...

ЯВЛЕНИЕ XI

Т е ж е, Д е р ж и м о р д а и С в и с т у н о в.

Г о р о д н и ч и й. Чш! экие косолапые медведи стучат сапогами! так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги! Где вас черт таскает?

Д е р ж и м о р д а. Был по приказанию...

Г о р о д н и ч и й. Чш! (*Закрывает ему рот.*) Эх как каркнула ворона! (*дразнит его*) был по приказанию! Как из бочки, так рычит. (*К Осипу.*) Ну, друг, ты ступай приготовляй там, что нужно для барина. Все, что ни есть на дому, требуй.

О с и п уходит.

А вы, стоять на крыльце и ни с места! И никого не впускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то... Только увидите, что идет кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, то взашей так прямо и толкайте! так его! хорошенько! (*показывает ногою*) слышите, чш... чш... (*Уходит на цыпочках вслед за квартильными.*)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Входят осторожно, почти на цыпочках: Аммос Федорович, Артемий Филиппович, почтмейстер, Лука Лукич, Добчинский и Бобчинский, в полном параде и мундирах. Вся сцена происходит вполголоса.

Аммос Федорович (*строит всех полукружьем*). Ради Бога, господа, скорее в кружок, да побольше порядку! Бог с ним: и во дворец ездит, и государственный совет распекает! Стройтесь. На военную ногу, непременно на военную ногу. Вы, Петр Иванович, забегите с этой стороны, а вы, Петр Иванович, станьте вот тут.

Оба Петра Ивановича забегают на цыпочках.

Артемий Филиппович. Воля ваша, Аммос Федорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

Аммос Федорович. А что ж?

Артемий Филиппович. Ну известно что.

Аммос Федорович. Подсунуть?

Артемий Филиппович. Ну да, хоть и подсунуть.

Аммос Федорович. Опасно, черт возьми, раскритичится: государственный человек, а разве в виде приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятник?

Почтмейстер. Или же: вот, мол, пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие.

Артемий Филиппович. Смотрите, чтоб он вас по почте не отправил куды-нибудь подальше. Слушайте, эти дела не так делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представиться нужно поодиночке, да между четырех глаз и то-

го... как там следует; чтобы и уши не слышали. Вот как в обществе благоустроенном делается. Ну вот вы, Аммос Федорович, первый и начните.

Аммос Федорович. Так лучше ж вы, в вашем заведении высокий посетитель вкусил хлеба.

Артемий Филиппович. Так уж лучше Луке Лукичу как просветителю юношества.

Лука Лукич. Не могу, не могу, господа. Я, признаюсь, так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет и язык как в грязь завязнул. Нет, господа, увольте, право, увольте.

Артемий Филиппович. Да, Аммос Федорович, кроме вас некому. У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел.

Аммос Федорович. Что вы! что вы: Цицерон! смотрите, что выдумали. Что иной раз увлечешься, говоря о домашней своре или гончей ищейке...

Все (*пристают к нему*). Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении... нет, Аммос Федорович, не оставляйте нас, будьте отцом нашим!.. Нет, Аммос Федорович.

Аммос Федорович. Отвяжитесь, господа!

В это время слышны шаги и откашливание в комнате Хлестакова. Все спешат наперерыв к дверям, толпятся и стараются выйти, что происходит не без того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицания.

Голос Бобчинского. Ой! Петр Иванович, Петр Иванович! наступили на ногу!

Голос Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяние, совсем прижали.

Выхватываются несколько восклицаний: ай, ай! Наконец все выпираются, и комната остается пуста.

ЯВЛЕНИЕ II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин; даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и

матушка такая, что еще можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков и Аммос Федорович.

Аммос Федорович (*входя и останавливаясь, про себя*). Боже, Боже! вынеси благополучно; так вот коленки и ломает. (*Вслух, вытянувшись и придерживая рукою шпагу*.) Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский асессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Федорович. С 816-го был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно, однако же, быть судьей?

Аммос Федорович. За три трехлетия представлен к Владимиру 4-й степени с одобрения со стороны начальства. (*В сторону*.) А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна 3-й степени уже не так.

Аммос Федорович (*высовывая понемногу вперед сжатый кулак. В сторону*.) Господи Боже, не знаю, где сижу. Точно шпиль под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Федорович (*потерявшись и роняя на пол асигнации*). Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего. Я вижу, деньги упали?

Аммос Федорович (*дрожа всем телом*). Никак нет-с. (*В сторону*.) О Боже! вот уж я и под судом! и тележку подвезли схватить меня.

Хлестаков (*подымая*). Да, это деньги.

Аммос Федорович (*в сторону*). Ну все кончено; пропал! пропал!

Хлестаков. Знаете ли что: дайте их мне взаймы...

Аммос Федорович (*поспешно*). Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. (*В сторону*.) Ну смелее, смелее! вывози, Пресвятая Матерь.

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да се... впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Федорович. Помилуйте! как можно! и без того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усер-

дием к начальству... постараюсь заслужить... (*Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.*) Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Федорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду.

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нем надобности.

Аммос Федорович (*раскланиваясь и уходя, в сторону*). Ну, город наш!

Хлестаков (*по уходе его*). Судья хороший человек!

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков и почтмейстер, входит, вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник Шпекин.

Хлестаков. А, милости просим. Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Ведь вы здесь всегда живете?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно — ну что ж? Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бонтон и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (*В сторону.*) А он, однако ж, ничуть не горд; обо всем расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь. Ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо.

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно — не правда ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. (*Глядя в глаза ему, говорит про себя.*) А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы! (*Вслух.*) Какой странный со мною случай: в дороге совершенно издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Почтмейстер. Почему же? почту за величайшее счастье. Вот-с извольте. От души готов служить.

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему. Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. *(Встает, вытягивается и придерживает шпагу.)* Не смея долее беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Хлестаков. Нет, ничего.

Почтмейстер раскланивается и уходит.

Хлестаков *(раскуривая сигарку)*. Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек. По крайней мере услужлив, я люблю таких людей.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков и Лука Лукич, который почти выталкивается из дверей. Сзади его слышен голос почты вслух: “Чего робеешь?”

Лука Лукич *(вытягиваясь не без трепета и придерживая шпагу)*. Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим. Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку? *(Подает ему сигару.)*

Лука Лукич *(про себя в нерешимости)*. Вот тебе раз! Уж этого никак не предполагал. Брать или не брать?

Хлестаков. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я куривал сигарочки по 25 рублей сотенка, просто ручки потом себе поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите. *(Подносит ему свечу.)*

Лука Лукич пробует закурить и весь дрожит.

Да не с того конца.

Лука Лукич *(от страха выронил сигару, плюнул и, махнув рукою, про себя)*. Черт побери все! сгубила проклятая робость!

Хлестаков. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот еще насчет женского полу никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся: брюнетки или блондинки?

Лука Лукич находится в совершенном недоумении, что сказать.

Нет, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

Лука Лукич. Не смею знать.

Хлестаков. Нет, нет, не отговаривайтесь. Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Лука Лукич. Осмелюсь доложить... *(В сторону.)* Ну и сам не знаю, что говорю.

Хлестаков. А! а! не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую загвоздочку. Признайтесь, сделала?

Лука Лукич молчит.

А, а! покраснели. Видите, видите. Отчего ж вы не говорите?

Лука Лукич. Оробел, Ваше Бла... Преос... Сият... *(В сторону.)* Продал проклятый язык, продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах точно есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать; не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Лука Лукич *(хватается за карманы, про себя)*. Вот те штука, если нет! Есть, есть. *(Вынимает и подает, дрожа, ассигнации.)*

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич *(вытягиваясь и придерживая шпагу)*. Не смею долее беспокоить присутствием.

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич *(летит вон почти бегом и говорит в сторону)*. Ну, слава Богу! авось не заглянет в классы.

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков и Артемий Филиппович, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да, помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артеми́й Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я, признаюсь, это моя слабость: люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артеми́й Филиппович. Очень может быть. *(Помолчав.)* Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.)* Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был пред моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, если признаться пред вами, конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, — поведения самого предосудительного: здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть, и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... и нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артеми́й Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища. Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность. Он хуже, чем якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, эдак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? я все позабываю.

Артеми́й Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да, Земляника. И что ж, скажите, пожалуйста, есть у вас детки?

Артеми́й Филиппович. Как же-с, пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите: взрослых! а как они... как они того?..

Артеми́й Филиппович. То есть не изволите ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артеми́й Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать времени, определенного на священные обязанности... (*Раскланивается, с тем чтобы уйти.*)

Хлестаков (*проводжая*). Нет, ничего. Это все очень смешно, что вы говорили. Пожалуста и в другое тоже время... Я это очень люблю. (*Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.*) Эй вы! как вас? я все позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег займа рублей четыреста?

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Петр Иванов сын, Бобчинский.

Добчинский. Помещик Петр Иванов сын, Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали; что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава Богу! не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад... (*Вдруг и отрывисто.*) Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков (*громко и скоро*). Взаймы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется. Потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения.

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский (*шаря в карманах*). У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня всего 40 ассигнациями.

Добчинский (*смотря в бумажник*). Двадцать пять рублей всего.

Б о б ч и н с к и й. Да вы поищите-то получше, Петр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Д о б ч и н с к и й. Нет, право, и в прорехе нет.

Х л е с т а к о в. Ну все равно. Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей. Это все равно. *(Принимает деньги.)*

Д о б ч и н с к и й. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Х л е с т а к о в. А что это?

Д о б ч и н с к и й. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рожден мною еще до брака.

Х л е с т а к о в. Да?

Д о б ч и н с к и й. То есть оно так только говорится, а он рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и все это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтоб он теперь уже был совсем то есть законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Х л е с т а к о в. Хорошо, пусть называется, это можно.

Д о б ч и н с к и й. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчет способностей. Мальчишка-то этакой... большие надежды подает: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадет ножик, сейчас делает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Петр Иванович знает.

Б о б ч и н с к и й. Да, большие способности имеет.

Х л е с т а к о в. Хорошо, хорошо: я об этом постараюсь, я буду говорить... я надеюсь... все это будет сделано, да, да. *(Обращаясь к Бобчинскому.)* Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Б о б ч и н с к и й. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Х л е с т а к о в. А что, о чем?

Б о б ч и н с к и й. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, Ваше Сиятельство или Превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.

Х л е с т а к о в. Очень хорошо.

Б о б ч и н с к и й. Да если этак и Государю придется, то скажите и Государю, что вот, мол, Ваше Императорское Величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Х л е с т а к о в. Очень хорошо.

Д о б ч и н с к и й. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Б о б ч и н с к и й. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Х л е с т а к о в. Ничего, ничего. Мне очень приятно. *(Выпровождает их.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Х л е с т а к о в один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! напишу-ка я обо всем в Петербург к Тряпичкину. Он пописывает статейки. Пусть-ка он их общелкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

О с и п выглянул из дверей, произнесши: “Сейчас”.

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадет на зубок, — берегись, отца родного не пощадит для словца и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти хорошие люди: это с их стороны хорошая черта, что они мне дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста. Это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот... какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот!.. Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка теперь, капитан! ну-ка, попадись-ка ты мне теперь. Посмотрим, кто кого!

ЯВЛЕНИЕ IX

Х л е с т а к о в и О с и п, с чернилами и бумагою.

Х л е с т а к о в. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают! *(Начинает писать.)*

О с и п. Да, слава Богу! только знаете что, Иван Александрович?

Х л е с т а к о в *(пишет)*. А что?

О с и п. Уезжайте отсюда. Ей-богу, уже пора.

Х л е с т а к о в *(пишет)*. Вот вздор! зачем?

О с и п. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька, ну — и довольно. Что с ними долго связываться! Плюньте на них! не ровен час: какой-нибудь другой наедет. Ей-богу, Иван Александрович! а лошади тут славные: так бы закатали!..

Х л е с т а к о в *(пишет)*. Нет. Мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра.

О с и п. Да что завтра! Ей-богу, поедем, Иван Александрович. Оно хоть и большая тут честь вам, да все, знаете, лучше уехать ско-

рее... Ведь вас, право, за кого-то другого приняли, и батюшка будет гневаться за то, что так замешкались... так бы, право, закатали славно! а лошадей бы важных здесь дали.

Х л е с т а к о в (*пишет*). Ну хорошо. Отнеси только наперед это письмо, пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато смотри, чтобы лошади хорошие были. Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря, катили! и песни бы пели!.. (*Продолжает писать.*) Воображаю, Тряпичкин умрет со смеху...

О с и п. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтоб не прошло понапрасну время.

Х л е с т а к о в (*пишет*). Хорошо. Принеси только свечу.

О с и п (*выходит и говорит за сценой*). Эй, послушай, брат! отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег, да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит. Прогон, мол, скажи, казенной. Да чтоб все живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, еще письмо не готово.

Х л е с т а к о в (*продолжает писать*). Любопытно знать: где он теперь живет — в Почтамтской или Гороховой. Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры и не доплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую. (*Свертывает и надписывает.*)

Осип приносит свечу. Хлестаков печатает. В это время слышен голос Держиморды: “Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено впускать”.

Х л е с т а к о в (*дает Осипу письмо*). На, отнеси.

Г о л о с а к у п ц о в. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить. Мы за делом пришли.

Г о л о с Д е р ж и м о р д ы. Пошел, пошел! Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Х л е с т а к о в. Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

О с и п (*глядя в окно*). Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальной. Машут бумагами, верно, вас хотят видеть.

Х л е с т а к о в (*подходя к окну*). А что вы, любезные?

Г о л о с а к у п ц о в. К твоей милости прибегаем. Прикажи, государь, просьбу принять.

Х л е с т а к о в. Впустите их, впустите! пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут.

О с и п уходит.

Хлестаков (принимает из окна просьбы, разворачивает одну из них и читает). “Его высокоблагородному светлости господину финансову от купца Абдулина...” Черт знает что: и чина такого нет!

ЯВЛЕНИЕ X

Хлестаков и купцы, с кузовом вина и сахарными головами.

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьем вашей милости.

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не погуби, государь! обижательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да все от городничего здешнего. Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: “Ах ты татарин!” Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважали его; а то мы уж порядок всегда исполняем: чо следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего мало — ей, ей! Придет в лавку и, что ни попадет, все берет: сукна увидит штуку, говорит: “Э, милой, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мне”. Ну и несешь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается. Нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несешь.

Хлестаков. Да это просто разбойник.

Купцы. Ей, ей! А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целой полк на постой. А если что, велит запереть двери: “Я тебя не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селедки!”

Хлестаков. Ах какой мошенник! Да за это его просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его, все будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью. Кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот, если бы вы, например, предложили мне займы рублей 300, ну тогда совсем дело другое: займы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш. *(Вынимают деньги.)* Да что триста! уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте: займы — я ни слова: я возьму.

Купцы *(подносят ему на серебряном подносе деньги)*. Уж, пожалуста, и подносик вместе возьмите.

Хлестаков. Ну, и подносик можно.

Купцы *(кланяясь)*. Так уж возьмите за одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О, нет: я взяток никаких...

Осип. Ваше Высокоблагородие! зачем вы не берете? Возьмите! в дороге все пригодится. Давай сюда головы и кулек! подавай все! все пойдет впрок. Что там? веревочка? давай и веревочку! и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, Ваше Сиятельство. Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно. Я постараюсь.

Купцы уходят. Слышен голос женщины: "Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!"

Хлестаков. Кто там? *(Подходит к окну.)* А, что ты, матушка?

Голос двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! повели, государь, выслушать.

Хлестаков *(в окно)*. Пропустить ее.

ЯВЛЕНИЕ XI

Хлестаков, слесарша и унтерофицерша.

Слесарша *(кланяясь в ноги)*. Милости прошу!

Унтерофицерша. Милости прошу...

Хлестаков. Да что вы за женщина?

Унтерофицерша. Унтер-офицерская жена Иванова.

С л е с а р ш а. Слесарша, здешняя мещанка: Февронья Петрова Пошлепкина, отец мой.

Х л е с т а к о в. Стой, говори прежде одна. Что тебе нужно?

С л е с а р ш а. Милости прошу: на городничего челом бью! Пошли ему Бог всякое зло, чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни теткам его ни в чем никакого прибитку не было.

Х л е с т а к о в. А что?

С л е с а р ш а. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты, и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатой.

Х л е с т а к о в. Как же он мог это сделать?

С л е с а р ш а. Сделал, мошенник, сделал: побей Бог его и на том и на этом свете! чтобы ему, если и тетка есть, то и тетке всякая пакость, и отец, если жив у него, то чтоб и он, каналья, околел или поперхнулся навеки, мошенник такой. Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатой подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала к супруге полотна три штуки; так он ко мне: "На что, говорит, тебе муж, он уж тебе не годится". Да я-то знаю: годится или не годится; это мое дело, мошенник такой. "Он, говорит, вор: хоть он теперь и не украл, да все равно, говорит, он украдет, его и без того на следующий год возьмут в рекруты". Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! я слабый человек, подлец ты такой! чтоб всей родне твоей не довелось видеть света Божьего, и если есть теща, то чтоб и теще...

Х л е с т а к о в. Хорошо, хорошо. Ну а ты? *(Выпровождает старуху.)*

С л е с а р ш а *(уходя)*. Не позабудь, отец наш! будь милостив!

У н т е р - о ф и ц е р ш а. На городничего, батюшка, пришла...

Х л е с т а к о в. Ну да что, зачем? говори в коротких словах.

У н т е р - о ф и ц е р ш а. Высек, батюшка.

Х л е с т а к о в. Как?

У н т е р - о ф и ц е р ш а. По ошибке, отец мой. Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела, да и схвати меня. Да так отрапортовали: два дни сидеть не могла.

Х л е с т а к о в. Так что ж теперь делать?

У н т е р - о ф и ц е р ш а. Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штраф. Мне от своего счастья неча отказываться, а деньга бы мне теперь очень пригодилась.

Х л е с т а к о в. Хорошо, хорошо. Ступайте, ступайте. Я распоряжусь.

В окно высовываются руки с просьбами.

Да кто там еще? (*Подходит к окну.*) Не хочу, не хочу! не нужно, не нужно. (*Отходя.*) Надоели, черт возьми! не впускай, Осип!

О с и п (*кричит в окно*). Пошли, пошли! не время, завтра приходите!

Дверь открывается, и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, с небритой бородою, раздутою губою и перевязанною щекою. За ним в перспективе показывается несколько других.

Пошел, пошел! чего лезешь? (*Упирается ему руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков (*рисуетя*). Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который... Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маминька...

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков (*рисуетя*). А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать; никаким образом не можете; напротив того, вы можете принести удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? Но нет, вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно было идти. (*Села.*)

Хлестаков. Какой у вас прекрасной платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чем вы говорите: какой-то платочек... сегодня какая странная погода.

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы все эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, все, что хотите. Требуйте, какие стихи вам.

Марья Антоновна. Какие-нибудь эдакие: хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить, я и без того их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: "О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек..." Ну и другие... теперь не могу припомнить, впрочем, это все ничего. Я вам лучше вместо этого представляю мою любовь, которая от вашего взгляда... (*Придвигая стул.*)

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь. (*Отдвигает стул.*)

Хлестаков (*придвигая стул*). Отчего ж вы отдвигаете свой стул? нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна (*отдвигаясь*). Для чего ж близко; все равно и далеко.

Хлестаков (*придвигая*). Отчего ж далеко; все равно и близко.

Марья Антоновна (*отдвигается*). Да к чему ж это?

Хлестаков (*придвигаясь*). Да ведь это вам кажется только, что близко, а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна (*смотрит в окно*). Что это так, как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков (*целует ее в плечо и смотрит в окно*). Это сорока.

Марья Антоновна (*встает в негодовании*). Нет, это уж слишком... Наглость такая!..

Хлестаков (*удерживая ее*). Простите, сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку. (*Силится уйти.*)

Хлестаков (*продолжая удерживать ее*). Из любви, право, из любви. Я так только пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! я готов на коленках у вас просить прощения. (*Падает на колени.*) Простите же, простите. Вы видите, я на коленях.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна (*увидев Хлестакова на коленях*). Ах, какой пассаж!

Хлестаков (*вставая*). А, черт возьми!

Анна Андреевна (*дочери*). Это что значит, сударыня, это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маминька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь, прочь, прочь, и не смей показываться на глаза.

Марья Антоновна уходит в слезах.

Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление...

Хлестаков (*в сторону*). А она тоже очень аппетитна, очень недурна. (*Бросается на колени.*) Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях! Ах, встаньте, встаньте, здесь пол совсем нечист.

Хлестаков. Нет, на коленях, непременно на коленях, я хочу знать, что такое мне суждено: жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я еще не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию насчет моей дочери.

Хлестаков. Нет, я влюблен в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

Хлестаков. Это ничего. Для любви нет различия, и Карамзин сказал: "Законы осуждают". Мы удалимся под сень струй. Руки вашей, руки прошу.

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Марья Антоновна, вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маминька, папинька сказал, чтобы вы... (*Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.*) Ах, какой пассаж!

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за ветреность такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного! ну что тебе вздумалось? Право, как дитя какое-нибудь трехлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнее, когда ты будешь вести себя, как прилично благовоспитанной девице. Когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Марья Антоновна (*сквозь слезы*). Я, право, маминька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове, ты берешь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них, не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие: перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать.

Хлестаков (*схватывая за руку дочь*). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (*с изумлением*). Так вы в нее?..

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь, из-за тебя, эдакой дряни, гость изволил стоять на коленях, а ты вдруг вбежала как сумасшедшая. Ну вот, право, стоит, чтобы я нарочно отказала, ты недостойна такого счастья.

Марья Антоновна. Не буду, маминька, право, вперед не буду.

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и городничий впопыхах.

Городничий. Ваше Превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались Вашему Превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят.

Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша нагала вам, будто бы я ее высек. Она врет, ей-богу врет. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша. Мне не до нее.

Городничий. Не верьте, не верьте! это такие лгуны... им вот эдакой ребенок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчет мошенничества осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, Ваше Превосходительство, она немного с придурью, такова же была и мать ее.

Хлестаков. Да. Я точно прошу руки. Я влюблен.

Городничий. Не могу верить, Ваше Превосходительство.

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, недостойн такой чести.

Хлестаков. Да. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я черт знает что готов.

Городничий. Не могу верить: извольте шутить, Ваше Превосходительство.

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! ну когда тебе толкуют.

Городничий. Не могу верить.

Хлестаков. Отдайте, отдайте — я отчаянный человек, я решусь на все: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, Боже мой! Я ей-ей не виноват ни душою, ни телом. Не извольте гневаться! извольте поступать так, как вашей милости угодно! у меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким еще никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит Бог, а я не виноват.

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной.

Городничий (смотрит на них). Что за черт! в самом де-

ле! (*Протирает глаза.*) Целуются. Ах, батюшки, целуются! Точный жених! (*Вскрикивает, подпрыгивая от радости.*) Ай Антон! Ай Антон! ай городничий! Вона! как дело-то пошло!

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо... я сейчас.

Городничий. Как-с. Изволите ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть... Вы изволили сами намекнуть насчет, кажется, свадьбы.

Хлестаков. На одну минуту только... на один день к дяде, богатой старик, а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать... в надежде благополучного возвращения...

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя... нет, просто не могу выразить. Прощайте, душенька! (*Целует ее ручку.*)

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь; вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах.

Хлестаков. О нет, к чему это (*немного подумав*), а впрочем, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста; я не хочу воспользоваться вашей ошибкой — так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Сейчас! (*вынимает из бумажника*) еще, как нарочно, самыми новинькими бумажками.

Хлестаков. А, да (*берет и рассматривает ассигнации*), это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новинькими бумажками.

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Прощайте, Антон Антонович! очень обязан за ваше гостеприимство, мне нигде не было такого хорошего приема. Прощайте, Анна Андреевна, прощайте, моя душенька, Марья Антоновна.

За сценой.

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей, Марья Антоновна.

Голос городничего. Как же это вы? прямо так на перекладной и едете?

Голос Хлестакова. Да я привык уж так. У меня голова болит от рессор.

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Так по крайней мере чем-нибудь застлать; хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврик?

Голос Хлестакова. Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Голос городничего. Эй, Авдотья! ступай в кладовую: вынь ковер самый лучший, что по голубому полю, персидской, скорей!

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Когда же прикажете ожидать вас?

Голос Хлестакова. Завтра или послезавтра.

Голос Осипа. А, это ковер? давай его сюда, клади вот так! теперь давай-ко с этой стороны сена.

Голос ямщика. Тпр.

Голос Осипа. Вот с этой стороны! сюда! еще! хорошо. Славно будет! (*Бьет рукою по ковра.*) Теперь садитесь, Ваше Благородие!

Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович.

Голос городничего. Прощайте, Ваше Превосходительство.

Женские голоса. Прощайте, Иван Александрович.

Голос Хлестакова. Прощайте, маминька!

Голос ямщика. Эй, вы, залетные!

Колокольчик звенит. Занавесь опускается.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? думала ли ты что-нибудь об этом? экой богатой приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось — просто из какой-нибудь городничихи и вдруг, фу ты, канальство, с каким дьяволом породнилась!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек; никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна: какие мы с тобою теперь птички сделались! а, Анна Андреевна? высокого полета, черт побери! Постой же, теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы. Эй, кто там?

Входит квартальной.

А, это ты, Иван Карпович; призови-ко сюда, брат, купцов. Вот я их, каналий! Так жаловаться на меня! Вишь ты, проклятой иудейской народ. Постойте ж, голубчики! прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дескать, какую честь Бог послал городничему, что выдает дочь свою не то, чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого, что и на свете еще не было, что может все сделать, все, все, все! Всем объяви, что-

бы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, черт возьми! уж когда торжество, так торжество.

К в а р т а л ь н о й у х о д и т .

Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

А н н а А н д р е е в н а . Естественно, в Петербурге. Как можно здесь оставаться!

Г о р о д н и ч и й . Ну в Питере, так в Питере, а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь я думаю, уже городничество тогда к черту, а, Анна Андреевна?

А н н а А н д р е е в н а . Естественно, что за городничество!

Г о р о д н и ч и й . Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит; так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

А н н а А н д р е е в н а . Еще бы! конечно, можно.

Г о р о д н и ч и й . А, черт возьми, славно быть генералом! Кавалерию повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна? красную или голубую?

А н н а А н д р е е в н а . Уж конечно, голубую лучше.

Г о р о д н и ч и й . Э? вишь чего захотела! хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут, везде вперед: “Лошадей!” И там на станциях никому не дадут, все дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь: обедаешь где-нибудь у губернатора, а там: стой, городничий! Хе, хе, хе (заливается и помирает со смеху), вот что, канальство, заманчиво!

А н н а А н д р е е в н а . Тебе все такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то что какой-нибудь судья-собачник, с которым ты едешь травить зайцев, или Земляника; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские... только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое слово, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Г о р о д н и ч и й . Что ж? ведь слово не вредит.

А н н а А н д р е е в н а . Да хорошо, когда ты был городничим. А там ведь жизнь совершенно другая.

Г о р о д н и ч и й. Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть.

А н н а А н д р е е в н а. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и чтоб у меня в комнате такое было амбре, чтоб нельзя было войти и нужно бы только этак зажмурить глаза. (*Зажмуривает глаза и нюхает.*) Ах! как хорошо!

ЯВЛЕНИЕ II

Т е ж е и к у п ц ы.

Г о р о д н и ч и й. А! здорово, соколики!

К у п ц ы (*кланяясь*). Здравия желаем, батюшка!

Г о р о д н и ч и й. Что, голубчики, как поживаете? как товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувайлы мирские! жаловаться? Что? много взяли! вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

А н н а А н д р е е в н а. Ах, Боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь!

Г о р о д н и ч и й (*с неудовольствием*). А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я вас!.. у! обманываете народ. Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе еще награду за это? Да если б знали, так бы тебе... И брюхо сует вперед: он купец, его не тронь. "Мы, говорит, и дворянам не уступим". Да, дворянин... ах ты рожа! дворянин учится наукам: его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? начинаешь плутнями, тебя хозяин бьет за то, что не умеешь обманывать. Еще мальчишка, Отче наша не знаешь, а уж обмериваешь, а как разодмет тебе брюхо, да набьешь себе карман, так и заважничал! Фу ты какая невидаль! Оттого что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

К у п ц ы (*кланяясь*). Виноваты, Антон Антонович!

Г о р о д н и ч и й. Жаловаться? а кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода. Ты позабыл это. Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также спровадить в Сибирь, что скажешь? а?

Один из купцов. Богу виноваты, Антон Антонович. Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только!

Городничий. Не гневись! вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? оттого, что мое взяло, а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втоптал в самую грязь, еще бы и бревном сверху навалил.

Купцы (*кланяются в ноги*). Не погуби, Антон Антонович!

Городничий. Не погуби! теперь: не погуби! а прежде что? я бы вас... (*Махнув рукой.*) Ну да Бог простит! полно! Я не памятозобен; только теперь смотри, держи ухо востро! я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина. Чтоб поздравление было... понимаешь! не то чтоб отбояриться каким-нибудь бальчком или головою сахару... ну, ступай с Богом.

Купцы уходят.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Аммос Федорович, Артемий Филиппович, потом Растаковский.

Аммос Федорович (*еще в дверях*). Верить ли слухам, Антон Антонович! к вам привалило необыкновенное счастье.

Артемий Филиппович. Имею честь поздравить с необыкновенным счастьем. Я душевно обрадовался, когда услышал. (*Подходит к руке Анны Андреевны.*) Анна Андреевна! (*Подходя к руке Марьи Антоновны.*) Марья Антоновна!

Растаковский (*входит*). Антона Антоновича поздравляю, да продлит Бог жизнь вашу и новой четы и даст вам потомство многочисленное, внучат и правнучат, Анна Андреевна! (*Подходит к руке Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходит к руке Марьи Антоновны.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Коробкин с женою, Люлюков.

Коробкин. Имею честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! (*Подходит к руке Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходит к ее руке.*)

Жена Коробкина. Душевно вас поздравляю, Анна Андреевна, с новым счастьем.

Л ю л ю к о в. Имею честь поздравить, Анна Андреевна! (*Подходит к ручке и потом, обратившись к зрителям, щелкает языком с видом удальства.*) Марья Антоновна! имею честь поздравить. (*Подходит к ее ручке и обращается к зрителям с тем же удальством.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Множество гостей в сюртуках и фраках подходят сначала к ручке Анны Андреевны, говоря: “Анна Андреевна!”, потом к Марье Антоновне, говоря: “Марья Антоновна!” Бобчинский и Добчинский проталкиваются.

Б о б ч и н с к и й. Имею честь поздравить.

Д о б ч и н с к и й. Антон Антонович! имею честь поздравить.

Б о б ч и н с к и й. С благополучным происшествием!

Д о б ч и н с к и й. Анна Андреевна!

Б о б ч и н с к и й. Анна Андреевна!

Оба подходят в одно время и сталкиваются лбами.

Д о б ч и н с к и й. Марья Антоновна! (*Подходит к ручке.*) Честь имею поздравить. Вы будете в большом, в большом счастье, в золотом платье ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Б о б ч и н с к и й (*перебивая*). Марья Антоновна, имею честь поздравить! Дай Бог вам всякого богатства, червонцев и сынка-с эдакого маленького, вон ентакого-с (*показывает рукою*), чтоб можно было на ладоньку посадить. Да-с: все будет мальчишка кричать: уа! уа! уа!

ЯВЛЕНИЕ VI

Еще несколько гостей, подходящих к ручкам. Лука Лукич с женою.

Л у к а Л у к и ч. Имею честь...

Ж е н а Л у к и Л у к и ч а (*бежит вперед*). Поздравляю вас, Анна Андреевна!

Целуются.

А я так, право, обрадовалась; говорят мне: “Анна Андреевна выдает дочку”. “Ах, Боже мой!” — думаю себе, и так обрадовалась, что говорю мужу: “Послушай, Луканчик: вот какое счастье Анне Андре-

евне!” “Ну, — думаю себе, — слава Богу”, и говорю ему: “Я так восхищена, что сгораю нетерпением изъяснить лично Анне Андреевне...” “Ах, Боже мой, — думаю себе, — Анна Андреевна именно ожидала хорошей партии для своей дочери, а вот теперь такая судьба: именно так сделалось, как она хотела”, — и так, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вот просто рыдаю. Уже Лука Лукич говорит: “Отчего ты, Настинька, рыдаешь?” — “Луканчик, говорю, я и сама не знаю, слезы так вот рекой и льются”.

Г о р о д н и ч и й. Покорнейше прошу садиться, господа. Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульев.

Гости садятся.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, частный пристав и квартальные.

Ч а с т н ы й п р и с т а в. Имею честь поздравить вас, Ваше Высокоблагородие, и пожелать благоденствия на многие лета.

Г о р о д н и ч и й. Спасибо, спасибо. Прошу садиться, господа!

Гости усаживаются.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Но скажите, пожалуста, Антон Антонович, каким образом все это началось: постепенный ход всего дела.

Г о р о д н и ч и й. Ход дела чрезвычайный: изволил собственнолично сделать предложение.

А н н а А н д р е е в н а. Очень почтительным и самым тонким образом. Все чрезвычайно хорошо говорил; говорит: “Я, Анна Андреевна, из одного только уважения к вашим достоинствам”. И такой прекрасной, воспитанной человек, самых благороднейших правил. “Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь копейка; я только потому, что уважаю ваши редкие качества”.

М а р ь я А н т о н о в н а. Ах, маминька! ведь это он мне говорил.

А н н а А н д р е е в н а. Перестань, ты ничего не знаешь и не в свое дело не мешайся! “Я, Анна Андреевна, изумляюсь...” В таких лестных рассыпался слов... и когда я хотела сказать: “Мы никак не смеем надеяться на такую честь”, — он вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: “Анна Андреевна! не сделайте меня несчастнейшим! согласитесь отвечать моим чувствам, не то я смертью окончу жизнь свою”.

Марья Антоновна. Право, маминька, он обо мне это говорил.

Анна Андреевна. Да, конечно... и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

Городничий. И так даже напугал; говорил, что застрелится. "Застрелюсь, застрелюсь", — говорит.

Многие из гостей. Скажите пожалуйста.

Аммос Федорович. Экая штука!

Лука Лукич. Вот подлинно, судьба уж так вела.

Артемий Филиппович. Не судьба, батюшка, судьба индейка, заслуги привели к тому. (В сторону.) Этакой свинье лезет всегда в рот счастье.

Аммос Федорович. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Городничий. Нет: мне теперь не до кобельков.

Аммос Федорович. Ну, не хотите, на другой собаке сойдемся.

Жена Коробкина. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастью! вы не можете себе представить.

Коробкин. Где ж теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? я слышал, что он уехал зачем-то.

Городничий. Да, он отправился на один день по весьма важному делу.

Анна Андреевна. К своему дяде, чтоб испросить благословения.

Городничий. Испросить благословения; но завтра же... (Чихает.)

Поздравления сливаются в один гул.

Много благодарен! но завтра же и назад... (Чихает.)

Поздравительный гул. Слышнее других голоса:

Частного пристава. Здравия желаем, Ваше Высокоблагородие!

Бобчинского. Сто лет и куль червонцев!

Добчинского. Продли Боже на сорок сороков!

Артемия Филипповича. Чтоб ты пропал!

Жены Коробкина. Черт тебя побери!

Городничий. Покорнейше благодарю! И вам того ж желаю!

Анна Андреевна. Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь, признаюсь, такой воздух... деревенский уж слишком!.. признаюсь, большая неприятность... Вот и муж мой. Он там получит генеральский чин.

Городничий. Да, признаюсь, господа, я, черт возьми, очень хочу быть генералом.

Лука Лукич. И дай Бог получить.

Растаковский. От человека невозможно; а от Бога все возможно.

Аммос Федорович. Большому кораблю большое плаванье.

Артемий Филиппович. По заслугам и честь.

Аммос Федорович *(в сторону)*. Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, нет, до этого еще далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор еще не генералы.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Эка, черт возьми, уж и в генералы лезет. Чего доброго, может, и будет генералом. Ведь у него важности, лукавой не взял бы его, довольно. *(Обращаясь к нему.)* Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

Аммос Федорович. И если что случится: например, какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительством!

Коробкин. В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, заступите сиротке место отца.

Городничий. Я готов с своей стороны, готов стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно, и с какой стати себя обременять такими обещаниями?

Городничий. Почему ж, душа моя: иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да ведь не всякой же мелузге оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, как она трактует нас?

Гостья. Что ж, она такова всегда была; посади мужика за стол, он и под свято лезет...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и почтмейстер впопыхах и с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор. Я узнал это из письма.

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес, вижу: “в Почтамтскую улицу”. Я так и обомлел. “Ну, — думаю себе, — верно, нашел беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство”, — взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю, неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера, с тем чтобы отправить его с эштафетой, — но любопытство такое одолело, какого еще никогда не чувствовал. Не могу, не могу, слышу, что не могу, тянет, так вот и тянет. В одном ухе так вот и слышу: “Эй, не распечатывай, пропадешь, как курица”, а в другом словно бес какой шепчет: “Распечатай, распечатай! распечатай!” И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу мороз. И руки дрожат, и все помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он и не уполномоченный, и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни се ни то; черт знает что такое.

Городничий (*запальчиво*). Как ни се ни то? Как вы смеете назвать его ни тем ни сем, да еще и черт знает чем? Я вас под арест...

Почтмейстер. Кто? вы?

Городничий. Да, я.

Почтмейстер. Коротки руки.

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери? что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу.

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь, далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер (*читает*). “Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом

пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму, как вдруг по моей петербургской физиономии и по костюму весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую, волочусь напропало за его женой и дочкой, не решился только, с которой начать, думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги... Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали на широмыжку и как один раз, было, кондитор схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счет доходов аглицкого короля; теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки, помести их в свою литературу. Во-первых: городничий — глуп, как сивой мерин”.

Г о р о д н и ч и й. Не может быть! там нет этого.

П о ч т м е й с т е р (*показывает письмо*). Читайте сами!

Г о р о д н и ч и й (*читает*). “Как сивой мерин”. Не может быть, вы это сами написали.

П о ч т м е й с т е р. Как же бы я стал писать?

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Читайте!

Л у к а Л у к и ч. Читайте!

П о ч т м е й с т е р (*продолжая читать*). “Городничий глуп, как сивой мерин”.

Г о р о д н и ч и й. О, черт возьми! нужно еще повторять! как будто оно там и без того не стоит.

П о ч т м е й с т е р (*продолжая читать*). Хм, хм, хм, хм... “сивой мерин. Почтмейстер тоже доброй человек...” (*Оставляя читать*.) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Г о р о д н и ч и й. Нет, читайте!

П о ч т м е й с т е р. Да к чему ж?..

Г о р о д н и ч и й. Нет, черт возьми, когда уж читать, так читать. Читайте все!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Позвольте, я прочитаю. (*Надевает очки и читает*.) “Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец, пьет горькую”.

П о ч т м е й с т е р (*к зрителям*). Ну, скверной мальчишка, которого нужно посечь: больше ничего!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч (*продолжая читать*). “Надзиратель над богоугодным заведе... и... и...и...” (*Заикается*.)

К о р о б к и н. А что ж вы остановились?

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Да нечеткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *къ зрителямъ.*

Ну, скверной мальчишка, копураго нужно посъчь: больше нечего!

АРТЕМИЙ ФИЛИПОВИЧЪ, *продолжал читать.*

~~Кромѣ~~ того надзирашель надъ богоугоднымъ заведе^{нн}~~нн~~~~нн~~и... и... и... (*запикается*).

КОРОВКИНЪ.

А чпо жъ вы остановились?

АРТЕМИЙ ФИЛИПОВИЧЪ.

Да печеткое перо... впрочемъ видно, чшо негодий.

КОРОВКИНЪ,

Дайте мнѣ! вопъ у меня, я думаю, получше глаза (*бѣретъ письмо*).

АРТЕМИЙ ФИЛИПОВИЧЪ, *недалвал письма.*

Нѣтъ, эшо мѣсто можно пропустишь, а тамъ дальше разборчиво.

КОРОВКИНЪ.

Да, позволъне ужъ я знаю.

АРТЕМИЙ ФИЛИПОВИЧЪ.

Прочитать я и самъ прочитано, даѣе право все разборчиво.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

“Ревизор”. Страница первого издания (1836) с авторской правкой 1842 г.
Российская государственная библиотека. Москва

К о р о б к и н. Дайте мне! вот у меня, я думаю, получше глаза.
(*Берет письмо.*)

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч (*не давая письма*). Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

К о р о б к и н. Да позвольте, уж я знаю.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Прочитать я и сам прочитаю, далее, право, все разборчиво.

П о ч т м е й с т е р. Нет, все читайте! ведь прежде все читано.

В с е. Отдайте, Артемий Филиппович! отдайте письмо. (*Коробкину.*) Читайте!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Сейчас. (*Отдает письмо.*) Вот позвольте. (*Закрывает пальцем.*) Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

П о ч т м е й с т е р. Читайте! Читайте! вздор, все читайте.

К о р о б к и н (*читая*). “Надзиратель за богоугодным заведением Земляника: совершенная свинья в ермолке”.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч (*к зрителям*). И неостроумно! свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?

К о р о б к и н (*продолжая читать*). “Смотритель училищ протухнул насквозь луком”.

Л у к а Л у к и ч (*к зрителям*). Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

А м м о с Ф е д о р о в и ч (*в сторону*). Слава Богу, хоть по крайней мере обо мне нет.

К о р о б к и н (*читает*). “Судья...”

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Вот тебе на! (*Вслух.*) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и черт ли в нем: дрянь этакую читать.

Л у к а Л у к и ч. Нет!

П о ч т м е й с т е р. Нет, читайте!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Нет уж, читайте!

К о р о б к и н (*продолжает*). “Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон...” (*Останавливается.*) Должно быть, французское слово.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. А черт его знает, что оно значит! Еще хорошо, если только мошенник, а может быть, и того еще хуже.

К о р о б к и н (*продолжая читать*). “А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам по при меру твоему хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить, хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно нужно чем-нибудь высо-

ким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. *(Переворачивает письмо и читает адрес.)* Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в С.-Петербург, в Почтамтскую улицу, в доме под № 97, поворота на двор, в 3 этаже, направо”.

О д н а и з д а м. Какой реприманд неожиданный!

Г о р о д н и ч и й. Вот когда зарезал, так зарезал! убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рылы, вместо лиц; а больше ничего... Воротить, воротить его! *(Машет рукою.)*

П о ч т м е й с т е р. Куды воротить! я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку, черт угораздил дать и впредь предписание.

Ж е н а К о р о б к и н а. Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Однако ж, черт возьми, господа! он у меня взял триста рублей займа.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. У меня тоже триста рублей.

П о ч т м е й с т е р *(вздыхает)*. Ох! и у меня триста рублей.

Б о б ч и н с к и й. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с. Да-с.

А м м о с Ф е д о р о в и ч *(в недоумении расставляет руки)*. Как же это, господа? как это в самом деле мы так оплошали!

Г о р о д н и ч и й *(бьет себя по лбу)*. Как я? нет, как я, старый дурак! выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести, мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду, трех губернаторов обманул!.. что губернаторов! *(Махнув рукою.)* Нечего и говорить про губернаторов...

А н н а А н д р е е в н а. Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машинькой...

Г о р о д н и ч и й *(в сердцах)*. Обручился! кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обрученьем!.. *(В исступлении.)* Вот смотрите, смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! *(Грозит самому себе кулаком.)* Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесет по всему свету историю. Мало того что пойдешь в посмешище — найдется щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно: чина, званья не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеетесь? над собою смеетесь!.. Эх вы!.. *(Стучит со злости ногами об пол.)* Я бы всех этих бумагомарак! у!

шелкоперы, либералы проклятые! чертово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех да черту в подкладку! в шапку туды ему!.. (Сует кулаком и бьет каблуком в пол. После некоторого молчанья.) До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе похожего на ревизора? Ничего не было. Вот просто ни на полмизинца не было похожего, и вдруг все: ревизор! ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч (расставив руки). Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, черт попутал.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Да кто выпустил? вот кто выпустил: эти молодцы! (Показывает на Добчинского и Бобчинского.)

Б о б ч и н с к и й. Ей-ей, не я, и не думал...

Д о б ч и н с к и й. Я ничего, совсем ничего...

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Конечно, вы.

Л у к а Л у к и ч. Разумеется. Прибежали как сумасшедшие из трактира: "Приехал, приехал и денег не плотит..." Нашли важную птицу!

Г о р о д н и ч и й. Естественно, вы! сплетники городские, луны проклятые!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Чтоб вас черт побрал с вашим ревизором и рассказами.

Г о р о д н и ч и й. Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые, сплетни сеете, сороки короткохвостые.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Пачкуны проклятые!

Л у к а Л у к и ч. Колпаки!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

Б о б ч и н с к и й. Ей-богу, это не я, это Петр Иванович.

Д о б ч и н с к и й. Э, нет, Петр Иванович, вы ведь первые того...

Б о б ч и н с к и й. А вот и нет, первые-то были вы.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по Именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесенные слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменивши положенье, остается в окаменении.

Немая сцена

Городничий посередине в виде столпа с распростертыми руками и закинутою назад головою. По правую сторону его: жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выраженьем лица, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший несколько голову набок, как будто к чему-то прислушивающийся. За ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнести: "Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!" За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего; за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движеньями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавесь опускается.

Конец

**Приложения
к комедии “Ревизор”**

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА, ПИСАННОГО АВТОРОМ ВСКОРЕ ПОСЛЕ ПЕРВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ “РЕВИЗОРА” К ОДНОМУ ЛИТЕРАТОРУ

...“Ревизор” сыгран — и у меня на душе так смутно, так странно... Я ожидал, я знал наперед, как пойдет дело, и при всем том чувство грустное и досадно-тягостное облегло меня. Мое же создание мне показалось противно, дико и как будто вовсе не мое. Главная роль пропала; так я и думал. Дюр ни на волос не понял, что такое Хлестаков. Хлестаков сделался чем-то вроде Альнаскарова, чем-то вроде целой шеренги водевильных шалунов, которые пожаловали к нам повертеться из парижских театров. Он сделался просто обыкновенный враль, бледное лицо, в продолжение двух столетий являющееся в одном и том же костюме. Неужели в самом деле не видно из самой роли, что такое Хлестаков? Или мною овладела довременно слепая гордость, и силы мои совладеть с этим характером были так слабы, что даже и тени, и намека в нем не осталось для актера? А мне он казался ясным. Хлестаков вовсе не надувает; он не лгун по ремеслу; он сам позабывает, что лжет, и уже сам почти верит тому, что говорит. Он развернулся, он в духе, видит, что все идет хорошо, его слушают, и по тому одному он говорит плавнее, развязнее, говорит от души, говорит совершенно откровенно и, говоря ложь, выказывает именно в ней себя таким, как есть. Вообще у нас актеры совсем не умеют лгать. Они воображают, что лгать значит просто нести болтовню. Лгать значит говорить ложь тоном так близким к истине, так естественно, так навивно, как можно только говорить одну истину; — и здесь-то заключается именно все комическое лжи. Я почти уверен, что Хлестаков более бы выиграл, если бы я назначил эту роль одному из самых талантливых актеров и сказал бы ему только, что Хлестаков есть человек ловкий, светский, совершенный *comme il faut*, умный и даже, пожалуй, добродетельный, и что ему остается представить его именно таким. Хлестаков лжет вовсе не холодно или фанфаронски-театраль-

но, он лжет с чувством, в глазах его выражается наслаждение, получаемое им от этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута в его жизни — почти род вдохновения. И хоть бы что-нибудь из этого было выражено! Никакого тоже характера, т.е. лица, т.е. видимой наружности, т.е. физиономии, решительно не дано было бедному Хлестакову. Конечно, несравненно легче карикатурить старых чиновников, в поношенных вицмундирах с потертыми воротниками; но схватить те черты, которые довольно благовидны и не выходят острыми углами из обыкновенного светского круга, — дело мастера сильного. У Хлестакова ничего не должно быть означено резко. Он принадлежит к тому кругу, который, по-видимому, ничем не отличается от прочих молодых людей. Он даже хорошо иногда держится, даже говорит иногда с весом, и только в случаях, где требуется или присутствие духа, или характер, выказывается его отчасти подлинная, ничтожная натура. Черты роли какого-нибудь городничего более неподвижны и ясны. Его уже обозначает резко собственная, неизменяемая, черствая наружность и отчасти на себе уже утверждает часть его характера. Черты роли Хлестакова слишком подвижны, более тонки и потому труднее уловимы. Что такое, если разобрать в самом деле, Хлестаков? Молодой человек, чиновник, и пустой, как называют, но заключает в себе много тех качеств, которые имеют в себе люди, которых свет не называет пустыми. Выставить эти качества в людях, которые не лишены, между прочим, многих хороших достоинств, было бы грехом со стороны писателя, ибо он тем поднял бы их на всеобщий смех. Лучше пусть всякий отыщет частицу себя в этой роли и в то же время осмотрится вокруг без боязни и страха, чтобы не указал кто-нибудь на него пальцем и не назвал бы его по имени. Словом, это лицо должно быть тип многого разбросанного в разных русских характерах, но которое здесь соединилось случайно в одном лице, как весьма часто попадает и в натуре. Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым, натурально, в этом не хочет только признаться; он любит даже и посмеяться над этим фактом, но только, конечно, в коже другого, а не в собственной. И ловкий гвардейский офицер окажется иногда Хлестаковым, и государственный муж окажется иногда Хлестаковым, и наш брат, грешный литератор, окажется подчас Хлестаковым. Словом, редко кто им не будет хоть раз в жизни, дело только в том, что вслед за тем очень ловко повернется, и как будто бы и не он.

Итак, неужели в моем Хлестакове не видно ничего этого? Неужели он просто бледное лицо? а я в порыве минутно-горделивого

расположения думал, что когда-нибудь актер обширного таланта возблагодарит меня за совокупление в одном лице толиких разнородных движений, дадущих ему возможность вдруг показать все разнообразные стороны своего таланта. И вот Хлестаков вышел детская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно.

С самого начала представления пьесы я уже сидел в театре скучный. Об восторге и приеме публики я не заботился. Одного только судьи из всех, бывших в театре, я боялся — и этот судья был я сам. Внутри себя я слышал упреки и ропот против моей же пьесы, которые заглушали все другие. А публика вообще была довольна. Половина (ее) приняла пьесу даже с участием, другая половина, как водится, ее бранила по причинам, однако ж, не относящимся к искусству. Каким образом бранила, мы об этом поговорим при первом свидании с Вами: тут есть много поучительного и немало смешного. Я даже кое-что записал; но это в сторону. Вообще с публикою, кажется, совершенно примирил “Ревизора” городничий. В этом я был уверен и прежде, ибо для таланта, каков у Сосницкого, ничего не могло остаться необъясненным в этой роли. Я рад, по крайней мере, что доставил ему возможность выказать во всей ширине талант свой, об котором уже начинали отзываться равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, награждаемыми так щедро рукоплесканиями во вседневных водевилях и прочих забавных пьесах. На слугу я тоже надеялся, потому что заметил в актере большое внимание к словам и замечательность. Зато оба наши приятели Бобчинский и Добчинский вышли сверх ожидания дурны. Хотя я и думал, что они будут дурны, ибо, создавая этих двух маленьких человечков, я воображал в их коже Щепкина и Рязанцева, но все-таки я думал, что их наружность и положение, в котором они находятся, их как-нибудь вынесет и не так обкарикатурит. Сделалось напротив: вышла именно карикатура. Уже пред началом представления, увидевши их костюмированными, я ахнул. Эти два человечка, в существе своем довольно опрятные, толстинькие, с прилично приглаженными волосами, очутились в каких-то нескладных, превысоких седых париках, всклокоченные, неопрятные, взъерошенные, с выдернутыми огромными манишками; а на сцене они оказались до такой степени кривляками, что просто было невыносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и бессовестно карикатурна. Я как будто бы предчувствовал это, когда просил, чтобы сделать хоть одну репетицию в костюмах, но мне стали говорить, что это вовсе не нужно и не в обычае и что актеры уж знают свое дело. Заметивши, что цены словам моим давали немного, я ос-

тавил их в покое. Еще раз повторяю: тоска, тоска. Не знаю сам, отчего одолевает меня тоска.

Во время представления я заметил, что начало четвертого акта холодно; кажется, как будто течение пьесы, дотоле плавное, здесь прервалось или влечется лениво. Мне, признаюсь, еще во время чтения сведущий и опытный актер сделал замечание, что не так ловко, что Хлестаков начинает первый просить денег взаймы, и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замечание довольно тонкое, имеющее свои справедливые стороны, я, однако же, не видел причины, почему Хлестаков, будучи Хлестаковым, не мог попросить первый. Но замечание было сделано, стало быть, сказал я сам в себе, я плохо выполнил эту сцену, и точно, теперь во время представления я увидел ясно, что начало четвертого акта бледно и носит признак какой-то усталости. Возвратившись домой, я тот же час принялся за переделку. Теперь, кажется, вышло немного сильнее, по крайней мере естественнее и более идет к делу. Но у меня нет сил хлопотать о включении этого отрывка в пьесу. Я устал; и как вспомню, что для этого нужно ездить, просить и кланяться, то Бог с ним; пусть лучше при втором издании или возобновлении "Ревизора".

Еще слово о последней сцене. Она совершенно не вышла. Занавес закрывается в какую-то смутную минуту, и пьеса кажется как будто не кончена. Но я не виноват. Меня не хотели слушать. Я и теперь говорю, что последняя сцена не будет иметь успеха до тех пор, пока не поймут, что это просто немая картина, что все это должно представлять одну окаменевшую группу, что здесь оканчивается драма и сменяет ее онемевшая мимика, что две-три минуты должна не опускаться занавесь, что совершиться все это должно в тех же условиях, каких требуют так называемые *живые картины*. Но мне отвечали, что это свяжет актеров, что группу нужно будет тогда поручить балетмейстеру, что несколько даже унижительно для актера, и пр., и пр., и пр. Много еще других *прочих* увидел я на минах, которые были досаднее словесных. Несмотря на все эти *прочие*, я стою на своем и сто раз говорю: нет. Это не свяжет нимало, это не унижительно; пусть даже балетмейстер сочинит и составит группу, если только он в силах почувствовать настоящее положение всякого лица. Таланта не остановят ему указанные границы, как не остановят реку гранитные берега: напротив, вошедши в них, она быстрее и полнее движет свои волны. И в данной ему позе чувствующий актер может выразить все. На лицо его здесь никто не положил оков. Размещена только одна группировка, но лицо его свободно выразить всякое движение. И в этом онемении разнообразия для него бездна. Испуг каждого из дей-

ствующиx лиц не похож один на другого, как не похожи их характеры и степень боязни и страха, вследствие великости наделанных каждым грехов. Иным образом остается поражен городничий; иным образом поражены жена и дочь его. Особенным образом испугается судья; особенным образом попечитель, почтмейстер, и пр., и пр. Особенным образом останутся пораженными Бобчинский и Добчинский, и здесь не изменившие себе и обратившиеся друг к другу с онемевшим на губах вопросом. Одни только гости могут остолбенеть одинаким образом, но они даль в картине, которая очерчивается одним взмахом кисти и покрывается одним колоритом. Словом, каждый мимически продолжит свою роль, и, несмотря на то, что, по-видимому, покори́л себя балетмейстеру, может всегда остаться высоким актером. Но у меня недостает больше сил хлопотать и спорить. Я устал и душою и телом. Клянусь, никто не знает и не слышит моих страданий. Б(ог) с ними со всеми. Мне опротивела моя пьеса. Я хотел бы убежать теперь Бог знает куда, и предстоящее мне пу(тешес)твие, паром, море и другие далекие небеса могут одни только освежить меня. Я жажду их, как Бог знает чего. (Ради Бог)а, приезжайте скорее. Я не поеду, не простившись с Вами. Мне еще нужно много сказать Вам того, что не в (силах ска)зать несносное холодное письмо...

1836-го г. Мая 25-го. С. Петербург.

ДВЕ СЦЕНЫ, ВЫКЛЮЧЕННЫЕ КАК ЗАМЕДЛЯВШИЕ ТЕЧЕНИЕ ПИЕСЫ

I

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Но я не знаю, маминька, отчего вам кажется, что у вас лучше всего глаза...

Анна Андреевна. Вздор тебе кажется. Ты глупости, сударыня, толкуешь. Когда жила у нас полковница, которая уж такая была модница, какой я именно не знаю, выписывала все платье из Москвы; бывало, мне несколько раз повторяет: "Сделайте милость, Анна Андреевна, откройте мне эту тайну, отчего ваши глаза просто говорят..." И все, бывало, в один голос: "С вами, Анна Андреевна, довольно побыть минуту, чтобы от вашей любезности позабыть все обстоятельства", а стоявший в это время штаб-ротмистр Ставрокопытов... Он, не помню, проживал за ремонтом что ли. Красавец! Лицо свежее, румянец, как я не знаю что, глаза черные-черные, а воротнички рубашки его — это батист такой, какого никогда еще купцы наши не подносили нам. Он мне несколько раз говорил: "Клянусь вам, Анна Андреевна, что не только не видал, не начитывал даже таких глаз; я не знаю, что со мною делается, когда гляжу на вас..." На мне еще тогда была тюлевая пелеринка, вышитая виноградными листьями с колосками и вся обложенная блондочкою тонкою — не больше как в палец, — это просто было обворожение! Так говорит, бывало: "Я, Анна Андреевна, такое чувствую удовольствие, когда гляжу на вас, что мое сердце", — говорит... я уж не могу теперь припомнить, что он мне говорил. Куды ж! он после того такую поднял историю, хотел непременно застрелиться; да как-то пистолеты куда-то запропастились; а случись пистолеты, его бы давно уже не было на свете.

Марья Антоновна. Я не знаю, маминька; мне, однако ж, кажется, что у вас нижняя часть лица гораздо лучше, нежели глаза.

Анна Андреевна. Никогда, никогда. Вот этого уже нельзя сказать. Что вздор, то вздор.

Марья Антоновна. Нет, право, маминька; когда вы эдак говорите или сидите в профили, у вас губы все...

Анна Андреевна. Пожалуста, не толкуй пустяков! Такая, право, несносная! Чтобы она как-нибудь не поспорила... Боже сохрани! Вот, что у матери ее хорошие глаза, так уж ей и завидно. За этими спорами, за вздорами я заболталась с тобой. А тут того и гляди, что он приедет и застанет нас одетыми Бог знает как. (*Поспешно уходит; за ней Марья Антоновна.*)

II

Хлестаков и Растаковский, в екатерининском мундире с эксельбантом.

Растаковский. Имею честь рекомендоваться — житель здешнего города. Помещик, отставной секунд-майор Растаковский.

Хлестаков. А, прошу покорнейше садиться; очень рад. Я очень хорошо знаком с вашим начальником.

Растаковский (*сел*). А, так вы изволили знать Задунайского?

Хлестаков. Какого Задунайского?

Растаковский. Графа Румянцева-Задунайского, Петра Александровича: ведь это мой бывший начальник.

Хлестаков. Да... так вы служили уже давно?..

Растаковский. Находился во время осады под Силистрией, в 773 году. Очень жаркое было дело. Турок был вот так, как этот стол, перед нами. Я был тогда сержантом, а секунд-майор был в нашем полку — не изволите ли вы знать: Гвоздев, Петр Васильевич.

Хлестаков. Гвоздев? какой это?

Растаковский. Петр Васильевич. Он был по Высочайшему повелению покойной Императрицы переведен потом в драгуны.

Хлестаков. Нет, не знаю.

Растаковский. Я так и полагал, что вы не знаете, потому что уж более тридцати лет, как он умер. Вот здесь недалеко, верстах в двадцати от города, осталась его внучка, что вышла замуж за Ивана Васильевича Рогатку.

Хлестаков. За Рогатку? Скажите! Я этого совсем не полагал.

Растаковский. Да-сс. Рогатка. Иван Васильевич. — Так турок стоял перед нами, вот так, как бы этот стол. Зима и снег, и смятица была такая, как в том году, когда француз подступал под Москву. В нашем полку был тоже секунд-майором Фухтель-Кнабе, немец. Звали его Сихфрид Иванович; но генерал-аншеф тогдашний, Потемкин, велел переименовать: “Ты, говорит, не Сихфрид, а Суп, так будь ты Супом Ивановичем”, и с той поры так и осталось ему имя Суп Иванович. Так этот Суп Иванович и секунд-майор Гвоздев, о котором я говорил, были посланы за фуражом. К ним был прикомандирован я и еще квартирмейстер, если изволите знать — Трепакин, Автоном Павлович: он также, я думаю, уже будет лет двадцать пять, как умер.

Хлестаков. Трепакин, нет, не знаю. А вот я хотел бы попросить у вас...

Растаковский *(не слушая)*. Видной мужчина, русой волос, золотой эксельбант. Ловко танцевал польской. Хлопнет, бывало, рукою и отобьет пару у самого полковника, и как только девушки... хе, хе, хе... У нас бывали тогда палатки, и как только заглянешь к нему в палатку... хе, хе, хе... там уж сидит, и наутро денщик выводит, как будто драгуна, в треугольной шляпе... хе, хе, хе... и портупея висит, хе, хе, хе...

Хлестаков. Да, эта подобная история с моим знакомым, одним чиновником, который очень выгодно служит. Сидит он в халате, закурил трубку; вдруг к нему приходит один мой тоже приятель, гвардеец, кавалергардского полку, и говорит... *(Остановливается и смотрит между тем пристально в глаза Растаковскому.)* Послушайте, однако ж, не можете ли вы мне дать сколько-нибудь взаимны денег? Я в дороге истратился.

Растаковский. Да кто это просил денег, чиновник у гвардейца или гвардеец у чиновника?

Хлестаков. Нет: это я прошу у вас; видите, чтоб после как-нибудь не позабыть, так лучше теперь.

Растаковский. Так это вам нужны деньги; как странно, я думал, что гвардеец при анекдоте-то попросил. Как в разговоре-то иногда случается! Так вам нужны деньги. А я, признаюсь, с своей стороны пришел беспокоить преубедительнейшею просьбою.

Хлестаков. А что, о чем?

Р а с т а к о в с к и й. Должен получить прибавочного пенсионера, так я просил бы, чтобы замолвили там сенаторам или кому другому.

Х л е с т а к о в. Извольте, извольте.

Р а с т а к о в с к и й. Я сам подавал просьбу, да только, может, не туда, куда следует.

Х л е с т а к о в. А как давно вы подавали просьбу?

Р а с т а к о в с к и й. Да если сказать правду, не так и давно — в 1801 году; да вот уж тридцать лет нет никакой резолюции. Я послал чрез Сосулькина, Ивана Петровича, который ехал тогда в Петербург; да он-то не слишком надежный человек. Так статья может, что просьбу отнес-та не туды, куды следует. А оно, правда, уже немного и ждать остается: тридцать лет прошло, стало быть, теперь скоро дело решится.

Х л е с т а к о в. Да, натурально, теперь решат скоро; а, впрочем, я тоже с своей стороны... Хорошо, хорошо.

**Позднейшие приложения
к “Ревизору”**

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Почти все наши русские литераторы жертвовали чем-нибудь от трудов своих в пользу неимущих: одни издавали с этой целью сами книги, другие не отказывались участвовать в изданиях, собираемых из общих трудов, третьи, наконец, составляли нарочно для того публичные чтения; один я отстал от прочих. Желая хотя поздно загладить свой проступок, назначаю в пользу неимущих четвертое и пятое издание “Ревизора”, ныне напечатанные в одно и то же время в Москве и в Петербурге с присовокуплением новой, неизвестной публике пьесы: “Развязка Ревизора”. По разным причинам и обстоятельствам пьеса эта не могла быть доселе издана и в первый раз помещается здесь. Деньги, выручаемые за оба эти издания, назначаются только в пользу тех неимущих, которые, находясь на самых незаметных и маленьких местах, получают самое небольшое жалованье и этим небольшим жалованьем, едва достаточным на собственное прокормление, должны помогать, а иногда даже и содержать еще беднейших себя родственников своих, словом, в пользу тех, которым досталась горькая доля тянуть двойную тягость жизни. А потому прошу всех моих читателей, которые сделали уже начало добродетельному делу покупкой этой книги, сделать ему и доброе продолжение. А именно: собирать по возможности и по мере досуга сведения обо всех наиболее нуждающихся как в Москве, так и в Петербурге, не пренебрегая скучным делом входить самому лично в их трудные обстоятельства и доставлять все таковые сведения тем, на которых возложена раздача вспомоществований. — Много происходит вокруг нас страданий, нам неизвестных. Часто в одном и том же месте, в одной и той же улице, в одном и том же с нами доме изнывает человек, сокрушенный весь тяжким игом нужды и ею порожденного сурового внутреннего горя, которого вся участь, может быть, зависела от одного нашего пристального на него взгляда, — но взгляда на него мы не обратили; беспечно и беззаботно продолжаем жизнь

свою, почти равнодушно слышим о том, что такой-то, живший с нами рядом, погибнул, не подозревая того, что причиной этой гибели было именно то, что мы не дали себе труда пристально взглянуть на него. Ради самого Христа, умоляю не пренебрегать разговорами с теми, которые молчаливы и неразговорчивы, которые скорбят тихо, претерпевают тихо и умирают тихо, — так что даже редко и по смерти их узнается, что они умерли от невыносимого бремени своего горя. Всех же тех моих читателей, которые, будучи заняты обязанностями и должностями высшими и важнейшими, не имеют чрез то досуга входить непосредственно в положения бедных, прошу не оставить посильным денежным вспоможен(ьем), препровождая его к одному из раздавателей таких вспомоществований, которых имена и адреса приложены в конце сего предуведомленья. Считаю обязанностью при этом уведомить, что избраны мною для этого дела те из мною знаемых лично людей, которые, не будучи озабочены излишне собственными хлопотами и обязанностями, лишаящими нужного досуга для подобных занятий, влекутся сверх того собственной душевной потребностью помогать другому и которые взялись радостно за это трудное дело, несмотря на то что оно отнимет от них множество приятных удовольствий светских, которыми неохотно жертвует человек. А потому всяк из дающих может быть уверен, что помощь, ими произведенная, будет произведена с рассмотрением: не бросится из нее и копейка напрасно. Не помогут они по тех пор человеку, пока не узнают его близко, не взвесят всех обстоятельств, его окружающих, и не получают таким образом вразумленья полного, каким советом и напутствием сопроводить поданную ему помощь. В тех же случаях, где страждущий сам виной тяжелой участи своей и в дело его бедствия замешалось дело его собственной совести, помощь произведут они не иначе, как через руки опытных священников и вообще таких духовников, которые не в первый раз имели дело с душой и совестью человека. Хорошо, если бы всяк из тех, которые будут собирать сведения о бедных, взял на себя труд изъясняться об этом с раздавателями сумм лично, а не посредством переписки: в разговорах объясняются легко все те недоразумения, которые всегда остаются в письмах. Всяк может усмотреть сам уже по роду самого дела, к кому из означенных лиц ему будет приличней, ловче и лучше обратиться, принимая в соображение и то, в каком деле особенно нужно сострадательное участие женщины, а в каком твердое, братски подкрепляющее слово мужа. Лучше, если для таких переговоров будет назначен раз навсегда один определенный час, хотя, положим, от 11 до 12, который для большинства людей

есть удобнейший; если ж кому он и неудобен, то все-таки, пришедши в этот час, можно получить осведомление о другом, удобнейшем.

Имена и места жительств лиц, принявших на себя раздачу вспомоществований.

В Москве.

Авдотья Петров⟨на⟩ Елагина,
живет в такой-то улице.

Екатер⟨ина⟩ Ал⟨ександровна⟩
Свербеева.

Вера Сергеевна Аксакова.

Алексей Степан⟨ович⟩

Хомяков.

Василий Алек⟨сеевич⟩

Панов.

Николай Филип⟨пович⟩

Павлов.

Петр Васильеви⟨ч⟩ Киреевский.

В Петербурге.

Кн. Ольга Степ⟨ановна⟩

Одоевская,

живет в такой-то ул⟨ице⟩.

Графиня Анна Мих⟨айловна⟩

Вьельгорская.

~~~~~ Дашкова.

Аркадий Осипович Россети.

Юрий Федор⟨ович⟩ Самарин.

Владим⟨ир⟩ Алексеевич

Муханов.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ДЛЯ ТЕХ, КОТОРЫЕ ПОЖЕЛАЛИ БЫ СЫГРАТЬ КАК СЛЕДУЕТ “РЕВИЗОРА”

(1. НАЧАЛО ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ)

Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть в карикатуру. Ничего не должно быть преувеличенного или тривиального даже в последних ролях. Напротив, нужно особенно стараться актеру быть скромней, проще и как бы благородней, чем как в самом деле есть то лицо, которое представляется. Чем меньше будет думать актер о том, чтобы смешить и быть смешным, тем более обнаружится смешное взятой им роли. Смешное обнаружится само собою именно в той сурьезности, с какою занято своим делом каждое из лиц, выводимых в комедии. Все они заняты хлопотливо, суетливо, даже жарко своим делом, как бы важнейшею задачею своей жизни. Зрителю только со стороны виден пустяк их заботы. Но сами они совсем не шутят и уж никак не думают о том, что над ними кто-нибудь смеется. Умный актер, прежде чем схватить мелкие причуды и мелкие особенности внешние доставшегося ему лица, должен стараться поймать *обще(че)человеческое* выражение роли. Должен рассмотреть, зачем призвана эта роль, должен рассмотреть главную и преимуществе(нную) заботу каждого лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляет постоянный предмет мыслей, вечный гвоздь, сидящий в голове. — Поймавши эту главную заботу выведенного лица, актер должен в такой силе исполниться ею сам, (чтобы) мысли и стремления взятого им лица и как бы усвоились ему самому и пребывали бы в голове его неотлучно во все время представления пьесы. О частных сценах и мелочах он не должен много заботиться. Они выйдут само собою удачно и ловко, если только он не выбросит ни на минуту из головы этого гвоздя, которой засел в голову его героя. Все эти частности и разные мелкие принадлежно-

сти, которыми так счастливо умеет пользоваться даже и такой актер, который умеет дразнить и схватывать походку и движение, но не создавать целиком роли, суть не более как краски, которые нужно класть уже тогда, когда рисунок сочинен и сделан верно. Они — платье и тело роли, а не душа ее. Итак, прежде следует схватить именно эту душу роли, а не платье ее.

Одна из главных ролей есть городничий. Человек этот более всего озабочен тем, чтобы не пропускать того, что плывет в руки. Из-за этой заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или же осмотреться получше на себя. Из-за этой заботы он стал притеснителем, не чувствуя сам, что он притеснитель, потому что злобного желанья притеснять в нем нет, есть только желанье прибирать все, что ни видят глаза.

Просто он позабыл, что это в тягость другому и что от этого трещит у иного спина. Он вдруг прости(л) купцов, замышлявших погубить его, когда те предложили заманчивое предложение, потому что эти заманчивые блага жизни обуяли им и сделали то, что в нем очерствело и огрубело чутье слышать положение и страданье другого. Он чувствует, что грешен, он ходит в церковь, думает даже, что в веру тверд, даже помышляет когда-нибудь потом покаяться. Но велик соблазн всего того, что плывет в руки, и заманчивы блага жизн(и), и хватать все, не пропуская ничего, сделалось у не(го) уже как бы просто привычкой.

Русской человек, котор(ый) не то чтобы был изверг, но в котором извратилось понятие правды, который стал весь ложь, уже даж(е) и сам того не замечая. Поэтому он и резонерствует, степенен и даже важен, и даже не без одушевлен(ь)я скажет иное слово. Может быть, он даже один из тех людей, котор(ый), если бы увидел, что все вокруг его стали честны, что честность это требова(ние)¹

(2. ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ)

Больше всего надобно опасаться впасть в карикатуру. Ничего не должно быть карикатурного. Чем больше простоты в игре, тем более² Чем меньше будет думать актер о том, чтобы смешить и быть смешным, тем более самое лицо выйдет смешным. В сурьезности всех лиц, с каким каждое из них занято своим, делается³ Прежде чем схватить

---

¹ Не дописано.

² Не дописано.

³ Не дописано.

причуды и мелкие внешние особенности всякого лица, актер должен поймать общечеловеческое выражение роли.

[Прежде самого лица] нужно рассмот(реть) призвание, зачем оно призвано, в чем состоят заботы и хлопоты всякого лица, на которые издерживается его⁴, около чего именно ворочается его жизнь, к чему и куда стремятся постоянно все его мысли и стремления. Поймавши эту главную заботу выведенного лица, актер должен сам наполниться этою заботою, усвоить себе все мысли и стремленья так, чтобы они были в его голове неотлучно во все время представления, о частных сценах он не должен даже и думать. Они выльются сами собою хорошо, если только он будет занят сурьезно и жарко тем самым делом, которым не шутя занято выведенное лицо.

Одна из главных ролей есть городничий. Человек, больше всего озабоченный тем, чтобы не пропускать, что плывет в руки. Из-за это(й) заботы ему некогда было взглянуть построже на жизнь или осмотреться на себя. Из-за этой заботы он, может быть, и сам нечувствит(ельно)² как сделался притеснителем, потому что злобного желания притеснять в нем нет. В нем есть только желанье прибирать в руки все, что ни видят глаза. Он позабыл, что от это(го) трещит спина у ближнего. Временами он, однако ж, чувствует, что грешен, молится, ходит в церковь, думает даже, что в вере тверд. Думает даже покаяться. Но велик соблазн того, что плывет в руки, и велика набит(ая)² привычка. Его поразил распространившийся слух о ревизоре, еще более поразило это, что этот ревизор — incognito, неизвестно когда будет, с которой стороны подступит. Он находится от начала до конца пиесы в положениях свыше тех, в которые ему случалось бывать в другие дни жизни. Нервы его напряжены. Переходя от страха к надежде и радости, взгляд его несколько распален оттого, и он стал податливее на обман, и его, которого в другое время не скоро уда(сь) бы обмануть, становится возможным. Увидевши, что ревизор в его руках, не страшен и даже с ним вступил в родню, он предается буйно радости при одной мысли о том, как понесется отныне его жизнь среди пирований, попоек, как будет он раздавать места, требовать на станциях лошадей и заставлять ждать в передних городничих, важничать, задавать тон. Поэтому-то внезапное объявление о приезде настоящего ревизора для него больше, чем для всех других, громов(ой) удар, и положенье становитс(я) истинно трагическим.

Судья — человек меньше грешный во взятках. Он даже не охотник творить неправду, но страсть ко псовой охоте... Что ж делать, у

---

⁴ Не дописано.

всякого человека есть какая-нибудь страсть, из-за нее он наделает множество разных неправд, не подозревая сам того. Он занят собой и умом своим, и безбожник только потому, что на этом попроще есть простор ему выказать себя. Для него всякое событие, даже и то, которое навело страх для других, есть находка, потому что дает пищу его догадкам и соображениям, которыми он доволен, как артист своим трудом. Это самоуслаждение должно выражать(ся) на лице актера. Он говорит и в то же вре(мя) смотрит, какой эффект производят на других его слова. Он ищет выраже(ний?)

Земляника — человек толстой, но плут тонкой, несмотря на необъятную толщину свою, которой имеет много увертливого и лъстивого в оборотах. На вопрос Хлестакова, как называлась съеденная рыба, он подбегает с легкостью 22-летнего франта за тем, чтобы у самого его носа сказать: “Лабардан-с”. [Он] принадлежит к числу тех людей, которые только для того, чтобы вывернуться сами(м), не находят другого средства, чтобы топить других, и торопливы на всякие каверзничества и доносы, не принимая в строк(у) ни кумовства, ни дружбы, помышляя только о том, как бы вынести себя. Несмотря на неповоротливость и толщ(ину), всегда поворотлив. А умный актер не пропустит всех тех случаев, где услуга толстого человека будет особенно смешна в глазах зрителей без всякого желанья сделать из этого карикатур(у).

Смотритель училищ — ничего более, как только напуганный человек частыми ревизовками и выговорами неизвестно за что, а потому боится как огня всяких посещений и трепещет как лист при вести о ревизоре, хотя и не знает сам, в чем грешен. Играющем(у) это лицо актеру нетруд(н)о, ему оста(ется) только выразить один постоянн(ый) страх.

Почтмейстер — простодушный до наивнос(ти) человек, глядящий на жизнь как на собран(ие) интересных историй для препровождения времени, которые он начитывает в распечатываемых письмах. [Ничего] больше не остается делать актеру, как быть простодушну, сколько возможно.

Но два городские болтуна Бобчинский и Добчинский [требуют особенно, чтобы] были сыграны хорошо. Их должен себе очень хорошо определить актер. Это люди, которых жизнь заключилас(ь) вся в беганья(х) по городу с засвидетельствовани(ем) почтенья и в размене вестей. Все у них стало визит. Страсть рассказать поглотила всякое другое занятие, и эта страсть стала их движущ(ею) страстью и стремленьем жизни. Словом, это люди, выброшенные судьбой для чужих надобностей, а не для своих собственных. Нужно, чтобы видно было

то удовольств(ие), когда наконец добьется того, что ему позволят о чем-нибудь рассказать. Торопливост(ь) и суетливость у них единственно от боязни, чтобы кто-нибудь не перебил и не помешал ему рассказать. Любопытны — от желанья иметь о чем рассказать. От эт(ого) Бобчинский даже немножко заикается. Они оба низенькие, коротенькие, чрезвычайно похожи друг на друга, оба с небольшими брюшками. Оба круглолицы, одеты чистенько, с приглаженными волосами. Добчинский даже снабжен небольшой лысинкой, на середине головы, видно, что он не холостой человек, как Бобчинский, но уже женатый. Но при всем том Бобчинский берет верх над ним по причине большей живости и даже нескольк(о) управляет его умом. Словом, актеру нужно заболеть самому(?) любопытством(?) и чесоткой языка, если хочет хорошо исполнить эту роль, и бросить в стороны все мелкие атрибуты, иначе он попадет как раз в карикатуры.

Все прочие лица, купцы, гости, полицейск(ие) и просители всех родов, суть ежедневно проходящие пред нашими глазами лица, а потому могут быть легко схвачены всяким, умеющим замечать особенности в речах и ухватках человека всякого сословия. То же самое можно сказать и о слуге, несмотря на то что эта роль значительнее прочих. Русской слуга пожилых лет, который смотрит несколько вниз, грубит барину, смекнувши, что барин дрянцо, и который любит себе самому читать нравоученье для барина, которой, однако, очень умеет воспользоваться в таких случаях, когда можно мимоходом поживиться, известен всякому. Потому эта роль игралась всегда хорошо. Равномерно всякой может почувствовать степень того впечатления, (какое) приезд ревизора способен произвести [на каждое] из этих лиц.

Не нужно только позабывать того, [что] в голове всех сидит ревизор. Все занят(ы) ревизором. Около ревизора кружатся страхи и надежды всех действующих лиц. У одних надежда на избавление от дурных городничих и всякого рода хапуг. У други(х) панически(й) страх при виде того, что главнейши(е) сановник(и) и передовые люди общества в страхе. У прочих же, которые смотрят на все дела мира спокойно, чистя у себя в носу, любопытство, не без некоторой тайной боязни увидеть наконец то лицо, которое причинило столько тревог и, стало быть, неминуемо должно быть слишком необыкновенным и важным лицом.

Всех труднее роль того, который принят испуганным городом за ревизора. Хлестаков сам по себе ничтожный человек. Даже пустые люди называют его пустейшим. Никогда бы ему в жизни не случилось сделать дела, способного обратить чье-нибудь внимание. Но си-

ла всеобщего страха создал(а) из него замечательное комическое лицо. Страх, отуманивши глаза всех, дал ему поприще для комической роли. Обрываемый и обрезае(мый) доселе во всем, даже и в за-машке пройтись козырем по Невскому проспекту, он почувствовал простор и вдруг развернулся неожиданно для самого себя. В нем все сюрприз и неожиданность. Он даже весьма долго не в силах дога-даться, отчего к нему такое внимание, уважение. Он почувств(овал) только приятность и удовольствие, видя, что его слушают, угождают, исполняют все, что он хочет, ловят с жадностью все, что ни произно-сит он. Он разговорился, никак не зная в начале разговора, куда по-ведет его речь. Темы для разговоров ему дают выведывающие. Они сами как бы кладут ему все в рот и создают разговор. Он чувствует толь(ко) то, что везде можно хорошо порисоваться, если ничто не меша-ет. Он чувствует, что он и в литературе господин, и на балах не по-следний, и сам дает балы, и, наконец, что он государственный чело-век. Он ни от чего не прочь, о чем бы ему ни лгать(?). Обед со вся-кими лабарданами и винами дал изобретательн(ость?) и красноречие его языку. — Чем далее, тем более входит всеми чувствами в то, что говорит, и потому выражает многое почти с жаром. Не имея никако-го желанья надувать, он позабывает сам, что жлет. Ему уже кажется, что он действительно все это производил. Поэтому сцена, когда он говорит о себе как о государственном человеке, способна точно сму-тить чиновника. Особенно в то время, когда он рассказы(вает), как запекал всех до единого в Петербур(ге), является в лице важность, и все атрибуты, и все что угодно. Будучи сам неоднократно запека-ем, (он) это должен мастерски изобразить в речах, он почувствовал в это время особенное удовольствие [распечь наконец и самому] дру-гих, хотя в [рассказах]. [Он бы] и подальше добрался в речах своих, но язык его уже не оказался больше годным, по какой причине чинов-ник(и) нашлись принужденны(ми) отвести его с почтеньем и страхом на отведенный ночлег.

Проснувшись, он тот же Хлестаков, каким и был прежде. Он да-же не помнит, чем напугал всех. В нем по-прежнему никакого сооб-ражения и глупость во всех поступках. Влюбляется он и в мать, и в дочь почти в одно (время?). Просит денег, потому что это как-то са-мо собой срывается с языка и потому что уже у первого он попросил, и тот с готовностью предложил. Только к концу акта он догадывает-ся, что его принимают за кого-то повы(ше). Но если бы не Осип, ко-торому кое-как удалось ему несколько растолковать, что такой обман не долго может продолжаться, он бы преспокойно [дож(дался)] толч-ков и проводов со двора не с честью. Хотя это лицо фантасмагориче-

ское, лицо, которое, как лживой, олицетвор(енный) обман, унеслось вместе с тройкой Бог весть куда, но тем не менее нужно, чтобы эта роль досталась лучшему актеру, какой ни есть, потому что она всех труднее. Этот пустой человек и ничтожный характер заключает в себе собра(ние) многих тех качеств, которые водятся и не за ничтожными людьми. Актер особенно не должен упустить из виду это желанье порисоваться, которым более или менее заражены все люди и которое больше всего отразилось в Хлестакове. Желанье ребяческое, но он(о) [бывает] у многих умных и старых людей, так что редкому на веку своем не случилось в каком-либо деле отыск(ать) его. Словом, актер для этой роли должен иметь очень многосторонний талант, который бы умел выражать разные черты человека, а не какие-нибудь постоянные, одни и те же. Он должен быть сам очень ловким светским челове(ком), иначе не будет в сила(х) выразить наивно и простодуш(но) ту пустую светскую ветренность, которая несет человека во все стороны поверх всего, которая в таком значительном количестве досталась Хлестакову.

Последняя сцена “Ревизора” должна быть особенно сыграна умно. Здесь уже не шутка, и положение многих лиц почти трагическое. Положение городничего всех разительней. Как бы то ни было, но увидеть себя вдруг обманутым так грубо и притом пустейшим, ничтожнейшим мальчишкой, который даже видом и фигурой не взял, будучи похож на спичку. (Хлестаков, как известно, тонинькой, прочие все толсты)... Быть им обманутым — это не шуточное. Обмануться так грубо тому, которой умел проводить умных людей и даже искуснейших плутов. Возвещенье о приезде на(он)ец настоящего ревизора для него громовый удар. Он окаменел. Распростертые его руки и закинутая назад голова остали(сь) неподвижны, и вокруг него вся действующая группа составляет в одно мгновенье окаменевшую группу в разных положениях.

[Вся эта] сцена есть немая картина, а потому должна быть так же составлена, как составляются живые карт(ины). Всякому лицу должна быть назначена поза, сообразная с его характером, со степенью боязни его и с потрясением, которое должны произвести слова, возвестив(шие) о приезде настоящего(о) ревизор(а). Нужно, чтобы эти позы никак не встретились между собою и были бы разнообразны и различны, а потому следует, чтобы каждый помнил свою и мог бы вдруг ее принять, как только поразится его слух роковым известием. Сначала вый(дет) это принужденно и будет походить на автомат, но потом, после нескольких репетиций, по мере того как каждый актер

войдет поглубже в положение свое, данная поза ему усвоится, станет естественной и принадлежащей ему. Дерев(я)нность и неловкость ав- томатов исчезнет, и покажется, как бы сама собой вышла онемевшая картина.

Сигналом перемены положений может послужить тот небольшой звук, который исходит из груди у женщин при какой-нибудь внезапности. Одни понемногу приходят в положение, данное для немой картины, начиная [переходить] в него уже при появлении вестника с роковым известием, это — которые меньше, другие вдруг — это те, ко(то)рые больше поражены. Недурно первому актеру оставить на время свою позу и посмотреть самому несколько раз на эту картину в качестве зрителя, чтобы видеть, что нужно ослабить, усилить, смягчить, дабы вышла картина естественной.

Картина должна быть установлена почти во(т) как:

Посредине городничий, совершенно онемевший и остолбеневший. По правую его руку жена и дочь, обращенные к нему с испугом на лице. За ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям. За ним Лука Лукич, весь бледный, как мел. По левую сторону городничего Земляника с приподняты(ми) кверху бровями и пальцами, поднесенными ко рту, как человек, которы(й) чем-то сильно обжегся. За ним судья, присевший почти до земли и сделавший губами гримасу, как бы говоря: “Вот тебе, бабуш(ка), и (Ю)рьев день”. За ними Добчинский и Бобчинский, уставившись друг на друга и разинувши рот. Группа гостей в виде двух групп по обеим сторонам соединяется в одно общее движение, [стараясь] заглянуть в лицо [городничего]. Чтобы завязала(сь) группа ловче и непринужденней, всего лучше поручить художнику, умеющему сочинять группы, сделать рисунок и держаться рис(унка).

Если только кажды(й) из актеров вошел хоть сколько-нибудь во все положен(ия) ролей своих во все про(до)лжение представления пьесы, то они выразят также и в этой немой сцене положенье разитель- но(е) ролей своих, увенчая этой сценой еще более совершенство игры своей. Если же они пребывал(и) холодны и натянуты во время пред- ставлени(я), то останутся так же и холодны и натянуты как здесь, с тою разницей, что в этой немой сцене еще более обнаружится их не- искусство.

РАЗВЯЗКА РЕВИЗОРА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Первый комический актер — Михайло Семенович
Щепкин.

Хорошенькая актриса.

Другой актер.

Федор Федорыч, любитель театра.

Петр Петрович, человек большого света.

Семен Семеныч, человек тоже немалого света, но в своем роде.

Николай Николаич, литературный человек.

Актеры и актрисы.

Первый комический актер (*выходя на сцену*).
Ну, теперь нечего скромничать. Могу сказать, в этот раз точно хорошо сыграл, и рукоплесканье публики досталось не даром. Если чувствуешь это сам, если не стыдно перед самим собой, то, значит, дело было сделано как следует.

Входит толпа актеров и актрис.

Другой актер (*с венком в руке*). Михайло Семеныч*, это уж не публика, это мы подносим вам венок. Публика раздает венки не всегда с строгим разбором; достается от нее венок и не за большие услуги, но если своя братья-товарищи, которые подчас и завистливы и несправедливы, если своя братья-товарищи поднесут кому с единодушного приговора венок, то, значит, такой человек точно достоин венка.

---

* Имя первого комического актера.

Мечтаешь ли видеть. № 50. 1826.

Сергей Николаевич

Вашему Ревизору.

Дорогой мой друг:

Почти все время своего, Николаевича Николаевича Шестакова
Порожневская Аптека.

Другой Аптека.

Федор Федоров, который в Петербурге.

Петр Петрович, который в большом свете.

Семейство Соловьевых, который тоже в большом свете,
но в своем роде.

Николай Николаевич, который в Петербурге и в Москве.
Аптека и Аптека.

Почти все время своего, Николаевича Николаевича Шестакова

Ну, теперь вы все окружите. Неужели вы не знаете, что есть
такие хорошие аптеки, и другие аптеки, которые ассимили
недаром. Если вы хотите это сделать, если не совсем вы
сами себя, то укажите мне, кто будет, кто будет.

Ваша правда, Федоров и Аптека.

Другой Аптека (я вхожу в руки). Николай Николаевич, он
уже не нужен, это уже полностью все время. Петербург, не
даст вам не всегда с такими же работами; достаточно этого
время и небольшого числа, но если вы хотите - это время,
и как первого Николаевича.

“Развязка Ревизора”. Копия для цензуры рукой не установленного лица
с исправлениями С.П. Шевырева и цензурным разрешением А.В. Никитенко. Л. 1.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург

Первый комический актер (*принимая венок*). Товарищи, умею ценить этот венок.

Другой актер. Нет, не в руке держать; наденьте-ка на голову.

Все актеры и актрисы. На голову венок!

Хорошенькая актриса (*выступая вперед с повелительным жестом*). Михайло Семеныч, венок на голову!

Первый комический актер. Нет, товарищи, взять венок от вас возьму, но надеть на голову — не надену. Другое дело — принять венок от публики, как обычное выражение приветствия, которым она награждает всякого, кто удостоился ей понравиться; не надеть такого венка значило бы показать пренебрежение к ее вниманию. Но надеть венок посреди себе равных товарищей, — господа, для этого нужно иметь слишком много самонадеянной уверенности в себе.

Все. Венок на голову!

Хорошенькая актриса. На голову венок, Михайло Семенович!

Другой актер. Это наше дело; мы судьи, а не вы. Извольте-ка прежде надеть его, а потом мы вам скажем, зачем вас увенчали. Вот так. Теперь слушайте: за то вам венок, что вот уже с лишком двадцать лет, как вы посреди нас, и нет из нас никого, который был бы когда-либо вами обижен, за то, что вы всех нас ревностней делали свое дело и сим одним внушали охоту не уставать на своем поприще, без чего вряд ли у нас достало бы сил. Какая посторонняя сила может так подтолкнуть, как подтолкнет товарищ своим примером? За то, что вы не об одном себе думали, не о том хлопотали, чтобы только самому сыграть хорошо свою роль, но чтобы и всяк не оплошал в своей роли, и никому не отказывали в совете, никем не пренебрегали. За то, наконец, что так любили дело искусства, как никто из нас никогда не любил его. И вот вам за что подносим теперь все до единого венки.

Первый комический актер (*растроганный*). Нет, товарищи, не было так, но хотел бы, чтобы было так.

Входят Федор Федорыч, Семен Семеныч,
Петр Петрович и Николай Николаич.

Федор Федорыч (*бросившись обнимать первого актера*). Михайло Семеныч! Себя не помню, не знаю, что и сказать об игре вашей: вы никогда еще так не играли.

Петр Петрович. Не почитите слов моих за лесть, Михайло Семеныч, но я должен признаться, не встречал, — а могу сказать нехвастовски, был на всех первоклассных театрах Европы, видел лучших актеров, — не встречал подобной игры, не примите моих слов за лесть.

Семен Семеныч. Михайло Семеныч (*в бессилии выразить словом, выражает движением руки*), вы просто Асмодей!

Николай Николаич. В таком совершенстве, в такой окончательности, так сознательно и в таком соображенье всего исполнить роль свою — нет, это что-то выше обыкновенной передачи. Это второе создание, творчество.

Федор Федорыч. Венец искусства, и больше ничего! Здесь-то, наконец, узнаешь высокой смысл искусства. Ну что́ есть, например, привлекательного в том лице, которое вы сейчас представляли? Как можно доставить наслажденье зрителю в коже какого-нибудь плута? — а вы его доставили. Я плакал; но плакал не от участия к положенью лица, плакал от наслаждения. Душе стало светло и легко. Легко и светло оттого, что выставили все оттенки плутовской души, что дали ясно увидеть, что́ такое плут.

Петр Петрович. Позвольте, однако ж, оставивши в сторону мастерскую обстановку пьесы, подобной которой, признаюсь, не встречал, — а могу сказать нехвастовски, был на лучших театрах, — уж не знаю, кому обязан автор, вам ли, господа, или начальству наших театров, вероятно, тому и другому вместе, но подобная обстановка вынесет хоть какую пьесу. Не примите моих слов за лесть, господа. Позвольте, однако ж, оставивши все это в сторону, сделать мне замечанье насчет самой пьесы, то самое замечанье, которое сделал я назад тому десять лет во время ее первого представления: не вижу я в “Ревизоре”, даже и в том виде, в каком он дан теперь, никакой существенной пользы для общества, чтобы можно было сказать, что эта пьеса нужна обществу.

Семен Семеныч. Я даже вижу вред. В пьесе выставлено нам униженье наше; не вижу я любви к отечеству в том, кто писал ее. И притом какое неуважение, какая даже дерзость... я уж этого даже не понимаю: как сместь сказать в глаза всем: “Что́ смеетесь? над собой смеетесь!”

Федор Федорыч. Но, друг мой, Семен Семеныч, ты позабыл: ведь это не автор говорит, ведь это говорит городничий, это говорит рассердившийся, раздосадованный плут, которому, разумеется, досадно, что над ним смеются.

Петр Петрович. Позвольте, Федор Федорыч, позвольте вам, однако ж, заметить, что слова эти точно произвели странное действие; и, вероятно, не одному из сидевших в театре показалось, что автор как бы к нему самому обращает эти слова: “над собой смеетесь!” Говорю это... вы не примите моих слов, господа, за какое-нибудь личное нерасположение к автору, или предубеждение, или... словом, не то чтобы я имел что-нибудь противу него, понимаете, но говорю вам мое собственное ощущение: мне показалось, точно как бы в эту минуту стоит передо мною человек, который смеется над всем, что ни есть у нас: над нравами, над обычаями, над порядками, и, заставивши нас же посмеяться над всем этим, нам же говорит в глаза: “Вы над собой смеетесь”.

Первый комический актер. Позвольте здесь мне сказать слово: вышло это само собой. В монологе, обращенном к самому себе, актер обыкновенно обращается к стороне зрителей. Хотя городничий был в беспамятстве и почти в бреде, но не мог не заметить усмешки на лицах гостей, которую возбудил он смешными своими угрозами всех обманувшему Хлестакову, который в это время несетя во весь дух себе на почтовых, Бог весть в каких краях. Намеренья у автора дать именно тот смысл, о котором вы говорите, не было никакого; я это вам говорю, потому что знаю небольшую тайну этой пьесы. Но позвольте мне с моей стороны сделать запрос: ну что если бы у сочинителя точно была цель показать зрителю, что он над собой смеется?

Семен Семеныч. Благодарю за комплимент! Я, по крайней мере, не нахожу в себе ничего общего с выведенными в “Ревизоре” людьми. Извините. Не хвастаюсь, что я не без пороков, так же, как и все люди; но все же я не похож на них. Это уж слишком! В эпиграфе выставлено: “На зеркало нечего пенять, если рожа крива!” Петр Петрович! я спрашиваю у вас: “Разве у меня рожа крива?” Федор Федорыч! я спрашиваю у тебя: “Разве у меня рожа крива?” Николай Николаич! у тебя я спрашиваю: “Рожа у меня крива?” (*Обращаясь ко всем другим.*) Господа, я у вас всех спрашиваю, скажите мне: “Разве у меня рожа крива?”

Федор Федорыч. Но, друг мой, Семен Семеныч, странный и ты опять вопрос задал. Ведь ты же опять и не красавец, как и мы все грешные. Нельзя же сказать уж так напрямик, чтобы твое лицо было образец образцом. Как ни рассмотри, немножко косо, ну а что косо, то уж и криво.

Петр Петрович. Господа, вы вдальсь совершенно в другой вопрос. Это лежит на совести всякого человека; нам смешно и

трактовать о том, у кого лицо криво, у кого нет. Но вот в чем главное дело, позвольте мне вновь возвратиться к тому же: не вижу я большого разума в комедии, не вижу цели, по крайней мере в самом сочинении это не обнаруживается.

Н и к о л а й Н и к о л а и ч. Но какой же вы хотите еще цели, Петр Петрович? Искусство уже в самом себе заключает свою цель. Стремление к прекрасному и высокому — вот искусство. Это непреходящий закон искусства; без этого искусство — не искусство. А потому ни в каком случае не может оно быть безнравственно. Оно стремится непременно к добру, положительно или отрицательно: выставит ли нам красоту всего лучшего, что ни есть в человеке, или же смеется над безобразием всего худшего в человеке. Если выставишь всю дрянь, какая ни есть в человеке, и выставишь ее таким образом, что всякой из зрителей получит к ней полное отвращение, спрашиваю: разве это уже не похвала всему хорошему? спрашиваю: разве это не похвала добру?

П е т р П е т р о в и ч. Бесспорно, Николай Николаич, но позвольте, однако же, вам...

Н и к о л а й Н и к о л а и ч (*не слушая*). Не то дурно, что нам показывают в дурном дурное, и видишь, что оно дурно во всех отношениях, но то дурно, если нам так его выставляют, что не знаешь, злое ли оно или нет, то дурно, когда делают привлекательным для зрителя злое, то дурно, что мешают его в такой степени с добром, что не знаешь, к которой стороне пристать, то дурно, что доброе показывают нам таким образом, что в добре не видим добра.

П е р в ы й к о м и ч е с к и й а к т е р. Клянусь, истинная правда, Николай Николаич! вы сказали то, в чем я всегда был убежден, но не умел только так хорошо высказать. То дурно, что в добре не видишь добра. А этот грех водится за всеми модными драмами, которыми должны мы тешить публику. Зритель выходит из театра и сам не знает решить, что такое он видел, злой ли человек или добрый был перед ним. К добру не влечет его, от зла не отталкивает, и остается он точно как во сне, не извлекиши из того, что видел, никакого для себя правила, к чему-нибудь пригодного в жизни, сбившись даже и с той дороги, по которой шел, готовый пойти за первым, кто поведет, не спрашивая, куда и зачем.

Ф е д о р Ф е д о р ы ч. И прибавьте, Михайло Семеныч, какая пытка для актера исполнять такую роль, если только он истинный артист в душе.

П е р в ы й к о м и ч е с к и й а к т е р. Не говорите этого; ваши слова метят в самое сердце. Не можете постигнуть, как подчас

бывает горько. Учишь, разучиваешь эту роль и не знаешь сам, какое ей дать выражение. Иногда забудешься, войдешь в положение лица, одушевишься, потрясешь зрителя, а когда вспомнишь, чем ты его потряс, — противен станешь самому себе, хотел бы просто провалиться сквозь землю и от рукоплесканий горишь, как от собственного стыда. Я и решить не знаю, что хуже: выставлять ли преступления таким образом, чтобы зритель готов был с ними почти примириться, или же выставлять подвиги добра в таком виде, что зритель не закипит весь желанием с ним подружиться? То и другое по мне — гниль, а не искусство. Глубоко сказал Николай Николаевич: то дурно, когда в добре не видишь добра.

Д р у г о й а к т е р. Справедливо, справедливо: то дурно, когда в добре не видишь добра.

П е т р П е т р о в и ч. Противу этого я не могу сказать решительно никакого возражения. Николай Николаевич сказал глубоко, Михайло Семеныч развил еще больше. Но все это не ответ на мой вопрос. То, что вы сейчас сказали, то есть чтобы хорошее выставлено было действительно с силой магической, увлекающей не только человека хорошего, но даже и дурного, а дурное изображено было в таком презрительном виде, чтобы зритель не только не почувствовал желания примириться с выведенными лицами, но, напротив, желание поскорей их оттолкнуть от себя, — все это, Николай Николаич, должно быть непременным условием всякого сочинения. Это даже и не цель. Всякое сочинение должно иметь сверх этого всего свое собственное, личное выражение, Николай Николаич, иначе пропадет его оригинальность, Николай Николаевич, понимаете ли вы это? Поэтому-то я не вижу в “Ревизоре” того большого значенья, которое придают ему другие. Надобно, чтобы было ощутительно ясно, зачем предпринято такое-то сочинение, на что именно бьет оно, к чему клонится, что нового хочет доказать собой. Вот что, Николай Николаич, а не то, что вы говорите вообще об искусстве.

Н и к о л а й Н и к о л а и ч. Петр Петрович, да как же вы говорите, к чему клонится... ведь это... ведь это видно.

П е т р П е т р о в и ч. Николай Николаич, это не видно. Не вижу я никакой особенной цели этой комедии, обнаруженной в самом сочинении, или, может быть, автор с каким-нибудь умыслом скрыл ее; в таком случае это выйдет уже преступление пред искусством, Николай Николаич, что вы себе ни говорите. Разберемте-ка сурьезно эту комедию: ведь “Ревизор” совсем не производит того впечатления, чтобы зритель после него освежился; напротив, вы, я думаю, сами знаете, что одни почувствовали бесплодное раздражение, другие

даже озлобленье, а вообще всяк унес какое-то тягостное чувство. Несмотря на все удовольствие, которое возбуждают ловко найденные сцены, на комическое даже положение многих лиц, на мастерскую даже обработку некоторых характеров, в итоге остается что-то эдакое... я вам даже объяснить не могу, — что-то чудовищно-мрачное, какой-то страх от беспорядков наших. Самое это появление жандарма, который, точно какой-то палач, является в дверях, это окаменение, которое наводят на всех его слова, возвещающие о приезде настоящего Ревизора, который должен всех их истребить, стереть с лица земли, уничтожить в конце — все это как-то необъяснимо страшно. Признаюсь вам достоверно, à la lettre, на меня ни одна трагедия не производила такого печального, такого тягостного, такого безотрадного чувства. Так что я готов подозревать даже, не было ли у автора какого-нибудь особенного намерения произвести такое действие последней сценой своей комедии; не может быть, чтобы это вышло так само собой.

Первый комический актер. А вот наконец догадались сделать этот запрос. Десять лет играется на сцене “Ревизор”. Все более или менее нападали на тягостное впечатление, им производимое, а никто не дал запроса, зачем было производить его, точно как будто бы автор должен был писать свою комедию очертя голову и не зная сам, к чему она и что выйдет из нее. Дайте же ему хотя каплю ума, в котором вы не отказываете ни одному человеку. Ведь, верно же, есть причина всякому поступку, даже и в глупом человеке.

Все смотрят на него с изумленьем.

Петр Петрович. Михайло Семеныч, объяснитесь: это что-то неясно.

Семен Семеныч. Это пахнет какою-то загадкой.

Первый комический актер. Да как же в самом деле вы не заметили, что “Ревизор” без конца?

Николай Николаич. Как без конца!

Семен Семеныч. Да какой же еще конец? Пять действий, в шести комедия и не бывает. Разве новая побранка в придачу!

Петр Петрович. Позвольте, однако ж, заметить вам, Михайло Семеныч, что же за пиеса, которая без конца? я спрашиваю вас. Неужели и это в законе искусства? Николай Николаич! Ведь это, по-моему, значит принести, поставить перед всеми запертую шкатулку и спрашивать, что в ней лежит?

Первый комический актер. Ну да если она поставлена перед вами с тем именно, чтобы потрудились сами отпереть?

Петр Петрович. В таком случае нужно, по крайней мере, сказать это, или же просто дать ключ в руки.

Первый комический актер. Ну а если и ключ лежит тут же возле шкатулки?

Николай Николаич. Перестаньте говорить загадками! Вы что-нибудь знаете. Верно, вам автор дал в руки этот ключ, а вы держите его и секретничаете.

Федор Федорыч. Объявите, Михайло Семенович, я не в шутку заинтересован знать, что́ в самом деле может здесь крыться? На мои глаза, я не вижу ничего.

Семен Семеныч. Дайте же открыть нам эту загадочную шкатулку. Что это за странная такая шкатулка, которая неизвестно зачем нам поднесена, неизвестно зачем перед нами поставлена и неизвестно зачем от нас заперта?

Первый комический актер. Ну а что ж, если она откроется так, что станете удивляться, как не открыли сами, и если в шкатулке лежит вещь, которая для одних, что́ старый грош, вышедший из употребления, а для других, что́ светлый червонец, который век в цене, как ни меняется на нем штемпель?

Николай Николаич. Да полно вам с вашими загадками! Нам подавайте ключ и ничего больше!

Семен Семеныч. Ключ, Михайло Семеныч!

Федор Федорыч. Ключ!

Петр Петрович. Ключ!

Все актеры и актрисы. Михайло Семеныч! ключ!

Первый комический актер. Ключ? Да примете ли вы, господа, этот ключ? может быть, швырнете его прочь вместе с шкатулкой?

Николай Николаич. Ключ! не хотим больше ничего слышать. Ключ!

Все. Ключ!

Первый комический актер. Извольте, я дам вам ключ. От комического актера вы, может быть, не привыкли слышать таких слов, но что ж делать? в этот день сердце мое разогрелось, мне стало легко, и я готов все сказать, что́ ни есть у меня на душе, как бы вы ни приняли слова мои. Нет, господа, не давал мне автор ключа; но бывают такие минуты состояния душевного, когда становится самому понятным то, что прежде было непонятно. Нашел я этот ключ, и сердце мое говорит мне, что он тот самый; отперлась передо мной шкатулка, и душа моя говорит мне, что не мог иметь другой мысли сам автор.

Всмотритесь-ка пристально в этот город, который выведен в пиесе: все до единого согласны, что эакого города нет во всей России, не слыхано, чтобы где были у нас чиновники все до единого такие уроды; хоть два, хоть три бывает честных, а здесь ни одного. — Словом, такого города нет. Не так ли? Ну а что если это наш же душевный город и сидит он у всякого из нас? Нет, взглянем на себя не глазами светского человека, ведь не светский человек произнесет над нами суд; взглянем хоть сколько-нибудь на себя глазами Того, Кто позовет на очную ставку всех людей, перед Которым и наилучшие из нас, не позабудьте этого, потупят от стыда в землю глаза свои, да и посмотрим: достанет ли у кого-нибудь из нас тогда духу спросить: “Да разве у меня рожа крива?” Чтобы не испугался он так собственной кривизны своей, как не испугался кривизны всех этих чиновников, которых только что видел в пиесе. Нет, Петр Петрович, нет, Семен Семеныч, не говорите: “это старые речи” или “это уже мы сами знаем”, — дайте ж наконец уж и мне сказать слово. Что ж в самом деле, как будто я живу только для скоморошничества? Те вещи, которые нам даны с тем, чтобы помнить их вечно, не должны быть старыми: их нужно принимать как новость, как бы в первый раз только их слышим, — кто бы их ни произносил нам, — тут нечего глядеть на лицо того, кто говорит их. Нет, Семен Семеныч, не о красоте нашей должна быть речь, но о том, чтобы в самом деле наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедию, да не кончилась бы такой трагедией, какою не кончилась эта комедия, которую только что сыграли мы. Чтó ни говори, но страшен тот Ревизор, который ждет нас у дверей гроба. Будто не знаете, кто этот Ревизор? Что прикидываться? Ревизор этот наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза на самих себя. Перед этим ревизором ничто не укроется, потому что по Именному Высшему повеленью он послан и возвестится о нем тогда, когда уже и шагу нельзя будет сделать назад. Вдруг откроется перед тобою, в тебе же, такое страшилище, что от ужаса подымется волос. Лучше ж сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, в начале жизни, а не в конце ее. На место пустых разглагольствований о себе и похвальбы собой, да побывать теперь же в безобразном душевном нашем городе, который в несколько раз хуже всякого другого города, в котором бесчинствуют наши страсти, как безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей! В начале жизни взять Ревизора и с ним об руку переглядеть все, чтó ни есть в нас, настоящего Ревизора, не подложного! не Хлестакова! Хлестаков — щелкопер, Хлестаков — ветреная свет-

ская совесть, продажная, обманчивая совесть, Хлестакова подкупят как раз наши же, обитающие в душе нашей, страсти. С Хлестаковым под руку ничего не увидишь в душевном городе нашем. Смотрите, как всякой чиновник с ним в разговоре вывернулся ловко и оправдался. Вышел чуть не святой. Думаете, не хитрей всякого плута-чиновника каждая страсть наша, и не только страсть, даже пустая, пошлая какая-нибудь привычка? Так ловко перед нами вывернется и оправдается, что еще почтешь ее за добродетель и даже похвастаешься перед своим братом и скажешь ему: “Смотри, какой у меня чудесный город, как в нем все прибрано и чисто!” Лицемеры — наши страсти, говорю вам, лицемеры, потому что сам имел с ними дело. Нет, с ветреной светской совестью ничего не разглядишь в себе, и ее самое они надуют, и она надует их, как Хлестаков чиновников, и потом пропадет сама, так что и следа ее не найдешь! Останешься, как дурак-городничий, который занесся было уже невесть куда, и в генералы полез, и наверняка стал возвещать, что сделается первым в столице, и другим стал обещать места — и потом вдруг увидел, что был кругом обманут и одурачен мальчишкою, верхоглядом, вертопрахом, в котором и подобья не было с настоящим Ревизором. Нет, Петр Петрович, нет, Семен Семеныч, нет, господа, все, кто ни держитесь такого же мненья, бросьте вашу светскую совесть. Не с Хлестаковым, но с настоящим Ревизором оглянем себя! Клянусь, душевный город наш сто́ит того, чтобы подумать о нем, как думает добрый государь о своем государстве. Благородно и строго, как он изгоняет из земли своей лихоимцев, изгоним наших душевных лихоимцев! Есть средство, есть бич, которым можно выгнать их. Смехом, мои благородные соотечественники! Смехом, которого так боятся все низкие наши страсти! Смехом, который создан на то, чтобы смеяться над всем, что позорит истинную красоту человека. Возвратим смеху его настоящее значение! Отнимем его у тех, которые обратили его в легкомысленное светское кощунство над всем, не разбирая ни хорошего, ни дурного! Таким же точно образом, как посмеялись над мерзостью в другом человеке, посмеемся великодушно над мерзостью собственной, какую в себе ни отыщем! Не одну эту комедию, но все, что бы ни показалось из-под пера какого бы то ни было писателя, смеющегося над порочным и низким, примем прямо на свой собственный счет, как бы оно именно было на нас лично написано: все отыщешь в себе, если только опустишься в свою душу не с Хлестаковым, но с настоящим и неподкупным Ревизором. Не возмутимся духом, если бы какой-нибудь рассердившийся городничий или, справедливей, сам нечистый дух

шепнул его устами: “Что смеетесь? Над собой смеетесь!” Гордо ему скажем: “Да, над собой смеемся, потому что слышим благородную русскую нашу породу, потому что слышим приказанье высшее быть лучшими других!” Соотечественники! Ведь у меня в жилах тоже русская кровь, как и у вас. Смотрите: я плачу! Комический актер, я прежде смешил вас, теперь я плачу. Дайте мне почувствовать, что и мое поприще так же честно, как и всякого из вас, что я так же служу земле своей, как и все вы служите, что не пустой я какой-нибудь скорморох, созданный для потехи пустых людей, но честный чиновник великого Божьего государства и возбудил в вас смех — не тот беспутный, которым пересмекает в свете человек человека, который рождается от бездельной пустоты праздного времени, но смех, родившийся от любви к человеку. Дружно докажем всему свету, что в русской земле все, что ни есть, от мала до велика, стремится служить тому же, кому все должно служить на земле, несется туда же (*взглянувши наверх*), к Верховной Вечной красоте!

(ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ ОКОНЧАНИЯ “РАЗВЯЗКИ РЕВИЗОРА”)

Семен Семенович. Что, что, Михал Михалч, что вы говорите, какой душевный город?

Михал Михалч. Мне так показалось. Мне показалось, что это мой же душевный город; что последняя сцена представляет последнюю сцену жизни, когда совесть заставит взглянуть вдруг на самого себя во все глаза и испугаться самого себя. Мне показалось, что этот настоящий Ревизор, о котором одно возвещенье в конце комедии наводит такой ужас, есть та настоящая наша совесть, которая встречает нас у дверей гроба. Мне показалось, что этот ветреник Хлестаков, плут или как хотите назвать, есть та поддельная ветрен(ая) светская наша совесть, которая, воспользовавшись страхом нашим, принимает вдруг личину настоящей и дает себя подкупить страстям нашим, как Хлестаков чиновникам, и потом пропадает так же, как он, неизвестно куда. Мне показалось, что это безотрадно-печальное окончанье, от которого так возмутился и потрясся зритель, предстало перед меня в напоминанье, что и жизнь, которую привыкаем понемногу считать комедией, может иметь такое же печально-трагическое окончание. Мне показалось, как будто вся комедия совокупностью своею говорит мне о том, что следует вначале взять того Ревизора, который встречает нас в конце, и с ним так же, как правосудный государь ревизует свое государство, оглядеть свою душу и вооружиться так же против страстей, как вооружается государь противу продажных чиновников, потому что они так же крадут сокровища души нашей, как те грабят казну и достоянье государства, с настоящим ревизором, потому что лицемерны наши страсти, и не только страсти, но даже малейшая пошлая привычка умеет так искусно подъехать к нам и ловко перед нами изворотиться, как не изворотились перед Хлестаковым проныры чиновники, так что готов даже принять их

за добродетели, готов даже похвастаться порядком душевного своего города, не принимая и в мысль того, что можешь остаться обманутым, как городничий. Мне так показалось.

Петр Петрович. Михал Михалч! Все то, что вы говорите, красноречиво; но где здесь вы нашли подобие? Какое сходство Хлестакова с ветреной светской совестью или настоящего Ревизора с настоящей совестью? Николай Николаич, скажите мне поистине: находите вы здесь какое-нибудь сходство?

Николай Николаич. Признаюсь, никакого.

Семен Семенч. И я тоже, как ни таращу свои глаза, но ничего не вижу.

Федор Федорыч. Сознаюсь вам, Михал Михалч, откровенно, несмотря на то, мысль недурна и могла бы послужить даже предметом сочиненья художественного, но я не думаю, чтобы автор ее имел в виду.

Николай Николаич (решительно). Вздор! Он и в помышление этого не имел!

Михал Михалч. Да разве я вам говорю, что автор имел ее в виду? Я вам вперед сказал. Автор не давал мне ключа. Я вам предлагаю свой. Автор, если бы даже и имел эту мысль, то и в таком случае поступил бы дурно, если бы ее обнаружил ясно. Комедия тогда бы сбилась на аллегория, могла бы из нее выйти какая-нибудь бледная нравоучительная проповедь. Нет, его дело было изобразить просто ужас от беспорядков вещественных, не в идеальном городе, а в том, который на земле, собрать в кучку все, что есть похуже в нашей земле, чтобы его поскорей увидали и не считали бы этого за то необходимое зло, которое следует допустить и которое так же необходимо среди добра, как тени в картине. Его дело изобразить это темное так сильно, чтобы почувствовали все, что с ним надобно сражаться, чтобы кинуло в трепет зрителя и ужас от беспорядков пронял бы его насквозь всего. Вот что он должен был сделать, а это уж наше дело выводить нравоученье. Мы, слава Богу, не дети. Я подумал о том, какое нравоученье могу вывести для самого себя, и напал на то, которое вам теперь рассказал.

Петр Петрович. Михал Михалч! Комедия пишется для всех. Из нее должны вывести нравоученье все; нравоученье ближайшее, доступное всем, а не то отдаленное, которое может вывести для себя какой-нибудь оригинальный, не похожий на прочих

человек. Спрашиваю: зачем этого нравоучения никто не вывел, а только одни вы?

Николай Николаич (*поспешно*). Именно! Вот настоящий вопрос! Разрешите-ка прежде это: зачем одни вы это вывели, а не все?

Семен Семенч. Да, Михал Михалч. Зачем одни вы это вывели? Зачем одни вы это вывели?

Михал Михалч. Во-первых, почему вы знаете, что это нравоученье вывел один я, а во-вторых, почему вы считаете его отдаленным? Я думаю, напротив, ближе всего к нам собственная наша душа. Я имел тогда в уме душу свою, думал о себе самом, потому и вывел это нравоученье. Если бы и другие имели в виду прежде себя, вероятно, и они вывели бы то же самое нравоученье, какое вывел и я. — Но разве всяк из нас приступает к произведению писателя, как пчела к цветку, затем, что(б) извлечь из него нужное себе? Нет, мы ищем во всем нравоученья (для) *других*, а не для себя. Мы готовы ратовать и защищать все общество, дорожа заботливо нравственностью других и позабывши о своей. Ведь посмеяться мы любим над другими, а не над собой, увидеть недостатки ведь мы любим в других, а не в себе. Как бы то ни было, но взгляните: три тысячи ведь людей пришло в театр. Все знают, что пришли затем, чтобы посмеят(ься), и всякой из этих трех тысяч уверен, что придется над другим посмеяться, а не над ним. Малейший намек, что он может быть похож сам на того, над кем посмеялся, может привести его в гнев, и он готов уже в бешенстве повторять: да разве у меня рожа крива?

Семен Семеныч. Михал Михалч, я говорю не в том смысле...

Михал Михалч (*прерывая*). Позвольте, Семен Семенч. Вы человек благородный, человек истинно русской в душе, человек, наконец, который глядит уже глазами христиани(на) на жизнь. Зачем вы произносите речи, противные вашему собст(венному) образу мысл(ей)? Прежде всего, зачем вы всякой раз позабываете, что предмет комедии и вообще сатиры не достоинство человека, а презренное в человеке, что чем больше она выставила презренное презренным, чем больше им возмутила и привела от него в содрог(анье) зрителя, тем больше она выполнила свое значение. Зачем вы всякой раз это позабываете и всякой раз хотите сатире навязать предметы, приличные трагедии? Нет, остав(ь)те сатиру в покое, она дело свое делает. Дурного не следует щадить, где бы оно ни было. Но если хотите уж по-

ступить христиански, обратите ту же сатиру на самого себя и примените всякую комедию [как бы лично к себе самому], прежде чем замечать отношение ее к целому обществу. Нет, кто хочет нравоученья, тот возьмет его себе(?) Кто глядит в душу себе, тот (из) всего возьмет то, что нуж(но), тот и в этом вещественн(ом) городе увидит душевный свой город, тот увидит, что с большей силой следует вооруж(иться) против лице(мерия), тот увидит, увидит, что и дело лежит здесь. Уж ежели действовать по-христиански, так всякое сочиненье, где ни поражается дурное, следует лично обратиться к самому себе, как бы оно прямо на меня было написано. Вы сами знаете, что нет порока, замеченного нами в другом, которого хотя отраженья не присутствовало бы и в нас самих, не в таком объеме, в другом виде, в другом платье, поприличней и поблагообразней, принарядившись, как Хлестаков. Чего не отыщешь, если только заглянешь в свою душу с тем неподкупным Ревизором, который встретит нас у двер(ей) гроба. Сами это знаем, а знать не хотим. Кипит душа страстями, говорим всякой день, а гнать не хоче(м). И бич в руках, данный на то, чтобы гнать их.

⟨Семен Семеныч.⟩ Да где ж бич! Какой бич!

⟨Михал Михалч.⟩ А смех разве не бич, или, думаете, даром нам дан смех, когда и последний негодяй, которого ничем не проймешь, его боится. Значит, он дан на доброе дело. Скажите, зачем нам дан смех? затем ли, чтобы так, попусту, смеяться? Если он дан нам на то, чтобы поражать им все позорящее высокую красоту человека, зачем же прежде всего не поразим мы то, что порочит красоту собственной души каждого из нас? Зачем не обратим его вовнутрь самих себя? Зачем один намек о том, что вы над собой смеетесь, может привести во гнев?.. Как бы то ни было, но всякая страсть, всякая низкая склонность наша, все-таки хочет сыграть сколько-нибудь благородную роль, принять благородную наружность и только под этой личиной пробирается нам в душу, потому что благородна наша природа и не допустит ее к себе в бесстыдной наготе. Но, поверьте, когда выставишь перед самим собой ее на смех и, не пощадя ничего, поразитишь так, что от стыда весь сторишь, не зная, куда скрыть собствен(ное) лицо свое, тогда эта страсть не посмеет остаться в душе нашей и убежит, так что и следа ее не отыщешь.

Семен Семеныч. Признаю(сь), ваш(и) слова заставили меня задумать(ся). Вы думаете, возможен этот поворот смеха на самого себя, противу собственного ⟨лица⟩?

⟨Петр Петрович.⟩ Я думаю только, что это возможно для человека, который почувствовал благородство природы и омерзенье к своим недостаткам.

М и х а л М и х а л ч. Я думаю только, что если он сверх ⟨того⟩ и русской в душе, тогда ему возможней. Согласитесь: смех у нас есть у всех, свойство какого-то беспощадного сарказма разнеслось у нас даже у простого народа. Есть также у нас и отвага оторваться от самого себя и не пощадить даже самого себя. Стало быть, у нас скорее может быть возмо⟨жен⟩ поворот смеха на его законную дорогу. Опровергните меня, докажите мне, что я лгу. Уничтожьте, разрушите убежденье мо⟨е⟩, и вместе с тем разрушите уже и меня, бедного скомороха, которой живет этим убежденьем, которой испробовал на собствен⟨ном⟩ своем теле. Семен Семеныч, разве у меня не такая же русская кровь, как и у вас? Разве я могу почувствовать в мои высшие минуты иное что, как не то же, что способны почувствовать и вы в такие? Разве я не стою теперь перед вами в мою высшую минуту? Служба моя кончилась. Я схожу с театра, на котором служил 20 лет. Вы сами меня увенчали венками, сами меня растрогали. Вы сами меня почти вынудили сказать то, что я теперь сказал. Смотрите же: я плачу. Комической актер, я прежде смешил вас, теперь я плачу. Дайте же мне почувствовать, что и мое поприще так же честно, как и всякого из вас, что я также служил земле своей, что не пустой я был скоморох, но честный чиновник великого Божьего государства и возбудил в вас не тот пустой смех, которым пересмекает человек человека, но смех, родившийся от любви к человеку. Николай Николаич, Федор Федорч, Семен Семеныч и вы все товарищи, с которыми делил я время труда, время наставительных бесед, от которых я многому поучился и с которыми расстаюсь теперь. Друзья! Публика любила талант мой; но вы любили меня самого! Отнимите, отнимите после меня этот смех, отнимите у тех, которые обратили его в кошунство над всем, не разбирая ни хорошего, ни [дурного]. Говорю вам, верьте этим словам, которые говорит душа впервые⟨?⟩ в свою жизнь. Он добр, он честен, этот [смех]. Он дан именно на то, чтобы уметь посмеяться над собой, а не над другим. И в ком уж нет дух⟨а⟩ посмеяться над собственными недостатками своими, лучше тому век не смеяться. Иначе смех обратится в клевету и, как за преступленье, даст он за него ответ.

⟨Далее следует послесловие:⟩ Пьеса под заглавием “Заключенье Ревизора” предназначалась в последний прощаль⟨ный⟩ бенефис

одному из лучших актеров нашего театра, а потом не мешает помнить, что *первый комический актер*, который есть главное лицо в этой комедии, взят в ту минуту, когда, прослуживши законное число лет, сходит он со сцены, прощаясь навсегда с публикою, которую занимал так долго, и с товарищами, которым уж больше не товарищ.

Черновые редакции

РЕВИЗОР

ПЕРВАЯ ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ (ЧА1)¹

⟨Л. 3.⟩ Действие I.

Комната в д⟨оме⟩ Городничего.

Явление первое.

Городничий,² Попечитель Богоугодных заведений
Антон [Игнатьевич], Смотритель училищ, Судья,
Частный пристав, два квартальных, Лекарь.

Городничий. Я пригласил вас, господа...³ Вот и Антона Антоновича, и Григория Петр⟨овича⟩, и Христиана Ивановича, и всех вас ⟨для⟩ того, чтоб⁴ сообщить одно чрезвычайно важное известие, которое, признаюсь вам, чрезвычайно меня потревожило.⁵ И вдруг сегодня неожиданное известие. Меня уведомляет⁶, что отправился из Петербурга чиновник с секретным предписанием обревизовать все относящееся по части управления, и именно в нашу губернию. Что уже выехал 10 дней назад тому и с часу на час должен быть, если не действительно уже находится инкогнито, в нашем ⟨городе⟩⁷.

Попечитель. Что вы говорите?..

Смотритель. Неужели?

---

¹ Печатается по верхнему слою. Предшествующие исправления приводятся под строкой.

² Далее зачеркнуто: С⟨мотритель?⟩

³ Далее зачеркнуто: с тем, чтоб сообщить вам

⁴ чтоб вписано

⁵ Далее зачеркнуто: Я так вот как будто бы предчувствовал, и сегодня во сне [снился мне такой вздор] снил⟨ась⟩ мне такая чепуха, как будто бы какие-то собаки [загнали меня] гнались за мною до самой городской тюрьмы.

⁶ Далее зачеркнуто: Андрей Иванович Пшыкин, который вам и⟨известен?⟩

⁷ В рукописи вместо: городе — написано: говорите

Судья. Нет?

Христ(иан) Иван(ович.) Он будет сюда.

⟨Городничий.⟩ Я признаюсь⁸ вам откровенно, что я очень потревожился.⁹ Я как будто предчувствовал. Сегодня во сне мне всю ночь¹⁰ снились какие-то собаки...¹¹ право, какие-то эдакие необыкновенные собаки, черные, с большими ушами и нечеловеч(ескими) мордами. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Пшикина, которого вы, Антон Антонович, знаете. Вот что он пишет: “Любезный друг, кум и благодетель (бормочет в полголоса, пробегая глазами) и уведомить тебя”. А вот: “Спешу между прочим уведомить, что приехал сюда чиновник с секретным предписанием осмотреть все губернии, а более всего нашу.¹² У нас даже губернатор узнал его после выезда.¹³ Это я узнал от самых верных людей,¹⁴ хотя он больше представляет себя частным лицом... (Городничий оборачивается и осматривает всех) частным лицом... Так как я знаю, что за тобою, как за всяким¹⁵, водятся грешки, потому что ты человек умной и не любишь пропускать того, что плывет в руки, то я советую тебе взять предосторожность и удержаться¹⁶ на время от прибыточной стрижки, как называешь взносы со стороны просителей и непросителей. Ибо он может приехать во всякой час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито...¹⁷ Вчерашнего¹⁸ дни я”. Тут пошли уж семейные дела. “Сестра Анна Кириловна приехала к нам с своим мужем. Иван Кирилович очень потолстел и все играет на скрипке” и проч., и проч. Ну так вот какое обстоятельство. У меня просто голова идет кругом. ⟨Л. 3 об.⟩ Я с своей стороны сделал кое-какие распоряжения в отношении¹⁹ собственно моей части, то есть преимушественно полицейской, нащел пожарных труб, чистоты улиц и пр. Предмет головоломный, несмотря на то что, по-видимому, кажется, незатруднительный. Проклятые обыватели домов насыпали

⁸ Далее зачеркнуто: как будто бы

⁹ Далее зачеркнуто: то есть так же что...

¹⁰ Далее зачеркнуто: грезилась страшная чепуха

¹¹ Далее зачеркнуто: Вот

¹² Далее вписано и зачеркнуто: Сам

¹³ У нас даже ~ после выезде. вписано

¹⁴ Рядом, на свободном обороте предшествующего листа (л. 2 об.), написано без обозначения места вставки: а мне сказал Хриза(н)ф Хризанфович за тайну

¹⁵ Место: как за всяким — было: [вод(ятся)] как за всяким человеком

¹⁶ Было: и предостеречься

¹⁷ Далее зачеркнуто: Я пр(...?)

¹⁸ Так в рукописи.

¹⁹ Место: в отношении — было: относительно

такие навозные кучи под окнами, как будто селитренные бурты.²⁰ Ну сами знаете, что можно в такое короткое время сделать. Теперь я почитаю²¹ дать некоторые советы и наставления относительно ваших частей. И, во-первых, Вы, господин попечитель Богоугодных заведений, приблизьтесь немного, Антон Антонович. Статься может, что прежде всего, как и обыкновенно и делается²², приезжий ревизор захочет осмотреть Больницы и заведения, состоящие под ведомством²³, и потому-то²⁴ вам²⁵ более всего нужно обращать главное²⁶, чтобы на больных колпаки были чистые и там, как следует, написать по-латыни или на каком другом языке, как заблагорассудится, это уже по вашей части, Христиан Иванович, всякую болезнь и когда заболел. Само по себе, что вы это уже можете обратить в свою пользу, как найдете лучше. Но вообще я должен заметить, что нехорошо, если больных слишком много, лучше, если их меньше, потому что это тотчас отнесут или к дурному смотрению, или к неискусству врача²⁷.

А н т о н А н т о н о в и ч. О, у нас никогда больные не залеживаются долго. Мы рассудили с Христианом Ивановичем, что²⁸ чорному чело(веку), например инвалид(ному) солдату или другому кому, незачем убыточиться в выписывании дорогих лекарств: человек простой: если умрет, то умрет и так. Если выздоровеет, то выздоровеет и так. Лучше сберегу я казенной интер(ес) и уменьшением²⁹ расходов увеличу сумму. Тогда начальство³⁰, видя мое усердие, без сомнения³¹ представит меня к Станиславу или Анне (обращаясь к Христиану Ивановичу), т.е. я разумею, что при этом и вам будет какое-нибудь благоволение.

(Г о р о д н и ч и й.) Ну там уж, как знаете вы, так и делайте³². Я свой долг исполнил. Теперь пожалуйста вы, Макар Николаевич. Я советую вам как Председателю Суда обратить тоже внимание на ваши присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно явля-

²⁰ Предмет головоломный ~ бурты. вписано на нижнем поле листа

²¹ Так в рукописи; ср. в АК1: почитаю необходимым

²² Так в рукописи.

²³ Так в рукописи; ср. в АК1: подведомственные вам

²⁴ Вместо: и потому-то — было: то

²⁵ Далее зачеркнуто: непременно

²⁶ Так в рукописи.

²⁷ В рукописи: врачу

²⁸ Далее зачеркнуто: а. лучше в случ(ае?); б. простому человеку как

²⁹ Далее зачеркнуто: суммы

³⁰ Было: правительство

³¹ Далее зачеркнуто: мне не откажет

³² так и делайте вписано

ются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусятами, которые так и шныряют под ногами. Оно конечно, домашним хозяйством заводитья всякому похвально и почему ж сторожу и не завести его. Только, знаете, все в этакое месте как-то неприлично. Я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то³³ позабывал... Нехорошо.³⁴ Также этот народ имеет обыкновение развешивать³⁵ на дверях³⁶ для сушки свои онучки и листья табаку, называемого Бакуном. Оттого, несколько раз я хотел вам заметить это,³⁷ воздух в присутственных местах был очень густ. Также подсудок ваш, он, может быть, и очень хороший человек и сведущий в своем деле. Я этого ничего не отнимаю у него. Но все-таки, знаете, оно неприлично. Его дворянство всего только три дня, как выбрало в это звание, а он в тот же день так нагрузился, что проспал на стуле все время, за(це)пившись ноздрей за свой мизинной палец³⁸. Я тогда же хотел вам это заметить, но как(-то), не помню, был развлечен чем-то. (Л. 4.) И я после этого тоже не раз заметил, что от него всегда шел тяжелый запах, так как бы на винокурном заводе. Знаете, это тоже нехорошо. Есть этакие средства, которые могут это несколько поправить: можно ему для этого посоветовать есть лук, или чеснок, или другое средство³⁹. Вот в этом случае⁴⁰ может Христиан Иванович что-нибудь присоветовать.

(Макар Николеевич.) Нет, я сам буду за ним смотреть.

(Гордничий.) Ну надет внутреннего распорядка я ничего не могу сказать.⁴¹ Это уж вы сами знаете, как поступать. Желательно бы⁴² побольше порядку в рассуждении дел, знаете, понумеровать их и проч. — Теперь я обращусь к Вам, господин попечитель Училищ. Хотя, конечно, вы имеете совершенно особенное свое управление, но так, как Глава города, я⁴³ обязан сделать вам несколько полезных замечаний. Я не знаю, обратится ли Господин Ревизор⁴⁴ пре-

---

³³ Вместо: все как-то — было: так как-то

³⁴ Далее зачеркнуто: Тоже

³⁵ Было: развешиваться

³⁶ Далее зачеркнуто: свои

³⁷ Далее зачеркнуто: запах

³⁸ Вместо: за свой мизинной палец — было: за палец

³⁹ Было: что-нибудь (не зачеркнуто)

⁴⁰ Вместо: в этом случае — было: в это

⁴¹ Рядом, на левом поле (л. 4), написан новый вариант, без указания места вставки: и того, что называет в письме Андрей Иванович грешк(ами), я ничего не могу сказать, да история говорит так, что и нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже Богом так устроено.

⁴² Далее зачеркнуто: конечно, чтобы порядок

⁴³ Далее зачеркнуто: имею

⁴⁴ Далее зачеркнуто: в Уездный

жде в суд, что однако ж мне кажется⁴⁵ сомнительно, что обыкновенно⁴⁶ все жалуются на большую запутанность Уездных судов, будто бы ошеломит так всякого нововходящего, что он едва находит дверь выйти, чего я не сужу, потому по этой части никогда не служил, и мой суд, как вы сами знаете, больше словесный. — Но что касается до вас,⁴⁷ Господин смотритель училищ, то вероятно, что после Богоугодных заведений он вздумает посетить⁴⁸ Училище и приходские школы. И потому я вам советую особенно обратить внимание на некоторые мои замечания, которые мне удалось сделать. Во-первых, об учителях. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях⁴⁹, но имеют многие странные поступки, натурально, неразлучные со всяким ученым человеком. Один из них, например вот этот, что имеет очень толстое лицо, не вспомню его фам(илии), никак не может, взошедши на кафедру, обойтись без того, чтобы не сделать рожу вот этак (*делает гримасу*), и потом потрет по щеке кулаком. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего, может быть, оно так там и нужно⁵⁰, я этого не знаю⁵¹, но вы посудите сами, если он это сделает пос(ет)ителю. Это может быть очень худо. Господин Ревизор или кто другой может это принять на свой счет. — Или там другой, которой читает красноречие⁵² или реторики. Тоже имеет странную привычку. Он, например, читает: “Прекрасно. Гм. Гм, тфу” и плюнет. “Изящное. Гм. Гм, тфу!” и плюнет. Оно ничего, для науки, конечно,⁵³ не вредит, но со стороны совершенно другое, и я, признаюсь, когда стоял поблизости, то он мне весь мундир обчихал, хорошо, что тогда мундир был на мне старой. Или Учитель по Исторической части,⁵⁴ ученая голова, это видно, и сведений⁵⁵ нахватал тму. Но только⁵⁶ читает с таким жаром, что не помнит себя. Я⁵⁷ один раз слушал его. Ну покамест еще говорил об Ассириянах и Вавилонянах, еще ничего, а как добрался до⁵⁸ Греков, и начал бегать с кафедры,

⁴⁵ Далее зачеркнуто: а. не случ(ится?); б. наверно, не может(?)

⁴⁶ Далее зачеркнуто: всякой очень боится

⁴⁷ Далее зачеркнуто: то прежде всего

⁴⁸ Вместо: вздумает посетить — было: тотчас посетит

⁴⁹ Вместо: в разных коллегиях — было: в Семинариях и коллегиях

⁵⁰ Вместо: так там и нужно — было: там и нужно так

⁵¹ я этого не знаю вписано

⁵² Далее зачеркнуто: каже(тся?)

⁵³ Далее зачеркнуто: его(?)

⁵⁴ Далее зачеркнуто: умная

⁵⁵ Далее зачеркнуто: тму имеет

⁵⁶ Далее зачеркнуто: вы ему посоветуйте поменьше горячиться

⁵⁷ Далее зачеркнуто: слушал

⁵⁸ Далее зачеркнуто: Финик(иян)

с начала с одной стороны доски прибежит, потом к другой, потом опять⁵⁹ <к> одной. Вдруг говорит⁶⁰: “Александр Македонский”, выпрямится и, что силы есть, хватит стулом о кафедру⁶¹. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать.

<Смотритель училищ.> Да, это правда. Я это сам замечал,⁶² очень горяч.

<Городничий.> Да, это уж так Богом устроено, чуть только умной человек, то или косолапой, или гримасу состроит жалостную, <Л. 4 об.> или запоем пьет, что-нибудь из трех. Вообще, что касается до преподавания, то я советую⁶³ Вам приказать, чтобы все это было как можно, знаете, удовлетворительнее, чтобы этак⁶⁴ было, как требуется...⁶⁵ Он должен вот как говорить: “Любезные дети! Я намерен или⁶⁶ имею намерение предложить вам вот то-то, вот то-то и вот то-то”. Вот эдаким образом нужно и после там, как уже(?) следует: “Вавилоняне”, или “прекрасное⁶⁷”, или “грамматика научает искусству говорить”, и тому подобное. Я распространился потому, что на это обращают теперь внимание⁶⁸, впрочем, вы сами можете знать это лучше.

Явление 2.

<Те же> и почмейстер.

Городничий. Здравствуйте, Иван Кузьмич. Я нарочно посылал за вами, чтобы сообщить вам очень важную новость.

Почмейстер.<е р.> Я слышал уже от Петра Иван(овича) Бобчинского. Он был у меня сегодня в почтовой конторе.

<Городничий.> Этот⁶⁹ болтун успел уже везде побывать. Я не знаю, как вы, Иван Кузьмич, а я чувствую так, как будто мурашки по всему телу.

<Почтмейстер.> Да что, разве вам никогда не случилось видеть Ревизора.

---

⁵⁹ Далее зачеркнуто: сядет

⁶⁰ Вместо: Вдруг говорит — было: Или говорит

⁶¹ В рукописи: каведру

⁶² Далее зачеркнуто: он

⁶³ Далее зачеркнуто: что(бы?)

⁶⁴ Далее зачеркнуто: вдруг, знаете

⁶⁵ Далее зачеркнуто: Любезн(ые?)

⁶⁶ Было: или я

⁶⁷ Далее зачеркнуто: есть

⁶⁸ Вместо: обращают теперь внимание — было: обращают искусство

⁶⁹ Вместо: Этот — было: А этот

⟨Городничий.⟩ Случалось, да знаете, теперь уж чересчур нахватал. Городок-таки, нечего сказать, прикрутил изрядно. Ведь вот что худо, что он-то инкогнито. Это⁷⁰, я вам скажу, просто прескверно, он может слышать такое, чего бы не хотелось⁷¹. Купцы и мещане на меня страх озарятся. Позвольте, Иван Кузьмич, пожалуйста сюда, я вам кое-что скажу (отводит его ближе к зрителям). Вот в чем дело. Может быть, он даже приехал и живет здесь⁷². Я, признаюсь вам, имею основательные причины думать, не жаловался ли кто-нибудь на меня. Отчего же, в самом деле, божья напасть, и именно на наш город. Может быть, чего, Боже сохрани, и думать, впрочем, может быть, он уже пристал где-нибудь и живет в самом городе, хотя по донесениям квартальных никого не оказалось. Как бы то ни было, только я прошу вас, особенно для общей нашей выгоды и пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, знаете, этак немножко распечатать и прочесть, весьма может быть, что там какой-нибудь или донос содержится, или, может быть, просто переписка. А если нет, то можно опять запечатать, для этого есть разные глиняные формы, или можно так отдать письмо, распечатанное...

⟨Почтмейстер.⟩⁷³ В этом вы не учите уже меня. Я и без того⁷⁴ имею этот обычай, не то чтобы из предосторожности какой-нибудь, а так просто хочется узнать, что есть нового на свете⁷⁵... Я вам скажу, что это очень⁷⁶ интересное чтение. Ей Богу. Иное письмо с большим удовольствием прочтешь.⁷⁷ Так хорошо описываются⁷⁸ разные этакие пассажи, нравоучительно даже, ей Богу, гораздо лучше, нежели в “Московских ведомостях”... и даже вон в том толстом журнале... А Вы никогда не читали?..

⟨Городничий.⟩ Нет. Я, впрочем,⁷⁹ рад, что вы наблюдаете этот обычай. Что ж, скажите, ничего там вы до сих пор не встречали о Ревизоре, не упоминает ли кто к кому в частном письме.

---

⁷⁰ Вместо: Это — было: Вот это скверно

⁷¹ Вместо: не хотелось — было: а. может быть, не услышал; б. может быть, он не услышал (слова быть, он не услышал остались *зачеркнутыми*)

⁷² Далее *зачеркнуто*: по к(райней мере?)

⁷³ Рядом, на левом поле (л. 4 об.), *приписано без обозначения места вставки*: Почему ж не распечатать. Ведь от [этого] никакого худа не может быть получателю. Правда, немножко позже только [письмо] получит. Что ж это все равно.

⁷⁴ В *рукописи*: и того

⁷⁵ Вместо: хочется узнать ~ на свете — было: из любопытства

⁷⁶ Вместо: это очень — было: действительно очень

⁷⁷ Далее *зачеркнуто*: а. так, знаете; б. так, знаете, и слог, и все так

⁷⁸ В *рукописи*: описывается

⁷⁹ Далее *зачеркнуто*: очень

⟨Л. 5.⟩ ⟨Почтмейстер.⟩ Нет, об этом еще ничего никто не пишет. А жаль, что вы не читали никогда⁸⁰ писем: есть прекрасные места. Вот недавно читал⁸¹, один порутчик пишет к одному приятелю своему ⟨в⟩ городе и описал бал, и такими⁸² красками, так, знаете, очень хорошо. “Барышень, говорит, было много, и музыка, и все это”, с большим чувством написал... Вот если хотите, я вам⁸³ дам и теперь его прочесть. Я нарочно оставил, чтобы прочесть некоторым знакомым.

⟨Городничий.⟩ Нет, покорнейше благодарю. Ей богу, мне не до того теперь. Так, право, все кажется, как будто вот-вот откроются двери ⁸⁴и входит Ревизор⁸⁵. Так сделайте милость, Иван Кузьмич, как только какое-нибудь известие, сей час ко мне, и письма покамест не отдавайте. ⁸⁶Тоже, если какая-нибудь жалоба или донос⁸⁷, задержите.

⟨Почтмейстер.⟩ Очень хорошо, я непременно удержу...

⟨Городничий.⟩ Я не знаю, у меня в ушах так, как будто сверчки трещат. Вам, Антон Антонович, не случилось этого.

⟨Антон Антонович.⟩ Случалось⁸⁸, все случалось, иногда как будто барабан бьет,⁸⁹ а там, смотришь, стрельба или как будто танцует кто-то.

⟨Городничий.⟩ Я думаю, я не простудился как-нибудь, право, так вот и представляется, что двери сей час откроются и входит Ревизор.

Явление 3.

⟨Те же,⟩ Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие.

Добчинский. Неожиданная⁹⁰ новость.

---

⁸⁰ Далее зачеркнуто: чу(жих?)

⁸¹ Далее зачеркнуто: я как

⁸² Далее зачеркнуто: живыми

⁸³ Далее зачеркнуто: при

⁸⁴ Перед: и входит — написано: вот (незавершенная правка)

⁸⁵ Вместо: и входит Ревизор — было: В ушах у меня так [как будто после простуды] трещат какие(-то) сверчки, как будто после простуды (слова: сверчки, как будто после простуды — остались незачеркнутыми)

⁸⁶ Перед этим зачеркнуто: Есл(и)

⁸⁷ Было: донесение

⁸⁸ Далее зачеркнуто: Иван Тимофеевич

⁸⁹ Далее зачеркнуто: а иногда

⁹⁰ Было: важная

Б о б ч и н с к и й. Здравствуйте, Антон Антонович. Здравствуйте, Иван Кузмич, мое почтение, Степан⁹¹ Васильевич. Никаким образом непредвиденное дело.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Что, что такого.

Д о б ч и н с к и й. Мы приходим в гостиницу...

⟨Б о б ч и н с к и й.⟩ В гостиницу.

⟨Д о б ч и н с к и й.⟩ Позвольте, позвольте, Петр Иванович, позвольте по ⟨по⟩рядку.

Г о р о д н и ч и й. Садитесь, вот стул. ⁹²Петр Иванович, вот вам, садитесь. *(Бегает за стульями.)* Господа, садитесь, сделайте милость, садитесь. Вот стул, Иван Петрович⁹³, садитесь. *(Все усаживаются в кружок около Петров Ивановичей.)*

Б о б ч и н с к и й. Как только я вышел от вас,⁹⁴ то поспешил тогда же зайти к Фертоновичу и никого не застал дома, как вдруг вот на дороге встретился с Петром Ивановичем.

Д о б ч и н с к и й. Возле будки, против вознесенских ворот.

⟨Б о б ч и н с к и й.⟩ Возле будки, против вознесенских ворот. “Слышали ли вы” говорю я Петру Ивановичу “о новости, которую получил Антон Антонович из достоверного письма”, а Петр Иванович услышали уже об этом от вашей ключницы Авдотьи, которая приходила к ним зачем⟨-то⟩.

⟨Д о б ч и н с к и й.⟩ За сушеною мятою для простуды⁹⁵...

Б о б ч и н с к и й. За сушеною мятою для простуды⁹⁶. — Вот мы пошли вместе с Петром Иванович⟨ем⟩. К протопопу. Да на дороге Петр Иванович говорят мне: “Теперь, я знаю, привезли в город свежей семги. Так зайдем⁹⁷ в трактир да закусим и позавтракаем”. Входим в гостиницу, вдруг...

Д о б ч и н с к и й *(перебивая)*. Молодой человек недурной наружности...

Б о б ч и н с к и й *(перебивая)*. Молодой человек недурной наружности. Ходит этак по за⟨ле⟩, и в лице видно рассуждение, такие важные поступки... *(вертит рукою)* и так много, много всего... Петр Иванович их как увидели, сей час пожелали узнать, кто таков этот молодой человек. Кому то есть принадлежат все эти важные поступки, и потому Петр Иванович подозва⟨ли⟩ к себе трактирщика,

⁹¹ Далее зачеркнуто: Гаври⟨лович⟩

⁹² Перед этим зачеркнуто: Петр

⁹³ Так в рукописи.

⁹⁴ Далее зачеркнуто: то я

⁹⁵ В рукописи: простоды

⁹⁶ В рукописи: простоды

⁹⁷ Вместо: Так зайдем — было: Так не зайти ли нам

трактирщика Власа, у него жена три недели назад тому родила, и такой хороший очень мальчик, должно⁹⁸ быть, тоже будет когда-нибудь держать трактир. Подозвавши трактирщика, Иван⁹⁹ Иванович спросил, кто таков этот¹⁰⁰ молодой человек и как давно имеет пребывание в трактире. А трактирщик говорит, что фамилия его Хласков, служит в Петербурге, едет для свидания с родителями в Екатеринославскую губернию, но остановился, уже три¹⁰¹ (Л. 5 об.) как¹⁰² живет здесь. Дальше не едет и денег не платит. Я сей час как услышал это, говорю: “Э!” (*Подымает палец.*)

Д о б ч и н с к и й. Нет¹⁰³, Петр Иванович. Это я сказал: “Э!”

Б(о б ч и н с к и й.) Да, однако ж, Петр Иванович¹⁰⁴, сначала Вы сказали: “Э”, а потом, однако ж¹⁰⁵, и я сказал: “Э...”¹⁰⁶ Так мы сей час сказали: “Э! дальше не едет¹⁰⁷”. Отчего же он живет здесь, когда ему дорога Бог знает куда, в Екатеринославскую Губернию. Отчего ж это он не едет.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Что вы? (*В испуге.*) И он все там живет.

Д о б ч и н с к и й. Там и живет в гостинице, в 5 номере¹⁰⁸ над лесницей, сей час над лесницей.

Б о б ч и н с к и й. Ну пусть, это еще ничего, подумали мы с Петром Ивановичем, что он дальше не едет. Положим, он простой человек, отчего ж он денег не платит.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Что вы говорите, этот самой молодой человек, да¹⁰⁹ его видел. Он несколько раз прохаживался с тросточкой. Ну хорош и я, ему ни один раз даже шляпы не снял... Ну признаюсь, Господа, мы все в порядочных, как называется¹¹⁰, дураках.¹¹¹ Он, может быть, что-нибудь уже и посмотрел, и заглянул куда-нибудь. Признаюсь, я-таки прикрутил кое-кого хорошенько.¹¹² Право, так

---

⁹⁸ В рукописи: должен

⁹⁹ Так в рукописи.

¹⁰⁰ Слово повторено в рукописи дважды.

¹⁰¹ Так в рукописи; ср. в АК1: больше полторы недели

¹⁰² Далее зачеркнуто: zde(сь)

¹⁰³ Было: Э, нет

¹⁰⁴ Вместо: однако ж, Петр Иванович — было: это правда

¹⁰⁵ однако ж вписано

¹⁰⁶ Далее зачеркнуто: Да, говор(им?)

¹⁰⁷ Далее зачеркнуто: денег не платит

¹⁰⁸ Было: №

¹⁰⁹ Так в рукописи.

¹¹⁰ как называется вписано

¹¹¹ Далее зачеркнуто: Я ей Богу не знаю, как

¹¹² Вместо: что-нибудь уже ~ хорошенько. — было: посмотрелся всего того, чего бы ему совсем не нужно видеть. Я ей Богу, я не знаю, что и делать. Я еще недавно немножко пристриг(?) одно(го) купца. Признаюсь, запустил руку кое-куда...

как будто бы опять в ухе сверчки...¹¹³ Как Вы, Господа, как, вот я во всеобщем собрании Вашем теперь... Как вы присоветуете... что, то есть, что нам делать, как, то есть, как приступить к этому.

П о ч м е й с т е р. По ⟨моему?⟩ мнению, нам теперь всем¹¹⁴, так как главным чиновникам города, нужно бы¹¹⁵ отправиться тот(час) же в Гостиницу. — Вы как первенствующее лицо, а мы тоже как хорошие люди.¹¹⁶

П о п е ч и т е л ь Б о г о у г о д н ы х з а в е д ⟨ е н и й ⟩. Если являться⟨?⟩, то в мундирах.

⟨?⟩ Нет, ⟨1 нрзб.⟩ нужно побольше обряд¹¹⁷, вызвать цеховых, находящихся в городе, и гражданство, хоть они и мошенники, и простой народ¹¹⁸, впереди пустить голову, он же и на вид никогда не ударит лицом в грязь¹¹⁹: и толстой, и¹²⁰ неглупой человек, из Духовенства также...¹²¹

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Нет, нет, уже позвольте, не так, совсем не так должно. Он, видите, инкогнито, то есть, как говорится, скрытно¹²², стало быть, он никак не хочет, чтобы мы знали, кто он, и потому-то мы вот что сделаем.¹²³ Я один или хоть с кем-нибудь, вот хоть с Петром Ивановичем, поеду¹²⁴ к нему на дом и так, знаете, подкачу к нему с турусами на колесах под самое крыльцо. А вам я советую, господа, сей же час отправиться и привести в порядок¹²⁵ что можно на

---

¹¹³ *Вместо:* Право, так как будто ~ сверчки... — *было:* Право, так вот как будто у меня простода увеличилась, в левом ухе совершенные сверчки...

¹¹⁴ *Вместо:* По ⟨моему?⟩ ~ всем — *было:* Я того же мнения, чтобы теперь нам всем

¹¹⁵ нужно бы *вписано*

¹¹⁶ *Вместо:* Вы как ~ хорошие люди. — *было:* Вы как первенствующее лицо вперед, а мы за вами, само собою разумеется, что в мундирах

¹¹⁷ *Вместо:* Если являться ~ обряду — *было:* Я того мнения, что недурно бы дать весть об этом в городе и собрать всех

¹¹⁸ *Слова:* и гражданство ~ простой народ — *вписаны на полях (л. 5 об.) без обозначения места вставки. Вместо:* и простой народ — *было:* и едят всякую дрянь, как и простой народ (и едят не *зачеркнуто*)

¹¹⁹ *Вместо:* никогда не ударит лицом в грязь — *было:* очень приличен

¹²⁰ *Далее зачеркнуто:* ум(ный)

¹²¹ *Вместо:* также... — *было:* также недурно бы кого-нибудь пригласить. *Далее зачеркнуто:* ⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ А вы, Эвл Герасимович. — ⟨Э в л Г е р а с и м о в и ч.⟩ А я, позвольте, тут у меня секрет где-то был... Ах Боже, его нет. Я того же мнения, того же самого мнения. Г о р о д н и ч и й (к судье). А вы? С у д ь я. Я, право, никак не знаю... У меня совершенно такая же почти болезнь, как у вас, сделалась, в ухе как трещотка, и вот, не знаю, на ногтях какие(-то) синие пятна. На всех ногтях, вот посмотрите.

¹²² *Вместо:* как говорится, скрытно — *было:* этак скрытно

¹²³ *Далее зачеркнуто:* Мы с

¹²⁴ *Далее зачеркнуто:* едем

¹²⁵ *Вместо:* в порядок — *было:* поскорее(й)

скорою руку, потому что статья может, что он сей же час¹²⁶ захочет отправиться осматривать ваши заведения.

А р т е м и й Ф и л и п о в и ч. Ох, мать пресвятая, помоги, чтобы¹²⁷ мимо прошла туча эта, чтобы там себе и зацепила кого-нибудь и потрепала хорошенько, да только не здесь.¹²⁸

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Ей,¹²⁹ Свистунов (*квартильный по⟨д⟩бега-ет*), ступай скорей веди ко мне частного, слышишь, ухо?

⟨?⟩ Пойдем, пойдем, Филип Артемьевич.

⟨Ф и л и п А р т е м ь е в и ч.⟩ Что вы так?

⟨?⟩ Да ничего, я так только. Признаться, ⟨Л. б⟩ так сам не знаю, отчего ногти вот и на этой, и на этой руке совсем посинели, так как будто Лихорадка.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩¹³⁰ Кополов, что дрожки мои стоят?

⟨К в а р т а л ь н ы й.⟩ Стоят.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Ступай¹³¹ скорей в комнату, съешь там новую шпагу и шляпу. Ну, Петр Иванович (*обращаясь к Добчинскому*), так мы с вами поедем.

Б о б ч и н с к и й. И я, и я, позвольте уж и мне, Антон Антонович.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Да как же втроем, неловко как-то, да полагаю, и в дрожки не поместимся.

Б о б ⟨ ч и н с к и й.⟩ Ничего, ничего, я так, петушком, петушком побегу за дрожками. Мне так только посмотреть в щелочку, так, знаете, из-за дверей, где мне,¹³² только видеть, как там он,¹³³ этак... больше сущность и поступки, а то я ничего¹³⁴.

Г о р о д н и ч и й¹³⁵ (*квартильному, несущему шпагу и коробку с шляпою*). Тоскашов, беги сей час, займи десятских... чорт возьми, тут еще нет, как нарочно, никого, скажи, чтобы взяли в руки...¹³⁶ Эх, шпага исцарапана. Ты¹³⁷ поцарапал?

---

¹²⁶ Далее зачеркнуто: отп⟨равиться?⟩

¹²⁷ Слово повторено в рукописи дважды.

¹²⁸ Далее зачеркнуто: Поедем скорее

¹²⁹ Далее зачеркнуто: Иван Иванович, ступай

¹³⁰ Перед: Кополов — зачеркнуто: Что

¹³¹ Вместо: Ступай — было: Ну так

¹³² Далее зачеркнуто: так постою

¹³³ Далее зачеркнуто: как этак

¹³⁴ Вместо: этак ~ я ничего — было: этак будет и говорить, и изъясняться, его то есть разные изъяснения, Вельможные поступки и тому подобное.

¹³⁵ Далее зачеркнуто: Тоска(шов)

¹³⁶ Далее зачеркнуто: Проклятой

¹³⁷ Далее зачеркнуто: цар⟨апал?⟩

⟨К в а р т а л ь н ы й.⟩ Нет, Ваше высокоблагородие.

Г о р о д н и ч и й. Проклятый купчишка Авиндулин, видит, ка-
налия, что у Городничего старая уже шпага, а не прислал, мерзавец. —
О, народ лукавой, а так мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под
полы готовят. Скажи там, слышишь, чтобы десятские, чорт возьми, и
частного до сих пор нет. Скажи, ч(тоб)ы взяли по большой улице в
руки да хорошенько бы всю метлу¹³⁸-то, всю, всю, что идет к тракти-
ру, поскор(ее) вымели бы начисто.

⟨Явление 4⟩

Т е ж е и ч а с т н ы й.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Что вы, где вы были, что Вы не знаете сво-
ей должности.

⟨Ч а с т н ы й.⟩ Помилуйте, Антон Антон(ович), тут сей час на
крыльце был.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Да разве сей час. Скажите там, порядку,
порядку [побольше], да не в(ып)ускайте солдат на ул(ицу) без всего,
а то эта дрянная гарнизона имеет обыкновение, так только сверх рубаш-
ки наденет мундир,¹³⁹ а там внизу ничего нет.¹⁴⁰ Да там протянуть
шнур. Сивяшкин(?), скорей, скорей, лети, Свистунов, протянуть
шнур от избы Дьяка до Дому до прото(по)па, так, как будто бы там
новая улица прокладывается, да выгнать¹⁴¹ какого-нибудь народа,
чтобы [что-]нибудь делали, хоть бы так только руками шевели(ли).¹⁴²
Да если спросит службу: довольны ли? чтобы все говорили: “Всем
довольны, Ваше благородие, хорошее начальство”, а которой будет
недоволен, то я ему такого после дам неудовольствия, что он позабу-
дет, которою¹⁴³ рукою и креститься нужно.¹⁴⁴ Едем, едем, Петр Ива-
нович, о Боже мой, господи, дай, чтобы все сошло хорошо. Вот по-
ставлю свечу, так поставлю свечу¹⁴⁵. Выше колокольни. На каждой
квартал наложу привезти по пяти пуд воску. (Берет коробку вместо
шляпы¹⁴⁶.) Едем, едем, ступай же скорее. Квартальный Пуговицин

¹³⁸ Далее зачеркнуто: что от

¹³⁹ Далее зачеркнуто: да и метет улицы

¹⁴⁰ Далее зачеркнуто: Ох

¹⁴¹ В рукописи: выгнуть

¹⁴² Далее зачеркнуто: О Боже, Господи, только(?) дай Боже

¹⁴³ В рукописи: которую

¹⁴⁴ Текст: Да если спросит ~ креститься нужно. вписан на нижнем поле листа без
обозначения места вставки

¹⁴⁵ Далее зачеркнуто: больше

¹⁴⁶ В рукописи: шляпу

пусть стоит на мосту для порядку, да он и видного росту, ох Боже мой, едем, Петр Иванович (*берет коробку*¹⁴⁷ на голову). Едем.

⟨Ч а с т н ы й.⟩ Ваше Высокоблагородие, у вас коробка.

Г о р о д н и ч и й (*бросает ее*). Чорт с ней. Где шляпа^{148, 149} (*Говорит в дверях.*) Да если спросит Ревизор, давно ли строится Дом призрения убогих, сказать, что недавно, что еще только вчера или третьего дня начали,¹⁵⁰ чтоб он ничего¹⁵¹ и не знал, что его строят 12 лет.

⟨Л. 6 об.⟩ ⟨Явление 5⟩

А н ⟨н⟩ а А н д р е в н а вбегает с М а р ь е й
А н т о н ⟨о в н⟩ о й.

А н ⟨н⟩ а А н д р е в н а. Где ж, где ж он. Ах Боже мой. (*Отворяет дверь.*) Муж! Антон, а Антон. Вот и ушли, (*говорит скоро*) а все ты, а все за тобой, и пошла копать: “Я булабочку, я сей час¹⁵². Маминька, Маминька, погодите, зашпилю сзади косынку” (*бежит к окну*), вот и “сей час”¹⁵³, а все проклятое кокетство.¹⁵³ Узнала, что почт(м)ейстер здесь, чтобы ему глазки(?)¹⁵⁴ воображает, что он за ней волочится, а он просто делает тебе рожу, как отвернешься. (*Кричит в окно.*)¹⁵⁵ Антон, куда, куда же, что, приехал Ревизор? Что он, статский¹⁵⁶, как с усами...

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ После,¹⁵⁷ после, Матушка.

⟨А н н а А н д р е в н а.⟩ Как после, вот еще. Я не хочу¹⁵⁸. Антоша, Антошка. Уехал проклятой Мужик Антошка Антошище глупой. Грубиян какой (*машет рукою*). Постой ты, Антошка, я тебе¹⁵⁹ вспомню это.¹⁶⁰ А все ты: “Я сей час”, вот тебе и “сей час”.¹⁶¹ Вот тебе и не узнали ничего...

147 Было: шляпу и коробку (и не зачеркнуто)

148 В рукописи: шляпу

149 Далее зачеркнуто: возвращается назад

150 Далее зачеркнуто: Боже сохран(и)

151 ничего вписано

152 а все за тобой ~ я сей час вписано

153 Далее зачеркнуто: а. Вот; б. Что

154 Далее зачеркнуто 1 нрзб.

155 Далее зачеркнуто: куд(а)

156 Далее зачеркнуто: или(?)

157 Далее зачеркнуто: матушка

158 Далее зачеркнуто: ждать(?)

159 Далее зачеркнуто: дам

160 Грубиян какой ~ вспомню это. вписано на левом поле листа с указанием места

вставки

161 “Я сей час”, вот тебе и “сей час”. вписано на полях с указанием места вставки

⟨Марья Антоновна.⟩ Да что делать, Маминька, все равно, через два часа мы все узнаем.

⟨Анна Андреевна.⟩ “Через два часа”, покорнейше благодарю. Я и без вас знаю, что¹⁶² через два часа буду все знать. Одолжила очень ответом. (Свешивается в окно.) Ей, Авдотья. А что, Авдотья, ты слышала, кто там! приехал что ли. А! Генерал!

Г о л о с А в д о т ь и. Ей богу, сударыня, ничего не услыша(ла), поткнулась было к Квартальному, руками только машет, как угорелый.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ах какая ты глупая. Да ты все бы таки расспросила.¹⁶³ Ну вот не могла этого узнать, потому что у тебя в уме только женихи сидят¹⁶⁴. А? ты бы побежала за дрожками, хоть бы знать, куда они поехали. Ступай, ступай. Слышишь, побегни, расспроси, куда они поехали, да расспроси хорош(енько), подсмотри в щелку, слышишь,¹⁶⁵ и узнай все, как он собой, и узнай, какие глаза, черные или нет¹⁶⁶. Слышишь, и сию минуту воротись назад, я буду поджидать тебя у окна.

---

162 что вписано

163 Да ты все бы таки расспросила. вписано

164 Вместо: потому что ~ сидят — было: у тебя только и в уме, что женихи

165 Далее зачеркнуто: каков он(?)

166 и узнай ~ или нет вписано

⟨Л. 7.⟩ Действие II.

Маленькая Комната в Гостинице.¹

Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и проч.

⟨Явление 1⟩

О с и п сидит на барской постеле.

Чорт побери, есть так хочется... и в животе, право, как на волторнах² играют. Вот, мать моя ты Божья, не доедем да и только домой. Что ты прикажешь делать? Веть уж и всего треть верстов осталось. Эх, деньги, деньги.³ Небось, теперь он и сам пляшет. Просвистал дорогою, и сидит⁴, и хвост подвернул, и не горячится⁵. А стало бы, и очень стало бы на прогоны, так вишь ты, нужно в каждом губернском городе показать себя. Комнату в Трактире спросит самую лучшую, да извощика ему сей час давай лихача кататься. Куда как нужно кататься, давай сей час с проезжающим знакомиться, а потом в картишки, вот теперь и посвистывай⁶. Эх, право, надоела такая жизнь. Чорт возьми. Иной раз хорошо наешься,⁷ а неделю голодаешь. Ей Богу, на деревне лучше.⁸ Оно хоть нет публичности, да заботности меньше. Возмешь себе Бабу, да и лежи весь век на полатах, да ешь пироги. Конечно, если сказать правду, против жизни в Петербурге ничего нет лучше. Деньги б только б были, а жизнь тонкая и политичная: пой-дешь в комедь, о масленой на горы,⁹ довольства много, и собаки тебе

---

¹ Далее зачеркнуто: Осип сидит на

² Вместо: как на волторнах — было: как будто на трубах

³ Далее зачеркнуто: Ведь и

⁴ Вместо: и сидит — было: а теперь вот сидит

⁵ Далее зачеркнуто: что Губернский город

⁶ вот теперь и посвистывай вписано

⁷ Далее зачеркнуто: а в дру(гой?)

⁸ Далее зачеркнуто: Возьмешь себе Бабу

⁹ Далее зачеркнуто: у(довольствий?)

танцуют. Все, что хочешь.¹⁰ Весь житель с уважением разговаривает¹¹. Пойдешь на Щукин, купцы тебе кричат: “Почтенной, сюда, сюда¹² тебе”. На перевозе в лодке с чиновником сядешь. В растерянии [Компанство]¹³. В мелочную лавочку пойдешь, всякого компанства сыщешь. Туда зайдет и Артельщик, и Кавалер такой, что у него медалей¹⁴ и сощитать не сощитаешь, и золотой позумент на руке носит,¹⁵ и горничная девка такая нарядная, что в нашем уезде и барышни так не ходят, и старуха Чиновница зайдет туда, и ты невежливого слова никогда не услышишь, обращенье¹⁶ самое политичное, тебе всякой говорит “вы”. Наскучило итти куда, берешь извощика и так сидишь себе на дрожках, как Барин... а если не хочешь заплатить ему, то¹⁷ почти у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. — Эх, канальство, одно плохо, что иной раз случалось недели две не есть ничего, кроме хлеба. Ведь все он-то сам виноват, что с ним сделаешь. Батюшка пришлет денежки, чем бы их попридерживать, а он и вдруг и кутит так, ездит на извошике. В Театр ты ему доставай билет. А там через неделю, глядь, и посылает на¹⁸ Толкучий продавать фрак¹⁹ или жилеты. Ей Богу, правда, и сукно такое важное²⁰, Аглицкое. Рублев полтора ста ему один фрак станет, а на рынке и спустит рублей за двадцать, а о брюках и²¹ говорить нечего, нипочем идут. — А почему? Потому что делом не занимается. Вместо того чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту²², в картишки играет, извощиков надувает. В магазей пойдет — а в магазее что пуговица, то и пять рублей.²³ Эх, если б узнал это старой Барин. Он не посмотрит на то, что ты чиновник. А просто²⁴ подымет тебе рубашонку да засыплет тебе таких²⁵ березовых прутиков, что и

---

¹⁰ *Далее зачеркнуто:* в растеряцию пойдешь, развалишься так себе на бархатном стуле, на каком и старый барин не сиживал. — Хочешь

¹¹ *В рукописи:* разговаривает

¹² *В рукописи:* суда

¹³ *Перед зачеркнутым:* Компанство — знак вставки, сама вставка не сделана

¹⁴ *Далее зачеркнуто:* ты себе

¹⁵ *Далее зачеркнуто:* и чиновница зайдет туда

¹⁶ *Далее зачеркнуто:* такое

¹⁷ *Далее зачеркнуто:* у дома

¹⁸ *Далее зачеркнуто:* р(ынок?)

¹⁹ *Далее зачеркнуто:* Ей

²⁰ *Далее зачеркнуто:* то

²¹ и вписано

²² *Далее зачеркнуто:* или друзей угощает

²³ *Далее зачеркнуто:* Е(сли б?)

²⁴ *Вместо:* А просто — было: А так-таки

²⁵ *Далее зачеркнуто:* розгачей слав(ных)

думать позабудешь об своем чиновничестве. — Коли служить, так служи, долг исполняй свой.²⁶ Друзей не угощай. Да они-то, пожалуй, будут есть, да... А вот теперь и не дают есть. Трактирщик сказал, что ничего не дам, барин вот уж две недели не плотит. Ах ты Боже ты мой! Хоть бы какие-нибудь щи,²⁷ так, кажись бы,²⁸ теперь весь свет съел. Вот стучит уж, это он идет. (С кровати встает²⁹.)

⟨Л. 7 об.⟩ ⟨Явление 2⟩

⟨Хлестаков⟩ (входит, скидает Картуз, выпускает вздох усталости). Что здесь? Гм. Гм... Ничего?

⟨Осип.⟩ Ничего.

⟨Хлестаков⟩ (подходит к кровати). А, верно, лежал на кровати, вся искомкана.

⟨Осип.⟩ Да на что ж бы мне³⁰ лежать на вашей кровати, не видал я разве кровати, что ли³¹.

⟨Хлестаков.⟩ Врешь, дурак, лежал, запачкана грязным.

⟨Осип.⟩ Да³² я и не дотрогивался до вашей³³, что, разве у меня ног нет, что ли. Я и постою себе, что мне кровать.

⟨Хлестаков.⟩ (ходит по комнате). Там табаку нет?

⟨Осип.⟩ Да где ж табак, вы еще четвертого дни последн(ее) выкурили.

⟨Хлестаков.⟩³⁴ (сквозь зубы). Хм, хм³⁵. (Напевает.)
Послушай, ей, Осип!

⟨Осип.⟩ Чего извольте.

⟨Хлестаков.⟩ Ты ступай туда.

⟨Осип.⟩ Куда?

⟨Хлестаков.⟩ Вниз, в буфет... и там скажи ... чтобы³⁶ мне дали³⁷... пообедать, там суп, соус... и еще что-нибудь. Поскорей.

²⁶ Далее в рукописи: [А за девчонками] не бегай

²⁷ Далее зачеркнуто: теперь

²⁸ Далее зачеркнуто: весь

²⁹ Вместо: С кровати встает. — было: Поскоре(е) вскак(ивает?) с кровати

³⁰ Вместо: на что ж бы мне — было: на что мне

³¹ на вашей кровати ~ что ли вписано

³² Далее зачеркнуто: а. я и не трога(л); б. на что ж бы я лежал, разве

³³ Так в рукописи.

³⁴ Далее зачеркнуто: Хм. Хм.

³⁵ Далее зачеркнуто: тра(ла-ла?)

³⁶ Было: что

³⁷ Далее зачеркнуто: супу и

⟨О с и п.⟩ Да нет, я и ходить не хочу.

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Как ты смеешь, дурак ты!..

⟨О с и п.⟩ Да так, все равно, хоть и пойду, то ничего из этого не будет³⁸. Хозяин сказал, что больше не даст обеда³⁹.

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Как он смеет, дурак.

⟨О с и п.⟩ Да так, говорил, что и к Городничему пойдет, что вот третья неделя барин⁴⁰ не платит. “Вы де с Баринoм” говорит “мошенники, и Барин твой плут. Мы де” говорит “этаких широмыжников уже видали”.⁴¹

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Как он смеет так говорить. Ты скажи ему, что мне нужно обедать.

⟨О с и п.⟩ Говорит:⁴² “При⟨дет⟩ да⁴³ так обживется и задолжает, что после и выгнать нельзя. Я” говорит “шутить не буду, а⁴⁴ возьмет его городничий, широмыжника, в тюрьму...”

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Ну, ну, полно. Ступай скажи, что я... мне нужно обедать.

⟨О с и п.⟩ Да я лучше я самого хозяина.

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Да на что ж хозяина, ты поди сам скажи, ну... э... что мне есть хочется... что я хочу обедать.

⟨О с и п.⟩ Да, право, сударь...

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Ну ступай, позови хозяина. (*Осип уходит.*)

⟨Явление 3⟩

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Канальство, ужасно есть⁴⁵. Так немножко прошелся, думал, не пройдет ли Appetit, нет, чорт возьми, не проходит. Эх⁴⁶, если бы в Туле я не кутнул, стало бы доехать домой. Да пехотный капитан посадил меня больше всего. Славно Бестия штосы срезывает. Нужно когда-нибудь поучиться.⁴⁷ Я думаю только⁴⁸, не случится с ним встретиться больше. (*Зевая.*)⁴⁹ Чорт возьми, как бы,

³⁸ *Вместо:* то ничего из этого не будет — было: что ж из этого

³⁹ *Далее зачеркнуто:* и что пойдет сегодня к Городничему

⁴⁰ *Далее зачеркнуто:* а. не пл(атит?); б. и он ба(рину?)

⁴¹ *Далее зачеркнуто:* При⟨едет⟩ да так обживется и наделает столько долгов, что уж и выгнать после

⁴² *Далее зачеркнуто:* жив⟨ет?⟩

⁴³ *В рукописи:* та

⁴⁴ *Далее зачеркнуто:* вот” говорит “как

⁴⁵ *Так в рукописи; ср. в АК1:* как хочется есть

⁴⁶ *Было:* Ех

⁴⁷ *Далее зачеркнуто:* да уж

⁴⁸ *только вписано*

⁴⁹ (*Зевая.*) *вписано*

в самом деле, уже скорее доехать домой. Надоело в дороге. Такой скверный городишка, ничего совершенно нет. Хоть бы кондиторские были, то можно бы еще⁵⁰ перехватить того-сего⁵¹ и вытти, не плативши. Я заходил во все овошенные лавки и пробовал балыки и сыр. Балыки⁵² хороши, да проклятые⁵³ сидельцы так мало дают на пробу... (Свистит.) Тошнит немного. А вот идет кто-то.

⟨Явление 4⟩

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.⁵⁴

С л у г а. Хозяин приказал спросить: что вам угодно?

⟨Хлестаков.⟩ А, здравствуй, братец. Ну что, какова погода на дворе?

⟨Слуга.⟩ Погода⁵⁵ хороша, только немного сыровато.

⟨Хлестаков.⟩ Отчего ж это сыровато?

⟨Слуга.⟩ Не могу знать, должно быть, нужно дождя ожидать.

⟨Хлестаков.⟩ Ну что, много у вас проезжающих?

⟨Слуга.⟩ Да достаточно.

⟨Хлестаков.⟩ Это хорошо. Послушай, любезный, там мне до сих пор обедать не приносят, так, пожалуста, поторопи⁵⁶, чтобы поскорее,⁵⁷ потому что мне нужно после обеда кое-чем заняться.

⟨Слуга.⟩ Нет-с, хозяин сказал, что он не будет больше ничего отпускать вам, и он сегодня идет сам жаловаться городничему.

⟨Хлестаков.⟩ Вот вздор... Так по крайней мере он должен мне дать обедать... Мне ж нельзя умереть... Хм... Хм... Ты сам поуди.

⟨Слуга.⟩ Так-с. Да он сказал, что “пойди” говорит⁵⁸ “скажи, что у меня” говорит⁵⁹ “нет для него стола и что я пойду жаловаться⁶⁰”.

⟨Хлестаков.⟩⁶¹ Ну пусть он⁶² жаловаться, как же, мне ведь есть нужно...

⁵⁰ Было: бе(э?)

⁵¹ Далее зачеркнуто: без денег

⁵² Балыки вписано

⁵³ Далее зачеркнуто: ку(пцы)

⁵⁴ Далее зачеркнуто: Трак(тирный)

⁵⁵ Далее зачеркнуто: а. немного; б. немного

⁵⁶ Далее зачеркнуто: там

⁵⁷ Далее зачеркнуто: мне

⁵⁸ говорит вписано

⁵⁹ говорит вписано

⁶⁰ Далее зачеркнуто: если Вы то есть не заплот(ите)

⁶¹ Далее зачеркнуто: Ну какой

⁶² Так в рукописи; ср. в АК1: пусть идет

⟨С л у г а.⟩ Так-с, он говорит: “Я ему обедать не дам,⁶³ покаместь он не заплотит мне”. Такой то есть уж⁶⁴ ответ его был.

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Да мне что делать, ты поди скажи ему. (Слу-га уходит.)

Явление 5.

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Чорт возьми. А скверно, если мне он совсем не даст ничего есть⁶⁵. Так хочется, как еще никогда не хотелось. Что тут делать, разве продать шелковый жилет, который я сделал перед выездом. Фрака-то нового нельзя, потому что в чем же явлюсь в деревню. Ведь Руч работал, вот что важно. Чорт побери, и жилета жаль. Я нарочно выбрал самой блестящий и богатый, каких в провинции никогда не видали. Как же в самом деле, где-нибудь на бале случится,⁶⁶ и вдруг этакой жилет... Нет, лучше потерплю, лучше поголодаю немножко. Если бы раза два его ⟨Л. 8⟩ показать где-нибудь на бале, тогда бы я уж не постоял. А ведь как, право, можно блеснуть⁶⁷ в провинции. Там ведь ни у кого нет петербургского фрака. Никто и толку не знает в нем, а фраки у них больше похожи на платья^(?) или на халаты,⁶⁸ нежели на фраки. Жаль, что⁶⁹ Иохим не поверил кареты на прокат. А славно бы приехать в деревню в карете. Вдруг эдак подъезжаешь, все это, и Лакей сзади сидит, этого там нигде нет. Даже в городе у Губернатора. И вдруг этот лак⟨ей⟩ вскакивает и бежит, говорит: “Из Петербурга Чиновник Хлестаков”, и⁷⁰ тотчас подымается такая суматоха. Они еще и не видывали никогда, чтобы кто прежде объявлял о себе, а потом уже выходил из кареты и этак, канальство, входил по ступенькам. Ах, Чертовские вы Богачи проклятые! Эх, если б мне вашего хоть десятую долю. Я однако ж взял с собою визитные карточки. Дал нарочно⁷¹ двадцать пять⁷² рублей,⁷³ чтобы были хорошие. Там еще нигде нет визитных карточек. Я одна⟨ко⟩ не

---

⁶³ Далее зачеркнуто: потому(?)

⁶⁴ уже вписано

⁶⁵ К словам: не даст ничего есть — незачеркнутый вариант: не даст есть ничего. Далее зачеркнуто: Что тут делать, право

⁶⁶ Далее зачеркнуто: А ведь как-то(?)

⁶⁷ блеснуть зачеркнуто

⁶⁸ Далее зачеркнуто: Жаль, что про⟨?клятой?⟩

⁶⁹ Далее зачеркнуто: проклятой

⁷⁰ Далее зачеркнуто: тот

⁷¹ нарочно вписано

⁷² пять вписано

⁷³ Далее зачеркнуто: зато уже

писал: “Губернский секретарь”. Это вздор Губернский секретарь. Я просто написал: “Служащий в Министерстве Финансов Александр Васильевич Хлестаков”.⁷⁴ И эдак вдруг лакей подает: “Александр Васильевич Хлестаков”. Тьфу (*плюет*), даже тошнит, так есть хочется. Эх, если бы карету, совсем бы не то было. А, право, хорошо и в деревне.⁷⁵ Оно-то после, может быть, и прискучит в деревне⁷⁶. Все уж⁷⁷ нет образованности, ни кандиторских, ни Театров. Но на первых порах можно задать тону. (*Насвистывает.*)

⟨Явление 6⟩

Т е ж е и О с и п, входит.

⟨Хлестаков.⟩ А что?

⟨Осип.⟩ Несет обед.

⟨Хлестаков.⟩ Несет, ну хорошо.

С л у г а (*с тарелками*). Хозяин последний раз уж дает.

⟨Хлестаков.⟩ Ну давай сюда, что это?

⟨Слуга.⟩ Суп и жаркое.

⟨Хлестаков.⟩ Как, только два блюда.

⟨Слуга.⟩ Только-с.

⟨Хлестаков.⟩ Как же можно этак, как же он смеет.

⟨Слуга.⟩ Нет, хозяин говорит, что еще много.

⟨Хлестаков.⟩ А соуса ж почему нет.

⟨Слуга.⟩ Соуса нет.

⟨Хлестаков.⟩ Отчего ж нет. Экой вздор. Я видел сам, проходя⁷⁸ мимо кухни, как готовилась рыба и котлеты.

⟨Слуга.⟩ Это не для вас.

⟨Хлестаков.⟩ Для кого ж.

⟨Слуга.⟩ Это для тех, которые почище-с.⁷⁹

⟨Хлестаков.⟩ Что за вздор. Дурак какой ты!

С л у г а. Да-с.

⟨Хлестаков.⟩ Какое же имеют право. Отчего же я так же не могу. Разве не такие, как я?

С л у г а. Не такие.

⟨Хлестаков.⟩ Какие же.

⁷⁴ Далее зачеркнуто: Тьфу

⁷⁵ А, право, хорошо и в деревне. вписано

⁷⁶ в деревне зачеркнуто и восстановлено, далее зачеркнуто: после в

⁷⁷ уж вписано

⁷⁸ Далее зачеркнуто: как(?)

⁷⁹ Далее зачеркнуто: Экой дурак. ⟨С л у г а.⟩ Да-с.

⟨С л у г а.⟩ Они деньги плотят, да-с.

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать. (*Наливает суп и ест.*) Что это за суп? Ты просто воды налил в чашку. Никакого вкуса нет, только воняет.⁸⁰ Я не хочу этого супа, ты мне дай другого.

С л у г а. Мы примем-с, хозяин сказал, коли не хотите, то для него лучше.

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Оставь, дурак (*ест*). Боже мой, какой⁸¹ (*продолжает*). Я думаю, еще ни один человек в мире не едал такого супа. Какие-то перья плавают вместо масла (*режет курицу*). Ай, ай, какая курица! — Давай жаркое. Там супу немного осталось, Осип, возьми себе (*режет жаркое*). Что это за жаркое. Это не жаркое.

⟨С л у г а.⟩ Да что ж, если не жаркое.

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Чорт его знает что, только не жаркое.⁸² Это топор, зажаренный вместо говядины.

⟨С л у г а.⟩ Нет,⁸³ жаркое-с.

⟨Х л е с т а к о в.⟩⁸⁴ (*ест*). Мошенники, каналы, чем они кормят. И зуба не останется⁸⁵, если съесть такой кусок (*ковыряет пальцем в зубах*). Совершенно, как кора деревянная, ничем и вытащить нельзя, и челюсти заболят после этих блюд, какие они, подлецы, дают. Мошенники! (*Вытирает рот.*) Больше ничего нет.

⟨С л у г а.⟩ Нет.

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Каналы, подлецы. (*Слуга убирает и уносит вместе с Осипом.*)

⟨Явление 7⟩

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Право, так будто и не ел, только что разохотился. Если бы была мелочь, послать бы на рынок купить хотя булок.

О с и п (*возвращается*). Там городничий приехал, осведомляется об вас и спрашивает.

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Городничий? Вот тебе на. Это скверно, однако ж, если он в самом⁸⁶ меня потащит в Тюрьму. О, вздор, как же он может меня потащить. Он, может быть, так только даст выговор.

---

⁸⁰ Далее зачеркнуто: Ты мне дай

⁸¹ Так в рукописи; ср. в АК1: какой суп

⁸² Чорт его знает ~ не жаркое. вписано

⁸³ Далее зачеркнуто: это

⁸⁴ Далее зачеркнуто: Мошен(ники)

⁸⁵ Вместо: И зуба не останется — было: и зубы выломаешь

⁸⁶ Так в рукописи; ср. в АК1: в самом деле

Впрочем, если благородным образом, это еще ничего, я, пожалуй,⁸⁷ пойду, что ж делать. Но, чорт возьми, если он вздумает меня повесть так, чтоб завязать на руке веревочку, да ⟨Л. 8 об.⟩ на веревочке повесть. Нет, я ни за что не пойду. Что ж. Разве он смеет, как он может? не имеет(?)⁸⁸ Нет, не поддаваться. Ей Богу, не поддаваться.

⟨Явление 8⟩

Входит Г о р о д н и ч и й боязливо и останавливается в дверях вместе с
Д о б ч и н с к и м.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Вы извините меня, что я осмелился беспокоить.⁸⁹ Моя обязанность как градоначальника здешнего города заботиться о том, проезжающим⁹⁰ и всем благородным людям никаких притеснений.

⟨Х л е с т а к о в.⟩ Да что ж делать, я не виновен. Ну будут деньги, я сей час ему заплачу. У меня есть состояние. Мне пришлют из деревни. У меня доход большой, порядочной, хороший. Какое право. Зачем должен. Он меня, мерзавец, кормил так гадко. Говядину он мне подает такую, какую только можно собаке выбросить, протухлую и такую, как дерево. А суп только что название суп. Я почти ни одной ложки⁹¹ не ел его супу⁹². Я должен был его выбросить. Да притом и обеды⟨?⟩, он меня морил по целым дням. Чай он мне дает такой, который воняет рыбой, а не чаем. Да за что ж, да я⁹³ еще⁹⁴ должен и отвечать... Я ему⁹⁵ заплачу, об этом нечего беспокоиться...

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Право, я не виноват, верите, что точно. Вы сами знаете, что должность моя мало относится к тому,⁹⁶ то есть к частной⁹⁷ гражданина.⁹⁸ Обязанность моя смотреть за порядком, чистот⟨оу⟩ города и заведений,⁹⁹ полицией, заведениями разными в го-

---

⁸⁷ Далее зачеркнуто: что ж де⟨лать⟩

⁸⁸ Так в рукописи.

⁸⁹ Далее зачеркнуто: Обя⟨занность⟩

⁹⁰ Так в рукописи; ср. в АК1: чтобы проезжающим

⁹¹ Далее зачеркнуто: не ел его супу

⁹² не ел его супу вписано

⁹³ Далее зачеркнуто: и

⁹⁴ Далее зачеркнуто: и

⁹⁵ Далее зачеркнуто: пришлю

⁹⁶ Далее зачеркнуто: чтобы гражданин

⁹⁷ Так в рукописи.

⁹⁸ Далее зачеркнуто: Я уж не знаю, где

⁹⁹ Далее зачеркнуто: а. За здешней; б. Частных до⟨мов⟩

роде. — Право, я не знаю, откуда он берет такую говядину, на рынке всегда у меня хорошая... Я осмелюсь просить со мною ко мне. Тут, как вы видите, вам очень неприлично оставаться.

⟨Хлестakov.⟩ Нет, я не хочу. Я знаю, что значит к вам, то есть это в тюрьму. Нет, я не хочу в тюрьму, зачем же меня в тюрьму... Я. Я... Ему... Я заплачу... Меня Вы не имеете права... Я имею вид... Я¹⁰⁰ Вам и подорожную. Я¹⁰¹ чиновник. Я губернский секретарь. Я¹⁰² еду в мою собственную деревню в Екатеринославскую Губернию, чтобы видеться с отцом. Я служу по Министерству Финансов. Я... Меня представят скоро к ордену... Ей Богу, не поддаваться. Нужно взять эту бутылку и если...¹⁰³ Вы меня не смеете. Я буду жаловаться на вас Министру¹⁰⁴.

⟨Городничий.⟩ У, какой сердитой! верно, пронюхал про мои грехи. Донесли проклятые купцы.

⟨Хлестakov.⟩ Да как вы меня смеете. Я хоть вам и кажусь таким, однако ж, меня сам Министр знает. Мне к новому году выйдет прибавка жалованья... Да... А вы... Нет, я не пойду, ей Богу, не пойду! вот вам перекрещусь! Хоть вы с своей всей командой.

Городничий (вытянувшись и дрожа всем телом). Помилуй(те). Не погуб(ите). Жена, дети маленькие. Не сделайте несчастным человека.

⟨Хлестakov.⟩ Нет, я не хочу. Вот еще, оттого что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму. Нет... благодарю покорно. Я не хочу.

⟨Городничий.⟩ Виноват, точно виноват, приношу повинную голову,¹⁰⁵ есть небольшие¹⁰⁶ грехи. Точно есть. По неопытности. Ей Богу, по неопытности. Недостаточность состояния. Казенного¹⁰⁷ жалованья не хватает даже ⟨на⟩ чай¹⁰⁸ и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость, к столу что-нибудь да на пару платья¹⁰⁹. А что касается до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купеческим званием, которую я будто бы высек, то это клевета. Ей богу, клевета. — Она пьяница и неприличного поведения, ей не⟨льзя⟩ верить и

¹⁰⁰ Далее зачеркнуто: чиновник

¹⁰¹ Далее зачеркнуто: губ(ернский)

¹⁰² Далее зачеркнуто: служу в Петербурге

¹⁰³ Ей Богу ~ и если... вписано

¹⁰⁴ Далее написано: на [Вас]

¹⁰⁵ Далее зачеркнуто: точно

¹⁰⁶ Было: большие

¹⁰⁷ Казенного вписано

¹⁰⁸ Вместо: не хватает даже ⟨на⟩ чай — было: не станет на один чай

¹⁰⁹ Далее зачеркнуто: Жене

может все всклепать.¹¹⁰ Обнесли меня. Ей Богу, обнесли¹¹¹ мои злодеи¹¹². Они не то чтобы из ревности, но¹¹³ из злобы на жизнь мою покушались.¹¹⁴

Д о б ч и н с к и й (тоже).¹¹⁵ Я ничего, ничего, совершенно ничего. Я Петр Иванович Добчинский.

⟨Л. 9.⟩ ⟨Х л е с т а к о в.⟩ Ну вот видите. Вы и сами говорите, что иногда позволяете себе взятки, хотя и не понимаю, с какой стати вы говорите мне о них. Также и¹¹⁶ о какой-то унтер-офицерской жене. Мне до них нет никакого дела. Отчего ж с меня требуете непременно денег. Я заплачу, заплачу... у меня теперь нет... Я потому и живу здесь, что у меня нет денег.

⟨Г о р о д н и ч и й⟩¹¹⁷ (в сторону). О, тонкая штука! Никак не хочет показать,¹¹⁸ зачем приехал. Помилуйте. Если вы нуждаетесь в деньгах или в чем другом, я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим, останавливающимся в подведомственном мне городе.

⟨Х л е с т а к о в.⟩ А вот если деньги, то... я... сей час готов расплатиться. — Сделайте одолжение, мне хоть рублей этак¹¹⁹ Двести. Только расплатиться с Трактирщиком, а там я вам, как только в деревню, я сей час и пришло. У меня это вдруг.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Помилуйте, я готов ждать, сколько угодно, как можно, чтобы я стал назначать срок. Вот тут ровно 200 рублей, хотя и не трудитесь¹²⁰.

⟨Х л е с т а к о в.⟩ А, хорошо, покорнейше вас благодарю (берет Ассигнации и, скомкавши, кладет¹²¹).

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩¹²² (в сторону). Ну, слава Богу, по крайней мере деньги взял. Теперь дело, может быть, на лад пойдет. Я таки ему вместо двух сот четыреста вернул.

---

¹¹⁰ А что касается ~ все всклепать. вписано на нижнем поле листа с указанием места вставки

¹¹¹ Далее зачеркнуто: меня

¹¹² Далее зачеркнуто: готовы покуситься даже на жизнь мою. Право

¹¹³ Далее зачеркнуто: больше

¹¹⁴ Далее зачеркнуто: А если ж брали взятки какие, то это больше товарищи мои, не ⟨я?⟩

¹¹⁵ Далее зачеркнуто: Я Петр

¹¹⁶ Далее зачеркнуто: об унтер-офицерской

¹¹⁷ Далее зачеркнуто: Помилуйте, как можно, чтобы осмелился это сделать

¹¹⁸ Далее зачеркнуто: что

¹¹⁹ Далее зачеркнуто: Полтораста

¹²⁰ Так в рукописи; ср. в АК1: не трудитесь считать

¹²¹ Так в рукописи; ср. в АК1: кладет их в карман

¹²² Далее зачеркнуто: Ну, слава Богу

⟨Хлестаков.⟩ Ей, Осип¹²³ (⟨Осип⟩ входит), позови сюда Трактирного слугу. Ах, боже мой, что ж стоите¹²⁴, сделайте милость, садитесь. Садитесь, прошу покорнейше. (Садятся.)

Городнич (и й) (осматривая комнату). Кажется, помещение здесь у вас не слишком удобное.

⟨Хлестаков.⟩ Да, очень скверная комната. Я никогда еще в жизни не¹²⁵ жил в такой дурной комнате¹²⁶. Там по дороге, где я проезжал, хорошо, живопись и люстры, здесь ничего нет.

⟨Городнич и й.⟩ И темновата неск(олько).

⟨Хлестаков.⟩ Да, совсем темно, и хозяин завел такое скверное обыкновение не отпуск(ать) совсем свечей мне. Так что-нибудь хочется иногда сделать, почитать или так иногда придет фантазия эдак¹²⁷ сочинить что-нибудь, совсем темно.

⟨Городнич и й.⟩ Мне странно, как вы решаетесь остав(аться) в такой дурной квартире. Тем более что здесь, о чем вы уже изволили объявить свое неудовольствие, очень дурно кормят. Вам бы прилично иметь лучшую квартиру.

⟨Хлестаков.⟩ Да где ж она, нет ее. Я сам чувствую это. Да нет другой.

⟨Городнич и й.⟩ Я¹²⁸, я бы осмелился. Естественно, если бы я был так счастлив, чтобы мог¹²⁹ просить вас к себе, хоть вы изволили отвергнуть в начале предложение мое... У меня сегодня готовятся щи и русской сытной обед. Конечно что в столице¹³⁰, но все гораздо лучше, нежели в здешнем трактире.

⟨Хлестаков.⟩ А извольте, с большою приятностью, я очень рад, я люблю с обществом вместе обедать. А здесь чрезвычайно скучно, так сидишь один, право, совсем нечего делать.

⟨Городнич и й.⟩ У меня комната чистая, и вам уж совершенно¹³¹ будет покойно.

⟨Хлестаков.⟩ Очень хорошо. Я очень¹³² люблю в хорошей комнате. Гораздо лучше, чем в дурной.

---

123 Далее зачеркнуто: позови

124 Так в рукописи; ср. в АК1: что ж вы стоите

125 Далее зачеркнуто: имел тако(го?)

126 Вместо: в такой дурной комнате — было: в таком дурном по(мещении?)

127 эдак вписано

128 Далее зачеркнуто: если б

129 мог вписано

130 Так в рукописи; ср. в АК1: хоть не такой, как в столице

131 Далее зачеркнуто: покойно

132 Было: лучше

〈Явление 9〉

Те же и Трактирный слуга с Осипом.

〈С л у г а.〉 Изволили спрашивать.

〈Х л е с т а к о в.〉 Да, щет подай.

〈С л у г а.〉 Я-с уже вам другой-с щот подал.

〈Х л е с т а к о в.〉 Я уж¹³³ не помню¹³⁴.

〈С л у г а.〉 Вы изволили в первой день спросить 2 бутылки шампанского, обед и ужин, а на другой день¹³⁵ один обед только, на третий день только закусили семги и потом пошли все в долг брать.

〈Х л е с т а к о в.〉 Ну дак сколько ж тебе следует.

Г о р о д н и ч и й. Да вы не извольте беспокоиться. Он подождет. Пошел вон, тебе пришлют.

Х л е с т а к о в. В самом деле, и то правда. *(Слуга уходит.)*

〈Явление 10〉

〈Г о р о д н и ч и й.〉 А еще хотел предложить¹³⁶, не угодно ли¹³⁷ будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе. Как-то богоугодные заведения.

〈Х л е с т а к о в.〉 С большим удовольствием.

〈Г о р о д н и ч и й.〉 Я хотел также, если будет ваше желанье, от туда¹³⁸ в уездное училище, посмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

〈Х л е с т а к о в.〉 Извольте, извольте.

〈Г о р о д н и ч и й.〉 Как, в своем экипаже намерены или со мною на дрожках?

〈Х л е с т а к о в.〉 Да. Я лучше с вами на дрожках поеду.

〈Г о р о д н и ч и й.〉 Ну, Петр Иванович, Вам¹³⁹ теперь нет места.

〈Д о б ч и н с к и й.〉 Ничего, я так.

〈Г о р о д н и ч и й.〉 Вы побегите наскоро ко мне и скажите жене, или лучше я дам вам записочку. *(Хлестакову.)* Осмелюсь ли я попросить позволения у вас написать в вашем присутствии одну только

---

¹³³ Далее зачеркнуто: помню

¹³⁴ Далее зачеркнуто: сколько там тебе следует за тво(ю) дрянь

¹³⁵ В рукописи: один

¹³⁶ Далее зачеркнуто: Вам

¹³⁷ Далее зачеркнуто: Вам

¹³⁸ Далее зачеркнуто: поехать

¹³⁹ Далее зачеркнуто: нет

строчку к жене, чтобы она¹⁴⁰ бы приготовилась к принятию почтенного¹⁴¹.

⟨Хлестаков.⟩ О, помилуйте, зачем беспокоиться, ⟨Л. 9 об.⟩ впрочем, извольте, напишите. Как вам угодно, вот тут и чернила есть. Вот только бумаги, не знаю, разве на этом щете.

⟨Городничий.⟩ Ничего, ничего. Я здесь напишу. *(Пишет и отдает. Добчинский подходит к двери, но в это время дверь обрывается и подслушивавший¹⁴² Бобчинский летит вместе с нею на сцену.¹⁴³ Все издают восклицанье: "Ух". Бобчинский подымается.)*

Хлестаков. Что, не зашибли ли вы чего-нибудь?

⟨Бобчинский.⟩ *(держась за нос¹⁴⁴).* Ничего, ничего, Ваше-ство¹⁴⁵. Только нос немного. Я забегу к Христиану Ивановичу, он даст мне пластырю, и все пройдет. *(Городничий делает ему урывкою¹⁴⁶ укорительный¹⁴⁷.)*

⟨Городничий.⟩ *(к Хлестакову).* Прошу покорнейше. Пожалуйста¹⁴⁸. А слуге вашему я скажу, чтобы перенес чемодан. Любезнейший, ты переноси все¹⁴⁹ ко мне, к Городничему, тебе всякой покажет. Прошу покорнейше. *(Пропускает вперед и делает вновь укорительную мину Бобчинскому, идет, за ним Добчинский и Бобчинский, занавесь опускается.)*

---

140 Далее зачеркнуто: пр(иготовила?)

141 Так в рукописи; ср. в АК1: почтенного гостя

142 Далее зачеркнуто: под

143 Далее зачеркнуто: Городничий

144 *(держась за нос)* вписано

145 Далее зачеркнуто: на нос не(много?)

146 урывкою вписано

147 Так в рукописи.

148 Далее зачеркнуто: прос(ледовать?)

149 Вместо: все — было: все вещи

⟨Л. 10.⟩ Действие III.

Комната у Городничего.

⟨Явление 1⟩

Ан⟨н⟩а Андреевна и Марья Антоновна стоят у окна в тех же самых положениях.

Ан⟨н⟩а Андреев⟨на⟩.¹ Я говорила ей, я повторяла ей: “Машинька, скорей”. Нет.² “Маминька, маминька, позвольте³ то да то”. Вот тебе. Вот уж целый час ждем.

⟨Марья Антоновна.⟩ Да, право, маминька. Вот⁴ через минуточки две все узнаем⁵. Авдотья уж скоро должна прийти.

⟨Анна Андреевна.⟩ Узнаем⁶, как вся дворня узнает. Эта дура, ей уж сорок, а она еще бежит этак вывертывается, финтит, воображает, что кто-нибудь на нее из-за ворот смотрит. Негодная вертопрашка. Я ее сошлю в деревню.

⟨Марья Антоновна.⟩ Маминька, Маминька, идет кто⁷ вон в конце⁸.

⟨Анна Андреевна.⟩ Где идет, у тебя вечно фантазии какие-нибудь? Ну да, идет, кто ж это⁹ идет небольшого росту. Кто ж это такой во фраке. Кто ж это: а? Это, однако ж, досадно. Кто ж бы такой был. Размахивает руками.

⟨Марья Антоновна.⟩ Это Добчинский¹⁰, Маминька.

---

¹ Вместо: Ан⟨н⟩а Андреев⟨на⟩ — было начато, затем зачеркнуто: Марья

² Нет. вписано

³ Далее зачеркнуто: да

⁴ Далее зачеркнуто: мы

⁵ Далее зачеркнуто: верно придет

⁶ Было: Да, узнаем

⁷ Так в рукописи; ср. в АК1: кто-то

⁸ Так в рукописи; ср. в АК1: в конце улицы

⁹ это повторено в рукописи дважды

¹⁰ В рукописи: Бобчинский

В. И. Кривошеин III.

Ваша ата и дядя... и т.д.

Ваша ата и дядя... и т.д.

Ваша ата и дядя... и т.д.

Ваша ата и дядя... и т.д.

Ваша ата и дядя... и т.д.

Ваша ата и дядя... и т.д.

"Ревизор". Черновой автограф (первая редакция). Л. 10.
Российская государственная библиотека. Москва

⟨Анна Андреевна.⟩ Какое Добчинский¹¹, тебе всегда вдруг¹² вообразится эдакое, совсем не Добчинский¹³ (машет платком)¹⁴.

⟨Марья Антоновна.⟩ Право, Маминька, Добчинский.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ну вот так, чтобы только поспорить. Говорят теперь¹⁵: не Добчинский.

⟨Марья Антоновна.⟩ А что, что, Маминька, видите, что Добчинский?

⟨Анна Андреевна.⟩ Ну да, Добчинский, теперь я вижу, из чего ж ты споришь. (Кричит в окно.) Скорее, скорее.

Голос издали. А?

⟨Анна Андреевна.⟩ Я говорю, скорее, скорее. Вы тихо идете.

⟨Голос Добчинского.⟩ Нет, я не тихо иду.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ну что, где он, приехал? а? Что ж там, что там такое? Да говорите отгудова, что, строгой? А?¹⁶ А муж? Муж? Такой глупой, до тех пор пока не войдет в комнату, ничего не расскажет.

⟨Явление 2⟩

Те же и Добчинский¹⁷.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ну скажите пожалуйста, ну не совестно вам¹⁸. Я на вас одних полагаюсь, все вдруг выбежали, и вы туда ж за ними, и я вот ни от кого толку никакого не доберусь. Не стыдно ли вам. Я у вас крестила вашего Ваничку, а вы вот как со мною поступили.¹⁹

Добчинский. Ух, позвольте, Кумушка, так²⁰ бежал²¹ засви(де)тельствовать почтение, как будто бы собаки гнались за мною. Здравствуйте, Марья Антоновна.

¹¹ Было: Бобчинский

¹² вдруг вписано

¹³ Было: Бобчинский

¹⁴ Далее зачеркнуто: скорее(е)

¹⁵ Так в рукописи.

¹⁶ Далее зачеркнуто: муж

¹⁷ Было: Бобчинский

¹⁸ вам вписано

¹⁹ Вместо: Ну скажите ~ со мною поступили. — было: Ну что, ну (новый вариант реплики написан на обороте предыдущего листа — л. 9 об. — без указания места вставки; первоначальный вариант не зачеркнут)

²⁰ Далее зачеркнуто: устал

²¹ Далее зачеркнуто: к вам

⟨Анна Андреевна.⟩ Ну что? ну рассказывайте, как²².

⟨Добчинский.⟩ Вот Антон Антонович прислал записочку.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ну да он кто, какой,²³ Генерал?

⟨Добчинский.⟩ Нет-с, не Генерал, а не уступит Генералу, такое образование и важные поступки.

⟨Анна Андреевна.⟩²⁴ Ну расскажите ж, что, как?

⟨Добчинский.⟩ Да слава Богу, все благополучно. Сначала, знаете, он принял было Антона Антоновича немного сурово, сердился и говорил, что и в гостинице все нехорошо, и к нему не поедет, что он не хочет за него в тюрьме сидеть²⁵, а потом как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, тотчас переменял мысли²⁶, и, слава Богу, все пошло. Они теперь поехали²⁷ осматривать богоугодное заведение. А то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса. Я сам тоже перетрухнул.

⟨Анна Андреевна.⟩ А вам же отчего, вы не служите.

⟨Добчинский.⟩ Да так, знаете, когда вельможа говорит, то чувствуешь страх.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ну что ж. Это все²⁸ вздор, расскажите, каков он собою, что, стар или молод.

⟨Добчинский.⟩²⁹ Молодой, молодой человек, лет 27-ми³⁰, а совсем так говорит, как старик. “Извольте” говорит “я поеду и туда, и туда”. Так это³¹ все славно. “Я” говорит³² “и пописать, и почитать люблю³³, да³⁴ то мешает, что в комнате” говорит “очень темно”.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ну что, как он, брюнет или блондин³⁵?

⟨Добчинский.⟩ Нет³⁶, и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущение даже приводит.

---

²² Вместо: ну рассказывайте, как — было: ну как, ну как

²³ Далее зачеркнуто: военной

²⁴ Далее зачеркнуто: Что

²⁵ что он не хочет ~ сидеть вписано

²⁶ Вместо: переменял мысли — было: примирился

²⁷ Далее зачеркнуто: в богоугодное

²⁸ Далее зачеркнуто: равно все

²⁹ Далее зачеркнуто: Нет, не

³⁰ Далее зачеркнуто: на (вид?)

³¹ Далее зачеркнуто: слав(но)

³² Далее зачеркнуто: хочу

³³ люблю вписано

³⁴ да зачеркнуто (незавершенная правка)

³⁵ В рукописи: брондин

³⁶ Пропуск в автографе (оставлено свободное место).

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Что он пишет мне в записке. “Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние мое было сначала весьма печальное, но, уповая³⁷ на милосердие Божие, кажется, все³⁸ будет к хорошему концу.³⁹ Душенька, поскорее приготовить комнату для Важного гостя, к обеду кое-что прибавить. За два соленые огурца особенно⁴⁰ и полпорции икры рубль двадц...” Я ничего не понимаю, какой же это, к чему это икра.

⟨Д о б ч и н с к и й.⟩ А⁴¹ это⁴² Антон Антонович писали на черновой бумаге, там какой-то щот был.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ А! так вот что нужно читать. “Приготовить комнату, ту, что желтыми бумажками обита. К обеду прибавлять ничего не трудись, потому что закусим в богоугодном заведении у Ар. Филиповича. А вин вели побольше, скажи купцу Афендулину, чтобы прислал лучших, а не то я перетрушу весь его погреб. Целуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой Антон Сквозник-Прочуханский”. Ах, Боже мой, это, однако ж, нужно поскорее. Эй, кто там. Мишка.

Петр Иванович (бежит и кричит в двери). Мишка, Мишка. (Мишка входит.)

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Послушай, беги к купцу Афендулину, или нет, постой, я лучше дам тебе записку. (Садится, пишет записку и говорит.⁴³) Эту записку ты отдашь⁴⁴ кучеру Сидору⁴⁵, чтобы он пошел с ней ⟨к⟩ купцу Авендулину и привез оттуда вина. Пусть возьмет и для это⟨го⟩ с собою коробку у Авдотьи. На. А ты сей час приberi хорошенько комнату для гостя, там поставить все, что следует, рукомойник и прочее.

⟨Д о б ч и н с к и й.⟩ Ну, Ан⟨н⟩а Андревна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обзрывает.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Ступайте, ступайте, я не держу вас.

---

³⁷ Вместо: уповая — было: с упованием

³⁸ Далее зачеркнуто: примет надлежащий ход

³⁹ Спешу тебя уведомить ~ к хорошему концу. вписано на обороте предыдущего листа (л. 9 об.) без обозначения места вставки

⁴⁰ Далсе зачеркнуто: вовсе(?)

⁴¹ Далее зачеркнуто: там

⁴² Далее зачеркнуто: верно

⁴³ Вместо: Садится, пишет записку и говорит. — было: Садится записку

⁴⁴ Было: отдай

⁴⁵ Было: Авдотье

〈Явление〉 3.

Анна Андревна и Марья Антоновна.

〈Анна Андреевна.〉 Ну, Машинька, нам нужно подумать теперь о том, как бы нам одеться этак, знаешь, со вкусом, с тонким вкусом, потому что Гость столичной житель. Но еще⁴⁶ не столько костюмом, как нужны⁴⁷ самые манеры, приемы. Это важная вещь, душинька, приемы. Я не знаю, а лучше, не помню, умеешь ли ты делать глазки.

〈Марья Антоновна.〉 Как глазки, Маминька? Это так, как вы делаете, когда бывают у нас молодые офицеры.

〈Анна Андреевна.〉 Да, но... тебе еще, я думаю, трудно уметь это хорошо делать, тебе еще многому нужно учиться в свете. — Однако ж как ты находишь⁴⁸, не правда ли, у меня это⁴⁹

〈Л. 10 об.〉 〈Марья Антоновна.〉 Ну, Маминька... мне кажется, как у вас, это выходит уже несколько приторно.

〈Анна Андреевна.〉 Это ты говоришь, потому что не имеешь никакого понятия. А всякой человек со вкусом,⁵⁰ он бывает очарован. Когда жила еще у нас в городе полковница, она мне несколько раз говорила: “Сделайте милость, Анна Андреевна, откройте мне эту тайну, отчего ваши глаза просто говорят⁵¹”, и все было в один голос: “⁵²Ну, Анна Андреевна, с вами довольно побыть минуту, чтобы от⁵³ вашей любезности позабыть все свои обстоятельства”. А стоявший в то время Штабс-ротмистр Ставрокопытов хотел даже застрелиться, да, говорят, как-то в рассеянности позабыл зарядить пистолет и оттого только остался жив, а то бы непременно его бы давно не было на свете.

〈Марья Антоновна.〉 Я не знаю, Маминька... мне, однако ж, кажется, что у вас нижняя часть лица гораздо лучше нежели глаза.

〈Анна Андреевна.〉⁵⁴ Совсем нет.⁵⁵ Вот этого уж никогда нельзя сказать, что вздор, вздор.

---

⁴⁶ *Вместо:* Но еще — *было:* Еще

⁴⁷ *нужны* вписано

⁴⁸ *Далее* зачеркнуто: это

⁴⁹ *Не* закончено.

⁵⁰ *Далее* зачеркнуто: он так восхищается

⁵¹ *Вместо:* говорят — *было:* очаровывают, так вот как будто говорят

⁵² *Далее* зачеркнуто: Говорят Ваши глаза

⁵³ *Далее* зачеркнуто: ваших

⁵⁴ *Далее* вписано и зачеркнуто: Вот

⁵⁵ *Вместо:* Совсем нет. — *было:* Вот именно для того, чтобы поспорить

(Марья Антоновна.) Нет, право, маминька, как вы этак говорите или сядете в профиль, у вас этак губы и все.

(Анна Андреевна.) Вот именно говорит для того, чтобы поспорить. Все из зависти: что у матери ее хорошие глаза, так ей уже и завидно,⁵⁶ уж она и это хотела бы отнять. Вот отец твой,⁵⁷ а мой муж, он в этом смысле брусил и глуп,⁵⁸ впрочем, я говорю это не для того, чтобы и ты так его называла, ты должна его уважать, потому что он отец твой, хотя он и похож несколько на дюжего печника. У него же впрочем такая натура, что он не может много чувствовать. Но⁵⁹ тебе говорю, что просто⁶⁰ весь мир, не то чтобы шутя говорил, что просто весь мир говорил в одно слово⁶¹, что глаз таких, где бы больше было огня, чувства и жизни... о нет, нет, да никто... да куда, как можно⁶². Ты⁶³ говоришь: “глазки”. Оно кажется легко. Меня учила двоюродная сестра моя. Я вот тебе говорю, что я больше двух месяцев не отходила от зеркала, пока⁶⁴ выучилась.⁶⁵ Я его, натурально, не любила, да к тому же еще не была⁶⁶ за ним⁶⁷. Тогда был порутчик у нас. Я не помню⁶⁸ полка. Белый, белый, румянький, как вот я не знаю что,⁶⁹ глаза⁷⁰ темные, все было сидит и усики покручивает. Воротнички рубашки его⁷¹ это батист такой, какого никогда еще наши купцы не подносили нам. Батюшка был строг ужасно. Он находил военных пряничными человечками. Он ему отказал совсем, и ворота наши всегда запирались. Я хожу раз в саду, глядь, а за решеткой стоит порутчик. Говорит: “Если деньщик что принесет к вашему Батюшке, скажите, чтобы подхватили и отнесли на вашу половину”. Как ввеч(еру) точ-

---

⁵⁶ *Далее зачеркнуто:* Единственное, что есть хорошего у матери

⁵⁷ *Далее зачеркнуто:* муж, о(н?)

⁵⁸ *Далее зачеркнуто:* он, конечно

⁵⁹ *Далее зачеркнуто:* все-т(аки?)

⁶⁰ просто вписано

⁶¹ *Вместо:* говорил в одно слово — было: что [глаз лучше] больше глаз

⁶² *Вместо:* да куда, как можно — было: никак бы не сказал иначе

⁶³ *Было:* Вот ты

⁶⁴ *Далее зачеркнуто:* привыкла

⁶⁵ *Далее зачеркнуто:* Вдруг этак нужно посмотреть прямо, так совершенно как будто слезки заблестели(?), потом нужно сделать этого немного избоку, совершенно как будто к себе, потом этак томно как будто. Да вот лучше всего

⁶⁶ Я его ~ еще не была зачеркнуто и восстановлено: далее написано и не зачеркнуто: На мне тогда еще был(а) (незавершенная правка)

⁶⁷ за ним вписано

⁶⁸ *Далее зачеркнуто:* ул(ан?)

⁶⁹ *Далее в рукописи:* [брови] ровные(?)

⁷⁰ *Далее зачеркнуто:* карие

⁷¹ *Далее зачеркнуто:* был(и)

но приносит деньщик преогромный куль с перепелками от полковника в подарок, а полковник хотел занять тогда у батюшки деньги. Батюшка уже тогда лег в постелю и велел куль тотчас отнести на кухню⁷², девушки мои подхватили. Как только открыли, сверху были перепелки, а внизу порутчик... Ты, однако ж, этого никак не бери себе в пример. Боже тебя сохрани, и никакого куля ни с перепелками, ни без перепелок не бери. Мне⁷³ совсем другое дело. Мне можно, а тебе боже сохрани. Я бы тебе этого вовсе не рассказывала, но именно для того только, чтобы показать, что мне говорил порутчик. На мне тогда была тюлевая пелеринка, вышиты виноградные листья с колосками. Это просто было прелесть, и платье было палевое, тонкая талийка⁷⁴, и это все при свете, это было⁷⁵ очаровательно. Слушай же, что сказал порутчик: “Клянусь вам, Анна Андревна, что не только не видал, не начиты(вал) даже таких глаз. Я не зна(ю), что со мною делается, когда я гляжу на вас. Я чувствую, что в меня другая⁷⁶ жизнь вливается”. И я уж не помню, как там он далее, но так хорошо изъяснялся. “Биение жизни, что я говорю, биение жизни, вся душа моя такую” говорит “исполнена нежнейшею любовью и такое” говорит “чувствует блаженство...”

(Марья Антоновна.) Ах, Маминька, ведь это совершенно другое дело. Ведь вам тогда было, может быть, только восемнадцать лет, не больше.

(Анна Андреевна.) Так что.⁷⁷ Ах Боже мой, что ж я теперь. Мне только еще 32 года. Так вот, право, ей досадно⁷⁸, что мать ее еще молода. Она бы хотела, чтобы она скорее была старухой.⁷⁹ Но за тобою я совершенно заговорила и позабыла, что пора давно одеваться.⁸⁰ Такая, право, несносная, о чем бы с нею ни говорила, вечно⁸¹ дело окончится спором, и это всегда.⁸² (Идет.)

Марья Антоновна. Право, Маминька, я никогда не спорю. Это⁸³ вам так кажется.

---

⁷² В рукописи: кухню

⁷³ Далее зачеркнуто: другое

⁷⁴ Вместо: палевое, тонкая талийка — было: а. планжевое; б. самого яркого цвета

⁷⁵ Далее зачеркнуто: просто

⁷⁶ Было: новая

⁷⁷ Так что. вписано

⁷⁸ право, ей досадно зачеркнуто (незавершенная правка)

⁷⁹ Далее зачеркнуто: Право, такая несносная. (Л. 11.) О чем бы д(..?)

⁸⁰ Далее зачеркнуто: Право

⁸¹ Было: всегда

⁸² Далее зачеркнуто: уходя

⁸³ Далее зачеркнуто: просто

⟨Анна Андреевна.⟩ Покорнейше благодарю. Это тебе так кажется. (По уходе их отворяется дверь, и Мишка⁸⁴ выбрасывает оттуда пыль.)

Явл(ение) 4.

Мишка и Осип с чемоданом на плечах⁸⁵.

Осип. Куда тут.

Мишка. Сюда, Дядюшка, сюда.

Осип. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты горемышное житье, на пустое⁸⁶ брюхо всякая⁸⁷ ноша кажется тяжела.

⟨Мишка.⟩ Что, Дядюшка,⁸⁸ скажите, пожалуйста, скоро будет Генерал.

⟨Осип.⟩ Какой Генерал?

⟨Мишка.⟩ Да барин ваш.

⟨Осип.⟩ Барин. Да какой он Генерал?

⟨Мишка.⟩ А разве не Генерал?

⟨Осип.⟩ Генерал, да только с другой стороны.

⟨Мишка.⟩ Что же, больше или меньше настоящего Генерала.

⟨Осип.⟩ Больше.

⟨Мишка.⟩ Вишь ты как! то-то у нас сумятицу подняли.

⟨Осип.⟩ Послушай, малой, ты, я вижу, проворный⁸⁹ парень.⁹⁰

Приготовь-ка там чего-нибудь поесть.

⟨Мишка.⟩ Да для вас, Дядюшка, еще ничего не готово, простого блюда вы не будете кушать, вот как Барин ваш сядет за стол, так того же кушанья и вам отпустят.

⟨Осип.⟩ Ну а простого-то что ж есть у вас...

⟨Мишка.⟩ Щи, каша да пироги.

⟨Осип.⟩ Давай их, щи, кашу и пироги, ничего, все будем есть.

Ну, понесем чемодан, что там выход другой есть?

⟨Мишка.⟩ Есть.

⟨Осип.⟩ Ну пойдем. (Несут чемодан в боковую комнату.)

⁸⁴ Далее зачеркнуто: с щетко(й) в руках

⁸⁵ Вместо: на плечах — было: в руках

⁸⁶ Далее зачеркнуто: всяк(ая)

⁸⁷ всякая повторено в рукописи дважды

⁸⁸ Далее зачеркнуто: скоро буд(ет)

⁸⁹ Далее зачеркнуто: мальй

⁹⁰ Далее зачеркнуто: Нельз(я)

Явление 5.

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входят Хлестаков, за ним Городничий, за ним Попечитель Богоугодного заведения, Христиан Иванович,⁹¹ Добчинский и Бобчинский, с красным носом и пластырем.

Городнич(ий) указывает на полу бумажку, квартал(ьный) бежит.

Хлестаков. Очень, очень хорошо, Господа, покорнейше благодарю вас за то, что вы мне показали разные заведения ваши. Я люблю это. Я сам большой охотник до просвещения и порядка, только⁹² что иногда нет времени, а то я всегда занимаюсь как приятным занятием. Мне тоже по дороге этак встретилось когда что обсмотреть, я⁹³ всегда этак⁹⁴ с своей стороны готов поощрить⁹⁵ этак советом своим. И завтрак тоже очень недурен был, что это⁹⁶, каждой день бывает в богоугодных заведениях такой завтрак?

⟨Городничий.⟩ Нет, это собственно для такого⁹⁷ приятного гостя. Наша обязанность и долг споспешествовать всеми мерами правительству и более всего заслужить лестного внимания такого почтенного⁹⁸ гостя.

Хлестаков. Я доволен. Я с своей стороны очень доволен. Скажите пожалуйста, и много бывает у вас больных в год.

⟨Попечитель богоугодного заведения.⟩
⁹⁹Тридцать три человека.

⟨Хлестаков.⟩ Это каждый год.

Попечитель. Аккурат каждый год.

⟨Хлестаков.⟩ И сколько из них выздоравливают.

⟨Попечитель.⟩ Все, все до одного. И не столько медикаментами, сколько чистотою и порядком содержания.

Христиан Иван(ович). И что чистота. Лекарствами¹⁰⁰ много мужик(ов) здоровы¹⁰¹.

---

⁹¹ Далее зачеркнуто: Бобчинский и

⁹² Вместо: только — было: и вот так только

⁹³ Далее зачеркнуто: люблю

⁹⁴ Далее зачеркнуто: готов

⁹⁵ поощрить зачеркнуто (незавершенная правка)

⁹⁶ Вместо: что это — было: что у вас

⁹⁷ Далее зачеркнуто: почтенн(ого)

⁹⁸ Далее зачеркнуто: и дорогого

⁹⁹ Перед этим зачеркнуто: Сто

¹⁰⁰ Далее зачеркнуто: тоже

¹⁰¹ Было: здоровых

⟨Попечитель.⟩ Да и лекарствами.

Городничий. Конечно, верховный надзор над всем этим лежит на градоначальнике, и я могу сказать, не то чтобы хвастаться своими трудами, но если б вы изволили за 10 лет быть назад, ничего бы узнать не могли. Оно хотя, может быть, с виду кажется должность немногосложная, но в самом деле премноготрудная, так каждый день, перед тем как ложиться спать, все думаешь, как бы все это лучше сделать, так чтобы правительство увидело наконец ту ревность. Ну наградит меня или нет, это, разумеется, в его воле. Думаю¹⁰², что мне? Мне стараться о себе нечего, пусть же я ассигную жизнь свою на службу, чтобы малая(?) капля крови моей не осталась втуне.¹⁰³

⟨Хлестаков.⟩ Хорошо. Хорошо.¹⁰⁴ Я, знаете, люблю этак иногда заумствоваться сам. Иной раз, право, такими цидеронами все говоришь.

⟨Попечитель богоугодного заведения.⟩ Эх ты, как говорит, вот и получит, если не Станислава, то Анну.¹⁰⁵

Полицмейстер.¹⁰⁶ Эге, ге, знаем, голубчик, куда это перо летит. Да, иногда невинное препровождение времени, конечно, почему ж не заняться. Но, признаюсь, я никогда не брал в руки карту.

Начальник Училищ¹⁰⁷. А у меня, подлец, вчера сто рублей выиграл.¹⁰⁸

⟨Городничий.⟩ Боже ты мой, думаю я сам себе. Такое драгоценное время, которого человеку так немного, и так тратить. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

⟨Л. 11 об.⟩ Бобчинский (Добчинскому). Справедливо, все справедливо говорит. Столичное воспитание,¹⁰⁹ и философским наукам обучался.

Явление 6.

Марья Антоновна, Ан(н)а Андреевна, те же.

Городничий. Имею честь рекомендовать вам. Это жена моя, а это дочь.

---

¹⁰² Далее зачеркнуто: себе, я провел без малого полвека, на что же жизнь моя, как не

¹⁰³ пусть же я ~ втуне. вписано

¹⁰⁴ Далее зачеркнуто: Это очень

¹⁰⁵ На нижнем поле листа набросок этой реплики: Да. Хорошо говорит, если не Анну (далее в рукописи пропущена реплика Хлестакова — место не оставлено)

¹⁰⁶ Далее зачеркнуто: Знаем

¹⁰⁷ Было: Богоугодного заведения

¹⁰⁸ Начальник Училищ ~ выиграл. вписано

¹⁰⁹ Далее зачеркнуто: обуч(ался)

Хлестаков (подходит, раскланиваясь). Мне очень приятно, сударыня, встретить в вас, можно сказать¹¹⁰, этакой цветок среди пустыни и дурной дороги.

(Анна Андреевна.)¹¹¹ Мы с своей стороны должны почитать за несравненно бóльшую приятность. Вам после столицы должно быть очень скучно¹¹².

(Хлестаков.) Да, признаюсь, как выехал, я заметил ощутительную перемену. Даже Вам, может¹¹³, несколько странно, в воздухе этак в городах...¹¹⁴ Все как-то говорит: “Да это не то”. Например, общества какого-нибудь, Бала великолепного, где была бы музыка, уже на дороге¹¹⁵ уж вы не сыщете. Ну конечно,¹¹⁶ рассеяние, развлечение. Зрение, можно сказать, очаровано: с одной стороны этак вдруг являются горы, какое-нибудь этак приятное местоположение, проезжающие в колясках и каретах, этак что-нибудь вас вдруг займет¹¹⁷, проезжающие экипажи, игра природы... все видишь, а недоволен.

(Анна Андреевна.) Как приятно¹¹⁸ путешествовать, прошу покорнейше садиться.

(Хлестаков.) Да, я очень люблю. Я никогда почти не могу сидеть, у меня уж такой характер, что на одном месте трудно побыть. Вот (1 нрзб.) ну как, например, принят во всех высших обществах, ну на службе тоже множество имею выгод. Это правда, что на мне небольшой чин. Уж никак не больше коллежского Асе(ссо)ра,¹¹⁹ кажется, даже немножко меньше, впрочем, это все равно, потому что только только что не утвержден. Министр меня очень любит. Я у него почти домашний человек, [и так даже странно иногда, в передней стоят Начальники отделения] и даже Директор¹²⁰ очень

---

¹¹⁰ можно сказать вписано

¹¹¹ Далее зачеркнуто: Нам еще

¹¹² Было: скучно здесь

¹¹³ Вместо: Вам, может — было: этак то есть

¹¹⁴ Далее зачеркнуто: Я люблю, впрочем, скоро ехать. Я люблю, когда(?) шибко еду

¹¹⁵ Далее зачеркнуто: не сыщете?)

¹¹⁶ Далее зачеркнуто: этак

¹¹⁷ этак что-нибудь вас вдруг займет вписано, далее зачеркнуто: а. Сельска(я); б. или сельская эдак природа... все видишь, а недоволен, этак

¹¹⁸ Далее зачеркнуто: этак

¹¹⁹ Далее зачеркнуто: даже этак

¹²⁰ По-видимому, незавершенная правка. Слова: и так даже странно ~ Начальники отделения — можно истолковать как вычеркнутые или же обведенные чернилами. Слова, следующие далее (и даже Директор) не зачеркнуты, в связи с чем остается непонятным, кому принадлежат слова: “Здравствуй, братец, приходи ко мне обедать”. В следующей по хронологии редакции (АК1) приглашение к обеду исходит от начальника отделения.

часто этак случается, ударит по плечу и говорит: “Здравствуй, братец, приходи ко мне обедать”. И все дожидаются иногда до самого вечера, а как только лакей скажет: “Иван Григорьевич”, и тотчас старик подбирает шлавор: “А, проси, проси”.¹²¹ И в Департаменте я так как бы начальник отделения, мне этак и кресло стоит в стороне, хотя я делаю только, что и обыкновенный столоначальник. И так, знаете, меня досаждают писцы, иной раз бог знает как напишут бумагу.¹²² Я уже несколько раз, бывало, говорю: “Право, Господа, как хотите¹²³, я буду на вас жаловаться Министру”, да думаю себе, зачем делать людей несчастными, так все и остается.¹²⁴ (*Обращаясь к Городничему.*) Что вы, господа, стойте,¹²⁵ пожалуста, садитесь. Я не люблю церемоний.

Все (в один голос). Ничего, мы постоим...

(Хлестаков.) Без чинов, без чинов. Я прошу вас, садитесь.

(Анна Андреевна.) Как должно быть весело в столице.

(Хлестаков.) Да. Мне так уж, знаете, весело-то, конечно, весело. Я живу очень хорошо. У меня квартира на Фонтанке, две тысячи плачу. Я держу две лошади и карету, да, очень весело. В Театре я каждый день, знаете, так, как свой¹²⁶, и я знаком со всеми Актрисами. Для меня уж там и ложа стоит. Иногда случается, что занавесь этак не подымется и директор говорит: “Что это значит”, ну тут ему сей час скажут: “Ивана Григорьевича нет”, и он только говорит: “А”. То есть это не то, чтобы всегда, а в иные дни случается?¹²⁷ Я сам тоже пишу иногда водевили, право, и с Бугариным знаком, обедаю с ним вместе¹²⁸. Меня все уже знают, и так если еду куда-нибудь, то говорят: “Вон карета Ивана Григорьевича поехала”. Я хоть говорил¹²⁹, что¹³⁰ две лошади, но у меня своих их есть еще шесть¹³¹. Меня раз даже, когда я пошел пешком, приняли за Дибича за Балканского,

¹²¹ Далее зачеркнуто: Как весело, должно быть, жить в таком городе.

¹²² Далее зачеркнуто: Господа

¹²³ как хотите вписано

¹²⁴ Далее зачеркнуто: Как [приятно?], должно быть

¹²⁵ Далее зачеркнуто: сделайте мило(сть)

¹²⁶ знаете, так, как свой вписано

¹²⁷ Иногда случается ~ дни случается?. вписано на полях без обозначения места вставки

¹²⁸ Вместо: иногда водевили ~ с ним вместе — было: [для Театра] иногда Театральные пьесы [и давались неско(лько раз?)]. Многие давались, и с большим успехом, так что вся публика вызывала меня (отмененный вариант не зачеркнут)

¹²⁹ Вместо: Я хоть говорил — было: Я ошибся, говоря

¹³⁰ Далее зачеркнуто: держу

¹³¹ Вместо: но у меня ~ еще шесть — было: у меня шесть стоит на конюшне (отмененный вариант не зачеркнут)

право, и все солдаты¹³² выскочили из обвахты и сделали честь. После уж офицер говорит мне, очень хорошо знакомый: “Ну, братец, мы тебя приняли совсем за Дибича¹³³”.

⟨Анна Андреевна.⟩ Скажите, так вы пишете, как это должно быть приятно сочинителю. Ваши, верно, и в журн(алах?) помещаются.

⟨Хлестakov.⟩ Да,¹³⁴ в журналах очень много.¹³⁵ Я занимаюсь Лит(ературой). И так странно иногда, вдруг напишешь и прозу, и стихи. Я участвую в Телеграфе московском, в Библиотеке для чтения участвую. Да если сказать по правде, то я по большей части и издаю их, хотя и стоит в заглавии другое имя. Мне Смирдин платит 25 тысяч. Вот тоже карьер составил человек, у него 6 домов на одном Невском проспекте.¹³⁶ Мне даже не хотелось заняться этим. Да Смирдин пристал. “Ну” говорит “жена, дети маленькие”. Одним словом, пристал ⟨Л. 12⟩ так, как с ножом к горлу, и¹³⁷ просил убедительнейшим образом, чтоб я¹³⁸ написал Брамбеуса, ну я взялся написать Брамбеуса и всего три дня, никак не больше, посидел.

⟨Анна Андреевна.⟩ Скажите, так это ваше.

⟨Хлестakov.⟩ Да, Брамбеус, у меня есть под своим, но больше я под именем Брамбеуса, Марлинского также¹³⁹, Свадьба Фигаро, Фенела, Роберт, это я все написал и все так, больше по случаю. Театральная Дирекция говорит: “Пожалуста, Братец, напиши что-нибудь”. Думаю себе: “Пожалуй, изволь, братец”. Взял перо и тут же в канцелярии.¹⁴⁰

---

¹³² Вместо: и все солдаты — было: и вся обвахта

¹³³ Было: Дибича забалканского. Текст: Меня раз даже ~ за Дибича [забалканского] вписан на нижнем поле следующего листа (л. 12), с указанием места вставки; на об. л. 11, на левом поле, имеется черновой вариант этого текста: Меня раз [приняли за Диб(ича)], когда я шел, приняли за Дибича за Балканского, право, и вся обвахта выскочила и сделала ружьем

¹³⁴ Далее зачеркнуто: есть очень много

¹³⁵ Далее зачеркнуто: так, знаете, иной раз скучно давать

¹³⁶ Мне Смирдин ~ Невском проспекте. вписано на левом поле листа, место вставки определено самим Гоголем, который именно в этом месте начал писать между строк: Мне Смирд(ин) — затем зачеркнул и написал текст на левом поле

¹³⁷ и вписано

¹³⁸ Далее зачеркнуто: ему

¹³⁹ Вместо: Да, Брамбеус ~ Марлинского также — было: Да, Брамбеус это Марлинского также (окончательный вариант приводится с учетом слов, вписанных без обозначения места вставки на нижнем поле предыдущего листа: у меня есть под своим ~ Брамбеуса — л. 11 об.)

¹⁴⁰ Взял перо ~ в канцелярии. вписано. В конце фразы проставлен знак вставки: (2); на нижнем поле листа вписано: (2) а. впрочем, я [и журн(аль)] занимаюсь и литературою; б. впрочем, я и в журналы помещаю сочинения (вариант а. не зачеркнут)

А(нна Андреевна). Так, верно, это и Юрий Милославский Ваше сочинение.

(Хлестаков.) Да, это мое.

(Анна Андреевна.) Я сей час узнала.

(Марья Антоновна.) Ах, Маминька, там написано, это Загоскина сочинение.

(Анна Андреевна.) Вот еще, будет спорить и здесь..?

(Хлестаков.) Да, это правда. Это точно Загоскина. А есть еще другой Юрий Милославский. Так тот¹⁴¹ уж мой...

(Анна Андреевна.) Это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано.

(Хлестаков.) Да,¹⁴² я за словесность получаю 40 тысяч в год. У меня у самого 4 дома в Петербурге (*кладет одну ногу на стул*) и квартира у меня в собственном доме такая, что за 10 нельзя иметь.¹⁴³ И перед лесницею я нарочно заказал себе зеркальны(е) двери.¹⁴⁴ Три¹⁴⁵ тысячи стали. Нельзя, знаете, ну, едешь к другим, нужно и самому тоже принять и дать тоже бал.

(Анна Андреевна.) Я думаю, с каким вкусом и великолепием там Балы.

(Хлестаков.) Да, хорошие балы бывают.¹⁴⁶ Я всегда бываю у Графа у Кочубея. Там уж у нас так и составился вист. Три Министра и я. И как только этак иногда как-нибудь замешкаешь, то уж министры и говорят: “Да где ж Иван Григорьевич, послать за Иван Григорьевичем”.¹⁴⁷ И как начнем играть, то иногда два дни играют, и так уморишься, так уморишься, что как взбежишь наконец к себе по лестнице на второй этаж, то просто сбросишь шинель свою кухарке и скажешь только: “На, Матушка”, а пот так в три ручья и льется. И на другой день так уж в должность совсем не

---

¹⁴¹ После: тот — в рукописи стоит вопросительный знак

¹⁴² Далее зачеркнуто: мне он доставил 40 тысяч дохо(да)

¹⁴³ Далее зачеркнуто: На лесн(ице)

¹⁴⁴ Далее зачеркнуто: 3 гости(ных)

¹⁴⁵ Далее зачеркнуто: гости(ных)

¹⁴⁶ На нижнем поле без обозначения места вставки набросок к описанию бала: Да. Балы, я вам скажу, бывают там такие. [Да, Батюшка, ему ка(ждая?)] Ну, [блюда] кушанья присылают прямо из Лондона, так уж все приготовленные так, (как) следует. Да, Батюшка, ему каждая десертная тарелочка [стоит по 10 тысяч], на которой подают конфеты, стоит (слово повторено дважды) по 10 тысяч, [и иногда] все блюда подадут такие, что только [слюнку глотаешь. [Какой-нибудь этакой пи(рог)] Какого-нибудь этако(го)] слюнку глотаешь. Какого-нибудь рябчика подадут такого, который стоит миллион. Или пирог эдакой, что сам горячий, а в середине мороженое, холодное, как вот лед. (вот вписано)

¹⁴⁷ Далее зачеркнуто: и, верите, так иногда уморишься, так умор(ишься)

хоч(ется) идти. “Осип” я говорю “и не буди, ей Богу, не пойду”. Впрочем, у меня должность на доме, и ко мне приходят чиновники.¹⁴⁸ И как проснешься, так графы и князья так и лезут в переднюю, уж и несносно становится. “Что” говорят “Иван Григорьевич встал? встал?” да подите себе, думаю (*кладет другую ногу на стол*), мне совсем не до вас. — Ну нечего делать, однако ж, вый-дешь,¹⁴⁹ и как же не выгги, иной раз Министр даже приедет, конечно, не всегда... а иногда¹⁵⁰ заедет. То(го) другого гибель уж такая, что и не *читаю* (*Городничий и прочие поднимаются со страхом на ноги*), всем нужда ко мне. Я ведь самое прибыточное (место) имею, и хоть я не имею Генеральского (чина), но мне, однако ж, так, как и Генералам, пишут: “ваше превосходительство”. Да я вас уверяю, и к звезде хотели меня представить... Да так как-то не хотелось хлопотать.¹⁵¹ “А” думаю себе, “что звезда, суета, больше ничего”... право...¹⁵² Я управлял даже Минист(ерством), когда эдак Министр куда-то уезжал на время, и меня очень боялись¹⁵³ и так являлись, как будто к самому Министру (*Городничий и весь уезд трясется*). Да и во дворец я ездил, и все в Мундирах, а после того я сам сделался...¹⁵⁴

(Л. 12 об.)¹⁵⁵Городничий (*дрожа, не может выговорить слова*).

А ва... ва... ва... ва... ва...

(Хлестак о в.) Что такое, вы что-то говорите.

(Городничий.) А ва... ва... ва... ва... ва...

(Хлестак о в.) Не разберу ничего.

(Городничий.) А ва... с... ство... Если уг... угодно... отдохнуть... вот и комната... и все, что нужно...

(Хлестак о в.) Ах, хорошо, хорошо. Мне, точно, что-то немного зеваается. (*Встает.*)¹⁵⁶ Завтрак у вас был хорош, очень хорош (*уходит в боковую комнату*).

¹⁴⁸ Впрочем, у меня ~ чиновники. *вписано*

¹⁴⁹ *Далее зачеркнуто*: потому как же не

¹⁵⁰ *Вместо*: конечно, не всегда... а иногда — было: то есть не всегда, а так иногда

¹⁵¹ Да так ~ хлопотать. *вписано*

¹⁵² *Далее зачеркнуто*: Я заме(щал?)

¹⁵³ *Над строкой без обозначения места вставки вписано*: и там чиновники, смотришь, это все дрожит, право

¹⁵⁴ *Далее зачеркнуто*: Занавес опускается

¹⁵⁵ *Перед этим зачеркнуто*: А ва... ва

¹⁵⁶ *Далее зачеркнуто*: У вас был

〈Явление 7〉

¹⁵⁷Б о б ч и н с к и й (Добчинскому). А что, Петр Иванович? Мне так,¹⁵⁸ я вам скажу, даже страшно сделалось. Ей-Богу. Еще никогда не был я в присутствии такой персоны. А что, как вы думаете, он такой?¹⁵⁹ А¹⁶⁰ я думаю сам, что он больше, чем всякой Генерал. Хоть и не толстый собою сам, как бывают Генералы, а однако ж их всех загоняет... Это такой, что еще никогда не бывало, и во дворец, и все такие Министерские штуки отправляет.¹⁶¹

〈Д о б ч и н с к и й.〉 Я и сам так думаю, Петр Иванович.¹⁶²

〈Б о б ч и н с к и й.〉 Пойдем, Петр Иванович,¹⁶³ расскажем Евлупу Евпловичу и Растаковскому. Они еще ничего об этом не знают.

〈Д о б ч и н с к и й.〉 Прощайте, Кумушка.

〈А н н а А н д р е е в н а.〉 Прощайте.

〈Б о б ч и н с к и й.〉 Прощайте, Ан(н)а Андревна.

〈А н н а А н д р е е в н а.〉 Прощайте.

〈Явление 8〉

〈А н н а А н д р е е в н а.〉¹⁶⁴ А он меня понравил и, я заметила, все на меня поглядывал.

〈М а р ь я А н т о н о в н а.〉¹⁶⁵ Маминька. Ну вот видите ли, какие вы, он больше на меня глядел.

〈А н н а А н д р е е в н а.〉 Полно вздор толковать, какая в самом деле странная, конечно, ему неловко же делать замужней женщине глазки¹⁶⁶, особливо¹⁶⁷, когда и муж тут стоит.

〈М а р ь я А н т о н о в н а.〉 Нет, Маминька.

〈А н н а А н д р е е в н а.〉 Пожалуста, не толкуй этакой вздор, где ему смотреть на тебя, и с какой стати смотреть на тебя.

〈М а р ь я А н т о н о в н а.〉¹⁶⁸ Право, маминька, все смотрел и как начал говорить о Литературе, то взглянул на меня, и потом, ко-

---

¹⁵⁷ *Перед этим зачеркнуто:* Петру Иван(овичу)

¹⁵⁸ *Далее зачеркнуто:* я вам

¹⁵⁹ *Так в рукописи; ср. в АК1:* кто он такой?

¹⁶⁰ *А вписано*

¹⁶¹ *Это такой ~ отправляет. вписано*

¹⁶² *Далее зачеркнуто:* У меня так

¹⁶³ *Далее зачеркнуто:* пойдем

¹⁶⁴ *Далее зачеркнуто:* Какой

¹⁶⁵ *Далее зачеркнуто:* Ах

¹⁶⁶ *Далее зачеркнуто:* тогда

¹⁶⁷ *Было: а особливо тогда еще*

¹⁶⁸ *Далее зачеркнуто:* Вот как

гда¹⁶⁹ рассказывал, как он играл в вист с Министром, и тогда¹⁷⁰ посмотрел на меня.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ну может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уже, верно, лишь бы... “А” говорит себе¹⁷¹ “дай уж посмотрю на нее”.

⟨Марья Антоновна.⟩ Ей Богу, Маминька, на вас меньше глядел, чем на меня. Вы, может быть, не видели и оттого вам так кажется.

⟨Анна Андреевна.⟩ Сама ты “кажется”... Вдруг начнет этак рассказывать...¹⁷² Ты просто дура и больше ничего¹⁷³. Во-первых, тебе не следует эдак мне говорить, ты можешь это сказать своей¹⁷⁴ Парашке. Конечно, может быть...¹⁷⁵ раз как-нибудь взглянул, нельзя ж ему делать мне прямо глазки, он знает, что я женщина замужняя. Да притом и дурак муж мой тут же стоит.¹⁷⁶

⟨Явление 9⟩

Городничий *(выходит)*. Тс... тс...

⟨Анна Андреевна.⟩ Что?

⟨Городничий.⟩ Прилег отдохнуть. Боже вас сохрани тут как-нибудь шуметь.

⟨Анна Андреевна.⟩ Послушай, да зачем пригласил его в свою комнату, ведь нужно ж обедать сей час, обед готов...

Городничий *(расставляя руки и раздумывая)*. Обедать?

⟨Анна Андреевна.⟩ Да как же, зачем же ты его пригласил спать.

⟨Городничий.⟩ Ну, Матушка, признаюсь, я и сам не знаю, отчего я пригласил его спать. Так совсем ошеломило, страх такой напал, еще такого никогда не было¹⁷⁷ ревизора. *(Размышляет.)*¹⁷⁸ Ис Министрами играет, и во дворец ездит¹⁷⁹, так вот, право¹⁸⁰, чем

---

¹⁶⁹ Далее зачеркнуто: заговорил

¹⁷⁰ и тогда вписано

¹⁷¹ Далее зачеркнуто: уж посмотреть

¹⁷² Вдруг начнет этак рассказывать... вписано

¹⁷³ ничего вписано

¹⁷⁴ Далее зачеркнуто: гор(ничной)

¹⁷⁵ Далее зачеркнуто: он

¹⁷⁶ Далее зачеркнуто: (Идут.)

¹⁷⁷ Вместо: такого никогда не было — было: никогда не было такого

¹⁷⁸ (Размышляет.) вписано

¹⁷⁹ ездит вписано

¹⁸⁰ право вписано

больше думаешь... не знаешь, что и делается в голове¹⁸¹. Так, как будто стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

⟨Анна Андреевна.⟩ А я, право, не ощутила никакой робости, я просто видела в нем образованного, светского, высшего тона человека...¹⁸² А о чинах его...

⟨Городничий.⟩ Ну уж вы, женщины, уж кончено дело. Уж вы узнаете человека. Вдруг брякнут ни с сего, ни с другого слово¹⁸³. Вас высекут только, а мужа¹⁸⁴ и поминай как звали. Да. Ты, душа моя, обращалась с ним так же свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

⟨Анна Андреевна.⟩ Об этом-то я уже не советую вам беспо(ко)иться, мы знаем кое-что такое... (Поглядывает на дочь.) Не правда ли, Машинька? Пойдем, душинька¹⁸⁵, я тебе еще что-то скажу¹⁸⁶, что я заметила¹⁸⁷ у гостя, такое, что нам только вдвоем можно сказать.

⟨Явление 10⟩

Городничий. О, уж там наговорят¹⁸⁸, только, я думаю, пойди да послушай, и уши потом заткнешь.¹⁸⁹ До сих пор не могу очнуться от страха. Эй, кто там (в дверь). Миша. Позови Квартального Свистунова и Держиморду, они, я думаю, теперь у крыльца стоят. Плохо, что теперь все завелся на свете такой¹⁹⁰ тоненькой и невысокой народ, в начале никак не узнаешь, что он важная особа, благородный чел(овек). В начале, однако ж, он долго скрывался и так, будто ничего. А вот слуга. Нужно к нему подъехать.

---

¹⁸¹ Вместо: не знаешь, что и делается в голове — было: [так] эдак чорт знает что приходит на ум (отмененный вариант не зачеркнуто). Далее зачеркнуто: или тебя повесят, или

¹⁸² Далее зачеркнуто: и

¹⁸³ слово вписано

¹⁸⁴ Далее зачеркнуто: в тюрьму да

¹⁸⁵ душинька вписано, далее зачеркнуто: Ну уж вы, [я] знаю я вас

¹⁸⁶ Далее зачеркнуто: такое

¹⁸⁷ Далее зачеркнуто: тако(е)

¹⁸⁸ Вместо: там наговорят — было: наговорят там

¹⁸⁹ Далее зачеркнуто: Эй(?)

¹⁹⁰ Далее зачеркнуто: маленькой народ

Явление 11.

Городничий и Осип.

Городничий.¹⁹¹

⟨Л. 13.⟩ ⟨О с и п.⟩ Нет еще только потягивается, скоро заснет.

⟨Городничий.⟩ Послушай, любезнейший. Ну что, там тебя накормили.

⟨О с и п.⟩ Покорнейше благодарю. Хорошо накормили.

Городничий. Ну что, Брат, ведь все, я думаю, в дороге не то, что... что там как у вас в Петербурге. Я думаю, там¹⁹² всего, чего просишь, работы гибель. Ведь к твоему Барину, я думаю, столько там наедет генералов.

⟨О с и п.⟩ Да,¹⁹³ всего бывает,¹⁹⁴ и Генералы, и полковники приезжают, и графы¹⁹⁵, и протопопы, все бывает.

⟨Городничий.⟩ Так много? вишь ты, какие¹⁹⁶ дела! Ну и что ж это, на барине твоем какой чин.

⟨О с и п.⟩ Да чин не небольшой, что-то так не меньше полковника, коли еще не больше...

⟨Городничий.⟩ А что, как он там, строг,¹⁹⁷ любит эдак распекать или нет¹⁹⁸.

⟨О с и п.⟩ Да, порядок любит, уж все чтоб было ему в исправности.

⟨Городничий.⟩ В исправности? А мне очень нравится твое лицо, любезнейший, должен быть хороший человек. Ну что, как, имеешь ты хозяйку.

⟨О с и п.⟩ Нет, Ваше¹⁹⁹, еще не женат.

⟨Городничий.⟩ Право, мне ты очень нравишься...²⁰⁰ Послушай, люб(езный), знаешь, в дороге все-таки не мешает выпить лишний стаканчик²⁰¹, так вот пара целковиков на чай.

О с и п (принимает деньги). А покорнейше благодарю, сударь. Дай Бог вам всякого здоровья. Бедный человек... помогли ему.

⟨Городничий.⟩ Да, ну скажи, как, что больше любит твой барин?..

¹⁹¹ Оставлено место для реплики.

¹⁹² Далее зачеркнуто: всего же

¹⁹³ Далее зачеркнуто: оно в довольстве всего

¹⁹⁴ Далее зачеркнуто: всего в довольстве. Ну что

¹⁹⁵ Было: графья

¹⁹⁶ Далее зачеркнуто: обстоятельства

¹⁹⁷ Далее зачеркнуто: кричит этак

¹⁹⁸ Вместо: распекать или нет — было: распекать

¹⁹⁹ Так в рукописи.

²⁰⁰ Далее зачеркнуто: Вот

²⁰¹ Вместо: лишний стаканчик — было: лишнюю чашечку

⟨О с и п.⟩ Да он-то любит, пожалуй, много, по рассмотрению, как что ему придется.²⁰² Больше-то всего любит, чтобы его приняли хорошо, угощение чтобы было удовлетворительное...

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩²⁰³ Удовлетворительное...

⟨О с и п.⟩ Вот уж на что я, крепостной человек, а и то смотрит, чтобы и мне было все хорошо. — Ей Богу. Вот, бывало, заедем куда-нибудь: “Что, Осип, хорошо тебя угостили”. — “Плохо, Ваше Высокоблагородие”. — “Эх, погоди же, говорит, это²⁰⁴ нехороший человек, ты, говорит, напомни, как приедем...”²⁰⁵ (*махнув рукою*) а, думаю себе, что ж, я человек простой.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Да²⁰⁶. Гм. Вот там я дал тебе на чай, так вот уж, одно к одному, на баранки целковенькой.

О с и п. Да за что жалуете, Ваше Благородие (*прячет деньги*), так уж разве за ваше здоровье выпить.

Входят к в а р т а л ь н ы е.²⁰⁷

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Хорошо, хорошо. Так что нужно для Барина, ты все на доме требуй. Ну не держу²⁰⁸ тебя, приготавливай там, что следует, для барина.

О с и п уходит.

⟨Явление 12⟩

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Послушайте. Вы стоять ⟨на⟩ крыльце и²⁰⁹ не впускать ни одного просителя. Боже вас сохрани, как только увидите, что у кого в руках бумага, а хоть и нет бумаги, да сам он такой, что пожелает подать на меня бумагу, то прямо так взашей и толкайте. Говорите, что Вельможе некогда, что почивает²¹⁰, слышите, ну ступайте.²¹¹ Боже вас сохрани²¹² кого-нибудь впустить, кроме почетных особ в городе, особенно купцов ни под каким видом не впускайте.

²⁰² Далее зачеркнуто: а. Любит; б. Любит, что

²⁰³ Далее зачеркнуто: Любит

²⁰⁴ это вписано

²⁰⁵ Далее зачеркнуто: А, ду(маю)

²⁰⁶ Далее зачеркнуто: а. ты хороший человек, я вижу; б. ты хороший человек, это я вижу, вот я

²⁰⁷ Входят квартальные. вписано

²⁰⁸ Вместо: Ну не держу — было: Я уж не держу

²⁰⁹ Далее зачеркнуто: ни одного не впускать из тех, кто

²¹⁰ Далее зачеркнуто: или

²¹¹ Далее зачеркнуто: Все уходят. Занавес опускается.

²¹² Далее вписано и зачеркнуто: особенно купцов

⟨Л. 14.⟩ Действие 4.

⟨Явление I⟩

⟨Хлестаков.⟩ Мне нравится здешний городок. — ¹Гостеприимства я такого нигде не видал, право. И шампанским поят, и все, что хочешь. Вот этак я люблю жить. Вот как много значит побыть хотя немного в Петербурге. Хоть даже не будь Помощником столоначальника, а просто канцелярским чиновником², а уж все к тебе³ чувствуют почтение. Право. И Городничий так бегаёт, услужливает. Все тебе заведения показывают и все, что хочешь, и поговоришься, тебя никто не оставляет, право,⁴ духу придает, чувствуешь, как будто в самом деле значишь что-нибудь важное. И дочка хороша у него! право. Такая свежинькая, губки розовые. Я к ней равнодушен, чорт возьми, если признаться, то⁵ даже влюблен. Право, недурна. Да и матушка уже такая, что ещё можно бы. Я люблю этак проводить время.⁶ А Городничий должен быть совсем рассеянной и, я думаю, глуповат немножко.⁷ Вместо двухсот рублей, как я рассмотрел теперь, он мне дал четыреста. Я думаю, об этом нечего сказывать ему. Да и к чему же...⁸ Веть что ж ему, веть у него, верно, есть кроме этого деньги...⁹ Чорт возьми, теперь станет доехать до самого дому¹⁰. Нужно, однако ж, ещё попросить у него в займы, может быть, на дороге случится опять¹¹, канальст-

¹ *Далее зачеркнуто:* а. Учтивство такое, какое ниг(де); б. А боль(ше)

² *Было:* служителем (не зачеркнуто)

³ к тебе вписано

⁴ *Далее зачеркнуто:* даже

⁵ то вписано

⁶ *Далее зачеркнуто:* Мне нравится, что даже деньги Городничий сей час мне занял.

⁷ *Далее зачеркнуто:* Как я

⁸ *Вместо:* Да и к чему же... — *было:* Зачем же... *Далее зачеркнуто:* веть(?) мне

⁹ *Вместо:* Веть что ж ~ деньги... — *было:* Веть что ж, мне же нужны деньги...

¹⁰ *Было:* дома

¹¹ *Вместо:* может быть, на дороге случится опять — *было:* опять, может быть, на дороге случится (отмененный вариант не зачеркнут)

во, попробовать счастья. Веть не все¹² так удачливо¹³, как этот капитан, может быть, наскочу на такого, какого еще никто не видывал.

Явление II.

Хлестако(в) и Почмейстер, входит, вытянув(шись), в мундире, придерживая шпагу.

(Почтмейстер.) Имею честь представиться, почмейстер, Надворный советник Шпекин.

Хлестаков. А, хорошо. Прошу покорнейше садиться. (Почмейстер садится на кончике стула.)¹⁴ Я знаком с вашим начальником в Петербурге. Очень часто обедаю у него. Хороший очень человек. И в вист он отлично играет, с ним никто не может играть, он знает вперед еще. Еще вы не пойдете, а он уже вам скажет, с чего вы пойдете. “Вы, говорит, вот с дамы пойдете”, и точно... и не то чтобы как-нибудь накраплены карты, нет, вы с собою принесите¹⁵. Мне очень часто случалось с ним. “Пожалуста, говорит, Александр Иванович, возьми карету и поезжай... (смотрит ему в глаза) поезжай куда-нибудь” говорит...¹⁶ Мне кажется, у этого гуся можно бы занять денег. — Да, я с ним хорошо знаком. — Гм... Гм. Он на дорогу мне¹⁷ дал маршрут¹⁸ и откры(тый) лист, да где-то мой дурак затерял... Я хотел у вас попросить, не случилось (у) вас с собою как-нибудь теперь денег, мне¹⁹ понадобилось на дорогу.

(Почтмейстер.) Сколько прикажете?

(Хлестаков.) Да мне рублей сто только. Я вам (сей)час и пришлю их, вдруг этак завтра или после завтра, а может быть, раньше.

(Почтмейстер.) Вот извольте-с.

(Хлестаков.) Пожалуйте.²⁰ Хорошо. Очень благодарю.

Почмейстер (встает и вытягивается и придерживая шпагу). Не смею долее беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого замечания по²¹ почтовой части.

¹² Место: не все — было: не все ж, я думаю

¹³ Так в рукописи.

¹⁴ (Почмейстер садится на кончике стула.) вписано

¹⁵ и не то чтобы ~ принесите вписано

¹⁶ Далее зачеркнуто: а. (в сторону); б. (в сто(рону))

¹⁷ Место: Он на дорогу мне — было: он мне на дорогу

¹⁸ Далее зачеркнуто: и что

¹⁹ Далее зачеркнуто: нужно

²⁰ Было: А, пожалуйста

²¹ Далее зачеркнуто: части

Хлестаков. А прощайте, прощайте. Хорошо, хорошо.²²
(Выпр(ово)жает.)

Явление (III)²³.

Хлестаков и²⁴ Филип Артемьевич в мундире
и придерживая шпагу.

⟨Филип Артемьевич.⟩ Имею честь представиться, смотритель уездного училища, Титулярный советник Земленика.

⟨Хлестаков.⟩ А, сделайте милость, садитесь. Я очень хорошо знаком с вашим начальником — хороший очень человек. — Да, это²⁵ прекрасная часть, и все, которые там служат, очень хвалятся, там каждый столоначальник каждый год по три ордена получает и кроме того от казны еще выдается ложа в театре, право, и сани — этак чтобы куда-нибудь ездить. Я пре(ж)де сам очень много занимался просвещением и литератур(ою), теперь²⁶ как-то²⁷ надоело. Да веть теперь я вспомнил, что я вас видел, кажется, вчера.

⟨Филип Артемьевич.⟩ Так точно²⁸, когда изволили заезжать в училище.

⟨Хлестаков.⟩ Да, точно, я был в училище. Только вы, кажется, как будто немножко ниже были ростом. Не правда ли?

⟨Филип Артемьевич.⟩ Очень может, Ваше...ство.²⁹

⟨Хлестаков.⟩³⁰Училище. Училище, да уж не помню, кажется, там все было хорошо. В Петербурге есть одно³¹ училище, самое главное. Директор его, вот позабыл его фамилию, тоже мне большой приятель. Мы с ним вместе волочились за одной хорошенькой. Ну натурально, куда ж ему, старик. ⟨Л. 14 об.⟩ Бывало, всегда, как³² встретит меня, я иду еще у Полицейского моста, он у Аничкина,³³ поднимет, бывало, палец и кричит: “Злодей! счаст(ливец), каналья”. — Да, в вечеру если пойдешь по Невскому проспекту, много встретишь хороших. (Мгновенное молчание.)

²² Далее зачеркнуто: я рад

²³ В автографе: II

²⁴ Далее зачеркнуто: Смотрит(ель)

²⁵ это вписано

²⁶ Вместо: просвещением и литератур(ою), теперь — было: просвещением, а теперь

²⁷ Далее зачеркнуто: думаю себе

²⁸ Вместо: Так точно — было: Да, точно; далее зачеркнуто: в училище заезжали

²⁹ Вместо: Очень может, Ваше...ство. — было: Не смею прекословить.

³⁰ Перед: Училище — зачеркнуто: Вот и

³¹ Было: два

³² Далее зачеркнуто: иду

³³ Далее зачеркнуто: а он

⟨Филип Артемьевич.⟩ Не смея беспокоить³⁴ присутствием, имею честь засвидетельствовать.

⟨Хлестаков.⟩ А, прощайте, прощайте. *(Выпровождает, потом подбегает к дверям и кричит.)* Послушайте, на минуточку, как вас...

³⁵Филип Артемьевич *(входит)*.³⁶ Вы изволили кричать.

⟨Хлестаков.⟩ Да, я хотел с Вами поговорить еще нащот того: сделайте милость, дайте мне займы рублей полтораста денег. Я вам их завтра или около это⟨го⟩ времени возвращу.

⟨Филип Артемьевич.⟩ Извольте-с.

⟨Хлестаков.⟩ Очень благодарю вас. *(Поспешно прячет.)*

⟨Явление IV⟩

Те же и судья.

⟨Судья.⟩ Имею честь представиться, Судья здешнего уездного суда, коллежский советник Припекаев.

⟨Хлестаков.⟩ А, сделайте милость, садитесь, мне очень хорошо знаком ваш начальник. Что, вы давно тут занимаете место.

⟨Судья.⟩ С 816 года был избран на трехлетие по воле дворянства, продолжал³⁷ должность до сего времени³⁸.

⟨Хлестаков.⟩ Это хорошо. Я тоже долго очень служу, особливо, когда есть товарищи. Что, вы получали награды.

⟨Судья.⟩ За три трехлетия получил³⁹ Владимира 4 степени и одобрение со стороны начальства.

⟨Хлестаков.⟩ Да, это недурно. А скажите, пожалуста, не можете ли вы дать мне в займы этак рублей, рублей сто.

⟨Судья.⟩ Сей⟨ча⟩с *(вынимает поспешно бумажник)*.

⟨Хлестаков.⟩ Я так, знаете, у меня как-то не случилось. Я вам завтра пришло. Покорно⁴⁰ Вас благодарю. Что, какая сегодня погода.

⟨Судья.⟩ Хороша.

---

³⁴ Далее зачеркнуто: долее

³⁵ Перед: Ф и л и п — зачеркнуто: Артемий

³⁶ Далее зачеркнуто: Что прикажете

³⁷ Далее зачеркнуто: эту

³⁸ Далее зачеркнуто: должность

³⁹ получил вписано

⁴⁰ Покорно зачеркнуто *(незавершенная правка)*

⟨Хлестаков.⟩ Гм... Трала... ла... ла...

⟨Судья.⟩ Не смея беспокоить моим присутствием, неизменно имею честь пребыть к услугам.

⟨Хлестаков.⟩ Прощайте, покорнейше вас благодарю за то, что посетили меня.

⟨Явление V⟩

Т е ж е и Ляпкин-Тяпкин.

⟨Ляпкин-Тяпкин.⟩ Имею честь представиться, Попечитель Богоугодных заведений,⁴¹ Надворный советник Ляпкин-Тяпкин. Имел честь вчера сопровождать Вас и фришгикать в Богоугодном заведении...

⟨Хлестаков.⟩ А да, как же. Вы очень хорошим завтраком угостили нас...

⟨Ляпкин-Тяпкин.⟩ Рад стараться на службу отечеству⁴².

Хлестаков. Да и вина были очень хороши. Я после того ничего не мог обедать⁴³. За обедом выпил только всего рюмки две и уж не знаю что, так в голове все поворотилось. Как ваша фамилия? Я все позабываю.

⟨Ляпкин-Тяпкин.⟩ Надворный советник Ляпкин-Тяпкин.

⟨Хлестаков.⟩ А да, Ляпкин-Тяпкин, что, скажите, пожалуйста, нет ли у вас при себе денег.

⟨Ляпкин-Тяпкин.⟩ А сколько угодно-с.

⟨Хлестаков.⟩ Рублей полт⟨ораста⟩, а если⁴⁴ есть, то двести. Это еще лучше.

⟨Ляпкин-Тяпкин.⟩ Сей час, с большим удовольствием *(да-ет)*. Я могу сказать, что должность свою так исполняю, ночей не сплю. И уж не так, как, например, здешний почмейстер, который только болтает⁴⁵, или судья, который ездит за зайцами и завел в суде целую псарню, все берет с просителей взятки борзыми собаками-щенками, и поведения, если признаться⁴⁶ пред вами, конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хоть он мне и родня, и приятель, поведения самого развратного... Вот тут есть один помещик

---

⁴¹ Далее зачеркнуто: Ля(пкин)

⁴² Было: отечества

⁴³ Далее зачеркнуто: после

⁴⁴ Далее зачеркнуто: можно

⁴⁵ Далее зачеркнуто: и бол(тает)

⁴⁶ Далее зачеркнуто: вам

Добчинский, которого⁴⁷ вы изволили видеть, то как только⁴⁸ этот Добчинский уйдет⁴⁹, он уж там сидит у жены его, вот присягнуть готов. И нарочно посмотрите на детей,⁵⁰ ни одно из них на Добчинского не похоже, но все, даже девчонка маленькая,⁵¹ все как две капли⁵² судья.

⟨Хлестаков.⟩ Скажите пожалуйста. Это интересно.⁵³ Я никак не думал...

⟨Ляпкин-Тяпкин.⟩ Право, это все такие люди, вот смотритель здешнего училища... (Слышен голос Филипа Артемьевича: “У себя⁵⁴ полковник”. — “У себя”).

Артемий Филипович (подымаясь и раскланиваясь). Я надеюсь, что вы не оставите верной службы моей, которой, конечно, не похваляюсь.

⟨Хлестаков.⟩ А прощайте, прощайте, очень рад с вами познакомиться.

⟨Л. 15.⟩ ⟨Явление VI⟩

Хлестаков и Растаковский.

⟨Растаковский.⟩ Имею честь рекомендовать⟨ся⟩, житель здешнего города, помещик, отставной майор Растаковский.

⟨Хлестаков.⟩ А, прошу покорнейше, прошу садиться, сделайте милость. Я очень рад. Я очень хорошо знаком с вашим начальником.

⟨Растаковский.⟩ А, так вы знали Графа Задунайского.

⟨Хлестаков.⟩ Какого Задунайск⟨ого⟩⁵⁵?

⟨Растаковский.⟩ Графа Румянцова-Задунайского, Петра Александровича, ведь это мой был начальник.

⟨Хлестаков.⟩ А, так вы служили⁵⁶ уже давно. Очень рад, мне очень приятно.

⟨Растаковский.⟩ Находился во время осады под Силистрией в 773-м. Очень жаркое было дело. Турок, как бы вам сказать,

⁴⁷ Было: об котором

⁴⁸ Вместо: то как только — было: У него есть жена, и как только

⁴⁹ уйдет вписано

⁵⁰ Далее зачеркнуто: ни од⟨но⟩

⁵¹ Далее зачеркнуто: и та на судью похожа

⁵² Далее зачеркнуто: на

⁵³ Это интересно. вписано

⁵⁴ Далее зачеркнуто: Ген⟨ерал⟩

⁵⁵ Вместо: Какого Задунайск⟨ого⟩ — было: Какой Задунайский

⁵⁶ Далее зачеркнуто: давно уже

вот так, как этот⁵⁷, стоял перед нами.⁵⁸ Я был тогда Сержантом,⁵⁹ а секунд-майром в нашем полку был,⁶⁰ не изволите ли вы знать... Гвоздев Петр Васильевич.

⟨Хлестак о в.⟩ Гвоздев, какой это.

⟨Растаковский.⟩ Петр Васильевич, он был по высочайшему повелению покойной императрицы переведен после в драгуны.

Хлестак о в. Нет, не знаю.

⟨Растаковский.⟩ Я и сам так полагал, что не знаете, потому что уже больше тридцати лет будет, как он умер. Вот здесь недалеко, верстах в 20⁶¹, осталась его внучка, что вышла ⟨за⟩ Ива⟨на⟩⁶² Васильевича Рогатку. — Но, прошу простить меня, я отдалился немного от настоящего предмета. Так турок стоял перед нами вот так, как бы этот стол, никак не дальше. И время было такое, какого я давно не помню, сумятица такая, снег не снег, а нехорошо⁶³, вот совершенно как во время Двенадцатого года. В нашем полку был⁶⁴ во время⟨?⟩ похода тоже Секунд-Майором Фухтель-Кнабе, немец. Звали его, кажется, Сихфрид Иванович, но Генерал-Аншеф⁶⁵ Кублицын велел переименовать: “Ты, говорит, не Сихфрид, а суп. Будь ты Супом Ивановичем”, и с той поры так и осталось ему⁶⁶ “Суп Иванович”. — Так этот Суп Иванович и Секунд-Майор Гвоздев, о котором я упоминал уже... Видной мущина, русой волос, золотой эксельбант, ловко, каналья, танцевал Польской, он прямо⁶⁷ у Генерала отобьет, бывало, пару, хлопнет... кричит и строг. За ним волочились. Были посланы за фуражом. К ним был прикомандирован я и еще Квартермистр тоже, если изволили знать, Трепакин Автоном Павлович, тоже будет уж лет 20, как умер⁶⁸. И как только Девушки... *(смеется)* хе, хе, хе...⁶⁹ Палатки везде стоят⁷⁰, и как только заглянешь к нему в палатку... хе, хе, хе, там уж и сидит,⁷¹ и как только утро, Деньщик вы-

⁵⁷ Так в рукописи; ср. в АК1: как этот стол

⁵⁸ Далее зачеркнуто: Командовавший

⁵⁹ Далее зачеркнуто: капитаном

⁶⁰ Далее зачеркнуто: не знали

⁶¹ недалеко, верстах в 20 вписано

⁶² Далее зачеркнуто: Тарасови⟨ча⟩

⁶³ сумятица ~ нехорошо вписано

⁶⁴ Далее зачеркнуто: такой⟨?⟩

⁶⁵ Далее зачеркнуто: Потемкин

⁶⁶ Так в рукописи; ср. в АК1: осталось ему имя

⁶⁷ Далее зачеркнуто: хлоп⟨нет⟩

⁶⁸ тоже будет уж лет 20, как умер вписано

⁶⁹ Далее зачеркнуто: Помню, уже, бывало

⁷⁰ Палатки везде стоят вписано

⁷¹ Далее зачеркнуто: а поутру

водит... как будто драгуна, ххе, хе, треугольная шляпа, на плече и португея висит, хе, хе, хе...⁷²

⟨Хлестак ов.⟩ Ах, я вспомнил прият(е)ля.⟩

Растаковский (продолжает). А что такого?.. И такая была тогда слякоть в ноябре месяце.

⟨Хлестак ов.⟩ Позвольте вас на минуту.

Растаковский. На мне был тонкой камзол и еще как тогда нашивали.

⟨Хлестак ов.⟩ Позвольте вас на минуточку. Я должен объявить вам одно, одно очень важное.

⟨Растаковский.⟩ А что такое.

⟨Хлестак ов.⟩ Сделайте милость, займите мне триста рублей денег...

⟨Растаковский.⟩ А вам разве нужны деньги.

⟨Хлестак ов.⟩ Да вот только этак на десять минут. Я завтра вам отдам.

⟨Растаковский.⟩ Позвольте, я посмотрю, сколько казначей мне⁷³ выдал.

⟨Хлестак ов.⟩ Если можно.

⟨Растаковский.⟩ Это пенсioen мой. И так всегда водят... месяца по три не выдают. Да вот теперь, благодаря Вашему приезду, вдруг выдали. Вот извольте, триста рублей.

⟨Хлестак ов.⟩ Покорнейше благодарю.

⟨Растаковский.⟩ Я к вам нарочно пришел с убедительною просьбою.

⟨Хлестак ов.⟩ А что, о чем.

⟨Растаковский.⟩ Да вот должно по пенсионным постановлениям прибавочного пенсиону мне получить. — Так я бы просил, чтобы замолвили вы Министру.

⟨Хлестак ов.⟩ А извольте, извольте.

⟨Растаковский.⟩ Я и сам подавал просьбу. Может,⁷⁴ только не туда, куда следует.

⟨Хлестак ов.⟩ А когда вы подавали?

⟨Растаковский.⟩ Я подавал⁷⁵ в 1801. Да вот уж тридцать лет, как⁷⁶ никакой резолюции. Я послал через Сосулькина Ивана Пе-

---

⁷² Далее зачеркнуто: Это был уж закон. И что же такое

⁷³ Вместо: казначей мне — было: мне казначей (не зачеркнуто)

⁷⁴ Далее зачеркнуто: не ту(да)

⁷⁵ Я подавал вписано

⁷⁶ как вписано

тровича,⁷⁷ который ехал тогда в Петербург, да он-то ⟨не⟩ слишком надежный человек, выпить любит, так, может, он просьбу совсем не туда отнес, куда⁷⁸ нужно. А оно-то уже немного и ждать остается. Тридцать лет прошло, то теперь уже, верно, скоро.

⟨Хлестаков.⟩ Да, конечно, разумеется, бу⟨дь⟩те спокойны. Я сам там все это прикажу разыскать.

⟨Явление VII⟩

Те же и Погоняев.

⟨Погоняев.⟩ Имею честь представиться, житель здешнего города, помещик Погоняев.

⟨Хлестаков.⟩ А, прошу покорнейше садиться, очень рад...

Растаковский *(встает и раскланивается)*. Позвольте благодарить за милостивое внимание и не забудьте просьбы.

⟨Хлестаков.⟩ А, прощайте, я об вас буду докладывать. *(Провожает его.)*

Погоняев встает со стула.

Хлестаков. Садитесь. *(Садится. Молчание.)* Что Вы здесь и живете.

⟨Погоняев.⟩ Так точно-с.

⟨Хлестаков.⟩ Гм. Скажите, пожалуйста, как же вы: у вас и детки есть.

⟨Погоняев.⟩ Есть, двое уже учатся, а прочие живут⁷⁹ еще при мне, дома.

⟨Хлестаков.⟩ И что ж, как они, здоровы.

⟨Погоняев.⟩ Да слава Богу, меньшей только немножко прихворнул.

⟨Хлестаков.⟩ Прихворнул, скажите пожалуйста.

⟨Погоняев.⟩ Да, выше пупка сделался чирей.

⟨Хлестаков.⟩ Ах, как это неприятно, и что однако ж...

⟨Погоняев.⟩ Ну это... правда, ничего...

⟨Хлестаков.⟩ А сколько у ⟨вас⟩ всех деток...

⟨Погоняев.⟩ Всех пять, Николай, Иван, Яков, Марья и Перепетуя.

⟨Хлестаков.⟩ Это хорошо. Хорошо. Пожалуйста, одолжите мне ⟨Л. 15 об.⟩ пятьсот рублей.

⟨Погоняев.⟩ Извольте-с.

---

⁷⁷ Далее зачеркнуто: да он, кажется

⁷⁸ В рукописи: куда

⁷⁹ Вместо: прочие живут — было: прочих держу (прочих осталось незачеркнутым)

〈Явление VIII〉

〈Л ю л ю к о в.〉 Имею честь рекомендоваться⁸⁰, помещик Люлюков, штабс-капитан.

〈Х л е с т а к о в.〉 А мне очень приятно. Пожалуста, дайте мне взаймы четыреста рублей.

〈Л ю л ю к о в.〉 Извольте, с большим удовольствием... вот я сей час *(отсчитывает)*.

〈Х л е с т а к о в.〉 Так здесь ровно четыреста.

〈Л ю л ю к о в.〉 Четыреста.

〈Х л е с т а к о в.〉 Это хорошо, что четыреста.

〈Л ю л ю к о в.〉 Я осмеливаюсь вас беспокоить моею просьбою.

〈Х л е с т а к о в.〉 А что такое?

Л ю л ю к о в. Я хочу ставить подряд в казенные магазины овсом, по 9 рублей четверть. Оно немножко выше против прежних цен, но зато овес⁸¹ сравнительно без всякой меры к прежнему.

〈Х л е с т а к о в.〉 Очень хорошо. Я рад об этом стараться с своей стороны. Ведь это нужно к Министру Морских сил?

〈Л ю л ю к о в.〉 Нет, в главный комиссариат.

〈Х л е с т а к о в.〉 Да, или в Комиссариат. Очень хорошо. Извольте, извольте. Я готов.

〈Л ю л ю к о в.〉 В благодарности моей не извольте сомневаться *(раскланивается)*.

〈Х л е с т а к о в.〉 Извольте. Извольте. Я об вас скажу Государю.

〈Явление IX〉

〈Д о б ч и н с к и й.〉 Я об одном очень важном для меня обстоятельстве осмеливаюсь просить вас.

〈Х л е с т а к о в.〉 Об чем же.

〈Д о б ч и н с к и й.〉 Дело оно очень тонкое и состоит вот в чем: старший сын мой рожден мною еще до брака.

〈Х л е с т а к о в.〉 Да.

〈Д о б ч и н с к и й.〉 То есть оно так только говорится, а он рожден мною так совершенно, как бы и в браке⁸². Все это, как следует, я

---

⁸⁰ Вместо: рекомендоваться — сверху начат и не зачеркнут другой вариант: *представиться*

⁸¹ Далее зачеркнуто: *бе(з)*

⁸² Далее зачеркнуто: *и*

завершил законными узами супружества.⁸³ Так я хочу теперь, чтобы он был совершенно законный мой сын и так же, как и я, наз(ывался) Добчинским⁸⁴. Теперь это запретили, я знаю. Да больше потому, что все люди маленькие просят об этом. А если человек большой, вот так, как вы, то оно сей час все это делается. Я бы и не беспокоил вас, да жаль очень, такой мальчишка, большие надежды подает. — Наизусть стихи разные говорит и эдак, если ему дать ножик⁸⁵, то сделает маленькие дрожечки так искусно, как лучший шукарь⁸⁶. — Вот и Петр Иванович знает.⁸⁷

⟨Хлестakov.⟩ А хорошо, я об этом буду говорить. Что, не имеете ли и вы чего-нибудь сказать.

⟨Бобчинский.⟩ Я прошу покорнейше, как поедете в Петербург, так скажите всем вельможам разным, что вот живет в городе таком-то Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите, что живет Петр Бобчинский...

⟨Хлестakov.⟩ Очень хорошо.

⟨Бобчинский.⟩ Да если этак и Государю придется, так скажите, что живет Петр Бобчинский.

⟨Хлестakov.⟩ Очень хорошо.

⟨Добчинский и Бобчинский.⟩ Мы не смеем долго своим присутствием...

⟨Бобчинский.⟩ Ах, извините, такой суммы, ей богу нет. Оно есть, да в п(риказе?). А вот нет ли у вас, Петр Иванович.

⟨Добчинский.⟩ Нет.

⟨Хлестakov.⟩ Ну, дайте⁸⁸ в таком случае сто рублей.

⟨Бобчинский.⟩ У вас, Петр Иванович, нет ли, у м(ен)я только 60 рублей.

⟨Добчинский.⟩ У меня 20.

⟨Хлестakov.⟩ Хорошо, будет и этого, дайте их сюда.⁸⁹

---

⁸³ Далее зачеркнуто: Так я прошу Ваше Превосходительство. Я посылаю просьбу(у)

⁸⁴ Вместо: как и я, наз(ывался) Добчинским — было: носил название Добчинского (название не зачеркнуто)

⁸⁵ Далее зачеркнуто: или

⁸⁶ так искусно, как лучший шукарь вписано

⁸⁷ Я бы и не беспокоил ~ Петр Иванович знает. вписано в нижней части листа (через пробел) без обозначения места вставки

⁸⁸ Далее зачеркнуто: так

⁸⁹ Текст: ⟨Бобчинский.⟩ Ах, извините ~ дайте их сюда. в последующих редакциях предшествует приведенному выше разговору Бобчинского и Добчинского с Хлестakovым.

⟨Л. 16.⟩ ⟨Явление X⟩

⟨Хлестаков.⟩ Это, однако ж, удивительно. Не успеешь заикнуться о деньгах — сей час и вынимают бумажники. Право, пречудный город. В Петербурге совсем этого нет. Там Руч тебе ни за что в долг не сошьет фрака, а здесь дают и сроку не назначают⁹⁰. Право, удивительно, отчего это так⁹¹? Ведь эго в самом⁹² деле какие дураки!.. Как теперь у меня около двух тысяч рублей, прямо как будто бы с неба впали. — Ей Богу, нарочно напишу об этом к Притишкину, он там что-то пописывает по словесности⁹³, какие-то статейки и в журналы помещает. Напишу ему все это, пусть он⁹⁴ их обкритикует, когда б только, сукин сын, меня не задел, а то он такой, что для красного словца не пожалеет и родного отца. Право. Ей, Осип, подай мне бумагу и чернила.

⟨О с и п.⟩ Сей час *(приносит бумагу и чернила)*.

⟨Хлестаков.⟩ Ну вот, дурак, ты ворчал там. Теперь денег станет доехать хоть опять в Петербург. Видишь,⁹⁵ дурак, ты не знаешь, кто я таков. Вот меня⁹⁶ как принимают.

⟨О с и п.⟩ Да слава Богу, прием хорош⁹⁷.

⟨Хлестаков.⟩ *(пишет)*. Нужно об себе этак поосторожнее, а то он, хоть и друг, а так оббреет, что и неприятель⁹⁸ иной не найдется. Послушай, Осип, ты вот, как напишу я письмо, отнесешь его сей час на почту, да возьми подорожную и потребуй⁹⁹ лошадей самих лучших, а ямщикам скажи, что я им теперь буду по полтиннику каждому давать на водку, да чтобы лихо ехали, так, как фельдъегеря скачут. *(Пишет.)* “Почтмейстер и... Ляпкин-Тяпкин и какой-то училищной директор Земляника...” Подай свечу и сургуч¹⁰⁰. *(Пишет. Запечатывает.)*

⟨О с и п.⟩ Я, сударь, отправлю через человека, а там тем временем дело есть.

⟨Хлестаков.⟩ Хорошо, отдай и через человека.

---

⁹⁰ Вместо: дают и сроку не назначают — было: проси сколько угодно дают

⁹¹ Вместо: отчего это так — было: отчего это

⁹² Ведь эго в самом зачеркнуто *(незавершенная правка)*

⁹³ Далее зачеркнуто: и в журналы

⁹⁴ он вписано

⁹⁵ Далее зачеркнуто: ты

⁹⁶ Далее зачеркнуто: видишь

⁹⁷ В рукописи: хорошо

⁹⁸ Вместо: и неприятель — было: хоть бы и неприятель

⁹⁹ Далее зачеркнуто: подорожну(ю)

¹⁰⁰ Далее зачеркнуто: вот те(бе?)

О с и п (выходя). Ей, послушай, брат, отнеси вот это письмо. Скажи Почмейстеру, чтобы он принял письмо, слышишь, без денег. Так¹⁰¹ скажи, что это, мал, от того полковника, что у городничего стоит. Да скажи, чтобы сей час привели Барину самую лучшую тройку, курьерскую, а прогону, скажи, Барин не плотит, скажи, казенной прогон, чтобы живо, мол, было, а то Барин сердится, как что нескоро делается. *(Хлестакову.)* Сказал¹⁰², мальчишка побежал.

Х л е с т а к о в. Хорошо *(пускает дым из трубки)*.

За сценой Г о л о с К в а р т а л ь н о г о Д е р ж и м о р д ы.¹⁰³ Куда лезешь, борода. Говорят тебе, не велено никого пускать.

Г о л о с к у п ц о в. Допустите, батюшка. Допустите. Вы не можете не допустить, мы за делом пришли.

(Г о л о с Д е р ж и м о р д ы.) Говорят вам, нельзя, подите, подите, не принимает, никого не принимает, спит.

(Г о л о с к у п ц о в.) Да мы слышали-с это, батюшка, со вчерашнего дни, да дело-то такой важности, что нам нужно видеть его милость.

(Г о л о с Д е р ж и м о р д ы.) Ну чего ж ты, брюхатой дурак, лезешь. Хочешь, чтобы¹⁰⁴ тебе поставил тумака в затылок¹⁰⁵.

(Г о л о с к у п ц а.) Нет, не бранись, брат¹⁰⁶, и я тебя так ругну, что¹⁰⁷ выплунешь. Ишь ты, кварташка длиннохвостой. Я те не посмотрю, что у тебя портупея.

(Г о л о с Д е р ж и м о р д ы.) Ну пошел, пошел, говорят тебе.

(Г о л о с к у п ц а.) Пошел ты сам, коровий помет. Ребята, не отставай *(стук в калитку)*¹⁰⁸.

(Х л е с т а к о в.) Что там такое, посмотри, Осип.

(О с и п.) Купцы какие-то хотят войти, да не пускает квартальный. Машут бумагами, верно, вас хотят видеть.

(Х л е с т а к о в) *(подходя к окну)*. А что вы, любезные?

(Г о л о с к у п ц о в.) К твоей милости прибегаем. Прикажи, государь, просьбу принять.

Х л е с т а к о в. Пустите их, пустите, пусть идут. *(Принимает из окна просьбы. Читает.)* “¹⁰⁹Его высокоблагородному Сиятель-

---

¹⁰¹ Далее зачеркнуто: скажи

¹⁰² Далее зачеркнуто: я

¹⁰³ Далее зачеркнуто: Допус(тите)

¹⁰⁴ Далее зачеркнуто: хочешь, чтобы

¹⁰⁵ Вместо: тебе поставил тумака в затылок — было: тебе в затылок тумака поставил

¹⁰⁶ брат вписано

¹⁰⁷ что написано дважды

¹⁰⁸ Вместо: в калитку — было: в вор(ота)

¹⁰⁹ Перед его зачеркнуто: Прощение от купца

〈ству〉, обляительству¹¹⁰, Господину финансову, государю и кавалеру. От купца Арбахузина”. Чорт знает что, этакого и чина совсем нет, какое длинное прошение, не хочется читать.

〈Явление XI〉

Хлестаков и купцы.

〈Хлестаков.〉 А что вы, любезные?

〈Купцы.〉 Челом бьем вашей милости.

〈Хлестаков.〉 А что вам нужно.

〈Купцы.〉 Не погуби, государь. Обижательство терпим совсем понапрасну.

〈Хлестаков.〉 А от кого.

〈Купцы.〉 Да все от Городничего здешнего. Такого городничего, государь, еще никогда не было. — Такие обиды чинит, что описать нельзя.¹¹¹ Постоем совсем уморил, хоть в петлю¹¹² полезай, и не только наот того, что ему то есть должен принести, а сверх того сам еще берет все, что ни вздумается, и так поступает, что и рассказать¹¹³ страшно.¹¹⁴ За бороды таскает.¹¹⁵ “А ты татарин” говорит, ей Богу. Так уж на что больше,¹¹⁶ порядок всегда исполняем, все, что следует. Его милости на пару платья подарит каждой купец-от, уж это дело известное, и супружнице его, и дочке. Уж мы ничего против. Это дело уж известное, ну почему ж¹¹⁷ не поднести, нет, вишь ты, ему все это мало. Ей Богу. Придет в лавку и все, что ни попадет¹¹⁸, и говорит: “А, милый, сукно это¹¹⁹ добротное, снеси-ка его ко мне”, и штуку, а в штуке-то будет сто аршин. Ей Богу.

〈Хлестаков.〉 Неужели. Ах, какой же он мошенник.

〈Купцы.〉 Вот еще давно не запомнят такого городничего, право, так и прячешь все в лавке, когда его завидишь. Всякую дрянь берет, чернослив такой, что уж лет 10 лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, он так целую горсть и запустит. Такой характер.

¹¹⁰ Было: *Благочинству*

¹¹¹ Далее *зачеркнуто*: А что ж

¹¹² Далее *зачеркнуто*: лезь

¹¹³ Вместо: и рассказать — было: и сказать (сказать *не зачеркнуто*)

¹¹⁴ Далее *зачеркнуто*: Ей Богу, Ваше сиятельство. (Хлестаков.) Как же это.

¹¹⁵ Далее *зачеркнуто*: говорит

¹¹⁶ Далее *зачеркнуто*: а. всегда принесем; б. уж порядок и все, что следует. Его милости

¹¹⁷ Далее *зачеркнуто*: в день ангела тож(е)

¹¹⁸ Так в рукописи (и все, что ни попадет *вписано*); ср. в АК1: и, что ни попадетса ему, все берет

¹¹⁹ Вместо: сукно это — было: это суконце (*отвергнутый вариант не зачеркнуто*)

⟨Л. 16 об.⟩ И вот именины его бывают на Антона, и уж, кажется, всего нанесешь, ни в чем не нуждается. Нет, ему все еще подавай. Кроме Антона, говорит, и на Онуфрия его именины, ей богу, и на Онуфрия несешь подарки.

⟨Хлестак о в.⟩ Да это просто разбойник.

⟨Купцы.⟩ Ей Богу, а попробуй не послушай¹²⁰, так и места не найдешь, к тебе в дом целый полк¹²¹ на постой назначит. Позовет к себе, да и двери велит тебе запереть. “Я тебя, говорит, не буду, говорит, бить или пыткой пытать, а вот ты ⟨у⟩ меня, любезной, поешь седедк⟨и⟩”. Да пристукнет ногой. “Нет, ешь” говорит. Да после, как дня два, заперши, не даст пить, то это, я вам доложу, такое срество¹²², что сей час согласишься на что ни захочет. Ей богу.

⟨Хлестак о в.⟩ Ай, ай, ай, какой мошенник, да за это просто в Сибирь его...

⟨Купцы.⟩ Да уж куда милость твоя ни запровадит, все будет хорошо. Лишь бы его то есть от нас подальше. Не побрезгай, Отец наш, хлебом и солью.¹²³ Кланяемся тебе сахарцу головой¹²⁴ и вина кулем тебе.

⟨Хлестак о в.⟩ Нет. Нет, вы этого ⟨не⟩ думайте. Я не беру совсем никаких¹²⁵. А вот есть ли у вас в займы мне тысячи полторы денег, то я, пожалуй, возьму.

⟨Купцы.⟩ Изволь, Отец наш. Не оставь только просьбы нашей. Если ты не поможешь в напасти нашей (*подносят ему на сребрянном подносе деньги*). Уж пожалуста, с подносиком вместе.

⟨Хлестак о в.⟩ А хорошо, пожалуй, я возьму с подносиком.

⟨Купцы.⟩ Так¹²⁶ уж возьмите за одним разом сахару.

⟨Хлестак о в.⟩ О, нет, нет. Я взятков никак...

О с и п. Ваше Высокоблагородие, зачем вы не берете. Возьмите, в дорогу все сходит. Давай сюда головы и кулек подавай, все пойдет в прок¹²⁷. Что там, веревочка, давай и веревочку, и веревочка в дороге пригодится, тележка обломается или¹²⁸ что-нибудь там выпадет, подвязать можно.

---

¹²⁰ не послушай зачеркнуто (*незавершенная правка*)

¹²¹ Далее зачеркнуто: пр⟨ишлет⟩

¹²² Так в рукописи.

¹²³ Далее зачеркнуто: Сахарцу на дорогу

¹²⁴ Вместо: сахарцу головой — было: сахарцом

¹²⁵ Так в рукописи; ср. в АКІ: никаких взятков

¹²⁶ Далее зачеркнуто: возь⟨мите⟩

¹²⁷ Далее зачеркнуто: давай и

¹²⁸ Далее зачеркнуто: выпад⟨ет?⟩

⟨Купцы.⟩ Так уж сделайте милость, ваше¹²⁹ сиятельство, не откажите-с в просьбе.

⟨Хлестаков.⟩ О, будьте уверены, я уж об этом непременно.

Купцы¹³⁰ идут, в дверях слышен крик женский: “Нет, ты не смейшь не допустить меня. Я на тебя нажалуюсь. Ему самому. Ты не толкайся так больно”.

⟨Хлестаков.⟩ Кто там? *(Женщина подходит к окну.)* А что ты, матушка.

⟨Унтер-офицерская жена.⟩ Милости твоей, отец мой, прошу, повели, государь, выслушать.

⟨Хлестаков.⟩ Пропустите ее.

⟨Явление XII⟩

⟨Хлестаков.⟩ А что скажешь, Матушка?

⟨Унтер-офицерская жена.⟩ *(валится в ноги)*. Помилуй, Государь, окажи такую милость. Милости твоей прошу, государь.

⟨Хлестаков.⟩ Ну, вставай, ну, вставай, рассказывай, что¹³¹ такое. Ты сама-то кто.

⟨Унтер-офицерская жена.⟩ Мещанка здешнего города. Унтер-офицерская жена Макрина Иванова.

⟨Хлестаков.⟩ Ну что ты скажешь.

⟨Унтер-офицерская жена.⟩ Обиду, отец мой, учинили, большую обиду.

⟨Хлестаков.⟩¹³² Кто ж такой.

⟨Унтер-офицерская жена.⟩ Да кто такой, вестимо, Городничий здешний. Кому уж больше другому.

⟨Хлестаков.⟩ Ах какой же плут этот городничий, какую ж обиду?

⟨Унтер-офицерская жена.⟩ Высек, мой кормилец.

⟨Хлестаков.⟩ Как, за что.

⟨Унтер-офицерская жена.⟩ А Бог его знает за что, говорит, что будто бы для порядку, а оно-то совсем за другое дело, и я в нем и душою, и телом. Тут¹³³ квартировал один офицер и женился на купеческой дочери, здешнего купца. Так городничий говорит: “Это ты, каналая, всему причиною. Естли б, говорит, не ты, то он бы же-

---

¹²⁹ ваше написано дважды

¹³⁰ Далее зачеркнуто: ухо(дят)

¹³¹ Далее зачеркнуто: ты

¹³² Далее зачеркнуто: Как(ую?)

¹³³ Далее зачеркнуто: был

нился на моей дочери”, а ему, слышь ты, донес кто-то, что будто бы я была свахой и сосватала¹³⁴ Купеческую. А я вовсе, родимой, и заикать не заикалась, да совсем и не знала, что его милости нужен жених, и как приказал он, кормилец мой, взять меня де(ся)тским, и так больно отрапортовал меня, что три недели сидеть не могла. Ей богу.¹³⁵

⟨Хлестаков.⟩ Ах какой мошенник, да за это на каторгу.

⟨Унтер-офицерская жена.⟩ Ей Богу, если не веришь, кормилец, я и тебе, пожалуй, и знаки покажу.

⟨Хлестаков.⟩ Не нужно, не нужно, матушка. Я и без того верю. Хорошо, я ему об этом скажу, будь покойна. Ступай себе.

⟨Л. 17.⟩ ⟨Явление XIII⟩¹³⁶

⟨Анна Андреевна.⟩ Не помешали ли мы вам¹³⁷?

⟨Хлестаков.⟩ Как можно, сударыня, не только не помешали, даже прибавили(?)

⟨Анна Андреевна.⟩ Вы были заняты, без сомнения, важными делами.

⟨Хлестаков.⟩ Да, у меня дел бывает много, да так как-то скучно, знаете, со мной, как нарочно, нет секретаря, а¹³⁸ у меня, верите ли, сударыня, у меня и Секретарь есть свой, да только остался в Петербурге, Титулярный советник. Право, и жалованье хорошее от меня получает. Я бы даже ему больше дал, но, знаете, оно (*вдруг падает на колени*). Я к вам, сударыня, такую чувствую любовь,¹³⁹ какой еще и на свете никогда еще не было.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ах, боже мой, как это можно. Вы стоите перед нами на коленях.

⟨Хлестаков.⟩ Да, сударыня, я к вам чувствую большую¹⁴⁰ любовь, ошастливьте меня. Я буду самым, самым¹⁴¹ щастливейшим человеком.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ах Боже, мне, право... Я не знаю, куда деваться, как можно, да позвольте узнать, к кому больше относятся слова ваши, ко мне или...

---

¹³⁴ Далее зачеркнуто: ему

¹³⁵ Далее зачеркнуто: Если хочешь я тебе и

¹³⁶ Перед началом явления XIII, в левом верхнем углу листа (л. 17), написано и зачеркнуто: Отец

¹³⁷ В рукописи: вы нам

¹³⁸ Далее зачеркнуто: со мно(ю?)

¹³⁹ Далее зачеркнуто: какую еще никогда никто

¹⁴⁰ Было: такую

¹⁴¹ Так в рукописи.

(Хлестаков.) К вам, вам, сударыня. Если вы не дадите мне руки своей, то Вы... не знаете, что я могу сделать. Я застрелюсь. Ей Богу, застрелюсь. Я решительной человек.

(Анна Андреевна.) Право, я не знаю, что вам и сказать. Я некоторым образом замужем, ведь у меня есть муж...

(Хлестаков.) Все равно. Если вы не дадите мне¹⁴² руки вашей, то я не могу жить. Право, веть мне жизнь копейка.

(Анна Андреевна.) Ах, Боже мой, как вы пугаете меня... Ведь я, право, замужем.

(Хлестаков) (*вставая и вытирая платком¹⁴³ колени*). Ах, да, ведь вы (в) самом деле замужем. — В таком случае, сударыня, я все-таки падаю в ноги ваши(?). Я такую чувству(ю) любовь к вашей любезной дочери. Марья Антоновна, я вас так люблю. С той самой минуты, как вас увидел, что, ей Богу¹⁴⁴, даже выразить нельзя. Ощастливьте меня вашей рукою. Ан(н)а Андреевна, сделайте меня самым благополучнейшим человеком...

(Анна Андреевна.) Ах, Боже мой! Я не смею и подумать о таком лестном для нас союзе.¹⁴⁵

(Хлестаков) (*обращается к Марье Антоновне*). Решите, жизнь или смерть. Ей Богу, я решительный человек. Если вы не согласитесь, застрелюсь, сей час застрелюсь.

(Анна Андреевна.) Ах, Боже мой. Как вы меня пугаете...¹⁴⁶ Мы никак не можем и думать о таком счастье. Как можно, чтобы мы, простые дворяне, могли удостоиться такой чести... у вас есть богатые, достойные партии. Вам нужна графиня¹⁴⁷ или княжна...

(Хлестаков.) Все равно, сударыня, совершенно все равно. Это все одно и то же. Я на это нимало не смотрю. Иная не Графиня¹⁴⁸, а у ней все такое же, как у Графини¹⁴⁹. А у вас, Марья Антоновна, еще больше качеств¹⁵⁰, нежели у Графини. Ей Богу, я не могу¹⁵¹ жить больше, если не согласитесь.

---

¹⁴² мне вписано

¹⁴³ платком вписано

¹⁴⁴ ей Богу вписано; далее зачеркнуто: нельзя ра(сказать?)

¹⁴⁵ Далее зачеркнуто: Как можно, чтобы она могла удостоиться, у вас есть богатая, достойная партия. Вам нужна Графиня или княжна. (Хлестаков.) Все равно, сударыня, совершенно

¹⁴⁶ Вместо: Как вы меня пугаете... — было: право, я боюсь

¹⁴⁷ В рукописи: гравиня

¹⁴⁸ Вместо: не Графиня — было: не княжна

¹⁴⁹ В рукописи: Гравини

¹⁵⁰ Вместо: больше качеств — было: а. больше всего; б. больше достой(ных?) (всего не зачеркнуто)

¹⁵¹ Далее зачеркнуто: я не могу

⟨Анна Андреевна.⟩ Ах, Боже, встаньте только¹⁵² поскорее.¹⁵³ Я не могу никак видеть, что вы при почестях(?) ваших стоите на коленях. Я согласна. Вот вам мое благосл(овение).

⟨Хлестиков.⟩ Покорно благодарю вас, маминька (*целует ей руку*), вы теперь меня совсем ошастливили.

⟨Анна Андреевна.⟩ Я только еще не знаю, нужно будет, я думаю, об этом моему мужу сказать.

⟨Хлестиков.⟩ Хорошо, скажите, скажите. Я, Марья Антоновна, теперь могу¹⁵⁴ назвать вас своею. Пожалуйста мне вашу ручку. Маминька, я очень благодарен за Марью Антоновну. Марья Антоновна, я с нетерпением ожидаю, чтобы и батюшка Ваш изъявил согласие и чтобы скорее наша¹⁵⁵ свадьба, чтобы¹⁵⁶ совершенно были в моих объятиях. Маминька, Анна¹⁵⁷ Андреевна. Ведь я теперь могу Марью Антоновну целовать, как мне угодно.

⟨Явление XIV⟩

⟨Те же и Городничий.⟩

Городничий (*вбегают впопыхах и бросается на колени*). Ваше Превосходительство, не погубите! не погубите, не погубите.

⟨Хлестиков.⟩ Что такое, что с вами?

Анна¹⁵⁸ Анд(реевна) (*на ухо*). Встань, встань.

Городничий. Перемен(ите) гнев на милость. От неопытности все произошло.

⟨Хлестиков.⟩ Да что такое?

⟨Городничий.⟩ Купцы жаловались Вашему Превосходительству. Лгут они, ей богу, лгут, на половину того не было, что они говорят. Они сами, разбойники, обмануют и обмеривают народ. — Я встретил и Унтер-офицерскую¹⁵⁹, она, верно, жаловалась вам, что я высек. Ей богу, не сек. Ей богу, не сек. Она сама себя¹⁶⁰ высекла. Вот как Бог свят и перекрещусь.

⟨Анна Андреевна.⟩ Да встань.

---

¹⁵² только вписано

¹⁵³ Далее зачеркнуто: Я согласна. Вот вам мое благословение.

¹⁵⁴ Далее зачеркнуто: целует руки

¹⁵⁵ В рукописи: нашу

¹⁵⁶ Далее зачеркнуто: уж как называ(ют)

¹⁵⁷ В рукописи: Марья

¹⁵⁸ В рукописи: Марья

¹⁵⁹ Так в рукописи.

¹⁶⁰ себя написано дважды

⟨Хлестаков.⟩ Об этом не беспокойтесь, встаньте. Я ничему не верю...

⟨Городничий⟩ (встает). Не верьте,¹⁶¹ ей богу, не верьте. Это такие лгуны, им уже вот такой ребенок не верит. Право, что ни слово, то и соврет, они уж и по всему городу известны за лгунов... а мошенников таких еще свет не производил.

⟨Хлестаков.⟩ Да, я знаю, что они плуты. Вы об этом не думайте.

⟨Л. 17 об.⟩ ⟨Анна Андреевна.⟩ Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас знатный гость наш.

⟨Городничий.⟩ Какой чести, уж нет большей чести, как то, что изволили милостиво простить¹⁶² и не поверить плутам.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ты себе и думать, и представить не можешь, и во сне тебе ничего подобного никогда не снилось.

Городничий.⟩ Что это, уж не награждение, о боже, подкрепи меня к перенесению знаков милости начальства. Не смею и подумать о какой-нибудь мзде труда на пользу отечества.

⟨Анна Андреевна⟩ (смотря на Ив(ана) Ал(ександровича) и Марь(ю) Антоновну). Гость наш такую делает честь — одним словом, он предлагает руку свою нашей Машиньке и хочет на ней жениться.

⟨Городничий.⟩ Что, что ты, жена. Белены объелась. Ваше превосходительство, не сердитесь, она еще с¹⁶³ измала была с придурью.

⟨Хлестаков.⟩ Нет, ваша супруга говорит правду. Я в самом деле хочу жениться¹⁶⁴ (на) Марье Антоновне, и если вы не согласитесь, то я могу сей час сойти с ума, потому что я очень влюблен.

⟨Городничий.⟩ Что вы? Вот тебе на! Я не знаю, жена, у меня как будто в голове что-то стало ворочаться. Право, все вот двигается перед глазами.

⟨Анна Андреевна.⟩¹⁶⁵ Чему ж ты не веришь, ну, произноси свое согласие. Произноси!

⟨Городничий.⟩ Ей Богу, я¹⁶⁶ стал совсем дурак, так что и сам не знаю, что со мною делается. Да не изволите¹⁶⁷ ли Вы шутить.

¹⁶¹ Далее зачеркнуто: не в(ерьте?)

¹⁶² Вместо: милостиво простить — было: простить милостиво

¹⁶³ Далее зачеркнуто: мла(денчества?)

¹⁶⁴ Далее зачеркнуто: на вашей

¹⁶⁵ Далее зачеркнуто: а. Ей Богу; б. Что ж

¹⁶⁶ я вписано

¹⁶⁷ В рукописи: извольте

⟨Хлестаков.⟩ Помилуйте, как можно?

Анна Андр(евна.) Кто ж станет шутить этим?

⟨Городничий.⟩ Если так, то да будет Воля Божия. Так, видно, сам Бог захотел наградить меня, недостойного раба. Ан(н)а Андревна. Эка привалило счастье. Чорт побери. Хе, хе, хе...

Ан(н)а Андревна. Чш...

⟨Хлестаков.⟩ Ну, любезнейший мой тесть, благословите же меня, итак, вы сам(и?) соглас(ны)?

⟨Городничий.⟩ Давай(те) ваши руки. Виват! растаканье(?), канальство.

⟨Явление XV⟩

Те же и Осип.

⟨Осип.⟩ Лошади готовы.

⟨Хлестаков.⟩ А, хорошо, хорошо, я сей час.

⟨Городничий.⟩ А что это Вы едете...

⟨Хлестаков.⟩ Да, еду.

⟨Городничий.⟩ Как же. А на(счет) свадьбы.

⟨Хлестаков.⟩ Да только ведь на один день к дяде моему, тут он недалеко живет, богатой человек, знаете, нуж(но) старику дать знать...¹⁶⁸ Завтра я и буду назад.

⟨Городничий.⟩ Не смеем никак удерживать. — Только не загоститесь¹⁶⁹.

⟨Хлестаков.⟩ О, нет. Я веть человек очень аккуратной. Я, Марья Антоновна, с вами на минутку теперь расстаясь. А потом мы будем с вами так близко друг от друга, как и выразить трудно, прощайте, душинька, прощайте (*целует руки*).

⟨Городничий.⟩ Да не нужно ли Вам в дорогу чего-нибудь. Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах...

⟨Хлестаков.⟩ Нет, а впрочем не худо.

⟨Городничий.⟩ Сколько угодно вам.

⟨Хлестаков.⟩ Да вот вы тогда, кажется, дали мне четыреста, так, пожалуй, и теперь столько же, чтоб уже ровно восемьсот.

⟨Городничий.⟩ Вот я сию минуту (*вынимает*). Еще как нарочно и новенькими бумажками.¹⁷⁰

⟨Хлестаков.⟩ А да, это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, как новенькими бумажками.

¹⁶⁸ Далее зачеркнуто: Не смеем удер(живать)

¹⁶⁹ В рукописи: не захоститесь

¹⁷⁰ Далее зачеркнуто: Да ведь это, ка(жется?)

⟨Городничий.⟩ Да.

⟨Хлестаков.⟩ Ну дак прощайте, любезный¹⁷¹ будущий тещюшка, прощайте, Маминька, прощайте, душинька моя. *(Уходит вместе с городничим и Марьей Антоновн(о)у.)*

За сценой.

⟨Голос Хлестакова.⟩ Прощайте, красоточка моя, Марья Антоновна.

Голос Городничего. Как же это вы? прямо на перекладной и едете.

⟨Голос Хлестакова.⟩ Да, знаете, я привык уж, да притом¹⁷² иной(?) экипаж ломается, да и от рессор голова болит.

⟨Голос Городничего.⟩ Так, по крайней мере, чем-нибудь заслать. Хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я прикажу подать коврик.

⟨Голос Хлестакова.⟩ Нет, зачем. Это пустое, а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Голос Городничего. Ей, Аксиния, ступай в кладовую, возьми ковер самой лучший, что по голубому полю, персидской. Так когда же прикажете ожидать вас?

⟨Голос Хлестакова.⟩ Завтра или после завтра непременно.

Голос Осипа. А, это ковер, давай его сюда, клади вот так. Теперь сюда давай сена.

Голос ямщика. Тпру. Тпру...

⟨Голос Осипа.⟩ Вот с этой стороны, теперь с этой. *(Л. 17а.)* Хорошо. Важно будет. *(Бьет рукою по коврику.)* Теперь садитесь, ваше благородие.

⟨Голос Хлестакова.⟩ Прощай, будущий тещюшка. Прощай, моя¹⁷³ прелесть(?).

⟨Голос Марьи Антоновны.⟩ Прощайте, Александр Иванович.

⟨Голос Хлестакова.⟩ Прощай(те), Маминька.

Голос Ямщика. Ей вы, разбойники. *(Колокольчик тельень-тлень, тельень-тлень.)*

Занавес опускается.

---

¹⁷¹ Далее зачеркнуто: тещ(юшка?)

¹⁷² Далее зачеркнуто: у меня от рессор

¹⁷³ Далее зачеркнуто: Ду(шенька?); затем повторено: моя; затем зачеркнуто: душ(енька?)

⟨Л. 17а об.⟩ Действие 5.

⟨Явление I⟩

Городничий, Марья Антоновна и Ан⟨н⟩а
Андреевна.

⟨Городничий.⟩ Что, Анна Андреевна, а? думала ли ты что-нибудь об этом. Этакой призь богатой, канальство!.. Каково благословенье Бож⟨и⟩е, а ну, признайся откровенно, тебе и во сне не снилось это. Какая-нибудь просто Городничиха и вдруг, фу ты, канальство, с каким дьяволом породнилась.

⟨Анна Андреевна.⟩ Совсем нет, я давно это знала. Это тебе все в диковинку, потому что простой человек, никогда не видел порядочных людей.

⟨Городничий.⟩ Да я сам, матушка, порядочный человек. Уж лучше никто не удовлетворит тебя¹. Эка, ка⟨на⟩льство, какие мы теперь с тобою птицы сделались. А, Анна² Андреевна? Большого полета, канальство. Ей,³ кто там, зови, дурак, сюда Квартального. — А вот и он. Купцов сюда, брат, купцов подай. Вот я их, каналий. Так жаловаться⁴ на меня, жаловаться. Вишь ты, Иудово племя проклятое. Зови их сюда. Вот я им теперь дам знать. Аршинники,⁵ самоварники. Бородачи проклятые. Объяви там всем, всем, чтоб все знали, что вот, дискать, какую честь Бог послал Городничему, что не то, чтобы за⁶ какого-нибудь выдает дочку свою, а за такого чиновника, что и на свете еще не было, что может и прогнать всех в городе, и в тюрьму посадить, и все, что хочет. Всем объяви, чтоб все знали. Кричи во

---

¹ К словам: лучше никто не удовлетворит тебя — *незачеркнутый вариант*: тебя лучше никто не удовлетворит

² В рукописи: Марья

³ Далее *зачеркнуто*: Кварталь⟨ный⟩

⁴ Далее *зачеркнуто*: жаловаться

⁵ Далее *зачеркнуто*: протоканални

⁶ Далее *зачеркнуто*: простого выдает

весь город. Валяй в колокола, чорт возьми. Уж когда торжество, так торжество. (*Квартальный уходит.*) Так вот как, Ан(н)а⁷ Андревна, а⁸ как же мы теперь⁸, где будем жить, здесь или в Петербурге?

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Натурально в Петербурге, как можно тут оставаться.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Ну, в Петербурге, так в Петербурге. А оно бы хорошо и тут. Что ведь, я думаю, уж Городничество тогда к чорту. А, Анна⁹ Андреевна.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Натурально, что за городничество.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Ведь оно можно большой чин зашибить тогда, Анна Андревна. Ведь он за панибрата со всеми Министрами и во дворец ездит. Так¹⁰ поэтому может такое производство сделать, что со временем и в Генералы влезешь, а. Как ты думаешь,¹¹ Ан(н)а Андревна, можно влезть в генералы.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Еще бы, конечно, можно.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ А чорт возьми, славно быть Генералом. Кавалерию повесят тебе через плечо. А какую кавалерию, Ан(н)а Андревна, а, Красную или Голубую.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩¹² Уж конечно, Голубую лучше.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Э, вишь, чего захотела, хорошо и красную¹³, и до красной далеко. Ведь только одним Генералом быть, а там уж¹⁴ все другое-то уже ничего. Эх, ка(на)льство, поедешь куда-нибудь, тебе: Лошадей. А там уж смотрители до твоего приезда никому не дают. Там все дожидаются. Титулярные, капитаны и все оберы, а ты себе и в ус не дуешь: обедаешь где-нибудь у Губернатора, а там дня два стоят голубчики на станциях¹⁵. Стой, титулярные советники. Хе, хе, хе. Вот что, канальство, вот что хорошо, заманчиво.

Г о р о д н и ч и х а. Тебе все такое грубое нравится, ты подумай себе о том, что уж жизнь нужно тебе совсем переменить, что твои уже знакомые будут не то что какой-нибудь судья собачник, с которым ты едешь иногда травить зайцев, или Ляпкин-Тяпкин. Там твои

---

⁷ Было: Марья

⁸ Далее зачеркнуто: б(удем?)

⁹ В рукописи: Марья

¹⁰ Далее зачеркнуто: а. оно можно; б. много

¹¹ Далее зачеркнуто: можно

¹² Далее зачеркнуто: Кон(ечно)

¹³ Вместо: Э, вишь, чего захотела, хорошо и красную — было: Э, многое, голубушка, захотела, прикуси-ка язычок

¹⁴ Далее зачеркнуто: та(...?)

¹⁵ Вместо: дня два ~ на станциях — было: [лоша(дей)] никому не дают

знакомые будут с самым тонким обращением, все или графы, или другие светские люди. Только я страшно боюсь ⟨за⟩ тебя. Ты там вдруг влепишь такое слово, какое только в кучерской услышишь.

⟨Городничий.⟩ Что ж, ведь слово не повредит.

⟨Анна Андреевна.⟩ Да, хорошо, когда ты был здесь¹⁶ городничим¹⁷. А там ведь жизнь совершенно другая.

⟨Городничий.⟩ Да, там, говорят,¹⁸ есть¹⁹ Рябушка и корушка, такие рыбки, что только слюнка потечет.

⟨Анна Андреевна.⟩ Вот ему все рыбку²⁰. Я иначе никак не согласна²¹ как, чтобы наш²² дом был первый в столице. Я заранее восхищена, что уж не буду больше ездить в нашей скверной тряской бричке, в которой ты любишь так²³ кататься, а буду иметь карету самую модную, как хорошо ездить в модной карете, и нарочно прикажу сделать ее Малиновым цветом. Я очень люблю Малиновый цвет.

⟨Марья Антоновна.⟩ Ах, маминька, так лучше уж голубой, так, как у той полковницы.

⟨Анна Андреевна.⟩ Вот потому-то я и не хочу, что у Полковницы. Я не полковница. Я на полковниц и смотреть не хочу.

⟨Л. 18.⟩ ⟨Явление II⟩²⁴

⟨Городничий.⟩ А, аршинники, самоварники проклятые, что, жаловаться,²⁵ жаловаться, протоканалы. Жаловаться, козлы бородастые. Что, взяли? взяли, мошенники, барышники. Вот, думают, так в тюрьме его засадят. Знаете ли, семь чертей вам²⁶ в зубы²⁷.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ах, Боже мой, какие, Антоша, ты²⁸ слова отпускаешь.

⟨Городничий.⟩ А, не до слов теперь. Знаете, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери,

¹⁶ здесь вписано

¹⁷ Далее зачеркнуто: а теперь

¹⁸ Далее зачеркнуто: говорят, такая

¹⁹ Далее зачеркнуто: рыбаца

²⁰ Было: рыбки

²¹ Далее зачеркнуто: что(бы)

²² Далее зачеркнуто: город

²³ Далее зачеркнуто: так

²⁴ Далее оставлено место (примерно четверть листа) для начальных реплик явления.

²⁵ Далее зачеркнуто: жаловаться

²⁶ Вместо: Знаете ли, семь чертей вам — было: Знаете ли вы, оглобля вам

²⁷ Далее зачеркнуто: что

²⁸ К словам: Антоша, ты — незачеркнутый вариант: ты, Антоша

что, а? Теперь я вас всех скручу так, что ни одного волоска в ваших бородах не останется.²⁹ Вы только обманываете народ, мошенники. Еще и медали дают вам. Я бы вам канчуков вместо медали. За что вы получаете медали. Сделаете³⁰ подряд с казною, да ⟨на⟩ сто тысяч надуешь ее, постави(вши) гнилого сукна, да потом пожертвуешь, каналья, 20 аршин. Тебе и медаль дают, а если бы знали, так бы тебе петлю дали. Мошенники. А кто тебе доставил медаль, я доставил.³¹ Еще и почтенный, и брюхо сует вперед, он первой гильдии Купец, его не тронь. “Мы, говорит, и дворянам не уступим”. Да дворянин что, дворянин учится³² наукам,³³ его хоть и секут в школе, да за дело, чтобы он знал полезное. А ты что, ты аршином да плутнями начинаешь³⁴, тебя бьет хозяин за то, что не умеешь обманывать³⁵. Отче наша не знаешь, а уж обмериваешь, а потом, как разодмет тебе брюхо да набьешь себе карман, так и почтенной.³⁶ Да отчего ты почтенной. Отто(го), что 16 самоваров в день выдуешь, так оттого и почтенной. Гм, почтенный. Я бы тебя...

⟨К у п ц ы.⟩ Богу Виноваты, Антон Антонович. Лукавой попутал.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ А, жаловаться, а³⁷ кто тебе помог³⁸ сплутовать, когда ты строил и написал дерева на 20 тысяч тогда, когда его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода³⁹. Ты это и позабыл. Я, показавши⁴⁰ это, мог бы тебя также спровадить в Сибирь. — Что? а?

⟨К у п ц ы.⟩ Богу Виноваты, Антон Антонович. Лукавой попутал,⁴¹ и закаемся вперед жаловаться, вот те Христос. — Всякое удовольствие, какое хошь, готовы сделать. Не гневись только.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Не гневись! Вот ты теперь валяешься⁴² у ног,⁴³ отчего, оттого, что мое взяло. А будь хоть немножко на твоей

²⁹ Далее зачеркнуто: Мошенники

³⁰ Было: Вы сделаете

³¹ А кто тебе ~ я доставил. вписано

³² Далее зачеркнуто: гр(амоте?)

³³ Далее зачеркнуто: а ты, что ты

³⁴ Вместо: аршином да плутнями начинаешь — было: мальчи(шкой), каналья, начинаешь плутовать

³⁵ Далее зачеркнуто: а. народ; б. вот что, ты букварь свой аршином покупаешь [еще ты с мал(ых?)]. [Еще] Ты еще с таких

³⁶ Далее зачеркнуто: Почтенной

³⁷ Далее зачеркнуто: с кем

³⁸ Далее зачеркнуто: когда ты

³⁹ Далее зачеркнуто: видишь

⁴⁰ Далее зачеркнуто: бы на тебя

⁴¹ Далее зачеркнуто: Мысли

⁴² Было: ползаешь

⁴³ Далее зачеркнуто: а будь

стороне, так ты бы меня, ка(на)ля⁴⁴, втоптал в самую грязь, еще бы и бревном сверху навалил, аршинник бородатой.

⟨К у п ц ы.⟩ Не погуби, Антон Антонович.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Ну! вставайте, полно. Я не памятозлобен, хотя бы вас и стоило поморить в темной, а, да уж так и быть. Бог⁴⁵ вас простит. Только смотрите, теперь ухо остро⁴⁶. Я теперь выдаю дочку⁴⁷ не за какого-нибудь простого дворянина⁴⁸. Чтобы поздравление было приличное, это не то, что⁴⁹ отбояриться каким-нибудь ба-лычком и головкою сахара. Понимаешь? Ну, ступайте с богом.

⟨Л. 18 об.⟩ ⟨Явление III⟩

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ А, здравствуйте, Артемий Филипович.

⟨А р т е м и й Ф и л и п о в и ч.⟩ Здравствуйте, почтенн(ый) Антон Антонович, и вы, Анна Андреевна. Правда ли, что, говорят, на дом ваш снизошло благословение божие и что Именитой гость наш будто⁵⁰ бы изволил по заслугам вашим обручиться на⁵¹ любезной дочери Вашей Марии Антоновне.⁵²

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Да.

А н (н) а А н д р е в н а. Да, сам предложил, даже изволил стать на колени и просить руку.

⟨А р т е м и й Ф и л и п о в и ч.⟩ Благодарение Богу. Нет власти больше Божией (*обращая глаза к небу*). “Возвеличу мужа праведна и вознесу” сказал Бог. (*В сторону.*) Эка привалило какое добро этой бестии.⁵³ Вот не родись пригож, а родись щаслив.

⟨А н н а А н д р е в н а.⟩ И очень убивался, когда я вздумала было привести резоны.

⟨А р т е м и й Ф и л и п о в и ч.⟩ Скажите, как! Да, добродетель не остается без награды ни в сей жизни, ни в будущей. Как же, сударыня, Вам понравился жених ваш.

⟨М а р ь я А н т о н о в н а.⟩ Да, очень...

А н н а А н д р е в н а. О, она просто в восторге.

⁴⁴ ка(на)ля вписано

⁴⁵ Далее зачеркнуто: с ва(ми)

⁴⁶ В рукописи: вустро

⁴⁷ Далее зачеркнуто: а только

⁴⁸ Далее зачеркнуто: так вы у меня глядите в оба

⁴⁹ Далее зачеркнуто: как(им?)

⁵⁰ Далее зачеркнуто: изволил

⁵¹ Далее зачеркнуто: Марье Антоновне

⁵² Далее зачеркнуто: Ан(н)а

⁵³ Вместо: Эка ~ этой бестии. — было: Эка щастие какое привалило.

⟨Артеми́й Филипович.⟩ Конечно, как и не быть: Судьба Высокая, назначение великое.

⟨Явление IV⟩

Те же и Земленика.

⟨Земляника.⟩ Антон Антонович, верить ли тому,⁵⁴ слух носится по городу,⁵⁵ что вам такое притекло благополучие, какое редко дается смертному, что будто именитый гость...

⟨Городничий.⟩ Верьте, верьте, все справедливо. Знаменитый гость действительно предложил руку нашей дочери.

Ан(н)а Андревна. Даже на колени становился и просил убедительнейшим образом. Угрожал, что жизни лишится, если откажем ему в просьбе.

⟨Земляника.⟩ Так позвольте в таком случае поздравить и попросить не оставлять вас своими милостями всегдашнего вашего покорного слугу,⁵⁶ если что случится по службе или по какому-нибудь в жизни случающемуся случаю, то не откажите в вашем покровительстве.

⟨Городничий.⟩ Да вот видите, очень много прибегают с просьбами, это все чрезвычайно утруждает, но, впрочем,⁵⁷ по старой связи и⁵⁸ прежней службе в городе можно что-нибудь сделать.

Явление V.

Те же и Судья.

⟨Судья.⟩⁵⁹ Здравствуйте, Антон Антонович. Здравствуйте, сударыня. Скажите, пожалуйста, точно Гость наш женится на Марье Антоновне.

⟨Городничий.⟩ Да, сподобил Бог.

⟨Судья.⟩ Эка, чорт возьми, ведь кто бы мог подумать об этом. Поздравляю, дай Бог потомства вам большого, хлеба-соли, хороших урожаяв. Теперь вы, Антон Антонович, сделаетесь таким важным, что к вам и подступу не будет.

⟨Городничий.⟩ Да, зять важной, так и самому нужно быть важным.

---

⁵⁴ Далее зачеркнуто: а. о чем говорят; б. что

⁵⁵ Далее зачеркнуто: говорят, будто бы

⁵⁶ Далее зачеркнуто: а я всегда чем угод(но)

⁵⁷ Далее зачеркнуто: что

⁵⁸ Далее зачеркнуто: служ(бе)

⁵⁹ Далее зачеркнуто: То(чно?)

⟨Судья.⟩ Я рад, ей Богу, рад. Это хорошо. От души поздравляю вас, Марья Антоновна, и желаю, ⟨что⟩бы на другой же год родили вы сынка, вот этако⟨го⟩ (показывает руками), никак не больше ладони, и так только будет кричать ува, ува, ува.

⟨Явление VI⟩

Растаковский с женою.

⟨Растаковский.⟩ Антона Антоновича и Анну Андрее(в)-ну⁶⁰ имею честь поздравить с божьим благословением. Дай Бог, чтоб новый союз был в надлежащем счастье и благополучии и чтобы молодые были долговечны, прожили бы многия веки в здравии и благоденствии. (Подходит к ручке Ан(н)ы Андр(еевны), потом к Марье Антоновне.) Желаю вам, сударыня, всякого щастья, богатства побольше, долговечной жизни, чтобы видели⁶¹ внуков и потомков ваших на службу отечеству⁶² и чтобы внуки ваши все были в вере крепки и не слушались бы француза или других якобинцев. Да ниспошлет Бог вам благодать.

⁶³Жена ⟨Растаковского.⟩ Поздравляю вас, Марья Антоновна, дай Бог вам и внуков дожидаться.

⟨Явление VII⟩

Мацапур с женою.

⟨Мацапур.⟩⁶⁴ Мое почтение Антону Антоновичу. Я поспешил скорее, чтобы поздравить вас. Говорят, Бог послал счастье на весь дом ваш. Что вы соедин(яетесь) с знаменитою фамилиею, такую фамилиею, что еще никогда и на свете не было. Говорят, что у жениха одних золотых карет⁶⁵ и что он как-то там такая приближеннейшая особа. Я очень сожалею, что не имел чести представиться ему лично.

⟨Городничий.⟩ Да, первый человек при дворе, он там все заведывает и распоряжает.

Жена ⟨Мацапура.⟩ Скажите, како(е) счастье. Я так, пра-

---

⁶⁰ В рукописи: Ивана Антоновича и Марью Андрее(в)ну

⁶¹ Далее зачеркнуто: и потомко(в)

⁶² Далее зачеркнуто: чтоб

⁶³ Перед этим зачеркнуто: Поздр(авляю)

⁶⁴ Далее зачеркнуто: Я поспешил

⁶⁵ Вместо: у жениха одних золотых карет — было: четыре золотых кареты у ⟨жениха?⟩

во, обрадовалась, говорят мне: “Анна⁶⁶ Андреевна выдает дочку”. — “Ах, боже мой” думаю себе, (Л. 19) и так обрадовалась, что говорю: “Послушай, Ясун Никиворович, вот какое счастье Анне Андревне. Ну, слава Богу”.

⟨Явление VIII⟩

Погоняев с женою.

⟨Погоняев.⟩ Имею честь поздравить с приключившимся благополучием (*подходит к ручке*) и вас, сударыня (*подходит к ручке Марьи Антоновны*), и вас, сударыня.

⟨Жена Погоняева.⟩ Поздравляю вас,⁶⁷ Анна Андреевна⁶⁸, с хорошим пассажем, и вас также (*целуются*).

⟨Явление IX⟩

Л ю л ю к о в (*подходит прямо к Ан(н)е Андре(евне)*). Правда ли, Анна Андреевна, верить ли тому, что слышал. Вы выдаете Марью Антоновну за приезжего⁶⁹ гостя.

⟨Анна Андреевна.⟩ Да, сам предложил, стоял на коленях и говорил, что на жизнь покусится, если не отдам.

⟨Л ю л ю к о в.⟩ Так пожалуйста вашу ручку. Поздравляю вас. Продлите и впредь вашу ласку. Да только вы не⁷⁰ располагаете уже больше жить здесь.

⟨Анна Андреевна.⟩ Мы сей час переезжаем в Петербург.

⟨Л ю л ю к о в.⟩ Что ж так.

⟨Анна Андреевна.⟩ Мужу моему там откроется место, потому что наш будущий зять там большой вес имеет, да и, признаюсь, что за жизнь тут, с кем жить здесь, с медведями.

⟨Жена Погоняева?⟩ Слышите, Аграфена Федоровна.

⟨Г о с т ь я.⟩ Слышу, Анастасья⁷¹ Ивановна, она всегда такая была, посади свинью за стол, так она и ноги на с⟨тол⟩.

---

⁶⁶ В рукописи: Марья

⁶⁷ Далее зачеркнуто: судар(ыня)

⁶⁸ В рукописи: Марья Андреевна

⁶⁹ Далее зачеркнуто: чиновника

⁷⁰ не вписано

⁷¹ Было: Настасья

⟨Явление X⟩

Бобчинский и Добчинский.

⟨Бобчинский и Добчинский⟩ (кричат еще в дверях оба).⁷² Честь имеем поздравить Антона Антонови(ча) и Анну⁷³ Андревну. Антона Антоновича и Анну⁷⁴ Андреевну.

⟨Добчинский.⟩ Мы как узнали об этом с Петром Ивановичем, то так спешили⁷⁵ скорее поздравить, да около церкви⁷⁶ напали⁷⁷ судейские собаки, такие злые, особенно черный кобель, ⟨у⟩ Петра Ивановича откусал даже всю⁷⁸ полу у Сертука, и оттого мы забежали, чтоб переменить. Я и говорю еще Петру Ивановичу: “Вот увидите, Петр Иванович, если не успеют другие прежде нашего поздравить”. Ей Богу. Марья Антоновна, честь имею. Марья Антоновна, имею честь поздравить. Теперь вы будете в большом, большом счастье, в золотом платье ходить и деликатесные разные супы кушать и всяких много... очень забавно будете проводить время.

⟨Явление XI⟩

Те же и Купцы.

⟨Купцы.⟩ Поздравляем Батюшку Антона Антоновича, Матушку Анну Андревну и дщерицу их Марью Антоновну. Тебя, Батюшка Антон Антонович, поздравляем сукном тонким⁷⁹ и Бархатом. А тебя, Матушка, золотою парчею и шелком, а их Милость Кисе(е)ю. Прикажите принять поздравление.

⟨Городничий.⟩ Хорошо. Хорошо. Там скажите Аксинии, пусть примет.

⟨Явление XII⟩

Те же, Частный пристав и квартальный.

⟨Частный пристав.⟩ Имеем честь поздравить Ваше Благородие и пожелать благоденствия и благополучия.

---

⁷² Далее зачеркнуто: Антону Анто(нови)чу

⁷³ В рукописи: Марью

⁷⁴ В рукописи: Марью

⁷⁵ Далее зачеркнуто: Я еще говорю с

⁷⁶ Было: дому Судьи

⁷⁷ Далее зачеркнуто: собаки, и т(акие?)

⁷⁸ даже всю вписано

⁷⁹ Над словами: сукном тонким — вписано 2 нрзб.

⟨?⟩ А что ж, Антон Антонович, где вельможа теперь. Я слышал, что он куда-то уехал на время.

⟨Городничий.⟩ Да, он⁸⁰ на один день отправился по весьма Важному ⟨делу⟩.

Ан⟨на⟩ Андревна. К своему дяде, чтобы испросить позволения.

⟨Городничий.⟩ Чтобы испросить благословения и повидаться (чихает).

⟨Голоса.⟩ Желаю здравствовать. Многия лета. Здравия желаем, Ваше⁸¹. Многих лет счастья. Здравствуйте, Антон Антонович.

⟨Городничий.⟩ Да, с тем, чтобы увидеться, но⁸² завтра, может быть, и назад (чихает).

⟨Частный пристав.⟩ Здравия желаем, Ваше Высок⟨об⟩-лагородие.

⟨Бобчинский.⟩ Сто лет и куль червонцев.

⟨?⟩ Здравствуйте, Антон Антонович.

⟨Добчинский.⟩ Продли, Боже, на сто лет жизни.

⟨Артемий Филипович.⟩ Чтобы ты пропал.

⟨Голос жены Погоняева.⟩ Чтобы тебя взяла черти.

Ан⟨на⟩ Андревна. Он так лестно отзывался о Машиньке⁸³. Говорил, что “мне все равно, что хоть она и не княжна, но у ней все так же, как и у княжны, как и у графини, и если, говорит, мне не отдадите мне Машиньки, то мне, говорит, жизнь копейка, и я уже нигде счастья не найду”.

Жена Погоняева (жене Мацанура). Ну скажите, пожалуста, Настасья Кузминична,⁸⁴ скажите по совести, кто же лучше, ее ли дочка или моя Дуничка.

⟨Жена Мацанура.⟩⁸⁵ Естественно, Ваша Дуничка лучше, и сравнить нельзя это нельзя⁸⁶, у это⟨й⟩ лицо совершенно как⁸⁷ бы веретено, ухват, которым⁸⁸

⟨Л. 19 об.⟩ Жена Растаковского. Я,⁸⁹ Ан⟨на⟩ Андрев-

⁸⁰ он написано дважды

⁸¹ Так в рукописи; ср. в АК1: Ваше Высокоблагородие

⁸² Далее в рукописи: через [два]

⁸³ Далее зачеркнуто: что

⁸⁴ Далее зачеркнуто: годится ее дочь благ⟨ородному?⟩

⁸⁵ Далее зачеркнуто: О, куды, конечно

⁸⁶ Так в рукописи.

⁸⁷ Далее зачеркнуто: бы

⁸⁸ Не закончено.

⁸⁹ Далее зачеркнуто: Марья Ант⟨оновна⟩

на, узнала теперь секрет, как⁹⁰ на немецкий манер квасить капусту, нужно прежде всего обложить бочку дубовыми листьями и потом взять соли.

⟨Анна Андреевна.⟩ Признаюсь,⁹¹ я теперь такими подлыми делами не намерена заниматься. Да и состояние мое совсем не для того. Я и никогда не занималась, и не любила, и не знаю даже, о какой вы дряни там говорите, что это капуста...⁹² Я и не слышала никогда об этом. Во-первых, я намерена жить в столице, потому что я и рождена для того, а вовсе не для того, чтобы жить с какими-нибудь медведями. Вот и муж мой, он непременно получит Генеральский чин.

⟨Городничий.⟩ Да, признаюсь, господа, я⁹³, чорт возьми,⁹⁴ очень хочу быть генералом.

⟨Артемий Филипович.⟩ И дай Вам Бог быть им. Тогда и нас, Антон Антонович, не забудьте.

⟨Судья.⟩ Если случатся делишки какие, то не забудьте и окажите покровительство ваше.

⟨?⟩ Да если по службе придется хлопотать, то не оставьте вашу помощью.

⟨Городничий.⟩ Я готов, готов стараться, извольте, я готов.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ты, Антоша, всегда готов обещать.⁹⁵ Там тебе будет столько дел, что и подумать некогда.

⟨Городничий.⟩ Нет, душа моя, почему ж, иногда можно.

⟨Анна Андреевна.⟩ Право, ведь эдакой странной, и будет спорить, где же можно, совсем не можно и не выберется просто времени.

⟨Городничий.⟩ А мне кажется, иногда.

⟨Анна Андреевна.⟩ Да нет, говорю тебе, нельзя, ведь экой в самом деле бестолковой.

⟨Городничий.⟩ Ну, Бог с тобою. Я не буду больше спорить.

⟨Явление XIII⟩

⟨Почтмейстер.⟩ Удивительное дело, господа.

⟨?⟩ А что?

⁹⁰ Далее зачеркнуто: делать Вишневый квас и как

⁹¹ Далее зачеркнуто: Ан(на?)

⁹² Вместо: и не знаю даже ~ капуста... — было: и не знала этого ничего. Я даже не знаю, какая и капуста...

⁹³ Далее зачеркнуто: очень

⁹⁴ Далее зачеркнуто: очень

⁹⁵ Вместо: Ты, Антоша ~ обещать. — было: Ах, Антоша, говоришь всегда и обещаешь; далее зачеркнуто: там тебе будет столько дел, да и где тебе думать об этом

⟨П о ч т м е й с т е р.⟩ Бог знает, я и сам не знаю, ⟨что⟩ сказать вам, а все мы так, как будто в дураках.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Как в дураках. Вы позабываете, что и я тут сижу.

⟨П о ч т м е й с т е р.⟩ Да и вы. Я, Господа, признаюсь я вам, по любопытству люблю иногда почитать иные письма, которые приходят ко мне на почту. К тому же вот сам Антон Антонович просил меня не оставлять,⁹⁶ не распечатавши, каждого письма. Как вдруг сегодня приносят ко мне на почту письмо от этого чиновника, которо⟨му⟩ мы⁹⁷ показывали все заведения в городе.⁹⁸ Я, признаюсь вам, не утерпел, ей богу, не утерпел, со страхом, с большим страхом, а распечатал.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Как же осмелились, Милостивой государь, распечатать письмо такой уполномоченной особы.

⟨П о ч т м е й с т е р.⟩ Да он, Антон Антонович, и не уполно⟨мо⟩ченной и не особа, а просто⁹⁹

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ А что просто?¹⁰⁰

⟨П о ч т м е й с т е р.⟩ Чорт знает, ни се, ни то.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Как вы смеете это сказать, знаете ли, что я велю вас в острог взять.

⟨П о ч т м е й с т е р.⟩ Кто, вы?

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Да, я. *(Двигается плечом, как будто пляшет и наигрывает.)*¹⁰¹ Так знайте ж, что этот самой чиновник женится на моей дочери и что я теперь сам могу быть вельможей, что я вас законопачу⟨?⟩ в Сибирь сей час.

⟨П о ч т м е й с т е р.⟩ А вот этого не хотите *(показывает палец)*.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Как вы смеете мне показывать палец. — Господа, протестую. Будьте все свидетели. Г. Почмейстер показал мне при всех палец.

⟨П о ч т м е й с т е р.⟩ Господа, позвольте же и мне прежде всего прочесть письмо вам. — На пакете написано: “Его Благородию Аркадию Ивановичу Тряпичкину¹⁰²”. Признаюсь, это меня больше и понудило, если б еще к какой-нибудь Важной особе, то, признаюсь,

⁹⁶ Далее зачеркнуто: расп(ечатать?)

⁹⁷ Далее зачеркнуто: водили по всему г(ороду?)

⁹⁸ Далее зачеркнуто: признаюсь вам, пись⟨мо⟩

⁹⁹ Было: просто чорт знает что...

¹⁰⁰ Вместо: А что просто? — было: что такое? что такое

¹⁰¹ Далее зачеркнуто: ⟨П о ч т м е й с т е р.⟩ А если вам докажу, что

¹⁰² Было: а. Верхолетову; б. Скакунову

может быть, я бы и устрасился, но как увидел, что к благородию, то так силь(но) полюбобыгтствовал, о чем такая важная особа пишет к простому благородию, что никак не мог удержаться не распечатать. — (Л. 20.) «Здравствуй, душа моя Тряпичкин. Спешу исполнить мое¹⁰³ обещание писать к тебе. Ты¹⁰⁴, я думаю, теперь думаешь: “Где-то наш Скакунов, где носится,¹⁰⁵ что делает, о чем мечтает”. Чудные, братец, дела. Во-первых, на каждой станции любовная история, прехорошенькая девушка, и везде по уши влюбляются так, что я, братец, на каждой станции утопал в блаженстве. А во-вторых, такое счастье со мной, какого никогда не бывало. Заехал я, братец, к таким дуракам, каких еще от роду не видывал. Такое раздолье. Помнишь, как мы¹⁰⁶ с тобою в Петербурге заходили в один трактир¹⁰⁷ пообедать на счет Аглицкого короля, да хозяин взял наши шляпы и не поверил, подлец, 5 рублей в долг. — Но тут просто рай. Приезжай и ты, душа Тряпичкин.¹⁰⁸ Вообрази себе, что все тебе дают в одну минуту.¹⁰⁹ Мне показывали и Богоугодные¹¹⁰, и чорт знает еще что такое, всего даже не припомнишь¹¹¹. Городничий такой дурак.¹¹² Судья тоже, а Почмейстер тоже изрядное полено и¹¹³ чрезвычайно похож на осла. Кроме того, какой-то казначей Ляпкин и смотритель училища Земля(ни)ка, словом, умора, такая пища для твоего пера. Ты¹¹⁴ мне говорил, какую-то Литературу для “Библиотеки для чтения”¹¹⁵. Пожалуйста, помести их в свою Литературу и окритикуй хорош(енько), только обо мне, сделай милость¹¹⁶, полегче и лучше так, как бы меня и совсем не было. Я ведь тебя знаю, ты и родного отца не пожалеешь. Помнишь того Автора, что выпускал какую-то книгу и кормил тебя по бильярдам(?) и кондитерским, а ты после того ругнул его так, что он и места не нашел¹¹⁷. Прощай, душа Тряпичкин, спешу домой, по-

¹⁰³ мое написано дважды

¹⁰⁴ В рукописи: Ту

¹⁰⁵ Далее зачеркнуто: о чем мечтает

¹⁰⁶ Далее зачеркнуто: один раз

¹⁰⁷ в один трактир вписано

¹⁰⁸ Далее зачеркнуто: а. Только заикнись об; б. не успеешь

¹⁰⁹ Далее зачеркнуто: а Гостеприимство такое

¹¹⁰ Так в рукописи.

¹¹¹ и чорт знает еще ~ припомнишь вписано

¹¹² Далее зачеркнуто: Почмейстер

¹¹³ тоже изрядное полено и вписано

¹¹⁴ Далее зачеркнуто: там пописываешь что

¹¹⁵ Так в рукописи.

¹¹⁶ Вместо: сделай милость — было: пожалуста

¹¹⁷ а ты после того ~ не нашел вписано на полях, место вставки указано в тексте:

первоначально Гоголь попытался вписать этот текст между строк: а ты после его ругнул так, что он

слал за лошадьми. Теперь по милости этих Телепней у меня не только на дорогу, но даже будет чем и дома покутить, а то, признаюсь, было, дошло до крута. Не забывай и пиши ко мне. Твой Скакунов».¹¹⁸

Г о р о д н и ч и й. Чорт его знает, так все как будто во сне, не знаю, верить¹¹⁹ Я и сам не знаю, точно ли мы все в дураках или нет.¹²⁰ Убит, убит, совсем убит, весь дух потерял, ничего не вижу, ну просто стоят какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего нет. Однако ж, чорт возьми, ведь как же едак он надул всех. Послать, послать за ним, воротить его, подлеца, моше(нника), не мешкать, еще можно.

П о ч м е й с т е р. Э нет, Господа. Я¹²¹ на беду свою приказал зрителям на станциях отпускать¹²² тройку лихих курьерских, одна только тройка, а то все лошади, известно уж¹²³, почтовые, хворостинной нужно гнать, на дуду(?) идут.

⟨Э м л я н и к а.⟩ Да как же это так и останется, ведь у меня он полтора ста рублей взял.

⟨П о г о н я е в.⟩ Я не спущу этого, он у меня взял 500 рублей Ассигнациями и обещал на минуточку.

⟨Л я п к и н-Т я п к и н.⟩ А у меня¹²⁴ полтора ста.

⟨П о ч т м е й с т е р.⟩ У меня 100, все синенькими бумажками.

⟨Р а с т а к о в с к и й.⟩ А у меня весь пенсион взял, только что¹²⁵ получил, как все и отдал с бумажником.

⟨Д о б ч и н с к и й?⟩ У меня восемьдесят, ей богу, последние.

---

¹¹⁸ Далее в рукописи, после маленького интервала, следует частичная переработка сцены чтения письма:

Г о р о д н и ч и й. Не может быть, там нет этого, не писано.

⟨П о ч т м е й с т е р.⟩ Прочитайте сами, Антон Антонович.

Г о р о д н и ч и й. "Городничий такой дурак". Не может быть, это вы сами написали.

⟨П о ч т м е й с т е р.⟩ Вот [чтоб] так, что я сумашедший, чтобы стал шутить таким дел(ом).

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Ну читайте дале(е).

⟨П о ч т м е й с т е р (читает).⟩ "Городничий такой дурак".

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Ну да зачем же повторять, уж когда там стоит дурак, к чему ж его произносить вновь.

⟨П о ч т м е й с т е р (читает).⟩ "Судья также и Почмейстер...". Ну тут обо мне он неприлично отозвался.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Э, нет, уж когда читать, так читать. (Берет письмо.)

⟨П о ч т м е й с т е р.⟩ Испорченный мальчишка, больше ничего, посечь розгами нужно.

¹¹⁹ Не закончено.

¹²⁰ Далее зачеркнуто: ой, Боже мой

¹²¹ Далее зачеркнуто: как нарочно

¹²² Далее зачеркнуто: одну

¹²³ Вместо: известно уж — было: известно, какие

¹²⁴ Далее зачеркнуто: триста

¹²⁵ что вписано

⟨Б о б ч и н с к и й?⟩ И у меня, и у меня, ей богу, 20¹²⁶ пятирублевую бумажку и 3 двугривенных взял.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Да что толковать, уж хуже всего.¹²⁷ Я ему дал четыреста и еще сам, дуралей, навязался, и на дорогу угораздил чорт предложить опять четыреста и ковер дать. Чорт его знает. ⟨Л. 20 об.⟩ Ведь вот дурак так дурак, старой дурак, без мала сорок лет на службе. Никакой купец, ни подрядчик не обманул, а теперь дрянь... Ступай, ищи его, чорт побери. Я думаю, только колокольчик заливаается.

⟨А н н а А н д р е в н а.⟩ Как же, душа моя, веть он совсем уж обручился с нашей дочерью, ведь они и кольцами разменялись.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ А разве ты не видишь, что он сбухты барахты, видно, все это, и пустейший человек... Ведь вот подлинно, Бог захочет наказать, отнимет¹²⁸. Ну что¹²⁹ в нем было такого, чтоб можно было принять за вельможу или Важного человека. Чорт знает что, дрянь, вошь, щепка этакая, тоньше серной спички, мочалка.¹³⁰ Ну где были у нас глаза, чтобы чорт побрал всех нас вместе¹³¹. Хоть бы имел он уже толщину в теле или важной вид какой-нибудь, а то¹³² дрянь, соплей перешибешь.

⟨?⟩ А кто первой¹³³ сказал, что он настоящий.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Да кто первой, чорт. Да¹³⁴ как¹³⁵ чорт его знает.

⟨?⟩ Вот эти два Петры Ивановичи рассказали.

Б о б ч и н с к и й. Ей Богу, ⟨ей⟩ Богу, нет, и не думал.

⟨?⟩ Как, конечно, Вы.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Разумеется, Вы. Сплетники городские. Лгуны проклятые.

⟨?⟩¹³⁶ Пузыри свиные. Колпаки.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Болтуны негодные¹³⁷. Вы только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые. Сплетни сеете, сороки короткохвостые.

---

¹²⁶ Было: 25

¹²⁷ Вместо: Да что ~ всего. — было: Ну, об этом нечего говорить

¹²⁸ Так в рукописи; ср. в АК1: отнимет разум

¹²⁹ Далее зачеркнуто: он

¹³⁰ Далее зачеркнуто: Хотя

¹³¹ чтобы чорт ~ вместе вписано

¹³² Далее зачеркнуто: веть

¹³³ Далее зачеркнуто: Да, кто первой

¹³⁴ Далее зачеркнуто: чорт

¹³⁵ Далее зачеркнуто: кто

¹³⁶ Далее было: Колпаки

¹³⁷ негодные вписано

⟨Б о б ч и н с к и й.⟩ Ей ей богу¹³⁸, это не я¹³⁹. Это Петр Иванович говорили.

⟨Д о б ч и н с к и й.⟩ Э, нет, Петр Иванович. Это вы говорили.

⟨Б о б ч и н с к и й.⟩ Э, нет, ей Богу, вы.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩¹⁴⁰ Нашли важную птицу.¹⁴¹

Явление¹⁴²

Т е ж е и Ж а н д а р м¹⁴³.

⟨Ж а н д а р м.⟩ Приехавший Чиновник требует Городничего и всех чиновников к себе. Они остановились в гостинице.

Все остаются с раскрытыми ртами в разных положениях. Немая сцена.

Занавесь опускается.

---

¹³⁸ Так в рукописи.

¹³⁹ В рукописи: это я не

¹⁴⁰ Далее было: Нашел

¹⁴¹ Далее зачеркнуто: Дверь отво(рывается)

¹⁴² Так в рукописи; ср. в АКІ: Явление последнее.

¹⁴³ В рукописи: Жарданр

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ КО ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ (ЧН1, ЧН2, ЧН3, ЧН4)

ЧН1

⟨1⟩

⟨Действие I, явление III⟩

⟨Л. 23 об.⟩ ⟨Б о б ч и н с к и й.⟩ Как только вышел я от вас... Э, не мешайте ж, Петр Иванович, не говорите уж ничего, сделайте милость. Я уж сам знаю. Как только вышел я от вас, то побежал¹ тотчас к Растаковскому, а не заставши Растаковского дома, побежал к Погоняеву, а не застав Погоняева дома, зашел² вот к Ивану Кузмичу, чтобы сообщить ему эту новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем.

⟨Д о б ч и н с к и й.⟩ Возле Бутки, где продаются пироги.

⟨Б о б ч и н с к и й.⟩ Возле Бутки, где продаются пироги. “Слышали ли” я говорю Петру Ивановичу “о новости, которую получил Антон Антонович”. А Петр Иванович услышали об этом ⟨от⟩ ключницы Вашей Авдотьи, которая не знаю зачем-то³ была послана к Погоняеву.

⟨Д о б ч и н с к и й.⟩ За боченком для французской водки.

⟨Б о б ч и н с к и й.⟩ За боченьком для французской водки. Вот мы пошли с Петром Ивановичем. Сделайте одолжение, Петр Иванович, уж не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте. Пошли к Погоняеву, да на дороге Петр Иванович говорит: “Сегодня, я знаю, привезли в трактир свежей семги, так пойдем закусим”. Только что мы вошли в гостиницу... как вдруг молодой⁴

¹ Было: забежал

² Было: пошел

³ Далее зачеркнуто: приходила

⁴ Далее зачеркнуто: а. чел(овек?); б. недурной нар(ужности)

⟨Д о б ч и н с к и й.⟩ Недурной наружности, в партикулярном платье.

⟨Б о б ч и н с к и й.⟩ В партикулярном платье, ходит⁵ по комнате, и в лице такое рассуждение и физиономия, такие важные поступки, и так здесь (*вертит рукою около лба*) много, много всего...⁶ Я так как будто предчувств(вовал). Э, что-нибудь да недаром.⁷ А Петр Иванович тотчас потихоньку⁸ мигнули пальцем и подозвали к себе трактирщика. Трактирщика.⁹ Так Петр Иванович, подозвавши Власа, и спросил потихоньку: “Кто такой этот молодой человек”. А Влас говорит:¹⁰ “Это” говорит... Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуста, не перебивайте. Вы¹¹, ей Богу, не расскажете, у вас ведь немножко язычок, Вы шепеляете.¹² Что “это молодой человек, чиновник, едущий из Петербурга, Иван Александрович Перепелкин, а едет в Саратовскую Губернию, в город Белебей, и что” говорит “чрезвычайно странно себя Аттестует, уж недели две живет, дальше не едет. Берет все на бор и денег совсем¹³ не платит”. Меня так, ей Богу, в одну минуту вразумило. “Э” говорю я Петру ⟨Ивановичу⟩ “ни денег не платит, ни дальше не едет”.

⟨Д о б ч и н с к и й.⟩ Э, нет, Петр Ивано(вич)¹⁴

⟨Б о б ч и н с к и й.⟩ Вот это ж и есть тот самой чиновник, ко(то-рый)¹⁵

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Что вы говорите, не может быть (*придвигая поближе стул*).

Д о б ч ⟨ и н с к и й.⟩ Помилуйте, как не он. И денег не платит, и не едет никуда, да что¹⁶, чтобы не он был. С какой же бы стати жил он здесь. Веть ему прописано в Подорожной в Саратов.

Б о б ч ⟨ и н с к и й.⟩ Он, он, ей Богу, он. Я ставлю Бог знает что, такой наблюдательно(й), все обсмотрел,¹⁷ и по углам везде, и даже заглянул в тарелки нам, полюбопытствовать¹⁸, что мы едим.¹⁹ Такой осмотрит(ельный), что Боже сохрани.

⁵ В рукописи: годит

⁶ Далее зачеркнуто: У меня

⁷ Э, что-нибудь да недаром. вписано на полях с указанием места вставки

⁸ В рукописи: потигоньку

⁹ Далее зачеркнуто: и спросил потихоньку, к(то?)

¹⁰ Далее зачеркнуто: что

¹¹ Далее зачеркнуто: не расскажете так

¹² Далее зачеркнуто: Это

¹³ совсем вписано

¹⁴ Не закончено, далее пробел.

¹⁵ Не закончено, далее пробел.

¹⁶ Далее зачеркнуто: б

¹⁷ Далее зачеркнуто: Я так

¹⁸ Было: посмотреть

¹⁹ Далее зачеркнуто: Ей Богу

⟨Городничий.⟩ Где же он там в гостинице до сих пор?

Добчинский. В пятом номере над лестницею.

⟨Бобчинский.⟩ В том самом номере, где прошлого года под-
рались приезжие офицеры.

⟨Городничий.⟩ И давно живет.

⟨Добчинский.⟩ Да уж больше будет, чем две недели. Пе-
ред²⁰ Воздвиженьем приехал.

⟨Городничий.⟩²¹ Только ты, Антон Антонович Сквозник-
Прочуханский, и света Божья видел. — В эту недельку столько я на-
строил дел, что хоть возьми²² крепкого каната. Полторы недели? что
вы (в сторону). Ай. Ай. Ай! Полторы недели, в эти полторы неде-
ли квартальный разбил(?) лавку²³, высечена совсем напрасно²⁴ Ун-
тер-офицерская жена. Ай. Ай, в эти полторы недели²⁵ Арестантам
никакой провизии не выдавали²⁶. Ай. Ай, на улицах кабак и нечисто-
та. Ай. Ай. О боже мой, боже мой.²⁷

⟨2⟩

⟨Действие I, явление III⟩

⟨Л. 23 об.⟩ ⟨Городничий.⟩ Нет, нет, позвольте уж²⁸ мне са-
мому это обделать. Вы говорите, что²⁹ он человек молодой!

⟨Добчинский.⟩ Молодой, лет двадцати трех или четырех, не
больше³⁰.

⟨Городничий.⟩ Ну, это хорошо, что молодой человек.

⟨3⟩

⟨Действие III, явление V⟩

⟨Л. 24.⟩ ⟨Хлестаков.⟩ Очень благодарен Вам, Господа, за
то, что показали мне свои Заведения. Хорошие заведения. У вас уж

---

²⁰ Далее зачеркнуто: Возд(виженьем)

²¹ Далее зачеркнуто: Пропала моя головушка

²² Далее зачеркнуто: да сей(час?)

²³ квартальный разбил(?) лавку вписано без четкого указания места вставки и без
знака препинания, отделяющего эти слова от последующего текста

²⁴ совсем напрасно вписано

²⁵ Далее зачеркнуто: квартальный ⟨по⟩ моему приказу

²⁶ В рукописи: не видивали

²⁷ Арестантам ~ боже мой. вписано

²⁸ Далее зачеркнуто: Я сам.

²⁹ Далее зачеркнуто: челове(к)

³⁰ В рукописи: не большой

так, верно, всегда водится, чтобы показывать проезжающему заведение. Это хорошо. Вот в других городах мне совсем ничего не показывали.

⟨Городничий.⟩ В других³¹ городах, осмелюсь просить позволения доложить, Градоправители и чиновники больше заботятся о своей то есть³² пользе, а здесь, можно сказать, и другого помышления нет, кроме того, чтобы³³ благочинием и бдительностью заслужить внимание начальства.

⟨Хлестаков.⟩ Да, и завтрак тоже был очень недурен. Что у вас это каждый день бывает такой завтрак или только по некоторым дням.

⟨Городничий.⟩ Нарочно для такого приятного гостя.

⟨Хлестаков.⟩ Покорно благодарю. Если ко мне приедете в деревню, я тоже... Вино было очень хорошо. А это какая рыба была, ведь это не Лососина, кажется.

Городничий. Лабардан.

⟨Хлестаков.⟩ Очень, очень вкусная. Я давно такой не ел. В каком это мы здании завтракали. В Больнице³⁴ что ли.

⟨Попечитель богоугодных заведений.⟩ Так точно-с, в Богоугодном заведении.

⟨Хлестаков.⟩ Да, то-то я заметил, стояло несколько кроватей. Что, больные, верно, выздоровели там, что, кажется, я не заметил их.

⟨Попечитель богоугодных заведений.⟩ Так точно,³⁵ человек десять осталось, не больше, а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, с тех пор принял³⁶ начальство. Даже невероятно, может быть, покажется, все как мухи выздоравливают. Больной не успеет³⁷ войти в Лазарет, как уж и здоров, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядками.

⟨Городничий.⟩ Уж на что, осмелюсь доложить вам, многотрудна и головоломна³⁸ обязанность здешнего Градоначальника. Столько лежит всяких дел относительно чистоты, починки, поправки,³⁹ так у иного голова бы повернулась. Но, Благодарение

---

³¹ Далее зачеркнуто: позвольте

³² то есть вписано

³³ чтобы написано дважды; далее зачеркнуто: порядком

³⁴ Далее зачеркнуто: Та(м?)

³⁵ Далее зачеркнуто: весьма много выздоровели

³⁶ Так в рукописи; ср. в АКІ: как я принял

³⁷ К словам: Больной не успеет — незачеркнутый вариант: Не успеет больной

³⁸ Далее зачеркнуто: долж(ность)

³⁹ Далее зачеркнуто: но все

Богу, все идет благополучно, и в 10 лет столько сделано для блага общества, что⁴⁰ узнать нельзя, и если б изволили навесить прежде наш город, то возымели бы самое дурное понятие. Конечно, иной⁴¹, будучи в моей должности, брал бы взятки и составил бы себе состояние, но я решился обречь всего себя⁴², можно сказать. Верите ли, что даже когда ложишься⁴³ спать, все думаешь: “Господи Боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольным...” Наградит ли оно или нет, конечно, это в его воле, по крайней мере я буду спокоен. Когда в городе во всем порядок, улицы выметены, Арестанты хорошо содержатся,⁴⁴ пьяниц мало, то чего ж мне больше? Ей Богу, и почестей никаких не хочу: оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью все прах и суета.

Хлестаков. Да, я сам люблю этак иногда⁴⁵ заумствоваться и пофилософствовать. Так, знаете, иногда недурные стишки напишутся к какому-нибудь водевилю.⁴⁶

Бобчинский (Добчинскому). Справедливо, справедливо, все справедливо говорит. Видно, что философским наукам обучался.

Хлестаков. Скажите, пожалуста, если у вас тут такие общества, чтобы можно было поиграть в карты.

Городничий. Эге, ге, знаем, голубчик, куда это перо летит.

⟨4⟩

⟨Действие III, явление VI⟩

⟨Л. 24 об.⟩ (Городничий.) Осмелюсь иметь честь представить Вашему Благорасположению мое семейство. Это моя жена. А это одиночка дочь моя.

⟨Хлестаков.⟩ Как я счастлив, сударыня, что имею удовольствие Вас видеть.

⟨Анна Андреевна.⟩ Нам⁴⁷ еще больше приятнее видеть уполномоченную особу. (Городничий мигает.)

---

⁴⁰ Далее зачеркнуто: нель(зя)

⁴¹ Далее зачеркнуто: на моем

⁴² Далее зачеркнуто: на службу отечества

⁴³ Было: ложусь

⁴⁴ Далее зачеркнуто: то чего ж

⁴⁵ Далее зачеркнуто: пофилософствовать

⁴⁶ Вместо: Так, знаете ~ водевилю. — было: Иногда так очень скоро напишешь там из водевильчика, напишешь... очень недурные стишонки выходят

⁴⁷ Далее зачеркнуто: гораздо

⟨Хлестаков.⟩ А мне, сударыня, еще приятнее⁴⁸ встретить в вас такую светскую любезность... Как вы хотите, Сударыня, я должен вам сказать.

⟨Анна Андреевна.⟩ Прошу покорнейше садиться.

⟨Хлестаков.⟩ О, помилуйте, сударыня, при вас и стоять уже есть счастье, впрочем, если вы мне⁴⁹ приказываете, я сяду. Как я счастлив, что нахожусь теперь в таком близко⟨м⟩ от вас расстоянии⁵⁰.

⟨Анна Андреевна.⟩ Помилуйте, мы не смеем этого никак принять на свой щот. Как вам кажется вояж ваш. Я думаю⁵¹, после удовольствий столицы вам очень скучно показалось.

⟨Хлестаков.⟩ Чрезвычайно скучно. Я всю дорогу скучал. Знаете, сделавши привычку жить в свете,⁵² пользоваться всеми удобствами, и вдруг после этого в какой-нибудь скверной дороге. Везде такая чепуха, не встретишься с образованным человеком, чтобы поговорить о чем-нибудь. Станционные смотрители такие невежи. — И если бы, признаюсь, не случилось такого случая, как который⁵³ меня вознаградил совершенно, то я не знаю, что бы со мною было.

⟨Анна Андреевна.⟩⁵⁴ Я воображаю, как вы должны были скучать.

⟨Хлестаков.⟩ Впрочем, сударыня, в эту минуту я могу называть⟨ся⟩ блаженнейшим в мире, и я бы желал всегда находиться в таком положении.

⟨Анна Андреевна.⟩ Вы изволите делать мне⁵⁵ очень много чести. Я никак этого не заслуживаю.

⟨Хлестаков.⟩ Отчего же ⟨не⟩ заслуживаете. Вы, сударыня, очень заслуживаете.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ну, знаете, живя в деревне.

⟨Хлестаков.⟩ Да, конечно... Ну да что ж, деревня или не деревня, все вздор. Иногда, знаете, приятно отдохнуть так⁵⁶ на берегу ручейка, заняться близь хижинки. А в городе люди за каменной оградой. Я сам тоже, я бываю там во всех лучших обществах.

⟨Анна Андреевна.⟩ Как должно быть там весело,⁵⁷ везде, говорят, в магазинах все самые модные вещи.

⁴⁸ Далее зачеркнуто: видеть

⁴⁹ мне вписано

⁵⁰ Вместо: в таком близко⟨м⟩ от вас расстоянии — было: так близко от вас

⁵¹ Я думаю написано дважды

⁵² Далее зачеркнуто: а. с; б. образованному; в. ну

⁵³ Так в рукописи; ср. в АК1: признаюсь, не случай такой, который

⁵⁴ Далее зачеркнуто: Как, право, вам должно

⁵⁵ мне вписано

⁵⁶ Далее зачеркнуто: руч⟨ейки⟩?

⁵⁷ Далее зачеркнуто: везде там⟨?⟩

⟨Хлестаков.⟩ О, да, там в магазинах все, что вы найдете⁵⁸. Портные там все удивительно шьют. Если вдруг если вам⁵⁹ понадобится, например, сделать себе фрак и панталоны, то вы только придите и скажите: “Вот⁶⁰ мне нужны фрак и панталоны”, и вы можете быть уверен, что вам уж такого фрака здесь никто не сошьет.

⟨5⟩

⟨Действие IV, явление XII⟩

⟨Л. 21.⟩ Г о л о с А н ⟨н⟩ы А н д р е е в н ы. Право, как будто никому дела нет. Там⁶¹ набрело посетителей полон двор.⁶² И мужа нет⁶³, куда он ушел.⁶⁴ Хотя бы ты что-нибудь. Ведь здесь же сидишь.

⟨М а р ь я А н т о н о в н а.⟩ Ах, право, маменька, какие Вы странные. Как же, что ж мне делать.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Ах ⟨?⟩, ты мне ⟨?⟩ всегда первая говоришь, что ты все можешь.

М а р ь я А н т ⟨о н о в н а.⟩ Я говорю.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Ей богу, такой беспорядок⁶⁵ и эти квартальные мерзавцы ⟨входит⟩. Ах.

⟨6⟩

⟨Действие IV, явления XIII и XIV⟩

⟨Л. 21 об.⟩ Явление I.

С к а к у н о в. Куда вы хотели идти.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ [Я, право,] не знала, что вы тут сидите. Я вам помешала, вы меня извините.⁶⁶

---

⁵⁸ Так в рукописи: ср. в АК1: там вы найдете все, что захотите

⁵⁹ Так в рукописи.

⁶⁰ Далее зачеркнуто: а. говорит; б. шей⟨?⟩

⁶¹ Далее зачеркнуто: весь полон двор

⁶² Далее зачеркнуто: И ты здесь сидишь, ничего не видела.

⁶³ нет вписано

⁶⁴ Далее зачеркнуто: Право, Маминька

⁶⁵ Далее зачеркнуто: везде. У меня голова кружится

⁶⁶ Вместо: ⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ [Я, право,] ~ извините. — было: ⟨М а р ь я А н т о н о в н а.⟩ [Мне (I)] [извините, мне (I)] Я шла по одному делу для Маминьки. [Может (I)] Я, право, не знала, что вы тут сидите. Я вам помешала, вы меня извините (II; цифрой I обозначена правка, внесенная в текст непосредственно в процессе создания наброска, цифрой II обозначена правка, внесенная в текст позднее, более темными чернилами. Теми же чернилами приписано окончание наброска — см. сноску 94 на с. 231 наст. изд.)

⟨С к а к у н о в.⟩ Куда ж, куда вы...⁶⁷

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Право, мне нужно приказать нашей ключнице.

⟨С к а к у н о в.⟩ К чему приказывать. Вы не приказывайте ничего, что такое приказание. Что такое ключница, ключница⁶⁸

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Право, я и вам помешаю. Вы⁶⁹ важными делами занимаетесь.

⟨С к а к у н о в.⟩ А ваши глазки, Судары(ня)⁷⁰, еще лучше, чем важные дела.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Ах, право, мне нужно.

⟨С к а к у н о в.⟩ Ну, не ходите, Сударыня, сделайте милость. Я вас⁷¹ садитесь вот здесь.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ (садясь). Право, я не знаю, мне так нужно.⁷²

⟨С к а к у н о в.⟩ Какое на вас хорошее платье.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Вы насмешники, только над провинц(...?)⁷³

⟨С к а к у н о в.⟩ Помилуйте,⁷⁴ я, сударыня, желал бы быть вашим платьем, чтобы обнять все, что ни есть у вас.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Я совсем не понимаю, о чем вы говорите, какое-то платье. Я ничего этого не знаю...⁷⁵ Вон какая сегодня хорошая погода.

⟨С к а к у н о в.⟩ А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода на дворе.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Вы все такое...⁷⁶ Вы бы лучше пропели или проиграли на фортепиане или проговорили бы какие-

---

⁶⁷ Далее зачеркнуто: Право, мне нужно сказать кое об чем нашей (ключнице?).
⟨С к а к у н о в.⟩ Зачем [приказы(вать) (I)], это ничего не нужно, куда и для чего вам идти [берет ее за руку (I)] и зачем идти, к чему идти, подходит поближе (II)

⁶⁸ Вместо: приказание ~ ключница — было: приказание — пустяки (I)

⁶⁹ Далее зачеркнуто: государст(венными) (I)

⁷⁰ Судары(ня) вписано (II)

⁷¹ Так в рукописи.

⁷² Вместо: Ах, право, мне нужно. ~ мне так нужно. — было: Я совсем не знаю, что, о чем даже вы говорите. (С к а к у н о в.) Скажите, сударыня, ну что вы думаете обо мне, как ваши мысли. (М а р ь я А н т о н о в н а.) Что ж мне думать, я ничего не думаю. (С к а к у н о в.) О, нет. Вы, верно, обо мне думаете. (М а р ь я А н т о н о в н а.) Да что ж такое. Я не понимаю. (С к а к у н о в.) А мне кажется, что вы понимаете [Если бы я (I)] (II)

⁷³ Так в рукописи; ср. в АК1: только посмеяться над провинциальными

⁷⁴ Помилуйте вписано (II); перед: я, сударыня — зачеркнуто: а. Если бы я бы(л); б. Как я (I)

⁷⁵ Вместо: не знаю... — было: не знаю. (II)

⁷⁶ Вы все такое... вписано (II)

нибудь стишки хорошенькие. Я очень люблю стихи, вы, верно, много⁷⁷.

⟨С к а к у н о в.⟩⁷⁸ В угодность вашу все, что хотите, требуйте, какие стишки вам.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Какие-нибудь хорошие.

⟨С к а к у н о в.⟩ Да что стишки. Я много их знаю.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Ну скажите же.

⟨С к а к у н о в.⟩ Да к чему же говорить. Я и так их знаю.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Я люблю очень.⁷⁹

⟨С к а к у н о в.⟩ Да у меня много всяких. Ну что, ну естли хотите, такие(?)⁸⁰ сти(хи): “О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек...” ну и множество... других,⁸¹ теперь не могу припомнить. Да что это все ничего⁸². Я⁸³ счастлив, что сижу теперь, но если б я мог, сударыня, напечатлеть поцелуй ⟨в⟩ ваши губки...

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Вы все говорите нарочно такое, которого я не понимаю. Я думаю, вы в Петербурге так часто бываете в Театре. Я думаю, там как хорошо играют комедии.

⟨С к а к у н о в.⟩ Комедии, а что это такое комедии.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Вот как будто Вы не знаете.

⟨С к а к у н о в.⟩ Право, не знаю.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩⁸⁴ О, как будто я не знаю, что вы⁸⁵ нарочно так говорите.

⟨С к а к у н о в.⟩ Право, не знаю, что ж это такое комедия. Это, верно, зверь какой-нибудь или чиновник.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Вы, право, меня воображаете за такую провинциалку.

⟨С к а к у н о в.⟩ Право, не знаю, а теперь вспомнил. Комедия — это все равно что Артиллерия.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Нет, таких насмешек... Конечно, мы здесь не имеем столичного воспитания... что ж делать, не всем быть ученым людям...

---

⁷⁷ Так в рукописи; ср. в АК1: вы, верно, их знаете много

⁷⁸ Далее зачеркнуто: а. Стишки, да какие стишки; б. Стишки, да какие стишки, какие прикажете. Я ва(м) (I)

⁷⁹ Далее зачеркнуто: Стишки(?) (I)

⁸⁰ Ну что, [ест(ли)] ну естли хотите, такие(?) вписано на полях (II)

⁸¹ Далее зачеркнуто: Я уж (I)

⁸² Было: вздор (I)

⁸³ Далее зачеркнуто: очень (I)

⁸⁴ Далее зачеркнуто: Пе(рестаньте?) (I)

⁸⁵ Далее зачеркнуто: нарочно (I)

⟨С к а к у н о в.⟩ Ну вот, сударыня, Вы сердитесь, куда же вы, видите, я по⟨шутил?⟩.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Я вижу, что вам скучно со м⟨ной⟩.⁸⁶

⟨С к а к у н о в.⟩ Ах, нет, сударыня, вот видите, я пошутил, а вы уж. Ну сделайте милость, садитесь⁸⁷.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Вы напрасно мне рассказываете. Любовь... Что любовь...⁸⁸ Я ж... *(отдвигает стул)*.

⟨С к а к у н о в.⟩ *(придвигается)*. Отчего ж вы так отдвигаетесь. Мы лучше будем близко.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Да к чему ж близко. Это все равно и далеко *(отдвигается)*⁸⁹.

⟨С к а к у н о в.⟩ *(придвигается)*. Да отчего ж, если⁹⁰ и далеко, все равно и близко. Какие у вас хорошенькие плечики. Вот бы⁹¹ чорт знает что готов бы дать, чтобы поцеловать вас в губки.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ *(смотрит в окно)*. Что это так как будто что-то летит. Ворона или...

⟨С к а к у н о в.⟩ А да, в самом деле что-то полетело. *(Приближается к щеке ее и целует.)* Это ворона, верно.

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ *(вставая)*. Подите прочь, нахал⟨?⟩. Как вы можете это делать!⁹² воображаете во мне глу⟨пую?⟩⁹³.

⟨С к а к у н о в.⟩ Что же такое, я вас еще поцелую. *(Целует ее в рукав.)*

⟨А н н а А н д р е е в н а.⟩ Бесстыдник. *(Хочет уйти.)*

⟨С к а к у н о в.⟩ *(удерживая ее)*. Нет, я вас не пущу. *(Становится на колени.)* Что ж, ведь это все равно, это так только в воображении представляется.⁹⁴ Я это сделал от любви, ей Богу, от любви. Я должен признаться вам теперь, сударыня⁹⁵, в самой страстной

---

⁸⁶ Место: Я вижу ~ со м⟨ной⟩. — было: [Вам] Что ж делать. Я знаю, вам скучно с нами (II)

⁸⁷ Место: вот видите ~ садитесь — было: останьтесь. Право... я... целует руки. Вы так воспитаны, хоть бы в столице. ⟨М а р ь я А н т о н о в н а.⟩ *(садится)*. Что ж делать. ⟨С к а к у н о в.⟩ Ну вот видите, как вы памятозловны. Ну рассмейтесь, рассмейтесь. Я сам к вам чувствую большую любовь, а вы пренебрегаете (II)

⁸⁸ Место: любовь... — было: любовь (II). *Далее зачеркнуто*: Я никогда не говорила (I)

⁸⁹ *(отдвигается)* вписано (I)

⁹⁰ *Далее зачеркнуто*: все равно (I)

⁹¹ *Далее зачеркнуто*: I нрзб. (I)

⁹² *Далее зачеркнуто*: Вы, верно (I)

⁹³ воображаете во мне глу⟨пую?⟩ вписано

⁹⁴ Место: Что ж ~ представляется. — было: Что ж, это ничего, ведь это только так в воображении (II). *Весь последующий текст XIII и XIV явлений приписан позднее, более темными чернилами.*

⁹⁵ Место: Я должен ~ сударыня — было: примите признание

любви. Люблю вас, сударыня, право, так люблю, как не можете представить, осчастливьте.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ах, Боже мой. Я, право... Встаньте, сделайте милость. Как же это так вдруг на коленях. Я, ей Богу, никак этого не думала.

⟨Скакун.⟩ Сделайте ж меня счастливейшим из смертных⁹⁶, сударыня, руки вашей прошу, я хочу жить(?) и умереть с в(ами)⁹⁷. А не то умру, ей Богу, умру.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ах, Боже мой, как же это. Ведь я, некоторым образом, замужем.

⟨Скакун.⟩ Мне все равно, что вы ни говорите. Но если вы ⟨не⟩ согласны мне отдать руки вашей, то, ей Богу, сию минуту тут же умру. О, я решительный человек, ⟨Л. 22⟩ застрелюсь вот⁹⁸ как ни в чем не бывало.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ах, Боже мой, что это мне делать теперь? Ей Богу, никак не могу этого сделать. Ведь у меня муж есть.

⟨Скакун.⟩ Ах да, ведь в самом деле у вас муж есть. *(Поднимает одно колено и обтирает платком.)*

⟨Марья Антоновна.⟩ Ах, какой пассаж!

⟨Скакун.⟩ *(вставая)*. А, чорт возьми!

⟨Анна Андреевна.⟩ Ну что ж?.. к чему тут... с какой стати так вбежала.

⟨Марья Антоновна.⟩ Я, Маминька, хотела увидеть, где вы.

⟨Анна Андреевна.⟩ Ну что ж тут, ну вот и увидела. Такая Ветреность во всем. Я не понимаю. 19 лет, и она вот все еще совершенно дитя. Вдруг туда вбежит с бухты барахта. А зачем, бог ее знает.⁹⁹ Я¹⁰⁰ не знаю, что с нею будет¹⁰¹, как доживет лет¹⁰². Никако(й) совершенно степенности. Да я в твои годы, я бы просто стыдилась, или(?) чтобы можно было видеть, что она воспитанная благородная девица. Нет, так это все на ветер только.¹⁰³

Хлестаков. Как вы давно нас лишали удовольствия видеть. Где вы были.

⁹⁶ Вместо: Сделайте ж меня ~ из смертных — было: Осчастливьте меня

⁹⁷ я хочу ~ с в(ами) вписано

⁹⁸ вот вписано

⁹⁹ А зачем, бог ее знает. вписано

¹⁰⁰ Далее зачеркнуто: знаю

¹⁰¹ Вместо: с нею будет — было: ты будешь

¹⁰² Так в рукописи; ср. в АК1: как доживешь моих лет

¹⁰³ Никако(й) совершенно ~ на ветер только. вписано; вместо: Нет, так это все на ветер только. — было: Так все пустяки только в голове.

⟨Марья Антоновна.⟩ Право, я нигде не была. Я была в своей комнате.

⟨Хлестаков.⟩ Как бы я счастлив был, сударыня, если бы я был ваша комната (*в сторону*). А она очень хорошенькая! Право, свеженькая,¹⁰⁴ щечки такие... Я бы желал тогда как можно побольше вас видеть, потому что, признаюсь, я с первого разу, как только увидел вас, я ощутил в своем сердце любовь... (*После некоторого молчания.*) Смею ли я надеяться, сударыня, что благосклонно примете любовь мою.

Марья Антоновна (*к матери*)¹⁰⁵. Маминька... Я не знаю.

Анна Андревна. Да...¹⁰⁶ Ну что ж... (*в сторону*). Я не знаю, что это¹⁰⁷ такое.

⟨Хлестаков.⟩ Решите мою участь, Марья Антоновна. Я прошу на коленях вас (*бросается*). Если вы не согласитесь ответственность¹⁰⁸, то сделаете меня несчастливейшим человеком. Ей Богу, умру. Честью вас уверяю, умру, застрелюсь сей час.

⟨Марья Антоновна.⟩ Ах Боже мой... Маминька!

⟨Хлестаков.⟩ Ан(н)а Андревна, склонитесь на мою просьбу. Не могу жить без вашей дочери. Ей богу, не могу жить. Если вы не согласитесь, то сей час же беру пистолет и застрелюсь. О, решительной человек, мне жизнь копейка.

⟨Анна Андреевна.⟩ Я, право, не могу еще притти.¹⁰⁹ Мы никак не смеем и подумать о такой чести. Вы можете эдак себя совсем компрометировать¹¹⁰. Вам нужна по крайней¹¹¹ Графиня или Княгиня.

⟨Хлестаков.⟩ О, мне все равно. Я не слишком гляжу на графинь. Мне нужны достоинства. Сударыня, если вы не решитесь исполнить моей просьбы, то вы не можете представить, что со мною случится. Ей Богу, как честной человек уверяю...

⟨Анна Андреевна.⟩ Ах Боже мой, как вы меня пугаете, встаньте, по крайней мере... Я согласна, только встаньте.

---

¹⁰⁴ *Далее зачеркнуто:* такая розовая

¹⁰⁵ (*к матери*) *вписано*

¹⁰⁶ *Далее зачеркнуто:* как

¹⁰⁷ *Вместо:* что это — было: что уж

¹⁰⁸ *В рукописи:* отвествовать

¹⁰⁹ *Далее зачеркнуто:* Как же Вам вдруг себя совсем

¹¹⁰ *В рукописи:* компрожерировать

¹¹¹ *Так в рукописи.*

⟨Хлестаков⟩ (вставая). Ну теперь вы мне возвратили жизнь. Я теперь самый счастливый смертный (целует руку Марьи Антоновны). Теперь, Марья Антоновна, мне для вас порфиры не нужно. Ей Богу, не нужно. Поцелуйте меня.¹¹²

ЧН2

⟨1⟩

⟨Действие I, явление V⟩

⟨Л. 1 об.⟩ ⟨Городничий.⟩ Скажи Держиморде, чтоб он укоротил немного пыл¹¹³, он, я знаю, имеет обычай¹¹⁴ для порядку всякого, и правого, и неправого, садить в зубы¹¹⁵, усовецивать, да только не так же, по крайне⟨й⟩ мере,¹¹⁶ теперь¹¹⁷ пусть повоздержится.¹¹⁸ Боже сохрани, если у команды будут разбухшие носы.¹¹⁹

⟨2⟩

⟨Действие II, явление VIII⟩

⟨Л. 1 об.⟩ ⟨Хлестаков.⟩ Мне вот теперь только приключился случай такой¹²⁰, что оказалась нужда в деньгах, а то у меня много денег. У меня име⟨ний?⟩ очень много, и в Петербурге мне так просто приходится, что совершенно некуда девать денег, так, бывало, просишь кого-нибудь, возьми, пожалуста, братец, у меня деньги взаймы, право, не знаю, что с ними делать, и точно, знаете, опасно даже держать, потому что мошенников в городе очень много. Вот недавно у нас в Департаменте случилось мошенничество. Украли у начальника отделения шубу рублей в четыр⟨еста⟩, да нет, если по правде сказать, то и не у начальника отделения, когда я подошел, а эта шуба была больше моя¹²¹. Чорт возьми, подумал я себе¹²²: это досадно. Я бы,

---

¹¹² Далее написано: Те же и Городничий

¹¹³ Вместо: пыл — было: руки (не зачеркнуто). Далее зачеркнуто: а [до] то

¹¹⁴ Вместо: имеет обычай — было: как начнет

¹¹⁵ Далее зачеркнуто: Конечно, народ баловать незачем

¹¹⁶ Далее зачеркнуто: не

¹¹⁷ Далее зачеркнуто: слышишь

¹¹⁸ Далее зачеркнуто: После него образины у всех, как моченные яблоки

¹¹⁹ Вместо: Боже сохрани, если у команды будут разбухшие носы. — было: [Если] Боже сохрани, если у него Команда будет с красными носами или держаться за щеки.

¹²⁰ Далее зачеркнуто: а то

¹²¹ Вместо: а эта шуба была больше моя — было: то это была моя шуба

¹²² Вместо: Чорт возьми ~ себе — было: А, чорт возьми, думаю себе

господа, вас поподчивал и трубкою, да здесь прескверной табак, я потому и не покупал.

⟨Г о р о д н и ч и й.⟩ Помилуйте, как можно, чтобы¹²³ мы в таком приятном присутствии вашем осмелились курить.

⟨3⟩

⟨Действие III, явление VI⟩

⟨Л. 1.⟩ ⟨Хлестаков.⟩ Какой странной со мною случай на днях случился в Гостинице. Прие⟨э⟩жаю около этого времени, может быть, немножко, или, правда, нет, около вечера это было. Только вижу, там уж дожидает¹²⁴, знаете, эдакой молодой человек, которых называют *(вертит рукою)* фу, фу! в козырке¹²⁵ каком-то эдаком залихацком¹²⁶. Я уж, как только вошел, ну, думаю себе, хорош ты гусь. Нужно вам знать, что мне есть страшным образом хотелось. Только Трактирщик приходит и говорит: “Ну, господа, как хотите, толь⟨ко⟩ и есть всего одна куро⟨п⟩атка. Когда хотите, поделитесь поровну, а нет, так который-нибудь один должен съесть”. “Ну делить-то” я думаю себе “ни за что не хочу”.¹²⁷ А к тому ж Appetit проклятой просто.¹²⁸ “Вот” я думаю “постой же ты, голубчик. Я тебя подбрею”. “Ну, Милос⟨тивый⟩ Государь, видите ли, кому-нибудь¹²⁹ из нас нужно с⟨ъ⟩есть, не хотите ли, мы вот как сделаем. Пусть каждый из нас заснет теперь, и кто увидит из нас лучший сон, того и куро⟨п⟩атка”. — “Пожалуй, пожалуй”. Вот Трактирщик сей час прибежал: “Не прикажете ли диван”. — “Диван”. — “Помилуйте, помилуйте, как так спать, Иван Александрович, Иван Александрович, вам будет неловко”. “Ничего” говорю себе. “Я человек походной, привык уж”. Только мой молодчик в казырку, смотрю я, растянулся на всем диване, и⟨?⟩ свою венгерку, и Венгерку ему шил какой-то дрянной портнишка, совсем не Руч, храпит так, что мочи ⟨нет?⟩, а я, нужно сказать, облокотился на стуле и так сделал знак, совершенно как будто сплю...

¹²³ Далее зачеркнуто: в присутствии таком величественном (предлог в остался незачеркнутым)

¹²⁴ Далее зачеркнуто: а. лош⟨адей⟩; б. лошадей мо⟨лодой⟩

¹²⁵ Так в рукописи.

¹²⁶ В рукописи: залихацком

¹²⁷ К фразе: “Ну делить-то” я думаю себе “ни за что не хочу”. — *незачеркнутый вариант на верхнем поле:* Ну, делить-то я не хочу, зачем же делить, чорт возьми, ему дать даром куро⟨п⟩атку

¹²⁸ Далее зачеркнуто: Послуш⟨айте?⟩

¹²⁹ Над словами: видите ли, кому-нибудь — *незаконченный и незачеркнутый вариант:* я вижу, что нам обои⟨м⟩

Только ж заметил, что он совсем спит, я сей час потихоньку накинул на себя халат¹³⁰, потихоньку к шкаву¹³¹ и преспокойно съел себе куро-патку. — Только поутру¹³² просыпается мой молодец в венгерке и будит меня. — “Вставайте. Я видел сон такой, какого вам никогда не удастся видеть”, и врет чепуху мне такую, не зна(ю), дмется, так расписывает, что его и на небо подняли и в самый рай внесли. “Ну, братец” говорю ему “я как увидел, что тебя подняли в рай, так подумал, что ты уж совсем не воротись на землю, да и съел¹³³ куро(а)т-〈к〉у”. И если бы¹³⁴ вы увидели, в какое бешенство впал мой франт. — “Уж этот, говорит¹³⁵, Хлестаков. Всегда он н(а)дела(ет?) таких штук”.

〈А н н а А н д р е е в н а.〉 Как это забавно. Какой простак этот Ваш приятель.

〈Х л е с т а к о в.〉 Да. Только таких молодчиков много есть на свете. — Мне часто случалось с ни(ми) иметь дело...¹³⁶ В Петербурге бываю во всех лучших обществах¹³⁷.

ЧНЗ

〈4〉

〈Действие V, явление VIII〉

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Но скажите, пожалуста, Антон Антонович, как это началось. Постепенный ход то есть всего д(ела).

Г о р о д н и ч и й. Ход дела самый чрезвычайной, изволил собственлично сделать предложение.

А н н а А н д р е в н а. Очень почтительным и самым тонким образом. Говорит: “Я, Ан(н)а Андревна, не посмотрю на то, что есть и графини, и княгини. Я именно из одного уважения к вашим достоинствам и дочери вашей”. И такой прекрасной и воспитанной человек, самых благороднейших¹³⁸. “Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь копейка, но именно пот(ому?) только, что уважаю ваши редкие качества, я прошу, я умол(яю) руки вашей и, если вы будете так жестоки...”

М а р ь я А н т о н о в н а. Ах, Маминька, ведь это он мне говорил...

¹³⁰ Далее зачеркнуто: персидской с цветами

¹³¹ Так в рукописи.

¹³² Далее зачеркнуто: меня будит

¹³³ Далее зачеркнуто: твою

¹³⁴ Далее зачеркнуто: ув(идели?)

¹³⁵ Вместо: этот, говорит — было: вечно, говорит, этот

¹³⁶ Далее зачеркнуто: Я там бываю во всех

¹³⁷ Вместо: лучших обществах — было: обществах

¹³⁸ Не закончено.

Ан(н)а Андревна. Перестань, ты ничего не знаешь и не¹³⁹ в свое дело не меша(йся?). “Вы(?), Ан(н)а Андреевна, вы повер(ь)-те¹⁴⁰, что я потому только ищу руки вашей дочери, что чувствую самую¹⁴¹ сердечн(ей)шую любовь и уважение к достоинствам вашим...”¹⁴² и в таких лестных рассыпался словах... и когда я хотела сказать: “Помилу(йте), мы никогда не можем надеяться на такую честь”. — То гость тут же упал на колени и таким самым благороднейшим образом.¹⁴³ “Анна Андреевна, не сделайте меня несчастн(м), и если вы не согласитесь отвечать моим чувствам, то¹⁴⁴ я смертью кончу жизнь свою”.

Марья Антоновна. Ах, ей Богу, Маминька, он обо мне это говорил.

Анна Андревна. Да, конечно, и об тебе было... Я ж этого не отвер(гаю).

Городничий. И так даже испугал нас, говорит, что застрелит(ся)¹⁴⁵.

Многие из гостей. Скажите пожалуйста.

Аммос Федорович. В самом деле, чрезвычайное происшествие.

Лука Лукич. Вот, подлинно, судьба уж так вела.

Артемий (Филиппович). По заслугам и благословление Божие, “Возвеличу мужа праведна и вознесу его”, сказал Бог... Вот этакой свинье так¹⁴⁶ и лезет в самой рот счастье.

Аммос Федорович. Я, пожалуй,¹⁴⁷ Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

(Городничий.) Нет, мне теперь не до кобельков.

(Аммос Федорович.) Ну не хотите, на другой собаке сойдемся.

Жена Коробкина. Ах, как,¹⁴⁸ Ан(н)а Андревна, рада вашему счастью, Вы не можете представить себе.¹⁴⁹

---

¹³⁹ не вписано

¹⁴⁰ Далее зачеркнуто: я

¹⁴¹ самую вписано

¹⁴² Далее зачеркнуто: а. и стал(?); б. А(нна?); в. Если вы не согласитесь отвечать моим желаниям

¹⁴³ Далее зачеркнуто: Не с(делайте)

¹⁴⁴ то вписано

¹⁴⁵ Далее зачеркнуто: Аммос Федорович. В самом деле, чрезвычайное происшествие

¹⁴⁶ Было: всегда

¹⁴⁷ Далее зачеркнуто: Вам

¹⁴⁸ Далее зачеркнуто: Я

¹⁴⁹ Далее рукой Гоголя: (1)

⟨Действие V, явление IX⟩

⟨Л. 25а об.⟩ Спешу писать к тебе, душа Тряпичкин, по обещанию и уведомить о моем вояже. Выхавши из Петербурга и расставшись с тобою, я, как помнишь, выехал с¹⁵⁰ неприятными мыслями. Думаю себе, как в самом деле заехать в глушь, где ни⟨ка⟩кой совершенно образованности, да притом и Батюшка... до него дошли слухи, будто я дурно служу, играю даже в карты... Ну человек он, [как ты] уже знаешь, непросвещенный, у него все такие неблагородные¹⁵¹, грубые средства... Одним словом, мои мысли были неприятные. Ну все это еще ничего. Проездом этак в Губернских городах чем-нибудь¹⁵² займешься,¹⁵³ [делаешь, знаешь, этак] наблюдения над нравами... все бы¹⁵⁴ это ничего. Но вообрази, Душа Тряпичкин, что я продулся на дороге страшным образом, так что решительно спустил¹⁵⁵ все, что ни есть. Приезжаю в Пензу, там какой-то пехотный капитан, на вид этак ничего не обещающий и даже, судя по приемам, большой Mauvais ton, я¹⁵⁶ заметил, мечет сам себе Банк. Меня подзадорило. Я присел, думаю, чорт побери, попробую наудачу. Только вообрази, душа Тряпичкин, что сряду¹⁵⁷, может быть, ты не поверишь, но, Богом клянусь,¹⁵⁸ сряду пятерка, восьмерка, девятка, тройка, Валет, Туз... ты будешь сомневаться, но вот как честный человек, если⟨?⟩¹⁵⁹... после этого ты мне ни в чем уж¹⁶⁰ не верь. Вообрази, дама... двойка, все до одной¹⁶¹ были¹⁶² убиты. Я такого счастья еще никогда, братец, не видывал... Приемы у него лучше, нежели у нашего Кропотова. Круглым штосом срезывает и по три угла вдруг заламывает, так что он меня¹⁶³ обчистил всего, не только деньги, которые были у меня для прогон, но даже янтарный муштук¹⁶⁴, который купил я ⟨y⟩ тебя, и ларчик, шлафрок новый и даже пелевские са-

150 *Далее зачеркнуто:* самими

151 *Далее зачеркнуто:* поступки

152 *Далее зачеркнуто:* этак

153 *Далее зачеркнуто:* погуляешь

154 *Далее зачеркнуто:* еще

155 *В рукописи:* спистил

156 *я вписано*

157 *Далее зачеркнуто:* вот

158 *Далее зачеркнуто:* что

159 *Вместо:* если⟨?⟩ — *было:* чем хочешь буду клясться. [Дама]

160 *Далее зачеркнуто:* совершенно

161 *Вместо:* до одной — *было:* совершенно

162 *В рукописи:* было

163 *Далее зачеркнуто:* брат, совершенно

164 *Так в рукописи.*

поги, все перешло¹⁶⁵. Так что если б к счастью¹⁶⁶ Осип не догадался припрятать моей новой пары платья, которой¹⁶⁷ сделал мне Руч перед выездом, то я бы не знаю, как я бы показался¹⁶⁸ Батюшке. Во фраке у меня¹⁶⁹ осталась красенькая бумажка, и на прогоны стало мне всего доехать только до этого городка, из которого теперь пишу к тебе, да один раз только заплатить за обед. Тут я прожил больше чем полторы недели и задолжал страшно. Так уж трактирщик, брат, мне даже ничего есть не давал, и хозяин грозил жаловаться и посадить меня в тюрьму. Но вместо того, братец, все вышло противоположным манером. Городничий и все жители здешнего города сей час предложили мне свои услуги. Экипаж, и все это с таким добродушием. Меня возили и по разным Богоугодным заведениям, и везде¹⁷⁰ и чорт знает чего ни показывали. Я уж даже и не помню. И на другой день представлялись мне все в Мундирах. Они, я думаю, почли меня за Военного Генерал-Губернатора. — Я-таки им с своей стороны подпустил пыли порядочной...¹⁷¹ Городничий сам хотя и дурак, но предобрейший человек, с добродушием и гостеприимством патриархальным. Я живу теперь у них в доме, и знаешь, какая у него жена и дочка, братец! Просто прелесть, брат(ец). Ты бы сам позавидовал счастью. Я за ними ухаживаю и довольно успешно, только не выбрал еще за которою... Я думаю,¹⁷² впрочем, что лучше за Матушк(ою)¹⁷³. Дочка еще неизвестно, знаешь, все как-то доступ труднее. А Матушка кажется такая, что сию минуту готова в тебя влюбиться, и я надеюсь, если не сегодня, то завтра, поставить Городничему препорядочные рога..... А как, душа моя Тряпичкин, здесь на деньги все щедры. Такого добродушия я нигде не видал.

Я¹⁷⁴ не могу тебе сказать, когда я¹⁷⁵ выеду отсюда. Мне очень нравится здешняя жизнь.¹⁷⁶

---

165 не только деньги ~ все перешло вписано в нижней части того же листа (л. 25а об.), место вставки не указано

166 к счастью вписано

167 Так в рукописи.

168 Далее зачеркнуто: моему

169 у меня вписано

170 Далее зачеркнуто: и на другой день все представлялись мне в Мундирах

171 Меня возили ~ пыли порядочной... вписано в нижней части того же листа (л. 25а об.) без указания места вставки. После: пыли порядочной... — здесь же начато: [Там] Ты там помещаеш

172 Далее зачеркнуто: что к дочке все-таки труднее, еще дольше

173 В рукописи: за Матушку

174 Далее зачеркнуто: не знаю

175 я вписано

176 Я [не знаю] не могу ~ жизнь. вписано в нижней части того же листа (л. 25а об.), место вставки не указано.

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ (АК1)¹

⟨Л. 2/1.⟩ РЕВИЗОР

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

⟨Л. без паг./1 об.⟩ Действующие лица

Антон Антонович Сквозник-Прочуханский²
Городничий.

Анна Андреевна, Жена его.

Марья Антоновна, дочь его.³

Аммос Федорович Припекаев⁴, Судья.

Артемий Филипович Ляпкин-Тяпкин⁵, Попечитель
Богоугодных Заведений.

Лука Лукич Земленика, Директор Училищ.⁶

Иван Кузмич Пекин⁷, Почтмейстер.

Петр Иванович Добчинский }
Петр Иванович Бобчинский } Городские помещики

Иван Александрович Хлестаков, Чиновник из
Петербурга.

---

¹ Печатается по нижнему (писарскому) слою. Последующие исправления приводятся под строкой, с указанием в скобках римскими цифрами слоя правки (I, II, III, IV). Отсутствие цифры означает, что в этом случае правка не поддается безошибочному расслоению.

² Вместо: Сквозник-Прочуханский — стало: Сквозник-Дмухановский (II)

³ Далее вписано: Лука Лукич Хлопов, смотритель Училищ (II)

⁴ Стало: Ляпкин-Тяпкин (II)

⁵ Вместо: Ляпкин-Тяпкин — стало: Земленика (II)

⁶ Лука Лукич Земленика, Директор Училищ. зачеркнуто (II)

⁷ Стало: Шпекин (I)

О с и п, слуга его.

Х р и с т и я н И в а н о в и ч Г и б н е р, У е з д н ы й Л е к а р ь.

Ф е д о р А н д р е е в и ч Л ю л ю к о в

И в а н Л а з а р е в и ч Р а с т а к о в с к и й

С т е п а н И в а н о в и ч К о р о б к и н

И л ь я И л ь и ч П о г о н я е в⁸

} отставные Чинов-
ники, Почетные
лица в городе.

И г н а т и й И л ь и ч У х о в е р т о в, Ч а с т н ы й П р и с т а в.

Квартальные⁹ { С в и с т у н о в
П у г о в и ц и н
К н у т¹⁰
Д е р ж и м о р д а¹¹

М о к р и н а И в а н о в а, У н т е р - о ф и ц е р с к а я в д о в а.¹²

Ф е в р о н ь я П е т р о в а П а ш л е п к и н а, С л е с а р ш а.

М и ш к а, слуга Городничего.

С л у г а т р а к т и р н ы й.

Г о с т и¹³, купцы, мещане, просители.

---

⁸ Илья Ильич Погоняев *зачеркнуто* (I)

⁹ *Стало*: Полицейские (I)

¹⁰ *Стало*: а. Иконописцев; б. Слова нет (II)

¹¹ *Далее вписано*: Авдулин, Купец (II)

¹² Мокрина Иванова, Унтер-офицерская вдова. *зачеркнуто* (II)

¹³ *Стало*: Гости и Гости (II)

⟨Л. 3/2.⟩ Действие I-е.

Комната в доме Городничего.

Явление I-е.

Городничий. Попечитель Богоугодных Заведений. Смотритель Училищ. Судья. Частный Пристав. Лекарь. Два Квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа... вот и Артемия Филиповича, и Аммоса Федоровича, Луку Лукича и Христиана Ивановича¹⁴ с тем, чтобы сообщить вам одно пренеприятное известие. Меня уведомяют, что отправился инкогнито из Петербурга чиновник с секретным предписанием обревизовать в нашей Губернии все относящееся по части Гражданского Управления.

Аммос Федорович. Что вы говорите? Чиновник инкогнито?¹⁵

Артемий Филипович (в испуге). Из Петербурга с секретным предписанием?¹⁶

Лука Лукич.¹⁷ Обревизовать Гражданское устройство?¹⁸

Городничий. Я признаюсь вам откровенно, что я очень потревожился... Я как будто предчув⟨Л. 4/2 об.⟩ствовал: сего дня вовсе¹⁹ мне всю ночь снились какие-то собаки. Право, какие-то этакие необыкновенные собаки, черные, не борзые, однако ж и не лягавые²⁰, пришли, понюхали и пошли прочь. Вот я вам прочту

¹⁴ вот и Артемия Филиповича ~ и Христиана Ивановича *зачеркнуто* (I)

¹⁵ *Вместо:* Чиновник инкогнито? — *стало:* Из Петербурга? (I)

¹⁶ *Вместо:* Из Петербурга с секретным предписанием? — *стало:* С секретным предписанием? (I)

¹⁷ *Далее вписано:* (в испуге) (I)

¹⁸ *Вместо:* Обревизовать Гражданское устройство? — *стало:* Инкогнито? (I)

¹⁹ *вовсе зачеркнуто* (I; возможно, было написано писарем по ошибке — в первой черновой редакции: во сне)

²⁰ *Вместо:* какие-то собаки ~ и не лягавые — *стало:* какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины (I)

письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Пшекина²¹, которого вы, Артемий Филипович, знаете. Вот что он пишет: “Любезный друг, кум и благодетель” (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*)... “и уведомить тебя”. А! вот:²² “Спешу между прочим уведомить тебя, что приехал Чиновник с предписанием осмотреть всю Губернию и особенно наш уезд. Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он больше²³ представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умной и не любишь пропускать того, что плывет в руки, то советую тебе взять предосторожность и поудержаться на время от прибыточной²⁴ стрижки, как называешь ты взносы со стороны просителей и непросителей, ибо он может *⟨Л. 5/3.⟩* приехать во всякой час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я”, ну тут уж пошли дела семейные: “сестра Анна Кириловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кирилович очень потолстел и все играет на скрипке”, и прочее, и прочее... Так вот какое обстоятельство. Я что, каких вы мыслей об этом, господа?²⁵

Артемий Филипович. Я думаю, что это просто скверно.²⁶

Аммос Федорович. В самом деле чрезвычайное происшествие.

Лука Лукич. Скажите пожалуста, Антон Антонович, отчего это. Зачем это²⁷ к нам Ревизор? Веть наш город уж, кажется, так далеко ото всего, что об нем бы и заботиться нечего.

Городничий (*испуская вздох*). Говорите же вы! До сегодняшнего дни Бог миловал. Случалось, правда, по газетам слышать, что в таком-то месте того-то посадили за взятки, того-то отдали в суд за потворство и воровство или за подлог, но все это случалось, благодарение Богу, в других местах; а к нам до сих пор никто²⁸ и никаких ревизовок не было.

⟨Л. 6/3 об.⟩ Аммос Федорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это зна-

---

²¹ Стало: Чмыхова (I)

²² Далее вписано карандашом: (читает) (III)

²³ больше зачеркнуто (I)

²⁴ Стало: легкой

²⁵ Я что ~ господа? зачеркнуто

²⁶ Артемий Филипович. Я думаю, что это просто скверно. зачеркнуто

²⁷ Вместо: Зачем это — стало: Зачем же

²⁸ Так в рукописи. Стало: никто не приезжал

чит, Россия хочет вести войну с Турками или с Австрийцами²⁹, и потому Министерия нарочно отправляет чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Г о р о д н и ч и й. Из ваших слов видеть можно, что и умный человек может ошибиться. Куда нашему уездному городишке! другое дело, есть ли бы он был пограничным, тогда бы еще было так и сяк, но будучи в такой глуши, чорт знает где, двадцать тысяч верст, я думаю, будет от Туреции или Австрии.³⁰

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Нет, я вам скажу: начальство имеет тонкие виды. Даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Г о р о д н и ч и й. Ну теперь и нам нужно поостеречься. По крайней мере я сделал свое дело и нарочно собрал вас объявить вам об этой новости, дабы вы могли хорошенько обдумать, что и как вам нужно поступать. Я с своей стороны почитаю не(Л. 7/4)обходимым сообщить вам кое-какие замечания. Я уже по своей части, то есть в отношении устройства Городового и Полиции, сделал приказание, советую тоже поступить.³¹ Особенно вам, Артемий Филипович. Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам Богоугодные заведения и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично, колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему в будни, и там, как следует, надписать пред каждою кроватью по латыне или на каком другом языке... как признается нужно. Это уж по вашей части, Христиан Иванович, всякую болезнь, и когда кто заболел, которого дня и числа, как найдете лучше. Но вообще я должен заметить, что нехорошо, если больных слишком много. Лучше, если их меньше, потому что это тотчас отнесут или к дурному смотрению, или к неискусству врача.

А р т е м и й Ф и л и п о в и ч.³² Мы уж с Христианом Ивановичем так распорядились на счет этот, как нужно. Да и в самом деле,

---

²⁹ с Турками или с Австрийцами *зачеркнуто*

³⁰ *Вместо:* Из ваших слов видеть можно ~ от Туреции или Австрии. — *стало:* Нет, Аммос Федорович. Вы, хоть и ученый человек, но [не с той точки смотрите...] не туда попали... Где нашему уездному городишке. Если бы он был пограничным, еще бы как-нибудь возможно предположить, а то стоит Чорт знает где в глуши. Отсюда хоть три года едь, ни до какого государства не доедешь (слова: хоть три года едь — *вписаны на полях; причем первоначально Гоголь написал на полях: отсюда хоть три года едь, но затем зачеркнул слово отсюда, так как оно было в тексте*)

³¹ *Вместо:* Ну теперь и нам ~ поступить. — *стало:* Нет, нет. Об этом и толковать нечего. Я, Господа, собрал вас нарочно... По своей части [я [сделал] кое-как распоряди(лся), советую и вам то(же)], то есть в отношении устройства Городового и Полиции, я уже кое-как распорядился. Советую и вам так же поступить. (I)

³² *Далее вписано:* О, у нас больные долго не залеживаются (I)

зачем убыточиться и выписывать дорогие лекарства для какого-нибудь инвалида. Человек простой: если (Л. 8/4 об.) умрет, то и так умрет, если выздоровеет, то и так выздоровеет, притом и Христиану Ивановичу очень затруднительно бы было с ними изъясняться, потому что он не знает по-Русски. Лучше же сберегу я казенной интерес и уменьшением расходов увеличу сумму. Тогда и Начальство, видя мое усердие, без сомнения представит меня к ордену³³ в поощрение прочим (обращаясь к Христиану Ивановичу), то есть я разумею, что при этом и вам будет какое-нибудь благоволение.

Х р и с т и а н И в а н о в и ч (издает звук, отчасти похожий на букву и несколько.)³⁴

Г о р о д н и ч и й. Ну как знаете. Теперь я вам³⁵ тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с малинькими гусятами, которые так и шныряют под ногами. Оно конечно домашним хозяйством заводиться всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал. Также этот народ имеет (Л. 9/5.) обыкновение — развешивать на дверях для сушки свои онучки и листья табаку, называемого бакуном. Оно, конечно, делается для того, чтобы высушить, но я несколько раз хотел вам заметить, что воздух в присутственных местах очень густ... Кроме того дурно, что висит у вас в самом присутствии охотничий арапник и рог, конечно, я знаю, вы любите охоту, но все, знаете, на время его лучше принять, а там, как проедет Ревизор, так вы опять его можете повесить. Также Подсудок ваш, он, может быть, очень хороший человек и сведущий в своем деле, но от него, знаете, такой запах, как будто бы он только что вышел из винокуренного завода. Это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, развлечен чем-то. Есть этикие средства, которые могут это несколько поправить.³⁶ Можно ему посоветовать есть лук или чеснок или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными средствами или медикаментами Христиан Иванович.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Нет, этого уже невозможно выгнать. Впрочем, это у него уж природный запах, он говорит, что как-

---

³³ Вместо: к ордену — стало: к отличию (I)

³⁴ Так в рукописи.

³⁵ Вместо: Ну как знаете. Теперь я вам — стало: Вам (I)

³⁶ Далее вписано: если уже это действительно, как он говорит, что у него природный запах (I; слово что вписано в уже вписанные слова)

то его в детстве мамка его³⁷ ушибла и с того времени отдает от него совершенно как водкою.³⁸

⟨Л. 10/5 об.⟩ Г о р о д н и ч и й. Да я так только заметил вам. Нащет³⁹ внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать, да и странно говорить, потому что нет человека, которой бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого говорят.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Как же вы говорите, Антон Антонович, грешки?⁴⁰ Грешки грешкам рознь. У меня есть ли есть грешки, то самые невинные! Ветъ я, как вам известно, беру взятки борзыми щенками.

Г о р о д н и ч и й. Ну, щенками или чем другим, все взятки.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Э, нет, Антон Антонович, это совсем не то. Вот у вас, например, шуба стоит пять сот рублей, да...

Г о р о д н и ч и й. Ну а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками! зато вы в Бога не веруете; вы в Церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в вере тверд и каждое воскресенье бываю ⟨Л. 11/6.⟩ в Церкви. А вы... я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, то просто волосы дыбом поднимаются.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Да ветъ сам собою дошел, собственным умом.

Г о р о д н и ч и й. Ну в этом случае Бог знает. Ежели слишком много ума, то бывает иной раз хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а оно вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так как Смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно на счет учителей: они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных Коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием. Один из них, например вот этот, как его⁴¹, что имеет очень⁴² толстое лицо...

---

³⁷ Так в рукописи.

³⁸ Вместо: Впрочем, это ~ водкою. — стало: [Кто его] [Бо(г?)] Кто его знает, он говорит точно, что как-то в детстве мамка его ушибла и с того времени от него [не(много?)] отдает немного водкою. (I)

³⁹ Вместо: Нащет — стало: Нащет же (I)

⁴⁰ Вместо: Как же вы говорите ~ грешки? — стало: Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? (I) Впоследствии вся реплика Аммоса Федоровича заменена одной фразой: Я беру взятки борзыми щенками (III)

⁴¹ как его зачеркнуто (I)

⁴² очень зачеркнуто (I)

Не вспомню его фамилию, никак не может обойтись, взошедши на кафедру, чтобы не сделать гримасу. Вот этак (*делает гримасу*), и потом (Л. 12/6 об.) начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего, может быть, оно там и нужно так, я этого не знаю⁴³, но вы посудите сами, если он сделает это посетителю. Это может быть очень худо. Г. Ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого чорт знает что может произойти.⁴⁴ Или тот был, который читает красноречие и риторику, тоже имеет странную привычку. Он, например, читает: “Прекрасное есть, гм, гм, тфу” и плюнет, “изящное, гм, гм, тфу” и плюнет. Оно, конечно, для науки не вредит, но со стороны совершенно другое, и я, признаюсь, когда стоял в классе поблизости, то он мне обчихал весь мундир. Хорошо, что тогда мундир был на мне старой.⁴⁵ То же я должен вам заметить и об учителе по Исторической части. Он ученая голова, это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об Ассириянах и Вавилонянах, еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу (Л. 13/7.) вам сказать, что с ним делалось, я думаю, что пожар, ей Богу, сбежал с кафедры и, что силы есть, хватъ стулом об пол. Оно конечно Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Л у к а Л у к и ч. Да, он горяч, я ему это несколько раз уже замечал... право, я не знаю, что и делать. Разве его привязать немного к столу.⁴⁶

Г о р о д н и ч и й. Ну, пожалуй, можно и привязать, только нужно так, чтоб это не было заметно.⁴⁷ Да, таков⁴⁸ уже неизъяснимый закон Судеб, что умный человек или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть Святых выноси.

Л у к а Л у к и ч. Эко, право, хлопотливое дело.

Г о р о д н и ч и й. Это бы еще ничего хлопоты, худо, что не знаешь, с которой стороны ожидать его; когда и в какое время. Вдруг заглядывает: “А кто здесь?” Ан тут мы, голубчики.⁴⁹ “А кто⁵⁰ в Богоугод-

⁴³ Вместо: я этого не знаю — стало: об этом я не могу судить (I)

⁴⁴ Далее карандашом на нижнем поле вписано: Л у к а Л у к и ч. Ах Боже мой, у меня это совсем из ума вышло. Городничий (II)

⁴⁵ Или тот был ~ на мне старой. зачеркнуто (I)

⁴⁶ Вместо: что и делать ~ к столу. — стало: что и делать с ним... (I)

⁴⁷ Ну, пожалуй, можно ~ заметно. зачеркнуто (I)

⁴⁸ Вместо: Да, таков — стало: Да. Таков (I)

⁴⁹ Вместо: “А кто здесь?” Ан тут мы, голубчики. — стало: А, вы здесь, голубчики! (I)

⁵⁰ Далее вписано: скажет (I)

ном заведении начальник?» — “Ляпкин-Тяпкин”.⁵¹ — “А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!⁵² а кто здесь⁵³ смотритель училищ?» — “Земленика”⁵⁴. — “А подайте сюда Земленику!⁵⁵” Вот что худо.

⟨Л. 14/7 об.⟩ Явление II.

Т е ж е и Почтмейстер.

Г о р о д н и ч и й. Здравствуйте, Иван Кузмич! я нарочно послал за вами, чтобы сообщить вам очень важную новость.

П о ч т м е й с т е р. Я слышал уже от Петра Ивановича Бобчинского. Он был у меня сего дня⁵⁶ в Почтовой Конторе.

Г о р о д н и ч и й. Ну что, как вы думаете об этом?

П о ч т м е й с т е р. А что думаю: война с Турками будет.⁵⁷

Г о р о д н и ч и й. Нет, нет, совсем не то.

П о ч т м е й с т е р. Право, война с Турками. Это все Французы гадят⁵⁸.

Г о р о д н и ч и й. Какая тут война с Турками! где тут Турки? тут просто нам плохо будет, а не Туркам. Это уже известно: меня уведомляет достоверный человек, что именно едет чиновник с тем, чтобы осмотреть в нашем городе все Гражданское устойство.

⟨Л. 15/8.⟩ П о ч т м е й с т е р. А может быть, очень может быть, и это правда.

Г о р о д н и ч и й. Ну как вы, Иван Кузмич, а меня даже немного по коже подирает.

П о ч т м е й с т е р. Да я и сам чувствую небольшую как будто лихорадку, а вы боитесь?⁵⁹

Г о р о д н и ч и й. Чего ж бояться! боязни нет, а так как-то неловко, чорт знает, как неловко. Я, признаться сказать, уж слишком

---

⁵¹ В писарской копии здесь было оставлено место для фамилии; впоследствии вписана рукой Гоголя (I).

⁵² В писарской копии здесь было оставлено место для фамилии; впоследствии вписана рукой Гоголя (I).

⁵³ здесь зачеркнуто (I)

⁵⁴ В писарской копии здесь было оставлено место для фамилии; впоследствии вписана рукой Гоголя (I).

⁵⁵ В писарской копии здесь было оставлено место для фамилии; впоследствии вписана рукой Гоголя (I).

⁵⁶ Вместо: был у меня сего дня — стало: а. только что был у меня (I); б. был у меня (III)
⁵⁷ Далее вписано на полях: А м м о с Ф е д о р о в и ч. В одно слово! Я сам то же думал (I)

⁵⁸ Вместо: Французы гадят — стало: Француз гадит (I)

⁵⁹ Вместо: чувствую небольшую как будто лихорадку, а вы боитесь? — стало: чувствую... а вы очень боитесь? (I)

подстриг здешнее купечество и гражданство, так что вряд ли и ножицы такие в свете найдутся, которые бы могли еще что-нибудь захватить, на меня-то они все теперь... так вот бы съели, попадись я только им.⁶⁰ Пожалуйте сюда, Иван Кузьмич, я вам кое-что скажу (*отводит его в сторону*). Вот в чем дело, может быть, он, если не приехал, то находится близко отсюда. Я, признаюсь вам, имею основательные причины думать, не жаловался ли кто-нибудь на меня. Отчего ж такая напасть на наш город? да притом еще инкогнито? чорт знает что такое инкогнито. Ведь начальство же есть в городе, к чему ж тут инкогнито. Так вам нужно, Иван Кузьмич, (Л. 16/8 об.) для общей нашей пользы всякое письмо, которое прибывает к вам в Почтовую Контору, входящие и исходящие, знаете, этак немножко распечатать и прочитать, не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать. Для этого снять как-нибудь из глины слепок, или даже можно и так отдать письмо, распечатанное.

П о ч т м е й с т е р. Об этом не беспокойтесь.⁶¹ Я это делаю всегда⁶² и без того, не то чтобы из предосторожности, а больше из любопытства. Я⁶³, признаюсь, очень люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это весьма интересное чтение. Ей Богу! иное письмо с большим удовольствием прочтешь: так хорошо описываются разные этакие пассажи... назидательные даже. Ей Богу! гораздо лучше, нежели в “Московских ведомостях”. А вы никогда не читали?

Г о р о д н и ч и й. Нет, не читал; я однако ж рад, что вы это делаете. Это в жизни хорошо. Скажите: там вы до сих пор ничего не начитывали⁶⁴ о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

П о ч т м е й с т е р. О Петербургских ничего нет, а о Костром(Л. 17/9.)ских и Саратовских много говорится. Жаль однако ж, что вы никогда не читали писем. Есть прекрасные места. Вот недавно читал я: один Поручик пишет к одному приятелю своему и описал бал и жизнь свою с таким искусством... Очень хорошо. “Барышень, говорит, много, музыка играет, штандар скачет”, с большим, с боль-

---

⁶⁰ *Вместо:* Чего ж бояться ~ попадись я только им. — *стало:* боязни-то нет, но купечество и гражданство... Я [им, признаюсь, несколько солоно пришелся] [признаюсь, несколько солоно им пришелся], признаюсь, им несколько солоно пришелся [так что после меня уж вряд ли кто чем-нибудь с них поживится]. Они, я знаю, [на меня] теперь [так], как коршуны, готовы [в пух всего растрепать] [меня] в щепки меня всего растрепать, [так что перья только] только перья полетят во все стороны (II)

⁶¹ *Вместо:* Об этом не беспокойтесь. — *стало:* а. Понимаю; б. Знаю, знаю... (I)

⁶² всегда *зачеркнуто* (I)

⁶³ *Стало:* ибо (I)

⁶⁴ *Вместо:* не начитывали — *стало:* не встречали (III)

шим чувством описал. Вот, если хотите, я вам дам его прочесть. Я нарочно оставил его у себя.

Городничий. Покорнейше благодарю. Теперь, ей Богу, мне не до того. Так сделайте милость, Иван Кузмич, как только получите какое-нибудь известие, сей час ко мне; также если какая-нибудь жалоба или донесение, то задержите⁶⁵.

Почтмейстер. С удовольствием.⁶⁶

Аммос Федорович. Эка в самом деле какое печальное, непредвиденное известие, а я, признаюсь, шел было к вам, Антон Антонович, с тем, чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра этому кобелю, которого вы знаете. У меня теперь завели тяжбу два помещика-соседа, и я теперь могу травить зайцев на землях и у того и у другого.

⟨Л. 18/9 об.⟩ Городничий. Бог с ними теперь со всякими зайцами. У меня, право, в ухе так, как будто бы сверчок.⁶⁷ Так, право⁶⁸, и ожидаешь, что вдруг отворятся двери и войдет он сам⁶⁹.

Явление III.

Те же, Бобчинский и Добчинский, оба входят, запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное ух. ух. ух⁷⁰... происшествие.

Добчинский. Неожданное изве... ух, ух... есье⁷¹.

Все. Что, что такое?⁷²

Добчинский. Непредвиденное дело. Приходим в гостиницу...

Бобчинский (перебивая). Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу.

---

⁶⁵ Вместо: сей час ко мне ~ задержите — стало: то сей же час его ко мне; а если жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте

⁶⁶ Вместо: Почтмейстер. С удовольствием. — стало: а. Почтмейстер. С большим удовольствием (I); б. Почтмейстер. С большим удовольствием. [Ам(мос) Ф(едорович). Смотрите, достанется] ⟨Почтмейстер.⟩ Ах, Боже мой! Городничий. Ничего, ничего, не бойтесь. Что ж, ведь это дело семейственное [другое дело], совсем другое, если бы вы из этого сделали какое-нибудь публичное дело. (II; реплики Аммоса Федоровича и городничего вписаны на полях без обозначения места вставки, вторая реплика почтмейстера вписана над первой без обозначения места вставки)

⁶⁷ Далее вписано на полях: а. Все бы ничего, худо, что Инкогнито, канальство. Вот что худо (I); б. канальство зачеркнуто (III)

⁶⁸ право зачеркнуто (I)

⁶⁹ Вместо: войдет он сам — стало: войдет... (I)

⁷⁰ Вместо: ух. ух. ух — стало: а. ух. ух (I); б. Слов нет (II)

⁷¹ Вместо: изве... ух, ух... есье — стало: известье (II)

⁷² Вместо: Все. Что, что такое? — стало: Городничий. Что такое? (III)

Д о б ч и н с к и й. Э, позвольте, Петр Иванович, я расскажу.

Б о б ч и н с к и й. Э, нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте, вы уж и слога такого не имеете...

Д о б ч и н с к и й. А вы не помните всех обстоятельств, вы сей час собьетесь.

(Л. 19/10.) Б о б ч и н с к и й. Э, нет, помню, помню. Ей Богу, помню, уж не мешайте, пусть я расскажу!⁷³

Г о р о д н и ч и й. Да что такое, говорите ради Бога, что такое.⁷⁴ Садитесь, Господа, сделайте милость, садитесь, возьмите стулья, пожалуста, садитесь. Петр Иванович, вот вам стул. (Все, усаживаясь вокруг обеих⁷⁵ Петров Ивановичей.) Ну что такое?

Б о б ч и н с к и й. Позвольте, я сей час по порядку: как только вышел я от вас... Э, не мешайте, Петр Иванович, не говорите уж ничего, сделайте милость; я уж сам знаю. Как только вышел я от вас, то побежал тотчас к Коробкину, а не заставши Коробкина дома, побежал⁷⁶ к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузмичу, чтобы сообщить ему эту⁷⁷ новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем.

Д о б ч и н с к и й. Возле бутки, где продаются пироги.

Б о б ч и н с к и й. Возле бутки, где продаются пироги. Слышали ли вы, говорю я Петру Ивановичу, о той новости, которую получил Антон Антонович из достоверного письма? А Петр Иванович уже услышали об этом (Л. 20/10 об.) от ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю зачем-то, была послана к Филипу Антиповичу Мартоплясу⁷⁸.

Д о б ч и н с к и й. За боченками для Французской водки.

Б о б ч и н с к и й. За боченками для Французской водки. Вот мы пошли с Петром Ивановичем к Мартоплясу⁷⁹. Э, сделайте одолжение, Петр Иванович, не перебивайте, пожалуста, не перебивайте. Пошли к Мартоплясу⁸⁰, да на дороге Петр Иванович говорит мне: "Сегодня, я знаю, привезли в трактир свежей семги, так пойдем, закусим". Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек.

---

⁷³ Далее вписано: Не мешайте! Скажите, Господа, сделайте милос(т)ь, чтобы Петр Ив(анович) не мешал. (I)

⁷⁴ Далее вписано: У меня сердце так и бьется (I)

⁷⁵ Так в рукописи.

⁷⁶ Стало: заворотил (I)

⁷⁷ Стало: полученную вами (I)

⁷⁸ Стало: Погоняеву (I)

⁷⁹ Стало: Погоняеву (I)

⁸⁰ Стало: Погоняеву (I)

Д о б ч и н с к и й. Недурной наружности, в партикулярном платье⁸¹, ходит по комнате, и в лице такое рассуждение и физиономия, такие важные поступки и так здесь (*вертит рукою около лба*) много, много всего. Я так как будто предчувствовал и говорю себе: “Здесь что-нибудь да недаром”. А Петр Иванович тотчас мигнули пальцем и подозвали трактирщика, трактирщика Власа... У него жена три недели назад тому родила, и такой хороший мальчик, большие подает надежды и со временем так же, как отец, будет содержать трактир. (Л. 21/11.) Подозвавши Власа, Петр Иванович спросил потихоньку: “Кто такой этот молодой человек?” А Влас говорит: “Это” говорит... Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуста, не перебивайте; вы не расскажете, ей Богу, не расскажете, вы немного шипелете, у вас один зуб с свистом... что этот молодой человек, чиновник, едущий из Петербурга, Иван Александрович Перепелкин⁸², и что чрезвычайно странно себя аттестует: больше полторы недели живет, дальше не едет, берет все на бор, денег совсем не плотит. Меня в одну минуту вразумило⁸³. “Э” говорю я Петру Ивановичу.

Д о б ч и н с к и й. Нет, Петр Иванович, это я сказал: “Э”.

Б о б ч и н с к и й. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. “Э” сказали мы с Петром Ивановичем “с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит Бог знает куды: в Саратовскую губернию в город Белебей⁸⁴?” Это, верно, не кто другой, как самый тот чиновник.

Г о р о д н и ч и й.⁸⁵ Что вы говорите? не может быть (*придвигает поближе стул*), это⁸⁶ вам так показалось. Это кто-нибудь другой.

(Л. 22/11 об.) Д о б ч и н с к и й. Помилуйте, как не он! и денег не плотит, и не едет, кому же бы быть, как не ему, и с какой стати жил бы он здесь, когда ему прописана подорожная в Саратов.

Б о б ч и н с к и й. Он, он, ей Богу, он. Я ставлю Бог знает что... такой наблюдательной: все обсмотрел, и по углам везде, и даже заглянул в тарелки к нам⁸⁷, полюбопытствовать, что едим. Такой осмрительной, что Боже сохрани.

---

⁸¹ Вместо: Д о б ч и н с к и й. Недурной наружности, в партикулярном платье — стало: Д о б ч и н с к и й. Недурной наружности, в партикулярном платье... Б о б ч и н с к и й. Недурной наружности, в партикулярном платье (I)

⁸² Стало: Хлестаков, а едет в Саратовскую Губернию (I)

⁸³ Стало: так и вразумило (I)

⁸⁴ в город Белебей *зачеркнуто* (I)

⁸⁵ Далее вписано: (испугавшись) (III)

⁸⁶ Стало: Да нет, это (I)

⁸⁷ Вместо: в тарелки к нам — стало: [на] в наши тарелки (I)

Г о р о д н и ч и й. И он там в гостинице до сих пор?⁸⁸

Д о б ч и н с к и й. В 5 № над лестницей.

Б о б ч и н с к и й. В том самом номере, где прошлого года под-
рались приезжие офицеры.

Г о р о д н и ч и й. И давно живет?⁸⁹

Д о б ч и н с к и й. Уж будет полторы недели. Приехал на Васи-
лья Египтянина.

Г о р о д н и ч и й. Полторы недели! что вы! (*в сторону*) ай, ай,
ай (*почесывая ухо*), в эти полторы недели высечена офицерская же-
на, ай, ай, ай!⁹⁰ в эти полторы недели арестантам никакой провизии
не выдавали, о Боже мой, Боже мой, на улицах кабаки и нечистота, о
Боже мой, Боже мой...

⟨Л. 23/12.⟩ А р т е м и й Ф и л и п о в и ч. Мне кажется, Ан-
тон Антонович, нам теперь поскорей одеться в мундиры и сей же час
ехать прямо к нему в гостиницу.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Нет,⁹¹ нужно больше парад. Нуж-
но пригласить купечество, вперед пустить голову: он человек видной,
недурно бы тоже и священство. Это имеет глубокое и тайное значе-
ние, вот и в книге: Деяния Иоанна Массона...

Г о р о д н и ч и й. Нет, нет, позвольте уж мне самому это обделать.
(*Обращаясь к Бобчинскому.*) Вы говорите, что он человек молодой?

Б о б ч и н с к и й. Молодой, лет 23 или четырех с небольшим.

Г о р о д н и ч и й. Ну это хорошо, что молодой человек, мы вот
как сделаем. Вы теперь приготовляйтесь каждый по своей части на
скоро, что можете к принятию, а я отправлюсь сам или вот хоть с Пе-
тром Ивановичем, приватно, так как бы просто для прогулки, или⁹²
будто бы наведаться, не терпят ли проезжающие каких-нибудь недо-
статков или неприятностей в гостинице⁹³. А вам советую сей же час
⟨Л. 24/12 об.⟩ воспользоваться временем. Ей, Свистунов.

С в и с т у н о в. Что угодно?

Г о р о д н и ч и й. Ступай сей час за Частным Приставом, или
нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поско-
рее ко мне Частного Пристава, и приходи сюда.

(*Квартальный бежит впопыхах.*)

---

⁸⁸ *Вместо:* И он там в гостинице до сих пор? — *стало:* Ах Боже мой! помилуй нас грешных, и где ж он там живет. (I)

⁸⁹ *Стало:* уже он здесь (I)

⁹⁰ *Далее вписано:* Ах Боже мой, Боже мой

⁹¹ *Стало:* Я думаю, Антон Антонович, что

⁹² *или зачеркнуто*

⁹³ *в гостинице зачеркнуто*

Артеми́й Филипович. Идем, идем, Аммос Федорович. В самом деле может случиться беда.

Аммос Федорович. Да вам-то еще ничего. У вас ведь все в исправности.

Артеми́й Филипович. Кой чорт в исправности! Плохо, чрезвычайно плохо.⁹⁴

(Судья, Попечитель Бог(оугодных) зав(едений), Смотритель Уч(илищ) и Почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимся Квартальным.)

Явление IV.

Городничий, Бобчинский, Добчинский
и Квартальной.

Городничий. Что, дрожки там стоят?

Квартальной. Стоят.

⟨Л. 25/13.⟩ Городничий. Ступай на улицу... или нет, постой, ступай принеси⁹⁵... да другие-то где? неужели ты только один здесь. Ведь я приказывал, чтобы и Кнут⁹⁶ был здесь. Где Кнут⁹⁷?

Квартальной. Кнут⁹⁸ в частном доме, да только к делу не может быть употреблен.

Городничий. Как так?

Квартальной. Да так: привезли его по утру мертвецки, вот уж два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий. Ах Боже мой, Боже мой! ступай скорее на улицу, или нет, беги прежде в комнату, слышь, и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петр Иванович, поедем.

Бобчинский. И я, и я, позвольте и мне, Антон Антонович.

Городничий. Нет, нет, Петр Иванович, нельзя, втроем не годится⁹⁹, да и в дрожки не поместимся.

Бобчинский. Ничего, ничего: я так, петушком, петушком побегу за дрожками. Мне так только посмотреть в щелочку, ⟨Л. 26/13 об.⟩ так, знаете, из дверей только увидеть, как там он едак... Больше сущность и поступки его, а я ничего.

---

⁹⁴ Далее вписано: Для Больных сегодня и на кухне ничего не готовилось.

⁹⁵ Стало: скажи (III)

⁹⁶ Стало: Прохоров (II)

⁹⁷ Стало: Прохоров (II)

⁹⁸ Стало: Прохоров (II)

⁹⁹ Вместо: втроем не годится — стало: нельзя! неловко (I)

Городничий (*принимая шпагу, к Квартальному*). Беги сей час, займи¹⁰⁰ десятских, да пусть каждый из них возмет... эх шпага как исцарапалась, проклятой купчишка Авдулин, видит, что у Городничего старая шпага, не прислал новой. О, лукавой народ, а так, мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят, пусть каждый возмет в руки по улице, чорт возми, по улице, по метле, и вымели бы всю улицу, что идет к трактиру, и вымели бы начисто. Слышишь. Да смотри: ты, ты... Я знаю тебя. Ты там кумаешься да крадешь в ботфорты серебряные ложечки, смотри у меня ухо остро... что ты сделал с купцом Черняевым, а? он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Ты, дурак, с меня примера не бери! ступай!

Явление V.

Те же и частный Пристав.

Городничий. А, Степан Ильич, скажите Бога ради, куда вы запропалились. На что это похоже?

(Л. 27/14.) Частный Пристав. Я был тут сей час за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич, вам теперь нужно все уж¹⁰¹ прежнее бросить. Ведь Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Частный Пристав. Да так, как приказывали. Квартального Пуговицина я послал с десятскими подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

Частный Пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе.

Городничий. А Кнут¹⁰² пьян?

Частный Пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это так допустили?

Частный Пристав. Да Бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте ж, вы сделайте вот что: Квартальный Пуговицин... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да развалить¹⁰³ наскоро старой забор, что возле

---

¹⁰⁰ Так в рукописи.

¹⁰¹ все уж *зачеркнуто* (I)

¹⁰² Стало: Прохоров (II)

¹⁰³ Стало: разметать (I)

сапожника, ⟨Л. 28/14 об.⟩ поставить¹⁰⁴ соломенную веху, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности Градоправителей. Ах Боже мой, Боже мой¹⁰⁵, я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверной город, только где-нибудь поставь какой-нибудь забор или памятник¹⁰⁶, чорт их знает откуда и нанесут всякой дряни. Ох Боже мой, Боже мой (*вздыхает*). Да естли приезжий чиновник будет спрашивать службу: довольны ли¹⁰⁷, чтобы говорили: “Всем довольны, Ваше Благородие”, а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О Боже мой, Боже мой, грешен, во многом грешен (*берет вместо шляпы коробку*), дай только Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил, каждому бестии купцу¹⁰⁸ наложу доставить по три пуда воску. О Боже мой, Боже мой, едем, Петр Иванович! (*Надевает вместо шляпы коробку на голову.*) Едем!

Ч а с т н ы й П р и с т а в. Ваше Высокоблагородие, у вас на голове коробка.

⟨Л. 29/15.⟩ Г о р о д н и ч и й (*бросает ее*). Чорт с ней. Да если спросят, отчего не выстроена Церковь при Богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что началась строиться, но сгорела (я об этом и рапорт представляю¹⁰⁹, что большущий был пожар)¹¹⁰, а то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, скажет¹¹¹, что она и¹¹² совсем не началась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим, я знаю, он¹¹³ имеет обычай для порядка всем ставить фонари под глазами, и правому, и виноватому. Едем, едем, Петр Иванович (*уходит и возвращается*), да не выпускать солдат на улицу без всего: это¹¹⁴ дрянная гарнизана наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

(*Все уходят.*)

---

¹⁰⁴ *Стало:* и поставить (I)

¹⁰⁵ *Боже мой зачеркнуто* (I)

¹⁰⁶ *Вместо:* забор или памятник — *стало:* памятник или просто забор (I)

¹⁰⁷ *Так в рукописи.*

¹⁰⁸ *Вместо:* каждому бестии купцу — *стало:* на каждую бестию купца (I)

¹⁰⁹ *Стало:* представлял (I)

¹¹⁰ *Скобки зачеркнуты.*

¹¹¹ *Стало:* сдуру скажет (I)

¹¹² *и зачеркнуто* (I)

¹¹³ *Вместо:* я знаю, он — *стало:* он, я знаю (I)

¹¹⁴ *Так в рукописи.*

Явление VI.

Анна Андреевна и Марья Антоновна
вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, Боже мой... (Отворяя дверь.) Муж! Антоша! Антон! (говорит скоро) а все ты, а все за тобой, и пошла копать: “Я булабочку, я косынку, я сей час, я сей час...” Вот тебе и “сей час”¹¹⁵. (Подбегает к окну и кричит.) Антон, куда? куда? Что, приехал? Ревизор? Что он, статской? с (Л. 30/15 об.) усами! с какими усами?

Г о л о с   Г о р о д н и ч е г о. После, после, матушка.

Анна Андреевна. После? вот новости, после! я не хочу после... мне только одно слово, что он, Полковник? А? (с пренебрежением) о, глупой!¹¹⁶ уехал,¹¹⁷ постой же ты, проклятой Антошка, дрянь такую надвинул на глупые уши, треугольную свою шляпу, и уезжает со двора, так как будто и не он, а нос, как картофель. Я тебе вспомню это.¹¹⁸ А все¹¹⁹: “Маминька, маминька, погодите, зашпилю сзади косынку, я сей час”. Вот тебе и “сей час”, вот тебе ничего не узнали, а все проклятое кокетство, услышала, что Почтмейстер здесь, и давай перед зеркалом жеманиться, и с той стороны, и с этой стороны подойдет. Воображает, что он за ней волочится, а он просто тебе делает рожу, когда ты отвернешься.

М а р ь я   А н т о н о в н а. Да что делать, маминька, все равно веть чрез 2 часа мы все узнаем.

Анна Андреевна. “Через 2 часа!” покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом. Как ты не догадалась сказать, что через месяц еще лучше можно узнать. (Свешивается в окно.) Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то? А? Генерал.

(Л. 31/16.) Г о л о с   А в д о т ь и. Ей Богу, Сударыня, ничего не услышала.

Анна Андреевна. Глупая какая.

Г о л о с   А в д о т ь и. Подкинулась было к Квартальному, руками только машет, как угорелый.

¹¹⁵ я сей час, я сей час...” Вот тебе и “сей час” зачеркнуто (I)

¹¹⁶ о, глупой! зачеркнуто (I)

¹¹⁷ Стало: уехал! (I)

¹¹⁸ Место: постой же ты ~ Я тебе вспомню это. — стало: а. а нос, как картофель, так и мотается. Я тебе вспомню это.; б. Я тебе вспомню это. А нос, как картофель, так и мотается! (I)

¹¹⁹ Место: А все — стало: а все эта (I)

А н н а А н д р е е в н а. Ну что ж? пусть машет, а ты все бы
таки его расспросила. Не могла этого узнать! в голове чепуха, все же-
нихи сидят. А? что? скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками.
Ступай, ступай сей час. Слышишь, побегу, расспроси, куда поехали.
Да расспроси хорошенько, что за приезжий, какой он, слышишь,
подсмотри в щелку и узнай все, и глаза какие, черные или нет, и сию
же минуту возвращайся назад, слышишь! *(Обе остаются смотря-
щими в окно, занавес опускается.)*

⟨Л. 32/16 об.⟩ Действие II.

⟨Явление I⟩

Маленькая комната в Гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

О с и п (*лежит на барской постеле*). Чорт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы¹. Вот, мать моя ты Божия, не доедем да и только домой.² Что ты прикажешь делать³ второй месяц пошел как из³ Питера,⁴ всего вить треть верст осталось⁵. Профинтил дорогою денежки голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы и очень бы стало на прогоны; нет, вишь ты, нужно в каждом Губернском городе⁶ показать себя: “Ей, Осип, ступай посмотри комнату лучшую, да обед спроси самый лучший, я не могу есть дурнова обеда, мне нужен лучший обед”. Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь Елистратишка простой, вот тебе и дообедался,⁷ с проезжающим знакомится, а потом в картишки и⁸ вот тебе и доигрался.⁹ Эх, надоела такая жизнь. Ей Богу, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; ⟨Л. 33/17.⟩ возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатах, да ешь пироги. Ну кто ж спорит, конечно, если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебе

---

¹ Далее поставлен и зачеркнут восклицательный знак.

² Стало: домой!

³ Вместо: как из — стало: как уже из

⁴ Стало: из Питера!

⁵ В слове всего строчная буква в исправлена на прописную, затем всего вить треть верст осталось зачеркнуто

⁶ в каждом Губернском городе зачеркнуто

⁷ Текст: Осип, ступай ~ дообедался — отчеркнут на полях чернилами; после дообедался поставлен восклицательный знак

⁸ и зачеркнуто

⁹ Стало: доигрался!

танцуют, и все, что хочешь. Разговаривает все на тонкой деликатности, что разве только дворянству не уступить¹⁰; пойдешь на Щукин, купцы тебе кричат: “Почтенной”; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел, ступай в лавочку, там тебе кавалер расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот, как на ладоне, все видишь. Старуха офицерша забредет,¹¹ горничная иной раз заглянет такая, фу! фу! фу! (*Усмехается и вертит головою.*) Растаканье, канальство! Галантерейное, чорт возми, обхождение! невежливое слова никогда не услышишь, всякой тебе говорит “вы”. Наскучило идти — берешь извозчика и сидишь себе как барин, а не хочешь заплатить ему, — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А все он виноват. Что с ним сделаешь? — (Л. 34/17 об.) батюшка пришлет денежки, чем бы их попридерживать, и куда!.. пошел кутить: ездить на извознике, каждый день ты ему доставай в кеятр билет, а там через неделю — глядь, и посылает на толкучий продавать новой фрак, иной раз¹² все до последней рубашки продаст, так что на нем всего останется сертучишка да шинельчонка. Ей Богу, правда! и сукно такое важное, Аглицкое. Рублев полтора ста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать, а о брюках и говорить нечего — нипочем идут, карпетки 10 коп. за пару¹³. А отчего? оттого, что делом не занимаешься: вместо того чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в картишки играет, извозчиков надувает¹⁴. Эх, если б узнал это старой барин, он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почесывался. Коли служить, так служи; вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплотите за прежнее, ну а коли не заплотим? (*Со вздохом.*) Ах, Боже ты мой, хоть бы какие-нибудь (Л. 35/18.) щи. Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится, верно, это он идет.¹⁵ (*Поспешно схватывается с постели.*)

¹⁰ Так в рукописи; вместо: что разве только дворянству не уступить — стало: только дворянству разве уступить

¹¹ Старуха офицерша забредет *зачеркнуто*

¹² Вместо: новой фрак, иной раз — стало: новой фрак. Иной раз

¹³ карпетки 10 коп. за пару *зачеркнуто*

¹⁴ в картишки играет, извозчиков надувает *зачеркнуто*

¹⁵ Вместо: Стучится, верно, это он идет. — стало: Вот уж стучит гусь нижегородский

Явление II.

О с и п и Х л е с т а к о в.¹⁶

Х л е с т а к о в (*ходит по комнате*). Посмотри, там в картузе табаку нет?

О с и п. Да где ж ему быть, табаку, вы еще четвертого дни последнее выкурили.

Х л е с т а к о в (*насвистывает, потом, обращаясь к нему, говорит громким и решительным голосом*). Послушай, эй, Осип!

О с и п. Чего изволите?

Х л е с т а к о в (*громким, но не столь решительным*). Ты ступай туда...

О с и п. Куда?

Х л е с т а к о в (*голосом и решительным¹⁷ и негромким, очень близким к просьбе*). Вниз, в буфет... там скажи... чтобы мне дали пообедать: суп, соус или еще что-нибудь поскорей.

О с и п. Да нет, я и ходить не хочу.

⟨Л. 36/18 об.⟩ Х л е с т а к о в. Как ты смеешь, дурак.

О с и п. Да так, все равно хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Х л е с т а к о в. Это вздор, ты скажи ему, что он не может этого сделать.¹⁸

О с и п. “Еще, говорит, и к Городничему пойду, третью неделю барин денег не платит. Вы де с барином, говорит, мошенники, и барин твой плут. Мы де, говорит, этаких широмыжников уже видали”.

Х л е с т а к о в. Ну он дурак, больше ничего.

О с и п. Говорит: “Этак всякой приедет, обживется, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтобы на съезжую да в тюрьму...”

Х л е с т а к о в. Ну, ну, ну. А ты уж всякой вздор рад пересказывать, ступай скажи, что я... ступай, ступай скажи ему.

О с и п. Да я лучше самого хозяина позову к вам.

Х л е с т а к о в. На что ж хозяин, ты поди сам скажи...

⟨Л. 37/19.⟩ О с и п. Да право, сударь...

Х л е с т а к о в. Ну ступай, чорт с то(бо)й, позови хозяина.

(*Осип уходит.*)

¹⁶ Далее вписано: Чего ж бы я валялся на кровати? Не видал я разве кровати.

¹⁷ Вместо: и решительным — стало: вовсе нерешительным

¹⁸ Вместо: Это вздор ~ этого сделать. — стало: Не даст!.. не даст!.. глупое слово всегда такое выдумает

Явление III.

Хлестаков один.

Ужасно как хочется есть. Так немножко прошелся, думая¹⁹, не пройдет ли аппетит; нет, чорт возми, не проходит. Да если б в Пензе я не покутил там, то очень бы стало денег доехать домой; пехотный Капитан больше всего меня поддел, однако ж, нечего сказать, кто что ни говори, а удивительно bestия штосы срезывает. Чорт его знает: всего только две талии прокинул и все забрал. Нужно когда-нибудь поучиться у него. Да, впрочем, как же поучиться? Когда же случай доведет с ним встретиться.²⁰ Ох, когда бы в самом деле уже скорее доехать домой, надоело в дороге! И как нарочно²¹ такой мерзкой городишка, в других по крайней мере что-нибудь бывает, а здесь ничего совершенно нет. В овошенной лавке балыки еще сносны, да проклятые сидельцы очень мало дают на пробу. (*Насвистывает сначала из "Роберта", потом из Русской песни, а наконец ни се ни то.*)²²

⟨Л. 38/19 об.⟩ Явление IV.

Хлестаков, Осип и Трактирный Слуга.

С л у г а. Хозяин приказал спросить, что вам угодно?

Х л е с т а к о в. Здравствуй, братец! ну что, ты здоров?

С л у г а. Слава Богу.

Х л е с т а к о в. Ну что, как у вас в гостинице, хорошо ли все идет?

С л у г а. Да слава Богу, все хорошо.

Х л е с т а к о в. Много проезжающих?

С л у г а. Да достаточно.

Х л е с т а к о в. Послушай, любезной, там мне до сих пор обеда не приносят, так пожалуста, поторопи, чтобы поскорее, видишь, мне сей час после обеда нужно кое-чем заняться.

С л у г а. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать, он никак хотел итти сего дня жаловаться Городничему.

Х л е с т а к о в.²³ Вот вздор такой, по крайней мере он должен

¹⁹ Стало: думал (I)

²⁰ Вместо: Чорт его знает ~ встретиться. — стало: Если б мне выучиться у него, то ничего бы в мире не хотел. [Ведь то беда, что и встретиться с ним, может быть, не доведется.] [В оди(н)] Как странно, в один вечер все обчистил (II)

²¹ Вместо: И как нарочно — стало: Нарочно (I)

²² Далее вписано: Да. Если бы чего-нибудь теперь съесть. (I)

²³ Далее вписано: Да как же не будет

мне дать есть. Ты посуди (Л. 39/20.) сам, любезной друг, как же мне быть без обеда. Ведь этак я могу отощать совсем.

С л у г а. Так-с. Да он приказал, что поди, говорит, скажи, что у меня, говорит, нет для него стола и что я пойду жаловаться.

Х л е с т а к о в. Да что ж жаловаться, ну жаловаться пусть идет, пожалуй, что²⁴ он мне не смеет²⁵... Я, ей Богу, не шутя хочу есть, сильно хочу есть.

С л у г а. Так-с, он говорил, я ему обедать не дам, покамест он не заплотит мне за прежнее. Таков уж ответ его был.

Х л е с т а к о в. Ты поиди ему скажи, урезонь его.

С л у г а. Да что ж такое ему говорить?

Х л е с т а к о в. Ну расскажи все то, вот²⁶ что от меня слышал, чтоб он мне дал... что он должен дать... а о деньгах пусть не беспокоится, деньги сами собою... так просто и скажи, что он не смеет не дать, потому что я точно хочу есть²⁷.

С л у г а. Пожалуй, я скажу.

(Л. 40/20 об.) Явление V.

Х л е с т а к о в один.

Это скверно, однако ж, естли он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как еще никогда не хотелось. Что тут, право, делать.²⁸ Разве из платья что-нибудь продать. Что ж бы²⁹ такое? Жилет, панталонны? Нет... нет... уж лучше³⁰ поголодаю, но зато по крайней мере³¹ приеду домой в Петербургском костюме. Ну одна только эта мысль как-нибудь еще утешительна.³² А ведь как, есть ли посудить, просвещение³³ в Губернских городах отстало от Столичного. Ведь эти сви-ньи Помещики, я знаю, носят³⁴ мешки вместо фраков. Я ставлю Бог знает что, естли не буду между ими один только в модном костюме.

²⁴ Стало: Но

²⁵ Далее вписано: не дать обедать

²⁶ вот зачеркнуто

²⁷ потому что я точно хочу есть зачеркнуто

²⁸ Что тут, право, делать. зачеркнуто

²⁹ Вместо: Что ж бы — стало: Например, что ж бы

³⁰ Вместо: уж лучше — стало: не хочу, лучше

³¹ по крайней мере зачеркнуто

³² Вместо: Ну одна только ~ утешительна. — стало: [Да] Только это и утешительно еще.

³³ Вместо: А ведь как ~ просвещение — стало: А есть ли посудить, ведь чрезвычайно много просвещение

³⁴ Вместо: Ведь эти сви-ньи ~ носят — стало: Эти помещики носят

Эх, если бы какую-нибудь теперь котлетку! хоть вот этакой бы кусочек говядины! Нет, чорт побери, лучше как-нибудь поголодаю.³⁵ Жаль, что Иохим не дал на прокат кареты, а хорошо бы приехать домой³⁶ в карете. Очень бы³⁷ недурно было³⁸ подкатить (Л. 41/21.) к какому-нибудь соседу помещику с фонарями под крыльцо, а Осипа сзади одеть в ливрею. Господи Боже мой, как бы переполошилось все: “Кто такой, что такое”, а лакей входит: “Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?” Они, свиньи³⁹, и не знают, что такое значит: “прикажете принять”. К ним если приедет какой-нибудь Телепень-помещик⁴⁰, ту же минуту вылезит из брички и, не говоря ни слова, так прямо, медведь, и валится в Гостиную.⁴¹ (Подходит к зеркалу, смотрит в него и делает одобрителный знак.) Гм, гм, хорошо, хорошо. Да оно, естли рассудить, ест-таки, на что заглядеться. Кусишко довольно лакомый. Гм. Хорошо, хорошо. Когда бы только добраться скорей домой.⁴² Тфу (плюет), даже тошнит, так ест хочется.

Явление VI.

Хлестаков, Осип, потом Слуга.

Хлестаков. А что?

(Л. 42/21 об.) Осип. Несет обед.

Хлестаков. Несет? ну хорошо.

Слуга (с тарелками и салфеткой). Хозяин в последний раз уж дает.

Хлестаков. Ну, давай сюда.⁴³ Что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

---

³⁵ *Вместо:* Я ставлю Бог знает что ~ поголодаю. — *стало:* То ест вот кладу крест (крестится), естли не буду играть между ними первую роль: там ни у кого нет петербургского костюма. [Куды!] Куды, простота такая!.. шлыки, и говорить нечего. [А какую пыль можно напустить им...] А какую пыль [подпущу] напущу я им, так держись только. — [Нет, чорт побери, лучше ж как-нибудь поберегусь и не буду ест, авось-либо [как-нибудь] дальше будет лучше] ([Куды!] Куды, простота ~ нечего. — *вписано между строк и на полях, первое слово вписано не в то место и потому зачеркнуто*)

³⁶ *домой зачеркнуто*

³⁷ *Вместо:* Очень бы — *стало:* Да

³⁸ *было зачеркнуто*

³⁹ *Стало:* деревенские пентюхи

⁴⁰ *Вместо:* Телепень-помещик — *стало:* Гусь

⁴¹ *Далее вписано:* к дочечке эдак подойдешь: “Сударыня, как я счастлив...” (повертывается и показывает свою торниюру)

⁴² (Подходит к зеркалу ~ скорей домой. *зачеркнуто*)

⁴³ *Далее вписано:* толкует еще: хозяин. Я плевать на твоего хозяина

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой, я это не принимаю... Ты скажи ему, что это в самом деле такое... Этого мало.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что еще много.

Хлестаков. А соуса почему нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет! я видел сам, проходя мимо кухни, как готовилась рыба и котлеты.

Слуга. Да это, может быть, для тех, которые почище-с.

⟨Л. 43/22.⟩ Хлестаков. Ах ты дурак.

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Вот прекрасно!.. какое же они имеют право? отчего же я не могу, да что... чорт возьми⁴⁴, разве они не такие же проезжающие, как и я?

Слуга. Да уж известно, что не такие.

Хлестаков. Какие же?

Слуга. Они деньги плотят.

Хлестаков. Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать, (*наливает суп и ест*) что это за суп? ты просто воды налил в чашку: никакого вкуса нет, только воняет. Я не хочу этого супа, дай мне другова.

Слуга. Мы примем-с, хозяин сказал, коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков. Ну, пр. пр.⁴⁵... оставь, дурак, ты привык там обращаться с теми⁴⁶, я, брат, не такого рода! со мной, братец, я ⟨Л. 44/22 об.⟩ шуток не советую тебе⁴⁷ делать, (*ест*) Боже мой, какой суп, (*продолжает есть*) я думаю, еще ни один человек в мире не едал такова супа. Какие-то перья плавают вместо масла. (*Режет курицу.*) Ай, ай, ай, какая курица! давай жаркое: там⁴⁸ супу немного осталось, — Осип, возьми себе, (*режет жаркое*) что это за жаркое? это не жаркое.

Слуга. Да что ж такое?

Хлестаков. Чорт его знает, что такое, только не жаркое, это топор, зажаренный вместо говядины (*ест*), мошенники, каналы,

---

⁴⁴ *Вместо*: Вот прекрасно ~ чорт возьми — *стало*: Поросянок ты скверной!.. как же они едят, а я не ем? отчего же я, чорт меня возьми, не могу также

⁴⁵ *Так в рукописи. Вместо*: пр. пр. — *стало*: ну, ну (1)

⁴⁶ *Стало*: с другими (1)

⁴⁷ *Вместо*: братец, я шуток не советую тебе — *стало*: не советую тебе шуток (1)

⁴⁸ *Вместо*: жаркое: там — *стало*: жаркое! Там

чем они кормят! и зубов не останется, естли съешь один такой кусок (ковыряет пальцем в зубах), совершенно как деревянная кора, ничем выгтащить нельзя, и челюсти заболят после этих блюд, какие они, подлецы, дают мне. Мошенники (вытирает рот салфеткой), больше ничего нет?

С л у г а. Нет.

Х л е с т а к о в. Канальи! подлецы! и даже больше ничего нет⁴⁹.

⟨Л. 45/23.⟩ (Слуга убирает и уносит тарелки вместе с Осипом).

Явление VII.

Х л е с т а к о в, потом О с и п.

Х л е с т а к о в. Право, как будто и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хотя сайку.

О с и п (входит). Там чево-то Городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Х л е с т а к о в (испугавшись). Вот тебе на! бездельник трактирщик не шутил!⁵⁰ я, ей Богу, никак не думал про это... неприятно, очень неприятно⁵¹, если он в самом деле потащит в тюрьму. О, вздор! как же он смеет меня потащить...⁵² впрочем, если благородным образом, еще ничего, я, пожалуй, пойду... что ж делать? но вот худо, если он вздумает так, чтобы завязать на руке веревочку, да на веревочке повесть, чорт с ним...⁵³ Там⁵⁴ вчера, когда я прохаживался, смотрели на меня две хорошенькие купеческие дочки⁵⁵, ну и вероятно, где ж им увидеть другова из Петербурга, вероятно, влюбились, а тут вдруг меня поведут, ⟨Л. 46/23 об.⟩ может быть, перед их же окнами, это уж очень, нет, он этого не смеет сделать, или уж он будет такая ско-

---

⁴⁹ Вместо: больше ничего нет — стало: хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. [Мош(енники)] Бездельники! (I)

⁵⁰ бездельник трактирщик не шутил! *зачеркнуто*

⁵¹ Вместо: про это... неприятно, очень неприятно — стало: а. про это! Чорт возьми; б. про это! Эка бестия трактирщик! Чорт возьми

⁵² Вместо: О, вздор! ~ потащить... — стало: а. (Немного задумывается). Что же делать? Такая глушь; б. (В размышлении.) Такая глушь, маленькой городок — что захочет может сделать

⁵³ Вместо: что ж делать? ~ чорт с ним... — стало: а. что ж делать? но вот худо, если он вздумает так завязать веревочкой, да на веревочке повесть, чорт с ним...; б. А если вздумает как-нибудь на веревочке повесть, я не соглашусь... Ей Богу, не соглашусь... (как-нибудь вписано); в. Фразы нет.

⁵⁴ Вместо: Там — стало: Да... Однако же там

⁵⁵ Стало: дочери

тина...⁵⁶ Зачем мне уж было надевать тогда новой фрак и франтить так? было бы потихоньку пройтись под стенкою...⁵⁷ О, вздор, он меня никак не смеет и не может, ведь я дворянин... Я из Петербурга, служу там. Он побоится. Да ведь чиновника нельзя вести на веревочке. Это можно какого-нибудь мещанина или ремесленника. О, не поддаваться, ей Богу, не поддаваться.⁵⁸ ⁵⁹(Показывает, однако ж⁶⁰, движение подлезть под стол, но в это время отворяется дверь⁶¹.)

Явление VIII.

Входит Городничий и Добчинский.

Городничий, взошед, останавливается. Оба смотрят в испуге один на другого, выпучив глаза.

Городничий (немного оправившись и протянув руки по швам). Желаю здравствовать.

Хлестаков. Слава Богу, ел, ел...⁶²

(Л. 47/24.) Городничий. Извините, что осмелился.

Хлестаков. Ничего, ничего.

Городничий. Обязанность моя как Градоначальника здешнего города заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

---

⁵⁶ *Вместо:* ну и вероятно ~ такая скотина... — *стало:* а. ну и вероятно, где ж им увидеть другова из Петербурга, вероятно, влюбились, а тут вдруг меня поведут, может быть, перед их же окнами, это уж очень, нет, он этого не смеет сделать, или уж он будет после этого такая скотина...; б. [и офицеры тоже [проходили] беспрестанно ходят] Я как нарочно перед ними [несколько] довольно долго рисовался, и офицеры тоже беспрестанно ходят... Чорт побери

⁵⁷ *Вместо:* было надевать ~ под стенкою... — *стало:* Зачем мне уж было [бы мне не надевать тогда нового фрака] надевать тогда новой фрак, было бы пробраться потихоньку под стенкою...

⁵⁸ *Вместо:* О, вздор ~ не поддаваться. — *стало:* а. О, вздор, он меня никак не смеет и не может, ведь я дворянин... Я из Петербурга, служу там. Он побоится. Да ведь чиновника нельзя вести на веревочке. Это можно какого-нибудь мещанина или ремесленника провести на веревочке. О, не поддаваться, ей Богу, не поддаваться.; б. Впрочем, нет, не может быть. Он побоится, я служу в Петербурге. Он не сделает этого, или уж он будет после этого такая скотина. Это можно какого-нибудь Ремесленника и Мещанина... Нет, не поддавать(ся). Ей Богу не поддавать(ся) (ободряется). Что ж он может [сделать] мне. Я скажу ему: "Как Вы!.." (у дверей вертится ручка)

⁵⁹ *Перед ремаркой вписано:* Хлестаков

⁶⁰ *однако ж зачеркнуто*

⁶¹ *Вместо:* отворяется дверь — *стало:* дверь отворяется

⁶² *Вместо:* Слава Богу, ел, ел... — *стало:* (кланяется)

Хлестаков (*перебивая, сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко*). Да что ж делать, я не виноват, я, право, я заплачу; мне пришлют из деревни...⁶³ У меня доход большой, он больше виноват, он меня, мерзавец, кормил так гадко: говядину он мне подает такую твердую, как бревно; а суп только название носит супа, а я ни одной ложки не ел его, должен был выбросить за окошко. Он меня морил голодом по целым дням, чай дает такой странной: воняет рыбою, а не чаем. Вот новости! да я еще должен⁶⁴ и отвечать?.. Я ему заплачу, об этом нечего беспокоиться.

⟨Л. 48/24 об.⟩ Г о р о д н и ч и й (*робея*). Извините, я, право, не виноват, я уж не знаю, откуда он берет такую говядину, на рынке у меня всегда хорошая. Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, я не хочу, я знаю, что значит “на другую квартиру”, то есть это в тюрьму. Нет, я не хочу... Зачем же меня... Я, я... я заплачу. Вы не имеете права меня... я покажу вам и подорожную, я чиновник, я⁶⁵ Губернский Секретарь. Я еду в собственную мою деревню в Екатеринославскую⁶⁶ Губернию, я служу по Министерству Финансов⁶⁷, я... Вы меня не смеете... Я буду жаловаться на вас Министру.

Г о р о д н и ч и й (*в сторону*). Ай, ай, ай, какой сердитой, верно, узнал что-нибудь. Донесли проклятые купцы.⁶⁸

Хлестаков (*храбрясь*). Да как вы смеете, я хоть вам и кажусь, однако ж меня сам Министр знает, я и по службе получаю отличия, мне к новому году выдет... ⟨Л. 49/25.⟩ прибавка жалованья⁶⁹... Да... Нет, я не пойду! ей Богу, не пойду, вот вам перекрещусь, хоть вы со всей своей командой... Не поддаваться, ей Богу, не поддаваться, взять в руки эту бутылку (*берет рукою сзади бутылку*), и если что, то, ей Богу, бутылкою⁷⁰.

---

⁶³ Далее вписано: (Бобчинский в это время выглядывает из дверей)

⁶⁴ Вместо: новости! да я еще должен — стало: новости какие. За что ж я... За что ж я должен

⁶⁵ я зачеркнуто

⁶⁶ Над: Екатеринославскую — вписано и зачеркнуто: Сарато(вскую)

⁶⁷ Стало: Юстиции

⁶⁸ Вместо: Ай, ай, ай ~ купцы. — стало: О Боже, боже мой! Мать ты моя Пресвятая! [Великомученица Варвара!] Преподобный Антоний! все, все узнал, какой сердитой! Все рассказали проклятые купцы.

⁶⁹ прибавка жалованья зачеркнуто

⁷⁰ Вместо: взять в руки ~ бутылкою — стало: а. взять в руки эту бутылку (берет рукою сзади бутылку) и если что, то так бутылкою и брякнуть.; б. и если что-нибудь... то (берет рукою сзади бутылку)

Г о р о д н и ч и й (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилуйте, не погубите! жена, дети маленькие, не сделайте несчастным человека.

Х л е с т а к о в. Нет, я не хочу. Вот еще, мне какое дело! Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму.⁷¹ Нет... Благодарю покорно, я не хочу.

Г о р о д н и ч и й⁷². Перемените гнев на милость.⁷³ По неопытности, ей Богу, по неопытности... Недостаточность состояния. Казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость, к столу что-нибудь да на пару плаття, что же до Унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек; то это клевета, (Л. 50/25 об.) ей Богу, клевета. Это выдумали злодеи мои, ей Богу, это такой народ, что готовы покуситься на жизнь мою⁷⁴.

Х л е с т а к о в. Да... Конечно... (*в размышлении*) я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то Унтер-офицерской вдове... Я не знаком с нею. Да мне и дела нет к ней. Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высесть. До этого вам далеко... я заплачу, я заплачу вам деньги... У меня только теперь нет, я потому и сижу здесь так долго, что ни копейки нет денег.

Г о р о д н и ч и й (*в сторону*). О, тонкая штука! эх куда метнул! какова тумана напустил! разбери, кто хочет. Теперь я вижу, что значит столичные доки⁷⁵. Боже упаси, никак⁷⁶ не хочет показать, зачем приехал, и о деньгах говорит, и уверяет, что заплотит, Бог его знает, что, ну как не потерять ума. Именно не знаешь, как и хватиться. Однако ж попробовать на авось.⁷⁷ Если вы, (Л. 51/26.) точно, имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим, останавливающимся в подведомственном моему распоряжению городе.

---

⁷¹ Далее вписано: Вот прекрасно! (Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется)

⁷² Далее вписано: (дрожа)

⁷³ Перемените гнев на милость. *зачеркнуто*

⁷⁴ Вместо: готовы покуситься на жизнь мою — стало: на жизнь мою готовы покуситься

⁷⁵ Далее вписано: [Даром чт(о)] даром что [малинкой] малинькие, а вон какие... О! держи ухо с ними

⁷⁶ Вместо: Боже упаси, никак — стало: Никак

⁷⁷ Вместо: Бог его знает ~ на авось. — стало: [Бог его знает] Запутает, запутает так, что совсем одуреешь. Не знаешь, с которой стороны и приняться. [Эти инкогниты хуже всего.] Недаром я эти(х) инкогнитов так боялся. Попробовать разве на авось? (Вслух.) (Бог его знает *зачеркнуто*, *восстановлено и снова зачеркнуто*; Недаром я *вписано*)

Хлестаков. А, так Вы согласны дать мне взаймы. О, если так, то⁷⁸ я сей час готов расплатиться. Сделайте милость, мне хоть⁷⁹ двести рублей, только разделаться⁸⁰ с трактирщиком, а там я, как только в деревню, я вам сей час пришло. У меня это вдруг⁸¹.

Городничий. Помилуйте, я готов ждать, сколько угодно. Как можно, чтобы я осмелился назначать срок. Вот тут ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков. А, хорошо, покорнейше вас благодарю (*берет ассигнации и, скомкавши, кладет их в карман*).⁸²

Городничий (*в сторону*). Ну, слава Богу! по крайней мере деньги взял! теперь дело, может быть, на лад пойдет. Я таки (*Л. 52/26 об.*) ему вместо двух сот четырехста ввернул.

Хлестаков. Ей, Осип! (*Осип входит*) позови сюда трактирного слугу! (*к Городничему и Добчинскому*) а что ж вы стоите? сделайте милость, садитесь, (*Добчинскому*) садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, я и так постою.

Хлестаков. Садитесь, пожалуйста, я вас прошу, (*к Добчинскому*) садитесь. (*Городничий и Добчинский садятся*).⁸³

Городничий (*в сторону*). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Нужно так прикинуться, как будто бы совсем не знаешь⁸⁴, что он за человек. (*Вслух.*) Мы так⁸⁵ сего дня поутру прохаживались здесь, все утро⁸⁶ хлопотали по должности, и потом вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержат-

---

⁷⁸ *Вместо:* А, так Вы согласны ~ если так, то — *стало:* О, если вы согласны дать мне взаймы, тогда совсем другое дело (I)

⁷⁹ *Вместо:* Сделайте милость, мне хоть — *стало:* Мне хоть бы (I)

⁸⁰ *Вместо:* только разделаться — *стало:* разделаться только (I)

⁸¹ *Вместо:* я вам сей час ~ вдруг — *стало:* [сей час же] сей же час и возвращу вам: это вдруг (I)

⁸² *Вместо:* Хлестаков. А, хорошо ~ в карман). — *стало:* а. Хлестаков. (принимая деньги). Покорнейше благодарю. Я, право, очень рад этим деньгам. [У меня такое странное] А у меня... [уж более недели [реши(тельно?)] как совершенно ни копейки нет] да это мне теперь очень хорошо. (*Берет ассигнации и, скомкавши, кладет их в карман.*) (I); б. Хлестаков (принимая деньги). Покорнейше благодарю. Я, право, очень рад этим деньгам. А у меня... да это мне теперь очень хорошо. (*Берет ассигнации и, скомкавши, кладет их в карман.*) Я вижу, что вы благонамеренной человек, а [я], признаюсь, сначала было я вас принял совсем за другого... Мне это теперь очень кстати. (II)

⁸³ *Далее вписано:* Бобчинский выглядывает в дверь. (I)

⁸⁴ *Вместо:* Нужно так прикинуться ~ не знаешь — *стало:* а. Нужно так прикинуться, как будто бы совсем не знаешь и не думаешь (I); б. Хорошо. Смекнем и мы, напустим и мы тумана, и мы прикинемся, как будто [совсем] не знаем (II; *в рукописи:* знаешь)

⁸⁵ так *зачеркнуто* (II)

⁸⁶ утро *зачеркнуто* (II)

ся проезжающие⁸⁷, потому что я не так, как иной Городничий, которому (Л. 53/27.) ни до чего и⁸⁸ дела нет, лишь бы ему было хорошо, но я, кроме должности, еще по Християнскому человеколюбию хочу, чтобы всякому смертному оказывался хороший прием, и потому зашел тот же час в гостиницу, и обязан этому приятным знакомством с вами.

Хлестаков. Да я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь. Я, право, совсем не знал, чем заплатить.

Городничий (в сторону). Да, рассказывай себе. (Вслух.) Осмелюсь ли спросить, куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию в собственную деревню⁸⁹.

Городничий (в сторону, делая ироническую гримасу). В Саратовскую губернию... хе, хе, хе, да, как раз⁹⁰. (Вслух.) Да, приятная прогулка для ума и сердца. В дороге способности хорошо развиваются... И вы, верно, так только по своей охоте едете туда, для своего (Л. 54/27 об.) удовольствия?

Хлестаков. Да, батюшка⁹¹ меня требует, хочет меня видеть возле себя.

Городничий (в сторону, смеясь и прищурив глаз). Батюшка требует, хе, хе, хе... (Вслух.) И на долгое время изволите ехать туда?

Хлестаков. Да я полагаю, навсегда. Я уж давно подал отставку. Хочется пожить на воле.

Городничий (в сторону, делая гримасу⁹²). Подал в отставку!⁹³ (Вслух.) Это хорошо вы делаете, очень хорошо. Что служба? Одне хлопоты. Ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно еще когда будет. (Окидывает глазами комнату.) Что это, как будто бы там в углах пятна, похожи несколько на течь, верно, бывает сыро. Вот стены⁹⁴ уж слишком низинькие. Мне кажется, эта комната для вас не слишком удобна.

Хлестаков. Да, очень скверная комната. Я никогда не останавливался в такой дур(Л. 55/28)ной комнате. Там везде по дороге, где проезжал я, было хорошо: живопись и⁹⁵ люстры, а здесь ничего

---

⁸⁷ чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие *зачеркнуто* (III)

⁸⁸ и *зачеркнуто* (I)

⁸⁹ в собственную деревню *вписано*

⁹⁰ *Вместо:* как раз — *стало:* как бы не так, именно туда (I)

⁹¹ *Стало:* мой батюшка

⁹² *Вместо:* делая гримасу — *стало:* почти фыркнув от смеха (I)

⁹³ *Вместо:* Подал в отставку! — *стало:* И в отставку подал! (I)

⁹⁴ *Вместо:* Вот стены — *стало:* и стены (I)

⁹⁵ и *зачеркнуто* (I)

нет и клопы такие, каких еще не видывал нигде⁹⁶, так, каналы⁹⁷, как собаки кусают.

Г о р о д н и ч и й. Да вон и паутина висит. Кажется, и мухи несколько опачкали, и так⁹⁸, сколько на мои слабые глаза, даже несколько темновато⁹⁹.

Х л е с т а к о в. Да совсем темно, и хозяин завел такое скверное обыкновение не отпускать совсем свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать, или так придет фантазия сочинить что-нибудь, но никак не можно, оттого что вовсе темно.¹⁰⁰

Г о р о д н и ч и й. Позвольте попросить¹⁰¹ вас переехать ко мне в дом¹⁰². У меня есть для вас очень удобная комната.

Х л е с т а к о в¹⁰³. А я очень рад. А что у вас разве хорошая комната?¹⁰⁴

Г о р о д н и ч и й. Прекрасная комната, и стол тоже вы будете у меня иметь хоть не такой, как в столице¹⁰⁵, припасы ⟨Л. 56/28 об.⟩ все свежие, не такие, какие отпускают в трактире за деньги. Не откажите¹⁰⁶, а я уж так буду рад¹⁰⁷ гостю! У меня такой нрав, гостеприимство с самого детства: все, что ни есть, рад предложить¹⁰⁸, особливо естли еще притом гость такой образованной¹⁰⁹. Я, признаюсь, сей час ощутил к вам¹¹⁰ самую сильную привязанность.¹¹¹

---

⁹⁶ *Вместо:* клопы такие, каких еще не видывал нигде — *стало:* [клопов] клопы такие, каких я еще нигде не видывал (I)

⁹⁷ *канальи зачеркнуто* (I)

⁹⁸ *так зачеркнуто* (I)

⁹⁹ *Далее вписано:* в ней (I)

¹⁰⁰ *Далее вписано на полях:* Г о р о д н и ч и й. Осмелюсь ли я просить об [одной милости] одном najveчайшем одолжении, которого, без сомнения, может быть, я даже недостойн. — Х л е с т а к о в. А что? [Г о р о д н и ч и й. Окажите милость старику: я] (I)

¹⁰¹ *Вместо:* Позвольте попросить — *стало:* Я бы дерзнул попросить (I)

¹⁰² *Вместо:* в дом — *стало:* а. на дом (I); б. в Родительский дом мой (III)

¹⁰³ *Далее вписано:* (в размышлении)

¹⁰⁴ *Вместо:* А я очень рад. ~ комната? — *стало:* Как то есть к вам..? Да у вас какая комната? разве хорошая?.. [светлая?] (I)

¹⁰⁵ *Вместо:* не такой, как в столице — *стало:* не столичной, но хороший стол (I)

¹⁰⁶ *Далее вписано:* в просьбе Старику (III)

¹⁰⁷ *Вместо:* буду рад — *стало:* рад буду (I)

¹⁰⁸ *Вместо:* рад предложить — *стало:* а. готов предложить (I); б. в печи, все на стол, хоть, [быть] может быть, [это] оно не всякому придется по вкусу, да что делать, уж такая слабость моя (III)

¹⁰⁹ *Стало:* просвещенной человек (I)

¹¹⁰ *Далее вписано и зачеркнуто:* не подумайте, чтобы я говорил из лести. Ей богу, не льщу и не знаю, что за лесть (I)

¹¹¹ *Далее вписано:* Не подумайте, чтобы я говорил это из лести. Нет, не имею этого порока. От полноты души выражаюсь. (I)

Хлестаков. Покорно благодарю вас. Мне тоже вы очень понравились.

Явление IX.

Те же и трактирной Слуга, сопровождаемый Осипом.
Бобчинский выглядывает в дверь.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаков. Да, подай щет.

Слуга. Я уж давича подал вам другой щет.

Хлестаков. Я уж не помню.

Слуга. Вы изволили в первой день спросить две бутылки шампанского, обед и ужин, а на другой день один обед, на третий день только закусили (Л. 57/29.) семги и потом пошли все в долг брать.

Хлестаков. Ну да всего-то сколько следует?

Городничий. Да вы не изволите беспокоиться. Он подождет. (Слуге.) Пошел вон, тебе пришлют.

Хлестаков. В самом деле, и то правда. (¹¹²Слуга уходит. В дверь выглядывает Бобчинский.)

Явление X.

Городничий, Хлестаков, Добчинский.

Городничий. Не угодно ли будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то Богоугодные и другие?

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какой у нас порядок, как у нас идет все это¹¹³ течение дел... Знаете, это для наблюдательного ума хорошо. Тут можно вывести много полезного.

Хлестаков. Извольте, с большим удовольствием, я готов. (Л. 58/29 об.) (Бобчинский выставляет голову в дверь.)

Городничий. Также если будет ваше желание, оттуда в Уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и Городские тюрьмы... рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

---

¹¹² Далее вписано: прячет деньги (I)

¹¹³ идет все это зачеркнуто

Хлестаков. Нет, тюрьмы и острог... я не... Лучше я посмотрю Богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены, в своем экипаже или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да я лучше с вами на дрожках поеду.

Городничий (*Добчинскому*). Ну, Петр Иванович, вам теперь нет места.

Добчинский. Ничего, я так.

Городничий. Вы побегите наскоро ко мне и скажите *(Л. 59/30.)* жене моей, или лучше я дам вам записочку. (*Хлестакову.*) Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну только строчку к жене, чтобы она приготовилась к принятию почтенного гостя.

Хлестаков. О, помилуйте, зачем беспокоиться. Впрочем, извольте, напишите: вот тут и чернила есть¹¹⁴, только бумаги не знаю. Разве на этом щете.

Городничий. Я здесь напишу. (*Пишет и отдает Добчинскому, которой подходит к двери, но в это время дверь обрывается и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с нею на сцену. Все издают восклицания: "Ух!"¹¹⁵ Бобчинский подымается.*)

Хлестаков. Что, не зашиблись ли вы где-нибудь?

Бобчинский. Ничего, ничего, Вашество¹¹⁶, только сверху¹¹⁷ носа небольшая нашлепка. Я забегу к Крестьяну Ивановичу: он даст мне пластырь, и все пройдет.

(Л. 60/30 об.) Городничий (*делает Бобчинскому укорительный знак. Хлестакову*). Прошу покорнейше, пожалуйста, а слуге вашему я скажу, чтобы перенес чемодан. (*Осипу.*) Любезнейший, ты перенеси все ко мне, к Городничему, тебе всякой покажет. Прошу покорнейше. (*Пропускает вперед Хлестакова и следует за ним, но, оборотившись, говорит с укоризной Бобчинскому.*) Уж и вы! не нашли другого места упасть. (*Уходит, за ним Бобчинский. Занавес опускается.*)

---

¹¹⁴ есть *зачеркнуто* (I)

¹¹⁵ "Ух!" *зачеркнуто* (I)

¹¹⁶ Вашество *зачеркнуто* (I)

¹¹⁷ Стало: *сверх* (I)

⟨Л. 61/31.⟩ Действие III.

Комната первого действия.

Явление I-е.

Анна Андреевна и Марья Антоновна стоят у окна
в тех же самых положениях.

Анна Андреевна. Ну вот, уж целой час дожидаемся. А все глупое это жеманство¹, оделась ведь², совершенно оделась, нет, еще нужно: “Я, маминька, косыночку, я³ булавочку...” Было не⁴ слушать ее вовсе, экая досада, как нарочно ни души, как будто вымерло все. Хотя бы по крайней мере что-нибудь узнать теперь, одно слово только, ну по крайней мере⁵ кто приехал!

Марья Антоновна. Да право, маминька, через минуты две все узнаем. Уж скоро Авдотья должна придти.

Анна Андреевна. Через минуту, мне хочется через минуту, я и без того уже час битой ожидаю. Желательно знать, что эта сквернавка там делает. Ведь сорок лет, если не больше, а если послать куда, ни за что не побежит, как следует, и начнет финтить и этою рукою, и другою, и назад поворачивается, воображает, что позадь⁶ забора стоит Земленикин кучер, ⟨Л. 62/31 об.⟩ и кучер такой негодной пьяница. Я ей скажу, чтоб она и в ум ничего не забирала себе. Негодная вертопрашка! как, право, до сих пор хоть бы что-нибудь узнать.

Марья Антоновна. Маминька, маминька, кто-то идет вон в конце улицы.⁷

¹ *Вместо:* глупое это жеманство — *стало:* ты с своим глупым жеманством (I)

² *оделась ведь* *зачеркнуто* (I)

³ Я, маминька, косыночку, я *зачеркнуто* (I)

⁴ Было не *зачеркнуто и восстановлено* (I)

⁵ *Вместо:* теперь, одно слово только, ну по крайней мере — *стало:* По крайней мере (I)

⁶ *Так в рукописи.*

⁷ *Вместо:* должна придти ~ вон в конце улицы. — *стало:* должна придти (всматривается в окно и вскрикивает). Ах, Маминька, маминька! кто-то идет вон в конце улицы. (I)

Анна Андреевна. Где идет? У тебя вечно какие-нибудь фантазии. Ну да, идет. Кто ж это идет? небольшого роста... во фраке... кто ж это? А? это, однако ж, досадно, кто ж бы это такой был?

Марья Антоновна. Это Добчинский, маминька.

Анна Андреевна. Какое Добчинский! тебе всегда вдруг вообразится этакое! совсем не Добчинский. (*Машет платком.*) Эй вы, ступайте сюда скорее.

Марья Антоновна. Право, маминька, Добчинский.

Анна Андреевна. Ну вот: так⁸ нарочно, чтобы только поспорить. Говорят тебе, не Добчинский.

Марья Антоновна. А что? а что, маминька? видите, что Добчинский.

Анна Андреевна. Ну да, Добчинский, теперь я вижу, из чего же *(Л. 63/32.)* ты споришь. (*Кричит в окно.*) Скорей, скорей! (*Слышен издали невнятный голос. А?*) Я говорю скорее, скорее, вы тихо идете.

Голос Добчинского. Нет, я не тихо иду.

Анна Андреевна. Ну что, где они? приехал? А? что ж там, что там такое? да говорите же оттуда, все равно, что, строгой?⁹ А? а муж, муж? (*Немного отступя от окна, с досадою.*) Такой глупой: до тех пор пока не войдет в комнату, ничего не расскажет.

Явление II.

Те же и Добчинский.

Анна Андреевна. Ну скажите пожалуйста, ну не совестно ли вам? я на вас одних полагаюсь как на порядочного человека: все вдруг выбежали и вы туда ж за ними! И я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь. Не стыдно ли вам! Я у вас крестила вашего Ванничку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили.

Добчинский. Ей Богу, кумушка, так бежал засвидетельствовать почтение, что не могу духу перевести. Мое почтение, Марья Антоновна.

(Л. 64/32 об.) Марья Антоновна. Здравствуйте, Петр Иванович.

Анна Андреевна. Ну что? ну рассказывайте, что и как там?

Добчинский. Антон Антонович прислал вам записочку.

⁸ так *зачеркнуто* (1)

⁹ *Вместо: что, строгой? — стало: Что? очень строг? (1)*

А н н а А н д р е е в н а. Ну да он кто такой? Генерал?

Д о б ч и н с к и й. Нет, не Генерал, а не уступит Генералу, такое образование и важные поступки.

А н н а А н д р е е в н а. А, так это точно тот чиновник, про которого мужу писано.

Д о б ч и н с к и й. Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

А н н а А н д р е е в н а. Ну расскажите, что, как?

Д о б ч и н с к и й. Да слава Богу, все благополучно. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово, сердился и говорил, что и в Гостинице все нехорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме, но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, *(Л. 65/33.)* тотчас переменял мысли и, слава Богу, все пошло... хорошо пошло. Они теперь поехали осматривать Богоугодные заведения... а то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнул немножко.

А н н а А н д р е е в н а. Да вам-то отчего бояться, веть вы не служите.

Д о б ч и н с к и й. Да так, знаете, когда вельможа говорит, то чувствуешь страх.

А н н а А н д р е е в н а. Ну, что ж... Это все, однако ж, вздор, расскажите, каков он собою, что, стар или молод?

Д о б ч и н с к и й. Молодой, молодой человек, лет двадцати трех, а совсем так говорит, как старик. "Извольте" говорит "я поеду туда и туда..." так это все славно. "Я" говорит "и написать, и почитать люблю, но мешает, что в комнате" говорит "очень темно".

А н н а А н д р е е в н а. Ну что, как он, брюнет или блондин?

Д о б ч и н с к и й. Нет, больше шантрет и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущение даже приводят.

(Л. 66/33 об.) А н н а А н д р е е в н а. Что тут пишет он мне в записке: "Спешу тебя уведомить, душинька, что состояние мое было весьма печальное, но, уповая на милосердие Божие за два соленые огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек". *(Останавливается.)* Я ничего не понимаю, к чему же тут соленые огурцы и икра?

Д о б ч и н с к и й. А! это Антон Антонович писали на черновой бумаге по скорости, там какой-то шет был написан.

А н н а А н д р е е в н а. А, да, да, точно, так, стало быть, нужно читать, что написано чернилами потемнее. *(Продолжает читать.)* "Но, уповая на милосердие Божие, кажется, все будет к хо-

рошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в Богоугодном заведении у Артемия Филиповича. А вина вели побольше; скажи купцу Авдулину, чтобы прислал самого лучшего, а не то я перерою весь его погреб. Целую, душинька, твою ручку, остаюсь твой: Антон Сквозник-Прочуханский". Ах Боже мой! это, однако ж, нужно поскорей! Эй, кто там! Мишка!

⟨Л. 67/34.⟩ *Д о б ч и н с к и й* (бежит и кричит в дверь). Мишка! Мишка! Мишка! (*Мишка входит.*)

А н н а А н д р е е в н а. Послушай, беги к купцу Авдулину, стой, я дам тебе записку. (*Садится к столу, пишет записку и между тем говорит.*) Эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобы он пошел с нею к купцу Авдулину и привез оттуда вина. А сам поди сей час прибери хорошенько эту комнату для гостя. Там поставить кровать, и скажи Авдотье приставить все, что следует: рукомойник и прочее.

Д о б ч и н с к и й. Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обозревает.

А н н а А н д р е е в н а. Ступайте, ступайте, я не держу вас.

Явление III.

А н н а А н д р е е в н а и М а р ь я А н т о н о в н а.

А н н а А н д р е е в н а. Ну, Машинька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штука; Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмехал. Тебе приличнее всего надеть твое голубое платье, с мелкими оборками.

М а р ь я А н т о н о в н а. Фи, маминька, голубое! Мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит ⟨Л. 68/34 об.⟩ в голубом, и дочь Земленики тоже в голубом. Нет, я лучше цветное...

А н н а А н д р е е в н а. Цветное... право, говорит лишь бы только на перекор. Оно тебе будет гораздо лучше, потому что и я хочу надеть палевое; я очень люблю палевое.

М а р ь я А н т о н о в н а. Ах, маминька, вам нейдет палевое!

А н н а А н д р е е в н а. Мне палевое нейдет?

М а р ь я А н т о н о в н а. Нейдет, я что угодно даю, нейдет. Для этого нужно, чтобы глаза уж слишком были хороши и совсем темные¹⁰.

¹⁰ Вместо: уж слишком были ~ темные — стало: были совсем темные (II)

Анна Андреевна. Вот хорошо, а у меня глаза разве не темные? самые темные. Какой вздор говорит! как же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на Трефовую даму.

Марья Антоновна. Ах, маминька, вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки, я никогда не была червонная дама. А что касается до того, хороши ли мои глаза, то я и теперь скажу смело, что никогда и не было ни у кого и не будет (Л. 69/35.) таких глаз, пусть другое что-нибудь не так и не хорошо, я с этим не буду спорить, но что до глаз моих, то извините, сударыня. Это можно только сказать человеку бестолковому, а всякой со вкусом бывает совершенно очарован.¹¹ Когда жила у нас Полковница, которая уж такая была модница, какой я именно не знаю, выписывала все платье из Москвы, бывало мне несколько раз повторяет: “Сделайте милость, Анна Андреевна, откройте мне эту тайну, отчего ваши глаза просто говорят”. — И все было в один голос: “С вами, Анна Андреевна, довольно побыть минуту, чтобы от вашей любви позабыть все дела и обстоятельства¹²”, а стоявший в то время Штаб-Ротмистр Ставрокопытов, он, не помню, проживал за ремонтом что ли. Красавец! Лицо свежее, румянец, как я не знаю что, глаза черные-черные, а воротнички рубашки его — это батист такой, какво никогда еще купцы наши не подносили нам. Он мне несколько раз говорил: “Клянусь вам, Анна Андреевна, что не только (Л. 70/35 об.) не видал, не начитывал даже таких глаз, я не знаю, что со мною делается, когда гляжу на вас...” На мне еще тогда была тюлевая пелеринка, вышитая виноградными листьями с колосками, обложенная тонкою, не больше как в палец блондою¹³ — это просто было обворожение! Так говорит, бывало: “Я, Анна Андреевна, такое чувство удовольствия, когда гляжу на вас, что самая страсть моя из-

---

¹¹ *Вместо:* А что касается ~ совершенно очарован. — *стало:* а. *Зачеркнуто* (I); б. 1. [Марья Антоновна и Анна Андреевна] Анна Андреевна и Марья Антоновна. Марья Антоновна. Но я не знаю, Маминька, отчего вам кажется, что у вас лучше всего глаза... Анна Андреевна. Вздор просто тебе кажется. Ты глупости, сударыня, толкуешь: пусть другое что-нибудь не так и не хорошо, я с этим не буду спорить, но что до глаз моих, то извините, сударыня. Это можно только сказать одному бестолковому и без всякого вкуса. (IV); в. Анна Андреевна и Марья Антоновна. Марья Антоновна. Но я не знаю ~ толкуешь (IV); текст [Марья Антоновна ~ сударыня, толкуешь (т.е. начало сцены) написан на отдельном листке — л. 36 архивной пагинации]

¹² *Вместо:* дела и обстоятельства — *стало:* обстоятельства (IV)

¹³ *Вместо:* обложенная тонкою ~ блондою — *стало:* и вся обложена блондочкою тонкою — не больше как в палец (IV)

нывает и...¹⁴ я уж не могу теперь припомнить, что он мне говорил. Куды ж! он после того такую поднял историю, хотел непременно застрелиться, да, говорят, как-то в рассеянности позабыл зарядить пистолет, да и порох тотчас куда-то запропастился, потому только и остался жив¹⁵, а случись порох¹⁶, его давно бы уже не было на свете.

М а р ь я А н т о н о в н а. Я не знаю, маминька. Мне, однако ж, кажется, что у вас нижняя часть лица гораздо лучше, нежели глаза.

А н н а А н д р е е в н а. Никогда, никогда. Вот этого уже (Л. 71/37.) нельзя сказать, что вздор, то вздор.

М а р ь я А н т о н о в н а. Нет, право, маминька, когда вы этак говорите или сидите в профили, у вас губы все...

А н н а А н д р е е в н а. Пожалуста, не толкуй этакого вздора¹⁷. Такая¹⁸ несносная! Боже сохрани, как-нибудь не поспорить. Хоть что-нибудь на перекор.¹⁹ Вот что у матери ее хорошие глаза, так уж ей и завидно. За этими спорами²⁰ я заболталась с тобой. Того и гляди²¹, что он приедет и застанет нас одетыми Бог знает как (*поспешно уходит, за ней Марья Антоновна*).

По уходе их отворяются двери и Мишка выбрасывает из них щеткою сор.

Из других дверей входит Осип с чемоданом на голове.²²

Явление IV.

М и ш к а и О с и п.

О с и п. Куда тут?

М и ш к а. Сюда, дядюшка, сюда.

О с и п. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах (Л. 72/37 об.) ты горемышное житье! на пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

М и ш к а. Что, дядюшка, скажите пожалуста, скоро будет Генерал?

О с и п. Какой Генерал?

---

¹⁴ *Вместо:* самая страсть моя изнывает и... — *стало:* мое сердце говорит... (IV)

¹⁵ *Вместо:* да, говорят ~ остался жив — *стало:* да как-то пистолеты куда-то запропастились (I)

¹⁶ *Стало:* пистолеты (I)

¹⁷ *Вместо:* не толкуй этакого вздора — *стало:* а. не толкуй... (I); б. не толкуй пустяков (IV)

¹⁸ *Далее вписано:* право (I)

¹⁹ *Вместо:* Боже сохрани ~ на перекор. — *стало:* Чтобы она как-нибудь не поспорила. Боже сохрани (I)

²⁰ *Далее вписано:* за вздорами (I)

²¹ *Вместо:* Того и гляди — *стало:* А тут того и гляди (I)

²² По уходе их ~ на голове. *зачеркнуто* (IV)

М и ш к а. Да барин ваш?

О с и п. Барин? да какой он Генерал?

М и ш к а. А разве не Генерал?

О с и п. Генарал, да только с другой стороны.

М и ш к а. Что ж, это больше или меньше настоящего Генерала?

О с и п. Больше.

М и ш к а. Вишь ты как! То-то у нас сумятицу подняли.

О с и п. Послушай, малой, ты, я вижу, проворной парень, приготовь-ка там чего-нибудь поесть.

М и ш к а. Да для вас, дядюшка, еще ничего не готово. Просто-ва блюда вы не будете (Л. 73/38.) кушать. Вот как барин ваш сядет за стол, так и вам того же кушанья отпустят.

О с и п. Ну, а простова-то что есть у вас?..

М и ш к а. Щи, каша да пироги.

О с и п. Давай их: щи, кашу, пироги! ничего: все будем есть. Ну, понесем чемодан, что, там другой выход есть?

М и ш к а. Есть. (Оба несут чемодан в боковую комнату.)

Явление V.

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним Городничий, далее Попечитель Богоугодного заведения, Смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с красным носом и пластырем. Городничий указывает Квартальному²³ на полу бумажку, который бежит и снимает²⁴ ее²⁵.

Хлестаков. Очень благодарен вам, господа, за то, что показали мне свои заведения. Хорошие заведения. Скажите пожалуйста, у вас уж, верно, так водится, чтобы показывать проезжающим все в городе? Это хорошо, (Л. 74/38 об.) в других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, Градоправители и Чиновники больше заботятся о своей то есть пользе. А здесь, можно сказать, нет другога помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностью заслужить внимание Начальства.

Хлестаков. Завтрак тоже был очень недурен. Что, у вас каждой день бывает такой завтрак или по некоторым дням?

²³ Стало: Квартальным (1)

²⁴ Вместо: который бежит и снимает — стало: которые бегут и снимают (1)

²⁵ Далее вписано: толкая друг друга в попыхах (1)

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Покорнейше благодарю. Я тоже вас прошу, господа, если приедете ко мне в деревню... вина тоже были у вас очень хороши. Я никак не полагал, чтобы в уездном городишке могли быть оне. А это какая была рыба? кажется, не лососина?²⁶

Артемий Филипович. Лабардан.²⁷

Хлестаков. Очень, очень²⁸ вкусная, я давно такой не ел. Где это мы завтракали? кажется, <Л. 75/39.> в больнице.

Артемий Филипович. Так точно-с, в Богоугодном заведении.

Хлестаков. Да, именно, там стояли кровати. Что, больные, верно, выздоровели? там что-то их было немного.

Артемий Филипович. Человек десять осталось, не больше, а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок с тех пор, как я принял начальство, может быть, вам покажется невероятным, но все, как мухи, выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже и здоров, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком содержания²⁹.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, много-трудна и головоломна обязанность здешнего Градоначальника. Столько лежит всяких дел относительно одной Чистоты, починки, поправки, так что у иного голова бы перевернулась; но, благодарение Богу, все идет благополучно, <Л. 76/39 об.> и в 10 лет столько сделано для блага общественного, что узнать нельзя. Есть ли бы изволили навестить прежде наш город, то возымели бы самое дурное понятие. Конечно, иной, будучи в моей должности, брал бы взятки и составил бы тем себе состояние, но я имею совсем другой образ мыслей. Верите ли, что когда ложусь даже спать, все думаешь: "Господи Боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольно..." Наградит ли оно или нет, конечно в его воле, по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всем порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего же мне больше? Ей Богу, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью все прах и суета.

---

²⁶ кажется, не лососина? *зачеркнуто* (I)

²⁷ Стало: Лабардан-с. (I)

²⁸ Вместо: Очень, очень — стало: Да (I)

²⁹ содержания *зачеркнуто* (I)

Артеми́й Филипович (в сторону). Эка, бездельник, как расписывает, ⟨Л. 77/40.⟩ дал же Бог этакой³⁰ дар.

Хлестаков. Да я и сам люблю этак иногда заумствоваться и пофилософствовать. Так, знаете, иногда прозой, а иногда напишешь стишки, хоть и в водевиль³¹.

Бобчинский (Добчинскому). Справедливо, все справедливо, Петр Иванович, замечания такие, видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите пожалуста, нет ли у вас тут таких обществ, где бы можно было, на пример, этак поиграть в карты?

Городничий (в сторону). Эге, знаем, голубчик, куда это перо летит! (Вслух.) Боже сохрани, здесь и слуха нет о таких обществах. Я карты в руки никогда не брал. Ей Богу, и даже не знаю, как там играть³² в эти карты. Даже никогда не мог смотреть на них³³, и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля и что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь (плюет); раз как-то ⟨Л. 78/40 об.⟩ случилось, выстроил, забавляя детей, будку из карт, да после того всю ночь снились проклятые. Бог с ними, как можно, чтобы такое драгоценное время убивал на них.

Лука Лукич (в сторону). А у меня, подлец, вчера сто рублей выиграл³⁴.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу Государственную.

Хлестаков. Да, конечно... Впрочем, вы напрасно говорите. Иногда очень заманчиво поиграть в карты. Мне случилось...

Явление VI.

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить вам семейство мое: жена и дочь.

Хлестаков (раскланиваясь). Как я щастлив, сударыня, что имею удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам еще более приятно видеть... ⟨Л. 79/41.⟩ такую особу...

---

³⁰ Стало: такой (I)

³¹ Вместо: напишешь стишки, хоть и в водевиль — стало: так и стишки выкинутся (I)

³² Вместо: и даже не знаю, как там играть — стало: даже не знаю, как играть (I)

³³ Вместо: Даже никогда ~ на них — стало: Смотреть никогда не мог на них равнодушно (I)

³⁴ Вместо: вчера сто рублей выиграл — стало: выпонтировал вчера сто рублей (I)

Хлестаков. Помилуйте, сударыня, совершенно напротив, мне еще приятнее встретить в вас такую светскую любезность³⁵, и, уж как вы хотите, я должен вам сказать...

Анна Андреевна. Прошу покорнейше садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье, впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас так близко.

Анна Андреевна. Я никак не смею подумать или принять на свой шот...³⁶ Я думаю, вам после столицы дорога ваша показалась очень скучною.

Хлестаков. Чрезвычайно скучна. Знаете, сделавши привычку жить в свете, пользоваться всеми удобствами, и вдруг после этого в какой-нибудь скверной дороге. Везде такая чепуха; не встретишься с образованным чело(Л. 80/41 об.)веком, с которым бы можно поговорить о чем-нибудь; станционные Смотрители такие невежи, народ без воспитания... если бы, признаюсь, не случай такой³⁷, которой меня вознаградил совершенно (*посматривает на Анну Андреевну*³⁸), то я не знаю, что бы со мною было.

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Вы делаете много чести... Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете? вы, сударыня, очень заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да, конечно, это не то, что в городе³⁹. Впрочем, деревня тоже приятно: ручейки, хижинки, зефиры...⁴⁰

(Л. 81/42.) Анна Андреевна. А там зато, я думаю, все в магазинах самые модные вещи и с самым тонким вкусом.

Хлестаков. О да, там вы найдете все, что захотите. Оденут вас. Портные там удивительно шьют. Если вам понадобится, на при-

---

³⁵ светскую любезность *зачеркнуто* (1)

³⁶ *Вместо:* Я никак не смею ~ на свой шот... — *стало:* Помилуйте-с, я никак не смею на свой шот... (1)

³⁷ *Вместо:* не случай такой — *стало:* не такой случай, как теперь (1)

³⁸ *В рукописи:* Марью Андреевну

³⁹ *Вместо:* это не то, что в городе — *стало:* а. а не то, что в городе; б. Слов нет (1)

⁴⁰ *Далее вписано и зачеркнуто:* Все это, знаете, уж теперь прошла мода. Ведь и Булгарин заметил, не помню, что он говорит. (1)

мер, сделать себе фрак и панталоны. Вы просто приходите к нему и скажите: “Вот мне нужны фрак и панталоны”, и можете быть уверены, что фрака такого вам нигде не сошьют.

А н н а А н д р е е в н а. Скажите, как скоро.⁴¹

Х л е с т а к о в.⁴² Да, я служу⁴³ там с большой выгодой. Это правда, что на мне небольшой чин. Уж никак не больше Коллежского Ассессора, даже немножко меньше. Но зато меня уж вся Канцелярия знает и Начальник Отделения совершенно со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: “Приходи, братец, обедать”. (Л. 82/42 об.) Я, можно сказать, один у нас заведоваю всеми делами.⁴⁴ В канцелярии без меня был бы страшный⁴⁵ Ералаш⁴⁶. А я, знаете, только⁴⁷ приду, скажу, это вот так, это вот этак, тотчас наскоро напишу отношение из одного отделения в другое, все это так живо⁴⁸. Мне там уж и кресло стоит особенно, как будто Столоначальнику, право.⁴⁹ (Городничему.) Что вы, господа, стоите. Пожалуста, садитесь. Я не церемонный.⁵⁰

Вместе. { Городничий. Чин такой, что еще можно постоять.
Артемиий Филипович. Мы постоим.
Лука Лукич. Не извольте беспокоиться.

Х л е с т а к о в. Без чинов, прошу садиться. (Городничий и все садятся.) А какой странный со мною анекдот случился во время проезда в гостинице. Приезжаю я вот в этакую самую пору. Только нет, правда, это было около вечера. Только вижу, в гостинице уж дожидается какой-то этаккой молодой человек (...) (Л. 85/43.) землю да и съел куропатку. Есть ли бы вы увидели, в какое бешенство впал мой франт. “Уж этот, говорит, Хлестаков,

⁴¹ А там зато, я думаю ~ как скоро. *зачеркнуто* (I)

⁴² Далее вписано чернилами и *зачеркнуто* карандашом: О, жизнь там никак нельзя сравнить (I)

⁴³ Вместо: Да, я служу — стало: Я, Сударыня, служу (I)

⁴⁴ Вместо: Я, можно сказать ~ всеми делами. — стало: Ну и то сказать, что уж зато я и делаю много (I)

⁴⁵ Вместо: был бы страшный — стало: была бы страшная (I)

⁴⁶ В рукописи: Елараш

⁴⁷ Вместо: А я, знаете, только — стало: Я совсем не принадлежу к этим [людишкам], которые только переписывают, я только (I)

⁴⁸ Вместо: тотчас наскоро ~ так живо — стало: и там уж сей час чиновник для письма так это все скоро (I)

⁴⁹ Далее вписано между строк и на полях: И сторож летит еще на леснице за мною с щеткою: “Позвольте, Иван Александрович, я вам сапоги почищу”. (I)

⁵⁰ Я не церемонный. *зачеркнуто* (I)

всегда он наделает таких штук” . (Городничий и все почтительно смеются.)⁵¹

А н н а А н д р е е в н а. Как это забавно. Какой простак⁵² ваш приятель!

Х л е с т а к о в. Да, таких молодчиков много есть на свете. Мне часто случалось иметь с ними дело. Я в Петербурге бываю во всех лучших обществах.⁵³ Меня даже раз, когда я шел пешком, приняли за Дибича-Забалканского⁵⁴. Право, и удивительно то, что даже на мне не было военной шинели; все солдаты выскочили из Губтвах-

---

⁵¹ А какой странный ~ молодой человек *зачеркнуто*; *следовавший далее текст* (на одинарном листе, с. 83—84 авторской пагинации) из рукописи *изъят*, не сохранился (имеется лишь черновой набросок этого фрагмента — см. с. 235—236 наст. изд.); землю да и съел куропатку ~ почтительно смеются.) *зачеркнуто*. *Вместо зачеркнутого и исключенного текста на л. 82/42 об—85/43 вписано*: (Х л е с т а к о в.) [Да там я [во всех лучших обществах бываю. А как(ой)? со мною недавно анекдот случился та(м?)...] я там... Меня одна Графиня очень того... Один раз приезжает ко мне карета, [славны(м)] убрано все это великолепнейшим (так в рукописи) входит камердинер весь в золоте, входит [спрашивает], входит ко мне: “Вы Иван Александрович?..” — “Я...” и вдруг, не говоря мне ни слова, завязывают мне глаза, сажают в карету. Я, признаюсь, я сначала даже немного испугался. [Только] привозят к дому великолепнейшему [Я чувств(ую)], берут меня под руки*, и чувствую, что ведут меня по вызолоченной лестнице, по сторонам Вазы, все это со вкусом**, наконец приводят в великолепную комнату, вдруг [я чувств(ую)] развязывают глаза, и что ж я вижу, передо мной красавица, вообразите, в полном совершенстве, одета [великолепнейшим образом... Ну естественно, что я воспользов(ался) тот же час] как нельзя лучше. Шляпа на ней в перьях, бриллианты сияют. Белизна лица лица*** просто ослепительна... Ну само собою разумеется, что тот же час воспользовался.

А н н а А н д р е е в н а. Скажите, како(е) романтическое происшествие.

Х л е с т а к о в. О, да! со мно(ю) много подобных было случаев. Да я там бываю во всех [лучших обществах] домах. Танцую Французский кадрили. А какой странной случай там был со мною. Приезжаю я в лучшее общество. Ну, становлюсь в первую пару. Вдруг один из этих молодчиков, знаете, эдакие [фонфароны] из числа фонфаронов. Только он, смотрю, наступил мне на самую ногу. “Извините, говорю, что не кулаком”, а я тут же, поворотившись, хлоп его по щеке: “Извините, говорю, что не кулаком”. И он после это(го), знаете, так сконфузился, присел в уголку и уж ни с кем не танцевал. — [Да] А после говорит уж мне**** граф Ивелич: “Ну ты, братец, его хорошо отделал”. Да. [Я уж знаю] там без меня, знаете... (I; * меня под руки вписано; ** все это со вкусом вписано; *** так в рукописи; **** уж мне вписано)

⁵² В рукописи: простакый

⁵³ Текст: А н н а А н д р е е в н а. Как это забавно ~ лучших обществах. — был переработан в несколько приемов. Первоначально Гоголь заменил лишь одну фразу — вместо слов: А н н а А н д р е е в н а. ~ ваш приятель! — написано: М а р ь я А н т о н о в н а. Ах, Маминька, я где-то читала этот самой анекдот. А н н а А н д р е е в н а. Ну что ж, что читала, как будто не могло случиться в другой раз. (I). Кроме того, Гоголь начал править текст: Да, таких молодчиков ~ обществах. — Между строк вписано и зачеркнуто: а. Эти; б. Этих молодчиков (I). Затем Гоголь зачеркнул весь текст.

⁵⁴ Вместо: Дибича-Забалканского — стало: Турецкого посланника

Астаховъ

Да иная зуре водитъ знаютъ се каковы
гусинскихъ Неваго въ театру... Съ его-
роискиакии актрисами знахавъ, и въ
тоже и литературоу занимаюу, на сцену
разные водевилыки даю и довоилю. За-
те зтакъ бдано. Литературоу са-
ито вкору. А какъ стасало сосидеть
поступилъ и яду. ~~Въ театру тамъ при иномъ
времяхъ. Въ театру тамъ при иномъ
времяхъ.~~

~~вотъ въ станинъ разе, какъ въ
роитъ, рибей по эту бутылку, какъ
на ~~моука для бдана. Въ театру тамъ при иномъ
времяхъ.~~ ^{при довоилю или иномъ} ~~какова~~
тора бданоу а поитамъ чортъ какъ
какото писатъ такъ перо станинъ
тр. тр. тр... Недавно онъ такую капи-
савъ пишу и секретно отъ театру что
просто коисеи гусинскихъ астаховскихъ. У
какъ одна ^{какаяиная отдаленный} ~~неповески~~ въ гуна соисеи &
когда прогнала. Мою же самага
для пригана за писатъ ххххххх
и бданоу въ бданоу. Съ Буларе
писатъ обидано.~~

и или ии брссва

Мая бы и писатъ? Какъ это бдано...
вотъ приети. соисеи. или бдано...
и въ театру писатъ.

"Ревизор". Писарская копия с авторской правкой (вторая редакция). Л. 86/43 об.
Российская государственная библиотека. Москва

ты и сделали ружьем. После уже их⁵⁵ офицер, которой мне очень знаком, говорит мне: “Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за Дибича-Забалканского”⁵⁶.

А н н а А н д р е е в н а. Скажите, как!

(Л. 86/43 об.) Х л е с т а к о в. Да меня уже везде знают, я на всех гуляньях бываю, в театре... С хорошинькими актрисами знаком. Я вить тоже литературою занимаюсь: на сцену разные водевильчики даю, и довольно, знаете, этак удачно. Литераторов часто вижу. А как странно сочиняет Пушкин. Вообразите себе, перед ним стоит в стакане ром, славнейший ром, рублей по сту бутылка, какова только для одного Австрийского Императора берегут, и потом уж как начнет писать, так перо только: тр... тр... тр... Недавно он такую написал пиэсу Лекарство от холеры, что просто волосы дыбом становятся. У нас один чиновник с ума сошел, когда прочитал. Того же самого дня приехала за ним кибитка и взяли его в больницу. С Булгариним обедаю.⁵⁷

А н н а А н д р е е в н а. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю. Вы, верно, и в журналы помещаете.

(Л. 87/44.) Х л е с т а к о в. Да, как же, я помещаю разные водевили и такие разные театральные штучки.⁵⁸ Моих, впрочем, много есть сочинений: Женитьба Фигарова, Сумбека... вот и Фенела тоже мое сочинение, Роберт⁵⁹... и все это так по случаю. Я даже не хотел их, признаюсь, писать, но Театральная Дирекция говорит: “Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь”. Думаю себе: “Пожалуй, изволь, братец, и тут же в Канцелярии начал одну из них⁶⁰. Да и в журналах помещаю сочинения: в Московском Телеграфе и в Библиотеке для чтения. Да если сказать правду, то я сам почти все там делаю.⁶¹ Вот эти все статьи, что были там Брамбеуса, это все мои.

А н н а А н д р е е в н а. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Х л е с т а к о в. Да, это все мои, и Марлинские⁶², и другие раз-

---

⁵⁵ их зачеркнуто

⁵⁶ Вместо: Дибича-Забалканского — стало: Турецкого посланника

⁵⁷ Первоначально в тексте: А как странно ~ обедаю. сделано два исправления: вместо: только для ~ и потом — написано: при дворе даже нет; вместо: чиновник — написано: начальник Отделения. Затем весь текст зачеркнут, вместо него написано: У меня тоже обедают, некоторые. У меня хорошая квартирка. Я плачу восемь сот рублей, право, три комнаты этикие хорошие (тоже вписано)

⁵⁸ Вместо: Да, как же ~ штучки. — стало: Да, и в журналы помещаю.

⁵⁹ Роберт зачеркнуто

⁶⁰ Вместо: начал одну из них — стало: этак наскоро написал несколько пиес

⁶¹ Да если сказать ~ делаю. зачеркнуто (1)

⁶² и Марлинские зачеркнуто (1)

ные сочинения. Мне Смирдин двадцать пять тысяч платит. Как же, я там главной распорядитель (Л. 88/44 об.) в его журнале. У меня все это. Без меня ничто там не помещается; я там все статьи переправляю.

Анна Андреевна. Так, верно, это Юрий Милославский ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Анна Андреевна. Да⁶³, я сей час догадалась!

Марья Антоновна. Ах, маминька, там написано, это Г. Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот, я так и знала, даже здесь будет спорить!

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина, а есть другой Юрь Милославский, так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Да, я за словесность получаю⁶⁴ сорок тысяч⁶⁵ в год. Я этим составил себе состояние, у меня два дома есть в Петербурге, и если бы вы подошли к моему дому, то (Л. 89/45.) вы бы подумали, что дворец, и я нарочно⁶⁶ уж так велел архитектору, чтобы дал самый лучший вид, так везде колонны и вазы⁶⁷. Я сам даю балы даже иногда.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы.

Хлестаков. Да, балы там такие... вот, например, бал у Графа Кочубея: ему кушанье присылают прямо из Лондона, даже этак как принесут с корабля, то малинкой пар еще слышен. Да, батюшка, там каждая десертная тарелочка, так это, я вам скажу, просто объядение. Один рябчик стоит восемьсот рублей, да какая-нибудь перепелка рублей тысячу. Подадут вам⁶⁸ какой-нибудь этакой пирог, что сам он горяч так, что вы не можете взять в рот, а в середине мороженое, холодное вот как лед. Да, я каждый раз бываю на этих балах. Там у нас и вист свой составился: Министр (Л. 90/45 об.) Финансов, Министр

⁶³ Да зачеркнуто (I)

⁶⁴ Вместо: я за словесность получаю — стало: Мне Смирдин (I)

⁶⁵ Далее вписано: дает (I)

⁶⁶ Вместо: и я нарочно — стало: Я нарочно (I)

⁶⁷ Вместо: и вазы — стало: и пруды, каскады... Да. Если б этакую квартиру нанять, то нужно по крайней мере 20 тысяч в год. (I)

⁶⁸ Вместо: Да, балы ~ Подадут вам — стало: О, балы там отличные: подадут вам десертную тарелочку, [просто объядение] так это просто объядение, или (I)

Юстиции, Французский Посланник⁶⁹ и я. И как только иногда как-нибудь замешкаюсь, то уж Министры говорят⁷⁰: “Да где ж Иван Александрович, послать за Иваном Александровичем. И как начнем играть, то просто, я вам скажу, что уж ни на что не похоже, дня два не сходя со стула играем. И так уморишься⁷¹, так уморишься, что как взбежишь к себе на лестницу в четвертой этаж, то просто сбросишь с себя шинель кухарке⁷² и скажешь только: “На, матушка⁷³”, а пот так в три ручья и льется, и на другой день в должность уж никак не хочешь итти. “Осип, и не буди меня” бывало, говорю: “Ей Богу, не пойду”. Впрочем, я это так только говорю, а у меня должность тут же на дому и чиновники всегда ко мне приходят. А любопытно очень видеть, если бы нарочно заглянули, когда я проснусь. В передней у меня Графы и Князья толкуются и жужжат так, как шмели, только слышно: ж, ж, ж... “Да подите” думаю себе “к... (Л. 91/46.) Ну, нечего делать, нужно, однако ж, выдти к ним: и нельзя, впрочем: иной раз Министр, не то чтобы всегда, а иногда заедет. (*Городничий и прочие с робостью встают с своих стульев.*) Всем нужна ко мне. Я веть имею самое прибыточное место. Мне даже на пакетах пишут иногда: “Ваше Превосходительство”; у меня и звезда есть: небольшая только, малинькая, вот такая (*показывает рукою на фрак*)⁷⁴. Я один раз даже управлял Министерством. Право, и так это странно случилось. Министр куда-то уехал⁷⁵: все думали, кому дать исправлять должность, кто будет, как и что. Многие из Генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало: — нет, мудрено; кажется и легко на вид, а рассмотришь — нет, чорт возми, трудно, да после видят, что нечего делать — ко мне. “Иван Александрович” говорят “может это сделать”. И тотчас Фельдъегерь скачет: “Иван Александрович! Иван Александрович, (Л. 92/46 об.) ступайте Министерством управлять!” Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате, ну, уж отказаться, да думаю себе, дойдет до Государя...⁷⁶ неприятно, ну да и не хотелось испортить свой послужной список. “Извольте, говорю, господа, я принимаю должность, только уж у меня прошу не так, уж теперь ни, ни, ни... Уж у ме-

---

⁶⁹ Вместо: Министр Финансов ~ Посланник — стало: Министр, Французский посланник, Английский [посланник], Немецкий Посланник (1)

⁷⁰ Вместо: Министры говорят — стало: посланники и говорят (1)

⁷¹ Вместо: дня два ~ так уморишься — стало: так уморишься (1)

⁷² шинель кухарке *зачеркнуто и снова вписано* (1)

⁷³ Стало: Маврушка (1)

⁷⁴ у меня и звезда есть ~ на фрак) *зачеркнуто* (1)

⁷⁵ Вместо: куда-то уехал — стало: по болезни уехал в свою деревню (1)

⁷⁶ Государя... *зачеркнуто и снова вписано* (1)

ня ухо остро держите... я уж..." и точно, бывало, как прихожу, то у меня чиновники все вот так трясутся (*Городничий и прочие трясутся от страха*), я и в Государственном Совете присутствую, и во дворец, если там иногда маленькие⁷⁷ балы случатся, то за мной уж посылают. Да меня даже хотели сделать... (*не могли придумать, останавливаются*) да. А какие есть хорошинькие магазинщицы на Невском проспекте...⁷⁸

Г о р о д н и ч и й (*подходя и трясясь всем телом, силится выговорить*). А ва, ва, ва... ва.

Х л е с т а к о в. Что такое? вы что-то говорите.

⟨Л. 93/47.⟩ Г о р о д н и ч и й. А ва, ва, ва... ва...

Х л е с т а к о в. Не разберу ничего.

Г о р о д н и ч и й. Ва, ва, ва... шество, Превосходительство, не прикажете ли отдохнуть... вот и комната и все, что нужно...

Х л е с т а к о в. А, хорошо, хорошо, мне точно что-то немного зевается⁷⁹ (*встает*), вы меня извините, сударыня, право, чрезвычайно хочется спать. Завтрак был у вас хорош (*входит в боковую комнату, за ним Городничий*).

Явление VII.

Т е ж е, кроме Хлестакова и Городничего.

Б о б ч и н с к и й (*Добчинскому*). Вот это, Петр Иванович, какой важной человек, я, ей Богу, никогда еще не был в присутствии такой важной персоны. Я чуть не умер со страху, ей Богу. Как вы думаете, Петр Иванович, кто он такой?

Д о б ч и н с к и й. Я думаю, что чуть ли не Генерал.

Б о б ч и н с к и й. А я так думаю, что Генерал ему и ⟨Л. 94/47 об.⟩ в подметки не станет, а когда Генерал, то уж разве сам Генералиссимус. Ей Богу, и во дворец ездит... Пойдем, Петр Иванович, расскажем об этом Аммосу Федоровичу и Коробкину, они еще ничего об этом не знают. Прощайте, Анна Андреевна.

Д о б ч и н с к и й. Прощайте, Кумушка!

А р т е м и й Ф и л и п о в и ч (*Луке Лукичу*). Шутите, с этакою молодостию, да такие должности отправляет. Я еще, признаюсь, никогда такова Ревизора не видел. Прощайте, сударыня (*уходит, за ним Лука Лукич*).

⁷⁷ маленькие зачеркнуто (I)

⁷⁸ Вместо: да. А какие ~ проспекте... — стало: Да (зевает) (I)

⁷⁹ Вместо: немного зевается — стало: немного... (I)

Явление VIII.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ах, какой приятной.

Марья Антоновна. Ах, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! сей час можно увидеть столичную штучку. Приемы и все это такое... ах, как хорошо! я страх люблю таких <Л. 95/48.> молодых людей. Я просто без памяти... Он, однако ж, меня очень понравил, я заметила, все на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маминька, видите ли, какие вы: он больше на меня глядел.

Анна Андреевна. Пожалуста, с своим вздором подальше. Это здесь вовсе неуместно.

Марья Антоновна. Нет, маминька, право...

Анна Андреевна. Ну вот, Боже сохрани, чтоб не поспорить! нельзя, нельзя, да и полно. Где ему смотреть на тебя и с какой же стати ему смотреть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маминька, все смотрел, и как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с Министром⁸⁰, и тогда посмотрел на меня.

Анна Андреевна. Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж верно⁸¹, лишь бы только... "А!" говорит себе "дай уж посмотрю на нее!"

<Л. 96/48 об.> Марья Антоновна. Ей Богу, маминька, на вас меньше глядел, чем на меня. Вы, может быть, не видали и оттого вам так кажется.

Анна Андреевна. Сама ты "кажется". Досаднее всего, когда начнет этакие рассуждения... Ты просто дура и больше ничего, тебе не следует мне этак говорить. Ты можешь это сказать своей Парашке. Какие в самом деле глупости! нельзя же ему делать мне прямо глазки. Он знает, что я женщина замужняя, да притом и дурачина муж мой тут же стоял.⁸²

---

⁸⁰ Стало: посланниками (I)

⁸¹ верно зачеркнуто (I)

⁸² Марья Антоновна. Ей Богу, маминька ~ тут же стоял. зачеркнуто (I)

Явление IX.

Те же и Городничий.

Городничий (*входит на цыпочках*). Тс... тс...

Анна Андреевна. Что?

Городничий. Прилег отдохнуть. Боже вас сохрани тут как-нибудь шуметь.

Анна Андреевна. Послушай, да зачем ты пригласил его в комнату? Веть нужно обедать; сей час обед готов.

Городничий (*расставляя руки и задумываясь*). Обедать?

⟨Л. 97/49.⟩ Анна Андреевна. Да как же. С какой стати ты предложил ему спать.

Городничий. Ну, матушка, признаюсь, я и сам не знаю, отчего я ему предложил спать.⁸³ Так совсем ошеломило. Страх такой напал. Еще такова никогда не было Ревизора (*задумывается*), с Министрами играет и во дворец ездит... так вот, право, чем больше думаешь,⁸⁴ чорт его знает, не знаешь, что и делается в голове: как будто стоишь на какой-нибудь колокольне или тебя хотят повесить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости. Я просто видела в нем образованного, светского, высшего тона человека; а о чинах его мне и нужды нет.

Городничий. Ну⁸⁵ уж вы женщины — все кончено: одного этого слова достаточно. Вам все это⁸⁶ тралала. Вдруг брякнуть ни из того, ни из другого словцо. Вас высекут да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

⟨Л. 98/49 об.⟩ Анна Андреевна. Об этом я уж советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое...⁸⁷

Городничий (*один*). Ну уж с вами говорить. Эко⁸⁸ в самом деле оказия.⁸⁹ До сих пор не могу очнуться от страха. (*Отворяет дверь и говорит в дверь.*) Мишка, позови Квартальных Свистунова и Держиморду, они тут недалеко где-нибудь за воротами. (*После небольшого молчания.*) Чудно все завелось теперь на свете, народ все

---

⁸³ Анна Андреевна. Послушай, да зачем ~ предложил спать. *зачеркнуто* (I)

⁸⁴ Стало: думаешь... (I)

⁸⁵ Стало: Ну! (I)

⁸⁶ Стало: это:

⁸⁷ Далее вписано: (посматривает на дочь) (I)

⁸⁸ Вместо: говорить. Эко — стало: говорить!.. Эка (I)

⁸⁹ Стало: оказия! (I)

тонинькой, поджаристой такой. Никак не узнаешь, что он важная особа. Однако ж как он ни скрывался, а наконец-таки не выдержал и все рассказал. Видно, что человек молодой.

Явление X.

Те же и О с и п. Все бегут к нему на встречу и кивают ему пальцем.

А н н а А н д р е е в н а. Подойди сюда, любезной.

Г о р о д н и ч и й. Чш!.. что, что? спит?

О с и п. Нет еще, немножко потягивается.

А н н а А н д р е е в н а. Послушай, как тебя зовут?

⟨Л. 99/50.⟩ О с и п. Осип, сударыня.

Г о р о д н и ч и й.⁹⁰ Полно, полно вам. Ну что, друг, тебя накормили хорошо?

О с и п. Накормили, покорнейше благодарю, хорошо накормили.

А н н а А н д р е е в н а. Ну что, скажи, к твоему барину слишком, я думаю, много ездит Графов и Князей?

О с и п (в сторону). А что говорить! коли теперь накормили хорошо, значит, после еще лучше накормят (вслух), да, бывают Графы и Князья⁹¹.

А н н а А н д р е е в н а. А какую каретою барин твой ездит? естли случится во дворец, голубою или желтою?⁹²

М а р ь я А н т о н о в н а. Душинька Осип, какой твой барин хорошинькой.⁹³

А н н а А н д р е е в н а. А Государь к нему ездит?⁹⁴

Г о р о д н и ч и й. Да перестаньте пожалуста.⁹⁵ Вы такими пустыми речами только мне мешааете... Ну что, друг?..

⟨Л. 100/50 об.⟩ А н н а А н д р е е в н а. А чин какой на твоем барине?

О с и п. Чин обыкновенно какой, известно, что уж чин важной⁹⁶.

Г о р о д н и ч и й. Ах Боже мой, вы все с своими глупыми распросами не дадите ни слова поговорить о деле. Ну что, друг, что, как там твой барин?.. Что, строг? Любит этак распекать или нет?

---

⁹⁰ Далее вписано: ([Анне Анд(реевне)] Жене и дочери) (I)

⁹¹ Вместо: Графы и Князья — стало: и Графы (I)

⁹² А н н а А н д р е е в н а. А какую каретою ~ желтою? зачеркнуто (I)

⁹³ Стало: хорошинькой!

⁹⁴ Вместо: А Государь к нему ездит? — стало: А что, скажи пожалуста, Осип, как он (I)

⁹⁵ Стало: пожалуста!

⁹⁶ известно, что уж чин важной зачеркнуто (I)

О с и п. Да, порядок любит. Уж ему чтобы все было в исправности.

Г о р о д н и ч и й. А мне очень нравится твое лицо, друг, ты должен быть хороший человек. Ну что...

А н н а А н д р е е в н а. А маскарады?⁹⁷

Г о р о д н и ч и й. Полно вам, право, трещотки какие. Здесь нужная вещь. Дело идет о жизни человека... (К Осипу.) Ну что, сосед⁹⁸, имеешь ты хозяйку?

О с и п. Нет, сударь, еще не женат.

Г о р о д н и ч и й. Право, мне ты очень нравишься. Послушай, в дороге не мешает, знаешь, (Л. 101/51.) чайку выпить лишний стаканчик, оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай.

О с и п (принимая деньги). А покорнейше благодарю, сударь. Дай Бог вам всякого здоровья, бедной человек, помогли ему.

Г о р о д н и ч и й. Хорошо, хорошо, я и сам рад, а что, друг...

А н н а А н д р е е в н а. Послушай, Осип, а какие глаза больше всего нравятся твоему барину?..

М а р ь я А н т о н о в н а. Осип, душинька...⁹⁹

Г о р о д н и ч и й. Да постойте, дайте мне (к Осипу), а что, друг, скажи пожалуста, на что больше барин твой обращает внимание, то есть что ему на дороге больше всего нравится.

О с и п. Любит он по рассмотрению, что как придется. Больше всего любит, чтобы его приняли хорошо, угощение чтоб было хорошее.

Г о р о д н и ч и й. Хорошее?

(Л. 102/51 об.) О с и п. Вот уж на что я, крепостной человек, но и то смотрит, чтоб и мне было хорошо. Ей Богу. Бывало, заедем куда-нибудь: “Что, Осип, хорошо тебя угостили?” — “Плохо, Ваше Высокоблагородие”. — “Э, говорит, это нехороший человек, хозяин. Ты, говорит, напомни мне, как приеду”. “А” думаю себе (махнув рукою) “Бог с ним, я человек простой”.

Г о р о д н и ч и й. Хорошо, хорошо, и дело ты говоришь. Там я тебе дал на чай, так вот еще сверх того на баранки.

О с и п. За что жалуετε, Ваше Высокоблагородие (прячет деньги), разве уж выпью за ваше здоровье.

А н н а А н д р е е в н а. Приходи, Осип, ко мне, тоже получишь.

---

⁹⁷ Вместо: А маскарады? — стало: Послушай, Осип. А как Барин твой в Мундире ходит... (I)

⁹⁸ Стало: Друг (I)

⁹⁹ Стало: душинька!..

Марья Антоновна. Осип, скажи пожалуста... (Слышен с другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.)

Городничий. Чш..! (Поднимается на цыпочки.¹⁰⁰ <Л. 103/52.> Вся сцена в полголоса.) Боже вас сохрани шуметь, идите, идите себе, полно уж вам...

Анна Андреевна. Пойдем, Машинька! Я тебе скажу что-то такое, я заметила у гостя такое, что нам вдвоем только можно сказать.

Городничий. О, уж там наговорят! я думаю, поди только да послушай! и уши потом заткнешь, (обращаясь к Осипу) ну, друг...

Явление XI.

Те же, Держиморда и Свистунов.

Городничий. Чш! экие косолапые медведи стучат ногами¹⁰¹ так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги. Где вас чорт таскает.

Держиморда. Был по приказанию...

Городничий. Чш (закрывает ему рот), эк как каркнула ворона (дразнит его), “был по приказанию”, как из бочки, так рычит, (к Осипу) ну друг, ты ступай приготовляй там, что нужно для барина, все, что ни есть на дому, требуй. (Осип уходит.) <Л. 104/52 об.> А вы стоять на крыльце и ни с места. И никого не впускать в дом стороннего. Боже вас сохрани, особенно купцов. Как только¹⁰² одного из них впустите — то... я даже и говорить не хочу, что вам за это достанется¹⁰³. Как только увидите, что идет кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбой, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, то в зашей так прямо и толкайте! так его, хорошенько! (Показывает ногою.) Слышите, Боже вас сохрани. Чш... Чш... (уходит на цыпочках в след за квартальными).

Занавес опускается.

---

¹⁰⁰ Далее в рукописи: Боже (по-видимому, сбой при переходе с одного листа на другой)

¹⁰¹ Стало: сапогами

¹⁰² Вместо: Как только — стало: Если хоть

¹⁰³ Вместо: я даже и говорить не хочу ~ достанется — стало: и на свет после не смотрите

⟨Л. 105/53.⟩ Действие IV.

Явление I.

Хлестаков один.

Мне нравится здешний городок. Жители такие гостеприимные... этак я люблю жить. А много значит побыть несколько времени в Петербурге: даже не будь Помощником столоначальника, а просто канцелярским чиновником, а все уж к тебе чувствуют почтение.¹ Городничий бегаёт², услуживает, все³ заведения показывает,⁴ и если⁵ что говоришь, то говоришь от души, ничем не связан, никто тебя не перебивает, именно духу придает, чувствуешь, как будто точно значишь что-нибудь важное. Дочка у него очень хорошинькая; такая свежинькая, розовые губки... так у ней и то... и то... (*вертит рукою*) изрядной коленкор⁶. Да и матушка такая, что еще можно бы...⁷ Я люблю этак проводить время! А Городничий должен быть совсем рассеянной, я думаю, даже глуп, вместо двух сотрублевой, как я рассмотрел теперь, он мне дал четыреста. Не худо.⁸ Будет чем⁹ домой доехать.¹⁰ А если уж он так глуп, то не мешало¹¹ бы еще попробовать, авось-либо он еще даст в займы. ⟨Л. 106/53 об.⟩ Дорога ведь такая вещь, что на всякой случай не худо запастись деньгами. Может быть, придется опять, канальство, попробовать щастия. Ведь не все ж такие, как пе-

---

¹ этак я люблю жить ~ почтение. *зачеркнуто*

² *Вместо:* Городничий бегаёт — *стало:* Городничий так все это...

³ все *зачеркнуто*

⁴ *Далее вписано:* Все так аккуратно и хорошо. Стол [пр(аво?)] очень недурен, вина...

⁵ *Вместо:* и если — *стало:* Если

⁶ *Вместо:* изрядной коленкор — *стало:* а. хорош коленкор; б. да, недурен коленкор;

в. *Зачеркнуто*

⁷ *Далее вписано:* приволокнуться

⁸ *Вместо:* Не худо. — *стало:* Впрочем, это не худо.

⁹ *Вместо:* Будет чем — *стало:* Теперь станет даже

¹⁰ *Далее вписано:* (Помолчав)

¹¹ *Вместо:* А если уж он так ~ не мешало — *стало:* Не мешало

хотный Капитан. Может быть, наскочу на такого простофилю, что рубашонку только ему оставлю.¹²

Явление II.

Хлестаков и Почтмейстер, входит, вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться, Почтмейстер, Надворный Советник Шпекин.

Хлестаков. А, хорошо. Прошу покорнейше садиться... Я знаком с вашим начальником: славной Человек. А как в вист отлично играет. С ним никто не может. Он знает вперед, еще вы не пойдете, а он уж вам скажет, с чего вы пойдете. Вы, говорит, с дамы пойдете, и точно. И не то, чтобы как-нибудь были накраплены карты, — нет, вы с собою принесете новую колоду. *(В сторону.)* У этого, мне кажется, у Почтмейстера¹³ можно занять денег в займы! *(Вслух.)* Так вы здешний Почтмейстер.

⟨Л. 107/54.⟩ Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. Вообразите, какой странной случай со мною. Выехавши из Петербурга, я рассчитал как нарочно все это самым аккurateйшим образом. Вот это, думаю себе, на прогоны, это на издержки для себя, это ямщикам на водку, это для моего крепостного человека, и все как нельзя лучше. Но, к величайшему изумлению, стало мне всего только на половину дороги и теперь недостает какой-нибудь безделицы. Не можете ли вы мне снабдить на самое короткое время сколько-нибудь денег?

Почтмейстер. Сколько прикажете?

Хлестаков. Да рублей хоть сто на первой случай. Я завтра даже... или очень скоро возвращу.

Почтмейстер. Сей час *(вынимает из бумажника деньги и подает Хлестакову)*.

Хлестаков. Покорнейше благодарю. *(В сторону.)* Почтмейстер, кажется, хороший человек.

Почтмейстер *(встает, вытягивается и придерживает шпагу)*. Не смея долее беспокоить своим при⟨Л. 108/54 об.⟩существом... не будет ли какого замечания по части Почтового Управления?

Хлестаков. Прощайте, прощайте, хорошо, хорошо.

¹² *Вместо:* Может быть, наскочу ~ оставлю. — *стало:* а. Даст Бог и мне пойдет счастье; б. Даст Бог и мне повезет

¹³ *Вместо:* у Почтмейстера — *стало:* Почтмейстера

Явление III.

Хлестаков и Аммос Федорович, в мундире, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.

Аммос Федорович. Имею честь представиться, Судья здешнего уездного суда, Коллежский Ассессор Припекаев.

Хлестаков. А, сделайте милость, садитесь. Мне очень хорошо знаком ваш начальник.¹⁴ Что вы давно занимаете тут место.

Аммос Федорович. С 816-го был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. Это хорошо. Я сам тоже служу, что, вы получили награды?

Аммос Федорович. За три трехлетия удостоен Владимира 4 степени и одобрения со стороны начальства.

Хлестаков. Да это, впрочем¹⁵, еще довольно щастливо. У нас есть один такой, что (Л. 109/55.) пятнадцать лет служит и только получил одну пряжку. Скажите, пожалуста: мне, право, несколько и совестно, да нечего делать. Со мною странный случай: в дороге совершенно истратился... Не можете ли вы одолжить мне на малое время рублей сто. Я вам, может быть, завтра же отдам.

Аммос Федорович. Сей час (*вынимает поспешно из бумажника деньги*).

Хлестаков. Очень¹⁶ вам благодарен.¹⁷ В дороге, знаете, этак разные потребности могут случиться. Нельзя¹⁸ предвидеть: в одном месте захочешь поесть, в другом купить что-нибудь. Оно хоть и безделица, а все составляет щет.

Аммос Федорович (*раскланиваясь*). Не смею беспокоить своим присутствием, имею честь пребыть...

Хлестаков. А вы уже идете? зачем же так рано, посидите еще! мне очень приятно с вами побеседовать.

Аммос Федорович. Не смею беспокоить...

Хлестаков. Ну когда так, то прощайте; покорно благодарю (Л. 110/55 об.) вас за то, что навестили меня.¹⁹ (*Выпровождает Аммоса Федоровича.*)

¹⁴ Мне очень ~ ваш начальник. *зачеркнуто* (I)

¹⁵ впрочем *зачеркнуто* (III)

¹⁶ Далее вписано: очень

¹⁷ Далее вписано: (пожимает его руку)

¹⁸ Стало: Никак нельзя

¹⁹ Далее вписано: Сделайте милость и вперед, если будет время.

Явление IV.

Хлестаков и Артемий Филипович, в мундире,
со шпагою.

Артемий Филипович. Имею честь представиться, Попечитель Богоугодных заведений, Надворный Советник Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться, я знаком с вашим начальником²⁰.

Артемий Филипович. Имел честь вчера сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению Богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да, помню, вы очень хорошо угостили нас завтраком.

Артемий Филипович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Да и вина были очень хороши. После того я хотя и отдохнул немного, но никак не мог обедать, и²¹ за обедом уж почти ни одной рюмки не пил, а в голове все чорт знает как ходенем пошло. Скажите пожалуйста, как ваша фамилия, я все позабываюсь.

(Л. 111/56.) Артемий Филипович. Надворный Советник Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. А да, Ляпкин-Тяпкин... Ляпкин-Тяпкин... У вас, верно, и родственники есть?

Артемий Филипович. Никак нет.

Хлестаков. Что же это мне показалось, как будто у вас есть родственники.

Артемий Филипович. Может быть, вы изволили о ком другом слышать?

Хлестаков. А да, точно, может быть (*издает небольшую отрывку*).²²

---

²⁰ я знаком с вашим начальником *зачеркнуто*

²¹ и *зачеркнуто*

²² *Вместо: У вас, верно ~ небольшую отрывку). — стало: а. И что ж, скажите пожалуйста, есть у вас и детки? Артемий Филипович. Есть. Хлестаков. Большие? Артемий Филипович. Два уже учатся, а прочие живут при мне. Хлестаков. И что ж, как они... здоровы? Артемий Филипович. Да слава Богу! Меньшой только немножко прихворнул. Хлестаков. Прихворнул? Артемий Филипович. Да, возле пупка сделался чирый. Хлестаков. Ах как это неприятно. Однако ж ведь это пройдет... А сколько у вас деток. Артемий Филипович. Всех пять: Николай, Иван, Лизавета, Марья и Перепетуга. Хлестаков. Это хо-*

Артеми́й Филипови́ч. Изволили что-то сказать?

Хлестаков. Ничего (*помолчав*), а впрочем, если уж вам так посылшалось, то я попросил бы у вас²³ в займы несколько денег.

Артеми́й Филипови́ч (*берется за карман*). Сколько прикажете?

Хлестаков. Рублей полтора, а если в случае при вас отыщется и двести, то, конечно, лучше уж двести.

⟨Л. 112/56 об.⟩ Артеми́й Филипови́ч. Сей час (*вынимаю и вручая деньги*), могу сказать, что должность свою исполняю ревностно. (*Придвигая стул ближе, говорит в полголоса.*) Вот здешний Почтмейстер совершенно ничего не делает. Все дела в большом запущении, посылки задерживаются, вот²⁴ извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, которой только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, если признаться перед вами, конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, поведения самого предосудительного: тут есть один помещик Добчинский, которого вы изволили видеть, и как только этот Добчинский куда-нибудь выдет из дому, то он там уж и сидит у жены его. Я присягнуть готов... И нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского; но все, даже девочка малинькая, как вылитой судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал.

⟨Л. 113/57.⟩ Артеми́й Филипови́ч. Да и безбожник, больше десяти лет, как не исповедывался. Вот и смотритель здешнего Училища, Земленика. Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность. Он хуже, чем Якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что если бы только узнали...

Явление V.

Хлестаков и Лука Лукич, в мундире, при шпаге.

Лука Лукич. Имею честь представиться, смотритель здешнего уездного училища, Титулярный Советник Земленика.

рошо (издает небольшую отрывку); б. И что ж есть у вас и детки? Артеми́й Филипови́ч. [Как же] Два сына и три дочери. Два уже учатся, а прочие живут при мне. Хлестаков. Скажите, какое счастье!.. А как по имени? Артеми́й Филипови́ч. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя. Хлестаков. Гм, да. Это хорошо. Дай Бог и впредь (издает небольшую отрывку).

²³ Далее вписано: конечно, если только вам можно... Я никак не смею требовать, чтобы сверх возможности, я бы попросил

²⁴ вот зачеркнуто

Артеми́й Филипович. Позвольте мне удалиться. Я лучше после зайду к вам и постараюсь изъяснить все это на бумаге²⁵.

Хлестаков. Хорошо, прощайте²⁶. (К Луке Лукичу.) Прощу покорно садиться, я очень хорошо знаком с вашим начальником²⁷. Теперь я вспомнил, что вчера вас видел.

Лука Лукич. Так точно, когда изволили заезжать в Училище. (Л. 114/57 об.) Хлестаков. Да, я был в училище. Только вы кажется были как будто немножко ниже ростом, не правда ли?

Лука Лукич. Очень может быть.

Хлестаков. Ваш начальник любезной старичок, такой добряк. Мы с ним... Ведь это по Адмиралтейству вы служите²⁸. Да я его знаю, мы даже, если сказать вам, волочились вместе за одною прехорошенькою. Ну естественно, куды ж ему? старик. Бывало всегда, как встретит меня. Я ж²⁹ у Полицейского моста, а он еще у Аничкина, поднимет палец и кричит: “Злодей! щастливец, каналья!” а там хорошо: в вечеру, если пойдешь³⁰ по Невскому проспекту, иногда очень много встретишь хороших³¹.

Небольшое молчание.

Лука Лукич. Не смея беспокоить присутствием, имею честь засвидетельствовать почтение (*откланивается*).

Хлестаков. Прощайте, прощайте. (*Выпровождает его, потом подбегает к дверям и кричит.*) Эй вы! как вас? позвольте на одно слово. Я все (Л. 115/58.) позабываю ваше имя.

Лука Лукич (*возвращаясь*). Лука Лукич.

Хлестаков. Лука Лукич? Посмотрите, сделайте милость, Лука Лукич, в бумажник ваш: нет ли при вас рублей полтораста денег. Я вам на днях и возвращаю. А что есть.

Лука Лукич. Есть. (*Вынимает из бумажника.*)

Хлестаков. А скажите, как кстати!³² А я думал сегодня по

---

²⁵ и постараюсь ~ на бумаге *зачеркнуто*

²⁶ *Стало:* заходите

²⁷ я очень хорошо знаком с вашим начальником *зачеркнуто*

²⁸ *Вместо:* вы служите — *стало:* или по этому, как бишь... впрочем, все равно

²⁹ *Так в рукописи.*

³⁰ *Вместо:* хорошо: в вечеру, если пойдешь — *стало:* из этих, что ходят по вечерам

³¹ *Вместо:* очень много встретишь хороших — *стало:* есть прехорошенькие. Со мной очень часто прелюбопытные бывали истории

³² *Далее вписано:* Вот судьба!

утру: где бы мне взять — очень благодарю вас, прошу и впредь продолжать знакомство. (*Выпровождает Луку Лукича.*)³³

Явление VI³⁴.

Хлестаков и Ра斯塔ковский, в Екатерининском мундире, с эксельбантом.

Ра斯塔ковский. Имею честь рекомендоваться, житель здешнего города. Помещик, отставной Секунд-Майор Ра斯塔ковский.

Хлестаков. А, прошу покорнейше садиться; очень рад, я очень хорошо знаком с вашим начальником.

Ра斯塔ковский (*сел*). А, так вы изволили знать Задунайского.

Хлестаков. Какого Задунайского?

(*Л. 116/58 об.*) Ра斯塔ковский. Графа Румянцова-Задунайского, Петра Александровича: ведь это мой бывший начальник.

Хлестаков. А, так вы служили давно?..³⁵ Очень рад... Мне очень приятно.³⁶

Ра斯塔ковский. Находился во время осады под Силистрией в 773 году. Очень жаркое было дело. Турок был вот так, как этот стол перед нами. Я был тогда сержантом, а Секунд-Майор был в нашем полку, не изволите ли вы знать: Гвоздев Петр Васильевич.

Хлестаков. Гвоздев? какой это?

Ра斯塔ковский. Петр Васильевич. Он был по Высочайшему повелению покойной Императрицы переведен потом в Драгуны.

Хлестаков. Нет, не знаю.

Ра斯塔ков (*ский*). Я так и полагал, что вы не знаете, потому что уж больше тридцати лет, как он умер. Вот здесь недалеко, верстах в двадцати от города, осталась его внучка, что вышла замуж за Ивана Васильевича Рогатку.

Хлестаков. За Рогатку? скажите! я этого совсем не полагал.

---

³³ позабываю ваше имя ~ (*Выпровождает Луку Лукича.*) *зачеркнуто* (IV; *вычеркнутый текст находится на одном листе с началом нижеследующей сцены с Ра斯塔ковским; был зачеркнут при подготовке этой сцены к публикации в приложениях ко второму изданию "Ревизора" как не имеющий к ней отношения*)

³⁴ *Вместо: Явление VI — стало: II (IV; исправление относится ко времени подготовки сцены для публикации в приложениях ко второму изданию "Ревизора" — цифра II указывает на порядковый номер сцены в приложении)*

³⁵ *Вместо: А, так вы служили давно?.. — стало: Да, так вы служили уже давно?.. (P)*

³⁶ *Очень рад... Мне очень приятно. зачеркнуто (IV?)*

⟨Л. 117/59.⟩ Р а с т а к о в с к и й (не слыша)³⁷. Так турок стоял перед нами вот так, как бы этот стол. Зима и снег, и сумятица была такая, как в том году, когда Француз подступал под Москву. В нашем полку был тоже Секунд-Майором Фухтель-Кнабе, немец. Звали его Сихфрид Иванович, но Генерал-Аншеф тогдашний, Потемкин, велел переименовать: “Ты, говорит, не Сихфрид, а Суп; так будь ты Супом Ивановичем”, и с той поры так и осталось ему имя: Суп Иванович. Так этот Суп Иванович и Секунд-Майор Гвоздев, о котором я говорил, были посланы за фуражом. К ним был прикомандирован я и еще Квартермистр, есть ли изволите знать: Трепакин Автоном Павлович, он также, я думаю, уже будет лет двадцать³⁸, как умер.

Х л е с т а к о в. Трепакин, нет, не знаю. А вот я хотел бы³⁹.

Р а с т а к о в с к и й (не слушая). Видной мущина, русой волос, золотой эксельбант. Ловко танцевал Польской. Хлопнет, бывало, рукою и отобьет пару у самого Полковника, и как только девушки... хе, хе, хе... У нас бывали тогда палатки, и как только заглянешь к ⟨Л. 118/59 об.⟩ нему в Палатку... хе, хе, хе, там уж сидит, и на утро деньщик выводит как будто драгуна в треугольной шляпе, хе, хе, хе, и португя висит, хе, хе, хе.

Х л е с т а к о в. Я хотел вас попросить.

Р а с т а к о в с к и й (наставляя ухо). А?

Х л е с т а к о в. Я хотел попросить у вас в займы.

Р а с т а к о в с к и й (не расслушав). Полковой Квартермистр.

Х л е с т а к о в. Да, рублей триста на десять минут, в займы триста рублей, я вам завтра отдам.

Р а с т а к о в с к и й. Триста рублей, может, и есть триста рублей (вынимая), сего дня казначей выдал пенсион, и не считал еще, сколько... Иногда водят месяца по три, не выдают, да теперь, благодаря вашему приезду, вдруг выдали. Вот: триста рублей.

Х л е с т а к о в. Покорнейше благодарю.

Р а с т а к о в с к и й. Я к вам пришел с убедительною просьбою.⁴⁰

³⁷ (не слыша) зачеркнуто. Далее вписано: Да-с. Рогатка. Иван Васильевич. (IV?)

³⁸ Стало: двадцать пять (IV?)

³⁹ Далее вписано: попросить у вас... (IV?)

⁴⁰ Вместо: Х л е с т а к о в. Я хотел вас попросить. ~ просьбою. — стало:

а. Х л е с т а к о в. Я хотел вам тоже по поводу этого рассказать одну очень [Любопытную] странную Историю...

Р а с т а к о в с к и й (наставляя ухо). Какую.

Х л е с т а к о (в). [Один у нас чи(новник?)] Один у нас чиновник, немолодых лет, заслуженный, [имеет [Владим(ира?)] Анну на шее] [ну на шее Анна. Я [даже сам и хлопотал за него] с своей стороны отчасти даже хлопотал за него, только этот самой чиновник в

Хлестаков. А что, о чем.

Растаковский. Должен получить прибавочного пенсионера, (Л. 119/60.) так я просил бы, чтобы замолвили там Сенаторам или кому другому.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Растаковский. Я сам подавал просьбу, да только может не туда, куда следует.

Хлестаков. А как давно вы подавали просьбу?

Растаковский. Я-то подавал еще⁴¹ в 1801 году, да вот уж тридцать лет нет никакой резолюции. Я послал чрез Сосулькина Ивана Петровича, которой ехал тогда в Петербург, да он-то не слишком надежный человек: выпить любит. Может быть, он просьбу не туда отнес, куда нужно.⁴² А оно, правда, уже немного и ждать остается: тридцать лет прошло, стало быть, теперь скоро дело решится.

один день [собравшись уже совершенно с тем, чтобы итти (в) Департамент... Скажите] приходит к одному капитану, только имел у себя знакомого гвардейского капитана. Приходит... (останавливается и несколько тише). Скажите пожалуйста, я... при этом удобном случае попросил бы у вас в займы триста рублей.

Растаковский. Да кто это просил денег, чиновник у капитана или капитан у чиновника?

Хлестаков. Нет, это я прошу у вас, видите, чтоб после как-нибудь не позабыть, так лучше теперь. Если есть при вас с собою триста, то это для меня очень хорошо, потому что мне очень нужно, а там завтра же я вам отдам.

Растаковский. Так это вам нужны деньги, а как странно, а я думал, что эти деньги были при анекдоте, как обыкновенно анекдоты рассказывают. Так сколько вы говорили?

Хлестаков. Триста рублей.

Растаковский. Триста рублей может и есть ~ с убедительною просьбою. (I?; текст, замененный тильдой, совпадает с текстом первоначального, писарского, слоя)

б. [Да это со мной, вот я вам расскажу: История даже почти невероятная. Приходит тоже (?) ко мне] [Да это с моим знаком(ым)] Да это подобная история с моим знаком(ым), [одним Директором Департа(мента)] одним чиновником, которой очень выгодно служит. Сидит он в Халате, закурил трубку, вдруг к нему приходит один мой тоже приятель, [Гвардейский Капитан] Гвардеец [Кава(ле)ргар(дского?)] кавалергардского полку и говорит (останавливается и смотрит между тем пристально в глаза Растаковскому). Послушайте, однако ж, не можете ли в(ы) мне [однако ж] дать сколько-нибудь в займы денег. Я в дороге истратился.

Растаковский. Да кто это просил денег: чиновник у Гвардейца или Гвардеец у чиновника?

Хлестаков. Нет, это я прошу у вас, видите, чтоб после как-нибудь не позабыть, так лучше теперь.

Растаковский. Так это вам нужны деньги, а как странно, а я думал, что [Капитан] Гвардеец [что] при Анекдоте-то, попросил. Как в Разговоре-то иногда случается! [А я при(наюсь)] Так вам нужны деньги! а, признаюсь, с своей стороны пришел беспокоить преубедительнейшею просьбою (IV?)

⁴¹ Вместо: Я-то подавал еще — стало: Да оно, сказать правду, не так и давно (IV?)

⁴² Вместо: Может быть ~ куда нужно. — стало: Так статья может, что просьбу отнес-та не туды куды следует (IV?)

Хлестаков. Да, натурально, разумеется. Будьте спокойны: я там прикажу все это разыскать.⁴³

⟨Л. 120/60 об.⟩ Явление VII.

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться, житель здешнего города Петр Иванов Бобчинский.

Добчинский. Помещик Петр Иванов Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы кажется тогда упали. Что, как ваш нос?

Добчинский. Слава Богу, не извольте беспокоиться. Присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. А, хорошо, что присох. Я рад... (*вдруг и отрывисто*) денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков (*громко и скоро*). В займы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей Богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

Добчинский. Нет, а есть ли есть, то в приказе общественного Призрения.

Хлестаков. Досадно. Ну, есть ли тысячи нет, в таком случае хоть рублей сто.

⟨Л. 121/61.⟩ Бобчинский. У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня только двадцать пять.

Добчинский (*смотря в бумажник*). Сорок ассигнациями.

Бобчинский. А у меня двадцати пятирублевая. А вот, может быть, есть мелочь, сей час поищу (*копается в карманах*), три двугривенных⁴⁴.

Хлестаков. Ну, толковать об этом, впрочем, нечего. Как случилось; я не буду слишком допытываться, давайте их, все равно. (*Принимает деньги.*) Я вам завтра...⁴⁵

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Хлестаков. А что это?

---

⁴³ Вместо: Да, натурально ~ это разыскать. — стало: а. Да, натурально разумеется: я там прикажу все это разыскать. Вы будьте уверены, [у себя] у себя тоже в канцелярии пороюсь (I²); б. Хорошо, хорошо: я скажу (IV²)

⁴⁴ В рукописи: двугривенных

⁴⁵ Вместо: я не буду ~ Я вам завтра... — стало: давайте все равно. Я вам это при первом почту за [благородный] долг возратить. (Принимает деньги.) (I)

Добчинский. Дело очень тонкого свойства, старший сын рожден мною еще до брака.

Хлестаков. Да.

Добчинский. То есть оно так только говорится, а он рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и все это как следует я завершил потом законными (Л. 122/61 об.) узами супружества. Так я хочу, чтобы он теперь уже был совсем законным моим сыном и назывался бы так, как я, Добчинский. Теперь это запрещено, я знаю, но потому только, что об этом просят большею частью маленькие люди, а если большой человек попросит, то оно сей час делается.

Хлестаков. Хорошо, я.

Добчинский. Я бы и не беспокоил вас, да жаль очень: такой мальчишка... большие надежды подает; наизусть стихи разные расскажет и этак, есть ли где попадет ножик, то сей час сделает маленькие дрожечки так искусно, как лучший фокусник. Вот и Петр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо, я об этом постараюсь, я буду говорить и вы надейтесь, что все будет сделано, я скажу Министру. (Обращаясь к Бобчинскому.) Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне.

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

(Л. 123/62.) Хлестаков. А что, о чем?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, так скажите всем там вельможам разным, что вот живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите, что живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да есть ли этак и Государю придется, то скажите и Государю, что вот мол, Ваше Императорское Величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудил вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудил вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего. Мне очень приятно (выпровождает их).

⟨Л. 124/62 об.⟩ Явление VIII⁴⁶.

Хлестаков и Гибнер.

Гибнер. Ich habe die Ehre mich zu rekommandiren. Doktor der Armen-Anstalten, Hiebner.

Хлестаков. Прошу покорнейше садиться.

Гибнер. Es freut mich sehr die Ehre zu haben, einen so würdigen Mann zu sehen, den die hohe Obrigkeit bevollmächtigt hat...

Хлестаков. Нет, я по-Немецки... не так⁴⁷. Лучше по-Русски. Скажите пожалуйста, теперь вообще время хорошее на все⁴⁸. Не обзавелись ли вы деньгами?

Гибнер. Денг?.. и што денги?..

Хлестаков. Да. Если вы обзавелись, то я бы попросил у вас...⁴⁹ Вы мне giebt в займы⁵⁰, а я вам после назад отгибаю.

Гибнер. Денг... нет деньги... (*вынимает бумажник и вытряхивает*) sehen Sie! нет... одна сигар... больш нет...

⟨Л. 125/63.⟩ Хлестаков. Ну, нечего делать! На нет и суда нет. —

Гибнер (*прячет бумажник, потом опять берется за карман*). Wollen Sie eine Cigarette gauchen? (*Вынимает и подает сигару.*)

Хлестаков. А, хорошо, gut. Дайте сюда, giebt. (*Берет и раскуривает.*) Хорошая сигарка. Это, верно, из Петербурга (*пускает дым*).

Гибнер. Нет... из... Рига.

Хлестаков. Из Риги? Да я так и думал.

Гибнер (*вставая со стула и кланяясь*). Ich darf Sie nicht mehr zu beunruhigen und Ihnen die theure Zeit zu berauben, die Sie den Staatsgeschäften widmen. (*Откланивается.*)

Хлестаков. Прощайте, рад познакомиться.

⟨Л. 126/63 об.⟩ Явление IX.

Хлестаков один.

Хорошо и сигарку выкурить. Как много здесь чиновников. Городишка-таки населен довольно. (*Рассматривает ассигнации.*) Эка,

⁴⁶ Текст явления VIII написан рукой Гоголя.

⁴⁷ не так зачеркнуто

⁴⁸ Вместо: вообще время хорошее на все — стало: вообще чиновникам назначено хорошее жалованье.

⁴⁹ Далее вписано: в займы, в займы... То есть это вот что значит:

⁵⁰ Стало: теперь

чорт возьми, сколько денег! Думал прежде, где бы достать, теперь не знаешь, куда девать. Удивительно, какой щедрый народ здесь! я думаю, ни в каком другом месте такова нет. А какая, право, разница в нравах здесь и в Петербурге. Там какой-нибудь Руч ни за что не сошьет тебе в долг фрака; а здесь зайкнись только — уж все тебе вынимают бумажники. Даже срока не назначают.⁵¹ Должны быть, впрочем, дураки большие, в голове только посвистывают⁵². Нужно, право, написать об этом к Тряпичкину. Он там сочиняет по словесности разные статейки, пускай-ка их обкритикует⁵³ хорошенько. Это будет славно. Эй, Осип! подай мне бумаги и чернила.

О с и п (*выглянув из дверей*). Сей час.

⟨Л. 127/65.⟩ Явление X.

Х л е с т а к о в и О с и п с чернилами и бумагой.

Х л е с т а к о в (*пишет*). Послушай, Осип (*продолжая писать*), ты вот, как я напишу письмо, отнесешь его сей же час на почту, да возьми подорожную и потребуй лошадей, самых лучших... а ямщикам скажи, что я буду теперь давать по целковому на водку, с тем чтобы только везли лихо и песни затягивали бы самые залихвацкие, так, как фельдъегеря, скажут (*продолжая писать*). Воображаю, как Тряпичкин будет смеяться! он ведь такой остроумной! (*запечатывает и надписывает адрес*) не съехал ли с Квартиры, он ведь тоже любит переезжать и не доплачивать. На, отдай поскорее.

О с и п. Я сударь, отправлю чрез человека, а сам лучше буду укладываться, чтобы не пропало по напрасну время.

Х л е с т а к о в. Хорошо, отдай чрез человека.

О с и п (*уходит и говорит за сценой*). Эй, послушай, брат, отнеси вот это⁵⁴ ⟨Л. 128/65 об.⟩ письмо на Почту и скажи Почтмей-

---

⁵¹ *Вместо:* (Рассматривает ассигнации) ~ срока не назначают. — *стало:* А перечтем, между прочим (цитает): десять, двадцать, пятьдесят (слоя палец), замасленная какая! сто, двести, триста, пятьсот. [Ого] (Рассматривает ассигнации.) О! до тысячи добирается. Как странно судьба... [Как] Я вчера никак не думал, чтобы [у меня] так много было денег... Мне [очень нравится] здешнее добродушие очень нравится, и откровенности и доверия больше, нежели в Столице [а там]. Там какой-нибудь [портнишка] [ни за что] не сошьет тебе в долг фрака; а здесь все так благородно...

⁵² *Вместо:* только посвистывают — *стало:* я думаю, люди только, ветер так и посвистывает

⁵³ *Вместо:* их обкритикует — *стало:* [он] их обреет

⁵⁴ Первоначально в тексте явления X было сделано только одно исправление — вместо слов: с тем чтобы только везли — *стало:* чтобы везли; затем (вероятно, еще до перебеливания рукописи) текст: Явление X. Х л е с т а к о в и О с и п ~ отнеси вот это. — был перечеркнут и заменен следующим текстом на отдельном листе (л. 64/127а):

стеру, чтобы он принял его без денег, да скажи, чтобы сей час привели к барину самую лучшую тройку курьерскую, а прогону, скажи, барин не платит, прогон мол, скажи, казенной. Да скажи там, чтобы все живее, а не то барин сердится, что не скоро делается (*входя*), сказал.

За сценой.

Голос Квартального Держиморды. Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено впускать.

Голос купцов. Допустите, батюшка, допустите, вы не можете не допустить. Мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Говорят вам, нельзя. Подите, подите, не принимает; никого не принимает, спит.

Голос купцов. Да мы уж слышали это, батюшка, со вчерашнего дни, да дело-то такой важности, что нам нужно видеть его милость.

Держиморда. Ну чего ж ты, брюхатой дурак, лезешь, хочешь, так тебе поставлю тумака в затылок.

(Л. 129/66.) Купец. Ты не бранись, брат, и я тебя так ругну,

Явление X.

Хлестаков и Осип, с чернилами и бумагою.

Хлестаков (*берет перо, бумагу*). Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают (*начинает писать*).

Осип. Да слава Богу. Только знаете что, Иван Александрович.

Хлестаков (*пишет*). А что?

Осип. Уезжайте отсюда. Ей Богу уже пора.

Хлестаков (*пишет*). Вот вздор! зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми. Погуляли здесь два денька — ну и довольно. Что с ними долго связываться! плюньте на них! Неровен час: какой-нибудь другой опять наедет. Ей Богу, Иван Александрович! А лошади тут славные: так бы закатали!..

Хлестаков (*пишет*). Нет. Мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра. Ей Богу поедем, Иван Александрович. Оно хоть и большая тут честь вам, да все, знаете, лучше уехать скорее... Ведь вас за кого-то другого приняли, ей Богу... и батюшка будет гневаться за то, что так замешкались... Так бы, право, закатали славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков (*пишет*). Ну хорошо. Отнеси только на перед это письмо, вместе пожалуй и подорожную возьми. Да [смотри по крайней мере] зато смотри, чтобы лошади хорошие были. [Чтобы лихо так фельд(д)егеря] Ямщикам скажи, что [бы] я буду давать по целковому на водку, чтобы лихо только везли, так, как фельд(д)егеря, и песни бы залик(в)ацкие затягивали. (*Запечатывает письмо*). Вообраз(а)ю, как Тряпичкин будет удивляться, он ведь такой остроумной (*надписывает адрес*). Не съехал ли с квартиры. Он ведь тоже любит переезжать и не оплачивать. На, отдай скорее.

Осип. Я, сударь, отправлю [через] с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтобы не прошло напрасну время.

Хлестаков. [Хорошо] Пожалуй.

Осип (*уходит и говорит за сценой*). Эй, послушай, Брат! Отнеси это [письмо]. (I)

что выплунешь. Ишь ты кварташка длиннохвостой. Я те не посмотрю, что у тебя портупея.

Д е р ж и м о р д а. Ну, пошел, пошел, говорят тебе.

К у п ц ы. Пошел ты сам, коровий помет.

Г о л о с а к у п ц о в. Ребята, не отставай (*стук в калитку*).

Х л е с т а к о в. Что там такое, посмотри, Осип.

О с и п (*смотря в окно*). Купцы какие-то хотят войти, да не допускает Квартальный, машут бумагами, верно, вас хотят видеть.

Х л е с т а к о в (*подходя к окну*). А что вы, любезные?

Г о л о с к у п ц о в. К твоей милости прибегаем. Прикажи, Государь, просьбу принять.

Х л е с т а к о в. Впустите их, впустите, пусть идут. (*Принимает из окна просьбы, разворачивает одну из них и читает.*) “Его Высокоблагородному Светлости Господину Кавалеру Финансову от купца Арбахузина...” Чорт знает что такое, и чина такого совсем нет! Взять нарочно для смеху.

⟨Л. 130/66 об.⟩ Явление XI.

Т е ж е и к у п ц ы.

Х л е с т а к о в. А что вы, любезные?

К у п ц ы. Челом бьем вашей милости.

Х л е с т а к о в. А что вам нужно?

К у п ц ы. Не погуби, государь, обижательство терпим совсем понапрасно.

Х л е с т а к о в. От кого?

К у п ц ы. Да все от Городничего здешнего. Такого Городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай. И не только нащет того, что ему то есть должен принести, а сверх того сам еще берет все, что ни вздумается⁵⁵, и так поступает, что рассказать страшно. Схватит за бороду, говорит: “Ах ты татарин!” ей Богу. Есть ли б мы то есть чем-нибудь не уважили его, но мы⁵⁶ уж порядок всегда исполняем, все⁵⁷, что следует. Каждой подарит на пару платья — это уж дело известное — супружнице⁵⁸ его и дочке⁵⁹ — мы против этого не

⁵⁵ И не только ~ что ни вздумается *зачеркнуто* (II)

⁵⁶ мы *зачеркнуто* (III)

⁵⁷ Стало: и все (III)

⁵⁸ В рукописи: супружнице; впоследствии исправлено на: супружнице (III)

⁵⁹ В рукописи: дочки; впоследствии исправлено на: дочки тоже (III)

стоим. Нет, вишь ты⁶⁰, (Л. 131/67.) ему всего этого мало. Ей Богу. Придет в лавку и, что ни попадется ему, все берет: сукно увидит штуку, говорит: “Э, милый, это хорошее суконцо, снеси-ка его ко мне”, нечего делать, и несешь⁶¹, а в штуке-то будет без малого аршин пятьдесят.

Х л е с т а к о в. Неужели? ах, какой же он мошенник.

К у п ц ы. Ей Богу, такого никто не запомнит Городничего, право, так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет, чернослив такой, что лет уже⁶² по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Имянины его бывают на Антона⁶³, и уж, кажись, чего ему больше? всего нанесем, ни в чем не нуждается. Нет, ему еще подавай: говорит, на Ануфрия⁶⁴ его именины. Ей Богу, что делать, и на Ануфрия несешь подарки.

Х л е с т а к о в. Да это просто разбойник.

К у п ц ы. Ей Богу. А попробуй прекословить — наведет к тебе в дом целой полк на постой.⁶⁵ Позовет к себе, да и двери велит запирать. “Я тебя, говорит, не буду, говорит подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — (Л. 132/67 об.) это, говорит запрещено законом, а вот ты у меня, любезной, поешь селедки”, да пристукнет ногой, “нет, говорит, ешь”, да после⁶⁶ дня на два запрет и не даст пить, то это, я вам скажу, такое средство, что сей час согласишься, на что ни захочет. Ей Богу.

Х л е с т а к о в. Ах, какой мошенник, да за это просто в Сибирь⁶⁷.

К у п ц ы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его, все будет хорошо, лишь бы то есть от нас подальше. Не побрезгуй, отец наш, хлебом и солью. Кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Х л е с т а к о в. Нет, нет, вы этого не думайте, я не беру совсем никаких взятков, вот если бы вы, например, предложили мне в займы рублей 800⁶⁸, ну тогда совсем другое. В займы я могу взять.

---

⁶⁰ вишь ты *зачеркнуто* (III)

⁶¹ нечего делать, и несешь *зачеркнуто* (III)

⁶² уже *зачеркнуто* (III)

⁶³ Стало: Антония (III)

⁶⁴ Вместо: на Ануфрия — стало: и на Ануфрия (III)

⁶⁵ Далее вписано: А что хуже еще: (III)

⁶⁶ Стало: после как (III)

⁶⁷ Далее вписано: нужно его (III)

⁶⁸ Так в рукописи.

Купцы. Изволь, отец наш. *(Вынимают деньги.)* Да что триста, уж лучше пять сот возми. Помоги только.

Хлестаков. Извольте, я⁶⁹ в займы, я ни слова, я возму.

Купцы *(подносят ему на серебряном подносе деньги)*.
Уж пожалуста, подносик⁷⁰ вместе возмите.

Хлестаков. Ну и подносик можно.

〈Л. 133/68.〉 Купцы *(кланяясь)*. Та уж возьмите за одним разом и сахару.

Хлестаков. О нет, нет, я взятков никаких.

Осип. Ваше Высокоблагородие, зачем вы не берете, возьмите, в дороге все пригодится. Давай сюда головы и кулек, подавай все, все пойдет в прок. Что там, веревочка, давай и веревочку! и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, Ваше Сиятельство. Если уже вы то есть не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть, просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно, я уж не люблю шутить, обманывать, ступайте с Богом. *(Купцы идут, в дверях слышен крик женский.)* Нет, ты не смеешь не допустить меня, я на тебя пожалеюсь ему самому. Ты не толкайся так больно.

Хлестаков. Кто там *(подходит к окну)*, а что ты, матушка?

Унтер-Офицерская жена. Милости твоей, отец мой, прошу. Повели, Государь, выслушать.

〈Л. 134/68 об.〉 Хлестаков. Пропустите ее.

Явление XII.

Хлестаков, Унтер-офицерша и Слюсарша.

Унтер-офицерша и Слюсарша *(обе валяются в ноги)*. Помилуй, отец наш. Милости твоей просим, государь!

Хлестаков. Вставайте, вставайте, что там? кто вы таковы?

Унтер-офицерша. Мещанка здешнего города, унтер-офицерская жена Мокрина Иванова.

Слюсарша. Слюсарша, здешняя мещанка Февронья Петрова Пошлепкина, отец мой.

Хлестаков. Ну, зачем же вы пришли?

Обе вместе *(кланяясь)*. Обиду, отец мой, обиду.

⁶⁹ я зачеркнуто (III)

⁷⁰ Стало: и подносик (III)

Хлестаков. Ну стой, по порядку. Ты первая. Ну кто тебе там обиду.

Унтер-офицерша. Да кто такой — ведомо, Городничий здешний, кому же больше другому.

Хлестаков. Ах, какой плут этот Городничий.

Унтер-офицерша. Тяжкую обиду нанес: высек, мой кормилец.

⟨Л. 135/69.⟩ Хлестаков. Как? за что?

Унтер-офицерша. А Бог его знает, за что. Говорит, что будто бы для порядка, а оно-то совсем за другое, и я в нем ни душою, ни телом. Тут было квартировал один офицер и женился на купеческой дочери здешнего купца. Так городничий говорит: “Это ты, каналья, всему причиною: есть ли бы, говорит, не ты, то он бы женился на моей дочери”. А ему, слышь ты, донес кто-то, что будто бы я была свахой и сосватала купеческую дочь, а я вовсе и заикать не заикалась и совсем не знала, что его милости нужен жених. И как приказал он, кормилец мой, взять меня десятским и так больно отрапортовал меня кругом, что три дня не могла сидеть. Ей Богу.

Хлестаков. Ах какой мошенник, да его за это на каторгу.

Унтер-офицерша. Ей Богу, если не веришь, кормилец, я тебе пожалуй знаки покажу.

Хлестаков. Не нужно, не нужно, матушка. Я и без того верю. Ну а ты?

Слесарша. Милости прошу вашей. На Городничего челом бью! пошли ему Бог всякое зло, чтобы ни детям его, ни ему, мошеннику, ⟨Л. 136/69 об.⟩ ни дядям, ни теткам его ни в чем никакого прибитку не было.

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты; и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатой.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

Слесарша. Сделал, мошенник, сделал, побей Бог его и на том и на этом свете, чтобы ему, естли и тетка есть, то и тетке всякая пакость, и отец естли жив у него, то чтобы и он, каналья, окошел или поперхнулся на веки, мошенник такой. Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатой подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой; а Пантелеева тоже подослала к супруге полотно три штуки, так он ко мне. “На что” гово-

рит “тебе муж, он уж тебе не годится”. Да я-то знаю, годится или не годится, это мое дело, мошенник такой. “Он” говорит “вор: хоть он теперь и не украл, да все равно” говорит “он украдет, его и без того на следующий (Л. 137/70.) год возмут в рекруты”. Да мне-то какво без мужа, мошенник такой. Я слабой человек, подлец ты такой, чтоб всей родни твоей не довелось видеть света Божьего, и естли есть теща, то чтобы и теще...

Хлестаков. Хорошо, хорошо, матушка. Ступайте, ступайте! Я ему это все... ступайте с Богом. *(Выпровождает старух.)*

Обе вместе *(уходя)*. Не забудь, отец наш, будь милослив.

Хлестаков. Хорошо, хорошо. *(В окно высовываются руки с просьбами.)* Да кто там еще *(подходит к окну)*, не хочу, не хочу! не нужно, не нужно *(отходя)*, надоели, чорт возми! не выпускай, Осип.

Осип *(кричит в окно)*. Пошли, пошли, не время, завтра приходите! *(Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели с небритую бородою и раздутою губою, и перевязанною щекою.)*

Осип. Пошел, пошел! чего лезешь? *(Упирается ему руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.)*

Голос Анны Андреевны. Право, как⁷¹ будто никому дела нет.

(Л. 138/70 об.) Хлестаков. А!

Голос Анны Андреевны. Там набрело просителей полон двор и мужа нет, и зачем, куда он зашел? хотя бы ты что-нибудь, ведь ты здесь сидишь.

Голос Марьи Антоновны. Ах, право, Маминька, какие вы странные.

Хлестаков. А!

Голос Марьи Антоновны. Что ж мне делать?

Голос Анны Андреевны. О, ты всегда права. Ей Богу, такой беспорядок, и эти Квартальные, мерзавцы *(входит на сцену и, увидев Хлестакова, вскрикивает)*.⁷²

---

⁷¹ Право, как *зачеркнуто* (I)

⁷² Хлестаков. А! ~ *вскрикивает*. *зачеркнуто* (I)

Явление XIII⁷³.

Хлестаков и Анна Андреевна.

Анна Андреевна. Я совсем не знала, что вы тут сидите, я вам помешала в занятиях.

---

⁷³ Первоначально в тексте явления XIII были зачеркнуты следующие слова в трех последних репликах Хлестакова и в последней реплике Анны Андреевны: "руки вашей прошу ~ сию же минуту умру"; "отдать руки вашей"; "У меня, право ~ в Синод..."; "А да, точно ~ из ума..." (1). Впоследствии текст явлений XIII и XIV был исправлен на следующий:

Явление XIII.

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались? Куда вы спешили.

Марья Антоновна. Извините меня, я право, я не знала, [Изв(ините)] что Вы тут сидите, я шла приказать ключнице.

Хлестаков. Да это все суета, сударыня, и приказание и ключница, ключница пу-стяк! Вы не смотрите на ее!

Марья Антоновна. Я, право, помешала вам заниматься важными делами.

Хлестаков. А ваши глазки сударыня, еще лучше, нежели важные дела. Садитесь, сделайте милость, садитесь вот тут, чтобы я мог смотреть на вас.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно (села).

Хлестаков. Какое у вас прекрасное платье.

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платьем.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чем вы говорите: какое-то платье, а больше я ничего не поняла... сего дня какая странная погода на дворе.

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода на дворе.

Марья Антоновна. Вы все говорите такое, чего я никак не понимаю. Я бы вас попросила, чтобы вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в Альбом, вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, все что хотите. Требуйте, какие стихи вам.

Марья Антоновна. Какие-нибудь этикие хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить, я и так их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам [напишу] хоть это: "О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек..." ну и другие, теперь не могу припомнить, впрочем, это все вздор. Я вам лучше вместо этого представляю мою любовь, которая от вашего взгляда... (придвигая стул).

Марья Антоновна. Любовь. Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что это за любовь (отдвигает стул).

Хлестаков (придвигая стул). Отчего ж вы так отдвигаете свой стул. Нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна (отдвигаясь). Для чего ж близко, все равно и далеко.

Хлестаков (придвигая). Отчего ж далеко, ведь все равно и близко. Это ведь все только в воображении (придвигается).

Марья Антоновна (отдвигаясь). Да к чему ж это?

Хлестаков. Вы никогда не можете помешать. Куда вы спешили?

Анна Андреевна. Вы извините меня, мне, право, очень нужно приказать ключнице.

Хлестаков (*придвигаясь*). Да ведь это вам кажется только, что близко, а [оно совсем далеко] вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна (*смотрит в окно*). Что это так как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков (*скоро делует ее в плечо и смотрит в окно*). Это сорока.

Марья Антоновна (*встает с негодовани(ем)*). Нет, это уж... [слишком] Наглость такая!.. [Вы меня почитаете за какую-нибудь... (*хочет идти*)].

Хлестаков (*удерживая ее*). Простите, сударыня, я это сделал от любви. Ей Богу, от любви. [Я готов на коленях просить у вас прощения (*становится на колени*)]

Марья Антоновна. [*(сидится?)*]] Вы меня почитаете за какую-нибудь... (*силится уйти*).

Хлестаков (*продолжая удерживать ее*). [М(арья?)] Из любви, ей Богу из любви, я так только пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь. Я готов сей(час) на коленях у вас просить прощения (*падает на колени*).

Явление XIV.

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна (*увидев Хлестакова, не успевшего встать на ноги, и всплеснув руками*). Ах, какой пассаж!

Хлестаков (*вставая*). А, чорт возми.

Анна Андреевна. Признаюсь, я в таком нахожусь... Я не знаю... (*к Марье Антоновне*). Что это ты вздумала. С кого ты это пример взяла.

Хлестаков. [Анна Андреевна! Я с первой минуты почувствовал к вам такую привязанность и к вашей дочери тоже. Сделайте-с [милос(ть)] меня счастливейшим человеком в мире. Я прошу руки Марьи Антоновны! Решите мою участь.] Анна Андреевна. Руки вашей дочери прошу. Осчастливьте! (*Падает на колени.*)

Анна Андреевна. Ах, Боже мой... Как же это! [Вы на коленях стоите!] Еще на коленях стоите!

Хлестаков (*обращаясь к Анне Андреевне*). [Да, у ног Ваших, Анна Андреевна, не могу жить без Вашей дочери. Естьли же не согласитесь, то вы не можете представить, что со мною может случиться... Я умру, ей Богу умру, сию же минуту умру. Вот на этом самом месте... Застрелюсь пистолетом.] [Если Вы не согласитесь к сделай(те) (*не закончено*)] Влюблен, влюблен, ей Богу влюблен... Если не согласитесь, умру, сей же час умру на этом самом месте. Застрелюсь [пистолетом], напрапоало застрелюсь.

Анна Андреевна. Я, право, не могу еще придти в себя... мы никак и не думаем о такой чести. Вам нужна Графиня или Княгиня.

Хлестаков. О, мне все равно, я не слишком гляжу на Графинь. [Анна Андреевна] Естьли вы не решитесь исполнить моей просьбы, то вы не можете представить, что со мною случится; как честной человек уверяю. Я решительной человек. Мне жизнь копейка.

Анна Андреевна. Ах, Боже мой, как вы меня пугаете. Встаньте... я согласна, только встаньте.

Хлестаков. Вы мне возвратили жизнь, я теперь самый щастливейший из смертных... [позвольте мне [за] поцаловать вашу ручку] (*в сторону*) А она тоже очень [Как бы я был счастлив, сударыня, если бы мог вашу ручку прижать к своему... сердцу и] Appetитна. (*Вслух Анне Андреевне.*) Я [сударыня] с первого раза как только увидел вас, почувствовал к вам в сердце такую любовь... (I)

Хлестаков. Да это все суета, и приказание, и ключница (Л. 139/71.)ница, ключница пустяк! вы останьтесь здесь.

Анна Андреевна. Я, право, помешала вам заниматься важными делами.

Хлестаков. А ваши глазки, сударыня, еще лучше, нежели важные дела.

Анна Андреевна. Я никак не беру на свой щот... я скоро к вам приду.

Хлестаков. Ну, не ходите, Анна Андреевна, сделайте милость, сядьте со мной вот здесь.

Анна Андреевна. Право, я не знаю... мне так нужно.

Хлестаков. Какое у вас прекрасное платье.

Анна Андреевна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платьем, чтобы обнимать все, что ни есть у вас.

Анна Андреевна. Я совсем не понимаю, о чем вы говорите: какое-то платье, а больше я ничего не поняла... сего дня какая хорошая погода.

(Л. 140/71 об.) Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода на дворе.

Анна Андреевна. Вы все говорите такое, чего я никак не понимаю. Вы бы лучше пропели или проиграли на фортепиано, или проговорили бы какие-нибудь хорошие стихи. Я очень люблю стихи, вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. В удобность вашу все, что хотите. Требуйте, какие стихи вам.

Анна Андреевна. Какие-нибудь этикие хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Анна Андреевна. Ну скажите же.

Хлестаков. Да к чему же говорить, я и так их знаю.

Анна Андреевна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких: "О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек..." ну и множество других, теперь я не могу припомнить, впрочем, это все вздор. Я так щастлив, что сию теперь возле вас, естли бы я мог, сударыня, напечатлеть поцелуй в ваши губки.

Анна Андреевна. Вы, как нарочно, говорите все такое, (Л. 141/72.) чего я совсем никак не могу понимать. Я думаю, как там хорошо в Петербурге играют разные комедии.

Хлестаков. Комедии? а что это такое комедия?

Анна Андреевна. Вот как будто вы не знаете.

Хлестаков. Право, не знаю. Что ж бы это такое комедия, это какой-нибудь зверь или чиновник?

Анна Андреевна (*обидевшись*). Вы, верно, воображаете меня уж такую провинциалкою... что и...

Хлестаков. Право, не знаю. А! теперь вспомнил: комедия это все равно, что артиллерия?

Анна Андреевна. Нет, это уж слишком. Конечно, мы здесь не имеем столичного воспитания. Что ж делать, не всякому быть ученым и премудрым.

Хлестаков. Вот видите, сударыня, вы уж и сердитесь. Куда же вы это... сидите здесь!

Анна Андреевна (*сядась*). Я вижу, что вам скучно у нас.

Хлестаков. Вот видите, какие вы: я пошутил. Прошу садиться. Верите ли, сударыня, что моя любовь (Л. 142/72 об.) к вам.

Анна Андреевна. Вы напрасно мне это говорите. Любовь. Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что это за любовь (*отдвигает стул*).

Хлестаков (*придвигая стул*). Отчего ж вы так отдвигаете свой стул. Нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Анна Андреевна. Для чего ж близко, все равно и далеко.

Хлестаков (*придвигая*). Отчего ж далеко, ведь все равно и близко. Это ведь все только в воображении кажется, что близко, оно все равно, что далеко. Есть ли б я был так щастлив, сударыня, что мог бы прижать вас в свои объятия.

Анна Андреевна (*смотрит в окно*). Что это так как будто бы полетело? Ворона или какая другая птица?

Хлестаков (*скоро целует ее в плечо и смотрит в окно*). Это ворона.

Анна Андреевна (*встает*). Нет, это уж... слишком. Вы меня почитаете за какую-нибудь...

Хлестаков. Простите, сударыня, я это сделал от любви. Ей Богу, от любви.

Анна Андреевна. Вы это можете делать с другой, а не со мной. (Л. 143/73.) (*Хочет идти*).

Хлестаков (*удерживая ее*). Я должен признаться вам в самой страстной любви. Люблю вас так, как не можете вообразить, ослчастлив(ь)те меня (*падает на колени*).

Анна Андреевна. Ах, Боже мой, я, право... встаньте, сделайте милость... Как же это так: вдруг и на колени! Я, ей Богу, никак и не думала об этом.

Хлестаков (на коленях). Сделайте меня счастливейшим из смертных! руки вашей прошу, а не то умру, сию же минуту умру.

Анна Андреевна. Ах, Боже мой! ведь я некоторым образом за мужем...

Хлестаков. Мне все равно, я ничего не хочу знать. Если вы не согласитесь отдать руки вашей, то застрелюсь, как ни в чем не бывало, я решительный человек.

Анна Андреевна. Ах, Боже мой, я, право, не знаю, что делать. У меня, право, есть муж; разве в Синод...

Хлестаков (поднимая одно колено). А да, точно, у вас есть муж, у меня из ума...

⟨Л. 144/73 об.⟩ Явление XIV.

Те же и Марья Антоновна.

Марья Антоновна (увидев Хлестакова, не успевшего встать на ноги, и всплеснув руками). Ах, какой пассаж!

Хлестаков (вставая). А, чорт возми.

Анна Андреевна. Ну что ж?.. к чему тут?.. с какой стати так вбежала?

Марья Антоновна (смутившись). Я, маминька, хотела увидеть, где вы?

Анна Андреевна. Такая ветреность во всем... я не понимаю. Девятнадцать лет, и она все еще совершенно как дитя. Вдруг вбежит сбухты барахты, а зачем? Бог ее знает. Я не понимаю, что будет из тебя, как доживешь моих лет. Никакой совершенно степенности, чтобы можно было видеть, что она воспитанная, благородная девица, нет, у ней, напротив, все эта так, на ветер только.

Хлестаков. Как вы давно лишали нас удовольствия вас видеть, где вы были?

Марья Антоновна. Право, нигде... я была в своей комнате.

Хлестаков. Как бы я счастлив был, сударыня, если бы ⟨Л. 145/74.⟩ я был ваша комната. (В сторону.) А она очень недурна: щечки свеженькие такие... (Вслух.) Для меня нет ничего больше в мире, как видеть вас, потому что, признаться, я с первого взгляда, как только увидел вас, ощутил в сердце любовь. (После небольшого

молчания.) Смею ли надеяться, Марья Антоновна, что вы примете благосклонно мои сердечные чувства?

Марья Антоновна. Я не знаю, право...

Анна Андреевна. Да... ну что ж, ты и скажи или... (в сторону) я и сама не знаю, что такое.

Хлестаков. Решите мою участь, Марья Антоновна. Я прошу вас на коленях. Если вы не согласитесь ответствовать, то сделаете меня несчастливейшим человеком, и я принужден буду сей же час застрелиться.

Марья Антоновна. Ах, Боже мой... маминька!

Хлестаков (обращаясь к Анне Андреевне). Склоните, Анна Андреевна, на мою просьбу: не могу жить без вашей дочери. Если же не согласитесь, то сей же час беру пистолет и стреляюсь. О, я решительный человек, мне жизнь копейка.

(Л. 146/74 об.) Анна Андреевна. Я, право, не могу еще придти в себя... мы никак и не думаем о такой чести. Вам нужна Графиня или Княгиня.

Хлестаков. О, мне все равно, я не слишком гляжу на Графиню; мне нужно достойно. Сударыня, если вы не решитесь исполнить моей просьбы, то вы не можете представить, что со мною случится; как честной человек уверяю.

Анна Андреевна. Ах, Боже мой, как вы меня пугаете. Встаньте... я согласна, только встаньте.

Хлестаков. Вы мне возвратили жизнь, я теперь самый счастливейший из смертных. (Целует руки Марьи Антоновны). Теперь, Марья Антоновна, мне за вас порфиры не нужно. Ей Богу, не нужно.

Явление XV.

Те же и Городничий впопыхах.

Городничий. Ваше Превосходительство, не погубите, не погубите.

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. По неопытности. Ей Богу, без всякого умыслу.

Хлестаков. Да что?⁷⁴

Городничий. Там купцы жаловались Вашему Превосходительству, честью уверяю, и на половину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерская вдова

⁷⁴ Городничий. По неопытности ~ Да что? *зачеркнуто* (I)

налгала тоже вам, что будто я ее высек. Ей Богу, не сек! Ей Богу, не сек.⁷⁵ Она сама себя высекла. Вот как Бог свят и перекрещусь.

Хлестаков. О! об этом не беспокойтесь, я им не верю.

Городничий. Не верьте, ей Богу, не верьте. Это такие лгуны... им вот этакой ребенок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов, а на счет мошенничества, то я вам скажу⁷⁶, это такие мошенники, каких свет не производил.

Хлестаков. О, да, бездельники, я это сей час увидел.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Александр Иванович, он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда? куда?.. Бог с тобой.⁷⁷ (*Крестится.*⁷⁸) Не извольте гневаться, Ваше Превосходительство, она немного с придурью, таковая же была и мать ее.

(Л. 148/75 об.) Хлестаков. Нет, Анна Андреевна говорит правду, я точно прошу вас ошастливить меня рукою Марьи Антоновны.⁷⁹

Городничий. Не могу верить, Ваше Превосходительство.

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе.

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Если вы не согласитесь, то сделаете меня несчастнейшим⁸⁰ человеком.

Городничий. Не смею верить, не достоин такой чести.

Хлестаков. Сделайте милость, не приводите меня в отчаяние, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, признаюсь, на чорт знает что готов.

Городничий. Не могу верить, извольте шутить, Ваше Превосходительство.

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан, в самом деле, ему толкуют. Ну что ты с своим носом стоишь, только мотает им, рад, что толстой нос.

Городничий. Не смею.⁸¹

Хлестаков. Отдайте руку вашей дочери, я говорю в последний раз. А не то, ей Богу,⁸² отчаянный (Л. 149/76.) человек, я решусь на все. Когда застрелюсь, то вас под суд отдадут.

⁷⁵ Ей Богу, не сек. *зачеркнуто* (II)

⁷⁶ *Вместо:* я вам скажу — *стало:* осмелюсь доложить (I)

⁷⁷ *Вместо:* Бог с тобой. — *стало:* Рехнулась матушка. (I)

⁷⁸ *Стало:* крестит ее (I)

⁷⁹ *Вместо:* Анна Андреевна говорит ~ Марьи Антоновны. — *стало:* Я точно прошу руки. Я очень влюблен.

⁸⁰ *Стало:* несчастным (I)

⁸¹ *Стало:* Не смею верить. (I)

⁸² *Далее вписано:* я (I)

Г о р о д н и ч и й.⁸³ Боже, Боже мой!⁸⁴ я, ей Богу, не виноват ни душою, ни телом, не извольте гневаться. Извольте поступать... так, как вашей милости угодно: у меня, ей Богу, в голове теперь... Я и сам не знаю, что делается⁸⁵. Такой дурак теперь сделался, каким еще никогда не бывал.

А н н а А н д р е е в н а. Ну, благословляй.

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Г о р о д н и ч и й. Да благословит Бог... А я не виноват, ей Богу.

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной.

Г о р о д н и ч и й (*смотрит на них*). Что за чорт, в самом деле. Эка, счастье какое привалило.⁸⁶

Явление XVI.

Т е ж е и О с и п.

О с и п. Лошади готовы.

Х л е с т а к о в. А, хорошо, хорошо, я сей час.

Г о р о д н и ч и й. Извольте ехать?

Х л е с т а к о в. Да, еду.

(Л. 150/76 об.) Г о р о д н и ч и й. А когда же на счет свадьбы⁸⁷.

Х л е с т а к о в. Да я вить только на один день к дяде моему. Тут он недалеко живет, богатый человек, завтра я буду назад.

Г о р о д н и ч и й. Не смеем никак удерживать, соблаговолите только показать нам в скором времени опять ваше светлое лицо⁸⁸.

Х л е с т а к о в. О, нет, я вить человек очень аккуратный.⁸⁹ Прощайте, Марья Антоновна, нежнейший предмет моей страсти. Я с вами на минуточку только расстаюсь.⁹⁰ Прощайте, душинька (*целует ее руки*).

---

⁸³ Далее начата ремарка: и (I)

⁸⁴ Вместо: Боже, Боже мой! — стало: Ах, Боже мой (I)

⁸⁵ Вместо: ей Богу, в голове ~ делается — стало: теперь... Я сам не знаю, что делается в голове (III)

⁸⁶ Вместо: Эка, счастье какое привалило. — стало: (Протирает глаза.) Да, да. Целуются! точно [соверш(енно)] целуются. Так как будто бы точно женихи. Эка счастье привалило! (I)

⁸⁷ Вместо: на счет свадьбы — стало: то есть... Вы изволили сами намекнуть на счет то есть свадьбы... (I)

⁸⁸ Вместо: соблаговолите только ~ светлое лицо — стало: в надежде благополучного возвращения (I)

⁸⁹ Вместо: О, нет ~ аккуратный. — стало: О, я человек аккуратный. (I)

⁹⁰ Вместо: Я с вами ~ расстаюсь. — стало: Грустно и на малое время расставаться с вами! (I)

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь. Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах.

Хлестаков. О нет, к чему это,⁹¹ а, впрочем, не худо.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда, кажется, дали мне четыреста⁹², так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемь сот.

Городничий. Вот я сию минуту (*вынимает из бумажника*), еще, как нарочно, самими новинькими бумажками.

(*Л. 151/77.*) Хлестаков. А, да.⁹³ Это хорошо. Веть это, говорят, новое щастие, когда новинькими бумажками.

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Ну, так прощайте, любезной будущий тестюшка, прощайте, маминька, прощайте, душинька моя. Я не замешкаюсь, завтра же, может быть, назад буду.⁹⁴

За сценой.

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей, Марья Антоновна.

Голос Городничего. Как же это вы? прямо так на перекладной и едете?

Голос Хлестакова. Да я привык уж так. У меня всегда⁹⁵ голова болит от рессор.

Голос Ямщика. Тпр...

Голос Городничего. Так по крайней мере чем-нибудь заслать, хотя бы ковриком, не прикажете ли, я велю подать коврик?

Голос Хлестакова. Нет, зачем, это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Голос Городничего. Эй, Авдотья, ступай в кладовую, вынь (*Л. 152/77 об.*) ковер самой лучший, что по голубому полю, Персидской. Скорей.

---

⁹¹ Далее вписано: (немного подумав) (1)

⁹² Вместо: Да вот тогда ~ четыреста — стало: Ну это пустяки... сколько-нибудь. Да вот тогда, кажется, дали вы мне двести, т.е. [вы мне] оно не двести, но по-настоящему четыреста, я не хочу воспользоваться вашей ошибкою (1)

⁹³ Далее вписано: берет и рассматривает [бумажки] ассигнации. (1)

⁹⁴ Вместо: любезной будущий тестюшка ~ назад буду. — стало: Антон Антонович. Вы меня очень обяжали вашим гостеприимством. Я вам много благодарен. Я поистине признаюсь вам, не думайте, чтоб это был комплимент, [что] мне нигде не было такого хорошего приема. Прощайте, Анна Андревна. Прощайте, моя душинька, Марья Антоновна, не замешкаюсь, может быть, завтра же и назад... (1)

⁹⁵ всегда зачеркнуто (1)

Г о л о с Я м щ и к а. Тпр.

Г о л о с Г о р о д н и ч е г о. Так когда же прикажете ожидать вас?

Г о л о с Х л е с т а к о в а. Завтра или после завтра непременно.

Г о л о с О с и п а. А это ковер? давай его сюда! клади вот так! теперь давай-ко с этой стороны сена.

Г о л о с Я м щ и к а. Тпр.

Г о л о с О с и п а. Вот с этой стороны еще, сюда еще. Хорошо, славно будет (*бьет рукою по ковру*). Теперь садитесь, Ваше Благо-родие.

Г о л о с Х л е с т а к о в а. Прощайте, будущий тестюшка.

Г о л о с Г о р о д н и ч е г о. Прощайте, Ваше Превосходитель-ство.

Г о л о с Х л е с т а к о в а. Прощайте, маминька.

Ж е н с к и е г о л о с а. Прощайте, Александр Иванович.

Г о л о с Я м щ и к а. Эй вы, залетные! (*Колокольчик звенит. Занавес опускается.*)

⟨Л. 153/78.⟩ Действие V.

Явление I.

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна, а? думала ли ты что-нибудь об этом, экой богатой приз, канальство! каково благословение Божие, а? Ну признайся откровенно, тебе и во сне не виделось это, чтобы какая-нибудь просто из Городничихи¹ и вдруг, фу ты канальство, с каким дьяволом породнилась.

Анна Андреевна. Совсем нет, я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек, никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Да я сам, матушка, порядочной человек: уж лучше моего никто не удовлетворит тебя. Эко канальство. Какие мы с тобою теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна? Высокого полета, чорт побери, теперь забирает меня охота отделать всех этих мерзавцов, которые смели подавать на меня доносы.² Эй, кто там? (Входит квартальной.) А, это ты, Иван Карпович, призови-ка сюда, брат, купцов. Вот я их, каналов! Так жаловаться на меня! жаловаться. Ишь ты, проклятой Иудейской народ. Я им теперь дам знать, аршинники, и объяви там всем, чтобы знали³, ⟨Л. 154/78 об.⟩ что вот, дискать, какую честь Бог послал Городничему, что выдает дочь свою не то чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого чиновника, что и на свете еще не было, что может и прогнать всех в го-

---

¹ *Вместо:* это, чтобы какая-нибудь просто из Городничихи — *стало:* просто из какой-нибудь Городничихи (I)

² *Вместо:* теперь забирает ~ на меня доносы. — *стало:* Теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы! (I)

³ *Вместо:* жаловаться. Ишь ты ~ чтобы знали — *стало:* Вишь ты, проклятой Иудейской народ. Постойте же, голубчики. Прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего Писарей, Писарей, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтобы знали (I)

роде, в тюрьму посадить, и все, что хочет. Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, чорт возми, уж когда торжество, так торжество. (*Квартальный уходит.*) Так вот как, Анна Андреевна, а? как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Петербурге?

А н н а А н д р е е в н а. Естественно, в Петербурге. Как можно здесь оставаться!

Г о р о д н и ч и й. Ну, в Петербурге, так в Петербурге. А оно хорошо бы и здесь. Что, ведь я думаю, уже Городничество тогда к чорту, а, Анна Андреевна!

А н н а А н д р е е в н а. Естественно, что за Городничество.

Г о р о д н и ч и й. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он за панибрата со всеми Министрами и во дворец ездит, так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в Генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна, можно влезть в Генералы?

(*Л. 155/79.*) А н н а А н д р е е в н а. Еще бы, конечно, можно.

Г о р о д н и ч и й. А, чорт возми, славно быть Генералом: кавалерию повесят тебе через плечо. А какую кавалерию, Анна Андреевна? красную или голубую?

А н н а А н д р е е в н а. Уж, конечно, голубую лучше.

Г о р о д н и ч и й. Э! вишь чего захотела! хорошо и красную. Веть почему хочется быть Генералом, потому что, случится, поедешь куда-нибудь, фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: лошадей, и там на станциях никому не дадут, все дожидаются, все эти Титулярные, Капитаны, Городничие, а ты себе и в ус не дуешь: обедаешь где-нибудь у Губернатора, а там: стой, Городничий, хе, хе, хе (*заливается и помирает со смеху*), вот что, канальство, заманчиво.

А н н а А н д р е е в н а. Тебе все такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь тебе нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то чтобы какой-нибудь судья собачник, с которым ты едешь травить зайцев, или Ляпкин-Тяпкин, на против, знакомые твои будут с самым тонким обращением, Графы и все светские... Только я, право, боюсь (*Л. 156/79 об.*) за тебя: ты иногда влепишь такое словцо, какое только в кучерской услышишь.

Г о р о д н и ч и й. Что ж, ведь слово не повредит.

А н н а А н д р е е в н а. Да хорошо, когда ты был Городничим, а там ведь жизнь совершенно другая.

Г о р о д н и ч и й. Да там, говорят, да есть две рыбицы: рябушка и ко<рю>шка, такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть.

А н н а А н д р е е в н а. Ему все бы только рыбки. Я не иначе хочу, чтобы наш дом был первый в столице и чтобы у меня в комнате такое было анбре, чтобы нельзя было войти в комнату и нужно бы только этак зажмурить глаза (*зажмуривает глаза и нюхает*), ах, как хорошо.

Явление II.

Т е ж е и к у п ц ы.

Г о р о д н и ч и й. А, здорово, соколики!

К у п ц ы (*кланяясь*). Здравия желаем, батюшка.

Г о р о д н и ч и й. Что, голубчики, как поживаете, как (Л. 157/80.) товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники проклятые, жаловаться? жаловаться, протоканалы, жаловаться, архибес-тии, жаловаться, козлиные⁴ бороды! Что? много взяли? Вот, думают, так в Тюрьму его и засадят... Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

А н н а А н д р е е в н а. Ах, Боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь.

Г о р о д н и ч и й (*с неудовольствием*). А не до слов теперь. Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери. Что, а? Что теперь скажете. Теперь я вас всех скручу так, что ни одного волоска не останется в ваших бородах. Мошенники! вы только обманываете народ, мошенники. Еще и медали дают им, я бы вам канчуков вместо медалей. За что вы получаете медали? вы сделаете подряд с казною, да на сто тысяч надуете ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь, каналья, двадцать аршин — тебе и медаль дают, а если бы знали, так бы тебе петлю навесили вместо медали, мошенники! а кто вам доставил медали: я, что, позабыли? Еще и почтенным его называют, и брюхо сует вперед: он первой (Л. 158/80 об.) гильдии купец; его не тронь; “Мы, говорит, и дворянам не уступим”. Да дворянин... ах ты рожка! дворянин учится наукам, и его хоть и секут в школе, да за дело, чтобы он знал полезное. А ты что? ты начинаешь аршином да плутнями, тебя хозяин бьет за то, что не умеешь обманывать, ты мальчишка, еще отче наша не знаешь, а уж обмериваешь, а там как разодмет⁵ тебе брюхо, да набьешь себе карман, так и почтенной! почтенной! оттого что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так от-

⁴ Стало: а. продажные; б. засушенные (I)

⁵ В рукописи: разоднет

того и почтенный? Почтенный! Да я плевать на твою голову и на твоё почтение.

Купцы (кланяясь). Виноваты, Антон Антонович.

Городничий. Жаловаться? а кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода. Ты позабыл это. Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также, каналья, спроводить в Сибирь. Что скажешь, а?

Один из купцов. Богу виноваты, Антон Антонович, Лу(Л. 159/81.)кавий попутал. И закаемся вперед жаловаться. Вот те Христос! Всякое удовлетворение, какое хошь, готовы сделать, не гневись только.

Городничий. Не гневись! вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? оттого что мое взяло, а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втоптал в самую грязь, еще бы и бревном сверху навалил.

Купцы (кланяются в ноги). Не погуби, Антон Антонович.

Городничий. Не погуби, теперь не погуби! а прежде что? я бы вас в тюрьму...⁶ Ну, да Бог простит, вставайте, полно,⁷ я не памятозлобен, только теперь смотрите, ухо остро! я выдаю теперь⁸ дочку свою не за какого-нибудь простого дворянина, смотрите же, чтоб поздравление было приличное, не то чтобы отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару, понимаешь? ну, ступайте с Богом. (Купцы уходят.)

Явление III.

Те же, Аммос Федорович, Артемий Филипович,
потом Ростакровский.

Аммос Федорович (еще в дверях). Верить ли слухам, Антон Антонович? (Л. 160/81 об.) К вам привалило необыкновенное счастье.

Артемий Филипович. Имею честь поздравить с необыкновенным счастьем. Я душевно обрадовался, когда услышал (подходит к ручке Анны Андреевны).

Ростакровский (входя). Антона Антоновича поздравляю с новым счастьем⁹, да продлит Бог жизнь вашу и новой четы и даст

⁶ Далее вписано: (махнув рукой) (1)

⁷ Стало: полно!

⁸ теперь зачеркнуто (1)

⁹ с новым счастьем зачеркнуто (1)

вам потомство многочисленное, внучат и правнучат. Анна Андреевна! (Подходит к ручке Анны Андреевны.) Марья Антоновна! (Подходит к ручке Марьи Антоновны.)

Явление IV.

Те же, Коробкин с женою, Люлюков.

К о р о б к и н. Имею честь поздравить Антона Антоновича и Анну Андреевну (подходит к ручке Анны Андреевны). Марья Антоновна! (Подходит к ее ручке).

Ж е н а К о р о б к и н а. Душевно вас поздравляю, Анна Андреевна, с новым счастьем.

Л ю л ю к о в. Имею честь поздравить вас, Анна Андреевна (подходит к ручке и потом, обратившись к зрителям, щелкает языком с видом удальства). Марья Антоновна, имею честь поздравить (подходит к ее ручке и обратившись¹⁰ к зрителям с тем же удальством).

⟨Л. 161/82.⟩ Явление V.

Те же, Погоняев с женою, Лука Лукич с женою и множество гостей в сюртуках, фраках и Бог знает в чем.

Потом Бобчинский и Добчинский.¹¹

Л у к а Л у к и ч. Имею честь...

Ж е н а Л у к и Л у к и ч а (бежит вперед). Поздравляю вас, Анна Андреевна, (целуются), а я так, право, обрадовалась, — говорят мне: “Анна Андреевна выдает дочку”. — “Ах, Боже мой” думаю я себе и так обрадовалась, что говорю мужу: “Послушай, Лукунчик: вот какое счастье Анне Андреевне!” “Ну” думаю себе “слава Богу”, и говорю ему: “Послушай¹², я так восхищена, что сгараю нетерпением изъяснить лично Анне Андреевне...” “Ах Боже мой” думаю себе “Анна Андреевна именно ожидала хорошей партии для своей дочери, а вот теперь такая судьба: именно так сделалось, как она хотела” и так, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вот просто рыдаю. Уже Лука Лукич говорит: “Отчего ты, Настинька, рыдаешь?” — “Лукунчик, говорю: я и сама не знаю, так слезы вот рекой и льются”.

¹⁰ Стало: обращается (I)

¹¹ Так в рукописи.

¹² послушай зачеркнуто (I)

Явление VI.

Те же, Погоняев с женою и множество гостей в сюртуках и фраках и Бог знает в чем, несколько офицеров, потом Бобчинский и Добчинский.

Погоняев. Слух дошел к нам, что вы вступаете (Л. 162/82 об.) в родство с знаменитою фамилиею. Сожалею, что не имел чести представиться будущему зятю вашему.

Жена Погоняева. Поздравляю, Анна Андреевна. Мне сказывала Капитолина Ивановна. Говорят, что за именитым гостем шесть карет приехало, и все с какими-то необыкновенными форейторами, по восьми лошадей в ряд. (Множество гостей подходят попеременно сначала к Анне Андреевне, потом к Марье Антоновне, произнося попеременно: "Анна Андреевна! Марья Антоновна!") Бобчинский и Добчинский продираются сквозь толпу.)

Бобчинский. Имею честь поздравить.

Добчинский. Антон Антонович, имею честь поздравить.

Бобчинский. С благополучным происшествием.

Добчинский. Анна Андреевна!

Бобчинский. Анна Андреевна! (Оба подходят в одно время к руке и сталкиваются лбами.)

Добчинский. Марья Антоновна! (подходит к ее ручке). Честь имею поздравить. Теперь вы будете в большом, в большом щастии, в золотом платьи ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время...

Бобчинский (перебивая). Марья Антоновна, имею честь поздравить. Дай Бог вам всякого богатства, червонцев (Л. 163/83.) и сынка такого малинького, вот этакого (показывает рукою), чтобы можно было на ладоньку посадить и так только все будет кричать: уа, уа!

Городничий. Прошу покорнейше садиться, господа. Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульев. (Гости садятся.)¹³

---

¹³ Текст явлений V и VI заменен следующим: Явление V. Множество гостей в сюртуках, фраках и Бог знает в чем. Потом Бобчинский и Добчинский. [(Гости подходят попеременно сначала к Анне Андреевне ~ сквозь толпу.)] Бобчинский. Имею честь поздравить. ~ уа! уа! Явление VI. Лука Лукич. Имею честь ~ рекой и льются. Городничий. Прошу покорнейше садиться, господа. Эй Мишка, принеси сюда побольше стульев. (Гости садятся). (I)

Явление VII.

Те же и Купцы.

Один из купцов. Поздравляем батюшку Антона Антоновича и матушку Анну Андреевну, и дщерицу их Марью Антонову. Тебя, батюшка Антон Антонович, поздравляем штукой тонкого сукна, пятнадцатью аршинами бархата на халат, а ее милость кисейкой на пару платья, парчою золотою.

Городничий. Хорошо, хорошо. Там скажите Авдотье, пусть примет.

Купцы уходят.¹⁴

Явление VIII.¹⁵

Те же, Частный Пристав и Квартальные.

Частный пристав. Имею честь поздравить Ваше Высокоблагородие и пожелать благоденствия на многие лета.

Городничий. Спасибо, спасибо.¹⁶

Аммос Федорович. Но скажите пожалуста, Антон Антонович, каким образом все это началось. Постепенный ход всего то есть дела.

Городничий. Ход дела чрезвычайный, изволил собственлично сделать предложение.

Анна Андреевна. Очень почтительным и самым тонким образом. (Л. 164/83 об.) Все чрезвычайно хорошо говорил, говорит: “Я, Анна Андреевна, не посмотрю на то, что она не Графиня и не Княгиня — я именно из одного уважения к вашим достоинствам и вашей дочери”. И такой прекрасной и воспитанной человек, самых благороднейших правил. “Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь копейка, но именно за то только, что уважаю ваши редкие качества, я прошу, я умоляю руки вашей, естли вы будете так жестоки...”

Марья Антонова. Ах, маминька, ведь это он мне говорил.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь, и не в свое дело не мешайся. “Я, Анна Андреевна, вы поверите ли это, я потому только ищущу руки вашей или вашей дочери, что чувствую сердечную любовь и изумляюсь вашим достоинствам”. В таких лестных

¹⁴ Явление VII целиком зачеркнуто (I).

¹⁵ Стало: VII (I)

¹⁶ Далее вписано: Прошу садить(ся), Господа. (Гости усаживаются.) (I)

рассыпался словах, и когда я хотела сказать: “Мы никогда не смеем надеяться на такую честь”, тогда он, не говоря ни слова, вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: “Анна Андреевна, не сделайте меня несчастнейшим, и если вы не согласитесь отвечать моим чувствам, тогда я смертью окончу жизнь свою”.

Марья Антоновна. Ах, ей Богу, маминька, он обо мне это говорил.

Анна Андреевна. Да, конечно... и об тебе было... я ничего этого не отвергаю.

Городничий. И так даже напугал, говорит, упавши, что [когда начал говорить, что он] застрелится¹⁷.

Многие из гостей. Скажите пожалуйста.

Аммос Федорович. В самом деле, чрезвычайное происшествие.

(Л. 165/84.) Лука Лукич. Вот подлинно судьба уж так вела.

Артемий Филипович. По заслугам и благословение Божие. “Возвеличу мужа праведна и вознесу его” сказал Бог... Вот этакой свинье так и лезет в самой рот счастье.

Аммос Федорович. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Городничий. Нет, мне теперь не до кобельков.

Аммос Федорович. Ну, не хотите, на другой собаке сойдемся.

Жена Коробкина. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастью, вы не можете себе представить.

Жена Погоняева. Я, Анна Андреевна, узнала теперь секрет, как на Немецкий манер квасить капусту: нужно прежде всего обложить бочку дубовыми листьями, потом взять...

Анна Андреевна (с видом пренебрежения). Фи! капуста! я не знаю, как вы можете говорить об этом... я, признаюсь... такой предмет... капуста! фи! я никогда и не знала, что это за капуста. Ела, правда, в кушанье что-то такое, но никогда и не любопытствовала узнать, что это за капуста.

Жена Погоняева (одной гостью). Вы слышали, как она отзывается о нас?

Гостья. Да она такова, я уж ее знаю. Посади ее за стол, она и ноги...¹⁸

---

¹⁷ Вместо: говорит, упавши, что застрелится — стало: а. Упал (не зачеркнуто); б. говорил, что застрелится, ей Богу. (I)

¹⁸ Жена Погоняева. Я, Анна Андреевна ~ она и ноги... зачеркнуто (I)

К о р о б к и н. Где ж теперь, позвольте узнать, находится имени-
тый гость? Я слышал, что он уехал зачем-то.

⟨Л. 166/84 об.⟩ Г о р о д н и ч и й. Да, он отправился на один
день по весьма важному делу.

А н н а А н д р е е в н а. К своему дяде, чтобы испросить бла-
гословение.

Г о р о д н и ч и й. Испросить благословение. Но завтра же...
(Чихает.)

Поздравления сливаются в один гул. Слышнее других следующие голоса.

А р т е м и я Ф и л и п о в и ч а. Желаю здравствовать.

К о р о б к и н а. Многие лета.

Ч а с т н о г о П р и с т а в а. Здравия желаем, Ваше Высоко-
благородие.

А м м о с а Ф е д о р о в и ч а. Здравствуйте, Антон Антоно-
вич.¹⁹

Г о р о д н и ч и й. Много благодарен. Но завтра же и назад...
(Чихает.)

Подозрительный гул, слышнее других голоса.

Ч а с т н о г о П р и с т а в а. Здравия желаем, Ваше Высоко-
благородие.

Б о б ч и н с к о г о. Сто лет и куль червонцев.

Д о б ч и н с к о г о. Продли, Боже, на сорок сороков.

А р т е м и я Ф и л и п о в и ч а. Чтоб ты пропал!

Ж е н ы К о р о б к и н а. Чорт тебя поберет.²⁰

А н н а А н д р е е в н а. Мы теперь в Петербурге намерены
жить. А здесь, признаюсь, такой воздух... очень спертый...²¹ Вот и
муж мой, он там получит Генеральский чин.

Г о р о д н и ч и й. Да, признаюсь, господа, я, чорт возми, очень
хочу быть Генералом.

⟨Л. 167/85.⟩ Л у к а Л у к и ч. И дай Бог получить.

Р а с т а к о в с к и й. От человека невозможно, а от Бога все
возможно.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Большому кораблю большое пла-
ванье.

---

¹⁹ Слышнее других следующие голоса ~ Антон Антонович. *зачеркнуто* (1)

²⁰ Далее вписано: Г о р о д н и ч и й. Покорнейше благодарю, Господа, и Вам того же. (1)

²¹ Вместо: очень спертый... — стало: деревенщина уж слишком! признаюсь, большая неприятность... (1)

Артеми́й Филипович. По заслугам и честь.

Аммос Федорович (в сторону). Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается Генералом. Вот уж кому пристало Генеральство, как к корове седло. Нет, до этого еще далека песня. Тут и почище тебя есть, да до сих пор еще не Генералы.

Артеми́й Филипович (в сторону). Эка, чорт возми, уж и в Генералы лезет. Чего доброго, может, и будет, свинья, Генералом. Ведь у него солидности, голосу и важности²², лукавой не взял бы его, довольно (обращаясь к нему). Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

Аммос Федорович. И есть ли что случится, например, какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительством.

Коробкин. В следующем году повезу сынка в столицу на пользу Государства, так сделайте милость ему вашей протекциею, место отца заступить сиротке.

Городничий. Я готов с своей стороны, готов стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени и думать об этом, и как можно, и с какой стати себя обременять этакими хлопотами²³.

(Л. 168/85 об.) Городничий. Почему ж, душа моя, иногда можно.

Анна Андреевна. Можно! ты это себе воображаешь. Пожалуй, весь уезд нагрянет. Обо всех вздорах и пустяках просить и затруднять нас — нет, на это я не согласна, я это наперед говорю всем. Право, эти господа воображают, что люди важные должны непременно...²⁴

Явление IX.

Те же и Почтмейстер.

Почтмейстер. Я, господа, пришел объявить вам удивительное дело.

Городничий. А например, что такое, послушаем.

Почтмейстер. Я и сам не знаю, что сказать вам. Такое странное обстоятельство, что я...

---

²² Вместо: солидности, голосу и важности — стало: важности (I)

²³ Стало: обещаниями (I)

²⁴ Вместо: ты это себе воображаешь ~ должны непременно... — стало: это ты себе так воображаешь. [Одна из Гостей] Жена Коробкина. Вы слышали, как она отзывается о нас. Гостья. Да она такова всегда была, я Ее знаю. Посади ее за стол, она и ноги свои..

Некоторые. Какое? что?

Почтмейстер. Просто удивительное.²⁵ Я должен вас предупредить, господа, что по любопытству люблю иногда почитать иное письмо из приходящих ко мне на почту; притом же сам Антон Антонович просил меня не оставлять не распечатавши писем, чтобы иметь сведение о Ревизоре, как вдруг сего дня приносят ко мне на почту письмо от этого самого чиновника, которому мы показывали в городе все заведения. Я, признаюсь, не утерпел, со страхом, с большим страхом, а распечатал...

⟨Л. 169/86.⟩ Городничий. Как же вы смели распечатать?

Почтмейстер. Что ж делать, решился, так уж на пропало решился. Меня, признаюсь, подзадорило больше то, что на пакете было написано: “Его Благородию, какому-то Тряпичкину”. Если бы к какому-нибудь Превосходительству, то я бы никак не осмелился, но как увидел, что к Благородию, то такое почувствовал любопытство, какого еще никогда не помню... Я даже приказал затворить ставни, чтобы никто не мог подсмотреть, и сам зажег свечу...

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы.

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа.

Городничий. Что ж он по-вашему такое?

Почтмейстер. Ни се ни то, чорт знает, что такое.

Городничий (запальчиво). Как вы смеете это сказать? Знаете ли, что я велю вас под арест взять.

Почтмейстер. Кто? вы?

Городничий. Да, я.

Почтмейстер. Фи.

Городничий. Знаете ли, что этот самый чиновник ⟨Л. 170/86 об.⟩ женится теперь на моей дочери. Я сам скоро буду вельможа и, если захочу, то вас в Сибирь законопачу.

Почтмейстер. А вот этого не хотите (показывает ему палец).

Городничий. Господа, протестую, будьте свидетелями, Почтмейстер показал мне при всех шиш.

Почтмейстер. Господа, позвольте же и мне прочитать вам письмо, а потом можете сказать свое мнение.²⁶

²⁵ Вместо: Просто удивительное. — стало: Чрезвычайно странное: (I)

²⁶ Вместо: А вот этого не хотите ~ свое мнение. — стало: Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот [покуда(?)] лучше я вам прочту я письмецо. Господа, позвольте прочитать письмо. В с е. Читайте. Читайте. Далее зачеркнуто сохранившееся начало

⟨Л. 87.⟩ (Читает.)

“Мая такого-то числа и проч. ... и проч. ... и проч. Я уже писал к тебе, душа Тряпичкин, в прежнем письме, как я был обыгран в Пензе пехотным Капитаном. Если бы Осип не догадался припрятать новой пары платья, то и платья бы не было. Добравшись кое-как до этого городка, я, к изумлению, не мог даже заплатить и задолжался в трактире по воле Зевеса до такой степени, что трактирщик, ты только, пожалуста, не рассказывай никому, хотел меня потащить даже в тюрьму. К Батюшке я не смел писать. У него, знаешь, такие и неблагородные средства... Помнишь, как он обещал в письме своем даже розгами... словом, человек, не имеющий благородных чувств. Такими мерами ничего нельзя теперь, а особенно при теперешнем просвещении. Он может это делать с своими мужиками. Но вообрази, вдруг сцена переменялась Я живу теперь у Городничего в доме и наслаждаюсь всеми приятностями жизни, жуирую, отпускаю²⁷ вообрази, братец: ⟨Л. 87 об.⟩ жена и дочка у него прелесть. Я строю Курбету им обеим, но еще не решился, с которой начать прежде. Думаю, лучше с матушки; к дочке еще неизвестно, может быть, труден доступ, а матушка такая, что сию минуту облагодетельствовать²⁸. И я сегодня или завтра намерен поставить Городничему препорядочные рога. Сам Городничий преблагороднейший человек, с Гостеприимством патриархальным, но глуп, как сивый мерин”.

первоначального варианта письма Хлестакова к Тряпичкину: (Читает.) “Мая такого-то числа и проч. Спешу писать к тебе, душа Тряпичкин, по обещанию и рассказать одно удивительное происшествие. Заехал я, брат, к таким дуракам, каких никогда не видывал. Помнишь ли, как мы хотели было раз у Палкина пообедать на шет Английского Короля, да хозяин* придержал тебя за шинель. Вот сюда, братец, приезжай: дают, сколько хочешь, в займы. Городничий дурак всевозможнейший. Несколько дам вскрикивает: “Ах, какой пассаж”. Городничий (перерывает). Не может быть, там нет этого написано. Почтмейстер. Читайте сами. Городничий (читает в полголоса). Всевозможнейший... (отпускает письмо). Здесь кончается л. 86 об. архивной пагинации (с. 170 авторской пагинации), последующие листы вынуты. Вместо извлеченных листов в АК1 вложено два двойных листа, написанных рукой другого писаря и правленных Гоголем (архивная пагинация 87–90, авторская пагинация отсутствует). Текст первоначального писарского слоя возобновляется только со слов: Убит, убит, совсем убит (л. 91 архивной пагинации). В зачеркнутом на л. 86 об. тексте слово хозяин (отмечено звездочкой) заменено словами: мерзавец мальчишка. На левом боковом поле без обозначения места вставки написано: и нимало не остроумно и [неправдо(по)добно]. Чорт знает что. Свинья в картузе. Совсем и неправдо(по)добно, где ж свинья в картузе бывает (вариант реплики Артемия Филипповича — см. с. 339); Ей Богу, никогда и в рот не брал луку (вариант реплики Луки Лукича — см. с. 339). Все приведенные здесь вычерки и замены, очевидно, относятся к первому слою правки.

²⁷ Далее оставлено свободное место; ср. в АК2: отпускаю бон мо...

²⁸ Так в рукописи; в АК2 исправлено на: сию минуту готова влюбиться по уши

Городничий. Не может быть там этого написано.

Почтмейстер (*показывая письмо*). Читайте сами.

Городничий (*читая*). “Как сивой мерин”. Не может быть, это вы сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филипович. Читайте.

⟨Л. 88.⟩ Лука Лукич. Читайте.

Почтмейстер (*продолжая читать*). “Городничий благороднейший человек и с Гостеприимством патриархальным, но глуп, как сивой мерин”.

Городничий. О, чорт возьми! нужно еще повторять! как будто бы там без того нет.

Почтмейстер (*продолжая читать*). “Но” хм, хм, хм, хм... “сивой мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...” (*Оставляя читать*.) Ну, тут обо мне неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте.

Почтмейстер. Да к чему ж?

Городничий. Нет, чорт возьми, когда уж читать, так читать. Читайте все.

⟨Л. 88 об.⟩ Артемий Филипович (*читает*)²⁹. “Почтмейстер тоже доброй человек и чрезвычайно похож на³⁰ пьяницу Департаментского сторожа, должно³¹ быть, тоже, подлец, пьет горькую...”

Почтмейстер (*к зрителям*). Ну, скверной мальчишка, которого нужно посечь, больше ничего.

Артемий Филипович (*продолжая читать*). “Кроме того, надзиратель над Богоугодным заведением, какой-то Ляпкин-Тяп...” (*Заикается*.)

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филипович. Да нечеткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне, вот³² у меня, я думаю, получше глаза (*берет письмо*).

Артемий Филипович³³. Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, э, скажите, Господа, чтобы Артемий Филипович отдал.

²⁹ Стало: Позвольте я прочитаю (читает) (I)

³⁰ Далее вписано: нашего (I)

³¹ В рукописи: должен

³² вот зачеркнуто (III)

³³ Далее вписано: (не давая письма) (I)

⟨Л. 89.⟩ *Городничий*. Отдайте.

Все (*приступают к нему*). Отдайте. Отдайте. Читайте!³⁴

Коробкин (*читая*). “Кроме того, какой-то³⁵ надзиратель за Богоугодным заведением, какой-то Ляпкин-Тяпкин: вообрази себе чухонскую свинью в картузе³⁶, с пребольшими ушами”.

Артемий Филипович (*к зрителям*). И нимало не остроумно. Бог знает что: свинья в картузе³⁷! совсем неправдоподобно, где ж свинья в картузе³⁸ бывает?

Коробкин (*продолжая читать*). “А от смотрителя училищ страшно воняет луком”.

Лука Лукич (*к зрителям*). Ей Богу, и в рот никогда не брал луку.

Коробкин (*продолжая читать*). “Словом, брат, все ужасной³⁹ но при всем том мне чрезвычайно нравится здешнее добродушие. Так, знаешь,⁴⁰ просто, без всяких претензий,⁴¹ ⟨Л. 89 об.⟩ так что я истинно тронут, денег здесь занять можно, сколько хочешь. Помнишь, как мы хотели пообедать у Палкина нащет Англинского короля, да мерзавец мальчишка придержал за шинель. Вот сюда, братец, приезжай; вообрази, дают взаймы, сколько хочешь, бумажками и серебром. На этот счет у них чрезвычайно благородно. Меня возили по всем заведениям и являлись ко мне в мундирах; даже просили о многом замолвить о них в Петербурге. По моей физиогномии они верно почли меня за Военного Генерал-Губернатора. Я таки, с своей стороны, подпустил им пыли порядочной. Веришь ли, душа Тряпичкин, я с грустью помышляю об отъезде. Приятность времени, проведенного с здешними жителями, у меня долго останется в сердце. Впрочем, это, однако ж, нимало не помешает тебе ⟨Л. 90.⟩ воспользоваться такими предметами для твоего остроумного пера. Ты пишешь там разные статейки для “Библиотеки для чтения”, пожалуй-

---

³⁴ *Вместо*: э, скажите, Господа ~ Читайте! — *стало*: уж я знаю. *Артемий Филипович*. Нет, я и сам прочитаю, далее, право, все разборчиво. *Почмейстер*. Нет, все читать. Ведь прежде все читали. *Все*. Отдайте, Артемий Филипович. Отдайте письмо. (*Коробкину*.) Читайте. *Артемий Филипович*. Сей час! (Отдает письмо.) Вот позволяте я закрою пальцем (закрывает пальцем), вот этого места только не читайте, а прочее все можно. *Все* (приступают к нему). Читайте! Читайте! (1)

³⁵ *какой-то зачеркнуто* (1)

³⁶ *Стало*: в ермолке (1)

³⁷ *Стало*: в ермолке (1)

³⁸ *Стало*: в ермолке (1)

³⁹ *Далее оставлено свободное место* (1).

⁴⁰ *Далее вписано*: все это

⁴¹ *Далее вписано*: Никаких этих холодностей, [этих] которые бывают в свете

ста, их помести туда и окритикуй. Не чинись-таки нимало и хорошенько их отбрей, обо мне только упоминай полегче и с хорошей стороны, а то ведь я тебя знаю, ты родного отца не пожалеешь. Прощай, душа Тряпичкин! Я сам по примеру твоему хочу заняться литературой. Скучно, братец, так жить, ищешь пищи для души, а светская чернь тебя не понимает⁴². Хочешь наконец чем-нибудь эдаким высоким заняться. Прощай! пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. (*Переворачивает письмо и читает Адрес.*) Его благородию, Милостивому Государю Ивану Васильевичу Тряпичкину”.

О д н а и з Д а м. Ах, какой странной пассаж.

Ж е н а Л у к и Л у к и ч а. Какой репримант неожиданной.

Г о р о д н и ч и й. Вот когда зарезал, так зарезал.⁴³ <Л. 172/91> Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу, вижу какие-то свиные рыла, вместо лиц, а больше ничего... Воротить его, воротить (*машет рукою*).⁴⁴

Ж е н а П о г о н я е в а.⁴⁵ Вот, в самом деле, беспримерная конфузия.

А н н а А н д р е е в н а. Не верю, ничему не верю...

К о р о б к и н. Эх, какой казус!⁴⁶

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Однако ж, чорт возми, Господа, ведь он у меня взял деньги в займы.

А р т е м и й Ф и л и п о в и ч. У меня тоже занял⁴⁷ двести рублей, сказал, только до завтра⁴⁸.

П о ч т м е й с т е р. У меня у самого сто рублей выпросил.⁴⁹

Л у к а Л у к и ч.⁵⁰ У меня полтора, все ассигнациями.⁵¹

Б о б ч и н с к и й. У нас с Петром Ивановичем семьдесят пять ассигнациями и три двугривенных.

---

⁴² В рукописи: поминает (а светская чернь тебя не поминает *зачеркнуто и восстановлено*)

⁴³ Далее возобновляется текст первоначального писарского слоя (см. сноску 26 к с. 336–337).

⁴⁴ Далее вписано: П о ч т м е й с т е р. Куда тут воротить. Я как нарочно приказал зрителю дать ему лучшую тройку и вперед послал предписание, чорт бы меня [побрал] совсем побрал. (I)

⁴⁵ Вместо: Ж е н а П о г о н я е в а. — стало: Ж е н а К о р о б к а (I)

⁴⁶ А н н а А н д р е е в н а. Не верю ~ какой казус! *зачеркнуто* (I)

⁴⁷ занял *зачеркнуто* (I)

⁴⁸ сказал, только до завтра *зачеркнуто* (I)

⁴⁹ Вместо: У меня ~ выпросил. — стало: (вздыхнув) Ох, и (у) меня сто рублей (I)

⁵⁰ Далее вписано: (к зрителям) (I)

⁵¹ Вместо: У меня полтора, все ассигнациями. — стало: полтора ассигнациями.

Так и тут же и спрятал при мне в бумажник. (I)

Р а с т а к о в с к и й. У меня триста. Впрочем, Бог с ним, лишь бы только не обманул да постарался о деле, только правда ветреной человек, то, может быть, и обманет.⁵²

⟨Л. 172/91 об.⟩ А м м о с Ф е д о р о в и ч. Экое в самом деле...⁵³ (в недоумении расставляет руки) как же это мы так...⁵⁴

Г о р о д н и ч и й (бьет себя по лбу). Как я?.. Нет, как я, старый дурак?.. выжил, глупый баран, из ума... Тридцать лет живу на службе, ни один купец, ни подрядчик не мог провести меня; мошенников над мошенниками обманывал; пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду, трех Губернаторов обманул⁵⁵, а теперь... вертопрах какой-нибудь, мальчишка, на губах молоко еще не обсохло... Ступай, ищи его, чорт побери, я думаю, так удирает по Столбовой дороге, что колокольчик заливается.

А н н а А н д р е е в н а (мужу). Как же?.. ведь это не может быть... он совсем ведь обручился уже с нашей Машенькой.

Г о р о д н и ч и й (с досадою). А разве ты не видишь, что у него все это: тра ла ла⁵⁶. Пустейший человек!⁵⁷ Вот подлинно, есть ли Бог захочет наказать, так отнимет разум.⟨Л. 173/92.⟩ Ну что в нем было такого, что бы можно было принять за важного человека или вельможу. Был бы он хотя, по крайней мере, толст в теле, как прилично знатному человеку, или говорил бы громким голосом, внушающим уважение⁵⁸, а то чорт знает что: дрянь, сосулька, тоньше серной спички. И каким это образом случилось, с чего, откуда взялось это⁵⁹, кто первый вынес, что он чиновник, присланный для того, чтобы ревизовать?..

А р т е м и й Ф и л и п о в и ч. А кто вынес? вот кто вынес! Эти молодцы! (Показывает на Добчинского и Бобчинского.)

Б о б ч и н с к и й. Ей Богу, ей Богу, нет, и не думал.

Д о б ч и н с к и й. Я ничего, совсем ничего...

---

⁵² Р а с т а к о в с к и й. У меня триста ~ обманет. *зачеркнуто* (I)

⁵³ *Вместо:* Экое в самом деле... — *стало:* а. Как же это, господа; б. *Слов нет* (I)

⁵⁴ *Вместо:* как же это мы так... — *стало:* как же это, Господа? Как же это [вы] мы в самом деле [оплошали!] так оплошали! (I)

⁵⁵ *Вместо:* трех Губернаторов обманул — *стало:* а. трех Губернаторов обманул. Что Губернаторов?; б. трех Губернаторов обманул. Что Губернаторов? Попа на исповеди надул, рассказал совсем другое (I)

⁵⁶ *Вместо:* тра ла ла — *стало:* фу фу (I)

⁵⁷ *Далее вписано:* Чорт бы побрал его. (I)

⁵⁸ *Вместо:* Был бы он ~ уважение — *стало:* Имел бы он в себе что-нибудь внушающее уважение (I; первоначально Гоголь начал править этот фрагмент карандашом, между строк написано: имел бы в себе)

⁵⁹ с чего, откуда взялось это *зачеркнуто* (I)

Артеми́й Фили́пович. Конечно, вы.

Лука Лукич. Разумеется. Вы первые прибежали как сумасшедшие из трактира: приехал, приехал Ревизор, и денег не плотит... нашли, чорт бы вас побрал, важную птицу.

Городничий. Натурально, вы. Сплетники городские, лгуны проклятые!

⟨Л. 174/92 об.⟩ Аммос Федорович. Чтобы вас чорт побрал с вашим Ревизором и рассказами.

Городничий. Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые, сплетни сеете, сороки короткохвостые.

Аммос Федорович. Пачкуны проклятые!

Лука Лукич. Колпаки.

Артеми́й Фили́пович. Сморчки короткобрюхие! (*Все обступают их.*)

Бобчинский (*закрываясь рукою*). Ей Богу, это не я, это Петр Иванович.

Добчинский. Э, нет, Петр Иванович, это вы говорили.

Бобчинский. Э, нет, ей Богу, вы прежде.

Явление последнее.

Те же и Жандарм.

Жандарм. Приехавший чиновник требует всех вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

⟨Л. 175/93.⟩ Все открывают в изумлении рты и в разных положениях минуту остаются неподвижны.⁶⁰ В таком состоянии закрывает их опускающаяся занавесь⁶¹.

---

⁶⁰ *Вместо:* Все открывают в изумлении рты ~ неподвижны. — *стало:* Ужас выражается различно на всех лицах. У всех открыты рты в разных положениях и целую минуту неподвижны (I)

⁶¹ *В рукописи:* занавес

〈ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА, ПИСАННОГО АВТОРОМ ВСКОРЕ ПОСЛЕ ПЕРВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ “РЕВИЗОРА” К ОДНОМУ ЛИТЕРАТОРУ〉

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ (ЧН)

〈Л. 44.〉 〈I〉 ...Итак Ревизор сыгран... и у меня на душе так смутно, так странно... Я ожидал, я знал¹ наперед, как пойдет все... и при всем² и грустно(е), и тягостное³ чувство обняло меня⁴. Мое же создание мне показалось дико и как будто чужое. Главная роль пропала, так как я и думал. Дюр ни на волос не понял, что такое Хлестаков.⁵ Хлестаков сделался чем-то в роде Альнаскарова, в роде целой шеренги водевильных шалунов, которые пожаловали к нам повертеться из Парижских⁶ Театров. Он сделался просто враль⁷, бледное лицо,⁸ более двух веков являющееся в том же costume. Неужели⁹ в самом деле не видно, что такое Хлестаков. Или неужели¹⁰ мной овладела довременно гордость, и силы мои были слишком слабы совладать с этим лицом. А мне казалось оно ясным. Хлестаков вовсе не надувает. Он¹¹ вовсе не лгун по ремеслу, он сам позабывает, что лжет¹² 〈I〉 〈Л. 46〉 〈III〉, и уже сам почти верит¹³ тому, что го-

¹ Далее зачеркнуто: что

² Так в рукописи; ср. в АК: и при всем том

³ Вместо: и грустно(е), и тягостное — было: так грустно, так тягостно

⁴ К словам: обняло меня — имеется незачеркнутый вариант: меня обняло

⁵ Далее зачеркнуто: а. Он явился; б. Хлестаков сделался

⁶ Далее зачеркнуто: ежд(невных?)

⁷ Вместо: Он сделался просто враль — было: а. Его приняли просто за вряля; б. Он принят просто как враль

⁸ Далее зачеркнуто: износившее

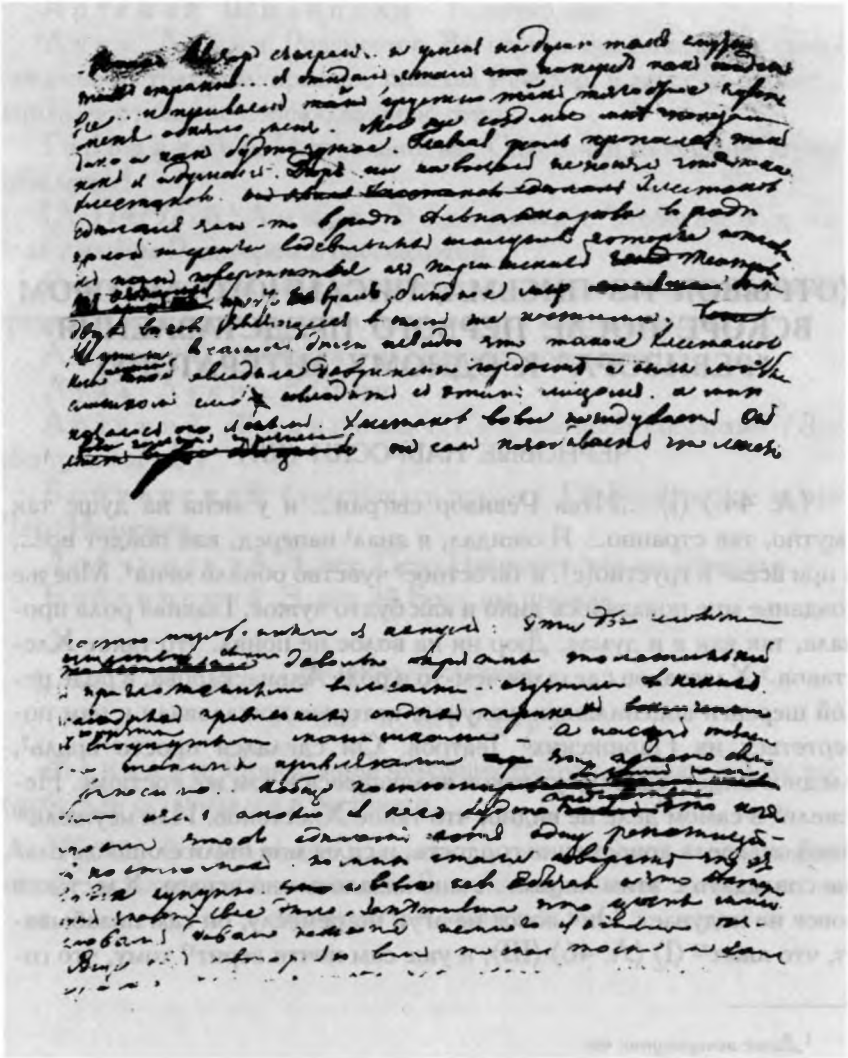
⁹ Было: Боже, неужели

¹⁰ неужели вписано

¹¹ Далее зачеркнуто: лжет вовсе без цели, бе(з)

¹² К тексту: Хлестаков вовсе не надувает ~ позабывает, что лжет (л. 44) — имеются два незачеркнутых варианта на л. 46: а. 〈II〉 Он вообще не лгун, и цель его не лгать,

«Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления "Ревизора" к одному литератору». Черновые наброски. Первая страница. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург

ворит. Он просто развернулся¹⁴, видит, что все идет очень живо. Слушают его внима(тельно), он в духе и на веселе и потому говорит лучше, плавнее, нежели когда-нибудь, с большим участием, потому что он от души говорит¹⁵. Он говорит с совершенною откровенностью и выказывает здесь себя всего таким, как есть.¹⁶ Вообще у нас Актеры вовсе не умеют лгать. Они воображают¹⁷ просто значит нести болтовню. Лгать значит говорить с тоном¹⁸ так близким к истине, так естественно¹⁹, так наивно, как только можно говорить одне истины²⁰. Здесь заключается все комическое и смешное лжи. Что именно то, что подалеже от истины, произносится так, как бы это с истиной на самой короткой ноге. Я почти уверен, что Хлестаков более бы выиграл, если бы дать его совершенно глупому Актеру и сказать ему, что Хлестаков человек Comme il faut или сам(ый) добродетельн(ый), умн(ый) и ловк(ий) молод(ой) человек²¹ и чтобы он постарался его представить именно таким.

Хлестаков лжет не то чтобы холодно и фанфаронски театрально, он лжет с чувством или по крайней мере с участием. В глазах его выражается наслаждение, чувствуемое им от этого, и где он лжет, это должны быть лучшие минуты в его жизни. (III)

(Л. 45 об.) (IV) Теперь характера,²² то есть лица, то есть видимой наружности никакой, никакой, (ни)какой решительно не дали бедному Хлестакову.²³ Оне умеют только²⁴ карикатурить старых чи-

---

но как только он почувствовал, что он в духе, что все плавно, его язык и развязался, и пошел нести чушь (II); б. он вовсе не надувает. Он позабывает [сам], что лжет (вариант а. является самостоятельным наброском, вариант б. представляет собой начало наброска третьего)

¹³ Вместо: почти верит — было: а. верит; б. верит почти (вариант б. не зачеркнуто)

¹⁴ развернулся вписано

¹⁵ К словам: он от души говорит — имеется незачеркнутый вариант: говорит он от души

¹⁶ Он просто ~ как есть. вписано

¹⁷ Пропуск слов; ср. в АК: Они воображают, что лгать значит

¹⁸ Так в рукописи.

¹⁹ Было: натурально

²⁰ как только можно говорить одне истины вписано

²¹ Вместо: ему, что Хлестаков ~ молод(ой) человек — было: что он должен сыграть человека Comme il faut или самого добродетельного, умного и ловкого молодого человека (в процессе правки слова: что он должен сыграть человека — были заменены на: ему, что Хлестаков человек, однако в остальных словах падежи в соответствии с этой правкой изменены не были)

²² Далее зачеркнуто: ли(ца)

²³ Фраза: Теперь характера ~ бедному Хлестакову. вписана. Над ней с небольшим пробелом написано: (V) я боялся очень за Хлестакова (V)

²⁴ Вместо: Оне умеют только — было: Вообще наши Актеры умеют только

новников с потертыми бархатны(ми)²⁵ воротниками и поношенными вицмундирами. — Но схватить те черты, которые довольно благовидны и приличны, не выходят острыми углами из обыкновенного светского круга, вообще трудно. — У Хлестакова ничего не должно²⁶ означającego(ся) резко. Он принадлежит к²⁷ тому кругу, которых много, и ничем не отличается от приличных молодых людей по манере говорить.²⁸ Он хорошо даже держится, и только в случаях, где требуется или присутствие²⁹, или характер,³⁰ является подлинная его³¹, он падает вдруг и показывает свою³² (IV)

(VI) Но открыть все это, рассказать все это Актеру мне было невозможно. Таланту³³, и Таланту высокому, можно это открыть. Но обыкновенного Актера или даже обыкновенного таланта можно было этим сбить совершенно с толку. Я, признаюсь, даже и в том раскаиваюсь, что написал маленькие замечания в двух или трех строках. Этих немногих строк уже было достаточно, чтобы перехитрить эту роль. (VI)

(VII) Я раскаиваюсь отчасти, что не выдал прежде комедии, покамест она (не) поступила в Театр. Зрители всегда³⁴ находятся под влиянием первого впечатления, и Хлестаков, которого он унес из Театра, остается в голове его.³⁵ Нет нужды, что³⁶ он потом может прочитать его, читая это лицо, он все-таки невольно выражает в лице своем черты Театрального Хлестакова. (VII)

(Л. 46.) (VIII) Городничий был выполнен хорошо, потому что Актер, выполнявший эту роль, был выше прочих здешних актеров и потому что самая роль несравненно легче. Притом черты роли Городничего более неподвижны и ясны³⁷, слишком резко обозначает себя

---

²⁵ бархатны(ми) вписано

²⁶ Так в рукописи; ср. в АК: не должно быть

²⁷ Далее зачеркнуто: многим

²⁸ Рядом с набросками IV и V на левом боковом поле написано: в манерах, в выговоре [в словах] нет у него ничего, что бы не было совершенно как следует — он говорит очень складно, с весом даже некоторым, разница в том только, что в том, о чем он говорит, нет и толку и весу.

²⁹ Так в рукописи; ср. в АК: присутствие духа

³⁰ Далее зачеркнуто: а. яв(ляется); б. он(?)

³¹ Так в рукописи; ср. в АК: выказывается его отчасти подлинная, ничтожная натура

³² Не закончено.

³³ Было: А таланту

³⁴ всегда вписано

³⁵ Так в рукописи (несогласование числа). Далее зачеркнуто: а. и уже читает утром в Книге; б. и если перечитает утром в Книге

³⁶ Было: чтобы

³⁷ Вместо: Городничий был выполнен хорошо ~ неподвижны и ясны — было: Черты роли Городничего более неподвижны и ясны

его³⁸ неизменяющаяся наружность и собою утверждает его характер. Черты роли Хлестакова слишком подвижны и более тонки, потому трудно уловимы³⁹.

Что такое Хлестаков? Молодой человек, чиновник и пустой, как называют, но заключает в себе много тех качеств, которые имеют в себе те люди, которых свет не называет пустыми. Выставить эти качества в тех людях, которые не лишены достоинств, было бы грехом с моей стороны, потому все бы я-таки поднял на смех. Лучше пусть всякой отыщет частицу⁴⁰ себя в этой роли, а между тем осмотрится вокруг без боязни и страха, чтобы кто-нибудь не указал на него пальцем и не⁴¹ назвал его портретом. Словом, это лицо должно быть Тип разбросанного в разных русских характерах, которое здесь соединилось в одном лице⁴².

⟨Л. 46 об.⟩ Всякой на минуту или на несколько даже минут делался или делается Хлестаковым, натурально в этом не хочет только признаться. Он любит даже и посмеяться над этим фактом, но только натурально в коже другого, а не в своей собственной. И ловкий гвардейской офицер окажется иногда Хлестаковым, и Государственный муж, которого и вы знаете, окажется⁴³ под час Хлестаковым. Иногда даже и наш брат грешный Литератор⁴⁴. Словом, редко кто им не будет, все дело в том только, что очень ловко повернется и как будто бы и не он. ⟨VIII⟩

⟨IX⟩ Итак, неужели в моем Хлестакове ничего этого не видно, неужели он бледное лицо, а я думал в порыве минутно⁴⁵-горделивого расположения, что когда-нибудь Актер обшир(ного)⁴⁶ возблагодарит меня за совокупление в одном лице разнообразных движений⁴⁷, ⁴⁸да-

---

³⁸ *Далее зачеркнуто*: вечно одна и

³⁹ *Вместо*: более тонки, потому трудно уловимы — было: неуловимы

⁴⁰ *Далее зачеркнуто*: в

⁴¹ *Далее зачеркнуто*: сказал бы

⁴² *Вместо*: разбросанного в разных русских ~ в одном лице — было: Соединить в одном [моло(дом) человеке] качества, которые разбросаны в природе по многим и изредка совокупаются в одно лицо таким образом, что уже всякой почитает себя вправе показать на него почти публично пальцем (слова: в одно лицо ~ публично пальцем остались *незачеркнутыми*)

⁴³ *Далее зачеркнуто*: ино(гда)

⁴⁴ *Далее зачеркнуто*: все дело в том, чтоб

⁴⁵ *Было*: минутной забы(вчивости?)

⁴⁶ *Так в рукописи; ср. в АК*: актер обширного таланта

⁴⁷ *Вместо*: обшир(ного) ~ разнообразных движений — было: [тал(антливый?)] одаренный талантом и умом многосторонним поблагодарит за то, что [задал] [соединил] в одном лице соединил столько различных движений

⁴⁸ *Перед*: дадуших — *зачеркнуто*: да

душих ему⁴⁹ возмо(жность) выявить все стороны своего таланта⁵⁰. И Хлестаков вышел Детская, ничтожная роль.⁵¹ Это тяжело и просто едко⁵²-досадно.

С самого начала представл(ения)⁵³ я уже сидел в театре скучный⁵⁴.

Об восторге и приеме публики я не заботился. Одного судьи только из всех, бывших в театре, я боялся⁵⁵, и этот судья был я сам. Внутри себя я слышал ропот и упреки против моей же пьесы, которые заглушали все другие. А публика вообще была довольна и, как казалось, приняла ее по крайней мере не без участия. С публикою ее примирил совершенно Городничий⁵⁶, ⁵⁷в этом я был уверен и прежде представления. Потому⁵⁸ что для Сосницкого ничего не оставалось необъясненного в этой роли. Я рад по крайней мере, что доставил ему средство показать во всей ширине талант свой, об котором уже⁵⁹ отзывались равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, награждаем(ыми) так щедро рукоплесканиями в повседневных водевилях и прочих забавных пьесах. Слуга, я тоже думал, что будет хорош, потому в актере заметно было много внимания к моим словам и дельная(?)⁶⁰ замечательность. Зато оба наши приятели Бобчинский и Добчинский вышли⁶¹ сверх ожидания дурны. Я думал, что они будут дурны, потому что в этих двух маленьких человечках я воображал Щепкина и Рязанцева, когда создавал⁶² в голове моей, но все-таки я думал, что авось либо их⁶³ наружность и положение по крайней мере

---

⁴⁹ Далее зачеркнуто: почти разо(м?)

⁵⁰ Вместо: все стороны своего таланта — было: всю [разнообразн(ую)] многосторонность таланта

⁵¹ К фразе: И Хлестаков вышел Детская, ничтожная роль. (л. 46 об.) — имеется не-зачеркнутый вариант на л. 46: (X) [Теперь какое же мое бы(ло)] Теперь какое же мое было негодование, когда из этой роли сделали детскую, почти ничтожную роль (X) (вариант является самостоятельным наброском)

⁵² Вместо: просто едко — было: глубоко-ядовито

⁵³ Было: пьесы

⁵⁴ Вместо: сидел в театре скучный — было: сидел скучный (в процессе правки сидел ошибочно зачеркнуто). Далее зачеркнуто: Примирил пьесу с публикой Городнич(ий)

⁵⁵ Вместо: Одного судьи ~ я боялся — было: [Я боялся] одного судьи только я боялся

⁵⁶ Далее зачеркнуто: Слуга. Новость некоторых сцен [словом дал (?)] Публике, как известно, нужно немного. Половина натурально роптала, что зачем выводить

⁵⁷ Перед: в этом — зачеркнуто: а. В нем я был; б. Я был увер(ен)

⁵⁸ В рукописи: Потом

⁵⁹ Далее зачеркнуто: равнодушно

⁶⁰ В рукописи: дельную(?)

⁶¹ Далее зачеркнуто: а. гадки; б. дурны

⁶² Было: создавались эти роли

⁶³ Далее зачеркнуто: поло(жение?)

их вынесет,⁶⁴ не обкарикатурит, вышло напротив, вышла именно карикатура. Уже увидевши перед началом представления ⟨Л. 44⟩ костюмированными, я ахнул: эти два человечка⁶⁵, в существе своем довольно опрятные, толстинькие, с приглаженными волосами, очутились в каких⟨-то⟩ нескладных превысоких седых париках, включенные, неопрятные⁶⁶, с высунутыми манишками. А на сцене оказались они такими кривляками, что просто было невыносимо. Вообще костюмы⁶⁷ большей частью были очень плохи. Я как будто предчувствовал⁶⁸ это, когда просил, чтобы сделать хотя одну репетицию в костюмах. Но мне стали говорить, что это вовсе не нужно⁶⁹ и вовсе не в обычае и что Актеры уж знают свое дело. Заметивши, что цены моим словам давали, кажется, немного, я оставил их. Еще раз повторяю вам, тоска, тоска, и сам не знаю, отчего мной одолевает тоска. ⟨IX⟩

---

⁶⁴ *Далее зачеркнуто:* выш⟨ло?⟩

⁶⁵ *Далее зачеркнуто:* толстинькие

⁶⁶ *неопрятные вписано*

⁶⁷ *Было:* костюмирована; *далее зачеркнуто:* а. целой; б. половины

⁶⁸ *Было:* знал

⁶⁹ *Далее зачеркнуто:* что

⟨ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ⟩

ПЕРВАЯ ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ (ЧА1)

⟨Л. 1.⟩ Почти все из моих собратьев — Русских¹ Литераторов жертвовали чем-нибудь от трудов своих в пользу неимущих. Или издавали сами в пользу их книги, или участвовали своими трудами в составлении² сборник(ов), предпринимаемых обществом благотворительного рода³, или, наконец⁴, составляли⁵ с это(й) целью публичные чтения. Один к моему стыду отстал. Желая загладить хотя поздо⁶ проступок свой, я назначаю в пользу неимеющих⁷ нынешнее четвертое и пятое издани(я) “Ревизора”, печатаемые в одно время в Москве и в Петербурге⁸ с присоединением его окончания или развязки, которую по разны(м) обстоятельствам мне нельзя было выдать прежде. — Деньги, выручаемы(е)⁹ за оба эти издания, назначаются¹⁰ только в пользу тех неимеющих, которые или служат, или служили прежде на самых невидных и незаметных местах¹¹, хотя тем не менее трудных¹², и получают слишком маленькие жалования¹³ на свое содержание, хоть бывают иногда обязаны содержать не одних себя, но дряхлую мать, больных¹⁴ и нигде не приютившихся родственников. Я по-

¹ Русских вписано

² Вместо: в составлении — было: в составляемых

³ Вместо: предпринимаемых обществом благотворительного рода — было: издаваемых целым обществом

⁴ В рукописи или, наконец написано дважды

⁵ Было: производили

⁶ Так в рукописи.

⁷ в пользу неимеющих вписано

⁸ Вместо: четвертое ~ в Петербурге — было: четвертое издание “Ревизора”

⁹ Далее зачеркнуто: за них, будут обращены

¹⁰ Далее зачеркнуто: как в

¹¹ Вместо: на самых невидных и незаметных местах — было: котор(ые) имеют слишком малые и маленькие места и должности (не зачеркнуто)

¹² В рукописи: трудные

¹³ жалования зачеркнуто (незавершенная правка)

¹⁴ больных вписано

тому и прошу убедительно всех читателей, уже¹⁵ сделавших начало доброму делу покупкой моей¹⁶ книги¹⁷, сделать¹⁸ и добрый ему конец или заверше(н)е). Я¹⁹ всех тех читателей моих, которые не заняты слишком важны(ми) и высокими должностями, лишаящими досуга, которые, напротив того, служат сами еще не в важных должностях и, стало, более всех других могут встречаться лично с таким(и) людь(ми)²⁰, всех таких читателей я прошу заняться доставкой сведений об всех терпящих и нуждающихся в означенном виде²¹. Сведения таковые прошу доставить их тем людям, которые мною уполномочены быть раздавателями²² такой помочи²³. Особенно²⁴ прошу²⁵ не пренебречь таким делом, входить²⁶ и вникнуть самолично в положение нуждающихся, и только о таких доставлять сведения, которых они узнали уже сами лично, и не полагаться²⁷ на рассказы других.

Право²⁸, стоит того человек, чтобы поближе и получше войти в его положение²⁹ и разговором с ним³⁰ о нем самом гораздо лучше всяких разговоров о том, что интересует³¹ общество в его современную минуту. Может случиться тут же, в одном месте, в одной улице и даже в одном доме, в одной комнате с нами³², человек, который вытерплевает тяжелое горе жизни, которому мы, а не кто-либо другой мог бы помочь — и мы это(о) не узнаем, и³³ достигаем до конца жизни и умираем спокойно, не подозревая, могли ли быть у нас какие-нибудь сношения с этим человеком. Молю всех Христолюбивых читателей не пренебрегать³⁴

---

¹⁵ Далее зачеркнуто: купивших "Ревизора"

¹⁶ Далее зачеркнуто: продолжить

¹⁷ В рукописи: книгу

¹⁸ Далее зачеркнуто: и завершение. Над словом: завершение — вписано и не зачеркнуто: ему

¹⁹ Далее зачеркнуто: прошу

²⁰ люд(ми) вписано

²¹ Вместо: терпящих ~ в означенном виде — было: таких людях, где бы они их ни встретили, претерпевающих трудное горе жизни

²² Далее зачеркнуто: этой

²³ Далее зачеркнуто: прося их в то же время

²⁴ Особенно вписано

²⁵ Далее зачеркнуто: читателей

²⁶ входить вписано

²⁷ Вместо: узнали ~ не полагаться — было: узнали лично, не полагаясь

²⁸ Было: Именем Бога говорю

²⁹ В рукописи: войти его в положение; далее зачеркнуто: гораздо лучш(е)

³⁰ с ним вписано

³¹ Далее зачеркнуто: все

³² Вместо: Может случиться ~ с нами — было: Может тут же в одном месте, в [одном] одной улице и даже в одном доме, в одной комнате с нами быть

³³ Далее зачеркнуто: умираем даже

³⁴ Далее зачеркнуто: особенно

разговорами с низшими людьми, особенно с такими, которые молчаливы, нер(а)зговорчиво³⁵, тихо скорбят и претерпевают, и только после их смерти узнается, что они умерли от невыносимого бремени нужд. Всех же тех читателей, которые, будучи³⁶ заняты более нужными и важнейшими делами, не могут иметь чрез то досуга входить в положенья бедных людей, прошу³⁷ их, разумеется, в таком случае, если они достаточны и могут уделять от своих достатков, прислать от себя что-нибудь на вспоможение, адресуя к кому-нибудь из тех³⁸ моих знакомых, которые³⁹ решились взять на себя обязанность быть раздавателями вспомоществований и которых имена и адреса здесь прилагаются.⁴⁰ Считаю обязан(ность)ю уведомить при этом случае, что выбраны мною те особенно, которые имеют покуда более других свободного времени, имеют душевную потребность быть⁴¹ полезным брату и будут стараться особенно о том, чтобы не [пропала] копей(ка), брошенная даром на воздух⁴², но обратилась при всей малости своей в пользу (Л. 1 об.) неимущему, а потому не прежде помогут ему, покуда его не узнают как близкого своему сердцу человека⁴³, не взвесят всех обстоятельств, его окружающих, и не [придут] в возможность⁴⁴ сопроводить умным советом поданную помощь. Где дело⁴⁵ будет соединено⁴⁶ тесно с состоянием душевным⁴⁷ нуждающегося, где он сам окажется виной своей тяжелой участи, словом, во всех тех случаях, где⁴⁸ участвует совесть человек(а), они произведут не иначе вспомоществованье свое, как чрез руки опытных священников и таких духовников своих, которым приходится не вперв(ые) иметь дело с душой и с совестью человека.⁴⁹ Желательно мне было, если бы всяк из тех⁵⁰, которые⁵¹ имеют сведения о страждущих, до-

³⁵ Так в рукописи.

³⁶ будучи вписано

³⁷ Далее зачеркнуто: предполагая их людьми достаточны(ми). После слова: предполагая — между строк вписано и не зачеркнуто: разум(еется?)

³⁸ Далее зачеркнуто: которы(е)

³⁹ Далее вписано: по доброте своей и п(о?) (незавершенная правка)

⁴⁰ Далее зачеркнуто: Уведомляю при

⁴¹ Далее зачеркнуто: хоть этим

⁴² Вместо: чтобы не [пропала] копей(ка) ~ на воздух — было: чтобы помощь не пропала даром (слово помощь осталось незачеркнутым)

⁴³ В рукописи: человеку

⁴⁴ Вместо: не [придут] в возможность — было: не придут в силы

⁴⁵ Где дело зачеркнуто, сверху вписано: В тех же (незавершенная правка)

⁴⁶ Далее зачеркнуто: с

⁴⁷ В рукописи: душевного

⁴⁸ Далее зачеркнуто: дело будет относи(ться?)

⁴⁹ Далее зачеркнуто: а. Прошу; б. Доставлять же сведен(ия) о несчастных гораздо лу(чше)

⁵⁰ Далее зачеркнуто: знающих

⁵¹ Далее зачеркнуто: знаю(т)

ставляли бы сведения свои лично мною означенным особам, а не письменно. На словах можно рассказа(ть) лучше и обстоятельнее и разрешить всякие недоразумения, которые всегда остаются в письмах. Я нарочно затем разделил на многих, а не одного раздачу вспомоществований, чтобы читатель мог выбрать сам, с кем ему ловче переговорить и объясниться⁵². Нужно ли сострадательное⁵³ участие женщины или осужительное братское ободрение мужчины. — Выставляю даже⁵⁴, в который они могут переговорить: от 11 до 12 часов, полагая этот час удобнее. Если ж и неудобно, то все-таки в этот час они могут узнать от них, в который приехать им переговорить о деле.

Имена и адреса Лиц, на которых⁵⁵ возложена раздача вспомощество(ваний).

В Москве.

В Петербурге.⁵⁶

ВТОРАЯ ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ (ЧА2)

(Л. 1.) Почти все наши Русские⁵⁷ Литераторы жертвовали чем-нибудь от трудов своих в пользу неимущих: одни издавали для того сами книги, другие не отказывались участвовать в изданиях разных сборников из общих трудов⁵⁸, третьи, наконец, составляли публичные чтения, один я отстал от прочих. Желая загладить хотя поздно⁵⁹ проступок свой, я назначаю в пользу неимущих четвертое и пятое издания “Ревизора”, печатаемые в одно и то же время в Москве и в Петербурге, с присовокуплением неизвестной публике моей пиэсы⁶⁰: “Развязка Ревизора”. По разным причинам она не могла быть доселе издана и помещается в первой раз здесь. Деньги, выручаемые за оба эти (и)здания, назначаются⁶¹ в пользу⁶² только тех неимущих, которые, служа⁶³ на (не)заметных и маленьких местах и получая самое маленькое жалованье, едва достаточное на содержание одного чело-

---

⁵² *Вместо:* мог выбрать ~ объясниться — *было:* видел сам, к кому из них приличнее по роду дела обратиться (*не зачеркнуто*)

⁵³ *В рукописи:* сострадательное

⁵⁴ *Так в рукописи; ср. в ЧА2:* Полагаю необходимы(м) назначи(ть) для этого час

⁵⁵ *Далее зачеркнуто:* раз(дача?)

⁵⁶ *Слова, напечатанные курсивом, подчеркнуты Гоголем прямой чертой.*

⁵⁷ *Русские вписано*

⁵⁸ *Вместо:* в изданиях ~ трудов — *было:* в составлении разных сборников

⁵⁹ *Так в рукописи.*

⁶⁰ *Вместо:* неизвестной публике моей пиэсы — *было:* дотоле еще неизвестной и нигде не напечатанной моей пиэсы под заглавием

⁶¹ *Далее зачеркнуто:* тол(ько)

⁶² *Далее зачеркнуто:* одних

⁶³ *Вместо:* служа — *было:* или служили, или служат

века, должны содержать им сверх того⁶⁴ еще более бедных своих родствен(ников) и жертвовать собой⁶⁵. А потому прошу всех моих читателей, которые сделали уже начало доброму делу покупкой этой книги, сделать и доброе ему окончанье. А именно собирать по возможности досуга сведенья⁶⁶ обо всех нуждающихся⁶⁷ более прочих как в Петербург(е), так и в Москв(е)⁶⁸, не пренебрегая скучным делом входить лично⁶⁹ самому в⁷⁰ их трудные обстоятельства, и все собранные сведения доставлять тем, которые⁷¹ взяли на себя раздачу денег⁷². Много есть страданий, которых мы не знаем. Часто⁷³ в одном и том же месте, в одной и той же улице, в одном и том же доме с нами иногда стонет человек под тяжким игом невыносим(ого) горя жизни⁷⁴, которому одни мы могли бы помочь⁷⁵, которого вся участь, может быть, зависит⁷⁶ от нас. Но мы о том не знаем и не узнаем до конца⁷⁷ и умираем с покойной совестью⁷⁸, не подозревая, что возле нас же погибнул человек⁷⁹ именно от того, что мы не дали себе труда взглянуть. Ради самого Христа умоляю⁸⁰ не пренебрегать⁸¹ разговорами⁸² с теми, которые молчаливы и неразговорчивы, скорбят тихо, претерпевают тихо и умирают безмолвно, так что даже и по смерти их редко узнается, что они умерли от невыносимого бремени нужд своих. Всех же тех⁸³, которые, будучи заняты должностями и обязанностями вы-

---

⁶⁴ Далее зачеркнуто: содержать

⁶⁵ Вместо: еще более ~ собой — было: мать, сестру, словом, не одного себя

⁶⁶ Далее зачеркнуто: самолично (слово подчеркнуто прямой чертой)

⁶⁷ Далее зачеркнуто: истинно; затем вписано и зачеркнуто: как в Петербурге)

⁶⁸ как в Петербург(е), так и в Москв(е) вписано

⁶⁹ Слово подчеркнуто прямой чертой.

⁷⁰ Далее зачеркнуто: положение

⁷¹ Первые четыре буквы слова зачеркнуты.

⁷² Далее зачеркнуто: и которых имена увидит читатель в конце этого предведомления. С своей стороны молю о взгляде внимательном на человека.

⁷³ Часто вписано

⁷⁴ Вместо: стонет человек ~ жизни — было: вытерпливает человек все невыносимое горе этой жизни (окончание в слове невыносимое осталось неисправленным)

⁷⁵ Далее зачеркнуто: и мы сами

⁷⁶ зависит зачеркнуто (незавершенная правка)

⁷⁷ Вместо: не знаем и не узнаем до конца — было: не узнаем до [последних] [смерти] последних дней жизни

⁷⁸ Вместо: с покойной совестью — было: покойно

⁷⁹ Вместо: погибнул человек — было: был человек, погибнувший (погибнувший не зачеркнуто)

⁸⁰ Было: прошу

⁸¹ Последние четыре буквы слова зачеркнуты.

⁸² Было: личными расспросами и разговорами (и не зачеркнуто). После слова: разговорами — зачеркнуто: особенно

⁸³ Вместо: Всех же тех — было: Тех же моих читателей

шими, не имеют чрез то⁸⁴ досуга⁸⁵ входить⁸⁶ непосредственно в положе^нья бедных людей,⁸⁷ я прошу не оставить денежным вспоможе^ние(м), которое они могут адресовать к одному из раздавателей⁸⁸. Считаю обязанностью уведомить, что избраны мною для этого те из мною лично знаемых людей, которые имеют более других для этого досуга⁸⁹, ⁹⁰которые влекутся потребностью душевною помогать брату, которые, скажу в заключе^нье⁹¹, взялись радостно за это трудное дело, несмотря на то что оно отнимет у них множество самы(х) приятных⁹² удовольствий светских⁹³, которые неохотно отдает человек.⁹⁴ Стало быть,⁹⁵ все жертвующие⁹⁶ могут быть уверены, что помощь⁹⁷ будет производит(ь)ся с большим рассмотрением, не бросится ни одна копейка напрасно. Не помогут они никому по тех пор, пока⁹⁸ (Л. 1 об.) не узнают его близко, не взвесят всех обстоятельств, его окружающих, и чрез то не получают полного вразумления соединить⁹⁹ поданную помощь(с) необходимым¹⁰⁰ советом и напутстви(ем). В таких же случаях, где несчастный¹⁰¹ сам виной тяжелой участ(и) его и в

⁸⁴ *Вместо:* не имеют чрез то — было: и чрез то не имеют

⁸⁵ *Было:* досуга

⁸⁶ *Далее зачеркнуто:* в положе^нья

⁸⁷ *Далее зачеркнуто:* но которые, однако ж, достаточны и могут что-нибудь уделить от своих излишков

⁸⁸ *Вместо:* не оставить ~ раздавателей — было: прислать денежное вспоможение к кому-нибудь из тех, на которых разложена раздача их и которых имена здесь [все] [прилага(ются)] означены

⁸⁹ *Вместо:* уведомить ~ для этого досуга — было: а. уведомить [при этом] [всех(?)], [что] [что я их] что избраны мною для этого только те из уважаемых мною истинно людей, которые имеют более других для этого досуга; б. уведомить, что я возложил раздачу вспомошествован(ий) на тех из друзей моих, которые (*правка не завершена*); в. уведомить, что избраны мною для этого только те из уважаемых мною истинно людей, которые, будучи менее связаны хлопотами (*правка не завершена*); г. уведомить, что я упросил взять на себя (*правка не завершена*)

⁹⁰ *Перед этим зачеркнуто:* которые

⁹¹ скажу в заключе^нье *вписано*

⁹² приятных *написано дважды*

⁹³ *Вместо:* множество ~ удовольствий светских — было: множество [кото^р(ых?)] [тех удовольств(твий), которые] удовольствий и развлечений светских. *После слова:* светских — *зачеркнуто:* а. имеющихся для всех нас приманку; б. которые почти необходимы в минуты отдыха человек(у)

⁹⁴ *Далее зачеркнуто:* А потому они

⁹⁵ *Далее зачеркнуто:* могут

⁹⁶ *В рукописи:* жертвоващие

⁹⁷ *Далее зачеркнуто:* им

⁹⁸ пока *написано дважды (на л. 1 и 1 об.)*

⁹⁹ *Вместо:* полного вразумления соединить — было: возможность сопроводить

¹⁰⁰ *Далее зачеркнуто:* необходимым

¹⁰¹ *Далее зачеркнуто:* вин(овен?)

дело бедствия его¹⁰² замешалось дело собственной совести его¹⁰³, они произведут не иначе вспомоществование, как чрез руки опытных священников и таких духовников, которые не в первой раз имели дело с душой и совестью человека. Лучше, если бы всякий читатель сведения о бедных неимущих потрудился передавать их лично раздавател(ям)¹⁰⁴, ¹⁰⁵в разговоре легко могут объясниться все те недоразумения, которые всегда остаются в письмах.¹⁰⁶ Он сам может усмотреть, к кому из означенных лиц ему приличней, ловче и лучше обратиться, смотря по роду самого дела; требуется ли для¹⁰⁷ него сострадательное участие женщины или¹⁰⁸ Братски укрепляющие руки¹⁰⁹ Мужа. Полагаю необходимы(м) назначи(ть) для этого час¹¹⁰. Хотя, положим, от 11 до 12 часов утра. Он каж(ет)ся более удобен для всех, если же кому и неудобен, то все-таки, пришедши в этот час,¹¹¹ может получить осведомленье¹¹² о другом часе, удобнейшем для переговоров.

Имена принявших на себя раздачу вспомоществований.

В Москве.

Авдотья Петровна Елагина.
Катерина Ал. Свербеева.
Вера Сергеевна Аксакова.
Алексей Степанович Хомяков.
Василий Алексеев(ич) Панов.
Николай Филипович Павлов.
Петр Васильевич Киреевский.

В Петербурге.

Кн. Ольга Степановна
Одоевская.
Графиня Анна Михаловна
Вьельгорс(кая).
— Дашкова.
Аркадий Осипович Росетти.
Юрий Федорович Самарин.
Владимир Алексеевич
Муханов.

---

¹⁰² в дело бедствия его *вписано*

¹⁰³ *Вместо:* дело собственной совести его — *было:* дело его собственной совести (*не зачеркнуто*)

¹⁰⁴ *Вместо:* если бы всякий читатель ~ раздавател(ям) — *было:* если бы [всякие сведения о неимущих им доставляемы были] всякой читатель сведения о бедных неимущих, которые соберет, передавал [им] лично им все такие сведения, а не в письме (лично им ~ а не в письме *не зачеркнуто*)

¹⁰⁵ *Перед этим зачеркнуто:* Сим могут предотвратиться

¹⁰⁶ *Далее зачеркнуто:* Раздача вспомоществован(ий)

¹⁰⁷ *Слово вычеркнуто и восстановлено.*

¹⁰⁸ *или вписано*

¹⁰⁹ *Вместо:* укрепляющие руки — *было:* укрепляющая и бодрящая рука

¹¹⁰ *Вместо:* Полагаю ~ час. — *было:* Хорошо, если бы дома для этого был назначен час (*был назначен не зачеркнуто*)

¹¹¹ *Далее зачеркнуто:* гост(ь)

¹¹² *Далее зачеркнуто:* когда притти

Другие редакции

РЕДАКЦИЯ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ “РЕВИЗОРА” (Р36)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский,			
Городничий	<i>Г-н Сосницкий</i>		
Анна Андреевна, жена его			
	<i>Г-жа Сосницкая</i>		
Марья Антоновна, дочь его			
	<i>Г-жа Асенкова м.</i>		
Лука Лукич Хлопов, Смотритель Училищ			
	<i>Г-н Хотяинцов</i>		
Жена его			
	<i>Г-жа Шемаева</i>		
Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, Судья			
	<i>Г-н Григорьев б.</i>		
Артемий Филипович Земленика, Попечитель			
Богоугодных Заведений	<i>Г-н Толченев</i>		
Иван Кузьмич Шпекин, Почтмейстер			
	<i>Г-н Рославской</i>		
Петр Иванович Добчинский	} Городские		
Петр Иванович Бобчинский			
	помещики		
	<i>Г-н Крамолей (восп.)</i>		
	<i>Г-н Петров (восп.)</i>		
Александр Иванович Хлестаков, Чиновник из			
Петербурга	<i>Г-н Дюр</i>		
Осип, слуга его			
	<i>Г-н Афанасьев</i>		
Христиан Иванович Гибнер, уездный			
лекарь....			
Федор Андреевич Люлюков	} Отставные		
Иван Лазаревич			
Ростановский			
Степан Иванович Коробкин			
	чиновники,		
	почетные лица		
	в городе		
	<i>Г. Горшенков (восп.)</i>		
	<i>Г-н Бекер 2</i>		
	<i>Г-н Байков</i>		
Полицейские	{	Свистунов	<i>Г-н Дубровин</i>
		Пуговицын	<i>Г-н Чайской</i>
		Держиморда	<i>Г-н Ахалин (восп.)</i>

Абдулин, купец ..... *Г-н Сосновский*
Февронья Петрова Пошлепина, Слесарша ..... *Г-жа Гусева*
Мишка, слуга Городничего ..... *Г. Марковецкий (восп.)*
Слуга Трактирной ..... *Г-н Краюшкин*
Гости и гости, купцы, мещане, просители.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

Замечания для Г.г. Актеров.

Г о р о д н и ч и й, уже постаревший на службе и очень неглупый, по-своему, человек. Хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно; довольно сурьезен; несколько даже резонер; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, как у всякого, начавшего тяжелую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с груборазвитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своем мундире с петлицами и ботфортах со шпорами. Волоса на нем стриженные, с проседью.

А н н а А н д р е е в н а, жена его, провинциальная кокетка, еще не совсем пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девичьей. Очень любопытна, и при случае выказывает тщеславие. Берет иногда власть над мужем, потому только, что тот не находится, что отвечать ей. Но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмешках. Она четыре раза передевается в разные платья в продолжение пьесы.

Х л е с т а к о в, молодой человек, лет 23-х, тоненькой, худенькой; несколько приглуповат и, как говорят, без Царя в голове. Один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

О с п, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьезно; смотрит несколько в низ, резонер и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с бариним принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его серой или синий поношенный сюртук.

РЕВИЗОРЪ

КОМЕДІЯ,
ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

соч. **Н. ГОГОЛЯ.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ А. П. ПОШАРА.

1836.

Титульный лист первого издания "Ревизора"

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные и чрезвычайно похожи друг на друга. Оба с небольшими брешками. Оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и сурьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Оба в серых фраках, желтых нанковых панталонах. Сапоги с кисточками. Представляются Добчинский в широком фраке бутылочного цвета; Бобчинский в прежнем гарнизонном мундире.

Ляпкин - Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом, как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земленика, попечитель Богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всем том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив. Костюм его: довольно широкой фрак, но в четвертом действии является в узком губернском мундире с короткими рукавами и огромным воротником, почти захватывающим уши.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы их всегда почти находятся пред глазами.

Гости должны быть разнохарактерны. Они должны быть высокие и низенькие, толстые и тонкие, нечесанные и причесанные. Костюмированы тоже должны быть различно: во фраках, венгерках и сюртуках разного цвета и покроя. В дамских костюмах та же пестрота: одеты довольно прилично, даже с притязанием на моду, но что-нибудь должны иметь не так, как следует, или чепец на бекрень, или ридикюль какой-нибудь странной. Другие в платьях уже совершенно не принадлежащих ни к какой моде. С большими платками и чепчиками в виде сахарной головы и проч.

Вообще следует обратить внимание на целое всей пьесы. Страх, испуг, недоумение, суетливость должны разом и вдруг выражаться на всей группе действующих лиц, выражаться в каждом совершенно особенно, сообразно с его характером.

ДЕЙСТВИЕ I

Комната в доме Городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, Попечитель богоугодных заведений,
Смотритель училищ, Судья, Частный пристав,
Лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. Меня уведомляют, что отправился инкогнито из Петербурга чиновник с секретным предписанием обревизовать в нашей Губернии все относящееся по части Гражданского Управления.

Аммос Федорович. Что вы говорите! из Петербурга?

Артемий Филипович *(в испуге)*. С секретным предписанием?

Лука Лукич *(в испуге)*. Инкогнито?

Городничий. Я, признаюсь вам откровенно, очень потревожился. Так как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филипович, знаете. Вот что он пишет: “Любезный друг, кум и благодетель *(бормочет в полголоса, пробегая скоро глазами)*... и уведомить тебя”. А! вот: “Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд *(значительно поднимает палец вверх)*. Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умной и не любишь пропускать того, что плывет в руки...” *(остановясь)* ну,

здесь свои... “то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякой час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дни я...” ну, тут уж пошли дела семейные: “...сестра Анна Кириловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кирилович очень потолстел и все играет на скрипке...” и прочее и прочее. Так вот какое обстоятельство.

Аммос Федорович. В самом деле чрезвычайное происшествие.

Лука Лукич. Скажите, пожалуйста, Антон Антонович, отчего это? Зачем же к нам Ревизор? Ведь наш город уже, кажется, так далеко от всего, что об нем бы и заботиться нечего.

Городничий (испуская вздох). Говорите же вы! до сегодняшнего дни Бог миловал. Случалось, правда, по газетам слышать, что в таком-то месте того-то посадили за взятки, того-то отдали под суд за потворство и воровство или за подлог, но все это случалось, благодарение Богу, в других местах, а к нам до сих пор никаких ни Ревизовок, ни Ревизоров... ничего не было.

Аммос Федорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит, Россия хочет вести войну, и потому Министерия нарочно отправляет чиновника, чтоб узнать, нет ли где измены.

Городничий. Нет, Аммос Федорович. Вы хотя и ученый человек, но не туда попали. Где нашему уездному городишке? Если б он был пограничным, еще бы как-нибудь возможно предположить; а то стоит чорт знает где: в глуши... Отсюда хоть три года скачи, ни до какого Государства не доедешь.

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий (махнув рукой). Ну... Вас, я знаю, не переговоришь. — Я, господа, собрал вас нарочно... По своей части, то есть в отношении устройства городского и полиции, я уже кое-как распорядился, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филипович. Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам Богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят подомашнему в будни; и там, как следует, надписать пред каждою кроватью по-латыне, или на другом каком языке... как признается нужно — это уж по вашей части, Христиан Иванович — всякую болезнь, когда кто заболел, которого дня и числа, как найдете лучше (*помолчав и покачав головою*). У вас больные такой крепкой табак курят,

что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше, потому что сей час отнесут или к дурному смотрению, или к неискусству врача.

А р т е м и й Ф и л и п о в и ч. На счет этот мы уже с Христианом Ивановичем распорядились как нужно. Все зависит от образа лечения: я полагаю, что чем ближе к натуре, тем лучше. Да и в самом деле, зачем убыточиться и выписывать дорогие лекарства для какого-нибудь инвалида?.. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. При том и Христиану Ивановичу очень затруднительно было б с ними изъясняться, потому что он не знает по-Русски. Лучше же сберегу я казенной интерес и уменьшением расходов увеличу сумму. Тогда и Начальство, видя мое усердие, без сомнения представит меня к отличию в поощрение прочим (*обращаясь к Христиану Ивановичу*), то есть я разумею, что при этом и вам будет какое-нибудь благоволение.

Х р и с т и а н И в а н о в и ч *издает звук, отчасти похожий на букву: и, и несколько на: е.*

Г о р о д н и ч и й. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно конечно, домашним хозяйством заводить всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а там, как проедет Ревизор, вы, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, может быть, очень хороший человек и сведущий в своем деле, но от него, знаете, такой запах, как будто б он только что вышел из винокурного завода, — это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть такие средства, которые могут это несколько поправить, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах. Можно ему посоветовать есть лук или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными средствами или медикаментами Христиан Иванович.

Х р и с т и а н И в а н о в и ч *издает тот же звук.*

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит точно, что как-то в детстве мамка его ушибла и с того времени от него отдает немного водкою.

Городничий. Да я так только заметил вам. На счет же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить, потому что нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого говорят.

Аммос Федорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам рознь. У меня если есть грешки, то самые невинные! Ведь я, как вам известно, беру взятки борзыми щенками.

Городничий. Ну, щенками или чем другим, все взятки.

Аммос Федорович. Э, нет, Антон Антонович, это совсем не то. Вот у вас, например: шуба стоит пять сот рублей, да...

Городничий. Ну а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в вере тверд и каждое Воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, то просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Федорович. Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Городничий. Ну, в этом случае Бог знает: ежели слишком много ума, то бывает иной раз хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а оно вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно на счет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием. Один из них, например вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу. Вот этак *(делает гримасу)*. И потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего, может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить, но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, — это может быть очень худо: Г. Ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого чорт знает что может произойти.

Лука Лукич. Ах Боже мой! у меня совершенно из ума вышло.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по Исторической части. Он ученая голова — это видно, и сведений на-

хватал тму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об Ассириянах и Вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар. Ей Богу! сбежал с кафедры и, что силы есть, хватъ стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч, я ему это несколько раз уже замечал... Право, я не знаю, что и делать с ним...

Городничий. Да. Таков уже неизъяснимый закон судеб: что умной человек или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Эко, право, хлопотливое дело.

Городничий. Это бы еще ничего хлопоты, худо, что не знаешь, с которой стороны ожидать его, когда и в какое время. Инкогнито проклятое — вот что смущает! Вдруг заглянет: “А вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?” — “Ляпкин-Тяпкин”. — “А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! а кто попечитель Богоугодных Заведений?” — “Земленика”. — “А подать сюда Землянику!” Вот что худо.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Почтмейстер.

Городничий. Здравствуйте, Иван Кузмич! Я нарочно посылал за вами с тем, чтобы сообщить очень важную новость.

Почтмейстер. Я слышал уже от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну что? как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с Турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Нет, нет, совсем не то.

Почтмейстер. Право, война с Турками. Это все Француз гадит.

Городничий. Какая тут война с Турками! где тут Турки? Тут просто нам плохо будет, а не Туркам. Это уже известно: меня уведомляет достоверный человек, что именно едет чиновник с тем, чтоб осмотреть в нашем городе все гражданское устройство.

Почтмейстер. А, может быть, очень может быть. И это правда.

Городничий. Ну как вы, Иван Кузьмич, а меня даже немного по коже подирает.

П о ч т м е й с т е р. Да я и сам чувствую... а вы очень боитесь?

Г о р о д н и ч и й. Чего ж бояться! боязни нет, а так как-то не ловко... больше со стороны купечества и гражданства здешнего. Я, признаться сказать, им немножко солоно пришелся. Они на меня как коршуны... так бы всего и растрепали, только перья полетят во все стороны. Пожалуйста сюда, Иван Кузьмич, я вам кое-что скажу (*отводит его в сторону*). Вот в чем дело: может быть, он, если не приехал, то находится близко отсюда. Я, признаюсь вам, имею основательные причины думать, не жаловался ли кто-нибудь на меня. Отчего ж такая напасть на наш город? да при том еще инкогнито? чорт знает что такое: инкогнито. Ведь начальство ж есть в городе, к чему ж тут инкогнито? Так вам нужно, Иван Кузьмич, для общей нашей пользы всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитывать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать. Для этого снять как-нибудь из глины слепок; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

П о ч т м е й с т е р. Знаю, знаю... Я это делаю и без того: не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства, ибо, признаюсь, очень люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это весьма интересное чтение! иное письмо с большим удовольствием прочтешь: так хорошо описываются разные этакие пассажи... назидательные даже! лучше, нежели в "Московских Ведомостях". А вы никогда не читали?

Г о р о д н и ч и й. Нет, не читал; я, однако же, рад, что вы это делаете. Это в жизни хорошо. Скажите: там вы до сих пор ничего не начитывали о каком-нибудь Чиновнике из Петербурга?

П о ч т м е й с т е р. О Петербургском ничего нет; а о Костромских и Саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы никогда не читаете писем. Есть прекрасные места. Вот недавно читал я: один поручик пишет к одному приятелю своему и описал бал и жизнь свою с таким искусством... очень хорошо: "Я провожу, говорит, время с крайним удовольствием, барышень, говорит, много, музыка играет, штандарт скачет...", с большим, с большим чувством описал. Вот, если хотите, я вам дам его прочесть. Я нарочно оставил его у себя.

Г о р о д н и ч и й. Покорнейше благодарю. Теперь, право, мне не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: как только получите какое-нибудь известие, то сей час же его ко мне; а если жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

П о ч т м е й с т е р. С большим удовольствием.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

П о ч т м е й с т е р. Ах, Батюшки!

Г о р о д н и ч и й. Ничего, ничего. Другое дело, если б вы из этого публично что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Эко в самом деле какое непредвидимое известие! А я, признаюсь, шел было к вам, Антон Антонович, с тем, чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. У меня завели тяжбу два помещика соседа, и я теперь траваю зайцев на землях и у того и у другого.

Г о р о д н и ч и й. Бог с ними теперь, со всякими зайцами! У меня в ушах только и слышно, что инкогнито проклятое. Так и ожидаешь, что вдруг отворятся двери и войдет...

ЯВЛЕНИЕ III

Т е ж е, Б о б ч и н с к и й и Д о б ч и н с к и й,
оба входят запыхавшись.

Б о б ч и н с к и й. Чрезвычайное происшествие!

Д о б ч и н с к и й. Неожиданное известие!

В с е. Что? что такое?

Д о б ч и н с к и й. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Б о б ч и н с к и й (*перебивая*). Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу...

Д о б ч и н с к и й (*перебивая*). Э, позвольте, Петр Иванович, я расскажу.

Б о б ч и н с к и й. Э, нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

Д о б ч и н с к и й. А вы не помните всех обстоятельств; вы сей час собьетесь.

Б о б ч и н с к и й. Э, нет, помню, Ей Богу, помню. Уж не мешайте, пусть я расскажу. Не мешайте! скажите, господа, сделайте милость, чтоб Петр Иванович не мешал.

Г о р о д н и ч и й. Да что такое, говорите ради Бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! сделайте милость, садитесь! возьмите стулья! Петр Иванович, вот вам стул! (*Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.*) Ну, что такое?

Б о б ч и н с к и й. Позвольте, я сей час по порядку: как только вышел я от вас... Э, не мешайте, Петр Иванович, не говорите уж ни-

чего, сделайте милость, я уж сам знаю... Как только вышел я от вас, то побежал тотчас к Коробкину, а не заставши Коробкина дома, заворотил к Ростановскому, а не заставши Ростановского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Д о б ч и н с к и й. Возле будки, где продаются пироги.

Б о б ч и н с к и й. Возле будки, где продаются пироги. “Слышали ли вы, — говорю я Петру Ивановичу, — о той новости, которую получил Антон Антонович из достоверного письма”. А Петр Иванович уже услышали об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая не знаю зачем-то была послана к Филипу Антоновичу Почечуеву.

Д о б ч и н с к и й. За боченком для Французской водки.

Б о б ч и н с к и й. За боченком для Французской водки. Вот мы пошли с Петром Ивановичем к Почечуеву... Э, сделайте одолжение, Петр Иванович, не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Петр Иванович говорит мне: “Сегодня, я знаю, привезли в трактир свежей семги, так пойдем закусим”. Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Д о б ч и н с к и й (*перебивая*). Недурной наружности, в партикулярном платье...

Б о б ч и н с к и й. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит по комнате, и в лице такое рассуждение и физиономия... такие важные поступки и так здесь (*вертит рукою около лба*) много, много всего. Я так как будто предчувствовал и говорю себе: “Здесь что-нибудь да не даром”. А Петр Иванович тотчас мигнули пальцем и подозвали трактирщика, трактирщика Власа: у него жена три недели назад тому родила, и такой хороший мальчик, большие подает надежды, со временем так же, как отец, будет содержать трактир. Подозвавши Власа, Петр Иванович спросил потихоньку: “Кто такой этот молодой человек”; а Влас говорит: “Это”, — говорит... Э — не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста, не перебивайте; вы не расскажете, ей Богу, не расскажете, вы немного шепеляете; у вас, я знаю, один зуб со свистом... “Это, говорит, молодой человек, чиновник, едущий из Питербурга: Иван Александрович Хлестаков, а едет в Саратовскую Губернию, и что чрезвычайно странно себя аттестует: больше полуторы недели живет, дальше не едет, забирает все на щет и денег хоть бы копейку за платил”. Меня в одну минуту так и вразумило. “Э!” — говорю я Петру Ивановичу...

Д о б ч и н с к и й. Нет, Петр Иванович, это я сказал: “Э”.

Б о б ч и н с к и й. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. “Э!” сказали мы с Петром Ивановичем, “с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит Бог знает куда: в Саратовскую Губернию?” — Это, верно, не кто другой, как самый тот чиновник.

Г о р о д н и ч и й. Что вы говорите! не может быть. (*Придвигает поближе стул.*) Да нет, это вам так показалось. Это кто-нибудь другой.

Д о б ч и н с к и й. Помилуйте, как не он! и денег не платит, и не едет, кому же б быть, как не ему? и с какой стати жил бы он здесь, когда ему прописана подорожная в Саратов?

Б о б ч и н с к и й. Он, он, ей Богу, он... Я ставлю Бог знает что... Такой наблюдательной: все обсмотрел, и по углам везде, и даже заглянул в наши тарелки полюбопытствовать, что едим. Такой осмотрительной, что Боже сохрани.

Г о р о д н и ч и й. Ах Боже мой! помилуй нас грешных! где же он там живет?

Д о б ч и н с к и й. В 5-м № под лестницей.

Б о б ч и н с к и й. В том самом номере, где прошлого года подрались проезжие офицеры.

Г о р о д н и ч и й. И давно он уж здесь?

Д о б ч и н с к и й. Уж будет полторы недели. Приехал на Василья Египтянина.

Г о р о д н и ч и й. Полторы недели! что вы! (*в сторону*) ай, ай, ай (*почесывая ухо*), в эти полторы недели высечена почти напрасно унтер-офицерская жена! Боже мой! в эти полторы недели арестантам никакой провизии не выдавали. На улицах кабак, нечистота. О Боже мой, Боже мой... (*Хватается за голову.*)

А р т е м и й Ф и л и п о в и ч. Мне кажется, Антон Антонович, нам теперь поскорей одеться в мундиры и сей же час ехать прямо к нему в гостиницу.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. А я полагаю, Антон Антонович, что нужно больше параду. Нужно пригласить купечество, вперед пустить Голову: он человек видной. Недурно бы тоже и священство. Это имеет глубокое и таинственное значение, вот и в книге: Деяния Иоанна Массона...

Г о р о д н и ч и й. Нет, нет; позвольте уж мне самому это обделать (*обращаясь к Бобчинскому*). Вы говорите, что он человек молодой?

Б о б ч и н с к и й. Молодой, лет 23 или четырех с небольшим.

Г о р о д н и ч и й. Ну это хорошо, что молодой человек. Мы вот как сделаем: вы теперь приготовляйтесь каждый по своей части на

скоро, что можете к принятию, а я отправлюсь сам или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно, так как бы просто для прогулки, будто бы наведаться, не терпят ли проезжающие каких-нибудь недостатков или неприятностей. А вам советую сей же час воспользоваться временем. Ей, Свистунов.

С в и с т у н о в. Что угодно?

Г о р о д н и ч и й. Ступай сей час за Частным Приставом, или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне Частного Пристава, и приходи сюда.

(Квартальной бежит впопыхах.)

А р т е м и й Ф и л и п о в и ч. Идем, идем, Аммос Федорович. В самом деле может случиться беда.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Да вам-то еще ничего. У вас все в исправности.

А р т е м и й Ф и л и п о в и ч. Кой чорт в исправности! плохо, чрезвычайно плохо. Для больных сегодня и на кухне ничего не готовилось.

(Судья, Попечитель Богоугодных заведений, Смотритель училищ и Почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимся квартальным.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Г о р о д н и ч и й, Б о б ч и н с к и й, Д о б ч и н с к и й
и к в а р т а л ь н о й.

Г о р о д н и ч и й. Что, дрожки там стоят?

К в а р т а л ь н о й. Стоят.

Г о р о д н и ч и й. Ступай на улицу... или нет, постой! ступай, принеси... да другие-то где? неужели ты только один? ведь я приказывал, чтобы и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

К в а р т а л ь н о й. Прохоров в частном доме, да только к делу не может быть употреблен.

Г о р о д н и ч и й. Как так?

К в а р т а л ь н о й. Да так: привезли его по утру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Г о р о д н и ч и й *(хватаясь за голову)*. Ах, Боже мой, Боже мой! ступай скорее на улицу, или нет, беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петр Иванович, поедем.

Б о б ч и н с к и й. И я, и я... позвольте и мне, Антон Антонович.

Г о р о д н и ч и й. Нет, нет, Петр Иванович, нельзя, нельзя! неловко, да и в дрожки не поместимся.

Б о б ч и н с к и й. Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне так только посмотреть в щелочку; так, знаете, из дверей только увидеть, как там он... Больше сущность и поступки его, а я ничего.

Г о р о д н и ч и й (принимая шпагу, к Квартальному). Беги сей час, возьми десятских, да пусть каждый из них возмет... Эх шпага как исцарапалась! проклятой купчишка Авдулин, видит, что у Городничего старая шпага, не прислал новой. О, лукавой народ! а так мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят. Пусть каждый возмет в руки по улице, чорт возьми, по улице, по метле, и вывели бы всю улицу, что идет к трактиру, и вывели бы чисто. Слышишь. Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься, да крадешь в ботфорты серебряные ложечки, смотри, у меня ухо остро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым, а? он тебе на мундир дал два аршина сукна; а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берешь! ступай!

ЯВЛЕНИЕ V

Т е ж е и Ч а с т н ы й п р и с т а в.

Г о р о д н и ч и й. А, Степан Ильич, скажите, ради Бога, куда вы запропались? На что это похоже?

Ч а с т н ы й п р и с т а в. Я был тут сей час за воротами.

Г о р о д н и ч и й. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Ч а с т н ы й п р и с т а в. Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицина я послал с десятскими подчищать тротуар.

Г о р о д н и ч и й. А Держиморда где?

Ч а с т н ы й п р и с т а в. Держиморда поехал на пожарной трубе.

Г о р о д н и ч и й. А Прохоров пьян?

Ч а с т н ы й п р и с т а в. Пьян.

Г о р о д н и ч и й. Как же вы это так допустили?

Ч а с т н ы й п р и с т а в. Да Бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, — поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Г о р о д н и ч и й. Послушайте ж, вы сделайте вот что: Квартальный Пуговицин... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать на скоро старой забор, что возле сапожника, и поставить соломенную вежу, чтоб было похоже на

планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности Градоправителя. Ах, Боже мой, я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверной город: только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор, чорт их знает откуда и нанесут всякой дряни! (*Вздыхает.*) Да естли приезжий чиновник будет спрашивать службу: довольны ли — чтобы говорили: “Всем довольны, ваше благородие”, а которой будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, х! грешен, во многом грешен (*берет вместо шляпы фуляр*), дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О Боже мой, Боже мой! едем, Петр Иванович! (*Вместо шляпы хочет надеть бумажный фуляр.*)

Ч а с т н ы й п р и с т а в. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Г о р о д н и ч и й (*бросает ее*). Коробка так коробка. Чорт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при Богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что началась строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он для порядка всем ставит фонари под глазами: и правому и виноватому. Едем, едем, Петр Иванович (*уходит и возвращается*); да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарнизана наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет. (*Все уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

Анна Андреевна и Марья Антоновна
вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах Боже мой... (*Отворяя дверь.*) Муж! Антоша! Антон! (*говорит скоро*) а все ты, а все за тобой. И пошла копать: я булавочку, я косынку (*подбегает к окну и кричит*). Антон, куда, куда? что, приехал? Ревизор? с усами! с какими усами?

Г о л о с Г о р о д н и ч е г о. После, после, матушка.

Анна Андреевна. После? вот новости, после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, Полковник? А? (*С пренебрежением.*) Уехал! Я тебе вспомню это! А все эта: “Маминька, ма-

минька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сей час". Вот тебе и сей час! Вот тебе ничего и не узнали! а все проклятое кокетство, услышала, что Почтмейстер здесь, и давай пред зеркалом жеманиться: и с той стороны, и с этой стороны подойдет. Воображает, что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернешься.

М а р ь я А н т о н о в н а. Да что ж делать, маминька? все равно: чрез два часа мы все узнаем.

А н н а А н д р е в н а. Чрез два часа! покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом. Как ты не догадалась сказать, что чрез месяц еще лучше можно узнать (*свешивается в окно*). Эй, Авдотья! А! что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то... Не слышала? глупая какая! Машет руками? пусть машет, а ты все бы таки его расспросила. Не могла этого узнать! в голове чепуха, все женихи сидят. А? скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сей час. Слышишь, побегни, расспроси, куда поехали, да расспроси хорошенько, что за приезжий, каков он, слышишь! подсмотри в щелку и узнай все, и глаза какие: черные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь! (*Обе остаются смотрящими в окно, занавес опускается.*)

ДЕЙСТВИЕ II

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

ЯВЛЕНИЕ I

О с и п лежит на Барской постеле.

Черт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот, не доедем да и только домой! что ты прикажешь делать? второй месяц пошел, как уже из Питера! Профинтил дорогою денежки голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы и очень бы стало на прогоны; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя (*дразнит его*). “Ей, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед”. Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь Елистратишка простой. С проезжающим знакомится, а потом в картишки, — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатях, да ешь пироги. Ну кто ж спорит, конечно, если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебе танцуют, и все, что хочешь. Разговаривает все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдешь на Щукин — купцы тебе кричат: почтенной; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони все видишь. Старуха офицерша забредет; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! (*Усмехается и трясет головою.*) Галантерейное, чорт возьми, обхождение! Невежливо-го слова никогда не услышишь, всякой тебе говорит *вы*. Наскучило итти — берешь извощика и сидишь себе как барин, а не хочешь за-

платить ему, — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А все он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлет денежки, чем бы их попридержать — и куды!.. пошел кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеатр билет, а там через неделю — глядь, и посылает на толкучий продавать новой фрак. Иной раз все до последней рубашки спустит, так что на нем всего останется сертучишка да шинелишка, ей Богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублей полтора ста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать, а о брюках и говорить нечего — ни почем идут. А отчего? оттого, что делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в картишки играет. Эх, если б узнал это старой Барин. Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почесывался. Коли служить, так служи; вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну а коли не заплатим? *(Со вздохом.)* Ах, Боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи. Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится, верно, это он идет. *(Поспешно схватывается с постели.)*

ЯВЛЕНИЕ II

О с и п и Х л е с т а к о в.

Х л е с т а к о в. На, прими это *(отдает фуражку и тросточку)*. А, опять валялся на кровати?

О с и п. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Х л е с т а к о в. Врешь, валялся; видишь, вся склочена.

О с и п. Да на что мне она? не знаю я разве, что такое кровать? у меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Х л е с т а к о в *(ходит по комнате)*. Посмотри, там в картузе табаку нет?

О с и п. Да где ж ему быть, табаку! вы еще четвертого дня последнее выкурили.

Х л е с т а к о в *(ходит и разнообразно сжимает свои губы. Наконец говорит громким и решительным голосом)*. Послушай, ей, Осип!

О с и п. Чего изволите?

Х л е с т а к о в *(громким, но не столь решительным голосом)*. Ты ступай туда.

О с и п. Куда?

Х л е с т а к о в (*голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе*). Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

О с и п. Да нет, я и ходить не хочу.

Х л е с т а к о в. Как ты смеешь, дурак!

О с и п. Да так, все равно хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Х л е с т а к о в. Как он смеет не дать. Вот еще вздор!

О с и п. “Еще, говорит, и к Городничему пойду, третью неделю Барин денег не платит. Вы-де с Бариним, говорит, мошенники, и Барин твой плут. Мы-де, говорит, этаких широмыжников видали”.

Х л е с т а к о в. А ты так уж и рад сей час пересказывать.

О с и п. Говорит: “Этак всякой приедет, обживется, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтоб на съезжую, да в тюрьму”.

Х л е с т а к о в. Ну, ну, дурак, полно. Ступай, ступай скажи ему.

О с и п. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Х л е с т а к о в. На что ж хозяина? ты поди сам скажи.

О с и п. Да, право, сударь...

Х л е с т а к о в. Ну ступай, чорт с тобой! позови хозяина.

(*Осип уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков один.

Ужасно как хочется есть. Так немножко прошелся; думал, не пройдет ли аппетит, — нет, чорт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный Капитан больше всего меня поддел, однако ж, что ни говори, а удивительно бестия штосы срезывает. Всего каких-нибудь четверть часа посидел и все обобрал. Славно играет. Если б еще где-нибудь с ним встретиться. Впрочем, как же встретиться, на это все нужно случай. Когда б в самом деле уже скорее доехать домой, надоело в дороге! Нарочно такой мерзкой городишка: в других по крайней мере что-нибудь бывает, а здесь ничего совершенно нет. В овошенной лавке баляйки еще сносные, но проклятые сидельцы очень мало дают на пробу (*насвистывает сначала из “Роберта”, потом: “Не шей ты мне, матушка”, а наконец ни се ни то*). Никто не хочет итти.

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.

С л у г а. Хозяин приказал спросить, что Вам угодно.

Х л е с т а к о в. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

С л у г а. Слава Богу.

Х л е с т а к о в. Ну что, как у вас в гостинице? хорошо ли все идет?

С л у г а. Да, слава Богу, все хорошо.

Х л е с т а к о в. Много проезжающих?

С л у г а. Да, достаточно.

Х л е с т а к о в. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, видишь, мне сей час после обеда нужно кое-чем заняться.

С л у г а. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он никак хотел итти сегодня жаловаться Городничему.

Х л е с т а к о в. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак могу я совсем отощать. Мне очень есть хочется; я не шутя это говорю.

С л у г а. Так-с. Он говорил: я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее. Таков уж ответ его был.

Х л е с т а к о в. Да ты урезонь, уговори его.

С л у г а. Да что ж ему такое говорить.

Х л е с т а к о в. Ты растолкуй ему сурьезно, что мне нужно есть. Деньги сами собою... Он думает, что как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

С л у г а. Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков один.

Это скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как еще никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Нет, не хочу; лучше немного поголодаю, да по крайней мере приеду домой в Петербургском костюме. Жаль, что Иохим не дал на прокат кареты, а хорошо бы приехать домой в карете. Очень бы недурно подкатить к какому-нибудь соседу помещику с фонарями под крыльцо, а Осипа сзади одеть в ливрею. Как бы переполошились все: кто такой, что такое, а лакей входит: "Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?" Они, пентюхи, и не знают, что такое значит "прикажете принять". К ним

если придет какой-нибудь гусь помещик, то в ту же минуту вылезит из брычки и, не говоря ни слова, так прямо, медведь, и валится в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдешь: Сударыня, как я... Тьфу (*плюет*), даже тошнит, так есть хочется.

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков, Осип, потом слуга.

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков (*прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле*). Несут! несут! несут!

Слуга (*с тарелками и салфеткой*). Хозяин в последний раз уж дает.

Хлестаков. Ну хозяин, хозяин... Я плевать на твоего хозяина! что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это, в самом деле, такое!.. этого мало.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что еще много.

Хлестаков. А соуса почему нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет! я видел сам, проходя мимо кухни, как готовилась рыба и котлеты.

Слуга. Да это, может быть, для тех, которые почище-с.

Хлестаков. Ах ты дурак.

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Поросенок ты скверной... Как же они едят, а я не ем? отчего же я, черт меня возьми, не могу так же? разве они не такие же проезжающие, как и я?

Слуга. Да уж известно, что не такие.

Хлестаков. Какие же?

Слуга. Обнаковенно какие! они уж известно: они деньги платят.

Хлестаков. Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать; (*наливает суп и ест*) что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вкуса нет, только воняет. Я не хочу этого супа, дай мне другого.

Слуга. Мы примем-с. Хозяин сказал, коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков (*защищая рукою кушанье*). Ну, ну, ну... оставь, дурак; ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую... (*ест*) Боже мой, какой суп! (*продолжает есть*) я думаю, еще ни один человек в мире не едал такого супа. Какие-то перья плавают вместо масла (*режет курицу*). Ай, ай, ай, какая курица! дай жаркое! там супу немного осталось, Осип, возьми себе (*режет жаркое*), что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что ж такое?

Хлестаков. Чорт его знает, что такое, только не жаркое. Это топор, зажаренный вместо говядины (*ест*). Мошенники, каналы, чем они кормят! и челюсти заболят, если съешь один такой кусок (*ковыряет пальцем в зубах*); подлецы! совершенно как деревянная кора, ничем вытащить нельзя, и зубы почернеют после этих блюд, мошенники! (*Вытирает рот салфеткой.*) Больше ничего нет?

Слуга. Нет.

Хлестаков. Каналы! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих.

Слуга убирает и уносит тарелки вместе с Осипом.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, потом Осип.

Хлестаков. Право, как будто и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть сайку.

Осип (*входит*). Там чего-то Городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Хлестаков (*испугавшись*). Вот тебе на! Я, ей Богу, никак не думал про это... эка бестия трактирщик! Если в самом деле потащит в тюрьму? Что ж? если благородным образом, еще ничего, я, пожалуй, пойду... Нет, что ж я говорю: пойду? Там вчера смотрели на меня две купеческие дочери, офицеры тоже беспрестанно ходят... Нет, я не соглашусь. Он не может сделать этого, или уж он будет после этого такая скотина... Это можно какого-нибудь мещанина или ремесленника... Нет, не поддаваться (*ободряется*), что он может мне! Я скажу ему: "Как вы!.. Я знать не хочу..." (*У дверей вертится ручка, Хлестаков бледнеет.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков, Городничий и Добчинский.

Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий (*немного оправившись и протянув руки по швам*). Желаю здравствовать.

Хлестаков (*кланяется*). Мое почтение...

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего.

Городничий. Обязанность моя как Градоначальника здешнего города заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков (*сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко*). Да что ж делать!.. я не виноват... я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни. (*Бобчинский выглядывает из дверей*.) Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как бревно; а суп — он черт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня голодом по целым дням... Чай такой странной: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость.

Городничий (*робея*). Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят Холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, я не хочу, я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Зачем же меня... Вы не имеете права... Я покажу вам подорожную... Я чиновник, еду в собственную мою деревню в Саратовскую губернию, служу по Министерству... Вы не смеете... я буду жаловаться.

Городничий (*в сторону*). О Боже мой. Все, все узнал, какой сердитой! Все рассказали проклятые купцы.

Хлестаков (*храбрясь*). Да как вы смеете!.. Меня сам Министр знает... Нет, не пойду! Ей Богу не пойду, вот хоть вы со всей своей командой... (*в сторону*). Не поддаваться, право, не поддаваться, и если что-нибудь... то (*берет сзади рукою бутылку*).

Городничий (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу. Вот еще! мне какое дело. Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

(Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.) Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (дрожа). По неопытности, ей Богу, по неопытности. Недостаточность состояния. Казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь, да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей Богу, клевета. Это выдумали злодеи мои, это такой народ, что на жизнь мою готовы покушаться.

Хлестаков. Да... конечно... (в размышлении); я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях; или о какой-то унтер-офицерской вдове... Я не знаком с нею. Да мне и дела нет к ней. Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь. До этого вам далеко... я заплачу вам деньги; у меня только теперь нет. Я потому и сижу здесь так долго, что ни копейки нет денег.

Городничий (в сторону). О, тонкая штука! Эх куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет. Не знаешь, с которой стороны и приняться. Попробовать разве на авось. (Вслух.) Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Так вы даете мне в займы? О, если так, то я сей час готов расплатиться: мне бы двести рублей разделаться только с трактирщиком, а там я, как только в деревню, сей же час и возвращу вам... Это вдруг.

Городничий. Помилуйте, я готов ожидать сколько угодно. Как можно, чтобы я осмелился назначить срок. Вот тут ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (принимая деньги). Покорнейше благодарю; я вам очень благодарен. Меня, признаюсь, это чрезвычайно поощрило; у меня уж ни копейки не было. Вы, как я вижу теперь, очень благородной человек, а прежде я думал... (Кладет их в карман.)

Городничий (в сторону). Ну, слава Богу! по крайней мере деньги взял. Теперь дело, может быть, на лад пойдет. Я-таки ему, вместо двух сот, четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип (Осип входит), позови сюда трактирного слугу! (к Городничему и Добчинскому) а что ж вы стоите? сделайте милость, садитесь; (Добчинскому) садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Садитесь, пожалуста, я вас прошу (Добчинскому), садитесь (Городничий и Добчинский садятся, Бобчинский выглядывает в дверь).

Городничий (*в сторону*). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турысы; прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (*Вслух.*) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной Городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, еще по христианскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший прием, и вот в награду за ревностную службу случай доставил такое приятное знакомство с вами.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий (*в сторону*). Да, рассказывай; себе. (*Вслух.*) Осмелюсь ли спросить, куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую Губернию, в собственную деревню.

Городничий (*в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение*). В Саратовскую Губернию! О! Да ты штука! (*Вслух.*) Да, приятная прогулка для ума и сердца. В дороге способности хорошо развиваются... и вы, верно, так только по своей охоте едете туда, для своего удовольствия.

Хлестаков. Нет, Батюшка меня требует. А мне, признаюсь, в Петербурге лучше бы...

Городничий (*в сторону*). Батюшка требует. А? Экие пули отливает! А ведь какой маленькой. (*Вслух.*) И на долгое время изволите ехать туда?

Хлестаков. Не знаю. Мне не хотелось бы жить с мужиками; помещики тоже не имеют образованности; однако ж отставку подал.

Городничий (*в сторону*). И в отставку подал! Каково подвертывает! (*Вслух.*) И прекрасно делаете; что служба? одне хлопоты: ночь не спишь — стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно еще когда будет. (*Окидывает глазами комнату.*) Какие большие пятна по углам, должно быть, течь и сырость бывает, и стены тоже уж слишком низенькие... мне кажется, эта комната для вас не слишком удобна.

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я еще нигде не видывал: так, как собаки, каналии кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещенной гость и претерпевает такое неудовольствие, от каких-нибудь негодных клопов, которыми бы и на свет не следовало родиться. Мне кажется, сколько на

мои слабые глаза, или это мухи обпачкали, как будто бы даже темно в этой комнате.

Хлестаков. Да совсем темно, и хозяин завел такое обыкновение: не отпускает совсем свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать, или так придет фантазия сочинить что-нибудь; но не можно, потому что вовсе темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас об одном найвеличайшем одолжении, которого, без сомнения, может быть, я даже недостойн.

Хлестаков. А что?

Городничий. Я бы дерзнул попросить вас переехать ко мне на дом: у меня есть для вас очень удобная комната.

Хлестаков (*в размышлении*). Как то есть к вам?.. Да у вас какая комната?

Городничий. Прекрасная комната, и стол тоже вы будете у меня иметь хоть не столичной, но хороший стол, припасы свежие, не такие, какие отпускают в трактире за деньги. Не откажите! а я уж так рад буду гостю... У меня таков нрав: гостеприимство с самого детства; все, что ни есть, готов предложить; особливо есть ли еще притом гость такой просвещенной человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести. Нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю вас. Мне тоже вы очень понравились.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и трактирной слуга, сопровождаемый Осипом,
Бобчинский выглядывает в дверь.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаков. Да; подай счет.

Слуга. Я уж давеча подал вам другой счет.

Хлестаков. Я уж не помню твоих глупых счетов. Говори, сколько там?

Слуга. Вы изволили в первый день спросить обед, а на другой день только закусили семги и потом пошли все в долг брать.

Хлестаков. Дурак, еще начал высчитывать. Всего сколько следует?

Городничий. Да вы не извольте беспокоиться, он подождет; (*слуге*) пошел вон, тебе пришлют.

Хлестаков. В самом деле, и то правда. (*Прячет деньги. Слуга уходит. В дверь выглядывает Бобчинский.*)

ЯВЛЕНИЕ X

Городничий, Хлестаков, Добчинский.

Городничий. Не угодно ли будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то Богоугодные и другие.

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какое у нас течение дел... знаете, это для наблюдательного ума хорошо; тут можно много полезного вывести.

Хлестаков. С большим удовольствием я готов.

(Бобчинский выставляет голову в дверь.)

Городничий. Также, если будет ваше желание, оттуда в уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы, — рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да, тюрьмы... нет, лучше я посмотрю Богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены, в своем экипаже, или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да я лучше с вами на дрожках поеду.

Городничий *(Добчинскому)*. Ну, Петр Иванович, вам теперь нет места.

Добчинский. Ничего, я так.

Городничий. Вы побегите наскоро ко мне и скажите жене моей, или лучше я дам вам записочку. *(Хлестакову.)* Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку к жене, чтоб она приготовилась к принятию почтенного гостя.

Хлестаков. Зачем беспокоиться; впрочем, извольте, напишите: вот тут и чернила, только бумаги не знаю... Разве на этом счете.

Городничий. Я здесь напишу. *(Пишет и отдает Добчинскому, который подходит к двери, но в это время дверь обрывается, и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с нею на сцену. Все издают восклицания. Бобчинский подымается.)*

Хлестаков. Что? не ушиблись ли вы где-нибудь?

Бобчинский. Ничего, ничего; только сверж носом небольшая нашлапка. Я забегу к Христиану Ивановичу, он даст мне пластыря, и все пройдет.

Городничий (делая Бобчинскому укорительный знак, Хлестакову). Прошу покорнейше, пожалуйста! а слуге вашему я скажу, чтобы перенес чемодан; (Осипу) любезнейший, ты перенеси все ко мне, к Городничему, тебе всякой покажет. Прошу покорнейше! (Пропускает вперед Хлестакова и следует за ним, но, оборотившись, говорит с укоризной Бобчинскому.) Уж и вы! не нашли другого места упасть! и растянулся, как чорт знает что такое. (Уходит; за ним Бобчинский; занавесь опускается.)

ДЕЙСТВИЕ III

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ I

Анна Андреевна, Марья Антоновна стоят у окна в тех же самых положениях.

Анна Андреевна. Ну вот, уж целой час дожидаемся, а все ты с своим глупым жеманством: совершенно оделась, нет, еще нужно копать... Было бы не слушать ее вовсе. Экая досада! как нарочно, ни души! как будто бы вымерло все.

Марья Антоновна. Да право, маминька, чрез минуты две все узнаем. Уж скоро Авдотья должна притти (*всматривается в окно и вскрикивает*). Ах, маминька, маминька! кто-то идет, вон в конце улицы.

Анна Андреевна. Где идет? у тебя вечно какие-нибудь фантазии; ну да, идет. Кто ж это идет? небольшого роста... во фраке... кто ж это? А? это, однако ж, досадно! кто ж бы это такой был?

Марья Антоновна. Это Добчинский, маминька.

Анна Андреевна. Какой Добчинский? тебе всегда вдруг вообразится этакое! совсем не Добчинский. (*Машет платком.*) Эй вы, ступайте сюда! скорее!

Марья Антоновна. Право, маминька, Добчинский.

Анна Андреевна. Ну вот: нарочно, чтобы только поспорить. Говорят тебе, не Добчинский.

Марья Антоновна. А что? а что, маминька? видите, что Добчинский.

Анна Андреевна. Ну да, Добчинский, теперь я вижу; из чего же ты споришь, (*кричит в окно*) скорей, скорей! вы тихо идете. Ну что, где они? А? да говорите же оттуда, все равно. Что? очень строго? А? а муж, муж? (*Немного отступя от окна, с досадою.*) Такой глупой: до тех пор, пока не войдет в комнату, ничего не расскажет!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Добчинский.

Анна Андреевна. Ну скажите пожалуста: ну, не совестно ли вам? я на вас одних полагаюсь как на порядочного человека: все вдруг выбежали, и вы туда ж за ними! и я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь, не стыдно ли вам! я у вас крестила вашего Ванчку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили!

Добчинский. Ей Богу, кумушка, так бежал засвидетельствовать почтение, что не могу духу перевести. Мое почтение, Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петр Иванович.

Анна Андреевна. Ну, что? ну рассказывайте: что и как там?

Добчинский. Антон Антонович прислал вам записочку.

Анна Андреевна. Ну, да он кто такой? Генерал?

Добчинский. Нет, не Генерал, а не уступит Генералу. Такое образование и важные поступки.

Анна Андреевна. А! так это тот самый, о котором было писано мужу.

Добчинский. Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

Анна Андреевна. Ну расскажите: что и как?

Добчинский. Да, слава Богу, все благополучно. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово; сердился и говорил, что и в гостинице все нехорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме, но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, тотчас переменял мысли и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поехали осматривать Богоугодные заведения... а то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнул немножко.

Анна Андреевна. Да вам-то чего бояться: ведь вы не служите?

Добчинский. Да так, знаете, когда вельможа говорит, то чувствуешь страх.

Анна Андреевна. Ну, что ж... это все, однако ж, вздор; расскажите, каков он собою! что, стар или молод?

Добчинский. Молодой, молодой человек: лет двадцати трех; а говорит совсем так, как старик. "Извольте, говорит, я поеду: и туда, и туда..." (размахивает руками), так это все славно. "Я, го-

ворит, и написать, и почитать люблю, но мешает, что в комнате, говорит, немножко темно”.

А н н а А н д р е е в н а. А собой каков он: брюнет или блондин?

Д о б ч и н с к и й. Нет, больше шантрет, и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущенье даже приводят.

А н н а А н д р е е в н а. Что тут пишет он мне в записке. (*Читает.*) “Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние мое было весьма печальное, но, уповая на милосердие Божие, за два соленые огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек...” (*Останавливается.*) А ничего не понимаю, к чему же тут соленые огурцы и икра?

Д о б ч и н с к и й. А, это Антон Антонович писали на черновой бумаге по скорости: там какой-то щет был написан.

А н н а А н д р е е в н а. А да, точно, (*продолжает читать*) “но, уповая на милосердие Божие, кажется, все будет к хорошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками, к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в Богоугодном заведении у Артемия Филиповича. А вина вели побольше; скажи купцу Авдулину, чтобы прислал самого лучшего; а не то я перерою весь его погреб. Целуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антон Сквозник-Дмухановский...” Ах Боже мой! это, однако ж, нужно поскорей! Эй, кто там? Мишка!

Д о б ч и н с к и й (*бежит и кричит в дверь*). Мишка! Мишка! Мишка! (*Мишка входит.*)

А н н а А н д р е е в н а. Послушай: беги к купцу Авдулину... постой, я дам тебе записочку (*садится к столу, пишет записку и между тем говорит*), эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтоб он побежал с нею к купцу Авдулину и принес оттуда вина. А сам поди сей час прибери хорошенько эту комнату для гостя. Там поставить кровать, рукомойник и прочее.

Д о б ч и н с к и й. Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обзореваает.

А н н а А н д р е е в н а. Ступайте, ступайте, я не держу вас.

ЯВЛЕНИЕ III

А н н а А н д р е е в н а и М а р ь я А н т о н о в н а.

А н н а А н д р е е в н а. Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка, Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмеля. Тебе приличнее всего надеть твое голубое платье с мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маминька, голубое! мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земленики тоже в голубом. Нет, лучше я надену цветное.

Анна Андреевна. Цветное!.. право, говоришь лишь бы только на перекор. Оно тебе будет гораздо лучше потому, что я хочу надеть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ах, маминька, вам нейдет палевое!

Анна Андреевна. Мне палевое нейдет?

Марья Антоновна. Нейдет, я что угодно даю, нейдет: для этого нужно, чтобы глаза были совсем темные.

Анна Андреевна. Вот хорошо, а у меня глаза разве не темные? самые темные. Какой вздор говорит! как же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму.

Марья Антоновна. Ах, маминька, вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *(Поспешно уходит вместе с Марьей Антоновной и говорит за сценою.)* Эдакое вдруг вообразится! червонная дама! Бог знает что такое. *(По уходе их отворяются двери и Мишка выбрасывает из них сор. Из других дверей выходит Осип с чемоданом на голове.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Мишка и Осип.

Осип. Куда тут?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда.

Осип. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты горемышное житье! на пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будет Генерал?

Осип. Какой Генерал?

Мишка. Да барин ваш?

Осип. Барин? да какой он Генерал?

Мишка. А разве не Генерал?

Осип. Генерал, да только с другой стороны.

Мишка. Что ж, это больше или меньше настоящего генерала?

Осип. Больше.

Мишка. Вишь ты как! то-то у нас сумятицу подняли.

Осип. Послушай, малой: ты, я вижу, проворной парень, приготовь-ка нам что-нибудь поесть.

М и ш к а. Да для Вас, дядюшка, еще ничего не готово. Просто-ва блюда вы не будете кушать. Вот как барин ваш сядет за стол, так и вам того же кушанья отпустят.

О с и п. Ну, а простова-то что есть у вас?..

М и ш к а. Щи, каша да пироги.

О с и п. Давай их, щи, кашу и пироги! ничего: все будем есть. Ну, понесем чемодан! что, там другой выход есть?

М и ш к а. Есть. (Оба несут чемодан в боковую комнату.)

ЯВЛЕНИЕ V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним Городничий, далее Попечитель богоугодных заведений, Смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу; Городничий указывает квартальным на полу бумажку, которые бегут и снимают ее, толкая друг друга в попыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим все в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о своей то есть пользе. А здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак тоже был очень недурен. Что, у вас каждой день бывает такой завтрак или по некоторым дням?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Покорнейше благодарю, я тоже вас прошу, господа, если приедете ко мне в деревню... Вина тоже были у вас очень хороши, я никак не полагал, чтобы в уездном городишке могли быть оне. А это какая была рыба?

Артемий Филиппович. Лабардан-с.

Хлестаков. Да, вкусная; я давно такой не ел. Где это мы завтракали? Кажется, в больнице.

Артемий Филиппович. Так точно-с, в Богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные, верно, выздоровели? там их было немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор, как я принял начальство, может быть, вам покажется

даже невероятным, все, как мухи, выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Г о р о д н и ч и й. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность здешнего градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наименьший человек пришел бы в затруднение, но, благодарение Богу, все идет благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но верите ли, что даже когда ложишься спать, все думаешь: “Господи Боже Ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольным...” Наградит ли оно или нет, конечно, в его воле, по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всем порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? ей, ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью все прах и суета.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч (в сторону). Эка, бездельник, как расписывает! дал же Бог такой дар!

Х л е с т а к о в. Да, я и сам люблю этак иногда заумствоваться и пофилософствовать: так, знаете, иногда прозой, а иногда и стишки выкинутся.

Б о б ч и н с к и й (Добчинскому). Справедливо, все справедливо, Петр Иванович. Замечания такие... видно, что наукам учился.

Х л е с т а к о в. Скажите, пожалуста: нет ли у вас тут таких обществ, где бы можно было, например, этак поиграть в карты?

Г о р о д н и ч и й (в сторону). Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (Вслух.) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно: и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились проклятые. Бог с ними, как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них.

Л у к а Л у к и ч (в сторону). А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей.

Г о р о д н и ч и й. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Х л е с т а к о в. Нет, вы напрасно говорите. Это все зависит от того, как кто играет: конечно, если кто забастует, тогда как нужно ему гнуть от трех углов... Нет, иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить вам семейство мое: жена и дочь.

Хлестаков (*раскланиваясь*). Как я счастлив, сударыня, что имею удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам еще более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (*рисуюсь*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

Анна Андреевна. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею на свой счет... Я думаю, вам после столицы вояжировка показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Знаете, сделавши привычку жить в свете, пользоваться всеми удобствами и вдруг после этого в какой-нибудь дороге... не встретишься с образованным человеком, с которым бы можно поговорить о чем-нибудь; станционные зрители чрезвычайные невежи и совершенно без воспитания... Если б, признаюсь, не такой случай, как теперь, который меня вознаградил совершенно (*посматривая на Анну Андреевну*), то я совсем не нашелся бы.

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете? вы, сударыня, очень заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да, конечно; впрочем, деревня тоже имеет приятности: ручейки, хижинки, зефиры!.. Я, сударыня, служу в Петербурге с большою выгодою. Это правда, что на мне небольшой чин. Уж никак не больше Коллежского Ассессора, даже немножко меньше. Но зато меня вся канцелярия знает и Начальник Отделения совершенно со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: "Приходи,

братец, обедать". Правду сказать, я уж зато и делаю много. Вы, может быть, думаете, что я принадлежу к тем, которые только переписывают бумаги, о нет, совсем нет! я только приду и скажу: "Это вот так, это вот так", — а там уже чиновник для письма сию минуту пером: тр, тр... так это все скоро. Мне там уж и кресло стоит особенно, как будто Столоначальнику: право. И сторож летит еще на лестнице за мною с щеткою: "Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу". (*Городничему.*) Что вы, господа, стойте? пожалуйста, садитесь!

Вместе: { *Городничий.* Чин такой, что еще можно постоять.
Артемий Филиппович. Мы постоим.
Лука Лукич. Не извольте беспокоиться.

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться. (*Городничий и все садятся.*) Да. Там из наших чиновников никто так не одевается. Платье заказываю Ручу, триста рублей за пару. И если этак куда иду, то все говорят: "Вон", говорят, "Иван Александрович идет!" А один раз, когда я шел пешком, меня приняли даже за Турецкого посланника. Право; и удивительно то, что на мне даже не было военной шинели. Все солдаты выскочили из гаубтвахты и сделали ружьем. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: "Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за Турецкого посланника".

Анна Андреевна. Скажите как!

Хлестаков. Да меня уже везде знают. Я на всех гуляньях бываю; в театре... с хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже литературою занимаюсь. На сцену разные водевильчики даю, и довольно, знаете, этак удачно. Литераторов часто вижу. У меня тоже обедают, некоторые. Хорошенькая у меня очень квартира; я плачу восемь сот рублей: три комнаты, на улицу окна.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? как это должно быть приятно сочинителю. Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: Женитьба Фигаро, Сумбека... Вот и Финелла тоже мое сочинение. И все это так по случаю: я даже не хотел их, признаюсь, писать, но Театральная Дирекция говорит: "Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь". Думаю себе: "Пожалуй, изволь, братец!" И тут же в один вечер написал. Да и в журналы помещаю сочинения: в Московском Телеграфе и в Библиотеке для чтения. Вот эти все статьи, что были там Брамбеуса, это все мои.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Да, это все мои и другие разные сочинения.

Мне Смирдин двадцать пять тысяч платит. Да если сказать по правде, то все журналы, какие там ни есть, это все я издаю.

Анна Андреевна. Так, верно, и Юрий Милославский ваше сочинение.

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Анна Андреевна. Я сей час догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маминька, там написано, что это Г. Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будет спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой Юрий Милославский, так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Да, мне Смирдин сорок тысяч дает в год. Я этим составил себе состояние, у меня два дома есть в Петербурге, и если бы вы подошли к моему дому, то вы бы подумали, что дворец. Я нарочно велел архитектору, чтобы дал самый лучший вид. Везде колонны, пруды, каскады... О, если б такую квартиру нанимать, то нужно по крайней мере 20 тысяч в год. Я сам даю балы даже иногда.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы.

Хлестаков. О, балы там отличные: подадут вам десертную тарелочку, так это просто объядение, или какой-нибудь пирог, что сам он горяч так, что вы не можете взять в рот, а в середине мороженое, холодное, вот как лед. Да, я каждый раз бываю на этих балах: там у нас и вист свой составился. Министр, Французский посланник, Английский, Немецкий посланник и я. И как только иногда как-нибудь замешкаюсь, то уж посланники и говорят: “Да где ж Иван Александрович? послать за Иваном Александровичем!” И как начнем играть — то просто, я вам скажу, что уж ни на что не похоже. Так уморишься, так уморишься, что как взбежишь к себе на лестницу в четвертой этаж, то просто сбросишь с себя шинель кухарке и скажешь только: “На, Маврушка!”, а пот так в три ручья и льется! и на другой день в должность уж никак не хочешь итти. “Осип, и не буди меня! — бывало, говорю, — не пойду!” Впрочем, я это так только говорю, а у меня должность тут же на дому и чиновники всегда ко мне приходят. А любопытно очень видеть, если бы нарочно заглянули, когда я проснусь. В передней у меня Графы и Князья толкуются и жужжат так, как шмели, только слышно ж, ж, ж... Ну, нечего делать, нужно, однако ж, вытти к ним. И нельзя, впрочем: иной раз Министр, не то чтобы всегда, а

иногда заедет (*Городничий и прочие с робостью встают с своих стульев*). Всем нужна ко мне: я ведь имею самое прибыточное место. Мне даже на пакетах пишут иногда: Ваше Превосходительство. А один раз даже управлял Департаментом: право, и так это странно случилось; Директор по болезни уехал в свою деревню, — все думали: кому дать исправлять должность? Кто будет? как и что? многие из Генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало: нет, мудрено. Кажется, и легко на вид; а рассмотришь — нет, чорт возьми, трудно, да после видят, что нечего делать, — ко мне: “Иван Александрович, говорят, может это сделать”. И в ту же минуту по улицам везде курьеры, курьеры... курьеров пятнадцать: “Иван Александрович! Иван Александрович, ступайте Департаментом управлять!” Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате; хотел отказаться, но, думаю себе, дойдет до Государя — неприятно; ну да и не хотелось испортить свой послужной список. “Извольте, говорю, господа, я принимаю должность, только уж у меня прошу не так, уж теперь ни, ни, ни!.. Уж у меня ухо остро держите!.. Я уж...” и точно, бывало, как прохожу, то у меня чиновники все вот так трясутся (*Городничий и прочие трясутся от страха*). Я в Государственном Совете присутствую. И во дворец, если иногда балы случатся, за мной всегда уж посылают. Меня даже хотели сделать Вице-канцлером (*зевает во всю глотку*). О чем бишь я говорил.

Г о р о д н и ч и й (*подходя и трясясь всем телом, силится выговорить*). А ва, ва, ва... ва.

Х л е с т а к о в. Что такое? вы что-то говорите.

Г о р о д н и ч и й. А ва, ва, ва... ва.

Х л е с т а к о в. Не разбираю ничего.

Г о р о д н и ч и й. Ва, ва, ва... шество, Превосходительство, не прикажете ли отдохнуть... вот и комната и все, что нужно.

Х л е с т а к о в. Отдохнуть? Извольте, извольте, я готов. (*Встает.*) Прощайте, сударыня! право, чрезвычайно хочется спать. Завтрак был у вас хорош (*входит в боковую комнату, за ним Городничий*).

ЯВЛЕНИЕ VII

Т е ж е, кроме Хлестакова и Городничего.

Б о б ч и н с к и й (*Добчинскому*). Вот это, Петр Иванович, какой важной человек. Я никогда еще не был в присутствии такой важной персоны. Я чуть не умер со страху. Как вы думаете, Петр Иванович, кто он такой?

Д о б ч и н с к и й. Я думаю, что чуть ли не Генерал.

Б о б ч и н с к и й. А я думаю, что Генерал ему и в подметки не станет! а когда Генерал, то уж разве сам Генералиссимус. И во дворец ездит! пойдём, Петр Иванович, расскажем об этом Аммосу Федоровичу и Коробкину. Они еще ничего об этом не знают. Прощайте, Анна Андреевна!

Д о б ч и н с к и й. Прощайте, кумушка.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч (Луке Лукичу). Такой знатной человек; а мы даже и не в мундирах! С эдакою молодостию, да такие должности отправляет. Ах Боже мой! Когда бы в самом деле чего-нибудь не досталось. Прощайте, сударыня! (*Уходит, за ним Лука Лукич.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ах, какой приятной!

Марья Антоновна. Ах! милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! сей час можно увидеть столичную штучку. Приемы и все это такое... Ах, как хорошо! я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Он, однако ж, меня очень понравил: я заметила — все на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маминька, он на меня глядел.

Анна Андреевна. Пожалуста, с своим вздором подальше! Это здесь вовсе неуместно.

Марья Антоновна. Нет, маминька, право.

Анна Андреевна. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно. Где ему смотреть на тебя? и с какой стати ему смотреть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маминька: все смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

Анна Андреевна. Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. “А” говорит себе: “Дай уж посмотрю на нее”.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и Городничий.

Городничий (*входит на цыпочках*). Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничий. Прилег отдохнуть. Боже вас сохрани тут как-нибудь шуметь. Так совсем ошеломило! страх такой напал: еще такого важного человека никогда не видел (*задумывается*); с министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... чорт его знает, не знаешь, что и делается в голове, как будто стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости, я просто видела в нем образованного, светского, высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Городничий. Ну, уж вы — женщины. Все кончено, одного этого слова достаточно! Вам все: тралала. Вдруг брякнут ни из того, ни из другого словцо. Вас высекут да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

Анна Андреевна. Об этом я уж советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое... (*посматривает на дочь*).

Городничий (*один*). Ну, уж с вами говорить!.. Эка в самом деле оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. (*Отворяет дверь и говорит в дверь*.) Мишка, позови квартальных Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. (*После небольшого молчания*.) Чудно все завелось теперь на свете: народ все тоненькой, поджаристой такой. — Никак не узнаешь, что он важная особа. Однако ж как он ни скрывался, а наконец-таки не выдержал и все рассказал. Видно, что человек молодой.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Осип, все бегут к нему навстречу и кивают пальцами.

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничий. Чш!.. что? что? спит?

Осип. Нет еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, как тебя зовут?

Осип. Осип, сударыня.

Городничий (*жене и дочери*). Полно, полно вам! (*Осипу*.) Ну, что, друг, тебя накормили хорошо?

Осип. Накормили, покорнейше благодарю, хорошо накормили.

А н н а А н д р е е в н а. Ну что, скажи: к твоему барину слишком, я думаю, много ездит Графов и Князей.

О с и п (в сторону). А что говорить! коли теперь накормили хорошо, значит, после еще лучше накормят. (Вслух.) Да, бывают и Графы.

М а р ь я А н т о н о в н а. Душенька Осип, какой твой барин хорошенькой!

А н н а А н д р е е в н а. А что, скажи, пожалуйста, Осип, как он...

Г о р о д н и ч и й. Да перестаньте пожалуйста! Вы эдакими пустыми речами только мне мешаете. Ну что, друг?..

А н н а А н д р е е в н а. А чин какой на твоём барине?

О с и п. Чин обыкновенно какой.

Г о р о д н и ч и й. Ах Боже мой, вы все с своими глупыми распросами! не дадите ни слова поговорить, о деле. Ну что, друг, как твой барин?.. строг? любит этак распекать или нет?

О с и п. Да, порядок любит. Уж ему чтобы все было в исправности.

Г о р о д н и ч и й. А мне очень нравится твое лицо! друг, ты должен быть хороший человек. Ну что...

А н н а А н д р е е в н а. Послушай, Осип, а как барин твой там в мундире ходит...

Г о р о д н и ч и й. Полно вам, право, трещотки какие. Здесь нужная вещь. Дело идет о жизни человека... (к Осипу) ну что, друг, право, мне ты очень нравишься. В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик; оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай.

О с и п (принимая деньги). А покорнейше благодарю, сударь. Дай Бог вам всякого здоровья; бедной человек, помогли ему.

Г о р о д н и ч и й. Хорошо, хорошо, я и сам рад, а что, друг.

А н н а А н д р е е в н а. Послушай, Осип, а какие глаза больше всего нравятся твоему барину...

М а р ь я А н т о н о в н а. Осип, душенька! какой миленькой носик у твоего барина!

Г о р о д н и ч и й. Да постойте, дайте мне!.. (К Осипу.) А что, друг, скажи пожалуйста: на что больше барин твой обращает внимание, то есть, что ему в дороге больше нравится?

О с и п. Любит он по рассмотрению, что как придется. Больше всего любит, чтобы его приняли хорошо, угощение чтоб было хорошее.

Г о р о д н и ч и й. Хорошее?

О с и п. Да, хорошее. Вот уж на что я крепостной человек, но и то смотрит, чтобы и мне было хорошо. Ей Богу! бывало, заедем куда-нибудь: “Что, Осип, хорошо тебя угостили?” — “Плохо, Ваше Высокоблагородие!” — “Э, говорит, это, Осип, нехороший хозяин. Ты, говорит, напомни мне, как приеду”. — “А, — думаю себе (*махнув рукою*), — Бог с ним! я человек простой”.

Г о р о д н и ч и й. Хорошо, хорошо, и дело ты говоришь. Там я тебе дал на чай, так вот еще сверх того на баранки.

О с и п. За что жалуете, Ваше Высокоблагородие? (*прячет деньги*) разве уж выпью за ваше здоровье.

А н н а А н д р е е в н а. Приходи, Осип, ко мне! тоже получишь.

М а р ь я А н т о н о в н а. Осип, душенька, поцелуй своего барина! (*Слышен из другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.*)

Г о р о д н и ч и й. Чш! (*Поднимается на цыпочки. Вся сцена в полголоса.*) Боже вас сохрани шуметь! идите себе! полно уж вам...

А н н а А н д р е е в н а. Пойдем, Машинька! я тебе скажу, что я заметила у гостя, такое, что нам вдвоем только можно сказать.

Г о р о д н и ч и й. О, уж там наговорят! я думаю, поди только да послушай! и уши потом заткнешь. (*Обращаясь к Осипу.*) Ну, друг...

ЯВЛЕНИЕ XI

Т е ж е, Держиморда и Свистунов.

Г о р о д н и ч и й. Чш! экие косолапые медведи стучат сапогами! так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги! Где вас чорт таскает?

Д е р ж и м о р д а. Был по приказанию....

Г о р о д н и ч и й. Чш! (*Закрывает ему рот.*) Эк как каркнула ворона! (*дразнит его*) был по приказанию! Как из бочки, так рычит. (*К Осипу.*) Ну, друг, ты ступай приготовляй там, что нужно для барина. Все, что ни есть на дому, требуй (*Осип уходит*). А вы стоять на крыльце и ни с места! И никого не впускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то... Только увидите, что идет кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, то взашей так прямо и толкайте! так его! хорошенько! (*показывает ногою*) слышите, чш... чш... (*уходит на цыпочках вслед за кварталными*).

ДЕЙСТВИЕ IV

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ I

Хлестаков один.

Мне нравится здешний городок. Такое добродушие со стороны жителей... А как много значит несколько времени пожить в Петербурге! Все с таким почтением суетятся, бегают, как будто точно за каким-нибудь важным. Дочка у Городничего очень хорошенькая! такая свежинькая, розовые губки. Да и матушка такая, что еще можно бы... я люблю этак проводить время. Городничий, я думаю, однако же, должен быть очень рассеян: вместо двух сот рублей, как я рассмотрел теперь, он мне дал четыреста. Я попрошу у него удержать их на время при себе для путевых издержек. Я полагаю даже, если он уже такой доброй, еще попросить займы. Оно хоть и не так теперь нужно, но все же лучше за одним разом. Дорога ведь такая вещь, что никак нельзя рассчитать в обрез. Может быть, опять Капитан встретится.

ЯВЛЕНИЕ II

Хлестаков и Почтмейстер, входит, вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: Почтмейстер, Надворный Советник Шпекин.

Хлестаков. Прошу покорнейше садиться... Так вы в этом городе и живете?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. Мне очень приятно с вами познакомиться. Как же, мне очень знаком ваш начальник. Ведь это по Адмиралтейству, кажется?.. Да, такой добряк. Мы даже, если вам сказать правду, во-

лочкились вместе за одною прехорошенькою. Ну, натурально: куда ж ему? — старик. Бывало всегда, как только встретит меня, я еще у Полицейского моста, а он у Аничкина — поднимет палец и кричит: “Злодей! счастливец, каналья!..” А там, знаете, ввечеру на Невском проспекте очень много можно встретить хорошеньких... *(В сторону.)* У этого, мне кажется, Почтмейстера можно занять денег! *(Вслух.)* Так вы здешний Почтмейстер?

П о ч т м е й с т е р. Так точно-с.

Х л е с т а к о в. Вообразите: какой странный случай со мною! Выехавши из Петербурга, я рассчитал как нарочно все это самым акkuratнейшим образом. Вот это, думаю себе, на прогоны, это на издержки для себя, это ямщикам на водку, это для моего крепостного человека, и все как нельзя лучше. Но, к величайшему изумлению, стало мне всего только на половину дороги, и теперь недостает какой-нибудь безделицы: не можете ли вы одолжить мне на самое короткое время сколько-нибудь денег?

П о ч т м е й с т е р. Сколько прикажете?

Х л е с т а к о в. Да рублей хоть сто на первый случай, я завтра даже... или очень скоро возвращу.

П о ч т м е й с т е р. Сей час *(шарит в карманах и говорит в полголоса)*. Ах Боже мой, вот штука, если не будет! Вот не приведи Бог!.. Есть, есть *(с поспешностью дает ассигнации)*.

Х л е с т а к о в. Покорнейше благодарю! *(В сторону.)* Почтмейстер, кажется, хороший человек.

П о ч т м е й с т е р *(встает, вытягивается и придерживает шпагу)*. Не смея далее беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части Почтового управления?

Х л е с т а к о в. Прощайте, прощайте! хорошо, хорошо.

ЯВЛЕНИЕ III

Х л е с т а к о в и А м м о с Ф е д о р о в и ч, в мундире, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, Коллежский Ассессор Ляпкин-Тяпкин.

Х л е с т а к о в. А, сделайте милость, садитесь. Что, вы давно занимаете тут место?

А м м о с Ф е д о р о в и ч. С 816-го, был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Х л е с т а к о в. Это хорошо. Я сам тоже служу. Что, получаете награды?

Аммос Федорович. За три трехлетия представлен к Владимиру 4 степени с одобрения со стороны начальства.

Хлестаков. Да это, впрочем, еще довольно счастливо. У нас есть один такой, что пятнадцать лет служит и получил только одну пряжку. Скажите, пожалуйста, мне, право, несколько и совестно, да нечего делать, со мною странный случай: в дороге совершенно истратился... Не можете ли вы одолжить мне на малое время рублей сто? Я вам, может быть, завтра же отдам.

Аммос Федорович. Сей час *(вынимает поспешно из бумажника деньги)*.

Хлестаков. Очень вам благодарен. В дороге, знаете, эдак разные потребности могут случиться. Никак нельзя предвидеть. В одном месте захочется поесть, в другом купить что-нибудь. Оно хоть безделица, а все составляет счет.

Аммос Федорович *(раскланиваясь)*. Не смея беспокоить своим присутствием, имею честь пребыть...

Хлестаков. А вы уже едете? зачем же так рано? Посидите еще. Мне очень приятно с вами побеседовать.

Аммос Федорович. Не смею беспокоить.

Хлестаков. Ну когда так, то прощайте. Покорно благодарю за то, что навестили меня *(выпровождает Аммоса Федоровича)*. Судья тоже, сколько мне кажется, очень неглупой человек. Я люблю таких людей, с которыми можно быть откровенну.

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков и Артемий Филиппович, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель Богоугодных заведений Надворный Советник Землинка.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению Богоугодных заведений.

Хлестаков. А, да, помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я, признаюсь, очень люблю, если кушанья хорошо сготовлены, и странно, что мне не столько нравится, чтоб их

было много, сколько то, чтобы были бы вкусные и сытные. Скажите, пожалуста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артеми́й Филиппович. Очень может быть. *(Помолчав.)* Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу *(придвигается ближе с своим стулом и говорит в полголоса)*. Вот здешний Почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был пред моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак, и поведения, если признаться пред вами, конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, поведения самого предосудительного: здесь есть один помещик Добчинский, которого вы изволили видеть, и как только этот Добчинский куда-нибудь выйdet из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... и нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуста! а я никак этого не думал.

Артеми́й Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища. Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность. Он хуже, чем Якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, эдак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? я все позабываю.

Артеми́й Филиппович. Земленика.

Хлестаков. А, да, Земленика. И что ж, скажите, пожалуста, есть у вас детки?

Артеми́й Филиппович. Как же-с. Пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите, какое счастье! а как по имени?

Артеми́й Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артеми́й Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, имею честь...

Хлестаков. Прощайте! покорнейше благодарю вас за приятную беседу. Сделайте милость, навещайте... в другое время тоже когда-нибудь *(возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему)*. Ей вы! как вас? я все позабываю, как ваше имя и отчество.

Артеми́й Филиппович. Артеми́й Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артеми́й Филиппович, посмотрите, нет ли здесь при вас мне в займы рублей триста на самое короткое время... в дороге совсем издержался.

Артеми́й Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Я именно только что думал о том, что не худо... Прощайте! покорнейше вас благодарю.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Петр Иванов сын, Бобчинский.

Добчинский. Помещик Петр Иванов сын, Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали; что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава Богу! не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад... *(вдруг и отрывисто)* денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков *(громко и скоро)*. В займы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей Богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

Добчинский. Нет, а если есть, то в приказе общественного призрения.

Хлестаков. Досадно... Ну если тысячи нет, в таком случае хоть рублей сто.

Бобчинский. У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? у меня только двадцать пять.

Добчинский *(смотря в бумажник)*. Сорок ассигнациями.

Бобчинский. А у меня двадцатипятирублевая. А вот, может быть, есть мелочь... Сей час поищу. *(Копается в карманах.)* Три двугривенных!

Хлестаков. Ну толковать об этом, впрочем, нечего, как случилось, давайте! все равно. Я вам это при первом случае почту долгом возвратить *(принимает деньги)*.

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас, относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Хлестаков. А что это?

Добчинский. Дело очень тонкого свойства: старший сын рожден мною еще до брака.

Хлестаков. Да?

Добчинский. То есть оно так только говорится, а он рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и все это, как следует, я завершил потом законными узами супружества. Так я хочу, чтоб он теперь уже был совсем законным моим сыном и назывался бы так, как я: Добчинский.

Хлестаков. Хорошо; я...

Добчинский. Я бы и не беспокоил вас, да жаль очень: такой мальчишка... большие надежды подает: наизуст стихи разные расскажет, и этак, если где попадет ножик, то сей час сделает маленькие дрожечки так искусно, как лучший фокусник. Вот и Петр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо: я об этом постараюсь, я буду говорить... и вы надейтесь, что все будет сделано, я скажу Министру, (обращаясь к Бобчинскому) не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чем?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: Сенаторам и Адмиралам, что вот, Ваше Сиятельство или Превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите, что живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и Государю придется, то скажите и Государю, что вот мол, Ваше Императорское Величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего. Мне очень приятно (выпровождает их).

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков один.

Как много здесь чиновников! городишка довольно населен. Теперь я вижу, сколько мне кажется, они меня почитают за человека государственного. Я это люблю. Мне нравится, если меня почитают за важного человека. В моей физиогномии точно есть что-то такое, внушающее... это с их стороны тоже благородная черта, что они готовы дать в займы денег. А в Петербурге попробуй пойти к какому-нибудь даже последнему портнишке, чтобы сшил тебе в долг фрак: ни за что не сошьет. Мне кажется, это уж чересчур... такое развращение нравов может быть только в столице. А, перечеть, сколько у меня теперь денег (*вынимает из кармана*). В этой пачке четыреста (*кладет особо*). Сколько тут? (*считает*) двадцать пять, пятьдесят, семьдесят пять... какая замасляная!.. сто, и тут сто... о! о! всех до тысячи добирается! А должно быть, однако ж, сколько мне кажется, эти чиновники большие дураки; в голове только я думаю: фай, даже посвистывает! такая простота. Написать нарочно об этом Тряпичкину. Он там сочиняет разные статейки — пускай-ка их отбреет хорошенько, это, право, будет хорошо. Эй, Осип! подай мне бумаги и чернила.

О с и п (*выглянув из дверей*). Сей час.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков и Осип, с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают! (*Начинает писать.*)

О с и п. Да, слава Богу! только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков (*пишет*). А что?

О с и п. Уезжайте отсюда. Ей Богу, уже пора.

Хлестаков (*пишет*). Вот вздор! зачем?

О с и п. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька, ну — и довольно. Что с ними долго связываться! Плюньте на них! неровен час: какой-нибудь другой наедет. Ей Богу, Иван Александрович! а лошади тут славные: так бы закатали!..

Хлестаков (*пишет*). Нет. Мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра.

О с и п. Да что завтра! Ей Богу, поедем, Иван Александрович. Оно хоть и большая тут честь вам, да все, знаете, лучше уехать скорее... Ведь вас, право, за кого-то другого приняли, и батюшка будет

гневаться за то, что так замешкались... так бы, право, закатали славно! а лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков (пишет). Ну хорошо. Отнеси только наперед это письмо, пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато смотри, чтобы лошади хорошие были. Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как Фельдъегеря, катили! и песни бы пели!.. (продолжает писать). Воображаю, что скажет Тряпичкин, он ведь такой остроумной...

Осип. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтоб не прошло понапрасну время.

Хлестаков (пишет). Хорошо. Принеси только свечу.

Осип (выходит и говорит за сценой). Эй, послушай, брат! отнесешь письмо на почту, и скажи Почтмейстеру, чтоб он принял без денег, да скажи, чтоб сей час привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит. Прогон, мол, скажи, казенной. Да чтоб все живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаков (продолжает писать). Любопытно знать: где он теперь живет — в Почтамтской или Гороховой. Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры и не доплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую (свертывает и надписывает).

Осип приносит свечу. Хлестаков печатает. В это время слышен голос Держиморды: “Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено впускать”.

Хлестаков (дает Осипу письмо). На, отнеси.

Голоса купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить. Мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Пошел, пошел! Не принимает, спит. (Шум увеличивается.)

Хлестаков. Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

Осип (глядя в окно). Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальной. Машут бумагами, верно, вас хотят видеть.

Хлестаков (подходя к окну). А что вы, любезные?

Голоса купцов. К твоей милости прибегаем. Прикажи, Государь, просьбу принять.

Хлестаков. Впустите их, впустите! пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут (Осип уходит).

Хлестаков (принимает из окна просьбы, развертывает одну из них и читает). “Его Высокоблагородному Светлости Господину Финансову от купца Абдулина”... Чорт знает что: и чина такого нет!

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков и купцы с кузовом вина и сахарными головами.

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьем Вашей Милости.

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не погуби, Государь! обижательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да все от Городничего здешнего. Такого Городничего никогда еще, Государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай. Так поступает, что рассказать страшно. Схватит за бороду, говорит: “Ах ты Татарин!” Ей Богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважали его; а то мы уж порядок всегда исполняем: каждой подарит на пару платья, это дело уж известное, супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего этого мало. Ей, ей! придет в лавку и, что ни попадет, все берет: сукна увидит штуку, говорит: “Э, милой, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мне”. Нечего делать, и несешь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей Богу! такого никто не запомнит Городничего. Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Имянины его бывают на Антона, и уж, кажись, чего ему больше? всего нанесешь, ни в чем не нуждается. Нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его имянины. Что делать? и на Онуфрия несешь подарки.

Хлестаков. Да это просто разбойник.

Купцы. Ей, ей! А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целой полк на постой. Позовет к себе, да и двери велит запереть. “Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селедки!”

Хлестаков. Ах какой мошенник! Да за это его просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его, все будет хорошо, лишь бы то есть от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью. Кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот если бы вы, на пример, предложили мне в займы рублей 300, ну тогда совсем дело другое: в займы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш (*вынимают деньги*). Да что триста! уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте: в займы я ни слова: я возьму.

Купцы (*подносят ему на серебряном подносе деньги*). Уж, пожалуста, и подносик вместе возьмите.

Хлестаков. Ну, и подносик можно.

Купцы (*кланяясь*). Так уж возьмите за одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О, нет: я взятки никаких...

Осип. Ваше Высокоблагородие! зачем вы не берете? Возьмите! в дороге все пригодится. Давай сюда головы и кулек! подавай все! все пойдет впрок. Что там? веревочка? давай и веревочку! и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, Ваше Сиятельство. Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно. Я постараюсь. (*Купцы уходят. Слышен голос женщины.*) Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!

Хлестаков. Кто там? (*Подходит к окну.*) А, что ты, матушка?

Голос слесарши. Милости твоей, отец мой, прошу! повели, Государь, выслушать.

Хлестаков (*в окно*). Пропустить ее.

ЯВЛЕНИЕ IX

Хлестаков и слесарша.

Слесарша (*кланяясь в ноги*). Милости прошу твоей, Государь!

Хлестаков. Да что ты за женщина?

Слесарша. Слесарша, здешняя мещанка: Февронья Петрова Пашлепкина, отец мой.

Хлестаков. Чего тебе нужно?

Слесарша. Милости прошу: на Городничего челом бью! Пошли ему Бог всякое зло, чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни теткам его ни в чем никакого прибытку не было.

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты, и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатой.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

Слесарша. Сделал мошенник, сделал: побей Бог его и на том и на этом свете! чтобы ему, если и тетка есть, то и тетке всякая пакость, и отец, если жив у него, то чтоб и он, каналья, околел, или поперхнулся на веки, мошенник такой. Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатой подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала к супруге полотна три штуки; так он ко мне: "На что, говорит, тебе муж, он уж тебе не годится". Да я-то знаю: годится или не годится; это мое дело, мошенник такой. "Он, говорит, вор: хоть он теперь и не украл, да все равно, говорит, он украдет, его и без того на следующий год возьмут в рекруты". Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! я слабой человек, подлец ты такой! чтоб всей родне твоей не довелось видеть света Божьего, и если есть теща, то чтоб и теще...

Хлестаков. Хорошо, хорошо, матушка. Ступай, ступай! я ему это все... Ступай с Богом. *(Выпровождает старуху.)*

Слесарша *(уходя)*. Не забудь, отец наш! будь милостив!

Хлестаков. Хорошо, хорошо. *(В окно высовываются руки с просьбами.)* Да кто там еще? *(Подходит к окну.)* Не хочу, не хочу! не нужно, не нужно *(отходя)*. Надоели, чорт возьми! не впускай, Осип.

Осип *(кричит в окно)*. Пошли, пошли! не время, завтра приходите! *(Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели с небритую бородою, раздутою губою и перевязанною щекою. За ним в перспективе показывается несколько других.)*

Осип. Пошел, пошел! чего лезешь? *(Упирается ему руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ X

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков (*рисуется*). Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который... Осмеюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маминька...

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы закопались важными делами.

Хлестаков (*рисуется*). А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать; никаким образом не можете; напротив того, вы можете принести удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Сделайте милость, садитесь! Я никак не могу видеть, чтоб вы стояли. Вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно (*села*).

Хлестаков. Какой у вас прекрасной платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чем вы говорите: какой-то платочек... сегодня какая странная погода.

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы все говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, все, что хотите. Требуйте, какие стихи вам.

Марья Антоновна. Какие-нибудь эдакие: хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить, я и так их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: “О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек...” Ну и другие... теперь не могу припомнить, впрочем, это все ничего. Я вам лучше вместо этого представляю мою любовь, которая от вашего взгляда... *(придвигая стул)*.

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь *(отдвигает стул)*.

Хлестаков *(придвигая стул)*. Отчего ж вы отдвигаете свой стул? нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна *(отдвигаясь)*. Для чего ж близко; все равно и далеко.

Хлестаков *(придвигая)*. Отчего ж далеко; все равно и близко.

Марья Антоновна *(отдвигается)*. Да к чему ж это?

Хлестаков *(придвигаясь)*. Да ведь это вам кажется только, что близко, а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна *(смотрит в окно)*. Что это так, как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков *(целует ее в плечо и смотрит в окно)*. Это сорока.

Марья Антоновна *(встает в негодовании)*. Нет, это уж слишком..... Наглость такая!..

Хлестаков *(удерживая ее)*. Простите, сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку *(силится уйти)*.

Хлестаков *(продолжая удерживать ее)*. Из любви, право, из любви. Я так только пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! я готов на коленках у вас просить прощения *(падает на колени)*.

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна *(увидев Хлестакова, не успевшего встать на ноги, и всплеснув руками)*. Ах, какой пассаж!

Хлестаков *(вставая)*. А, чорт возьми!

Анна Андреевна. Признаюсь, я в таком нахожусь... я не знаю... *(к Марье Антоновне)* что это ты вздумала? с кого ты это пример взяла?

Хлестаков (*вдруг бросается на колена*). Анна Андреевна! влюблен, влюблен! Прошу руки Марьи Антоновны.

Анна Андреевна. Ах Боже мой!.. как же это! право, так скоро, да еще... и на коленах стоите!

Хлестаков. Руки, руки прошу! если не согласитесь, умру, сейчас же умру, на этом самом месте. Застрелюсь, напропалую застрелюсь.

Анна Андреевна. Я, право, не могу еще притти в себя... мы никак и не смеем думать о такой чести. Вам нужна по крайней мере Графиня или Княгиня.

Хлестаков. О, мне все равно. Я не слишком гляжу на Графинь. Если вы не решитесь исполнить моей просьбы, то вы не можете представить, что со мною случится; как честной человек уверяю. Я решительный человек, мне жизнь копейка.

Анна Андреевна. Ах, Боже мой! как вы меня пугаете! Отваживать жизнь свою, да еще таким страшным образом! Встаньте... я согласна, только встаньте.

Хлестаков (*вставая*). Теперь я самый... (*в сторону*) а она тоже очень аппетитна! (*вслух Анне Андреевне, подбираясь к ней*) как я счастлив, что могу наконец...

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же и Городничий впопыхах.

Городничий. Ваше Превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались Вашему Превосходительству... Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Слесарша нагала вам, что будто бы я забрил лоб ее мужу. Право, не брил, как честной человек не брил, она сама забрила.

Хлестаков. О, об этом не беспокойтесь, я им не верю.

Городничий. Не верьте, не верьте! это такие лгуны... им вот эдакой ребенок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А на счет мошенничества, то осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Хлестаков. О, да, бездельники; я это сей час увидел.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Ряхнулась, матушка! Не извольте гневаться, Ваше Превосходительство, она немного с придурью, такова же была и мать ее.

Хлестаков. Нет. Я точно прошу руки. Я очень влюблен.

Городничий. Не могу верить, Ваше Превосходительство.

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Если вы не согласитесь, то сделаете меня несчастным человеком.

Городничий. Не смею верить, недостоин такой чести.

Хлестаков. Сделайте милость, не приводите меня в отчаяние. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, признаюсь, на чорт знает что готов.

Городничий. Не могу верить: извольте шутить, Ваше Превосходительство.

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! ну когда тебе толкуют.

Городничий. Не могу верить.

Хлестаков. Отдайте руку вашей дочери, я говорю в последний раз. А не то — я отчаянный человек, я решусь на все: когда застрелюсь, то вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, Боже мой! Я ей, ей не виноват ни душою, ни телом. Не извольте гневаться! извольте поступать так, как вашей милости угодно! у меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким еще никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков *подходит с Марьей Антоновной.*

Городничий. Да благословит Бог, а я не виноват.

Хлестаков *целуется с Марьей Антоновной.*

Городничий *(смотрит на них)*. Что за чорт! в самом деле! *(Протирает глаза.)* Да, да, целуются? точно целуются. Как будто бы точно жених! Эхе! какое счастье привалило. Вот тебе на!

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо... я сей час.

Городничий. Извольте ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть... Вы изволили сами намекнуть на счет, кажется, свадьбы.

Хлестаков. Да, я еду только на один день к дяде моему. Тут он недалеко живет, богатый человек, завтра я буду назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. О! я человек аккуратный. Прощайте, Марья Антоновна, нежнейший предмет моей страсти! Грустно и на малое время расставаться с вами! Прощайте, душенька! (*Целует ее ручку.*)

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь; вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах.

Хлестаков. О нет, к чему это (*немного подумав*), а, впрочем, не худо.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Ну это пустяки... сколько-нибудь. А вот тогда, кажется, дали вы мне двести, то есть оно не двести, а по-настоящему четыреста; я не хочу воспользоваться вашей ошибкою — так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемь сот.

Городничий. Вот я сию минуту (*вынимает из бумажника*), еще, как нарочно, самими новинькими бумажками.

Хлестаков. А, да (*берет и рассматривает ассигнации*), это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новинькими бумажками.

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Ну так прощайте, Антон Антонович! вы меня очень обязали вашим гостеприимством; я вам много благодарен. Я по истине признаюсь вам, не думайте, чтоб это было комплимент, мне нигде не было такого хорошего приема. Прощайте, Анна Андреевна, прощайте, моя душенька, Марья Антоновна; не замешкаюсь, может быть, завтра же и назад.

За сценой.

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей, Марья Антоновна.

Голос Городничего. Как же это вы? прямо так на перекладной и едете?

Голос Хлестакова. Да я привык уж так. У меня голова болит от рессор.

Голос ямщика. Тпр...

Голос Городничего. Так по крайней мере чем-нибудь заслать; хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврик?

Голос Хлестакова. Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Голос Городничего. Эй, Авдотья! ступай в кладовую: вынь ковер самый лучший, что по голубому полю, Персидской, скорей!

Голос ямщика. Тпр...

Голос Городничего. Так когда же прикажете ожидать вас?

Голос Хлестакова. Завтра или после завтра непременно.

Голос Осипа. А, это ковер? давай его сюда, клади вот так! теперь давай-ко с этой стороны сена.

Голос ямщика. Тпр.

Голос Осипа. Вот с этой стороны! сюда! еще! хорошо. Славно будет! (*Бьет рукою по ковру.*) Теперь садитесь, Ваше Благородие!

Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович.

Голос Городничего. Прощайте, Ваше Превосходительство.

Женские голоса. Прощайте, Иван Александрович.

Голос Хлестакова. Прощайте, маминька!

Голос ямщика. Эй, вы, залетные! (*Колокольчик звенит. Занавес опускается.*)

ДЕЙСТВИЕ V

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? думала ли ты что-нибудь об этом? экой богатой приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось: просто из какой-нибудь Городничихи и вдруг, фу ты канальство, с каким дьяволом породнилась!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек; никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Какие мы с тобою теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна? высокого полета, чорт поберит! Теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы. Эй, кто там? *(Входит Квартальной.)* А, это ты, Иван Карпович; призови-ко сюда, брат, купцов. Вот я их, каналий! Так жаловаться на меня! Вишь ты, проклятой Иудейской народ. Постойте ж, голубчики! прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дискать, какую честь Бог послал Городничему, что выдает дочь свою не то чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого чиновника, что и на свете еще не было, что может и прогнать всех в городе, и в тюрьму посадить, и все, что хочет. Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валай в колокола, чорт возьми! уж когда торжество, так торжество. *(Квартальной уходит.)* Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

А н н а А н д р е е в н а. Натурально, в Петербурге. Как можно здесь оставаться!

Г о р о д н и ч и й. Ну в Питере, так в Питере: а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь я думаю, уже Городничество тогда к чорту, а, Анна Андреевна?

А н н а А н д р е е в н а. Натурально, что за Городничество!

Г о р о д н и ч и й. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он за панебрата со всеми Министрами и во дворец ездит; так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в Генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в Генералы?

А н н а А н д р е е в н а. Еще бы! конечно, можно.

Г о р о д н и ч и й. А, чорт возьми, славно быть Генералом! Кавалерию повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна? красную или голубую?

А н н а А н д р е е в н а. Уж конечно голубую лучше.

Г о р о д н и ч и й. Э? вишь чего захотела! хорошо и красную. Ведь почему хочется быть Генералом? потому что, случится, поедешь куда-нибудь — Фельдъегеря и Адъютанты поскачут, везде вперед: “лошадей!”, и там на станциях никому не дадут, все дожидается: все эти Титулярные, Капитаны, Городничие, а ты себе и в ус не дуешь: обедаешь где-нибудь у Губернатора, а там: стой, Городничий! Хе, хе, хе (*заливается и помирает со смеху*), вот что, канальство, заманчиво!

А н н а А н д р е е в н а. Тебе все такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то что какой-нибудь судья собачник, с которым ты едешь травить зайцев, или Земленика; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: Графы и все светские... только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Г о р о д н и ч и й. Что ж? ведь слово не вредит.

А н н а А н д р е е в н а. Да хорошо, когда ты был Городничим. А там ведь жизнь совершенно другая.

Г о р о д н и ч и й. Да, там, говорят, есть две рыбицы: рябушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть.

А н н а А н д р е е в н а. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в Столице, и чтоб у меня в комнате такое было амбре, чтоб нельзя было войти и нужно бы только этак зажмурить глаза (*зажмуривает глаза и нюхает*). Ах! как хорошо!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и купцы.

Городничий. А! здорово, соколики!

Купцы (*кланяясь*). Здравия желаем, батюшка!

Городничий. Что, голубчики, как поживаете? как товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники проклятые, жаловаться? жаловаться, протоканалы! Жаловаться, архибестии! Жаловаться, рассусленные бороды! Что? много взяли! вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

Анна Андреевна. Ах, Боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничий (*с неудовольствием*). А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я вас всех скручу, так что ни одного волоска не останется в ваших бородах. Мошенники! Вы только обманываете народ, мошенники. Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь, каналья, двадцать аршин... если б знали, так бы тебе петлю навесили; брюхо сует вперед. И он купец; его не тронь; мы, говорит, и дворянам не уступим. Да, дворянин... ах ты рожка! дворянин учится наукам: его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? ты начинаешь плутнями, тебя хозяин бьет за то, что не умеешь обманывать. Ты мальчишка еще, "Отче наш" не знаешь, а уж обмериваешь, а там как разодмет тебе брюхо, да набьешь себе карман, так и заважничал! Фу ты какая! Оттого что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (*кланяясь*). Виноваты, Антон Антонович!

Городничий. Жаловаться? а кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода. Ты позабыла это. Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также, каналья, спроводить в Сибирь, что скажешь? а?

Один из купцов. Богу виноваты, Антон Антонович. Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться. Всякое удовлетворение, какое хошь, готовы сделать, не гневись только!

Городничий. Не гневись! вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? оттого, что мое взяло, а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втопал в самую грязь, еще бы и бревном сверху навалил.

Купцы (кланяются в ноги). Не погуби, Антон Антонович!
Городничий. Не погуби! теперь: не погуби! а прежде что? я бы вас в тюрьму (махнув рукой). Ну да Бог простит! встаньте, полно! Я непамятозлобен; только теперь смотрите, ухо остро! я выдаю дочку свою не за какого-нибудь простого дворянина. Смотрите же, чтоб поздравление было приличное, не то чтоб отбояться каким-нибудь балычком или головою сахару, понимаешь? ну, ступай же с Богом. (Купцы уходят.)

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Аммос Федорович, Артемий Филиппович,
потом Растаковский.

Аммос Федорович (еще в дверях). Верить ли слухам, Антон Антонович! к вам привалило необыкновенное счастье.

Артемий Филиппович. Имею честь поздравить с необыкновенным счастьем. Я душевно обрадовался, когда услышал (подходит к ручке Анны Андреевны), Анна Андреевна! (Подходя к ручке Марьи Антоновны.) Марья Антоновна!

Растаковский (входит). Антона Антоновича поздравляю, да продлит Бог жизнь вашу и новой четы и даст вам потомство многочисленное, внучат и правнучат, Анна Андреевна! (Подходит к ручке Анны Андреевны.) Марья Антоновна! (Подходит к ручке Марьи Антоновны.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Коробкин с женою, Люлюков.

Коробкин. Имею честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! (Подходит к ручке Анны Андреевны.) Марья Антоновна! (Подходит к ее ручке.)

Жена Коробкина. Душевно вас поздравляю, Анна Андреевна, с новым счастьем.

Люлюков. Имею честь поздравить, Анна Андреевна! (Подходит к ручке, и потом, обратившись к зрителям, щелкает языком с видом удальства.) Марья Антоновна! имею честь поздравить (подходит к ее ручке и обращается к зрителям с тем же удальством).

ЯВЛЕНИЕ V

Множество гостей в сюртуках и фраках подходят сначала к ручке Анны Андреевны, говоря: “Анна Андреевна!”, потом к Марье Антоновне, говоря: “Марья Антоновна!” Бобчинский и Добчинский проталкиваются.

Бобчинский. Имею честь поздравить.

Добчинский. Антон Антонович! имею честь поздравить.

Бобчинский. С благополучным происшествием!

Добчинский. Анна Андреевна!

Бобчинский. Анна Андреевна! *(Оба подходят в одно время и сталкиваются лбами.)*

Добчинский. Марья Антоновна! *(подходит к ручке)* честь имею поздравить. Вы будете в большом, в большом счастье, в золотом платье ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Бобчинский *(перебивая)*. Марья Антоновна, имею честь поздравить! Дай Бог вам всякого богатства, червонцев и сынка такого маленького, вот этакого *(показывает рукою)*, чтоб можно было на ладоньку посадить, и так только все будет кричать: “ya! ya! ya!”

ЯВЛЕНИЕ VI

Еще несколько гостей, подходящих к ручкам, Лука Лукич с женою.

Лука Лукич. Имею честь...

Жена Луки Лукича *(бежит вперед)*. Поздравляю вас, Анна Андреевна! *(целуются)* а я так, право, обрадовалась; говорят мне: “Анна Андреевна выдает дочку”. — “Ах, Боже мой!” — думаю себе, и так обрадовалась, что говорю мужу: “Послушай, Луканчик: вот какое счастье Анне Андреевне!” “Ну, — думаю себе, — слава Богу”, и говорю ему: “Я так восхищена, что сгараю нетерпением изъяснить лично Анне Андреевне...” “Ах, Боже мой, — думаю себе, — Анна Андреевна именно ожидала хорошей партии для своей дочери, а вот теперь такая судьба: именно так сделалось, как она хотела”, и так, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вот просто рыдаю. Уже Лука Лукич говорит: “Отчего ты, Настинька, рыдаешь?” — “Луканчик, говорю, я и сама не знаю, слезы так вот рекой и льются”.

Гордничий. Покорнейше прошу садиться, Господа. Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульев.

(Гости садятся.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, частный пристав и квартальные.

Ч а с т н ы й п р и с т а в. Имею честь поздравить вас, Ваше Высокоблагородие, и пожелать благоденствия на многия лета.

Г о р о д н и ч и й. Спасибо, спасибо. Прошу садиться, Господа! *(Гости усаживаются.)*

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Но скажите, пожалуста, Антон Антонович, каким образом все это началось: постепенный ход всего то есть дела.

Г о р о д н и ч и й. Ход дела чрезвычайный: изволил собственнолично сделать предложение.

А н н а А н д р е в н а. Очень почтительным и самым тонким образом. Все чрезвычайно хорошо говорил; говорит: “Я, Анна Андреевна, не посмотрю на то, что она не Графиня и не Княгиня; я именно из одного уважения к вашим достоинствам и вашей дочери”. И такой прекрасной, воспитанной человек, самых благороднейших правил. “Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь копейка; но именно за то только, что уважаю ваши редкие качества, я прошу, я умоляю руки вашей, если вы будете жестоки...”

М а р ь я А н т о н о в н а. Ах, маминька! ведь это он мне говорил.

А н н а А н д р е в н а. Перестань, ты ничего не знаешь, и не в свое дело не мешайся! “Я, Анна Андреевна, вы поверите ли, что я потому только ищущу руки вашей или вашей дочери, что чувствую сердечную любовь и изумляюсь вашим достоинствам”. В таких лестных рассыпался словах... и когда я хотела сказать: “Мы никогда не смеем надеяться на такую честь”, — тогда он, не говоря ни слова, вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: “Анна Андреевна! не сделайте меня несчастнейшим! и если вы не согласитесь отвечать моим чувствам, я смертью окончу жизнь свою”.

М а р ь я А н т о н о в н а. Право, Маминька, он обо мне это говорил.

А н н а А н д р е в н а. Да, конечно... и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

Г о р о д н и ч и й. И так даже напугал; говорил, что застрелится. “Застрелюсь, застрелюсь” говорит.

М н о г и е и з г о с т е й. Скажите пожалуста.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. В самом деле чрезвычайное происшествие!

Лука Лукич. Вот подлинно, судьба уж так вела.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Вот этакой свинье так и лезет в самый рот счастье.

Аммос Федорович. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Городничий. Нет: мне теперь не до кобельков.

Аммос Федорович. Ну, не хотите, на другой собаке сойдемся?

Жена Коробкина. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастью! вы не можете себе представить.

Коробкин. Где ж теперь, позвольте узнать, находится именинный гость? я слышал, что он уехал за чем-то.

Городничий. Да, он отправился на один день по весьма важному делу.

Анна Андреевна. К своему дяде, чтоб испросить благословения.

Городничий. Испросить благословения; но завтра же... *(чихает; поздравления сливаются в один гул)*. Много благодарен! но завтра же и назад... *(чихает. Поздравительный гул. Слышнее других голоса.)*

Частного пристава. Здравия желаем, Ваше Высокоблагородие!

Бобчинского. Сто лет и куль червонцев!

Добчинского. Продли Боже на сорок сороков!

Артемий Филиппович. Чтоб ты пропал!

Жена Коробкина. Чорт тебя побери!

Городничий. Покорнейше благодарю! И вам того ж желаю!

Анна Андреевна. Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь, признаюсь, такой воздух... деревенский уж слишком!.. признаюсь, большая неприятность... Вот и муж мой: он там получит Генеральский чин.

Городничий. Да, признаюсь, господа, я, чорт возьми, очень хочу быть Генералом.

Лука Лукич. И дай Бог получить.

Растаковский. От человека невозможно; а от Бога все возможно.

Аммос Федорович. Большому кораблю большое плавание.

Артеми́й Филиппович. По заслугам и честь.

Аммос Федорович (в сторону). Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается Генералом! Вот уж кому пристало Генеральство, как корове седло! Нет, до этого еще далека песня. Тут и пощипать тебя есть, а до сих пор еще не Генералы.

Артеми́й Филиппович (в сторону). Эка, чорт возьми, уж и в Генералы лезет. Чего доброго, может, и будет Генералом. Ведь у него важности, лукавой не взял бы его, довольно. (Обращаясь к нему.) Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

Аммос Федорович. И если что случится: например, какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительством!

Коробкин. В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке.

Городничий. Я готов с своей стороны, готов стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно, и с какой стати себя обременять такими обещаниями?

Городничий. Почему ж, душа моя: иногда можно.

Анна Андреевна. Можно! Это ты себе так воображаешь.

Жена Коробкина. Вы слышали, как она отзывается о нас?

Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за стол, она и ноги свои...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Почтмейстер.

Почтмейстер. Я, господа, пришел объявить вам удивительное дело.

Городничий. А например, что такое? послушаем.

Почтмейстер. Я и сам не знаю, что сказать вам: такое странное обстоятельство, что я...

Некоторые е. Какое? что?

Почтмейстер. Прихожу я домой и застаю письмо этого чиновника, которому мы показывали все заведения. На пакете было написано какому-то Тряпичкину, в С. Петербург, в Почтамтскую улицу. И как прочитал я, что в Почтамтскую улицу, то в ту же минуту так и обомлел. "Верно", думаю себе, "это обо мне писано". Может быть, как-нибудь дошло до него, что я для своего удовольствия рас-

печатывал иногда письма. И в ту же самую минуту, так как будто какая-нибудь непредвидимая сила понудила меня распечатать.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Как, и это самое письмо?

Г о р о д н и ч и й. Как же вы это?.. (Все показывают ужас.)

П о ч т м е й с т е р. Я и сам испугался такой мысли и в ту же минуту положил письмо на стол и уже хотел позвать почталиона, чтоб отправить скорее с эшпафетой. Но только немножко отойду от стола, так вот опять и тянет, и тянет. В одном ухе кричит: распечатай, в другом: не распечатывай! распечатай, не распечатывай! С этой стороны так, вот как бы под руку кто-нибудь толкает, а с другой стороны — как будто бы невидимая сила говорит: “Оставь, пропадешь, как курица!” Так что минут с десять не знал, что делать, наконец напропащую решил распечатать.

Г о р о д н и ч и й. Как же вы смели распечатать?

П о ч т м е й с т е р. Ей Богу, распечатал! со страхом таким, какого еще никогда не помню. И ставни велел закрыть, и собственно-ручно заткнул все щелки. И как только придавил сургуч, то огонь так по всему телу и пробежал; а как разломал печать — мороз, мороз, так вот и чувствую, что мороз! а как вынул и развернул письмо — то я уже не знаю, где я в то время был. Зубы и губы так тряслись, что целый час не мог одной строчки прочесть.

Г о р о д н и ч и й. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

П о ч т м е й с т е р. В том-то и штука, что он и не уполномоченный, и не особа!

Г о р о д н и ч и й. Что ж он, по-вашему, такое?

П о ч т м е й с т е р. Ни се ни то; чорт знает что такое.

Г о р о д н и ч и й (запальчиво). Как вы смеете это сказать? знаете ли, что я велю вас под арест взять.

П о ч т м е й с т е р. Кто? вы?

Г о р о д н и ч и й. Да, я.

П о ч т м е й с т е р. Коротки руки.

Г о р о д н и ч и й. Знаете ли, что этот самый чиновник женится на моей дочери? Я сам скоро буду вельможа, и если захочу, то вас в Сибирь законопачу.

П о ч т м е й с т е р. Эх, Антон Антонович! что Сибирь, далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

В с е. Читайте, читайте!

П о ч т м е й с т е р (читает). “Мая такого-то числа и пр. и пр. и пр. Я уже писал к тебе, душа Тряпичкин, о том, как обыграл меня в

Пензе пехотной Капитан. Трактирщик хотел даже потащить в тюрьму. К батюшке не писал; не доволен тоном. Все одно: розги да розги. Этим, при теперешнем образовании, он ничего не возмет. Но вдруг сцена переменялась: я живу теперь у городничего в доме, жуирую, отпуская *bons mots*. Жена и дочка его обе ко мне неравнодушны. Не решился, с которой прежде начать; думаю, лучше с матушки: к дочке, может быть, труден доступ, а матушка такая, что сию минуту готова влюбиться по уши. Сам Городничий преблагороднейший человек, с гостеприимством патриархальным, но глуп, как сивой мерин!!!”

Г о р о д н и ч и й. Не может быть! там нет этого.

П о ч т м е й с т е р (*показывает письмо*). Читайте сами!

Г о р о д н и ч и й (*читает*). “Как сивой мерин”. Не может быть, вы это сами написали.

П о ч т м е й с т е р. Как же бы я стал писать?

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Читайте!

Л у к а Л у к и ч. Читайте!

П о ч т м е й с т е р (*продолжая читать*). “Городничий преблагороднейший человек с гостеприимством патриархальным, но глуп, как сивой мерин”.

Г о р о д н и ч и й. О, чорт возьми! нужно еще повторять! как будто оно там и без того не стоит.

П о ч т м е й с т е р (*продолжая читать*). “Но... хм. хм. хм. хм... сивой мерин. Почтмейстер тоже доброй человек...” (*оставляя читать*) ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Г о р о д н и ч и й. Нет, читайте!

П о ч т м е й с т е р. Да к чему ж?..

Г о р о д н и ч и й. Нет, чорт возьми, когда уж читать, так читать. Читайте все!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Позвольте, я прочитаю (*надевает очки и читает*). “Почтмейстер тоже добрый человек; чрезвычайно похож на департаментского сторожа Михеева; должно быть, тоже, подлец, пьет горькую”.

П о ч т м е й с т е р (*к зрителям*). Ну, скверной мальчишка, которого нужно посечь: больше ничего!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч (*продолжая читать*). “Кроме того, надзиратель над богоугодным заведением какой-то и... и... и...” (*заикается*).

К о р о б к и н. А что ж вы остановились?

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Да нечеткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

К о р о б к и н. Дайте мне! вот у меня, я думаю, получше глаза (берет письмо).

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч (не давая письма). Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

К о р о б к и н. Да позвольте, уж я знаю.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Прочитать я и сам прочитаю, далее, право, все разборчиво.

П о ч т м е й с т е р. Нет, все читайте! ведь прежде все читано.

В с е. Отдайте, Артемий Филиппович! отдайте письмо. (Коробкину.) Читайте!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Сей час. (Отдает письмо.) Вот позвольте я закрою пальцем (закрывает пальцем); вот этого места только не читайте, а прочее все можно. (Все приступают к нему.)

П о ч т м е й с т е р. Читайте! Читайте все!

К о р о б к и н (читая). “Кроме того, надзиратель за Богоугодным заведением, какой-то Земленика: вообрази себе чухонскую свинью в ермолке, с пребольшими ушами”.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч (к зрителям). И нимало не остроумно! Бог знает что: свинья в ермолке! совсем неправдоподобно; где ж свинья в ермолке бывает?

К о р о б к и н (продолжая читать). “А от зрителя училищ страшно воняет луком”.

Л у к а Л у к и ч (к зрителям). Ей Богу, и в рот никогда не брал луку.

А м м о с Ф е д о р о в и ч (в сторону). Слава Богу, хоть по крайней мере обо мне нет.

К о р о б к и н (читает). “Кроме того, какой-то судья...”

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Вот тебе на! (Вслух.) Господа, я думаю, что письмо действительно несколько длинно. На первой раз этого будет довольно.

Л у к а Л у к и ч. Зачем же? Нет, мне хочется все знать.

К о р о б к и н (продолжает). “Какой-то судья Ляпкин-Тяпкин, ужасный мове тон...” (останавливается) должно быть, Французское слово.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. А, чорт его знает, что оно значит! Еще хорошо, если только мошенник, а может быть, и того еще хуже.

К о р о б к и н (продолжая читать). “Словом: дурачье страшное! По моей физиогномии приняли меня за Военного Генерал-Губернатора. Я, с своей стороны, подпустил им пыли порядоч-

ной. Ты пописываешь для “Библиот(еки) для Чтения”. Пожалуста, помести их в свою литературу и окритикуй хорошенько! Прощай, душа Тряпичкин! я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братец, так жить: ищешь пищи для души; а светская чернь тебя не понимает. Хочешь наконец чем-нибудь эдаким, высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую Губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку (*переворачивает письмо и читает адрес*). Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в С. Петербург, в Почтамтскую улицу, в доме под № 97, поворотя на двор в 3 этаже, направо”.

О д н а и з д а м. Какой репримант неожиданный!

Г о р о д н и ч и й. Вот когда зарезал, так зарезал! убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рылы, вместо лиц; а больше ничего... Воротить, воротить его! (*Машет рукою.*)

П о ч т м е й с т е р. Куда тут воротить! я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку и вперед писал предписание, чорт бы меня совсем побрал!

Ж е н а К о р о б к и н а. Вот, в самом деле, беспримерная конфузия!

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Однако ж, чорт возьми, господа! ведь он у меня взял деньги взаймы.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. У меня тоже триста рублей.

П о ч т м е й с т е р (*вздыхает*). Ох! и у меня сто рублей.

Б о б ч и н с к и й. У нас с Петром Ивановичем семдесят пять ассигнациями и три двугривенных.

А м м о с Ф е д о р о в и ч (*в недоумении расставляет руки*). Как же это, Господа? как это, в самом деле, мы так оплошали!

Г о р о д н и ч и й (*бьет себя по плечу*). Как я? нет, как я, старый дурак! выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести меня: мошенников над мошенниками обманывал; пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду; трех Губернаторов обманул!.. что Губернаторов! а теперь... вертопрах, какой-нибудь мальчишка: на губах молоко еще не обсохло... ступай ищи его, чорт побери, я думаю, так удирает по столбовой дороге, что колокольчик заливается.

А н н а А н д р е е в н а (*мужу*). Как же?.. ведь это не может быть... он совсем ведь обручился уж с нашей Машинькой.

Г о р о д н и ч и й (*с досадою*). А разве ты не видишь, что у него все это: фу, фу? Пустейший человек, чорт бы побрал его! Вот под-

линно, если Бог захочет наказать, так отнимет разум. Ну, что в нем было такого, чтоб можно было принять за важного человека или вельможу? Пусть бы имел он в себе что-нибудь внушающее уважение, а то чорт знает что: дрянь, сосулька! тоньше серной спички. И каким это образом случилось, кто первый вынес, что он чиновник, присланный для того, чтоб ревизовать?..

Артеми́й Филиппович. А кто вынес? вот кто вынес? эти молодцы! *(Показывает на Добчинского и Бобчинского).*

Бобчинский. Ей, ей, не я, и не думал...

Добчинский. Я ничего, совсем ничего...

Артеми́й Филиппович. Конечно, вы.

Лука Лукич. Разумеется, вы первые прибежали как сумасшедшие из трактира: приехал, приехал ревизор, и денег не плотит... Нашли, чорт бы вас побрал, важную птицу.

Городничий. Натурально, вы! сплетники городские, лгуны проклятые!

Артеми́й Филиппович. Чтоб вас чорт побрал с вашим ревизором и рассказами.

Городничий. Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые, сплетни сеете, сороки короткохвостые.

Аммос Федорович. Пачкуны проклятые!

Лука Лукич. Колпаки!

Артеми́й Филиппович. Сморчки короткобрюхие!
(Все обступают их.)

Бобчинский. Ей Богу, это не я, это Петр Иванович.

Добчинский. Э, нет, Петр Иванович, это вы говорили.

Бобчинский. Э, нет, вы прежде...

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по Имянному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице. *(Все издают звук изумления и остаются с открытыми ртами и вытянутыми лицами. Немая сцена. Занавесь опускается.)*

ИЗ РЕДАКЦИИ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ “РЕВИЗОРА”
(Р41)

⟨ДЕЙСТВИЕ IV. ЯВЛЕНИЯ 1–5.⟩

Комната в доме Городничего.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят осторожно, почти на цыпочках: Аммос Федорович, Артемий Филипович, Почтмейстер, Лука Лукич, Добчинский и Бобчинский, в полном параде и мундирах, вся сцена происходит вполголоса.

Аммос Федорович. Скорее, скорее, Господа, в кружок, потому что он сей час выдет. Вот так. *(Все равняются и образуют полукружие.)* Вы, Петр Иванович, забегите с этой стороны, а вы, Петр Иванович, станьте вот тут. *(Оба Петра Ивановича забегают на цыпочках.)* Вот так; теперь совсем на военную ногу. Оно, знаете, в эдаком виде следует представиться *(осматривает всех их)*. А ведь если посмотреть несколько издалека, так у нас есть точно что-то воинское. *(Слышно из комнаты Хлестакова откряхтывание и плевание. Чиновники пугаются.)*

Артемий Филипович. Да видно уже проснулся.

Аммос Федорович. Утрудился.

Почтмейстер. А ведь нечего сказать, вчера куды бойко развернулся. Как вы полагаете? мне кажется, что из всего того, что он говорил вчера, не все правда.

Аммос Федорович. Еще бы! подгулял, ну и прилгнул. Это не порок; это за всяким Государственным человеком водится. Но ведь зато у него все взвешено. Вот он, положим, подгулял, но как подгулял, с целью подгулял.

РЕВИЗОРЪ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СОЧ. Н. ГОГОЛЯ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1841

Титульный лист второго издания "Ревизора"

Почтмейстер. А хорошо, что мы вздумали соорудить закуску: хлеба-соли отведал, вредить уже не будет, да и сам развернулся и сказал то, чего бы верно не сказал.

Артеми́й Филипович. А мой совет, Господа, не закладывать руки в карман. Ну что, как теперь, проснувшись, он поворачивает опять круто. Я, право, боюсь. Ведь Антошка наш старый плут: он удовлетворил его верно чем-нибудь наедине, только не говорит.

Лука Лукич. А что вы думаете, ведь это может случиться.

Аммос Федорович. Знаете, Господа, что если бы ему *(показывает жестом)*.

Артеми́й Филипович. Подсунуть?

Аммос Федорович. Да.

Почтмейстер. Опасно, чорт возьми.

Артеми́й Филипович. Да как же это сделать?

Аммос Федорович. Да просто в руку и концы в воду.

Артеми́й Филипович. Что вы, что вы? Раскричится так, что и ног не унесешь. Разве вы не знаете Государственных людей. Скажет: что вы, кому вы, да как вы смеете, хотите, чтоб я изменил Государю. Нет, лучше пусть Бог с ним.

Аммос Федорович. Раскричаться-то он, конечно, раскричится, а деньги все-таки возмет.

Артеми́й Филипович. Нет, Аммос Федорович. Это дело рискованное, а вот лучше в виде какого-нибудь приношения или пожертвования на пользу общественную, а его пригласить принять обязанность на себя... Да и то, чорт возьми, опасно.

Почтмейстер. Да не поступить ли просто, вот как: что вот мал пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие, а хозяина не отыскалось, так не его ли они.

Артеми́й Филипович. Та, та, та! даст он вам неизвестно кому принадлежащих! Смотрите, чтоб он вас по почте же не отправил куда-нибудь подальше.

Аммос Федорович. А разве вот как: что умер-де в нашем Городе богатый купец, оставивши завещание, и по завещанию-та...

Артеми́й Филипович. Ну что ж по завещанию?

Аммос Федорович. Да ну вот здесь и запятая. Начал было хорошо, а конца и не сведешь.

Артеми́й Филипович. Запрет прямо, да поехал криво. Нет, что толковать. Эти дела не так делаются. Ну зачем наш

пришел Эскадрон? Это вы, Аммос Федорович, выдумали, представиться на военную ногу. Представиться нужно по одиночке, да между четырех глаз, и того... как там следует, да чтобы и уши не слышали. Вот как в обществе благоустроенном делается; а как один прежде попробует, так потом и другим будет известно, как нужно поступить.

П о ч т м е й с т е р. Вот это так.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Пожалуй, попробуем. Вот вы, так как в вашем заведении высокий посетитель вкусил хлеба, так вы первые представитесь.

А р т е м (и й) Ф и л и п (о в и ч). Почему же мне? а я полагаю, что приличнее Ивану Кузмичу, так как почмейстеру...

П о ч т м е й с т е р. Почему же мне? гораздо же более это идет Аммосу Федоровичу как судье...

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Аммосу Федоровичу, Аммосу Федоровичу! Так все на Аммоса Федоровича. Почему же не Луке Лукичу как образователю юношества? Священнее уже нет этой должности.

Л у к а Л у к и ч. Нет, Господа, не могу. Я, признаюсь, так воспитан, что заговори только со мною кто-нибудь одним чином меня повыше, то у меня просто и души нет, и язык, чувствую, как бы в грязь завязнул. Нет, Господа, увольте, право, увольте.

А р т е м и й Ф и л и п о в и ч. И в самом деле, как ни поворачивай дело, а никому другому нельзя взяться за это, кроме вас, Аммос Федорович. У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Что вы! что вы: Цицерон! смотрите, что выдумали. Что иной раз увлечешься, говоря о домашней своре, да о какой-нибудь гончей ищейке...

В с е (п р и с т а ю т к н е м у). Нет, вы не только о собаках, вы и о сотворении мира... нет, Аммос Федорович, не оставляйте нас, будьте отцом нашим!.. Нет, Аммос Федорович.

А м м о с Ф е д о р о в и ч. Отвяжитесь, Господа! *(В это время слышны шаги и откашливание в комнате Хлестакова. Все спешат наперерыв к дверям, толпятся и стараются вытти, что происходит не без того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицания.)*

Г о л о с Б о б ч и н с к о г о. Ой, Петр Иванович, Петр Иванович! наступили на ногу.

Г о л о с З е м л я н и к и. Отпустите, Господа, хоть душу на

покаяние, совсем прижали. (*Выхватываются несколько восклицаний: ай, ай, наконец все выпираются и комната остается пуст(а).*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрипнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин; роскошь такая, даже вспотел. Мне, однако же, верно чего-нибудь прекрепкого подсунули вчера за завтраком, шнапс что ли, только до сих пор еще в голове как будто бы что-то стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Вот это я люблю! Это по-моему. Я на счет этого странный человек; я не знаю, как другие, но мне вообще нравится такая жизнь. Я не требую больше ничего, как только чтобы оказывали мне внимание, чтоб я видел желание угождать. Словом, чтобы все это было радушно, как говорится, от сердца, а не то что, чтобы из какого интереса. А дочка Городничего очень недурна, да и матушка такая, что еще можно бы..... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Хлестаков и *Судья*.

Судья (*входя и останавливаясь, про себя*). Боже, Боже, вынеси благополучно; так вот коленки и ломает. (*Вслух, вытянувшись и придерживая рукою шпагу*.) Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, Коллежский Ассессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Судья. С 816-го был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно однако же быть судьей?

Судья. За три трехлетия представлен к Владимиру 4-й степени с одобрения со стороны начальства.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна 3-й степени уже не так. Слишком уже, знаете, обыкновенно, и Регистратор и все носят и столоначальни(ки).

Судья (*в сторону*). Выдумал, да Бог знает, удастся ли. Сердце, чорт побери, так и колотится. Придумал-то я выронить как-нибудь на пол как будто бы ненароком, да и броситься поднимать их. Да чорт его знает, как оно выйдет. Ай! упали... ну, батюшка... (*роняет ассигнации на пол и наклоняется поднять их*).

Хлестаков. А что вы... *(подвигает несколько стул свой)*.

Аммос Федорович *(в сторону, почти потерявшись)*.

О боже, вот уже я и под судом, и тележку подвезли схватить меня.

Хлестаков. Что вы уронили что-то?

Аммос Федорович. Упали какие-то ассигнации; я полагал, что не с вашего ли стола. *(В сторону.)* Ну все кончено, пропал! пропал!

Хлестаков. А позвольте, я посмотрю, может быть, точно не мои... ли. Мне, признаюсь, по рассеянности случалось очень часто ронять деньги. А извозчику почти всякой раз случается по ошибке дать вместо четвертака золотой полумпериял.

Аммос Федорович. Я полагаю тоже, что это ваши. *(В сторону.)* Ну смелее, смелее, вывози, пресвятая мать.

Хлестаков. Больше трехсот, кажется, рублей. Не знаю, право, может быть, и мои. Я никогда не знаю, сколько у меня денег. А если на всякой случай нет, так все равно: вы мне дайте их взаймы; а я вам потом пришлю.

Аммос Федорович. Помилуйте: таким принятием можно просто осчастливить человека.

Хлестаков. Да я вам из деревни на следующей же неделе пришлю.

Аммос Федорович *(вставая, с тем чтобы идти)*. Зачем же, я подожду. Не извольте никак беспокоиться. Если и в другом чем... Стоит приказать.

Хлестаков. Хорошо, хорошо. А вы уже уходите!

Аммос Федорович. Не смею отнимать времени, оп-ределенного на священные обязанности.

Хлестаков. Прощайте! Ведь мы с вами увидимся.

Аммос Федорович. Готов явиться по первому приказанию. *(В сторону, уходя.)* Город наш!

Хлестаков *(по уходе его)*. Судья хороший человек?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Хлестаков и Почтмейстер, входит, вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: Почтмейстер Надворный Советник Шпекин.

Хлестаков. А, покорнейше благодарю за то, что пожаловали. Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Ведь вы здесь всегда живете?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно — ну что ж? Ведь это не Столица. Не правда ли, ведь это не Столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в Столице бон-тон, и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не правда ли?

Почтмейстер. Так точно-с. *(В сторону.)* А он, однако ж, ничуть не горд; обо всем расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь. Ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо.

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только радушие, чтобы были только все хорошие люди, чтобы тебя уважали, любили искренно — не правда ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Я таков. Может быть, другим я покажусь *(странным)* в этом отношении, но что ж делать, у меня уж это характер. *(Глядя в глаза ему, говорит про себя.)* А попрошу-ка я у этого Почтмейстера *взаимы!* *(Вслух.)* Какой странный, однако ж, со мною случай: в дороге совершенно издержался. Не можете ли вы мне дать сколько-нибудь денег *взаимы?*

Почтмейстер. Сколько прикажете.

Хлестаков. Ну да рублей каких-нибудь двести; а я вам завтра же пришлю из деревни.

Почтмейстер. Сей час. *(Шарит в кармане и вынимает ассигнации.)*

Хлестаков. Очень благодарен, а я, признаюсь, знаете, в дороге то и другое, а я никак не люблю отказывать себе ни в чем, да и к чему, не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с *(встает, вытягивается и придерживает шпагу)*, не смея долее беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Хлестаков. Прощайте, прощайте! Хорошо, хорошо. *(По уходе почтмейстера раскуривает сигарку.)* Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек. По крайней мере, услужлив, я, признаюсь, отчасти люблю таких людей, с которыми можно объясняться прямо.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Хлестаков и Лука Лукич, который почти выталкивается из дверей. Сзади его слышен голос почти вслух: “Чего робеешь?”

Лука Лукич (*вытягиваясь не без трепета и придерживая шпагу*). Имею честь представиться: смотритель училищ, Титулярный Советник Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим, садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку (*подает ему сигарку*).

Лука Лукич (*про себя в нерешимости*). Вот тебе раз! Уж этого никак не предполагал. Брать или не брать?

Хлестаков. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я куривал сигарочки по 25 рублей сотенка, так просто ручки потом себе поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите! (*Подносит ему свечу.*)

Лука Лукич *пробует закурить и весь дрожит.*

Хлестаков. Да не с того конца.

Лука Лукич (*от испуга выронил сигару, плюнул и махнул рукою, про себя*). Чорт побери все! сгубила проклятая робость!

Хлестаков. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот еще на счет женского полу никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся, брюнетки или блондинки?

Лука Лукич *находится в совершенном недоумении, что сказать.*

Хлестаков. Нет, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

Лука Лукич. Не смею знать.

Хлестаков. Нет, нет, не отговаривайтесь. Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Лука Лукич. Осмелюсь доложить... (*в сторону*) и сам не знаю, что говорю, в голове все пошло кругом.

Хлестаков. А, а, не хотите сказать. Верно уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую загвоздочку. Признайтесь, сделала.

Лука Лукич *молчит.*

Хлестаков. О, о! Покраснели. Видите, видите. Отчего ж вы не говорите.

Лука Лукич. Оробел, Ваше Бла... Преос..... Сия... (*в сторону*) продал, проклятый язык, продал!

[Handwritten text in Russian, likely a manuscript or a page from a book. The text is dense and appears to be a mix of printed and handwritten content, possibly a review or a commentary. The handwriting is in Cyrillic script. The text is mostly illegible due to the quality of the scan and the cursive nature of the script. Some words like "Ревизор" and "Действие IV" are visible in the caption below, suggesting the text is related to a play or a literary work.]

“Ревизор”. Из редакции второго издания. Копия рукой неустановленного лица с авторской правкой. Действие IV. Последняя страница с окончанием явления 5, исправлениями явлений 6 и 7 и вписанным авторской рукой текстом явления 8. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург

Хлестаков. Орбели? А в моих глазах точно есть что-то такое, что внушает робость. Магнетическое, не правда ли? Редкая женщина выдержит даже, если я посмотрю; не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста... Со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать сколько-нибудь денег взаймы. Я вам завтра же отдам.

Лука Лукич (*хватается за карманы, про себя*). Вот те штука, если нет! Есть, есть. (*Вынимает и подает, дрожа, ассигнации.*)

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич (*вытягиваясь и придерживая шпагу*). Не смею долее беспокоить присутствием.

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич *летит вон почти бегом*¹.

〈ОТДЕЛЬНЫЕ ИСПРАВЛЕНИЯ, ВНЕСЕННЫЕ В ЯВЛЕНИЯ 6—7. ЯВЛЕНИЕ 8〉

За сим следует сцена Хлестакова с Артемьем Филиповичем², как и в печатном³.

На странице 116⁴ небольшой монолог Хлестакова⁵ должен быть сокращен именно таким образом.

Я признаюсь — это моя слабость — но люблю хорошую Кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

На странице 120, начиная с 11 строки, следует⁶ так:

Д о б ч и н с к и й. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в Приказ Общественного Призрения.

---

¹ Здесь заканчивается текст явления 5, далее в АК4 следуют исправления, внесенные в 6—7 явления, и текст явления 8.

² Т.е. явление "Хлестаков и Артемий Филипович" (в первом издании — четвертое, во втором — шестое).

³ Т.е. в первом издании "Ревизора" (Р36).

⁴ Здесь и в трех нижеследующих случаях имеются в виду страницы первого издания (Р36).

⁵ Текст монолога (из явления "Хлестаков и Артемий Филипович") в первом издании см.: с. 405—406 наст. изд. ("Я, признаюсь, очень люблю — не правда ли?").

⁶ Текст нижеследующего фрагмента (из явления [5]7: "Хлестаков, Бобчинский и Добчинский") в первом издании см. с. 407 наст. изд.

Хлест(а)ков. Да ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский (шаря в карманах). У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня всего 40 ассигнациями.

Добчинский (смотря в бумажник). Двадцать пять рублей всего.

Бобчинский. Да вы поищите-то получше, Петр Иванович. У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Добчинский. Нет, право, и в прорехе нет, кроме мелочи серебром, Петр Иванович.

Хлестаков. Ну все, все равно: нет ста, я возьму 65. Ведь это всего на три дни, а там я вам их возвращу (принимает деньги).

На странице 121 последняя строка должна быть так:

Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно?

На странице 123 весь монолог Хлестакова⁸ должен быть заменен следующим:

Хлестаков один. Здесь, однако ж, много чиновников. Теперь, как начинаю я хорошенько рассматривать, они верно полагают, что я в большом ходу в Петербурге. Моя физиогномия, как я заметил, сделала на них большое впечатление. Да и в самом деле, я точно мог показаться им чем-то необыкновенным, в роде гран-жан: для провинциального какого-нибудь жителя вдруг увидеть приехавшего из столицы, с другим образованием и в столичном костюме, в этом есть точно что-то околдовывающее. Дурачье, впрочем, должно быть ужасное, в голове, я чай, только посвистывает. А посмотрим, сколько у меня денег: (считает ассигнации) сто, двести... какая замасленная!.. пятьсот, семьсот... ого! перевалило за тысячу!.. тысяча сто, тысяча двести... да, кушик не дурен... А ну-ка, пехотный капитан! а попадись-ка ты мне теперь, я бы уж тебе дал знать. Это, однако ж, благородная черта с их стороны, что они мне дали денег взаймы. Что ни говори, это похвально! Право, обо всем этом стоит написать в Петербург к Тряпичкину: он там сочиняет разные статейки, пусть-ка между прочим он их отбреет хорошенько. Ей, Осип! подай мне бумаги и чернил. (Осип выглянул в дверь, сказавши: сей час!) Нельзя отнять от Тряпичкина: бойко бестия пишет. А ведь подлец, у! ка-

---

⁷ В первом издании эта строка (из явления "Хлестаков, Бобчинский и Добчинский") читается так: "Хорошо; я..." (см. с. 408 наст. изд.).

⁸ Имеется в виду явление "Хлестаков" (в первом издании — шестое, во втором — восьмое). Текст явления в первом издании см. с. 409 наст. изд.

кой подлец! и надуть так надует, что только держись, но остроумие
необыкновенное, уж такая шпилька: отца родного не пожалеет.
И деньгу тоже любит.

Явлен(ие 9.) О с и п приносит бумагу и чернила и проч. и проч.

Варианты

РЕВИЗОР

*Варианты исправленного Гоголем в 1842 г. текста первого издания "Ревизора" (АР36),
Сочинений Гоголя 1842 г. (Соч. 1842),
Сочинений Гоголя 1855–1856 гг. (Соч. 1855)*

С. 5

В АР36 эпитафия отсутствует.

С. 7

⁹ Артемий Филиппович / Артемий Филиппович (АР36)¹

⁹ Земляника / Земляника (АР36)²

¹⁴ Иван Александрович Хлестаков / Александр Иванович Хлестаков (АР36)

¹⁶ Христиан / Христиан (Соч. 1842, Соч. 1855)³

¹⁸ Растаковский / Ростановский (АР36)

²⁵ Февронья Петрова Пошлепкина / Февронья Петрова Пошлепина (АР36); Февронья Петровна Пошлепина (Соч. 1842, Соч. 1855)

²⁶ Слов: Жена унтер-офицера. — в АР36 нет.

С. 8

⁴ но ведет себя / однако ведет себя (Соч. 1842, Соч. 1855)

⁵ сурьезен / серьезен (Соч. 1842, Соч. 1855)⁴

^{9–10} в своем мундире с петлицами и ботфортах со шпорами / в своем мундире с петлицами и в ботфортах со шпорами (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹⁹ лет 23-х / лет двадцати трех (Соч. 1842, Соч. 1855)

^{27–28} любит себе самому читать нравоучения / любит самому себе читать нравоучения (Соч. 1842, Соч. 1855)

³⁴ и чрезвычайно похожи друг на друга / чрезвычайно похожи друг на друга (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 9

² выше и сурьезнее / выше, серьезнее (Соч. 1842, Соч. 1855)

---

¹ Такое же соотношение вариантов сохраняется в первом действии и далее; в действиях третьем, четвертом (за исключением нескольких случаев), пятом: Артемий Филиппович.

² Такое же соотношение вариантов сохраняется и далее, за исключением одного случая: с. 14, строки 17–18: А подать сюда Землянику!

³ Такое же соотношение вариантов: с. 12, строки 2, 5, 29–30, 31.

⁴ Такое же соотношение вариантов: строка 27.

- ³ *После слов:* и живее Добчинского. — Оба в серых фраках, желтых нанковых панталонах. Сапоги с кисточками. Представляются Добчинский в широком фраке бутылочного цвета; Бобчинский в прежнем гарнизонном мундире (АРЗ6)
- ¹² *После слов:* услужлив и суетлив. — Костюм его: довольно широкой фрак, но в четвертом действии является в узком губернском мундире с короткими рукавами и огромным воротником, почти захватывающим уши (АРЗ6)
- ¹⁵ пред глазами / перед глазами (Соч. 1842, Соч. 1855)
- ¹⁵ *После:* пред глазами. — Гости должны быть ~ с его характером (АРЗ6 — полный текст, совпадающий с редакций первого издания, см. с. 363 наст. изд.).
- ^{16–21} *Текста:* Гг. актеры ~ весь эффект. — в АРЗ6 нет.
- ¹⁶ Гг. актеры / Господа актеры (Соч. 1842, Соч. 1855)
- ^{18–19} в один миг ока / в один миг (Соч. 1842, Соч. 1855)
- ²⁰ сих замечаний / этих замечаний (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 10

- ¹ Действие первое / Действие I (АРЗ6)⁵
- ^{8–10} К нам едет ревизор. ~ А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Как ревизор? / К нам едет из Петербурга ревизор. А м м о с Ф е д о р о в и ч. Ревизор? А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Из Петербурга ⁶ (АРЗ6)
- ¹¹ Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще / Ревизор из Петербурга, [да еще] инкогнито [с(?)]. И еще (АРЗ6)
- ^{11–12} с секретным предписанием / с секретным предписанием (Соч. 1842, Соч. 1855)
- ^{16–17} *Реплика Луки Лукича:* Господи ~ с секретным предписанием. — *вписана, при этом прежний вариант реплики (издания 1836 г.: Лу к а Лу к и ч (в испуге). Инкогнито?) не зачеркнут (АРЗ6).*

С. 11

- ⁴ Вчерашнего дня я / Вчерашнего дня (Соч. 1842, Соч. 1855)
- ^{6–7} на скрипке / на скрипке (Соч. 1842, Соч. 1855)
- ¹² Г о р о д н и ч и й. Зачем! Так уж, видно, судьба. (Вздохнув.) / Г о р о д н и ч и й (испуская вздох). Зачем! так уж, видно, судьба! (Вздохнув.) (АРЗ6, Соч. 1842, Соч. 1855)⁷
- ¹⁸ чтоб узнать / чтобы узнать (Соч. 1842, Соч. 1855)
- ¹⁹ Еще и умной человек. / Еще умный человек! (Соч. 1842, Соч. 1855)
- ²⁶ я кое-какие распоряженья / кое-какие распоряженья ⁸ (АРЗ6); я кое-какие распоряжения (Соч. 1842, Соч. 1855)
- ²⁶ Слова: сделал — нет (АРЗ6)
- ³⁴ над каждой кроватью / над каждой кроватью (Соч. 1842, Соч. 1855)
- ³⁵ по-латыне / по-латине (Соч. 1842, Соч. 1855)

⁵ В АРЗ6 и далее номера действий обозначены римскими цифрами (в дальнейшем не отмечается).

⁶ Здесь и далее звездочкой отмечены стертые, едва читаемые варианты.

⁷ *Ремарка (испуская вздох) в АРЗ6 не зачеркнута, но, по-видимому, отменена новой ремаркой: (Вздохнув.).*

- 38–39 если б их было меньше / если бы их было меньше (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 12
- 12 с маленькими гусенками / с маленькими гусенятами (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 20 над самым шкапом / над самым шкафом (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 22–23 опять его можете повесить / опять можете его повесить (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 24 как будто бы он сейчас вышел / как будто бы сейчас вышел (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 39 волтерянцы / волтериянцы (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 13
- 24–25 не может обойтись, чтобы / не может обойтись без того, чтобы (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 26 из-под галстука / из-под галстуха (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 30 г. ревизор / господин ревизор (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 34 наш предводитель / наш [уездный] предводитель (АРЗ6)
- 37 я должен вам заметить / должен вам заметить (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 40 покамест говорил / покамест говорил (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 40 об ассирианах / об ассирианах (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 14
- 8 Таков уже неизъяснимый закон / таков уж неизъяснимый закон (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 9 рожу такую состроит / рожу такую строит (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 21 Почтмейстер / Почмейстер (АРЗ6)
- 24 Слышал / Слышал, как же [♦] (АРЗ6)
- 33 Это уже известно / Это уж известно (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 33 у меня письмо / [письмен(ное²)] у меня письмо (АРЗ6)
- 36 Антон Антоныч / Антон Антонович (АРЗ6)
- С. 15
- 2 какого-нибудь доноса / какого-нибудь [♦] (АРЗ6)
- 3–4 нельзя ли вам / нельзя вам ^{♦*} (АРЗ6)
- 9 Это я делаю / Это я умею делать и без та(ких) ^{♦**8} (АРЗ6)
- 12 с наслажденьем прочтешь / с наслаждением прочтешь (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 20–21 описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо / описал бал в самом игривом слогe [♦] (АРЗ6)
- 32 это дело семейственное / это дело семейное (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 35 собачонкою / собаченкою (АРЗ6, Соч. 1842)
- 39 Батюшки, не милы мне теперь / Батюшка, не милы мне теперь (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 40 У меня инкогнито / У меня [теперь] инкогнито (АРЗ6)

⁸ Здесь и далее двумя звездочками отмечены стертые варианты, которые удалось прочитать лишь частично.

- 40–41 Так и ждешь ~ шасть... / а. Так вот и ждешь, что вот откроются двери и шасть...; б. Так [вот] и ждешь — *Далее как в тексте (AP36)*
- С. 16
- 10 Э, позвольте / Позвольте же ^{♦*} (AP36)
- 27 Так я, вот / Так, вот [♦] (AP36)
- 27 к Коробкину / к Коробкину Антипу Пантелеевичу ^{♦**} (AP36)
- 27–28 А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому / а. А не заставши Коробкина, забежал по дороге мимо(?) переулка, где живет Федор Еремеевич Растаковский^{**}; б. *Как в тексте, со следующим вариантом (AP36):*
- 28 к Растаковскому / к Растановскому [♦] (AP36)
- 36 о новости-та / о новости (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 37 уж слышали об этом / уж слышали об этом (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 38 не знаю зачем-то была послана / была зачем-то по хозяйственной части услана(?) ^{♦*} (AP36)
- 38–39 к Филиппу Антоновичу / к Филиппу Филипповичу ^{♦*} (AP36)
- С. 17
- 3 отводя его руки / отводя его руку [♦] (AP36)
- 8–9 да-с, в желудке-то у Петра Ивановича / да [♦] (AP36)
- 9 в трактир / в трактир-то [♦] (AP36)
- 9–10 привезли теперь свежей семги, так мы закусим / привезли теперь свежей семги [♦] (AP36)
- 10–11 Только что ~ человек... / Только мы в трактир, а в трактире уж молодой человек ^{♦**} (AP36)
- 15 эдак / этак (Соч. 1842, Соч. 1855)⁹
- 18 А Петр-та Иванович / А Петр-то Иванович (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 22–23 а Влас и отвечай / а Влас и отвечает (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 31 так вот свыше и вразумило / как будто свыше-та так вот и вразумило^{*} [♦] (AP36)
- 39–40 изволили получить нотицию / изволили получить нотацію (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 18
- 2–3 кому же б быть / кому же быть (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 5 все обсмотрел / все осмотрел (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 7–8 Такой осмотрительной, меня так и проняло / Меня так и проняло (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 11 В пятом номере / В 5-м № (AP36); В пятом номере (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 15 недели две уж / недели две уж будет [♦] (AP36)
- 26–27 *После: Бывали трудные случаи в жизни, сходили — зачеркнуто: авось сойдут и теперь (AP36)*
- 30 лет двадцати трех или четырех / лет 23 или четырех (AP36)
- 33 старый черт / старый [старый] черт (AP36)
- 34 отправлюсь сам / отправлюсь один (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 35–36 не терпят ли проезжающие неприятностей / не терпят ли чего проезжающие [♦] (AP36)

⁹ Такое же соотношение вариантов: с. 19, строка 38; с. 56, строка 28.

- С. 19
- 2 Идем, идем / Пойдем, пойдем (Соч. 1842, Соч. 1855)
  - 9 А я / Я [◊] (AP36)
  - 10 кто зайдет / кто заглянет [◊] (AP36)
  - 11 так он жизни не будет рад / так он [просто] жизни не будет рад (AP36); так жизни не будет рад (Соч. 1842, Соч. 1855)
  - 12 а как углублюсь иной раз в записку / а как углублюсь иной раз в [дело или] записку (AP36); а как загляну в докладную записку (Соч. 1842, Соч. 1855)
  - 12–13 рукой махну / рукою махну (Соч. 1842, Соч. 1855)
  - 13 Соломон не разрешит / Соломон [не узн(ает)] не разрешит (AP36)
  - 13 а что неправда / и что неправда (Соч. 1842, Соч. 1855)
  - 35 в дрожки не поместимся / на дрожках не поместимся (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 20
- 3 Абдулин / Авдулин (AP36, Соч. 1842, Соч. 1855)
  - 5 я думаю, там уж / я чай (Соч. 1855)
  - 8 ты там кумаешься / ты там кумишься (Соч. 1855)
  - 31 Пуговицын / Пуговицин (AP36); поручик (Соч. 1842, Соч. 1855)
  - 38 *Ремарки:* (Вздыхает.) — нет (Соч. 1855)
  - 39 довольны ли / довольно ли (AP36)
- С. 21
- 2 *После:* неудовольствия... — *ремарка:* (вздыхает) (Соч. 1855)
  - 11 бросает ее / бросая коробку (Соч. 1842); бросает коробку (Соч. 1855)
- С. 22
- 2 чрез два часа / через два часа (Соч. 1855)
  - 4 что чрез месяц / через месяц (Соч. 1842, Соч. 1855)
  - 6 ты слышала / слышала (Соч. 1842, Соч. 1855)
  - 13 *После:* скорее, скорее, скорее — *зачеркнуто:* не отступая от окна (AP36)
  - 14 пока не опускается занавесь. Так занавесь и закрывает их обеих / пока не опускается занавес и не закрывает их обеих (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 23
- 8 Слово: уже — едва заметно *зачеркнуто* (AP36).
  - 21 кеатры / кеатры (Соч. 1842, Соч. 1855)¹⁰
  - 25–26 что всякая звезда значит на небе / что всякая звезда значит в небе (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 24
- 6 Что с ним сделаешь? / Что с ним делать? (Соч. 1842, Соч. 1855)
  - 29 вся склочена / вся склокочена (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 25
- 14 не плотит / не платит (Соч. 1842, Соч. 1855)¹¹
  - 17 так уж и рад / уж и рад (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹⁰ Такое же соотношение вариантов: с. 24, строка 8.

¹¹ Такое же соотношение вариантов: с. 60, строка 15; с. 85, строка 18.

- 24 самого хозяина / самого хозяйна (АР36)
- 36 Случай только не привел. / а. повстречать с ним**; б. Случай только не приве(далее нечетко написанное д с буквой ъ на конце) (АР36); Случай только не приведет. (Соч. 1855)
- 38 уж просто / уж право [◊] (АР36)
- С. 26
- 1 ни се ни то / ни то ни се (Соч. 1855)
- 17 сегодня / сегодня же (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 26–27 если не поесть день / еслн не поест день (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 36 эдаким / этаким (Соч. 1842, Соч. 1855)¹²
- С. 27
- 1–2 а лакей, золотая ливрея, входит (вытягиваясь и представляя лакея) / а лакей вдруг здесь этакой в золотой ливрее ^{0*} (АР36¹³); а лакей входит (вытягиваясь и представляя лакея) (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 5 так и валит / и валит (Соч. 1842)
- 25, 26 соуса / соусу (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 28
- 6–7 никакого вкуса / никакого вкусу (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 7 не хочу этого супа / не хочу этого супу (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 9–10 не нужно / не надо (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 33 чего-то / зачем-то (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 34 спрашивает о вас / спрашивает об вас (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 28–29
- 35–5 Вот тебе на! ~ съезживается). / а. ...эка bestия трактирщик, успел уже пожаловаться. Я скажу ему: как вы!.. да я, я, я... Я знать не хочу... (У дверей вертится ручка, Хлестаков бледнеет и съезживается.); б. Как в тексте, с двумя вариантами (АР36):
- С. 28
- 38 офицеры и народ / [и] офицеры и [весь] [народу] народ (АР36)
- 38 а я, как / а как [◊] (АР36)
- С. 29
- 3 выпрямливается / выпрямляется (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 21 выглядывает из дверей / выглядывая из-за дверей (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 23 черт знает чего / черт знает что (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 33 Да вот я / Да вот я, я, я [◊] (АР36)
- 33 Бодрится. / гордо (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 33 Я, я, я... / Я прямо к Министру ^{0*} (АР36)
- 38 Что вы? / Что вы! [◊] (АР36)
- С. 30
- 10 Если ж и были / Если же и были (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 11–12 Что же до унтер-офицерской вдовы / Что ж до унтер-офицерской вдовы (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹² Такое же соотношение вариантов: с. 38, строка 24; с. 42, строка 7; с. 48, строка 8; с. 65, строки 7 и 12; с. 67, строка 27; с. 68, строка 6; с. 75, строка 23.

¹³ В окончательном варианте золотая ливрея вписано между строк, место вставки четко не обозначено.

- 22 После: кто хочет! — было: черт знает* (AP36)
 23 куды / куда (Соч. 1842, Соч. 1855)¹⁴
 30 поднося бумажки / поднося бумажник (Соч. 1842, Соч. 1855)
 34 другое дело / другое дело, конечно ◊ (AP36)

С. 31

- 2 Над словами: сделайте милость, садитесь — стертый вариант: Я, признаться, даже смущен (AP36; в Ак. разобрано два следующих стертых слова: познакомимся ближе — в настоящее время они не читаются).
 18 я, кроме должности, еще / кроме должности (Соч. 1855)
 18 по христианскому / по христианскому (Соч. 1842)
 29 Слов: В Саратовскую губернию! — нет (Соч. 1842, Соч. 1855)
 31 Ведь вот относительно дороги / Ведь вот дорога ◊ (AP36)
 37 его самого потолкаться / его потолкаться ◊ (AP36)

С. 32

- 1–2 глуп, старой хрен, как бревно / глуп, [старой] хрен, как бревно (AP36); глуп, старый хрен, как бревно (Соч. 1842, Соч. 1855)
 9 уж заставляю / ужо заставляю (Соч. 1855)
 9–10 Справедливо изволили заметить / Справедливо ◊ (AP36)
 10 что можно сделать / [Ведь вот] что можно сделать (AP36)
 11 хоть бы здесь / хотя бы здесь (Соч. 1842, Соч. 1855)
 13 комната несколько сыра / комната [должна быть] несколько сыра (AP36)
 25 Нет, нет, недостоин, недостоин. / Нет. Нет. Недостоин, недостоин, не мне, не мне такая честь. ◊** (AP36)
 27 Я бы дерзнул / Я бы дерзнул пригласить вас ◊ (AP36)
 29–30 Не рассердитесь ~ предложил. / нет, не обвиняйте меня, что дерзаю вам предложить ◊** (AP36)
 31 Напротив, извольте / Извольте ◊ (AP36)
 34 У меня уж такой нрав / У меня уже такой нрав (Соч. 1842, Соч. 1855)
 37 Я сам тоже, я не люблю / Я признаюсь ◊** (AP36); Я сам тоже не люблю (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 33

- 19 Не угодно ли будет вам / Не угодно ли вам будет (Соч. 1842, Соч. 1855)
 23 порядок какой... / а. знаете, это для наблюдательного ума, если, конечно(?), любопыт(но); б. порядок какой... для путешеств(енника?) (незавершенная правка — AP36)
 32 мы обсмотрим / мы осмотрим (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 34

- 4 Добчинскому / Бобчинскому (AP36, Соч. 1842, Соч. 1855)
 13–14 после фриштика ~ губернская мадера / а. после фриштика! Есть у нас губернская мадера*; б. после фриштика! Есть у нас толсто(брюшка) — вариант не закончен*; в. после фриштика, бутылки толстоб(рюшки).

¹⁴ Такое же соотношение вариантов: с. 44, строка 38; с. 50, строка 26; с. 83, строка 10.

Есть у нас губерская мадера^{*}; г. Как в тексте, со следующим вариантом (AP36):

- 14 губернская мадера / губерская мадера (AP36)
14–15 неказиста на вид / может быть, она и не так казиста на вид ^{♦*} (AP36)
15–16 Только бы мне ~ опасаться. / а. Так мы увидим, как [оно будет] пойдет тогда дело, после шампанского^{*}; б. Так мы увидим, как пойдет тогда дело, после шампанского язычок бывает побой(чей?) (Пишет и отдает поскорее.) ^{♦*} (AP36)
24 пластырь такой / пластырь этакой (Соч. 1855)
24 так вот оно и пройдет / оно и пройдет (Соч. 1855)
33 Занавесь / Занавес (Соч. 1842, Соч. 1855)¹⁵
- С. 35
8 Было бы не слушать / Не слушать бы (Соч. 1842, Соч. 1855)
10 маминька / маменька (Соч. 1842, Соч. 1855)¹⁶
10–11 чрез минуты две / минуты через две (Соч. 1842, Соч. 1855)
12–13 в конце улицы / на конце улицы (Соч. 1842, Соч. 1855)
28 говорите же оттуда / говорите же, откуда (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 36
1 отступя от окна / отступая от окна (Соч. 1842, Соч. 1855)
6 пожалуста / пожалуйста (Соч. 1842, Соч. 1855)¹⁷
- С. 37
4 говорит совсем так, как старик / говорит совсем как старик (Соч. 1855)
16 Я ничего не понимаю / А ничего не понимаю (AP36)
26 Целуя / Цалуя (Соч. 1842, Соч. 1855)¹⁸
32, 35 Абдулину / Авдулину (AP36, Соч. 1842, Соч. 1855)
35 побежал с нею к купцу / побежал к купцу (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 38
4 туалетом / тоалетом (Соч. 1842, Соч. 1855)
18 вздор говорит / вздор говоришь (Соч. 1842, Соч. 1855)
24 за сценою / за сценой (Соч. 1842, Соч. 1855)
32 горемышное / горемычное (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 39
5 малой / малый (Соч. 1842, Соч. 1855)
5–6 пригото́вь-ка что-нибудь / пригото́вь-ка нам что-нибудь (Соч. 1842, Соч. 1855)
7, 10 простова / простаго (Соч. 1842, Соч. 1855)
21 они бегут / которые бегут (AP36)
21 снимают ее / поднимают ее (Соч. 1842, Соч. 1855)

¹⁵ Такое же соотношение вариантов: с. 70, строка 28.

¹⁶ Такое же соотношение вариантов сохраняется и далее.

¹⁷ Такое же соотношение вариантов: с. 40, строка 27; с. 42, строки 11–12 и 36; с. 46, строка 21; с. 56, строки 31–32; с. 57, строка 6; с. 76, строка 18.

¹⁸ Такое же соотношение вариантов: с. 49, строка 11; с. 75, строка 32.

- 26 заботятся о своей то есть пользе / заботятся о своей пользе
(Соч. 1842, Соч. 1855)
- 35 Очень вкусная. / Чорт возьми ^{0**} (AP36)
- С. 40
- 23 Я, признаюсь, сам люблю / Я, признаюсь, люблю (Соч. 1842);
Я, признаюсь, люблю тоже (Соч. 1855)
- 32–33 как играть в эти карты / как играть в карты (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 39–40 А у меня ~ сто рублей. / А у меня выпонтировал, подлец, еще третье-
го дня сторублевую. ⁰ (AP36)
- С. 41
- 4 от той стороны, с которой / от того, с какой стороны (Соч. 1855)
- 4–5 например, забастуешь / например, кто забастует ⁰ (AP36)
- 20 так уже непременно хотите / так непременно хотите (Соч. 1855)
- 28 посматривает на Анну Андреевну / посматривая на Анну Андреевну
(AP36)
- С. 42
- 2 Ну, конечно / Ну, [что] конечно (AP36)
- 5–6 Я только на две минуты захожу в департамент / Я приду [только]
только на две минуты в департамент ⁰ (AP36)
- 6–7 это вот так, это вот так / это вот [это вот] так, это вот так (AP36)
- 7–8 пером только / пером ⁰ (AP36)
- 10 с щеткою / со щеткою (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 16–17 Слова: прошу садиться. Городничий и все садятся. — *вписаны* (AP36).
- 18 Фразы: Я не люблю церемонии. — *нет* (Соч. 1842, Соч. 1855).
- 18–19 стараюсь, стараюсь проскользнуть / стараюсь всегда проскользнуть
(Соч. 1855)
- 20 выйду / выду (AP36)
- 26 Фразы: Да меня уже везде знают. — *нет* (Соч. 1842, Соч. 1855).
*В AP36 она едва заметно зачеркнута, хотя текст, следующий
далее, зачеркнут толстой чертой. Под ней, на нижнем поле, нача-
то:* Право, как вспомню, что за жизнь ^{0**} (AP36).
- 28–29 Бывало, часто говорю ему / бывало, часто ему говоришь ^{0**} (AP36)
- 29–30 отвечает, бывало / отвечает ⁰ (AP36)
- 35 Уж и названий даже не помню. / Я даже сам уже ^{0**} (AP36)
- 38 Слов: всех изумил — *нет* (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 44
- 10–11 это г. Загоскина / это Загоскина (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 12 даже здесь / даже и здесь (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 12–13 будет спорить / будешь спорить (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 18 литературой существую / литературой только и живу ⁰ (AP36)
- 18–21 У меня дом ~ балы даю. / Первый дом в Петербурге. Так уж и назы-
вают: дом Ивана Александровича. [Я ведь балы даю, мои первые ба-
лы] Если вы будете в Петербурге, милости прошу, господа (*далее не-
сколько слов зачеркнуто и стерто*). Комнаты у меня убраны, как ^{0**}
(AP36)
- 24 На столе, например / [Вот] На столе, например (AP36)
- 25–27 Суп в кастрюльке ~ в природе. / Из Парижа вдруг суп привезут на
пароходе, и какой суп, и какой суп, откроешь ^{0**} (AP36)

- 28–29 французский посланник, английский, немецкий посланник / французский посланник, немецкий посланник (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 31–32 “На, Маврушка ~ в бельэтаже. / а. “на, Маврушка!” а пот так в три ручья и льется! и на другой день в должность уж никак не хочешь идти, “Осип, и не буди меня! — бывало, говорю, — не пойду!” Впрочем, что я говорю, “не пойду”, экой вздор. Я и позабыл, что чиновники все ко мне приходят. Я и позабыл, что живу в бельэтаже, у меня ^{0**}; б. Как в тексте, с одним вариантом (AP36):
- 32 что живу / что я живу ⁰ (AP36)
- 33 лестница стоит / лес(т)ница ⁰ (AP36); лестница (Соч. 1855)
- 33–34 в переднюю, когда я еще не проснулся / в переднюю ⁰ (AP36)
- 34–35 жужжат там, как шмели / жужжат так, как шмели (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 36 с робостью / с робостию (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 37–38 я даже управлял / я управлял (AP36)
- 38 уехал / ехал (AP36)
- С. 45**
- 1–2 рассмотришь / рассмотреть (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 2 Слово: делать — слабо зачеркнуто (AP36).
- 3 курьеры, курьеры, курьеры / курьеры, курьеры (AP36)
- 3–5 Слов: можете представить ~ я спрашиваю? — нет (AP36).
- 7–8 послужной список тоже... / послужной список... (AP36)
- 8 Извольте, господа / Извольте, говорю, господа (AP36)
- 8–13 я принимаю, говорю ~ горячится сильнее. / только уж у меня прошу теперь ни, ни, ни!.. у меня ухо остро держите!.. У уж... и точно, бывало, как прохожу через департамент — просто землетрясение. Все дрожит и трясется, как лист. (Городничий и прочие трясутся от страха.) (AP36)
- 14–17 Да что ~ в фельдмарш... / а. Меня хотели прямо в фельдмаршал(ы); б. Меня уж было произвели в фельдма... — далее было: Я ведь штатскую этую дрянью совсем не занимаюсь, я считаюсь по военному делу <далее слово стерто, не читается>, буду близким к кавалерии* (AP36)
- 17 Поскальзывается / Подскальзывается (AP36)
- 17–18 не шлепнул на пол / не шлепается на пол (Соч. 1842); не падает на пол (Соч. 1855)
- 18 с почтеньем / с почтением (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 21 Ремарки: быстрым отрывистым голосом — нет (AP36).
- 23 Ремарки: таким же голосом — нет (AP36).
- 28 Завтрак у вас, господа, хорош... / Завтрак у вас, господа... (AP36, Соч. 1842)
- 28–29 (С декламацией.) Лабардан! лабардан! / Отличной лабардан, отличной лабардан! (AP36, Соч. 1842)
- 33 Ремарки: Добчинскому — нет (Соч. 1842, Соч. 1855).
- С. 46**
- 2 государственный-та совет / государственный-то совет (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 2–3 расскажем поскорей / расскажем поскорее (Соч. 1842, Соч. 1855)

- ⁸ как проспится / как проснется (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 8–9 Уходит в задумчивости / Уходят оба [◊] (АР36); Уходит в задумчивости (Соч. 1842, Соч. 1855)
- ⁹ произнеся / произнося (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 18 Он, однако ж, меня очень понравил / Я, однако ж, ему очень понравилась (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 47
- 1–5 И не рад ~ никакая речь. / а. И не рад, что подпоил, право. [Подгулявши, человек несет все наружу, что на сердце, то и на языке] Ну как из того, что он говорил, хоть половина правда. (Задумывается.) Да как же и не быть правде, подгулявши, человек несет все наружу. Что на сердце, то и на языке. Конечно, кое-что пригнул*; б. Как в тексте, со следующими вариантами (АР36):
- ³ все несет наружу / все несет [в] наружу (АР36)
- 3–4 Что на сердце / [Конеч(но)] Что [у него] на сердце (АР36)
- 4–5 не пригнувши не говорится / не пригнувши [немного] не говорится (АР36)
- ⁵ После: никакая речь. — было: Чем больше* (АР36)
- 13 финтюрютки / финтирюшки (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 23–24 хоть бы народ / хотя бы народ (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 24 народ-то уж / уж народ-то ^{◊*} (АР36)
- 26 ну точно муха с подрезанными крыльями / просто черт знает что такое, точно(?) муха с подрезанными крыльями ^{◊*} (АР36)
- 27 Заламливал такие / [Закидал таки(е)] Заламливал такие (АР36)
- 28 кажись, век бы не добился толку / кажись и [толку] век бы толку не добился ^{◊*} (АР36)
- 28 А вот наконец и подался. / а. Да, а теперь подался; б. А вот подался ^{◊*} (АР36)
- 29 наговорил больше / наговорил даже больше ^{◊*} (АР36)
- 31 бегут ~ и кивают пальцами / бегут ~ кивая пальцами (Соч. 1855)
- 33 Чш!.. / Тш!.. (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 48
- 1–2 слишком, я думаю, много / я думаю, много (Соч. 1855)
- 19 в мундире ходит... / в мундире ходит, или (Соч. 1855)
- 23–24 пара целковиков / пара целковых (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 49
- 9–10 тоже получишь / также получишь (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 16 Машинька / Машенька (Соч. 1842, Соч. 1855)¹⁹
- 18–19 поди только да послушай / поди только да подслушай (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 29 что ни есть на дому / что ни есть в доме (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 35 то взашей / взашей (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 35 прямо и толкайте / прямо его и толкайте (Соч. 1855)

¹⁹ Такое же соотношение вариантов: с. 83, строка 30.

С. 50

- ³ Явление I / Явление первое (АРЗ6; то же в явлениях II–V)
⁶ Слов: и Бобчинский — нет (Соч. 1855).
⁶ в полном параде / все в полном параде (Соч. 1855)
^{10–11} Стройтесь. На военную ногу / Скорей, скорей, на военную ногу $\diamond$ (АРЗ6)
¹⁵ нам нужно бы / нам нужно $\diamond$ (АРЗ6)
¹⁵ кое-что предпринять / кое-что сделать $\diamond$ (АРЗ6)
¹⁶ А что ж? / А что именно? (Соч. 1855)
²⁰ черт возьми / черт $\diamond$ (АРЗ6); Слов нет (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{21–22} а разве ~ памятник / а [разве вот что в виде приношенья со стороны на какой-нибудь] разве в виде приношенья со стороны дворянства на <ка>кой-нибудь памятник (АРЗ6); Разве в виде приношения со стороны дворянства — какой-нибудь памятник (Соч. 1842, Соч. 1855)
²³ Или же / Или [просто] же (АРЗ6)
²⁶ Слушайте, эти дела / Нет, что тут толковать. Эти дела $\diamond$ (АРЗ6)

С. 51

- ¹ чтобы и уши не слышали / да чтобы и уши не слышали (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{2–3} первый и начните / первые начните (Соч. 1842, Соч. 1855)
⁶ уж лучше Луке Лукичу / уж Луке Лукичу (Соч. 1842)
¹⁰ Нет, господа / Нет, [из(вините)?] господа (АРЗ6)
¹⁴ А м м о с Ф е д о р о в и ч / С у дья (АРЗ6)²⁰
²³ притиснули кое-кого / притиснул кое-кого (АРЗ6)
²⁷ Отпустите / Отпустите, отпустите (Соч. 1842, Соч. 1855)
²⁹ Выхватываются несколько восклицаний / [несколько] Выхватываются несколько восклицаний (АРЗ6)
²⁹ ай, ай! / ай, ой! (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁴ Кажется / [Однако ж] Кажется (АРЗ6)
³⁴ они вчера мне / мне они вчера $\diamond$ (АРЗ6; первоначальный вариант *остался незачеркнутым*)

С. 52

- ¹⁸ уже не так / уж не так (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{20–21} Точно шпиль под тобою. / Точно горячие угли под тобою. (Соч. 1842, Соч. 1855)
³⁰ все кончено / все конечно (Соч. 1842, Соч. 1855)
³² Знаете ли что / Знаете ли (Соч. 1842, Соч. 1855)
³² дайте их мне / Дайте мне $\diamond$ (АРЗ6)
^{36–37} Рядом со словами: Я, знаете ~ впрочем — было: так я, пожалуй, их возьму $\diamond^{**}$ (АРЗ6)

С. 52–53

- ^{39–1} усердием к начальству... постараюсь / усердием [постараюсь] [к началь(ству)] к начальству... постараюсь (АРЗ6)

С. 53

- ³ Не будет ли какого приказанья? / Не будет никакого приказанья? (Соч. 1842, Соч. 1855)

²⁰ Такое же соотношение вариантов: строка 20; с. 52, строки 4, 5, 11, 14, 19.

- 6 здешнему уездному суду. / здешнему уездному суду[?] ^o (AP36)
- 7–8 Зачем же? ~ надобности. / Нет, ничего. Покорнейше благодарю ^o (AP36); Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нем надобности; нет, ничего, покорнейше благодарю. (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 54**
- 1 Почему же? почту за величайшее счастье. / Почему же, почему? за величайшее счастье. (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 6 Не смея долее беспокоить / Не смею более беспокоить (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 24–25 сигарочки / сигарки (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 25 по 25 рублей / по двадцати пяти рублей (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 25 потом себе поцелуешь / себе потом поцалуешь (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 26 Подносит ему свечу. / Подает ему свечу. (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 27 пробует закурить / пробует раскурить (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 29 от страха выронил / от испуга выронил (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 29–30 махнув рукою / махнул рукою (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 32 женского полу / женского пола (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 32–33 никак не могу быть равнодушен / так не могу быть равнодушен (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 55**
- 2–3 хочется узнать / хочется знать (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 4–5 Ну и сам не знаю, что говорю. / И сам не знаю, что говорю; в голове все пошло кругом. (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 11 Преос... / превос... (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 19 хватается за карманы / хватаясь за карман (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 19–20 Вот те штука / Вот же штука (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 22 Покорнейше благодарю. / Покорно благодарю. (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 23–24 (вытягиваясь и придерживая шпагу). Не смею долее беспокоить / Не смею долее беспокоить (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 28 Явление VI / Явление IV (AP36)
- С. 56**
- 3–4 люблю хорошую кухню / [по(есть?)] люблю хорошую кухню (AP36)
- 11–12 пред моим приходом / перед моим приходом (Соч. 1855)
- 17 там уж и сидит / там уже и сидит (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 29 я все позабываю / все я позабываю (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 39 Елизавета / Елисавета (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 57**
- 4 Раскланивается с тем, чтобы уйти. / Раскланивается [и уходит] с тем, чтобы уйти. (AP36)
- 6 вы говорили / вы [вы] говорили (AP36)
- 16 Явление VII / Явление V (AP36)
- 23 Бобчинский / Добчинский (AP36, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 28 *Ремарки*: (громко и скоро) — нет (Соч. 1842, Соч. 1855).
- 36 всего 40 ассигнациями / всего сорок ассигнациями (Соч. 1842, Соч. 1855)

C. 58

- 5–6 пусть будет шестьдесят пять рублей / пусть будет [шестьдесят рублей. Пусть] шестьдесят пять рублей (AP36)

C. 59

- 3–4 Выпровождает / Выпровождает (Соч. 1842, Соч. 1855)
 5 Явление VIII / Явление VI (AP36)
 7–8 они меня принимают / что меня принимают (Соч. 1842, Соч. 1855)
 8 за государственного человека / за [сильного] государственного человека (AP36)
 8–9 Верно, я вчера им подпустил пыли. / а. Должно быть, я им вчера подпустил пыли порядочно; б. [Должно быть] Верно, я вчера им подпустил пыли. (AP36)
 9 Экое дурачье! / Эко дурачье! ◊ (AP36)
 9 напишу-ка я обо всем / напишу подробно об этом ◊ (AP36)
 11 подай мне бумагу и чернила / подай мне бумаги и чернил (Соч. 1842, Соч. 1855)
 12 О с и п выглянул / О с и п [выглянув] выглянул (AP36)
 13 если кто попадет / если это попадет (Соч. 1842, Соч. 1855)
 17 от почмейстера / от почмейстера (AP36)
 18–19 восемьсот... какая / восемьсот... [девятьсот] какая (AP36)
 21 Явление IX / Явление VII (AP36)

C. 60

- 2 гневаться за то, что так / гневаться, что так (Соч. 1842, Соч. 1855)
 8 умрет со смеху / умрет совсем (Соч. 1842, Соч. 1855)
 11 Ремарки: (пишет) — нет (Соч. 1842, Соч. 1855).
 15 не платит / не платит (Соч. 1842, Соч. 1855)
 23–24 не велено впускать / не велено пускать (Соч. 1842, Соч. 1855)
 35–36 Прикажи, государь / Прикажите, государь (Соч. 1842, Соч. 1855)

C. 61

- 5 Явление X / Явление VIII (AP36)
 17 чем-нибудь не уважали его / чем-нибудь не уважили его (Соч. 1842, Соч. 1855)
 17–18 а то мы уж порядок всегда исполняем / Уж мы знаем порядок ◊* (AP36)
 18–22 чо следует ~ его ко мне / Уж там на пару платья, что ли, супружнице или дочке, мы от этого не прочь(?). То уж законное, и пословица говорит, не ходи с одной. Взойдет, в лавке, что ни пришлось ему на вид, малой, говорит, снеси ко мне ◊ (AP36)
 18 чо следует / что следует (Соч. 1842, Соч. 1855)
 22 в штуке-то / в штуке-та (Соч. 1842, Соч. 1855)

C. 62

- 6 рублей 300 / рублей триста (Соч. 1842, Соч. 1855)
 6 дело другое: займы я могу взять / другое дело: я могу взять (Соч. 1842, Соч. 1855)
 17 в дороге все пригодится / на дороге все пригодится (Соч. 1842, Соч. 1855)
 27 Я на тебя нажалуюсь / на тебя нажалуюсь (Соч. 1842, Соч. 1855)

- 30 Голос двух женщин / Голоса двух женщин.
(Соч. 1842, Соч. 1855)
- 30 Милости твоей, отец, прошу! / Милости твоей прошу! $\diamond$ (AP36)
- 33 Явление XI / Явление IX (AP36)
- 37 что вы за женщина / что вы за женщины (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 63
- 1–2 Февронья Петрова Пошлепкина / Февронья Петрова Пашлепкина
(AP36, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 19 он уж тебе не годится / он уже тебе не годится (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 22–23 Слов: я слабой человек, подлец ты такой! — нет (Соч. 1842,
Соч. 1855).
- 25 Выпровождает / Выпровождает (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 27 отец наш / отец мой (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 28 На городничего, батюшка, пришла... / На городничего, [отец мой] ба-
тюшка, пришла... (AP36)
- 29 зачем? говори / зачем? [как?] говори (AP36)
- 32 По ошибке / [Бабы] По ошибке (AP36)
- 33 да и схвати меня / да и схватила $\diamond$ (AP36)
- 34 два дни / два дня (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 35 что ж теперь / что ж мне $\diamond$ (AP36)
- 37–38 неча / нечего $\diamond$ (AP36)
- 38 денга ~ пригодилась / деньги бы мне теперь очень пригодились
(Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 64
- 1 В окно / В окна (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 7 За ним / за нею (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 9 Упирается ему / Упирается первому (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 11 Явление XII / Явление X (AP36)
- С. 65
- 5–6 лучше, нежели всякая погода / лучше всякой погоды (Соч. 1842,
Соч. 1855)
- 25 Отдвигает / Отодвигает (Соч. 1855)
- 26 Ремарки: (придвигая стул) — нет (Соч. 1842, Соч. 1855).
- 30 придвигая / придвигаясь (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 37 какая другая / другая какая (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 66
- 3–4 провинциалку / провинциялку (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 9 Явление XIII / Явление XI (AP36)
- 10 Анна Андреевна / Анна Андревна (AP36)²¹
- 11 увидев Хлестакова / увидя Хлестакова (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 21 она тоже очень аппетитна / она тоже аппетитна (Соч. 1842,
Соч. 1855)
- 24–25 Как, вы ~ встаньте, встаньте / а. Ах, встаньте, как можно становить-
ся на колени и притом; б. Как, вы на коленях! Ах, встаньте, ради бога,
встаньте $\diamond^*$ (AP36)

²¹ Такое же соотношение вариантов в аналогичных случаях в явлениях XIII и XIV.

- 37 После: Законы осуждают — зачеркнуто: предмет моей любви (AP36)
37 удалимся под сень струй / удалимся на берегу реки [◊] (AP36)

С. 67

- 1 Явление XIV / Явление XII (AP36)
3 папинька / папенька (Соч. 1842, Соч. 1855)
4 на коленях / на коленях (Соч. 1842, Соч. 1855)²²
10 когда ты будешь вести себя / будешь вести себя (Соч. 1842, Соч. 1855)
17 не нужно / не должно (Соч. 1842, Соч. 1855)
20 Анна Андревна / Марья Андревна (AP36)
26 из-за тебя / из тебя [◊] (AP36)
28 счастья / счастья (Соч. 1842, Соч. 1855)
31 Явление XV / Явление XII (AP36)
33 Ваше Превосходительство! / Не буду, ваше превосходительство! (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 68

- 17 Я могу от любви / Я могу [быть] от любви (AP36)

С. 69

- 1–3 Целуются ~ как дело-то пошло! / Да, да, целуются! точно целуются. Как будто бы точно жених! Эх! какое счастье привалило. Вот тебе на! (Соч. 1842, Соч. 1855; в Соч. 1855 — в обоих случаях: целуются)
8 Как-с. Изволите / Изволите (Соч. 1842, Соч. 1855)
12 На одну минуту только... / А это у меня вдруг, я еду только [◊] (AP36); А это у меня вдруг, я еду только (Соч. 1842, Соч. 1855)
17 Целует / Цалует (Соч. 1842)
28 самыми / самими (AP36)
28, 30 новинькими / новенькими (Соч. 1842, Соч. 1855)
33–34 После: за ваше гостеприимство — было: Я, признаюсь от всего сердца* (AP36)

С. 70

- 10 застлать / заслать (AP36)
17 Когда же / Так когда же (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 71

- 19 призови-ко / призови-ка (Соч. 1842, Соч. 1855)
20 каналов / канальев (Соч. 1842, Соч. 1855)
24 чтоб знали / чтобы знали (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 72

- 31 жизнь нужно совсем переменить / жизнь надо будет совсем переменить (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 73

- 1 ряпушка / рябушка (AP36)
3 Ему все бы только рыбки! / Ему бы все только рыбки! (Соч. 1842, Соч. 1855)
5 и нужно бы / и надо бы (Соч. 1842, Соч. 1855)

²² Такое же соотношение вариантов: строка 27.

- 13 надувайлы мирские / надувалы морские (Соч. 1842, Соч. 1855)
 16–17 слова отпускаешь / слова произносишь (Соч. 1842, Соч. 1855)
 20–21 Теперь я вас!.. у! / Теперь я вас!.. (Соч. 1842, Соч. 1855)
 21 обманываете народ / обманываете народ, беспорточники ^{0*} (АРЗ6)
 28 Отче наша не знаешь / “Отче наш” не знаешь (Соч. 1842, Соч. 1855)
 28–29 а уж обмериваешь / а уже обмериваешь (Соч. 1842, Соч. 1855)
 29 разодмет тебе брюхо / разопрет тебе брюхо (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 74**
- 6 втоптал в самую грязь / втопал в самую грязь (АРЗ6)
 35 Душевно вас поздравляю / Душевно поздравляю вас (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 75**
- 18 в большом, в большом счастья / в большом, большом счастья (Соч. 1842, Соч. 1855)
 23 ентакого-с / энтакого-с (Соч. 1842, Соч. 1855)
 24 на ладоньку посадить / на ладонку посадить (Соч. 1842, Соч. 1855)
 26 Явление VI / Явление IV (АРЗ6)
 27 Еще несколько гостей, подходящих к ручкам. / Еще не несколько гостей подходят к ручкам. (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 76**
- 7 Настинька / Настенька (Соч. 1842, Соч. 1855)
 15 на многие лета / на многия лета (Соч. 1842, Соч. 1855)
 24 Слова: говорит — нет (Соч. 1842, Соч. 1855).
 34 на колени / на колена (Соч. 1842)
 35–36 не сделайте меня несчастнейшим / не сделайте несчастнейшим (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 77**
- 11–12 лезет всегда в рот счастье / лезет всегда счастье в рот ⁰ (АРЗ6)
 24–25, 26 испросить благословения / испросить благословение (Соч. 1842, Соч. 1855)
 34 Боже / Бог (Соч. 1842, Соч. 1855)
 37–38 того ж желаю / того же желаю (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 78**
- 13–14 Слова: Вот выкинет штуку, когда — едва заметно зачеркнуты (АРЗ6).
 15 Ну, брат, нет / Нет (Соч. 1842, Соч. 1855)
 27 заступите сиротке место отца / место отца заступите сиротке (Соч. 1842, Соч. 1855)
 37–38 Что ж ~ под свято лезет... / Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за стол, она и ноги свои... ⁰ (АРЗ6; в первоначальном варианте зачеркнуто только: я ее знаю: по); Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за стол, она и ноги свои... (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 79**
- 1 Явление VIII / Явление IX (АРЗ6)
 10–11 Почтамтскую улицу / Почтамтскую улицу (АРЗ6)
 11–12 Слова: “Ну, — думаю себе ~ начальство” — вписаны (АРЗ6).

- 15–16 с эстафетой / с эстафетой (Соч. 1842, Соч. 1855)
 18 так вот и слышу / [слы(шу)] так вот и слышу (АР36)
 19 словно бес какой шепчет / словно бес какой [◊] (АР36)
 24–25 и не уполномоченный / не уполномоченный (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 80
 2 как вдруг ~ по костюму / как по моей петербургской физиономии [◊] (АР36)
 4 напропало / напропалую (Соч. 1842, Соч. 1855)
 4–5 не решился только / не решаюсь только (Соч. 1842, Соч. 1855)
 5–6 потому что, кажется, готова сейчас на все услуги / она готова на все услуги ^{◊*} (АР36)
 6–7 Помнишь, как мы с тобой бедствовали / Помнишь, как мы бедств(во-вали) ^{◊*} (АР36)
 9 аглицкого / английского (Соч. 1842, Соч. 1855)
 11 Ты, я знаю ~ литературу. / Пожалуста, Тряпичкин, помести ^{◊**} (АР36)
 26 тут обо мне тоже он / тут он и обо мне тоже (Соч. 1842, Соч. 1855)
 35 нужно посечь / надо высечь (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 82
 31 Ляпкин-Тяпкин / Ляпкин-Тряпкин (АР36)
 38–39 хочешь наконец пищи для души / насчет чувств(?) [слова], а все что ^{◊**} (АР36)
- С. 82–83
 39–1 Вижу ~ заняться. / чем-нибудь высоким заняться [◊] (АР36); Вижу: точно надо чем-нибудь высоким заняться. (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 83
 4 в С.-Петербург / в Санктпетербурге (Соч. 1842, Соч. 1855)
 4 под № 97 / под номером девяносто седьмым (Соч. 1842, Соч. 1855)
 5 в 3 этаже / в третьем этаже (Соч. 1842, Соч. 1855)
 8 свиные рылы / свиные рыла (Соч. 1842, Соч. 1855)
 11–12 дать и впредь предписание / дать и вперед предписание (Соч. 1842, Соч. 1855)
 13–14 вот беспримерная конфузия / вот уж беспримерная конфузия (Соч. 1842, Соч. 1855)
 23 бьет себя по лбу / бьет себя по плечу (АР36, Соч. 1842, Соч. 1855)
 26–27 готовы обворовать / готовы обокрасть (Соч. 1842, Соч. 1855)
 32 В иступлении. / *Ремарка* вписана (АР36); В изумлении. (Соч. 1842, Соч. 1855)
 33–34 Вот смотрите ~ одурачен городничий! / а. Вот смотрите, как городничий с ума спятил. Смотрите, смотрите, смотрите; б. Вот смотрите, весь мир, смотрите, смотрите, как одурачен Городничий ^{◊*} (АР36)
 33 христианство / христианство (Соч. 1842, Соч. 1855)
 34–35 Грозит самому себе кулаком. / Грозит себе самому кулаком. ^{◊*} (АР36)
 35–36 Сосульку, тряпку принял за важного человека! / Вон(?) сосульку, черт знает что, тряпку принял за важного человека ^{◊*} (АР36)
 36–37 Вон он теперь ~ колокольчиком! / Вон [по всей] теперь по всей дороге с колокольчиком ^{◊*} (АР36)

- 37 Разнесет по всему свету историю. / По всему свету разнесет историю. $\diamond^*$ (AP36)
- 37–40 Мало того ~ над собою смеетесь!.. / а. Мало, что оду(рачен[?]), в по-смеянье, в притчу(?) пойдешь. И что досаднее всего, что после какой(-нибудь?) щелкопер, бумагомарака в комедию тебя вставит. Вот что обидно, что званья не пощадит, чину, и будете потом все скалить зубы и (бить) в ладоши. Чего смеетесь, над собой же смеетесь*; б. Как в тексте, с одним вариантом (AP36):
- 38 найдется щелкопер, бумагомарака / найдется щелкопер, [черни(..?)] бумагомарака (AP36)
- 39 званья не пощадит / звания не пощадит (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 83–85
- 40–4 Эх вы! ~ некоторого молчанья. / а. Эх вы... [Вот бы] Уж я бы этих [щелкоперов] бумагомарак. Уж я бы на них (топает). У, щелкоперы, бьет(?) себя в кулак. Чортово семя. Узлом бы всех(?) взял. В муку стер бы всех, да черту на шапку в подкладку прямо. После недолгого молчанья*; б. Как в тексте, с одним вариантом (AP36):
- С. 83
- С. 85
- 41 Стучит со злости ногами об пол. / Стучит со злости об пол. $\diamond$ (AP36)
- 2 туды / туда (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 3–4 После некоторого молчанья. / После некоторого молчания. (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 4–5 хочет наказать, так отнимет прежде разум / захочет наказать человека, так отнимет разум $\diamond^*$ (AP36)
- 6 похожего на ревизора / от ревизора $\diamond^*$ (AP36)
- 7 и вдруг все: ревизор! ревизор! / и вдруг: ревизор... $\diamond^*$ (AP36)
- 7–8 Ну кто первый выпустил / Ну кто первый выпустил, [который дурень] который олух $\diamond^*$ (AP36)
- 8 Отвечайте. / а. Вы, колпаки, отвечайте. (В с е.) Антон Антонович, ведь вы, да ведь вы такой же самый были колпак, как и мы все*; б. Вы, отвечайте. $\diamond$ (AP36)
- 10–11 туман какой-то ошелолил / туман какой-то [напал] ошелолил (AP36)
- 33 первые-то / первые $\diamond$ (AP36)
- С. 86
- 4 требует вас сей же час / требует вас сейчас же (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 6–28 Произнесенные слова ~ Занавесь опускается. / а. Все издают звук изумления и остаются онемевшими в разных положен(иях). Немая сцена. Городничий столбом. Судья, расставив руки и несколько присев и сделав губами движение, как будто хотел посвистать²³. Почмейстер, подняв брови и выразив вопрос в лице. Бобчинский и Добчинский, выпучив глаза один на другого. Все прочие (в) стороне(?), гости по двое(?). Жена Коробкина, подвинувшись ближе к зрителям, изобразила сардоническое и едкое выражение. Жена Луки Лукича статуей, разинувши рот. Прочие все гости, [скинув] вздрогнув и скинув(?).

²³ Слова: и сделав губами движение, как будто хотел посвистать — вписаны на полях без обозначения места вставки.

Несколько минут не опускается занаве(сь); б. Г. Актерам нужно обратить внимание на последнюю сцену, минуту всеобщего окамененья. [Последние слова] Известие, принесенное жандармом, поражает различно всю группу. Вся группа разом и в одно мгновенье должна переменить свое положение. Городничий стоит столбняком с растопыренными руками. [Судья присел почти до полу, расставив руки и прозяляя(?)] Жена и дочь с обеих сторон останавливаются, [обрати(вшись)] недвижимо устремившись к нему с совершенным недоуменьем и ужасом(?). [Земля(ника)] Слева Земляника, сделавш(ий) даже глупую задумавшуюся рожу. Справа Почтмейстер, весь превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям. Слева судья, присевший почти до земли с расставленными руками и [сделав] с движением губ, как бы готовясь посвистать. Справа Лука Лукич в самом наивном испуге²⁴ и [группа из трех дам] три гостьи, причем(?), прислонившиеся дружка к дружке с сатирическим выраженьем лиц, обращенных к зрителям, слева Коробкин, обращенный к зрителям лицом и намекающий на группу прижмуренным глазом. За ним у самого края Бобчинский и Добчинский, сильнее всех других сделавшие движение, выступившие оба вперед [обращенные решительно друг к другу] и ожидающие друг от друга объяснения этого [странного недоразумения(?)]; в. вариант в. в АРЗ6, а также текст в ППр, Соч. 1842, Соч. 1855 совпадают с основным текстом, за исключением следующих разночтений:

- ⁶ Звук изумления / невольный звук испуга (АРЗ6)
⁷ единодушно излетает / а. излетает; б. излетает дружно (АРЗ6)
⁷ После: дамских уст — вписан незаконченный вариант: все дру(жно?) производят (АРЗ6)
^{7–8} вся группа ~ остается в окаменении / все остаются в окаменении (АРЗ6)
⁸ положенье / положение (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹⁰ Городничий посередине в виде столпа / Городничий виден посреди [с расп(ростертыми?)] [в виде непод(вижного)] [среди] [испугавшего(ся?)]²⁵ всех в виде столпа (АРЗ6)
¹⁰ столпа / столба (Соч. 1842, Соч. 1855)
¹² с устремившимся к нему движеньем всего тела / [устремивши к] обе окаменевши с устремленным к нему движеньем [ру(к)] тела, рук и лица (АРЗ6)
¹⁴ за ним / За почтмей(стером) (АРЗ6)
^{14–15} потерявшийся самым невинным образом / [наивным] потерявшись совершенно наивным образом (АРЗ6)
¹⁵ Слова: у самого края сцены — вписаны (АРЗ6).
¹⁶ прислонившиеся / прислонившись (АРЗ6)
^{16–17} с самым сатирическим выраженьем лица ~ городничего / с несколько прищуренным глазом и сатирическим выражением лиц (АРЗ6); с са-

²⁴ Слова: в самом наивном испуге — вписаны.

²⁵ Слово осталось незачеркнутым.

- мым сатирическим выражением лиц, относящимся прямо к семейству городничего (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 18–19 наклонивший несколько голову набок / а. с глупым *(вариант не закончен и не зачеркнут)*; б. наклонивший несколько набок голову (АРЗ6); наклонивший голову несколько набок (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 19–22 с растопыренными руками ~ Юрьев день!" / присевший почти до земли [и сделал] [с растопыренными] и расставивши руки и сделал движенье губами, как бы хотел посвистать или сказать (АРЗ6)
- 22–24 обратившийся к зрителям ~ на городничего / [прищ(урившись?)] обратившийся к зрителям, с прищуренным глазом на Городничего и едким выраженьем лица (АРЗ6)
- 24–26 Бобчинский и Добчинский с устремившимися движеньями ~ глазами. / Бобчинский и Добчинский [с сильным движеньем] [обратившись друг (к другу)] [выпучив глаза и как будто] [обращенн(ые) к]²⁶ с выпученными глазами и руками, остановившимися в воздухе (АРЗ6); Бобчинский и Добчинский с устремившимися движеньями рук друг к другу [и с выпученными], разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами (ППр); Добчинский и Бобчинский с устремившимся друг к другу движением рук, разинутыми ртами — *Далее — как в тексте* (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 26–27 Прочие гости ~ столбами. / Все прочие гости в виде недвижим(ых) столбняков (АРЗ6)
- 27–28 Почти полторы минуты ~ положение. / [Минуту] Две минуты продолжается всеобщее окаменение. (АРЗ6); Почти полторы минуты [неподв(ижная)] окаменевшая — *Далее — как в тексте* (ППр)
- ²⁸ Занавесь / Занавес (Соч. 1842, Соч. 1855)
- ²⁹ Конец / Слова нет (АРЗ6, Соч. 1842, Соч. 1855)

²⁶ Слова: обращенн(ые) к — не зачеркнуты.

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА, ПИСАННОГО АВТОРОМ ВСКОРЕ ПОСЛЕ ПЕРВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ “РЕВИЗОРА” К ОДНОМУ ЛИТЕРАТОРУ

*Варианты авторизованной копии (АК),
журнала “Москвитянин” (Москв.б),
отдельного издания “Ревизора” 1841 г. (Р41),
Сочинений Гоголя 1842 г. (Соч. 1842),
Сочинений Гоголя 1855–1856 гг. (Соч. 1855)*

С. 89

- ⁶ облегло меня / облекло меня (Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
¹¹ из парижских театров / с парижских театров (Соч. 1842, Соч. 1855)
^{11–12} сделался просто обыкновенный враль / сделался просто обыкновен-
ным вралем (Москв.б, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
¹⁶ и тени, и намека / и тени намека (Соч. 1855)
²⁴ так близким к истине / столь близким к истине (Соч. 1842, Соч. 1855)
²⁹ ловкий, светский / ловкий (Москв.б, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 90

- ^{1–2} наслаждение, получаемое им / наслаждение, [чувств(уемое)] получае-
мое им (АК, рукой В.А. Панова)
^{3–4} Фраза: И хоть бы что-нибудь из этого было выражено! — *вписана ру-*
кой Гоголя (АК).
⁵ решительно не дано было / решительно не [было] дано было (АК, ру-
кой В.А. Панова)
^{17–18} отчасти на себе уже утверждает часть его характера / отчасти утвер-
ждает собою его характер (Москв.б, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
^{21–22} заключает в себе много тех качеств, которые имеют в себе люди / за-
ключает в себе много качеств, принадлежащих людям (Москв.б, Р41);
закрывающий в себе много качеств, принадлежащих людям
(Соч. 1842, Соч. 1855)
²³ многих хороших достоинств / хороших достоинств (Москв.б, Р41,
Соч. 1842, Соч. 1855)
²⁵ в этой роли / в этой роле (Москв.б, Р41)
²⁸ тип многого / типом многого (Соч. 1842, Соч. 1855)
³¹ натурально / но натурально (Москв.б, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
⁴⁰ просто бледное лицо? а я в порыве / просто бледное лицо, а я в порыве
◇ (АК)

С. 91

- ^{2–3} толиких разнородных движений / таких разнородных движений
(Соч. 1842, Соч. 1855)
³ дадущих ему возможность / дающих ему возможность (Р41,
Соч. 1842, Соч. 1855)
^{4–5} детская, ничтожная роль! / детская, ничтожная роль. ◇ (АК)

- 4–5 *После: ничтожная роль!* — *зачеркнуто: С самого начала представ-
лен(ия)* (АК, рукой В.А. Панова).
- 7 Об восторге / О восторге (Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 8 был я сам / я был сам (Москв.б, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 9 упреки и ропот / ро(по)т и упреки $\diamond$ (АК)
- 9 пьесы / пьэсы (АК; такое же соотношение вариантов: строки 11,
22–23, 37)
- 15–16 кажется, совершенно примирил “Ревизора” / совершенно примирил
мою пьэсу $\diamond$ (АК)
- 17 уверен и прежде / уверен и прежде представления $\diamond$ (АК)
- 20 об котором / об коем (Москв.б, Р41); о котором (Соч. 1842,
Соч. 1855)
- 21 награждаемыми / которые награждаются (Москв.б, Р41, Соч. 1842,
Соч. 1855)
- 23 я тоже надеялся / тоже надеялся (Москв.б, Р41, Соч. 1842,
Соч. 1855)
- 26–27 человечков / чиновников (Москв.б, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 29 их как-нибудь вынесет / как-нибудь вынесет их (Соч. 1842,
Соч. 1855)
- 31 два человечка / два человека (Москв.б, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 34 всклокоченные / всключенные (Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 35 они оказались / оказались (Москв.б, Р41, Соч. 1842, Соч.
1855)
- 37–38 очень плоха и бессовестно карикатурна / очень плоха $\diamond$ (АК); очень
плоха и карикатурна (Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 38 Я как будто бы / Я как бы (Москв.б, Р41, Соч. 1842, Соч.
1855)
- 38 предчувствовал это / [это] предчувствовал это (АК, рукой В.А. Па-
нова)
- 39 чтобы сделать / чтоб сделать (Москв.б, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 39 хоть одну репетицию / одну репетицию (Москв.б, Р41, Соч. 1842,
Соч. 1855)

С. 92

- 1 повторяю / повторяю Вам $\diamond$ (АК)
- 4 пьесы / пьэсы (АК; такое же соотношение вариантов: строки 17,
21; с. 93, строка 15)
- 5 лениво. Мне, признаюсь / лениво; признаюсь (Москв.б, Р41); лени-
во. Признаюсь (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 6 сделал замечание / сделал мне замечание (Москв.б, Р41, Соч. 1842,
Соч. 1855)
- 8 чиновники сами / они сами $\diamond$ (АК)
- 13 я увидел ясно / я увидел $\diamond$ (АК)
- 15 за переделку / за переделку этого места $\diamond$ (АК)
- 15 Теперь, кажется / Теперь оно, кажется $\diamond$ (АК)
- 17 в пьесу / в пьэсу (АК); в пьесу (Соч. 1842); в пьэсу (Соч. 1855)
- 22 Но я не виноват. / Но я [в] не виноват. (АК, рукой В.А. Па-
нова)
- 25 что здесь / что [в это] здесь (АК, рукой В.А. Панова)

- 26–27 должна не опускаться занавесь / должен не опускаться занавес (Москв.б; Р41); не должен опускаться занавес (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 29 тогда поручить / поручить (Москв.б, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 36 ему указанные границы / указанные ему границы (Москв.б, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 40 но лицо его / лицо его (Москв.б, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 40 свободно выразить / свободно выразит (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 41 разнообразия для него бездна / для него бездна разнообразия (Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 93

- 1 один на другого / один на другой (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 2–3 вследствие ~ грехов / вследствие разных причин [◊] (АК)
- 4 поражены жена и дочь / поражена жена и дочь (Москв.б, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 9 очерчивается / очеркивается (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 21 1836-го г. Мая 25-го. / 1836 г. Мая 25. (Москв.б, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)

ДВЕ СЦЕНЫ, ВЫКЛЮЧЕННЫЕ КАК ЗАМЕДЛЯВШИЕ ТЕЧЕНИЕ ПИЕСЫ

*Варианты авторизованной копии (АКЗ)¹,
журнала “Москвитянин” (Москва.5)²,
отдельного издания “Ревизора” 1841 г. (Р41),
Сочинений Гоголя 1842 г. (Соч. 1842),
Сочинений Гоголя 1855–1856 гг. (Соч. 1855)*

С. 94

- 1–2 ДВЕ СЦЕНЫ ~ ПИЕСЫ / Заголовок вписан рукой Гоголя (АКЗ); Две сцены, выключенные, и при первом издании, как замедлявшие течение пьесы (Р41)
- 2 пьесы / пьэсы (АКЗ)
- 7 Вздор тебе кажется. / Вздор просто тебе кажется. [◊] (АКЗ)
- 14–15 Старокопытов / Старокопытов (Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 15 Он, не помню, проживал / Он не по мне проживал (Р41)
- 19–20 не начитывал даже таких глаз / но не читывал даже таких глаз (Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 21 тюлевая пелеринка / тюлевая перелинка (Р41)

¹ Варианты АК1 и АК2 см. с. 278–280, 303–306, 508 наст. изд.

² В “Москвитянине” опубликована только одна сцена — “Хлестаков и Растаковский”.

- 22 с колосками / с колосьями (Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 22–23 блондочкою тонкою / блондочкою, узенькою (Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 96 26 Куды ж! / Куда ж! (Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 4 Вот этого уже / Вот это уж (Р41); Вот этого уж (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 6–7 эдак говорите / этак говорите (Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 7 сидите в профили / сидите в профиле (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 12 одетыми Бог знает как / неодетыми, Бог знает как (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 16 с аксельбантом / с аксельбантом (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 21 изволили знать / изволите знать (Москв.5, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 26 служили уже давно / служили давно (Москв.5, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 32–33 Слов: по Высочайшему повелению покойной Императрицы – в Москв.5 нет.
- С. 97 3 Да-сс. / Да-с. (Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 6 Фухтель-Кнабе / Фиктель-Кнабе (Москв.5, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 7–10 Фразы: Звали его ~ ему имя Суп Иванович. – в Москв.5 нет.
- 10 этот Суп Иванович / этот Сихфрид Иванович (Москв.5)
- 12–13 Автоном / Автомом (Р41); Автамом (Соч. 1842); Автамон (Соч. 1855)
- 18 аксельбант / аксельбант (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 19–20 Текста: и как только девушки ... хе, хе, хе... – в Москв.5 нет.
- 20 как только заглянешь / как только взглянешь (Соч. 1855)
- 22 в треугольной шляпе / в трехугольной шляпе (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 24 Да, эта подобная история / Да, подобная этой истории (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 29 не можете ли вы / ну можете ли вы (АКЗ)
- 35 как странно / а как странно [◊] (АКЗ)
- С. 98 1 прибавочного пенсiona / прибавочного пансионa (Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 2 там сенаторам или кому другому / кому следует (Москв.5)
- 7–8 не так и давно ~ резолюции / в 1801 году (Москв.5)
- 9 чрез Сосулькина / через Сосулькина (Соч. 1842, Соч. 1855)
- 11 отнес-та / отнес-то (Москв.5, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 11 не туды, куды следует / не туда, куда следует (Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)
- 11–13 Фразы: А оно ~ решится. – в Москв.5 нет.
- 14–15 Да, натурально, ~ хорошо. / Хорошо, хорошо. Я скажу [◊] (АКЗ); Хорошо, хорошо. (Москв.5)

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Варианты белого автографа (БА)

С. 101

- 3 с этой целью / с этой цели
13 которые, находясь / которые находятся ◊
20 доброе продолжение / доброе окончание ◊
27 том же с нами доме / том же [дome] с нами доме
31 беспечно и беззаботно / [беспе(чно)] беспечно и беззаботно

С. 102

- 3 было именно то, что мы / мы, именно оттого, что ◊
4 умоляю не пренебрегать / не пренебрегать ◊
10 входить непосредственно / входить непосредственно самим ◊
10–11 не оставить посильным / не оставить каким-нибудь ◊
15–16 озабочены излишне собственными / озабочены собственными ◊
28 и в дело / и [где] в дело
29 помощь произведут они / помощь будет произведена ими ◊
40 будет назначен / будет определен ◊
41 который для большинства / который [вообще для всех] для большинства

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ДЛЯ ТЕХ, КОТОРЫЕ ПОЖЕЛАЛИ БЫ СЫГРАТЬ КАК СЛЕДУЕТ “РЕВИЗОРА”

Варианты начала второй редакции (ЧА2)

С. 104

- 7–8 стараться актеру быть скромней / стараться быть скромней ◊
8 *Над словами:* и как — *вписано:* то (*незавершенная правка*).
10 тем более обнаружится / [что] тем более выйдет ◊
12 занято своим делом каждое из лиц / занято каждое из лиц ◊
12–13 *После:* выводимых в комедии. — *зачеркнуто:* Потому что в самом деле
15 Но сами они / Но [они] сами они
15 совсем / вовсе ◊
15–16 не шутят / не шутя хлопочут ◊
16 и уж никак / и никак ◊
16 не думают о том / не думают ◊
16–17 *После:* кто-нибудь смеется. — *зачеркнуто:* напротив, каждый из них внутренне уверен.
17 Умный актер / [Умному] Умный актер

- 17–18 мелкие особенности внешние / мелкие [вне(шние?)]] особенности внешние
 18 доставшегося ему лица / выставленного лица ◊
 19 выражение роли / выражение [своей] роли
 20–21 главную и преимуществе(нную) / главную и первую ◊
 22 предмет мыслей / предмет мыслей, правящих всеми его действиями ◊
 22 вечный / вечну(ю) ◊
 23 сидящий в голове / сидящий [у него] в голове
 24–25 в такой силе ~ стремления / а. исполниться сам этой заботой так, чтобы все [помышл(ения)] [мысли и помышления] мысли и стремления; б. исполниться сам этой заботой в такой силе, (чтобы) мысли и стремления ◊
 27–28 не должен много заботиться / не должен даже и заботиться ◊
 28–29 он не выбросит ни на минуту из головы / не позабудет он содержать постоянно в голове своей ◊
 30 эти частности и разные мелкие / эти [частные] частности, мелкие ◊
 30 принадлежности / принадлежности характера ◊

С. 105

- 2–3 но не создавать / а не создавать ◊
 3 целиком роли / роли ◊
 3 суть не более / суть более ◊
 4 уже тогда, когда / тогда, когда уже ◊
 4 Они / Они, так сказать ◊
 5 Итак, прежде / И так, прежде всего ◊
 5–6 схватить именно эту душу / схватить эту душу ◊
 11 не чувствуя сам, что он притеснитель / а. и очерствел почти нечувствительно для самого себя; б. и очерствел почти нечувствительно и неприметно для самого себя ◊ (слова: и неприметно для самого себя — остались *незачеркнутыми*)
 12 есть только желанье / а. есть только желанье; б. есть только просто желанье ◊
 12–13 *После: что ни видят глаза. — зачеркнуто: потому что это ему кажется плывет само собою в руки (это вписано). Над зачеркнутым вписано: а. и по(...?); б. с совершенны(м) забвень(ем)*
 14 Просто он позабыл / Он просто позабыл ◊
 16–17 потому что эти / Эти-то ◊
 18–19 Он чувствует / Он [однако ж] чувствует
 19 думает даже / [он] думает даже
 20 даже помышляет / Он помышляет даже ◊
 21–23 и заманчивы блага ~ привычкой / а. и велика набившаяся привычка хватать все, не пропуская ничего; б. и крепка, [вкоре(нившаяся?)]] затвердела привычка хватать все, не пропуская ничего ◊ (слова: и крепка — *остались незачеркнутыми*)
 24–29 *Текст: Русской человек ~ требова(ние).* — *приписан позже, другими чернилами и другим пером.*
 24 *Перед: Русской — зачеркнуто: Кот(орый?)*
 27 и даже не без одушевлен(ь)я скажет иное слово / и даже [иное] скажет иное слово ◊
 28–29 что все вокруг / что вокруг ◊

Варианты первой редакции (ЧА1)

С. 105

- 31 *Фраза:* Больше всего ~ в карикатуру. — *вписана.*
- 32 тем более / а. тем; б. тем более (оба варианта не завершены и не зачеркнуты). Вероятно, сюда должен быть отнесен текст, написанный Гоголем на предыдущем листе (л. 3) без обозначения места вставки (см. наст. том, с. 861): [Как сочинение хорош(о?)] [Как, сочиния] Точно так же, как драматически(й) писат(ель), (сочиния?) драму, взятую из жизни, долже(н) помышлять о том, (чтобы?) изобразить в ней природу неско(лько) благородней и чище, чем как она есть в действительности, так же точно [что] должны стараться актеры о том, (чтобы?) представить им(и) [выв(еденные?)] созданные лица как бы благородней и чище, чем они есть. Иначе зачем и представлять пиэсу, она будет всегда приятней в чтении, никак не нужно позабывать того, что всякая резкость становится еще резче и очевидней в представлении. Поэтому-то и самому и цензура театральная бывает строже той, [которая] какая бывает для книг, назначаемых для простого чтения (как бы *вписано*)
- 33 будет думать актер о том / будет думать о том [◇]
- 35 занято своим / занято [само собою, ок(ажется?)] своим

С. 105–106

- 35-1 схватить причуды / схватить причуду [◇]

С. 106

- 2 поймать общечеловеческое выражение роли / поймать [ее] общечеловеческое выражение роли
- 3 [Прежде самого лица] / а. Прежде самого характера; б. Прежде самого лица [◇]
- 7 выведенного лица / представляемого лица [◇]
- 9 чтобы они были / чтобы они сидели [◇]
- 10 Они выльются / Они вы(й)дут [◇]
- 13-14 Человек, больше всего озабоченный / Человек, занятый слишком [◇]
не пропускать, что плывет в руки / не пропускать [то] [ничего], что плывет в руки
- 14-15 Из-за это(й) заботы / Из это(й) заботы [◇]
- 15-16 или осмотреться / или обсмотреться [◇]
- 16 он, может быть, и сам / он [может бы(ть)] [и со(всем)] [почти], может быть, и сам
- 19 что ни видят глаза / что ни попадает на глаза [оно [обез(...?)] окременило] [◇]
- 19-22 Он позабыл ~ покаяться. / а. Он [просто] позабыл, что [стоит эт(о)] это стоит другому. Он, однако ж, чувствует, что несколько грешен, он молится, он ходит в церковь, он думает даже, что в вере тверд, и думает [потом когда-нибудь даже] даже покаяться; б. [Он позабыл, что от этого трещит] Он позабыл — *Далее — как в тексте*
- 22 велик соблазн того / велик соблазн [от всего] того
- 22-23 велика набит(ая?) привычка / велика привычка [прибирать, в которой он] [◇]
- 23 поразил распространившийся слух / поразил [слу(х)] распространившийся слух

~~Копия рукописи...~~
Полночь... как Фрунзе...
как сошел...
повиновение в том...
благодарный и...
Спаситель...
спаситель...
Фрунзе...
они...
Фрунзе...
маленький...
всего...
всего...
от...
хорошо...

«Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует
"Ревизора"». Черновой автограф (первая редакция). Л. 3.
Российская государственная библиотека. Москва

Рисунок пером Н.В. Гоголя
(на л. 12 об. того же автографа)

- 26 пьесы / пиэсы ◊
 26 в положениях свыше тех / в положениях свыше [обыкновенн(ых)] [ежедневн(ых)] тех
 27 Нервы его напряжены. / [Воображен(ие) его] Нервы его напряжены. удало(сь) бы обмануть / можно бы было обмануть ◊ (было не зачеркнуто)
 31–32 он предается буйно радости при одной мысли о том / он предается буйно радости [о том, чт(о)] при одной мысли о том
 32–33 понесется отныне его жизнь / понесется отныне жизнь ◊
 35 Слова: важничать, задавать тон — вписаны.
 35 внезапное объявление / внезапное [пробужде(ние) при] объявление
 37 После слов: истинно трагическим. — с абзаца написано и не зачеркнуто: Судья человек меньше грешный во взятках. Он даже счита(ет?). Оставшаяся часть л. 5 (около половины) не заполнена. Следующая фраза начата на обороте (л. 5 об.).

С. 106–107

- 39–2 но страсть ~ сам того. / но велика страсть ко псовой охоте, которая увлекает [его иной раз на неправду] его иной раз покривить. ◊

С. 107

- 3–4 умом своим, и безбожник ~ выказать себя / умом своим [и единственно [только по этой причине [безб(ожник)] несколько безбожник] из этой причины несколько безбожник], и потому только безбожник, [что на этом поприще его ум себя выказал] что тут есть простор его ему выказать (в процессе правки не все замененные слова зачеркнуты) ◊
 7–9 Текст: Это самоуслаждение ~ выраже(ний?). — вписан на левом боковом поле без обозначения места вставки.
 человек толстой / человек [весьма] толстой
 10 Слова: несмотря на необъятную толщину свою, которой — вписаны.
 12 в оборотах / в [манерах] поступках ◊ (поступках не зачеркнуто)
 13–14 с легкостью ~ “Лабардан-с” / с ловкостью, затем (что)бы подшаркнуть ножкой вблизи и сказать: “Лабардан” ◊
 14–16 [Он] принадлежит ~ топить других / Он принадлежит к числу тех людей, которые, не зная, как вывернуться сами(м), прибегают к тому, чтобы топить других ◊; в окончательном варианте над зачеркнутым: Он — вписано: Это; после: которые — вписано очень неразборчиво, читается предположительно: доставля(я) доставляю(т) значи(тельным?) людя(м?) (2 нрзб.) для того чтоб(?) выходи(ть) са(мим?)
 16–18 и торопливы ~ вынести себя / а. и потому торопятся с доносо(м) еще прежде, чем от него его требуют; б. и потому торопливы на всякие каверзничества и доносы, не принимая в строк(у) ни кумовства, ни дружбы, [видя во всем только спасенье себя] помышляя только о спасенье себя ◊
 18–19 Фраза: Несмотря на неповоротливость ~ поворотлив. — вписана.
 19–20 А умный актер не пропустит всех тех случаев / А [потому] умный актер [никак] не пропустит всех тех [мелочей, [которые характеризует им(енно?)] кото(рые)] случаев
 20–21 будет особенно смешна / особенно смешна ◊
 21–22 Слова: в глазах зрителей ~ карикатур(у) — вписаны.
 23 ничего более / [про(сто?)] ничего более

- 25–26 трепещет как лист при вести о ревизоре / трепещет как лист [при известиях о приезде всякого нового лица] при вести о ревизоре
- 26 хотя и не знает сам / хотя не знает сам [◊]
- 27 Слова: актеру нетруд(н)о, ему — вписаны
- 31–32 Над зачеркнутым: Ничего — вписано: Это лицо доступно с перв(о-го?) (незавершенная правка).
- 37 почтенья / а. почтенья всем до единого; б. почтенья всем [◊]
- 38 Фраза: Все у них стало визит. — вписана.
- 38–40 Страсть рассказать ~ стремленьем жизни. / Страсть рассказать [сд(елалась?)] [стала их стра(тью) и поглотила всякое другое дело жизни] поглотила всякое другое занятие и стала их страстью и стремленьем жизни, а потому эта страсть прежде всего должна [отразиться] выражаться [◊]
- 40–41 Фраза: Словом, это люди ~ своих собственных. — вписана на левом боковом поле без обозначения места вставки.

С. 107–108

- 41–1 Над строкой: Нужно, чтобы видно было то удовольств(ие) — вписано: Он весь горит от (незавершенная правка; с ее учетом возможно предположительное чтение: Он весь горит от удовольствия)

С. 108

- 1 когда наконец добьется / [кото(рое)] когда наконец добьется
- 4 Любопытны — от желанья / Любопытны — [об] от желанья
- 4–5 От эт(ого) ~ заикается. / Бобчинский даже немножко заикается от желанья пересказать скорее. [◊]
- 6–7 После: с небольшими брющками. — зачеркнуто: Бобчинский, однако
- 7 Оба круглолицы, одеты чистенько / Оба [одеты чистень(ко)] круглолицы, одеты чистенько
- 8 Добчинский даже ~ лысинкой / У Добчинского даже небольшая лысинка [◊] (в процессе правки предлог “У” зачеркнут, но падежи оставлены прежними)
- 9–10 Слова: видно, что он ~ уже женатый — вписаны.
- 10 Но при всем том / [Зат(о)] Но при всем том
- 11 Слова: и даже нескольк(о) управляет его умом — вписаны.
- 12–14 Словом, актеру нужно ~ мелкие атрибуты / а. Все мелкие атрибуты должен бросить в сторону акте(р), если хочет хорошо исполнить эту роль, и представлять себе [еще(?)] только то, что он сам болен необыкновенной чесоткой языка. (бросить в сторону, и представлять себе не зачеркнуто); б. Акте(р), если хочет хорошо исполнить эту роль, должен сам заболеть чесоткой языка (не зачеркнуто); в. Акте(р), если хочет хорошо исполнить эту роль, он должен позабыть(?), что он сам(?) ни что иное, как олицетв(орение?) (незавершенная правка, не зачеркнуто) [◊]
- 15 полицейск(не) и просители / просители [◊]
- 16 ежедневно проходящие / ежедневно [прохо(дящие)] [меняющиеся лица] проходящие
- 16 пред нашими глазами / пред глазами [◊]
- 16 лица / лицами [◊]
- 17 схвачены всяким / схвачены [всяким] всяким

- 19–20 значительнее прочих / значительнее [всех] прочих
 21 грубит барину / [грубит] грубит барину
 21 барин дрянцо / он шелкопер и дрянцо $\diamond$ (союз и остался незачеркнутым)
 21 и который любит / и любит $\diamond$
 22 После: нравоченье для барина — зачеркнуто: известен всякому
 22–23 которой, однако ~ когда можно / которой молча плут, когда видит, что
 пришли такие недоразумения, где можно $\diamond$ (недоразумения не зачеркнуто)
 24–25 *Фраза:* Потому эта роль игралась всегда хорошо. — *вписана.*
 25 Равномерно всякой / Всякой $\diamond$
 25 может почувствовать / может [также] почувствовать
 25–27 степень того ~ из этих лиц / какое впечатление должен произвести [на
 каждое] приезд ревизора на каждое из этих лиц $\diamond$ (слово произвести
 осталось незачеркнутым)
 28–29 [что] в голове всех сидит ревизор / что все полно ревизором $\diamond$
 29 Все занят(ы) / Головы всех занята $\diamond$
 30 надежда на избавление / надежда [на правосудие] на избавление
 31–32 У други(x) панически(й) страх / У други(x) страх $\diamond$
 32 при виде того ~ в страхе / оттого, что увидели [главных] передовых
 людей и главнейших сановников в страхе $\diamond$ (слово увидели, союз и ос-
 тались незачеркнутыми, не изменен падеж в словосочетании глав-
 нейших сановников)
 33 У прочих же / У [тех же людей] прочих же
 36 неминуемо должно быть / должно быть $\diamond$
 36–37 необыкновенным и важным лицом / необыкновенное и важное лицо $\diamond$
 38 принят испуганным городом / принят [всем] испуганным городом
 39 Слова: по себе — написаны дважды.
 40–41 После: не случилось — зачеркнуто: сыграть никакой замечательной
 роли

С. 108–109

- 41–1 сила всеобщего страха создал(а) / страх создал $\diamond$ (глагол создал не ис-
 правлен на создала)

С. 109

- 2 Страх, отуманивши глаза всех / [Сила] Страх, отуманивши глаза
 всех
 3 во всем / во всех своих замашках $\diamond$
 5 и вдруг развернулся / и развернулся $\diamond$
 5 неожиданно для самого себя / [даже] неожиданно для самого себя
 6 неожиданность / неожиданность для него самого $\diamond$
 8 приятность и удовольствие / приятность и удовольствие всего $\diamond$
 9 ловят с жадностью / [ищ(ут)?] ловят с жадностью
 10 в начале разговора / с начала разговора $\diamond$
 10–11 После: поведет его речь — зачеркнуто: потому
 11 ему дают выведывающие / ему дают [слушающие] выведывающие
 12 как бы кладут ~ разговор / ему кладут в рот предметы для разгово-
 ров $\diamond$ (слово ему осталось незачеркнутым)
 13 хорошо порисоваться / хорошо развернуться $\diamond$

- 16 *Фраза:* Он ни от чего ~ ни лгать (?) — *вписана.*
- 17 дал изобретательн(ость?) и красноречие / дал словоохотность и красноречие $\diamond$ (*отмененный вариант остался незачеркнутым; возможно чтение: дал изобретательность*)
- 18 Чем далее ~ всеми чувствами / Он совершенно входит и душой и телом $\diamond$
- 19 почти с жаром / с жаром [и даже от д(уши?)] $\diamond$
- 20–21 он позабывает ~ все это производил. / он совсем позабывает то, что он лжет, и выдумывает, и ему уже кажется, что он точно все это производил, о чем врет $\diamond$
- 21 Поэтому / Вот отчего $\diamond$
- 22–23 способна точно смутить чиновника / [навела] особенно жива и навела такой страх на всякого чиновника $\diamond$ (*слово страх осталось незачеркнутым*)
- 23 Особенно в то время / [Вот отчего в] Особенно в то время
- 25–28 Будучи сам ~ [в рассказах]. / а. Видя, как распекают, [и сам] испытывавши и сам это, потому что бывал неоднократно распекаем, он почувствовал в это время особенное удовольствие распечь наконец и самому других, хотя в рассказах; б. Он должен эту часть, должен очень хорошо, потому что быва(л) (*написано на верхнем поле, не закончено*) $\diamond$ (*возможно чтение: Будучи сам неоднократно распекаем, он это должен мастерски изобразить в речах*)
- 29 язык его уже / язык уже $\diamond$
- 33 чем напугал / как напугал $\diamond$
- 34 Влюбляется он / Он влюбляется $\diamond$
- 35 Слова: почти в одно — *вписаны.*
- 35 Просит денег / [Берет деньги] Просит денег
- 37 Слово: он — *написано дважды.*
- 38–39 которому кое-как удалось ему несколько растолковать / который кое-как успел его вразумить $\diamond$
- 40–41 он бы преспокойно ~ не с честью / а. и его проводят не (с) честью со двора, он бы именно дождался этого беспечно и беззаботно; б. и его проводят ~ (*обозначенный тильдой текст совпадает с вариантом а.*) дождался беспечно и беззаботно этих толчков и проводов со двора не с честью $\diamond$

С. 109–110

- 41–1 Хотя это лицо ~ обман / [Лицо] Словом, это фантазмагорическое лицо, [которое, как] которое, как [в калей(до)скопе] ажливой, олицетворенный) обман $\diamond$ (*слово это осталось незачеркнутым*)

С. 110

- 1 унеслось / [пронеслось] исчезло $\diamond$
- 2 но тем не менее нужно, чтобы эта роль / но тем не менее [эту роль] нужно, чтобы эта роль
- 5 собра(ние) многих / собра(ние) [многого(?)] многих
- 5 качеств, которые / качеств, [которыми] которые
- 6 особенно не должен / никак не должен $\diamond$
- 8 отразилось / должно выразиться $\diamond$
- 8–9 но он(о) [бывает] у многих / но которое бывает у весьма многих $\diamond$
- 9–10 Слова: так что редкому ~ отыск(ать) его — *вписаны.*

- 11–17 многосторонний талант ~ Хлестакову. / многосторонний <талант> и вмещать в себе одном много тех свойств, которыми одарены порознь другие та<ланты?>, должен уметь выражать разные черты человека, а не какие-нибудь постоянные одни и те же, [и сверх] и быть сверх того весьма ловким светским чело<век(ом)> [для того, чтобы выразить], иначе не будет в сила<х> выразить пустую светскую ветреность, [которую набит Хлестаков] [которой портрет есть Хлестаков, хотя и в карикатурном виде.], которая в [наибольшей части] таком значительном количестве досталась Хлестак<ову>. ◊
- 19 После слов: почти трагическое. — зачеркнуто: Городничий становится лицом трагическим
- 21 обманутым так грубо / обманутым ◊
- 21 и притом пустейшим / [и кем] и притом пустейшим
- 22 который даже видом / даже видом ◊
- 23 будучи похож на спичку / будучи [и низеньким, и тоненьким] похож на спичку
- 23 Хлестаков, как известно, тонинькой / [один] Хлестаков тонинькой ◊
- 25 проводить умных людей / проводить [и] умных людей
- 26 Возвещенье о приезде нак<он>ец / Возвещенье о приезде [городничий] нак<он>ец
- 27 для него громовый удар / для него [совершенно] громовый удар
- 29–20 вся действующая группа ~ в разных положениях / вся группа, онемев в разных положениях ◊
- 31 а потому должна быть / и потому должна быть ◊
- 34–35 Слова: слова, возвестив<шие> ~ ревизор<а>. — вписаны.
- 36 Слово: собою — написано дважды.

С. 111

- 1 войдет поглубже / войдет [получше] поглубже
- 1 в положение свое / в положение [изум<ения?>] свое
- 1 данная поза / [заказан<ая?>] данная поза
- 1–2 станет естественной ~ ему / а. и сделается как бы натураль<ой>, и [зрителю] зрителям покажется неволью и безыскусственно обна- ружившейся; б. и сделается как бы натуральной [и как], вышедшей неволью без всякого приготовления; в. и сделается как натураль- н<ая>, как вышла она сама собой без ◊ (вариант в. не закончен, вписан без обозначения места вставки, читается предположи- тельно)
- 2–3 неловкость автоматов исчезнет / неловкость исчезнет ◊
- 3–4 и покажется ~ онемевшая картина / и [онемевшая карт<ина>] пока- жется, как бы сама собой вышла онемевшая картина
- 5–6 может послужить тот небольшой звук / может послужить небольшой звук ◊
- 6 из груди у женщин / из груди у женщины ◊
- 7–10 Одни понемногу ~ поражены. / Которые поменьше поражены, те по- немногу приходят в положение, данное для немой картины, начиная переходить в него уже при появлении вестника с роковым известием [которые больше поражены]. Которые сильнее, те вдруг принимают заданное ◊ (отмененный вариант не закончен)

- 10 Недурно / Для этого недурно ◊
 10 первому актеру / [то(му?)] первому актеру
 12 в качестве зрителя, чтобы / для того, чтобы ◊
 14 Картина должна быть ~ во(т) как / Вот [какова] каким образом
 должна быть установлена картина ◊
 16–17 По правую его руку ~ с испугом на лице. / Мать и дочь с выра-
 жен(ием) испуга обращенные к нему. ◊
 16–17 После: с испугом на лице. — *зачеркнуто*: Лука Луки(ч), весь блед-
 ный, ка(к)
 20 пальцами, поднесенными ко рту / пальцами, [пристав(ленными)] под-
 несенными ко рту
 21 которы(й) чем-то сильно обжегся / который обжегся ◊
 22–23 Слова: и сделавший губами гримасу ~ бабуш(ка), и (Юрьев день) —
 вписаны.
 23–24 уставившись ~ рот / а. которые глядят друг на друга, разинувши
 (не закончено); б. которые, выпучивши глаза и разинувши рот, гля-
 дят друг на друга ◊ (слова: глаза, глядят друг на друга не *зачерк-*
нуты)
 24–26 Группа гостей ~ [городничего]. / Гости разделяются на две группы по
 обем стор(он)ам, одна принимает одно и то же движение, стараясь за-
 глянуть в лицо городничего, другая (не закончено) ◊
 26 Перед словами: Чтобы завязала(сь) группа — *зачеркнуто*: Почти це-
 лую минуту [продолжается] длится эта немая сцена, [до] покуда не
 опускается, наконец, занавесь.
 26–27 Чтобы завязала(сь) группа ~ непринужденней / Чтобы вышла груп-
 па завязанной ловко и хорошо ◊
 27 поручить художнику / поручить [искусному] художнику
 29 Если только кажды(й) из актеров / Если [актеры] только кажды(й) из
 актеров
 29–30 во все положен(ия) / в положен(ия) ◊
 33–34 холодны и натянуты во время представлени(я) / холодны во время
 представлени(я) ◊
 35 что в этой / что [еще] в этой

РАЗВЯЗКА РЕВИЗОРА

*Варианты списков (СпК, СпБ, СпМ, СпР, СпА),
 цензурной копии (КЦ), Сочинений
 Гоголя 1855–1856 гг. (Соч. 1856)*

С. 112

¹РАЗВЯЗКА РЕВИЗОРА / Развязка Ревизора. Н. Гоголя (СпБ);
 Развязка Ревизора. Соч(инение) Н. Гоголя (СпМ, СпР); Развязка
 Ревизора. Н.В. Гоголя (Яновского) (СпА)

- ³ П е р в ы й / 1. Первый (СпК, СпБ, СпА; действующие лица в СпК, СпБ и СпА далее следуют под номерами: 2–8)
- ³ Михайло Семенович / Михаил Семенович (Сп*¹; подобное соотношение вариантов сохраняется в указанных источниках во всем тексте “Развязки” — далее не отмечается)
- ⁷ Ф е д о р Ф е д о р ы ч / Федор Федорович (Сп*)
- ⁹ С е м е н С е м е н ы ч / Семен Семенович (Сп*¹; подобное соотношение вариантов — в сочетании с именем Семен — сохраняется в указанных источниках и далее, за исключением тех случаев, когда отчество дано в сокращении: Семен Сем., Сем. Сем. — далее не отмечается); Семен Семенович[◊] (КЦ; и далее в КЦ рукой С.П. Шевырева Семен Семенович везде исправлено на Семен Семеныч)
- ¹⁰ Н и к о л а й Н и к о л а и ч / Николай Николаевич (Сп*)
- ¹⁰ литературный человек / литератор (Сп*)
- ¹¹ После: А к т е р ы и а к т р и с ы. — Действие происходит в квартире Щепкина. Явление I. (СпК, СпБ); Действие происходит на квартире Щепкина. (СпМ, СпР); Действие происходит на квартире Щепкина. Явление I. (СпА)
- ^{13–14} Ну, теперь ~ недаром. / Ну, теперь и сам могу сказать, что хорошо сыграл; рукоплексанье публики досталось, кажется, недаром (СпК, СпБ); Ну, теперь и сам могу сказать, что хорошо сыграл, рукоплексанье публики, кажется, досталось недаром (СпМ, СпР, СпА)
- ¹⁵ если не стыдно перед самим собой / или не стыдно перед самим собою (СпМ, СпР)
- ¹⁸ Михайло Семеныч / Михаил Семенович (Сп*¹; такое же написание отчества Семенович — в сочетании с именем Михаил — сохраняется в указанных источниках и далее, за исключением тех случаев, когда отчество идет в сокращении: Михаил Сем., Михаил Семен.); Михайло Семенович[◊] (КЦ; и далее в КЦ рукой С.П. Шевырева Михайло Семенович исправлено на Михайло Семеныч, за исключением двух случаев: с. 114, строка 18 и с. 120, строка 8, где оставлено написание Семенович); Михайло Семенович (Соч. 856)
- ^{18–19} это уж не публика / это уже не публика (Сп*)
- ^{20–21} не за большие услуги / не за большие заслуги (СпК, СпА); за небольшие услуги (СпР)
- ^{22–23} поднесут кому с единодушного приговора / поднесут, с единодушного приговора (Сп*)
- ²⁵ Слов: Имя первого комического актера. — в Сп* нет.
- С. 114
- ^{3–4} наденьте-ка на голову / наденьте на голову (Сп*)
- ⁵ Все актеры и актрисы. / Все (Сп*)
- ⁶ выступая вперед / выступает вперед (СпК, СпБ)
- ⁸ П е р в ы й к о м и ч е с к и й а к т е р. / Первый актер (СпМ, СпР, КЦ)

¹ Сп* — здесь и далее подобное обозначение используется в случае совпадения вариантов во всех списках “Развязки”.

- 10 принять венки / иметь венки (Сп*)
- 11 кто удостоился ей понравиться / кто удостоится ей понравиться (СпК, СпБ, СпМ, СпА); кто удостоится ей нравится (СпР)
- 14 слишком много самонадеянной уверенности / много гордой уверенности (СпК, СпБ); слишком много гордой уверенности (СпМ, СпР, СпА)
- 17 На голову венки / Венки на голову (СпК, СпБ)
- 19 Это наше дело / Венки на голову! Во-первых, мы ваши товарищи, а во-вторых, это наше дело (Сп*)
- 20 мы вам скажем / мы скажем Вам (СпК, СпБ)
- 20–21 зачем вас увенчали / за что вас увенчали (СпМ, СпР)
- 24 и сим одним внушали / и этим одним внушали (СпМ)
- 25 вряд ли у нас достало бы сил / вряд ли бы у нас достало сил (СпК, СпБ)
- 26 подтолкнет товарищ / подталкивает товарищ (СпК)
- 27 не об одном себе / не об себе одном (СпР)
- 28 сыграть хорошо / хорошо сыграть (Сп*)
- 28–29 не оплошал в своей роли / не оплошал так же в своей роли (Сп*; Соч. 1856)
- 30 любили дело искусства / любили ваше искусство (СпК, СпБ, СпА); любите дело искусства (СпМ)
- 31 никогда не любил / не любил (СпР)
- 31 за что подносим / за это подносим (СпК, СпБ, СпМ, СпА); за то подносим (СпР)
- 31–32 теперь все до единого / все до единого (СпК, СпБ)
- 31–32 все до единого / все до едина [◊] (КЦ)
- 34 но хотел бы / но говорю вам истинно: всегда хотел бы (Сп*); но хотелось бы [◊] (КЦ)
- 35 Входят / Явление II. Входят (СпК, СпБ, СпА); Явление III. Входят (СпМ, СпР)
- 35 Федор Федорыч / Федор Федорович (Сп*; такое же написание сохраняется в указанных источниках и далее, за исключением тех случаев, когда отчество идет в сокращении: Федор Федор., Фед. Фед.); Федор Федорович [◊] (КЦ; и далее в КЦ рукой С.П. Шевырева везде Федорович исправлено на Федорыч)
- 36 Николай Николаич / Николай Николаевич (Сп*; такое написание отчества сохраняется в указанных источниках и далее, за исключением тех случаев, когда отчество идет в сокращении (Николай Никол., Ник. Ник.) и за исключением написания на с. 119, строка 36: здесь в СпБ и СпА написано Николаич); Николай Николаевич [◊] (КЦ; и далее в КЦ рукой С.П. Шевырева везде Николаевич исправлено на Николаич, за исключением трех случаев — с. 118, строки 10, 15, 26, где оставлено написание Николаевич)
- 37–38 первого актера / первого комического актера (Сп*)

С. 115

- 1 Не почтите / Не сочтите (СпК, СпБ, СпМ, СпА)
- 1 слов моих за лесть / слов малых за лесть (СпР)
- 2–3 сказать нехвастовски / сказать, не хваставши (Сп*)

- 4 не примите моих слов / не примите слов моих (Сп*)
- 6–7 выразить словом / выразить словами (Сп*)
- 7 выражает движением руки / выражается движением руки (СпМ, СпР)
- 8–9 Слов: в такой окончательности — нет (Сп*).
- 10 это что-то выше / это выше (Соч. 1856)
- 13 наконец, узнаешь / узнаешь (Сп*); наконец, узнаем $\diamond$ (КЦ); наконец, узнаем (Соч. 1856)
- 14 например, привлекательного / привлекательного, например $\diamond$ (КЦ)
- 16–17 не от участия к положению / не из участия к положению (СпМ)
- 17 плакал от наслаждения / но плакал от наслаждения (Сп*)
- 18 выставили все оттенки / выставлены все оттенки (СпК, СпБ, СпР, СпА)
- 19 дали ясно увидеть / дано ясно видеть (СпК, СпБ, СпА)
- 20 однако ж / однако же (Сп*, такое соотношение вариантов: строка 26; с. 116, строка 2)
- 20–21, 26 в сторону / в стороне (СпМ)
- 21 пьесы / пьесы (СпК, СпБ, СпМ, СпА); пьесы (КЦ, Соч. 1856; такое же соотношение вариантов сохраняется в указанных источниках в дальнейшем, за исключением особо оговоренных случаев)
- 22 могу сказать хвастовски / могу сказать, не хваставшись (Сп*)
- 23 кому обязан автор / кому за это обязан автор (Сп*, Соч. 1856)
- 27–28 которое сделал я / которое делал я (СпК, СпБ, СпА)
- 29 в каком он дан / каком он дан (СпБ)
- 32–33 выставлено нам / выставлено лишь (Сп*)
- 34 И притом / а притом (СпА)
- 34 я уж этого / Я уже этого (СпМ, СпР, СпА)
- 35 сказать в глаза / в глаза сказать (СпК, СпБ, СпА)
- 35 Что смеетесь? / чему смеетесь? (Соч. 1856)

С. 116

- 2 однако ж, заметить / однако же, заметить (Сп*)
- 2 точно произвели / произвели точно (СпК, СпБ, СпА, Соч. 1856); произвели точно $\diamond$ (КЦ)
- 4 как бы к нему / к нему $\diamond$ (КЦ)
- 5 вы не примите / в надежде, что вы не примете (СпМ); вы не примите (Соч. 1856)
- 6 нерасположение к автору / нерасположение к самому автору (Соч. 1856)
- 7 что-нибудь противу него / что-нибудь против него (Сп*); противу него что-нибудь $\diamond$ (КЦ)
- 8 говорю вам / я говорю вам (СпК, СпБ, СпА)
- 10 над порядками / над порядком (Сп*); слова зачеркнуты цензором (КЦ)
- 13 П е р в ы й к о м и ч е с к и й а к т е р . / Первый актер. (СпР, КЦ)
- 13 Позвольте здесь мне / Позвольте мне здесь (СпК, СпБ, СпА)
- 15–16 Хотя городничий был в беспамятстве / Хотя городничий и в беспамятстве (Сп*)
- 17 Слова: на лицах гостей — вписаны (КЦ)

- 17–18 смешными своими угрозами / своими смешными угрозами $\diamond$ (КЦ)
 18 всех обманувшему Хлестакову / обманувшему всех Хлестакову (СпМ)
 19 несется во весь дух / во весь дух несется $\diamond$ (КЦ)
 19–21 Намеренья ~ никакого / Дать именно тот смысл, о котором вы говорите, не было никакого намерения у автора (Сп*); Дать именно тот смысл, о котором вы говорите — у автора не было никакого намерения $\diamond$ (КЦ)
 22 этой пиесы / этой пьесы (СпК, СпБ, СпМ); этой пиесы (КЦ, Соч. 1856)
 23 точно была цель / была цель (СпБ); была цель $\diamond$ (КЦ)
 26 не нахожу в себе ничего общего / ничего не нахожу в себе общего (СпК, СпБ, СпА)
 28 Слов: Это уж слишком! — нет (СпК, СпБ, СпА).
 32 рожа у меня крива / у меня рожа крива $\diamond$ (КЦ)
 33 я у вас всех спрашиваю / у вас всех спрашиваю (Сп*)
 36 опять вопрос задал / а. задал опять вопрос; б. опять задал вопрос (СпБ); опять задал вопрос (СпК, СпА)
 38 Как ни рассмотри / Как порассмотришь (СпК, СпБ, СпМ, СпА); Как порассмотрим (СпР)
 40–41 совершенно в другой вопрос / в совершенно в другой вопрос (СпА)
 С. 116–117
 41–1 нам смешно и трактовать / Смешно и трактовать (Сп*)
 С. 117
 1 у кого нет / а у кого нет (Сп*, Соч. 1856)
 3 не вижу цели / не видна цель (Сп*)
 3–4 в самом сочинении / в сочинении (СпК, СпБ)
 5 хотите еще цели / хотите цели (СпА)
 7 Стремленье к прекрасному и высокому / Стремление к высокому и прекрасному (СпК, СпБ, СпА)
 7–8 Фразы: Это неперемный ~ не искусство. — нет (Сп*).
 9 не может оно быть / не может быть оно (Сп*, Соч. 1856)
 11–12 или же смеется / или смеется (Сп*)
 12 всего худшего в человеке / всего худого в человеке (СпК, СпБ)
 12 Если выставишь / Если выставим (СпК, СпБ, СпА); Если выставить $\diamond$ (КЦ); Если выставить (Соч. 1856)
 15 это уже не похвала / уже это не похвала (СпМ, СпР, СпА); это не похвала $\diamond$ (КЦ)
 15 всему хорошему / всему прекрасному (Сп*)
 17–18 позвольте, однако же / позвольте, однако ж $\diamond$ (КЦ)
 20 видишь, что оно дурно / видим, что оно дурно (СпР, Соч. 1856); видим, что оно дурно $\diamond$ (КЦ)
 21 нам так его выставляют / его так нам выставляют (СпК, СпБ, СпМ, СпА); его нам так выставляют (СпР); нам выставляют так его $\diamond$ (КЦ)
 21–22 что не знаешь / что не знаем (СпР, СпА)
 22 злое ли оно / зло оно (СпМ)
 23 для зрителя / для зрителей (Сп*)
 24 что не знаешь / что не знаем (СпР)
 25 не видим добра / не видишь добра (СпБ, СпМ, СпА, Соч. 1856)

- 27–28 я всегда был убежден / всегда я был убежден (СпР)
 29 не видишь добра / не видим добра (СпК, СпМ, СпР); не видим добра ◊ (КЦ)
 30 Зритель выходит из театра / Зрители выходят из театра ◊ (КЦ)
 33 что видел / что он видел (СпР)
 33–34 никакого для себя правила / никакого правила (СпР)
 35 по которой шел / по которой он шел (СпМ)
 40 П е р в ы й к о м и ч е с к и й а к т е р . / П е р в ы й а к т е р . (СпР, КЦ)
 41 метят в самое сердце / летят в самое сердце (Сп*)
 41 Не можете постигнуть / вы не можете постигнуть (СпМ)

С. 118

- 3 одушевишься, потрясешь зрителя / одушевишь, потрясешь зрителя (СпА); одушевишься, потрясешь зрителя ◊ (КЦ)
 5 от рукоплесканий горишь, как / от рукоплесканий скрыться, как (СпР)
 6 Я и решить не знаю / Я и решительно не знаю (СпК, СпБ, СпР, СпА); Я решительно не знаю (СпМ)
 6 выставлять ли преступленья / выполнять ли преступления (СпР)
 7 готов был с ними / готов с ними (СпК, СпБ, СпР, СпА); готов с ними ◊ (КЦ)
 7–8 или же выставлять / или выставлять (СпК, СпБ); или не выставлять ◊ (КЦ)
 8–9 не закипит весь желаньем / перекипит весь желанием (СпА)
 11 не видишь добра / не видим добра (СпР)
 12–13 Реплики: Д р у г о й а к т е р ~ добра. — нет (Сп*).
 14 Противу этого / Против этого (Сп*)
 14–15 решительно никакого возражения / никакого возражения (СпК, СпБ, СпА)
 16 развил еще больше / развил больше (СпР)
 19 но даже и дурного / но и дурного (СпК, СпБ, СпА)
 19 дурное изображено было / дурное было выражено ◊ (КЦ)
 21 с выведенными лицами / с видимыми лицами (СпБ); с выводимыми лицами (СпК, СпР, СпА)
 25–26 Слов: Николай Николаевич, иначе пропадет его оригинальность — в Соч. 1856 нет.
 26 понимаете ли вы это / Понимаете вы это (Сп*)
 29 такое-то сочинение / такое сочинение (Сп*)
 31 говорите вообще об искусстве / говорите об искусстве (СпР)
 33 к чему клонится / к чему клонятся (СпК, СпБ)
 33 ведь это... ведь это видно / Ведь это... видно (СпК, СпБ, СпА)
 35 цели этой комедии / цели в этой комедии (Сп*)
 35–36 обнаруженной в самом сочинении / обнаруженной ясно в самом сочинении (Сп*, Соч. 1856); обнаруженной ясно в самом сочинении ◊ (КЦ)
 37 выйдет уже преступленья / выйдет уже просто преступление (СпК, СпБ, СпМ, СпР); выйдет уж просто преступление (СпА); уже выйдет преступленья (Соч. 1856)
 38–39 Разберемте-ка сурьезно / Разберите-ка серьезно (Сп*)

- 39–40 того впечатленья, чтобы / то впечатление, чтобы (СпК, СпБ, СпА);
того впечатления, чтоб (Соч. 1856)

С. 119

- 6–7 Слова: который, точно ~ в дверях — вычеркнуты цензором (КЦ).
8 наводят на всех его слова, возвещающие / наводит на всех его слово,
возвещающее (Сп*)
9 всех их истребить, стереть с лица земли / а. Как в тексте; б. всех их
стереть с лица земли (слово истребить зачеркнуто цензором) (КЦ)
10 необъяснимо страшно / необыкновенно странно (Сп*); необыкновенно
страшно [◊] (КЦ)
13–14 какого-нибудь особенного намерения / какого-либо особого намерения
(Сп*)
14 произвести такое действие / произвести такого действия (Соч. 1856)
17 Первый комический актер. / Первый актер.
(СпР)
18 играется на сцене / играется на сценах (Соч. 1856)
20–21 как будто бы автор / как будто автор (Сп*)
21 писать свою комедию / писать комедию (Сп*)
21–22 очертя голову и не зная сам / очертя голову, не зная сам (Сп*)
23 в котором вы не отказываете / которым вы не отказываете [◊] (КЦ)
24 и в глупом человеке / в глупом человеке (Сп*)
29–30 в самом деле вы не заметили / вы в самом деле не заметили
(СпР)
33 в шести комедия и не бывает / в шести комедии и не бывает
(Сп*)
35 что же / что это (СпМ)
37–38 перед всеми запертую шкатулку / перед вами закрытую шкатулку
(СпК, СпБ, СпМ, СпР); пред вами закрытую шкатулку (СпА); пред
всеми запертую шкатулку (Соч. 1856)
40 чтобы потрудились / чтоб вы потрудились (СпМ)
40 сами отпереть / сами отпереть ее (СпК, СпБ, СпР, СпА); сами от-
крыть ее (СпМ)

С. 120

- 1 В таком случае нужно / В таком случае надо (Сп*)
6 Вы что-нибудь знаете. / Вы что-нибудь знали. (СпР)
6 Верно, вам / вероятно, вам (СпК, СпБ, СпА)
6 дал в руки этот ключ / дал этот ключ в руки (СпР)
9 может здесь крыться / может здесь скрываться (СпК, СпБ, СпА);
может здесь скрыться (СпР, СпМ)
11 Дайте же открыть нам / Дайте же нам открыть (СпА)
12 Что это за странная / Что за странная (СпА); Что эта за странная [◊]
(КЦ)
12–13 Слов: неизвестно зачем нам поднесена — нет (СпА).
17 лежит вещь / окажется вещь (СпР)
20 Да полно вам с вашими загадками! / Да полно вам говорить загадка-
ми! (Сп*)
23–26 Ф е д о р Ф е д о р ы ч. Ключ! ~ Ключ? Да примете / Все. Ключ,
ключ! П е р в ы й к о м и ч е с к и й а к т е р. Да примете (Сп*)

- 29–30 не хотим больше ничего слышать. Ключ! / не хотим больше ничего слышать (Сп*)
- 31 В с е. Ключ! / Все. Ключ! Ключ! (Сп*)
- 35–36 как бы вы ни приняли слова мои / как бы вы ни приняли мои слова (СпК, СпБ, Соч. 1856); как бы вы ни приняли моих слов (СпМ, СпР, СпА)

С. 121

- 1 Всмотритесь-ка пристально в этот город / Рассмотрите-ка хорошенько этот город (СпК, СпБ); Рассмотрите-ка пристально этот город (СпМ, СпР, СпА)
- 1 выведен / выставлен (Сп*)
- 2 эакого города нет / такого города нет (СпМ)
- 3 не слыхано, чтобы / Не слыхали, чтоб (СпК, СпБ); не слыхали, чтобы (СпМ, СпР); не слыхали, будто бы (СпА)
- 5 Ну а что если это / Ну что если это (СпР)
- 5–6 наш же душевный город / наш душевный город (СпМ)
- 7–8 произнесет над нами суд / производит над нами суд (СпК, СпБ); произносит над нами суд (СпМ)
- 9–10 наилучшие из нас ~ потупят / наилучший из нас, не позабудьте этого, потупит (Сп*)
- 11 у кого-нибудь из нас / у кого-либо из нас (Сп*)
- 12–13 собственной кривизны своей / кривизны своей (СпК, СпБ, СпА)
- 14 видел / видели мы (СпК, СпБ, слово: видел – в СпА пропущено)
- 15–16 это уже мы сами знаем / Мы это сами знаем (СпК, СпБ, СпА); это уже сами мы знаем (СпР), это мы уже сами знаем (СпМ)
- 19–20 только их слышим / их только слышим (Соч. 1856)
- 20 кто бы их ни произносил / кто бы ни произносил (СпА)
- 23 не кончилась бы / не окончилась бы (СпК, СпБ, СпМ, СпА, Соч. 1856)
- 24 не кончилась эта комедия / окончилась эта комедия (СпК, СпБ); не кончалась эта комедия (СпА)
- 28 на самих себя / на самого себя (Сп*)
- 31–32 такое страшилище / откроется такое страшилище $\diamond$ (КЦ); откроется такое страшилище (Соч. 1856)
- 32 от ужаса подымется волос / от ужаса подымутся волосы (Сп*)
- 32 Лучше ж сделать / Лучше сделать (СпК, СпБ); Лучше же сделать (СпМ, СпР, СпА)
- 34 похвальбы собой / похвал над собой (СпК, СпБ, СпР, СпА); похвал (СпМ)

С. 122

- 1 Слов: продажная, обманчивая совесть – нет (СпБ).
- 3 ничего не увидишь / ничего не увидим (СпК, СпБ, СпР, СпА)
- 6 даже пустая / даже самая пустая $\diamond$ (КЦ)
- 8 даже похвастаетшься / даже похваставшись (СпР)
- 9 и скажешь ему / скажешь ему (СпР)
- 9–10 какой у меня ~ в нем все / какой у меня ~ все в нем (СпК, СпБ, СпР, СпА); как у меня все в городе (СпМ)

- 10 Лицемеры / Лицемерны (СпК, СпБ, СпМ, СпА); Лицемерье (СпР)
 11 сам имел с ними дело / имел с ними дело (СпА)
 12 и ее самое / и ее самую (СпК, СпБ, СпР, СпА, Соч. 1856); и ее са-
 мою (СпМ); и ее самую [◊] (КЦ)
 12–13 они надуют / надуют они (СпК, СпБ, СпА)
 14 что и следа / и что следа (СпР)
 14 ее не найдешь / ей не найдут (СпК, СпБ); ей не найдешь (СпР, СпА)
 15 занесся было уже / занесся уже было (СпК, СпБ, СпМ, СпА, Соч.
 1856); занесся уже было [◊] (КЦ)
 15 невесть куда / невесть куды (Соч. 1856)
 18 Слова: вертопрахом — нет (СпК, СпБ, СпА).
 20–21 кто ни держитесь такого же мненья / кто живет в большом свете,
 не держитесь такого же мнения (СпК, СпБ); кто ни держитесь та-
 кого же мнения (СпМ, СпА); кто ни держитесь такого мнения
 (СпР)
 21–22 но с настоящим Ревизором / а с настоящим Ревизором (СпК, СпБ,
 СпА)
 25 Слов: изгоним наших душевных лихоимцев — нет (СпБ).
 25 Есть средство / Есть средства (СпМ, СпР)
 33–34 в себе ни отыщем / в себе отыщем (СпМ)
 36 прямо на свой собственный счет / на свой собственный счет (Сп*)
 37 именно было на нас лично / было лично на нас (Сп*)
 37 все отыщешь в себе / все отыщем в себе (Сп*)
 38 опустишься в свою душу / спустимся в свою душу (СпК, СпБ, СпА);
 опустимся в свою душу (СпМ, СпР)

С. 123

- 1 Что смеетесь? / Чего смеетесь? (СпМ, СпР, СпА)
 3 русскую нашу породу / нашу русскую породу (СпК, СпБ, СпР, СпА)
 8 что не пустой я / что не пустой (СпА)
 11 которым пересмеивает в свете / которым пересмеивает на свете (СпК,
 СпБ); которым пересмеивает на свете (СпА)
 15 должно служить на земле / должно служить, что ни есть на всей зем-
 ле (Сп*); должно служить: Земле (КЦ)
 15 несется туда же / летит и несется туда же (СпК, СпБ, СпР, СпА); и
 летит и несется туда же (СпМ)
 16 кверху / наверх (Сп*)
 16 к Верховной Вечной красоте / к верховной Вечной власти и красоте
 (СпМ)

⟨ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ ОКОНЧАНИЯ “РАЗВЯЗКИ РЕВИЗОРА”⟩

Варианты черного автографа (ЧА)

С. 124

- 10 в конце комедии / в конце [пиэсы] комедии
11 встречает нас у дверей / встречает у дверей ◊
12–13 есть та поддельная / есть поддельная ◊
13 ветрен(ая) светская / [светская] ветрен(ая) светская
18 предстало перед меня / выставлено мне ◊
21 совокупностью своею / [всеї] совокупностью своею
26 они так же крадут / они крадут ◊
26 сокровища души нашей / сокровища [и] души нашей
27 как те грабят казну / как те казну ◊
29 так искусно подъехать / так ловко подъехать ◊
31 проныры / плуты ◊

С. 125

- 2–3 остаться обманутым, как городничий / остаться [как горо(дничий)]
обманутым, как городничий
10–11 ничего не вижу / ничего [по(н)ять?] не вижу
18 говорю, что автор / говорю, автор ◊
20–21 то и в таком случае / [он] то и в таком случае
26–27 не считали бы этого за то / не считали бы за то ◊
28 *После: в картине. — зачеркнуто: Чтобы кинуло в трепет зрителя, не то*

С. 126

- 1 Спрашиваю: зачем / [Зачем] Спрашиваю: зачем
4 Разрешите-ка / Разрешите как ◊
14 Но разве всяк / Но разве [многи(е)] всяк
19 не над собой / не над собою ◊
21 Все знают / Все [уверен(ы)?] знают
23–25 что он ~ может привести / на него самого может привести ◊
32–33 речи, противные ~ образу мысл(ей) / такое мнение, которог(о) не ска-
жет никогда христианин и которых не должен сказать русской. ◊
35–36 чем больше им возмутила / [те(м)] чем больше возмутила ◊
36 привела от него в содрог(анье) / заставила от него содрогнуться ◊
(в слове заставила зачеркнуты четыре последние буквы, слово со-
дрогнуться не исправлено)

С. 126–128

- 38–14 приличные трагедии? ~ как Хлестаков. / а. приличные трагедии и
драме высокой. А потом зачем [не хотите] [вы в самом деле не взгля-
не(те)] не взглянете [также и] на произведение писателя также глаза-
ми христ(и)а(ни)на. Мне кажется, уж если поступать действительно
справедливо по всей правде, то следует посмеяться беспощадно над
всем, что ни позорит нас вообще*. [Но это первая половина, хотя бы
это и кололо нашу народную горд(ость).] Но это только еще* первая
половина дела. Вслед за тем обратит(ь)ся вдруг* с вопросом и к само-

му себе, нет ли и в себе самом того же в другом виде, и над тем, что найдешь дур(ного) в собственной душе своей [где [име(ется)] почти то же, что в другом], но в другом виде, в другом платье, в приличнейшей наружности, по(смеяться²) (вариант не закончен; слова: вообще, только еще, вдруг, отмеченные звездочками, — вписаны); б. приличные трагедии и драме высокой ~ (текст, замененный тильдой здесь и ниже, совпадает с верхним слоем варианта а.) по всей правде и притом великодушно, то, посмеявшись над всем дурным в том лице, которое выведено комиком на смех, [уметь посмеят(ь)ся потом] обратиться вдруг к самому себе и над собой, на(д²) дурным (вариант не закончен); в. приличные трагедии и драме высокой ~ по всей правде, то следует не щадить дурного, где бы вы его ни встретили. Но это еще не все, это только первая половина дела. Вторая половина: обратиться тут лично к себе самому и не пощадить также дурного в себе самом. Так мне кажется нужно поступить, если хочешь поступить истинно похристиански и [вполне великодушно], Христианин [вид(ит²)] уверен. Нет порока, замеченного нами в другом, [который] которого хотя отраженья не [было] присутствовало бы и в нас самих, не в таком объеме, в другом виде, в другом платье, попрличней; г. приличные трагедии. Потом уж ежели действовать как христианин, нужно попы(таться²) сатиру(2) обратить(2) (вариант не закончен); д. Как в тексте, со следующими вариантами:

С. 128

- 2-8 Текст: прежде чем замечать ~ дело лежит здесь. — вписан; прежде чем ~ обществу — вписано на нижнем поле с обозначением места вставки. Следующие фразы вписаны на левом боковом поле без обозначения места вставки; в разных изданиях вставлены в текст по-разному: за словами: прежде чем ~ обществу (Тих. Т. 6. С. 262), после слов: приличные трагедии (Ак. Т. IV. С. 135).
- 4 возьмет его себе / возьмет его [◊]
- 5 Слово: тот — написано дважды.
- 5 в этом вещественн(ом) / в этом [ду(шевном)] вещественн(ом)
- 8-9 сочиненье, где ни поражается дурное / сочиненье [не только эту], где ни поражается дурное
- 11-12 не присутствовало бы / не [было] присутствовало бы
- 13-14 Слова: и поблагообразней ~ как Хлестаков — вписаны.
- 16-17 Сами это знаем ~ а гнать не хоче(м). / Зачем не помышляем о том, чтобы изгнать их, когда есть и убежденье, что это нужно [◊] (в процессе правки два последних слова остались незачеркнутыми)
- 17 бич в руках, данный / бич в руках, [которым можно это сдела(ть)] данный
- 20-22 А смех разве ~ на доброе дело. / Смех недаром нам. Если все злое его боится, а смеха, вы знаете, боится даже и тот, кто ничего не боится, если все злое его боится, так, верно, он дан уже на доброе дело. [◊] (слова: вы знаете, боится даже и тот, кто ничего не боится остались незачеркнутыми)
- 22-23 Фраза: Скажите, зачем ~ смеяться² — вписана между строк без обозначения места вставки.

- 24–25 позорящее высокую красоту / позорящее [красот(у)] высокую красоту
 25–26 порочит красоту / порочит [высоку(ю)] красоту
 26 собственной души каждого из нас / собственной каждый из нас ◊
 26–27 не обратим его вовнутрь самих себя / не обратим [мы его внутренне
 каждый к] его вовнутрь самих себя
 27–28 Зачем один намек ~ во гнев?.. / и как правосудный государь, изгоня-
 ющий взяточников из государства, не изгоняем им [взяточников] на-
 ших собственных взяточников ◊ (слова из государства ~ собственных
 взяточников *остались незачеркнутыми*)
 30 сколько-нибудь благородную / благородную ◊
 33 перед самим собой / перед самим собою ◊

С. 128–129

- 38–5 С е м е н С е м е н ы ч. Признаю(сь) ~ ему возможней. / а. С е -
 м е н С е м е н ы ч. [Да, легко сделать это] Это так рассказать, так
 выйдет красно, а попробу(й) это на деле. П е т р П е т р о в и ч.
 Однако ж, в словах этих есть [что] такое, что задумаешься. М и х а л
 М и х а л ч. Все трудно. Я не знаю, что легко, всякое дело для меня
 всегда бывало трудно. Но ведь я говорю, что это возможно только од-
 ному русскому челове(ку), и притом тогда, когда уж он точно христи-
 анин. Ведь русской ничего [не может] не в силах сделать из* того, что
 [возмо(жно)] легко [другому], он только и может сделать, что чересчур
 трудно (*слово *вписано*); б. С е м е н С е м е н ы ч. Признаю(сь),
 ваш(и) слова заставили меня задумать(ся). Вы думаете, возможен этот
 поворот смеха [против] на самого себя, противу собственного <лица>?
 П е т р П е т р о в и ч. Я думаю только, что [это может случиться]
 [для человека, который хотел быть лучше, это возможно] это возмож-
 но для человека, который почувствовал — *Далее — как в тексте*
 7 даже у простого народа / даже у простого ◊
 8 даже самого себя / самого себя ◊
 8 *После: самого себя — зачеркнуто: чему*
 8–9 у нас скорее может быть / у нас одних только может быть ◊ (*отменен-
 ный вариант осталась незачеркнутым — незавершенная правка*)
 10 Провергните / Пожалуй провергните ◊
 10 что я лгу / что лгу ◊
 11–12 уже и меня, бедного скомороха / уже бедного скомороха ◊
 15–16 почувствовать и вы / и вы почувствовать ◊ (*отмененный вариант ос-
 тался незачеркнутым — незавершенная правка*)
 18–19 сами меня растрогали / [вы] сами меня растрогали [сами]
 24 возбудил в вас не тот пустой смех / возбудил в вас [смех] не тот пус-
 той смех (*частица не по ошибке зачеркнута*)
 28–29 *Слова: и с которыми расстанься теперь — вписаны.*
 30–31 Отнимите, отнимите ~ у тех / Помогите хотя после меня отнять этот
 [у] смех у тех ◊
 32–38 Говорю вам ~ за него ответ. / а. Друзья, он добр, он честен этот смех,
 не хочет служить безобразной и темной силе, не хочет пресмыкаться,
 но хочет [так как и все прочие наши способности] так же, как все силы
 души нашей, стремить нас выше(?), к Верху, к Верховной вечной кра-
 соте. [Отнимите] [Где бы я ни был] [Хоть и не будет] О, [где бы ни

был я потом(?) если истлею в могиле и костей моих уже не будет на свете, [заплачу тогда, когда я слышу, что узнали] мне кажется, я и тогда откликнулся² и запла(чу), [когда у(знаю)] как дитя, когда услышал³, (что) мог он оклеветать⁴: он честен, он не хочет служить [безобразной темн(ой) силе] врагу человека, не хочет пресмыкаться, [но так же]⁵ [но как] но хочет⁶, как верной пес, [охранять красоту⁷] [отгонять] лаять противу врагов; б. Как в тексте, со следующими вариантами:

³⁵ И в ком уж нет / И в ком [нет] уж нет

³⁶ После: век не смеяться — *зачеркнуто*: он — говорю вам так(?)

С. 129–130

^{39–5} Текст: Писес под заглавием ~ не товарищ. — *написан на л. 2 рукописи без обозначения места вставки.*

С. 129

^{39–40} После слов: “Заключенье Ревизора” — *написано и по ошибке не зачеркнуто*: была

⁴⁰ последний прощаль(ный) бенефис / последний бенефис ◊

С. 130

1 одному из лучших / одному из [замечательнейш(их)] лучших

1 не мешает помнить / не мешает [что] помнить

3 когда, прослуживши / когда [расстается на], прослуживши (когда *зачеркнуто*)

3 законное / законные ◊

5 с товарищами, которым / с товарищами, [с которыми] которым

ВАРИАНТЫ СЦЕНИЧЕСКОГО ТЕКСТА “РЕВИЗОРА” (АК2)

С. 359

Слов: Г-н, Г-жа — в перечне исполнителей нет.

¹⁴ Крамолей (восп.) / Кармалей

¹⁵ Слов: Петров (восп.) — нет.

¹⁷ Дюр / Дюр, Максимов

¹⁸ Фамилии: Афанасьев — нет.

¹⁹ уездный лекарь / уездный лекарь... Даллока

²⁰ Слов: Горшенков (восп.) — нет.

²² Ростановский / Растаковский

²³ Степан Ильич / Игнатий Ильич

²⁴ Слов: Григорьев м. — нет.

²⁵ Фамилии: Дубровин — нет.

² Так в рукописи.

³ Так в рукописи.

⁴ Над словами: мог он оклеветать — *вписано*: он не лежц(?)

⁵ но также не *зачеркнуто* (незавершенная правка)

⁶ хочет *вписано*

⁷ красоту не *зачеркнуто* (незавершенная правка)

- 26 Полицейские / Полицейские Офицеры
 27 Ахалин (восп.) / Ахалин
- С. 360
- 1 Абдулин / Авдулин
 2 Пошлепина / Пашлепкина
 3 Марковецкий (восп.) / Марковецкий
- С. 361–363
- 1–34 *Текста:* Характеры и костюмы ~ с его характером. — *нет.*
- С. 364
- 8 пренеприятное известие / одно пренеприятное известие
 9–11 обревизовать в нашей Губернии все относящееся по части Гражданского Управления / а. Как в тексте; б. обревизовать всю губернию и в особенности наш уезд (VI)
 16–17 очень потревожился / что я очень потревожился
 17 Так как будто предчувствовал / Я как будто предчувствовал
 18–19 Слова: Право, этаких я никогда не видывал — *зачеркнуты* (VI).
 25–26 *Ремарки:* (значительно поднимает палец вверх) — *нет.*
- С. 364–365
- 28–1 (остановясь) ну, здесь свои... / а. Слов нет; б. тут у нас свои..... (VI)
- С. 365
- 1 взять предосторожность / а. взять предосторожность и поудержаться на время от легкой стрижки, как называешь ты взносы со стороны просителей и непросителей; б. взять предосторожность и поудержаться на время (V); в. поостеречься на время (VI); г. взять предосторожность (VI)
 9 пожалуйста / пожалуста
 14–15 отдали под суд / отдали в суд $\diamond$ (I)
 16–17 никаких ни Ревизовок, ни Ревизоров... ничего не было / никто не приезжал и никаких ревизовок не было
 19 и больше политическая / не больше политическая (*описка*)
 21 чтоб узнать / чтобы узнать
 23 Если б он был / Если бы он был
 25 Отсюда хоть / Отсюда
 25 три года скачи / три года едь $\diamond$ (I; слово: едь — *выскоблено, восстанавливается по тексту АК1*)
 29–30 (махнув рукой). Ну... Вас, я знаю, не переговоришь. / Нет, нет. Об этом и толковать нечего. $\diamond$ (I)
 32 советую и вам / советую и Вам так же поступить $\diamond$ (I)
 38 на другом каком языке / на каком другом языке
 40 когда кто заболел / и когда кто заболел
 40–41 *Ремарки:* (помолчав и покачав головою) — *нет.*
- С. 365–366
- 41–1 *Фразы:* У вас больные ~ когда войдешь. — *нет.*
- С. 366
- 1–2 Да и лучше, если б их было меньше / Но вообще я должен заметить, что нехорошо, если больных слишком много. Лучше, если их меньше
 2 сей час отнесут / это тотчас отнесут

- 4 На счет этот мы уже / а. О, у нас больные долго не залеживаются. Мы уж (слова: О, у нас больные — *выскоблены, восстанавливаются по тексту АК1*); б. На счет этот мы уж (I)
- 5–7 распорядились как нужно ~ зачем убыточиться и выписывать / а. так распорядились насчет этот как нужно. Да и в самом деле, зачем убыточиться и выписывать; б. распорядились как нужно. Все зависит от образа лечения: мы рассудили, что незачем убыточиться и выписывать (I)
- 9–11 *Фраза*: При том ~ не знает по-Русски. — *зачеркнута и восстановлена* (I).
- 10 затруднительно было б / затруднительно бы было
- 17 и несколько / несколько
- 21 с маленькими гусенками / с маленькими гусенятами $\diamond$ (I; *слово: гусенятами — выскоблено, восстанавливается по тексту АК1*)
- 24–25 *После*: как-то позабывал. — *зачеркнута*: Также этот народ имеет обыкновение развешивать на дверях для сушки свои олучки и листья табаку, называемого бакуном. Оно, конечно, делается для того, чтобы высушить, но я несколько раз хотел вам заметить, что воздух в присутственных местах очень Густ... (I)
- 25–26 дурно, что у вас ~ охотничий арапник / а. дурно, что висит у вас в самом Присутствии охотничий арапник и рог; б. дурно, что у вас высушивается в самом Присутствии табак и над самым шкафом с бумагами охотничий арапник (I); в. дурно, что у вас ~ с бумагами висит охотничий арапник (VI)
- 27 Я знаю / Конечно, я знаю $\diamond$ (VI)
- 27 на время лучше его принять / а. знаете, на время его лучше принять; б. на время его лучше принять (I)
- 28 вы, пожалуй, опять его можете повесить / так вы опять его можете повесить
- 29 заседатель ваш / подсудок ваш $\diamond$ (I)
- 30–31 как будто б он только что вышел / как будто бы он только что вышел
- 32–33 чем-то развлечен / развлечен чем-то
- 33 такие средства / этикие средства
- 34 он говорит, у него / он говорит, что у него
- 38 *Фразы*: Христиан Иванович издает тот же звук. — *нет*.
- 40 он говорит / кто его знает, он говорит $\diamond$ (I)
- C. 367
- 11 или чем другим / а. Как в тексте; б. или собаками (I)
- 15 церковь / Церьков
- 16–17 бываю в церкви / бываю в Церькве
- 17 О, я знаю вас / я знаю вас
- 30 не вспомню его фамилии / не вспомню его фамилию
- 30–31 чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу / а. взошедши на кафедру, чтобы не сделать Гримасу; б. взошедши на кафедру, не сделать гримасу (VI)

- 38–39 Л у к а Л у к и ч. Ах Боже мой! у меня совершенно из ума вышло. / а. Реплики нет; б. Л у к а Л у к и ч. Ах Батюшки! у меня это совершенно из ума вышло. (II)
40 Слова: Г о р о д н и ч и й. — нет.

С. 368

- 1 тму / тьму
4 что с ним сделалось / что с ним делалось
4 Я думал / я думаю
4–5 Ей Богу! / а. Как в тексте; б. ей, ей (V?)
15–16 Инкогнито проклятое — вот что смущает! / а. Фразы нет; б. Инкогнито проклятое, вот что [худо] смущает! (I)
17 здесь судья / в богоугодном заведении начальник [◇] (I; слова выскоблены, восстанавливаются по тексту АК1)
18–19 попечитель Богоугодных Заведений / смотритель училищ [◇] (I; слова выскоблены, восстанавливаются по тексту АК1)
19 А подать сюда / А подайте сюда
23 с тем, чтобы сообщить / чтобы сообщить вам
34–35 чтоб осмотреть / чтобы осмотреть

С. 369

- 2–6 боязни нет ~ перья полетят во все стороны. / а. боязни нет, а так как-то неловко, чорт знает как неловко. Я, признаться сказать, уж слишком подстриг здешнее купечество и Гражданство: так что вряд ли и ножницы такие в свете найдутся, которые бы могли еще что-нибудь захватить, на меня-то они все теперь... так вот бы съели, попадись я только им.; б. боязни нет, а так как-то неловко [чорт знает как неловко. Я, признаться сказать, уж слишком подстриг здешнее купечество и Гражданство: так что вряд ли теперь и цирюльник такой сыщется, который бы мог что-нибудь захватить с них]. Больше со стороны купечества и гражданства здешн(его). Я, признаться сказать, им немножко солоно пришелся. Они [я знаю] [на] меня [теперь], как коршуны... Так бы всего и растрепали, только перья полетят во все стороны (II); в. боязни нет, а так как-то неловко. Больше со стороны купечества и гражданства здешн(его). Я, признаться сказать, им немножко солоно пришелся. (VI)
7–8 Вот в чем дело ~ признаюсь вам, имею / а. Как в тексте; б. Вот в чем дело. Видите ли, я имею (VI)
11 начальство ж есть / начальство же есть
16–17 Слова: Для этого снять как-нибудь из глины слепок — зачеркнуты (VI).
17 впрочем, можно даже / а. или даже можно; б. а впрочем, можно даже (I)
19–20 не то чтоб из предосторожности / не то чтобы из предосторожности
22 После: интересное чтение — зачеркнуто: ей Богу (III)
23–24 После: назидательные даже — зачеркнуто: Ей Богу (III)
24 лучше, нежели / Гораздо лучше, нежели
26 я, однако же, рад / я, однако ж, рад
29 О Петербургском ничего нет / О Петербургских ничего нет
31 не читаете писем / не читали писем

- 33–34 *Слов:* Я провожу, говорит, время с крайним удовольствием — нет.
 35 штандарт скачет / штандар скачет
 37 право / ей Богу $\diamond$ (I)
 39 сей час же его ко мне / сей же час его ко мне

С. 370

- 2–6 А м м о с Ф е д о р о в и ч. Смотрите ~ семейственное. / а. *Текста нет*; б. А м м о с Ф е д о р о в и ч. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это. [Лука Лукич] Почтмейстер (испугавшись). Ах Батюшки! Городничий. Ничего, ничего, [это дело] другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, а то ведь это дело семейственное. (II)
 7 Эко в самом деле / Эка в самом деле
 7–8 непредвидимое известие / печальное, непредвидимое известие $\diamond$ (I)
 9–10 сестра тому кобелю / сестра этому кобелю
 10 завели тяжбу / теперь завели тяжбу
 11 я теперь травлю зайцев / я теперь могу травить зайцев
 13 в ушах только и слышно, что никогнито проклятое / право, в ухе так как будто бы сверчок. Все бы ничего, худо, что Инкогнито [каналство]. Вот что худо. $\diamond$ (I)
 18 Чрезвычайное происшествие! / Чрезвычайное, ух.. ух... происшествие $\diamond$ (II)
 19 Неожиданное известие! / а. Неожиданное изве... ух, ух... естье.; б. Неожиданное известье. (II)
 25 Д о б ч и н с к и й (перебивая). Э, позвольте / Д о б ч и н с к и й. Э, позвольте
 31 Э, нет, помню / Э, нет, помню, помню
 33 чтоб Петр Иванович / чтобы Петр Иванович
 35 сердце не на месте / сердце так и бьется
 36 возьмите стулья / возьмите стулья, пожалуйста, садитесь
 36–37 Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей. / Все, усаживаясь вокруг обеих Петров Ивановичей.

С. 371

- 3 Ростановскому / Растаковскому
 3 Ростановского / Растаковского
 11, 14, 16 Почечуеву / Погоняеву
 12, 13 За боченком для Французской водки. / За боченками для французской водки.
 16–17 Сегодня, я знаю / Сегодня, я знаю
 19 *Ремарки:* (перебивая) — нет.
 28 со временем / и со временем
 33 у вас, я знаю, один зуб со свистом / у вас один зуб со свистом
 33–34 Это, говорит, молодой человек / что этот молодой человек
 36 больше полуторы недели / больше полторы недели
 37 забирает все / берет все
 37 на щет / на бор $\diamond$ (I; слова выскоблены, восстанавливаются по тексту АК1)
 37–38 и денег хоть бы копейку заплатил / денег совсем не платит

С. 372

- 3 Бог знает куда / Бог знает куды
3 в Саратовскую Губернию / в Саратовскую Губерню
8 и денег не платит / и денег не платит
9 кому же б быть / кому же бы быть
11 Он, он, ей Богу, он / а. Как в тексте; б. Он, он, право, он (VI)
15–16 где же он там живет / и где же он там живет
17 В 5-м № под лестницей. / В 5 № над лестницей.
19 проезжие офицеры / приезжие офицеры
20 И давно он уж здесь? / И давно уж он здесь?
24–25 высечена почти напрасно унтер-офицерская жена / а. высечена офицер-
ская жена; б. *Слов нет* (III*); в. высечена унтер-офицерская жена (IV)
25 Боже мой! / ай, ай, ай. Ах, Боже мой
26 не выдавали / а. не выдавали. О Боже мой, Боже мой; б. не выдава-
ли, о Боже (VI)
26 На улицах кабак / На улицах кабаки $\diamond$ (I)
26 нечистота / и нечистота
27 *Ремарки:* (Хватается за голову.) — *нет*.
31 А я полагаю / Я думаю
33 священство / а. священство; б. синглит $\diamond$ (V)
34 таинственное значение / тайное значение

С. 372–373

- 41–1 Слова: на скоро, что можете к принятию — *зачеркнуты* (VI).

С. 373

- 1 я отправлюсь сам / а. Как в тексте; б. я отправлюсь один (VI)
13–14 У вас все в исправности. / У вас ведь все в исправности.
27 ты только один / ты только один здесь
28–29 Прохоров / Кнут $\diamond$ (II)
32–33 Вот уже два ушата / вот уж два ушата
34 *Ремарки:* (хватаясь за голову) — *нет*.

С. 374

- 5 как там он / как там он едак
7 принимая шпагу / а. Как в тексте; б. принимая шпагу и шляпу (VI)
8 возьми десятских / займи десятских $\diamond$ (I; слово: займи — *выскоблено, восстанавливается по тексту АК1*)
15 ухо остро!.. / а. ухо остро...; б. ухо остро... ты думаешь (V?)
17 Смотри! не по чину берешь! / а. Ты, дурак, с меня примера не бери!;
б. Ты смотри! не по чину берешь! (I)
20 Степан Ильич / Степан Ильич, вам теперь нужно прежнее бросить
23–24 Чиновник-то из Петербурга / Ведь чиновник-то из Петербурга
30 Прохоров / Кнут $\diamond$ (II; слово *выскоблено, восстанавливается по тексту АК1*)

С. 374–375

- 39–1 похоже на планировку / похоже на плакировку

С. 375

- 1–2 деятельности Градоправителя / деятельности Градоправителей
3–4 скверной город / а. скверной город; б. скверной народ (I)
5–6 (Вздыхает.) / а. Ох Боже, Боже мой. (Вздыхает.); б. (Вздыхает.) (VI)
9 О, ох, хо, хо, х! / О Боже мой, Боже мой

- 9–10 берет вместо шляпы фуляр / берет вместо шляпы коробку
 13 О Боже мой, Боже мой! едем, Петр Иванович! / а. Как в тексте; б. едем, Петр Иванович! (VI)
 13–14 (Вместо шляпы хочет надеть бумажный фуляр.) / (Надевает вместо шляпы коробку на голову) едем
 15–16 Ч а с т н ы й п р и с т а в. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа. / а. Ч а с т н ы й п р и с т а в. Ваше Высокоблагородие, у Вас на голове коробка; б. Ч а с т н ы й п р и с т а в. Ваше Высокоблагородие, у Вас коробка в руках (I)
 17 Слов: Коробка так коробка. — нет.
 21 рапорт представлял / рапорт представлял, что большущий был пожар [◊] (I)
 22 что она и не начиналась / а. что она совсем не началась; б. что она и не началась (I)
 23–24 он для порядка всем ставит фонари / он, я знаю, имеет обычай для порядка всем ставить фонари
 26 безо всего / без всего
 34 Ревизор? / Ревизор? что он статской?
 39 Я тебе вспомню это! / Я тебе вспомню это. А нос, как картофель, так и мотается! [◊] (I)
 39 А все эта / А все это

С. 376

- 2 ничего и не узнали / ничего не узнали
 3 пред зеркалом / перед зеркалом
 5 делает гримасу / делает рожу [◊] (I)
 6 Да что ж делать / Да что делать (AK2, TC1)
 7 чрез два часа / ведь чрез два часа (AK1); ведь через 2 часа (TC1)
 8 Чрез два часа / Чрез 2 часа (AK2); Через два часа (TC1)
 9 чрез месяц / через месяц (AK2, TC1)
 11 что, Авдотья / а. Как в тексте; б. Авдотья (AK2, I); Авдотья (TC1)
 11 приехал кто-то... Не слышала? / приехал кто-то. А? Генерал. Не слышала! (AK2); приехал кто-то? А? Не слышала! (TC1)
 12 Машет руками? пусть машет / Руками машет? пусть машет (AK2); а. руками машет? Г о л о с А в д о т ь и. Право, сударыня, ничего не слышала. А н н а А н д р е е в н а. Пусть машет; б. руками машет? Пусть машет (TC1)
 13–14 А? скоро уехали! / А? что? скоро уехали? (AK2, TC1)
 14 да ты бы побежала / да ты побежала (AK2); да ты бы побежала (TC1)
 16 каков он / какой он (AK2, TC1)

С. 377

- 4 Слов: Явление I. — нет (AK2, TC1).
 5 на Барской постеле / на барской постели (AK2); на барской постеле (TC1)
 6–7 как будто бы целый полк / как будто целый полк (AK2)

¹ О вариантах TC1 к с. 376–378 см. наст. изд. С. 583.

- 8 как уже / а. Как в тексте; б. как мы (АК2, VI)
- 8–9 из Питера! / из Питера! всего вить треть верст осталось $\diamond$ (АК2, II и V; ТС1)
- 10 А стало бы и очень бы стало / А стало бы и очень стало бы (ТС1)
- 11 в каждом городе / в каждом Губернском городе $\diamond$ (АК2, II и VI); в каждом Губернском городе (ТС1)
- 11–12 *Ремарки:* (дразнит его) — нет (АК2, ТС1).
- 12 Ей, Осип / Эй, Осип (АК2)
- 13 дурного обеда / а. дурного обеда; б. скверного обеда (АК2, VI); дурнова обеда (ТС1)
- 15 Елистратишка / Элистратишка (АК2)
- 15 После: простой — вот тебе и дообедался! (АК2, ТС1)
- 16 вот тебе и доигрался / вот те и доигрался (ТС1)
- 19 так жить в Питере / так жить в Питере (АК2)
- 21 кеатры / кятры (АК2, ТС1)
- 22 разве только дворянству уступит / разве только дворянству не уступит (АК2, ТС1; в ТС1 частица не впоследствии зачеркнута)
- 26 как на ладони / как на ладоне (АК2, ТС1)
- 27–28 трясет головою / вертит головою (АК2, ТС1)
- С. 378
- 3 славно наешься / Как в тексте (АК2); так наешься (ТС1)
- 5 чем бы их попридержать / чем бы их попридерживать (ТС1)
- 5 и куды / и куда (АК2)
- 5–6 ездит на извошике / ездить на извошике (АК2, ТС1)
- 6 ты доставай / ты ему доставай (АК2, ТС1)
- 6 в кятр билет / в кятр билет (АК2); билет в кятр (ТС1)
- 8 до последней рубашки спустит / до последней рубашки продаст (АК2, ТС1)
- 9 ей Богу / Ей, ей (АК2)
- 10 рублей полтораستا / Рублей в полтораستا (ТС1)
- 11 рублей за двадцать / рублей за двадцать (ТС1)
- 15 а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал / а. Как в тексте; б. а таких бы засыпал (АК2, VI)
- 24 валялся на кровати / валялся на кровати
- 25–26 Да зачем же бы ~ что ли? / а. Ей Богу, и не думал и не притрогивался; б. Право, и не думал и не притрогивался (III); в. Да зачем же бы мне валяться [на кровати]? Не видал я разве кровати что ли? (II и IV)
- 28 Да на что мне она? не знаю я разве, что такое кровать? / а. Да зачем же бы я валялся? Не видал я вашей кровати что ли! б. Да на что мне она? (I)
- 32 четвертого дня / четвертого дни
- 34–35 ходит и разнообразно сжимает свои губы. Наконец, говорит ~ голосом / насвистывает, потом, обращаясь к нему, говорит громким и решительным голосом
- 38–39 но не столь решительным голосом / и не столь решительным
- С. 379
- 4 дали пообедать / а. дали пообедать: суп, соус или еще что-нибудь поскорей; б. дали пообедать (VI)

- 9 Как он смеет не дать. Вот еще вздор! / а. Это вздор, ты скажи ему, что он не может этого сделать; б. Как он смеет не дать. Вот еще вздор, ты скажи ему, что он не может этого сделать (VI)
- 13 А ты так уж и рад сей час пересказывать. / а. Ну он дурак, больше ничего; б. А ты уж и рад мне это сейчас пересказывать, он дурак, больше ничего. (VI)
- 16 чтоб на съезжую / чтобы на съезжую
- 17 Ну, ну, дурак, полно. Ступай, ступай скажи ему. / а. Ну, ну, ну. А ты уж всякой вздор рад пересказывать, ступай скажи, что я... ступай, ступай скажи ему; б. А ты уж рад пересказывать, ступай скажи, что я... ступай, ступай скажи ему (I); в. Ну, ну, полно, дурак, ступай скажи ему (VI)
- 18 Да лучше я / Да лучше
- 19 На что ж хозяина? / На что ж хозяин
- 27 не покутил, стало бы / а. не покутил там, то очень бы стало; б. не покутил, то очень бы стало (I)
- 28 однако ж / однако ж, нечего сказать $\diamond$ (I)
- 28 что ни говори / кто что ни говори
- 29–31 срезывает. Всего каких-нибудь ~ нужно случай. / а. срезывает. Чорт его знает: всего только две талии прокинул и все забрал. Нужно когда-нибудь поучиться у него. Да впрочем как же поучиться? Когда же случай доведет с ним встретиться; б. срезывает. Только всего четверть часа посидел и все забрал. Эх, если бы еще где-нибудь встретиться с ним. Славно играет, да ведь то беда, что когда же случай приведет (II); в. срезывает. Только всего четверть часа посидел и все забрал. Славно играет. Эх если бы еще где-нибудь встретиться с ним. Да ведь то беда, что когда же случай приведет (VI)
- 31–32 Когда б в самом деле / Ох, когда бы в самом деле
- 34–35 балыки еще сносные / балыки еще сносны $\diamond$ (I)
- 35 но проклятые / да проклятые
- 35–36 сидельцы очень мало дают на пробу / а. Как в тексте; б. сидельцы такая дрянь: боится на пробу канала дать, отрежет такой кусочек, что на языке не слышишь $\diamond$ (I)
- 36–37 Не шей ты мне, матушка / из Русской песни
- 37 Никто не хочет итти. / Да если бы чего-нибудь теперь съесть.

С. 380

- 12 чтоб поскорее / чтобы поскорее
- 16–18 Да что ж жаловаться ~ есть хочется / а. Да что ж жаловаться, ну жаловаться пусть идет, пожалуй. Но он мне не смеет не дать обещать... б. Да что ж жаловаться. Ты посуди сам, любезный, как же, мне надо есть. Этак я могу совсем отощать. Мне очень есть хочется... (VI)
- 18 я не шута это говорю / Я, ей Богу, я не шута это говорю $\diamond$ (III)
- 20 не заплатит мне / не заплатит мне
- 21 Да ты урезонь, уговори его. / Ты пойди ему скажи, урезонь его $\diamond$ (VI)
- 23–25 Ты растолкуй ~ Вот новости! / а. Ну Расскажи все то, что от меня слышал, чтоб он мне дал... Что он должен дать, а о деньгах пусть не

беспокоится, деньги сами собою... Так просто и скажи, что он не смеет не дать. Что ж это в самом деле; б. Ну расскажи все то, что от меня слышал, чтоб он мне дал... а о деньгах пусть не беспокоится, деньги сами собою... Так просто и скажи, что он не смеет не дать. Что ж это в самом деле (I); в. Ну растолкуй ему серьезно, что мне нужно есть, а о деньгах пусть не беспокоится, деньги сами собою... Он думает, что как ему мужику ничего, если не поест день, так и другим также. Вот новости (VI)

35–36 Как бы переполошились все / Господи Боже мой, как бы переполошились все $\diamond$ (III)

37–38 Они, пентюхи / Они, свињи

C. 381

- ¹ какой-нибудь гусь помещик / какой-нибудь Телепень помещик $\diamond$ (II)
^{1–2} то в ту же минуту вылезит из брычки / ту же минуту вылезит из брычки
^{3–4} К дочечке ~ Сударыня, как я... / а. *Текста нет*; б. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдешь: Сударыня, как... (II)
⁸ Несут обед. / Несет обед.
^{9–10} (прихлопывает в ладоши ~ Несут! несут! несут! / а. Несет? ну хорошо (ну хорошо — выскоблено, *восстанавливается по тексту АК1*); б. (прихлопывает в ладоши и подпрыгивает). Несут! несут! несут (I)
^{13–14} Ну, хозяин ~ на твоего хозяина! / Ну, давай сюда. Что там такое? $\diamond$ (II; *слова выскоблены, восстанавливаются по тексту АК1*)
¹⁸ я этого не принимаю / я это не принимаю
^{27–29} Поросенок ты ~ не могу так же? / Вот прекрасно!.. какое же они имеют право? отчего же я не могу? да что... чорт возьми $\diamond$ (II; *часть слов выскоблена, восстанавливается по тексту АК1*)
^{33–34} Обнаковенно ~ деньги платят. / а. Они деньги платят; б. Обнаковенно какие! они уж известно, они деньги платят (I)

C. 382

- ¹ *Ремарки: (защищая рукою кушанье) — нет.*
^{2–3} я, брат, не такого рода! со мной не советую / а. я, брат... не такого рода! со мной не советую тебе шуток делать; б. я, брат... со мной не советую тебе шуток делать (I); я, брат... со мной не советую тебе. Я, брат, не такого рода (VI)
⁶ дай жаркое / давай жаркое
¹¹ и челюсти заболят / И зубов не останется $\diamond$ (I; *слова выскоблены, восстанавливаются по тексту АК1*)
¹² Слово: подлецы! — *вписано* (I).
¹³ и зубы почернеют / И челюсти заболят $\diamond$ (I, *слова выскоблены, восстанавливаются по тексту АК1*)
¹⁴ этих блюд / этих блюд, какие они, подлецы, дают мне $\diamond$ (I)
¹⁸ дерут только с проезжающих / а. *Слов нет*; б. [Свињи] дерут только с проезжающих (I)
²⁴ Там чего-то / Там чево-то
²⁶ ей Богу / а. ей Богу; б. ей, ей (VI)
²⁹ Нет, что ж я говорю / Чорт возьми, что ж я говорю

- 33 Нет, не поддаваться / а. Нет, не поддаваться, ей Богу, не поддаваться; б. Нет, не поддаваться, ей, ей, не поддаваться (VI)

С. 383

- 5–6 протянув руки по швам / протянул руки по швам
13 сначала немного заикается / перебивая, сначала немного заикается
15–16 выглядывает из дверей / в это время выглядывает из дверей
17 а суп — он черт знает чего плеснул туда / а в суп он черт знает чего плеснул
18 голодом по целым дням / а. Как в тексте; б. морит голодом по целым дням (VI)
19 Вот новость. / а. Вот новость!; б. Вот новости! (VI)
22 люди трезвые / люди довольно трезвые [◊] (I)
28 службу по Министерству / службу по министерству Юстиции
28–29 Вы не смеете / Вы меня не смеете
30 О Боже мой. / а. О Боже, Боже мой! Мать ты моя пресвятая! преподобный Антоний!; б. О Боже, Боже мой (III*)
34–35 право, не поддаваться / ей Богу, не поддаваться
35 берет сзади рукою бутылку / берет рукою сзади бутылку

С. 384

- 1–2 благодарю покорно, не хочу / благодарю покорно, я не хочу
6 да на пару платья / на пару платья
9 такой народ / а. Как в тексте; б. дикой народ (VI)
11–12 унтер-офицерской вдове / унтер-офицерской жене [◊] (VI)
12 Фраза: Да мне и дела нет к ней. — зачеркнута (I).
17 какого туману напустил / а. какова туману напустил; б. какова туману напустил (I)
20 помогать проезжающим / помогать проезжающим, останавливающимся в подведомственном моему распоряжению городе [◊] (I)
21 Так вы даете мне в займы? О, если так, то / О, если вы согласны дать мне займы, тогда совсем другое дело [◊] (VI)
22 мне бы двести рублей / мне хоть бы двести рублей
25 готов ожидать / готов ждать
26 Фраза: Как можно ~ срок. — зачеркнута (V?).
28–31 я вам очень благодарен ~ (Кладет их в карман). / а. я, право, очень рад этим деньгам. А у меня... да это мне теперь очень хорошо (берет ассигнации и, скомкавши, кладет их в карман); б. я, право, очень рад этим деньгам. А у меня... да это мне теперь очень хорошо (берет ассигнации и, скомкавши, кладет их в карман). Я вижу, что вы благонамеренной человек, а признаюсь сначала... Очень благодарю вас, теперь мне будет чем заплатить (II); в. я вам очень благодарен. Меня, признаюсь, это чрезвычайно поощрило, [а без того] у меня уж ни копейки не было. Вы, как я вижу, хороший человек, а [уж было] прежде я думал (кладет их в карман) (II)
35 Эй / Ей
38 мы и так постоим / я и так постою [◊] (I)
39–40 (Добчинскому) / (к Добчинскому)

- 2–3 Хорошо, подпустим и мы турысы; прикинемся, как будто совсем и не знаем / Нужно так прикинуться, как будто бы совсем не знаешь и не думаешь $\diamond$ (II, слова выскоблены, восстанавливаются по тексту АК1)
- 4 Мы, прохаживаясь по делам должности / мы так сегодня поутру прохаживались здесь все утро, хлопотали по должности и потом $\diamond$ (II)
- 7 ни до чего дела нет / ни до чего дела нет, лишь бы ему было хорошо
- 7–8 но я, я, кроме должности / но я, кроме должности
- 8 чтоб всякому / чтобы всякому
- 9–10 и вот ~ знакомство с вами / и потому зашел тот же час в Гостиницу и обязан этому приятным знакомством с вами $\diamond$ (I)
- 11 Я тоже сам очень рад. / Да я тоже сам очень рад.
- 12 совсем не знал / Я, право, совсем не знал
- 17–18 с лицом, принимающим ироническое выражение / делая ироническую гримасу
- 18 В Саратовскую Губернию / в Саратовскую Губерню
- 18 О! Да ты штука! / а. хе, хе, да, как бы не так, именно туда; б. да, как бы не так, именно туда (I); в. О! о! да ты штука! (V)
- 22 Нет, Батюшка / Да, мой Батюшка $\diamond$ (I)
- 22–23 А мне, признаюсь, в Петербурге лучше бы... / хочет меня видеть возле себя $\diamond$ (I)
- 24 (в сторону) / (в сторону, смеясь и прищунив глаз)
- 24–25 А? Экие пули отливает! А ведь какой маленькой. / а. хе, хе, хе... ; б. хе, хе, хе... а! Эдакие пули отливает, а вить какой молодинькой (V)
- 27–29 Не знаю. ~ отставку подал. / а. Да я полагаю навсегда. Я уж давно подал отставку. Хочется пожить на воле; б. Да я думаю на долгое на время, хотя мне не хотелось бы жить с мужиками, да и помещики тоже не имеют там образованности. Я, однако же, отставку подал (I)
- 30 (в сторону) / (в сторону, почти фыркнув от смеха)
- 30–31 И в отставку подал! Каково подвертывает! / И в отставку подал! $\diamond$ (V)
- 31 И прекрасно делаете / а. это хорошо вы делаете, очень хорошо; б. А вы *⟨далее несколько слов стерты, не читаются⟩* хорошо делаете (VI)
- 32–33 а награда неизвестно еще когда будет / и награда неизвестно еще когда будет
- 34–35 Какие большие пятна ~ сырость бывает / что это, как будто бы там в углах пятна похожи несколько на течь, верно, бывает сыро. *Далее вписано, затем выскоблено и зачеркнуто*: Какие большие подтеки везде
- 35 и стены тоже уж слишком низенькие / и стены уж слишком низинькие
- 36 *После слов*: не слишком удобна — поставлен знак вставки, см. ниже.
- 37–38 Скверная комната ~ каналы кусают. / а. Да, очень скверная комната. Я никогда не останавливался в такой дурной комнате. Там везде по

= Я так и слышу выжило дурей сохотъ цензура
ста вверху

Плестаховъ

Ей о ситъ! / о ситъ вездѣхъ / похоти еста отъ
туднаго ситъ / Городничему и дов-
шеникому / а то уръ бы стойте? / а дома
те симиной садитесь / Довшеникому
садитесь прощя погорнойше.

Городничій

ны чего нѣ и тѣль постыжк

Клементяковъ

Садитесь пограмуша и вая прощя /
Довшеникому / садитесь / Городничій и
Довшеникій садитесь / Довшеникій вьсае
дрогать вадворь /

Городничій / вейторочу /

Курко вѣтъ посылать мое... Око хочеть
что бы цитамъ его инокимъ мѣ,
дорого подпутанъ, и ны тудны правка
какъ буда сабствѣ и мѣднѣе и мѣднѣе
хотѣтъ что нѣ дальновѣкъ - / всуща
швы ~~стѣтъ еста дуръ~~
~~Фарока и вѣтъ по дѣламъ вѣтъ~~
~~вѣтъ дуръ вѣтъ вѣтъ~~
дѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ
иваковѣеи Довшеникій вѣтъ вѣтъ
швоцикомъ замми кароко вѣтъ вѣтъ
нищя что бы вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ
вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ

“Ревизор”. Писарская копия с правкой Гоголя и неустановленных лиц, представленная в театральную цензуру (третья редакция). Л. 26 об. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург

дороге, где проезжал я, было хорошо: живопись, люстры, а здесь ничего нет и клопы такие, каких я еще нигде не видывал: так, как собаки, кусают; б. *Текста нет; вычерк карандашом и чернилами, с левой стороны трижды помечено: "чисто" (дважды зачеркнуто), один раз: "надо" (VI).*

С. 385–386

- 39–2 Скажите ~ в этой комнате. / а. Да вон и паутина висит, кажется, и мухи несколько опачкали, и, сколько на мои слабые глаза, даже несколько темновато в ней; б. Скажите! Такой просвещенной гость и претерпевает такое недовольствие от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Мне кажется, сколько на мои слабые глаза, или это мухи опачкали, так как будто бы даже темно в этой комнате (I); в. *Текст:* Скажите ~ родиться. — *зачеркнут карандашом; перед фразой:* Мне кажется ~ в этой комнате — *поставлен знак вставки, указывающий на перенос ее после слов:* не слишком удобна — *см. выше (VI)*

С. 386

- 3–4 такое обыкновение / такое скверное обыкновение
 4 не отпускает совсем свечей / не отпускать совсем свечей
 5–6 не можно, потому что / никак не можно, оттого что
 7 Осмелюсь ли просить вас об одном / Осмелюсь ли я просить об одном
 14 какая комната? / какая комната? разве хорошая?.. $\diamond$ (I)
 16 припасы свежие / припасы все свежие
 18 таков нрав / такой нрав
 20 Не подумайте / Я, признаюсь, сейчас ощутил к вам самую сильную привязанность. Не подумайте $\diamond$ (I)
 27 Изволили спрашивать? / Изволите спрашивать? $\diamond$ (I)
 30–31 Я уж не помню ~ сколько там? / Я уж не помню $\diamond$ (I)
 32–33 спросить обед ~ только закусили / спросить две бутылки шампанского, обед и ужин, а на другой день один обед, на третий день только закусили $\diamond$ (I)
 34–35 Дурак ~ сколько следует? / Ну да всего-то сколько следует $\diamond$ (I)
 36 не извольте беспокоиться / не изволите беспокоиться

С. 387

- 6 какое у нас течение дел / а. какой у нас порядок, как у нас течение дел; б. какой у нас порядок, течение дел (I)
 7–8 много полезного вывести / вывести много полезного
 9 С большим удовольствием / Извольте, с большим удовольствием рассмотрите / а. рассмотрите; б. посмотрите (V?)
 16 Да, тюрьмы... нет / Нет, тюрьмы и острог... я не... $\diamond$ (I)
 17 одну строчку / одну только строчку
 28 чтоб она приготовилась / чтобы она приготовилась
 29 Зачем беспокоиться / О, помилуйте, зачем беспокоиться
 31 Я здесь напишу. / а. Как в тексте; б. Я здесь напишу. Снесите поскорее как можно ко мне (I)
 36 не ушиблись ли вы / не зашиблись ли вы
 38 Христиану Ивановичу / Крестьяну Ивановичу
 38 даст мне пластыря / даст мне пластырю

С. 388

- 1 делаю Бобчинскому / делает Бобчинскому
 3-4 ты перенеси все ко мне / ты переноси все ко мне
 7 и растянулся как чорт знает что такое / а. *Слов нет*; б. и растянулся
 здесь! в. и растянулся здесь! как чорт знает что! (I); г. и растянулся как
 чорт знает что! (VI)
 8 занавесь опускается / занавес опускается

С. 389

- 8 нужно копаться / нужно булавочку
 8 Было бы не слушать / Было не слушать
 9 как будто бы / как будто
 9 вымерло все / вымерло все. Хотя бы по крайней мере что-нибудь уз-
 нать, по крайней мере кто приехал $\diamond$ (I)
 10-11 чрез минуты две / а. *Как в тексте*; б. чрез минуту (I)
 15 Слова: небольшого роста — *зачеркнуты* (I).
 22-23 чтобы только поспорить / чтобы только посмотреть $\diamond$ (I)
 27 вы тихо идете. Ну что, где они? А? / (слышен издали невнятный го-
 лос) А! Я говорю скорее, скорее, вы тихо идете. [Голос Д о б -
 ч и н с к о г о. Нет, я не тихо хожу.] А н н а А н д р е е в н а.
 Ну что, где они? [приехал?] А? что ж там, что там такое?

С. 390

- 7 со мною поступили / со мною поступали
 18-19 тот самой, о котором было писано мужу / а. точно тот человек, про ко-
 торого мужу писано; б. точно тот, о котором мужу писано (I)
 22 расскажите: что и как / расскажите, что, как
 28 все пошло хорошо / а. все пошло... хорошо пошло (I); б. все пошло...
 хорошо (V?)
 32 вам-то чего бояться / вам-то отчего бояться
 39 говорит совсем так, как старик / совсем так говорит, как Старик
 39-40 я поеду: и туда, и туда / я поеду туда и туда $\diamond$ (I)
 40 *Ремарки*: (размахивает руками) — *нет*.

С. 391

- 2 немножко темно / очень темно
 3 А собой каков он / а. Ну что, как он; б. Ну что, каков он (I)
 5 в смущенье / в смущение
 6-7 *Ремарки*: (Читает.) — *нет*.
 10 А ничего не понимаю / Я ничего не понимаю
 14 А да, точно, (продолжает читать) / а. А да, да, точно, так, стало быть,
 нужно читать (I); б. А да, да, точно (V)
 16-17 Слова: ту, что выклеена желтыми бумажками — *зачеркнуты* (V).
 19 купцу Абдулину / купцу Авдулину
 20 Слова: а не то я перерою весь его погреб — *зачеркнуты* (V).
 21 Сквозник-Дмухановский / Сквозник-Прочуханский $\diamond$ (I; слово: Про-
 чуханский — *выскоблено, восстанавливается по тексту АК1*)
 27-28 чтоб он побежал / чтобы он пошел
 28 принес оттуда вина / привез оттуда вина
 29-30 поставить кровать ~ и прочее / поставить кровать, и скажи Авдотье,
 приставить все, что следует: рукомойник и прочее $\diamond$ (I)

- 37 столичная штука / столичная штука
 37 Слова: Боже сохрани — зачеркнуты (I).
 37–38 чтобы чего-нибудь / а. Как в тексте; б. чтобы как-нибудь (I)
- С. 392
- 2 Ляпкина-Тяпкина / а. Как в тексте; б. дочь Ляпкина-Тяпкина (I)
 2 и дочь Земленики / а. Как в тексте; б. и твои Земленики (I)
 3 лучше я надену цветное / я лучше цветное
 4–5 говоришь лишь бы только на перекор / говорит лишь бы только на перекор
 5–6 я хочу надеть / и я хочу надеть
 10 глаза были совсем темные / глаза уж слишком были хороши и совсем темные [◊] (II)
 17–21 не была червонная дама ~ с чемоданом на голове.) / а. не была червонная дама. Когда жила у нас Полковница — далее, до конца третьего явления, как в АК1, с учетом первого слоя правки (см. с. 279–280 наст. изд.), со следующими разночтениями:
 такая была модница (АК1) / такая была молодница (АК2)
 он после того (АК1) / после того (АК2)
 Вот этого уже (АК1) / Вот это уже (АК2)
 б. В варианте а. вычеркнуто: Боже сохрани (III*); в. не была червонная дама. Вот вздор какой! толкует, червонная Дама (IV); г. не была червонная дама. ~ толкует, червонная Дама, а впрочем, мы не успеем переодеться, пойдем поправимся немножко (VI, Гоголь?)
 28 скажите / скажите, пожалуста
 37–38 приготовь-ка нам что-нибудь поесть / приготовь-ка там что-нибудь поесть
- С. 393
- 6 кашу и пироги / кашу, пироги
 11–12 Попечитель богоугодных заведений / Попечитель Богоугодного заведения
 13 с пластырем на носу / а. с красным носом и пластырем; б. с пластырем (I)
 14 которые бегут / которые бегают
 15–16 Хорошие заведения ~ все в городе. / а. Очень благодарен вам, господа, за то, что показали мне свои заведения, хорошие заведения. Скажите, пожалуста, у вас уж, верно, так водится, чтобы показывать проезжающим все в городе. Это хорошо; б. Хорошие заведения. [Мне нравится, что у вас в городе показывают] Мне нравится, что у вас показывают проезжающим все в городе (VI)
 27–28 Вина тоже были у вас очень хороши / а. Как в тексте; б. вина очень хороши (VI)
 35 Помню, помню / Да, именно
 35–36 А больные, верно, выздоровели? / Что больные, верно, выздоровели?
 36 там их было немного / там что-то их было немного
- С. 393–394
- 39–1 покажется даже невероятным / покажется невероятным
- С. 394
- 1 все, как мухи, выздоравливают / но все, как мухи, выздоравливают

- 2 как уже здоров / как уже и здоров
- 3 честностью и порядком / честностию и порядком
- 4–5 головоломна обязанность / многотрудна и головоломна обязанность ◊ (VI)
- 6 починки, поправки / а. Как в тексте; б. починки (VI)
- 6–7 словом, наименьший человек пришел бы в затруднение / а. так что у иного голова бы перевернулась; б. так что иной человек пришел бы в затруднение (VI)
- 7–8 все идет благополучно / а. все идет благополучно, и в 10-ть лет столько сделано для блага общественного, что узнать нельзя. Если бы изволили навестить прежде наш город, то возымели бы самое дурное понятие. Конечно, иной, будучи в моей должности, брал бы взятки и составил бы тем себе состояние, но я имею совсем другой образ мыслей; б. все идет благополучно, и в 10-ть лет столько сделано для блага общественного, что узнать нельзя (I); Как в тексте (V)
- 8–9 Иной городничий ~ спать / а. Верите ли, что когда ложусь даже спать; б. Верите ли, что когда ложишься даже спать (I)
- 14 чего ж / чего же
- 14 ей, ей / ей Богу ◊ (III)
- 17 дал же Бог такой дар / а. Как в тексте; б. дан же ему такой дар (III)
- 19 иногда и стишки / иногда так и стишки ◊ (I)
- 25–26 Эге, знаем ~ бросают! / а. Эге, знаем, голубчик, куда это перо летит!; б. Эге, знаем, голубчик, знаем, в чей огород камушки бросает; в. Эге, знаем, голубчик, в чей огород камушки бросает (I)
- 26 и слуху нет / и слуха нет
- 27 Я карт и в руки никогда не брал / Я карты в руки никогда не брал
- 27 даже не знаю / Ей Богу, даже не знаю ◊ (III)
- 29 бубнового короля или что-нибудь другое / бубнового короля и что-нибудь другое
- 30 плюнешь / плюнешь (плюет)
- 31 забавляя детей, выстроил / выстроил, забавляя детей
- 32–33 такое драгоценное / а. Как в тексте; б. драгоценное (I)
- 33 убивать на них / убивал на них
- 38–40 Нет, вы напрасно ~ поиграть. / а. Да, конечно... Впрочем, вы напрасно говорите. Иногда очень заманчиво поиграть в карты. Мне случилось... ; б. Как в тексте, до слов: тогда как нужно — далее: гнуть от 3-х углов. Нет, иногда очень заманчиво поиграть в карты, мне случилось... (VI)
- С. 395
- 9 Репарки: (рисуюсь) — нет.
- 10 приятнее / приятнее встретить в вас такую... и уж, как вы хотите, я должен вам сказать ◊ (I)
- 12 Возле вас стоять / а. Возле вас стоять; б. Возле вас и стоять (I)
- 14 возле вас / возле вас так близко ◊ (VI)
- 15 Помилуйте / Помилуйте-с
- 16 вояжировка / дорога ваша ◊ (I)
- 16–17 очень неприятною / очень скучною

- 18 Чрезвычайно неприятна. / Чрезвычайно скучна.
- 18–19 сделавши привычку жить в свете / сделавши жить в свете $\diamond$ (I; слово привычку было пропущено писарем)
- 20 в какой-нибудь дороге / в какой-нибудь скверной дороге
- 20 не встретишься / Везде такая чепуха, не встретишься $\diamond$ (I)
- 22 чрезвычайные невежи и совершенно без воспитания / такие невежи, народ без воспитания...
- 23 Если б, признаюсь / Если бы, признаюсь
- 24 поглядывая на Анну Андреевну / поглядывая на Марию Антоновну
- 24–25 я совсем не нашелся бы / я не знаю, что бы со мною было
- 35–36 деревня тоже имеет приятности / деревня тоже приятно $\diamond$ (VI)
- 36 После: зефиры!.. — оставлено свободное место, ниже написано: Хлестаков; затем свободное место перечеркнуто и фамилия зачеркнута — исправление погрешностей в переписке, связанных с неясной правкой в АК1.
- 36–37 Я, сударыня, служу в Петербурге / Я, сударыня, служу там $\diamond$ (V)
- 37 с большою выгодой / с большою выгодой
- 39 меня вся канцелярия знает / меня уж вся канцелярия знает

С. 396

- 1 Правду сказать, я уж зато и делаю много. / Ну и то сказать, что уж зато я и делаю много, в Канцелярии без меня была бы страшная Ералашь (в рукописи последнее слово — с буквой ять на конце)
- 1–3 Вы, может быть ~ совсем нет! / Я совсем не принадлежу к тем, которые только переписывают $\diamond$ (I)
- 3 приду и скажу / приду, скажу
- 4–5 а там ~ все скоро / а. и там уж сейчас чиновник для письма так это все скоро; б. и там уж сейчас чиновник для письма пером: тр... тр... тр, так это все скоро (VI)
- 7–8 говорит, сапоги почищу / сапоги почищу
- 14–16 Да. Там из наших чиновников ~ Иван Александрович идет!" / а. Я там... меня одна Графиня там тово... приезжает ко мне карета, шестерка лошадей, [все это убрано великолепношшим образом] великолепношшая упряжь, камердинер весь в золоте, трехугольная шляпа, вдруг входит ко мне и так меня удивил: "Вы Иван Александрович?" — "Я" ... вдруг, не говоря ни слова, завязывают мне глаза, сажают в карету. Признаю, я сначала немного даже испугался, подъезжает Карета к дому великолепношшему, берут меня под руки, и чувствую, что ведут меня по лестнице с вызолоченными перилами, по сторонам вазы, все это с таким вкусом, приводят в великолепношшую комнату, вдруг развязывают глаза: и что ж я вижу? передо мной Красавица в полном совершенстве, одета как нельзя лучше: шляпа на ней в перьях, бриллианты... белизна лица просто ослепительна... (подшаркнув слегка ногою). Ну само собою разумеется, что я не премину воспользоваться. А н н а А н д р е е в н а. Скажите, какое романическое происшествие. Х л е с т а к о в. О да, со мною много подобных было случаев. Да я там бываю во [всех] многих домах, танцую французскую кадрили. А какой [вот] на днях со мною странной случай. Приезжаю я в [высшее] общество. Ну становлюсь по обыкновению в первую па-

ру, вдруг из Этих один молодчиков, [из] этаких фонфаронов, пустых людей, смотрю, наступил мне на самую ногу. “Извините, говорит, что не каблуком”, а я, тот же час поворотившись, хлоп его по щеке: “Извините, говорю, что не кулаком”. И он после этого так, знаете, сконфузился, присел в уголок и уж ни с кем не танцевал. После говорит мне Князь Морозов: “Ну ты, братец, его хорошо отделал”. Да там я уж почти всем известен. Директор Департамента, естли встретит меня, то сей час руку к шляпе: “[здравствуй] здравствуйте, говорит, Иван Александрович” (с помощью прямых скобок и курсива обозначена правка, внесенная рукой Гоголя: в скобки заключен отмененный текст, курсивом отмечен вписанный текст); б. Да там из наших чиновников никто так не одевается. Сапоги я Пелю заказываю тридцать рублей за пару. Бываю во многих домах, танцую французскую кадрили — Далее, как в а. (I); в. Да там из наших чиновников никто так не одевается. Сапоги я Пелю заказываю тридцать рублей за пару [Если эдак пойду когда иной раз на гулянье, на...], и эдак если куда пойду погулять, все говорят: “Вот, говорят, Иван Александрович идет” (V)

18 на мне даже / даже на мне

24 Я ведь / я вить $\diamond$ (VI)

27 Хорошенькая у меня очень квартирка / У меня хорошая квартирка

28 три комнаты, на улице окна / а. право, три комнаты этакие хорошие; б. право, три комнаты этакие хорошие, кухня такая чистая (VI)

32 Женитьба Фигаро / Женитьба Фигарова $\diamond$ (VI)

36 И тут же в один вечер написал. / а. и тут же в канцелярии этак наско- ро написал несколько пиес; б. и тут же в один вечер, кажется, написал (I)

36 в журналы помещаю / в журналах помещаю

С. 397

¹ платит / плотит

1–2 Да если сказать ~ все я издаю. / а. Как же, я там главный распорядитель в его журнале. У меня все это. Без меня ничто там не помещается; я там все статьи переправляю; б. Как в тексте, после слов: какие там — зачеркнуто: не издаются (VI)

³ и Юрий Милославский / это Юрий Милославский

7–8 что это Г. Загоскина / это Г. Загоскина

⁹ я и знала, что даже здесь / я так и знала, даже здесь

¹² Юрий Милославский / Юрь Милославский

17–18 Я нарочно / а я нарочно $\diamond$ (VI)

¹⁸ велел архитектору / уж так велел Архитектору $\diamond$ (VI)

18–19 Везде колонны, пруды, каскады... / а. так везде колонны и пруды, каскады...; б. везде колонны и пруды, каскады (I); в. везде колонны и пруды, и карнизы (VI)

¹⁹ О, если б / Да, если б $\diamond$ (I)

²³ О, балы там отличные / а. Как в тексте; б. Удивительно, я вам скажу (VI)

- 23 подадут вам / а. подадут вам; б. подадут (VI)
- 24 пирог / этакой пирог
- 27–28 Английский / Англинский
- 36 не пойду / ей Богу, не пойду $\diamond$ (III)
- 39 жужжат / жжужжат
- 40 Ну, нечего делать / “Да подите” думаю себе “к...” Ну, нечего делать
- С. 398
- 3–4 А один раз / Я один раз
- 4 управлял Департаментом / управлял Министерством
- 5 Директор / Министр
- 10–11 И в ту же минуту ~ курьеров пятнадцать / И тотчас фельдъегерь скачет
- 12 Департаментом управлять / Министерством управлять
- 13–14 хотел отказаться, но, думаю / а. ну уж отказаться, да думаю; б. хотел уж отказаться, да думаю (I)
- 16 уж у меня прошу / а. Как в тексте; б. у меня уж прошу (VI)
- 18 вот так трясутся / а. Как в тексте; б. вот, как лист, трясутся (I)
- 20 если иногда балы случатся / если так иногда балы случатся
- 20 за мной всегда уж посылают / то за мной уж посылают
- 20–22 Меня даже ~ я говорил. / а. Да меня даже хотели сделать (не могли придумать, останавливается). Да (зевает); б. Да меня даже хотели сделать (не могли придумать, останавливается. Зевает во всю глотку). О чем, бишь, я говорил... (I)
- 28 Ва, ва, ва...шество, Превосходительство / а. Как в тексте; б. Ва, ва, ва...шество (VI)
- 30 Отдохнуть? Извольте, извольте, я готов. / а. А, хорошо, хорошо, мне, точно, что-то немного; б. Отдохнуть, хорошо, мне, точно, что-то немного (I)
- 31 Прощайте, сударыня! / вы меня извините, сударыня
- 37 Я никогда / а. Я, ей Богу, никогда; б. Я, ей-ей, никогда (III)
- 38 со страху / а. со страху, ей Богу; б. со страху, ей-ей (III)
- С. 399
- 1 А я думаю / А я так думаю
- 3 Генералиссимус / Генералиссимус, ей Богу $\diamond$ (III)
- 5–6 Анна Андреевна! / а. Как в тексте; б. Анна Андреевна! (Уходит.) (I)
- 8–9 Фразы: Такой знатной ~ не в мундирах! — нет.
- 9 С эдакою / Шутите, с этакою
- 10–11 Ах, Боже мой ~ не досталось. / Я еще, признаюсь, никогда такова Ревизора не видел.
- 22 он на меня глядел / видите ли, какие вы, он больше на меня глядел
- 26–27 чтобы не поспорить / чтоб не поспорить
- 27 нельзя / нельзя, нельзя
- 27–28 с какой стати / с какой же стати
- С. 400
- 3 Чш... ш... / Тс... тс...
- 6–7 еще такого ~ никогда не видел / а. еще такова никогда не было Ревизора; б. Текста нет (I)

14 *Текст*: Все кончено ~ достаточно! — *зачеркнут* (VI).

15 Вам все / Вам все это

21 один / а. один; б. Слова нет (I); в. про себя (VI)

30 кивают пальцами / кивают ему пальцем

36–37 (Осипу.) Ну что, друг / Ну что, друг

С. 401

10–11 эдакими пустыми речами / этакими пустыми речами

15–16 как твой барин?.. строг? / что, как там твой барин?.. что, строг?

21–22 там в мундире ходит / в Мундире ходит

24–25 ну что, друг, право, мне ты / ну что, друг, имеешь ты хозяйку.

О с и п. Нет, сударь, еще не женат. Г о р о д н и ч и й. Право, мне ты $\diamond$ (I)

25 В дороге / Послушай, в дороге

26 Слова: оно теперь холодновато — *зачеркнуты* (VI).

33–34 Слова: какой миленькой носик у твоего барина — *вписаны* (I).

37 в дороге больше нравится / на дороге больше всего нравится

С. 402

2 *Слов*: Да. Хорошее. — *нет*.

3 Ей Богу! / а. Ей Богу; б. Ей, ей (V)

5 это, Осип, нехороший хозяин / это нехороший человек хозяин

14–15 Осип, душенька, поцелуй своего барина! / Осип, скажи, пожалуйста-ста... $\diamond$ (I; скажи, пожалуйста *выскоблено, восстанавливается по тексту АК1*)

15 из другой комнаты / с другой комнаты

17–18 Слова: Вся сцена в полголоса. — *вычеркнуты* (VI).

18 идите себе / идите, идите себе

19–20 Пойдем, Машинька ~ можно сказать. / а. Пойдем, Машинька! Я тебе скажу, что-то такое я заметила у гостя, такое, что нам вдвоем только можно сказать; б. Пойдем, Машинька. Я тебе скажу, что-то такое я заметила у гостя (I); в. *Текста нет* (VI)

21 там наговорят / там поговорят

33 не впускать в дом стороннего / не впускать в дом стороннего. Боже вас сохрани $\diamond$ (III*)

37–38 слышите / слышите, Боже вас сохрани $\diamond$ (III*)

38 за квартальными) / за квартальными). Занавес опускается

С. 403

2 *Слов*: Та же комната. — *нет*.

5 Такое добродушие / а. Как в тексте; б. добродушие $\diamond$ (I)

6 жителей... / жителей... Мне нравится такая жизнь $\diamond$ (I)

7 Все с таким почтением / Все так... с таким почтением

7–8 как будто точно за каким-нибудь важным / так, как будто за каким-нибудь...

11 очень рассеян / очень рассеян, глуп $\diamond$ (I)

16 опять Капитан / опять этот Капитан $\diamond$ (I)

26 *Фразы*: Мне очень приятно с вами познакомиться. — *нет*.

С. 404

1–2 куда ж ему / Куда ж ему

10–11 самым аккуратнейшим образом / самым аккуратнейшим образом

- 15 одолжить мне / мне снабдить
 20–22 Сей час ~ дает ассигнации). / Сей час (вынимает из бумажника деньги и подает Хлестакову).
- 26 далее беспокоить / долее беспокоить
 33 Ляпкин-Тяпкин / Припекаев $\diamond$ (I; *выскоблено, восстанавливается по тексту АК1*)
- 38–39 получаете награды / вы получаете награды
- С. 405**
- 1–2 представлен к Владимиру / удостоен Владимира $\diamond$ (III*)
 2 с одобрения со стороны начальства / и одобрения со стороны начальства
 4–5 и получил только одну пряжку / и только получил одну пряжку
 11–12 эдак разные / этак разные
 17 уже едете / а. уже едете; б. уже идете (VI)
 22–23 *Текста:* Судья тоже ~ быть откровенну. — нет.
 34–35 угостили завтраком / угостили нас завтраком
 36–37 на службу отечеству / а. на службу отечеству; б. на службу отечества (I)
- С. 405–406**
- 39–1 чтоб их было много / а. если много; б. чтобы много блюд; в. много блюд (I)
- С. 406**
- 1 чтобы были бы вкусные и сытные / чтобы были сытные
 1 вчера вы были / вчера были
 2–3 немножко ниже ростом / немножко ростом $\diamond$ (I)
 13 здесь есть один помещик / тут есть один помещик
 19 Вот и смотритель / Да и безбожник, больше десяти лет как не исповедовался. Вот и Смотритель $\diamond$ (III*)
 25 эдак люблю / этак люблю
 26 я все позабываю / я все позабываюсь
- С. 407**
- 2–4 *Слова:* посмотрите, нет ли ~ совсем издержался — *написаны рукой Гоголя (см. с. 584–585 наст. изд.).*
 5–7 А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Есть ~ вас благодарю. / а. (*текст не известен, так как листы с первоначальным вариантом явления “Хлестаков и Артемий Филиппович” не сохранились — см. с. 584 наст. изд.;*) б. *Как в тексте;* в. *Как же, помилуйте — очень..... Х л е с т а к о в. Скажите, как кстати. Я именно только что думал о том, что не худо бы. Прощайте! покорнейше вас благодарю.* (I)
 8 Явление V / а. Явление VII; б. Явление 5 (VI)
 11–12 Петр Иванов сын / Петр Иванов
 15 Бобчинский / Добчинский $\diamond$ (I)
 17 Хорошо, что присох. / А, хорошо, что присох.
 34 при первом случае / при первом $\diamond$ (I — *исправление описки писаря*)

C. 408

- 6-7 чтоб он теперь / чтобы он теперь
 8 *После: Добчинский — зачеркнуто: теперь это запрещено, я знаю, но потому только, что об этом просят большею частью маленькие люди, а если большой человек попросит, то оно сей час сделается (V?)*
 9 Хорошо; я... / а. *Как в тексте; б. Хорошо, пусть называется; это можно (VI)*
 11 наизуст / наизусть
 23 скажите всем там / так скажите всем там
 23-24 Сенаторам и Адмиралам ~ живет / что вот живет
 32-35 *Д о б ч и н с к и й. Извините ~ присутствием. Б о б ч и н с к и й. Извините ~ присутствием. / а. Д о б ч и н с к и й. Извините, что так утрудил вас своим присутствием.; б. Д о б ч и н с к и й и Б о б ч и н с к и й. Извините, что так утрудил вас своим присутствием (I)*

C. 409

- 1 Явление VI / а. Явление VIII; б. Явление 6 (VI)
 3 *Слова: городишка довольно населен — зачеркнуты (VI).*
 6-7 что-то такое, внушающее / что-то такое, что внушает уважение
 7 это с их стороны тоже / В этом также видна с их стороны
 7 что они готовы / что они в одну минуту готовы
 8-9 к какому-нибудь даже последнему портнишке / а. *Текста нет; б. к портному (VI)*
 10-11 Мне кажется ~ в столице. / а. Мне кажется, это уж чересчур. Такое развращение нравов может быть только в столице и где люди за каменной оградой; б. *Текста нет; в. Текст восстановлен (I).*
 14 и тут сто / и тут сто, и тут сто
 17 Написать нарочно об этом Тряпичкину. / Написать нарочно об этом к Тряпичкину.
 18 пускай-ка их отбреет / пускай-ка он их отбреет
 21 Явление VII / а. Явление IX; б. Явление 7 (VI)

C. 410

- 4 пожалуй, вместе / вместе, пожалуй
 6 как Фельдъегеря, катили / как фельдъегеря, ехали
 9 отправлю его с человеком здешним / отправлю с человеком здешним
 10 чтоб не прошло / чтобы не прошло
 12 выходит и говорит / уходит и говорит
 13 чтоб он принял / чтобы он принял
 14 чтоб сей час привели / чтобы сей час привели
 16 Да чтоб все живее / Да чтобы все живее
 17 Стой, еще письмо не готово. / а. *Фразы нет; б. Да постой, письмо еще не готово (V); в. Да постой, письмо не готово (VI)*
 18 продолжает писать / продолжая писать
 19 или Гороховой / или в Гороховой
 21 свертывает и надписывает / заворачивает письмо и надписывает
 25 Х л е с т а к о в (дает Осипу письмо). На, отнеси. / а. Х л е с т а к о в. На, отнеси.; б. *Текста нет (V)*
 26 Г о л о с а к у п ц о в. / Г о л о с К у п ц о в.
 30 Что там такое / а. *Как в тексте; б. На, отнеси..... Что там такое (V)*

- 31 глядя в окно / смотря в окно
 34 Голоса купцов. / Голос Купцов.
 36 Впустите их, впустите! / Впустите их! Пустите
 38–39 развертывает одну из них и читает / разворачивает одну из них
 40 Абдулина / Авдулина
 40 Чорт знает что: и чина такого нет! / И чина такова нет!

C. 411

- 1 Явление VIII / а. Явление XI; б. Явление 8 (VI)
 2 Хлестаков и купцы / а. Те же и Купцы;
 б. Хлестаков, Купцы (I – вариант а. частично выскоблен,
 восстанавливается по тексту АК1)
 5 что вам угодно / что вам нужно
 9 Один из купцов. / Купцы.
 12 Так поступает / И не только нащет того, что ему то есть должен при-
 несть, а сверх того сам еще берет все, что ни вздумается, и так посту-
 пает $\diamond$ (II)
 13 Если бы / Есть ли бы мы
 14 а то мы уж порядок / но мы уж порядок
 14 всегда исполняем / всегда исполняем: все, что следует
 15 это дело уж известное / Это уж дело известное
 16 Ей, ей / Ей Богу $\diamond$ (III)
 17 что ни попадет / что ни попадет ему
 17 сукна увидит / сукно увидит
 18 это хорошее суконцо / это хорошее сукнецо
 19 без мала аршин пятьдесят / без малого аршин пятьдесят
 21 Ей Богу! / а. Ей Богу!; б. Ей, ей (V)
 21–22 Так все и припрятываешь / право, так все и припрятываешь
 26 всего нанесешь / всего нанесем
 27 и на Онуфрия / а. на Ануфрия; б. и на Ануфрия (VI)
 28 Что делать? / Ей Богу, что делать $\diamond$ (III)
 28 несешь подарки / несем подарки
 29 Да это просто / а. Да это просто; б. Да он просто (VI)
 30 Ей, ей! / Ей Богу! $\diamond$ (III)
 31–32 Я тебя, говорит, не буду, говорит / а. Как в тексте; б. Я тебя, гово-
 рит, не буду (VI)
 34 любезный, поешь / а. Как в тексте; б. поешь, любезной, поешь (I)
 34 селедки / а. селедки, да пристукнет ногой, нет, говорит, ешь, да после
 дня на два запрет и не дает пить, то это, я вам скажу, такое средство,
 что сей час согласишься на что ни захочет. Ей Богу; б. селедки ~ ни
 захочет (III); в. селедки, то это, я вам скажу, такое средство, что сей
 час согласишься на что ни захочет (V)
 35–36 его просто в Сибирь / просто в Сибирь
 38 Не побрезгай / Не побрезгуй

C. 412

- 1 Нет, вы этого не думайте / Нет, нет, вы этого не думайте
 3 совсем дело другое / совсем другое
 8 и подносик вместе возьмите / подносик вместе возьмите $\diamond$ (I)

¹⁰ сахарцу / сахару $\diamond$ (I)

¹¹ О, нет: я взятков никаких... / О, нет, нет, я взятков никаких.

С. 412–413

^{20–20} Х л е с т а к о в. Непременно, непременно. ~ Хорошо, хорошо, матушка. Ступай / а. (вариант а. этого текста, на л. 64–64 об., в основном совпадающий с текстом АК1 после первой правки, был исключен, лист 64–64 об. вынут и заменен другим; вынутый лист не сохранился; в списке цензурных исправлений это место не отмечено); б. Как в тексте, со следующими вариантами:

С. 412

²² Я на тебя нажалуюсь / Я на тебя нажалуюсь
²⁶ Г о л о с с л е с а р ш и. / С л е с а р ш а.
²⁹ Явление IX / а. Явление 12-е; б. Явление 9 (VI)
³⁸ чтоб ни детям его / чтобы ни детям его
^{38–39} ни дядьям / а. ни детям; б. ни дядьям (I)

С. 413

⁸ то чтоб и он / то чтобы и он
¹⁷ чтоб всей родне / чтоб всей родни
^{18–19} то чтоб и теще / то чтобы и теще
²⁰ Ступай, ступай! / Ступайте, ступайте $\diamond$ (I)
²¹ Ступай с Богом. / ступайте с Богом. $\diamond$ (I)
²¹ Выпровождает старуху. / Выпровождает старух.
²² С л е с а р ш а (уходя). / О б е в м е с т е (уходя). $\diamond$ (I; слова выскоблены; восстанавливаются по тексту АК1)
²² будь милостив / будь милослив
²⁹ раздутою губою / и раздутою губою
^{30–31} Фраза: За ним ~ несколько других. — вписана (I).
^{33–34} захлопнув за собою дверь). / захлопнув за собою дверь). Г о л о с А н н ы А н д р е е в н ы. Будто никому дела нет $\diamond$ (I)

С. 413–414

^{35–19} Явление X. Х л е с т а к о в и М а р ь я А н т о н о в н а. М а р ь я А н т о н о в н а. Ах! ~ мне так нужно (села). / а. Явление [XIII] 10. Х л е с т а к о в и М а р ь я А н т о н о в н а. М а р ь я А н т о н о в н а. Ах! Х л е с т а к о в. Отчего вы так испугались? Куда вы спешили? М а р ь я А н т о н о в н а. Извините меня, я, право, я не знала, что вы тут сидите, я шла приказать клюшнице. Х л е с т а к о в. Да это все суета, сударыня, и приказание, и клюшница. Ключница пустяк! Вы посмотрите на ее! М а р ь я А н т о н о в н а. Я, право, помешала вам заниматься важными делами. Х л е с т а к о в. А ваши глазки, сударыня, еще лучше, нежели важные дела. Садитесь, сделайте милость. Садитесь вот тут, чтобы я мог смотреть на вас. М а р ь я А н т о н о в н а. Право, я не знаю... мне так нужно (села) спешить (спешить — вписано). Х л е с т а к о в. Какое у вас прекрасное платье. М а р ь я А н т о н о в н а. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над Провинциальными; б. Как в тексте, со следующими вариантами (IV):

С. 413

- 35 Явление X / а. Явление 14; б. Явление [11]10 (VI)
 36 Хлестаков и Марья Антоновна. Марья Антоновна. Ах! / Марья Антоновна (входит и останавливается) Ах!
 39 Нет, я не испугалась. / Нет, право, я не испугалась...

С. 414

- 1-2 Хлестаков (рисуетя) ~ который... / а. Хлестаков. О, помилуйте, сударыня, я очень рад, что вы обо мне такое мнение (рисуетя); б. Хлестаков. О, помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который... (рисуетя) (VI)
 7 мне хотелось бы знать / я желал бы знать
 9 Вы закопались / Вы занимались
 11 Хлестаков (рисуетя). А ваши глаза / Хлестаков. А ваши глазки
 12 не можете мне помешать / не можете помешать
 14 Вы говорите / Вы говорите все
 15-16 Сделайте милость ~ чтоб вы стояли. / а. Мой взор никак не может снести, чтобы вы передо мной стояли. Осмелюсь ли предложить вам стул (подставляет стул); б. Сделайте одолжение, садитесь. Я никак не могу видеть, чтобы вы стояли (подставляет стул). (VI)
 18-19 Право, я не знаю... мне так нужно (села). / Право, мне так нужно спешить... (села).
 20 Какой у вас прекрасной платочек! / Какое у вас прекрасное платье $\diamond$ (V)
 23-24 быть вашим платочком ~ шейку / а. быть вашим платьем; б. быть вашим платочком (V)
 26 какой-то платочек / а. какое-то платье, а больше я ничего не поняла; б. какой-то платочек, а больше я ничего не поняла (V)
 27-28 всякая погода / всякая погода на дворе $\diamond$ (I)
 29 Вы все говорите... / Вы все говорите такое, чего я никак не понимаю.
 30 чтоб вы мне написали / чтобы вы мне написали
 34-35 эдакие: хорошие, новые / эдакие хорошие новые

С. 415

- 3 это все ничего / это все вздор $\diamond$ (I)
 7 что за любовь / что это за любовь
 8 Отчего ж вы / Отчего ж вы так
 12-13 все равно и близко / а. ведь все равно и близко. Это ведь все только в воображении (придвигается); б. ведь все равно и близко (придвигается) (I)
 16 а вы вообразите / вы вообразите $\diamond$ (I)
 20 целует ее в плечо / скоро целует ее в плечо
 22-23 Нет, это уж слишком..... / Нет, это уж...
 25 точно от любви / Ей Богу, от любви $\diamond$ (III)
 26 Вы почитаете меня / Вы меня почитаете
 26-27 за такую провинциалку / за какую-нибудь... $\diamond$ (I)
 28-29 право, из любви / Ей богу, из любви $\diamond$ (III)

- 29–30 я готов на коленках / я готов сей(час) на коленках
31 Явление XI / а. Явление XIV; б. Явление [12]11 (VI)
37 ты вздумала / ты выдумала

С. 416

- 1 вдруг бросается на колена / а. *Слов нет*; б. вдруг бросается на колени (I)
- 1–2 Анна Андреевна ~ Марья Антоновны. / а. Анна Андреевна! Я (с первой минуты) почувствовал к вам такую привязанность и к вашей дочери тоже. Сделайте меня счастливейшим человеком в мире. Я) прошу руки Марьи Антоновны! Решите мою участь (*слова, заключенные угловые в скобки, выскоблены, восстанавливаются по тексту АК1*); б. Анна Андреевна! Влюблен. Ей Богу, влюблен! Прошу руки Марьи Антоновны! (I)
- 3–4 как же это! право, так скоро ~ стойте! / как же это! Вы на коленях стойте!
- 5 Руки, руки прошу! / (обращаясь к Анне Андреевне) Влюблен. Влюблен. Ей Богу, влюблен [◊] (I)
- 6–7 напропаду застрелюсь / напропало застрелюсь
9 и не смеем думать / и не думаем
- 9–10 Вам нужна по крайней мере / Вам нужно
13 *Слова*: как честной человек уверяю — *вычеркнуты и восстановлены* (I).
- 16–17 Отваживать жизнь свою ~ страшным образом! Встаньте... / Встаньте...
18 *Ремарка*: вставая — *вписана* (I).
- 18–20 Теперь я самый ~ могу, наконец... / а. Вы мне возвратили жизнь. Я теперь самый счастливейший из смертных... (В сторону.) А она тоже очень аппетитна! (Вслух Анне Андреевне.) Я с первого раза, как только увидел вас, почувствовал к вам в сердце такую любовь... (из смертных — *выскоблено, восстанавливается по тексту АК1*); б. Теперь я... са... (В сторону.) А она тоже очень аппетитна! (Вслух Анне Андреевне.) Как я счастлив, сударыня... (I); в. Теперь я... счастлив... (В сторону.) А она тоже ~ сударыня... (VI)
- 21 Явление XII / а. Явление 15; б. Явление [13]12 (VI)
- 27–30 Слесарша налгала ~ сама забрила. / а. (Унтер-офицерская вдова налгала тоже вам, что будто я ее высек.) Ей Богу, не сек! Ей Богу, не сек. Она сама (себя вы)секла. Вот как Бог свят и перекрещусь (*слова, заключенные в угловые скобки, выскоблены, восстанавливаются по тексту АК1*); б. Слесарша там налгала вам, что будто бы я забрил лоб ее мужу. Ей Богу, не брил. Она сама забрила. Вот как Бог свят и перекрещусь (II); в. Слесарша там налгала вам, что будто бы я забрил лоб ее мужу. Ей, ей не брил. Она сама забрила (III*)
- 32 Не верьте, не верьте! / Не верьте, ей богу, не верьте [◊] (I)
33 эдакой ребенок / эдакой ребенок
38 Иван Александрович / Александр Иванович [◊] (VI)

С. 417

- 1 Ряхнулась, матушка! / Рехнулась, матушка (крестит ее) [◊] (III*)

- 3 такова же была / таковая же была
 11–12 то я, признаюсь, на чорт знает что готов / а. Как в тексте; б. то я чорт знает на что готов (VI)
 15–16 ну когда тебе толкуют / ему толкуют. Ну что ты с своим носом стоишь только, мотаает им, рад, что толстой нос $\diamond$ (I)
 19 А не то / А не то, ей Богу $\diamond$ (III)
 19 Слова: я решусь на все — зачеркнуты (VI).
 21 ей, ей, не виноват / ей Богу, не виноват $\diamond$ (III)
 23 у меня, право / у меня, ей Богу $\diamond$ (III)
 27 не виноват / не виноват, ей Богу $\diamond$ (III)
 30–31 Как будто бы ~ Вот тебе на! / Так как будто бы точно женихи. Эко счастье привалило.
 32 Явление XIII / а. Явление XVI; б. Явление [14]13 (VI)
 35 А, хорошо / А, хорошо, хорошо
 39 кажется, свадьбы / то есть свадьбы
- С. 418**
- 1 Да, я еду только / Да я вить только
 7–8 Целует ее ручку. / Целует ее руки.
 14 А вот тогда / да вот тогда
 15–16 а по-настоящему четыреста / но по-настоящему за четыреста
 25 Слова: я вам много благодарен — вычеркнуты и восстановлены (I).
 26 это было комплимент / а. это было комплимент; б. это был комплимент (I)
- С. 419**
- 11 с этой стороны / с этой стороны еще
 16 Антон Антонович / будущий тещюшка
 19 Женские голоса. Прощайте ~ маминька! / Голос Хлестакова. Прощайте, маминька. Женские голоса.
 22 Прощайте, Александр Иванович
 26 Занавесь опускается / занавес опускается
- С. 420**
- 2 Слов: Та же комната. — нет.
 6 канальство! / канальство! каково благословение Божие, а? $\diamond$ (III*)
 7 во сне не виделось / а. во сне не виделось; б. во сне этого не виделось (I)
 12 порядочный человек / порядочной человек: уж лучше моего никто не удовлетворит тебя. Эко канальство $\diamond$ (I)
 13 мы с тобою / мы с тобой
 16 призови-ко сюда / призови-ка сюда
 21 писак, писак / а. писарей, писарей; б. писак (I)
 22 чтоб знали / чтобы знали
 25 и в тюрьму посадить / в тюрьму посадить
 29 в Питере / в Петербурге
- С. 421**
- 3 в Питере, так в Питере / в Петербурге, так в Петербурге
 13–14 Кавалерию повесят / Кавалерию повесит
 14 какую кавалерию лучше / какую кавалерию

- 20 все дожидается / все ждут
 22 стой, Городничий / а. Как в тексте; б. стой, Городничие (I)
 25 помнить, что жизнь нужно / помнить, что жизнь тебе нужно
 26 не то что какой-нибудь / не то чтобы какой-нибудь
 26 судья собачник / судья собачкин [◊] (I)
 27 Земленка / Ляпкин-Тяпкин [◊] (I)
 28 с самым тонким обращением / с самым тонким обращением
 29–30 вымолвишь такое слово ~ не услышишь / а. влепишь такое слово, какое только в кучерской услышишь; б. отпустишь такое слово, что уши вянут (I)
 31 слово не вредит / слово не повредит
 34 есть две рыбицы / да есть две рыбицы [◊] (I)
 34 рябушка / а. рябушка; б. ряпушка (VI)
 37 чтоб наш дом / чтобы наш дом
 37 и чтоб у меня в комнате / и чтобы у меня в комнате
 38 такое было амбре / такое было анбре [◊] (I)
 38 чтоб нельзя было войти / чтобы нельзя было войти в комнату

С. 422

- 6–8 Что, самоварники ~ рассуленные бороды! / а. Что, самоварники, аршинники проклятые, жаловаться? жаловаться, протоканалы, жаловаться, архибестии, жаловаться, засушенные бороды!; б. Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы мирские, жаловаться (VI)
 14–16 Теперь я вас ~ народ, мошенники. / а. Теперь я вас всех скручу так, что ни одного волоска не останется в ваших бородах. Мошенники! вы только обманываете народ, мошенники. б. Теперь я вас!..... обманываете народ (VI)
 16–19 Сделаешь подряд ~ петлю навесили / а. Еще и медали дают им, я бы вам канчуков вместо медалей. За что вы получаете медали? вы сделаете подряд с Казною, да на сто тысяч надуете ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвует, каналья, двадцать аршин — тебе и медаль дают, а если бы знали, так бы тебе петлю навесили вместо медали, мошенники! а кто вам доставил медали: я, что, позабыли? еще и почтенным его называют; б. я бы вас на висельницу! — вы сделаете подряд с Казною, да на сто тысяч надуете ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвует, каналья, двадцать аршин (I; текст: тебе и медаль ~ называют — автор первоначально хотел сохранить; слова: если бы знали — изменены на: да если бы знали); в. я бы вас на висельницу! — сделаешь подряд с казною, [да] на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвует, каналья, двадцать аршин (V); г. сделаешь подряд с Казною, на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвует, каналья, двадцать аршин, да и давай тебе награду за это! (VI)
 19 брюхо сует вперед / и брюхо сует вперед
 19 И он купец / а. он первой Гильдии Купец; б. он Купец (V)

- 21 его хоть и секут / и его хоть и секут $\diamond$ (VI)
 22 чтоб он знал / чтобы он знал
 22 ты начинаешь плутнями / а. ты начинаешь аршином да плутнями;
 б. начинаешь плутнями (VI)
 23–24 “Отче наш” не знаешь / а. “Отче наш” не знаешь; б. слова сказать не
 знаешь (I)
 24 разодмет / а. разоднет; б. раздует (V); в. разопрет (VI)
 25 так и заважничал! Фу ты какая! / а. так и почтенной! почтенной!;
 б. так и заважничает! (V); в. так и заважничает! Фу ты какая не-
 видаль! (VI)
 26–27 оттого и важничает / оттого и почтенный? Почтенный $\diamond$ (V)
 27 на твою голову и на твою важность / на твою голову и на твою почте-
 ние $\diamond$ (V)
 34 О д и н и з к у п ц о в. Богу виноваты / а. Как в тексте;
 б. О д и н и з к у п ц о в (падает в ноги). Богу виноваты (VI)
 35–36 Всякое удовлетворение / а. Вот те Христос. Всякое удовлетворение;
 б. Вот те на! Всякое удовлетворение (III); в. Вот те всякое удовлетво-
 рение (VI)
 37 теперь валяешься / а. Как в тексте; б. готов теперь валяться
 (V)
 39 втопал в самую грязь / втопгал в самую грязь
- С. 423**
- 2–3 я бы вас в тюрьму (махнув рукой) / а. Как в тексте; б. я бы вас в
 тюрьму (I); в. я бы вас (VI)
 3–4 встаньте, полно / а. вставайте, полно; б. Слов нет (V)
 5–6 Смотрите же ~ приличное / а. Как в тексте; б. чтоб поздравление
 было... понимаешь (VI)
 6 не то чтоб / не то чтобы
 7 Слово: понимаешь — зачеркнуто (VI).
 7–8 ступай же с Богом / ступайте с Богом
 16–17 *Текста:* Анна Андреевна ~ Марья Антоновна! — нет.
 18 Р а с т а к о в с к и й (входит). / Р а с т а к о в с к и й (входя).
 25–26 Антона Антоновича! Анна Андреевна! / Антона Антоновича и Анну
 Андреевну $\diamond$ (I)
- С. 424**
- 2 в сюртуках и фраках / а. в сюртуках, фраках и Бог знает в чем; б. в
 сюртуках, фраках и в другом в чем (III)
 2–5 подходят сначала ~ проталкиваются / Потом Б о б ч и н с к и й и
 Д о б ч и н с к и й
 10–11 подходят в одно время / подходят в одно время к руке
 12 подходит к ручке / подходит к ее ручке
 13 Вы будете / Теперь вы будете
 18 чтоб можно было / чтобы можно было
 19 ya! ya! ya! / ya! ya! $\diamond$ (I)
 21–22 Еще несколько гостей ~ с женою. / а. *Текста нет;*
 б. Еще несколько Гостей, подходящих к ручке. Лука
 Лукнич с женою. (I)
 26–27 думаю себе / думаю я себе

- 27 Луканчик / Лукунчик
 34 Луканчик / Лукунчик $\diamond$ (V)
 35 слезы так вот рекой и льются / так слезы вот рекой и льются
 36 Покорнейше прошу / Прошу покорнейше
- С. 425
- 3 Имею честь поздравить вас / Имею честь поздравить
- С. 425–427
- 12–25 *Текст:* Анна Андреевна. Очень почтительным ~ ноги свои... — *зачеркнут простым карандашом; на полях дважды простым карандашом помечено: чисто*
- С. 425
- 14–15 *Слова:* она не Графиня ~ и вашей дочери — *зачеркнуты* (V).
 18–19 я прошу ~ будете жестоки / а. я прошу, я умоляю руки вашей, естли вы будете так жестоки; б. *Слов нет* (V)
 23–25 *Фраза:* “Я, Анна Андреевна ~ вашим достоинствам”. — *зачеркнута* (V).
 23 поверите ли, что / поверите ли это
 30 я смертью окончу / тогда я смертию окончу
 31 Право / а. Ах, ей Богу; б. Ей, ей (III)
 36 “Застрелюсь, застрелюсь” говорит. / Ей Богу
- С. 426
- 2–3 (в сторону). Вот этакой свинье / а. По заслугам и благословение Божие. “Возвеличу мужа праведна и вознесу его” сказал Бог... Вот этакой свинье; б. По заслугам и честь... Вот этакой свинье (III)
 12 *Слова:* я слышал, что он уехал за чем-то — *зачеркнуты* (VI).
 15 чтоб испросить / чтобы испросить
 18 Много благодарен! / Г о р о д н и ч и й. Много благодарен
 25 А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч . / А р т е м и я Ф и л и п о в и ч а .
 26 Ж е н а К о р о б к и н а . / Ж е н ы К о р о б к и н а .
 27 благодарю / благодарю, Господа $\diamond$ (VI)
 27 И вам того ж желаю! / а. и вас тако же; б. И вам также; в. И вам (I)
 29–30 деревенский уж слишком / деревенщина уж слишком $\diamond$ (I)
 37–38 большое плаванье / больше и плавания
- С. 427
- 4 как корове седло / как к корове седло
 5 а до сих пор / да до сих пор
 7 может, и будет Генералом / может, и будет свинья Генералом $\diamond$ (V)
 13–14 окажите ему вашу протекцию / ему вашу протекцию
 14 место отца заступите / место отца заступить
 17 думать об этом / и думать об этом
 26 Явление VIII / Явление IX (Р36); а. Явление IX; б. Явление 8 (VI)
- С. 427–429
- 31–4 Я и сам не знаю ~ у городничего в доме / а. Я и сам не знаю, что сказать вам. Такое странное обстоятельство, что я. Н е к о т о р ы е. Какое? что? П о ч т м е й с т е р. Чрезвычайно странное. Я должен вас предупредить, господа, что по любопытству люблю иногда почитать иное письмо из приходящих ко мне на почту, притом же сам Антон

Антонович просил меня не оставлять, не распечатавши, писем, чтобы иметь сведение о Ревизоре, как вдруг сегодня приносят ко мне на почту письмо от этого самого Чиновника, которому мы показывали в городе все заведения. Я, признаюсь, не утерпел, со страхом, с большим страхом, а распечатал... Г о р о д н и ч и й. Как же вы смели распечатать. П о ч т м е й с т е р. Что ж делать. Решился, так уж напропало решился. Меня, признаюсь, подзадорило больше то, что на пакете было написано Его Благородию, какому-то тряпичкину. ЕСТЬЯН БЫ (...)² даже розгами... словом, человек, не имеющий благородных чувств. Такими мерами ничего нельзя теперь, а особенно при теперешнем просвещении. Он может это делать с своими мужиками. Но вообрази, вдруг сцена переменялась. Я живу теперь у Городничего в доме и наслаждаюсь всеми приятностями жизни; б. *Как в тексте, со следующими вариантами:*

С. 427

36 С. Петербург / Санктпетербург

С. 428

- 2 непредвидимая сила / неподвиженная сила
 2 понудила меня / понукала меня
 3 А м м о с Ф е д о р о в и ч / А р т е м и й Ф и л и п о в и ч
 3 и это самое письмо / и это то самое письмо
 4 Г о р о д н и ч и й / А р т е м и й Ф и л и п о в и ч
 6–7 чтоб отправить / чтобы отправить
 10 так, вот как бы / а. *Как в тексте*; б. как бы (VI)
 12–13 напропалую решился / а. напропало решился; б. напропалое решился (I); в. напропалую решился (VI)
 18 разломал печать / разломил печать
 18 мороз, мороз / то мороз, мороз
 20–21 что целый час / что я целый час
 24–25 он и не уполномоченный / он не уполномоченный
 27 Н и с е н и т о / а. *Как в тексте*; б. Ни то ни се (VI)
 32 К о р о т к и р у к и. / Ф и. [◊] (I)
 34–35 женится на моей дочери / женится теперь на моей дочери
 40–41 и пр. и пр. и пр. / и проч. и проч. и проч.

С. 429

- 1–3 Трактирщик хотел ~ не возмет. / а. Иза всей суэты мирской остались только фрак да панталоны. Вообрази, что Трактирщик, ты только пожалуста не рассказывай никому, хотел меня потащить даже в Тюрьму. К Батюшке не писал. Недоволен его тоном. Все одно и то же: розги да розги. Мне, признаюсь тебе откровенно, не нравится такое обращение. Этим при теперешнем образовании он ничего не возмет; б. *Текста нет* (V).

² Здесь заканчивается л. 82 об. и текст обрывается; листы, следовавшие далее, были вынуты автором, не сохранились (вместо них вложены л. 83–84 с новым текстом — см. вариант б.); текст первоначального слоя возобновляется на л. 85.

- 4–5 отпускаю *bons mots* / *а. Оставлено свободное место; б. отпускаю бон мо (I)*
- 5 Жена и дочка ~ равнодушны. / *а. вообрази, Братец: жена и дочка у него прелесть; б. Жена и дочка у него прелесть (I)*
- 5–6 Не решился, с которой прежде начать / Я строю Курбеты им обеим, но еще не решился, с которой начать прежде
- 7 может быть / еще неизвестно, может быть
- 7–8 сию минуту готова влюбиться по уши / *а. сию минуту облагодетельствовать; б. сию минуту готова влюбиться по уши (VI)*
- 8 Сам Городничий / И я сегодня или завтра намерен поставить Городничему препорядочные рога. Сам Городничий ^o (III)
- 10 там нет этого / там нет этого написано
- 11 показывает письмо / показывая письмо
- 12 Г о р о д н и ч и й (читает). / Г о р о д н и ч и й (читаю).
- 13 вы это сами написали / это вы сами написали
- 18 с гостеприимством патриархальным / и с гостеприимством патриархальным
- 20–21 как будто оно там и без того не стоит / как будто бы там без того нет
- 23 Слова: сивый мерин — *зачеркнуты (I)*.
- 24 обо мне тоже он неприлично выразился / *а. обо мне неприлично выразился; б. и обо мне тоже неприлично выразился (I)*
- 29–30 надевает очки и читает / читает
- 30–31 чрезвычайно похож на департаментского сторожа Михеева / *а. и чрезвычайно похож на нашего пьяницу, Департаментского Сторожа Михеева; б. чрезвычайно похож на нашего Департаментского Сторожа Михеева (I)*
- 31 должно быть / должен быть
- 37 (зайкается) / (зайкается) и... и...

С. 430

- 8 прежде все читано / прежде все читали
- 9–13 Текст: В с е. Отдайте ~ а прочее все можно. — *зачеркнут карандашом (VI)*.
- 13–14 (Все приступают к нему.) П о ч т м е й с т е р. Читайте! Читайте все! / *а. В с е (приступают к нему). Читайте! Читайте!; б. Текста нет (VI)*
- 17 Земленика / *а. Ляпкин-Тяпкин (фамилия выскоблена, восстанавливается по тексту АК1); б. Земляника (I)*
- 32 Л у к а Л у к и ч. Зачем же ~ знать. / *а. Л у к а Л у к и ч. Зачем же. Мне хочется все знать; б. Текста нет (VI)*

С. 430–431

- 33–1 “Какой-то судья ~ пыли порядочной. / *а. Впрочем, мне нравится здешняя жизнь. Нашет денег тоже очень благородно. Помнишь, как мы с тобою один раз хотели пообедать у Палкина на щет Аглицкого Короля, но мальчишка придержал тебя за шинель. Здесь, напротив, совершенное доверие, так что я даже был тронут. Я занял до тысячи рублей. Возили меня по разным заведениям. По моей физиономии они приняли меня за Военного Генерал-Губернатора, я с своей стороны не преминул подпустить им пыли порядочной; б. Текста нет; в. Кроме*

того, какой-то Судья, ужасной моветон. А м м о с Ф е д о р о в и ч. А чорт его знает, что оно значит: хорошо еще, ежели мошенник; а может быть, еще и хуже! (К о р о б к и н.) Дурачье страшные: по моей физиономии они приняли меня за Военного Генерал-Губернатора, я с своей стороны не преминул подпустить им пыли порядочной (I); з. Кроме того, какой-то Судья, ужасной моветон. Должно быть, французское слово. А м м о с Ф е д о р о в и ч. А чорт его знает — далее, как в варианте в. (V); д. Кроме того, какой-то судья Ляпкин-Тяпкин, ужасной моветон, должно быть, французское слово. А м м о с Ф е д о р о в и ч. А чорт его знает, что оно значит: хорошо еще, ежели мошенник; а может быть, еще и хуже! Одним словом, дурачье страшные: по моей физиономии они приняли меня за Военного Генерал-Губернатора, я с своей стороны не преминул подпустить им пыли порядочной (VI)

С. 431

1–10

Ты пописываешь ~ направо”. / а. Ты пишешь для “Библиотеки для чтения” разные статейки, пожалуста, помести их туда и обкритикуй хорошенько. Обо мне только упоминай полегче, с хорошей стороны. Прощай, душа Тряпичкин — далее, как в тексте, с двумя разночтениями: под № 97 / под № 97-м; в 3 этаже / в 3-й Этаж; б. Текста нет (V; текст зачеркнут простым карандашом, на полях написано и зачеркнуто слово: чисто)

11 О д н а и з д а м. Какой репримант неожиданный! / О д н а и з д а м. Ах какой странной пассаж! Ж е н а Л у к и Л у к и ч а. Какой репримант неожиданной!

13 свиные рылы / свиные рыла

14 Воротить, воротить его! (Машет рукою.) / Воротить, воротить его, воротить (Машет рукою.)

18–25 Ж е н а К о р о б к и н а ~ три двугривенных. / а. Как в тексте, с двумя вариантами: вместо триста рублей — двести рублей; после реплики Почтмейстера зачеркнута реплика Луки Лукича: Л у к а Л у к и ч (к зрителям). Полтораста ассигнациями, так и тут же и спрятал при мне в бумажник (I); б. Реплики Артемия Филипповича, Почтмейстера, Бобчинского — зачеркнуты (V); в. Весь текст перечеркнут карандашом, на полях карандашом написано и зачеркнуто: чисто (VI)

27 Как же это ~ оплошали! / а. Как же это, Господа? Как же это мы в самом деле так оплошали!; б. Как же это, Господа, мы так оплошали! (I)

28 бьет себя по плечу / бьет себя по лбу

33 что Губернаторов! / что Губернаторов? попа на исповеди надул, рассказал совсем другое [◊] (III*)

33–34 вертопрах, какой-нибудь мальчишка / вертопрах какой-нибудь, мальчишка

38 обручился уж с нашей Машинькой / обручился уже с нашей Машинькой

С. 432

2

чтоб можно было / чтобы можно было

- 3 Пусть бы имел он / Имел бы он
 6 чтоб ревизовать / чтобы ревизовать
 7 вот кто вынес? / вот кто вынес!
 9 Ей, ей, не я / а. Ей Богу, ей Богу нет; б. Ей, ей, право, нет (III)
 17 Чтоб вас чорт побрал / Чтобы вас чорт побрал
 17–18 с вашим ревизором и рассказами / с вашим Ревизором и рассказами
 25 Б о б ч и н с к и й. / Б о б ч и н с к и й (закрываясь рукой).
 26 Э, нет / а. Э, нет, ей Богу; б. Э, нет (III)
 30–31 по Имянному повелению из Петербурга чиновник / а. чиновник; б. чиновник из Петербурга (V)
 31 требует вас / требует всех вас
 32–34 Все издают ~ Занавесь опускается. / а. Ужас выражается различно на всех лицах. У всех открытые рты в разных положениях. Целую минуту неподвижны. В таком состоянии закрывает их опускающаяся занавес(ь); б. Все издают звук изумления и остаются с открытыми ртами и выпянутыми лицами. Занавесь опускается (I)

Варианты экземпляров первого издания "Ревизора" с дарственной надписью Гоголя М.С. Щепкину и правкой Гоголя (РЗБЩ); с дарственной надписью Гоголя Н.О. Дюрю и правкой Гоголя (РЗБД)

С. 379

- 9 Как он смеет не дать. Вот еще вздор! / а. Как в тексте; б. (Э)то вздор, ты скажи ему, что он не смеет не дать. (РЗБД)
 13 рад сей час пересказывать / а. Как в тексте; б. рад пересказывать (РЗБД)

С. 396

- 17–18 приняли даже за Турецкого посланника / а. Как в тексте; б. приняли даже за Дибича-Забалканского (РЗБЩ)
 21 приняли за Турецкого посланника / а. Как в тексте; б. приняли за Дибича-Забалканского (РЗБЩ)

С. 397

- 17–19 Я нарочно велел ~ пруды, каскады... / а. Как в тексте; б. колонны, эдакие пруды, чорт побереи... (РЗБЩ)

ИЗ РЕДАКЦИИ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ “РЕВИЗОРА” (Р41)

⟨ДЕЙСТВИЕ IV. ЯВЛЕНИЯ 1–5⟩

⟨ОТДЕЛЬНЫЕ ИСПРАВЛЕНИЯ, ВНЕСЕННЫЕ В ЯВЛЕНИЯ 6–7. Явление 8⟩

Варианты черновых набросков (ЧН5), чернового автографа явления 2 — начала явления 3 (ЧА2), авторизованных копий (АКЗ, АК4), “Москвитянина” (Москв.4), отдельного издания “Ревизора” 1841 г. (Р41)

С. 433

- 4 Комната / Та же комната (АКЗ); Та же комната [◊] (АК4)
- 6–7 Аммос Федорович, Артемий Филипович / судья, Попечитель богоугодных завед(е-ни й) [◊] (АКЗ; подобная замена в АКЗ проведена в явлении первом и далее, лишь в двух случаях оставлено: Судья — с. 436, строки 27 и 33; в явлении третьем написано то Судья, то Аммос Федорович. В дальнейшем замена не оговаривается, всюду печатается: Аммос Федорович, Артемий Филипович)
- 7 Лука Лукич / Смотритель училищ [◊] (АКЗ)
- 8 Добчинский и Бобчинский / Добчинский (Москв.4)
- 8 в полном параде / в полном наряде (Р41)
- 12 забегите / забегайте (Москв.4); забежите (Р41)
- 15 в эдаком виде / в этаком виде (Москв.4, Р41)
- 15 Ремарка: (осматривает всех их) — вписана в АКЗ.
- 16 если посмотреть несколько издалека, так у нас есть / если рассмотреть, у нас есть [◊] (АКЗ)
- 17–18 Слышно из комнаты Хлестакова откряхтывание и плевание. / Слышны из комнаты Хлестакова откряхтывания и плевания. (Р41)
- 21 вчера / вчера он (АКЗ)
- 25 Слов: это за всяким Государственным человеком водится — в Москв.4 нет.

С. 435

- 7 чем-нибудь наедине / чем-нибудь попопновесней (АКЗ); чем-нибудь попопновесней [◊] (АК4)
- 9 Лука Лукич / Смотритель [◊] (АКЗ)
- 10–16 К тексту: Знаете, Господа ~ концы в воду. — имеется черновой набросок: Судья. Что если бы Гостю. Гм... (показывает жестом). Попеч(итель). Подсунуть? Судья. Да. Многие. Страшно чорт возьми. Судья. Отчего ж страшно. Ведь [он] человек смертный [как и мы все] так же, как и мы все. Попеч(итель).

Да как же бы это сделать? С у д ь я. Просто в руку, да и концы в воду. (ЧН5)

18–19 **Фразы:** Разве вы не знаете Государственных людей. — в *Москв.4* нет.
19 кому вы / кому это вы (АКЗ)

19–20 **Слов:** хотите, чтоб я изменил Государю — в *Москв.4* нет.

21 Раскричаться-то он / Раскричится-то он (Р41)

27–28 вот мал пришли / вот мыл пришли (*Москв.4*); вот мол пришли (Р41)

28–29 а хозяина не отыскалось, так не его ли они / так не его ли это (АКЗ);
в АК4 слова вписаны — вероятно, первоначально были пропущены переписчиком; хозяина не отыскалось, так не его ли они (*Москв.4*)

30–31 Та, та, та! ~ принадлежащих! / В АК4 фраза пропущена при переписке, вписана Гоголем на полях; в АКЗ и Р41 последнее слово: принадлежащие.

31–32 по почте же не отправил / по почте не отправил (АКЗ); по почте не отправил ◊ (АК4)

32 куда-нибудь / куды-нибудь (АКЗ)

34–35 по завещанию-та / по завещанию-то (АКЗ); по завещанию-то ◊ (АК4)

38 конца и не сведешь / конца не сведешь (Р41)

С. 435–436

40–1 наш пришел Эскадрон / нас пришел эскадрон (АКЗ)

С. 436

2 по одиначке / по одиночке (АКЗ)

4 **Слов:** Вот как в обществе благоустроенном делается — в *Москв.4* нет.

5–6 как нужно поступить / как нужно поступать (Р41)

9 вкусил хлеба / вкушал хлеба (Р41)

9–10 первые представитесь / первые и представитесь (АКЗ)

11–12 А р т е м (и й) Ф и л и п (о в и ч). Почему же мне? ~ так как почмейстеру... / В АК4 текст пропущен при переписке, вписан Гоголем на полях с одним разночтением: в АКЗ — как Почтмейстеру, в АК4 — так как почмейстеру (далее в АК4 начато: Почмейстер); А р т е м и й Ф и л и п о в и ч. Почему же мне? О, я полагаю, что приличнее Ивану Кузмичу, так, как Почтмейстеру... (*Москв.4*)

13 П о ч м е й с т е р / А р т е м и й Ф и л и п о в и ч ◊ (АК4)

14 **Слова:** как судье — вписаны в АК4.

17 уже нет / нет уже (АКЗ)

19–20 **После:** так воспитан — в АКЗ зачеркнуто: что будь только одним чиновном

26 Что вы! что вы: Цицерон! ~ что выдумали. / Бойтесь Бога, Господа, [выдумали что!] смотрите, что выдумали. ◊ (АКЗ)

28–29 о домашней своре / о домашней сваре (*Москв.4*, Р41)

30–31 Нет, вы не только о собаках, вы и о сотворении мира... / Нет, вы и о столпотворении?.. (Р41); **Слов нет** (*Москв.4*)

32 **Слова:** Нет, Аммос Федорович. — вписаны в АКЗ.

34 откашливание / откашливания (Р41)

С. 436–437

38–3 **Г о л о с Б о б ч и н с к о г о** ~ остается пуст(а)). / а. ай, ай. Нако-

нец, комната остается пуста; б. Как в тексте, с одним вычерком: перед — выхватываются — зачеркнуто: несколько (АКЗ); в Москв.4 и Р41 — как в тексте, исключая следующие разночтения: в обоих источниках последнее слово: пустою; в Р41 вместо: все выпирают — выпираются

С. 437

- 6 Я, кажется, всхрапнул порядком. / а. Х (л е с т а к о в). Я, кажется, крепко всхрапнул; б. Х (л е с т а к о в). Я, кажется, спал порядк(ом) (ЧА2)
- 6-7 Откуда они набрали ~ даже вспотел. / а. так только пот проступил. Там мне тащили такую кучу перин, что просто [с трудом] не хочется вылезть; б. Роскошно, чорт возьми. Ну... перин либо одеял я думаю было с десяток; в. Роскошно чорт возьми поваляться в таких пуховиках. Пуховников я думаю с пятнадцать почитай. Откуда они их достали, даже вспотел (ЧА2, последняя фраза вписана без обозначения места вставки)
- 7-9 Мне, однако же ~ что-то стучит. / а. а обед славный, чего это мне подсунули. Шнапс, а сердит, чорт возьми, так в голову и стучит; б. Хотел бы я знать, чего мне подсунули вчера за завтраком. Шнапс что ли, даже теперь немного стучит в голове (ЧА2); Хотел бы я знать, что мне подсунули вчера за завтраком, шнапс что ли, только до сих пор еще слышу, что в голове как будто стучит [◊] (АКЗ)
- 9-11 Здесь, как я вижу ~ по-моему. / Вот [эд(ак)] этак я люблю проводить [. Это мое(?)] время. Эдак я готов повеселиться. [Вот это по-моему] (ЧА2); в Р41 — как в тексте, с одним разночтением — вместо: я люблю — люблю
- 11-12 Я на счет этого ~ такая жизнь. / а. Я признаюсь, по мне ничто эти за-теи, а радушие вот самое главное. А у Городничего дочка очень недурна; б. Я признаюсь, я странной человек, по мне ничто — далее, как в а. (варианты а. и б. не зачеркнуты); в. Я не знаю, как другие, а я люблю этакую жизнь. Натурально, чтобы мне все оказывали ласки, этак чтобы то есть искренность, желание угождать, большего мне и не нужно. Я признаюсь больше [бы и не желал ничего]. На щет этого совершенно умерен в желаниях и больше решительно ничего (не) хочу; г. Я нащот этого странной человек. Я не знаю, как другие, а мне нравится этакая жизнь. Я [люблю] не требую больше ничего, как чтобы только оказывали мне ласки, вниматель(ность) и чтобы я видел желание угождать. Словом, чтоб все это было радушно от сердца, а не то чтобы из какого интереса, а Дочка Городничего очень недурна. Нет, я не знаю [как другому], а мне право нравится такая жизнь (чтобы я видел, право вписано — ЧА2); в АКЗ, Москв.4, Р41 — как в тексте, со следующими разночтениями: в АКЗ и Р41 — вместо: не то что, чтобы — не то, чтобы; в Москв.4 нет слов: такая, что еще можно бы
- 18-19 Слов: Явление третье. Х л е с т а к о в и С у д ь я. — в ЧА2 нет.
- 20 С у д ь я (входя ~ Боже, Боже / С у д ь я (останавливаясь). О Боже, Боже (ЧА2)

- 21 так вот коленки и ломает / Так вот коленки и ломает. Поневоле вспомнишь Бога, когда придется (ЧА2; текст в ЧА2 на этом обрывается)
- 21 После ремарки: Вслух — зачеркнуто: Имею (АКЗ)
- 24 К фразе: Так вы здесь судья? — имеется черновой набросок: А Вы судья. И давно вы зд(есь) (ЧН5)
- 25 С 816-го / С 800 (Р41)
- 27 К фразе: А выгодно однако же быть судьей? — имеется черновой набросок: Что, выгодно быть судьей, дают награды (ЧН5)
- 30–32 Реплики: Х л е с т а к о в. А мне нравится ~ столоначальни(ки). — в Москв. 4 нет, соседствующие с ней реплики судьи объединены в одну.
- 31–32 и Регистратор и все носят / все носят (Р41)
- 34–36 Придумал-то я ~ батюшка... / а. Как бы выронить как будто бы ненароком ассигнации; б. Как бы так выронить как будто бы ненароком ассигнации; в. Как в тексте — в конце реплики сначала написано: батюшки, затем исправлено на: батюшка (АКЗ); в Москв.4 и Р41 — как в тексте, но в конце реплики: батюшки!..

С. 438

- 3 уже я и под судом / уж я и под судом (АКЗ); уже и под судом (Р41)
- 6 все кончено / все конечно (Р41)
- 10 А извощику / А уж извощику (АКЗ)
- 10–11 почти всякой раз ~ вместо четвертака / вечно вместо четвертака дам ◊ (АКЗ)
- 11 полуимпериял / полуимпериял (АКЗ)
- 13 вывози, пресвятая мать / вывози, святая мать ◊ (АКЗ); вывози же, святая мать (АК4); в Москв.4 и Р41 фразы нет
- 14–15 Не знаю, право / Бог знает ◊ (АКЗ)
- 15 Я никогда не знаю / Никогда не знаю (Р41)
- 16 После: А если — зачеркнуто: и нет (АКЗ)
- 18–19 таким принятием ~ человека / вы просто меня осчастливили этим ◊ (АКЗ)
- 29–30 Готов явиться по первому приказанию. / а. Я всегда готов; б. Как только [прикажете] угодно будет приказать. Я всегда готов. ◊ (АКЗ)
- 38 Я очень люблю / Я люблю ◊ (АКЗ)

С. 439

- 6–7 провинциальных / провинциальных (АКЗ, Р41)
- 7 не правда ли / не так ли (АКЗ)
- 18–19 покажусь (странным) в этом отношении ~ это характер / а. покажусь [странным...]; б. покажусь [странным] в этом отношении, но что ж делать, у меня уж это характер (странным едва заметно зачеркнуто, возможно, по ошибке — АКЗ); покажусь в этом отношении, но что ж делать, у меня уж это характер (АК4, Москв.4); покажусь в этом отношении,... но что ж делать, у меня уж это характер (Р41)

- 30–31 да и к чему / Уж у меня такой странный характер $\diamond$ (АКЗ)
- 33 не смея долее беспокоить / не смея более беспокоить $\diamond$ (АК4, рукой переписчика); Не смею долее беспокоить (Москв.4); Не смею более беспокоить (Р41)
- 37 раскуривает сигарку / Слова вписаны в АКЗ; раскуривает сигару (Р41)
- 38–39 По крайней мере ~ люблю таких людей / Я люблю таких людей $\diamond$ (АКЗ)
- 39–40 Слова: с которыми можно объясняться прямо — вписаны в АК4.
- С. 440**
- 8 (подает ему сигарку) / (подает ему сигару) (АКЗ)
- 9 *Ремарка:* (про себя в нерешимости) — в Р41 отсутствует.
- 12–13 я куривал сигарочки / я куривал (Р41)
- 16 не с того конца / не с этого конца (Р41)
- 17 от испуга выронил сигару / от страха выронил сигару (АКЗ); от испуга выронил шпагу (Москв.4)
- 17–18 плюнул и махнул рукою / плюнул и махнув рукою (АКЗ); и махнул рукою (Р41)
- 21–22 не могу быть равнодушен / не могу быть равнодушным (Р41)
- 22–23 брюнетки или блондинки / брюнетка или блондинка (Москв.4)
- 29 Нет, нет, не отговаривайтесь. / Ничего, ничего; говорите смело. $\diamond$ (АКЗ)
- 29–30 узнать непременно / узнать $\diamond$ (АКЗ); непременно узнать (Р41)
- 31 Осмелюсь / Осмеливаюсь (Р41)
- 33 А, а, не хотите / А, не хотите $\diamond$ (АКЗ); А-а-а, не хотите (Р41)
- 37 Слова: О, о! Покраснели. — вписаны в АКЗ.
- 39 Преос..... Сия... / Преос... Сият... (АКЗ); Превос..... Сия... (Москв.4); Преос... Свят... (Р41)
- 40 продал, проклятый язык, продал / сгубил навеки проклятый язык $\diamond$ (АКЗ)
- С. 442**
- 2 Магнетическое, не правда ли? / Не правда ли? Магнетизм есть какой-то. $\diamond$ (АКЗ)
- 8 хватается за карманы / хватается за карман (Москв.4, Р41)
- 8–9 Вот те штука / Вот штука $\diamond$ (АКЗ)
- 12–13 Не смею долее / Не смею более (Р41)
- 15 *Текста, следующего после слов:* летит вон почти бегом (т.е. фрагментов 6–7 явлений и явления 8) — в Москв.4 нет.
- 18–19 За сим следует сцена Хлестакова с Артемьем Филиповичем, как и в печатном. / За сим следует [явл(ение)] сцена Хлестакова с Артемием Филиповичем, как в печатном. (АКЗ); *Фразы нет* (Р41).
- 20–21 *Фразы:* На странице 116 ~ таким образом. — в Р41 нет.
- 22–24 *К тексту:* Я признаюсь ~ не правда ли? — имеется черновой набросок: Я, признаюсь, люблю хорошо позавтракать. [Не знаю, как вам, а у меня уж такой характер.] Я не понимаю, как другой, а я, но по мне. Ведь для того живешь, не правда ли. (А р т е м и й Ф и л и п п о - в и ч.) Совершенная правда. (Х л е с т а к о в.) Да. Скажите (ЧН5); в АКЗ — как в тексте, с одним вычерком — после слова: пожалуй-ста — зачеркнуто: скажи(те)

- С. 443 ²⁵ Фразы: На странице 120 ~ следует так — в Р41 нет.
- ³ 40 ассигнациями / [сорок] [со(рок)] 40 ассигнациями (АКЗ); сорок ассигнациями (Р41)
- 4–5 Д о б ч и н с к и й ~ всего. / В АКЗ как в тексте, с одним вычерком — перед словами: Двадцать пять — зачеркнуто: 20; реплика отсутствует (Р41)
- ⁶ Да вы поищите-то получше / а. Да вы поищите хорошенько; б. Да вы поищите-та получше (АКЗ); Да вы поищите-ка получше (Р41)
- ⁷ У вас там / У вас так [◊] (АКЗ)
- 7–8 так в прореху-то / [В прореху-та] [Туда] Так в прореху-та [◊] (АКЗ)
- ⁸ верно, как-нибудь запали / а. как-нибудь запали; б. как-нибудь верно запали [◊] (АКЗ); как-нибудь запали (Р41)
- 9–10 Нет, право ~ Петр Иванович. / а. Нет, Петр Иванович [ничего нет] [нет я уж искал кроме мелочи] и в прорехе нет; б. Нет, право нет, окроне мелочи серебром, Петр Иванович. [◊] (АКЗ)
- ¹¹ Ну все, все равно / Ну все равно, все равно (Р41)
- ¹¹ 65 / шестьдесят пять (Р41)
- ¹² я вам их возвращу / я вам сей возвращу (АКЗ)
Начиная со слов: Д о б ч и н с к и й. Я осмеливаюсь — текст явления седьмого в Р41 совпадает с текстом одноименного (пятого) явления в Р36.
- ¹³ Фразы: На странице 121 ~ должна быть так — в Р41 нет.
- 15–16 Фразы: На странице 123 ~ следующим. — в Р41 нет.
- С. 443–444
- 17–4 Текста: Здесь, однако ж ~ и проч. и проч. — в АКЗ нет.
- С. 443
- ¹⁹ Моя физиогномия / Моя физиономия (Р41)
- ²⁴ точно что-то околдовывающее / так что-то околдовывающее (Р41)
- ²⁸ А ну-ка / А ну-ко (Р41)
- ³³ отбреет хорошенько / обреет хорошенько (Р41)
- ³³ Ей / Эй (Р41)
- ³⁴ Осип выглянул / Осип взглянул (Р41)
- ³⁵ бойко бестия пищет. А ведь подлец / (пишет)... ведь подлец (Р41)
- С. 443–444
- С. 444 ^{35–1} какой подлец / какой [какой] подлец (АК4)
- ³ И деньгу тоже любит. / И деньгу-таки любит (Р41)¹
- ⁴ О с и п приносит / [Хлес(таков)] О с и п приносит (АК4)

¹ Этой фразой текст 8-го явления в АК4 и Р41 завершается. Пояснение, идущее в АК4 далее (см. с. 444 наст. изд.), указывает на то, что текст следующего явления остается прежним. В результате авторской правки 8-го явления (в АК4) возникла некоторая несогласованность в Р41: из текста 8-го явления выпали заключительная фраза Хлестакова, обращенная к Осипу, и ответная реплика Осипа (“Эй, Осип! подай мне бумаги и чернила. О с и п (выглянув из дверей). Сей час”), в связи с чем стала непонятной ремарка, начинающая 9-е явление: “Х л е с т а к о в и О с и п, с чернилами и бумагою”.

*Варианты отдельного издания
“Ревизора” 1841 г. (Р41)¹*

- С. 359   ²² Ростановский / Ростакровский
- С. 360   ² Февронья Петрова Пошлепина / Февро-
                  ² нья Петровна Пошлепина
- С. 361   ⁴⁻⁵ довольно сурьезен / довольно серьезен (такое же соотношение ва-
                  ⁴⁻⁵ риантов: строка 27; с. 363, строка 4)
- С. 363   ² очень любопытные и чрезвычайно похожи / очень любопытные; чрез-
                  ² вычайно похожи
- ²⁷ но что-нибудь должны иметь / но должны иметь что-нибудь
- С. 368   ²² Здравствуйте, Иван Кузмич! / Здравствуй, Иван Кузьмич!
- С. 372   ¹⁸ В том самом номере / В том самом номере
- ³²⁻³³ вперед пустить Голову / перед пустить Голову
- ³⁹ лет 23 / лет двадцати трех
- ⁴¹ приготовляйтесь каждый / приготовляйте каждый
- С. 376   ² пред зеркалом / перед зеркалом
- С. 378   ⁶⁻⁷ через неделю / чрез неделю
- С. 379   ¹¹ плотит / платит (такое же соотношение вариантов на с. 410, стро-
                  ¹¹ ка 15; с. 432, строка 13)
- С. 380   ²⁴⁻²⁵ если не поестъ день / если не поест день
- С. 382   ⁴ не едал такого супа / не едал такого супу
- С. 387   ³²⁻³³ дверь обрывается / дверь срывается
- ³⁴⁻³⁵ Бобчинский подымается. / Бобчинский поднимается.
- С. 391   ¹⁰ А ничего не понимаю / Я ничего не понимаю
- ²⁵ Авдулину / Авдулину
- С. 392   ¹⁷ червонная дама / червонной дамой
- ¹⁸ Эдакое / Этакое (такое же соотношение вариантов: с. 399, стро-
                  ¹⁸ ка 9; с. 401, строка 10; с. 406, строка 25; с. 414, строка 34; с. 416,
                  ¹⁸ строка 33; с. 431, строка 5)

---

¹ Приводятся в соотнесении с текстом отдельного издания “Ревизора” 1836 г. (Р36).

- С. 393   ²⁶ я тоже вас прошу / И я вас прошу
- С. 397   ^{21–22} что сам он горяч / сам он горяч
- С. 400   ¹ никогда не видел / никогда не видывал
- С. 412   ³ рублей 300 / рублей триста
- ^{20–21} Купцы уходят. / Купцы с поклонами уходят.
- С. 415   ¹⁸ Что это так / Что это там
- С. 416   ¹ колена / колени (*такое же соотношение вариантов: строка 4*)
- С. 418   ²⁹ завтра же и назад / завтра же и назад. (Выходят.)
- С. 419   ¹¹ теперь давай-ко / Теперь давай-ка
- С. 421   ¹¹ рябушка / ряпушка
- С. 422   ¹ разодмет тебе брюхо / разопрет тебе брюхо
- С. 429   ^{28–29} приступают к нему / пристают к нему
- С. 430   ³¹ вперед писал предписание / вперед послал предписание

Комментарий

В настоящий том входят комедия “Ревизор” и примыкающие к ней произведения.

Впервые порядок расположения текстов, относящихся к “Ревизору”, был определен в его втором издании (1841 г.), включившем в себя раздел “Приложения”. В этот раздел вошли присланные Гоголем и отнесенные им самим к “приложениям” (в письмах к С.Т. Аксакову от 16(28) декабря 1840 г. и от 5(17) марта 1841 г.) «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору», “Две сцены, выключенные, и при первом издании, как замедлявшие течение пьесы” (именно в такой последовательности, определенной самим Гоголем во втором из указанных писем), а также следующие тексты: “Начало IV действия по первому изданию, до сцены Хлестакова с Земленикою”; “Монолог Хлестакова на 123 с. первого издания”; “Характеры и костюмы. Замечания для гг. актеров”. Последний текст, т.е. “Характеры и костюмы...”, уже публиковавшийся в 1836 г. в первом издании “Ревизора” (непосредственно перед текстом самой комедии, после перечня действующих лиц и исполнителей), при подготовке второго издания Гоголь просил исключить (в том же письме к С.Т. Аксакову от 5(17) марта 1841 г.).

Вторично расположением относящихся к “Ревизору” текстов Гоголь занимался при подготовке четвертого тома своих Сочинений (1842 г.), включающего драматические произведения. Здесь тексты расположены следующим образом. Том открывается “Ревизором” (включая перечень действующих лиц и упомянутые выше “Характеры и костюмы” — в исправленном виде), затем следует раздел «Приложения к комедии “Ревизор”», включающий в себя лишь два произведения: “Отрывок из письма...” и “Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы” (последнее название, таким образом, было несколько изменено); далее следуют “Женитьба” и “Драматические отрывки и отдельные сцены”. Эта композиция была полностью сохранена и в четвертом томе нового, посмертного издания Сочинений (1855 г.).

Таким образом, предлагаемый том в своих первых разделах — “Ревизор” и «Приложения к комедии “Ревизор”» — воспроизводит авторскую композицию, что соответствует общей установке настоящего издания — сохранять циклы и построения, определенные самим Гоголем.

Вместе с тем предлагаемый том включает в себя и раздел «Позднейшие приложения к “Ревизору”», в который входят тексты, опубликованные уже после смерти автора: “Предуведомление”, а также в той или другой степени не завершенные «Предуведомление для тех, которые пожелаю бы сыграть как следует “Ревизора”» (в двух редакциях) и “Развязка Ревизора” (также в двух редакциях).

Наряду с черновыми редакциями “Ревизора” и примыкающих текстов полностью публикуется редакция первого издания (тем самым отпадает необходимость отдельного воспроизведения фрагментов этого текста, помещенных в первом варианте “Приложений”) и отличающиеся от нее материалы “Из редакции второго издания”.

Тексты для настоящего тома подготовлены И.А. Зайцевой.

Комментарии написаны И.А. Зайцевой (разделы комментария к “Ревизору”: текстологическая и цензурная истории; прижизненная сценическая история; реальный комментарий; комментарий к “Приложениям”) и Ю.В. Манном (разделы комментария к “Ревизору”: реальные и литературные источники; особенности сюжета и жанра; история интерпретации в критике и в литературоведении; история философских, социальных и др. интерпретаций; посмертная сценическая история; отражение в художественном сознании; “Ревизор” за рубежом).

В подготовке тома к печати участвовали Н.Л. Виноградская, Е.Г. Падерина; в корректорской подготовке текстов Гоголя участвовала Е.Г. Вагина.

Именной указатель составлен И.А. Зайцевой.

Редколлегия приносит благодарность научному консультанту тома А.Б. Каменскому (Российский государственный гуманитарный университет) за рецензирование комментариев к историческим реалиям “Ревизора”, а также выражает признательность А.П. Толстякову (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН), сделавшему ряд полезных библиографических замечаний, и Е.Н. Монаховой (Литературный музей Института русской литературы РАН), оказавшей помощь в описании изобразительных материалов.

Издатели тома благодарят Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Спецбиблиотеку Государственного академического Малого театра (Москва), Отдел рукописей и редких книг Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки, Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Киев) за предоставленную возможность работы над гоголевскими рукописями и театральными списками “Ревизора”.

РЕВИЗОР

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

ЧА1 — черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 2. “Записная книга”. В картонном переплете с кожаным корешком. Л. 3–20 об. Автограф представляет собой 19 листов (38 страниц) записной книги (так называемая “самаринская тетрадь” — см. с 555–556 наст. изд.); л. 13 об. не заполнен; чернила. Разм. 35,5 × 21,5. Бумага (та же, что и в *ЧН1*, *ЧН2*, *ЧН3*, *ЧН4*) с филигранью “ГФ” (первая буква на левой половине двойного листа, вторая — на правой), с “белой датой” “1832” (две первые цифры на левой половине двойного листа, две последние — на правой). Пагинация общая с *ЧН1*, *ЧН4*, полистная, в правом верхнем углу, чернилами. Каждое действие — с новой страницы. Между л. 10 и 11 — корешок вырезанного листа; л. 17 — вкладной, имеет самостоятельную пагинацию на об., красным карандашом: № 5 (подробнее см. с. 556 наст. изд.); л. 17а — литерный. Описание рукописи см. также: *Р86*. С. XII–XIV; *Тих*. Т. 6. С. 595–596; Т. 7. С. 918; *Описание РГБ 1*. С. 21, 23–24, 58–59; *Описание РГБ 2*. С. 39.

Впервые опубликовано: *Тих*. Т. 6. С. 65–143, 619–629 (под названием «Первоначальный набросок “Ревизора”»); включено в *Ак*. Т. IV. С. 141–226 (“Первая черновая редакция”); *Описание РГБ1*, на об. вклейки между с. 24 и 25 (факсимильное воспроизведение л. 3). Предположительно датируется: конец октября — ноябрь 1835 г.

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

ЧН1 — черновые наброски: к явлению III действия I (1 и 2); к явлению V действия III (3); к явлению VI действия III (4); к явлению XII действия IV (5); к явлениям XIII и XIV действия IV (6). Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 2. “Записная книга”. Л. 21–24 об. Автограф представляет собой четыре листа записной книги; л. 21, 24 об. заполнены частично, л. 22 об., 23 не заполнены; чернила. Размер и качество бумаги такие же, как в *ЧА1*, *ЧН2*, *ЧН3*, *ЧН4*. Пагинация общая с *ЧА1*, *ЧН4*, полистная,

в правом верхнем углу, чернилами. Описание рукописи см. также: *Р86*. С. XIV–XX; *Описание РГБ 1*. С. 22–23.

Впервые опубликовано: ⟨1,3,4⟩ – *Тих.* Т. 6. С. 147–151, 629–630 (в разделе “Наброски, дополняющие или заменяющие отдельные сцены предшествующего текста”); включено в *Ак.* Т. IV. С. 227–232 (раздел “Дополнения к первой редакции”, обозначено *РМ₉*); ⟨5⟩ – *Тих.* Т. 6. С. 676 (в разделе “Примечания редактора и варианты”); включено в *Ак.* Т. IV. С. 151, 204 (подстрочные варианты к первой черновой редакции); ⟨6⟩ – Тихонравовым текст опубликован в виде двух самостоятельных, разновременных набросков, первый (“Куда вы хотели идти ~ в воображении представляется”) – в разделе “Наброски, дополняющие или заменяющие отдельные сцены предшествующего текста” (*Тих.* Т. 6. С.144–146, 629), второй (“Я это сделал от любви ~ Поцелуйте меня. – Те же и Городничий”) – в «Очерке истории текста комедии Гоголя “Ревизор”» (*Р86*. С. XVI–XVIII; перепечатано – *Тих.* Т. 6. С. 597–600); как один набросок – *Ак.* Т. IV. С. 233–238 (в разделе “Дополнения к первой редакции”, обозначены *РМ₉*). Предположительно датируется: ноябрь 1835 г.

ЧН2 – черновые наброски: к явлению V действия I ⟨1⟩; к явлению VIII действия II ⟨2⟩; к явлению VI действия III ⟨3⟩. Хранятся: *ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 2. 1 л.* Автограф представляет собой одинарный лист, частично заполненный (л. 1 наполовину, л. 1 об. на одну четверть); чернила. Размер и качество бумаги такие же, как в *ЧА1, ЧН1, ЧН3, ЧН4*; с частью филигрانی: (Г(Ф)) и “белой даты” (18(32)). Пагинации: 1 (простым карандашом), № 4 (красным карандашом), 26 (на л. 1 об., простым карандашом). Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 23.

Впервые опубликовано: ⟨1⟩ – *Тих.* Т. 6. С. 630 (в разделе “Примечания редактора и варианты”); включено в *Ак.* Т. IV. С. 258 (подстрочные варианты ко второй редакции; обозначено *РМ₁₆*); ⟨2⟩ – *Тих.* Т. 6, раздел “Наброски, дополняющие или заменяющие отдельные сцены предшествующего текста”. С. 152 (верхний слой), 630 (предшествующая правка); включено в *Ак.* Т. IV. С. 356 (раздел “Переработки и наброски отдельных мест второй редакции”; обозначено *РМ₁₆*); ⟨3⟩ – *Гоголь Н.В. Сочинения.* Извлечены из рукописей академиком Н.С. Тихонравовым. Дополнительный том ко всем предшествующим изданиям сочинений Гоголя. Вып. 1. М., 1892 // *БдЧ.* Бесплатное приложение к журналу “Царь-колокол”. 1892. № 3. Март. С. 166–167 (в тексте второй редакции); *Тих.* Т. 6. С. 152–153, 630–631 (в разделе “Наброски, дополняющие или заменяющие отдельные сцены предшествующего текста”), 198–199 (в тексте второй редакции); включено в *Ак.* Т. IV. С. 292–294 (в тексте второй редакции, обозначено *РМ₁₆*). Предположительно датируется: ноябрь 1835 г.

ЧН3 – черновой набросок к явлению VIII действия V ⟨4⟩. Хранится: *ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 3. 1 л.* Автограф представляет собой одинарный лист; л. 1 об. не заполнен; чернила. Размер и качество бумаги такие же, как в *ЧА1, ЧН1, ЧН2, ЧН4*; с частью филигрانی ((Г)Ф) и едва различ-

мой “белой даты” ((18)32). Пагинация отсутствует. Бумага пожелтевшая, в пятнах. Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 24.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 6. Разд. “Наброски, дополняющие или заменяющие отдельные сцены предшествующего текста”. С. 155–156 (верхний слой), 631 (предшествующая правка); включено в *Ак.* Т. IV. С. 342–344 (подстрочные варианты ко второй редакции; обозначено *РМ₁₆*). Предположительно датируется: ноябрь 1835 г.

ЧН4 — черновой набросок к окончательному варианту письма Хлестакова к Тряпичкину (в явлении IX действия V). Хранится: *ОР РГБ.* Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 2. “Записная книга”. Л. 25а об. Автограф представляет собой лист записной книги (вырван, а затем вложен в нее под литературным номером), заполненный только на обороте (т.е. л. 25а не заполнен). Размер и качество бумаги такие же, как в **ЧА1**, **ЧН1**, **ЧН2**, **ЧН3**; с частью филигранны ((Г)Ф) и “белой даты” ((18)32). Пагинации: общая с **ЧА1**, **ЧН1**, полстная, в правом верхнем углу, чернилами; отдельная, в правом нижнем углу на л. 25а об., красным карандашом: № 6 (подробнее см. с. 565 наст. изд.). Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1*. С. 23.

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 6. С. 153–155, 631 (в разделе “Наброски, дополняющие или заменяющие отдельные сцены предшествующего текста”); включено в *Ак.* Т. IV. С. 366–368 (раздел “Переработки и наброски отдельных мест второй редакции”, обозначено *РМ₁₆*). Предположительно датируется: декабрь 1835 г. — середина января 1836 г.

АК1 — авторизованная копия (рукой писаря с разновременной правкой Гоголя); л. 1 (с заглавием “Ревизор. Комедия. В пяти Действиях” и виньеткой под ним), 36 (начало сцены “Анна Андреевна и Марья Антоновна” — для “Приложений” ко второму изданию “Ревизора”), 62 об. и 63 (явление VIII действия IV — “Хлестаков и Гибнер”), 64 (начало явления X действия IV — “Хлестаков и Осип”) — автограф. Хранится: *ОР РГБ.* Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 4. 93 л. Большая часть листов сложена в тетради (при реставрации расшиты). Л. 36 об., 64 об., 90 об., 93 об. не заполнены; чернила, карандаш. Бумага разм. 36,5 × 22,7, с филигранью “Б.У.” (на правой стороне двойного листа), с “белой датой” “1835” (цифры расположены под буквами, “Бумага Усачевых” — описана: *Клепиков 1978*. С. 15. № 100. С. 78; *Uchastkina 1962*. Pl. 143. P. 244, 265; на такой же бумаге написан ряд листов **АК2** — см. ниже), за исключением вкладных листов: 36 (обрывок листа, разм. 22,7 × 10/12,5, без филигранны и штемпеля); 87–90 (два двойных листа, сложенных в тетрадь; двойной лист 87–90, разм. 35,0 × 22,5, с филигранью: “ФКНГ” — “Фабрика князя Николая Гагарина” — на левой половине двойного листа, герб Ярославской губернии в овале — на правой половине двойного листа, с “белой датой” “1834”, описана: *Клепиков 1959*. С. 68, № 698; *Uchastkina 1962*. Pl. 27. P. 57, 269, с датой: 1839); двойной лист 88–89, разм. 35,3 × 22,0, без филигранны и штемпеля. Пагинации: 2–170 (авторская, постраничная, чернилами, в правом верхнем углу — на нечетных страницах, в левом верхнем углу — на четных; л. 1 пронумерован

цифрой “2”; авторской пагинации не имеют: л. 1 об., 36, 127а, последние семь листов; лист с авторской пагинацией 83—84 отсутствует — сохранился его корешок, смежный с л. 89—90 авторской пагинации, с окончаниями букв); 1—37 (неизвестного происхождения, карандашом, только первые 37 л.); красным карандашом, только на нескольких листах (подробнее см. с. 564—565 наст. изд.); рукой В.В. Думнова восполнены пробелы в авторской пагинации (с. 127а, 171—175), а также отдельно постранично (с. 1—8) пронумерованы вложенные в рукопись позднее л. 87—90 (на обороте последнего из них — л. 90 об. — заверительная надпись рукой В.В. Думнова: “В сей тетради восемь (листов) страниц”); 1—93 (архивная, простым карандашом, по нижнему полю). Л. 93 — с корешком вырезанного смежного листа. На л. 1 в правом верхнем углу цифровые записи рукой Гоголя. На л. 93 заверительная надпись рукой В.В. Думнова: “В сей тетради сто семьдесят пять страниц”. Описание рукописи см. также: *Тих.* Т. 6. С. 631—632; *Описание РГБ 1*. С. 21.

Впервые опубликовано: Библиографические записки. 1859. № 7. Стб. 220—221 (явление VIII действия IV — под названием: «Сцена из “Ревизора” Гоголя, не напечатанная автором. (Сообщил П.А. Кулиш.) Явление VIII. Хлестаков и Гибнер»; перепечатано: *БдЧ*. 1859. Т. 155. “Современная русская летопись”. С. 40—41); *Гоголь Н.В.* Сочинения. Извлечены из рукописей академиком Н.С. Тихонравовым. Дополнительный том ко всем предшествующим изданиям сочинений Гоголя. Вып. 1. М., 1892 // *БдЧ*. Бесплатное приложение к журналу “Царь-колокол”. 1892. № 3. Март. С. 109—235 (напечатано по нижнему, писарскому, слою, последующая правка не приведена); *Тих.* Т. 6 (полностью). С. 157—248 (нижний, писарский, слой, подготовка текста Н.С. Тихонравова), 639—665 (последующая авторская правка, подготовка текста В. Шенрока); включено в *Ак.* (Т. IV. С. 239—355) (опубликовано по нижнему, писарскому, слою, последующая авторская правка дана под строкой с частичным расслоением, в подстрочные сноски включены также варианты *Ак2*). Предположительно датируется: декабрь 1835 г. — начало января 1836 г. (последующая правка “Двух сцен...” для *Р41* — январь—февраль 1841 г.).

ТРЕТЬЯ РЕДАКЦИЯ

Ак2 — авторизованная копия (писарская копия с разновременной правкой Гоголя и неустановленных лиц, представленная в театральную цензуру, исправленная и одобренная цензором). Хранится: *ОР ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 2. 90 л. В картонном переплете, с двумя (соединенными шнурами) сургучными печатями: “Императорская русская драматическая труппа”; чернила, карандаш. Разм. 35 × 22. Большая часть листов — без филигранных и штемпелей. Л. 1, 24, 56, 59, 61, 66 — с филигранью: “Б.У.” (“Бумага Усачевых”), с “белой датой” “1835”. Описана: *Клепиков*, 1978. С. 15. № 100; С. 78; *Uchastkina 1962*. Pl. 143. P. 244, 265

(такая же бумага в АК1). Двойные листы 26 и 37, 27 и 36 — с филигранью: литеры “ФКНГ” (“Фабрика князя Николая Гагарина”) на левой половине листа, герб Ярославской губернии в овале на правой половине листа, с “белой датой” “1824” (две последние цифры читаются предположительно). Описана: *Клепиков* 1959. С. 68. № 698; *Uchastkina* 1962. Pl. 27. P. 57, 269, с датой: 1839. На л. 52 два круглых черно-белых штампа, вероятно, позднейшего происхождения: первый с вензелем “ВН” (или “ВИ”), второй — с изображением аиста и литерной частью: “САП” (в центре), “Бог моя надежда” (по кругу). Пагинации: 1—91 (чернилами, в правом верхнем углу; при нумерации допущены ошибки — л. 89 пронумерован 90, а л. 90—91); 1—90 (карандашом, в правом верхнем углу); л. 69—90 имеют самостоятельную пагинацию (1—22, чернилами, в правом верхнем углу). На л. 1 цензурное разрешение: “№ 39. Одобряется к представлению. С.П.б. 2 Марта 1836 года. Ценсор Евстафий Ольдекоп”. На всех последующих листах (за исключением л. 17—18, переписанных уже после прохождения рукописи через цензуру) — подпись Ольдекопа. На последнем листе (л. 90) под текстом написано: “Поз(воляется). С.П.б. 2 Марта 1836 года. Ольдекоп”. На л. 66 об. (л. 66—66 об. с заново написанным началом явления X действия IV — “Хлестаков и Марья Антоновна” — был вставлен в рукопись после цензурного просмотра) под текстом дополнительное разрешение цензора: “[К представл(ению)] Одобряется к представлению. С.П.б. 14 Апреля 1836. Ценсор Е. Ольдекоп”. На л. 1 (правый край которого оборван и подклеен другой бумагой при реставрации) архивные пометки: “По Алфавиту и описи №№ 14/2410. Библиотекарь Дм. Лобанов” (в верхней части листа); “[№ 80] 2410 (в центре)”; тиснение: “Библиотека Императорской русской драматической труппы”. Л. 90 об. не заполнен. На переплете наклейки: “4191. XVI б. 63. Ревизор, к. 5 д. № 14/2410”; “Экземпляр этот был удостоен Высочайшего Государя Императора обозрения, по случаю юбилея Н.В. Гоголя”. Описание рукописи см. также: *Описание ИРЛИ 1*. С. 436; *Описание ИРЛИ 2*. С. 7.

Впервые опубликовано: *Р86*, с. LXIII-148 (полностью напечатан нижний, писарский, слой — по определению Тихонравова, “первоначальный сценический текст”; последующая правка — не полностью — приведена в разделе “Варианты и примечания” — с. 155—231); *Ак. Т. IV*. С. 239—355 — напечатано в виде подстрочных вариантов к тексту второй редакции (АК1), правка приведена полностью, с частичным расслоением; *Мат. и иссл. 1936*. Т. 2. С. 155, 169, 185 — факсимильное воспроизведение л. 1 (титульный, с цензурным разрешением), 2 (перечень действующих лиц) и фрагмента л. 9 (начало реплики Городничего из второго явления первого действия: “Чего ж бояться! ~ Пожалуйста сюда, Иван Кузьмич”). Предположительно датируется: вторая половина января — первая половина апреля 1836 г.

ТС1 — театральные списки, первоначально принадлежавший Александру Малому театру, а впоследствии переданный Малому театру (писарская копия с

разновременной правкой неустановленных лиц). Хранится: Спецбиблиотека Малого театра. 100 л. В картонном переплете; чернила, правка простым карандашом. Разм. 22 × 17. Бумага со штемпелем Императорской Петергофской бумажной фабрики (в овале, Н (под короной), литерная часть затерта). Ср. описание вариантов штемпеля: *Клепиков 1959*. С. 103. № 75, 77; *Клепиков 1968*. С. 125. На титульном листе (л. 1) помечено: “На подлинном написано: Одобряется к представлению С.П.б. 2 Марта 1836 года. Цензор Евстафий Ольдекоп”. На нижних полях листов многократно повторяется виза: “С цензурованным верно: С. Петербургских Театров Инспектор Российской труппы Храповицкий”. Опубликовано: *Р86*. С. 155—231 (в виде вариантов к нижнему слою АК2, с пропусками и неточностями). Предположительно датируется: март-апрель 1836 г.

ТС2 — театральный список Малого театра (писарская копия с разновременной правкой неустановленных лиц). Хранится: Спецбиблиотека Малого театра. 49 л. В картонном переплете; чернила, правка простым карандашом. Разм. 36 × 21,5. Бумага со штемпелем в овальной рамке: “ЕС” (готические буквы под короной на заштрихованном овале), “В.Г.П.У. Ф СЕРГИЕВСКОЙ” (по овалу), что означает: “Евграф Солеников”, “Владимирской губернии Покровского уезда фабрики Сергиевской”. Описан: *Клепиков 1959*. С. 108. № 185. Опубликовано: *Ак. Т. IV*. С. 369—458 (в виде подстрочных вариантов к тексту первого издания “Ревизора”). Предположительно датируется: 1858 г.

ТС3 — театральный список, первоначально принадлежавший Александринскому театру (писарская копия с разновременной правкой разных лиц). Хранится: *СПбТБ. ОР и РК. I.XVI.3.31*. 120 л. В картонном переплете; чернила, правка простым карандашом. Разм. 34,2 × 21,5. Бумага без филиграней и штемпелей. Без пагинации. На титульном листе пометы: “С цензуров<анным> экз. верно. 16 июля 1866. Режиссер Воронов”; “возобновлен в бен(ефис) Г-на Нильского 1881 года”; штамп “Дирекция Императорских театров. Центральная библиотека”. Предположительно датируется: июль 1866 г.

Р36 (редакция первого издания) — Ревизор. Комедия, в пяти действиях. Соч. Н. Гоголя. Санктпетербург. Печатано в типографии А. Плюшара. 1836 (цензурное разрешение — 13 марта 1836, цензор П. Корсаков).

В составе собрания сочинений Гоголя впервые опубликовано: *Кор. Т. V*. С. 243—336 (“Первая печатная редакция”); включено в *Ак. Т. IV*. С. 369—458 (“Редакция первого издания”). Сцена чтения письма Хлестакова Тряпичкину (из явления VIII действия V: “Я, господа, пришел объявить вам ~ в 3 этаже, направо”) перепечатана: *РРТ*. 1840. Кн. 4. “Театральные анекдоты и Смесь”. С. 33—35.

Р36Ц — экземпляр первого издания “Ревизора” (СПб., 1836) с дарственной надписью Гоголя М.С. Цепкину, правкой Гоголя и неустановленных лиц. Хранится: *ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 1*. Варианты Р36Ц публикуются впервые.

Р36Д — экземпляр первого издания “Ревизора” (СПб., 1836) с дарственной надписью Гоголя Н.О. Дюру и двумя авторскими (?) исправлениями. Хранится: Отдел редких книг *РГБ* (в составе собрания Н.П. Смирнова-Сокольского). Варианты *Р36Д* публикуются впервые.

ЧЕТВЕРТАЯ РЕДАКЦИЯ (редакция второго издания)

ЧН5 — три черновых наброска: к явлениям I, III, и VI действия IV. Хранятся: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 47. Л. 103. Автограф представляет собой часть одинарного листа (подклеен к л. 104 авторского экземпляра первого издания “Ревизора” с необрезанными полями — *АР36*, подробное описание см. ниже); оборот листа не заполнен; чернила. Разм. 20,2 × 12,2. Бумага “верже” с небольшой частью не поддающейся восстановлению филигрании. В правом верхнем углу рукой Гоголя написано: “приятное известие могло ли содержаться”. Описание рукописи см. также: *Тих.* Т. 2. С. 639.

Впервые, с неточностями, опубликовано: *Тих.* Т. 2. С. 639. В *Ак.* опубликовано в своде вариантов к соответствующим явлениям (Т. IV. С. 460, 464, 469—470). Предположительно датируется: конец 1840 — начало 1841 г.

ЧА2 — черновой автограф II и начала III явлений действия IV. Хранится: *ОР РНБ*. Ф. 199. Ед. хр. 4. Тетрадь с автографами Гоголя, поступившими в Императорскую Публичную библиотеку (ныне *РНБ*) из бумаг А.А. Иванова. В библиотечном картонном переплете с кожаным корешком и уголками. На корешке тиснение золотом: “Разные сочинения Н.В. Гоголя”, марка библиотеки. Л. 55. Автограф представляет собой одинарный лист, подклеенный к л. 58; л. 55 об. не заполнен; чернила. Разм. 18,7 × 12,8. Бумага со штемпелем в прямоугольной вертикальной рамке с закругленными краями: “PAPPEWTEOTRAN(?)” (на ленте над гербом), герб под короной между львом и единорогом, “DUTCH HEART(...?)” (на ленте под гербом), “HOUARD” (в нижней части рамки). Описан: *Клепиков 1959*. С. 112. № 250; *Клепиков 1968*. С. 137. № 206. Пагинации: 56 (чернилами, в правом верхнем углу), 55 (карандашом, по нижнему полю). Описание рукописи см. также: *Тих.* Т. 2. С. 638; *Тих.* Т. 7. С. 867, 869; *Описание РНБ*. С. 10, 12—13 (описание архивной единицы в целом см.: *Тих.* Т. 7. С. 867—873; *Описание РНБ*. С. 10—13).

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 2. С. 638—639. В *Ак.* опубликовано в своде вариантов к явлениям 2 и 3 действия IV второго издания “Ревизора” (Т. IV. С. 463—464). Предположительно датируется: конец 1840 — начало 1841 г.

АКЗ — авторизованная копия (рукой В.А. Панова с правкой Гоголя), включающая явления I—V действия IV и написанные рукой Гоголя мелкие исправления явлений VI и VII действия IV. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74.

К. 1. Ед. хр. 47. Л. 61—66 об. Копия представляет собой шесть листов (два двойных и два одинарных), вклеенных и вшитых в авторский экземпляр первого издания “Ревизора” с необрезанными полями (*АРЗ6* — подробное описание см. ниже) — вместо шести вырезанных страниц (с. 109—114), содержащих текст явлений I—III действия IV. На л. 66 об. оставлено место для нового текста явления VIII. Разм. 28 × 21,5. Бумага без филиграней и штемпелей. Описание рукописи см. также: *Р86*. С. XXXVI; *Описание РГБ 1*. С. 21.

Впервые опубликовано: *Р86*. С. XXXVI—XXXVII (исправления, внесенные в явления VI и VII); *Тих.* Т. 2. С. 683—684, в своде вариантов к явлениям I—V действия IV второго издания “Ревизора” (подобным же образом опубликовано и в *Ак.* Т. IV. С. 459—471). Предположительно датируется: январь—февраль 1841 г.

АК4 — авторизованная копия (рукой неустановленного лица с правкой Гоголя), включающая явления I—V действия IV; мелкие исправления явлений VI и VII действия IV; написанное рукой Гоголя явление VIII того же действия. Хранится: *ОР ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 1. Н.В. Гоголь. Тетрадь с вклеенными автографами Гоголя и относящимися к его жизни и творчеству материалами (портреты, иллюстрации, вырезки, театральные афиши). В переплете. На корешке тиснение золотом: “Н.В. Гоголь. Разные бумаги, спасенные М.П. Погодиным от сожжения”. Из собрания П.Я. Дашкова. Л. 65, 65 об., 67, 67 об. Автограф представляет собой два листа, заполненных текстом с обеих сторон; чернила. Разм. 26,9 × 20,6. Бумага (такая же, как в *АК* “Отрывка из письма...” и в *АКЗ* “Двух сцен...”) голубовато-серого цвета со штампом “ВАТН” (в прямоугольной рамке с виньетками). Ср. описание вариантов штампа: *Клепиков 1959*. С. 111; *Клепиков 1968*. С. 135—136. На л. 65 — помета рукой М.П. Погодина: “в смесь, но щцццо, как комедию”; на л. 67 об. (под последней фразой явления пятого: “Лука Лукич летит вон почти бегом”) — рукой неустановленного лица проведена черта и написано: “до сих пор”. Описание рукописи см. также: *Описание ИРЛИ 1*. С. 436; *Описание ИРЛИ 2*. С. 7.

Впервые опубликовано: явления I—V — *Москв.4*. С. 578—593; явления I—V, а также исправленный текст явлений VI и VII, явление VIII — *Р41*. С. 109—127, 128, 132—133, 136—137. Предположительно датируется: январь—февраль 1841 г.

Москв.4 — Москвитянин. 1841. Ч. II. № 4. С. 578—593 (цензурное разрешение — 27 марта 1841, цензор — Н.И. Крылов). Раздел “Прибавление к изящной словесности”, текст 1—5 явлений в редакции второго издания (под названием: «Новые сцены к комедии “Ревизор”», подпись “Гоголь”).

Р41 — Ревизор, комедия в пяти действиях, соч. Н. Гоголя. Издание второе исправленное с приложениями. Москва. В типографии Николая Степанова, 1841. На обороте титула: “Печатано с издания 1836 года, с исправлениями” (цензурное разрешение — 26 июля 1841, цензор И. Снегирев). С. 109—127, 128, 132—133, 136—137.

ПЯТАЯ РЕДАКЦИЯ

АР36 — исправленный рукой Гоголя экземпляр первого издания “Ревизора” с необрезанными полями. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 47. 104 л. В картонном переплете, обтянутом синеватой материей. На наружной стороне крышки в левом верхнем углу наклейка с надписью рукой неустановленного лица: Museo di Mosca. Gogol — comedia di Revisor. На внутренней стороне — экслибрис Московского Публичного и Румянцевского музеев и надписи рукой А.Е. Викторова: “1879 г. Из бумаг А. Иванова. Вход. 2207”. К шмуцтитулу подклеен лист с описанием книги рукой А.Е. Викторова. Разм. 29 × 22,2; 29 × 14,1. Большая часть исправлений сделана карандашом, в отдельных случаях — чернилами. Пагинации: печатная, постраничная (I–V, 1–186), архивная, полистная (1–104). Вместо шести вырезанных страниц (с. 109–114) с текстом явлений I–III действия четвертого в книгу вклеено и вшито шесть листов (л. 61–66), содержащих копию явлений I–V действия четвертого (рукой В.А. Панова) для редакции второго издания “Ревизора” (*Р41*) с разновременной правкой Гоголя: первый ее слой относится ко времени подготовки второго издания “Ревизора”, второй слой — к работе над окончательным текстом комедии (подробное описание см. *АК3*). На л. 103, подклеенном к л. 104, — три черновых наброска: к явлениям I, III и VI действия четвертого в редакции второго издания (подробное описание см. *ЧН5*). Описание рукописи см. также: *Р86*. С. XXXVI–XXXVIII; *Тух*. Т. 2. С. 636–639; *Описание РГБ 1*. С. 21.

Впервые опубликовано: Соч. 1842. Т. IV. С. 7–194. Предположительно датируется: вторая половина 1841 — май 1842 г.

ППр — письмо Гоголя к Н.Я. Прокоповичу от 15(27) июля 1842 г. из Гастейна, содержащее заключение к вводной статье “Характеры и костюмы” (последний абзац) и окончательную редакцию последнего явления и финальной Немой сцены. Хранится: *ИР НБУ*. Ф. 310. Ед. хр. 62. Л. 33–34.

Соч. 1842 — Сочинения Николая Гоголя. Том четвертый. Санктпетербург. В типографии А. Бородина и К°. 1842. С. 7–194 (цензурное разрешение — 30 сентября 1842 г., цензор А. Никитенко).

Соч. 1855 — Сочинения Гоголя. Том четвертый. Москва. В типографии Александра Семена. 1855. С. 17–202 (цензурное разрешение — 2 июня 1855 г., цензор И. Безсомыкин).

Печатается по тексту *АР36* и по *ППр* (по последнему источнику — заключительный абзац статьи “Характеры и костюмы”, последнее явление и Немая сцена) со следующими исправлениями по Соч. 1842, Соч. 1855 (в отдельных случаях по *ЧА1*, *АК1*, *АК2*, *Р41*), а также с исправлением опечаток:

С. 5: текст комедии предварен эпиграфом (по Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 7: сняты фамилии исполнителей в перечне действующих лиц (по Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 7, строка 9: Артемий Филиппович — вместо: Артемий Филипович (и далее в тексте первого действия, а также в нескольких случаях в действии четвертом — обоснование см. с. 632 наст. изд.)

С. 7, строка 9: Земляника — вместо: Земленика (и далее по тексту, за исключением одного случая на с. 14, строка 18, где в АРЗ6 напечатано: Земляника — обоснование см. с. 631—632 наст. изд.)

С. 7, строка 14: Иван Александрович — вместо: Александр Иванович (обоснование см. с. 631 наст. изд.)

С. 7, строка 18: Растаковский — вместо: Ростановский (обоснование см. с. 631 наст. изд.)

С. 7, строка 25: Пошлепкина — вместо: Пошлепина (обоснование см. с. 632 наст. изд.)

С. 7, строка 26: вставлено действующее лицо, отсутствующее в перечне действующих лиц: Жена унтер-офицера (по Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 9, строка 3: после слов: развязнее и живее Добчинского. — снят текст: Оба в серых фраках, желтых нанковых панталонах. Сапоги с кисточками. Представляются Добчинский в широком фраке бутылочного цвета; Бобчинский в прежнем гарнизонном мундире (по Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 9, строка 12: после слов: Очень услужлив и суетлив. — снят текст: Костюм его: довольно широкой фрак, но в четвертом действии является в узком губернском мундире с короткими рукавами и огромным воротником, почти захватывающим уши (по Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 9, строка 15: после слов: находятся пред глазами. — снят текст: Гости должны быть ~ в виде сахарной головы и проч. (по Соч. 1842, Соч. 1855; отмененный текст см. на с. 363 наст. изд.)

С. 10, строка 1: Действие первое — вместо: Действие I (аналогичное исправление внесено в нумерацию остальных действий)

С. 11, строки 26—27: я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам — вместо: я кое-какие распоряженья, советую и Вам (по Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 15, строка 35: собачонкою — вместо: собаченкою (по Соч. 1855)

С. 18, строка 11: В пятом номере — вместо: В 5-м №

С. 18, строка 30: лет двадцати трех или четырех — вместо: лет 23 или четырех (по Соч. 1842, Соч. 1855)

С. 20, строка 3: Абдулин — вместо: Авдулин (обоснование см. с. 632 наст. изд.)

С. 20, строка 39: довольны ли — вместо: довольно ли (по ЧА1)

С. 34, строка 4: Добчинскому — вместо: Бобчинскому

С. 37, строка 16: Я ничего не понимаю — вместо: А ничего не понимаю (по АК1, Р41, Соч. 1842, Соч. 1855)

- С. 39, строка 21: они бегут — вместо: которые бегут (по Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 41, строка 28: поглядывает на Анну Андреевну и рисуется перед ней — вместо: поглядывая на Анну Андреевну и рисуется перед ней (по Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 44, строки 37—38: Один раз я даже управлял департаментом. — вместо: Один раз я управлял департаментом. (по Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 44, строки 38—39: директор уехал, куда уехал, неизвестно — вместо: директор уехал, куда ехал, неизвестно (по Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 45, строки 3—5: по улицам курьеры, курьеры, курьеры ~ я спрашиваю? — вместо: по улицам курьеры, курьеры... (по Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 45, строки 7—12: и послужной список тоже ~ горячится сильнее. — вместо: и послужной список... “Извольте, говорю, господа, я принимаю должность, только уж у меня прошу теперь ни, ни, ни!.. у меня ухо остро держите!.. Я уж..” и точно, бывало, как прохожу через департамент — просто землетрясение. Все дрожит и трясется, как лист. (Городничий и прочие трясутся от страха.) (по Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 45, строки 14—17: Да что, в самом деле ~ в фельдмарш... — вместо: Меня уж было произвели в фельдма... (по Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 45, строка 21: Перед словами: Что такое? — вставлена ремарка: (быстрым отрывистым голосом) (по Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 45, строка 23: Перед словами: Не разберу ничего — вставлена ремарка: (таким же голосом) (по Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 45, строки 28—29: Завтрак у вас, господа, хорош... я доволен, я доволен. (С декламацией.) Лабардан! лабардан! — вместо: Завтрак у вас, господа... Я доволен, я доволен. Отличной лабардан, отличной лабардан! (по Соч. 1855)
- С. 50, строка 3: Явление I — вместо: Явление первое (аналогичное исправление внесено в нумерацию явлений II—V четвертого действия)
- С. 51, строки 14 и 20; с. 52, строки 4, 5, 11, 14, 19: Аммос Федорович — вместо: Судья
- С. 51, строка 23: притиснули — вместо: притиснул (по Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 52, строка 35: Пресвятая Матерь — вместо: пресвятая мать (по Соч. 1842, Соч. 1855)
- С. 55, строка 28: Явление VI — вместо: Явление IV (и далее соответственно: Явление VII—XIV — вместо: Явление V—XII)
- С. 57, строка 23: Бобчинский — вместо: Добчинский
- С. 63, строка 2: Пошлепкина — вместо: Пашлепкина (обоснование см. с. 632 наст. изд.)
- С. 66, строка 10: Анна Андреевна — вместо: Анна Андревна (и далее в наименовании этого действующего лица в явлениях XIII и XIV)
- С. 67, строка 21: Анна Андревна — вместо: Марья Андревна

- С. 67, строка 32: Явление XV — вместо: Явление XII
 С. 69, строка 28: самými — вместо: самими
 С. 73, строка 1: ряпушка — вместо: рябушка (по Соч. 1842, Соч. 1855)
 С. 74, строка 6: втоптал в самую грязь — вместо: втопал в самую грязь (по ЧА1, АК1, АК2, Соч. 1842, Соч. 1855)
 С. 74, строки 28—29: Подходит к ручке — вместо: Подходят к ручке
 С. 75, строка 26: Явление VI — вместо: Явление IV
 С. 77, строка 35: Артемия Филипповича — вместо: Артемий Филиппович
 С. 77, строка 36: Жены Коробкина — вместо: Жена Коробкина
 С. 79, строка 1: Явление VIII — вместо: Явление IX
 С. 82, строка 31: Ляпкин-Тяпкин — вместо: Ляпкин-Тряпкин
 С. 83, строка 23: по лбу — вместо: по плечу (по АК1, АК2)

* * *

Вопрос о том, когда Гоголь приступил к работе над “Ревизором”, был и остается дискуссионным — в силу неполноты, неясности и противоречивости известных к настоящему времени фактов и версий. Источники, позволяющие более или менее точно датировать начало работы, условно можно разделить на три категории: письма (в том числе гоголевские) и дневники, содержащие упоминания о комедийных замыслах Гоголя 1833—1835 гг. и их исполнении; свидетельства о принадлежности сюжета “Ревизора” Пушкину и последующей передаче этого сюжета Гоголю; наконец, сами рукописи “Ревизора”.

Наибольшую сложность представляет интерпретация первой группы источников, а точнее пяти “глухих”, без указания названия, упоминаний о работе Гоголя над комедиями в 1833—1835 гг. — по определению В.В. Гиппиуса, “уравнение с пятью неизвестными” (Гиппиус 1931. С. 61—124; здесь же дан свод — в виде таблицы — и аналитический обзор имеющихся толкований указанных материалов). На основе этих неконкретных упоминаний были предприняты попытки датировать начало работы над “Ревизором” одним из указанных годов. Первое упоминание — в письме А.С. Пушкина В.Ф. Одоевскому от 30 октября 1833 г. из Болдина: “Кланяюсь Гоголю. Что его комедия? В ней же есть закорючка” (Пушкин. Т. XV. С. 90). В 1864 г., поясняя эти строки, В.Ф. Одоевский отметил: «Относится к “Ревизору”» (РА. 1864. № 7 и 8. Стб. 820). Несмотря на это свидетельство, исследователи довольно единодушно связали вопрос Пушкина с “Владимиром 3-ей степени”, опираясь при этом, в частности, на письмо Гоголя М.П. Погодину от 20 февраля 1833 г., в котором сообщалось о приостановке работы над указанной комедией в связи с возможными цензурными затруднениями (Тих. Т. 2. С. 735—736; к этой точке зрения автор комментариев Н.С. Тихонравов пришел не сразу — тремя годами ранее он предполагал, что в письме Пушкина речь идет о “Женитьбе” — Р86. С. V;

Шенрок. Т. 2. С. 354; Кор. Т. V. С. 376—377; Гиппиус 1931. С. 94 — последний считал, что наряду с “Владимиром 3-ей степени” речь могла идти о “Женитьбе”). В 1951 г. комментаторы четвертого тома Полного академического собрания сочинений Н.В. Гоголя В.В. Гиппиус и В.Л. Комарович окончательно отвергли 1833 год как возможную дату начала работы Гоголя над “Ревизором”, сославшись на текст первой черновой редакции комедии (в наших обозначениях ЧА1), в котором упоминается “Библиотека для чтения” и связанная с ней деятельность О.И. Сенковского (под псевдонимом Брамбеус) — первый том журнала вышел в 1834 г., цензурное разрешение — 31 декабря 1833 г. (Ак. Т. IV. С. 523—524).

Были предприняты попытки датировать начало работы Гоголя над “Ревизором” 1834 г. (см.: *Гоголь Н.В. Сочинения / Под ред. В.В. Калаша. Т. 6. (Пг., 1915). С. 371, без обоснования датировки*). Б.Л. Модзалевский приурочивал завершение “Ревизора” к маю 1834 г. (*Пушкин А.С. Дневник 1833—1835 / Под ред. и с объяснительными примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Пг., 1923. С. 172*) — на основе дневниковой записи А.С. Пушкина от 3 мая 1834 г.: “Гоголь читал у Дашкова свою комедию. Дашков звал Вяземского на свой вечер...” (*Пушкин. Т. XII. С. 328*). Эта точка зрения была достаточно аргументированно оспорена в академическом издании Гоголя, где отмечалось, что если бы в мае 1834 г. Дашков действительно приглашал Вяземского на чтение “Ревизора”, то последний не стал бы полтора года спустя в письме к А.И. Тургеневу от 19 января 1836 г. (ОА, т. III. С. 285) «пересказывать как новость содержание “Ревизора”, тут же называя его “новой комедией”» (Ак. Т. IV. С. 524).

1834 годом, 14 августа, датируются и два других упоминания о пьесах Гоголя — на сей раз в его собственноручном письме М.А. Максимовичу: “На театр здешний я ставлю пьесу (...) да еще готовлю из-под полы другую”. П.А. Кулиш, а вслед за ним А.И. Кирпичников полагали, что первая из упомянутых пьес — “Ревизор”, вторая, вероятно, “Женитьба” (*Кулиш 1854. С. 77; Кулиш 1856. Т. 1. С. 146; Гоголь Н.В. Сочинения и письма / Издание П.А. Кулиша. Т. 5. СПб., 1857. С. 223; Кирпичников А.И. Опыт хронологической канвы к биографии Н.В. Гоголя // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. С его биографией и примечаниями: В 3 т. / Под ред. проф. А.И. Кирпичникова. Т. I. М., 1902. С. XXII*). Тихонравов также считал, что речь идет именно об этих пьесах, но расположил их в иной хронологической последовательности: ставится на театре здешнем “Женитьба”, а готовится “из-под полы” “Ревизор” (Р86. С. VII; Тих. Т. 6. С. 590).

Последнее, пятое, упоминание о комедии относится к 7 октября 1835 г. В этот день в Петербурге Гоголь писал Пушкину, находившемуся в Михайловском: “Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русской чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. Если ж сего не случится, то у меня пропадет даром время, и я не знаю, что делать тогда с моими обстоятельствами. Я, кроме моего скверного жалованья университетского 600 рублей, ника-

ких не имею теперь мест. Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и клянусь, будет смешнее чорта. Ради Бога. Ум и желудок мой оба голодают”.

В.И. Шенрок полагал, что здесь идет речь об “Игроках” (при этом он считал, что мысль о “Ревизоре” возникла у Гоголя в конце лета 1835 г. — Шенрок. Т. 2. С. 376). Н.И. Коробка в 1914 г. в комментариях к пятому тому Полного собрания сочинений Н.В. Гоголя впервые связал начало работы Гоголя над “Ревизором” именно с этим письмом, выдвигая следующие аргументы: сюжет “Ревизора” не мог возникнуть раньше, чем Гоголь обратился к Пушкину — в противном случае логичнее было бы воспользоваться имеющимся замыслом, а не просить у Пушкина новый; “Ревизор” — единственная пятиактная комедия Гоголя, а в письме Пушкину Гоголь как раз обещает написать комедию из пяти актов (Кор. Т. V. С. 378—379; Коробка отмечает при этом, что к работе над “Ревизором” Гоголь приступил в конце октября 1835 г. — там же, с. 379). Этой же точки зрения придерживался В.В. Гиппиус (Гиппиус 1931. С. 95), опиравшийся в своих рассуждениях на текст двух писем Гоголя: Пушкину (от 7 октября 1835 г.) и М.П. Погодину, от 6 декабря 1835 г. Именно Погодину Гоголь впервые, что неопровержимо доказывают последующие письма (М.П. Погодину от 18 января и 21 февраля 1836 г., Н.Д. Белозерскому от 21 февраля 1836 г. — подробнее о них см. ниже), сообщает о работе над “Ревизором”: “Смеяться, смеяться давай теперь побольше. Да здравствует комедия! Одну наконец решаюсь давать на театр, прикажу переписывать экземпляр для того, чтобы послать к тебе в Москву (...). Так я был озабочен это время, что едва только успел третьего дни окончить эту пиесу”. Гиппиус полагал, что сопоставление этих двух писем позволяет окончательно датировать начало работы над “Ревизором” серединой октября 1835 г. и отвергнуть все более ранние даты (Гиппиус 1931. С. 95). Свой вывод Гиппиус пояснил следующим образом: Гоголь мог просить у Пушкина сюжет для комедии либо при условии, что “Ревизор” уже был написан, либо в том случае, если подобный замысел до обращения к Пушкину вовсе не имелся в виду; письмо Гоголя Погодину от 6 декабря 1835 г. убеждает, что верно только второе (там же). Факт передачи сюжета “Ревизора” упомянут Гоголем и в “Авторской исповеди” в связи с уступкой Пушкиным сюжета “Мертвых душ” («Мысль “Ревизора” принадлежит также ему»). Позднее П.В. Анненков свидетельствовал: «Известно, что Гоголь взял у Пушкина мысль “Ревизора” и “Мертвых душ”» (Анненков П.В. Воспоминания о Гоголе. Рим, летом 1841 года // БдЧ. 1857. Т. 141. Февраль. Отд. II. С. 133; то же, под названием “Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года” // Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П.В. Анненкова. Отд. 1. СПб., 1877. С. 184; см. то же: Анненков 1989. С. 49).

Вывод Коробки о том, что творческая история “Ревизора” восходит к письму Гоголя Пушкину от 7 октября 1835 г., вслед за Гиппиусом был поддержан большинством исследователей (хотя не всеми — см.: Долинин 1956.

С. 39; Елеонский 1962. С. 243, 247–249, 253; Войтоловская 1971. С. 19) и достаточно прочно утвердился (Ак. Т. IV. С. 524; Петрунина, Фридендер 1969. С. 209; Макогоненко 1985. С. 232–233), правда, с хронологической поправкой: начало работы над “Ревизором” более или менее единодушно приурочивается к концу октября 1835 г. (с учетом того, что Пушкин мог выполнить просьбу Гоголя, лишь вернувшись из Михайловского в Петербург, а это произошло 23 октября 1835 г. — см. письмо О.С. Павлицевой к Н.И. Павлицеву от 24 октября 1835 г.: Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1913. Вып. XVII–XVIII. С. 184). Вероятно, стоит допустить (особенно с учетом стесненных материальных обстоятельств Гоголя) и возможность скорого письменного ответа на просьбу последнего: судя по всему, Пушкин выехал из Михайловского 20 октября 1835 г. (Вревский Б.А. Вседневный журнал на 1835 год // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1915. Вып. XXI–XXII. С. 392), а к этому времени послание Гоголя уже могло быть получено (конверт не сохранился); в письме П.А. Плетневу около (не позднее) 11 октября 1835 г. Пушкин упомянул, что Гоголю “нужны деньги” (Пушкин. Т. XVI. С. 55–56); кроме того, первоначально Пушкин предполагал вернуться в Петербург не ранее ноября (там же). Таким образом, на основе имеющихся к настоящему времени эпистолярных свидетельств можно с достаточной степенью уверенности датировать начало творческой истории “Ревизора” концом октября 1835 г.

Подробная характеристика второй группы источников — материалов, свидетельствующих о принадлежности близкого “Ревизору” комедийного замысла Пушкину, времени зарождения этого замысла и обстоятельствах его передачи Гоголю, — дается ниже (см. с. 633–640 наст. изд.). Здесь отметим лишь, что хронологически все эти источники (самый поздний из них, неосуществленный план Пушкина — см. с. 634 наст. изд. — относится к 1833–1834 гг.) не противоречат датировке начала работы Гоголя над комедией концом октября 1835 г.

Третий источник датировки — рукописи “Ревизора”, к рассмотрению которых (т.е. воссозданию творческой истории комедии) мы и переходим далее. Отметим сразу, что, говоря о пяти редакциях “Ревизора” (в перечне источников и в самом тексте комментария), мы имеем в виду не окончательно завершенные и предназначенные для печати и сценического исполнения редакции комедии (к таковым можно отнести редакцию первого издания и тесно связанную с ней сценическую версию — 1836 г., редакцию второго издания — 1841 г., редакцию издания 1842 г.), а лишь наиболее существенные и значительно отличающиеся друг от друга текстологические этапы (в том числе черновые и промежуточные) воплощения авторского замысла.

Первая (черновая) редакция “Ревизора” (Ч41) написана Гоголем на двенадцати листах тетради большого формата, часто именуемой записной книгой. Подробное описание тетради см.: Р86. С. XII–XX; Отчет Мос-

ковского Публичного и Румянцевского музеев за 1889—1891 г. М., 1892. С. 67—69; *Тих.* Т. 7. С. 918—940; *Описание РГБ 1.* С. 58—59. По свидетельству И.С. Аксакова, в 1842 г., уезжая за границу, Гоголь передал тетрадь (в числе других рукописей) на хранение К.С. Аксакову, а по возвращении оставил ее у него насовсем — как ненужную (*Аксаков И.С.*). От редактора. Из неизданных бумаг Гоголя // *Русь.* 1881. 31 января. № 12. С. 19). В 1856 г. принадлежащая К.С. Аксакову тетрадь была рассмотрена и кратко описана П.А. Кулишом (*Кулиш 1856.* Т. I. С. 162, 170). В 1881 г. И.С. Аксаков готовил перешедшие к нему рукописи Гоголя, в том числе и указанную тетрадь, к передаче в Московский Публичный и Румянцевский музей (*Аксаков И.С.*) Указ. соч. С. 19), однако не успел осуществить задуманное. Тетрадь была передана этому музею в 1889 г. Д.Ф. Самариным — в соответствии с выраженным в печати (там же) желанием владельца рукописи, покойного И.С. Аксакова (Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1889—1891 гг. М., 1892. С. 67). На внутренней стороне верхней крышки переплета рукой А.Е. Викторова (первый хранитель, с 1862 по 1883 г., Отдела рукописей и славянских старопечатных книг Московского Публичного и Румянцевского музеев) помечено: “1889 г. От Д.Ф. Самарина. Вход. № 3121”. На л. 57 заверительная надпись Д.Ф. Самарина: “Всего в этой тетради пятьдесят семь полных и неполных перемеченных листов. Дмитрий Самарин”. Флигрань на бумаге (“ГФ”, с “белой датой” “1832”) едва различима, в описаниях С.А. Клепикова (*Клепиков 1959; Клепиков 1978*) и Э.В. Участкиной (*Uchastkina 1962*) не зарегистрирована. Из приведенного Клепиковым списка русских бумажных фабрик указанная флигрань может быть очень предположительно соотнесена (по совпадению первых букв) с Глинковской фабрикой В. Усачева в Богородском уезде Московской губернии (*Клепиков 1959.* С. 155).

Тетрадь (объемом в 59 листов, включая литературные) заполнена с двух сторон. На л. 2 об. — две записи, возможно относящиеся к “Ревизору”: “Но еще(?) были(?)” (в верхней части листа); “а мне сказал Хриза(н)ф Хризанфович за тайну” (в нижней части листа). Затем вписана первая черновая редакция “Ревизора” (л. 3—20 об.). Между л. 16 и 17 — корешок вырезанного листа. Первоначально хранился отдельно (старый шифр: ОР РГБ. М. 3215.4), архивная пагинация красным карандашом “№ 5” — о ее происхождении см. с. 564—565 наст. изд. В академическом издании ошибочно указано, что лист утрачен (*Ак.* Т. IV. С. 204, 210, 522). Тихоновым был учтен и опубликован в соответствующем месте первой черновой редакции (*Тих.* Т. 6. С. 123—128). В настоящее время вложен в самаринскую тетрадь под номером 17 (л. 17 при этом перенумерован в 17а — см.: *Описание РГБ 1.* С. 23—24; *Описание РГБ 2.* С. 39). Далее следуют семь черновых набросков ко второй редакции “Ревизора”: к явлению XII действия IV (л. 21); к явлениям XIII и XIV действия IV (л. 21об.—22, набросок вписан в два этапа); два наброска к явлению III действия I (л. 23 об.); к явлению V действия III (л. 24), к явлению VI действия III

(л. 24 об.); к явлению IX действия V (л. 25а об.). Лист, имеющий в настоящее время номер 25а, был вырван из самаринской тетради, первоначально хранился отдельно (старый шифр: ОР РГБ. М. 3215.5), архивная пагинация красным карандашом “№ 6” — о ее происхождении см. с. 564—565 наст. изд. В настоящее время вложен в самаринскую тетрадь между л. 24 и 25 (л. 25 при этом перенумерован в 256 — см.: *Описание РГБ 1. С. 23*).

С другой стороны в тетрадь (перевернутую при этом сверху вниз) вписаны: карандашные расчеты, связанные с доходами и расходами по имени — под рубриками “Хлебопашество”, “Скотоводство”, “Сено”, “Пчеловодство”, “Рыбная ловля” (л. 56об.—56); перевод начала книги Шамполиона-Фижака “Древний Египет” (л. 55 об. — подробнее см. ниже); черновая редакция статьи “О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году” (л. 55—35); черновой автограф статьи “Петербург и Москва” (л. 35—34); рецензия на книгу И... К...ва “Основание Москвы, или Смерть боярина Степана Ивановича Кучки” (СПб., 1836 — л. 34—33 об.; автором книги является И. Курьшев — атрибуция А.И. Рейтблата в его работе: Библиограф и архивы: атрибуция книг первой половины XIX в. // Советская библиография. 1987. № 2. С. 43); рецензия на книгу Б. Федорова “Детский павильон” (СПб., 1836 — л. 33 об.); текст “Плодотворная почва трех частей света...” (л. 33—32 об.).

Перевод из Шамполиона-Фижака датировать достаточно трудно. Эта работа (Champollion-Figeac M. Égypte ancienne) выходила отдельными выпусками с 1834 г., в 1839 г. опубликована в Париже в издании: Firmin Didot frères, в серии “L’Univers, ou Histoire et description de tous les peuples, de leurs religions, mœurs, coutumes, etc.” (“Вселенная, или История и описание всех народов, их религий, нравов, обычаев и пр.”). Первоначально текст рассматривался как оригинальный (*Тих.* Т. 6. С. 595; *Ак.* Т. IX. С. 635—636), в 1960 г. А. Наркевичем было установлено, что это перевод из указанной книги (*Наркевич А.* Мнимая заметка Гоголя // *ВЛ.* 1960. № 3. С. 124—126). Перевод мог быть выполнен по выходе первого выпуска (содержащего переведенный Гоголем текст), т.е. не ранее марта 1834 г. (см. сообщения о выходе первых выпусков: *Bibliographie de la France.* 1834. 15 mars. № 11. P. 180; *БдЧ.* 1834. Т. 3. Раздел VII. С. 71, цензурное разрешение от 31 марта 1834 г.). Вероятнее всего, перевод относится к 1835 г., когда Гоголь читал в Петербургском университете курс древней истории “по собственным запискам” (*ЖМНП.* 1835. № 2. Февраль. С. 317). Этой версии придерживались Н.И. Коробка (датировал перевод второй половиной 1835 г. — *Кор.* Т. V. С. 376) и А. Наркевич (*Наркевич А.* Указ. соч. С. 126).

Статьи “О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году” и “Петербург и Москва” датируются соответственно февралем и концом февраля — началом марта 1836 г. (*Ак.* Т. VIII. С. 765, 768; первая статья опубликована в “Современнике”. 1836. Т. 1, ценз. разрешение журнала — 31 марта 1836 г.; вторая рассмотрена цензурой 10 марта 1836 г. —

Ак. Т. VIII. С. 768), к этому же времени относятся рецензии на книги И. Курышева и Б. Федорова (предназначались для "Современника", но опубликованы в нем не были; книга Курышева одобрена цензурой 22 марта 1833 г. — ч. 2, 23 июня 1833 г. — ч. 1, 3—4, книга Федорова — 12 октября 1835 г.). Расчеты доходов и расходов по имению, возможно, относятся к периоду пребывания Гоголя в Васильевке в 1835 г. (вторая половина мая, июль — первая половина августа) — из письма Гоголя матери от 12 апреля 1835 г. известно, что он намеревался "не шутя приняться за хозяйство...". Текст "Плодотворная почва трех частей света..." в Ак. предположительно датируется 1834—1835 гг. — по положению в тетради (Т. IX. С. 636—637).

Ввиду необычного характера заполнения тетради (не подряд, а с противоположных сторон) датировка вписанных в нее статей, рецензий, перевода (1835 — начало 1836 г.) не помогает уточнению датировки начала работы Гоголя над "Ревизором", но все-таки косвенно подтверждает ее: соседствующие в тетради тексты, вероятнее всего, были вписаны в нее примерно в одни и те же годы и, по-видимому, в следующей последовательности: перевод из Шамполиона-Фижака (первая половина 1835 г.), хозяйственные расчеты (лето 1835 г.), первая черновая редакция "Ревизора", наброски ко второй редакции "Ревизора" (ЧА1 — конец октября — ноябрь; ЧН1 — ноябрь; подробнее о датировке см. с. 564 наст. изд.), затем, в указанном выше порядке, статьи и рецензии 1836 г.

Судя по всему, черновая редакция "Ревизора" отражает самый ранний этап работы Гоголя над комедией: текст написан нечетким торопливым почерком (характерным именно для гоголевских рукописей, написанных начерно), с пропусками не найденных сразу слов, реплик, фрагментов; во многих случаях полностью отсутствует разбивка текста на явления; зачастую отсутствует либо номер явления, либо перечень действующих в нем лиц; при репликах, как правило, нет имен персонажей. При всей внешней неоформленности (косвенно подтверждающей факт создания первоначального текста в очень сжатые сроки) черновая редакция тем не менее запечатлела полностью сложившийся замысел — с детально разработанным сюжетом (воплощенным в пяти действиях — в соответствии с обещанием Гоголя в письме к Пушкину от 7 октября 1835 г.) и четко определенной системой персонажей.

С самого начала Гоголь окончательно очертил место действия: все происходящее ограничено пределами двух комнат: одна — в доме Городничего (в первом, третьем, четвертом и пятом действиях), другая — в гостинице (во втором действии).

Первая черновая редакция отражает процесс поиска имен и фамилий персонажей. Сразу, без колебаний, были поименованы: жена и дочь Городничего (Анна Андреевна, или Анна Андревна, и Марья Антоновна), Почтмейстер (Иван Кузьмич Шпекин — имя и отчество появились во втором явлении первого действия, фамилия — во втором явлении четвертого

действия), Петр Иванович Добчинский и Петр Иванович Бобчинский, слуга Хлестакова (Осип), лекарь (Христиан Иванович, или Христиан Иванович, фамилия не указана), Растаковский, Погоняев, Люлюков, слуга Городничего (Мишка). Довольно быстро было выбрано имя и отчество для Городничего. Первоначально, во втором явлении первого действия, Гоголь назвал его Иваном Тимофеевичем, но сразу же зачеркнул это имя и уже в следующем явлении назвал Городничего окончательно — Антоном Антоновичем. Фамилия Городничего в первой редакции — Сквозник-Прочуханский.

Имя и фамилия чиновника из Петербурга окончательно определены не были, хотя имя и отчество Иван Александрович и фамилия Хлестаков в первой черновой редакции уже фигурируют — в ряду имен и фамилий, примеряемых автором к этому персонажу: Хласков (действие I, явление 3) — Хлестаков (действие II, явления 4, 5, 9, 10; действие III, явления 5 и 6; действие 4, явления II, III, V, VI, VII, X) — Александр Васильевич Хлестаков (действие II, явление 5) — Иван Григорьевич (действие III, явление 6, в “сцене вранья”) — Иван Александрович (действие 4, явление XIV, в ремарке) — Александр Иванович (действие 4, явление II, в разговоре Хлестакова с Почтмейстером; явление XV, в реплике Марьи Антоновны) — Скакунов (действие 5, явление XIII, в письме Тряпичкину — в действии 4, явлении X, в качестве адресата письма фигурирует Притишкин; в действии 5, явлении XIII письмо первоначально адресовано Верхолетову, затем Скакунову и только в третьем варианте Тряпичкину).

Имена и фамилии Смотрителя училищ, Судьи и Попечителя богоугодных заведений в черновой редакции окончательно не определились. В процессе работы Гоголь останавливался на следующих вариантах: Смотритель училищ — Григорий Петрович(?) (действие I, явление 1), Филип Артемьевич Земленика (действие 4, явление III); Судья — Макар Николаевич (действие I, явление 1), Припекаев (действие 4, явление IV); Попечитель богоугодных заведений — Антон Игнатьевич (действие I, явление 1), Антон Антонович (там же), Артемий Филипович (?) и Филип Артемьевич (?) (действие I, явление III); Ар(темий) Филипович (действие III, явление 2), Артемий Филипович Ляпкин-Тяпкин (действие 4, явление V). Знаком вопроса в этом перечне отмечены имена, которые могут быть отнесены к определенным персонажам лишь предположительно. В ряде случаев это соотношение установить практически невозможно: Эвл Герасимович (действие I, явление 3).

Уже в ЧА I в основных чертах воссоздан облик провинциального города, складывающийся из характеристик основных сфер его жизни (судопроизводство, богоугодные заведения, медицина, учебные дела, почтовое ведомство, рекрутский набор, высшая городская власть и способы управления подчиненными всех уровней). Во многом выявлены психологические доминанты характеров, в том числе и наиболее сложных — Городничего и Хлестакова.

В рукописях отражены колебания в определении возраста Хлестакова: сначала становится известно, что это молодой человек (со слов Добчинского и Бобчинского — действие I, явление 3), затем Добчинский, отвечая на расспросы Анны Андреевны, уточняет возраст прибывшего чиновника: лет 27-ми (действие III, явление 2). В черновом наброске к третьему явлению первого действия (ЧН1, <2>, подробнее см. ниже) Хлестаков несколько “молодеет”: человек “лет двадцати трех или четырех, не больше” (см. “Черновые наброски ко второй редакции”). Этот же возраст (“Молодой, лет 23 или четырех с небольшим”) зафиксирован в тексте второй редакции (действие I, явление III). Подробную характеристику этой и последующих редакций “Ревизора”, а также их сопоставительный анализ см.: *Елеонский 1962; Войтоловская 1971*.

Уже отмечалось, что первый сохранившийся автограф “Ревизора” имеет характер самого первоначального черновика: в рукописи чрезвычайно много словесных и буквенных пропусков, разного рода описок; окончания слов (особенно в конце строки), как правило, не прописаны четко или вовсе отсутствуют; границы между фразами нередко не обозначены — нет необходимых знаков препинания и прописных букв; в рамках фразы пунктуация практически отсутствует; текст пьесы графически не оформлен. Все это ставит перед публикаторами ЧА1 большие проблемы. Так, в Ак. текст ЧА1 сильно интонирован, в частности с помощью произвольно расставленных знаков препинания, в том числе восклицательных, вопросительных знаков, тире. В настоящем издании в основу публикации ЧА1 положены принципы, изложенные в соответствующих статьях первого тома (см. наст. изд. Т. 1. С. 563—570). В дополнение к ним принят ряд текстологических решений, обусловленных спецификой данного текста: его драматической природой и сугубо черновым характером. Они сводятся к следующему. Отсутствующие в тексте ЧА1 номера явлений, имена действующих лиц (при ремарках) приводятся в угловых скобках — с опорой на последующие редакции (в случае сомнений имена не указываются — тогда вместо имени ставится знак вопроса в угловых скобках). Ремарки печатаются курсивом, в скобках (последние в ЧА1 часто отсутствуют), в остальном графическое и пунктуационное оформление ремарок максимально приближено к авторскому. При расстановке отсутствующих знаков препинания отдано предпочтение нейтральным (внутри фразы — запятой, между фразами — точке), восклицательные знаки ни при каких условиях не добавляются. Вопросительные знаки ставятся только при наличии явного вопроса (предполагающего ответ) и отсутствии авторских знаков препинания. Часто встречающиеся в ЧА1 вопросительные предложения с авторской точкой в конце воспроизводятся без изменений. Пагинация рукописи приводится в угловых скобках.

Следующий этап работы Гоголя над “Ревизором” нашел отражение все в той же самаринской тетради. Вслед за текстом первой черновой редакции в нее вписано шесть набросков (ЧН1): к явлению III действия I (<1 и 2>),

к явлению V действия III (3); к явлению VI действия III (4); к явлению XII действия IV (5); к явлениям XIII и XIV действия IV (6). Соседство набросков с первой черновой редакцией дало основания издателям видеть в них непосредственное продолжение работы над самим текстом *ЧА1*. Подобная интерпретация набросков нашла отражение и в выборе заглавий разделов, в которых они были опубликованы: “Наброски, дополняющие или заменяющие отдельные сцены предшествующего текста” (Тих. Т. 6), “Дополнения к первой редакции” (Ак. Т. IV; наброски (2) и (5) опубликованы в подстрочных вариантах к *ЧА1* — с. 151, 204). Очевидно, что сам факт нахождения набросков в самаринской тетради не может быть рассмотрен как решающий аргумент в пользу их жесткой привязки к тексту первой черновой редакции, тем более что наброски не включены в текст — знаки вставок отсутствуют, соответствующие фрагменты в *ЧА1* не зачеркнуты и никак не отмечены. Казалось бы, в одном случае можно говорить о непосредственной замене текста — из *ЧА1* был изъят лист (в современной пагинации л. 17, в настоящее время вложен между л. 16 и 17а), содержащий XIII, XIV и большую часть XV явления действия 4. Между тем один из набросков (в нашей нумерации шестой) содержит новый вариант сцены Хлестакова с Анной Андреевной и Марьей Антоновной (в *ЧА1* соответствует XIII явлению, в *АК1* — XIII и XIV). В. Гиппиус в комментариях к академическому изданию с уверенностью отмечает, что лист “был вырезан самим Гоголем” (Ак. Т. IV. С. 522). Очевидно, что это суждение является гипотетичным. Кроме того, набросок шестой содержит новый вариант хотя и значительной, но все же только части исключенного текста, следовательно, о замене в строгом смысле слова говорить не приходится. Если лист и был вырезан из *ЧА1* самим автором, то, судя по всему, в связи с предполагавшейся, но до конца не осуществленной переработкой целой группы явлений.

Безусловно, наброски связаны с первоначальной редакцией композиционно и тематически, т.е. развивают соответствующие, намеченные уже в *ЧА1*, сюжетные линии и мотивы. Однако по степени разработанности этих линий и мотивов, по уровню отшлифованности стиля, наконец, чисто текстуально они примыкают уже к следующей, второй, редакции “Ревизора” и, судя по всему, являются первоначальным этапом работы над ней. За исключением пятого наброска, содержащего совершенно новый финал явления XII действия 4 (диалог Анны Андреевны и Марьи Антоновны), все они являются вариантами уже имеющихся в *ЧА1* фрагментов, сцен, явлений. При этом Гоголь обращался к повторной разработке важных, во многом ключевых сюжетных коллизий и существенных психологических характеристик. В двух первых набросках (к явлению III действия I) окончательно формируется диалог Бобчинского и Добчинского с Городничим о цели приезда в город Хлестакова: в *ЧА1* Бобчинский и Добчинский лишь деются с Городничим своими подозрениями (в связи с тем, что приезжий не едет дальше, а главное — “денег не плотит”), мысль же о том, что приезжий и ожидаемый ревизор — одно лицо, высказывает сам Городничий; в набро-

сках ход дела меняется — версия складывается в сознании Бобчинского и Добчинского, которые при этом с уверенностью рассеивают смутные сомнения, возникающие у Городничего.

Третий набросок (к явлению V действия III) содержит новый вариант одной из центральных сцен — торжественного появления Хлестакова в доме Городничего. Ход беседы по сравнению с *ЧА1* не изменен, но существенно переработаны речевые характеристики: усилены непосредственность, простодушие признаний и вопросов Хлестакова (“Вот в других городах мне совсем ничего не показывали”; “А это какая рыба была ~ давно такой не ел” и т.д.); всячески подчеркнуто стремление Городничего уверить “ревизора” в преданности делу и начальству; налицо стилистическая отделка, шлифовка реплик (появляется все больше характерных словечек и фраз, составляющих комедийную словесную вязь “Ревизора”: “все как мухи выздоравливают”; “пред добродетелью все прах и суета” и т.д.).

Четвертый и шестой наброски (к явлению VI действия III и к явлениям XIII—XIV действия IV) детально разрабатывают характер взаимоотношений Хлестакова с Анной Андреевной и Марьей Антоновной. Шестой набросок содержит по сути совершенно новую редакцию XIII и XIV явлений — тщательно выписано объяснение Хлестакова с Анной Андреевной, а затем в ее присутствии — с Марьей Антоновной (в *ЧА1* это было одно, небольшое по объему явление, где Хлестаков сталкивался сразу с обеими героинями и немедленно признавался в любви матери, а затем дочери).

Хронологически наброски вписаны в тетрадь, очевидно, в следующей последовательности. Первоначально написана часть наброска шестого: “С к а к у н о в. Куда вы хотели идти ~ в воображении представляется”. Отметим, что здесь Хлестаков еще именуется Скакуновым, как и в явлении XIII действия 5 *ЧА1*, а его объяснение в любви обращено к Марье Антоновне. Затем, примерно в одно время (хотя не обязательно одновременно — поскольку есть небольшие расхождения в характере почерка), написаны наброски 1 (здесь чиновник из Петербурга назван Иваном Александровичем Перепелкиным), 2, 3 (в заключительной части явления фигурирует фамилия Хлестаков), 4. Далее Гоголь вернулся к сцене объяснения Хлестакова с Марьей Антоновной (набросок шестой) и переработал его следующим образом: вписал новое окончание предыдущего, двенадцатого, явления (набросок пятый, который завершается ремаркой, указывающей на то, что Анна Андреевна входит), внес некоторые исправления в уже имеющийся текст наброска шестого (в частности, переадресовал объяснение Хлестакова входящей Анне Андреевне) и затем закончил текст наброска — дописал объяснение с Анной Андреевной и его переход в объяснение с Марьей Антоновной. В настоящем издании все шесть набросков печатаются полностью в разделе “Черновые наброски ко второй редакции” (принципы их публикации те же, что и *ЧА1*, см. с. 560 наст. изд.).

Часть набросков ко второй редакции (*ЧН2* и *ЧН3*) написаны на двух листах, хранящихся отдельно (каждый как самостоятельная единица), но —

судя по размерам и качеству бумаги — вырванных из той же самаринской тетради (что, кстати, и отмечено в *Описании РГБ 1. С. 23–24*). Лист, обозначенный ЧН2 (*ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 2*) имеет особую пагинацию красным карандашом — “№ 4”; о ее происхождении см. с. 564–565 наст. изд. В отличие от набросков из тетради наброски на отдельных листах не имеют соответствий в тексте первой черновой редакции, что, очевидно, свидетельствует об их более позднем происхождении.

На первом листе (ЧН2) — три наброска: на л. 1 об. — набросок к явлению VIII действия II (2), ниже — набросок к явлению V действия I (1); на л. 1 — набросок к явлению VI действия III (3). Черновой набросок к явлению V действия I использован в тексте второй редакции — в переработанном виде вошел в заключительные наставления Городничего Частному приставу. В первой черновой редакции (ЧА1) подобного или близкого текста нет. Черновой набросок к явлению VIII действия II (судя по содержанию, мог предназначаться лишь для беседы Хлестакова с посетившими его в гостинице Городничим и Добчинским) в тексте второй редакции не использован (никаких аналогий в ЧА1 не имеет). Черновой набросок к явлению VI действия III (с рассказом о куропатке) первоначально был использован в тексте второй редакции (АК1): в переработанном виде вошел в один из монологов Хлестакова в “сцене вранья”. Впоследствии фрагмент текста, восходящий к черновому наброску, был исключен (соответствующий одинарный лист — с. 83–84 авторской пагинации — из рукописи вынут; не сохранился) и заменен другим (с двумя рассказами Хлестакова: о его похищении слугами графини и о его столкновении с молодым человеком во время танцев). Черновой набросок, таким образом, оказался единственным источником текста с “рассказом о куропатке”, что поставило перед текстологами достаточно сложную проблему определения места наброска в системе источников. В первой публикации Н.С. Тихонравов вставил набросок в текст второй редакции (в квадратных скобках), т.е. допустил контаминацию (*Гоголь Н.В. Сочинения. Извлечены из рукописей академиком Н.С. Тихонравовым. Дополнительный том ко всем предшествовавшим изданиям Сочинений Гоголя. Вып. 1. М., 1892 // БдЧ. Бесплатное приложение к журналу “Царь-колокол”. 1892. № 3. Март. С. 166–167*). В Сочинениях Гоголя Тихонравов опубликовал набросок дважды: в разделе “Наброски, дополняющие или заменяющие отдельные сцены предшествующего текста” (*Тих. Т. 6. С. 152–153 — верхний слой, с. 630–631 — предшествующая правка*) и в тексте второй редакции (там же, с. 198–199, вставлен в текст, как в “Библиотеке для чтения”). В Ак. набросок вставлен в текст второй редакции (без скобок, с соответствующим пояснением в сноске — Т. IV. С. 292–294).

Второй из упомянутых листов (ЧН3) содержит лишь один черновой набросок, к явлению VIII действия V — (4). Этот набросок (с рассказом о сватовстве Хлестакова, отсутствующим в ЧА1) в незначительно переработанном виде вошел в текст второй редакции.

Вопрос о месте и способе публикации черновых набросков ко второй редакции решался по-разному. Н.С. Тихонравов напечатал второй, третий и четвертый наброски полностью — в разделе “Наброски, дополняющие или заменяющие отдельные сцены предшествующего текста” (*Тих.* Т. 6. С. 152—153, 155—156, 630—631); третий набросок, как уже отмечалось, был опубликован и в самом тексте второй редакции (там же, с. 198—199). В *Ак.* второй и третий наброски опубликованы полностью (второй — в разделе “Переработки и наброски отдельных мест второй редакции”. Т. IV. С. 356; третий — в тексте второй редакции — Т. IV. С. 292—294), четвертый — в подстрочных вариантах к тексту второй редакции (Т. IV. С. 342—344). Первый набросок Тихонравовым опубликован в разделе “Примечания редактора и варианты” (*Тих.* Т. 6. С. 630), в *Ак.* — в виде вариантов ко второй редакции (*Ак.* Т. IV. С. 258). В настоящем издании все четыре наброска печатаются полностью в специальном разделе: “Черновые наброски ко второй редакции”.

Ход дальнейшей работы Гоголя над “Ревизором” не вполне ясен ввиду отсутствия следующего по хронологии источника текста. Вероятнее всего, это был черновой автограф второй редакции комедии. По-видимому, именно об этой рукописи идет речь в цитированном выше письме Гоголя М.П. Погодину от 6 декабря 1835 г.: “Да здравствует комедия! Одну наконец решаюсь давать на театр, прикажу переписывать экземпляр (...) Так я был озабочен это время, что едва только успел третьего дни окончить эту пиесу” (вероятно, именно с этим известием связана запись в дневнике М.П. Погодина от 8 января 1836 г.: “Комедия Гоголя должна сделать эпоху в истории театра русского и восстановить его” — *ОР РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 130 об., опубликовано — *Барсуков.* Кн. 4. С. 335). Судя по этому письму, работа над черновым автографом второй редакции была завершена 4 декабря 1835 г. Вероятно, сразу же он был передан переписчику. Судьба оригинала (т.е. черного автографа второй редакции) неизвестна, по-видимому, его можно считать утраченным. Перебеленный же текст с внесенной в него впоследствии авторской правкой сохранился (*АК1*). Бумага (за исключением вкладных листов — подробнее см. “Источники текста” — с. 543 наст. изд.) маркирована водяным знаком “Б.У.” (“Бумага Усачевых”) и “белой датой” “1835”, что в сочетании с изложенными фактами и нижеследующими эпистолярными свидетельствами позволяет дополнительно подтвердить датировку начала работы Гоголя над “Ревизором”. При этом, исходя из имеющихся данных, работу над первой черновой редакцией (*ЧА1*) можно с уверенностью датировать концом октября — ноябрем 1835 г., а над черновыми набросками ко второй (*ЧН1*, *ЧН2*, *ЧН3*) — ноябрем 1835 г. Очевидно, что на ноябрь пришлась и основная работа над несохранившимся автографом второй редакции.

Помимо авторской (сделанной чернилами) и сплошной архивной пагинации (простым карандашом) ряд листов в *АК1* имеет особую архивную па-

гинацию красным карандашом (далее указана в скобках): л. 1—1 об., со списком действующих лиц (№ 16); л. 35—37, сцена Анны Андреевны с Марьей Антоновной из явления III действия III, не вошедшая в первое издание (№ 7—9); л. 58—60, явление VI действия IV, “Хлестаков и Растаковск и й”, не вошедшее в первое издание (№ 10—12); л. 62—63, финал явления VII и явление VIII действия IV, “Хлестаков и Гибнер”, не вошедшее в первое издание (№ 13—14); л. 73, конец явления XIII и начало явления XIV действия IV (№ 15); л. 87—90, сцена чтения письма Хлестакова к Тряпичкину из явления IX действия V (№ 1). Все эти листы, по-видимому, были извлечены из *AK1* в разное время по разным причинам, хранились вместе и потому получили особую нумерацию; впоследствии, при архивной обработке, были вложены в рукопись в соответствующие места. По всей вероятности, к этой же группе листов относятся: лист из черного автографа первой редакции “Ревизора” (*ЧА1*), в настоящее время имеющий нумерацию 17, лист с черновым наброском ко второй редакции (*ЧН4*), имеющий нумерацию 25а (пагинация красным карандашом соответственно № 5 и № 6), а также лист с черновым наброском ко второй редакции — *ЧН2* (пагинация красным карандашом № 4) — см. наст. изд., с. 556—557, 563, 571. Сцены “Анна Андреевна и Марья Антоновна” (л. 35—37) и “Хлестаков и Растаковский” (л. 58—60) были извлечены при подготовке их для публикации в Приложениях ко второму изданию “Ревизора” (см. с. 834—835 наст. изд.). Возможно, первоначально Гоголь предполагал опубликовать и другие, не вошедшие в первое издание сцены, и потому, в частности, вынул из рукописи л. 62—63. Явление VIII действия IV “Хлестаков и Гибнер” (л. 62—63), было опубликовано отдельно в 1859 г. в № 7 “Библиографических записок” (стлб. 220—221) под названием: «Сцена из “Ревизора” Гоголя, не напечатанная автором. (Сообщил П.А. Кулиш.) Явление VIII. Хлестаков и Гибнер».

История листа первого, содержащего список действующих лиц, по-видимому, такова. Первоначально список соответствовал именам действующих лиц в *AK1*, затем (вероятно, при подготовке *AK2*) в него были внесены следующие исправления: изменены фамилии ряда главных действующих лиц — Городничего (вместо: Сквозник-Прочуханский — стало: Сквозник-Дмухановский), судьи (вместо: Припекаев — стало: Ляпкин-Тяпкин), смотрителя училищ (вместо: Земленика — стало: Хлопов), попечителя богоугодных заведений (вместо: Ляпкин-Тяпкин — стало: Земленика); вычеркнуто “Мокрина Иванова, Унтер-офицерская вдова”, вписано: “Авдуин, Купец” (вероятно, тогда же фамилия “Кнут” была изменена на “Иконописцев”, а затем вовсе вычеркнута и к слову “Гости” было добавлено: “и Гости”). В тексте *AK2* сделаны аналогичные исправления, только в большинстве случаев фамилии не зачеркнуты, а выскоблены и поверх вписаны новые. Фамилия “Кнут” (пьянствующий полицейский) изменена на “Прохоров”. С.С. Данилов, со ссылкой на свидетельство А.А. Алексева (подвергнутое при этом критическому анализу), выразил предположение, что

такая замена могла состояться под влиянием разговора на одной из репетиций, в ходе которого выяснилось, что отсутствующий артист О.О. Прохоров “опять запьянствовал” (см.: Воспоминания актера А.А. Алексеева. М., 1894. С. 49–50; Данилов 1934. С. 28). Примечательно, что Прохоров первоначально репетировал Бобчинского (это несколько раз зафиксировано в монтировке “Ревизора”, подписанной 28 марта 1836 г. — там же, с. 134, 137, 140, 142), однако в премьерном спектакле в этой роли выступил Петров (в указанной монтировке “Прохоров” исправлено на “Петров” лишь в одном случае — там же, с. 137), а Прохоров был введен в спектакль только 28 апреля 1836 г., уже на роль Добчинского (подробнее см. с. 745 наст. изд.). Исправленный список действующих лиц был перебелен и в таком виде вошел в АК2, “черновик” же, по-видимому, хранился отдельно, а впоследствии, при архивной обработке, был возвращен в АК1, с текстом которой уже не согласовывался. Листы 87–90, вероятно, первоначально (до архивной обработки) хранились отдельно: вложены в особую обложку, имеют самостоятельную внутреннюю пагинацию (“1–8”) рукой В.В. Думнова и его же заверительную подпись (Думнов В.В. — русский книгоиздатель и книгопродавец; с 1886 г. руководитель издательской фирмы “Наследники братьев Салаевых”; книжным магазином Думнова было предпринято десятое издание Сочинений Н.В. Гоголя — под редакцией Н.С. Тихоновича).

Сопоставление первой и второй редакций (ЧА1 и АК1) показывает, что при отсутствии кардинальных сюжетных изменений текст комедии тем не менее подвергся существенной и многосторонней переработке. Переделки коснулись всех действий, но далеко не в равной мере. Построение первых трех (число явлений, их последовательность, состав действующих лиц, развитие действия) осталось неизменным. Два расхождения в делении текста на явления между ЧА1 и АК1 (в первом действии, где в ЧА1 отсутствует явление “Городничий, Бобчинский, Добчинский и Квартальный”, и в третьем действии, где в ЧА1 имеется “лишнее явление”, по счету десятое, с монологом Городничего) носят чисто внешний характер, так как соответствующие фрагменты имеются во всех редакциях и речь идет только о границах явлений, в ЧА1 зачастую очень зыбких и определяемых издателями с большой мерой условности.

В отличие от первых трех действий четвертое и пятое подверглись существенной композиционной переработке. Количество явлений в четвертом действии, по сути, осталось неизменным. Формальное расхождение (в ЧА1 — 15 явлений, в АК1 — 16) связано с тем, что два явления (в АК1 IX и X: “Хлестаков один” и “Хлестаков и Осип”) в ЧА1 четко не разграничены и традиционно печатаются как одно (десятое) явление. Из пятнадцати явлений четвертого действия в АК1 (и в последующих редакциях) сохранилось (хотя и в существенно измененном виде) девять: “Хлестаков и Почтмейстер”, (Хлестаков и зритель), (Хлестаков и судья), (Хлестаков и попе-

читель богоугодных заведений), (Хлестаков, Бобчинский и Добчинский), (Хлестаков и Осип), “Хлестаков и купцы”, (Те же и Городничий), “Те же и Осип”. Два явления (“Те же и Погоняев”, (Хлестаков и Люлюков), в *ЧА1* соответственно седьмое и восьмое) в *АК1* отсутствуют. Одно из явлений в *АК1* — дополнительное: “Хлестаков и Гибнер” (восьмое). В явление двенадцатое включен диалог Хлестакова с новым действующим лицом — “слюсаршей”. Явление (Хлестаков, Анна Андреевна и Марья Антоновна), в *ЧА1* тринадцатое, в *АК1* разбито на два явления: “Хлестаков и Анна Андреевна” (явление XIII) и “Те же и Марья Антоновна” (явление XIV). Кроме того изменена последовательность III, IV и V явлений. В *ЧА1* (Хлестаков и смотритель уездного училища), (Хлестаков и судья), (Хлестаков и попечитель богоугодных заведений); в *АК1*: (Хлестаков и судья), (Хлестаков и попечитель богоугодных заведений), (Хлестаков и смотритель уездного училища).

В пятом действии количество явлений уменьшилось с четырнадцати (в *ЧА1*) до десяти (в *АК1*). При этом из четырнадцати явлений в *АК1* (и в последующих редакциях) сохранилось (также в переработанном виде) пять: “Городничий, Марья Антоновна и Анна Андреевна”, (Те же и купцы), “Те же, Частный Пристав и квартальный”, (Те же и почтмейстер), “Те же и Жандарм”. Остальные явления переработаны следующим образом. В двух случаях явления объединены в одно: III, V, VI ((Городничий, Анна Андреевна, Марья Антоновна и попечитель богоугодных заведений), “Те же и Судья”, “Растаковский с женою” — в *АК1* явление третье: “Те же, Аммос Федорович, Артемий Филипович, потом Растаковский”) и VIII, X (“Погоняев с женою”, “Бобчинский и Добчинский” — в *АК1* явление шестое: “Те же, Погоняев с женою ~ Бобчинский и Добчинский”). Явление “Мацапур с женою” (в *ЧА1* седьмое) в *АК1* отсутствует. В одно явление (в *ЧА1* девятое, в *АК1* четвертое) включены новые действующие лица — Коробкин с женою.

Работа Гоголя над текстом, конечно, не исчерпывалась структурными переделками. Она носила многосторонний и разнонаправленный характер. К основным направлениям могут быть отнесены следующие.

1. Намечающаяся тенденция к усилению динамики действия — путем сокращения текста (начиная с первой же реплики, которая по сравнению с *ЧА1* сокращена почти вдвое и будет сокращаться и в последующем — до двух строчек в окончательном тексте).

2. Тщательная, детальная отработка отдельных сцен. В некоторых случаях — это шлифовка реплик (как в первый сцене, где уточняются реакции

присутствующих на сообщении Городничего о прибытии ревизора: вместо обычных, нейтральных вопросительных конструкций в *ЧА1* — россыпь вопросительных реплик, отражающих речь Городничего в *АК1*). В других случаях уточняется психологический рисунок поступков, реакций, высказываний. Так, в “сцене вранья” хвастовство Хлестакова приобретает постепенный, возрастающий характер (в первой редакции он начинает свой монолог с сообщения о том, что его очень любит министр, в доме которого он “почти домашний человек” и т.д.; в *АК1* цепочка вранья удлиняется, добавляются, в частности, история с куропаткой и рассказ о том, как сочиняет Пушкин, каждое последующее звено поднимает хвастовство на новый уровень). В четвертом действии такой же постепенностью отмечен процесс получения денег взаймы (в первой редакции это бесцеремонные просьбы — от первого до последнего посетителя, в *АК1* некоторая робость и неуверенность незаметно перерастают в абсолютную бесцеремонность). Кардинально изменена и сцена чтения письма Хлестакова Тряпичкину: в *ЧА1* письмо читается в один прием, во второй редакции (в соответствии с намеченной в *ЧА1* переработкой сцены) чтение постоянно прерывается упоминаемыми в нем персонажами. Список подобных примеров можно продолжить.

3. Устраняются черты внешнего комизма. В связи с этим исключаются отдельные пассажи, например рассказ о поручике, проникшем к Анне Андреевне в куле с перепелками (явление III действия III), или замечания, подобные следующему: “...он в тот же день так нагрузился, что проспал на стуле все время, за(це)пившись ноздрею за свой мизинной палец” (явление I действия I) и т.д. Одновременно с этим появляется все больше комедийных красок психологического характера, например “глубокие” суждения о причинах приезда в город ревизора (“Это значит, Россия хочет вести войну с Турками или с Австрийцами, и потому Министерия нарочно отправляет чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены” — явление I действия I; “...думаю: война с Турками будет”, “Это все Французы гадят” — явление II действия I) или алогичные объяснения действий и состояний: “...он говорит, что как-то в детстве мамка его ушибла и с того времени отдает от него совершенно как водкою” (явление I действия I).

4. Психологические характеристики персонажей становятся более многомерными и завуалированными. Это особенно касается Хлестакова. Автор снимает реплики, которые могут быть истолкованы как проявление зависти (во второй редакции отсутствуют строки: “Ах Чертовские вы Богачи проклятые! Эх! если б мне вашего хоть десятую долю” — *ЧА1*, явление 5 действия II). В Хлестакове усиливаются черты непосредственности, которая может быть истолкована и как наглость, и как наивность (“Ну расскажи все то, вот что от меня слышал, чтоб он мне дал... что он должен дать... а о деньгах пусть не беспокоится, деньги сами собою... Так просто и скажи, что он не смеет не дать, потому что я точно хочу есть” — *АК1*, явление IV действия II).

5. Вносятся уточнения во многие ремарки: “сидит на барской постеле” (об Осипе — ЧА1, действие II, явление 1) — “лежит на барской постеле” (АК1, действие II, явление I); “Входит Городничий боязливо и останавливается в дверях вместе с Добчинским” (ЧА1, действие II, явление 8) — “Городничий, вошел, останавливается. Оба смотрят в испуге один на другого, выпучив глаза” (АК1, действие II, явление VIII); “Входят: Хлестаков, за ним Городничий...” (ЧА1, действие III, явление 5) — “Входит Хлестаков; за ним Городничий...” (АК1, действие III, явление V) и т.д.

Таким образом, нижний, писарский слой АК1 запечатлел один из кардинальных этапов работы Гоголя над текстом, в ходе которого была, по существу, написана вторая, значительно отличающаяся от ЧА1, редакция комедии.

Писарский текст второй редакции подвергся последующей переработке. В него была внесена существенная авторская правка, разновременная и многослойная. Расслоение становится возможным при сопоставлении АК1 со следующим по хронологии источником — сценическим текстом, представленным в драматическую цензуру (авторизованная копия — АК2), для которого АК1 является черновиком. Первый слой — правка, внесенная в АК1 тотчас после получения ее от переписчика и целиком вошедшая в нижний (писарский) слой АК2 (датируется декабрем 1835 — началом января 1836 г. — обоснование датировки см. с. 589 наст. изд.). Правка сделана разными чернилами (т.е. в несколько приемов) и карандашом. Второй слой — так называемая параллельная правка, внесенная в АК1 (чернилами и карандашом) уже после изготовления АК2 (т.е. после 18 января 1836 г. — подробнее см. с. 586 наст. изд.) и имеющая в АК2 соответствия: в некоторых случаях правка идентична (когда имеют место вычерки и замена фамилий), в остальных — очень близка. Определить абсолютно точно дату внесения правки не представляется возможным, скорее всего, она разновременна, т.е. часть ее была внесена в АК1 во время нахождения АК2 в театральной цензуре (по получении АК2 из цензуры была внесена и в этот источник), часть, по-видимому, вносилась одновременно в АК1 и АК2 (в этом случае Гоголь использовал АК1 в качестве черновика). Третий слой — так называемая боковая правка, т.е. правка, не имеющая соответствий в АК2 и не нашедшая отражения в следующих источниках. Правка сделана в основном чернилами, карандашные словесные исправления единичны. В некоторых случаях отдельные фрагменты текста (абзацы, реплики, фразы) перечеркнуты простым карандашом. Происхождение и значение этих “вычерков” не ясно. Как правило, они сделаны очень небрежно, т.е. обрываются на середине фразы, слова, делают нечитаемым оставленный незачеркнутым текст и т.д. (в подстрочных примечаниях не оговариваются). Четвертый слой — чернильная правка, внесенная только в две сцены, не вошедшие в первое издание (“Анна Андреевна и Марья Антоновна” — из явления III действия III, “Хлеста-

ков и Растаковский” — явление VI действия IV), при подготовке их для публикации в “Приложениях” ко второму изданию “Ревизора” (в 1841 г.).

Большая часть правки в первом слое носит стилистический характер и касается эпизодов, связанных с Хлестаковым (особенно его монологов). Наряду с этим в АК1 имеет место и правка иного рода. Гоголь продолжает сокращать текст, как правило, путем исключения отдельных фраз и слов, реже — опуская целые фрагменты (например, заключительные реплики Анны Андреевны и Марьи Антоновны в явлении VIII действия III или большую часть реплик явления VI действия V) и даже небольшое по объему явление (явление VII действия V). В пятом действии изменена последовательность явлений V и VI (в писарском тексте — сначала явление <“Те же, Лука Лукич с женою”>, а затем <“Те же, Погоняев с женою ~ потом Бобчинский и Добчинский”>), в результате правки — наоборот).

Имеют место и кардинальные переработки текста. Так в монологе Хлестакова (в явлении VI действия III) история с куропаткой заменена рассказом о графине и столкновении на балу. Текст явлений XIII и XIV действия IV (“Хлестаков и Анна Андреевна”, “Те же и Марья Антоновна”) заменен полностью. При этом изменена и сама последовательность явлений: теперь Хлестаков сначала объясняется в любви Марье Антоновне (“Хлестаков и Марья Антоновна”), а уже потом Анне Андреевне (“Те же и Анна Андреевна”). Эта композиционная перемена позволяет внести дополнительные штрихи в сам характер Хлестакова: в первом варианте напоминание о том, что Анна Андреевна “некоторым образом замужем”, хотя и в комедийном ключе, но все же хоть отчасти мотивирует последующее “переключение” Хлестакова на Марью Антоновну; перестановка же явлений еще более подчеркивает внеситуационный характер поведения Хлестакова (в полном соответствии с предшествующей переработкой текста в процессе создания второй редакции).

К числу очень существенных замен следует отнести переработку диалога Хлестакова с Осипом в явлении X действия IV: “Хлестаков и Осип” (отмененный вариант — на л. 127/65 — зачеркнут, но оставлен в рукописи, так как на обороте идет неотмененный текст). В новом тексте (на дополнительно вложенном листе — л. 127а/64) Гоголь передает инициативу отъезда, первоначально исходившую от Хлестакова, Осипу.

Кардинально переработана сцена чтения письма Хлестакова Тряпичкину. Из отвергнутого варианта в рукописи сохранилось лишь зачеркнутое начало сцены: “*Читает.*) Мая такого-то числа ~ Г о р о д н и ч и й (*читает в полголоса*). Всевозможнейший... (*отпускает письмо*)” (л. 86 об. архивной пагинации, с. 170 авторской пагинации). Последующие листы вынуты (не сохранились). Вместо них в рукопись вложено четыре новых листа (два двойных, сложенных в тетрадь), написанных рукой писаря (но не того, которым переписан весь остальной текст) и правленных Гоголем (ар-

живная пагинация 87–90, авторская пагинация отсутствует, постраничная пагинация рукой В.В. Думнова: 1–8). Один из двойных листов (88–89) — без филигранных и штемпелей. Другой (87–90) с филигранью: “ФКНГ” (“Фабрика князя Николая Гагарина”) — на левой половине двойного листа, герб Ярославской губернии в овале — на правой половине двойного листа, с “белой датой” “1834” (об использовании бумаги этой фабрики см. также наст. изд., т. 1, с. 763, 766, 832). Текст первоначального писарского слоя возобновляется только со слов: “Убит, убит, совсем убит” (л. 91 архивной пагинации). Сохранившееся в рукописи отвергнутое начало сцены очень незначительно отличается от соответствующего текста первой черновой редакции (с учетом внесенной в ЧА1 незавершенной правки этого фрагмента). Ввиду отсутствия вынутых из АК1 листов с отвергнутым вариантом текста невозможно судить о характере правки в целом. Судя по всему, созданию окончательного (для АК1) варианта сцены чтения письма (зафиксированного писарской рукой на л. 87–90) предшествовал промежуточный черновой набросок (ЧН4), написанный на обороте одинарного листа, вырванного из “самаринской тетради” (ОР РГБ. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 2) — в настоящее время вложен в нее под номером 25а. Подобное заполнение листа (с оборотной стороны) говорит о том, что, скорее всего, он был сначала вырван из тетради и лишь потом заполнен, в противном случае Гоголь, по своему обыкновению, писал бы на правой стороне тетради (т.е. на лицевой стороне листа). Текст наброска очень близок к окончательному варианту письма в АК1. При этом сделаны лишь существенные сокращения, в частности, исключено подробное описание игры Хлестакова в карты с пехотным капитаном в Пензе (но оставлено упоминание об этом событии, с указанием, что оно описано в предыдущем письме Хлестакова к Тряпичкину).

Позднейшее происхождение наброска (в сравнении с другими набросками ко второй редакции) косвенно подтверждается приписанными к его тексту словами: “Я не могу тебе сказать, когда я выеду отсюда. Мне очень нравится здешняя жизнь”. Напомним, что в писарском слое АК1 (как и в первой черновой редакции) Хлестаков сам принимает решение об отъезде, причем до того, как пишет письмо, и только при переработке диалога Хлестакова с Осипом (в явлении X действия IV) возникает новый мотив — нежелание Хлестакова ехать. При этом окончательное решение — согласиться на уговоры Осипа — Хлестаков принимает закончив писать. Все это позволяет предположить, что переработка двух указанных явлений (включая и создание упомянутого наброска) относится к одному и тому же времени.

Есть и еще один момент, подтверждающий хронологическую связь наброска письма к Тряпичкину с авторской правкой в АК1. Набросок содержит очень важный для “Ревизора” и неоднократно появляющийся на уровне авторской правки в АК1 (в первом и втором слоях) мотив пыли, тумана, отражающий склонность Хлестакова к мелкому хвастовству, обману и стремление Городничего завуалировать, затемнить суть происходящего: “А ка-

кую пыль напущу я им, так держись только” (действие II, явление V); “Смекнем и мы, напустим и мы тумана, и мы прикинемся, как будто не знаем” (действие II, явление VIII); “Я-таки им с своей стороны подпустил пыли порядочной...” (действие V, явление IX, черновой набросок письма к Тряпичкину; в окончательном тексте *AK1*: “Я-таки, с своей стороны, подпустил им пыли порядочной”). Указанный черновой набросок (*ЧН4*) печатается полностью в разделе “Черновые наброски ко второй редакции”.

В процессе правки, относящейся к первому слою, Гоголь последовательно исключает из текста фамилии реальных лиц: Пушкина (сначала фрагмент, в котором Хлестаков рассказывает, как Пушкин сочиняет, и приписывает Пушкину “пиесу Лекарство от холеры”, Гоголь начинает править, затем вычеркивает, впоследствии упоминание о Пушкине появляется только в окончательной редакции), Булгарина, Марлинского, Кочубея, Дибича-Забалканского и даже косвенные указания на реальное лицо (министр финансов, министр юстиции). Характерны колебания Гоголя, относящиеся к упоминанию Государя — в словах: “да думаю себе, дойдет до Государя...” — слово “Государя” зачеркнуто, а затем вписано.

Правка во втором и третьем слоях небольшая, в основном стилистическая. Правка в четвертом слое касается, как уже отмечалось, двух сцен; одна из них — “Хлестаков и Растаковский” — выправлена довольно значительно.

В настоящем издании *AK1* печатается по нижнему, писарскому слою. Последующая правка приводится под строкой и впервые полностью расслаивается. Слои правки (подробно охарактеризованные выше) обозначаются в скобках римскими цифрами (I, II, III, IV). Отсутствие цифры означает, что в данном случае безошибочное расслоение правки невозможно, так как тексту в *AK1* соответствует в *AK2* текст на перебеленных листах (подробнее о них см. ниже). В угловых скобках воспроизводится двойная пагинация рукописи: авторская и (через косую черту) архивная.

Принципы лингвистической подготовки текста *AK1* соответствуют правилам, изложенным в первом томе настоящего издания (с. 563–568). Некоторые отступления от них связаны со спецификой данного источника как писарской копии, т.е. текста, нижний слой которого написан не авторской рукой. В связи с этим отклоняющиеся от орфографической нормы написания сохраняются только в тех случаях, когда они имеют соответствия либо в авторской правке (приведенной под строкой), либо в других авторизованных источниках.

Текст второй редакции (*AK1*) после внесения в него первоначальной правки (т.е. правки первого слоя) был отдан Гоголем переписчику. Изготовленная копия (*AK2*) является тем источником, который по исправлению был представлен автором в театральную цензуру.

Сопоставление *AK1* и *AK2* показывает, что во многих случаях нижний, писарский, слой *AK2* с текстом *AK1* (включая правку первого слоя) не сов-

По Аргументу и списку № 14
2410.

Библицей Е. И. Ольшев

(Лист)

№ 88. 2410

Ревизоръ

Комедия

Ф. М. Писаря Драматурга

сост. Н. Гоголя

№ 09

Представлена в театральную цензуру

г. 12 января 1836 года.

Сигнатура Ольшев? Ольшев

“Ревизор”. Писарская копия с правкой Гоголя и неустановленных лиц, представленная в театральную цензуру (третья редакция).

Титульный лист с резолюцией Е. И. Ольшевопа.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург

падает. В академическом собрании сочинений Гоголя поясняется, что в этих случаях текст *АК2* (в *Ак.* — *РЛ₆*) “восходит не к надстрочной правке” в *АК1* (в *Ак.* — *РМ₁₀*), “а к утраченному ее вкладному беловику” (*Ак.* Т. IV. С. 531). Что понимали комментаторы под выражением “вкладной беловик” — не совсем ясно. Вероятно, они допускали существование беловых автографов отдельных фрагментов *АК1*. Сличение текстов *АК1* и *АК2*, а также изучение рукописи *АК2* показывает, что разночтения между *АК1* и *АК2* на самом деле возникли в связи с тем, что часть листов была из *АК2* просто изъята (двойные вынуты, одинарные вырезаны) и заменена новыми. По всей вероятности, таких листов двадцать три (имеются в виду одинарные листы, всего в *АК2* девяносто листов): 4, 13, 17, 18, 19, 21, 22, 24, 25, 42, 43, 52, 53, 55, 56, 59, 60, 61, 64, 67, 83, 84, 87. Разумеется, этот перечень не претендует на абсолютную точность. Дело в том, что при изготовлении *АК2*, как это обычно случается, было допущено немало ошибок (нередко одна, две, три на странице). В связи с этим не всегда возможно точно установить, является ли данное расхождение между *АК1* и *АК2* результатом описки или же здесь имело место авторское исправление, повлекшее за собой переписку листа. В приведенном перечне указаны лишь те листы, текст которых настолько существенно отличается от текста *АК1*, что факт перебеливания не вызывает сомнений.

Остается неясным, перебеливался ли лист со списком действующих лиц (л. 2). Текст его лишь в двух случаях отличается от соответствующего текста в *АК1*: Хлестаков назван Александром Ивановичем (в самом тексте комедии в *АК2* — везде Иван Александрович; в *АК1* — и в списке действующих лиц и в тексте — Иван Александрович, в издании 1836 г. в списке действующих лиц — Александр Иванович, в тексте комедии — Иван Александрович); Свистунов, Пуговицын и Держиморда названы “Полицейскими офицерами” (в *АК1* — “Полицейские”).

АК2 содержит многотипную и хронологически многослойную правку. Типы правки следующие:

- 1) чернильная правка, внесенная Гоголем;
- 2) карандашная правка, внесенная Гоголем;
- 3) карандашная правка, внесенная другими лицами;
- 4) карандашная правка, вероятно гоголевская, обведенная чернилами (в основном одной и той же рукой);
- 5) чернильная правка, внесенная цензором;
- 6) чернильная правка, внесенная неустановленными лицами.

Сложнее всего установить, кому принадлежит карандашная правка, поскольку она, как правило, полустерта, почти совсем стерта или скрыта под чернильной обводкой. Кроме того, во многих случаях карандашом сделаны не исправления, а вычерки, что исключает возможность атрибуции правки. В издании Н.С. Тихонравова (*Р86*) большая часть карандашной правки не учтена и не описана, в *Ак.*, напротив: значительная часть карандашных поправок включена в варианты.

Цензурная правка внесена в *АК2* черными чернилами, вычерки одно-типные, зачеркнутое читается с трудом. Цензурные изъятия и исправления перечислены в особом документе: *РГИА. Ф. 780* (“Цензурная экспедиция III отделения Собственной его императорского величества канцелярии”). Оп. 1. Ед. хр. 44 (“Протоколы русских и немецких драматических сочинений с 10 августа 1828 по 3 июня 1836-го года”). Л. 600–601 (с небольшими пропусками и неточностями опубликовано: *Дризен 1909. С. 37–38; Дризен 1917. С. 42–43*). Документ датирован 2 марта 1836 г. (дата цензурного разрешения сценического текста), в нем отмечены действия и явления, в текст которых внесена правка, и приведены сами исправленные фрагменты (всего четырнадцать, из них в тринадцати правка сводится к вычеркам). Из четырнадцати исправлений, указанных в цензурном списке, в *АК2* имеют место одиннадцать (в тексте первого издания большая часть цензурных исправлений учтена). С остальными тремя вычерками дело обстоит сложнее (кстати, это три первые вычерка). Укажем их.

1. Действие I, явление III (с. 372 наст. изд.). В реплике Городничего после слов: “Полторы недели!” — в цензурном списке зачеркнуто: “Святые угодники”.

2. В этой же реплике зачеркнуты слова: “высечена офицерская жена”.

3. Действие II, явление I (с. 377 наст. изд.). В монологе Осипа, во второй фразе, после слова: “Вот” — зачеркнуто: “мать моя ты Божия”.

В тексте *АК2* выражение “Святые угодники” отсутствует вовсе (нет его и в предыдущем источнике, т.е. в *АК1*; появляется лишь в издании 1842 г.), второй же вычерк в реплике Городничего (“высечена офицерская жена”) есть, вместо этих слов сначала карандашом, а потом чернилами (рукой неустановленного лица) вписано: “высечена унтер-офицерская жена”. Остается предположить, что после первого цензурного просмотра, т.е. после того, как было зачеркнуто выражение “Святые угодники”, соответствующий лист (л. 4/13 — двойной) был переписан и при повторном просмотре в нем был сделан новый цензурный вычерк (“высечена офицерская жена”).

С третьим вычерком дело обстоит так же, как с первым, т.е. слов “мать моя ты Божия” в тексте *АК2* нет, нет их и в печатном тексте 1836 г. Но в данном случае есть простое объяснение — лист с этим вычерком (л. 17/18 — двойной) был переписан после прохождения рукописи через цензуру: текст отличается от соответствующего текста в *АК1*, написан другим почерком, лист не имеет подписи цензора. Слова: “мать моя ты Божия” имеются в *АК1*.

Официальный цензурный перечень, однако, не является полным — в *АК2* имеются и неоговоренные в нем исправления (двадцать девять, из них тринадцать — вычерки). Рука цензора в основном коснулась тех фраз, в которых упоминаются Бог, Богоматерь, святые, крест, исповедь (особенно грешит этим речь Городничего): многократно зачеркнуто словосочетание “ей Богу” (в одиннадцати случаях не заменено ничем, в девяти случаях ис-

правлено на “ей, ей”, в четырех — заменено словом “право”, в одном — словом “точно”), вычеркнуты слова: “Боже сохрани”, “Боже вас сохрани” (в двух случаях), “Господи Боже мой”, “Святые угодники”, “мать моя ты Божия”, “Мать ты моя пресвятая! преподобный Антоний!”, “Вот как Бог свят и перекрещусь”, “крестит ее”, “каково благословение Божие, а?”, “Да и безбожник, больше десяти лет как не исповедовался”, “попа на исповеди надул, рассказал совсем другое”; слова “дал же Бог” исправлены на: “дан же ему”, “вот те Христос” заменено на: “Вот те на”, “Бог знает в чем” исправлено на: “в другом в чем”; во фразе: «По заслугам и благословение Божие. “Возвеличу мужа праведна и вознесу его” сказал Бог...» зачеркнуто: “и благословение ~ сказал Бог” (см. также *Р86*. С. XXV).

Лишь в трех случаях исправления не имеют отношения к религиозной тематике: зачеркнуты слова “высечена офицерская жена”; слова “удостоен Владимира” исправлены на “представлен к Владимиру”; зачеркнута фраза: “И я сегодня или завтра намерен поставить Городничему препорядочные рога”. Только в трех случаях цензурная правка повлекла за собой авторскую: вместо зачеркнутого “высечена офицерская жена” вписано карандашом (возможно, Гоголем) и затем чернилами (рукой неустановленного лица) “высечена унтер-офицерская жена”; реплика Осипа — “Ей Богу, и не думал и не притрогивался” (где цензором “Ей Богу” было заменено словом “Право”) переработана автором следующим образом — “Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?”; к словам “По заслугам” (тем, что остались после цензурного вычерка от фразы “По заслугам и благословение ~ сказал Бог...” — см. выше) рукой Гоголя карандашом приписано (и рукой неустановленного лица затем обведено чернилами) “и честь”.

В академическом издании некоторые исправления истолкованы как цензурные совершенно произвольно: их нет в цензурном перечне и сделаны они не рукой цензора. Цензурным вмешательством (не вполне доказательно) объясняется в академическом издании исключение из рукописи текста, связанного с высеченной унтер-офицерской женой: в конце [XI] VIII явления и в XII [IX] явлении IV действия она первоначально выступала как действующее лицо, а в VIII явлении II действия и в [XV] XII явлении IV действия упоминалась в репликах городничего (как “унтер-офицерская вдова”). Листы с текстом заключительной части [XI] VIII явления (“Те же и купцы”) и [XII] IX явления (“Хлестаков, Унтер-офицерша и Слюсарша”) из *АК2* были вынуты и заменены одним листом (64—64 об.), содержащим новый финал [XI] VIII явления, в котором реплика унтер-офицерши (“Милости твоей, Отец мой, прошу. Повели, Государь, выслушать”) передана слесарше, и новый текст [XII] IX явления, озаглавленного “Хлестаков и слесарша” (унтер-офицерша в нем не фигурирует вовсе). Лист 65, содержащий конец [XII] IX явления, переписан не был: содержащаяся здесь заключительная реплика унтер-офицерши (“Не позабудь, Отец наш, будь милослив”) передана слесарше (“Унтер-офицерша” выскоблено, поверх

вписано: “Слесарша”); в двух случаях слово “ступайте” (первоначально обращенное к унтер-офицерше и слесарше) исправлено на “ступай” (в обращении к слесарше); только ремарка “выпровождает старух” по недосмотру осталась неисправленной. В цензурном списке правка, связанная с унтер-офицершей, не фигурирует.

В тексте *АК2* “высеченная унтер-офицерша” первоначально упоминалась также в явлении [XV] XII действия IV, в реплике городничего: “Унтер-офицерская вдова налгала тоже вам, что будто я ее высек. Ей Богу, не сек! Ей Богу, не сек. Она сама себя высекла. Вот как Бог свят и перекрещусь”. Рукой Гоголя текст выправлен следующим образом (поверх частично выскобленного первоначального текста): “Слесарша там налгала вам, что будто бы я забрил лоб ее мужу. Ей Богу, не брил. Она сама забрила. Вот как Бог свят и перекрещусь”. Рукой цензора “Ей Богу” исправлено на “Ей, ей” и зачеркнуты слова: “Вот как Бог свят и перекрещусь” (правка цензора отражена в цензурном перечне, об “устранении” высеченной унтер-офицерши нет ни слова).

Выше уже отмечалось, что в одном случае цензором были вычеркнуты слова “высечена офицерская жена” (действие I, явление III). Этот вычерк также включен в цензурный перечень, но при этом вместо вычеркнутых слов (речь здесь идет уже об офицерской жене) вписаны другие: “высечена унтер-офицерская жена” (они вошли без изменений в текст первого театрального списка и в несколько измененном виде в текст первого издания “Ревизора”: “высечена почти напрасно унтер-офицерская жена”). Кроме того, уведомление о высеченной унтер-офицерской вдове осталось и в восьмом явлении второго действия. Таким образом, прямых доказательств того, что текст, связанный с унтер-офицершей, был исключен под давлением цензора, нет. Конечно, можно предположить, что в [XI] VIII и [XII] IX явлениях (на исключенных и несохранившихся листах) цензором было вычеркнуто все, относящееся к унтер-офицерше, но в этом случае непонятно, почему эти исправления не попали в цензурный перечень. Кроме того, текст [XII] IX явления был сокращен примерно наполовину — очевидно, что при этом из *АК2* были вынуты минимум два листа. Заменены они только одним (64—64 об.), но никакой перенумерации не последовало. Это еще раз косвенно подтверждает, что текст был переработан до представления в цензуру (предположить, что рукопись поступила в цензуру пронумерованной, едва ли возможно).

Правка в *АК2* поддается систематизации и расслоению благодаря возможности сличения *АК2* с тремя театральными списками “Ревизора”: два хранятся в спецбиблиотеке Малого театра (*ТС1* и *ТС2*), третий — в Отделе рукописей и редких книг Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки (*ТС3*). История этих списков такова.

Первый из них (*ТС1*) 28 апреля 1836 г. был выслан Дирекцией петербургских императорских театров в Контору дирекции императорских мос-

ковских театров — в связи с предстоящей постановкой “Ревизора” на московской императорской сцене (подробнее см. ниже).

Список выполнен несколькими переписчиками. На титульном листе (л. 1) рукой одного из них помечено: “На подлинном написано: Одобряется к представлению С.П.б. 2 Марта 1836 года. Цензор Евстафий Ольдекоп”. На нижних полях листов многократно повторяется виза: “С цензурованным верно: С. Петербургских Театров Инспектор Российской труппы Храповицкий”. Рукой А.И. Храповицкого (состоял в штате Канторы императорских петербургских театров) вписаны также фамилии исполнителей ролей в премьерном спектакле Александринского театра — 19 апреля 1836 г. (они соответствуют фамилиям, указанным в тексте первого издания) и фамилии дублеров, введенных в спектакль 28 апреля 1836 г.: Григорьев 1-ый (Городничий), Степанова (Марья Антоновна), Каратыгин 2-ой (Ляпкин-Тяпкин), Третьяков (Земляника), Прохоров (Добчинский), Мартынов (Бобчинский). Рукой Храповицкого вписано также одно действующее лицо, не указанное в издании 1836 г.: “Жена Коробкина — Перхурова”. В цензурном экземпляре сценического текста (АК2) некоторые исполнители названы не были. Из артистов первого состава это: Петров (Бобчинский), Афанасьев (Осип), Горшенков (Люлюков), Григорьев 2-ой (Уховертов), Дубровин (Свистунов); в список первоначально не была включена “Жена Коробкина”, затем вписана карандашом (фамилия исполнительницы не названа); из дублеров, введенных в спектакль 28 апреля 1836 г., не указаны Третьяков и Прохоров. В АК2 фигурирует также фамилия артиста Радина (Хлопов), введенного в спектакль 5 мая 1836 г.; впоследствии вписаны фамилии исполнителей 1860—70-х годов. Заметим также, что в ТС1 в перечне действующих лиц и исполнителей Хлестаков (в соответствии с текстом комедии) именуется Иваном Александровичем (в АК2 — Александр Иванович), а частный пристав — Степаном Ильичем (в АК2 — Игнатий Ильич). Кроме того, в ТС1 фигурирует действующее лицо, отсутствующее в АК2, — “Гостья”. В афишах петербургской и московской премьер “Гостья” отсутствует, но закономерно появляется как действующее лицо Жандарм.

Есть основания предполагать, что отправленный в Москву список — не специально приготовленная копия, а рабочий экземпляр Александринского театра: сопоставление АК2 и ТС1 показывает, что последний был снят не с окончательно готового сценического текста, а еще до того, как в АК2 были сделаны последние исправления (внесены в текст ТС1 рукой неустановленных лиц).

Второй театральный список (ТС2) является копией с первого. Дату его изготовления установить трудно. Бумага имеет штампель в овальной рамке: “ЕС” (готические буквы под короной на заштрихованном овале), “В.Г.П.У. Ф СЕРГИЕВСКОЙ” (по овалу), что означает: “Евграф Солеников”, “Владимирской губернии Покровского уезда фабрики Сергиевской” (Клепиков 1959. С. 108. № 185). С.А. Клепиков указывает и годы

Действующие

Антон Антонович Савосник, Вице-президент
 новский Городничий, Воспитатель, Трипольский
 Анна Андреевна, жена его Воспитательница
 Марья Антоновна, дочь его, Новикова и Степановна
 Лука Лукич Ягодов, смотритель училищ, Степанов
 жена его — Шестакова
 Анисья Федоровна Мажкина, Татьяна Степановна
 Артемий Филиппович Земляничка, Попечитель
 Богоугодных заведений — Мельников, и Граблянов
 Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер, Волосов
 Петр Иванович Добинский, Городской папик, Граблянов
 Петр Иванович Бобинский, Учитель, Петров и Мельников
 Иван Александрович Хистаков, чиновник
 из Петербурга — Дрозд и Максимов
 Осип, Свиря сою Адвокат
 Истиян Иванович Яббер, Уездный, Макарь Давыдов
 Яков Андреевич Волоков, { Еремеевичи
 Яков Макаревич Спасаковский } { Боняк 2-й
 Иван Иванович Коробин } { Кики, по лотным лицам
 Иван Ильич Завертов, Частный, Мислав
 Че. Вдовина — Порубова

“Ревизор”. Театральный список, изготовленный в Александринском театре и переданный в Малый театр. 1836 г. Л. 2. Спецбиблиотека Малого театра. Москва

применения штемпеля: 1844 и 1858 (там же); 1845 (*Клепиков 1968. С. 132. № 143*). Однако известен и более ранний год его использования: 1842 (в частности, на такой бумаге написана писарская копия второй редакции “Тараса Бульбы” — *ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 21*; подробнее см. наст. изд., т. 2). Некоторые уточнения позволяет внести изучение вписанных карандашом фамилий исполнителей. Это фамилии исполнителей 70-х годов, однако под ними в некоторых случаях читаются стертые фамилии исполнителей, введенных в спектакль в 1858 г.: П.М. Садовский — Городничий, В.И. Дмитриевский — Осип, А.И. Колосова — Марья Антоновна (см.: *Зограф Н.Г. Малый театр второй половины XIX века. М., 1960. С. 63*). В списке действующих лиц и исполнителей (л. 1 об.) в отдельных случаях указаны фамилии участников премьерного московского спектакля (например: *Щепк(ин)*); в нижней части того же листа поясняется: “Фамилии исполнителей состава 1836 г. стерлись”. Однако сам характер помет (в сокращении, на очень узком левом поле — при широком правом, которое только впоследствии было заполнено фамилиями последующих исполнителей) скорее говорит об их позднейшем происхождении. Исходя из этих фактов, список все-таки предположительно датируется 1858 г., хотя не исключено, что он относится и к более раннему времени.

Очень сложным является вопрос о том, какой источник послужил оригиналом для *ТС1*: *АК2* или какой-то иной. Сопоставление *АК2* и *ТС1* показывает, что между ними имеются достаточно мелкие, но многочисленные различия. В большинстве случаев различия связаны с допущенными при изготовлении *ТС1* пропусками, инверсиями, неточностями, очень редко — с заменой одних слов другими или добавлением новых. Лишь в одном случае расхождение более существенно:

С. 375, строки 17–18

Коробка так коробка. Чорт с ней! / Чорт с ней! (*АК2*); Коробка так коробка, Чорт с ней! (*ТС1*)

В ремарках и наименованиях действующих лиц встречаются существенные различия, подобные следующим:

С. 364, строки 13, 15

в испуге / в испуге (*АК2*); в сторону (*ТС1*)

С. 366, строки 14, 16

обращаясь к Христиану Ивановичу / обращаясь к Христиану Ивановичу (*АК2*); обращаясь к Гибнеру (*ТС1*)

Христиан Иванович / Христиан Иванович (*АК2*); Гибнер (*ТС1*)

С. 373, строка 10

Квартальной бежит впопыхах. / Квартальный бежит впопыхах. (*АК2*); Свистунов убегает впопыхах. (*ТС1*)

С. 375, строки 13–14

Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр. / Надевает вместо шляпы коробку на голову. (*АК2*); Надевает вместо шляпы коробку (*ТС1*)

С. 378, строки 34–35

ходит и разнообразно сжимает свои губы. Наконец говорит громким и решительным голосом / насвистывает, потом, обращаясь к нему, говорит громким и решительным голосом (АК2); насвистывает, потом говорит громким голосом (ТС1)

С. 381, строки 9–10

прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле / прихлопывает в ладоши и подпрыгивает (АК2); прыгая от радости (ТС1) и т.д.

ТС1 содержит достаточно большую правку, внесенную в разное время разными лицами (по сценическому тексту 1836 г. “Ревизора” играли в Малом театре до 1883 г.). Типы правки следующие:

1. Исправлены ошибки, допущенные при переписке (большинство исправлений — чернилами, в некоторых случаях — карандашом); учтено в ТС2.

2. Перенесена правка с АК2, в подавляющем большинстве случаев — чернилами; учтено в ТС2.

3. Внесена правка, отсутствующая в АК2; исправления приводят текст ТС1 в соответствие (в одних случаях точное, в других — неточное) с текстом первого издания (более половины исправлений — карандашом). Около половины исправлений учтено в ТС2.

Один из примеров.

С. 394, строки 8–9

Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но верите ли, что даже когда ложишься спать, все думаешь / а. Верите ли, что когда ложусь даже спать, все думаешь; б. (кар., черн.) Верите ли, что когда ложишься даже спать, все думаешь (АК2); а. Верите ли, что когда ложишься даже спать, все думаешь; б. (кар.) Как в тексте (ТС1); Как в тексте (ТС2)

4. В некоторых случаях внесена правка, приводящая текст ТС1 в соответствие с текстом “Ревизора” 1842 г. В ТС2 эти исправления не учтены.

5. Внесена правка (большая часть карандашом), не имеющая соответствий ни в АК2, ни в изданиях 1836 и 1842 г. В ТС2 учтена примерно треть исправлений.

Один из примеров.

С. 394, строки 29–30

если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое / если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля и что-нибудь другое (АК2); а. Как в АК2; б. (черн.) Как в тексте; в. (кар.) если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового валета или туза какова (ТС1); Как в в. (ТС2); Как в тексте (Соч. 1842)

Изучение текста ТС1 в сопоставлении с текстами АК2 и ТС2 позволяет заключить, что ТС1 не мог быть переписан непосредственно с АК2, так как в этом случае непонятно происхождение “иной редакции” ремарок. Остается предположить, что ТС1 либо является копией с какого-то иного источника (например, другого, неизвестного нам театрального списка), либо

является копией с *AK2*, написанной под диктовку (к такому способу изготовления списков в театрах прибегали нередко). В обоих случаях едва ли вероятно участие Гоголя в изготовлении театральной копии (т.е. *ТС1*) или промежуточного списка. Различия между *AK2* и *ТС1* в подавляющем большинстве случаев являются незначительными, нередко ухудшающими текст. Даже если допустить существование промежуточного (между *AK2* и *ТС1*) театрального списка, то практически невозможно предположить, чтобы он был так нетворчески выправлен автором — особенно учитывая, что в это время он продолжал работать над текстом комедии. Скорее всего, текст *AK2* подвергся чисто технической театральной редакции (письменной, если существовал промежуточный список, или устной, если *ТС1* написан под диктовку). В роли редактора, скорее всего, мог выступить А.И. Храповицкий. Единственное значимое различие (приведенное выше) между *AK2* и *ТС1* можно, исходя из этого предположения, объяснить двояко: либо дополнительная фраза (“Коробка так коробка”) появилась в *ТС1* благодаря Храповицкому или кому-то другому (возможно, в связи с необходимостью конкретизировать, к чему относится выражение “Чорт с ней!”) и потом была включена Гоголем в печатный текст, либо эта фраза исходила от самого Гоголя (например, возникла в ходе репетиции), а уж потом попала в текст театрального списка.

Более сложен вопрос о происхождении правки в *ТС1*, и прежде всего правки, приводящей текст *ТС1* в точное и неточное соответствие с печатным текстом 1836 г., так как теоретически можно предположить, что эта правка перенесена с какого-то неизвестного нам авторизованного источника. Однако и это предположение едва ли правомерно по следующим причинам:

1. Исправления, приводящие текст *ТС1* в точное и неточное соответствие с печатным текстом 1836 г., немногочисленны. Логично предположить, что если бы существовал какой-то промежуточный авторизованный источник, то правка, приближающая текст к печатному, носила бы более систематический и последовательный характер (различий между сценическим текстом 1836 г. и текстом издания 1836 г. очень много).

2. Правка выполнена чаще карандашом, реже — чернилами, в большинстве случаев очень небрежно, тогда как с *AK2* правка почти во всех случаях перенесена на текст *ТС1* чернилами и очень аккуратно.

3. На *ТС1* помечено, что подлинником является текст с цензурным решением Ольдекопа от 2 марта 1836 г., т.е. *AK2*.

4. Около половины упомянутой правки не вошло в *ТС2*, т.е. исправление *ТС1* в соответствии с печатным текстом имело место и после изготовления *ТС2*. Это дает основание предполагать, что текст *ТС1* мог подвергаться произвольной правке и раньше. Кроме того, в *ТС1* многие исправления не имеют соответствий ни в *AK2*, ни в *РЗ6*, ни в *Соч. 1842*. Две трети этой правки не вошло в *ТС2*, что еще раз подтверждает факт произвольного исправления *ТС1*.

5. Если бы в сценический текст вносилась правка в соответствии с авторской волей, то, по-видимому, в первую очередь она вошла бы в цензурный сценический текст (*АК2*), а уж потом в театральные списки, однако в *АК2* этой правки нет (при этом в *АК2* имеются исправления, внесенные после цензурования рукописи).

Все эти аргументы дают основание с достаточной уверенностью предполагать, что правка, приводящая сценический текст в соответствие с печатным, а также правка, не имеющая соответствий ни в *АК2*, ни в *Р36*, ни в *Соч. 1842*, носит в значительной степени случайный характер и может быть объяснена произвольным вмешательством в текст *ТС1* лиц, имевших доступ к этому источнику. Очевидно, что некоторые исправления были внесены в *ТС1* еще до изготовления *ТС2* и потому вошли в этот второй список; некоторые исправления в *ТС2* не учтены, что говорит об их более позднем происхождении.

Таким образом, следует признать, что текст *ТС1* является копией с текста *АК2*, вобравшей в себя в процессе изготовления (в результате переписки с промежуточного источника или в ходе диктовки) и использования описки (очитки) и редакторскую правку неустановленных лиц. В связи с этим разночтения между *АК2* и *ТС1* не включаются в свод вариантов сценического текста. Исключение составляет текст на л. 17–18 *АК2* (конец явления VI действия I и явление I действия II). Эти листы в *АК2* были переписаны на позднем этапе, после изготовления *ТС2* (они единственные в целой рукописи не имеют визы цензора). При переписке (вероятно, вызванной какими-то чисто техническими причинами: загрязнение, повреждение листов и т.п.) были допущены ошибки. В *ТС1* эти листы скопированы более аккуратно, поэтому в своде вариантов в этом случае приводятся разночтения между печатным текстом 1836 г., текстом *АК2* и текстом *ТС1*.

Публикация сценического текста “Ревизора” 1836 г., наиболее точно зафиксированного в рукописи, представленной в театральную цензуру (*АК2*), имеет свою историю. Н.С. Тихонравов (первый издатель) в 1886 г. напечатал его полностью по нижнему, писарскому, слою, полагая, что именно в таком виде, т.е. без каких-либо авторских исправлений, текст был отдан на театр и в театральную цензуру (*Р86. С. XLII*). Однако в большинстве случаев совершенно невозможно с уверенностью сказать, к какому времени относится имеющаяся в рукописи правка. Вероятнее всего, часть исправлений была внесена до цензурования текста, часть — после. Последующие исправления, а также варианты первого театрального списка Малого театра (второй список Тихонравову, вероятно, известен не был, во всяком случае он не упоминается) с пропусками и неточностями приводятся в разделе “Варианты и примечания” — в сопоставлении с текстом первого издания “Ревизора”. В 1914 г. Н.И. Коробка опубликовал нижний слой сценического текста (*АК2*) в виде вариантов к тексту первого издания “Ревизора” — *Кор. Т. V. С. 357–370*.

В академическом издании традиция раздельной публикации второй редакции (*АК1*) и цензурного экземпляра сценического текста истолкована как заблуждение и даже указано, что Тихонравов в 1889 г. (*Тих.* Т. 2. С. 652—653) признал публикацию 1886 г. невольной ошибкой (*Ак.* Т. IV. С. 530—531). Между тем Тихонравов лишь указал, что рукопись второй редакции стала ему известна после выхода в свет издания 1886 г. (*Тих.* Т. 2. С. 652). Исходя из близости текстов *АК1* и *АК2*, а также из того, что *АК2* является копией с *АК1*, текстологи академического издания приняли решение напечатать обе рукописи вместе: текст *АК1* — полностью, а текст *АК2* в виде подстрочных вариантов к нему (*Ак.* Т. IV. С. 239—355). В этом же томе сценический текст опубликован повторно: в виде подстрочных вариантов к тексту первого издания “Ревизора” (по второму списку Малого театра, т.е. по *ТС2*, который, как уже отмечалось, не может являться источником текста; первый театральный список Малого театра издателям академического собрания сочинений, вероятно, известен не был).

В настоящем издании сценический текст печатается по *АК2* в виде свода вариантов к тексту первого издания “Ревизора”. Решение напечатать сценический текст в сопоставлении с первопечатным (т.е. последующим), а не с предшествующей ему второй редакцией (*АК1*) связано со следующими обстоятельствами. Рукопись *АК1* печатается по первоначальному слою, последующие исправления печатаются под строкой с указанием слоя правки. Введение под строку вариантов второго многослойного источника (*АК2*) сделало бы подстрочные варианты очень громоздкими и затруднило бы чтение. Кроме того (и это гораздо более важно), сценический текст “Ревизора” 1836 г. (звучавший на сцене Александринского театра до 1870 г., на сцене Малого — до 1883 г.) существовал наряду с печатным текстом 1836 г. (а затем и 1842 г.), что предполагает их равноправие в системе источников текста и публикацию в соотнесении друг с другом. Целиком в настоящем издании печатается текст первого издания — как более поздний; сценический текст печатается в виде вариантов к первопечатному с полным расслоением правки.

Подобное расслоение становится возможным только при сопоставлении текстов *АК1*, *АК2*, *ТС1*, *ТС2* и *ТС3*. Сравнительный анализ этих источников дает возможность выявить следующие слои правки в *АК2*. Первый слой (I) — правка, вошедшая в первоначальный писарский текст *ТС1* (сюда входит вся гоголевская чернильная правка; частично: карандашная правка, карандашная правка, обведенная чернилами рукой неустановленных лиц, чернильная правка рукой неустановленных лиц). На этом этапе в текст были внесены существенные изменения. Наиболее кардинальные — в IV действии, где исключено три явления: “Хлестаков и Лука Лукич” (пятое), “Хлестаков и Растаковский” (шестое), “Хлестаков и Гибнер” (восьмое). Соответствующие листы из *АК2* вынуты, не сохранились. При этом был написан и новый финал явления четвертого (“Хлестаков и Артемий Филипович”) — взамен прежнего, находившегося на извлеченном листе

(вместе с началом следующего, пятого явления). Отдельные фрагменты явления “Хлестаков и Лука Лукич” распределены по другим явлениям: рассказ Хлестакова о соперничестве с одним из адмиралтейских чиновников (“волочили вместе за одною прехорошенькою”) перенесен в явление “Хлестаков и Почтмейстер”; вопрос Хлестакова о том, не был ли собеседник вчера “немножко ниже ростом”, и подобострастный ответ (“Очень может быть”) включены в явление “Хлестаков и Артемий Филипович”. Кроме того, в IV действии опущен эпизод с унтер-офицерской вдовой (подробнее см. выше).

Гоголь последовательно сокращает текст и в других действиях, устраняя замедляющие ход событий фрагменты и даже целые “истории”. Особенно это касается речи Хлестакова (так, из его монолога в “сцене вранья” исключается рассказ о встрече с графиней). Правка в АК2 развивает тенденции переработки текста, четко обозначившиеся еще в процессе работы над второй редакцией: исключаются грубые комические детали и пояснения (вычеркнуто замечание Анны Андреевны о внешности мужа: “А нос, как картофель, так и мотается!” — действие I, явление VI; ремарка: “у дверей вертится ручка. Хлестаков показывает движение подлезть под стол...” меняется на: “у дверей вертится ручка, Хлестаков бледнеет” — действие II, явление VII); в характере Хлестакова высвечиваются черты простодушия (меняется реплика Хлестакова в ответ на сообщение Осипа о том, что слуга несет обед: “Несут! несут! несут” — вместо: “Несет? ну хорошо” — действие II, явление VI, на переписанном листе; во втором явлении II действия появляется перепалка Хлестакова с Осипом — по поводу того, что последний валяется на барской постели); устраняются намеки на реальных лиц (в частности, угроза Хлестакова пожаловаться министру юстиции — действие II, явление 8, на переписанном листе). Одновременно в Хлестакове усиливается чувство собственного превосходства. В связи с этим показательны колебания Гоголя в выборе окончательной характеристики, данной Хлестаковым помещикам (в явлении V действия II): а. Они, свиньи, и не знают...; б. Они, деревенские пентюхи, и не знают... (АК1); Они, свиньи, и не знают... (АК2, на переписанном листе).

Очень существенна стилистическая правка. Во многих случаях исправления были столь значительны, что повлекли за собою необходимость перебивания отдельных листов — в частности, с монологами Хлестакова и диалогами с его участием (во II, IV, V, VII, VIII явлениях второго действия; в VI явлении III действия; в I, II, IV, VI явлениях IV действия). В восьмом явлении V действия перебелены рассказ почтмейстера о том, как он распечатал письмо Хлестакова, и значительная часть самого письма (исключая центральный фрагмент — с характеристиками присутствующих).

Появляется немало новых чрезвычайно выразительных, психологических деталей. Так, к устному доносу Артемия Филиповича прибавляется его предложение изложить сказанное на бумаге (явление IV действия IV,

на переписанном листе); детализируется рассказ почтмейстера о совершенном им должностном преступлении — вскрытии чужого письма и т.д. (явление VIII действия V).

Второй слой (II) — так называемая параллельная правка, внесенная в *AK1* и *AK2* (см. с. 569 наст. изд.). За редкими исключениями (которые отмечаются в своде вариантов) она также вошла в нижний, писарский, слой *ТС1* и в отдельных случаях, возможно, даже предшествовала правке первого слоя. Этот вид правки (II) выделен в самостоятельный слой для того, чтобы дать возможность сопоставить ее с параллельными исправлениями в *AK1* (в подстрочных вариантах к *AK1* параллельная правка в *AK1* и *AK2* также обозначена цифрой II). По объему это очень небольшая правка, преимущественно стилистического характера.

Третий слой (III) — цензурная правка; она также вошла в первоначальный писарский текст *ТС1*.

Четвертый слой (IV) — послецензурная правка, вошедшая в нижний, писарский, слой *ТС1*. Правку этого этапа выделить достаточно сложно, так как каждое конкретное исправление в *AK2* теоретически может быть и доцензурным и послецензурным. Однако в ряде случаев послецензурная правка определяется с абсолютной уверенностью. Помимо трех вышеприведенных примеров (см. с. 576 наст. изд.), к четвертому слою правки относится сокращение текста в III явлении III действия — Гоголь исключает рассказ Анны Андреевны о чудодейственной силе ее глаз, о штаб-ротмистре Ставрокопытове и ее последующий спор с дочерью (послецензурный характер правки в данном случае не вызывает сомнений, так как в исключенном тексте имеется цензурный вычерк). Последний случай — переработка начала явления “Хлестаков и Марья Антоновна” (явление X действия IV). Старый текст (на л. 65—65 об.) зачеркнут, новый вписан на отдельном листе — 66—66 об., имеющем дополнительное цензурное разрешение: “[К представле(нию)] Одобряется к представлению. С.П.б. 14 Апреля 1836. Цензор Е. Ольдекоп”.

Пятый слой (V) — послецензурная параллельная правка в *AK2* и *ТС1*. Внесена в *AK2* уже после изготовления *ТС1*, затем перенесена на текст *ТС1*. Подобных исправлений около сорока: выражение “ей Богу” заменено на “ей, ей” (в четырех случаях), слово “священство” на “синглит” (так! — явление III действия I); в обращенной в сторону реплике Артемия Филипповича: “Чего доброго, может, и будет свинья Генералом” — вычеркнуто слово “свинья” (явление VII действия V); из явления VI действия III исключен рассказ Хлестакова о столкновении на танцах; из жалобы купцов — упоминание о том, что Городничий, накормив их селедкой, дня два не дает пить (явление VIII действия IV). Имеют место и другие, более мелкие исправления, а также достаточно многочисленные карандашные вычерки. В отдельных случаях они носят очень нечеткий характер (особенно — в VII и VIII явлениях действия V), однако в *ТС1* им соответствуют вычерки чернилами. Впоследствии часть подобных вычерков в *AK2* отменена и затем

вновь восстановлена (на полях вписано и зачеркнуто слово “Чисто”) — все эти случаи отмечены в своде вариантов.

Выявление исправлений пятого слоя сопряжено с большими трудностями, поскольку нельзя исключить вероятность чисто случайных совпадений в правке *AK2* и *ТС1* (по тексту первого издания “Ревизора”, посторонними лицами, на позднем этапе). В связи с этим без оговорок к пятому слою отнесены такие исправления *AK2*, которым в *ТС1* соответствует чернильная правка (в том числе технически однотипные вычерки — толстым пером, вымарывающим отмененный текст), вошедшая при этом в первоначальный писарский текст *ТС2*. В сомнительных случаях (когда правка в *ТС1* внесена карандашом или не вошла в *ТС2*) номер слоя дается с вопросом: (V?).

Шестой слой (VI) — правка, не вошедшая в *ТС1*, т.е. внесенная в *AK2* после изготовления *ТС1*. Подобных исправлений (включая и достаточно мелкие) около ста. Одна десятая часть сделана чернилами, остальные — карандашом (в некоторых случаях обведен чернилами). В ряде случаев правка приводит текст *AK2* в точное или приблизительное соответствие с текстом первого издания (около тридцати процентов), в других — с текстом 1842 г. (около пятнадцати процентов), в остальных случаях исправления дают варианты, не имеющие аналогий ни в одной известной нам редакции “Ревизора” (около половины этих исправлений — вычерки). Атрибуция правки шестого слоя чрезвычайно сложна, особенно если учесть, что треть ее составляют вычерки. В академическом издании почти все исправления включены в варианты, т.е. интерпретированы как гоголевские. У Н.С. Тихонравова (в *Р86*) описана лишь треть исправлений, причем авторство Гоголя отмечено лишь в одном случае (*Р86*. С. 178—179), примерно треть исправлений приписана неизвестным лицам, в остальных случаях об авторстве вообще ничего не сказано.

С уверенностью исключить причастность Гоголя к правке шестого слоя невозможно: имеется один, отмеченный Тихонравовым, случай авторской правки (хотя и здесь почерк оставляет некоторые сомнения — см. с. 508 наст. изд.). Гоголем могли быть сделаны вычерки, некоторые мелкие (буквенные) исправления, правка могла быть внесена под его диктовку, перенесена с неизвестного нам авторизованного источника. Вместе с тем имеются доводы и в пользу иного происхождения правки, во всяком случае большей ее части. Чрезвычайно характерно, что правка шестого слоя не перенесена на суфлерский экземпляр (т.е. на *ТС1*). Времени для этого было достаточно, так как *ТС1* был выслан из Петербурга в Москву 28 апреля 1836 г., т.е. после премьеры “Ревизора” в Александринском театре и после выхода в свет первого издания комедии. Объяснить этот факт можно, лишь предположив, что к моменту изготовления и отправки в Москву *ТС1* правка шестого слоя в *AK2* еще отсутствовала и была внесена в этот источник на более позднем этапе, причем, скорее всего, посторонними лицами. Можно с уверенностью сказать, что значительная часть этой правки (как правило,

приводящей текст в точное или не совсем точное соответствие с текстом первого издания “Ревизора”) появилась в *АК2* не позднее июля 1866 г., так как она была учтена при изготовлении *ТС3* — театрального списка, связанного с постановкой “Ревизора” в Александринском театре в 1866 г. *ТС3* был снят с цензурного экземпляра сценического текста (т.е. с *АК2*), о чем на титульном листе имеется соответствующая запись: “С цензуров(анным) экз(емпляр)ом верно. 16 июля 1866. Режиссер Воронов” (Воронов Е.И. — главный режиссер Александринского театра). Изготовление списка, по всей вероятности, предшествовало постановке “Ревизора” с участием Зубова в роли Городничего и А.А. Нильского в роли Хлестакова — премьеры 23 сентября 1866 г. (см.: *Н. Новый дебютант на сцене Александринского театра // СПбВед.* 1866. 29 сентября. № 257. С. 2). В 1881 г. (несмотря на то, что “Ревизор” со 2 октября 1870 г. исполнялся в Александринском театре по тексту окончательной редакции — Соч. 1842) *ТС3* был использован снова, что подтверждается соответствующей надписью на титульном листе: “возобновлен в бен(ефис) Г-на Нильского 1881 года”. Эта надпись подтверждает подвергнутый сомнению Н.П. Смирновым-Сокольским рассказ А.А. Нильского о том, что в 1881 г. он решил поставить “Ревизора” “непрерывно по тому экземпляру, по которому эта комедия игралась при Гоголе”, нашел соответствующий список (“в нашей театральной библиотеке, в рукописной”) и сопоставил его с экземпляром первого издания “Ревизора”, подаренного Н.О. Дюру (см. с. 831 наст. изд.), — с целью подтверждения того, что Гоголь желал исполнения комедии именно по этому списку (*Нильский 1897.* С. 161–162; *Смирнов-Сокольский Ник.* Подарок Гоголя // Театр. 1959. № 4. С. 78–80; *Смирнов-Сокольский Ник.* Рассказы о книгах. М., 1978. С. 269). См. также рецензию на этот спектакль (состоявшийся 23 января 1881 г.) в газете “Голос”: «“Ревизор” шел (...) к сожалению, не по последнему изданию, которое, как известно, несравненно полнее. Публику, поэтому, поражали многие пропуски, для нее непривычные» (Театральные заметки // Голос. 1881. 25 января. № 25. С. 3; без подписи).

Предположение о позднем происхождении правки шестого слоя в *АК2* и ее принадлежности посторонним лицам тем не менее не дает оснований проигнорировать эту правку в целом, поскольку в других, пусть даже отдельных случаях, мы не можем исключить вероятность ее принадлежности Гоголю. В связи с этим в настоящем издании правка шестого слоя включена в свод вариантов сценического текста — в целях воссоздания текстологической полноты источника (*АК2*), а также сохранения за исследователями возможности дальнейших попыток атрибуции.

Выявленные в *АК2* слои правки обозначаются в вариантах сценического текста в скобках римскими цифрами: I, II, III, IV, V, VI. В третьем слое звездочкой особо отмечены исправления, указанные в цензурном списке (III*). Если правка относится одновременно к двум слоям, она обозначается двумя цифрами. Например: II, IV — означает, что правка внесена парал-

тельно в *АК1* и *АК2*, носит послецензурный характер и учтена в *ТС1*. Отсутствие цифры означает наличие варианта не в правке, а в первоначальном, писарском, тексте *АК2*.

Датировать работу над сценическим текстом комедии позволяет письмо Гоголя М.П.Погодину от 18 января 1836 г. “Извини, — писал Гоголь, — что до сих пор не посылаю тебе комедии. Она совсем готова была и переписана, но я должен непременно, как увидел теперь, переделать несколько явлений. — Это не замедлится, потому что я во всяком случае решился непременно дать ее на светлый праздник, к посту она будет совсем готова, и за пост актеры успеют разучить совершенно свои роли” (перед Великим постом театральные сезоны закрывались; по окончании поста, на Пасху, открывался новый; таким образом, Гоголь предполагал открыть “Ревизором” новый сезон 1836—37 гг.). Именно 18 января Гоголь впервые читал комедию у В.А. Жуковского (на одной из традиционных суббот), о чем известно из письма присутствовавшего на чтении П.А. Вяземского А.И. Тургеневу от 19 января 1836 г. (*ОА, т. III. С. 285*). Может быть, как раз под влиянием этого чтения и возникла мысль о необходимости переделки нескольких явлений. Какую рукопись имеет в виду Гоголь, точно неизвестно. Но все же наиболее вероятно, что к этому времени с *АК1* уже была снята копия (*АК2*) и Гоголь собирался “переделать несколько явлений” именно в этом тексте. Если это предположение верно, то в сопоставлении с имеющимися данными о ходе работы над *ЧА1*, *ЧН1*, *ЧН2*, *ЧН3* и несохранившимся черновиком второй редакции (см. с. 564 наст. изд.) правку текста *АК1* (в первом слое) следует датировать декабрем 1835 — началом января 1836 г. В этом случае править текст *АК2* Гоголь начал после 18 января 1836 г. (а продолжал, как мы увидим далее, вплоть до самой премьеры). Таким образом, основная работа над “Ревизором” заняла два с половиной месяца — с конца октября 1835 г. до середины января 1836 г. (отметим, что в 1839 г. в Петербурге С.Т. Аксаков слышал признание Гоголя в том, что “ему будет с лишком достаточно двух месяцев, чтобы переписать” на бумагу полностью сложившуюся в его голове трагедию из истории Запорожья — Аксаков 1960. С. 27—28).

Намерение Гоголя закончить комедию к посту (в 1836 г. он продолжался с 10 февраля по 28 марта) почти осуществилось. 21 февраля 1836 г. Гоголь сообщал Н.Д. Белозерскому: “Собираюсь ставить на здешний театр комедию”. В этот же день Гоголь писал Погодину: “Я теперь занят постановкою комедии. Не посылаю тебе экземпля(ра) потому, что беспрестанно переправляю”. Признание о “беспрестанной переправке” в высшей степени точно характеризует работу Гоголя над комедией: текст постоянно совершенствовался, вплоть до представления рукописи в цензуру и даже после цензурного одобрения.

Дата представления Гоголем комедии в Контору императорских санкт-петербургских театров неизвестна. 27 февраля 1836 г. Контора препрово-

дила текст “Ревизора” в III отделение Собственной его императорского величества канцелярии с сопроводительным письмом (за подписью управляющего конторой А.Д. Киреева), в котором содержалась “покорнейшая просьба” “по надлежащем рассмотрении пьесы сей доставить оную в Контору по возможности в скорейшем времени, с уведомлением, может ли быть таковая представлена на здешних Театрах” (РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Ед. хр. 7266. Л. 7, копия; аналогичная копия — Ф. 497. Оп. 4. Ед. хр. 42. Л. 165 об.; впервые опубликовано: *Мат. и иссл.* 1936. Т. 1. С. 309). Цензор драматических сочинений Е.И. Ольдекоп не замедлил с рапортом, содержащим упрощенный пересказ сюжетной канвы “Ревизора” и умиротворяющее заключение: “Пьеса не заключает в себе ничего предосудительно-го” (РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 32–33; опубликовано: *Дризен* 1907. С. 164–166; *Дризен* 1909. С. 36–37; *Дризен* 1917. С. 41–42). В 1841 г. в рапорте о “Макбете” Ольдекоп в связи с “Ревизором” сделал замечание несколько иного рода: «В этой комедии нет нравственного урока; напротив, можно смело сказать, что окончательным размышлением многих из зрителей, насчет всех этих безнаказанных плутов и взяточников, будет восклицание: “Молодцы! Славно обделывают свои дела”» (*Дризен* 1917. С. 123). Разрешение последовало через несколько дней — на рапорте Ольдекопа резолюция управляющего III отделением А.Н. Мордвинова: “Позволить. 2-го марта 1836” (рапространенное мнение о том, что резолюция принадлежит Л.В. Дубельту — см.: *Дризен* 1907. С. 166; *Дризен* 1909. С. 37; *Мат. и иссл.* 1936. Т. 1. С. 310 — ошибочно). 2 марта 1836 г. датировано и письмо за подписью А.Н. Мордвинова, уведомляющее Контору о возвращении «одобренной к представлению пьесы под названием “Ревизор”» (РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Ед. хр. 7266. Л. 10; впервые опубликовано: *Мат. и иссл.* 1936. Т. 1. С. 309). На верхнем поле канцелярская помета: “Г. Гоголю, а по получении обратно Г-ну Храповицкому”. Письмо было получено Конторой 3 марта (РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Ед. хр. 2328. Л. 54 об.).

Имеется ряд указаний на то, что пьеса была одобрена к представлению (а значит, и к печати) только благодаря вмешательству Николая I. Прежде всего, это свидетельства самого Гоголя. 29 апреля 1836 г. он писал М.С.Щепкину: “Если бы не высокое заступничество государя, пьеса моя не была бы ни за что на сцене, и уже находились люди, хлопотавшие о запрещении ее”. 5 июня 1836 г. Гоголь сообщал матери: “Если бы сам Государь не оказал своего высокого покровительства и заступничества, то вероятно она не была бы никогда играна или напечатана” (*вместо*: не была бы никогда играна или напечатана — *первоначально было*: не была бы никогда на сцене; письмо написано на той же бумаге, что и АК1 — ОР РНБ. Ф. 850. Оп. 1. Ед. хр. 52). 6 (18) апреля 1837 г. в письме В.А. Жуковскому Гоголь, говоря о Николае I, признавался: «... мне памятно до гроба то внимание, которое он оказал к моему “Ревизору”» (В.В. Гиппиус справедливо отметил, что “эти слова к цензурованию пьесы могут и не относиться

№ 31
№ 110
№ 39

32
N. 110
2e sur 6886

St. Pétersbourg.

St. Pétersbourg, le 20e jour d'août 1836.

Car. H. Tchernichev

(à lire dans les papiers de M. Tchernichev, par M. Tchernichev, par M. Tchernichev)

(Celle) qu'on est spirituelle et parfaitement bien élevée
L'autre appartient aux nouvelles distinguées de la capitale
Le préfet d'une petite ville en fait vient d'apprendre
par une lettre d'un ami, qu'un évènement de ce genre pour
importer la ville et le district. Il rassemble tous les notables
de la ville pour leur communiquer cette nouvelle terrible.
Tout d'un coup deux réflexions viennent et succèdent que depuis
deux jours un étranger s'est arrêté dans l'auberge. Tout
le monde croit que c'est le évènement terrible. Mais ce
personnage n'est autre chose que M. Tchernichev, petit
employé de St. Pétersbourg; des rumeurs de ce genre viennent
à s'en faire et à jeter leur argent par la fenêtre. Cette
rumeur terrible a perdu son argent avec ses cartes, et
il est obligé de s'arrêter dans la petite ville. — Le
préfet se rend chez lui. Tchernichev croit qu'il veut
l'emmener en prison, parce qu'il voit de l'auberge
depuis deux jours. Mais voyant l'air respectueux du
préfet, il accepte les offres, de s'en aller dans sa maison.
La femme du préfet et sa fille se présentent, elles

Рапорт цензора Е.И. Ольдекопа о "Ревизоре" (на французском языке)
с резолюцией А.Н. Мордвинова.

Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург

ся” — *Мат. и иссл.* 1936. Т. 1. С. 311). В мае 1853 г. в прошении на имя Николая I М.И. Гоголь свидетельствовала: “Из личных признаний сына моего мне известно, что без соизволения Вашего, Всемилостивейший Государь, никогда не была бы сыграна и напечатана его комедия: *Ревизор*...” (черновое, рукой С.П. Шевырева — *Линниченко И.А.* Новые материалы для биографии Н.В. Гоголя // *РМ.* 1896. Кн. V. С. 183—184).

О поддержке, оказанной Гоголю царем, известно также из письма П.А. Вяземского А.И. Тургеневу от 8 мая 1836 г.: “Козловский один из малого числа ратоборцев за пиесу, Жуковский, да я, не говоря уже о государе, который читал ее в рукописи” (*ОА, т. III.* С. 317; о П.Б. Козловском см. с. 673 наст. изд.). Характерно, что в рецензии на гоголевскую комедию Вяземский отмечает, что представление “Ревизора” допустило правительство (*Совр.* 1836. Т. 2. С. 309; *Вяземский* 1984. С. 153). О прохождении “Ревизора” через цензуру свидетельствуют и другие очевидцы событий, более или менее осведомленные. Р. Зотов, начальник репертуарной части петербургской дирекции, уверял, что “всеми своими силами содействовал” постановке “Ревизора”, о прохождении же комедии через цензуру писал следующее: «Долго затруднялась цензура в пропуске “Ревизора” к представлению, но воля Государя все решила...» (*Зотов 1859.* С. 103—104; см. то же: *Зотов 1896.* С. 785—786). Л.Л. Леонидов (свидетель репетиций) отмечал, что “Ревизор” “был пропущен с высочайшего разрешения” (*Леонидов 1888.* С. 227). П.П. Каратыгин, со слов П.А. Каратыгина, сообщал, что комедия Гоголя, по слухам, была запрещена цензурой, но дозволена “к представлению самим государем, по усердному ходатайству Жуковского” (*Каратыгин 1883.* С. 735). В мемуарах С.Т. Аксакова отмечается: “Говорили, что эту пиесу никакая бы цензура не пропустила, но что государь приказал ее напечатать и дать на театре” (*Аксаков 1960.* С. 15). Ф.А. Бурдин уверял (со слов М.С. Щепкина, якобы слышавшего об этом от самого Гоголя), что Николай I узнал о “Ревизоре” от Жуковского, с “удовольствием выслушал комедию” (прочитанную Жуковским), “смеялся от души и приказал поставить на сцене” (*Бурдин Ф.А.* Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче // *ИВ.* 1886. Т. XXIII. Январь. С. 145—146).

А.И. Вольф в “Хронике петербургских театров”, пишет: «Гоголю (...) большого труда стоило добиться до представления своей пьесы. При чтении ее цензура перепугалась и строжайше запретила ее. Оставалось автору апеллировать на такое решение в высшую инстанцию. Он так и сделал. Жуковский, князь Вяземский, граф Виельгорский решились ходатайствовать за Гоголя, и усилия их увенчались успехом. “Ревизор” был вытребован в Зимний дворец и графу Виельгорскому поручено его прочесть. Граф, говорят, читал прекрасно; рассказы Бобчинского и Добчинского и сцена представления чиновников Хлестакову очень понравились, и затем по окончании чтения последовало Высочайшее разрешение играть комедию» (*Вольф 1877.* Ч. I. С. 49; В.В. Гиппиус предполагал, что Вольф опирался

на анонимное сообщение в газете “St. Petersburger Zeitung” (1875. 25 августа (6 сентября). № 224. С. 1. Статья “Russisches Theater”), в котором говорилось о запрещении “Ревизора” цензурой и последующем вмешательстве Николая I — *Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 311*; упомянутое сообщение опубликовано В.И. Шенроком — *Шенрок. Т. 3. С. 32*).

Об участии Николая I в судьбе гоголевской комедии пишет и А.О. Смирнова, находившаяся в то время за границей и опиравшаяся, таким образом, на информацию, полученную от других лиц. По свидетельству Смирновой, комедия была отвергнута дирекцией императорских театров и появилась на сцене благодаря вмешательству Николая I («один велел принять “Ревизора” вопреки мнению его окружавших») — при посредничестве Вьельгорского, в свою очередь узнавшего о цензурных трудностях от Жуковского (*Смирнова 1989. С. 29, 420, 496*). Замечание Смирновой о том, что Гоголь получил “4000 рублей за рукопись, которая находится в архиве Малого театра” (там же. С. 420), ошибочно: сумма авторского гонорара составила не четыре, а две с половиной тысячи рублей (см. ниже); деньги были заплачены за рукопись (точнее за копию с авторской правкой), которая была представлена в театральную цензуру и отцензурована Е.И. Ольдекопом (АК2). В Малом театре она никогда не хранилась, ныне находится в ОР ИРЛИ; в Малом же театре хранятся театральные списки “Ревизора” (подробнее о них см. выше). А.О. Смирнова отмечала также, что в 1841 г., хлопоча о цензурном разрешении “Мертвых душ”, Гоголь прислал ей просьбу в форме письма к Николаю I. В этом письме Гоголь напомнил, что государь «милостиво оказал ему протекцию на “Ревизора”...» (там же. С. 44).

В свете вышесказанного следует признать недостоверными сведения о “Ревизоре”, содержащиеся в так называемых “Записках А.О. Смирновой” (см. о них в издании: *Смирнова 1989. С. 619—621*), в частности, информацию о том, что Смирнова сыграла большую роль в судьбе комедии, о которой дважды говорила с государем — в первый раз по просьбе Пушкина, второй — по совету великого князя Михаила Павловича (см.: *Записки А.О. Смирновой. (Из записных книжек 1826—1845 гг.). СПб., 1895. Ч. I. С. 314—317*; см. также основанную на этих данных статью: *Коньков Вл. Гоголь и цензура // РВед. 1909. 26 апреля. № 95. С. 3—4*).

К проблеме цензурной истории “Ревизора” неоднократно обращались исследователи. Н.В. Дризен отмечал: “Как известно, цензуре в этом случае пришлось склониться перед волею государя” (*Дризен 1917. С. 40*). В.В. Гиппиус, вслед за Н.С. Тихонравовым, предполагал, что о позволении комедии хлопотали Жуковский и Вьельгорский (*Р86. С. XXV; Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 311*; эта же точка зрения отражена в академическом издании Гоголя — *Ак. Т. IV. С. 545; Т. XI. С. 368*). По сей день не ясно, читал ли Николай I комедию в рукописи или же кто-то прочел ему ее.

В фондах Дирекции императорских театров и Цензурной экспедиции III отделения Собственной его императорского величества канцелярии к на-

стоящему времени не обнаружено каких-либо материалов, говорящих о запрете “Ревизора” цензорами. Но свидетельство о том, что “Ревизор” был разрешен к постановке благодаря высочайшему повелению, абсолютно верно. Оно подтверждается следующим документом, хранящимся в фонде III отделения С.Е.И.В. канцелярии, в деле “Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1843 году”: «Дирекция Императорских С. Петербургских Театров представила новый, дополненный автором экземпляр комедии “Ревизор”. Сама сия комедия могла поступить на сцену только вследствие Высочайшего разрешения, а потому нельзя дозволить никаких перемен и прибавок к оной. М. Геденон». На верхнем поле резолюция: “Нельзя. 20 апреля 1843. Л.В. Дубельт” (РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 16, подлинник; опубликовано: *Зайцева И.А.* К цензурной и сценической истории первых постановок “Ревизора” Н.В. Гоголя в Москве и Петербурге (по архивным источникам) // *Мат. и иссл.* 1995. С. 125; М.А. Геденон — цензор драматических сочинений III отделения, Л.В. Дубельт — управляющий III отделением). В официальном отношении III отделения в Кантору Дирекции императорских санкт-петербургских театров от 20 апреля 1843 г. (за подписью Л.В. Дубельта) без всяких объяснений сообщалось, что «никакие прибавления и дополнения к комедии “Ревизор” не могут быть допущены ценсурю» (РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Ед. хр. 9503. Л. 9; впервые, не полностью, опубликовано в кн.: *Данилов 1936.* С. 189; полностью: *Мат. и иссл.* 1995. С. 126). Характерно, что в цензурном разрешении постановки 1836 г., исходящем от III отделения, никаких ссылок на высочайшую волю нет. В 1843 г. о высочайшем разрешении говорится только в рапорте, остающемся в делах III отделения, в отношении же, отправленном в петербургскую кантору, об этом умалчивается. Косвенным подтверждением участия Николая I в судьбе “Ревизора” является не совсем обычная цензурная история так называемого “Настоящего Ревизора” (см. с. 730–731 наст. изд.). О цензурной истории “Ревизора” см. также: *Манн 1997.* С. 2–4.

Цензурное разрешение “Ревизора” в 1836 г. последовало очень быстро: 27 февраля (в четверг) петербургская кантора препроводила пьесу в III отделение, позволив себе при этом даже просить ускорить возвращение текста, уже 2 марта, в понедельник, пьеса была одобрена к представлению и отослана в Кантору. Интересно, что накануне, 1 марта, утром, Николай I принимал с докладами лиц, ведающих всеми театральными делами: министра императорского двора П.М. Волконского и начальника III отделения Собственной его императорского величества канцелярии А.Х. Бенкендорфа (РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Сдаточная опись № 120/2322. Ед. хр. 115. Л. 2 об.—3). Нельзя с уверенностью сказать, когда именно последовало высочайшее повеление о разрешении “Ревизора”: до представления в Кантору императорских петербургских театров (как предполагают комментаторы академического издания Гоголя — *Ак. Т. XI.* С. 368) или в то время, когда пьеса уже находилась в руках театрального руководства. Но во всяком случае очевидно, что ход дела в драматической цензуре III отделения был

чрезвычайно быстрый, сам рапорт Ольдекопа явно сориентирован на уже имевшееся разрешение (В.В. Гиппиус справедливо заметил, что отзыв Ольдекопа о “Ревизоре” вряд ли отражает его действительное впечатление — *Мат. и иссл.* 1936. Т. 1. С. 312).

Вероятно, сразу же по одобрении комедии Гоголь обратился с письмом к директору Санкт-Петербургских Императорских театров А.М. Гедеонову. До настоящего времени это письмо не разыскано, о существовании и содержании его стало известно из ответа Гедеонова Гоголю от 7 марта 1836 г., сохранившегося в копии в журнале исходящих бумаг Дирекции Императорских Санкт-Петербургских театров за 1836 г. (*РГИА. Ф.* 497. Оп. 4. Ед. хр. 2523. Л. 22об.—23об.; опубликовано: *Мат. и иссл.* 1995. С. 120—122). Из письма Гедеонова следует, что Гоголь, надеясь на успех пьесы и ожидая от нее существенного пополнения театральной казны, просил Дирекцию в виде исключения оплатить комедию как пьесу первого класса. Гедеонов, ссылаясь на высочайше утвержденное положение от 13 ноября 1827 г. (Положение о вознаграждении сочинителям и переводчикам драматических пьес и опер, когда они будут приняты для представления на Императорских Театрах // *Полн. собр. законов* 2. Т. II. С. 980—982), согласно которому пьеса Гоголя (как комедия в прозе в пяти действиях) относилась ко второму классу (к первому классу относились оригинальные трагедии и комедии в стихах в четырех-пяти действиях и музыка больших опер — там же. С. 980), отвечал, что “никак не полагает себя вправе перетолковывать законы по своему усмотрению и по воле Г.Г. Авторов” (*Мат. и иссл.* 1995. С. 120). Гедеонов предложил Гоголю выбрать один из существующих видов авторского гонорара: единовременное вознаграждение (за пьесу второго разряда не свыше двух с половиной тысяч рублей) или проспектальную плату (пятнадцатую часть с двух третей сбора за каждое представление — там же, с. 121). Ответив по форме, Гедеонов с укором отреагировал на финансовую аргументацию Гоголя: “В заключение, — писал он, — поставляю себе обязанности сказать Вам, что до сего времени все Г.Г. Авторы и переводчики беспрекословно довольствовались наградой, назначенною им по Высочайшей воле в упомянутом положении — и никто из них еще не исчислял Дирекции *барышей*, более или менее получаемых, тем более, что Дирекция Императорских Театров, как Управление, принадлежащее Высочайшему Двору, руководствуется в своих действиях не *барышами*, а постановлениями, Государем Императором утвержденными, имея в виду все возможное улучшение спектаклей и репертуара к чести и изяществу Национального Театра” (там же, с. 121; слова, напечатанные курсивом, подчеркнуты: в первом случае — одной чертой, во втором — двумя).

Очень важен тот фрагмент письма Гедеонова, из которого мы узнаем об отношении Гоголя к написанной им пьесе, об авторском осмыслении ее места в театральной культуре. Приводим этот фрагмент полностью: “Отдавая всю возможную справедливость Вашей пьесе, я не могу однако согласиться

с Вами, чтоб Русская драматическая Литература была в столь бедном и ничтожном положении, как Вы предполагаете, и что будто бы со времен Фон Визина Ваша Комедия будет первым оригинальным явлением на нашей сцене. Не исчисляя Вам пьес, сделавших с тех пор честь нашей Литературе, я назову только Авторов: Крылов, Ильин, Шаховской и Загоскин вполне заслужили благодарность и Публики и национального Театра своими произведениями, коих достоинства верно никто оспаривать не будет. Остается надеяться и желать, что Вы с первого драматического опыта с ними сравняетесь, а будущими, может быть, и превзойдете.

Наконец, позвольте мне не согласиться в том, что будто бы мои распоряжения в отношении к Вам такому же подвергаются общему суждению, как и Ваша пьеса. Я полагаю, что параллель между нами не вовсе верна. Всякое Литературное произведение действительно может быть обсуждено Публикою и по произволу рецензента. Я же в распоряжениях по Высочайше вверенному управлению моему месту, руководствуясь существующими постановлениями, отдаю отчет в своих действиях и нахожусь в ответственности только пред Государем Императором и Министром Императорского Двора” (там же, с. 121—122).

Эпизод, связанный с оплатой “Ревизора”, нашел отражение и в воспоминаниях Р.М. Зотова: Гоголь “был человек образованный и самых благородных правил, но чрезвычайно щекотлив и самолюбив. Когда дело дошло до платы за “Ревизора”, он непременно требовал, чтоб ему выдана была сумма, как бы за пьесу в стихах. Как ни убеждали его, что дирекция не имеет права нарушить Высочайше утвержденного штата, он почел себя обиженным и всем жаловался на то, что дирекция не умеет ценить его дарования” (Зотов 1859. С. 105; с небольшими стилистическими отличиями: Зотов 1896. С. 786).

Гоголь выбрал единовременное вознаграждение — уже 8 марта Гедеонов предписал Канторе выдать автору “Ревизора” две тысячи пятьсот рублей. На предписании канцелярская помета: “Выданы 9 марта 1836 г.” (РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Ед. хр. 7262. Л. 1; впервые опубликовано: *Мат. и иссл.* 1936. Т. 1. С. 309—310). Эта же сумма авторского гонорара указана С.Т. Аксаковым (Аксаков 1960. С. 15), Н.С. Тихонравовым (Тихонравов 1898. С. 560), В. Михайловским (Михайловский В. Комедии Н.В. Гоголя и их исполнители на сцене Малого театра в Москве // *РМ.* 1902. Кн. 5. Вторая пагинация. С. 168). В ряде мемуаров и свидетельств размер гонорара ошибочно завышен: 4000 рублей (Смирнова 1989 — см. с. 593 наст. изд.); 3000 рублей (Родиславский В. О комедии Н.В. Гоголя “Владимир 3-й степени” // *Беседы в Обществе любителей российской словесности.* 1871. Вып. 3. С. 138). Из письма Гедеонова директору московских императорских театров М.Н. Загоскину от 21 марта 1836 г. отчасти известны мотивы, побудившие Гоголя предпочесть единовременное вознаграждение: “... имею честь Вас уведомить, — сообщал Гедеонов, — что за поспектакльную плату сочинитель не мог согласиться отдать свою пьесу по той причине,

что расстроенное здоровье принуждает его ехать за границу и он нуждался в наличных деньгах, которые мною сполна ему и заплачены” (РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Ед. хр. 2523. Л. 32 об., копия; опубликовано: *Мат. и иссл.* 1995. С. 130).

Авторский гонорар, назначенный Гоголю в полном соответствии с театральными законами того времени, конечно, был очень мал, хотя бы в сравнении с годовым жалованьем театральных руководителей и ведущих артистов императорских театров (оно составляло четыре тысячи рублей — РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Ед. хр. 91. “Список чиновникам, артистам и прочим лицам дирекции императорских Санкт-Петербургских театров с марта 1836 г.”). В сезон 1836-37 гг. “Ревизор” принес Александринскому и Малому театрам большой доход — наличный сбор не раз превышал четыре тысячи рублей (там же. Ед. хр. 3315. “Книга сборов за 1836—37 гг.”, Л. 2 об.—3 об., 21), что бывало нечасто на драматических спектаклях. Согласившись на поспектакльную плату (всего лишь одна пятнадцатая часть от двух третей сбора), Гоголь получил бы только в 1836 г. сумму, превышающую единовременное вознаграждение, которое он был вынужден предпочесть.

Получив цензурное разрешение на постановку пьесы, Гоголь приступил к подготовке текста “Ревизора” для отдельного издания. Сохранившиеся архивные документы позволяют восстановить хронологию прохождения комедии через Санкт-петербургский цензурный комитет. Время вступления рукописи в цензуру — 11 марта 1836 г., объем — 206 страниц, представлена “От Г. Сочинителя”, отдана цензору П.А. Корсакову 13 марта, в тот же день одобрена им и выдана обратно, в графе “Расписка получившего” рукою Гоголя отмечено: “Получил Н. Гоголь” (РГИА. Ф. 777. Оп. 27. Ед. хр. 200. “Реестр рукописей и печатных книг по С. Петербургскому ценсурному комитету в 1836 году”. Л. 12).

Книга вышла из печати как раз ко дню премьеры “Ревизора” в Александринском театре (19 апреля). П.В. Анненков свидетельствует, что по окончании спектакля Гоголь явился к Н.Я. Прокоповичу, который и поднес автору экземпляр комедии (Анненков П. Воспоминания о Гоголе. Рим, летом 1841 года // БдЧ. 1857. Т. 141. Февраль. Отд. II. С. 144—145; Анненков 1989. С. 60). Между тем в записях о выдаче разрешительного билета отмечено, что отпечатанная книга поступила в цензурный комитет 19 апреля, сам же билет выдан П.А. Корсаковым 20 апреля (РГИА. Ф. 777. Оп. 27. Ед. хр. 268. “Реестр печатных книг по С.Петербургскому ценсурному комитету в 1836 году”. Л. 18). Таким образом, остается допустить, что Гоголь получил авторский экземпляр до выдачи разрешительного билета. Выходные данные книги: Ревизор. Комедия, в пяти действиях. Соч. Н. Гоголя. Санктпетербург. Печатано в типографии А. Плюшара. 1836. Цензурное разрешение 13 марта 1836. Цензор П. Корсаков.

27 апреля 1836 г. в “Русском инвалиде” появилось сообщение о продаже “Ревизора” в книжном магазине И.Т. Лисенкова (“Ревизор, комедия в пяти действиях, сочинение Н. Гоголя. 1836 года. Цена 5-ть рублей, за пересылку в города 1 руб.” // *РИ*. 1836. 27 апреля. № 104. С. 415), 30 апреля 1836 г. в “Прибавлении” к “СанктПетербургским ведомостям” — о продаже в книжной лавке М. Глазунова (“Ревизор, комедия в 5-ти действиях, соч. Н. Гогеля (так в оригинале. — *Ред.*). С.П.Б. 1836 года. Ц. 5 р., с пер. 6 р.” — “Прибавление № 95 к СанктПетербургским ведомостям”. 1836. 30 апреля. С. 853).

Во втором томе “Современника” “Ревизор” был включен в перечень “Новых русских книг, вышедших с апреля месяца 1836 года” (*Совр.* 1836. Т. II. С. 316, цензурное разрешение от 30 июня 1836 г.).

Известно, что экземпляры “Ревизора” были подарены Гоголем матери (см. его письмо М.И. Гоголь от 5 июня 1836 г.), М.С. Щепкину (см. с. 720 наст. изд.), а через него и другим москвичам (в том числе: И.В. Киреевскому — см. письмо М.С. Щепкина Гоголю от 7 мая 1836 г. // *Гоголь. Переписка*. Т. 1. С. 449; М.Н. Загоскину, с дарственной надписью: “Михаилу Николаевичу Загоскину от Автора” — *Ципельзон Э.* Автограф Гоголя // *Литература и жизнь*. 1959. 6 мая. № 53. С. 4, факсимиле, местонахождение книги не указано, см. также с. 721 наст. изд.), Н.О. Дюру (см. с. 831 наст. изд.), П.И. Кривцову (с дарственной надписью: “Павлу Ивановичу Кривцову в знак истинного уважения от Автора” — опубликовано: *ЛН*, т. 58. С. 811, факсимиле; хранится: *РГАЛИ*. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3), Ф.Л. Халчинскому (с дарственной надписью: “Федору Лаврентьевичу Халчинскому От Автора” — опубликовано: *ЛН*, т. 58. С. 703, факсимиле; хранится: Государственная публичная историческая библиотека. Отдел редких книг. Экземпляр с золотым обрезом. Дарственная надпись — на листе, подклеенном к корешку вырезанного листа с объявлениями о продаже сочинений Гоголя. На титульном листе тиснение: “Алексей Петрович Бахрушин”).

Оригинал набора первого издания не сохранился. Поэтому нельзя с уверенностью сказать, какой источник лег в основу наборного экземпляра. Логично предположить, что этим источником послужил отцензурованный сценический текст (т.е. *АК2*). Хотя не исключена возможность изготовления наборной копии и на более раннем этапе (с ее последующим исправлением). Во всяком случае большая часть цензурной правки, а также связанные с ней последензурные авторские исправления в *Р36* учтены (включая и переработку *Х* явления действия IV, “Хлестаков и Марья Антоновна”, дополнительно одобренную цензором 14 апреля 1836 г.).

Отличия печатного текста “Ревизора” от сценического достаточно многообразны. Список действующих лиц и исполнителей премьерного спектакля в Александринском театре, включенный в текст первого издания, восполняет имеющиеся в *АК2* пропуски фамилий артистов (в *Р36* отсутствует лишь одна фамилия — исполнителя роли Гибнера; в *АК2* фамилия указана:

Даллока). Текст комедии в первом издании предварен статьей “Характеры и костюмы”, положившей начало истории авторских интерпретаций “Ревизора”.

Редакция первого издания вобрала в себя дополнительную (вероятно, на уровне наборного экземпляра и корректур) стилистическую правку. Имеют место и достаточно регулярные грамматические унификации, судя по всему, исходящие от редактора или корректора: “чтобы” последовательно заменено на “чтоб”, “этакой” меняется на “такой”, “отсюдать” на “отсюда хоть”, “сей же час” на “сейчас же”, “плотит” на “платит”, “напропало” на “напропалу” и т.д.

Цензурные исправления сценического текста в *Р36* по большей части учтены, хотя встречаются исключения. Так в *АК2* слова “дал же Бог такой дар” исправлены цензором на “дан же ему такой дар” (явление V действия III). В *Р36* это исправление не учтено. В ряде случаев “ей, ей” (вписанное цензором в *АК2* вместо зачеркнутого им же “ей Богу”) в *Р36* заменено словом “право”.

Значительные расхождения между *АК2* и *Р36* имеются в “Сцене вранья” (явление V действия III). Из “управляющего Министерством” (в *АК2*) Хлестаков понижен в “управляющего Департаментом” (в *Р36*). В целом же в печатном тексте хвастовство Хлестакова приобретает еще более безудержный характер. Здесь впервые появляются знаменитые фразы: о курьерах (“И в ту же минуту по улицам везде курьеры, курьеры... курьеров пятнадцать...”; в *АК2*: “И тотчас фельдъегерь скачет”), о вице-канцлере (“Меня даже хотели сделать Вице-канцлером...”; в *АК2*: “Да меня даже хотели сделать (не могли придумать, останавливается...)”). Существенные исправления внесены в текст письма Хлестакова Тряпичкину (главным образом стилистические) и в финальное явление. В печатном тексте в заключительных строчках впервые появляются слова “по Имянному повелению” — в сообщении жандарма о прибытии чиновника из Петербурга. Кроме того, в заключительной ремарке впервые появляются слова: “Немая сцена”.

В настоящем издании текст *Р36* печатается полностью (в разделе “Другие редакции”), с максимальным сохранением орфографических и пунктуационных особенностей оригинала, со следующими исправлениями по *ЧА1*, *АК1*, *АК2*, *АР36*, а также с исправлением опечаток:

С. 371, строка 21: Б о б ч и н с к и й — вместо: Д о б ч и н с к и й

С. 372, строка 11: Б о б ч и н с к и й — вместо: Д о б ч и н с к и й

С. 375, строка 7: довольны ли — вместо: довольно ли (по *ЧА1*)

С. 386, строка 13: Х л е с т а к о в — вместо: Г о р о д н и ч и й

С. 387, строка 22: Г о р о д н и ч и й (Добчинскому) — вместо: Г о р о д н и ч и й (Добчинский) (по *АК1*, *АК2*)

С. 400, строка 9: как будто стоишь — вместо: как будто стоим (по *АК1*, *АК2*, *АР36*)

С. 407, строка 15: Б о б ч и н с к и й — вместо: Д о б ч и н с к и й

С. 417, строка 32: явление XIII — вместо: явление XVI

С. 424, строка 20: явление VI — вместо: явление IV
С. 427, строка 26: явление VIII — вместо: явление IX
С. 430, строки 33—34: Ляпкин-Тяпкин — вместо: Ляпкин-Тряпкин
(по АК1, АК2)

Постановка “Ревизора” в Александринском театре и восприятие комедии в театральной, читательской и литературной среде настолько сильно обманули ожидания Гоголя, что долгое время ему было неприятно одно упоминание о пьесе. 13(25) января 1837 г. Гоголь писал Н.Я. Прокоповичу из Парижа: «Да скажи, пожалуйста, с какой стати пишете вы все про “Ревизора”? В твоём письме и в письме Пащенко, которое вчера получил Данилевский, говорится, что “Ревизора” играют каждую неделю, театр полон и проч. ... и чтобы это было доведено до моего сведения. Что это за комедия? Я, право, никак не понимаю этой загадки. Во-первых, я на “Ревизора” — плевать, а во-вторых... к чему это? Если бы это была правда, то хуже на Руси мне никто бы не мог нагадить. Но, слава богу, это ложь: я вижу через каждые три дня русские газеты. Не хотите ли вы из этого сделать что-то вроде побрякушки и тешить меня ею, как ребенка?» Подобная реакция вполне отвечала и общему душевному расположению Гоголя, находившегося тогда в состоянии критической переоценки собственного творчества: «Мне страшно вспомнить обо всех моих мараньях. (...) И если бы появилась такая моль, которая бы съела внезапно все экземпляры “Ревизора”, а с ними “Арабески”, “Вечера” и всю прочую чепуху, и обо мне, в течение долгого времени, ни печатно, ни изустно не произносил никто ни слова, — я бы благодарил судьбу. Одна только слава по смерти (для которой, увы! не сделал я до сих пор ничего) знакома душе неподдельного поэта» (в том же письме).

Лишь спустя полтора года после премьеры Гоголь смог спокойно и рассудительно говорить о комедии и её будущем. 19 ноября (1 декабря) 1838 г. он писал М.П. Погодину из Рима: «Кстати о “Ревизоре”. Ты хочешь по твоей редкой доброте и любви ко мне печатать “Ревизора”. Мне, признаюсь, хотелось бы немного обождать... Я начал переделывать и поправлять некоторые сцены, которые были написаны довольно небрежно и неосмотрительно. Я хотел бы издать его теперь исправленного и совершенного. Но если ты находишь, что второе издание необходимо нужно и без отлагательства, то располагай по своему усмотрению. Я не думаю, чтобы он доставил теперь большие деньги. Но если наберется около двух или с лишком тысяч, то я буду очень рад, потому что, признаюсь, мне присланные тобою деньги несколько тяжелы. Мне все кажется, что ты отказал себе и что нуждаешься. Если за “Ревизора” дадут вдруг деньги, то ты, пожалуйста, наполни ими нанесенную мною пустоту твоему кошельку или отдай их тому, у кого ты занял для меня». Из письма очевидно, что инициатива переиздания “Ревизора” принадлежала Погодину, что еще до предложения Погодина вновь напечатать комедию Гоголь “начал переделывать и попра-

влять некоторые сцены”, что творческие планы Гоголя касательно “Ревизора” (“Я хотел бы издать его теперь исправленного и совершенного”) пришли в некоторое противоречие с коммерческими планами Погодина (“второе издание необходимо нужно и без отлагательства”) и Гоголь, оказавшись в положении должника, без всяких возражений уступил Погодину. Заем, данный Гоголю по его просьбе, составлял 2000 рублей: деньги, собранные секретно (принадлежали С.Т. Аксакову, М.П. Погодину, Е.А. Баратынскому, Н.Ф. Павлову и И.Е. Великопольскому), по общей договоренности были посланы Погодиным от собственного имени, с сопроводительным письмом (не разыскано), в котором, как видно из ответа Гоголя от 19 ноября (1 декабря) 1838 г., Погодин предложил переиздать “Ревизора” (см.: письмо Гоголя Погодину от 2(14) августа 1838 г.; *Аксаков 1960. С. 18*).

Через несколько месяцев в письме А.С. Данилевскому от 23 февраля (7 марта) 1839 г. Гоголь упоминает о долге Погодину в следующем контексте: “Да, ты меня спрашиваешь, какой я дам ответ насчет предложения Василья Прокоповича. Я уже отвечал ему, что не могу им воспользов(аться), потому что подобное предложение было сделано мне раньше Погодиным, а так как я ему должен две тысячи с лишком, то я представил ему в совершенное распоряж(ение) все полученные от этого доходы”. Комментаторы академического издания не без основания предполагают, что В.Я. Прокопович предлагал взять на себя подготовку второго издания “Ревизора” (*Ак. Т. XI. С. 408*). Из сохранившегося письма Гоголя А.С. Данилевскому от 2(14) апреля 1839 г. известно, что Гоголь написал В. Прокоповичу и получил от него ответ (переписка эта не разыскана).

Торопя Гоголя с переизданием “Ревизора”, Погодин, очевидно, принимал во внимание и тот факт, что первое издание к этому времени разошлось. В 1839 г. Н. Калайдович сообщал Погодину: “»Ревизора” едва можно достать, и то не меньше как за пятнадцать руб(лей)» (*Барсуков. Кн. 5. С. 324*). Около 4 января 1840 г. Гоголь писал из Москвы В.А. Жуковскому: «...поговорим о предложении Смирдина. Я вам говорил, что нет никакой выгоды издавать теперь все мои сочинения вместе. Что хотя разошлись экземпляры “Ревизора” и “Миргорода”, но еще довольно и “Арабесок” и особенно “Вечеров на Хуторе” и что, кроме “Ревизора”, они вовсе не требуются так жадно, чтобы можно было предпринимать издание...» В.Г. Белинский в статье “Русская литература в 1840 году” (опубликованной в первом номере “Отечественных записок” за 1841 г.) свидетельствовал, что в книжной лавке трудно найти “Ревизора” Гоголя (*ОЗ. 1841. Т. XIV. № 1. Отд. V. С. 20; Белинский. Т. IV. С. 431*), а в 1842 г. писал, что перед выходом в свет второго издания комедии желающие приобрести первое платили за экземпляр по двадцать пять рублей ассигнациями (*Белинский В.Г. Библиографическое известие // ОЗ. 1842. № 9. Отд. VI. С. 28; Белинский. Т. VI. С. 349*). По сообщению “Москвитянина”, в начале 1841 г. первое издание “Ревизора” продавалось по пятьдесят рублей (*Москв. 1841.*

Ч. I. № 2. “Смесь”. “Литературные новости”. С. 616. Цenz. разрешение 31 января 1841 г.).

Итак, в декабре 1838 г. Погодин заручился согласием Гоголя на переиздание “Ревизора”. Однако сама подготовка второго издания была начата Гоголем спустя два года, причем с большой неохотой. Гоголь был целиком поглощен “Мертвыми душами”. Оторваться от этой работы его заставили лишь давление Погодина и необходимость расплатиться с С.Т. Аксаковым — 16 ноября 1839 г. в Петербурге он одолжил Гоголю две тысячи рублей (см.: Аксаков 1960. С. 26—29). В 1840 г. речь о “Ревизоре” вновь заходит в письме Гоголя Погодину от 5(17) октября из Рима (ответ на неразысканное письмо Погодина). Гоголь уведомляет Погодина о том, что тяжело болен уже несколько месяцев и в связи с этим не может работать. «Я хотел было, — пишет он, — наскоро переписать куски из “Ревизора”, исключенные прежде, и другие переделанные, чтобы поскорее хотя его издать и заплатить великодушному, как и ты, Сергею Тимофеевичу, и этого не мог сделать. Впрочем, я соберу все силы и, может быть, на той же неделе управлюсь с этим». Письмо Гоголя Погодин получил 27 ноября 1840 г. (ОР РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 33. Ед. хр. 1. М.П. Погодин. Дневник. 1840—1845 гг. Л. 19 об.), а 28 ноября ответил, ни словом не обмолвившись о “Ревизоре” (Гоголь. Переписка. Т. 1. С. 383—384). 16(28) декабря 1840 г. Гоголь написал М.П. Погодину (в ответ на письмо от 28 ноября) и С.Т. Аксакову (в ответ на неразысканное письмо). Погодину он сообщил, что здоров и занимается “переправками, выправками и даже продолжением Мертвых душ”. 18 января 1841 г. Погодин записал в своем дневнике: “Письмо от Гоголя, который выздоровел и пишет, но не присылает” (ОР РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 28). С.Т. Аксакову Гоголь писал: “Я хотел было обождать этим письмом и послать вместе с ним переменные страницы в “Ревизоре” и просить вас о напечатании его вторым изданием — и не успел. Никак не хочется заниматься тем, что нужно к спеху, а все бы хотелось заняться тем, что не к спеху. А между тем оно было бы очень нужно скорее. У меня почти дыбом волос, как вспомню, в какие я вошел долги. Я знаю, что вам подчас и весьма нужны деньги; но я надеюсь через неделю выслать вам переправки и приложения к “Ревизору”, которые, может быть, заставят лучше покупать его. Хорошо бы, если бы он выручил прежде должные вам, а потом тысячу, взятую у Панова, которую я пообещал ему уплатить было в феврале”. Судя по этому тексту, Гоголь изменил свое первоначальное намерение поручить переиздание “Ревизора” Погодину и решил прибегнуть к помощи Аксакова, который, по-видимому, был в курсе дела.

В январе—феврале 1841 г. С.Т. Аксаков не имел никаких вестей от Гоголя: “Я не получал писем от Гоголя около двух месяцев” (Аксаков 1960. С. 49). Судя по всему, Гоголь не писал в это время и Погодину. 2 февраля 1841 г., после посещения Аксакова, Погодин записал в дневнике: “Толковали о журнале, о Гоголе, его характере и выходках. Решился написать письмо: Разоряюсь; выручай. Как бы было хорошо, если б теперь поддер-

жать впечатление эффектными статьями” (*ОР РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 30; Барсуков. Кн. 6. С. 229*). 3 февраля Погодин пометил в дневнике, что написал письмо Гоголю (там же, л. 30 об.), письмо не разыскано. 5(17) марта (1841 г.) Гоголь писал С.Т. Аксакову: «...может быть, вы ожидали высылки мною обещанных изменений и приложений, следуемых ко 2 (-му) изданию “Ревизора”. Но я не мог найти нигде их. Теперь только случаем нашел их там, где не думал. Если б вы знали, как мне скучно теперь заниматься тем, что нужно на скорую руку, — как мне тягостно на миг оторваться от труда, наполняющего ныне всю мою душу! Но вот вам, наконец, эти приложения. Здесь письмо, писанное мною к Пушкину, по его собственному желанию. Он был тогда в деревне. Пьеса игралась без него. Он хотел писать полный разбор ее для своего журнала и меня просил уведомить, как она была выполнена на сцене. Письмо осталось у меня неотправленным, потому что он скоро приехал сам. Из этого письма я выключил то, что собственно могло быть интересно для меня и для него, и оставил только то, что может быть интересно для будущей постановки “Ревизора”, если она когда-нибудь состоится. Мне кажется, что прилагаемый отрывок будет нелишним для умного актера, которому случится исполнять роль Хлестакова. Это письмо под таким названием, какое на нем выставлено, нужно отнести на конец пьесы, а за ним непосредственно следуют две прилагаемые выключенные из пьесы сцены. Небольшую характеристику ролей, которая находится в начале книги первого издания, нужно исключить. Она вовсе не нужна. У Погодина возьмите приложенное в его письме изменение четвертого акта, которое совершенно необходимо. Хорошо бы издать “Ревизора” в миниатюрном формате, а впрочем, как найдете лучшим».

Н.С. Тихонравов выразил недоверие к словам Гоголя о том, что он не мог найти “обещанных изменений и приложений” к “Ревизору” (*Тих. Т. 2, С. 649*). Однако, по существу, слова Гоголя так же трудно опровергнуть, как и подтвердить. Не исключено, что Гоголь указал вымышленную причину задержки, но вполне вероятно, что какой-то из приготовленных материалов (их ведь было несколько) действительно на какое-то время затерялся.

В письмо С.Т. Аксакову были вложены: «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору» и “Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы” (под цифрой I “Анна Андреевна и Марья Антоновна”, под цифрой II “Хлестаков и Раस्ताковский”); в письмо Погодину (не разыскано) были вложены дополнения и поправки к действию IV: текст первых пяти явлений, заменяющий текст первых трех явлений издания 1836 г., исправления, предназначенные для явлений VI и VII (в издании 1836 г. это были соответственно явления IV и V), текст явления VIII, заменяющий текст явления VI в первом издании.

Таким образом, к обновленному “Ревизору” были приложены неизвестные читателю “Отрывок из письма...” и “Две сцены...”. Напомним,

что, приступая к подготовке второго издания комедии, Гоголь первоначально упомянул лишь о “кусках”, “исключенных прежде” и “других переделанных” (в письме М.П.Погодину от 5(17) октября 1840 г. — подробнее см. выше), но через два с лишним месяца в письме С.Т. Аксакову от 16(28) декабря 1840 г. (подробнее см. выше) уже обещал прислать именно «приложения к “Ревизору”, которые, может быть, заставят лучше покупать его». Что подразумевалось под “приложениями”, не вполне ясно, но, скорее всего, имелись в виду не только “Две сцены...”, но и “Отрывок из письма...”. Спешность подготовки второго издания, как отмечалось, во многом носила вынужденный характер, будучи связанной с тяжелыми материальными обстоятельствами Гоголя (сам он желал другого — обождать и издать “Ревизора”, “исправленного и совершенного”, — письмо Погодину от 19 ноября (1 декабря) 1836 г.). В связи с этим включение во второе издание приложений, т.е. неизвестных ранее текстов, безусловно, способствовало решению финансовой стороны вопроса — привлечению покупателей (информация о приложенных к “Ревизору” новых текстах содержалась уже в первом сообщении о предстоящем выходе книги — *Москв.* 1841. Ч. II. № 4. С. 593 — подробнее см. ниже). Однако при этом в самом построении второго издания сказалось и присущее Гоголю стремление к циклизации текстов, созданию книг — в данном случае книги, жанровое содержание (комедия, письмо-статья, фрагменты ранних рукописных редакций) и хронологический ряд которой (1836—1841) позволили резко раздвинуть привычные рамки “монографического” художественного текста, зафиксировав не только последнюю редакцию комедии, но и движение творческого замысла, сценическую атмосферу первой постановки, авторскую интерпретацию и самой комедии, и ее премьерного исполнения. В целом все это обеспечивало возможность одновременного и разностороннего взгляда на комедию, очерчивая объемный художественный мир “Ревизора” — создаваемого, читаемого и представленного на сцене.

Готовя текст к переизданию, Гоголь внес исправления лишь в четвертое действие печатного текста 1836 г. Причина, побудившая Гоголя к переработке именно этой части комедии, раскрыта им в “Отрывке из письма...”: «Во время представления (премьеры “Ревизора”. — *Ред.*) я заметил, что начало четвертого акта холодно; кажется, как будто течение пьесы, дотоле плавное, здесь прервалось или влечется лениво. Мне, признаюсь, еще во время чтения, сведущий и опытный актер сделал замечание, что не так ловко, что Хлестаков начинает первый просить денег взаймы, и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замечание довольно тонкое, имеющее свои справедливые стороны, я, однако же, не видел причины, почему Хлестаков, будучи Хлестаковым, не мог попросить первый. Но замечание было сделано, стало быть, сказал я сам в себе, я плохо выполнил эту сцену, и точно, теперь во время представления я увидел ясно, что начало четвертого акта бледно и носит признак какой-то усталости. Возвратившись домой, я тот же час принялся за переделку. Теперь, кажет-

ся, вышло немного сильнее, по крайней мере естественнее и более идет к делу” (см. с. 92 наст. изд.).

Исправления, внесенные Гоголем в текст четвертого действия, заключаются в следующем. Три первые явления (“Хлестаков”, “Хлестаков и Почтмейстер”, “Хлестаков и Аммос Федорович”) были заменены пятью: “...Аммос Федорович, Артемий Филипович, Почтмейстер, Лука Лукич, Добчинский и Бобчинский...”, “Хлестаков”, “Хлестаков и Судья”, “Хлестаков и Почтмейстер”, “Хлестаков и Лука Лукич”. В первом из них, совершенно новом, Гоголь изобразил “совет” главных лиц города (исключая городничего), на котором принимается решение дать Хлестакову взятку (т.е. воплощается сюжетный мотив, подсказанный “сведущим и опытным актером”). Текст второго явления, содержащего монолог Хлестакова, кардинально отличается от соответствующего явления в издании 1836 г. (здесь оно было первым). В новой редакции монолог пребывающий в состоянии эйфории Хлестаков все-таки отдает себе отчет в том, что накануне его подпоили (“верно чего-нибудь прекрепкого подсунули вчера за завтраком”), и, что особенно важно, раскрывает свое главное пристрастие: “с приятностью проводить время”, что значит для него видеть со стороны окружающих знаки внимания и “желание угождать”, причем “чтобы все это было радушно (...) от сердца, а не то что, чтобы из какого интереса”.

Следующие явления (в первом издании II и III, во втором — III и IV) переставлены: в издании 1836 г. сначала идет явление “Хлестаков и Почтмейстер”, а затем “Хлестаков и Аммос Федорович”, во втором издании — наоборот, т.е. первым взяткодателем сделан судья. Текст явления “Хлестаков и Аммос Федорович” для редакции второго издания (здесь оно названо “Хлестаков и Судья”) практически написан заново, так как все действие теперь строится вокруг стремления судьи незаметно подsunуть деньги. Явление “Хлестаков и Почтмейстер” также переработано, хотя и не столь кардинально: в духе правки, проведенной еще в 1835—1836 гг., Гоголь исключает рассказ Хлестакова об одном из его приключений (в данном случае историю о том, как он и один из адмиралтейских начальников “волочились вместе за одною прехорошенькою”).

Явление “Хлестаков и Лука Лукич” (во втором издании пятое) в издании 1836 г. отсутствует. Уже говорилось, что оно было исключено из комедии на стадии работы над сценическим текстом 1836 г. Для второго издания Гоголь написал новую редакцию явления, в которой придал репликам Хлестакова несколько игривый характер (разговор о сигарках, вопросы “на счет женского полу”).

Исправления были внесены и в три последующих явления (в первом издании — IV, V и VI, во втором — VI, VII и VIII). В явлении [IV] VI (“Хлестаков и Артемий Филипович”) был сокращен и несколько видоизменен небольшой монолог Хлестакова (см. с. 442 наст. изд.). В явлении [V] VII (“Хлестаков, Бобчинский и Добчинский”) был заменен один из фрагментов (где Бобчинский и Добчинский набирают деньги для Хлеста-

кова — с. 442—443 наст. изд.), исправлена реплика Хлестакова — вместо: “Хорошо; я...” — стало: “Хорошо, пусть называется! Это можно” (в связи с разговором о внебрачном ребенке Добчинского: “Так я хочу, чтоб он теперь уже был совсем законным моим сыном и назывался бы так, как я: Добчинский” — с. 408 наст. изд.). Текст явления [VI] VIII (“Хлестаков один”) был написан заново. В новом варианте в Хлестакове усилено чувство “столичного” превосходства, при одновременном снижении стиля речи, насыщении ее сугубо разговорными словечками и выражениями: “...они верно полагают, что я в большом ходу в Петербурге” (было: “...они меня почитают за человека государственного” — с. 409 наст. изд.); “Дурачье, впрочем, должно быть ужасное...” (было: “А должно быть, однако ж, сколько мне кажется, эти чиновники большие дураки...” — с. 409 наст. изд.).

Возвращаясь к хронологии подготовки второго издания, отметим, что Гоголь выполнил обещание, данное в письме С.Т. Аксакову от 16(28) декабря 1840 г. («...я надеюсь через неделю выслать вам переправки и приложения к “Ревизору”...»), с опозданием на два с лишним месяца, т.е. послал материал только 5(17) марта 1841 г. Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что окончательный текст I—V явлений IV действия и приложений к “Ревизору” был написан в январе-феврале 1841 г. — такая же датировка предложена Н.С. Тихонравовым (*Тих.* Т. 2. С. 650) и комментариями академического издания (*Ак.* Т. IV. С. 533).

Более сложным является вопрос о том, когда Гоголь начал работу над текстами, посланными в Москву в марте 1841 г. Первым его пытался разрешить Н.С. Тихонравов. Тщательно проанализировав имеющиеся свидетельства самого Гоголя (текст “Отрывка из письма...”, в котором Гоголь пишет, что принялся за переделку начала IV действия в день премьеры, т.е. 19 апреля 1836 г. — см. с. 92 наст. изд.; письмо Гоголя Погодину от 19 ноября (1 декабря) 1838 г., в котором он сообщает, что “начал переделывать и поправлять некоторые сцены”; письмо Гоголя Погодину от 5(17) октября 1840 г., где он пишет, что не мог, как хотел того, «наскоро переписать куски из “Ревизора”, исключенные прежде, и другие переделанные»; наконец, цитированное выше письмо С.Т. Аксакову от 16(28) декабря 1840 г.), Тихонравов пришел к выводу, что все эти свидетельства не заслуживают доверия и, как уже отмечалось, датировал работу над вторым изданием первыми двумя месяцами 1841 г. (*Тих.* Т. 2. С. 638—650). Лишь черновой автограф II и начала III явлений IV действия (ЧА₂) Тихонравов датировал последней четвертью 1840 г. (*Тих.* Т. 2. С. 638). Между тем, у нас нет никаких фактов, подтверждающих или опровергающих признания Гоголя. Вполне можно предположить, что в “Отрывке из письма...” Гоголь был не совсем искренним (строки о переработке начала IV действия вечером после премьеры появились только в авторизованной копии, в черновых набросках отсутствуют), а в письме к Погодину от 19 ноября (1 декабря) 1840 г. поспешил сообщить о начале работы в надежде повлиять на желание Погодина осуществить простую перепечатку “Ревизора”. Однако не менее вес-

ким является предположение, что Гоголь действительно начал предварительную, черновую переработку текста задолго до марта 1841 г. Уже говорилось, что Гоголь правил и сценический текст, и текст, предназначенный для издания, вплоть до самой премьеры и выхода книги в свет. Очень скоро он засвидетельствовал свое во многом критическое отношение к редакции 1836 г. 15 мая 1836 г. Гоголь пишет о комедии М.С. Щепкину: "...многим недоволен в ней, хотя совершенно не тем, в чем обвиняли меня мои близорукие и неразумные критики". Существует и документальное свидетельство того, что Гоголь правил текст первого издания сразу же по выходе его из печати — в экземпляре, посланный 29 апреля 1836 г. Щепкину (подробнее см. с. 721 наст. изд.), внесено три исправления, однако не в четвертое действие (как во втором издании), а в третье, в "сцену вранья" Хлестакова (явление VI).

Словом, на основе имеющихся в нашем распоряжении рукописей и эпистолярных свидетельств приурочить начало работы Гоголя над вторым изданием "Ревизора" к конкретной дате достаточно сложно. Черновые наброски к IV действию (ЧН5) написаны в два приема: набросок к I явлению — светлыми чернилами в середине листа; наброски к III и VI явлениям — более темными чернилами, на одной половине листа (перевернутого при этом на 180°), выше — набросок к явлению VI, ниже — к явлению III; бумага — "верже" с небольшой частью филиграни (реконструировать ее по этому изображению очень трудно). В первом же наброске реализован мотив взяточничества, подсказанный Гоголю (по его собственному признанию в "Отрывке из письма...") "сведущим и опытным актером" ("не так ловко, что Хлестаков начинает первый просить денег взаймы", "было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили"); наброски к III и VI явлениям представляют собой переработку уже существовавших в Р36 фрагментов. Характерно при этом, что текст последнего наброска (к явлению VI — "Хлестаков и Артемий Филиппович") в окончательной редакции второго издания (Р41) как бы распределяется между тремя явлениями: первая фраза ("Я, признаюсь, люблю хорошо позавтракать"), будучи переработанной, вошла непосредственно в VI явление ("Я признаюсь — это моя слабость — но люблю хорошую Кухню"), слова "Я не понимаю, как другой..." в несколько измененном виде вошли в ЧА2, а затем и в окончательный текст II явления ("...я не знаю, как другие..."), наконец, зачеркнутая в ЧН5 фраза ("Не знаю, как вам, а у меня уж такой характер") переместилась в явление IV ("...у меня уж это характер").

Конечно, нельзя исключить, что все эти наброски (очень небольшие по объему) были написаны в апреле 1836 г., сразу же после премьеры "Ревизора" (сам Гоголь в "Отрывке из письма..." уверяет, что, возвратившись домой, "тот же час принялся за переделку"), однако стилистическая, даже дословная близость набросков (и особенно первого, сюжетообразующего) окончательному тексту IV действия в редакции второго издания скорее говорит в пользу их позднейшего происхождения (трудно предположить, что

по прошествии почти пяти лет Гоголь использовал текст старого наброска почти без изменений).

С датировкой чернового автографа II и начала III явлений IV действия (Ч42) дело обстоит еще сложнее. Он написан на бумаге иностранного производства со штемпелем в прямоугольной рамке с закругленными краями: “РАРЕWTEOTPAH(ъ)” (на ленте над гербом), герб под короной между львом и единорогом, “DUTCH HEART(ъ)” (на ленте под гербом), “HOUARD” (в нижней части рамки). У С.А. Клепикова зафиксировано применение штампея в 1842 г. (*Клепиков 1968. С. 137. № 206*); в 1843—1845 гг. (*Клепиков 1959. С. 112. № 250*). На бумаге с таким же штемпелем написан ряд черновых набросков к VIII—X главам первого тома “Мертвых душ” (*ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 19, 20, 25* — подробнее см. т. 7 наст. изд., коммент.). Более того, на одном из двойных листов с этими набросками размещены также наброски по истории Древнего Рима (*ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 19. Л. 1 об. — 2*; опубликованы: *Тих. Т. 7. С. 576*; *Ак. Т. IX. С. 157*), скорее всего связанные с преподавательской деятельностью Гоголя в Петербургском университете (1834—1835; курс древней истории прочитан в 1835 г.). Подобное соседство прежде всего говорит о том, что бумагой с описанным штемпелем Гоголь пользовался еще в России. Однако датировка самих набросков к “Мертвым душам” также является проблематичной — в рамках творческой истории первого тома они вряд ли могут быть отнесены к периоду, предшествовавшему отъезду Гоголя за границу в июне 1836 г., так как по имеющимся данным Гоголь вплотную занялся продолжением работы над “Мертвыми душами” осенью того же года в Швейцарии; более того, к концу 1839 г. у Гоголя была готова связанная черновая редакция лишь первых шести глав (вчерне могли быть написаны и другие фрагменты, но вряд ли наброски к последним главам — подробнее см. наст. изд., т. VII, коммент.). Исходя из этого, остается предположить одно из двух: либо наброски все-таки были написаны до октября 1835 г. (что мало вероятно), либо бумага указанного сорта (в том числе и листок с историческими набросками) хранилась у Гоголя с петербургских времен (случаи такого долгого хранения бумаги у Гоголя нередки).

Возвращаясь к тексту Ч42 отметим, что он написан в два приема: первоначальный текст (в своде вариантов этот слой обозначен буквой а.) — более светлыми чернилами, последующая правка и дополнения (включая начало явления III) — более темными чернилами, другим пером. Последний слой стилистически близок к окончательному тексту явления II действия IV, кроме того, отражает уже сложившуюся новую композицию этого действия (из текста Ч42 ясно, что первым взятодателем выступит судья).

Исходя из этих фактов, вопрос о том, когда Гоголь начал переработку IV действия “Ревизора”, с абсолютной уверенностью решить невозможно (о датировке приложений ко второму изданию, т.е. “Отрывка из письма...” и “Двух сцен...”, см. ниже в отдельных комментариях к этим текстам).

Датировка ЧН5 и ЧА2 в настоящем издании предположительно приурочивается ко времени, предшествующему окончательной работе над редакцией второго издания, т.е. к концу 1840 — началу 1841 гг. При этом возможность более ранней датировки — даже в рамках имеющихся источников — не может быть исключена. Очень предположительно может быть датирована и карандашная правка, внесенная Гоголем в четвертое действие авторского экземпляра “Ревизора” (подробнее см. с. 615 наст. изд.).

Отослав материалы для “Ревизора”, Гоголь получил письмо от С.Т. Аксакова (не разыскано) и 13(25) (?) марта 1841 г. отвечал: «Едва только я успел отправить письмо мое к вам, с приложениями к “Ревизору”, как получил вслед за тем ваше (...) “Ревизора”, я полагаю, не отложить ли до осени? Время близится к лету; в это время книги сбываются плохо и вообще торговля не движется. Отпечатать можно теперь, а выпуском повременить до осени. По крайней мере так говорит благоразумие и опытность». В этом же письме, в ответ на просьбу Аксакова прислать что-нибудь в журнал Погодину, Гоголь сетовал: “Боже, если бы вы знали, как тягостно, как разрушительно для меня это требование, — какую вдруг нагнало оно на меня тоску и мучительное состояние! Теперь на один миг оторваться мыслью от святого своего труда — для меня уже беда (...) Но, так и быть, я отыщу какой-нибудь старый лоскуток и просижу над переправкой и окончательной отделкой его, боже! может быть, две-три недели, ибо теперь для меня всякая малая вещь почти такого же требует обдумыванья, как великая, и, может быть, еще большего и тягостно-томительнейшего труда, ибо он будет почти насильственный, и всякую минуту я буду помнить бесплодную великость своей жертвы — преступную свою жертву”. Не исключено, что эти слова написаны под непосредственным впечатлением от только что законченной работы над “Ревизором”.

Исполнить поручения Гоголя С.Т. Аксаков не смог: 5 марта 1841 г. в Петербурге скончался его младший сын Михаил Сергеевич. В воспоминаниях С.Т. Аксакова читаем: “...письмо от 5 марта 1841 года получено мною уже тогда, когда Богу было угодно поразить нас ужасным и неожиданным ударом: именно 5 марта потеряли мы сына, полного крепости телесных сил и всяких блистательных надежд; а потому все поручения Гоголя передал я к исполнению Погодину” (Аксаков 1960. С. 49). Когда именно С.Т. Аксаков и Погодин получили письма от Гоголя с обещанными дополнениями и приложениями к “Ревизору”, неизвестно. Погодин обычно отмечал в дневнике даты получения писем, но во второй половине марта (после 15) записей не делал (ОР РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 33—33 об.). Можно с уверенностью сказать, что материалы были получены не позднее 21 марта, так как в этот день Погодин начал хлопотать в Московском цензурном комитете о разрешении “Ревизора”. В “Книге для записей рукописей и книг”, помимо даты вступления “Ревизора” в цензуру (21 марта), отмечен входящий номер (153) и указано: “Для представления в корректурных листах к Г. Цензору [Крылову] Снегиреву Ревизор, соч. Гоголя”

(ЦИАМ. Ф. 31. Оп. I. Ед. хр. 14. Л. 64 об.; фамилия Крылова зачеркнута, вместо нее вписана фамилия Снегирева). В остальных графах помет нет. Из цензурной записи следует, что Погодин воспользовался правом, предусмотренным цензурным уставом от 22 апреля 1828 г. представлять в цензуре вместо рукописи корректуру (*Полн. собр. законов I. Т. III. С. 464—465*). В “Журнале заседаний московского цензурного комитета от 21 марта 1841 г. отмечено: “Представлены были: Для представления в корректурных листах: Ревизор, Комедия соч. Гоголя, для 2-го издания. Определено: Поручить рассмотреть Г. Цензору Снегиреву” (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 159. Л. 24). Очевидно, что Погодин очень торопился с изданием: “Ревизор” был представлен как раз в день заседаний цензурного комитета (предыдущее заседание было 14 марта 1841 г. — Там же. Л. 19). Не исключено, что именно 21 марта Погодин получил гоголевские материалы от С.Т. Аксакова. В этот день Погодин был у Аксаковых, что следует из письма В.С. Аксаковой М.Г. Карташевской: “Сегодня был у нас Погодин...” (*ОР ИРЛИ. 10. 611. XV с. 8. Л. 31*; письмо не датировано, но помечено пятницей, которая приходилась на 21 марта, год, месяц и неделя устанавливаются по содержанию).

О дальнейшей судьбе присланных Гоголем дополнений и исправлений известно из воспоминаний С.Т. Аксакова и его переписки с Погодиным. С.Т. Аксаков пишет: «...”Ревизор” был напечатан Погодиным со всеми приложениями, которые предварительно были помещены в “Москвитяине”, что, разумеется, было Гоголю неприятно. Хотя я был тогда в таком положении, что не могу обвинять строго себя, но я должен признаться, что финансовые расчеты журналиста не казались мне тогда так противными, как теперь, и что вообще я не умел понимать во всей полноте страдальческого положения Гоголя; очевидным доказательством тому служит мое письмо к Гоголю, в котором я просил, чтоб он прислал что-нибудь в журнал Погодину» (*Аксаков 1960. С. 53*). Это краткое признание конкретизировано и очень существенно уточнено самим же С.Т. Аксаковым в другом варианте его рассказа о втором издании “Ревизора”. «Дело состояло в том, — писал С.Т. Аксаков, — что Гоголь прислал “Ревизора” для напечатанья вторым изданием или для продажи его книгопродавцу. Мне тогда было не до того, и я передал все Погодину. Он решился сам купить второе издание за тысячу пятьсот рублей ассигнациями и уведомил об этом Гоголя; но особые добавочные сцены “Ревизора” вздумал напечатать особо в своем журнале. Я узнал об его намерении и писал, что не советую этого делать» (там же, с. 261). В записке С.Т. Аксакова Погодину от 23 марта (1841 года) (в воспоминаниях С.Т. Аксакова она не приведена) говорится: “От всякого права издателя, которое всегда принадлежало вам столько же, как и мне — я решительно отказываюсь: распорядитесь, как сочтете за лучшее. Я не выезжаю, никого не вижу, следственно и предлагать участие другим не могу; да и считаю это бесполезным (...) Если Гоголь не писал к вам, чтоб вы поместили в Журнале присланные вам сцены, то не советую помещать их,

а просто объявить, что в новом издании появятся такие-то прибавления” (*ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. I. Ед. хр. 55. Л. 23—23 об.*; фраза: “Я не выезжаю ~ считаю это бесполезным” — опубликована Н.П. Барсуковым и при этом ошибочно соединена с цитатой из другого письма С.Т. Аксакова Погодину — *Барсуков. Кн. 6. С. 230* — см. ниже). Очевидно, что С.Т. Аксаков отвечает здесь на вопрос Погодина об уместности публикации изменений и приложений к “Ревизору” в “Москвитянине”. М.П. Погодин отвечал письмом без даты: «Вы не советуете! Т.е. Гоголь рассердится!! Да помиуйте, Сергей Тимофеич, что я в самом деле за козел искупления? Неужели можно предполагать, что он скажет: пришли и присылай, бегай и делай, и не смей подумать об одном шаге для себя. Да если б я изрезал в куски “Ревизора” и рассовал его по углам своего журнала, то и тогда Гоголь не должен бы был сердиться на меня; тем более, что “Ревизор” есть уже произведение аккредитованное, а не новое, которому ни вредить, ни помогать нельзя. А я, наоборот, думаю, сделать подспорье своему же (т.е. “Ревизора”) изданию: вот-де какие большие исправления и вставки. Впрочем, повторяю, я думаю так. Сыщите средство лучше. Я оставлю свое, вам прекословить не буду и буду содействовать. Дело в том, что надо посылать ему деньги. Если средства вы не находите, то согласитесь на мое; но прямо, ясно, или скажите мне, что находите в нем несогласного с пользою автора? Я готов оставить его; но тогда вопрос: что же нам делать? Посылать деньги? Откуда? Печатать? На какие деньги? И дожидаться год, а он без гроша. Теперь я рассчитываю войти в сделку через месяц, как хозяин с книгопродавцами, или и прежде, и выручить деньги, следовательно, могу перехватить на месяц. Напечатать я готов, пожалуй, для него и продавать от него; но в таком случае посылать теперь нечего, а ему нужно. Избегая всего этого, я предлагаю самое верное средство и жду вашего разрешения» (*РА. 1890. Кн. 2, № 8. С. 117—118; Аксаков 1960. С. 261*). В свою очередь С.Т. Аксаков ответил: “Нет, любезный Михаил Петрович, я не думал о том, что Гоголь *осердится*. Я только советовал вам не делать того, чего бы я сам не сделал... Чем более мне обязан человек, тем менее я позволю себе без его воли распорядиться его собственностью, хотя бы это было безвредно для него, а только выгодно для меня. В этом же случае нельзя сказать положительно *первого*. Я совершенно убежден, что предлагаемый вами способ есть лучший и единственный, если нужно вам мое согласие, то я совершенно согласен. Что же касается до изрезания в куски Ревизора и рассования его по углам вашего журнала (<...> это просто вздор <...> без сомнения Гоголь осердился бы за такой дурной поступок” (*ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. К. I. Ед. хр. 64. Л. 5—5 об.*; текст: “Я только советовал ~ *первого*” — опубликован Н.П. Барсуковым и ошибочно соединен с приведенной выше цитатой из письма С.Т. Аксакова Погодину от 23 марта 1841 года — *Барсуков. Кн. 6. С. 230*; тот же текст опубликован — *Аксаков 1960. С. 262*). Письмо С.Т. Аксакова не датировано, Барсуков ошибочно датировал его 31 марта, приняв число в тексте за дату письма. Письмо написа-

но 23, 24 или 25 марта: дата 23 марта допустима, так как возможно, что все три приведенных выше письма написаны в один день; в то же время письмо не могло быть написано позднее 25 марта, так как в нем говорится, что Аксаковы ждут сына, И.С. Аксакова, а он приехал 25 марта вечером (см. письмо В.С. Аксаковой к М.Г. Карташевской — *ОР ИРЛИ*. 10. 611. XV с. 8. Л. 35; письмо без даты, помечено средой, которая приходилась на 26 марта, год, месяц, неделя определяются по содержанию; в письме сообщается, что Иван приехал вчера вечером). В воспоминаниях С.Т. Аксакова далее говорится, что он вынужден был согласиться с требованиями Погодина, «потому что (...) точно, денег негде было взять для печатания и что выручка от распродажи должна была затянуться. Тогда-то и послали мы (...) шесть тысяч рублей на первый год, как просил Гоголь. Слова же Погодина, что если б он изрезал в куски “Ревизора” и рассовал его по углам своего журнала, то Гоголь не имел бы права сердиться, ясно показывают натуру Погодина, который, ссудив деньгами Гоголя, считал себя вправе поступать с его великим творением по собственному произволу» (Аксаков 1960. С. 262).

Итак, как видно из документов, вторым изданием “Ревизора” занимался Погодин. Однако есть свидетельства о том, что к хлопотам о комедии Гоголя пытались подключить и других лиц. 7 апреля 1841 г. И.С. Аксаков писал С.Т. Аксакову из Петербурга: «...Панаев показывал мне письмо (М.А.) Языкова, в котором тот просит его похлопотать о Гоголе, именно о “Ревизоре”. Панаев сердится, что не написано ни на сколько времени, ни какое количество экземпляров и пр. Он думает, что здесь дадут меньше за “Ревизора”: В Петербурге он и не так разойдется, и ценить его не умеют...» (ЛН, т. 58. С. 600). В комментариях к письму указано, что упомянутое письмо М.А. Языкова И.И. Панаеву неизвестно, и высказано предположение о том, что Языков написал Панаеву по просьбе Аксаковых; которых посещал во время своего пребывания в Москве (там же).

Дела у Погодина двигались очень быстро. Присланные Гоголем материалы были поставлены в 4, 5 и 6 номера “Москвитянина”. При этом новые сцены четвертого действия (явления I–V), вложенные в письмо к Погодину, были спешно включены в уже готовый, вероятно отпечатанный четвертый номер: только этим можно объяснить, что сцены помещены не в разделе “Изящная словесность”, а в конце журнала, в разделе “Прибавление к изящной словесности” под названием: «Новые сцены к комедии “Ревизор”», подпись: “Гоголь” (Москв. 1841. Ч. II. № 4. С. 578–593). К заголовку было сделано следующее пояснение (в сноске на странице 578): «Автор прислал из Рима “Ревизора” для нового издания, исправленного. Следующими сценами заменяется прежнее начало 4 действия». Вслед за подписью “Гоголь”, на с. 593, дана сноска: “Второе издание будет готово к 1 Мая; кому из иногородних угодно иметь оное, немедленно по выходе, то благоволят относиться в газетную экспедицию Московского почтамта, не прилагая ничего за пересылку. Цена два рубля серебром.

К этому изданию приложатся несколько новых сцен, оставленных при первом издании. Также письмо автора о первом представлении” (уведомление “Москвитянина”, в изложении, перепечатано: *РРТ*. 1841. Кн. 2. Февраль. Рубрика “Театральные слухи и новости”. С. 1). Характерно, что на первом листе присланного Гоголем текста (авторизованная копия) рукой Погодина сделана помета: “в смесь, но *циц*еро, как комедию” (*циц*еро — вид типографского шрифта, которым печатались прозаические сочинения в разделе “Изящная словесность”). Дата цензурного разрешения четвертого номера — 27 марта, цензор — Н.И. Крылов. Известно письмо Н.И. Крылова Погодину без даты, относящееся ко времени подготовки и цензурского чтения четвертого номера “Москвитянина” (см. с. 617 наст. изд.). Разрешительный билет на выпуск в свет четвертого номера “Москвитянина” был выдан Крыловым между 21 марта и 11 апреля 1841 г. (*ЦИАМ*. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 159. Л. 29 об.). В пятом и шестом номерах “Москвитянина” были напечатаны материалы, вложенные Гоголем в письмо С.Т. Аксакову: в пятом номере сцена Хлестакова с Растаковским — под заглавием “Сцена” (*Москв.* 1841. Ч. III. № 5. Раздел “Изящная словесность”, подраздел “Проза”, подпись “Гоголь”, цензурное разрешение от 7 апреля 1841 г., цензор Н.И.Крылов; разрешительный билет на выпуск в свет пятого номера выдан Крыловым между 23 апреля и 2 мая — *ЦИАМ*. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 159. Л. 38); в шестом номере “Отрывок из письма...” под названием: «Ревизор, комедия в 5 действиях, Н. Гоголя. Издание 2. Москва. В тип. Н. Степанова. 1841. В 8-ку (Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору)» — *Москв.* 1841. Ч. III. № 6. С. 483— 489, раздел “Критика”; цензурное разрешение от 31 мая 1841 г., цензор Н.И. Крылов; разрешительный билет на выпуск в свет шестого номера выдан Крыловым между 29 мая и 6 июня (*ЦИАМ*. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 159. Л. 55). 1 июня 1841 г. Погодин записывает в дневнике: “К Крылову за подписью. От него в типографию. Кажется, номер вы(й)дет” (*ОР РГБ*. Ф. 231. Разд. I. К. 33. Ед. хр. 1. М.П. Погодин. Дневник. 1840—1845 гг. Л. 43). “Московские ведомости” сообщали, что пятая книжка будет выдаваться подписчикам 1 мая (*МВед.* 1841. 30 апреля. № 35. С. 266; в приведенном здесь же содержании книжки в разделе “Изящная словесность”, “Проза”, фигурирует “Сцена Гоголя”), а шестая — 2 июня (*МВед.* 1841. 31 мая. № 44. С. 334; в опубликованном здесь содержании книжки в разделе “Критика” упомянуто “Письмо Гоголя о Ревизоре”). Почти одновременно вышел журнал “Репертуар русского театра” с перепечатанным из “Москвитянина” текстом “Отрывка из письма...” (*РРТ*. 1841. Кн. 6. Июнь. “Мозаика”. С. 33—36. “Отрывок из письма, писанного автором комедии Ревизор вскоре после первого представления ее, к одному литератору”. На с. 33 редакционное примечание: “Из журнала *Москвитянин*”).

Выход в свет второго издания несколько затягивался. 8 апреля Погодин записал в дневнике: “Ксенофонт Полевой покупает все экз(емпляры)

Ревизора и дает по 4 р., но в сроки. Привез наконец деньги. Толковали о книжной торговле" (*ОР РГБ*. Ф. 231. Разд. I. К. 33. Ед. хр. 1. М.П. Погодин. Дневник. 1840—1845 гг. Л. 34). 17 апреля Погодин записывает: "Отнял несколько времени Полевой, которому не мог отказать о Ревизоре, хотя это мне и не очень выгодно" (там же, л. 36 об.). В письме от 3(15) мая 1841 г. Гоголь благодарил Погодина за присланные две тысячи и выражал надежду на то, что высланы и остальные две. 25 мая 1841 г. Погодин записал в дневнике: "Письмо от Гоголя, который ждет денег, а мне не хотелось бы посылать" (*ОР РГБ*. Ф. 231. Разд. I. К. 33. Ед. хр. 1. М.П. Погодин. Дневник. 1840—1845 гг. Л. 42; *Барсуков*. Кн. 6. С. 231).

Второе издание "Ревизора" было разрешено цензурой 26 июля 1841 г., цензор — И. Снегирев. Разрешительный билет на выпуск в свет был выдан Снегиревым не позднее 1 августа 1841 г. (*ЦИАМ*. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 161. Л. 2 об.). Вероятно, именно второе издание "Ревизора" имеет в виду Снегирев, говоря о том, что 6 ноября 1841 г. (у М.П. Погодина) Гоголь подарил ему "свою комедию с надписанием" (*Дневник Ивана Михайловича Снегирева*. Т. 1: 1822—1852. М., 1904. С. 309).

22 сентября 1841 г. в Московский цензурный комитет поступило от Логинова объявление о продаже книг, в том числе "Ревизора" Гоголя, цензурное разрешение последовало в тот же день (*ЦИАМ*. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 201 об.—202).

Сообщения о выходе в свет второго издания "Ревизора" появились в периодических изданиях: *Москв.* 1841. Ч. I. № 2. "Смесь". "Литературные новости". С. 616. Цензурное разрешение номера — 31 января 1841 г. («К "Ревизору" прибавлено несколько новых сцен, другие исправлены, и он выйдет вскоре вторым изданием»); *ОЗ*. 1841. Т. XVIII. № 9. Отд. VI. С. 5. Цензурное разрешение — 30 августа 1841 г. (поздравление публики с "прекрасным подарком", уведомление о "вновь написанных сценах" и приложениях к тексту); *БдЧ*. 1841. Т. 49. Отд. VI. С. 41 (цензурное разрешение — 31 октября 1841 г.).

Второе издание "Ревизора" вышло в Москве, в типографии Николая Степанова, под следующим названием: "Ревизор, комедия в пяти действиях, соч. Н. Гоголя. Издание второе исправленное с приложениями". На обороте титульного листа указано: "Печатано с издания 1836 года, с исправлениями". Издание содержит текст комедии с дополнениями и исправлениями, присланными Гоголем, и раздел "Приложения", включающий: "Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления Ревизора к одному литератору", "Две сцены, выключенные, и при первом издании, как замедлявшие течение пьесы", "Начало IV действия по первому изданию, до сцены Хлестакова с Земленикою" (т.е. явления I—III), "Монолог Хлестакова на 123 с. первого издания" (т.е. явление VI без заключительной реплики Осипа), статью "Характеры и костюмы. Замечания для гг. Актеров". Об остальных исправлениях (относятся к VI и VII явлениям) сказано: "Прочие мелкие исправления (с. 116, 120, 121) пер-

вого издания здесь не отмечаются” (Р41, с. 226). Разумеется, что в сам текст VI и VII явлений исправления были внесены.

Желание Гоголя, как видно, не было выполнено. Он просил (в письме к С.Т. Аксакову от 5(17) марта 1841 г.) исключить статью “Характеры и костюмы” и ни словом не обмолвился о публикации тех явлений из первого издания, которые были переделаны или заменены другими во втором.

Реализация книги не принесла М.П.Погодину ожидаемого успеха — в 1846 г. он писал С.П. Шевыреву (узнав о намерении Гоголя печатать “Ревизора” четвертым и пятым изданиями — см. с. 841 наст. изд.): “Ревизора он хочет печатать, но он позабыл, что получил от меня, кажется, две тысячи пятьсот рублей или две тысячи за издание, и что это издание осталось у меня все в кладовой, потому что он тогда же выдал полное собрание!” (Барсуков. Кн. 8. С. 327—328).

Выход в свет второго издания “Ревизора” (как “капитального произведения русской поэзии”) был отмечен в годовом литературном обзоре Белинского за 1841 г. (⟨Белинский В.Г.⟩ Русская литература в 1841 году // ОЗ. 1842. Т. 20. № 1. Отд. V. С. 45; Белинский. Т. V. С. 580). Здесь же критик отнес опубликованные в “Москвитянине” «Сцены к “Ревизору”» и «Письмо о первом представлении “Ревизора”» к числу “превосходных оригинальных статей (...) в прозе” (там же, с. 575). С появлением второго издания комедии была связана статья о “Ревизоре” Н.А. Полевого (см. с. 683 наст. изд.).

Рукописные источники переработанных для второго издания явлений и фрагментов сохранились не полностью. Мы располагаем тремя черновыми набросками к явлениям I, III и VI, написанными на одном листе (ЧН5 — ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 47. Л. 103), и черновым автографом II и начала III явлений на листе почтовой бумаги (Ч42 — ОР РНБ. Ф. 199. Ед. хр. 4. Л. 55 — подробнее об этих источниках см. с. 547 наст. изд.). Полный черновой автограф нового текста I—V явлений и дополнений к VI—VIII явлениям не сохранился. Очевидно лишь, что в процессе переработки начала IV действия Гоголь пользовался текстом первого издания как основой — на уцелевшем корешке одного из листов (с. 109—110 печатного текста), вырезанных из авторского экземпляра “Ревизора” (АР36 — см. описание источников), видны написанные карандашом буквы. Если считать признание Гоголя в “Отрывке из письма...” достоверным («Возвратившись домой (с премьеры “Ревизора”), я тот же час принялся за переделку» — см. с. 92 наст. изд.), эту карандашную правку следует отнести к апрелю 1836 г. (хотя нельзя исключить, конечно, что и в апреле 1836 г. Гоголь мог работать с другим текстом или просто делать наброски на отдельных листах). С несохранившегося чернового автографа I—V явлений В.А. Пановым была снята копия. В академическом издании говорится, что Панов писал текст под диктовку Гоголя (Ак. Т. IV. С. 533). Это вполне возможно, но все же не исключено, что Панов переписывал текст. Копия написана Пановым на листах (два двойных и два одинарных), вклеенных и вшитых в авторский

экземпляр первого издания “Ревизора” с необрезанными полями вместо вырезанных из него страниц 109-114, содержащих явления I—III действия IV (АКЗ — ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 47. Л. 61—66 об.). Конец III явления, находящийся на странице 115 издания 1836 г. (л. 67 архивной пагинации), зачеркнут карандашом. В переписанный Пановым текст I—V явлений Гоголь внес чернильную правку и ниже своей рукой указал, какие исправления необходимо внести в VI и VII явления. Он также пометил, что текст явления VIII должен быть заменен другим и оставил свободное место, но самого текста не написал. С выправленного Гоголем текста снова была снята копия для отправки в Москву (АК4). Копия сделана рукой неустановленного лица на бумаге со штемпелем: “ВАТН” (на такой же бумаге рукой Панова сделаны копии “Отрывка из письма..” и “Двух сцен...”). Между текстом АКЗ и текстом АК4 есть небольшие разночтения: в окончаниях слов, в порядке слов, некоторые слова пропущены. В четырех случаях имеют место следующие несовпадения:

С. 437, строка 15

не то что, чтобы (АК4) / не то, чтобы (АКЗ)

С. 438, строка 13

вывози же, святая мать (АК4) / вывози, пресвятая мать (АКЗ)

С. 439, строка 15

не правда ли (АК4) / не так ли (АКЗ)

С. 440, строка 17

от испуга (АК4) / от страха (АКЗ)

Возможно, между АКЗ и АК4 имелся промежуточный источник, хотя не исключено, что и текст АК4 написан под диктовку.

Снятую копию Гоголь прочел, в двух случаях вписал очевидные пропуски, внес ряд исправлений и своей рукой написал новый текст явления VIII (который, как отмечалось, в АКЗ отсутствовал). На копии имеются две пометы. Первая, на л. 65, рукой М.П. Погодина: “в смесь, но щидеро, как комедию” (о ней уже говорилось выше); вторая, на л. 67 об.: рукой неустановленного лица, под последней фразой явления V проведена черта и написано “до сих пор” (помета носит явно технический характер: отчеркнут текст I—V явлений для набора, текст под чертой содержит перечень исправлений для VI и VII явлений и текст явления VIII).

В академическом издании указано, что копия, снятая с АКЗ и отправленная в Москву Погодину, была им переписана, затем возвращена Гоголю в Рим для исправления и снова выслана Погодину незадолго до 5 марта (Ак. Т. IV. С. 534). Эти рассуждения ошибочны: АК4 написана не рукой Погодина, а рукой неустановленного лица, кроме того, — на такой же бумаге, что и переписанные Пановым “Две сцены...” и “Отрывок из письма”, т.е. выполнена, без сомнений, в Риме.

АК4 послужила источником публикации в “Москвитяине”, а затем и во втором издании “Ревизора”. При подготовке обеих публикаций в текст вкралась опечатка, кроме того, был сделан целый ряд исправлений. Текст

АК4 отличается от текста в “Москвитянин” в двенадцати случаях, от текста в *Р41* — в тридцати трех (не считая орфографических и пунктуационных расхождений). Характер разночтений разный. Имеют место пропуски слов, изменение грамматических форм слов, инверсии, в отдельных случаях — замена слов. Публикация в “Москвитянин” содержит восемь купюр. В двух случаях исключены нелестные упоминания о государственных лицах (с. 528—529, строки 29, 3), исключены слова об измене государю (с. 529, строка 5), исключена фраза, намекающая на взяточничество в благоустроенном обществе (с. 529, строка 24), исключены слова о собаках и сотворении мира (с. 529, строки 43—44), исключены фривольные рассуждения Хлестакова об Анне Андреевне (с. 530, строки 42—43), исключен текст с непочтительным упоминанием об орденах (с. 531, строки 10—12), исключены слова “вывози же, святая мать” (с. 531, строки 28—29). В *Р41* последняя купюра сохранена, одна купюра (об орденах) восстановлена не полностью, остальные восстановлены целиком. Судя по всему, купюры были сделаны цензором Н.И. Крыловым (или по его требованию), что подтверждается письмом Крылова Погодину без даты: “Спасибо Вам, добрый Михайло Петрович, за ваше православное послушание. Теперь пересмотрел журнал ваш и нашел не только все мои отметки исполненными, но кроме их еще много ваших, и дельных. Спасибо особенно за вчерашнюю мою неосторожность. Читаю с Коршем Гоголя и останавливаюсь на словах: *вы не только о собаках, но и сотворении мира*. Думаю, зачеркнул ли я это место. Ну давай писать к Степанову и просить его о снисхождении. Сегодня гляжу — все сделано. Я теперь сбился в своем *принципе*: не знаю, откуда ждать грозы; и не гадаешь, где она постигнет. Так неопределенно ее движение” (*ЛН*, т. 58. С. 600).

В изданиях Н.Я. Прокоповича (*Соч.* 1842) и Н.П. Трушковского (*Соч.* 1855) текст I—V явлений второго издания “Ревизора” не печатался. Не печатался он и в издании П.А. Кулиша. Н.С. Тихонравов, располагавший текстом *АК4*, напечатал текст по *АК3* и *Р41*, не мотивируя выбор того или иного варианта в каждом конкретном случае (*Тих.* Т. 2. С. 329—336, 683—684). Н.И. Коробка напечатал текст по *Р41* с отдельными исправлениями по *АК3* (*Кор.* Т. V. С. 337—346). В *Ак.* текст напечатан по *АК4* с восемью исправлениями по другим источникам (*АК3*, *Р41*, *Москв.4*).

В настоящем издании текст I—V явлений, отдельные изменения, внесенные в VI—VII явления, текст явления VIII печатаются в разделе “Другие редакции” по *АК4* — как последнему источнику, авторизованному Гоголем, со следующими исправлениями:

С. 438, строка 13: вывози, пресвятая мать — *вместо*: вывози же, святая мать (по *АК3*, где сначала рукой Панова было написано “вывози, святая мать”, затем рукой Гоголя “святая” переправлено на “пресвятая”; приставка “пре”, приписанная очень неразборчиво, при изготовлении *АК4* вполне могла быть прочитана как “же”).

С. 439, строки 18—19: покажусь (странным) в этом отношении — *вместо*: покажусь в этом отношении (по АКЗ, где слово “странным” было в процессе правки едва заметно зачеркнуто — скорее всего, по ошибке; в АК4, Москв.4, Р41 не вошло).

Как уже отмечалось, Гоголь, при подготовке второго издания “Ревизора” дополнил и исправил лишь явления I—VIII действия IV. Однако редакторская и корректорская правка (первая, судя по всему, принадлежит Погодину) была внесена и в текст других действий. Подавляющее большинство исправлений касается орфографии и пунктуации. Их очень много. Это объясняется тем, что текст первого издания имел немало грамматических погрешностей. Орфографические и пунктуационные исправления в настоящем издании не отмечаются. Исправлений стилистического характера во втором издании гораздо меньше — они приводятся в соответствующем разделе вариантов.

Окончательная редакция “Ревизора” (для четвертого тома Сочинений 1842 г.) была написана на основе текста первого издания комедии (СПб., 1836) — Гоголь воспользовался имевшимся у него экземпляром с широкими (необрезанными) полями, внося в него значительную по содержанию и объему (преимущественно карандашную) правку (источник *АРЗБ*; сохранился еще один подобный экземпляр — с необрезанными полями, в картонном переплете, обтянутом синеватой материей, но без авторской правки, — РГБ. Музей книги. XII.А.7/4). Страницы 109—114 с текстом явлений I—III действия четвертого из книги вырезаны и заменены шестью вклеенными ишитыми рукописными листами (л. 61—66 архивной пагинации), начало с. 115 (конец явления III в редакции 1836 г. — л. 67) зачеркнуто. Вклеенные листы содержат копию явлений I—V действия четвертого (рукой В.А. Панова) в редакции второго издания с двухслойной чернильной и карандашной правкой Гоголя. Первый слой правки (чернила), а также мелкие исправления явлений VI и VII действия четвертого относятся к 1841 г. — времени подготовки второго издания “Ревизора” (см. свод вариантов к тексту явлений I—V в редакции второго издания и соответствующий этому изданию раздел комментария), второй слой (чернила и карандаш) связан уже с работой над окончательной редакцией комедии в 1842 г. Нумерация явлений четвертого действия, нарушенная в связи с заменой трех явлений пятью, в *АРЗБ* не изменена (т.е. за первыми пятью явлениями следует четвертое и т.д.). Указанный источник поступил в Московский Публичный музей (ныне РГБ) в составе бумаг А.А. Иванова — по завещанию его брата, С.А. Иванова, скончавшегося в 1877 г. (Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1879—1882 г. I. Отделение рукописей и славянских старопечатных книг. М., 1884. С. 43, 48).

О первоначальных этапах работы Гоголя над окончательной редакцией (предваряющих исправления в *АРЗБ*) можно судить лишь предположительно. Н.С. Тихонравов полагал, что правке в *АРЗБ* предшествовала от-

делка соответствующих фрагментов текста на отдельных листах (Р86. С. XXXVII; Тих. Т. 2. С. 656). Это вполне вероятно, хотя документально не подтверждено. Очевидно другое — то, что стадия черновой работы над окончательной редакцией “Ревизора” нашла отражение в описанном выше авторском экземпляре первого издания (АР36). На это обратил внимание В.В. Гиппиус, указавший, что беловая правка внесена поверх стертой черновой правки или рядом с ней (Ак. Т. IV. С. 536). Он же отметил, что в ряде случаев (насколько можно судить по уцелевшим, едва читаемым фрагментам стертого текста) беловые варианты отличаются от черновых (там же). Черновая правка, стертая Гоголем (возможно, и другим лицом), почти не поддается прочтению. Ее удастся разобрать лишь в отдельных случаях, чаще — не весь текст (иногда — это законченный вариант, иногда — набросок), а только отдельные фрагменты. Имеет место и процесс “угасания” стертой правки, в настоящее время во многих случаях уже практически невозможно разобрать слова, прочтенные прежними издателями рукописей Гоголя, в частности издателями академического собрания сочинений.

Беловой текст, что неоднократно отмечалось (Р86. С. XXXVII; Ак. Т. IV. С. 536), вписан ясным, разборчивым почерком. Однако в ряде случаев встречаются исключения: некоторые исправления носят сложный, многослойный характер, правка отдельных фрагментов не завершена или не оформлена графически (когда не зачеркнуты или не полностью зачеркнуты отвергнутые варианты), нередко недостаточно четко обозначено место вставки нового текста, отдельные слова очень слабо (неявно) зачеркнуты или полустерты, что оставляет возможность для вариативных прочтений, обуславливая широкий спектр разночтений в публикациях “Ревизора”.

На основе известных к настоящему времени материалов точная датировка работы Гоголя над АР36 не представляется возможной. Очевидны лишь допустимые хронологические рамки этой работы — по завершении подготовки второго издания “Ревизора” в 1841 г. и до отъезда из Петербурга за границу в 1842 г., т. е. вторая половина 1841 — май 1842 г.

Текст первого издания выправлен Гоголем неравномерно. Отдельные фрагменты и явления сохранили свой первоначальный вид, т.е. вошли в окончательный текст в редакции 1836 г. К ним относятся: перечень действующих лиц; явление V действия первого; явления I, IV, IX действия второго; явления I, III, VIII, X, XI действия третьего; явления III, IV, VI действия пятого. Небольшие исправления (связанные с переработкой и стилистической отделкой отдельных реплик) были внесены в явления IV, VI действия первого; явления II и VI действия второго; явления II, IV, V действия третьего; явления IX, X, XII, XV, XVI действия четвертого; явления I, II, V, VII действия пятого. Текст остальных явлений был выправлен достаточно существенно, а иногда и написан заново. Таких явлений двадцать четыре: явления I—III действия первого; явления III, V, VII, VIII, X действия второго; явления VI, VII, IX действия третьего; явления I—VIII, XI,

XIII, XIV действия четвертого; явления VIII и последнее действия пятого. Таким образом, из 52 явлений “Ревизора” 12 не были переделаны вовсе, 16 — незначительно и 24 (чуть меньше половины) очень существенно.

В группу явлений, подвергшихся кардинальной правке, вошли все явления-монологи Хлестакова (III, V, VII из действия второго; II и VIII из действия четвертого), а также следующие: явления I—III действия первого (завязка событий); явления VIII, X действия второго (диалоги Хлестакова с Городничим в гостинице при первом знакомстве); явление VI действия третьего (сцена вранья); явление VII и IX действия третьего (впечатление, произведенное Хлестаковым на жителей города, в том числе на Городничего); явление I действия четвертого (заговор с целью подкупа Хлестакова); явления III—VII, XI того же действия (серия визитов к Хлестакову жителей города); явления XIII и XIV действия четвертого (объяснения Хлестакова с женой и дочерью Городничего); явления VIII и последнее действия пятого (разоблачение Хлестакова, чтение его письма Тряпичкину, известие о прибытии настоящего ревизора, Немая сцена).

В сюжетно-композиционном отношении текст “Ревизора” не претерпел почти никаких изменений. Исключение составляют лишь сцена сватовства Хлестакова в четвертом действии и финал комедии. Если в редакции первого издания Хлестаков объясняется в любви Марье Антоновне (в явлении “Хлестаков и Марья Антоновна”) и затем просит ее руки у Анны Андреевны (в явлении “Те же и Анна Андреевна”), то в редакции 1842 г., объяснившись с Марьей Антоновной (в одноименном, не претерпевшем изменений явлении), он тут же признается в любви вошедшей Анне Андреевне, прося ее руки (в одноименном, но написанном заново явлении), а уже потом, при появлении Марьи Антоновны, снова обращается к ней, прося при этом у матери благословения (в новом, появившемся только в редакции 1842 г. явлении “Те же и Марья Антоновна”). “Удвоение” сцены сватовства подчеркнуто параллелизмом реакций матери и дочери — в первых же репликах явлений XIII и XIV: “А н н а А н д р е в н а (увидев Хлестакова на коленях). Ах, какой пассаж!” (явление XIII); “М а р ь я А н т о н о в н а. (...) (Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.) Ах, какой пассаж!” (явление XIV).

Финальная Немая сцена впервые была описана детально только в редакции 1842 г. Источник *АРЗб* запечатлел несколько стадий работы Гоголя над этой новой, заключительной, частью текста. Последний же вариант (написанный в связи с тем, что переписчик не сумел разобрать текста сцены в *АРЗб*) содержится в письме Гоголя Прокоповичу от 15(27) июля 1842 г.

Дополнения и вставки — достаточно редкое явление в работе Гоголя над окончательным текстом комедии. Напротив — он неуклонно стремился к сокращению текста, исключая слова, фразы, отдельные реплики и целые фрагменты. Опуская “побочные”, “необязательные” темы и мотивы, пространственные рассуждения, он добивался лаконизма и максимальной динамизации речи и действия. Эта тенденция дала о себе знать уже в отделке первой репли-

ки комедии. Первая фраза осталась неизменной, вторая же, в редакции первого издания достаточно длинная, неспешная (“Меня уведомляют, что отправился инкогнито из Петербурга чиновник с секретным предписанием обрeвизовать в нашей Губернии все относящееся по части Гражданского Управления”), заменена коротким, ошеломляющим сообщением (“К нам едет ревизор”), в котором резко усилены все акценты (вместо “уведомляют”, “отправился” — “едет”; вместо “в нашей Губернии” — “к нам”; вместо “с секретным предписанием (...) Управления” — “ревизор”). Дополнительная информация о “ревизоре” (“...из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием”) перенесена в следующую реплику Городничего. К такому способу — разбивке достаточно длинных реплик другими — Гоголь нередко прибегает в процессе работы над окончательной редакцией комедии.

Значительная часть правки в *АРЗб* связана с тщательной стилистической отделкой текста. В наибольшей степени это касается реплик и монологов Хлестакова, затем (по убывающей): Городничего, чиновников и помещиков, Анны Андреевны, купцов, Марьи Антоновны, слуги в гостинице, Мишки, Осипа, Коробкина и его жены, гости.

Характерно, что Гоголь лишь в одном случае вернулся к тексту, исключенному в 1836 г. цензором драматических сочинений: в реплике Городничего (в явлении III действия первого) он восстановил упоминание о “святых угодниках” (см. с. 18, 575 наст. изд.).

Состав действующих лиц претерпевает лишь одно, но весьма существенное изменение — Гоголь вновь вводит в пьесу “высеченную унтер-офицерскую жену” (явление XI действия четвертого). Сцена с “унтер-офицершей” была исключена из комедии на стадии подготовки сценического текста 1836 г. Сама “история” этого персонажа существенно меняется. Во второй редакции унтер-офицерша “понесла наказание” непосредственно от Городничего (“больно отрапортовал меня кругом” — с. 314 наст. изд.) за то, что вместо его дочки сосватала за офицера дочку купца. В окончательной же редакции унтер-офицерша схвачена полицейскими (вместо подравшихся на рынке баб) и наказана ими же (“Да так отрапортовали...” — с. 63 наст. изд.).

В ходе подготовки окончательного текста были существенно уточнены и скорректированы психологические характеристики некоторых персонажей — в основном в негативную сторону. В наибольшей степени эта коррекция коснулась Хлестакова и Городничего. Усиливается резкость ответных реплик и оценок Хлестакова: в общении с Осипом (“скотина” — с. 25 наст. изд.), в отзыве о канцелярских служащих (“...а там уж чиновник для письма, эдакая крыса, пером только...” — с. 42 наст. изд.; в редакции первого издания было: “...а там уж чиновник для письма сию минуту пером...” — с. 396 наст. изд.) и даже о собственном отце (“...я бы послал его самого потолкаться в канцелярию”, “...мой отец упрям и глуп, старой хрен, как бревно” — с. 31, 32 наст. изд.). В окончательном тексте Хлестаков предстает более резким и при первой встрече с Городничим. В редакции первого изда-

ния в ответ на предложение Городничего переехать на другую квартиру Хлестаков говорит: “Зачем же меня... Вы не имеете права... Я покажу вам подорожную... Я чиновник, еду в собственную мою деревню в Саратовскую губернию, служу по Министерству... Вы не смеете... я буду жаловаться” (с. 383 наст. изд.). В окончательной редакции ответ Хлестакова изменен: “Да какое вы имеете право. Да как вы смеете?.. Да вот я... Я служу в Петербурге. (Бодрится.) Я, я, я...” (с. 29 наст. изд.). Характерна и замена ремарки в следующей реплике Хлестакова: в редакции первого издания: “берет сзади рукою бутылку” (с. 383 наст. изд.); в редакции 1842 г.: “Стучит кулаком по столу” (с. 29 наст. изд.; отличия окончательного текста от редакции 1836 г. подробно рассмотрены в статье: *Шенрок В.И.* Комедии Гоголя в отзывах критики и на сцене // *Артист.* 1894. № 39. С. 23–28; см. также: *Шенрок.* Т. 3. С. 466–478). Речь Хлестакова становится все более развязной: “Дайте, дайте мне займы” (с. 30 наст. изд.) — вместо: “Так вы даете мне в займы?” (редакция первого издания — с. 384 наст. изд.); “Я совсем объелся”, “Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия” (с. 39 наст. изд.); “Провались унтер-офицера. Мне не до нее” (с. 68 наст. изд.); “Я могу от любви свихнуть с ума” (с. 68 наст. изд.; в редакции первого издания: “Если вы не согласитесь, то сделаете меня несчастным человеком” — с. 417 наст. изд.); “...хорошо бы, черт побери, приехать домой в карете. Подкатить эдаким чертом...” (с. 26 наст. изд.; в редакции первого издания: “...хорошо бы приехать домой в карете. Очень бы недурно подкатить...” — с. 380 наст. изд.).

В окончательной редакции Хлестаков предстает еще более безудержным лжецом, что, конечно, особенно заметно в “сцене вранья” (явление VI действия третьего): появление Хлестакова на службе вызывает “просто землетрясение — все дрожит, трясется, как лист” (с. 45 наст. изд.; в редакции первого издания: “все вот так трясутся” — с. 398 наст. изд.); Хлестаков не просто “присутствует” в Государственном Совете (редакция первого издания — с. 398 наст. изд.), а нагоняет там страх (“Меня сам государственный совет боится” — с. 45 наст. изд.) и т.д.

Характер Городничего в процессе правки текста первого издания приобретает (при сохранении некоторого благодушия) более грубые, резкие черты. Наиболее ярко это раскрывается в финале комедии, в последнем монологе Городничего. В редакции первого издания этот монолог, небольшой по объему, проникнутый досадой (что отмечено соответствующей ремаркой), можно расценить как достаточно сдержанную реакцию человека, попавшего в щекотливое положение. Для окончательной редакции монолог написан заново. Гоголь изображает разъяренного собственной слепотой и собственным бессилием человека. Вместо ремарки “с досадою” появляются совсем иные: “в сердцах”, “В испугении”, “Грозит самому себе кулаком”, “Стучит со злости ногами об пол”, “Сует кулаком и бьет каблуком в пол”. Характерно, что подобная реакция связана не только с тем, что Городничий осознает себя одураченным, но и с боязнью превратиться в объект насме-

шек (“пойдешь в посмешище” — с. 83 наст. изд.) и, что особенно бесит Городничего, — попасть в комедию (“найдется щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно: чина, званья не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши” — с. 83 наст. изд.). Здесь же появляются знаменитые слова: “Чему смеетесь? над собою смеетесь!..” (с. 83 наст. изд.) — и злобная инвектива в адрес литераторов: “Я бы всех этих бумагомарака! у! щелкоперы, либералы проклятые! чертово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех...” — с. 83—85 наст. изд.). И откровенное указание на объект смеха (“над собою смеетесь”), и обыгрывание в самом тексте комедии старых, послепремьерных претензий к автору “Ревизора” — все это говорит о том, что Гоголь вновь возвращается к ситуации 1836 г., воспринимая ее не так болезненно, более отстраненно.

Дополнительные психологические штрихи внесены Гоголем и в характеристики других действующих лиц. Так, например, в речи Добчинского и Бобчинского усиливаются черты подобострастия — добавлением словосочетаний. В Землянике еще более резко выявляются изворотливость и двуличие: в окончательной редакции именно от него исходит инициатива подкупа Хлестакова (в редакции второго издания она исходила от Судьи); Земляника громко рассуждает о заслугах Городничего, а говоря в сторону, тут же именуется его свиньей (с. 77 наст. изд.). Вносятся новые оттенки и в портрет Судьи: в финале явления III действия первого Аммос Федорович дает разоблачительную характеристику собственной судебной деятельности (вообще роль саморазоблачений в тексте “Ревизора” существенно возрастает). Судя по всему, к “Ревизору” в полной мере может быть отнесено признание Гоголя в письме С.П. Шевыреву от 16(28) февраля 1843 г.: “...никто не знал, для чего я производил переделки моих прежних пьес, тогда как я производил их, основываясь на разуменье самого себя, на устройстве головы своей. Я видел, что на этом одном я мог только навывкнуться, производить плотное создание, сущное, твердое, освобожденное от излишеств и неумеренности, вполне ясное и совершенное в высокой трезвости духа”.

При подготовке текста комедии для четвертого тома Сочинений 1842 г. наборная копия была снята с *АРЗ6* — источника, достаточно непростого для переписчика. О существовании этой копии (вероятно, утраченной) известно из письма Гоголя Прокоповичу от 15(27) июля 1842 г. из Гастейна: «Еще: я совсем позабыл, что “Ревизор” без конца. Писец не разобрал примечания об немой сцене и оставил чистое место. Вот конец». По всей вероятности, копия была снята в Москве или в Петербурге (до отъезда Гоголя за границу 5 июня 1842 г. — см., в частности, письмо Н.Я. Прокоповича Шевыреву от 6 июня 1842 г. — *ЛН*, т. 58. С. 626). Этой дате отчасти противоречит запись о представлении тома драматических сочинений Гоголя в санкт-петербургскую цензуру: порядковый номер — 221; время вступления — 9 июня; “Заглавие книги или рукописи, имя сочинителя, переводчика или издателя” — “Драматические сочинения Н. Гоголя. Том 4”

(на следующей строке в этой же графе помечено: “драм.: 104”); число страниц — 304; “От кого представлена” — “от Гоголя”, отдана цензуре — 9 июня, одобрена 30 сентября А.В. Никитенко, дата обратной выдачи — 30 сентября, расписка получившего — “Получил Прокопович” (“Реестр рукописей и печатных книг 1842-го года” — РГИА. Ф. 777. Оп. 27. Ед. хр. 206. Л. 19об.—20). Из этой записи как будто бы следует, что 9 июня Гоголь представил драматические сочинения в цензуру сам (в противном случае могла быть указана фамилия лица, доставившего материалы в цензуру), следовательно, еще находился в Петербурге. Тем не менее очевидно, что рукопись была представлена в цензуру не Гоголем, а каким-то другим лицом (возможно, Прокоповичем), а в “Реестре” была зафиксирована фамилия автора, а не лица, доставившего том. Заметим, кстати, что одобренные к печати первый и второй тома Сочинений были выданы обратно 5 июня, но получил их не Гоголь (именно в этот день покидавший Петербург), а Никитенко (там же, л. 18об.—19).

15 сентября 1842 г. четвертый том сочинений Гоголя зарегистрирован в указанном реестре повторно (как поступивший от издателя, порядковый номер 326, число страниц 292 — там же, л. 27об.—28), однако дата разрешения этого тома и все сопутствующие этому пометы внесены только в приведенную выше первую регистрационную запись (под № 221 от 9 июня). По всей вероятности, и уточнение первой записи (драм.: 104), и повторная регистрация свидетельствуют о том, что четвертый том (драматические сочинения) представлялся в цензуру не целиком, а поэтапно. “Расшифровать” эти записи (т.е. установить, в каком порядке были представлены тексты) при отсутствии наборных копий практически невозможно. Очевидно лишь, что в последнюю очередь в цензуру были представлены “Игроки” и “Театральный разъезд”, высланные Гоголем из-за границы соответственно 29 августа (10 сентября) 1842 г. из Гастейна и 10(22) октября 1842 г. из Рима (см. письма Гоголя Н.Я. Прокоповичу от указанных чисел).

Как уже отмечалось выше, 15(27) июля 1842 г. Гоголь послал Прокоповичу письмо, содержащее окончательную редакцию Немой сцены “Ревизора” (текст см.: наст. изд., с. 86, строки 9—28) — при снятии копии с *АРЗб* эта сцена не была разобрана переписчиком. В этом же письме Гоголь просил сделать прибавление к тексту вводного раздела (связанное с Немой сценой): «Еще к статье “Характеры и костюмы”, которая предшествует комедии, нужно прибавить на конце следующее» (текст см.: наст. изд., с. 9, строки 16—21).

Помимо этого письма, до настоящего времени не обнаружено никаких документов (корректур, эпистолярных или иных свидетельств), подтверждающих или опровергающих факт участия Гоголя в работе над “Ревизором” после снятия копии с *АРЗб*. Сверка же текста *АРЗб* с текстом “Ревизора” в четвертом томе Сочинений 1842 г. позволяет судить о причастности Гоголя к этой работе лишь предположительно. Результаты сверки дают возможность сделать следующие выводы:

1. В процессе снятия копии с *АРЗб* были допущены многочисленные ошибки, неточности, пропуски, неверные прочтения, что в большинстве случаев объясняется самим характером оригинала (нечеткие написания, небрежные исправления и пр.). К “Ревизору” в очень большой степени можно отнести сетования Прокоповича в письме С.П. Шевыреву от 6 августа 1842 г.: “Беда мне (...) с рукописными сочинениями: в них чего не разобрал и пропустил переписчик, так приятель наш и оставил, а я должен пополнять по догадкам” (Н.В. Гоголь в письмах и воспоминаниях / Составил В. Гиппиус. М., 1931. С. 249). Наиболее яркие примеры неточных или спорных прочтений встречаются в тех местах, где мы имеем дело с определенно незавершенной правкой (когда нижний слой отвергнут, а верхний не прописан до конца), с графически незавершенной правкой (когда первоначальный вариант текста заменен другим, но не зачеркнут или зачеркнут не полностью), с неявной правкой (когда вычерк сделан едва заметно и потому неясно, имеем ли мы дело с “угасшим” карандашом или же стертый самим автором).

2. В отдельных случаях (см., в частности, варианты к с. 68–69, строки 38–1; к с. 69, строки 6, 10) правка, внесенная в *АРЗб*, в *Соч. 1842* не учтена. Возможно, это объясняется простым недосмотром переписчика, хотя не исключено, что правка была внесена в *АРЗб* уже после изготовления наборной копии.

3. Дефекты наборной копии не были устранены. Это свидетельствует, во-первых, о том, что Гоголь либо вовсе не читал копии, либо читал ее выборочно, и, во-вторых, о том, что Прокопович при подготовке копии к набору и работе с корректурами не располагал текстом *АРЗб* (это подтверждает и цитированное выше письмо Прокоповича к Шевыреву от 6 августа 1842 г.).

4. В процессе подготовки издания 1842 г. в текст “Ревизора” было внесено более трехсот исправлений (не считая пунктуационной правки и многочисленных замен прописных букв на строчные). Допуская возможность снятия копии с *АРЗб* во время пребывания Гоголя в Москве или в Петербурге, мы должны допустить и возможность правки им этой копии. Однако и сам характер внесенных в текст исправлений, выдержанных в духе грамматического и стилистического регламента, и отсутствие каких-либо материалов, подтверждающих принадлежность этих исправлений автору, позволяют в целом расценить правку как чисто редакторскую и корректорскую, не принадлежащую Гоголю. Обширный свод рукописных и авторизованных текстов “Ревизора” позволяет с достаточной степенью уверенности говорить о том, что и в случаях единичных вторжений в собственный текст, и в случаях фронтальной правки Гоголь почти никогда не касался грамматики, не вдавался в технические мелочи, не “выпрямлял” стилистических оборотов, отдавая все внимание творческой переработке комедии. Даже простая вставка пропущенного переписчиком текста оборачивалась созданием нового варианта того или иного фрагмента. Исправления, внесенные Прокоповичем, достаточно регулярны, последовательны и органично вписыва-

ются в общую систему правки, предпринятой в издании 1842 г.: правятся ошибочные с точки зрения редактора написания слов (особенно частые замены: -а на -у в окончаниях родительного падежа существительных мужского рода и -ье на -ие в существительных среднего рода); меняется род, число существительных, а также лицо, время и вид глаголов; устраниаются повторы, неблагозвучия; краткие формы имени и отчества заменяются полными (Антоныч на Антонович и пр.); написания типа “азиатский” меняются на “азиатский”; восстанавливается общепринятый, стилистически нейтральный порядок слов (определение переставляется в позицию перед определяемым словом; дополнение и обстоятельство, наоборот, в позицию после определяемого слова и т.д.), устраниаются “неприличествующие” печатному тексту обороты (черт возьми); колоритные, типичные для гоголевского стиля слова и выражения заменяются литературными (аглицкий — английский, напропало — напропалую, обсмотрел — осмотрел, платит — платит, склочена — склокочена, сурьезен — серьезен, отпускаешь — произносишь, разодмет — разопрет и т.д.).

5. Правка была внесена и в текст, содержащийся в письме Гоголя Прокоповичу от 15(27) июля 1842 г. (т.е. в заключительный абзац статьи “Характеры и костюмы” и в финальную Немую сцену комедии), что уже без всяких сомнений можно истолковать как самовольное вмешательство Прокоповича в окончательный авторский текст.

6. Безусловное исключение на общем фоне представляет финал “сцены вранья”, начиная со слов: “Один раз я даже управлял департаментом” — и до конца явления VI действия третьего (с. 44—45 наст. изд.). В этой части расхождения между текстами *АРЗБ* и издания 1842 г. столь существенны, что их можно объяснить лишь авторским вмешательством. Внесенная правка носит явно целенаправленный характер: хвастовству Хлестакова придается еще более неумеренные формы (здесь, в частности, появляется фраза о тридцати пяти тысячах курьеров, заявление о ежедневных поездках во дворец), в речи усиливаются элементы сбивчивости и сумбурности.

На каком этапе и в какой форме была внесена в *АРЗБ* эта правка, сказать трудно. Она может относиться и к периоду изготовления наборной копии (в этом случае Гоголь мог переписать текст еще до его копирования и вложить в книгу листок с новой редакцией фрагмента, мог он внести исправления и в уже сделанную копию), и к более позднему времени — в этом случае Гоголь должен был письменно уведомить о необходимой правке Прокоповича (таким способом в июне—ноябре 1842 г. были внесены исправления не только в текст “Ревизора”, о чем говорилось выше, но и в текст “Тараса Бульбы”, “Женитьбы”, “Игроков” — см. письма Гоголя Н.Я. Прокоповичу от 15(27) июля, 14(26) ноября 1842 г.).

7. Особое место в издании 1842 г. занимают также страницы, непосредственно предшествующие самому тексту: комедии предпослан эпиграф (в *АРЗБ* отсутствует); в списке действующих лиц опущены фамилии исполнителей (в *АРЗБ* указаны актеры, участвовавшие в премьерном спектакле),

в разделе “Характеры и костюмы” сняты имеющиеся в *АРЗ6* описания костюмов Бобчинского и Добчинского (“Оба в серых фраках ~ гарнизонном мундире” — с. 363 наст. изд.), Земляники (“Костюм его ~ почти захватывающим уши” — там же), описание гостей (“Г о с т и должны быть разнохарактерны ~ в виде сахарной головы и проч.” — там же), а также заключительный абзац (“Вообще следует обратить внимание ~ с его характером”). Все эти изменения, судя по всему, исходят от Гоголя, т.е. внесены в текст либо им самим, либо по его устной или письменной просьбе. Заметим, что костюмы артистов в премьерном спектакле Александринского театра вызвали резко негативную оценку Гоголя.

В “Отрывке из письма...”, включенном во второе издание “Ревизора”, он жаловался: “...костюмировка большей части пьесы была очень плоха и бессовестно карикатурна”. 10 мая 1836 г., в преддверии премьеры “Ревизора” в Малом театре, Гоголь писал М.С. Щепкину: “...не одевайте Бобчинского и Добчинского в том костюме, в каком они напечатаны. Это их одел Храповицкий. Я мало входил в эти мелочи и приказал напечатать по-театральному. Тот, который имеет светлые волосы, должен быть в темном фраке, а брюнет, т.е. Бобчинский, должен быть в светлом. Нижнее обоим — темные брюки. Вообще, чтобы не было фарсирован(ия)”. Существенно, что в разделе “Характеры и костюмы” (в издании 1842 г.) были опущены не все описания костюмов, а именно те, в которых наличествовал элемент “фарсирования”, “карикатурности”. Заключительный абзац статьи “Характеры и костюмы”, вероятно, был снят либо самим Гоголем, либо Прокоповичем — по получении гоголевского письма от 15(27) июля, где содержалась окончательная редакция финала статьи.

Подытоживая все эти факты, мы можем сказать, что в основу издания “Ревизора” 1842 г. была положена содержащая немало дефектов, невыверенная, т.е. не сверенная с оригиналом и не прочитанная автором (во всяком случае, не прочитанная сплошь) копия. В процессе подготовки издания 1842 г. в авторский текст, зафиксированный в *АРЗ6* и частично в письме Гоголя Прокоповичу от 15(27) июля 1842 г., была внесена существенная и во многом искажающая его редакторская правка. Эта правка, по-видимому, вносилась и в наборную копию, и в корректурные листы (в чтении корректур находившийся за границей Гоголь участия не принимал). Эти обстоятельства не позволяют рассматривать текст “Ревизора” в издании 1842 г. как авторизованный. Наличие нескольких, несомненно авторских, исправлений (эпиграф, статья “Характеры и костюмы”, “сцена вранья”), которые, судя по их локальности и целенаправленности, могли быть внесены не в саму наборную копию, а иным способом (на отдельном листе, в записке, в письме), не меняет оценки текста в издании 1842 г.

Нельзя признать авторизованным и следующее издание “Ревизора” — в четвертом томе Сочинений Гоголя 1855–1856 гг., поскольку в основу издания был положен дефектный текст собрания сочинений 1842 г. В этот дефектный текст была внесена правка, происхождение которой остается не

вполне ясным. По свидетельству Трушковского (принявшего издание под свою редакцию уже после смерти Гоголя, когда большая половина текста была отпечатана, — Сочинения Гоголя. Т. 5. М., 1856. С. 1), из четвертого тома при жизни Гоголя было напечатано семь листов (т.е. первые четыре действия, последнее без четырех заключительных реплик — там же), по свидетельству С.П. Шевырева — шесть (т.е. первые три действия и явления I—IX четвертого действия — *Шевырев С.П. Записка о печатании Сочинений покойного Н.В. Гоголя и о сумме денег, им на то оставленной // Памяти Гоголя: Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца. Киев. 1902. Отд. III. С. 61. Публикация В.А. Чаговца, записка датирована 7 мая 1852 г.*). Трушковский сообщил также, что Гоголь внес в отпечатанные листы первого—четвертого томов небольшие стилистические изменения (маловажные и немногочисленные) на стадии последней корректуры (Сочинения Гоголя. Т. 5. М., 1856. С. I—II). Однако конкретных сведений об этих изменениях у нас нет.

О корректуре самого “Ревизора” известно следующее. 1 февраля 1852 г. она была принесена в дом Аксаковых (какая ее часть, неясно) и затем вместе с запиской В.С. Аксаковой отослана Гоголю, который получил записку без корректуры, но уже 3 февраля успокоил В.С. Аксакову, объяснив, что “сам был в типографии и все устроил” (Из записной книжки В.С. Аксаковой: Последние дни жизни Гоголя // *Дневник Веры Сергеевны Аксаковой*. СПб., 1913. С. 165, 168). На следующий день Гоголь сообщил В.С. Аксаковой, что просидел над корректурой (какой, не уточняется; возможно, “Ревизора”) “около часу” (там же, с. 169), а С.П. Шевыреву — что ему некогда теперь заниматься корректурами (письмо С.П. Шевырева М.Н. Синельниковой от 2 апреля 1852 г. — *РС. 1902. Т. 110. Май. С. 440*). На основании этих свидетельств о степени участия Гоголя в работе над корректурами “Ревизора” с определенностью судить трудно.

Исправления, внесенные в текст “Ревизора” в издании Трушковского, немногочисленны (их тридцать три: в первом действии — пять, во втором — девять, в третьем — двенадцать, в четвертом — пять, в пятом — два) и носят в основном стилистический характер: в ряде случаев доводится до конца правка, начатая Прокоповичем (“чрез” заменяется на “через” — варианты к с. 22 наст. изд.; “пред” на “перед” — там же, к с. 56); исправляются “неудачные” обороты (“Все зависит от той стороны, с которой кто смотрит” — на: “Все зависит от того, с какой стороны кто смотрит” — там же, к с. 41), осуществляются инверсии, причем непоследовательно (в одном случае оборот “ни се ни то” заменяется на “ни то ни се” — там же, к с. 26, в двух других нет — там же), в ряде случаев исключаются (или пропускаются по ошибке) некоторые частицы (“уже” — там же, к с. 41), наречия (“еще”, “так”, “слишком” — там же, к с. 31, 37, 48), личные местоимения (там же, к с. 31), устраняются повторы, а также явные ошибки, допущенные в издании 1842 г. В некоторых случаях происходит наложение правки 1855 г. на правку, осуществленную Прокоповичем.

Проблема выбора основного текста “Ревизора” решалась издателями по-разному. В первом научном издании сочинений Гоголя, предпринятом Н.С. Тихонравовым, источник, по которому печатается основной текст комедии, не указан. Анализ между тем показывает, что Тихонравов рассматривал *АРЗБ* и *Соч. 1842* примерно как равноценные источники и в случаях разночтений между ними отдавал немотивированное предпочтение то одному, то другому (в текст *АРЗБ* внесено около ста пятидесяти исправлений по *Соч. 1842*, т.е. учтена примерно половина правки Прокоповича). Для дальнейшей истории издания “Ревизора” было характерно постепенное, но неуклонное стремление приблизить публикуемый текст к авторскому, т.е. к *АРЗБ*. Печатаемая по *АРЗБ* как единственному авторитетному источнику, издатели вносили в него все меньше и меньше исправлений по изданию Прокоповича: Н.И. Коробка учел чуть более трети исправлений (хотя в комментариях подверг критике издание Тихонравова за то, что в нем “иногда удерживаются” стилистические поправки Прокоповича, и указал, что за исключением Немой сцены печатает текст по *АРЗБ* — *Кор.* Т. V. С. 11), К. Халабаев и Б. Эйхенбаум — менее трети (в примечаниях указано, что текст “Ревизора” печатается по *АРЗБ* — *ХЭ.* Т. II. С. 484), в академическом собрании сочинений учтена четвертая часть правки (в комментариях указано, что “Ревизор” печатается по *АРЗБ* с поправками по *ППр.*, *Соч. 1842* и *Соч. 1855* — *Ак.* Т. IV. С. 521). Некоторым нарушением этой закономерно складывающейся традиции явилось издание А.Л. Слонимского, который, осудив текстологов академического собрания сочинений за недооценку издания 1842 г. как одного из авторитетных источников текста, во многих случаях вернулся к редакции Прокоповича и внес в текст *АРЗБ* примерно столько же исправлений, сколько Коробка (*Слонимский Ал.* О редакторском произволе // *ЛГ.* 1952. 10 января. № 5. С. 3; *Слонимский Ал.* Вопросы гоголевского текста // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.* 1953. Т. XII. Вып. 5. С. 401–416; *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 6 т. / Подготовка текста и примечания А.Л. Слонимского. Т. 4. М., 1959).

Нужно отметить, что никто из названных выше издателей не мотивировал исправлений, внесенных в текст *АРЗБ* по другим источникам. Некоторые разъяснения содержатся лишь в *Ак.*: правка “в издании Прокоповича (...) сохраняется (...) только в тех случаях, когда принадлежность ее самому Гоголю (в недошедшем беловике) не внушает сомнений” (*Ак.* Т. IV. С. 537). Очевидно, что эта аргументация носит очень зыбкий и уязвимый характер, ибо, допустив возможность правки Гоголем практически любого листа наборной копии (что, по сути, сделано в *Ак.*), должно допустить и вероятность причастности Гоголя практически к любому исправлению. Очевидно, что само это допущение не дает возможности скольконбудь достоверно судить о происхождении того или иного исправления.

Большая часть правки текста в издании Трушковского традиционно трактовалась как результат редакторского и корректорского вмешательства

ва, но некоторые немногочисленные исправления расценивались все же как авторские. Число последних колебалось: Тихонравов внес в текст *АРЗб* пять исправлений по Трушковскому, Коробка — четыре, Эйхенбаум — два, Комарович и Гиппиус в *Ак.* — пять, Слонимский — шесть. Нам представляется, что лишь одно из этих исправлений (учтенное во всех указанных изданиях, за исключением издания Халабаева и Эйхенбаума) выходит за рамки редакторской или корректорской правки. Оно вновь, как и в случае с текстом 1842 г., касается “сцены вранья”, точнее — последней реплики Хлестакова в этой сцене. Слова: “Завтрак у вас, господа... Я доволен, я доволен. Отличной лабардан, отличной лабардан!” (*АРЗб; Соч. 1842*) — в издании Трушковского заменены на следующие: “Завтрак у вас, господа, хорош... я доволен, я доволен. (*С декламацией.*) Лабардан! лабардан!”. Сам характер правки (усиливающий отрывочность, бессвязность речи Хлестакова), ее значимость (речь идет о заключительной реплике героя в одной из центральных сцен комедии), появление ремарки позволяют с достаточной уверенностью приписать исправление автору.

С учетом всех вышеизложенных фактов, наблюдений и выводов “Ревизор” в его окончательной редакции печатается в настоящем издании по *АРЗб* как последнему авторизованному тексту с перечисленными в списке и мотивированными выше исправлениями по *ППр, Соч. 1842, Соч. 1855* (в отдельных, особо оговоренных, случаях по другим источникам). При этом устраняются допущенные в *Ак.* мелкие опечатки и восстанавливается чтение по *АРЗб* в тех случаях, где в *Ак.* текст был выправлен по *Соч. 1842, Соч. 1855*: “любит себе самому читать нравоучения” (вместо принятого в *Ак.*: “любит самому себе читать нравоучения” — с. 8 наст. изд.); “углублюсь иной раз в записку” (вместо: “загляну в докладную записку” — с. 19 наст. изд.); “французский посланник, английский, немецкий посланник” (вместо: “французский посланник, немецкий посланник” — с. 44 наст. изд.); “Он, однако ж, меня очень понравил” (вместо: “Я, однако ж, ему очень понравилась” — с. 46 наст. изд.); “Точно шпиль под тобою” (вместо: “Точно горячие угли под тобою” — с. 52 наст. изд.); “Подносит ему свечу” (вместо: “Подает ему свечу” — с. 54 наст. изд.); “Занавес” (вместо: “Занавес” — с. 22, 34, 70, 86) и т.д. Восстанавливается и чтение: “скверный город” (с. 20 наст. изд. — вместо принятого в *Ак.*: “скверный народ”). Это исправление в *Ак.* не представляется убедительным. В источниках “Ревизора”: “скверный город” (*АК1*), “город” исправлено на “народ” рукой неустановленного лица (*АК2*), “народ” исправлено на “город” рукой неустановленного лица (*ТС1*), “скверный город” (*РЗб, Р41, АРЗб, Соч. 1842, Соч. 1855*).

Помимо уже оговоренных, в текст вносятся следующие исправления (также включены в список): в перечень действующих лиц включена пропущенная в *АРЗб* “жена унтер-офицера”; в нумерации действий римские цифры всюду заменены словами (т.е. “Действие I” — исправлено на: “ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ” и т.д.), в нумерации первых пяти явлений чет-

вертого действия — наоборот: слова заменены римскими цифрами (“Явление первое” — исправлено на: “ЯВЛЕНИЕ I”); в четвертом и пятом действиях устранены нарушения в нумерации явлений (идушие от погрешностей в печатном и рукописном текстах *AP36* и возникшие в связи с заменой трех явлений пятью в четвертом действии); устранены явные опечатки, а также разночтения в написаниях имен. В большинстве случаев опечатки и разночтения восходят к тексту первого издания. Внося в него исправления, Гоголь, как обычно, не уделял внимания мелким деталям и унификации. В результате в *AP36* сохранились достаточно многочисленные колебания в написаниях фамилий, имен, отчеств: Александр Иванович Хлестаков (в списке действующих лиц) и Иван Александрович Хлестаков (в тексте); Артемий Филиппович (действие первое, несколько раз в действии четвертом) и Артемий Филиппович (в остальных случаях) с разночтением в фамилии: Земляника (в печатном тексте один раз — с. 14, строка 18 наст. изд., в рукописном — четырежды, причем в заключающей текст Немой сцене — в *AP36* и *ППр*) и Земленика (в остальных случаях); Ростановский (в списке действующих лиц) и Растаковский (с. 16 — дважды, с. 74, 78 наст. изд.); Пошлепина (в списке действующих лиц) и Пашлепкина (там же, с. 63); Абдулин (список действующих лиц и с. 37, строка 25, с. 61 наст. изд.) и Авдуин (там же, с. 20, с. 37, строка 35 — дважды). В настоящем издании подобные разночтения сохранены в своде вариантов, в основном тексте написания указанных фамилий, имен и отчеств унифицированы следующим образом: Иван Александрович Хлестаков, Артемий Филиппович Земляника, Растаковский, Пошлепкина, Абдулин. Ошибочное именование Хлестакова Александром Ивановичем в списке действующих лиц в *AP36* (и, естественно, в *P36*) восходит к тексту *AK2*, где появилось, судя по всему, вследствие описки, так как в *AK1* (оригинал для *AK2*) Хлестаков в списке действующих лиц назван Иваном Александровичем. Заметим, что список действующих лиц в *AP36* при подготовке текста для Сочинений 1842 г. явно не был Гоголем выправлен — не содержит ни одной поправки, несмотря на явные пропуски и неточности. В более ранних рукописях и авторизованных копиях “Ревизора” имя и отчество Александр Иванович (в самом тексте) встречается, но в единичных случаях: в *ЧA1* дважды (вслед за Александром Васильевичем и Иваном Григорьевичем), в *AK1* и *AK2* — однажды (в конце четвертого действия, в реплике: “Женские голоса. Прощайте, Александр Иванович”. — С. 325, 520 наст. изд.; в *AP36* здесь: “...Иван Александрович”). Вариант “Растаковский” в *AP36* дважды зафиксирован рукой самого Гоголя, причем в первом случае (с. 450 наст. изд.) изначально написано “Ростановский”, а затем “н” исправлено на “к”. В *AK1* и *AK2* всюду написано Растаковский (дважды — Ростакровский), в *P36* трижды, в том числе в списке действующих лиц, — Ростановский и трижды — Растаковский. Разночтение Земленика—Земляника восходит к *ЧA1* и устойчиво сохраняется в последующих источниках: в *AK1* — Земленика (в том числе трижды ру-

кой Гоголя); в *АК2* — Земленика (рукой писаря) и Земляника (рукой Гоголя); в *ТС1* — Земленика и Земляника; в *Р36* — Земленика (за исключением одного случая — с. 368). Принимая во внимание авторское написание в *АР36* и сложившуюся печатную традицию (начиная с Соч. 1842), в настоящем издании принято чтение: Земляника. Отчество этого персонажа в *АР36* также имеет два варианта: Артемий Филипович (в первом действии и в нескольких случаях в четвертом) и Артемий Филиппович (в третьем, четвертом и пятом). В настоящем издании отдано предпочтение второму — как преобладающему в *АР36* и соответствующему современной норме. Написание “Пошлепина” в списке действующих лиц, по всей видимости, можно истолковать как неисправленную опечатку, восходящую, естественно, к *Р36*, где в списке действующих лиц, как уже отмечалось, встречается ряд ошибок (в *АК1* и *АК2* — Пашлепкина, в *АК1* в одном случае Пошлепкина). Сложно обстоит дело и с разночтением Абдулин—Авдулин. Как и в случаях с “Растановским” и “Пошлепиной”, чтение “Абдулин” впервые встречается в *Р36*, в предыдущих источниках (в *АК1* и *АК2*) везде — Авдулин (в одном случае рукой Гоголя, в остальных — рукой писаря). Исходя из чтения в *АК1* и *АК2*, а также из наблюдений о часто встречаемых в *Р36* ошибках в воспроизведении имен, можно было бы считать более логичным чтение “Авдулин”. Однако есть обстоятельства, препятствующие этому выбору: звучание фамилии в устном театральном тексте 1836 г. (на премьерных афишах Александринского и Малого театров соответственно Обдулин и Абдулин), более или менее устойчивое равновесие разночтений в *АР36*, опыт изданий Прокоповича и Трушковского (сохранение разночтений *АР36*), издательская традиция (в *Тих.*, *Кор.*, *ХЭ* — Абдулин). Исходя из этого, в настоящем издании отдано предпочтение чтению: Абдулин.

АР36, как уже отмечалось, в текстологическом отношении представляет собой достаточно сложный источник — в силу неясности, нечеткости и незаконченности карандашной правки в ряде случаев. Это предопределяет условность некоторых текстологических решений. Так, например, в явлении VI действия третьего принадлежащая Хлестакову фраза “Да меня уже везде знают” (с. 42 наст. изд.) зачеркнута столь слабой чертой (в сравнении с четким вычерком последующего текста), что эту карандашную правку вполне можно и учесть (что имеет место в Соч. 1842, Соч. 1855) и расценить как отмененную, стертую автором (последнее толкование принято в Ак. и в настоящем издании). Не менее сложный случай — конец X — начало XI явлений четвертого действия. В связи с тем, что вместо одной женщины, слесарши (как было в *Р36*), здесь фигурируют две (Гоголь снова вводит в действие унтер-офицершу), вызывает вопросы предваряющее реплику двух женщин замечание (“Голос двух женщин”), а также реплика Хлестакова: “Да что вы за женщина?” (возможно, мы имеем дело с несогласованной правкой). В Соч. 1842, Соч. 1855 иное чтение, принятое и в Ак.: “Голоса двух женщин”, “Да что вы за женщины?” (с. 461 наст. изд.).

В настоящем издании тем не менее восстанавливается чтение *АРЗ6* — с учетом того, что оно может быть связано с самой природой сцены (Хлестаков до определенного момента не дифференцирует посетительниц), кроме того, указанная реплика Хлестакова не переправлена из старой реплики, а вписана заново.

Принципы лингвистической подготовки текста соответствуют правилам, изложенным в первом томе настоящего издания (с. 563—567); при этом, в частности, сохранены такие формы, как: занавесь (устар. — *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 4. М.; Л., 1955. Стб. 707); по-латыне (устар. — Там же. Т. 6. 1957. Стб. 82); постеля (устар. и простореч. — Там же. Т. 10. 1960. Стб. 1540; *Словарь Академии российской, по азбучному порядку расположенный*. Ч. V. СПб., 1822. Стб. 51, — слово зарегистрировано только в этой форме). В явлении шестом действия третьего названия сочинений, которые приписывает себе Хлестаков, приводятся без кавычек (с учетом художественной специфики “сцены вранья”, самой речи Хлестакова, в которой эти наименования приобретают неосознанный, спонтанный и даже деформированный характер: *Фрегат Надежды* и т. д.).

* * *

На реальные факты, лежащие в основе сюжета комедии, проливает свет ряд свидетельств современников.

О.М. Бодянский записал в дневнике 31 октября (в оригинале описка: 31 сентября) 1851 г.: «Вечер у Аксакова (...). Перед началом Гоголь, пришедший в 8 часов вечером, при разговоре, между прочим, заметил, что первую идею к “Ревизору” его подал ему Пушкин, рассказав о Павле Петровиче С в и н ь и н е, как он, в Бессарабии, выдавал себя за какого-то петербургского важного чиновника и только, зашедши уж далеко (стал было брать прошения от колодников), был остановлен. “После слышал я, прибавил он, еще несколько подобных проделок, напр., о каком-то В о л к о - в е”» (*Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849—1852 гг.* // *РС*. 1889. Октябрь. С. 133—134). О Волкове речь пойдет несколько ниже; пока же следует отметить, что П.П. Свиньин действительно имел репутацию выдумщика и луна, что нашло отражение в литературе (басня А.Е. Измайлова “Лгун”, впервые: *Благонамеренный*. 1824. № 1. С. 50—52; подпись “И.”; в соврем. изд.: *Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.* Л., 1959. С. 351—352), в том числе и у Пушкина (“Маленький лжец”, опубл. посмертно в 1857 г.).

Вторично Бодянский коснулся эпизода со Свиньиным в другой дневниковой записи, от 29 января 1854 г., сделанной уже после смерти Гоголя. Упомянув о встрече с гоголевским биографом П.А. Кулишом, Бодянский заметил: «...я ему рассказал, что повод к сочинению “Ревизора” был истинное происшествие, случившееся, как было мною уже замечено, в Бессарабии с П. Свиньиным и рассказанное мне его близкими родственниками, что

он тут же и записал, для памяти, при дальнейшей оценке его» (Выдержки из дневника О.М. Бодянского // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 118). В этой дневниковой записи не совсем ясно то обстоятельство, что в качестве источника версии назван не Гоголь, а другие лица; остается предположить, что Бодянский, после того как он осенью 1851 г. услышал гоголевское свидетельство, решил все же его проверить “по рассказам каких-то родственников Свинына” (*Гиппиус 1931. С. 96*).

Между тем тот факт, что эпизод со Свиныным лежал в основе пушкинского сюжета, переданного Гоголю, подтверждается наброском плана, найденного в бумагах поэта (впервые опубликовано: *Морозов П.О. Из заметок о Пушкине. I. Первая мысль “Ревизора” // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XVI. СПб., 1913. С. 110—114*): “[Свинын] *Криспин* приезжает в Губернию NB на ярмонку — его принимают за *(нрзб.)*... Губерн(атор) честной дурак — Губ(ернаторша) с ним кокетнич(ает) — *Криспин* сватается за дочь” (*Пушкин. Т. 8. Кн. 1. С. 431*).

Свидетелем рассказа Гоголя в доме Аксаковых оказался и молодой писатель Г.П. Данилевский, впоследствии вспоминавший: «За несколько месяцев до смерти Гоголя, в 1851 году, в одном известном семействе в Москве у А** (<...>) разговор зашел о сюжетах вообще, и Гоголь чистосердечно объявил, что мысль “Ревизора” передана ему Пушкиным, с которым едва не было подобного же события во время его поездки, за материалами для истории Пугачева, в Оренбург. Пушкин прибавил Гоголю, что подобная история случилась и с Свиныным, редактором первых “Отечественных записок”. Рассказ Гоголя о Свиныне дополнил при этом г. Бо-ий (Бодянский. — *Ред.*), прибавивши, что Свинын, в свою поездку в Бесарабию, где, с карандашом в руках и записною книгою, останавливался перед каждым камешком и говорил с каждою торговкою, был также принят за ревизора и послужил причиною любопытнейшей мистификации, которая увлекла его до того, что он сам забылся, вообразил себя действительным ревизором и кончил тем, что стал принимать просьбы. Все это едва не кончилось для него очень и очень печально» (*Данилевский 1866. С. 214*).

Приведенное свидетельство в ряде существенных моментов совпадает с дневниковой записью Бодянского (рассказ Гоголя о передачи ему Пушкиным сюжета комедии, упоминание Свинына как инициатора “мистификации”), но содержит и нечто новое. Согласно Данилевскому, Бодянский как участник беседы дополнил сообщение о Свиныне некоторыми деталями. Едва ли это имело место во время упомянутой встречи с Гоголем: тут, конечно, следует больше верить самому Бодянскому, который упоминает лишь о рассказе автора “Ревизора” и ничего не говорит о своих дополнениях. Но возможно, Данилевский как мемуарист, нарушая хронологию, имел в виду какие-то сведения о Свиныне, слышанные им от Бодянского позднее, и в таком случае подтверждается предположение, что последний “проверял” пушкинско-гоголевскую версию, встречаясь с родственниками Свинына.

Однако самая существенная новация свидетельства Данилевского в том, что здесь в качестве реальной основы комедийного сюжета наряду с эпизодом со Синьным упомянут и другой, случившийся с самим Пушкиным во время его поездки в Поволжье и Приуралье в августе-сентябре 1833 г. В примечании к основному тексту мемуарист пояснял: «Именно, услужливый знакомый, в одном из городов, куда должен был заехать Пушкин, опередил поэта письмом к градоначальнику, где было сказано: “Пушкин едет к вам за материалами, но вы на это не смотрите; он скрывается, а наверно едет вас ревизовать!” Можно вообразить, какой прием Пушкину сделали вследствие такого письма» (там же).

Впервые эта версия была высказана в печати годом раньше — в воспоминаниях В.А. Соллогуба (*РА*. 1865. № 5—6. Стб. 744) и в соответствующем примечании редактора этого журнала П.И. Бартенева. Наиболее содержательным и ценным является сообщение последнего, воспроизводящее, в свою очередь, свидетельство неизвестного мемуариста. Скорее всего, это свидетельство и послужило основой рассказа как Соллогуба, так и Данилевского. Бартенев писал: «В одних неизданных записках о жизни Пушкина это рассказано следующим образом: “В поездку свою в Уральск, для собирания сведений о Пугачеве, в 1833 г., Пушкин был в Нижнем, где тогда губернатором был М.П.Б. (подразумевается Михаил Петрович Бутурлин. — *Ред.*). Он прекрасно принял Пушкина, ухаживал за ним и вежливо проводил его. Из Нижнего Пушкин поехал прямо в Оренбург, где командовал его давнишний приятель гр. Василий Алексеевич Перовский. Пушкин у него и остановился. Раз они долго сидели вечером. Поздно утром Пушкина разбудил страшный хохот. Он видит: стоит Перовский, держит письмо в руках и заливается хохотом. Дело в том, что он получил письмо от Б. из Нижнего, содержания такого. “У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами об Пугачевском бунте; должно быть ему дано тайное поручение собирать сведения об неисправностях. Вы знаете мое к вам расположение; я почел долгом вам посоветовать, чтоб вы были осторожнее и пр.” Тогда Пушкину пришла идея написать комедию: “Ревизор”. Он сообщил после об этом Гоголю, рассказывал несколько раз другим и собирался сам что-то написать в этом роде. (Слышано от самого Пушкина)”» (там же, стб. 744—745).

Возвращаясь к воспоминаниям Соллогуба, отметим, что здесь впервые в научный оборот была введена версия о том, что на замысел “Ревизора” повлияло некое событие, случившееся в Устюжне: “Пушкин познакомился с Гоголем и рассказал ему про случай, бывший в г. Устюжне Новгородской губернии, о каком-то проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей” (там же. Стб. 744). Позднее эта версия получила если не документальное подтверждение, то во всяком случае подкрепление: стало известно письмо новгородского губернатора А.У. Денфера к городничему г. Устюжны Ивану

Александровичу Макшееву. В этом письме, датированном 20 мая 1829 г., городничий уведомлялся, что во вверенном ему городе уже более пяти дней проживает некто, приехавший “в карете” из Вологды, “с мальтийским знаком”, одетый “в партикулярное платье”. О каких-либо конкретных прегрешениях неизвестного не сообщалось, но городничему Макшееву предписывалось выяснить, “к какому классу людей принадлежит” тот, чем занимается и обо всем “без промедления уведомить” (*Поздеев 1953. С. 32*). Сын И.А. Макшеева Алексей Макшеев (1822—1892), профессор Николаевской военной академии Генерального штаба, сохранивший это письмо, отмечал, что о каком-либо событии, связанном с таинственным лицом, он не слышал “ни от отца и ни от кого из старожиллов города”, но допускал, что “обстоятельство это, вероятно, и послужило основой легенды о ревизоре” (там же, с. 34).

Однако позднее таинственное лицо, посетившее Устюжну, сыскалось — это был не кто другой, как вскользь упомянутый Гоголем на вечере у Аксаковых Волков. Вологодский краевед В.К. Панов нашел в архиве Третьего отделения “Донесение Новгородскому гражданскому губернатору Устюженского городничего от 29/V—1829 года”, представлявшее собою ответ на запрос губернатора от 20 мая того же года. Городничий сообщал, “что точно 10 мая был приехавший в вверенной мне город отставной подпоручик Вологодской помещик Платон Григорьев Волков, прибыл в город на почтовых лошадях с Вологодского тракта, а на другой день прибыли его лошади в карете; прислуга при нем: два лакея и кучер; сам был в партикулярном платье, имел Мальтийский знак. По приезде в город расположился в квартире, а на другой день пригласил к себе штаб-лекаря, брал у него лекарства, за которые его удовлетворил, я у него был, и он мне объявил, что по случаю болезни пробудет дней пять в городе, в домах был у меня два раза, у г-на исправника, у откупщика и на именинах у штаб-лекаря. В присутствии не входил, а был у меня в Городническом правлении частно, просил показать ему острог, где смотрел его расположение и сие делал, по моему заключению, из любопытства, в лазарет его пригласил штаб-лекарь, где он только посмотрел Аптеку, в училище духовном и Городовом был сам по себе, в соборе служил молебен и просил протопопа показать ему ризницу, и все оное делал отношением к лицам, до коего оное касалось, самым вежливым образом, а 17 мая отсюда отправился в С.-Петербург и будет иметь жительство у дяди его Боборыкина в собственном его доме в Литейной части Фурштатской улице” (*Панов В. Еще о прототипе Хлестакова // Север. 1970. № 11. С. 125*). Таким образом, привлекла к себе внимание необычайная активность приезжего лица, хотя ничего противозаконного и подозрительного городничий в нем не обнаружил, чем и объяснил то обстоятельство, что не счел необходимым своевременно довести обо всем “до сведения Вашего Превосходительства” (там же), т.е. до сведения новгородского губернатора.

Необходимо добавить, что Платон Григорьевич Волков (ок. 1799 или 1800—1850) был в свое время довольно известным литератором; сын поме-

щика Вологодской губернии, он служил по военной части, затем чиновником-канцеляристом в департаменте государственных имуществ Министерства финансов. В 1831 г. вышел в отставку. Печатался в “Благонамеренном”, «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”», “Северных цветах на 1831 год”; в 1831 г. в Петербурге издал два номера “Журнала иностранной словесности и изящных художеств” (о П.Г. Волкове см. статью В.Э. Вацура в кн.: *Рус. писатели*. Т. 1. С. 466; упоминания об эпизоде с Волковым — с соответствующими ссылками на разыскания В.К. Панова — содержатся в ряде газетных публикаций; см., в частности: *Аришин В. Дело о Хлестакове // Правда*. 1975. № 29. 29 января. С. 6; *Филиппов В. Хлестаков был поэтом и заседателем уездного суда // Известия*. 1996. № 242. 25 декабря. С. 8).

Новые и во многом неожиданные сведения о происшествии в Устюжне мы узнаем из газетной заметки Ф. Батюшкова, выпавшей из поля зрения исследователей. Ссылаясь на уже известный факт, что сюжет “Ревизора” восходит к Пушкину, Батюшков добавляет: «Пушкин привез этот рассказ из Боровичей. Место действия — Устюжна, Новгородской губ. Рассказ не вымышленный, а основанный на действительном происшествии, о котором помнят старожилы Устюжны. Даже имена сохранились в памяти: настоящая фамилия Хлестакова была — Маврин. Будучи племянником сенатора Маврина, он приехал в Устюжну, где его ошибочно приняли за его сановного однофамильца — и разыгралась “комедия»» (*Батюшков Ф. Знал ли Гоголь Россию? // Речь*. 1913. 3(16) ноября. № 301. С. 2). Автор заметки дает справку: “Сведения о происшествии с Мавриным-Хлестаковым мы получили от Ф.И. Родичева и Н.А. Окунева, давнего земского деятеля в Устюжне” (там же). Сам Ф. Батюшков, потомок поэта, был землевладельцем того же Устюжнского уезда, унаследовав после К.Н. Батюшкова и этнографа П.Н. Батюшкова усадьбу Даниловское (*Поздеев 1953*. С. 33). Добавим еще, что действительно существовал и Маврин Семен Филиппович, сенатор, умерший в 1850 г.

В прямую связь с эпизодом, сообщенным Ф. Батюшковым, можно поставить следующее никогда не комментировавшееся место из рецензии П.А. Вяземского на первое представление “Ревизора”: «В одной из наших губерний, и не отдаленной, был действительно случай подобный описанному в “Ревизоре”. По сходству фамилии приняли одного молодого проезжего за известного государственного чиновника. Все городское начальство засуетилось и приехало к молодому человеку *являться*. Не знаем, случилась ли ему тогда нужда в деньгах, как проигравшемуся Хлестакову, но, вероятно, нашлись бы займодавцы» (*Совр.* 1836. Т. 2. С. 294–295; см. то же: *Вяземский 1984*. С. 147). Очевидно, что подразумевалась та же история с Мавриным и что рассказана она была именно Пушкиным.

Итак, мы имеем дело не с одним, а по крайней мере с четырьмя эпизодами: историей со Свинымым, имевшей место в Бесарабии; историей с самим Пушкиным в Нижнем Новгороде; историей с Волковым в Устюжне и,

наконец, историей с Мавриным-младшим, имевшей место в том же городе. Устюжна таким образом стала своеобразным топосом мистификации; возможно, к нему приурочивались и другие эпизоды, в которых действовал некий сознательный обманщик-авантюрист, коим не может считаться ни Волков, ни Маврин. Кстати, Гоголь дважды упоминает Устюжну (точнее Устюжский уезд) в своей пьесе “Тяжба”.

Источником ряда этих историй, по крайней мере первых трех, был Пушкин, причем нижегородскую версию, а также версию с Мавриным он привез из своего путешествия в Поволжье и Приуралье в 1833 г. Осново-полагающей для будущего “Ревизора” послужила история со Свиным, что подтверждается и записанным двумя разными лицами (О.М. Бодянским и Г.П. Данилевским), восходящим к самому Гоголю свидетельством и наличием соответствующего пушкинского плана. Однако на эту историю, послужившую начальным толчком для комедии, наложились и другие версии; во всяком случае, Гоголь, чья творческая фантазия была уже разбужена, ими живо интересовался (ср. его фразу, как она передана Бодянским: “После слышал я (...) еще несколько подобных проделок, напр., о каком-то Волкове”. — Курсив наш. — Ред. См. с. 633 наст. изд.).

К генезису “Ревизора” обращается и В.И. Любич-Романович, чьи воспоминания записаны другим лицом — С.И. Глебовым. Мемуарист приводит слова, якобы слышанные им от Пушкина: «“Ревизор” — тоже моя идея (наряду с “Мертвыми душами”. — Ред.). Это как раз относилось к двадцатым годам, когда я был в Новороссии...» (ИВ. 1902. Февраль. С. 553). Речь идет, однако, не о каком-то конкретном случае мистификации и обмана, но о том, что “высшая одесская губернская власть”, а также сам граф П.Д. Киселев, после 1828 г. фактический глава администрации Молдавии и Валахии, предоставили материал для характеристики образов задуманного произведения. Заметим, что другими источниками это указание не подтверждается; что же касается приведенного выше пушкинского наброска о Криспине (Свиныне), то он датируется более поздним временем — 1833—1834 гг.

Поскольку случаи чиновничьей мистификации и обмана, как выразился Вяземский в упоминавшейся рецензии, находились “в порядке вещей”, то, возможно, было “припоминание” и актуализация сходных примеров, что происходило уже задним числом, не без влияния гоголевского текста. Откликаясь на петербургскую премьеру, Петр Серебряный писал: “...один степной помещик сказывал нам, что в их именно городке случилось точь в точь такое же происшествие...” (Серебряный П. Ревизор, соч. Н. Гоголя. С.П.бург. 1836 года // ЛПРИ. 1836. 22 июля. № 59 и 60. С. 476). Едва ли не это место было впоследствии обыграно в реплике одного из персонажей гоголевского “Театрального разбеда...”: “Ну, вот точь-в-точь эдакое событие было в нашем городке. Я подозреваю, что автор если не был сам там, то, вероятно, слышал”.

При расширении перспективы гоголевского изображения реальные случаи взаимодействовали с апокрифическими и вымышленными; недаром О.И. Сенковский после появления комедии посетовал, что анекдот, взятый в ее основу — “тысячу раз напечатанный, рассказанный и обделанный в разных видах” (*БдЧ*. 1836. Т. XVI. № 29. Отд. V. С. 42). Г.П. Данилевский в связи со сходством гоголевского “Ревизора” с комедией Г.Ф. Квитки-Основьяненко “Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе” утверждал: “Не подлежит сомнению (...) что анекдоты о ложных ревизорах ходили по России издавна, с разными вариациями и что одно и то же происшествие подало мысль написать комедию обоим авторам” (*Данилевский 1866*. С. 217). Это мнение было поддержано другими: в русских условиях “сложился бродячий рассказ анекдотического свойства, в котором подробно рассказывалось о мнимом ревизоре и одурченных им провинциальных чиновниках”; Гоголь и Квитка-Основьяненко “обработали один из подобных рассказов” (*Александровский Г. Этюды по психологии художественного творчества. “Ревизор” Гоголя // Ежегодник Коллегии Павла Галагана. Киев, 1898*. С. 211).

Наконец, в качестве одного из реальных событий, послуживших основой комедии, В.И. Шенрок, со слов А.С. Данилевского, упоминает эпизод, разыгранный Гоголем во время поездки из Киева в Москву в августе 1835 г. “Гоголь хотел основательно изучить впечатление, которое произведет на станционных зрителей его ревизия с мнимым инкогнито. Для этой цели он просил Пащенко (соученика Гоголя по нежинской Гимназии высших наук И.Г. Пащенко. — *Ред.*) выезжать вперед и распространять везде, что следом за ним едет ревизор, тщательно скрывающий настоящую цель своей поездки (...). Благодаря этому маневру, замечательно счастливо удавшемуся, все трое (подразумевается еще А.С. Данилевский. — *Ред.*) катили с необыкновенной быстротой” (*Шенрок. Т. 1. С. 364*). После появления “Ревизора” подобный эпизод воспринимался как его “оригинальная репетиция”, хотя, наверное, он не был единичным: склонность Гоголя к мистификациям и розыгрышам проявилась с гимназической поры, что исподволь подготавливало почву для будущей комедии.

Все это не умаляет роль пушкинского совета в генезисе “Ревизора”, но подчеркивает ее специфику. Утверждение Гоголя о том, что “мысль Ревизора принадлежит” Пушкину, обычно оспаривается ссылкой на распространенность сходных эпизодов и случаев в жизни. «Одобрение высказанного Гоголем уже существующего проекта — вот все, что получил, по-видимому, автор “Ревизора” от Пушкина» (*Белоногова В.Ю. К вопросу о “пушкинском” происхождении комедии Гоголя “Ревизор” // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 2000*. С. 128). При этом соответствующее гоголевское письмо-просьба к Пушкину от 7 октября 1835 г. или полностью оставляется без внимания или же комментируется в том духе, что в нем “чрезвычайно трудно установить более или менее заметную грань между

вымыслом и действительностью” (Долинин 1956. С. 39). Однако трудно представить себе, почему Гоголю надо было мистифицировать или обманывать своего адресата, выпрашивая “сюжет” для будущей комедии. Очевидно, смысл пушкинской подсказки прежде всего в том, что она заключала в себе указание на творческую продуктивность сюжета. В жизни, строго говоря, есть все, но далеко не все сознается как подходящий художественный материал. Пушкинский совет содействовал такому осознанию; при этом важно, что разработка материала связывалась с комедией, т.е. с жанром не “малым” (не с газетным фельетоном, даже не с “шутливой поэмой” и т.д.) и занимающим достаточно видное место в художественной иерархии. Пушкинский совет и ссылка на реальные случаи актуализировали в сознании Гоголя и его собственный опыт (спектакль, разыгранный по дороге из Киева в Москву). Далее важно и то, что план или, используя выражение Гоголя, “мысль” будущего произведения были уже в большой степени дифференцированы и конкретизированы. Это доказывается совпадением ряда моментов пушкинского наброска и гоголевского текста: персонажа принимают за другое лицо, скорее всего, высокое и важное; этот персонаж — человек со стороны, приезжий; затем мотив его двойного ухаживания за женой и дочерью местного начальствующего лица; наконец, сватовство за дочь.

Следует заметить, что с будущим “Ревизором” традиционно связывают и другой пушкинский набросок “В начале 1812 года...” (см., например, примечания Б.С. Мейлаха в кн.: *Пушкин А.С. Полн. собр. соч.*: В 10 т. Т. VI. М.; Л., 1949. С. 767). Однако в перспективе гоголевской комедии этот набросок, датируемый 1829 г., менее детализирован: хотя здесь уже есть уездный город, упомянуты городничий — “взяточник”, “жена его — свежая веселая баба” и “дочь стройная меланхолическая девушка”, но нет самого главного — ситуации *qui pro quo*. По-видимому, этот набросок не имеет никакого отношения к мистификации Свинына, к которой восходит лишь пушкинская заметка “[Свинын] *Криспин* приезжает в Губернию...”, а через нее, опосредованно, и гоголевский замысел. Не имеет он отношения и к невольной мистификации Пушкина в 1833 г. и к другим привезенным им из этой поездки историям, поскольку сделан значительно раньше.

* * *

С реальностью фабульных и сюжетных предпосылок “Ревизора” связан вопрос о месте и времени его действия. Этому вопросу коснулся Н.С. Тихонравов в своем «Очерке истории текста комедии Гоголя “Ревизор”», сопоставив маршрут Хлестакова с возвращением Пушкина из Оренбурга в Болдино: “Нельзя не отметить, что Иван Александрович Хлестаков едет тем же путем: через Пензу, где его обыгрывает пехотный капитан, в Саратовскую губернию” (Р86. С. VI). Хотя исследователь не делает далеко идущих выводов о нарочитой верности писателя реальному

материалу, все равно непонятно, почему пьеса должна была фиксировать не тот географический пункт, где имела место мистификация (Нижний Новгород), а некоторые промежуточные вехи пушкинского путешествия, да еще в обратной перспективе. К тому же Тихонравов допустил неточность, на которую обратил внимание Коробка: в первой редакции Хлестаков, проигравшийся в Туле, едет не в Саратовскую губернию, а в Екатеринославскую; Пенза и Саратовская губерния окончательно устанавливаются “в сценическом тексте и в первой печатной редакции” (*Кор.* Т. V. С. 374–375). Таким образом первоначальное действие “представлялось Гоголю на пути между Тулой и Екатеринославской губернией, причем оставалось ехать треть пути, две трети пути от Петербурга были уже сделаны, следовательно действие происходило где-нибудь в Орловской или Курской губернии” (там же, с. 375). В свою очередь, комментаторы Академического издания В.В. Гиппиус и В.Л. Комарович отметили неточность Коробки, полагавшего, что сходство с маршрутом Пушкина “явилось поздно”: на самом деле уже в дополнениях, непосредственно примыкающих к первой черновой редакции, Екатеринославская губерния изменена на Саратовскую (*Ак.* Т. IV. С. 527).

Во всех подобных рассуждениях критерием подхода является сходство или отступление от “маршрута Пушкина” вне вопроса о внутренней мотивировке реалей, т.е. поисков Гоголем подходящих географических ориентиров. Но едва ли в задачу писателя входило более или менее точное определение места действия, что вообще не отвечало его творческой манере, — локус комедии должен был соответствовать некоторым общим тенденциям, прежде всего указанию, что это “глубинка” России, ее коренное, а не окраинное выражение. Показательно, что в первой черновой редакции, где фигурируют Тула и Екатеринославская губерния, нет ничего похожего на реплику “...отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь”. Но во второй черновой редакции, где есть уже и Пенза, и Саратовская губерния (“...в Саратовскую губернию в город Белебей...”; Белебей, город не Саратовской, а Уфимской губернии, впоследствии отпал), вводится мотив, который при стилистической обработке и сокращении, сохранится во всех последующих текстах: “Куда нашему уездному городишке! {...} будучи в такой глуши, чорт знает где, двадцать тысяч верст, я думаю, будет от Турции или Австрии”. С этим утверждением могло гармонировать именно “восточное”, саратовское, а не “юго-западное” направление. К тому же путь в Екатеринославскую губернию, граничившую на севере с Харьковской и Полтавской, а с запада с Херсонской, вел в конце концов на Украину; расчеты же, подобные тем, которые производил Коробка (мол, Хлестаков проехал от Петербурга две трети расстояния, следовательно, все это происходило “где-нибудь в Орловской или Курской губернии” — *Кор.* Т. V. С. 375), были мало реальны и уж во всяком случае едва ли принимались во внимание Гоголем, которому важно было избежать впечатления, что действие вновь (как в “Вечерах на хуторе...” и в “Мирго-

роде”) перемещено на Украину, а не в Россию. Стремления же к более точной локализации и приурочиванию к определенному городу гоголевский текст не обнаруживает.

Высказывалось также мнение, что подобная локализация произошла невольно — вследствие не сознательного намерения драматурга, но просто недостаточного знания им “великорусской” жизни. “Конечно, действие происходит не в бесцветном русском уездном городишке, не в степенной, от века беспробудно-спящей Чухломе, а именно в Нежине или даже Миргороде” (*Венгеров С.А. Собр. соч. Т. 2. Писатель-гражданин. Гоголь. СПб., 1913. С. 133*). Наивность и некорректность такого заключения была тотчас отмечена читателем: “Он (Гоголь. — *Ред.*) почти не знал провинции в центральной и северной России; но разве Петербург — уже не есть Россия, не говоря о том, что малорусские губернии, которые Гоголь знал, давали все же достаточный материал для заключения по аналогии и относительно строя жизни в других губерниях” (*Батюшков Ф. Знал ли Гоголь Россию? // Речь. 1913. 3(16) ноября. № 301. С. 2*).

Характеристика времени действия обнаруживает ту же тенденцию, что и места действия. Высказывалось мнение, что события пьесы точно определены, а именно — 1831-м годом. Доказательств два: 1. Аммос Федорович в одном месте говорит, что избран судьей с “816-го” года (действие четвертое, явление III), а в другом, что “пятнадцать лет” сидит “на судейском стуле” (действие первое, явление III); 2. В сцене “Хлестаков и Растаковский” последний, упоминая “просьбу”, поданную в 1801 г., добавляет, что “вот уж тридцать лет нет никакой резолюции”. В обоих случаях получается одна дата — 1831 г. (*Непомнящих Ник. Кочующая ошибка // Литературная Россия. 1984. 10 февраля. № 7. С. 14*). Однако подобные расчеты также не основательны, не говоря уже о том, что сцена с Растаковским не включена в окончательный текст. В том же месте, где Аммос Федорович называет дату своего избрания (1816 г.), он упоминает и о том, что за “три трехлетия представлен к Владимиру 4-й степени”; следовательно, получается не 1831, а 1825 г.

Однако и этой дате не следует придавать какого-либо значения, поскольку текст не обнаруживает никаких примет строгой хронологической локализации. Напротив, уже в редакции первого издания (1836 г.) в сцене вранья Хлестакова (действие третье, явление VI) фигурирует “Библиотека для чтения”, начавшая выходить в 1834 г. В издании 1842 г. (*Соч. 1842*) в сцену вранья наряду с такими реалиями, как опера Мейербера “Роберт Дьявол” (поставлена на петербургской сцене в 1834 г.) и повестью А.А. Бестужева-Марлинского «Фрегат “Надежда”» (опубликована в 1833 г.), включена опера В. Беллини “Норма”. Ее постановка на русском языке впервые была осуществлена в октябре 1837 г. (*Вольф 1877. Ч. I. С. 65; Ч. II. С. 51*), т.е. фактически уже после премьеры и появления в печати гоголевской комедии. В этой связи уместно добавить, что и «Фрегат “Надежда”» — это не обязательно повесть Марлинского: в том же 1837 г.

свет рампы увидела “оригинальная драма” Н.П. Писарева «Фрегат “Надежда”» (там же, ч. II, с. 47), и Хлестаков, с его склонностью мешать все со всем, мог “отталкиваться” именно от этого произведения. Значит, хронологическое приурочивание “Ревизора” довольно свободное и имеет своей целью лишь подчеркнуть, что действие отнесено к современности или, во всяком случае, не очень удалено от современности (ср.: *Свербилова Т.Г. Формы организации времени и пространства в комедии “Ревизор” // Гоголь и современность. Творческое наследие писателя в движении эпох. Киев, 1983. С. 118—119*).

Наконец, говоря о реальном материале, на который опирается комедия, следует обратиться к фамилиям персонажей: по крайней мере, в отношении одной из них можно указать на действительное лицо — Гибнера.

В 1832 г. в С.-Петербурге вышла книга: “Сто четыре Священные истории Ветхого и Нового Завета, выбранные (...) И. Гибнером (...) Издание, согласенное с Св. Писанием, в некоторых местах дополненное и во многом исправленное (...) Петром Яновским”. Это издание не прошло незамеченным: “Книга сия пользуется столь лестною известностию (...) На немецком языке она была издана множество раз и до сих пор остается необходимою при воспитании» (*Московский телеграф. 1833. № 2. С. 340*). Известно, что Гоголь имел обыкновение вычитывать в периодике смешные имена, в частности «он всегда читал в “Инвалиде” статью о приезжающих и отъезжающих» (*Смирнова 1989. С. 71*). На Гибнера же он мог обратить внимание и в связи с соседством этого имени с другим, столь для него значимым — Яновского. Впрочем, возможен и другой источник: в “Русском инвалиде, или Военных ведомостях” за 1835 г., № 270, 23 октября, с. 1080, в разделе “О приезжающих и отъезжающих гг. Военных штаб и Обер-офицерах” в числе офицеров, приехавших в Санкт-Петербург, упомянут прапорщик Гибнер (фамилия Гибнер встречается и в списке жителей С.-Петербурга — *Нистрем 1837. С. 523—524*).

Но, конечно, в художественном мире комедии эта реалья, как и все другие, подчинилась его законам, приобретя соответствующие коннотации (прежде всего — олицетворение комически деформированного сравнения “как мухи выздоравливают”; затем, в связи с обликом персонажа, важно, что это типично немецкая, грамматически правильная фамилия; затем — этимологический контраст фамилии “Гибнер” и имени “Христиан” и т.д.).

В целом же реальные прототипы к “Ревизору” в мемуарной и исследовательской литературе, как правило, не указываются и не отмечаются (в отличие от ряда других гоголевских произведений, скажем, “Портрета” или второго тома “Мертвых душ”), что во многом связано с характером художественного обобщения в комедии: авторское замечание относительно Хлестакова — “это лицо должно быть тип многого разбросанного в разных русских характерах...” (“Отрывок из письма...” — применимо и к другим ее персонажам. По-другому поставлена проблема в статье Ю. Лотмана

“О Хлестакове”: вместо поисков конкретных прототипов — исследование общих моделей мироощущения и поведения, в результате чего “можно сказать, что литературный Хлестаков связан с определенным историко-психологическим амплуа” (Лотман Ю.М. О Хлестакове // Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 369. Труды по русской и славянской филологии. XXVI. Литературоведение. Тарту, 1975. С. 49).

* * *

Переходя от реальных предпосылок гоголевской комедии к литературным, можно отметить, что с той или другой степенью вероятности устанавливаются источники отдельных реплик, мотивов или даже сценических положений. Оснований для подобных выводов больше, если они подтверждаются не только текстуальной близостью, но и фактом знакомства Гоголя с данным произведением. Так, в комедии М.Н. Загоскина “Г-н Богатонов, или Провинциал в столице” (1817 г.), которую Гоголь-гимназист просил прислать ему в Нежин (письмо к родителям от 22 января 1824 г.), стиль любовных признаний князя Блесткина Лизе предвосхищает обращения Хлестакова к Марье Антоновне и Анне Андреевне. Очевидна также близость сцены, в которой Богатонов стоит на коленях перед баронессой, к соответствующей сцене из “Ревизора”: “Б а р о н е с с а . Да встаньте же, сударь, встаньте. Г-н Б о г а т о н о в . Нет, ни за что не встану! (...) Издохну, а не тронусь с места. Говори, жестокая! жить или умереть!” Ср.: “А н н а А н д р е е в н а . Как, вы на коленях! Ах, встаньте, встаньте (...). Х л е с т а к о в . Нет, на коленях, непременно на коленях, я хочу знать, что такое мне суждено, жизнь или смерть”.

Вполне возможна и реминисценция из пьесы А.И. Писарева “Хлопотун, или Дело мастера боится” (1825 г.), также хорошо знакомой Гоголю-гимназисту (он сыграл в ней ведущую роль — Репейкина): “Л и о н с к и й . Извините смелое признание мое (...) решите участь мою одним словом” (ср. во второй черновой редакции “Ревизора”: “Решите мою участь”; в окончательном тексте: “Решите: жизнь или смерть?”). Кстати, скорее всего, к этой пьесе восходит и комический прием совмещения различных планов в записке городничего (“...уповаю на милосердие Божие, за два соленые огурца” и т.д.). Так и у Писарева Репейкин, диктуя Лионскому любовное письмо, одновременно расточает советы гастрономического свойства: “Ощипи уток, выпотроши и опали слегка...”

Комедия И.А. Крылова “Урок дочкам” (1807 г.), в которой молодой Гоголь играл роль няни Василисы, также оставила некоторый след в сознании будущего автора “Ревизора”. В частности, обмен двух женщин восхищенными репликами после визита самозванного “маркиза” (“Какой ум! Какая острота!” — “Какое благородство, какая чувствительность!” и т.д.) напоминает соответствующий диалог Анны Андреевны и Марьи Антоновны после знакомства с Хлестаковым: “Ах, какой приятной!” — “Ах! милашка!” и т.д.

Вообще реминисценции и литературные импульсы наиболее ощутимы именно, условно говоря, в лирической партии “Ревизора”. К отмеченным выше случаям добавим еще мотив двойного ухаживанья, заданный уже сюжетной подсказкой Пушкина (“Губ(ернаторша) с ним кокетнич(ает) — Криспин сватается за дочь”) и подкрепляемый соответствующими сценическими аналогиями. Так, в комедии А. Коцебу “Бедность и благородство души” (первое русское издание в 1784 г.), текст которой Гоголь просил выслать в письме к родителям от 22 января 1824 г., довольно искусно нюансирована любовная сцена: признание Фабиана в любви, адресованное Луизе, мнимой дочери Розы, последняя принимает на свой счет и затем, по выяснении всего дела, очень разочарована, что посватались не к ней. Мотив двойного ухаживания часто встречался и в водевиле — у Д.Т. Ленского, Ф.А. Кони и др. (указано: *Гиппиус 1924. С. 229*). Но, конечно, наиболее характерный пример подобной ситуации демонстрировал “Тартюф, или Обманщик” Мольера (первое издание на русском языке в 1757 г.): Тартюф домогается руки дочери Оргона и одновременно ухаживает за его женой Эльмирой; при этом, предлагая последней “любовь без молвы”, без огласки, он действует вполне расчетливо — обстоятельство, которое, как мы увидим ниже, оттеняет принципиальную новизну гоголевского персонажа.

Однако при всей новизне Хлестакова отдельные штрихи и детали для его обрисовки Гоголь, возможно, заимствовал из знакомого литературного материала. Сравним самодовольное признание Богатонова из уже упоминавшейся комедии Загоскина: “...во мне есть что-то такое...” — и реплику Хлестакова: “А в моих глазах точно есть что-то такое...”. Вообще же хвастовство гоголевского героя часто воспроизводит не только реплики других персонажей, но и некоторые типичные ходы, проистекающие из сходной ситуации. Так, рисующиеся Семен (“Урок дочкам” Крылова) и Хлестаков вследствие бедности воображения сходным образом попадают в щекотливое положение и сходным же образом из него выходят: Семен присваивает себе имя “маркиза Лаголя”, подсказанное ему названием русского перевода романа Прево “Приключения маркиза Г., или Жизнь благородного человека, оставившего свет” (в просторечии “маркиза Г.” именовали Лаголем); когда же создается угроза разоблачения, одним ударом разрушает узел: “Коль есть печатный маркиз Лаголь, для чего не быть живому?” Сравним пассаж Хлестакова о двух “Юриях Милославских”: “...это точно Загоскина; а есть другой Юрий Милославский, так тот уж мой”. Еще в догоголевской драме предметом бахвальства персонажа становилась дружба с “посланником”: так, например, в пьесе В. Дюканжа и Дино “Тридцать лет, или Жизнь игрока” (первое представление в Петербурге в 1828 г.): “Я дал слово быть у голландского посланника, и у меня там будет выгодная партия”.

Однако категорически утверждать, что во всех подобных случаях мы имеем дело с реминисценциями, не приходится. Дело в том, что ситуация хвастовства продуцирует обычно сходные моменты; к ним, как правило, от-

носятся творческие достижения в литературе или на сцене, знакомство со знаменитыми писателями, общение с важными лицами, в том числе и дипломатами, успех у женщин и т.д. По этой канве строится «сцена вранья» в «Ревизоре», имеющая соответствующие аналогии, скажем, в «Лекаре поневоле» Мольера (издана на русском языке в 1788 г.) или в его же «Смешных жеманницах» (первый русский перевод, сохранившийся в бумагах Петра I, датируется 1703 г.), послуживших прообразом крыловского «Урока дочкам». Переключка «Ревизора» с комедией Мольера отмечена Алексеем Веселовским: в сцене вранья «слышатся отголоски хвастовства Маскариля в «Жеманницах»»; «хвастовство сочинительством (двести сонетов, 400 эпиграмм, более 1000 мадригалов), будто он и не хотел писать, да книгопродавцы пристают, — будто, когда он просыпается, уже его ждет с полдюжины beaux esprits (острословов. — Ред.)» (Веселовский Ал. Западное влияние в новой русской литературе. 5-е изд., значит. доп. М., 1916. С. 192). Более осторожно — поскольку знакомство Гоголя с этим произведением не установлено — говорит исследователь о влиянии «Лжеца» П. Корнеля (там же, с. 193).

Указывалось и на хронологически более близкую к «Ревизору» аналогию — очерк о некоем Радугине, опубликованный в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»» (1834, № 83): «В прошедшем году ему (Радугину. — Ред.) случилось быть у нас в Саратове (...). Он говорил о дворе, как царедворец; о писателях, как будто все они друзья с ним; о высших обществах, как будто бы он первенствовал в них. Он переписывается с министрами; у него просят совета члены Государственного Совета; он пользуется уважением, известностью; для него открыты мешки с червонцами банкиров. По его мнению, только в Москве и Петербурге живут люди просвещенные, с дарованиями, знающие обращение и хороший тон» (см.: Столянский 1910. С. 70–71). Однако и в данном случае, возможно, речь идет лишь о типологическом сходстве, порождаемом самой ситуацией хвастовства.

То же самое можно сказать о приеме удвоения персонажей, продемонстрированном в «Ревизоре» парой сплетников. А. Стендер-Петерсен возводит двуобраз Бобчинского и Добчинского к пьесам Коцебу, который первым усвоил новейшей драме «древнюю фигуру традиционного разносящего новости паразита» (Stender-Petersen A. Gogol und Kotzebue. Zur thematischen Entstehung von Gogols «Revisor» // Zeitschrift für slavische Philologie. 1935. В. 12. S. 43). По мнению Бродского, «Бобчинский и Добчинский вяжутся с «Двумя болтунами» Сервантеса, «Пустомелей» Лукина» (Бродский Н.Л. Гоголь и «Ревизор» // Бродский Н.Л. Избранные труды. М., 1964. С. 42). Исключать возможность воздействия по крайней мере одного из упомянутых авторов (Коцебу) не приходится, однако более вероятно проявление здесь неоднократно описанного на примере фольклорных произведений архетипа: «...подчеркивается большое сходство двух неудачливых героев, то родных братьев, то братьевников. При этом говорится, что

Фома и Ерема, фольклорные Бобчинский и Добчинский, “за един человек”» (*Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 408). Известна и другая, противоположная, разновидность архетипа двойников, а именно “карнавальная комическая пара”, построенная на контрастах: “...толстый и тонкий, старый и молодой, высокий и низкий. Такие контрастные пары живы еще и до сих пор в балаганной и цирковой комике” (*Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 218). В соответствии с этими двумя видами архетипа трансформируются и источники комизма. “Проанализируйте впечатление, которое производят на вас два слишком похожих друг на друга лица: вы увидите, что они вызывают в вас мысли о двух экземплярах, полученных с помощью одной и той же формы” (*Бергсон А.* Смех // Бергсон А. Собр. соч. Т. 5. СПб., 1914. С. 114—115).

Но у Гоголя — усложнение архетипа: внешне почти идентичные (“оба низенькие, коротенькие (...) чрезвычайно похожи друг на друга”), они скрывают в себе еле уловимые различия в темпераменте и характере, вполне достаточные однако для того, чтобы послужить источником острого соперничества и, следовательно, стимулятором сценического действия (подробнее об этом см.: *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М. 1996. С. 215 и далее). Соответственно видоизменяется и природа смеха: комизм подобия и механической обезличенности, а также родственной этому явлению комизм резкого, а потому как бы тоже механического контраста (толстый и тонкий, высокий и низкий и т.д.) осложняется комизмом характерности и психологической нюансировки.

Возвращаясь к возможным влияниям, следует заметить, что еще до “Ревизора” был известен подобный прием завязки действия (получение сообщения о предстоящем прибытии важной особы). Так происходило дело в незаконченной комедии Н.И. Хмельницкого “Арзамасские гуси” (около 1825 г.), где уездному судье Лихвину сообщают о ревизоре из Петербурга; в переведенной с французского А.Н. Верстовским “опере-водевиле” “Дом сумасшедших, или Странная свадьба” (1822 г.; отмечено: *Гиппиус 1924.* С. 96). На петербургской сцене “водевиль этот имел очень большой успех и держался в течение сезонов 1826—1833 гг., 1834—1838 гг. (*Финдейзен Н.Ф.* Алексей Николаевич Верстовский // *ЕИТ.* Сезон 1896—1897 гг. Приложения. Кн. 2-я. СПб., 1898. С. 93). Подобный прием — и в комедии Г.Ф. Квитки-Основьяненко “Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе” (опубликована: Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. № 3. С. 49—86; подпись “Грицко-Основьяненко” и помета “писана в 1827 году”). Здесь в эпизоде получения письма особенно много сходного с гоголевским “Ревизором”: городничий получает известие от “одного из служащих в губернской канцелярии”: “При сем спешу вас уведомить: держите ухо востро! Через ваш город поедет важная и знатная особа — но кто? Не известно (...) Он едет якобы в Крым, но имейте предосторожность”. Городничего это повергает в трепет: “Я весь в жару и мороз

по коже подирает <...> Кто бы это такой? Важная и знатная особа... Верно ревизор". И затем следует совещание чиновников, какие следует принять меры предосторожности.

Другой схожий пример был определенно известен Гоголю: в комедии того же Хмельницкого "Воздушные замки" (упоминаемой в сопоставлении с "Ревизором" в "Отрывке из письма, писанного автором...") отставного мичмана Альнаскарова принимают за графа потому, что пришло письмо о предстоящем приезде графа Лестова "под чужим именем".

Известен был и прием чтения письма с нелицеприятной критикой действующих лиц, например в комедии Загоскина "Добрый малой" (1820 г.), что было отмечено современником: «Последняя сцена (точнее, предпоследнее VI явление. — *Ред.*), где читают письмо Вельского и где он отделяет всех слушателей своего письма <...> имеет некоторое сходство с последнею сценою "Ревизора"» (Аксаков С.Т. Биография М.Н. Загоскина. М., 1853. С. 13). В свою очередь, эта сцена восходит к эпизоду чтения записки Селимены в 4-м явлении V действия "Мизантропа" Мольера (впервые пьеса поставлена в России еще в 1757 г.). На переключку гоголевского и мольеровского текстов обратил внимание еще Проспер Мери́ме в статье "Николай Гоголь" (1851 г.; см.: *Мери́ме П. Статьи о русских писателях.* М., 1958. С. 33).

Наконец, предшествующими произведениями могли быть подсказаны Гоголю и некоторые специфические выражения, касающиеся службы русского чиновничества; один-два характерных примера демонстрирует комедия В.В. Капниста "Ябеда" (первое представление и первая публикация — 1798 г.), писателя, с которым Гоголи-Яновские дружили семьями. Добров разъясняет Прямикову, как следует давать взятки: "Чтоб чина пред другим вам не уничтожать, // То по чинам лишь им извольте прибавлять" (ср. реплику гоголевского Городничего квартальному: "Смотри! не по чину берешь!"). Философствование же Кривосудова: "Перо и то в себя чернила ведь берет: // Так мне ли одному сидеть разиня рот // И, видя под носом летящих куропаток, // Из сотни не схватить одну или десяток? // Прост был бы я и впрямь!", предвосхищает сентенцию Чмыхова, обращенную к тому же городничему: "...за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умной и не любишь пропускать того, что плывет в руки..."

В произведениях, появившихся до "Ревизора", был облубован и уездный город как арена для разыгрываемых событий. Если у Капниста действие происходило в губернском городе (равно как и в наброске пушкинского сюжета, где фигурировали "губернатор" и "губернаторша"), а у А.Ф. Вельтмана (в "Провинциальных актерах", 1835 г., и в авторизованной редакции этой повести — "Неистовом Роланде", 1836 г.) — в уездном городе, одновременно являющемся губернским, то у Г.Ф. Квитки-Основьяненко, так сказать, локализация уездного города была задана с самого начала уже названием пьесы: "Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе" (курсив наш. — *Ред.*). Тем самым была выбрана как бы мини-

мальная иерархическая структура, имитирующая жизнедеятельность более крупных социально-территориальных объединений, вплоть до государственного образования в целом. Автор “Ревизора” воспользовался открывавшейся таким образом возможностью художественного обобщения.

Факт знакомства Гоголя с большинством названных выше произведений или несомненен или же весьма вероятен. Но специально надо остановиться на комедии Квитки-Основьяненко. Последний еще до напечатания пьесы в 1840 г. обратился к Загоскину как директору московских императорских театров с просьбой об ее постановке. В письме от 10 ноября 1836 г. Загоскин отвечал, что хотя произведение заключает в себе “сцены истинно комические”, но постановка его нежелательна ввиду того, что «главная идея этой пьесы совершенно одна и та же, как и в “Ревизоре” г. Гоголя», и публику трудно будет уверить, что это не “подражание” (*Данилевский 1866. С. 271*; см. также: *Загоскин М.Н. Соч. Т. 2. М., 1988. С. 732*). Затем проблемой соотношения двух произведений заинтересовался С.Т. Аксаков, сообщивший Данилевскому: “Я спрашивал Гоголя (около 1840 года), знает ли он эту комедию? И он отвечал мне, что слышал о ней, но не читал” (*Данилевский 1866. С. 217*). Между тем, мысль о том, что Квитка-Основьяненко проложил дорогу гоголевской комедии, получила некоторое признание: «...”Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городке” — это замечательное сочинение Квитки — предшествовало “Ревизору” {...} Квитка в этой суматохе (так. — *Ред.*), как в “Дворянских выборах” и “Выборах исправника”, многое подметил до “Ревизора” — и донес ему о разных беспорядках в губернии — к сведению» (*Обоз к потомству с книгами и рукописями. (Из записок Н.В. Сушкова.) // Паут. Исторический и литературный сборник. Кн. 3. М., 1854. С. 383*).

С тех пор проблема связи двух текстов вызывала самые разные решения — от признания полной зависимости гоголевского “Ревизора” от комедии Квитки-Основьяненко (например: *Волков Н.В. К истории русской комедии. I. Зависимость “Ревизора” Гоголя от комедии Квитки “Приезжий из столицы”*. СПб., 1899) и до отрицания такой зависимости (*Лященко А.И. “Ревизор” Гоголя и комедия Квитки “Приезжий из столицы” // Памяти Леонида Николаевича Майкова. СПб., 1902. С. 523—540*; ср. более взвешенную точку зрения: *Айзеншток И. К вопросу о литературных влияниях (Г.Ф. Квитка и Н.В. Гоголь) // Известия отд. рус. яз. и словесности Академии наук. Т. XXIV. Кн. 1. 1919. С. 23—42*). Тем не менее проблему еще нельзя считать закрытой: при всей оригинальности художественной концепции “Ревизора” бросается в глаза сходство многих подробностей в обеих комедиях, начиная с упомянутого выше акцента на уездном “масштабе” и полного представительства уездной администрации и кончая бытовыми деталями. Однако, возможно, причина этого сходства в том, что Гоголь владел некоторой устной информацией (“слышал о ней, но не читал”), которая, как известно, также способна оказывать стимулирующее творческое воздействие.

Обсуждая литературные источники гоголевской пьесы, нельзя обойти молчанием заметку некоего Томина в “Уфимских губернских ведомостях” (1894 г., 5 августа), сообщившего, что он видел рукопись, озаглавленную “Ревизор, комедия в пяти действиях, из сибирской жизни в стихах. Сочинение Жукова. 1796”. Это сочинение якобы обнаруживает разительное сходство с гоголевским текстом, вплоть до рассказа городничего о сне и упоминания крыс, что побуждает автора заметки сделать далеко идущие выводы, будто бы отысканная им рукопись повлияла на творца “Ревизора”. Больше ничего об этой рукописи и ее судьбе неизвестно, и есть все основания заподозрить здесь или ошибку или “мистификацию если не в самом сообщении, то в дате, выставленной автором” (*Гуннуис* 1924. С. 229, прим. № 66).

* * *

Замысел “Ревизора” определенным образом соотносился с проблемой легитимизации современной русской комедии. Дело в том, что хотя последняя фактически существовала не одно десятилетие, высказывались сомнения относительно ее эстетической укорененности в отечественной почве. В “Московском вестнике” за 1827 г., журнале, усердно читаемом Гоголем-гимназистом, была напечатана статья С.П. Шевырева о комедии Василия Головина “Писатели между собой”, в которой доказывалось, что современная русская жизнь не содержит комических элементов; критик советовал переместить центр тяжести в историческое прошлое: “Если наше однообразное общество, столь бедное явлениями и столь бесцветное, не представляет комику богатых материалов, то да обратится он к общему источнику искусства, в котором все художники черпали, — к истории”. “Ужели неудачный опыт Мольера может убедить нас в том, что в истории нет комедии?” (*МВ*. 1827. Ч. V. № 17. С. 71; подпись “Зоил”). Эту мысль в примечании к статье поддержал Погодин, выразив надежду, “что вскоре один из наших комиков проложит сию новую дорогу в искусстве и представит публике историческую комедию” (там же).

Вскоре П.А. Вяземский в статье “О нашей старой комедии” (1833 г.), вошедшей впоследствии в его книгу “Фон-Визин” (1848 г.), подробно объяснит, почему русская жизнь не благоприятствует комедии: “Начну с того, что, кажется, в русском уме нет драматического свойства...” (*Князь Вяземский. О нашей старой комедии. (Из сочинения: Биограф. и лит. записки о Д.И. фон Визине) // Альциона на 1833-й год. СПб., 1833. Отдел “Проза”. С. 197*). “Должно полагать, что и нравы наши не драматические. У нас почти нет общественной жизни: мы или домоседы, или действуем на поприще службы. На той и на другой сцене мы мало доступны преследованиям комиков...” (там же, с. 199). Подобно Шевыреву и Погодину, Вяземский видит выход в “исторической комедии”, предоставляя на этот счет подробные рекомендации: “Не углубляясь в древность, начиная с царствования Петра до царствования Екатерины включительно, расстилается поприще

широкое и доступное” (там же, с. 207). Далее следует перечисление предметов, которые “могли бы дать комику много драматических движений и красок”, и среди этих предметов — “борьба древних и новых нравов при дворе Петра”, а также “сношения наши с соседними народами”, в частности с “украинцами” (там же, с. 207—208).

Мысль о русской исторической комедии приобрела довольно широкое распространение. Автор статьи “Русские подъячие XVII века” писал: “Самую комическую часть нашей недавней старины, без сомнения, составляют подъячие. Что за люди! (...) Мы всегда сожалели и удивлялись, почему наши водевилисты, — если они есть? — не пользуются такою карикатурною, такою богатою смехом чертою нашего родного комизма, и ищут безвкусных французских Криспинов и Сганарелей, тогда как у нас были оригиналы несравненно забавнее” (*БдЧ*. 1834. Т. V. Ч. 1. Отд. VII. С. 11).

Хотя Гоголь в это время еще не обратился к исторической комедии как таковой (элементы подобной комедии, по-видимому, содержало его более позднее драматическое произведение из жизни Запорожской Сечи, “За выбритый ус”, в целом определяемое им, однако, как трагедия), но и он взвешивал и мысленно прорабатывал отдельные комедийные ситуации на исторической почве. Характерен его совет Погодину (в письме от 1 февраля 1833 г.) ввести в драму “Петр I” фигуру попа в европейском платье посреди пестрого европеизирующегося общества: “Я это пробовал и, клянусь, что в жизнь не видел ничего лучше и смешнее: каждое слово и движение нового фрачника нужно было записывать”. Но главное внимание Гоголя было обращено все же к комедийной обработке современного материала, и в контексте высказывавшихся суждений относительно возможности такой обработки становится яснее подоплека его спора с С.Т. Аксаковым, имевшего место еще в июле 1832 г. в Москве: когда Аксаков (в согласии с традицией) заявил, “что у нас писать не о чем, что в свете все так однообразно, гладко, прилично и пусто”, Гоголь посмотрел на собеседника “как-то значительно” и сказал, что “это неправда, что комизм кроется везде, что, живя посреди него, мы его не видим...” (*Аксаков 1960*. С. 11).

Несколько позже близкие Гоголю взгляды высказал Ф.В. Булгарин в статье “Взгляд на русскую сцену” (*СПч*. 1836. 26, 27 и 28 февраля. № 46—48). Критик убежден не только в возможности, но и в необходимости русской комедии, построенной на современном материале: “...моделируйте ваши характеры по природе, а не по грекам, французам, немцам и англичанам. (...) Неужели наш современный быт в разных сословиях, с нашими странностями, причудами, предрассудками и слабостями, не может служить предметом для высшей комедии, для самого приятного и забавного водевиля? (...) А наши драматурги не могут состряпать пьески, чтоб не обшипать немцев или французов” (*СПч*. 1836. 26 февраля. № 46. С. 184). Специально обращался Булгарин к водевилистам: “Сделайте одолжение, избавьте нас от этих повес, шалунов, плутов и дураков, которыми вы составляете ваши пьесы. Дайте нам наш русский, простой быт. Он гораздо за-

нимательнее французских *мужичьих* водевилей” (СПч. 1836. 28 февраля. № 48. С. 192). Сравним у Гоголя в статье, написанной после премьеры “Ревизора”, в “Петербургских записках 1836 года”: “Где же жизнь наша? где мы со всеми современными страстями и странностями?”; “Что им (русским актерам. — *Ред.*) делать с этими странными героями, которые ни французы, ни немцы, но какие-то взбалмошные люди (...) Ради Бога, дайте нам русских характеров, нас самих дайте нам, наших плутов, наших чудачков! на сцену их, на смех всем!” Вообще знакомство Гоголя со статьей Булгарина более чем вероятно: статья, содержащая обстоятельную характеристику и русской драматической литературы, и состояния петербургского театра, носила программный характер и печаталась в трех номерах “Северной пчелы” именно тогда, когда автор “Ревизора” чуть ли не всецело был занят продвижением комедии на сцену.

Обоснование прав современной отечественной комедии касалось творчества Гоголя-драматурга вообще, т.е. и как автора “Владимира 3-ей степени”, незавершенного и перерабатываемого в отдельные сцены, и как автора “Женитьбы” (первоначально “Женихов”), также еще не законченной и временно отложенной в сторону. Замысел третьей комедии, какой явился “Ревизор”, выдвинул, однако, перед Гоголем новые проблемы, связанные прежде всего с высокой степенью обобщения: «В “Ревизоре” я решился собрать в одну кучу все дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем” («Авторская исповедь»).

Хотя это замечание — результат более поздней рефлексии («Авторская исповедь» писалась весной и летом 1847 г.), но оно обнаруживает и формулирует то, что уже было заложено в комедийном тексте, причем буквально с первой его редакции. Выбор действующих лиц подчеркнуто репрезентативен: каждое из них представляет определенную сторону социальной жизни и административного управления: суд, просвещение, почту, здравоохранение, полицию и, сверх всего, высшую власть в лице городничего (но в отступление от реальной номенклатуры российского уездного города, в котором городничий осуществлял лишь полицейские функции). В русской комедии до Гоголя подобную представительность, как уже отмечалось выше, демонстрировал лишь “Приезжий из столицы...” Квитки-Основьяненко: из тринадцати действующих лиц пять было должностных (не считая солдат) — городничий (Трусилкин), судья (Спалкин), почтовый экспедитор (Печаталкин), смотритель уездных училищ (Ученосветов), частный пристав (Шарин). Подчеркнуто широк в “Ревизоре” и словный диапазон: дворяне как служащие, так и отставные, образующие своего рода городской бомонд, а также находящиеся вообще вне службы — “городские помещики”; затем купечество, мещане и т.д.; к этому надо добавить и женскую половину общества, также разделенную по социальным группам.

Соответственно перестраивался и тип сценической интриги, приведенной в движение не любовным, но как бы иерархически-административным импульсом — прибытием высокой (*мимо* высокой) особы — и развязываемой вначале ее отъездом, а затем — что равносильно уже новой, более драматичной завязке — известием о прибытии настоящего высокого и правомочного чиновника. И во всех перипетиях действия перед вновь прибывшим лицом и в порожденной этим событием волнующей атмосфере надежд, угроз, тревог, словом, самых разнообразных переживаний и эмоций — находится не один, не несколько персонажей, но все они в совокупности, плюс к этому еще персонажи внесценические, заполняющие все мыслимое пространство настоящего города. Гоголь называл это “общей” завязкой, противопоставляемой им “частной завязке”, построенной на любовной интриге. “Нет, комедия должна вязаться само собою, всей своей массой, в один большой, общий узел. Завязка должна обнимать все лица (...). Тут всякий герой; течение и ход пьесы производит потрясение всей машины: ни одно колесо не должно оставаться как ржавое и не входящее в дело” (“Театральный разъезд после представления новой комедии”). В свою очередь, общая завязка диктовалась широтой обобщения и социальностью. “В самом начале комедия была общественным, народным созданием. По крайней мере, такую показал ее сам отец ее, Аристофан. После уже она вошла в узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ход, одну и ту же непременно завязку” (там же).

Хотя приведенные суждения также являются результатом более поздней авторской рефлексии (“Театральный разъезд...” начат после премьеры “Ревизора”, а завершен в августе-октябре 1842 г.), но они снова выводят на поверхность и формулируют то, что уже заложено в тексте комедии, причем, опять-таки буквально с первой ее редакции. При этом и упоминание Аристофана, и противопоставление его последующим “комикам” (очевидно, уже Менандру как представителю новой аттической комедии, но также и новейшим “самым лучшим комикам”, включая Мольера) вписывало замысел “Ревизора” в современный Гоголю общеевропейский и русский эстетический контекст, прежде всего в связи с активно обсуждаемой антитезой древнеаттической и последующей комедии.

Ф.В. Шеллинг утверждал в “Философии искусства”: “...старая греческая, (т.е. древнеаттическая), или аристофановская, комедия есть единственный высший вид комедии, поскольку она опирается на общественные характеры действительных лиц и пользуется ими как своего рода формой, в которую она вливает свой замысел” (Шеллинг Ф.В. Философия искусства. М., 1966. С. 421; прочитано в качестве лекционных курсов в 1802—1805 гг., опубликовано значительно позднее, в 1859, однако получило широкое хождение в рукописном виде; в частности, “два авторитетных списка лекций” находились и в распоряжении С.П. Шевырева — см. предисловие П.С. Попова в указ. изд., с. 5). Такая комедия “старалась из сферы общественной и политической жизни не снижаться до домашнего быта” (там же,

с. 424). Произошло это уже у Менандра, “главы новой комедии”, и таким образом, “комедия, первоначально вращавшаяся в сфере общественной свободы, спустилась в область домашних нравов и событий” (там же). Подобное нисхождение комедии от староаттической к новой рисовал и А. Шлегель в “Лекциях о драматическом искусстве и литературе” (изд. 1809–1811 гг.), и Ф. Шлегель в “Истории древней и новой литературы” (изд. 1814 г.; см.: Шлегель Ф. История древней и новой литературы. Ч. 1. СПб., 1829. С. 61–63, 91–92) и др.

О коренной противоположности новой комедии и древней говорилось в популярном труде А.И. Галича “Опыт науки изящного”: если древняя разыгрывается в “общественном” кругу, то “новая, романтическая” — “в домашнем кругу около неподвижной его точки — женитьбы” (Опыт науки изящного, начертанный А. Галичем. СПб., 1825. С. 196; см. то же: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. Т. 2. М., 1974. С. 268). В “Лекциях профессора Погодина по Герену...” (1836 г.) фигурировало ходовое определение древнеаттической комедии как политической: “Греческую комедию довольно верно называют политической: “Греческую комедию довольно верно называют политической шуткой. По уничтожении народного владычества, ей не было уже места, и возникла новая комедия, которая, имея характер более общий, чем местный, распространила(сь) по всей Греции (Менандр), в Македонский период” (Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира. Ч. 2. М., 1836. С. 311). Гоголь живо интересовался этим трудом. В письме к Погодину от 18 января 1836 г. он благодарит его за полученную первую часть, однако вторую часть, содержащую приведенное место, он мог прочесть лишь позже: эта часть, несмотря на дату “1836”, была задержана издателем, о чем Погодин сообщил в предисловии к книге, датированном 1-м августа 1837 г.

Антитеза аристофановской и последующей комедии была взята на вооружение русской критикой. А.А. Шаховской в предисловии “От сочинителя” к пьесе “Аристофан, или Представление комедии...” писал: “...их (афинян. — Ред.) мысли, замыслы и разговоры стремились беспрестанно к делу общественному, в котором участвовали все граждане; и потому их поэты сочиняли в роде, нынче называемом политической комедию...” (Шаховской А.А. Аристофан, или Представление комедии: Всадники. Историческая комедия в древнем роде... М., 1828. С. VI–VII). И далее: “Мы не афиняне: жизнь наша проходит не на площадях, а в семействах; умы наши заняты почти всегда собственными своими или соседей нашими делами (...). Мы привыкли видеть на театре частные и любовные приключения (...) которые встречаем в нашем общежитии” (там же, с. VII–VIII). Шаховской как автор настоящего сочинения “силится (...) сблизить новейшую комедию с старой” (там же, с. IX).

Пьеса Шаховского активизировала в русском обществе интерес к Аристофану; как отмечал критик, “пьеса сия в Петербурге весьма хорошо обставлена и разыгрывается с отличным искусством” (Сомов О. Обзор рос-

сийской словесности за 1828 год // Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 70.). Любопытное свидетельство этого интереса — отклик “Молвы” на комедию Эраста Перцова “Андрей Бичев, или Смешны мне люди!”. Отмечая новизну ее сюжета (драматург изгнал “любовь, как пружину, слишком истертую общим употреблением”), рецензент добавляет, что Перцов “напрасно приписывает себе славу первого изобретателя сей комической *целомудренности* (...). Так писал еще Аристофан, отец, или лучше, пращур комедии!” (Молва. 1833. 21 сентября. № 113. С. 449—450). В связи с этим поставлена задача, почти буквально предвосхищающая соображения автора “Ревизора” о замене частной, любовной завязки завязкою общею: “Хорошо освободить сию важную отрасль драматической поэзии (т.е. комедию. — *Ред.*) от условного стеснения ее в узких рамках *волокичества* и сделать комедию, как весьма справедливо выражается сочинитель, представлением *прозы житейского назначения человека, со всеми ее подробностями и со всею пошлостью...*” (там же, с. 450; автором этой рецензии, скорее всего, является издатель “Телескопа” и “Молвы” Н.И. Надеждин; см. об этом: Манн Ю. Русская философская эстетика. 2-е изд. М., 1998. С. 93—94). Тут даже категория “пошлости” — специфически гоголевская: “пошлость пошлого человека” («Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”». Письмо 3. 1843).

П.А. Катенин в относящихся к 1830 г. “Размышлениях и разборах” также делил греческую комедию на “древнюю” и “новую” и при сдержанном отношении к эстетическим достоинствам первой ценил ее в историческом аспекте “как союзницу народной свободы, смелую обвинительницу всего вредного, веселую гонительницу всего нелепого...” (Катенин П.А. Размышления и разборы // ЛГ. 1830. Т. I. 20 февраля. № 11. С. 88; см. то же: Катенин П.А. Размышления и разборы. М., 1981. С. 68). Определение “сатиры-политическая комедия Аристофана” встречается и у Вяземского (Князь Вяземский. О нашей старой комедии. (Из сочинения: Биограф. и лит. записки о Д.И. фон Визине.) // Альциона на 1833-й год. СПб., 1833. Отдел “Проза”. С. 199). В.К. Кюхельбекер 27 мая 1834 г. записывает в дневнике: “Аристофан гений, который ничуть не уступит Эсхилу и выше Софокла (...). Можно ли сблизять гениального, роскошного, до невероятности разнообразного, неистощимо богатого собственными вымыслами Аристофана с подражателем, не бесталанным, но все же подражателем — Плавтом?” (Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 311).

Показательно, что в дальнейшем и “Ревизор” был соотнесен с динамичной аристофановской и последующей комедийной традиций как непосредственное продолжение первой, что произошло, по-видимому, под влиянием не только самой комедии, но и соответствующих гоголевских размышлений в [“Театральном разъезде...” и в статье “В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность” (вошла в “Выбранные места из переписки с друзьями”, 1847 г.). С.П. Шевырев в статье “Теория смешного, с приме-

нением к русской комедии” отмечал: “Русская комедия поражала недостатки общественные, как комедия аристофановская, но она не выводила личностей, как сия последняя, и не хохотала с отчаяния” (Москв. 1851. Ч. 1. № 1. С. 106). И позднее: “...русская комедия, по своему значению, родня политической комедии Аристофана. Не на отдельные нравы общества, не на личные характеры нападает она, но на недостатки в основах самой политической жизни общества: так Фонвизин обличает недостатки в воспитании, Капнист — в судах, Грибоедов — в формах светской жизни общества, Гоголь — в гражданской администрации и во всем общественном устройстве” (Шевырев С.П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году. СПб., 1884. С. 238). Впоследствии аналогия между аристофановской комедией и “Ревизором” была подробно разработана Вячеславом Ивановым, о чем речь ниже.

В характеристике же философских и религиозных импульсов, которые могли сказаться в “Ревизоре”, подчеркивалась роль западноевропейской мистической традиции конца XVIII — начала XIX вв. — эсхатологических пророчеств швабского мистика Иоганна-Альбрехта Бенгеля (1687—1752), предсказывавшего конец света в 1837 г., и особенно рассуждений популярного в России Г. Юнга-Штиллинга. Д. Чижевский связывал с этими импульсами прежде всего упоминание Антихриста в первой редакции “Портрета” (“Арабески”, 1835 г.), но допускал, «что с эсхатологическими чаяниями Гоголя связаны и его ожидания, что “Ревизор” — за год до конца мира! — будет иметь какое-то особое влияние на судьбы России...» (Чижевский Д. Неизвестный Гоголь // Новый журнал. Нью-Йорк, 1951. Кн. XXVII. С. 141; см. то же: *Мат. и иссл.* 1995. С. 213). Эти соображения впоследствии были конкретизированы И. Виницким, считавшим, что в “Ревизоре” непосредственно отразились апокалиптические предчувствия, выраженные в сочинении Юнга-Штиллинга “Тоска по Отчизне”: “Мы ныне находимся в таком печальном и опасном положении, какого не было от начала мира доселе” (Штиллинг Г. Тоска по Отчизне. Ч. IV. М., 1818. С. 355. См.: *Виницкий 1998.* С. 151—171). Однако сколько-нибудь определенных сведений о знакомстве Гоголя с этими источниками у нас нет.

Между тем, определенно можно говорить о другом произведении, ставшем действенным фактором в формировании драматургической коллизии “Ревизора”. Это картина К.П. Брюллова “Последний день Помпеи”, привезенная в Петербург в конце лета 1834 г. и выставленная в Академии художеств. Написанная под свежим впечатлением от картины одноименная статья Гоголя (рукопись статьи датирована: “1834. Август”, опубликована в “Арабесках”, ч. 2, 1835 г.) представляет собою своего рода краткий конспект структурных принципов, положенных в основу “Ревизора” (отмечено впервые в кн.: *Манн Ю.* Комедия Гоголя “Ревизор”. М., 1966. С. 10—13, 16). Это прежде всего общая завязка, выходящая за рамки личной судьбы и частной интриги (в том числе и любовной), постановка всех без исключения персонажей перед лицом общезначимого, можно сказать

рокового для них события, разнообразие индивидуальных реакций при полноте переживания этих событий, наконец пластика окаменения как наглядное выражение общего потрясения, “сильных кризисов”, “чувствуемых целою массою”, что уже предвещало сценографию Немой сцены (впоследствии, при доработке “Ревизора”, исходившие от картины Брюллова импульсы были дополнены воздействием другого живописного произведения — “Явления Мессии” А.А. Иванова; см. об этом: *Лебедева О.Б.* Брюллов, Гоголь, Иванов. Поэтика “немой сцены” — “живой картины” комедии “Ревизор” // Поэтика русской литературы. М., 2001. С. 113—126).

Наконец, вполне реальным представляется подспудное воздействие на замысел комедии пушкинской драмы “Борис Годунов”, вызвавшей вскоре после публикации восторженный отклик Гоголя: “Будто прикованный, уничтожив окружающее, не слыша, не внимая, не помня ничего, пожирая я твои страницы, дивный поэт!” (“Борис Годунов. Поэма Пушкина...”, 1831 г.). Параллель между двумя произведениями провел еще О.Ф. Миллер: “Хлестаков — это все наше казовое, не имеющее под собою почвы, все, на себя напускаемое, с чем мы так часто носимся и чем превозносимся” (*Миллер О.Ф.* Область отрожденной личности (По поводу 50-летия “Ревизора”) // *ИВ.* 1886. Т. 24. № 6. С. 657). Обращал внимание на эту параллель и И. Бунин: “Хлестаков самый типичный герой русской истории, и выдумал его не Гоголь, а Пушкин” (из дневника А.А. Пушешникова; опубл.: *Бабореко А.К.* Бунин в начале войны. 1939—1941 // Индивидуальность писателя и литературно-общественный процесс. Воронеж, 1978. С. 108—109). Вс. Мейерхольд на репетициях “Бориса Годунова” в 1936 г. отмечал: «Эту пьесу надо кончить так, как “Ревизора”, где люди застыли от ужаса. Это самая кульминационная точка: люди застывают, и публика разгадывает глубокий смысл этой трагедии» (*Мейерхольд В.Э.* Статьи, письма, речи, беседы. М. Ч. 2. 1968. С. 404).

С.М. Эйзенштейн же пришел к еще более кардинальным выводам. Запись от 9 декабря 1946 г.: «Проснулся в полной уверенности, что “Ревизор” — это... пародия на “Бориса Годунова”» (*Киноведческие записки.* М., 1997/98. № 36/37. С. 180). И далее — перечень точек сближения, среди которых есть и очевидные, и достаточно субъективные: «1) Хлестаков — конечно, “самозванец”. (...). 2) Дмитрий, конечно, грозный “ревизор” для грешной души царя Бориса. Концепция “ревизора” у Гоголя как высшая совесть (особенно к мистическому периоду) — и трагедия Бориса как трагедия совести (“Да, жалок тот, в ком совесть нечиста”). 3) “Народ безмолвствует”, цензурно поправленное, но все равно... “Мертвая” сцена в конце “Ревизора”. 4) Победа Самозванца. Крах Бориса — крах Городничего и приезд Истинного Ревизора. 5) “Аршинники!” — и “Достиг я высшей власти”. 6) *Мария* Антоновна и помолвка — транспонированная *Марина* Мнишек и расчеты ее отца. (...). 7) Сцена в корчме и сцена в... трактире (*Бобчинский*) [и] *Добчинский* — *Варлаам* и *Мисаил*!). (...). 8) Монолог *Пимена* и... монолог... *Осипа*! 9) Письма Хлестакова в Петербург и... рас-

сказ Патриарха об убиенном Дмитрие — *effet foudroyant* (здесь: эффектное действие) обоих на главного злодея. 10) Абсолютный хозяин Государства — Борис и абсолютный хозяин Города — Городничий» (там же, с. 180—181; см. также: Последний разговор с С.М. Эйзенштейном. Публикация И. Вайсфельда // ВЛ. 1969. № 5. С. 253).

Впоследствии параллель: “Борис Годунов” — “Ревизор” стала предметом специального рассмотрения, преимущественно в аспекте уже намеченного ранее мотива самозванства (Альми И.Л. Пушкинская традиция в комедии Гоголя “Ревизор” (1981) // Альми И.Л. Статьи о поэзии и прозе. Кн. 1. Владимир, 1998. С. 42—44; Перлина Н. Прогулки с Гоголем в тени Пушкина // Aleksandr Sergeevich Pushkin. Russian Language Journal. 1999. Vol. 53. № 174—176. P. 263—268; Ронен И. К пушкинским истокам драматургии Гоголя // Пушкинская конференция в Стэндфорде. 1999. Материалы и исследования. М., 2001. С. 335—342).

* * *

Разработка общей коллизии (ситуации ревизора) видоизменила традиционные драматургические элементы, начиная с любовной интриги, уходящей своими корнями в высокую комедию мольеровского типа, затем комедию эпохи Возрождения, а также комедию дель арте, и — еще глубже — в новоаттическую комедию. Театр XVIII в. придал этой интриге морально-этический акцент. “Добродетельный молодой человек любит добродетельную девицу; злые люди им мешают, но любовь и добродетель торжествуют, а порок посрамлен — такова шаблонная канва для большинства пьес XVIII в.” (Лобода 1902. С. 288—289). Так строились комедии Сумарокова, Екатерины II, Фонвизина, Капниста, Загоскина и др. Негативный жених выступал одновременно как носитель порока, и, таким образом, отвращение жениха или нейтрализация его матримониальных претензий оборачивались разоблачением этого порока. В комедиях Капниста, Фонвизина и Грибоедова, которые критика (Шевырев) да и сам Гоголь (применительно к двум последним драматургам) ставили на особое место ввиду высокой степени обобщения (“Наши комики (...) восстали (...) против уклоненья всего общества от прямой дороги” — Н.В. Гоголь. “В чем же наконец существо русской поэзии...”), сохранялись и этическая акцентировка любовной интриги и ее сравнительно большая роль. Изменения касались лишь исхода интриги, что наиболее ярко выразилось в “Горе от ума”: во-первых, соединения любящих так и не происходило, а во-вторых, — самое главное! — недостойный претендент (Молчалин) был предпочтен достойному (Чацкому) (см. более подробно: Борисов Ю.Н. “Горе от ума” и русская стихотворная комедия (У истоков жанра). Саратов, 1978. С. 81—82).

Однако к героям гоголевской комедии, ведущим любовную партию, уже не применимо само деление на “негативных” или “позитивных”, как оно не применимо к ее персонажам вообще. Вместе с тем значительно сокращалась и роль любовной интриги, хотя Гоголь не отказывался от нее

полностью: в “Театральном разезде...”, восходящем к опыту “Ревизора”, любовная завязка высмеяна не вообще, но потому, что она пользуется избитыми, надуманными приемами (“театральные любовники с их картонной любовью”), и еще потому, что будучи “частной” завязкой, она претендует на место общей завязки аристофановского типа. И ту и другую опасность автор предотвратил, подчинив любовную интригу ситуации ревизора. “Не нужно только позабывать того, (что) в голове всех сидит ревизор. Все занят(ы) ревизором. Около ревизора кружатся страхи и надежды всех действующих лиц” — это положение из другой гоголевской работы («Предупреждения для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”»); написано ок. 1846 г., опубликовано в 1886 г.) восходит, в частности, к любовной интриге в комедии: “около ревизора” кружится весь вихрь любовных эмоций жены и дочери городничего, от их неподдельного восхищения “столичной штучкой” до острого чувства ревности и соперничества.

В корне переосмыслено и ведущее ампула ситуации ревизора и тем самым всей коллизии *qui pro quo*: вместо сознательного обманщика-авантюриста или же случайного лица, по недоразумению попавшего в ложное положение, но не извлекающего из этого никаких выгод (два наиболее характерных варианта подобной коллизии), был выбран простодушный лжец, не способный к каким-либо продуманным действиям, но в то же время с успехом выполнивший подсказанную ему обстоятельствами роль. Нетрадиционность центрального персонажа, по-видимому, отличала гоголевский план уже и от пушкинского замысла: фраза Пушкина “принимают за...”, вопреки высказывавшемуся мнению (см., например: *Макогоненко 1985. С. 237*), определяет объективный результат мистификации, но не характер поступков, невольных или осознанных, ее инициатора. Что же касается этих поступков, то употребление Пушкиным имени Криспина — устойчивое ампула плута и хвастуна во французской комедии, — затем некоторые детали замысла в пересказе Бодянского (“выдавал себя за какого-то петербургского важного чиновника...”. Курсив наш. — *Ред.*), — все это позволяет сделать заключение об осознанности поступков задуманного персонажа.

Переосмыслен гоголевский персонаж и по отношению к типу хвастуна или лжеца, ведущего свою линию вне какого-либо корыстного и продуманного плана. “Центральный тип хвастуна и лгуна тоже очень стар — его история начинается с хвастливого солдата Плавта, продолжается в Фальстафе Шекспира...” (*Гуннуис 1924. С. 98*). Пример самозабвенного хвастуна в русской комедии — Альнаскарков из упоминавшихся выше “Воздушных замков” Хмельницкого, противопоставленный Гоголем Хлестакову (в “Отрывке из письма...”), поскольку последнего отличает наивность и непрофессионализм лжи. “Ревизор” решительно порывает с традицией — преимущественно уже водевильной — акцентировки лжи как некоей доминирующей страсти или ремесленного занятия, хотя при этом сохраняется способность полностью отдаваться процессу лжи и получать от него наслаждение

(“...он сам позабывает, что лжет, и уже сам почти верит тому, что говорит” — “Отрывок из письма...”; по удачному выражению современного исследователя, Хлестаков “по натуре своей — homo aestheticus” — см.: *Zelinsky B. Gogol. Der Revisor // Das russische Drama. Düsseldorf. Bagel, 1986. S. 78*).

Изменение коллизии *qui pro quo* привело к перестройке всего сценического действия. Герой, который по видимости управляет или, по крайней мере, инициирует события, на самом деле подчинен им не в меньшей мере, чем другие персонажи; сама интрига из активной превращается в пассивную — ее источник перемещается за пределы круга субъективных намерений и объективных шагов всех без исключения лиц, которые тем самым уравниваются в отношении знания, точнее незнания, реального хода вещей.

Наибольшую степень заблуждения — опять-таки в нарушение традиции — обнаруживает при этом тот, кто обладает наибольшей степенью хитрости и практической сметки, т.е. Городничий, чьи мошеннические способности, прежде чем подвергнуться роковому испытанию, получают высшую аттестацию (“...мошенников над мошенниками обманывал <...> трех губернаторов обманул” и т.д.). Таким образом намечается характерная комедийная ситуация “обманутого мошенника” с той только решающей поправкой, что поражение он потерпел не от еще более искусного противника, но от человека, не прилагавшего к тому никаких сознательных усилий и недостойного своей “победы”. Активность одного персонажа сталкивается с мнимой активностью другого; при этом носитель мнимости сохраняет статус центрального лица или, по определению Гоголя, исполнителя “главной роли” (“Отрывок из письма...”), поскольку именно такой статус преобразует всю фактуру комедии.

К новизне этой фактуры следует отнести и видоизменение амплуа слуги, одна из функций которого обычно состояла в том, чтобы быть помощником в любовных проделках своего господина, в преодолении противодействия старших, в отваживании неугодных женихов и, в конечном счете, соединении любящих (рабы в новоаттической и римской комедии, в комедии итальянского Возрождения, слуги в комедии дель арте и в комедии нового времени, в частности у Мольера, а также в русской драматургии XVIII — начала XIX вв.; параллельно эта традиция развивалась и в западноевропейском и русском водевиле). Другая же функция слуги (иногда совмещавшаяся с первой) заключалась в комментировании действия с позиций наивно-го, “неиспорченного” народного сознания — здесь слуга соприкасался или совпадал с типажом позитивных героев, как это наблюдалось, например, у Екатерины II: «Воплощением “здорового смысла” в ее комедиях являются слуги; носителями идеалов самого автора — те интеллигенты-резонеры, которые <...> с точки зрения разума, освещают неразумное и, вместе со слугами, снимают покровы с прикровенных плутов...» (*Сиповский В. Императрица Екатерина II и русская бытовая комедия ее эпохи // История русского театра. Т. I. М., 1914. С. 326—327*).

В “Ревизоре” устраняется морально-этическое противостояние слуги миру негативных персонажей; характер Осипа развивается в той же плоскости, что и Хлестакова, в одном отношении дублируя последний (мелкотравчатый гедонизм, доморощенная эстетика комфорта, на языке Осипа определяемая как “галантерейное обхождение”), в другом — дополняя и компенсируя его “слабости” (практицизм и предусмотрительность вместо бездумной беспечности и бесшабашности). В то же время в измененном, пародийном виде к Осипу переходят некоторые функции прежнего ампула, утончая общий рисунок комедии: активности позитивного слуги как помощника соответствует то, что именно Осипу принадлежит инициатива незамедлительного отъезда из дома Городничего, без чего действие имело бы другой исход; склонности же такого слуги к сентенциям соответствует привычка Осипа “себе самому читать нравоучения для своего барина” (“Характеры и костюмы. Замечания для гг. актеров”). Вернее, чем кто-либо другой, оценивает Осип и существо разыгрывающихся событий, в чем можно было бы усмотреть продолжение той традиции, когда слуга олицетворяет естественную точку зрения; однако и в данном случае традиция иронически трансформирована, поскольку до понимания происходящего он возвысился не как ревнитель справедливости и выразитель авторского идеала, но как плут, находящийся в счастливых обстоятельствах умственного превосходства над одной стороной (хозяином) и независимости от другой (городских чиновников).

Таким образом, Гоголем была сведена на нет и довольно устойчивая в новейшей комедии традиция позитивной сентенциозности и резонерства. “От резонерства у него не осталось и следа, ибо резонерство городничего, о котором упоминает Гоголь, — совершенно иного рода, жизненное, а не такое, из-за которого проглядывает сам автор” (*Лобода 1902. С. 295*). В свою очередь, устранение резонерства обуславливалось единством комедийного мира, в котором преодолевалось деление персонажей на порочных (большинство) и добродетельных (меньшинство).

* * *

“Ревизор” возник на почве, образованной очень сложным переплетением разнообразных жанровых традиций: высокой комедии нового времени (прежде всего мольеровской), фарсовой комедии (представленной, в частности, мольеровскими же “Плутнями Скапена”), серьезной (или слезной) комедии как западноевропейской, так и отечественной, а также традиций мелодрамы и водевиля. В сознании Гоголя к моменту написания “Ревизора” жанровая динамика приобретала вид некоей дипольности, выразившейся злободневными категориями “романтизма” и “классицизма”: романтизм означал “стремление подвинуться ближе к нашему обществу, от которого мы были совершенно отдалены подражанием обществу и людям, являвшимся в созданиях писателей древних” (“Петербургская сцена в 1835—36 г.”, март-апрель 1836 г.); классицизм же знаменовал противоположное нача-

ло — консерватизма и сдержанности. Современности отвечает примирение обоих начал, когда “романтическое” обращается “в классическое или, лучше сказать, в отчетливое, ясное, величественное создание” (там же). Как самый яркий пример подобного примирения в сфере эпоса Гоголь называл Вальтера Скотта, в качестве же примера в драматургии он явно подразумевал свой собственный опыт как автора “Ревизора”.

В аспекте тематики и сюжетосложения это выразилось прежде всего в устранении экстраординарного, свойственного особенно мелодраме: “Главное в мелодрамах эффект, оглушить вдруг чем-нибудь зрителей (...). Вся мелодрама состоит из убийств и преступлений...” (там же). Но и по отношению к высокой комедии, особенно комедии с отчетливой сатирической установкой, преступления и пороки в “Ревизоре” оказались, так сказать, минимизированы и усреднены, что сразу же отметила критика. «Баснь “Ревизора”, — писал Вяземский, — не утверждена на каком-нибудь гнусном действии: тут нет утеснения невинности в пользу сильного порока, нет продажи правосудия, как например в комедии Капниста “Ябеда”» (*Совр.* 1836. Т. 2. С. 301—302; см. то же: *Вяземский* 1984. С. 151).

Снижение экстраординарного происходило также в сфере комического, из которой почти полностью были устранены приемы грубой комики, имеющие глубокие традиции (современный водевиль, далее фарсовые сцены в высокой комедии, комедия эпохи Возрождения, народная комедия, в частности, западноевропейская комедия дель арте, украинское вертепное представление и т. д.), что также не осталось незамеченным критикой: «...в “Ревизоре” нет ни одной сцены в роде “Скапиновых Обманов”, “Доктора поневоле”, “Пурсоньяка” или Расиновых “Les Plaideurs” (“Сутяг”. — *Ред.*); нет нигде вымышленной карикатуры, переодеваний и проч. За исключением падения Бобчинского у двери, нет ни одной минуты, сбивающейся на фарсу. В “Ревизоре” есть карикатурная природа: это дело другое» (*Совр.* 1836. Т. 2. С. 290; см. то же: *Вяземский* 1984. С. 144). Резкое сужение области грубой комики (некоторые ее традиционные проявления, такие, как потасовки, палочные удары и т. д., изначально отсутствовали в тексте; другие остались лишь на стадии черновой редакции — рассказ Анны Андреевны о поручике, которого денщик внес в комнату в “преогромном куле с перепелками”) шло параллельно с изменением ее функции. В особенности это касается сцен подслушивания, которые (наряду с упоминаемыми Вяземским “переодеваниями”) обычно являлись источником сценических коллизий и перипетий, в частности *qui pro quo*: подслушивание помещиком Гайфишом разговора Зальдерна с его слугой Павлом в “Береговом праве” А. Коцебу; подслушивание Пронским разговора графини Лелевой с графом Ольгиным в “Уроке кокеткам, или Липецких водах” А. Шаховского; переодевание служанки Марины в платье своей госпожи Милены в “Хвастуне” Я. Княжнина и т. д. Подобный прием мог служить если не источником недоразумения и *qui pro quo*, то все же средством узнавания, влияющего на ход действия и поведение персонажей (та-

ково подслушивание Чацким сцены свидания Молчалина с Софьей в “Горе от ума” А. Грибоедова). Подслушивание же Бобчинским разговора Городничего с Хлестаковым — единственная в “Ревизоре” подобная сцена — не ведет ни к раскрытию какой-либо тайны (Бобчинский узнал лишь то, что ему все равно вскоре стало бы известно), ни к каким-либо сюжетным осложнениям. Редуцирование и трансформация традиционных комических приемов соответствовали перемещению комического начала в сферу психологического соотношения и взаимодействия персонажей — свойство, впоследствии точно определенное В.И. Немировичем-Данченко: “Гоголь находит сценическое движение в неожиданностях, которые проявляются в самих характерах, в многогранности человеческой души, как бы примитивна она ни была” (Немирович-Данченко В.И. Тайны сценического обаяния Гоголя // ЕИТ. 1909. Вып. 2. С. 32; см. то же: Немирович-Данченко 1953. С. 599). “Неожиданные” поступки вместе с тем предполагали их заблаговременную психологическую и ситуационную мотивацию: так, решительная мысль Осипа о скорейшем отъезде из дома городничего подготавливалась еще его репликами во втором (“...ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет”) и третьем (“...что, там другой выход есть?”) действиях; факт перлюстрации почтмейстером письма Хлестакова подготавливался зафиксированной еще в первом действии его страстью читать исходящую и входящую корреспонденцию, а также тем, что Хлестаков пишет на Почтамтскую.

Обращение “романтического” в “классическое” проявилось и в сообщении всей пьесе четкого архитектурного рисунка, внешне во многом следующего канонам классицистической драматургии, начиная с пятиактной композиции. Такая композиция предполагала прохождение действия через пять последовательных фаз, из которых на третью приходится пик кульминации. Знаменательно, что этот “пик” вычислен в “Ревизоре” с математической точностью: всего в третьем действии одиннадцать явлений и именно в шестом, т.е. *центральном* (сцене вранья) — “возвышение” Хлестакова и, соответственно, страх окружающих (Городничий даже потерял дар речи: “А ва-ва-ва...”) достигают предельных высот. Симметричность проявляется и в способе ввода в действие противоположных участников коллизии: с одной стороны — Городничего с компанией, с другой — Хлестакова; в этом смысле начало второго акта (явления I—VII) соответствует первому акту: вначале мы наблюдаем, как лихорадочно готовится к встрече Городничий, затем — как *не готовится* ничего не подозревающий Хлестаков. Симметричны и повторяющиеся сцены последовательного, один за другим, явления чиновников и других “горожан”: в первом действии Сквозник-Дмухановский беседует с каждым из них, делает наставления; в четвертом действии следуют поочередные визиты к Хлестакову чиновников, а также Добчинского и Бобчинского; наконец, в последнем акте происходит новое представление почти всех действующих лиц, на этот раз заочное, через призму восприятия Хлестакова как автора письма

к Тряпичкину. Пластическое завершение этой тенденции — Немая сцена, с полнотой охвата всех за исключением Хлестакова и Осипа персонажей и симметричностью рисунка (“Городничий посередине в виде столпа...” и т.д.). Все это отвечало драматургическим принципам Гоголя, сложившимся к моменту написания “Ревизора” и получившим длительный, устойчивый характер (12 июля 1848 г. в связи с пьесой К.С. Аксакова “Освобождение Москвы в 1612 году” (1848 г.) Гоголь отмечал в письме к С.Т. Аксакову, что в драме “нужно осязательное, пластическое творчество и ничто другое”).

Однако классическая правильность и симметричность архитектоники “Ревизора” осложнялись отмеченной выше новизной центрального персонажа и связанной с этим “неправильностью” ситуации: в первом акте целенаправленные и энергичные действия Городничего и других оказываются на поверку подготовкой к борьбе с мнимым противником; возвышение Хлестакова в центральной, осевой сцене третьего акта есть *фантасмагорическое* возвышение (и соответственно предельное возрастание страха окружающих есть неадекватная, *нелепо-комичная* реакция) — и так вплоть до “немой сцены”, чье символическое соответствие реальному значению персонажей подорвано тем, что истинным стимулятором — и соответственно — центром “живой картины” (жанровая характеристика, которую применял Гоголь к этой сцене) на самом деле послужил, хотя и произвольно, Хлестаков, уже выбывший из круга действующих лиц.

Достаточно сложно обстояло дело в “Ревизоре” с тремя единствами, которым в основном и особенно внешне комедия следовала. Так, в отношении единства места допущено легкое отступление: не одно “место”, а два (во втором акте — комната в гостинице; в четырех остальных — комната в доме Городничего). Подобная двойность уже была подготовлена предшествующей комедией: у В.И. Лукина в “Награжденном постоянстве” (1763—65 гг.) первый, второй и пятый акт происходят на улице, третий — очевидно, дома, четвертый — частично на улице, частично дома; один из ближайших же к “Ревизору” примеров — “Горе от ума” Грибоедова (поставлено в полном виде в 1831 г.; первое русское издание — 1833 г.), с местом действия в гостиной Фамусова (первый-третий акты) и в его же парадных сенях (четвертый акт).

В вводной ремарке Гоголь дает и описание одного из мест действия, а именно “комнаты в гостинице”, также продолжая в этом отношении определенную традицию: в “Моте, любовью исправленном” Лукина была подробно представлена комната, в которой происходили события; годом появления этой комедии (1765) датируют “начало использования сценических указаний” на русском театре (*Schlieter H. Studien zur Geschichte des russischen Rührstücks. 1758—1780. Wiesbaden, 1968. S. 78*). Однако соответствующие пояснения в “Ревизоре” отличаются предельным лаконизмом, который драматург, по преданию, попытался восполнить устными советами и требованиями перед самой премьерой (см. об этом ниже). Стоит заметить,

что в “Ревизоре” отсутствуют и ремарки, касающиеся одежды и внешности персонажей (ср. описание одежды в подробной вводной ремарке к 1-му действию “Бригадира” Фонвизина), что также восполнялось как в специальном разделе текста — “Характеры и костюмы...”, так и с помощью устных авторских советов и указаний.

“Ревизор” в основном выдерживает и единство времени, допуская при этом некоторую вариативность трактовки. Традиционно возможно было более строгое соблюдение единства (не более 24 часов), кодифицированное “Поэтическим искусством” Буало, и менее строгое (не более 36 часов, т.е. полутора суток). В свою очередь более строгая “формула” времени предполагала, что действие умещалось в один день, с утра и до полуночи, или же переходило на следующий день, но в сумме не превышало те же 24 часа или длилось чуть больше (так, в частности, обстояло дело в слезной драме М.М. Хераскова “Тонимые” (1775 г.), обнимавшей день, ночь и утро и день следующих суток). Поскольку четвертый и пятый акты “Ревизора” представляют события следующего дня, то естественно полагать, что действие охватывает диапазон полутора суток (но не больше). Однако характерно, что к началу четвертого акта Хлестаков только-только проснулся — “выходит с заспанными глазами” (кстати, этот смысловой эффект создается в результате переработки четвертого акта для второго издания; в прежнем тексте неясно, сколько времени прошло с момента пробуждения героя), и затем пружина действия раскручивается столь стремительно, что временную протяженность его в целом можно представить близкой к одним суткам. Следует отметить и другую особенность характеристики момента времени, скрадывающую грань между первым и вторым днем: поскольку Хлестаков отправился “отдохнуть” после завтрака в богоугодном заведении и посещения Городничего, т.е. фактически без обеда и ужина, но, видимо, проспал до утра, и ни у кого затем даже не возникла мысль о необходимости “кормления” (заметим, что это тоже результат переработки текста: в первых двух черновых редакциях, в девятом явлении третьего действия, Анна Андреевна упрекает мужа, зачем он “его пригласил спать” — “ведь нужно ж обедать сей час”), то возможно было восприятие действия как укладывающегося в один день: “...все действие пьесы длится несколько часов, с утреннего сборища в доме городничего до отъезда мнимого ревизора в тот же вечер” (*Милюков А.П.*) Рассказы и путевые воспоминания. СПб., 1873. С. 320).

Из трех единств наиболее часто в догоголевской комедии нарушалось единство действия, распадавшееся на два и большее количество сюжетных планов (*Schlieter H.* Указ. соч. С. 64 и т.д.). Автор “Ревизора” по видимости оказался более верен этой традиции, по существу же радикально отступил от нее, поскольку разные события, происходящие с разными героями, от начала до конца были подчинены одному центральному — встрече с ревизором (мнимым) и ее последствиям, и таким образом единство действия было преобразовано в единство ситуации, о чем говорилось выше. При этом сохранялась полная обозримость и наглядность происходящего, по-

сколькx событийный ряд, с одной стороны, почти не прерывался (после начала действия только один момент — посещение богоугодного заведения — происходит *между актами*, вторым и третьим), а с другой — выдерживалась относительная немногочисленность сценических персонажей. Показательно, что перспектива резкого раздвижения круга участников в четвертом акте, когда в открывшуюся дверь выставилась “фигура во фризовой шинели” и другие лица, — тотчас же нейтрализуется (вмешательством Осипа: “Пошел, пошел! чего лезешь?”). Благодаря этому “Ревизор” близок, по современной терминологии, к типу “закрытой драмы”, которая (в отличие от драмы “открытой”) избегает массовых сцен, так как “эти сцены принесли бы на подмостки бурлящее движение, нечто неоформленное, невыраженное, вследствие чего (...) пострадала бы тонкая шкала нежных движений и нюансированных способов их выражения” (*Klotz V. Geschlossene und offene Form im Drama. München, 1978. S. 34*).

Принцип нюансировки и тонкого преобразования традиции, примененный в отношении трех единств, наблюдается в “Ревизоре” и в сфере ономастики, столь значимой для драматургии классицизма. Последней, как известно, свойственны говорящие имена или, точнее, имена, прямо указующие на порок. П. Вяземский в связи с такими персонажами комедии Лукина “Мот, любовью исправленный”, как Злорадов или Добросердов, отметил, что в них “самая афиша объясняет характеры” (*Князь Вяземский. О нашей старой комедии. (Из сочинения: Биограф. и лит. записки о Д.И. фон Визине.) // Альциона на 1833-й год. СПб., 1833. Отдел “Проза”. С. 215; вошло в его кн.: Фон-Визин. СПб., 1848*). В другой предшествующей “Ревизору” комедии, в “Дворянских выборах” (1829) Г.Ф. Квитки-Оснoвьенко, вереница имен: Староплутов, Заправлякин, Кожедралов, Выжималов, Драчугин, а также Благосудов и Твердов — равнозначна, по выражению историка литературы, “кондуитным спискам” (*Котляревский 1915. С. 268*).

Внешне гоголевская комедия использует прием говорящих имен, однако такие имена вместо одномерного определения порока заключают в себе некое свернутое комическое действие: таковы Держиморда (ударит так, что только держись; вместе с тем в фамилии ассоциативно дан намек и на внешность этого героя), Уховертов (словно слышится хруст сворачиваемого уха обывателя и вместе с тем — вновь возможный намек на поведение самого персонажа: держать ухо востро, улавливать настроение и распоряжения начальства), Ляпкин-Тяпкин (дела в суде идут тяп-ляп), Хлестаков (безоглядность, “легкость необыкновенная в мыслях”, а также размахистость, хлесткость, подчеркнутые более поздним выражением Гоголя из письма В.А. Жуковскому от 6 марта н. ст. 1847 г. по поводу “Выбранных мест...”: “Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в нее”). Сложное вибрирование окружает фамилию “Сквозник-Дмухановский”: способность проходить насквозь, т.е. пронырливость, ловкость, беспардонность, усиленные ассоциациями с крылатым выражением

“продувной человек”, “продувная бестия” и т.д., но опять-таки без прямого названия порока (ср.: *Пролазин* в “Моте, любовью исправленном” Лукина, *Пролаз* в комедии Княжнина “Чудаки”); во второй же части фамилии — *Дмухановский* — отчетливо прослушивается слово “мухлевать”, но опять-таки в не прямой, осложненной огласовке; не исключено и участие «украинского *дмухати* — “дуть”; намек, быть может, на “продувной” (плут или под.)» (*Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX в. Т. 1. Киев, 1941. С. 381), но, добавим снова, без прямого обозначения порока (“дуть” — все-таки не “надувать”, не “обманывать”). Имело значение и то, что фамилия составная, что реализовало гоголевское режиссерское замечание — *Городничий* “ведет себя очень солидно” — и иронически соотносилось с фамилиями типа *Суворов-Рымникский*, *Дибич-Забалканский*; кстати, последняя фамилия, как отмечено выше, фигурировала в черновом тексте. В образовании фамилии “*Держиморда*” возможна также реминисценция из произведения В.К. Кюхельбекера “*Адо (Естонская повесть)*” (Мнемозина. М., 1824. Ч. I. С. 119–167; отмечено: *Вайскопф 1993*. С. 405), но с характерной комической переакцентировкой: вместо: *атаман Держикрай — полицейский Держиморда* (курсив наш. — *Ред.*).

По нормам поэтики классицизма говорящие фамилии часто получали буквальное словесное оправдание в репликах персонажей: “капитан, по прозванию *Гвоздильов* (...) жену свою *гвоздит*...” (“*Бригадир*” *Фонвизина*); *Чванкина* полагает, что “тот, до времени кто *чванится*, оплошен” (“*Хвастун*” *Княжнина*); о госпоже *Ханжахиной* говорят, что она “*ханжит* много” (“*О время!*” *Екатерины II*) и т.д. (курсив наш. — *Ред.*). В “*Ревизоре*” же — вместо каламбурного обыгрывания фамилий извлечение из них разнообразных ассоциаций, порою создающих ряд комических “картинок”: например, тот же *Держиморда*, который “всем ставит фонари под глазами”, который “поехал на пожарной трубе” (*Держиморда на трубе!*) и т.д. Актуализировались и неожиданности, вытекающие из контраста имени и облика персонажа: так фамилия *Земляника* подсказывала ассоциации сентиментального, чувствительного толка, в то время как в действительности он каверзен, неприятен (если это и “ягода”, то довольно кислая); вместе с тем окрашивались в определенный, “земляничный” цвет отмеченные в авторских пояснениях его плутовство и услужливость (в сценических интерпретациях эта черта получала развитие: так, в постановке В.Э. Мейерхольда, по свидетельству зрителя, В.Ф. Зайчиков-Земляника “от себя (...) добавил к гнусности гоголевского чиновника сладчайший оттенок, медовый сироп, если бы гнена могла улыбаться, она улыбалась бы именно так” — *Мацкин 1984*. С. 189; см подробнее об этом спектакле ниже).

Усложнен был в “*Ревизоре*” и тот контрапункт, который вытекал из характерной для комедии и шире — для комического рода литературы — парности персонажей: помимо пары сплетников, нужно упомянуть еще мать и дочь как соперниц (*Анна Андреевна* и *Марья Антоновна*), а также мужа

и жену как соучастников в затеявшейся интриге (Антон Антонович и Анна Андреевна). Последняя пара находит аналогию в соотношении персонажей в “Ябед” Капниста: Кривосудов и его жена Фекла. Однако традиционно контрапункт “негативной пары” строился на простом увеличении в женском персонаже неких порочных качеств: Фекла, еще более хищная, чем Кривосудов, подталкивает его на преступление, заставляет пренебрегать опасностью (“ведь не ходить и в лес, когда волков бояться”). В “Ревизоре” же контрапункту придано другое измерение: “материальные” мечтания Городничего (о “большом чине”, о “ряпушке и корюшке”) Анна Андреевна корректирует своими, “поэтическими” (об “амбре” и т.д.). Контрапункт одомашивает ситуацию, сообщая ей объемность и глубину.

Внешне продолжал традицию и заключительный аккорд “Ревизора” — появление жандарма, поскольку для комедии XVII—XVIII вв. характерно было разрешение коллизии посредством вмешательства высокой инстанции, часто — самого монарха. Однако при этом Гоголь пренебрег важнейшим условием такого финала — определенностью результата, при котором носители порока и преступники строго наказывались, а пострадавшие восстанавливались в своих правах (в “Тартюфе” Мольера — распоряжение короля об аресте Тартюфа; в “Минне фон Барнхельм” Лессинга — письмо короля, реабилитирующее майора Тельхейма; в “Недоросле” Фонвизина — распоряжение правительства о приеме в опеку имения Простакова; в “Хвастуне” Княжнина — “повеление” препроводить плута Верхолета в “дом смиренья” и т.д.).

В “Ревизоре” же вместо определенности начальственного приговора и вытекавших из него последствий внимание сосредоточилось на самом эффекте потрясения; развязка оказалась близкой к новой кульминации, причем высшего порядка, поскольку она превышала любые мыслимые перипетии реальной жизни персонажей. Технически это было выражено развернутой мизансценой, или Немой сценой. Высказывалось предположение о том, что эта сцена как развернутая пантомима возникла под влиянием сцены “Мышеловка” в трагедии Шекспира “Гамлет, принц датский” (*Купрянова Е.Н.* Гоголь-комедиограф // *РЛ.* 1990. № 1. С. 24). Однако происходящее в финале “Ревизора” превосходит степень пантомимического действия и превращается в полную неподвижность, в окаменение персонажей, что близко к популярному в конце XVIII — начале XIX вв. жанру “живых картин”, которые были введены в театральный и светский обиход Ж.Л. Давидом и Ж.Б. Изабэ (о близости “немой сцены” к “живой картине” Гоголь говорил в “Отрывке из письма...”, в «Предупреждении для тех, которые пожелаали бы сыграть как следует “Ревизора”»). При рельефности и разнообразии психологического рисунка (каждый из персонажей ведет себя в соответствии со своим положением и характером, дорисовывая, доигрывая свою роль) и отступающей от всех принятых норм правдоподобия длительности (“почти полторы минуты”; в “Отрывке из письма...” — даже “две-три минуты”) Немая сцена заключала в себе множественность смыслов, вплоть

до эсхатологического значения и значения высшего, Божественного суда (см. об этом: *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. М., 1988. С. 227–236, 366–378; его же: “Ужас оковал всех...” (О немой сцене в “Ревизоре” Гоголя) // *ВЛ.* 1989. № 8. С. 223–235).

Благодаря полисемии Немой сцены из нее вычитывается и намек на “другую” жизнь персонажей, их последующее возрождение; отсюда парадоксальное совпадение — в духе священной пародии — рисунка Немой сцены (“Городничий *посередине* в виде столпа с *распростертыми руками* и закинутою назад головою. По правую сторону его: жена и дочь с *устремившимся к нему движеньем всего тела...*” — курсив наш. — *Ред.*) со сценой распятия (см. об этом: *Виницкий 1998.* С. 170–171). Но и подобное прочтение сохраняет элемент проблематичности и неокончателности, поскольку отмеченная пародийность может свидетельствовать все о той же материальности, заземленности, “пошлости” устремлений и забот персонажей (по поводу перекликающегося с Немой сценой возможного финала “Владимира 3-ей степени”, где помешавшийся на ордене персонаж застывает в виде креста перед зеркалом, — правомерно замечено: “Самораспятие героя на кресте (ордене святого Владимира) — профанация сакрального эпизода и страстей — наглядно демонстрирует подмену сакральной идеи современным материализованным эквивалентом” — *Гончаров С.А.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. С. 144).

Важнейшей чертой Немой сцены, гармонирующей с общей завязкой пьесы и универсальностью ее ситуации, являлась всеобщность окаменения персонажей (ни для кого не делалось исключения), а также его выдержанность до конца пьесы. Любопытно, однако, что впоследствии Гоголь готов был допустить некоторые отступления от правила (“Коробкин, соскучившись, успел попотчевать Растаковского табаком, а кто-нибудь из гостей даже довольно громко сморкнуть в платок” — из письма Гоголя к М. Щепкину от 12(24) октября 1846 г.), тем самым внося в комедию жанровые элементы буффонады.

Наконец, подготовлена была комедийной традицией и реплика Городничего “Чему смеетесь? над собою смеетесь!..”, поскольку она соответствовала функционально тем “сигналам”, которые расширяли смысл происходящего на сцене, перебрасывали мостик в зрительный зал (такова заключительная сентенция служанки Мавры в пьесе Екатерины II “О время!”: “Всех осуждаем, всех ценим, всех пересмежаем и злословим, а того не видим, что и смеха и осуждения сами достойны”). В “Ревизоре” упомянутая реплика (появившаяся только на стадии переработки текста для издания 1842 г.) мотивирована психологически: Городничий мысленно представляет себе, как будут реагировать зрители, если “в комедию тебя вставят”, и отвечает смеющимся. (Кстати, боязнь негативного персонажа быть осмеянным в комедии — тоже повторяющийся мотив; ср. реплику графини в “Комедии против комедии, или Уроке волокитам” Загоскина (1816 г.): “Того и гляди, что упрячут тебя в какую-нибудь комедию. И кто выдумал писать

эти комедии...”) Прямое обращение Городничего в зрительный зал текстом не предугазано, но оно оказалось логическим следствием при сценических интерпретациях “Ревизора” (см. об этом ниже).

* * *

Историю интерпретации “Ревизора” в критике открыла рецензия Ф. Булгарина в “Северной пчеле” (СПч. 1836. 30 апреля. № 97. С. 385–388; 1 мая. № 98. С. 389–392; подпись: Ф.Б.), упрекнувшего драматурга в двояком искажении истины — как по отношению ко времени, так и к месту действия. Мол, автор «почерпнул свои характеры, нравы и обычаи не из настоящего русского быта, но из времен *пред-Недорослевских*, из комедий “Ябеда”, “Честный секретарь”, “Судейские именины” и других *отличных*, но ныне забытых произведений прошлого (или, что все равно, начала нынешнего) века» (там же, № 98, с. 389). Что же касается правдоподобия места и обстановки, то рецензент вообще готов был отлучить пьесу от русской жизни: «...городок автора “Ревизора” не русский городок, а малороссийский или белорусский: так незачем было и клепать на Россию» (там же, с. 392). Критика общественного толка (в сгущении красок и клевете) переходила в критику эстетическую: пьеса не обнаруживает искусного и продуманного плана, ибо “на злоупотреблениях административных нельзя основать настоящей комедии. Надобны противоположности и завязка...” (там же, с. 389).

При этом произведение не зачеркивалось в целом, но лишь понижалось на шкале эстетических ценностей: это не высокая комедия типа “Мизантропа” Мольера, а фарс: «...мы почитаем (“Ревизора”. — *Ред.*) не комедией, но презабавным фарсом, в роде Мольерова фарса “Скапиновы обманы”» (там же, с. 390). Отдано должное остроумию автора, выражена надежда на будущее: “...мы твердо уверены, что он способен написать хорошую комедию, чего усердно желаем” (там же, с. 392).

Вслед за Булгариным выступил О. Сенковский (БдЧ. 1836. Т. XVI. Отд. V. С. 30–44; ценз. разр. 30 апреля). Принадлежность рецензии Сенковскому для современников была, видимо, очевидной, хотя факт анонимной ее публикации в ряду откликов на другие произведения (после разбора “Недовольных” Загоскина) вызвал впоследствии гневный протест автора этого разбора Н.А. Полевого («...редактор (Сенковский. — *Ред.*) прибавил брань на “Ревизора”» — *Полевой Н.* Очерки русской литературы. Ч. 1. СПб., 1839. С. XVII) и Белинского (“Тяжело и грустно говорить о делах будто бы литературных, а между тем принадлежащих вовсе не к литературе, а к другому ведомству!..” — *ОЗ.* 1840. Т. VIII. № 1. Отд. VI. С. 39; см. то же: *Белинский.* Т. III. С. 501). Подобно Булгарину, Сенковский оспаривал жизненную достоверность комедии, но особенное внимание уделил ее, как он считал, художественному несовершенству, придав своей критике прямо-таки конструктивный характер — отсутствие “сильной за-

вязки” он посоветовал “исправить введением еще одного женского лица”, т.е. “какой-нибудь уездной барышни”, за которой бы приволокнулся Хлестаков. “Прибавивши к двум первым актам две или три сцены для этой любви, автор оживил бы остальную часть сочинения интригою, которая в четвертом действии могла бы еще запутаться ревностью Марии Антоновны и доставить комическому дарованию г. Гоголя много забавных черт соперничества двух провинциальных барышень”. И пьеса таким образом была бы спасена, т.е. сделалась бы “комедиею не по одному только заглавию” (*БдЧ*. 1836. Т. XVI. Отд. V. С. 44). Замечание Сенковского (так же, как и болгаринский упрек в том, что комедия построена на “злоупотреблениях административных”) отчетливо свидетельствуют о неприемлемости для критика, говоря гоголевскими словами, “общей завязки” и об его стремлении вернуть действие в русло завязки “частной”. В результате, как и Булгарин, не оспаривая гоголевского дарования, критик “Библиотеки для чтения” снижает его по шкале эстетических ценностей: “Ревизор” “не заслуживает имени комедии по своему плану и созданию” (там же, с. 42), но представляет ряд “превосходных сцен” (монолог Осипа, посещение Бобчинским и Добчинским Хлестакова — там же, с. 32, 36).

Отзывами Булгарина и Сенковского ограничивается тот круг рецензий, которые мог прочитать Гоголь до отъезда за границу 6 июня 1836 г. Устные же отклики были гораздо многочисленнее и разнообразнее; их систематизацию по горячим следам предпринял впервые П.А. Вяземский, в рецензии на “Ревизора”, появившейся также после отъезда драматурга (*Вяземский П.А. “Ревизор”. Комедия, соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836 // Совр.* 1836. Т. 2. С. 285—309; подпись: В.; ценз. разр. 30 июня; см. то же: *Вяземский 1984. С. 142—153*). Подобную задачу критик поставил перед собою вполне осознанно: в письме к А.И. Тургеневу от 8 мая 1836 г. он писал, что готовит “разбор комедии, а еще более разбор зрителей” (*ОА, т. III. С. 318*). Разделяя все слышанные им упреки на “три отделения: литературное, нравственное и общественное”, Вяземский относил к первому “отделению” высказывания, «что “Ревизор” не комедия, а фарса» (*Вяземский 1984. С. 144*), что язык его “низок”, что отсутствует “надлежащая определенность” в описании “нравов и обычаев известной эпохи” и т.д. (там же, с. 146). Совпадая с соответствующими обвинениями первых рецензентов, эти пассажи могут быть проиллюстрированы и эпистолярными и мемуарными источниками. Так, Я.М. Неверов 23 апреля 1836 г. сообщал Н.В. Станкевичу из Петербурга: “Еще новость: давали комедию Гоголя: Ревизор. Смешно — но, право, все пустяки и в ней нет ничего восхитительного, хотя и превозносят ее до небес. Драмы нет, истинного комизма и по-давно; зато много верности в изображении провинциального быта, много остроты — иногда больно сальной. Неужели из этих материялов можно построить комедию? Как фарс, как сцены провинциальной жизни — она имеет без сомнения, большое достоинство” (*ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 19*). В письме к М.А. Бакунину от 9 мая 1836 г. Неверов

продолжил эту тему: мол, “Ревизор” ему “вовсе не нравится” — «Ни одна плоскость, ни один фарс у меня не вызовут улыбки (...). Дело другое высокая комедия, основанная на юморе (...). Но “Ревизор” не комедия, а Бог знает, что такое, смешное, карикатурное. Но я боюсь говорить об этом, потому что мне уже досталось выдержать много разных споров и в том числе с почтеннейшим Тимофеем Николаевичем (Грановским. — *Ред.*)» (цит. по публикации автографа: *Дурылин С.Н.* От “Владимира третьей степени” к “Ревизору” (Из истории драматургии Н.В. Гоголя) // Ежегодник Института истории искусств. 1953. Театр. М., 1953. С. 220). В 1836 г., очевидно также вскоре после премьеры, Г.С. Аксаков сообщал из Петербурга в Москву родным: «Об “Ревизоре” я слышал, что эта пьеса была принята отлично (...), но также слышал, что в ней много престонародных бранных слов, что не совсем приятно слышать» (*Шенрок В. С.Т.* Аксаков и его семья // *ЖМНП.* 1904. Ч. CCCLV. Сентябрь. С. 400). Зафиксирована также сходная реакция Н.В. Кукольника, который «после представления “Ревизора” только иронически ухмылялся и, не отрицая таланта в Гоголе, замечал: “а все-таки это фарс, недостойный искусства”» (*Панаев 1988.* С. 173).

Упреки второго “разряда” — в том, что “Ревизор” оскорбляет “нравственное чувство”, — соседствуют, в изложении Вяземского, с “общественными замечаниями”: мол, “комедия — ложь, клевета, несбыточный и недозволительный вымысел!” (*Вяземский 1984.* С. 149—151). Все это вновь совпадает с суждениями первых рецензентов, однако в устном обиходе подобные обвинения достигали опасной для автора остроты, что было позднее отмечено Вяземским в “Приписке” к рецензии: “...смотрели на комедию как на государственное покушение: были им взволнованы, напуганы и в несчастном или счастливом комике видели едва ли не опасного бунтовщика” (“Приписка” датирована 1876 г., см.: *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 2. СПб., 1879. С. 274; см. то же: *Вяземский 1984.* С. 153—154). Едва ли рецензент не имел при этом ввиду Ф. Вигеля, чью ненависть к Гоголю он отметил еще во время первого чтения комедии (см. с. 738 наст. изд.). Позднее, 31 мая 1836 г., Вигель писал М. Загоскину, что хотя он не читал и не видел пьесы, но “столько о ней слышал, что издали она” ему “воныла”. “Автор выдумал какую-то Россию и в ней какой-то городок, в котором свалил он все мерзости, которые изредка на поверхности настоящей России находишь...” (*РС.* 1902. Т. 111. № VII. С. 100—101). Так и В.И. Панаев, кстати, бывший сослуживец и начальник Гоголя по Департаменту уделов, «приходил в ужас от того, что “Ревизора” позволили играть на сцене. По его мнению, это была безобразная карикатура на администрацию всей России...» (*Панаева (Головачева) А.Я.* Воспоминания. М., 1972. С. 158).

Драматизм и остроту споров вокруг “Ревизора” передает упоминавшееся письмо Вяземского к А.И. Тургеневу от 8 мая 1836 г.: “Tout le monde se pique d’être plus royaliste qui le roi (все стараются быть большими рояли-

стами, чем сам король. — *Ред.*), и все гnevаются, что позволили играть эту пиесу (...). Неимоверно, что за глупые суждения слышишь о ней, особенно в высшем ряду общества!» (*ОА, т. III. С. 317*). Среди «малого числа работорцев за пиесу» Вяземский, помимо себя, называет В. Жуковского и П.Б. Козловского, близкого к пушкинскому кругу, сотрудника «Современника»; это говорит о том, что все трое участвовали в устных спорах о «Ревизоре». Сторонником гоголевской комедии был и В.Ф. Одоевский, отметивший что русская литература «оказала правительству и публике четыре услуги, а именно: «Недоросль», «Ябеда», «Горе от ума» и «Ревизор»» (недатированная запись Одоевского, опубликована в кн.: *Сахаров В.И. Русская проза XVIII—XIX веков: Проблемы истории и поэтики. М., 2002. С. 94*).

Споры отзывались и в театральной среде. Такой осведомленный человек, как Р.М. Зотов, начальник репертуара русского театра, писал: «...многие восстали на эту пиесу (...). У нас, как и везде, всегда есть люди, которые не любят обнаружения злоупотреблений» (*Зотов 1859. С. 104*; с небольшими стилистическими отличиями: *Зотов 1896. С. 786*). Красно-речив также сделанный еще в 1840 г. намек того же автора: говоря о том, что Гоголь как комедиограф со времени «Ревизора» ничего не написал, он прибавляет: «...но можно быть уверены, что одни только неотвратимые препятствия удерживали порывы его музы» (*Зотов Р. И мои воспоминания о театре. Период третий // РРТ. 1840. Т. II. Кн. 9. Отд. III. С. 52*). Под «неотвратимыми препятствиями», очевидно, подразумеваются препятствия не творческие, а внешние, которые обнаружили в дни первых представлений. Это давало основание Гоголю утверждать, что «уже находились люди, хлопотавшие о запрещении» пьесы (письмо М.С. Щепкину от 29 апреля 1836 г.), хотя неизвестно, принимались ли в этом направлении какие-нибудь практические шаги.

Чуть ли не главным своим противником Гоголь считал министра народного просвещения С.С. Уварова: «Уваро(в) был всегда против меня, хотя я совершенно не знаю, чем возбудил его нерасположение. Оно, казалось, началось со времен Ревизора» (письмо П.А. Плетневу от 6 февраля 1842 г.). П.В. Анненков, свидетель происходивших событий, писал впоследствии А.Н. Пыпину (1 июня н. ст. (1874 г.)): «...тон нападков на «Ревизора» как на административную сатиру и комедию, вовсе не свойственную русским нравам и порядкам, был задан, как тогда говорили, самим министром Уваровым, и эхом его сделалась «Библиотека для чтения»» (*ОР ИРЛИ. Ф. 250. Оп. 3. Ед. хр. 106. Л 1. — Указано И. Конобеевской*). Необходимо, однако, добавить, что прямых подтверждений факта преследования Уваровым «Ревизора», в частности, его влияния на позицию Сенковского, у нас нет.

Отчетливо выявилось благожелательное, даже восторженное отношение к «Ревизору» в среде столичной молодежи. «Когда сыгран был в начале 1836 года «Ревизор», все мы в лицее (речь идет о Царскосельском ли-

цее. — Ред.) нетерпеливее обыкновенного ожидали праздников, чтобы видеть эту превосходную комедию...» (Лонгинов М.Н. Воспоминание о Гоголе // Совр. 1854. Т. XLIV. № 3. С. 89; см. также: Гог. восп. совр. 1952. С. 73). Лонгинову вторит другой мемуарист, в ту пору студент петербургского Училища правоведения: «Все были в восторге, как и вся вообще тогдашняя молодежь. Мы наизусть повторяли потом друг другу, подправляя и пополняя один другого, целые сцены, длинные разговоры оттуда» (Стасов В.В. Училище правоведения сорок лет тому назад, 1836—1842 гг. // РС. 1881. Т. XXX. № 2. С. 417—418; см. также: Гог. восп. совр. 1952. С. 399).

Еще решительнее была поддержка москвичей, причем многие голоса дошли до Гоголя, были им услышаны. М. Погодин в письме от 6 мая увещевал его не сердиться «на толки»: «Ну как тебе, братец, не стыдно! Ведь ты сам делаешься комическим лицом». И далее о рецензии Булгарина: «Я расхохотался, читая в “Пчеле” (...), что таких бессовестных и наглых мошенников нет на свете. “Есть, есть они: вы такие мошенники!” — говори ты им и отворачивайся с торжеством» (РС. 1889. Т. 63. № 8. С. 381—382; см. то же: Гоголь. Переписка. Т. 1. С. 361). М. Щепкин 7 мая писал Гоголю, что пьеса осуществила все его «надежды» и он «совершенно ожил» (РС. 1886. Т. 52. № 10. С. 147; см. также: Гоголь. Переписка. Т. 1. С. 449). Чуть позже, 29 мая, редактор «Московского наблюдателя» В.П. Андросов писал в Петербург А. Краевскому: «Пожалуйста, поблагодарите при свидании любезного Гоголя за присылку его Ревизора: для меня это чудо» (Мат. и иссл. 1936. Т. 2. С. 138; публикация Н.И. Мордовченко). Особенно выделялось суждение К.С. Аксакова (неизвестное Гоголю), писавшего М.Г. Карташевской из Москвы в Петербург 9 мая 1836 г.: «...Я уже читал “Ревизора”; читал четыре раза и потому говорю, что те, кто называет эту пьесу грубою и плоскою, не поняли ее. Гоголь — истинный поэт; ведь в комическом и смешном есть также поэзия. (...) Если он смеется над жизнью, над нелепостями, которые в ней встречает, то поверьте, что в это время на сердце у него тяжело» (ЛН, т. 58. С. 550). К. Аксаков одним из первых заговорил о высоком смехе Гоголя, о серьезной основе его комизма, о грусти, хотя, подчиняясь широко распространенному мнению, он сделал исключение для повести “Нос” (она “точно немного сальна” — там же).

В середине мая 1836 г. имела место попытка увенчать гоголевскую комедию академической наградой. Заводчик и меценат П.Н. Демидов, учредитель “Демидовских наград”, обратился 11 мая к неременному секретарю Петербургской академии наук П.Н. Фусу с письмом, в котором, характеризуя сочинение Гоголя как “образцовое” и отдавая должное “точнейшему описанию нравов, поставленных им на сцену лиц и национальности наречий”, заключал: “Мне весьма бы желалось (...) чтобы сие творение г. Гоголя было увенчано одною из золотых медалей, учрежденных на счет суммы, мною ежегодно жертвующей в Российскую Академию наук”. Предложение

обсуждалось 13 мая на заседании общего собрания, но поддержки не встретило, поскольку премии за “стихотворения, романы, повести, драматические сочинения” не присуждаются, “учреждение же медалей (...) имело исключительно целью наградить посторонних ученых за труды, принимаемые на себя по приглашению Академии, при рассматривании и обсуждении таких соискательных сочинений, которые по предмету своему не подлежат непосредственному разбору Академии” (*Кулябко Е.С.* Из архива Академии наук СССР: Несостоявшееся премирование Гоголя // *РЛ.* 1967. № 4. С. 170–171). По мнению публикатора этого документа, отказ в награде объясняется политическими мотивами: «общественно-обличительное содержание “Ревизора” было (...) раскрыто» (там же, с. 171); в массовой печати эта аргументация получила дальнейшее развитие (“Была долгая тяжба, комитет упирался, но реакционно настроенные академики... В общем премию Гоголь не получил” — *Ульяшов П.* Почему не получил премию Гоголь? // *ЛГ.* 1987. 26 августа. № 35. С. 3). В действительности же решение академии соответствовало букве положения о наградах, где, в частности, предусматривалось присуждение золотых медалей лишь посторонним рецензентам (См.: *Т.* 1831. Ч. III. № 10. С. 258; *ЖМНП.* 1841. Ч. XXXII. № 12. Отд. III. С. 106–107). О присуждении же Гоголю премии вообще не было речи.

Маем 1836 г. можно датировать и отзыв К.П. Брюллова о “Ревизоре”. Возвратившийся в Россию через Одессу художник жил в Москве с 25 декабря 1835 г. по конец мая 1836 г., остановившись у И.П. Витали (27-го Брюллов уже был в Петербурге). “В один из таких вечеров (у Витали. — *Ред.*) кто-то привез только что вышедшего из печати Ревизора, Гоголя. Когда он был прочитан, Брюллов был вне себя от восторга: вот она — натура, говорил он, и сам начал читать его вслух, говоря за каждый персонаж особенным голосом. Весь этот вечер был посвящен Брюлловым Ревизору Гоголя” (*Рамазанов Н.А.* Материалы для истории художеств в России. М., 1863. С. 188). Существует также картина В.Е. Маковского «К.П. Брюллов читает “Ревизора” Гоголя в доме Е.И. Маковского»; среди присутствующих — А. Пушкин, И. Витали, А. Добровольский, В. Тропинин, Е. Маковский, Л. Маковская и др. (лист из альбома, 1860-е (?) гг., Гос. Русский музей — см.: *Ацаркина Э.Н.* Карл Павлович Брюллов: Жизнь и творчество. М., 1963. С. 321). Брюллов действительно прожил у Маковского, чья квартира находилась в Кремле, “две недели” (*Рамазанов Н.А.* Материалы для истории художеств в России. С. 186), однако, упомянутое чтение “Ревизора” другими источниками не подтверждается.

Дальнейшая история восприятия “Ревизора” в критике и в читательских кругах проходила уже в отсутствие Гоголя.

В. Андросов в “Московском наблюдателе” выступил в связи с московской премьерой комедии (*Андросов (В.П.)* Ревизор, комедия, в 5 действиях, соч. Н. Гоголя // *МН.* 1836. Ч. VII. Май. Кн. 1. С. 120–131; ценз.

разрешение 5 июня). Оспорив мнение предшествующих рецензентов (подразумевались Булгарин и Сенковский), будто пьеса представляет собою фарс, он решительно подчеркнул новизну ее жанра: «Чтобы точно характеризовать комедию с таким содержанием как “Ревизор”, для этого традиции вашей пиитики не сыщут приличного прилагательного. Если правила пишутся с произведений, а произведения выражают общества, — то наше общество другое нежели то, когда эти риторики и эти пиитики составились» (там же, с. 125). Критик относит “Ревизора” к разряду “высокой комедии”, которая “вместе с смехом подымает краску стыда в лицо”; в то же время он называет пьесу “комедией цивилизации, где человек семейный уступает место человеку общественному, где частные отношения заменяются общими” (там же, с. 122), — из этих рассуждений отчетливо видно, что имеется в виду негативная социальная роль гоголевских персонажей, подобно Тартюфу из мольеровской комедии. Сходство же “Ревизора” с “Горе от ума” рецензент оспаривает: грибоедовская характерология — “что портрет в живописи”, чем ближе к подлиннику, “тем произведение будет выше”; у Гоголя же запечатлены “сущности” или “типы лиц”, представляющие от имени определенных социальных групп (там же, с. 126). Очевидно, в этих рассуждениях преломилось положение Дидро о смене “характеров” “сословиями” в “серьезной”, или “слезной” комедии.

К загадкам истории критических интерпретаций “Ревизора” относится то, что не выступил ведущий критик “Московского наблюдателя” С. Шевырев, хотя Андросов в письме к Краевскому от 8 июня объявил: “Шевырев, в свою очередь, напишет критику в Перечне, я только *введение*” (*Мат. и иссл. 1936. Т. 2. С. 138—139*). Однако ни в разделе “Перечень Наблюдателя”, который вел Шевырев, ни отдельно такого отклика не появилось, что дало Белинскому основание утверждать: «Когда вышел “Ревизор”, один известный критик отказался писать о нем, видя в нем грязное произведение» (*ОЗ. 1842. Т. XXIV. № 10. Отд. VIII. С. 133*; см. то же: *Белинский. Т. VI. С. 406*). Белинский подкрепил свою мысль ссылкой на то, что и “Нос” был отвергнут “Московским наблюдателем” (а значит, и Шевыревым) как повесть “грязная”. Несмотря на то, что это объяснение прочно вошло в научную литературу (см. упомянутую статью Мордовченко: *Мат. и иссл. 1936. Т. 2. С. 139*; см. также: *Войтоловская 1971. С. 58* и далее), его никак нельзя считать доказанным. Спустя шесть лет, в связи с появлением “Мертвых душ”, Шевырев в весьма позитивном контексте говорил о “Ревизоре” как о впечатляющем изображении “уездной бессмыслицы, вызванной комическою фантазиею...” (*Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москв. 1842. Ч. IV. № 8. С. 351*). Позднее он неоднократно затрагивал вопрос о близости гоголевской пьесы к аристофановской традиции политической комедии (см. с. 656 наст. изд.). Писал Шевырев — и весьма выразительно — о достоинствах языка и речевых характеристиках в “Ревизоре”: Гоголь «владеет еще чудным даром подслушивать устную речь говорящего

русского человека и менять ее по характеру, свойствам, мгновенному чувству лиц, им выводимых. В “Ревизоре” неистощима поэзия комического слога, вся эта яркая бессмыслица уездной речи, рисующей нам какой-то безымянный город, получивший право действительного существования посредством гоголевской кисти; Гоголь разговором также рисует характер лица, как своим слогом предметы внешние» (*Шевырев С.* Взгляд на современную русскую литературу. Статья вторая // *Москв.* 1842. Ч. II. № 3. С. 180).

На этом фоне оценка “Ревизора” как “грязного” произведения характеризовала бы резкую непоследовательность Шевырева, в действительности ему не свойственную (показательно, что в той же статье о “Мертвых душах” критик, будучи верным своим убеждениям, по-прежнему определенно отрицательно отзывался о не принятом к публикации “Носе”, относя его, наряду с “Вием” и некоторыми повестями из “Арабесок”, к самым “неудачным созданиям Гоголя” — там же, с. 373).

Одновременно с “Московским наблюдателем” с краткой заметкой о “Ревизоре” выступила издававшаяся в качестве приложения к “Телескопу” газета “Молва” (*Московские записки // Молва.* 1836. № 8. С. 209–211; ценз. разрешение 6 июня, без подписи; см. также: *Белинский.* Т. XIII. С. 30–31). Заметка эта с большим на то правом атрибутируется Белинскому (см.: *Белинский.* Т. XIII. С. 301–303; см. также: *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1976. С. 706–707), хотя нельзя окончательно исключить авторство другого лица — издателя “Телескопа” и “Молвы” Н.И. Надеждина. Являясь непосредственным откликом на московскую премьеру, заметка своей безоговорочной поддержкой нового произведения и восторженным тоном превосходит все предшествующие печатные отзывы. Пьеса Гоголя оценена как свидетельство возникновения подлинно национального театра: “Его оригинальный взгляд на вещи, его умение схватывать черты характеров, налагать на них печать типизма, его неистощимый гумор — все это дает нам право надеется (...) что мы будем иметь свой национальный театр, который будет нас угощать не насильственными кривляньями на чужой манер, не заемным остроумием, не уродливыми переделками, а художественным представлением нашей общественной жизни...” (*Белинский.* Т. XIII. С. 30). Полагая, что комедия как “истинно художественное произведение” требует “основательного изучения” (кстати, характерный оборот Белинского, свидетельствующий в пользу его авторства; ср.: “изучение дело великое”; «”Мертвые души” требуют изучения» — *Белинский.* Т. II. С. 365; т. VI, с. 220), рецензент обещает вскоре дать “полный отчет, как в пьесе, и в ее представлении” (*Белинский.* Т. XIII. С. 31).

Таким “отчетом” явилась “Театральная хроника” Н.И. Надеждина, опубликованная в следующем выпуске “Молвы” (1836. № 9. С. 250–264; ценз. разрешение 15 июня, подпись: А.Б.В.; см. то же: *Надеждин* 1972. С. 471–478; принадлежность статьи Надеждину доказана в работе:

Осовцов С. А.Б.В. и другие // *РЛ*. 1962. № 3. С. 75–101). Назвав Гоголя “великим комиком жизни действительной” (*Надеждин* 1972. С. 472), а “Ревизора” — “русской, всероссийской пьесой”, “изникнувшей не из подражания, но из собственного, быть может горького, чувства автора” (там же, с. 474), критик обратил внимание на трагическую подкладку и глубину гоголевского комизма. “Ошибаются те, которые думают, что эта комедия смешна, и только. Да, она смешна, так сказать, снаружи, но внутри это горе-гореваньице, лыком подпоясано, мочалами испутано” (там же).

Статья Надеждина, в свою очередь, вызвала различные отклики. В “Северной пчеле” (*СПч*. 1836. № 169. 27 июля. “Смесь”. Подпись: “Титулярный советник Иван Евдокимов сын Покровский, Москва, 9-го июня 1836”) выступление А.Б.В. было приписано Белинскому, что заставило последнего опубликовать специальное разъяснение (От Белинского // *Молва*. 1836. № 12. С. 330–335; ценз. разрешение 13 августа; см. также: *Белинский*. Т. II. С. 230–232), в котором он, отрицая свое авторство, в то же время заявил, что “согласен с большею частью мнений, выраженных в этой статье с талантом, умением и знанием своего дела” (там же, с. 231). Как статью Белинского воспринял надеждинскую заметку и И.И. Лажечников, писавший ему из Твери во второй половине июня 1836 г.: “Высоко уважаю талант автора Старосветских помещиков и Бульбы; но не дам гроша за то, чтобы написать Ревизора, эту потешку райка Русского. Признаюсь, я сержусь на вас: вы пристрастны. (...) И если называете его комическим гением за то, что от души смеетесь фарсу его, почему не назвать Загоскина таким гением за уморительные сцены его” (*В.Г. Белинский и его корреспонденты*. М., 1948. С. 181; возможно, что автор письма подразумевал не “Театральную хронику”, а “Московские записки”).

В июле появилась рецензия Вяземского (упоминавшаяся выше в связи с разбором зрительских откликов на петербургскую премьеру), о которой С.Н. Карамзина 24 июля (5 августа) 1836 г. написала за границу брату Андрею Николаевичу: «Там (в *Совр.* — *Ред.*) есть несколько очень остроумных статей Вяземского, между прочим, одна по поводу “Ревизора”» (*Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов*. М.; Л., 1960. С. 81; см. также отрицательные суждения Белинского об этой статье, находившиеся в русле завязавшейся между ним и Вяземским полемики — *Белинский*. Т. II. С. 230–235).

А чуть позже увидела свет последняя из посвященных премьере и первому изданию рецензий, написанная П. Серебряным (*Ревизор*, соч. Н. Гоголя. С.П.бург. 1836 года // *ЛПРИ*. 1836. 22 июля. № 59 и 60. С. 475–480; ценз. разр. 20 июля; подпись: Петр Серебряный. Июля 5-го). Автор этой рецензии чуть ли не первый — в связи с “Ревизором” — заговорил о простодушии гоголевского комизма, применяя к нему шиллеровскую категорию из трактата “О наивной и сентиментальной поэзии” (1795–96 гг.): «Его произведения надобно отнести к тому роду поэзии, ко-

тору *Шиллер* называл *простодушною*: нам должно называть их *украинскими*. Г. Гоголь обыкновенно описывает мелочные обстоятельства и ничтожные случаи, но рассказывает о них с важностью, как о необыкновенных происшествиях мира. (...) Этим сочинитель “Ревизора” отличается от всех наших писателей. (...) Утвердительно можно сказать, что до г. Гоголя у нас не было *Гоголя*» (там же, с. 479). Большое внимание рецензент уделил опровержению мнения, будто сюжет комедии несбыточен, однако перейдя к главному персонажу, не удержался от подобного упрека: “Если чья роля не совсем у него выдержана, так это роля *Хлестакова*. Его принимают за ревизора, а он думает, что его хотят взять в тюрьму; ему дают займы денег, с намерением *тонким и политическим*, а он удивляется глупости чиновников! Между тем, как поддерживая обман провинциалов, он увеличивал бы вероятность происшествия” (там же, с. 478). По-видимому, подчиняясь традиции, критик готовился увидеть в *Хлестакове* сознательного обманщика и плута. Мельком отметил он, в соответствии с распространенным мнением, что в комедии есть “двусмысленности, слова и выражения низкие”, но не стал настаивать на этом, полагая, что “правила сочинителям — пустая песня!” (там же, с. 478, 479). Однако в целом рецензия была определено позитивной и вовсе не пыталась «свести все содержание “Ревизора” к чистому комизму» (см.: *Ак. Т. IV. С. 546*).

То обстоятельство, что “Ревизор” появился почти одновременно с комедией М.Н. Загоскина “Недовольные” (пост. 1835; опубл.: М., 1836), послужило стимулом для их сравнения: «Первое место между комическими произведениями русской драматургии занимают комедии гг. Гоголя “Ревизор” и Загоскина “Недовольные”. (...) Обе они имеют неоспоримые и важные достоинства, так что, может быть, после “Недоросля” и “Горя от ума” не выходило на русском языке ничего подобного. Надобно, впрочем, заметить, что в г. Гоголе меньше заметно наблюдательности, нежели в г. Загоскине: зато последний уступает первому в комизме и неподдельном юморе» (Обозрение книг, вышедших в России в 1836 году // *ЖМНП. 1838. Ч. XX. № 12. С. 591*; без подписи).

Ряд отзывов о “Ревизоре”, датируемых второй половиной 1836 — началом 1837 гг., был стимулирован представлениями комедии на московской сцене. Н.В. Станкевич, который прочитал пьесу еще в Пятигорске и сдержанно отозвался о ней в письме к М. Бакунину от 21 июня 1836 г. (“Ревизор далеко отстал от Миргорода. Это — не его род. Но и тут талант”), чуть позже, 3-го ноября писал тому же адресату из Москвы: «На днях я видел “Ревизора”: Щепкин превосходен в последнем акте, но в 1-м не постиг, кажется, Гоголя» (*Станкевич Н.В. Переписка. 1830—1840. М., 1914. С. 613, 622—623*). Станкевич ценит комедию, хотя его похвала в отличие от таких участников его кружка, как Белинский или К. Аксаков, не безоговорочна. Видевший пьесу около того же времени А.И. Тургенев записал 21 июля ст. ст. 1836 г. в дневнике: «...давали “Ревизора” — и прекрасно, если красота в истине, в точности изображения нравов или безнравственно-

сти, разврата русского народа. Всякий из нас, служивших и имевших власть, встречал в жизни служебной их оригиналов; даже едва ли не каждый из нас бывал plus ou moins (более или менее. — Ред.) в положении ревизора; хотя и не каждый брал взятки» (*Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.)*. М.; Л., 1964. С. 486). Гораздо более сложным оказалось отношение к “Ревизору” П.Я. Чаадаева, писавшего в “Апологии сумасшедшего” (1836—1837 гг.): “...никогда ни один народ не был так бичуем, никогда ни одну страну не волочили так в грязь, никогда не бросали в лицо публике столько грубой брани, и, однако, никогда не достигалось более полного успеха. (...) Почему же мы так снисходительны к диническому уроку комедии и столь пугливы по отношению к строгому слову, проникающему в сущность явлений” (*Чаадаев П.Я. Статьи и письма*. М., 1989. С. 159—160; оригинал на фр., впервые: *Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïef, publiées pour la première fois par le P. Gagarin de la compagnie de Jésus*. Paris; Leipzig, 1862). В заключительных словах приведенного пассажа Чаадаев подразумевает самого себя как автора “Философических писем”: синхронность появления одного из этих “писем” и “Ревизора”, поддержка царем гоголевского произведения и осуждение им “письма” Чаадаева, — все это обусловило рассерженный эмоциональный тон суждений о комедии.

Отзывы Белинского о “Ревизоре”, относящиеся к концу 30-х годов, имеют беглый, хотя и достаточно определенный характер. В 1838 г., опять-таки в связи с московским спектаклем (17 мая), критик отметил: “Какое глубокое, гениальное создание! И что может создать человек, который написал такое произведение только для пробы пера!..” (*Московский театр // МН. 1838. Ч. 16. Апрель. Кн. 1. С. 485; см. также: Белинский. Т. II. С. 397*). По свидетельству современника, эпитет “гениальный” “удивил тогда своей смелостью самих друзей Гоголя, очень высоко ценивших его первое сценическое произведение” (*Анненков 1989. С. 152*). При всем том этот эпитет выразил и обобщил то, что уже витало в воздухе, особенно в московской среде (Надеждин, кружок Станкевича — ср. надеждинскую фразу о “великом комике действительности”). Спустя два года Белинский выступил с подробным разбором “Ревизора” (“Горе от ума”... // *ОЗ. 1840. Т. VIII. № 1. Отд. V. С. 29—44; без подписи; см. то же: Белинский. Т. III. С. 452—470*), поставив во главу угла “идею призрачности”, свойственную именно комедии. В этом аспекте произведение охарактеризовано как необычайно цельное, представляющее “замкнутый в самом себе мир” (там же, с. 453), начиная от сновидения Городничего (“им открывается цепь призраков, составляющих действительность комедии” — там же, с. 456) и кончая приемом Хлестакова как ревизора, обхождением с ним, проводами и т.д. Обоснованию ошибки чиновников, поскольку она многим казалась неправдоподобной, критик уделил особое внимание, мотивируя ее эстетически, т.е. выводом из той же идеи призрачности: “Не грозная действительность, а призрак, фантом или, лучше сказать, тень от страха виновной совести должны были наказать человека призраков” (там же, с. 454).

Привлечен и чисто психологический, житейский аргумент: “Сосредоточьтесь на идее, от которой зависит ваша участь, — вы начнете говорить о ней с первым встречным на улице, приняв его за своего приятеля, к которому вы шли говорить о ней”. Вместе с тем исходя из той же идеи призрачности, Белинский отказался признать главным героем Хлестакова: “...кто его сделал ревизором? *страх городничего*, следовательно, он создание испуганного воображения городничего, призрак, тень его совести. (...) Герой комедии — городничий, как представитель этого мира призраков” (там же, с. 456). Возможно, критик чувствовал некоторую нелогичность вывода относительно Хлестакова (ведь “идея призрачности” еще более усиливается, если этот мнимый ревизор как “создание испуганного воображения” городничего и компании получает статус главного персонажа); во всяком случае вскоре он скорректировал свое мнение: “Теперь я понял, почему Вы Хлестакова считаете героем Вашей комедии, и понял, что он точно герой ее” (письмо к Гоголю, датируемое 20 апреля 1842 г. — см.: *Белинский*. Т. XII. С. 108). Гоголевскую пьесу критик решительно противопоставил “Горю от ума”, а также комедиям Мольера как произведениям якобы дидактическим и не обладающим художественной цельностью.

Статья Белинского, по-видимому, вызвала одобрение Гоголя, познакомившегося с нею в Москве, о чем критику сообщил в Петербург кто-то из его корреспондентов. «Гоголь доволен моею статьею о “Ревизоре” — говорит — многое подмечено верно. Это меня обрадовало» (письмо Белинского В.П. Боткину от 14–15 марта 1840 г. — см.: *Белинский*. Т. XI. С. 496). Впоследствии, отказавшись от категоричности в сопоставлении “Ревизора” и предшествующей комедии («Русская сцена нашла современную драму-комедию *отчасти* в “Горе от ума” Грибоедова и *вполне* в “Ревизоре” Гоголя». — *Очерки русской литературы*. Соч. Н. Полевого. 1839 // *ОЗ*. 1840. Т. VIII. № 1. Отд. VI. С. 52; см. также: *Белинский*. Т. III. С. 517), критик уделил внимание жанру произведения; в частности, в статье “Русская литература в 1841 году” он писал о юмористической манере Гоголя, состоящей «в противоположности созерцания истинной жизни, в противоположности идеала жизни — с действительностью жизни (...). В этом смысле, комедия Гоголя “Ревизор” стоит всякой трагедии» (*ОЗ*. 1842. Т. XX. № 1. Отд. V. С. 35; см. также: *Белинский*. Т. V. С. 567).

Близки к концепции Белинского и рассуждения С.С. Дудышкина, который также противопоставил “Ревизор” “Горю от ума” и особенно драматическим сочинениям Фонвизина: «Мы, русские, имеем одну только комедию, которая вполне удовлетворяет требованию искусства: это “Ревизор” Гоголя» (*Сочинения Фон Визина*. (Полное Собрание Сочинений русских авторов.) Статья вторая и последняя // *ОЗ*. 1847. Т. LIV. № 9. Отд. V. С. 34; без подписи). Исходя из идеи цельности пьесы, критик отметил стимулирующую роль страха: “Посмотрите, как удачно Гоголь выбрал точку освещения своих героев: страх наказания есть то чувство, которое их преследовало, как Суд Божий” (там же, с. 37). Однако в Хлестакове Дудышкин

традиционно видит *сознательного* обманщика: “Хлестаков, догадавшись, что его принимают за ревизора, подгулял от удовольствия” (там же, с. 35).

Возражая прежде всего Белинскому, продолжил свою атаку на “Ревизора” Ф. Булгарин; теперь он не видит в комедии никаких достоинств, разве что изображение Осипа: «Г. Гоголь написал одну комедию прозою: “Ревизор”, за которую дружеская литературная партия превозносит его превыше, не только Грибоедова, но даже Молиера! Критики наши забыли, что “Ревизор” уступает даже многим комедиям князя Шаховского и Загоскина <...>. В “Ревизоре” нет, во-первых, никакого вымысла и завязки; во-вторых, нет характеров; в-третьих, нет натуры; в-четвертых, нет языка; в-пятых, нет ни идей, ни чувства <...> Сюжет избитый во всех немецких и французских фарсах, тот же, что “Мнимая Каталани” <...>, “Немецкие горожане” <...>, “Ложная Тальони” <...>, “Городишко”, соч. Пикара <...> и т.п., с тою разницею, что в “Ревизоре” более невероятностей. Действующие лица — ряд преувеличенных карикатур <...>. Одно превосходное комическое лицо здесь — лакей!» (Булгарин Ф.В. Панорамический взгляд на современное состояние театров в Санкт-Петербурге, или Характеристические очерки театральной публики, драматических артистов и писателей // РРТ. 1840. Т. 1. Кн. 3. С. 21—22). Для подкрепления мысли о недостоверности фабулы “Ревизора” печатались и так называемые свидетельства с места, в роде “Писем деревенского читателя журналов к издателям Северной пчелы” С. Навроцкого: «Данило Фомич, — сообщалось в этом письме, — служит у нас по дворянским выборам; не подумайте, что это одно из лиц комедии “Ревизор”; у нас во всей губернии не сыщете таких уродов, какие представлены в “Ревизоре”, да и у нас никто и не поверит, чтобы целый город счел осмнадцатилетнего мальчишку за генерала; да у нас и быть не может, чтобы начиная от трактирщика и, по всем инстанциям, до самого городничего, целые две недели никто не спросил у приезжего ни паспорта, ни подорожной; упаси Господи от такой неисправной полиции!» (СПч. 1841. 10 февраля. № 31. С. 123).

В центре споров 1840 гг. по-прежнему находился вопрос о художественном уровне “Ревизора”: высокая ли это комедия или неприятный фарс, не лишенный своих скромных достоинств. После авторского чтения “Ревизора” в Риме Ек.В. Давыдова (в замужестве Переслени), дочь декабриста В.Л. Давыдова, писала своим родителям в Россию 11(23) декабря 1840 г.: “Он (Гоголь. — *Ред.*) его очень хорошо читал, и мы много смеялись, но этот род пьес мне не нравится; она может позабавить два-три раза, особенно, когда читает сам автор <...>. Но если б мне пришлось читать ее самой, я б ее никогда не окончила, мне кажется” (ЛН, т. 58. С. 594). В ответ В.Л. Давыдов писал дочерям Екатерине и Елизавете 8 февраля ст. ст. 1841 г. из Красноярска: “Вы не можете оценить его комедию так, как она этого заслуживает, потому что вы не знаете ни нравов, в ней обрисованных, ни (простите, крошки!) человеческого сердца — и слава Богу! Вы не може-

те судить об удивительной правдивости кисти Гоголя, о *vis comica* (силе комизма. — *Ред.*), о глубине этого поэта (...). Я прочел его раз десять и перечту еще снова: по моему мнению, это — шедевр...” (там же, с. 598).

Мысль о “Ревизоре” как фарсе отстаивал и Н. Полевой в связи с появлением второго издания пьесы; в сущности он повторил то, что фигурировало еще в первых рецензиях Булгарина и Сенковского. “Ревизор” есть «фарс, который нравится именно тем, что в нем нет ни драмы, ни цели, ни завязки, ни развязки, ни определенных характеров. Язык в нем неправильный, лица — уродливые гротески, характеры — китайские тени, происшествие несбыточное и нелепое, но все вместе уморительно смешно, как русская сказка о тяжбе ерша с лещем, как повесть о дурне, как малороссийская песня: “Танцевала рыба с раком...”» (*Полевой Н.А. Ревизор... Соч. Н. Гоголя // РВ. 1842. № 1. Отд. III. С. 61; см. также: Полевой Н.А., Полевой Кс.А. Литературная критика. Статьи и рецензии. 1825—1842. Л., 1990. С. 336*). С другой стороны, в том же году К. Аксаков мельком, но достаточно выразительно заметил, что Гоголь “дал нам комедию, истинную комедию, какой нигде нет” (*Аксаков К. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души. М., 1842. С. 16; см. также: Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981. С. 149*). Эти слова соотносились с соображениями критика, что и в “Мертвых душах” представлен необычный, новаторский для современной европейской литературы жанр.

Упреки “Ревизору” в искажении истины и в прямой клевете часто подкреплялись аналогичными упреками “Мертвым душам”: появившийся в 1842 г. первый том поэмы рассматривался как логическое продолжение комедии. «Спросите в провинциях, у всех и каждого, видали ли они такие лица, какие выведены в “Мертвых душах” и в “Ревизоре”, и могут ли случиться такие небыводы, какими наполнены эти два сочинения! Конечно нет!» (*Журнальная всякая всячина // СПч. 1843. 19 июня. № 135. С. 537; без подписи*). «В целом городе нет честной души, и все его управление состоит из одних грабителей, дерзких и бесстыдных, которые говорят между собою о взятках и расхищении казенного и сиротского имущества как о делах обыкновенных, как о погоде! Ужели это существует в природе? Ужели могут быть такие чиновники и такой губернатор, каких мы видим в “Мертвых душах” того же писателя?» (*Ф. Булгарин*) *Журнальная всякая всячина // СПч. 1845. 17 ноября. № 261; подпись: Ф.Б.*). “Пошла у нас охота на помещиков, дворян тож, и на чиновников. Грусть ляжет на душу, как прочитаешь Мертвые души, посмотришь на Ревизора и проч. и проч. Плодуща у нас и без того лихая семейка чёрта на правду: поворчит, помолчит и опять заговорит, начиная, как водится, с земских исправников. Грешно писать и в народ пускать не-быль. В самом деле, давно ли ревизоры пустились в погоню за злодеями? А городничие до того еще состояли и состоят под покровительством Комитета 1814 года. Дорого я заплатил бы за потеху — увидеть в юнейшем из уездных городов ревизора лицом к лицу с городни-

чим, если бы ревизор назвал ему себя *таковым* без документов; — а православному купечеству до ревизоров ли, — помилуйте? Ангелы не успели еще согнать всех людей со двора” (*Л(убяновский) Ф.П. Заметки за границею. В 1840 и 1843 годах. СПб., 1845. С. 249–250*). Главное в России — “вера в Бога православная”, “надежда на Бога и на царя”; “не дай Бог, чтобы эта великая тройца земная начала у нас умирать с поколениями до представления света!” (там же, с. 249).

В соотнесении с “Мертвыми душами” рассматривал “Ревизора” и А.И. Герцен в работе “О развитии революционных идей в России”, но в другом свете — как закономерный обвинительный документ: «Комедия Гоголя “Ревизор”, его роман “Мертвые души” — это страшная исповедь современной России, под стать разоблачениям Кошихина в XVII веке» (см.: *Герцен А.И. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. VII. М., 1956. С. 229*; первая публикация в переводе на нем. яз. в 1851 г.; франц. оригинал издан в том же году: *Du développement des idées révolutionnaires en Russie par A. Iscander. Paris, 1851*; Кошихин — это Г.К. Котошихин, автор опубликованного посмертно, в 1840 г., сочинения “О России в царствование царя Алексея Михайловича”).

Уже при жизни Гоголя имели место попытки включить “Ревизора” в историко-литературные курсы, правда поначалу с дежурными оговорками, касающимися художественных достоинств произведения. Н.И. Греч, обзорева в 1840 г. развитие русской комедии, писал, что “это, правда, собственно не комедия, а карикатура в разговорах; действие ее не ново, и притом несбыточно и невероятно; в ней с начала до конца нет ни одного благородного, возвышенного движения, не только мысли; лица ее принадлежат к числу самых ничтожных людей в мире: все они, более или менее, дураки или воры” (*Греч Н. Чтения о русском языке. СПб., 1840. Ч. II. С. 138*). Повторена и излюбленная мысль Булгарина и Сенковского о том, что в основу комедии положен нерусский материал: “...обычаи и приемы многих, особенно женщин, не настоящие русские, а более белорусские” (там же). Не называя Белинского, критик обрушивается на только что появившийся его подробный разбор гоголевской комедии, содержащийся в статье о “Горе от ума”: «...очень неприятно было читать в одном журнале критику, в которой “Ревизор” поставлен был не только выше “Горе от ума”, но и выше всех пиес Молиера» (там же, с. 140). Однако в определенном, ограниченном смысле “Ревизор” представляет интерес: “в этой пиесе столько ума, веселости, истинно смешного, удачно схваченного; выведенные в ней лица представлены так живо, резко и натурально, что ее смотришь и перечитываешь всегда с новым удовольствием” (там же, с. 138). Примерно в том же духе толковал “Ревизора” В.И. Аскоченский, посвятивший Гоголю-драматургу специальный параграф. Комедия “Ревизор” “особенно замечательна по своей неслыханной оригинальности. Конечно, в содержании ее нет ничего нового, и главная пружина драмы слаба и представляется невероятною: но характеры и быт уездных чиновников

изображены так верно и резко, с такими смешными подробностями, что невольно забывается бедность завязки (...). Все лица действуют и говорят соответственно своим характерам. Речь для них Гоголь взял прямо из уст народа, не выбросив даже, к сожалению, некоторых выражений, оскорбляющих вкус” (*Аскооченский В.* Краткое начертание истории русской литературы. Киев, 1846. С. 152).

Гораздо выше оценил произведение автор другого историко-литературного курса А.П. Милюков: “Ревизор — художественная картина мелкого провинциального общества и самый высокий образец народной комедии, какой до сих пор не существовало в России”. Большинство читателей не поняло пьесу, так как настроилось на появление “так называемых добродетельных лиц, в роде фонвизинских Правдина или Стародума”, и не увидело, “что из-за этой толпы нравственных уродов (...) выставляется лицо противоположное, идеал человека”. Что же касается жанра, то Милюков определяет пьесу как сатиру, для которой неприемлемо смягчение тона: “Гоголь поэт сатирический, а стрелы сатиры не должны быть надушены розовым маслом” (*Милюков А.* Очерк истории русской поэзии. СПб., 1847. С. 213—216). Во втором издании своей книги автор, добавив сопоставительную характеристику Гоголя и Диккенса, провел параллель между Хлестаковым и “мистером Пиквиком, Дон-Кихотом учености” (*Милюков А.* Очерк истории русской поэзии. СПб., 1858. С. 205).

Автор еще одного появившегося при жизни Гоголя историко-литературного курса Н.Д. Мизко высокую оценку “Ревизора” сопроводил дежурными упреками: “Комедия Гоголя в литературе нашей не имеет достойного совместничества, ни подражания, сколько-нибудь заслуживающего приблизиться к ней”; это “истинное сокровище русской драматической словесности”. И все же “быть комедией образцовой” “Ревизор” не может: Хлестаков “впадает иногда в идеальность” в смысле “преувеличения действительности”; “Судья и Смотритель богоугодных заведений — более смешные, чем верные натуре оригиналы”; ход действия отличается порою “резкостью сцен и преувеличением положений” и т.д. (*Мизко Н.* Столетие русской словесности. Одесса, 1849. С. 313—314).

* * *

Этап критической интерпретации “Ревизора”, начавшийся после смерти писателя, ознаменован выдвижением на первый план таких проблем, как природа гоголевского комизма, осознанность общественной критики и в связи с этим соотношение сиюминутного и вечного, конкретно-национального и всечеловеческого.

К проблеме осознанности гоголевского творчества обратился Н.Г. Чернышевский, с юношеских лет преклонявшийся перед писателем (“Гоголь и Лермонтов кажутся недосягаемыми, великими, за которых я готов отдать и жизнь и честь” — дневниковая запись 1848 г.; см.: *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. I. М., 1939. С. 66). По мнению кри-

тика, автор “Ревизора” исходил из конкретного факта, например взяточничества; однако “связь этого факта со всею обстановкою нашей жизни вовсе не обращает на себя его внимания”. К гоголевскому творчеству прилагаются социально-политические теории; особенно характерно замечание о том, что «Гоголь, когда писал “Ревизора”, очень может быть, и не слышал о существовании французских префектов», иначе говоря, “он решительно не знал о так называемой теории разделения судебной власти от административной” (*Чернышевский Н.Г. Сочинения и письма Н.В. Гоголя. Издание П.А. Кулиша // Совр. 1857. № 8. “Критика”. С. 93; см. то же: Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. IV. М., 1948. С. 633*). Отсутствие у Гоголя общего взгляда означает, во-первых, отсутствие вполне *определенного* взгляда (революционного или во всяком случае либерально-политического толка), а во-вторых, то, что подобный взгляд не претворен в художественный текст. Не допускается даже мысли, что автор “Ревизора” мог иметь *свое* представление о соотношении “фактов” и что, кроме того, это соотношение подчинялось эстетической логике. Между тем упрек Гоголю в отсутствии сознательного элемента подхватил Н.А. Добролюбов: хотя автор “Ревизора” и “Мертвых душ” “очень близко подошел к народной точке зрения, но подошел бессознательно, просто художнической ощущенью. Когда же ему растолковали, что теперь ему надо идти дальше (...), тогда Гоголь сам испугался: народность представилась ему бездной” (*Добролюбов Н.А. О степени участия народности в развитии русской литературы // Совр. 1858. № 2. “Критика”. С. 165–166; см. то же: Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. II. М.; Л., 1962. С. 271*).

А.В. Дружинин в полемике с просветительской критикой (прежде всего с Чернышевским) перевел спор о гоголевском творчестве в другое русло: не отрицая возможного участия сознательного элемента в “Мертвых душах” или “Ревизоре” (их автор обладал “великим умом”), критик выдвинул на первый план проблему соотношения актуального и вневременного, злободневного и вечного. Актуальное и злободневное значение Гоголя вовсе не исключается (писатель “приносил прямую, насущную пользу, поучая современного человека, раскрывая недостатки современного общества, осмеивая порок и заступаясь за слабых”), но акцент переносится на вневременное, непреходящее: “...не следует нам забывать того, что (...) гений Гоголя был богат истинами вечными, истинами не зависимыми от взглядов известного поколения, истинами, никогда не преходящими, как всякая настоящая поэзия”. Соответственно: «Гоголь не есть поэт отрицания (...). Поэт “Ревизора” есть вместе с тем поэт “Майской ночи”...» (*Дружинин А. Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения // БдЧ. 1856. № 12. Отд. V. С. 55; см. также: Дружинин А.В. Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 219*). Столь широкий взгляд на гоголевскую творческую манеру не помешал Дружинину присоединиться к старой точке зрения, будто «интрига (“Ревизора”. — *Ред.*) не нова и отчасти грешит противу правдоподобия» (*Дружинин А. Сочинения А. Островского... // БдЧ. 1859*).

№ 8. “Критика”. С. 4; см. то же: *Дружинин А.В.* Прекрасное и вечное. С. 407). Акцент на художнической, творческой стороне “Ревизора” был поставлен — в полемике с той же просветительской критикой — и В.П. Боткиным: «Мы, например, вовсе не думаем, чтобы Гоголь имел в виду исправление нравов, когда писал своего “Ревизора”. Его самого прежде всего восхищала комическая сторона его героев (...), а если “Ревизор” имеет высокий нравственный смысл, то смысл этот явился сам собою, как невольное отражение того высокого нравственного идеала, который великий художник носил в душе своей (...). Его самого смешали эти пошлые стороны: иначе откуда бы взялась эта неудержимая веселость, этот умиляющий душу юмор, это гениальное шутовство, словом, вся эта поэзия смеха, который электрической струей бежит по комедии?» (*Боткин В.П.* Стихотворения А.А. Фета. СПб., 1856 // *Совр.* 1857. № 1. Отд. III. С. 16; см. то же: *Боткин В.П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 207–208).

Ряд проблем интерпретации “Ревизора” был выдвинут А. Григорьевым, исходившим прежде всего из авторских комментариев к комедии, а также из статьи Белинского “Горе от ума”, которую он высоко ценил (в статье этой «о комедии Грибоедова говорится мало, но зато много и великолепно, хорошо говорится о “Ревизоре”» — *Григорьев А.* По поводу нового издания старой вещи. Горе от ума. СПб., 1862 // *Время.* 1862. № 8. Отд. II. С. 36; см. то же: *Григорьев А.* 1985. С. 213). Критик подхватил мысль о господстве призраков, поднимающихся из глубин нечистой совести и делающих вполне правдоподобной ошибку чиновников. “Рассуждающие о несообразности этого происшествия вовсе не понимают ни поэтической гиперболы, ни смысла комедии Гоголя, не понимают, что чем пустее, чем глаже и бесцветнее Хлестаков, тем очевиднее комическая Немезида над беззакониями города” (*Григорьев А.* Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая // *Русское слово.* 1859. № 2. Отд. II. С. 53; см. то же: *Григорьев А.* 1967. С. 194). Хлестакову критик уделил особенное внимание, подчеркивая непреднамеренность действий этого персонажа и в связи с этим его центральное место в пьесе: Хлестакова отличает “дилетантизм хвастни”; “чем пустее, глаже, бесцветнее будет Хлестаков на сцене в его обыкновенном, не лирическом состоянии, тем вразумительней будет для вас целое комедии”; “Хлестаков, как мыльный пузырь, надувается под влиянием благоприятных обстоятельств, растет в собственных глазах и в глазах чиновников, становится все смелее и смелее в хвастовстве... Но придайте Хлестакову хоть немного расчета в хвастовстве, и он перестанет уже быть Хлестаковым” (*Григорьев А.* Летопись московского театра. Обзорение зимней поры (сезона) // *Москв.* 1852. № 8. Апрель. Кн. 2. Отд. VII. С. 146–147; см. то же: *Григорьев А.* 1985. С. 120).

Подхватил Григорьев и выдвинутую Белинским альтернативу Гоголя и Мольера, но придал ей другое значение, выходящее за пределы проблемы художественной цельности. “Комизм Мольера (...) низший род комизма,

если сличить его с гоголевским”, поскольку определенным ограниченными понятиям негативных персонажей противопоставляются другие ограниченные понятия: так, “ханжеству Тартюфа, этому сильному порыву мольеровского комизма, противупологается *общественная* честность Клеанта, условная, ограниченная, сухая честность” (Григорьев А. Русская изящная литература в 1852 году // Москв. 1853. Т. I. № 1. Отд. V. С. 3–4; см. то же: Григорьев А. 1967. С. 44). Проблема цельности сопрягается таким образом с пониманием идеала, его глубиной. Давно уже констатированному критикой разладу идеала и действительности как источнику гоголевского комизма Григорьев придал смысл высокого и страстного религиозного стремления: “...мы слышим тоску по идеалу в созданиях Гоголя, все равно, с кем ни знакомит он нас” (Григорьев А. 1967. С. 188). Отсюда особенная, высшая печать гоголевского комизма: “Переберемте всех великих комиков новой истории, мы не найдем ничего подобного ни по этому взгляду на жизнь, ни этой страшной силе юмора” (там же, с. 44; эволюция представлений критика о Гоголе освещена в исследовании: Егоров Б.Ф. Ап. Григорьев о Гоголе // Поэтика русской литературы. М., 2001. С. 325–332).

В свете гоголевского комизма вновь привлекла к себе внимание проблема несоответствия художественного образа реальным обстоятельствам и деталям, при этом такое несоответствие рассматривается как знак высшего творческого постижения истины. «Мамка в детстве ушибла его и с тех пор отдает от него немного водкой, говорится в “Ревизоре”. Этого Гоголь не мог слышать ни от кого, никто на свете этого не сказал, а между тем это так, это правда, это вернее, чем все *дескать* и все *не трожь*. Вернее потому, что нелепость идет вглубь, выворачивает человека наизнанку (...). Тут слова не наваяны ветром, а прямо от сердца, из сущности вещей, плод творчества жизни» (Павлов Н.Ф.) Гроза. (Драма в 5-ти действиях А.Н. Островского) // Наше время. 1860. № 1. 17 января. С. 14; без подписи). Нарушение внешнего правдоподобия свидетельствует о суверенности гоголевского художественного мира: “...произведения Гоголя нельзя назвать отрицательными. Это мир особого устройства, положительный, существующий. Он своего рода чудо, не допускаемое здравым смыслом, но вы уверяетесь, что он возможен, он есть и не нуждается в новых стихиях, для того, чтоб продолжаться до скончания веков и благоденствовать по-своему. Мир довольный собою, и, должно признаться, как-то странно разумный в самых нелепостях. Он заставляет вас отречься от истин, которые казались вам врожденными, и заставляет ваши чувства следовать одно за другим не в том порядке, какой предписан природой. И между тем вы не спорите, вы соглашаетесь, что вы наяву, что это так, это правда, это не противно законам действительного существования” (там же, с. 15). Парадоксальность законов гоголевского художественного мира ведет к своего рода парадоксальному перераспределению зрительских или читательских симпатий: «Везде, где б ни было, по свойствам своей духовной организации, человек, в тайне

души, становится на сторону жертвы и негодует на притеснителя, но когда городничий в “Ревизоре” упрекает в неблагодарности купцов, этих черствых извергов, которые, набив карманы по его милости, норовят отделаться балычком да головкой сахара, вам жаль городничего, вы увлекаетесь его дельным, жарким красноречием. Притеснитель кажется правее и жертва безобразнее» (там же). Мысль критика “Нашего времени” о суверенности гоголевского художественного мира (при несогласии с некоторыми его частными оценками) подхватил П.В. Анненков: “Высоко-комический и подчас глубоко страдающий, драматический мир Гоголя самостоятелен, окончен и замкнут в самом себе до того, что составляет нечто похожее на особенный народ между народом. Никто не знает — как он явился, куда и каким образом уйдет от нас...” (Анненков П. О бурной рецензии на “Грозу” г. Островского, о народности, образованности и о прочем. (Ответ критику “Грозы” в журнале “Наше время”) // БдЧ. 1860. Т. 158. Март. “Современная летопись”. С. 10–11).

Углубляется и трактовка характера Хлестакова, в котором оттеняется начало стихийности и непредсказуемости. “...у Хлестакова между впечатлением и желанием почти не бывает промежутка; между желанием и действием тоже трудно уловить какой-нибудь интервал: вся его психическая жизнь в трех словах: *чувствую, желаю и действую*” (Шереметевский Вл.П. Каков Хлестаков на самом деле и за кого подчас принимают его // Шереметевский Вл.П. Сочинения. М., 1897. С. 207). Вместе с тем исследуется феномен хлестаковщины в целом, который с начала 1860-х годов все более осмысливается как проблема самозванства, — трактовка эта восходит к гоголевским словам из “Развязки Ревизора” о сходстве Хлестакова “с ветреной светской совестью”, а “настоящего Ревизора” с “настоящей нашей совестью” — в роковую минуту Высшего суда. Эту мысль почти буквально повторил архимандрит Феодор (А.М. Бухарев): “С этим пустым ревизором, почти невольным самозванцем, незримо идет другая высшая ревизия, пред которой обнажилось все духовное состояние всех лиц комедии, все стремление их от своего долга и дела жизни” (Бухарев А.М.) Три письма к Н.В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1860. С. 143). Идея хлестаковщины как самозванства трактовалась и в социальном аспекте. Так автор очерка “Современные самозванцы” А.П. Милюков, приводя различные случаи, подтверждающие типичность событий гоголевской комедии, писал: «...что значит у нас слово “ревизор”: ведь это своего рода “сарынь на кичку!”» (Милюков А.П.) Рассказы и путевые воспоминания. СПб., 1873. С. 322; сарынь на кичку — по преданию, приказ волжских разбойников всем бежать на нос судна). Эту же мысль обобщил Александр Иванов (псевдоним А.И. Урусова), касаясь сюжета “Ревизора”: “Он не только сюжет правдоподобный, но, так сказать, — специально-русский сюжет. Наша история представляет такое изобилие и разнообразие типов носителей власти, что практическое распознавание их всегда было делом столько же затруднительным, сколько и опасным. Самозванство должно

было процветать. Проверять чьи-нибудь полномочия — не в нашем характере; это противоречило бы основному правилу хорошего поведения: не рассуждать!» (*Иванов А.* Юбилейная неделя. — Гоголь. — К истории и символике “Ревизора” // *Порядок.* 1881. 29 января. № 28. С. 2; см. то же: *Урусов 1907.* С. 278–279). Итоговой работой на эту тему явилась статья В. Короленко “Современная самозванщина” (1896 г.). Касаясь жизни русской провинции, автор утверждал, что история Хлестакова “в тысячах живых снимков повторяется ежегодно, ежемесячно, чуть не еженедельно по всему лицу русской земли, несмотря на то, что наша страна ушла более чем на полстолетия от первого появления Сквозника-Дмухановского и Хлестакова перед смеющимися зрителями” (*Короленко В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 3. СПб., 1914. С. 363). Поэтому «гениальная комедия Гоголя ⟨...⟩ до сих пор еще остается совершенно живым выражением общественной стороны “самозванства” и в этом смысле является истинно национальной комедией наших нравов» (там же). Короленко едва ли не впервые включил Хлестакова как самозванца в типологический ряд, о чем свидетельствует название последней главы его работы: “Самозванцы в литературе: Поприщин, Хлестаков и Голядкин. Психология самозванцев” (там же, с. 357). Психологическая почва самозванства — ощущение своего ничтожества или, если прибегнуть к более поздним категориям, утрата самоидентификации. По Короленко, эта болезнь специфически российская; ее симптомы — «унизительный и разъедающий душевный процесс, которым страдает “человек-нуль”» (там же, с. 360); самозванный “фантом, выросший в глубине загнанной и затоптанной личности” (там же, с. 361); “внутри она знаменуется значительной расшатанностью нервной системы, нередко жгучей и разъедающей болью души, отравленной сознанием личного ничтожества и легко впадающей в самую фантастическую реакцию, достигающую ⟨...⟩ пределов мании величия” (там же, с. 362; о параллели между Хлестаковым и самозванцем в пушкинском “Борисе Годунове” см. с. 657 наст. изд.).

По Н.Н. Страхову, “отсутствие всякой твердости” у Хлестакова усилено таким же свойством окружения; критик обращает внимание на образ города: «Он (Гоголь. — *Ред.*) изумительно уловлял пустоту ума, неспособность мысли видеть действительность, и дважды, в “Ревизоре” и в “Мертвых душах”, представил нам грандиозное комическое зрелище, как целый город волнуется нелепейшими представлениями. Очень жаль, что мы не вспоминаем этих картин каждый раз, когда случится с нами то, что называется *пороть горячку*. Если бы мы внимательно всмотрелись в то, что тогда с нами происходит, мы увидели бы, как поразительно все наши горячки похожи на волнения, возбужденные некогда Чичиковым и Хлестаковым» (*Страхов Н.* Взгляд на текущую литературу // *Русь.* 1883. 17 января. № 2. С. 33; см. то же: *Страхов Н.Н.* Литературная критика. М., 1984. С. 394–395).

Если Страхов, Короленко и многие другие считали, что “Ревизор” полностью сохранил свое актуальное значение, то высказывалось и противопо-

ложное мнение, — правда, такие случаи единичны. Так, П.Д. Боборыкин утверждал: «Прошло всего сорок лет с появления “Ревизора” на театральных подмостках, и уже он не может так задевать развитую публику, как задевает ее до сих пор “Горе от ума”. Пошлость, испорченность, взяточничество, все виды провинциальной мелкоты и грязи — все это изменило не только свои формы, но и сущность» (*Боборыкин П.* От Грибоедова до Островского // *Неделя.* 1876. 25 декабря. № 51—52. Стб. 1717). Свой взгляд на гоголевскую комедию Боборыкин высказал и в публичной лекции, прочитанной в декабре того же года; содержание лекции передано в газетном отчете: «“Горе от ума” глубже и всестороннее захватывает жизнь нашего общества, чем “Ревизор”. Пороки, выставленные Гоголем, носят на себе несколько местный и временный характер. Стрелы “Ревизора” несколько потупели для нас (<...>). Действие в “Ревизоре” менее реально и правдоподобно, более исключительно и вымышлено, чем действие в “Горе от ума”. Наконец, язык в “Ревизоре” далеко не настолько типичен, как в “Горе от ума”...» (Первая лекция П.Д. Боборыкина // *НВ.* 1876. 8 декабря. № 281. С. 3). На эту информацию обратил внимание Ф.М. Достоевский, отметивший в своей записной тетради 1876—1877 гг.: «“Новое время”, № 281. О “Ревизоре”, совсем не понятном Боборыкиным» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 24. Л., 1982. С. 300).

Сам Достоевский в это время постоянно думал о гоголевской комедии, собиравшись написать о ней в “Дневнике писателя”, о чем свидетельствуют подготовительные материалы к “Дневнику” за декабрь 1876 г. «О, и Гоголь думал, что понятия зависят от людей (кара грядущего закона), но с самого появления “Ревизора” всем хотя и смутно, но как-то сказалось, что беда тут не от людей, не от единиц, что добродетельный городничий вместо Сквозника ничего не изменит. Мало того, и не может быть добродетельного Сквозника» (там же, с. 307). Следующее, сразу же после этих строк, суждение о комедии Грибоедова заставляет предполагать, что писатель отгалкивался от сопоставления двух произведений Боборыкиным: «В “Горе от ума” увлек блеск, сатира на Москву, а глубины никакой» (там же). Сопоставил Достоевский Гоголя и с Мольером, продолжив тему, затронутую еще Белинским и А. Григорьевым, и придя к аналогичному выводу — о безусловном превосходстве гоголевского комизма: “Гоголь по силе и глубине смеха *первый в мире* (не исключая Мольера) (непосредственного, безотчетного), и это бы надо нам, русским, заметить” (там же, с. 305). Однако в содержании “идеала” Гоголя — также излюбленная тема Белинского и особенно А. Григорьева — Достоевский усомнился: “Наши сатирики не имеют положительного идеала в подкладке. Идеал Гоголя странен: в подкладке его христианство, но христианство его не есть христианство” (там же, с. 303—304). Коснулся Достоевский и современного применения образов гоголевской комедии, таких как Сквозник-Дмухановский, Держиморда и особенно Хлестаков: “Хлестаков по крайней мере врал-врал, да все же хоть капельку да боялся во время вранья, что вот его возьмут, да и вытолкают.

Современные Хлестаковы не боятся и врут с полным спокойствием” (запись датируется ноябрем 1875 г. — там же, с. 66).

“Ревизор” был предметом внимания Ф.И. Буслаева во время чтения им курса лекций цесаревичу Николаю Александровичу (“Лекция 89-я. Читана 20-го декабря 1860 года”); ученый коснулся традиции, к которой принадлежала комедия: “Список судного дела, как тягался лещ с ершом о Ростовском озере и о реках — сатира, сложившаяся очень рано, и уже в XVII в. записанная в рукописях — есть народный первообраз Гоголевой повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, комедии Ревизора и множества других произведений нашей литературы прошлого и текущего столетий” (Буслаев Ф.И. Лекции Е.И.В. Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу. (1859—1860 г.) // Старина и новизна. Кн. 12. М., 1907. С. 266). Интересно, что на “сказку о тяжбе ерша с лещом” ссылался и Н. Полевой, но лишь для того, чтобы подчеркнуть фарсовый характер “Ревизора” (см. выше). У Буслаева эта связь приобрела более высокий смысл сатирической традиции.

С последней четверти XIX в. гоголевская комедия становится темой исследования различных школ академического литературоведения. А.Н. Веселовский, один из пионеров сравнительно-исторического изучения литературы в России, задался целью определить “у Гоголя степень его западничества” и в связи с этим отметил влияние Мольера на “Ревизора” — в частности, эпиграф к комедии поставлен в связь с соответствующим выражением о зеркале в «Критике “Школы жен”» (Веселовский Ал. Западное влияние в новой русской литературе. М., 1883. С. 166, 169). Впоследствии эта параллель была дополнена двумя-тремя другими: в сцене вранья Хлестакова “слышатся отголоски хвастовства Маскариля” из мольеровских “Смешных жеманниц”; “разработка характера лжеца”, т.е. Хлестакова, выполнена под влиянием “Лжеца” Корнеля (Веселовский Ал. Западное влияние... Изд. 5-е, значит. доп. М., 1916. С. 192—193).

Однако наибольшее внимание уделили произведениям Гоголя, в частности “Ревизору”, представители культурно-исторической школы: свойственное этой школе рассмотрение художественного текста как идеологического документа, вне его эстетической формы, продолжило традиции просветительской критики шестидесятников, особенно Чернышевского и Добролюбова. “Ревизор” (равно как и другие произведения — гоголевские и негоголевские) — лишь квинтэссенция определенных “мнений”, что передано уже названием одного из трудов (Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1873). В Гоголе, по мнению этого исследователя, осуществлялась “борьба двух различных сторон общественного развития: как великий талант, он принадлежал его прогрессивной стороне, тогда как его теоретические понятия не шли дальше обиходного консерватизма” (там же, с. 351). Пыпин с одобрением приводит суждения Чернышевского о том, что автор “Ревизора” не видел

связь частных фактов, например взяточничества, с общим строем вещей, однако полагает, что объективно эта связь все-таки заметна: «"Ревизор" и получил такой прием именно потому, что выведено не "частное" и не "случай", а типическое явление» (там же, с. 375). Ученый, следовательно, оперирует понятием об объективном содержании произведения, что вновь заставляет вспомнить методику шестидесятников, т.е. анализ текста в духе так называемой "реальной критики".

Между тем положение о бессознательности общественных устремлений автора "Ревизора" или же об ограниченности этих устремлений встретило резкое возражение С.А. Венгерова (*Венгеров С.А. Писатель-гражданин // Русское богатство. 1902. № 2—4*). «Гоголь (...) создавая "Ревизора", не только определенно и обдуманно относился к каждой детали, не только сознательно собирал здесь "все дурное в России", не только весь горел "правдою и злостью", но даже определенно знал, что его "правда" нецензурна (...). Дальше уже, конечно, никакая сознательность идти не может, и поэтому высокое гражданское значение "Ревизора" делает и автора его писателем-гражданином по-преимуществу» (там же, № 3, с. 248; см. то же: *Венгеров С.А. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1913. С. 72—73*).

Подчеркивалась и объективная роль, сыгранная гоголевской комедией в развитии правосознания и законопорядка в России: «Как "Мертвые души" были ласточкой освобождения крестьян, так "Ревизор" был вестником скорого, правого и милостивого суда, земских учреждений и других мер к подъему честности и гражданского долга чиновников» (*Бокадоров Н.К. Комедия Гоголя (литературный этюд) // Памяти Гоголя: Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца / Под ред. Н.П. Дашкевича. Киев, 1902. С. 275*).

Отчасти в духе исторической школы интерпретировал "Ревизора" Д.Н. Овсянко-Куликовский, поскольку он рассматривал персонажей комедии как списки реальных лиц и на этой основе защищал Гоголя от обвинений в преувеличении и утрировке. «Кто помнит дореформенную Россию (...) тот не найдет в комедии Гоголя утрировки, а скорее увидит в ней некоторое смягчение картины» (*Овсянко-Куликовский Д.Н. Гоголь в его произведениях. К столетию рождения великого писателя. 1809—1909. М., 1909. С. 88*). «Посмотрите на Сквозника-Дмухановского: это не только типичный дореформенный городничий-взяточник, это также типичный русский человек, не лишенный русского благодушия и с характерным русским складом ума» (там же, с. 90). Вместе с тем Овсянко-Куликовский попытался применить к гоголевским произведениям, в частности к "Ревизору", категории художественные, точнее художественно-психологические. Такова категория *экспериментального* творчества, противостоящая творчеству *наблюдательному* (термины восходили к работе Э. Золя "Экспериментальный роман" 1879 г., которая, в свою очередь, опиралась на книгу физиолога и патолога Клода Бернара "Введение в изучение экспериментальной медицины"). «В произведениях художников-экспериментаторов

мы имеем не широкую и разностороннюю картину жизни, а нарочитый подбор известных черт, в силу которого изучаемая художником сторона жизни выступает так ярко, так отчетливо, что ее смысл, ее роль становятся понятны всем”; к этому роду произведений принадлежит “Ревизор” (Овсяннико-Куликовский Д.Н. Н.В. Гоголь. М., 1902. С. 10; см. то же: Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: В 2 т. Т. I. М., 1989. С. 235). Сформулированное ученым определение “экспериментального творчества” не лишено оснований, но слишком общо и недостаточно именно как категория эстетическая, что и было тотчас отмечено критикой (Горнфельд А.Г. Экспериментальное искусство // Русское богатство. 1904. № 7. Отд. II. С. 3–18).

Комбинацией чисто идеологических, в духе исторической школы, и художественных критериев отмечен и подход Н.А. Котляревского, который впервые рассмотрел “Ревизора” в русле “истории нашей художественной комедии”, от фонвизинских “Бригадира” и “Недоросля” до пьес Квитки-Основьяненко “Дворянские выборы”, “Приезжий из столицы...” и других (Котляревский Н.А. Н.В. Гоголь. 1829–1842 гг. // Мир Божий. 1902. № 1–4, 6, 8–12). Сопоставление это оказалось не во всем в пользу Гоголя вследствие того, что идеологический момент в рассуждениях ученого превалировал над другими. Финал и немая сцена прочитаны как “апология правительственной бдительной власти” (Котляревский 1915. С. 309); “унтер, который заставляет начальника города и всех высших чиновников окаменеть и превратиться в истуканов, — наглядный показатель благомыслия автора” (там же, с. 310). И вообще, “только об одном можем мы пожалеть, что драматург не обнаружил достаточной смелости в выборе сюжетов” (там же, с. 248); “таким образом наш первый драматург-бытописатель, опережая всех как художник, — отстал от них, как сатирик...” (там же, с. 249).

Наметившаяся на рубеже XIX и XX вв. переоценка проблемы гоголевского стиля, решительное противопоставление его стилю реалистическому — все это затронуло и “Ревизора”. Общие принципы этой переоценки сформулировал В.В. Розанов в 1891 г., посчитавший, что Гоголь силою своего гения заморозил и ввел в заблуждение многие поколения русских читателей (Розанов В. “Легенда о Великом Инквизиторе” Ф.М. Достоевского // РВ. 1891. Январь—апрель; Розанов В. Несколько слов о Гоголе // МВед. 1891. 15 февраля. № 46. С. 3–4, — впоследствии под названием “Пушкин и Гоголь”; обе работы вошли в изд.: Розанов В. Легенда о великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария. СПб., 1894; см. то же: Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989; Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского // Розанов В.В. Собр. соч. / Под общей ред. А.Н. Николюкина. М., 1996). Старая мысль об утрировке, шаржировании, преувеличении приобрела другой вид — о господстве внешней мертвой формы над внутренним живым содержанием. «Свое главное произведение он назвал “Мертвые души” и, вне всякого предвиде-

ния, выразил в этом названии великую тайну своего творчества и, конечно, себя самого. Он был гениальный живописец внешних форм и изображению их, к чему одному был способен, придал каким-то волшебством такую жизненность, почти скульптурность, что никто не заметил, как за этими формами ничего в сущности не скрывается, нет никакой души, нет того, кто бы носил их» (*Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 50*). Гоголевские персонажи “сделаны из какой-то восковой массы слов” (там же, с. 163), вызывают смех, но не отклик — мы “ни с кем из виденного не имеем ничего общего, связующего, и — не в одном только положительном смысле, но также — в отрицательном” (там же, с. 163—164). Гоголевское и пушкинское начало соотносятся как односторонность и полнота, имитация жизни и подлинная жизнь (идея, мелькавшая уже у позднего А. Григорьева и Н. Страхова; см. письмо Григорьева Страхову от 19 октября 1861 г.: *Страхов Н. Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве // Эпоха. 1864. Сентябрь. Отд. VIII. С. 25*; см. также: *Страхов Н. Взгляд на текущую литературу. Часть IV // Русь. 1883. 17 января. № 2. С. 33—42*). Дальнейшее же плодотворное художественное развитие есть движение от Гоголя к Пушкину. “Благодаря образам Пушкина и благодаря новой литературе, которая все силится восстановить его, поборая Гоголя, и в нашей жизни раньше или позже этот гений погаснет” (*Розанов В. Легенда о великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария. С. 184*; см. то же: *Розанов В.В. Мысли о литературе. С. 164*).

Вслед за Розановым и с прямой ссылкой на него о чудовищной неестественности гоголевских изображений писал Валерий Брюсов, причем он апеллировал в значительной мере к “Ревизору”: “Вот перед нами уездный город (...). Открывается занавес, и мы видим за столом у городничего обитателей этого города” (*Брюсов В.Я. Испепеленный. К характеристике Гоголя // Весы. 1909. Апрель. С. 101*; см. также отдельное издание: *М., 1909*). “Создания Гоголя — великие и страшные карикатуры, которые, только подчиняясь гипнозу великого художника, мы в течение десятилетий принимали за отражение в зеркале русской действительности” (там же). И вновь возник вопрос, правдоподобна ли ошибка чиновников, — выходит, абсолютно неправдоподобна: “В уездном городе жизнь каждого человека на виду, Хлестаков не мог за две недели, что он жил в городе, не примелькаться всем на улице” (там же, с. 101—102). Неправдоподобны и фантазии Хлестакова, особенно в сцене вранья: “В какой бы степени опьянения ни был человек, вряд ли, не сойдя с ума, может он говорить такие нелепости. Это не типичное гланье, а какое-то сверхгланье” (там же, с. 102).

Повлияла концепция Розанова и на Иннокентия Анненского, который первоначально рассматривал “Ревизора” (наряду с “Шинелью”) как проявления одной из форм гоголевского “художественного идеализма” — “карающего идеализма”. «Карающий идеализм Гоголя — это победный золотой луч солнца в затхлом подвале, все равно, упивается ли там поэзией канцелярского шрифта бедный Акакий Акакиевич или суетливо ворочается слиз-

няки и мокрицы “Ревизора”. Луч найдет щель и в камне, и хоть на миг он заставит слизняков и мокриц почувствовать, что они — дети тьмы...» (Анненский И. Художественный идеализм Гоголя. (Речь, произнесенная 21-го февраля 1902 г.) // Русская школа. 1902. № 2. С. 122; см. то же: Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 223). Несколько позже критик заострил свою точку зрения в духе извечного дуализма, с одной стороны, внешнего, осязательного, с другой — внутреннего, таинственного (однако же, без специальных примеров из “Ревизора”). “Гоголь оторвал первого из двух с л и т ы х ж и з н ь ю л ю д е й от второго и сделал его столь яркотипичным, люди у него вышли столь о ш е л о м л я ю щ е - т е л е с н ы м и, что тот второй человек оказался решительно затертым”. Телесность у Гоголя “загромоздила”, “сдавила мир” — и все его последователи “пошли не к Гоголю, они пошли от Гоголя”. Эта формула напоминает розановскую, однако у Анненского сохранен непреходящий и идеальный элемент гоголевского творчества, воспринятый всей русской литературой — “благодать его страдальчества” (Анненский И. Эстетика “Мертвых душ” и ее наследие // Аполлон. 1911. № 8. С. 52, 54; см. то же: Анненский И. Книги отражений. С. 227, 229). В черновых заметках Анненского, датируемых приблизительно периодом до августа 1905 г., содержится сопоставление “Ревизора” с другими гоголевскими произведениями: «Люди в профиль — “Ревизор”. Полные фигуры — Собакевич и др. Согретые образы — Ак(акий) Ак(акиевич), Старосв(етские) помещики» (Анненский И. Заметки о Гоголе, Достоевском, Толстом // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1981. № 4. С. 383; публикация Н.Т. Ашимбаевой).

Параллельно в лице Д.С. Мережковского складывалась онтологическая линия осмысления гоголевских произведений, и “Ревизора” в частности, опиравшаяся на антитезу божественного и злого (бесовского). Внимание художника всецело обращено ко второму началу (Мережковский Д.С. Судьба Гоголя. Часть I. Творчество // Новый путь. 1903. Январь. С. 35—81; отдельное издание: Мережковский Д.С. Гоголь и чорт. Исследование. М., 1906; см. также: Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991). «Единственный предмет гоголевского творчества и есть черт именно в этом смысле, то есть как явление “бесмертной пошлости людской”, созерцаемое за всеми условиями (...) Гоголь первый увидел невидимое и самое страшное, вечное зло не в трагедии, а в отсутствии всего трагического, не в силе, а в бессилье, не в безумных крайностях, а в слишком благоразумной середине, не в остроте и глубине, а в тупости и плоскости, пошлости всех человеческих чувств и мыслей» (Мережковский Д.С. В тихом омуте. С. 213—214). Это равносильно тому, что сделано Лейбницем в математике: Гоголь “открыл как бы дифференциальное исчисление, бесконечно великое значение бесконечно малых величин добра и зла” (там же, с. 214). Хлестаков, наряду с Чичиковым, и есть ипостась черта: первый “вдохновенный мечтатель”, второй — “положительный делец” (там же, с. 215). Отличие Хлестакова — способность к снижению и

бесконечному опошлению всего и всех; “величайшие мысли человечества (...), попадая в голову Хлестакова, становятся вдруг легче пуха”: так, «одна из главных мыслей XVII и XVIII века, Монтеня, Гоббса, Жан-Жака Руссо — мысль об “естественном состоянии”, о возврате человека в природу» превращается в знаменитый призыв к городничихе удалиться “под сень струй”; “эпикурейское вольнодумство (...) сокращается у Хлестакова в изречение новой положительной мудрости: *Ведь на то и живешь, чтобы срывать цветы удовольствия*» (там же, с. 219—220); даже “христианство, — тоска по неземной отчизне” сведены Хлестаковым до плоского общего места: “Скучно, брат, так жить, хочешь, наконец, пищи для души” (там же, с. 220). Критик, таким образом, продолжает тему самозванства Хлестакова, но самозванства уже не как специфически русского, а мирового, всечеловеческого явления.

Следующий важный шаг в интерпретации “Ревизора” сделал В.И. Немирович-Данченко, переключивший внимание на структуру комедии (*Немирович-Данченко 1953. С. 595—600*). У Гоголя “было гениальное чувство сцены, вдохновенное чувство театра” и все это выразилось в новизне и предельной лапидарности завязки. «Самые замечательные мастера театра не могли завязать пьесу иначе, как в нескольких первых сценах. В “Ревизоре” же — одна фраза, одна первая фраза (...). И пьеса уже начата. Дана фабула и дан главнейший ее импульс — страх» (там же, с. 596—597). Столь же нова и лапидарна развязка. “Как одной фразой городничего он завязал пьесу, так одной фразой жандарма он ее развязывает, — фразой, производящей ошеломляющее впечатление опять-таки своей неожиданностью и в то же время совершенной необходимостью” (там же, с. 599). Суть же сценического действия в том, что все его течение и повороты (“толчки”) строго опосредованы психологией персонажей. Гоголь “находит эти толчки не в событиях, приходящих извне, — прием всех драматургов мира, — откуда эта бедная событиями жизнь небольшого русского городка может давать интересные внешние события? — Гоголь находит сценическое движение в неожиданностях, которые проявляются в самих характерах, в многогранности человеческой души, как бы примитивна она ни была” (там же, с. 598—599). В свете этой психологической верности теряют свое значение упреки в утрировке — тут автор, никого не называя конкретно, касается давней критической традиции: “Никакие преувеличения, никакая сгущенность красок, никакая быстрота в смене настроений не изменят высшей, художественной правде” (там же, с. 599). Остановился Немирович-Данченко и на “немой сцене”, которую интерпретаторы “Ревизора”, как правило, обходили, — критик подчеркнул ее трагический колорит (“комедия (...) начинает вздыматься до трагических высот”), а также универсальность смысла: “...конкретный бытовой случай (...) вдруг освещается ярким, широким обобщением, которое (...) словно срывает внезапно все покровы быта и обнаруживает единую человеческую душу в ее огромном потрясении” (там же, с. 600).

Поэтологическое изучение произведений Гоголя, и в частности “Ревизора”, продолжил В.Ф. Переверзев, поставив задачу раскрыть “анатомию этого организма”, описать, “из каких стилистических и психологических элементов сложилось его творчество, как и в какой логической последовательности совершилось это сложение” (*Переверзев В.Ф.* Творчество Гоголя. М., 1914. С. 11–12; см. то же: *Переверзев В.Ф.* Гоголь. Достоевский. Исследования. М., 1982. С. 42–43). Настоящая задача подчинялась другой задаче — “исследовать связь творчества Гоголя с социальной средой, обрисовать его творчество как продукт определенной социальной группы, как яркое эстетическое воплощение жизни некоторой социальной ячейки” (там же, с. 45), ибо “без социологического рефлектора совершенно невозможно пускаться далеко вглубь, в лабиринты гоголевского творчества” (там же, с. 44). Получилось, что Гоголь — “художник мелкопоместной среды”, но поскольку последняя “врезывалась в среду городского мещанства”, то и писатель “тонким слоем своего творчества вошел в изображение этой новой среды и новой психологии” (там же, с. 147). Устанавливается жесткая социологическая типология персонажей, в которой Хлестакову отводится место “небокопителя активного” (там же, с. 137–148), в противовес “чувствительному небокопителю в массе мелкого и среднепоместного слоя, где о просвещении не особенно хлопотали” (там же, с. 131). И вся потенциальная динамика персонажей “Ревизора” детерминировалась образом жизни социальных слоев: “Пусть из рядов сытого первого сословия попадет он (Хлестаков. — *Ред.*) в ряды разночинных тружеников, пусть испытает труд и унижение бедности, и Хлестаков станет Поприщиним” (там же, с. 148). Социологические выкладки Переверзева вызвали дискуссию и возражения; так, Н.К. Пиксанов отнес Гоголя не к мелкопоместному, а к “среднему украинскому дворянству”, полагая, что именно с этой точки зрения следует интерпретировать его творчество (*Пиксанов Н.* О классиках. Сборник статей. М., 1933. С. 83).

Продуктивнее оказалось собственно эстетическое изучение гоголевских произведений, осуществляемое А.Л. Слонимским, В.В. Гиппиусом, В.И. Ивановым.

Свойственное Гоголю движение тона “от комического к серьезному” поставлено Слонимским в связь с существенным признаком юмора — тотальностью, ибо для юмора, по определению Жана Поля (Рихтера) (*Vorschule der Ästhetik*), “нет единичных глупостей и единичных глупцов — для него существует лишь всеобщая глупость и целый мир бессмыслицы (*tolle Welt*)” (цит. по: *Слонимский А.* Техника комического у Гоголя. Пг., 1923. С. 7). Таков “срыв” в серьезное в последних сценах “Ревизора”. «Грандиозность этого срыва придает финалу трагический отпечаток. Резко-комический образ городничего теряет свою комическую упрощенность, элементарность и осложняется нормально-человеческими эмоциями, вызывающими сочувствие. {...} В его монологе открывается субъективная сторона юмора — созерцание всей совокупности событий, сознание их “всеобщего”

значения» (там же, с. 12). Но до тех пор, пока этот “срыв” не произошел, господствует установка на карикатурность; поэтому невероятность и нежизненность гоголевского изображения, о чем писали Розанов, Брюсов и другие, не абсолютны, но обусловлены природой юмора. “Всякий комизм, если он проявляется в виде целого комического хода (...) связан с упрощением мотивировки, с некоторым произволом в сцеплении событий — т.е. с искажением нормальных восприятий” (там же, с. 30). Обобщая наблюдения предшествовавших исследователей (см. в частности: *Мандельштам И.Е.* О характере гоголевского стиля. Гельсингфорс, 1902. С. 243, 273—275 и т.д.), Слонимский подробно осветил и классифицировал различные приемы “искажения нормальных восприятий”, например, прием “комического разрушения логических и причинных связей” (умозаключения Аммоса Федоровича или Шпекина относительно причин прибытия ревизора), “прием затяжки, задержания” (там же, с. 35, 37), “комизм бессвязности — бессвязное сочетание отдельных предложений, неожиданные перебои тем” (там же, с. 39) и т.д.

Историко-литературный аспект изучению поэтики “Ревизора” придал В.В. Гиппиус, который, вслед за Н. Котляревским, но значительно полнее, вписал произведение в контекст как отечественной, так и западноевропейской драматургии. Исследователь пришел к выводу, что “комедия Гоголя — комедия комического действия, выросла из молюеровской традиции и ее фарсовой основы, и она же — комедия характеров — не условных лицетворений, но и не бытовых портретов — а художественных карикатур, которые усиливают жизненные типы, преломленные в личном сознании автора” (*Гиппиус В.В.* Гоголь. Л., 1924. С. 107—108). По отношению к различным элементам, из которых обычно строилась комедия, Гоголь поступает неодинаково: использует “традиционные сюжеты и комические положения”, придавая им “психологическую убедительность”, но решительно отказывается от “традиционной же композиции, рассчитанной на нравоучительное воздействие”, отказывается и от “добродетельных героев и их торжества” (там же, с. 108). Изучение “Ревизора” в контексте русской комедии было продолжено В. Гиппиусом в статье «Проблематика и композиция “Ревизора”» (см.: *Мат. и иссл.* 1936. Т. 2. С. 151—199; см. также раздел о “Ревизоре” в работе “Творческий путь Гоголя”, опубликованной посмертно: *Гиппиус В.В.* От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 106—112).

Отправной пункт размышлений В.И. Иванова о “Ревизоре” — гоголевские идеи об аристофановской комедии и ее противопоставлении комедии последующей, в частности новой аттической. Исследователь увидел в этом противопоставлении авторскую рефлексию по поводу поэтики самого “Ревизора”, чье «главное отличие (...) от античной мещанской комедии и, в меру разницы, неожиданное сходство с “высокою” комедией пятого века — в том, что действие его не ограничивается кругом частных отношений, но, представляя их слагаемыми коллективной жизни, обнимает целый, в себе замкнутый и себе довлеющий социальный мирок, символически равный лю-

бому общественному союзу...» (Иванов Вяч. “Ревизор” Гоголя и комедия Аристофана // Театральный Октябрь. Сб. 1. Л.; М., 1926. С. 89; см. то же: Иванов Вяч. Собр. соч. Т. IV. Брюссель, 1987. С. 387). Детализируя это положение, В. Иванов находит сходство и в общем плане комедий («в самом деле, безмянный городок Городничего — своего рода комедийный “Город” (будь то Афины или Тучекукуевск) древнего Аристофана) — там же, с. 387), и в интриге («изображение целого города взамен развития личной или домашней интриги — коренной замысел бессмертной комедии» — там же), и в отдельных частях (так, реплика Городничего “Чему смеетесь...” есть не что иное как «замечательный рудимент той самой парабазы, которая была отличительным признаком и как бы печатью древней “высокой” комедии» — там же, с. 393), а самое главное — в хоровой основе, проявляющейся и в образе города, и в типе интриги, и в наличии парабазы. Написанная под влиянием римских бесед с Всеволодом Мейерхольдом и Зинаидой Райх в 1924—25 гг. (об этом см.: там же, с. 751—752), статья предвещает будущий мейерхольдовский спектакль («мыслимую постановку “Ревизора”»), требуя отхода от канонов реалистического театра. “Это возможно при условии снятия кулис и загородок и удвоения драмы мистическим представлением всего, что происходит за кулисами...” (там же, с. 398).

На скрещении традиций социологического и формального (позтологического) подхода к Гоголю возникла концепция Андрея Белого (*Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934*). Исследователь воспринял идею Перверзева о прикреплённости гоголевского творчества к определенному классу и даже к определенной классовой прослойке — мелкопоместному дворянству (там же, с. 25); однако, результат этой прикреплённости и зависимости он рассматривал более широко — как антиномию личности и коллектива. “Личное у Гоголя — мелко, не эстетично, не героично; личность, выписавшись из дворянства, крестьянства, казачества, гибнет телесно с Поприциным, или... прижизненно мертвеет в мещанском сословии, в которое переползает дворянчик”. Таким “выписавшимся из дворянства” предстает и Хлестаков, который «неспроста *“насвистывает сначала из “Роберта”, потом: “Не шей ты мне, матушка”, а наконец — ни се, ни то*» (...) эволюция слов сопутствует перерождению дворянского рода в мещанство; сначала *“все”*, потом — *“ничто”*; наконец — *“не ничто”*: *“ни се”, но “ни то”*; оторванные сознания, не обретая “я”, изживаются раздрызгами жеста» (там же, с. 163). В устанавливаемой Андреем Белым гоголевской эволюции “Ревизор” занимает место в центре второй фазы, когда на смену “гиперболе воспевания” первой фазы приходит “гипербола осмеяния” (там же, с. 15), а “мелодия переходит в многоголосицу гармонизированных диссонансов” (там же, с. 12). Другой признак этой фазы, вполне воплотившийся и в “Ревизоре” — снятие фабулы: «В “Ревизоре” (...) фабула — круг (...) последнее явление возвращает к первому; и там и здесь — страх: середина же — вздутый морок, великолепно сложенный, или: “Андронов”, гре-

мящее “турсами” колесо вертится на месте: ни с места! В “ни с места” — вся сила взрыва, в итоге которого действие оборвано пантомимой, окаменением героев: навеки-веков!» (там же, с. 20). Немая сцена строится на контрасте с предшествующими судорожными движениями: «“Ревизор” — дерги жестов»; его персонажи — “какие-то дергоноги и дергоруки”; “повышенные экспрессии дробной части разбитого жеста ведет каждого из жестикуньянтов к конечному взрыву, после которого актом жеста, окаменев, превращает героя в неподвижную деревянную куклу” (там же, с. 161). Концепция “немой сцены” сформулирована под прямым влиянием мейерхольдовского спектакля, в котором актеры в самом деле были подменены своими двойниками-куклами.

Оживившееся на рубеже XIX — XX и в начале XX вв. изучение языка и речевого стиля “Ревизора” (см. указанные выше труды И.Е. Мандельштама, А.Л. Слонимского, Андрея Белого) было продолжено В. Гофманом (*Гофман В. О литературном языке. Статья третья. Язык “Ревизора” // Литературная учеба. 1934. № 6. С. 74—101*), В.В. Виноградовым (см., в частности: *Виноградов В.В. Язык Гоголя // Мат. и иссл. 1936. Т. 2. С. 296—297, 316 и т.д.*). Среди более поздних работ — *Еремина Л.И. О языке художественной прозы Н.В. Гоголя. Искусство повествования. М., 1987* (замечания о недооценке в ряде этих исследований “украинского языкового компонента” см.: *Барабаш Ю. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. М., 1995. С. 85—90*).

В сочинениях Н.А. Бердяева, в частности в статье “Духи русской революции” (в изд.: *Из глубины: Сб. статей о русской революции. М.; Пг., 1918*), традиционное, начиная с Розанова, отрицание реализма Гоголя было увязано с проблемой непреходящей содержательности и актуальности его творчества. “Мертвые души”, “Ревизор” и другие произведения *потому не реалистичны*, что их смысл *не ограничивается* определенным местом и временем. «Нам представляется чудовищным, как могли увидеть реализм в “Мертвых душах”, произведении невероятном и небывалом. Странное и загадочное творчество Гоголя не может быть отнесено к разряду общественной сатиры, изобличающей временные и преходящие пороки и грехи дореформенного русского общества» (*Бердяев Н. Духи русской революции. 1. Гоголь в русской революции // Из глубины. Сб. статей о русской революции. М., 1990. С. 58*). Надвременной и вечный характер гоголевских созданий особенно выявился в свете революционных потрясений 1917. “Русские люди, желавшие революции и возлагавшие на нее великие надежды, верили, что чудовищные образы гоголевской России исчезнут, когда революционная гроза очистит нас от всякой скверны. В Хлестакове и Сквозник-Дмухановском, в Чичикове и Ноздрева видели исключительно образы старой России, воспитанной самовластьем и крепостным правом. В этом было заблуждение революционного сознания, неспособного проникнуть в глубь жизни. В революции раскрылась все та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полуживотная Россия харь

и морд (...). Тщетны оказались надежды, что революция раскроет в России человеческий образ, что личность человеческая подымется во весь свой рост после того, как падет самовластье” (там же, с. 60). Вполне сохранился, в частности, Хлестаков: «Происходит грандиозная нажива на революции. Сцены из Гоголя разыгрываются на каждом шагу в революционной России. Нет уже самодержавия, но по-прежнему Хлестаков разыгрывает из себя важного чиновника, по-прежнему все трепещут перед ним (...) ныне Хлестаков вознесся на самую вершину власти (...). Не будем обманываться внешностью. Революционный Хлестаков является в новом костюме и иначе себя именует. Но сущность остается той же. Тридцать пять тысяч курьеров могут быть представителями “совета рабочих и солдатских депутатов”. Но это не меняет дела. В основе лежит старая русская ложь и обман, давно увиденные Гоголем. (...) Гоголю открывалось бесчестье как исконное русское свойство. Это бесчестье связано с неразвитостью и нераскрытостью личности в России, с подавленностью образа человека» (там же, с. 60–62).

Что же касается гоголевского художественного стиля, то Бердяев сближает его с искусством нового времени. “Художественные приемы Гоголя, которые менее всего могут быть названы реалистическими и представляют своеобразный эксперимент, расчленяющий и распластывающий органически-целостную действительность (...). Он предваряет искусство А. Белого и Пикассо. В нем были уже те восприятия действительности, которые привели к кубизму. В искусстве его есть уже кубистическое расчленение живого бытия. Гоголь видел уже тех чудовищ, которые позже художественно увидел Пикассо” (там же, с. 58–59). О непреходящей жизненности гоголевских изображений, в частности в “Ревизоре”, Бердяев писал и в последующих работах: “И в советской, коммунистической России есть Хлестаковы, Ноздревы, Чичиковы, и в ней торгуют мертвыми душами и лжеимянный ревизор наводит на всех страх” (*Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма*. Париж: Умса-Press, 1955. С. 68; первое изд. — в 1937 г. на англ. яз.).

Для интерпретации гоголевского творчества в русской религиозной философии с начала XX в. главным стал “вопрос о переходе от творчества совершенных произведений к творчеству совершенной жизни” (выражение Бердяева, примененное им также к Гоголю — см.: *Бердяев Н. О характере русской религиозной мысли XIX-го века // Современные записки*. 1930. Т. XLII. С. 335; см. также: *Бердяев Н.А. О русской философии*. Ч. 2. (Свердловск), 1991. С. 23). Наиболее полно эта проблема была освещена в сочинениях В.В. Зеньковского — первоначально в цикле статей 1916–1917 гг. “Н.В. Гоголь в его религиозных исканиях” (*Христианская мысль*. Киев, 1916. № I–III, V, VII–VIII, X и др.), затем в ряде других сочинений (в частности: *Die ästhetische Utopie Gogols // Zeitschrift für slavische Philologie*. 1936. Bd. XIII. S. 1–34; *История русской философии*. Т. I. Париж: Умса-Press, 1948. Ч. II. Гл. III. С. 180–188; см. также: *История рус-*

ской философии. Т. I. Л., 1991. Ч. I. С. 186—193); итоговой работой явилась книга “Н.В. Гоголь” (Париж: Утса—Press, (1961)). “Ревизор”, по мнению Зеньковского, представляет гоголевскую эстетическую утопию как “своеобразное сочетание морализма и эстетизма” (Зеньковский В. Н.В. Гоголь. Париж, (1961). С. 132). На этой стадии эстетическое и комическое подчиняются внехудожественным, этическим целям. «Он (Гоголь. — Ред.) надеялся на очищающую силу смеха (о котором он сам сказал позже в “Театральном разезде”, что смех был “единственным честным лицом в “Ревизоре”), надеялся на то, что неправда, представленная в лицах, в живом действии, самим эстетическим действием пьесы будет способствовать моральному оздоровлению нравов России» (там же, с. 132). «Чисто эстетический успех “Ревизора” совсем не интересовал Гоголя», но в этом как раз и состояла “катастрофа”, ибо пьеса имела огромный художественный успех, но не оказала того очищающего воздействия, которое ожидал автор (там же, с. 134). «Успех “Ревизора” в глазах русского общества оказался для самого Гоголя лишь острым и колющим ранением его души», и это привело к изменениям всего его мироощущения (там же, с. 243). «Когда вся утопичность, которая была в Гоголе, когда он писал “Ревизора”, получила жестокий удар от явного несовпадения художественной ценности созданий искусства (в данном случае “Ревизора”) с ее воздействием на нравы, на моральное сознание общества, — то тогда Гоголь нашел в религиозном миропонимании иную базу для осмысления функции искусства» (там же, с. 254). Однако это не устранило проблемы — “Гоголь, в диалектике его религиозных исканий, не нашел надлежащего равновесия между художественным творчеством и тем таинственным процессом преобразования мира, которое связано с христианской идеей” (там же, с. 254—255; ср. также в более ранней работе Зеньковского, где подчеркнута верность Гоголя эстетизму: «он не мог пожертвовать искусством и даже после трагического уничтожения “Мертвых душ” не мог отказаться от искусства...» — Die ästhetische Utopie Gogols, S. 34; оригинал на немецком яз.).

К подобной трактовке морального задания “Ревизора” и связанной с этим гоголевской духовной драмы близок и К.В. Мочульский в монографии о Гоголе, несмотря на то что последняя вызвала возражения Зеньковского (Указ. соч. С. 11, 138). Отмечая связь между гражданско-этической устремленностью писателя и замыслом комедии, Мочульский говорил: «Нельзя ли предположить, что Гоголь рассчитывал, может быть, полусознательно, что “Ревизор” произведет какое-то немедленное и решительное действие? Россия увидит в зеркале комедии свои грехи и вся, как один человек, рухнет на колени, залется покаянными слезами и мгновенно переродится! И вот ничего подобного не произошло (...). Разочарование вызывает в авторе душевный перелом, совпадающий с его отъездом за границу и знаменующий новую эру в его жизни» (Мочульский К. Духовный путь Гоголя. Париж: Утса—Press, 1934. С. 43).

В контексте изучения Гоголя русскими религиозными мыслителями за-

рубежья обращает на себя внимание лекция И.А. Ильина “Гоголь, великий сатирик, романтик и философ жизни”, прочитанная на немецком языке 13 марта 1944 г. в Русско-швейцарском кружке в Цюрихе. Касаясь той “великой сокровенной идеи, которую Гоголь всегда имел перед собой в качестве исходного пункта, основы и цели”, автор пояснял: «Так в “Ревизоре” речь идет не о земном лишь ревизоре, но и о незримом, важнейшем ревизоре. Гоголь сам указал на идею совести как на главную идею пьесы. Но можно сказать и так: тут присутствует идея национальной ответственности, идея здорового правосознания или идея справедливой государственной власти. Над недостойными чиновниками встает вечная идея права и правового государства. А за ними — грозная идея Страшного Суда (...). Кроме того, Хлестаков напоминает нам еще и о возникающих в русской истории многочисленных самозванцах, которые породили столько несчастия и которые извлекали из великого российского *пространства* возможность безнаказанного политического мошенничества. Но ведь не о России только должна идти речь: к народам остальной Европы — в особенности после того, что в ней произошло после Первой мировой войны — тоже можно обратиться с призывом очистить свое правосознание» (рукопись лекции хранится в архиве И. Ильина в Courtesy of Michigan State University Libraries' Special Collections; цит. по изложению лекции в изд.: *Полторацкий Н. Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение.* (Нью-Йорк), 1989. С. 89, 278–279).

Если же выйти за рамки русской религиозной философии, то уместно упомянуть еще точку зрения В.Ф. Ходасевича, который подчеркивал, что “Ревизор” отличается многоплановостью, не сводимой к одному определенному истолкованию. Прежде всего «можно констатировать тему чисто театральную, комедийную: завязку и развязку комической ситуации; эта тема осложнена психологической задачей — представить переживания действующих лиц в данной ситуации; психологическая задача, в свою очередь, граничит с сатирической — с тем разоблачением чиновничьей России, которое дало повод императору Николаю Павловичу сказать, что от Гоголя в “Ревизоре” “досталось всем, а особенно мне”; эти четыре темы развернуты на фоне пятой: Гоголь хотел одновременно дать изображение провинциального быта тридцатых годов; наконец, все пять тем восходят к шестой, к заданию морального и философического смысла, поскольку сам Гоголь признал, что его целью было в пошлости маленького города представить пошлость всего человечества. (...) Но этого мало. Проскваживая друг через друга и воспринимаясь одновременно, все планы в своей совокупности образуют еще и символическую глубину пьесы» (*Ходасевич В. По поводу “Ревизора” // Возрождение. Париж, 1935. 21 февраля. № 3550. С. 3–4; см. то же: Ходасевич В. Колеблемый треножник. Избранное. М., 1991. С. 573; Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 336–337; говоря о “цели” Гоголя, Ходасевич, по-видимому, имеет в виду гоголевские слова, относящиеся к “Мертвым душам”: “Весь город со всем вихрем сплетней — про-*

образование бездельности жизни всего человечества в массе” — заметки “К 1-й части”).

Истолкование “Ревизора” как необычайно смелого и оригинального гротеска получило наиболее полное выражение у В.В. Набокова (*Nabokov V. Nikolai Gogol. Norfolk, 1944*; русский перевод Е. Гольшевой — *Новый мир. 1987. № 4. С. 174—227*; см. то же: *Набоков В. Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 31—134*). Гоголевский художественный мир — “перевернутый мир” (“Gogol’s upside down world”); «и подходить к пьесе как к социальной сатире (вторя мнению общества) или как к моральному обличению (запоздалое оправдание, придуманное самим Гоголем) значит упускать главное в ней. Персонажи “Ревизора” (...) реальны лишь в том смысле, что они реальные создания фантазии Гоголя» (там же, с. 59). “Потусторонний мир, который словно прорывается сквозь фон пьесы, и есть подлинное царство Гоголя” (“this secondary world, bursting as it were through the background of the play, is Gogol’s true kingdom”) (там же, с. 66); в целом это — “сновидческая пьеса”, “государственный призрак” («this dream play, this “Government Specter”») (там же, с. 68). Между прочим, именно так (“The Government Specter”) озаглавлен посвященный “Ревизору” раздел книги.

Различные тенденции в интерпретации Гоголя проявились в отзывах на книгу Набокова. Г.П. Федотов вскоре после ее выхода, отметив, что “один из самых больших, если не самый большой, русский писатель наших дней (...) пишет о самом великом мастере русского слова”, поддержал уже утвердившуюся “со времен символистов” мысль, что “Гоголь не был реалистом, что он творил воображаемые миры”. Вместе с тем, по Федотову, “попытка Набокова отрицать, наравне с реализмом, человечески-нравственное содержание Гоголя обесмысливает и его искусство и его судьбу. Различие между Гоголем и Сириным существует...” (*Новый журнал. (Нью-Йорк), 1944. № 9. С. 369*; перепечатано: *Литературная Россия. 1989. 31 марта. № 13. С. 21*). С другой стороны, С. Залыгин, автор предисловия к первому русскому изданию набоковской книги, видит это различие не только в определяющих гоголевское творчество нравственных критериях, но и в самом стиле обоих художников. “Стиль Набокова — это стиль, несмотря ни на что, мыслимый, теоретически предсказуемый, а стиль того же Гоголя немислим, непредсказуем и глубоко национален” (*Новый мир. 1987. № 4. С. 173*).

В 60-е и последующие годы XX в. вышел ряд исследований, целиком или в значительной своей части посвященных “Ревизору” (приводим в хронологическом порядке): *Степанов Н. Искусство Гоголя-драматурга. М., 1964*; *Манн Ю. Комедия Гоголя “Ревизор”. М., 1966* (в дополненном виде вошло в кн.: *Манн Ю. Поэтика Гоголя. М., 1978*; 3-е исправл. и дополн. изд.: *Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996*); *Войтоловская Э.Л. Комедия Н.В. Гоголя “Ревизор”: Комментарий. Л., 1971*; *Терц Абрам (Синявский А.Д.) В тени Гоголя. Paris, 1975*; *Лотман Ю.М. О Хлестакове // Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 369. Труды по русской и славянской фи-*

дологии. XXVI. Литературоведение. Тарту, 1975. С. 19–53 (вошло в кн.: *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь., М., 1988. С. 293–325); *Вишневская И.Л.* Гоголь и его комедии, М., 1976 (глава «Что еще скрыто в “Ревизоре”»); *Золотуский И.* Гоголь. М., 1979 (ч. 3, гл. 2 “Русский чисто анекдот”; 3-е изд., испр. и доп. — 1998); *Купряева Е.Н.* Авторская “идея” и художественная структура “общественной комедии” Н.В. Гоголя “Ревизор” // *РЛ.* 1979. № 4. С. 3–16; *Мацкин 1984* (раздел: “Михаил Чехов — Хлестаков. 1921– 1927”; «Мейерхольд. Как создавался “Ревизор”». 1926); *Макогоненко Г.П.* Гоголь и Пушкин. Л., 1985 (Глава шестая. Пушкинское начало в комедии Гоголя “Ревизор”); *Купряева Е.Н.* Гоголь-комедиограф // *РЛ.* 1990. № 1. С. 8–33 (публикация В.Е. Ветловской; статья написана в 1985 г.); Словоуказатель к комедии Н.В. Гоголя “Ревизор” / Сост. Кузнецов В.Я., Ерохин В.Н., Гайштут К.М., Усовик Е.Г. Тверь. 1990; *Прозоров В.* “Ревизор” Гоголя, комедия в пяти действиях. Саратов, 1996; *Зорин А.Н.* Пауза в ритмическом строе комедии Н.В. Гоголя “Ревизор” // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г.В. Краснова. Сб. научн. статей. Коломна, 2001. С. 94–100 и т.д.

Для современных отечественных исследований комедии характерно усиление внимания к ее религиозной проблематике, расширение контекста интертекстуальных связей за счет не только собственно художественных текстов, но и текстов философско-религиозного, мистического, учительного характера, включая святоотеческую литературу, средневековую мистику и т.д. (*Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993; *Гончаров С.А.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. С. 139 и далее).

В современном зарубежном литературоведении “Ревизор” рассматривается в аспекте становления гоголевской поэтики, в частности, гротеска (*Günther H.* Das Grotteske bei N.V. Gogol'. Formen und Funktionen. München, 1968), далее в аспекте гоголевской художественной манеры в ее соотношениях с читательским восприятием (*Fanger D.* The Creation of Nikolai Gogol. Cambridge; Massachusetts; London, 1979; *Peace R.* The Enigma of Gogol. Cambridge; London; New York..., 1981), в контексте эволюции мотивов мировой литературы (*Lauer R.* Die intrigenlose Komödie. Zur Motivstruktur von N.V. Gogol's “Revizor” // *Gattungsinnovation und Motivstruktur.* Göttingen, 1992, S. 55–96), с точки зрения гоголевской художественной гносеологии (*Maguire R.A.* Exploring Gogol. Standford, California, 1994), в перспективе развития петербургского “хронотопа” (*White D.* Khlestakov as Representative of Petersburg in “The Inspector General” // *Essays on Gogol. Logos and the Russian Word.* Evanston, Illinois. 1992. P. 89–104). Исследуются также — с опорой на традицию русской религиозной философии — религиозные взгляды писателя и их преломление в художественном стиле (*Amberg L.* Kirche, Liturgie und Frömmigkeit im Schaffen von N.V. Gogol'. Bern; Frankfurt am Main; New York; Paris, 1986).

Точная дата начала репетиций “Ревизора” в Александринском театре неизвестна. В цитированном выше письме от 7 марта 1836 г. Геденонов уведомлял Гоголя: “Для расписания ролей и раздачи оных буду ожидать Вашего отзыва” (РГАИ. Ф. 497. Оп. 4. Ед. хр. 2523. Л. 23 об.; опубликовано: *Мат. и иссл.* 1995. С. 122). “Отзыв”, судя по всему, последовал незамедлительно — уже 8 марта, как отмечалось, было дано предписание о выплате гонорара. Исходя из этого следует предположить, что театр мог приступить к постановке комедии уже на следующий день, т.е. 9 марта. Таким образом, репетиции начались с середины поста, а не с начала его, как планировал Гоголь (в письме к М.П. Погодину от 18 января 1836 г.). Фактическим руководителем постановки был А.И. Храповицкий, по свидетельству Н.И. Куликова, ничем не выделявшийся из общего ряда театральных инспекторов (“ничего не понимавших при постановке пьес”, представленных как “квартальные надзиратели”, “чтобы смотреть за порядком и тишиною” — *Куликов Н.И. Театральные воспоминания: Петербургские театры в 1820—1830-х годах // РС. 1892. Август. С. 457*). Забегая вперед, приведем отзыв Храповицкого о “Ревизоре”: “Пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купечество” (*Дневник Александра Ивановича Храповицкого, инспектора репертуара российской труппы. 1829—1839 г. // РС. 1879. Т. XXIV. Февраль. С. 348. Запись от 19 апреля 1836 г.*). Гоголь, как известно, не только не стоял в стороне от сценических проблем, но, напротив, всячески стремился участвовать в их разрешении, добиваясь адекватного воплощения замысла “Ревизора”. Анненков в своих мемуарах отмечает хлопотливость автора во время постановки, “казавшуюся странной, выходящей из всех обыкновений и даже, как говорили, из всех приличий” (*Анненков 1989. С. 59*). Одновременно мемуарист пишет о том, что эта хлопотливость “горестно оправдалась водевильным характером, сообщенным главному лицу комедии, и пошло-карикатурным, отразившимся в других” (там же). О характере гоголевских “хлопот” известно следующее.

Пьеса была прочитана “самим автором у Сосницкого, в присутствии артистов, которым предназначены были роли...” (*Каратыгин 1883. С. 735*). Из эпистолярных и мемуарных свидетельств мы знаем, что большинством артистов пьеса не была понята, однако мера этого непонимания оценивалась и объяснялась по-разному. Так, П.И. Григорьев, один из участников премьерного спектакля (исполнитель роли Ляпкина-Тяпкина, а с 28 апреля и дублер Сосницкого в роли Городничего), писал 20 апреля 1836 г. Ф.А. Кони: “... эта пьеса пока для нас всех как будто какая-то загадка (...) она такое новое произведение, которое мы (может быть) еще не сумеем оценить с одного или двух раз. Как быть! Не все же вдруг!” (*ЛН, т. 58. С. 548*). С этим признанием совпадают воспоминания А.Я. Панаевой (Головачевой), дочери артиста Я.Г. Брянского (Григорьева): «Я помню (ко времени постановки “Ревизора” ей было немногим менее шестнадцати

лет. — Ред.), что, когда ставили “Ревизора” на сцену, все участвующие артисты как-то потерялись; они чувствовали, что типы, выведенные Гоголем в пьесе, новы для них и что эту пьесу нельзя так играть, как они привыкли разыгрывать на сцене свои роли в переделанных на русские нравы французских водевилей» (Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М., 1972. С. 37). По свидетельству П.П. Каратыгина, отношение к гоголевской пьесе со стороны артистов (воспитанных “на оригинальных комедиях Княжнина, Шаховского, Хмельницкого, Загоскина или на переводных”) выражалось не только в недоумении (по поводу того, что лакей “так-таки и говорит лакейским языком, а слесарша Пошлепкина, как есть простая баба, взятая с Сенной площади...”), но и в порицании, и во враждебности, и в “полнейшем равнодушии” (Каратыгин 1883. С. 735). К числу порицателей, пишет П.П. Каратыгин, относился и П.А. Каратыгин, приверженец “классической школы”, для которой “Гоголь был (...) тем же, чем Петр Великий для староверов” (там же). В письме от 23 ноября (1855 г.) П.А. Каратыгин объяснял Л.К. Шульгину: «Меня считают почему-то ненавистником Гоголя, но жестоко ошибаются. Не настолько же я слеп, чтобы не признавать громадного его таланта; но “Ревизора” рядом с “Горем от ума” не поставлю, а “Мертвые души” “Илиадой” не назову» (РВ. 1880. Т. 149. С. 151–152). Вместе с тем П.П. Каратыгин отмечает, что неприятие комедии сопровождалось явлением крайне замечательным: «...именно два старейшие актера обеих столичных сцен, Щепкин — московской и Сосницкий — петербургской, отнеслись к “Ревизору” с живейшим сочувствием» (Каратыгин 1883. С. 735). Наряду с театральными мэтрами интерес к “Ревизору” проявило и совсем юное поколение артистов — воспитанники театрального училища, которые, по возможности, следили за всеми репетициями, усваивая “остроумный юмор Гоголя во всех его действующих лицах” (Леонидов 1888. С. 227–228).

Известно, что еще задолго до премьеры “Ревизора” Гоголь выражал сомнение в профессиональных возможностях петербургских артистов и даже пытался подыскать подходящих исполнителей в провинции. Сообщая 21 февраля 1836 г. Н.Д. Белозерскому о предстоящей постановке “Ревизора”, он писал: “Пожелайте, дабы была удовлетворительнее сыграна, что, как вы сами знаете, несколько трудно при наших актерах. Да кстати: есть в одной кочующей труппе (...) актер, по имени Соленик. Не имеете ли вы каких-нибудь о нем известий? и, если вам случится встретить его где-нибудь, нельзя ли как-нибудь уговорить его ехать сюда? Скажите ему, что мы все будем стараться о нем. Данилевский видел его в Лубнах и был в восхищении. Решительно комический талант! Если же вам не удастся видеть его, то, может быть, вы получите какое-нибудь известие о месте пребывания его и куда адресовать к нему”. Откликнулся ли Белозерский на эту просьбу, неизвестно. Во всяком случае, идея Гоголя пригласить провинциального артиста для участия в спектакле императорского петербургского театра (по-видимому, в роли Хлестакова), осталась неосуществленной. Однако К.Т. Со-

леник (1811–1851), один из ведущих актеров труппы Л.Ю. Млотковско-го, обладавший огромным талантом, все-таки сыграл Хлестакова — на театральной сцене Харькова (основное место работы труппы) и других городов Украины (*ИРДТ*. Т. 3. С. 178–179).

Есть сведения о том, что Гоголь имел отношение к распределению ролей, правда, не вполне ясно, насколько велики были его полномочия. Во всяком случае, со слов очевидца репетиций Л.Л. Леонидова (в ту пору воспитанника театрального училища), мы знаем, что его однокашники — Крамолей, Петров, Ахалин, Горшенков, Марковецкий — были избраны самим автором “как вполне подходившие к назначенным ролям: Добчинского, Бобчинского, Держиморды, Люлюкова и Мишки как по фигурам, так и по сценическим способностям” (*Леонидов 1888*. С. 227). С.С. Данилов не без основания заметил, что это свидетельство может быть принято с некоторыми оговорками, так как роль Люлюкова первоначально предназначалась Смирнову, а Бобчинского — Прохорову (*Данилов 1936*. С. 131). Кем были назначены исполнители главных и ведущих ролей — неизвестно. Забегая вперед, скажем, что 28 апреля, к неудовольствию Гоголя (см. его письмо Щепкину от 29 апреля 1836 г.), в спектакль были введены дублиры (подробнее о них см. с. 745 наст. изд.).

Как уже отмечалось, Гоголь продолжал работать над сценическим текстом уже после его цензурного одобрения, т.е. в период репетиций и, судя по всему, вплоть до самой премьеры. Одно из последних (а может быть, и последнее) исправление текста имеет дополнительное цензурное разрешение от 14 апреля 1836 г. (подробнее см. с. 586 наст. изд.). По поводу этих последних переработок “Ревизора” А.А. Нильский сообщает следующее: “Комедия эта, как мне известно от И.И. Сосницкого, до первого представления много раз переделывалась и приспособлялась к сцене автором, при советах его друзей, между прочим, актеров Щепкина и Сосницкого” (*Нильский 1897*. С. 161). В гоголевском “Отрывке из письма...” говорится об одном замечании, сделанном автору еще во время чтения “сведущим и опытным актером”. Однако это замечание, касавшееся начала четвертого действия, было учтено лишь при подготовке второго издания “Ревизора” (подробнее см. с. 604 наст. изд.). Не исключено, что в процессе репетиций Гоголю были сделаны и иные замечания, и они, конечно, могли исходить и от Сосницкого, но не от Щепкина, который получил от Гоголя экземпляр “Ревизора” с дарственной надписью уже после петербургской премьеры (см. с. 720 наст. изд.).

О самом репетиционном процессе известно немного. В “Отрывке из письма...” Гоголь рассказал о сложностях, с которыми он столкнулся при постановке Немой сцены. В тексте она описана всего в двух фразах, театральное же решение этого эпизода, судя по всему, было продумано Гоголем до мельчайших деталей: продолжительность две—три минуты, окаменение всех действующих лиц, “онемевшая мимика”, выражающая индивидуальный страх каждого — “вследствие великости наделанных каждым грехов”.

Разъяснения Гоголя не были приняты, ему отвечали, “что это свяжет актеров, что группу нужно будет тогда поручить балетмейстеру, что несколько даже унизительно для актера, и пр., и пр., и пр.”. При этом “мины” говоривших были “досаднее” слов (там же). Заметим, что мнение А.И. Храповицкого о финале “Ревизора” было не слишком благоприятное: “окончание пьесы самое сухое” (*ЕИТ. Сезон 1897–1898 гг. СПб., 1899. С. 117* – запись Храповицкого на афише четвертого представления “Ревизора”).

Такая же неудача постигла Гоголя в связи с костюмировкой. Естественно, что проблемой костюмов для “Ревизора” постановщики занялись незамедлительно. Уже 12 марта 1836 г. А.М. Гедеонов обращался к министру императорского двора П.М. Волконскому (главному начальнику над дирекцией императорских театров в Петербурге и Москве) со следующим вопросом: «В новой комедии “Ревизор” назначено всем губернским чиновникам быть в мундирах, почему имею честь испрашивать приказаний В(аше-го) С(нятельства): в каких именно мундирах прикажете (быть?) артистам, играющим сии роли» (*РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Ед. хр. 2523. Л. 26 об.; опубликовано: Мат. и иссл. 1995. С. 123*). О том, как решился этот вопрос, стало известно благодаря изысканиям одного из основных исследователей сценической истории “Ревизора”, С.С. Данилова. Изучая костюмировку комедии, он обратил внимание на ее несоответствие “Высочайше утвержденному Положению о гражданских мундирах” (см.: *Полн. собр. законов 2. Т. IX. Отд. 1. С. 168–181*) в деталях (в форменном мундире городничего) и в более существенных чертах (у чиновников). Только цвет фраков, отмечает Данилов, говорил о принадлежности персонажей к тому или иному ведомству, в остальном “это был условный театральный костюм” (*Данилов 1936. С. 136–137*).

Даниловым же был впервые опубликован рисунок, послуживший руководством к созданию декораций первого действия, а значит, и третьего, четвертого, пятого (*Данилов 1934*, на вклейке, между с. 128 и 129; рисунок находится в собрании ГЦТМ им. А.А. Бахрушина). Характерно, что создание специальных декораций для драматического спектакля было в императорском театре явлением исключительным, обычно в таких случаях пользовались имеющимися у театра “павильонами” (*ИРДТ. Т. 3. С. 88–90*). Упомянутый рисунок снабжен пометой, свидетельствующей о непосредственном участии Гоголя в определении характера декораций: «Комедии “Ревизор” по желанию Г. Автора рисунок первого Действия» (*Данилов 1934*, там же; помета сделана рукой А.И. Храповицкого). На рисунке запечатлена достаточно скромная комната с двумя окнами, печкой в углу и простым убранством на стенах.

С.С. Даниловым был обнаружен и опубликован еще один ценнейший документ, связанный со сценической историей первой постановки, – написанная на двенадцати страницах монтировка спектакля, с самыми подробными описаниями по “декорационной”, “бутафорской части”, по “костюмному”, “сапожному” и “парикмахерскому” гардеробу (*Данилов 1934*).

С. 132–142; прежний шифр документа: РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Ед. хр. 7454. “Монтировки пьес императорских театров за 1836 г.”; в настоящее время указанная единица хранения значится в описи как выбывшая; в отделе рукописей ГЦТМ им. А.А. Бахрушина хранится копия монтировки — Ф. 486. Ед. хр. 1824). Благодаря этой находке мы имеем не только краткое описание декорации первого действия (“Театр представляет комнату двудверную, направо во второй кулисе кабинет, налево окно” — Данилов 1934. С. 132), с последующей ссылкой на охарактеризованный выше рисунок, но и более подробное описание декорации второго: “Театр представляет простую серую запачканную комнату в трактире, на правой стороне кабинет, на левой окно; у средней двери замок медный с ручкою. (Средняя дверь должна быть на петлях, которая во время действия падает на сцену; половинки дверей должны быть с обеих сторон одинаковы)” — там же. Монтировка содержит также исчерпывающие разъяснения по бутафорской части: в первом действии — стол с письменным прибором, диван, у дивана столик, кресла и стулья красного дерева; во втором — мебель “самая простая березовая с черными кожаными подушками”, “простой белый стол”, на нем “простая чернильница”, пол-листа бумаги и пустая бутылка, “простая кровать” с периной, подушками и одеялом, у кровати полусапожки мужские, “простой камод” (на нем платяная щетка, пустой табачный картуз), стул, на нем кожаный чемодан (там же, с. 133). Монтировка дала Данилову основание подвергнуть сомнению свидетельство о том, что на первом представлении или на генеральной репетиции Гоголь распорядился заменить роскошную мебель в комнате Городничего простой, прибавить клетки с канарейками и бутылъ на окне и переодеть Осипа, наряженного в ливрею с галунами, в замасленный кафтан (Иванов А. <А.И. Урусов>. Театр. Заметки и впечатления // Порядок. 1881. 5 февраля. № 35. С. 1; см. то же: Урусов 1907. С. 287 — со ссылкой на рассказ К.; К., по-видимому, — А.А. Краевский — см. Манн 1994. С. 371–372; см. также: Шенрок В. Комедии Гоголя в отзывах критики и на сцене // Артист. 1894. № 39. С. 21; Шенрок. Т. 3. С. 32). Данилов справедливо отметил, что согласно монтировке Осип был одет не в ливрею, а в серый поношенный сюртук (Данилов 1934. С. 30, 137). Кстати, это отмечено и в статье “Характеры и костюмы”. Если же Гоголь и вмешивался в решение указанных вопросов бутафории и костюмировки, то во всяком случае задолго до генеральной репетиции, так как монтировка (написанная писарской рукой и заверенная Храповицким) датирована 28 марта 1836 г. К этому времени были решены практически все вопросы, касающиеся декораций, костюмов, бутафории, и даже был назначен день премьеры — 22 апреля (указан в той же монтировке — там же, с. 132); впоследствии она была перенесена на 19 апреля. Репетиции продолжались вплоть до выпуска спектакля. П. Каратыгиным (со слов П.А. Каратыгина) подробно описана одна из них, возможно, последняя, имевшая место утром 18 апреля, в субботу (у Каратыгина ошибочно: воскресенье): “Гоголь был сильно встревожен и, видимо, рас-

строен; часто вполголоса говорил с Сосницким, почти исключительно с ним, и лишь изредка с (...) Храповицким. Последний, пощипывая усы, во многих сценах ехидно улыбался и пожимал плечами. Некоторые из молодых актеров и актрис тайком перемигивались. Их нескромную веселость возбуждала не комедия, но ее автор. Невысокого роста блондин с огромным тупе-ем, в золотых очках на длинном, птичьем носу, с прищуренными глазками и плотно сжатыми, как бы прикуснутыми губами. Зеленый фрак с длинными фалдами и мелкими перламутровыми пуговицами, коричневые брюки и высокая шляпа цилиндр, которую Гоголь то порывисто снимал, запуская пальцы в свой тупей, то вертел в руках” (*Каратыгин 1883. С. 736*). Во время этой репетиции П.А. Каратыгиным был сделан портрет Гоголя (первоначально — карандашный, впоследствии раскрашен акварелью и белилами), в большой мере соответствующий вышеприведенному описанию (там же, с. 735—736; публикацию портрета см. там же — на вклейке, предшествующей тексту журнала; под изображением позднейшая подпись с ошибкой в дате: “Гоголь в 1835 году”; хранится в *ИРЛИ* — см. *Описание ИРЛИ 2. С. 48*; воспроизведен в наст. томе — см. с. 713).

Среди иллюстративных материалов к постановке “Ревизора” традиционно упоминается рисунок гуашью (неизвестного художника), запечатлевший мужскую фигуру в зеленом мундире (обычная подпись в публикациях “Городничий”) и, по преданию, подаренный Гоголю Пушкиным. Записи (рукой А.А. Васильчикова) на обороте свидетельствуют о том, что от Гоголя портрет перешел к А.А. Антонскому-Прокоповичу (на самом деле, скорее всего, к Н.Я. Прокоповичу — *ЛН, т. 58. С. 885*), от того к А.А. Комарову, а от последнего к А.А. Васильчикову. Сам факт передачи рисунка Гоголю Пушкиным, помимо надписи на обороте (“Рисунок Пушкина, подаренный Гоголю для постановления(?) на сцену к(омедии) Ревизор”) дополнительных подтверждений не имеет (*Описание ИРЛИ 2. С. 78; ЛН, т. 58. С. 839* — воспроизведение, 885).

Впечатления Гоголя от общения с петербургским театральным руководством и с постановщиком “Ревизора”, игнорировавшим авторское мнение (“цены словам моим давали немного”, “Меня не хотели слушать” — “Отрывок из письма...”), суммированы в письме Щепкину от 29 апреля 1836 г.: “...познакомившись с здешнею театральною дирекциею, я (...) получил отвращение к театру...”

Подсказавший мысль “Ревизора” Пушкин был единственным, кто предварил премьеру благосклонным отзывом в первом томе “Современника” — к заключительным словам рецензии на второе издание “Вечеров на хуторе близ Диканьки”: “Г. Гоголь идет еще вперед. Желаем и надеемся иметь часто случай говорить о нем в нашем журнале” — дано примечание: «На днях будет представлена на здешнем Театре его комедия “Ревизор”» (*Современник. 1836. Т. 1. Новые книги. С. 312*, без подписи. Цензурное разрешение 31 марта 1836 г.; см. то же: *Пушкин. Т. 12. С. 27*).

Первое объявление о “Ревизоре” появилось только в день премьеры,

Н.В. Гоголь на репетиции премьерной постановки “Ревизора”
в Александринском театре. Портрет работы П.А. Каратыгина.

Карандаш, акварель, белила. 1836 г.

(дата “1835”, поставленная под изображением, ошибочна).

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Санкт-Петербург

19 апреля, в воскресенье, в “Санкт-Петербургских ведомостях”: “Сего дня, 19-го Апреля. На Александринском театре, в первый раз, Ревизор, оригинальная комедия в пяти действиях; — Сват Гаврилыч или Стовор на яму, картина Русского народного быта” (*СПбВед.* 1836. 19 апреля. № 86. С. 370; опубликовано — *Тихонравов 1898.* Примечания. С. 90; премьера “Свата Гаврилыча...” состоялась в Москве в Большом театре 16 сентября 1831 г. — *МВед.* 1831. 12 сентября. № 73. С. 3089). “Северная пчела” и “Русский инвалид” по воскресеньям не выходили. В апреле “Ревизора” давали еще трижды: 22, 24 и 28. В “Санкт-Петербургских ведомостях” текст объявления, относящегося к “Ревизору”, сохранялся в первоначальном виде (за исключением дат и слов “в первый раз” — они опущены).

В “Русском инвалиде” и “Северной пчеле” были опубликованы объявления о спектакле 22 апреля. Причем, в “Русском инвалиде” текст объявления был практически идентичен тексту “Санкт-Петербургских ведомостей”: «“Ревизор”, оригинальная комедия в пяти действиях» (*РИ.* 1836. 22 апреля. № 99. С. 396; то же: 28 апреля. № 105. С. 420). В “Северной пчеле” объявление на 22 апреля выглядело следующим образом: “Сто тысяч приданого, Вод.; Ревизор, Ком.” (*СПч.* 1836. 22 апреля. № 90. С. 357), т.е. “Северная пчела” была единственной газетой, в которой сообщение о представлении “Ревизора” шло на втором месте, после сообщения о представлении водевиля. Такая же последовательность была сохранена и в последующих апрельских объявлениях (*СПч.* 1836. 24, 28 апреля. № 92, 95). Текст афиши премьерного спектакля см.: *ЛН, т. 58. С. 557.*

Билеты на премьеру пользовались настолько большим спросом, что даже сам Гоголь с сожалением был вынужден отказать С.А. Соболевскому (в записке от 17 апреля 1836 г.) в ответ на просьбу последнего достать ложу для Карамзиных. Гоголь сообщил Соболевскому, что может достать около пяти кресел, а для Карамзиных предложил ложу на второе представление. Интерес к “Ревизору” не охладел и после премьеры: 29 апреля 1836 г. Гоголь сообщал М.С. Щепкину, что “на четвертое представление нельзя достать билетов”.

Итак, как уже отмечалось, премьера “Ревизора” в Александринском театре состоялась 19 апреля 1836 г. Спустя десятилетия В.Г. Короленко с достаточным основанием заключал: “Одни говорят о колоссальном успехе: театр дрожал от хохота. Другие считают успех далеко не полным и сомнительным” (*Короленко В.* Трагедия писателя. (Несколько мыслей о Гоголе.) // *Русское богатство.* 1909. № 4. С. 167; см. то же, под названием: Трагедия великого юмориста. (Несколько мыслей о Гоголе.) // *Короленко В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 2. СПб., 1914. С. 377). Атмосфера премьерного спектакля наиболее подробно воссоздана тремя из его многочисленных очевидцев: П.А. Вяземским (в рецензии, опубликованной во втором томе “Современника” за 1836 г., с. 285–309, подпись: В, цензурное разрешение 30 июня; см. то же: *Вяземский 1984.* С. 142–153 — далее цитируется

по этому изданию), П.В. Анненковым (в “Воспоминаниях о Гоголе. Рим, летом 1841 года” — впервые: *БдЧ*. 1857. Т. 141. Февраль. Отдел II. “Науки”. С. 144–145; то же: *Анненков 1989*. С. 59–60) и самим драматургом (отчасти — в письмах М.П. Погодину от 10, 15 мая 1836 г. и М.С. Щепкину от 29 апреля, 10, 15 мая 1836, подробно — в «Отрывке из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору»). Для П.А. Вяземского негативные суждения публики (подробно им рассмотренные и аргументированно отклоненные — подробнее см. с. 671–672 наст. изд.) не могли заслонить несомненного успеха пьесы: “Комедия сия имела полный успех на сцене: общее внимание зрителей, рукоплескания, задушевный и единоголосный хохот, вызов автора после двух первых представлений, жадность публики к последовавшим представлениям...” (*Вяземский 1984*. С. 143). Далее Вяземский повторяет мысль об успехе “Ревизора” (даже в более восторженных тонах), но при этом все-таки делает существенную оговорку: «Впрочем, как успех “Ревизора” ни был блистателен, а все же не может он не быть затмеваем некоторыми оговорками, критическими замечаниями и осуждениями» (там же). Ср. также (в письмах Вяземского к А.И. Тургеневу): “Успех был блистательный и замечательный. Толков много”; “блистательный и полный успех на сцене, хотя не успех общего одобрения” (*ОА, т. III*. С. 316, 317 — письма от 24 апреля и от 8 мая 1836 г.).

П.В. Анненков как мемуарист проявил внимание прежде всего к психологической стороне премьеры, запечатлев сам процесс восприятия комедии публикой и отражение этого восприятия в душе Гоголя. Свидетельство Анненкова как наиболее полное и детализированное, не имеющее аналогий в эпистолярных и мемуарных источниках, приводим полностью: «Гоголь прострадал весь этот вечер. Мне, свидетелю этого первого представления, позволено будет сказать, что изображала сама зала театра в продолжение четырех часов замечательнейшего спектакля, когда-либо им виденного. Уже после первого акта недоумение было написано на всех лицах (публика была избранная в полном смысле слова), словно никто не знал, как должно думать о картине, только что представленной. Недоумение это возрастало потом с каждым актом. Как будто находя успокоение в одном предположении, что дается фарс, большинство зрителей, выбитое из всех театральных ожиданий и привычек, остановилось на этом предположении с непоколебимой решимостью. Однако же в этом фарсе были черты и явления, исполненные такой жизненной истины, что раза два, особенно в местах, наименее противоречащих тому понятию о комедии вообще, которое сложилось в большинстве зрителей, раздавался общий смех. Совсем другое произошло в четвертом акте: смех по временам еще перелетал из конца залы в другой, но это был как-то робкий смех, тотчас же и пропадавший; аплодисментов почти совсем не было; зато напряженное внимание, судорожное, усиленное следование за всеми оттенками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дело, происходившее на сцене, страстно захватывало сердца зрителей. По

окончании акта прежнее недоумение уже переродилось почти во всеобщее негодование, которое совершено было пятым актом. Многие вызывали автора потом за то, что написал комедию, другие за то, что виден талант в некоторых сценах, простая публика — за то, что смеялась, но общий голос, слышавшийся по всем сторонам избранной публики, был: “Это — невозможность, клевета и фарс”. По окончании спектакля Гоголь явился к Н.Я. Прокоповичу в раздраженном состоянии духа. Хозяин вздумал поднести ему экземпляр “Ревизора”, только что вышедший из печати, со словами “Полюбуйтесь на сынку”. Гоголь швырнул экземпляр на пол, подошел к столу и, опираясь на него, проговорил задумчиво: “Господи боже! Ну, если бы один, два ругали, ну и бог с ними, а то все, все...”» (Анненков 1989. С. 59–60).

Оценка премьеры самим Гоголем соотносится с вышеприведенными свидетельствами достаточно сложно. В письмах, написанных под живым впечатлением от премьерного спектакля, восприятие Гоголя именно таково, каким его описал Анненков — вплоть до текстуальных совпадений: “Действие, произведенное ею (комедией. — Ред.), было большое и шумное. Все против меня” (письмо к М.С. Щепкину от 29 апреля 1836 г.); “...против меня уже решительно восстали теперь все сословия...” (письмо к М.П. Погодину от 10 мая 1836 г.). В письме матери от 5 июня 1836 г. оценки Гоголя более сдержанны и осторожны: “Ревизор” “наделал здесь чрезвычайно много шума, приобрел мне новых благоприятелей и еще большее число благоприятелей”. В “Отрывке из письма...”, предназначенном для печати и отстоящем от премьеры на пять лет, осмысление происшедшего становится более обдуманым и взвешенным (подробнее см. в комментарии “Отрывку из письма...” — с. 825 наст. изд.), смещаясь в сторону аналитических оценок Вяземского: “А публика вообще была довольна. Половина (ее) приняла пьесу даже с участием, другая половина, как водится, ее бранила...” Меняется и сама направленность размышлений Гоголя о премьере. В “Отрывке из письма...” все его внимание (именно как автора) обращено на несоответствие художественного замысла и театральной интерпретации. При этом главные недостатки постановки он усматривает в ошибочной, чисто водевильной трактовке характера Хлестакова (“Главная роль пропала <...> Дюрюни на волос не понял, что такое Хлестаков”; персонаж из “шеренги водевильных шалунов”, “обыкновенный враль”, “детская, ничтожная роль”), в карикатурном исполнении ролей Бобчинского и Добчинского (“вышли сверх ожидания дурны”, “вышла именно карикатура”, “на сцене они оказались <...> кривляками”), в карикатурном решении проблемы костюмов и этих двух героев, и всех прочих, наконец, в игнорировании авторского понимания последней, “немой”, сцены.

Еще позднее, в 1847 г., в “Авторской исповеди”, Гоголь отмечал, что его стремление “собрать в одну кучу” в “Ревизоре” “все дурное в России <...> и за одним разом посмеяться над всем <...> произвело потрясающее действие”. Возвращаясь к премьере “Ревизора” в письме к В.А. Жуков-

скому от 29 декабря 1847 г. (10 января 1848 г.), Гоголь признавался: «Представление “Ревизора” произвело на меня тягостное впечатлен(ие). Я был сердит и на зрителей, меня не понявших, и на себя самого, бывшего виной тому, что меня не поняли. Мне хотелось убежать от всего».

Из всех участников спектакля Гоголь выделил (в “Отрывке из письма...”) двух: исполнителя роли Осипа (А.И. Афанасьев) и совершенно особо — Сосницкого (Городничий), с игрой которого связал успех “Ревизора” (Афанасьев играл Осипа до 1842 г., Сосницкий Городничего — до 1866 г. — *Михайловский В.* Комедии Гоголя на Императорских сценах. (Исторический очерк.) // *Рампа.* 1909. № 12. С. 182).

Эти две актерские работы, судя по всему, были настолько незаурядными, что в высокой оценке их Гоголь совпал даже с постановщиком “Ревизора” Храповицким (довольный всеми артистами, инспектор в первом спектакле выделил Сосницкого, а во втором — Афанасьева, назвав его игру гениальной — *ЕИТ.* Сезон 1897—1898 г. СПб., 1899. С. 117, запись Храповицкого на афишах первого и второго представлений “Ревизора”) и с одним из критиков “Ревизора” — Булгариным, который отметил, что роль Городничего “разыграна в таком совершенстве, до какого только может прийти драматическое искусство”, а Афанасьева назвал “великим мастером своего дела” (*Ф.Б.* Ревизор, оригинальная комедия в пяти действиях, в прозе, соч. Н. Гоголя // *СПч.* 1836. 1 мая. № 98. С. 392; см. также: *Владимирова Н.Б., Романова Г.А.* Премьера “Ревизора” в Александринском театре // *Спектакль в контексте истории: Сб. научных трудов.* Л., 1990. С. 21). Наряду с этим Булгарин в отличие от Гоголя отметил “прекрасное” исполнение ролей Добчинского и Бобчинского (Крамолей и Петров).

Замечания других очевидцев дополняют описание первого спектакля существенными подробностями и деталями. Несомненный успех комедии отмечен Р.М. Зотовым (“самый блистательный успех” — *Зотов 1896.* С. 786) и двумя участниками премьеры: Сосницким (“играна (...) с блистательным успехом” — пересказ несохранившегося письма Сосницкого Щепкину в письме К.С. Аксакова Г.С. Аксакову от конца апреля 1836 г. — *ЛН, т. 58.* С. 548—549) и П.И. Григорьевым (“большой успех” — письмо П.И. Григорьева Ф.А. Кони от 20 апреля 1836 г. — там же, с. 548). С этими оценками совпадают свидетельства И. Панаева (“успех колоссальный” — *Панаев 1988.* С. 173), В.А. Каратыгина (“Публика бегаёт смотреть и восхищается” — письмо В.А. Каратыгина Ф.А. Кони от 27 апреля 1836 г. — *ЛН, т. 58.* С. 548), Г.С. Аксакова (“слышал, что эта пьеса была принята отлично” — письмо Г.С. Аксакова к К.С. Аксакову, без даты — там же, с. 549), А.И. Вольфа (“Успех был колоссальный. Публика хохотала до упаду и осталась очень довольною исполнителями” — *Вольф 1877.* Ч. I. С. 50), Пертинакса (отмечает, что пьеса уже в течение двух недель идет с огромным успехом — *Der Refraktor.* 1836. 16 мая. № 3. S. 22—24 — корреспонденция от 1 мая 1836 г.; цит. по работе: *Исаков С.Г.* Журналы “Esthona” (1828—1830) и “Der Refraktor” (1836—1837) как пропаганди-

сты русской литературы // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1971. Вып. 266. С. 49) и отчасти даже недоброжелателя “Ревизора” Ф.В. Булгарина (“нравится публике, то есть публика смеется и хлопает” — *СПч.* 1836. 1 мая. № 98. С. 390; при этом в рецензии отмечалось: “Аплодисменты и вызовы не слава” — с. 392). В итоговом обзоре театрального сезона 1836—37 гг. отмечалось: «Успех “Ревизора” был значителен; но этот успех (относительно театральной публики) принадлежит по крайней мере столько же артистам, принявшим на себя исполнение, сколько и самому сочинителю» (“Санктпетербургские театры в 1836—1837-м театрального году...” // *ЛПРИ.* 1837. 29 мая. № 22. С. 211; без подписи). В той же статье подробно рассматривалась актерская игра: «Наши комики имели еще более успеха в “Ревизоре” Гоголя»; Сосницкий “истинно-велик”; “Остальные роли (...) даже аксессуарные, были выполнены превосходно. Г-жи Сосницкая, Асенкова и Степанова-мл., гг. Дюр и Максимов, в особенности г. Афанасьев заслужили всеобщее одобрение” (там же. 1837. 5 июня. № 23. С. 222).

По свидетельству А.И. Храповицкого, после первого спектакля были вызваны автор, Сосницкий и Дюр, после второго — автор, Сосницкий, Дюр и Афанасьев (*Дневник Александра Ивановича Храповицкого...* // *РС.* 1879. Т. XXIV. Февраль. С. 348; *ЕИТ.* Сезон 1897—1898 гг. СПб., 1899. С. 117). Отметим здесь важное свидетельство Храповицкого о вызове (следовательно, присутствии) автора на втором представлении “Ревизора” (наряду с Храповицким об этом пишет в вышеупомянутой рецензии П.А. Вяземский: “...вызов автора после двух первых представлений” — *Вяземский 1984.* С. 143).

В ряде дневников и воспоминаний отмечено, что на премьере “Ревизора” присутствовал Николай I (см., напр.: *Дневник Александра Ивановича Храповицкого...* // *РС.* 1879. Т. XXIV. Февраль. С. 348; *Леонидов 1888.* С. 228; *Никитенко.* Т. 1. С. 182). Соответствующая запись от 19 апреля 1836 г. имеется и в камер-фурьерском журнале: “Его Величество (...) с Государем Наследником проезжал в Александринский Театр, где и присутствовал в ложе, при представлении пиесы, откуда и возвратился во дворец в 10-ть часов” (*Теребенина Р.Е.* Записи о Пушкине, Гоголе, Глинке, Лермонтове и других писателях в дневнике П.Д. Дурново // *Пушкин. Исследования и материалы.* Т. VIII. Л., 1978. С. 266; шифр: *РГИА.* Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Ед. хр. 116. Л. 51; аналогичная запись имеется в “Журнале камер-фурьерской должности по половине государя императора Николая Павловича. Месяц апрель 1836-го года” — *РГИА.* Ф. 516. Оп. 1. Сдаточная опись 28/1618. Ед. хр. 145. Л. 236). По свидетельству А.И. Храповицкого, Николай I “был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души” (*Дневник Александра Ивановича Храповицкого...* // *РС.* 1879. Т. XXIV. Февраль. С. 348). В ряде воспоминаний приводится (с небольшими разночтениями) мнение Николая I о “Ревизоре”, высказанное им на премьере: «Говорят, что высокое лицо, бывшее в первом представлении ко-

меди, сказала уезжая: “Тут всем досталось, а мне больше всех!”» (*Зотов 1859. С. 104*; в более поздней публикации: “Говорят, что император Николай I, бывши в первом представлении комедии, сказал, уезжая...” — *Зотов 1896. С. 786*); «...пробыл до окончания пьесы, от души смеялся и выходя из ложи сказал: “Ну, пьеска! Всем досталось, а мне — более всех”» (П.П. Каратыгин, со слов П.А. Каратыгина, отца, очевидца событий — *Каратыгин 1883. С. 736*); “В этой пьесе досталось всем, а мне в особенности” (актер Ф.А. Бурдин, со ссылкой на Щепкина, якобы слышавшего это от самого Гоголя — *Бурдин Ф.А. Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче // ИВ. 1886. Т. XXIII. Январь. С. 146*); «Государь, выходя из театра, после первого представления “Ревизора”, как известно, сказал: “Всем досталось, а мне более всех!”» (*Леонидов 1888. С. 228*). А.И. Вольф, опирающийся на уже известные сведения, пишет: «Государь, уезжая, сказал: “Тут всем досталось, а более всего мне”» (*Вольф 1877. Ч. 1. С. 50*). См. также: *Манн 1997. С. 3*. А.О. Смирнова отмечает, что на премьере присутствовали П.Д. Киселев, А.М. Горчаков, М.Д. Горчаков, В.Ф. Адлерберг, К.В. Нессельроде (*Смирнова 1989. С. 264, 496*). Николай I (с Императрицей) был также на третьем представлении “Ревизора” — 24 апреля 1836 г. (*ЕИТ. Сезон 1897—1898 гг. СПб., 1899. С. 117*, запись А.И. Храповицкого на афише третьего представления “Ревизора”; Пушкин. Исследования и материалы. Т. VIII. Л., 1978. С. 266; *РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Ед. хр. 116. Л. 73. Оп. 1. Сдаточная опись 28/1618. Ед. хр. 145. Л. 254*). А.В. Никитенко (как очевидец) отмечает присутствие на третьем представлении “государыни с наследником и великими княжнами” (не упоминая о Николае I), а также пишет о других зрителях этого спектакля — Е.Ф. Канкрине и А.И. Чернышеве (*Никитенко. Т. 1. С. 182*, дневниковая запись от 28 апреля 1836 г.). По прошествии недели после премьеры, 25 апреля 1836 г., последовало высочайшее повеление Кабинету его императорского величества “дать подарки российским актерам за представление комедии”: Сосницкому (исполнителю роли Городничего) и Дюру (исполнителю роли Хлестакова) перстни по 800 рублей каждому и Афанасьеву (исполнителю роли Осипа) подарок в 700 рублей (*РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Ед. хр. 151. Л. 244*; опубликовано: *Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 310*). 28 апреля Кабинет препроводил Геденонову: для Сосницкого — перстень с аметистом в 781 рубль, для Дюра — перстень с изумрудом в 701 рубль, для Афанасьева — табакерку с эмал(евой?) живописью и жемчугами в 650 рублей (*РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Ед. хр. 253. Л. 129 об.—130*; опубликовано: *Мат. и иссл. 1995. С. 128*). 30 апреля вещи были получены петербургской театральная дирекцией (*РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Ед. хр. 2523. Л. 59*; см.: *Мат. и иссл. 1995. С. 128*) и, вероятно, тогда же вручены артистам. 29 апреля Волконский в соответствии с высочайшим повелением предложил Кабинету его императорского величества доставить ему вещь в 800 рублей “для подарка Г. Гоголю, за поднесенный им экземпляр Комедии его сочинения, под названием: *Ревизор*” (*РГИА. Ф. 468*).

Оп. 5. Ед. хр. 151. Л. 254; опубликовано: *Мат. и иссл.* 1936. Т. 1. С. 310). 30 апреля Волконский получил от Кабинета “перстень бриллиантовый с аметистом” в 745 рублей (*РГИА. Ф.* 468. Оп. 5. Ед. хр. 253. Л. 134 об.—135; см.: *Мат. и иссл.* 1995. С. 128), который, по-видимому, был незамедлительно вручен Гоголю.

В.В. Гиппиус не без основания предположил, что подарок за поднесенный экземпляр комедии был выхлопотан Гоголю В.А. Жуковским (*Мат. и иссл.* 1936. Т. 1. С. 312). Это предположение основано на письме Гоголя П.А. Плетневу от 21 октября (2 ноября) 1842 г., в котором говорится: «Узнайте, что делают экземпляры “Мертвых душ”, назначенные мною к представлению государю, государыне и наследнику и оставленные мною для этого у гр. Вьельгорского. В древние времена, когда был в Петербурге Жуковский, мне обыкновенно что-нибудь следовало».

Задолго до окончания работы Гоголя над “Ревизором” он уже предполагал осуществить постановку комедии и в Москве. Впервые Гоголь высказал желание видеть “Ревизора” на московской сцене в письме М.П. Погодину от 6 декабря 1835 г.: “... прикажу переписывать экземпляр для того, чтобы послать к тебе в Москву, вместе с просьбою предупредить кого следует по этой части. Скажи Загоскину, что я буду писать к нему об этом, и убедительно просить о всяком с его стороны вспомоществовании, а милому Щепкину: что ему десять ролей в одной комедии; какую хочет, пусть такую берет, даже может разом все играть”. Посылать экземпляр Погодину Гоголь впоследствии передумал: “Не хочу даже посылать прежде моего приезда актерам, потому что ежели они прочтут без меня, то уже трудно будет переучить их на мой лад. Думаю быть если не в апреле, то в мае в Москве” (письмо М.П. Погодину от 21 февраля 1836 г.).

Постановка “Ревизора” в Александринском театре, обманувшая ожидания Гоголя, и откровенное неприятие пьесы значительной частью театральной публики (подробнее см. об этом в специальном разделе, посвященном оценке комедии зрителями, читателями и критиками) резко изменили планы Гоголя, связанные с московской премьерой. 29 апреля 1836 г. Гоголь уведомил М.С. Щепкина (который с нетерпением ожидал возможности прочитать комедию и 28 апреля 1836 г. просил Сосницкого прислать экземпляр с первой почтой — *Щепкин. Т. 1. С. 167*) о том, что высылает ему экземпляр “Ревизора”. Книга, подаренная Гоголем Щепкину, сохранилась (*РЗБЩ*). На шмуцтитуле дарственная надпись рукой автора: “Моему доброду и бесценному Михайлу Семеновичу Щепкину от Гоголя” (факсимильное воспроизведение: *АН, т. 58. С. 563*). В 1862 г. книга перешла к М.В. Лентовскому (1843—1906), воспитаннику Щепкина (впоследствии — актер Малого театра, провинциальных театров, антрепренер), — на шмуцтитуле надпись рукой Лентовского: “В библ. М.В. Лентовского”. Лентовский, в свою очередь, подарил книгу К.С. Станиславскому. На верхней крышке переплета две металлические пластинки с выгравирован-

ными надписями: “К.С. Алексею”, “Передаю Достойнейшему М. Лен-товский. 2-го апреля 96 г.” (там же). Спустя семнадцать лет, 3 апреля 1913 г., Станиславский подарил книгу Императорскому Московскому и Румянцевскому музею, отмечавшему в этот день свой 50-летний юбилей (Отчет Императорского Московского и Румянцевского музея за 1913 год. М., 1914. С. 14–15). В отчете об этом событии говорится, что подаренный Станиславским экземпляр содержит собственноручные пометки Гоголя и участников первого представления этой пьесы на сцене Малого театра (там же). Сам К.С. Станиславский 11 января 1927 г. писал о подаренной книге С. Кара-Мурзе: “Это тот самый экземпляр, по которому Гоголь вместе с Щепкиным сокращал пьесу из прежней редакции в ту, которая известна нам теперь на сцене” (*Кара Мурза С. К истории рукописи “Ревизора”*. Из неопубликованного письма К.С. Станиславского // Советское искусство. 1938. 18 сентября. № 124. С. 3).

К собственноручным пометкам Гоголя, без сомнения, можно отнести три исправления чернилами, внесенные в сцену вранья, — в явление VI действия III (см. свод вариантов *Р36Щ* — с. 527 наст. изд.). Сходство цвета чернил в этой правке и в дарственной надписи Гоголя Щепкину позволяет датировать исправления апрелем 1836 г. (между 19 апреля, датой выхода первого издания, и 29 апреля, датой отправления упомянутого выше письма Гоголя Щепкину). Остальная правка, внесенная карандашом неустановленными лицами (очевидно, в процессе репетиций), в основном приводит текст в точное или приблизительное соответствие с текстами изданий 1841 и 1842 гг.

В том же письме М.С. Щепкину от 29 апреля 1836 г. Гоголь сообщил о том, что решил не ехать в Москву, и попросил раздать прилагаемые экземпляры “Ревизора”, подписанные — “по принадлежности”, неподписанный — “по усмотрению”. Один экземпляр, как видно из ответного письма Щепкина от 7 мая 1836 г., предназначался Загоскину (*Гоголь. Переписка*. Т. 1. С. 449). Отказ от первоначального намерения приехать в Москву и “прочитать собственноручно” комедию, “дабы о некоторых лицах не составились заблаговременно превратные понятия, которые (...) чрезвычайно трудно после искоренить”, Гоголь мотивировал прежде всего нежеланием иметь отныне дело с театром: “...одна мысль о тех приятностях, которые готовятся для меня еще и на московском театре, в силе удержать и поездку в Москву и попытку хлопотать о чем-либо (...) Мочи нет. Делайте, что хотите, с моей пьесой, но я не стану хлопотать о ней. Мне она сама надоела так же, как хлопоты о ней”.

Из письма очевидно, что нежелание Гоголя заниматься московской постановкой в значительной степени было связано и с приемом, оказанным “Ревизору” в Петербурге: “Все против меня”, — сокрушался Гоголь. В этом же письме Гоголь уведомил Щепкина о своем намерении “через месяца полтора, если не раньше” ехать за границу.

Щепкин незамедлительно исполнил просьбу Гоголя («Письмо и “Ревизора” несколько экземпляров получил и по назначению все роздал, кро-

ме Киреевского, который в деревне, и потому я отдал его экземпляр С.П. Шевыреву для доставления») и всячески старался уговорить его приехать в Москву: «...не грех ли вам оставлять его (“Ревизора”. — Ред.) на произвол судьбы (...) М.Н. Загоскин (...) поручил еще мне уведомить вас, что для него весьма приятно бы было, если бы вы приехали, дабы он мог совершенно с вашим желанием сделать все, что нужно для поставки пиесы (...) Вы сами лучше всех знаете, что ваша пиеса более всякой другой требует, чтобы вы прочли ее *нашему начальству* и действующим (...) вы должны это сделать для Москвы, для людей, вас любящих и принимающих живое участие в “Ревизоре”» (письмо Щепкина к Гоголю от 7 мая 1836 г. — *Гоголь. Переписка*. Т. 1. С. 449—450).

Письмо Гоголю Щепкин приложил к письму И.И. Сосницкому от того же числа (т.е. от 7 мая 1836 г.) с просьбой доставить по назначению “как можно поскорее” (*Щепкин*. Т. 1. С. 167) и при этом добавил: “Гони к нам Гоголя” (там же).

Вместе с письмом Щепкина от 7 мая 1836 г. Гоголю было послано и письмо Погодина к Гоголю от 6 мая 1836 г. Погодин почти во всем был солидарен со Щепкиным. Он считал, что раздражительная реакция публики на “Ревизора” неопровержимо свидетельствует о попадании автора в цель, и звал Гоголя в Москву (“приезжай ты к нам, и непременно”, “приезжай непременно и поскорее” — *Гоголь. Переписка*. Т. 1. С. 361), но не для участия в постановке “Ревизора”, а лишь для прочтения его актерам: “Ставить пиесу я сам тебе не советую: я как-то с год был знаком с кулисным миром, впрочем как постороннее лицо, и убедился, что ничего не может быть мучительнее, как кланяться директорам, инспекторам, спорить со всеми этими сюжетами и против режиссера, машиниста и даже суфлера (...) Нет, черт их возьми: не ставь ни за что никакой пиесы, если не хочешь попортить себе кровь, но ты должен непременно раз прочесть пиесу актерам, а там пусть делают, что хотят” (там же; видимо, к этому времени относится запись в дневнике М.П. Погодина: «“Ревизор” в Москве и известие (о) преследовании Гоголя. Звал его в Москву» (*ОР РГБ*. Ф. 231. Разд. I. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 134 об.; опубликовано: *Барсуков*. Кн. 4. С. 335)).

6 мая 1836 г. находившийся в Москве Пушкин писал жене: “Пошли ты за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актера Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву прочесть Ревизора. Без него актерам не спеться. Он говорит, комедия будет карикатурна и *грязна* (к чему Москва всегда имела поползновение). С моей стороны я то же ему советую: не надобно, чтоб Ревизор упал в Москве, где Гоголя более любят, нежели в П.(етер)Б.(ург)е” (*Пушкин*. Т. 16. С. 113).

10 мая 1836 г., еще до получения писем от Погодина и Щепкина (ответственно от 6 и 7 мая), Гоголь написал каждому из них. Щепкина Гоголь попросил из чувства дружбы принять на себя “все дело постановки” “Ревизора” (в том числе распределение ролей) и взяться за роль Городничего (“иначе она без вас пропадет”). Здесь же Гоголь сообщил Щепкину

«кое-какие замечания предварительные о “Ревизоре”». В основном они касались лишь одной роли, которая с самого начала более всего беспокоила Гоголя, — роли Хлестакова: “Есть еще трудней роль во всей пьесе — роль Хлестакова (<...> Я сильно боюсь за эту роль. Она и здесь была исполнена плохо, потому что для нее нужен решительный талант”. Гоголь особенно подчеркнул, что роль Хлестакова нельзя играть “с обыкновенными фарсами, как играют хвастунов и повес театральных”. Характеризуя Хлестакова, Гоголь упомянул лишь о двух его свойствах — глупости и вертлявости (причем отметил, что последнее проявляется только тогда, когда Хлестаков “подъезжает к дамам”). Что же касается болтливости и вранья, то, подчеркнул Гоголь, они проявляются лишь при определенных условиях: “болтает потому только, что видит, что его расположены слушать; врет, потому что плотно позавтракал и выпил порядочно вина”. Обращая особое внимание Щепкина на сцену, в которой Хлестаков “завирается”, Гоголь поясняет: каждое слово “есть экспромт совершенно неожиданный и потому должно выражаться отрывисто”, “к концу этой сцены начинает его мало-помалу разбирать (<...> он должен (<...> выражаться еще неожиданнее и, чем далее, громче и громче”. Замечания Гоголя касались и костюмов: “...не одевайте Бобчинского и Добчинского в том костюме, в каком они напечатаны. Это их одел Храповицкий. Я мало входил в эти мелочи и приказал напечатать по-театральному. Тот, который имеет светлые волосы, должен быть в темном фраке, а брюнет, т.е. Бобчинский, должен быть в светлом. Нижнее обоим — темные брюки”. И далее уже второй раз в этом письме Гоголь снова предостерегает от фарса: “Вообще, чтобы не было фарсирован(ия). Но брюшки у обоих должны быть непременно, и притом остренькие, как у беременных женщин”.

Касаясь официальной договоренности с московской дирекцией, Гоголь писал Щепкину: “Скажите Загоскину, что я все поручил вам. Я напишу к нему, что распределение ролей я послал к вам. Вы составьте записочку и подайте ему, как сделанн(ое) мною”.

Характерно, что в этом письме, сожалея о несостоявшейся поездке в Москву (“многие из ролей могли быть совершенно понятны только тогда, когда бы я прочел их”), Гоголь пояснял: “Я так теперь мало спокоен духом, что вряд ли бы мог быть слишком полезным”.

В письме М.П.Погодину от 10 мая 1836 г. Гоголь повторил, что не хочет “приехать в таком тревожном состоянии, в каком находится ныне”, и указал причины своего отъезда за границу: “Я не оттого еду за границу, чтобы не умел перенести (<...> неудовольствий. Мне хочется поправиться в своем здоровьи, рассеяться, развлечься и потом, избравши несколько постоянное пребывание, обдумать хорошенько труды будущие. Пора уже мне творить с большим размышлением”.

В тот же день, 10 мая, Гоголь отправил в Москву третье письмо — М.Н. Загоскину (в соответствии с обещанием Щепкину). “Препроводив к вам моего Ревизора, смею льстить себя надеждою, что окажете ему Ваше

покровительство в постановке на Московскую сцену. — В рассуждении многих обстоятельств сценических уполномочиваю Щепкина, которому я передал свои замечания насчет распределения ролей, костюмов и прочего”.

Известие о сборах Гоголя за границу было воспринято в Москве с сожалением: “Это огорчило меня и многих его почитателей”, — свидетельствует С.Т. Аксаков (*Аксаков 1960. С. 16*). Поручение Гоголя, как пишет Аксаков, крайне озадачило Щепкина. Явившись к Аксакову, Щепкин объяснил, «что ему очень неловко ставить “Ревизора”», так как “товарищи этим как-то обижаются, не обращают никакого внимания на его замечания и что пьеса от этого будет поставлена плохо...” (там же, с. 16). Единственный выход из положения Щепкин видел в том, чтобы постановку взял на себя С.Т. Аксаков, поскольку актеры “уважают и любят” его, а вся дирекция состоит из его “коротких приятелей” (там же). Аксаков принял предложение Щепкина: “Я согласился, — вспоминает он, — и ту же минуту написал сам в Петербург к Гоголю горячее письмо, объяснив, почему Щепкину неудобно ставить пьесу и почему мне это будет удобно, прибавя, что, в сущности, всем будет распоряжаться Щепкин, только через меня” (там же).

Настойчивые уговоры и советы приехать в Москву для прочтения пьесы актерам на Гоголя не действовали. Получив письма Погодина, Щепкина (соответственно от 6 и 7 мая) и Аксакова (не разыскано), Гоголь 15 мая ответил каждому из них, сообщая, что его отъезд решен окончательно. При этом особенно предупредителен Гоголь был со Щепкиным, подробно разъясняя ему мотивы решения: “...если бы я даже приехал, я бы не мог быть так полезен вам, как вы думаете. Я бы прочел ее вам дурно, без малейшего участия к моим лицам. Во-первых, потому что охладел к ней; во-вторых, потому что многим недоволен в ней, хотя совершенно не тем, в чем обвиняли меня мои близорукие и неразумные критики”. Погодину Гоголь писал: “Еду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторские, свои будущие творения...”

В связи с предложением С.Т. Аксакова взять на себя постановку пьесы Гоголь написал Щепкину: “Если это точно выгоднее для вас тем, что ему, как лицу стороннему, дирекция меньше будет противуречить, то мне жаль, что я наложил на вас тягостную обузу. Если же вы надеетесь поладить с дирекцией, то пусть остается так, как порешено”. Гоголь советовал Щепкину отложить постановку до осени или зимы. Самому же Аксакову Гоголь сообщил, что уже поручил постановку Щепкину и писал об этом к Загоскину. И далее добавил: “Если же ему (Щепкину. — *Ред.*) точно нет возможности ладить самому с дирекцией и если он не отдавал еще письма, то известите меня: я в ту же минуту приготавливаю новое письмо к Загоскину”. По свидетельству Аксакова, Щепкин уведомил Гоголя о том, что его письмо Загоскину давно передано, но ответа от Гоголя не получил (*Аксаков 1960. С. 17*).

К началу мая 1836 г. были решены все формальности, связанные с московской постановкой. Между московской и петербургской дирекцией дав-

но была достигнута договоренность о совместном приобретении и долевой оплате “Ревизора”. Еще 21 марта 1836 г. А.М. Гедеонов известил М.Н. Загоскина о том, что в соответствии с предварительным соглашением купил комедию “Ревизор” за две с половиной тысячи рублей, и просил отправить следующие с московской конторы тысячу двести пятьдесят рублей в Санкт-Петербургскую контору (РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Ед. хр. 2523. Л. 32 об., копия; опубликовано: *Мат. и иссл.* 1995. С. 130). Положенная сумма была 30 апреля 1836 г. выслана московской конторой и 8 мая 1836 г. получена Санкт-Петербургской (РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 4. Ед. хр. 2682. Л. 10 об.; РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Ед. хр. 7253. Л. 12; опубликовано: *Мат. и иссл.* 1995. С. 130–131). 28 апреля по распоряжению Гедеонова в Московскую контору был препровожден экземпляр комедии (РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Ед. хр. 7253. Л. 9–10; опубликовано: *Мат. и иссл.* 1995. С. 130), 5 мая московская контора уведомила Петербургскую о его получении (РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Ед. хр. 7253. Л. 13; опубликовано: *Мат. и иссл.* 1995. С. 131).

В отличие от предыстории московской постановки ее история известна лишь в самых общих чертах — в основном она складывается из фактов, приведенных Н.И. Надеждиным в “Театральной хронике” (Молва. 1836. № 9. Ценз. разрешение 15 июня 1836 г. С. 250–264, подпись: А.Б.В.; то же: *Надеждин* 1972. С. 471–478. Материалы рецензии Надеждина легли в основу наиболее полного исследования истории первой постановки комедии Гоголя в Москве, принадлежащего Н.С. Тихонравову (*Тихонравов Н.С. Первое представление “Ревизора” на московской сцене // РМ.* 1886. Кн. V. Май. С. 84–105 второй пагинации; включено в кн.: *Тихонравов 1898.* С. 560–584; авторство Надеждина Н.С. Тихонравову известно не было).

“Ревизор” в Москве был поставлен в чрезвычайно сжатые сроки, за двадцать дней, “во столько же репетиций, как какой-нибудь воздушной водевильчик” (*Надеждин* 1972. С. 472). 5 мая, как уже отмечалось, сценический текст “Ревизора” был получен в Москве, а уже через два дня, 7 мая, Щепкин уведомлял Гоголя: “...недели чрез три, а может быть и ранее, она (постановка. — *Ред.*) будет готова, к ней пишут новую декорацию” (*Гоголь. Переписка.* Т. 1. С. 450). Еще через два дня, 9 мая, в “Московских ведомостях” появилось объявление о предстоящей премьере “Ревизора”, но без указания точной даты: “В непродолжительном времени представлена будет, в первый раз: *Ревизор*, оригинальная Комедия в 5 действиях, в прозе, соч. Г-на Гоголя” (*МВед.* 1836. 9 мая. № 38. “Прибавление”. С. 1172; приведено Н.С. Тихонравовым — *Тихонравов 1898.* С. 563–564). Это же объявление было помещено в “Прибавлениях” к “Московским ведомостям” от 13, 16 и 20 мая.

Н.И. Надеждин, иронизируя над попыткой московской дирекции возбудить “любопытство публики” надоевшими ей словами “в непродолжительном времени”, отметил, что интерес к “Ревизору” был чрезвычайно ве-

лик (“любопытство участия возросло до высшей степени”) и основывался на “слухе, молве, перелетающей из Петербурга в Москву” и на инстинктивном чувстве, “которое сказало, что комедия Гоголя должна быть хороша, потому что в Петербурге обратила на себя просвещенное внимание и не понравилась только двоим, то есть гг. Сенковскому и Булгарину...” (*Надеждин 1972. С. 471–473*). “Слухи, письма и приезжие из Петербурга, — свидетельствует В.П. Андросов, — возбудили общее нетерпение видеть скорее” гоголевскую комедию (*Андросов 1836. С. 129*). Еще одно очень существенное обстоятельство, обусловившее особый интерес к постановке, конечно, было связано с тем, что некоторые московские зрители в отличие от петербургских получили возможность прочесть комедию до ее представления в театре. Из письма Щепкина Сосницкому от 28 апреля 1836 г. известно, что к этому времени “Ревизор” еще не поступил в московские книжные лавки (*Щепкин. Т. 1. С. 167*). Об этом же писал Белинский, добавляя: “... судя по нетерпению публики читать его, казалось бы, что в Москве в один день могла бы разойтись его целая тысяча экземпляров...” (*В.Б.*). Несколько слов о “Современнике” // *Молва. 1836. № 7. Ценз. разрешение 31 апреля. С. 168; Белинский. Т. II. С. 178*). Появления “Ревизора” в Москве ожидал и Надеждин: “... мы даже не могли читать его, а только об нем слышали, потому что он был какою-то библиографическою редкостью, которой нельзя было сыскать даже в книжной лавке А.С. Ширяева...” (*Надеждин 1972. С. 471*). Надеждину вторит С.Т. Аксаков: «Ни с чем нельзя сравнить нашего нетерпения прочесть “Ревизора”, который как-то долго не присылался в Москву» (*Аксаков 1960. С. 15*). Объявление о поступлении “Ревизора” в продажу появилось в “Московских ведомостях” 13 и 20 мая (*МВед. 1836. 13 мая. № 39. “Прибавление”. С. 1184* — о продаже в книжном магазине на Никольской улице и в книжных лавках против Казанского собора; 20 мая. № 41. “Прибавление”. С. 1235 — о продаже в книжной лавке Полевого на Тверской улице; первое объявление упомянуто, второе приведено Н.С. Тихонравовым — *Тихонравов 1898. С. 564; “Примечания”, с. 91*). «Наконец, — пишет Надеждин, — показалось и в нашем добром городе Москве двадцать пять экземпляров желанного “Ревизора”, и они расхватаны, перекуплены, перечитаны, зачитаны, выучены, превратились в пословицы и пошла гулять по людям, обернулись эпиграммами и начали клеймить тех, к кому придутся. Имена действующих лиц из “Ревизора” обратились на другой день в собственные названия: Хлестаковы, Анны Андревны, Марьи Антоновны, Горюничие, Земляники, Тяпкины-Ляпкины пошли под руку с Фамусовым, Молчалиным, Чацким, Простаковыми» (*Надеждин 1972. С. 471*). О знакомстве москвичей с печатным текстом “Ревизора” рассказывает и Андросов: “Несколько экземпляров, скупно доставленных в наши книжные лавки, наскоро прочитанных, произвели (...) различные толки: хвалили и смеялись, бранили и смеялись и просто смеялись...” (*МН. 1836. Ч. VII. Май. Кн. 1. С. 129*).

Несколько экземпляров, как уже отмечалось, было отправлено в Москву самим Гоголем на имя Щепкина и к 7 мая роздано последним “по принадлежности”.

Известны обстоятельства, при которых “Ревизор” был впервые прочитан у Аксаковых: экземпляр, привезенный из Петербурга генералом Бартоломеем, был прислан С.Т. Аксакову Ф.Н. Глинкой только на одну ночь, чтение началось очень поздно, кроме домашних, при нем присутствовал И.Е. Великопольский, читал С.Т. Аксаков, впоследствии отмечавший: «Я не мог в первый раз верно прочесть “Ревизора”; но, конечно, никто никогда не читал его с таким увлечением, которое разделяли и слушатели» (Аксаков 1960. С. 15; письмо Ф.Н. Глинки С.Т. Аксакову без даты — ЛН, т. 58. С. 550–551). К.С. Аксаков писал об этом чтении М.Г. Карташевской: “Недавно просидели часу до третьего; но это случилось потому, что читали комедию Гоголя: Ревизор, которая очень смешна и которую должно было отослать на другой день поутру” (письмо без даты, написано в пятницу — ОР ИРЛИ. 10604. Л. 46 об.). До премьеры познакомился с “Ревизором” и А.М. Языков, слушавший комедию 29 апреля (см. письмо А.М. Языкова В.Д. Комовскому от 30 апреля 1836 г. — ЛН, т. 58. С. 548). К.С. Аксаков к 9 мая 1836 г. прочитал комедию “раза четыре” (письмо К.С. Аксакова М.Г. Карташевской от 9 мая 1836 г. — там же, с. 550).

До настоящего времени точно не установлено, кто же все-таки занимался постановкой “Ревизора” в Москве. Во всяком случае, как справедливо заметил Н.С. Тихонравов, за десять дней до премьеры еще шли споры о том, кто будет ставить (Тихонравов 1898. С. 563). Из воспоминаний С.Т. Аксакова мы знаем лишь о том, что сам он в постановке не участвовал (Аксаков 1960. С. 17). Н.И. Надеждин, указав на то, что автор возложил постановку на Щепкина, пояснил: “Не знаем, мог ли он посвятить себя на сделанное ему поручение, имел ли средства; по крайней мере, ручаемся, что он имел полный запас доброй воли, полное желание (...) Г-н Щепкин имел обязанность ставить пиесу; но кто ставил когда-нибудь пиесы, тот знает, что он может распоряжаться (так. — Ред.) всем для успеха пиесы — всем, кроме выбора персонажей, костюмов, декораций и даже объяснения ролей” (Надеждин 1972. С. 476). В отклике на рецензию Надеждина, опубликованном в “Северной пчеле”, полемически утверждалось, что “Ревизор” поставлен в Москве “не актером Щепкиным, а Дирекциею” (Покровский И.Е. К издателям “Северной пчелы”, письмо от 9 июня 1836 // СПч. 1836. 27 июля. № 169. С. 673). Н.С. Тихонравов истолковал этот отклик как ответ дирекции московских театров на статью Надеждина в “Молве” и полагал, что Щепкин “волей-неволей устранился от постановки”, был оттеснен и даже устранен Загоскиным, принявшим обязанность постановки на себя (Тихонравов 1898. С. 563, 577–578). При этом Тихонравов заметил, что представители московской дирекции отнеслись к постановке “Ревизора” с “тупым равнодушием, если

не с затаенным нерасположением” (там же, с. 578). Между тем немногочисленные источники (воспоминания С.Т. Аксакова; письмо Щепкина Гоголю от 7 мая 1836 г., в котором, в частности, говорится о желании Загоскина видеть в Москве Гоголя, дабы совершенно с его волей “сделать все, что нужно для постановки пьесы” — *Гоголь. Переписка*. Т. 1. С. 449; письма Щепкина Сосницкому от 26 мая и 3 июня 1836 г. — *Щепкин*. Т. 1. С. 169–170 и даже рецензия Надеждина в “Молве” с нелюбезными высказываниями в адрес московской постановки) не дают оснований для таких категоричных выводов. Московская постановка в целом была оценена критикой достаточно высоко (подробнее см. ниже), а в 1838 г. заслужила даже особую похвалу Белинского: “Нельзя не поблагодарить дирекцию за тщательную и умную обстановку этой пьесы: нельзя требовать большего внимания к этому великому произведению драматического гения” (Петровский театр // *МН*. 1838. Ч. XVII. Июнь. Кн. 2. С. 563; без подписи; см. то же: *Белинский*. Т. II. С. 528). Сам же Щепкин, судя по воспоминаниям С.Т. Аксакова, в связи с постановкой сетовал не на московскую дирекцию, а на своих же товарищей, которые не воспринимали его как руководителя (*Аксаков 1960*. С. 16). На основании имеющихся к настоящему времени свидетельств можно с определенностью сказать, что официальный постановщик назначен не был, и, судя по всему, следует предположить, что пьеса была поставлена без всякого особого надзора, т.е., как допускал Щепкин, — “по общему произволу актеров” (*Аксаков 1960*. С. 16).

Логичным выглядит мнение Надеждина, который, особо подчеркнув “давно не виданное участие и заботливость артистов”, указал на то, что “Ревизор” оказался им не по силам: “...обрадовались (...) потом, видимо, оробели (...) боялись (...) и, увы! предчувствие многих не обмануло” (*Надеждин 1972*. С. 473).

23 мая в “Московских ведомостях” появилось объявление о спектакле в Малом театре (по первоначальному плану премьеры должна была состояться 24 мая, в воскресенье, в Большом театре, однако затем в связи с его ремонтом спектакль был перенесен в Малый театр на 25 мая): “В понедельник, 25-го Мая, в абонемент, в первый раз: *Ревизор*, оригинальная Комедия в 5 действиях, в прозе, соч. Г-на Гоголя; дивертисмент. Сия Комедия будет дана во вторник, 26-го Мая, не в счет абонемента; в пятницу, 29-го Мая, не в счет абонемента” (*МВед*. 1836. 23 мая. № 42. “Прибавление”. С. 1272, далее в объявлении дается подробная информация о порядке продажи билетов; полностью приведено Н.С. Тихонравовым — *Тихонравов 1898*. С. 564–565). Текст афиши премьерного спектакля см.: *ЛН*, т. 58. С. 561.

Благодаря Надеждину, мы имеем подробное описание публики первого спектакля: «На первом представлении “Ревизора” была в ложах бельэтажа и бенуарах так называемая лучшая публика, высший круг (...) публика высшего тону, богатая, чиновная, выросшая в будуарах...» (*Надеждин*

1972. С. 474). Тем же обществом были заняты кресла, за исключением задних рядов (там же, с. 474). Характер публики («низшедшей до посещения „Ревизора”», видевшей запечатленных в нем лиц „только разве в передней») сказался на специфическом приеме спектакля: «„Ревизор” не занял, не тронул, только рассмешил слегка бывшую в театре публику, а не порадовал ее (...) Пьеса сыграна, и, осыпаемая местами аплодисманом, она не возбудила ни слова, ни звука по опущении занавеса (...) Ни один актер не был вызван» (там же, с. 474—475). Среди актеров Надеждин особо выделил Ф.С. Потанчикова — Шпекина («отменно прост, естествен» — там же, с. 477), одобрительно, но не без замечаний отозвался об игре Щепкина («не усиливал, не пародировал нигде, но все-таки он представлял Городничего, не был им, не превратился в него...» — там же, с. 476) и И.В. Орлова — Осипа («хорошо взялся за роль вовсе не его и выполнил ее только удачно» — там же, с. 478). Хлестаков в исполнении Д.Т. Ленского не показался Надеждину убедительным («доселе еще не попал на свою роль» — там же). Судя по рецензии Надеждина, московские постановщики не нашли решения проблемы костюмов — они оказались «нелепыми, допотопными» (там же, с. 476). Декорации к спектаклю были признаны удачными и Надеждиным, и Андросовым (*Надеждин 1972. С. 476; Андросов 1836. С. 131*).

О приеме „Ревизора” в Москве известно и от К.С. Аксакова: «Публика хлопала и хохотала, но не вызвала ни одного актера» (письмо К.С. Аксакова Г.С. Аксакову от 29 мая 1836 г. — *ЛН, т. 58. С. 551*). Сам Щепкин отозвался о собственной игре и о премьере в целом достаточно сдержанно: «... „Ревизор” дал немного мне приятных минут и вместе горьких, ибо в результате сказались недостаток в силах и в языке. Может быть, найдутся люди, которые были довольны, но надо заглянуть ко мне в душу (...) Ежели Н.В. Гоголь не уехал за границу, то сообщи ему, что вчерашний день игрался „Ревизор”, — не могу сказать, чтобы очень хорошо, но нельзя сказать, чтобы и дурно. Игран был в абонемент, и потому публика была высшего тона, которым, как кажется, она (комедия) многим не по вкусу. Несмотря на то, хохот был беспрестанно. Вообще принималась пьеса весело; на завтра билеты на бельэтажи и бенуары, а равно и на пятницу разобраны» (письмо Щепкина Сосницкому от 26 мая 1836 г. — *Щепкин. Т. 1. С. 169*). В ответ на упрек Сосницкого, ожидавшего более подробного рассказа о московской премьере (см. письмо Сосницкого Щепкину от 30 мая 1836 г. — там же, с. 311), Щепкин в следующем письме повторил, что публика на премьере «была изумлена новостью, хохотала чрезвычайно много», но он «ожидал гораздо большего приема» (см. письмо Щепкина Сосницкому от 3 июня 1836 г. — там же, с. 170). Вместе с тем Щепкин отметил, что последующие спектакли были встречены «чрезвычайно хорошо (...) с громкими вызовами», что публика принимает комедию «теплее и теплее», театр, «бывает всегда полон» (там же). Щепкин подтвердил недовольство собственной игрой, «особливо первым актом», из своих коллег отметил

Д.Т. Ленского — Хлестакова (“очень недурен”), И.В. Орлова — Осипа (“хорош”), С.В. Шумского и Н.М. Никифорова (Бобчинский и Добчинский — “порядочны”), П.Г. Степанова — судью (“бесподобен” — там же).

После четырех представлений “Ревизора” свой взгляд на премьерные спектакли изложил Белинский: “Посмотрите, какие толпы хлынули на его комедию, посмотрите, какая давка у театра, какое ожидание на лицах! (...) Самая игра актеров достойна особенного внимания: она доказывает, что и артисты смотрят на эту пьесу не как на что-нибудь обыкновенное, но обдумывают и изучают свои роли” (Московские записки // Молва. 1836. № 8. Ценз. разрешение 6 июня. С. 210—211; без подписи; см. то же: Белинский. Т. XIII. С. 30—31; о проблеме атрибуции цитируемой заметки см. с. 677 наст. изд.).

В “Северной пчеле” отмечалось, что комедия Гоголя “разыграна была прекрасно, и поставлена на сцену так отчетливо и с такою верностью, что без всякого сомнения, сам почтенный автор этой комедии сказал бы спасибо Московской Дирекции” (Покровский И.Е. К Издателям “Северной пчелы”, письмо от 9 июня 1836 // СПч. 1836. 27 июля. № 169. С. 673—674).

Ожидая от Щепкина вестей о московской премьере, Гоголь специально заходил к Сосницкому, который показал ему письмо Щепкина от 26 мая — с кратким отчетом о первом спектакле (Щепкин. Т. 1. С. 311). Второго письма Щепкина от 3 июня 1836 г. с более подробным рассказом о премьерном и последующих спектаклях Гоголь прочитать уже не смог, так как 6 июня уехал за границу.

Неизвестно, знал ли Гоголь о том, что как раз в эти дни решалась судьба пьесы “Настоящий ревизор” князя Цицианова, объявленной так называемым “продолжением” “Ревизора”. Прохождение пьесы через цензуру носило весьма своеобразный характер: прежде чем отправить рукопись в III отделение (для цензурования) директор санкт-петербургских императорских театров А.М. Геденон считал необходимым обратиться к министру императорского двора П.М. Волконскому со следующей запиской от 22 мая 1836 г.: “При сем имею честь представить на благоусмотрение В(ашего) С(и)тельства доставленную ко мне пьесу: *Настоящий Ревизор*, служащую продолжением ком. Ревизор Г. Гоголя” (РГИА. Ф. 497. Оп. 4. Ед. хр. 2523. Л. 75 об. Копия). 2 июня 1836 г., т.е. через десять дней, Волконский ответил: “Возвращая у сего (так в подлиннике. — Ред.) представленную при записке Вашего Превосходительства от 22-го минувшего мая комедию под названием: *Настоящий Ревизор*, — уведомляю Вас, что Государь Император Высочайше повелеть соизволил: послать оную в Цензуру на рассмотрение” (РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Ед. хр. 7266. Л. 36; опубликовано в статье: Петров Ал. Николай I как репертуарный цензор // Советский театр. 1930. № 5—6. С. 44). Эти документы лишний раз подтверждают участие Николая I в цензурной судьбе “Ревизора” — разрешение пьесы, служащей его “продолжением”, не могло быть

дано без высочайшей резолюции (см. также: *Манн 1997. С. 4*). По ее получении дело решилось очень быстро. 4 июня “Настоящий Ревизор” был препровожден в III отделение с просьбой о рассмотрении в цензуре, со ссылкой на высочайшее повеление в приведенном выше документе (*РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Ед. хр. 7266. Л. 37. Копия*), и уже 6 июня, будучи одобренным к представлению, отослан обратно (там же, л. 41). Премьера пьесы состоялась 14 июля 1836 г. в Петербурге, когда после пяти действий “Ревизора” был разыгран “Настоящий Ревизор”: в трех действиях, с теми же основными действующими лицами и одним новым — “настоящим ревизором”, действительным статским советником Алексеем Петровичем Проводовым, который карает провинившихся и объявляет о своей женитбе на Марье Антоновне (см: *ИРДТ. Т. 3. С. 281–282; Данилов 1934. С. 37–40*). В дневнике А.И. Храповицкого это событие отмечено следующей записью: “Г. настоящего ревизора ошিকাли. Туда ему и дорога! Такой галиматьи никто еще не видал” (*РС. 1879. Т. 24. № 2. С. 349*). В “Библиотеке для чтения” отмечалось: «“Настоящий Ревизор” доказывает две истины, первую ту, что у отцов весьма умных бывают дети, далеко уступающие в уме отцам, и вторую ту, что всякой шалости и шутке есть пределы, за которыми и то и другое становится вовсе не смешным и не умным» (*БдЧ. 1836. Т. XVIII. Отд. VI. С. 18*). В том же году комедия вышла отдельным изданием без указания имени автора: *Настоящий Ревизор, комедия в трех днях или действиях, служащая продолжением комедии: Ревизор, сочиненной Г. Гоголем. СПб., 1836. Ценз. разрешение А.Никитенко от 22 июня 1836 г.*

* * *

Таким образом, до отъезда за границу Гоголь видел только одну премьерную постановку “Ревизора” — в Александринском театре. С московской постановкой Гоголь познакомился только 17 октября 1839 г., по возвращении в Россию из-за границы. Этот знаменитый в сценической истории “Ревизора” спектакль имел широкий резонанс, что нашло отражение в эпистолярных и мемуарных источниках: письма С.Т. Аксакова к Г.С. и И.С. Аксаковым от 17 октября 1839 г., О.С. Аксаковой к Г.С. и И.С. Аксаковым от 18 октября 1839 г., В.С. Аксаковой к Г.С. и И.С. Аксаковым без даты (*АН, т. 58. С. 566, 572*), Н.П. Огарева к А.И. Герцену (18 октября 1839 г.) (*РМ. 1888. № 11. С. 1*), Н.Ф. Павлова к С.П. Шевыреву от 20 октября 1839 г. (*Отчет публ. б-ки 1895. С. 119*), К.С. Аксакова к Г.С. и И.С. Аксаковым (24–25 октября 1839 г.) (*АН, т. 58. С. 570*), Гоголя к М.Н. Загоскину от первой половины октября 1839 г., Т.Н. Грановского к Н.В. Станкевичу от 2 декабря 1839 г. (*Грановский 1897. С. 374–375*); *Аксаков 1960. С. 59–60; Панаев 1988. С. 209–210*; Ермолова С.А. (урожд. Черткова, дочь Е.Г. Чертковой), по записи П.И. Бартенева (*РА. 1909. Т. II. С. 301*); Литературное обозрение // *Ведомости С.-П.-бургской городской полиции. 1842. 16 июня.*

№ 48. С. 202—203; без подписи). Особый интерес к спектаклю был связан с двумя обстоятельствами: присутствием автора, желанным для друзей, почитателей и артистов (последние обижались на то, что он до сих пор не видел постановки — Аксаков 1960. С. 59), и его внезапным отъездом из театра в ответ на вызовы публики — после второго действия (по свидетельствам К.С. Аксакова, В.С. Аксаковой, Н.Ф. Павлова, Т.Н. Грановского, Н.П. Огарева — ЛН, т. 58. С. 570, 572; Отчет публ. б-ки 1895. С. 119; Грановский 1897. С. 375; РМ. 1888. № 11. С. 1). В мемуарах С.Т. Аксакова и Панаева говорится, что Гоголь уехал после третьего действия (Аксаков 1960. С. 59; Панаев 1988. С. 210).

По словам С.Т. Аксакова, Гоголь согласился посмотреть “Ревизора”, поддавшись уговорам, и даже сам выбрал день, на который и был назначен спектакль (Аксаков 1960. С. 59). “Загоскин нарочно дал пиесу”, — писал Н.Ф. Павлов Шевыреву 20 октября 1839 г. (Отчет публ. б-ки 1895. С. 119). И.И. Панаев сообщил существенные детали, связанные с организацией спектакля: «Сергей Тимофеич Аксаков уговорил Загоскина (который не слишком жаловал Гоголя) дать “Ревизора” на московской сцене по случаю приезда Гоголя в Москву...» (Панаев 1988. С. 209).

О намерении Гоголя присутствовать на спектакле было известно заранее: “Слух об этом распространился по Москве...” (Аксаков 1960. С. 59). По свидетельству С.Т. Аксакова, “лучшая публика заняла бельэтаж и первые ряды кресел” (там же). Ему вторит Панаев: “Все московские литературные и другие знаменитости были здесь в полном сборе: в первых рядах кресел и в ложах бельэтажа” (Панаев 1988. С. 209). Зрителями “Ревизора” в этот вечер были: Чертковы (в ложе которых сидел Гоголь), Н.Ф. Павлов, М.Ф. Орлов, В.Г. Белинский, Н.П. Огарев, М.Н. Катков, Н.Х. Кетчер, В.П. Боткин, семейство Аксаковых (С.Т. Аксаков, О.С. Аксакова, К.С. Аксаков, В.С. Аксакова) (ЛН, т. 58. С. 570, 572; Отчет публ. б-ки 1895. С. 119; Грановский 1897. С. 374—375; Аксаков 1960. С. 59; Панаев 1988. С. 209).

По многочисленным свидетельствам, спектакль был особенно удачным: “играли превосходно” (В.С. Аксакова — ЛН, т. 58. С. 572); “Актёры играли чудесно” (К.С. Аксаков — там же, с. 570); “играли чудесно” (Грановский 1897. С. 375); “пьеса шла отлично хорошо; публика принимала ее (может быть, в сотый раз) с восхищением” (Аксаков 1960. С. 59); артисты (Щепкин и другие) употребляли “все богом данные им способности для того, чтобы заслужить похвалу автора” (Панаев 1988. С. 210); “...пьеса шла превосходно <...> Чем более вникаю в эту пьесу, тем более сглаживаются все неровности, которые воображались прежде, и каждое лицо является в удивительной истинности” (Н.П. Огарев — РМ. 1888. № 11. С. 1); “Артисты <...> в этот раз были еще более одушевлены присутствием” автора; Щепкин, “казалось, превзошел самого себя” (Литературное обозрение // Ведомости С.-П.-бургской городской полиции. 1842. 16 июня. № 48. С. 202—203; без подписи).

По предварительной договоренности, при участии Аксаковых и Н.Ф. Павлова (*ЛН, т. 58. С. 570; Отчет публ. б-ки 1895. Приложение. С. 119*), решено было вызвать автора по окончании спектакля, но получилось так, что вызовы (в которых приняли участие Белинский, Катков, К.С. Аксаков — *Грановский 1897. С. 374—375; ЛН, т. 58. С. 570; Панаев 1988. С. 210*) последовали уже после второго действия. Однако Гоголь на них не вышел (по заведенному порядку он должен был появиться перед публикой в ложе директора театра М.Н. Загоскина) и спешно удался. Через некоторое время И.В. Самарин, игравший Хлестакова, объявил, что автора в театре нет. Неожиданный поступок Гоголя вызвал негативную реакцию: “все в негодовании” (О.С. Аксакова), “Все были чрезвычайно поражены, удивлены, огорчены этим (...) это произвело неприятное впечатление (...) Это происшествие произвело довольно большой шум и движение в обществе” (В.С. Аксакова — *ЛН, т. 58. С. 572*); “...М.Н. (Загоскин) и рвет и мечет на Гоголя...” (К.С. Аксаков — там же, с. 570); Гоголь “немножко гримасничает” (Н.Ф. Павлов — *Отчет публ. б-ки 1895. С. 119*); “Публика была очень недовольна, сочла такой поступок оскорбительным...” (*Аксаков 1960. С. 59*); “На публику этот отъезд произвел (...) неприятное впечатление...” (*Панаев 1988. С. 210*).

Причина внезапного отъезда Гоголя из театра не вполне ясна. В точности неизвестно даже, чем он сам мотивировал свой поступок: по свидетельству С.Т. Аксакова, Гоголь уверял его у наружных дверей театра, что появиться в директорской ложе “никак не может” (*Аксаков 1960. С. 59*; по словам В.С. Аксаковой, Гоголь “просил сказать, что он нездоров, что он не в состоянии выйти благодарить публику” — *ЛН, т. 58. С. 572*).

На другой день в извинительном письме к М.Н. Загоскину (отправлено не было) и в разговоре с С.Т. Аксаковым объяснил, что “перед самым спектаклем получил огорчительное письмо от матери, которое его так расстроило, что принимать в эту минуту изъявление восторга зрителей было для него не только совестно, но даже невозможно” (*Аксаков 1960. С. 59—60*). В тот момент слова Гоголя показались С.Т. Аксакову и другим “неискренними и несправедливыми”, “чистой выдумкой”, но впоследствии С.Т. Аксаков признал разъяснение Гоголя вполне разумным и обличающим “только чистую, прямую, простую душу Гоголя, полную любви к людям и уверенную в их сочувствии” (там же, с. 60).

Другие очевидцы происшедшего связывали отъезд Гоголя с иными обстоятельствами. Так, К.С. Аксаков, не считая Гоголя виновным, обратил особое внимание на то, что за ним “не приходили от дирекции”, т.е. официально не пригласили в директорскую ложу (*ЛН, т. 58. С. 570*). Этим разъяснениям отчасти противоречит свидетельство В.С. Аксаковой, отмечавшей, что “Загоскин оставил свой бенуар для Гоголя”, который, в свою очередь, просил С.Т. Аксакова сказать Загоскину, что его нет в театре (там же, с. 572). Н.Ф. Павлов, как сообщает И.И. Панаев, счел, что Го-

голь “уж слишком важничает” (Панаев 1988. С. 210). Психологически правдоподобным, хотя и резко диссонирующим на общем фоне осуждений выглядит мнение Грановского, считавшего, что “сочинитель уехал, не желая тешить зрителей появлением своей особы” (Грановский 1897. С. 375). Очень знаменательным в многочисленном ряду свидетельств и разъяснений является написанное накануне спектакля письмо С.Т. Аксакова, во многом предугадавшего реакцию Гоголя: “Я надеюсь, что публика встретит его с восторгом, только опасаюсь, что он, заметя такое волнение, не дожидется конца и уйдет” (ЛН, т. 58. С. 566).

Важны свидетельства, говорящие о том, что Гоголь хотел укрыться от посторонних глаз уже задолго до вызовов: “...он (...) совершенно ушел в креслы и закрылся рукой” (В.С. Аксакова — там же, с. 572); “...сел или почти лег так, чтоб в креслах было не видно” (Аксаков 1960. С. 59); “...приехал в ложу и совершенно спрятался” (К.С. Аксаков — ЛН, т. 58. С. 570). Очевидно, что все поведение Гоголя на спектакле было проникнуто стремлением остаться незамеченным, нежеланием каких бы то ни было соприкосновений с публикой. О подлинных причинах подобного образа действий (психологически достаточно понятного — особенно имея в виду не слишком благосклонный прием “Ревизора” в Александринском театре в 1836 г.) тем не менее остается только гадать.

Об отношении Гоголя к московскому спектаклю отчасти можно судить по свидетельствам Аксаковых, с которыми автор “Ревизора” неоднократно беседовал о его театральной судьбе. В письме от 24—25 октября 1839 г. (т.е. буквально через несколько дней после нашумевшего представления “Ревизора”) К.С. Аксаков рассказывал Г.С. и И.С. Аксаковым о Гоголе: «Мы не говорили вовсе с ним о его сочинениях, потом мало-помалу, изда-лека, заводили разговор так, что, наконец, он сам рассказывал нам о поста(но)вке “Ревизора” и проч.» (ЛН, т. 58. С. 568). Более определенным является сообщение С.Т. Аксакова: «В продолжение дороги (во время совместного путешествия Гоголя и Аксаковых в Петербург — выехали 26 октября 1839 г. — Ред.), которая тянулась более четырех суток, Гоголь говорил (...) об искусстве вообще, о комедии в особенности, о своем “Ревизо-ре”, очень сожалел о том, что главная роль, Хлестакова, играет дурно в Петербурге и Москве, отчего пьеса теряла весь смысл...» (Аксаков 1960. С. 21).

Будучи в Петербурге, Гоголь наотрез отказался посмотреть “Ревизо-ра” (за время его пребывания в столице комедию давали один раз — 26 ноября): «Играли “Ревизора”, — писал С.Т. Аксаков О.С. Аксаковой 27 ноября 1839 г. — Гоголь ни за что не хотел его видеть. Мне очень хотелось его видеть на здешней сцене и — недаром. Представьте себе, что пьесы узнать нельзя... что пьеса дурна. Как *теперь* она здесь играет — ее нельзя видеть образованному человеку. Но театр был полон, и хохоту было много» (ЛН, т. 58. С. 576). Более подробное описание этого

спектакля содержится в воспоминаниях С.Т. Аксакова: «...у нас было два бельэтажа; но я никак не мог уговорить Гоголя ехать с нами. Он верно рассчитал, до чего должно было дойти его представление в течение четырех лет: “Ревизора” нельзя было видеть без отвращения, все актеры впали в отвратительную карикатуру. Сосницкий сначала был недурен; много было естественности и правды в его игре; слышно было, что Гоголь сам два раза читал ему “Ревизора”, он перенял кое-что и еще не забыл; но как скоро дошло до волнений духа, до *страсти*, говоря по-театральному, — Сосницкий сделался невыносимым ломакой, балаганным паясом» (Аксаков 1960. С. 31).

На следующий день, 27 ноября, ожидая Гоголя, С.Т. Аксаков примерно в тех же словах отозвался о спектакле в письме к К.С. Аксакову (“Нет истины, нет живых лиц — все отвратительная карикатура!”), добавив: «Я даже не скажу ему (Гоголю. — *Ред.*), до какой степени дурно играют “Ревизора”. Это его расстроит, и он должен сейчас у меня быть» (ЛН, т. 58. С. 574).

Присутствовавшие на спектакле дети С.Т. Аксакова, М.С. и В.С. Аксаковы, также делились своими впечатлениями о постановке. М.С. Аксаков в письме от 27 ноября 1839 г. сообщал О.С. Аксаковой, что в Петербурге “Ревизора” “играют гораздо хуже, нежели в Москве” (там же). В.С. Аксакова в тот же день написала О.С. Аксаковой о спектакле более подробно. Отдавая явное предпочтение московской постановке и критически отзываясь об исполнителях главных ролей — Сосницком (в нем “совсем нет той жизни, которая у нас всех одушевляет”) и Куликове (“играет, не понимая роли всей, без толку”), В.С. Аксакова тем не менее отметила, что и Сосницкий “иное говорил со смыслом и удачно”, и Куликов более похож на Хлестакова по “наружности и манерам”, нежели московский исполнитель этой роли — Самарин (там же, с. 576). Таким образом, постановкой “Ревизора” в императорском театре (и в Москве, и в Петербурге) Гоголь доволен не был. Спустя несколько лет в письме П.А. Плетневу от 24 декабря 1846 г. (5 января 1847 г.) он по-прежнему сетовал: на “Ревизора” теперь “гадко и противно глядеть: из него актеры сделали такую тривиальность, что, я думаю, нет человека, которому бы приятно было на него поглядеть”. В значительной степени эта неудовлетворенность была связана с дурным исполнением роли Хлестакова (Гоголь, как уже отмечалось, видел в ней Дюра — 19 апреля 1836 г. в Петербурге и И.В. Самарина — 17 октября 1839 г. в Москве).

В мемуарах А.О. Смирновой говорится, что лучшим исполнителем роли Хлестакова Гоголь считал Бурдина, игравшего в Калуге (Смирнова 1989. С. 508; в другом месте “Воспоминаний” Смирновой фамилия звучит иначе: Бурденков — там же, с. 473). В комментариях высказано предположение, что речь идет о Ф.А. Бурдине, во второй половине XIX в. игравшем в Александринском театре (там же, с. 702). Сообщение Смирновой, судя по всему, следует рассматривать с большой долей сомнения, поскольку

ку совершенно неясно, при каких обстоятельствах Гоголь мог видеть игру упомянутого артиста.

Имеется свидетельство, что в “последний приезд из-за границы” Гоголь видел постановку “Ревизора” в Александринском театре с участием А.Е. Мартынова и В.В. Самойловой (Петербургское театральное училище в воспоминаниях Н.И. Куликова // *РС*. 1886. Декабрь. С. 624). Вероятнее всего это могло бы случиться в сентябре-октябре 1848 г., во время пребывания Гоголя в Петербурге, однако в 1848 г. “Ревизор” в Александринском театре не шел (*ИРДТ*. Т. 4. С. 383). Более того, в списке исполнителей “Ревизора” Мартынов фигурирует только раз (сыграл Хлестакова в спектакле 20 октября 1843 г.), а В.В. Самойлова не фигурирует вовсе (*ЕИТ*. Сезон 1897—1898 гг. СПб., 1899. С. 118).

По свидетельству актера Одесского русского театра П.П. Надимова, Гоголь имел непосредственное отношение к постановке “Ревизора” в Одессе: «При нем ставили “Ревизора” (...) Н.В. Гоголь был на репетициях и во время антрактов прохаживался по сцене с артистами, делал свои замечания и советы... Во время спектакля он сидел в ложе губернатора, приходил на сцену и вообще остался очень довольным исполнением артистов» (*Надимов П.П.* Воспоминания актера. Цитировано в издании: *ИРДТ*. Т. 4. С. 235; подлинник в Государственном центральном театральном музее им. А.А. Бахрушина). Однако в мемуарах других артистов того же театра, достаточно подробно освещающих пребывание Гоголя в Одессе (октябрь 1850 — март 1851 г.), о постановке “Ревизора” не говорится ни слова (*Шуберт А.И.* Моя жизнь. Л., 1929. С. 148—149; *Толченев А.П.* Гоголь в Одессе: 1850—1851 г. (Из воспоминаний провинциального актера) // *Гог. восп. совр.* 1952. С. 416—427).

Некоторым оживлением интереса Гоголя к театральной судьбе “Ревизора” отмечена осень 1851 г., когда в роли Хлестакова в спектакле Малого театра впервые выступил С.В. Шумский (в премьерном спектакле игравший Добчинского). О предстоящем дебюте Гоголь, судя по всему, узнал от Аксаковых и Щепкина (см. письмо В.С. Аксаковой С.Т. Аксакову без даты — *ЛН*, т. 58. С. 740, редакторская дата — 15 октября 1851 г. — ошибочна, см. ниже), а также от Л.И. Арнольди, вместе с которым и посмотрел комедию с участием Шумского (*Арнольди Л.* Мое знакомство с Гоголем // *РВ*. 1862. Т. 37. Январь. С. 91; см. то же: *Гог. восп. совр.* 1952. С. 495). Спектакль состоялся 22 октября 1851 г. (см.: *Московский театр* // *Ведомости московской городской полиции*. 1851. 22 ноября. № 254. С. 1063; без подписи; приведенный источник впервые указан в издании: *Гриц* 1966. С. 469). В роли Городничего выступил М.С. Щепкин, в роли Осипа — П.М. Садовский (там же, с. 469—470). Об оценке Гоголем игры Шумского см. с. 759 наст. изд. По окончании спектакля Гоголь, замеченный многими зрителями и, по предположению Арнольди, испугавшийся “какой-нибудь демонстрации со стороны публики и, может быть, — вызо-

вов”, тихо покинул театр (там же), по сути повторив ситуацию, возникшую 17 октября 1839 г.

На этом же спектакле Гоголя видел И.С. Тургенев, отметивший волнение автора “Ревизора” и его стремление укрыться от посторонних взоров: поглядывал на сцену “с нервическим беспокойством” и “отодвинулся назад, в угол”, когда Тургенев “обернулся, чтобы посмотреть на него” (*Тургенев И.С. Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин) // Тургенев И.С. Сочинения. М., 1869. Ч. 1. С. LXIX; см. то же: Тургенев. Т. 11. С. 57*). Присутствовавший на спектакле Г.П. Данилевский писал: «...надо было видеть, какое впечатление на зрителей производил своею игрою Щепкин, Садовский — этот беспримерный Осип — и наконец Шумский! (...) Говорят, автор “Ревизора” в этот спектакль остался вполне доволен выполнением своей комедии» (*Хроника петербургских новостей и увеселений. Сентябрь 1852 // Совр. 1852. Т. XXXV. Отд. VI. С. 228—229; подпись: ***. Об авторстве Данилевского см. в кн.: *Боград В. Журнал “Современник”. 1847—1866: Указатель содержания. М.; Л., 1959. С. 206*). Еще одним очевидцем этого события был Н.В. Берг (*Берг Н.В. Воспоминания о Н.В. Гоголе. 1848—1852 // РС. 1872. Т. 5. Январь. С. 125; см. то же: Гог. восп. совр. 1952. С. 507 — см. также с. 759 наст. изд.*). Дебют Шумского был встречен критикой довольно холодно. Рецензент “Московских ведомостей” отмечал, что, по общим отзывам, игра Шумского “была неровна” и он “не совсем освоился с этою новою для него ролью” (*МВед. 1851. 3 ноября. № 132. С. 1268. “Городская хроника”; подпись: А. П-н (Потехин А.А.) — Масанов. Т. 2. С. 340*). “В исполнении роли Хлестакова г. Шумским, — отмечено в другой рецензии, — было совершенное отсутствие и дурного и хорошего, что делало роль совершенно бесцветною, и вот почему мы г. Шумского в этой роли поставим ниже Максимова, Ленского, Самарина...” (*Московский театр // Ведомости московской городской полиции. 1851. 22 ноября. № 254. С. 1064*). Об исполнении Шумским роли Хлестакова см. также: *Лейн А. Артист знаменитый и неизвестный // Вопросы театрального искусства: Сб. статей. М., 1975. С. 191—193*.

Появление Гоголя в Малом театре имело последствия: в присутствии посетивших его Тургенева и Щепкина он «объявил, что остался недоволен игрою актеров в “Ревизоре”, что они “тон потеряли” и что он готов им прочесть всю пьесу с начала до конца. Щепкин ухватился за это слово и тут же уладил, где и когда читать» (*Тургенев. Т. 11. С. 60*). Тургенев сообщает (там же), что упомянутый визит к Гоголю имел место 20 октября 1851 г., однако, учитывая дату спектакля (22 октября), на котором побывал Гоголь (см. письмо В.С. Аксаковой С.Т. Аксакову без даты, несомненно написанное 22 октября 1851 г., — *ЛН, т. 58. С. 740*), свидетельство Тургенева следует признать неточным: очевидно, что эта встреча могла произойти после спектакля, т.е. после 22 октября. В другой день этого месяца (с участием другого исполнителя роли Хлестакова) Гоголь “Ревизора” видеть не

мог, так как комедия в октябре шла лишь дважды: 2 и 22 октября (Ведомости московской городской полиции. 1851. 2 октября. № 213. С. 898; 20 октября. № 229. С. 964; *ИРДТ*. Т. 4. С. 383), 2 октября Гоголь был в Абрамцево у Аксаковых (*ЛН*, т. 58. С. 738). После чтения “Ревизора”, состоявшегося 5 ноября 1851 г. (подробнее об этом см. ниже), Гоголь, как свидетельствует А.Т. Тарасенков, “опять явился в театре (в ложе позади других) посмотреть, как исполняется пьеса после его замечаний, и остался доволен игрою более, нежели в прежнее время, особенно Хлестаковым, которого в это время играл уже Шумский, пользовавшийся его наставлениями” (Последние дни жизни Н.В. Гоголя. Записки его современника доктора А. Тарасенкова. Изд. 2-е, доп. М., 1902. С. 9–10; в оставшиеся два месяца 1851 г. “Ревизор” шел только один раз, 11 декабря — *ИРДТ*. Т. 4. С. 383). Возможно, это посещение Гоголем театра имеет в виду С.Т. Аксаков: “...все зрители восхищались Шумским, и сам Гоголь видел его из нашей ложи в продолжение двух действий и остался им доволен” (*Аксаков 1960*. С. 17)

Особое место в судьбе “Ревизора” занимают авторские чтения комедии, неизменно оставлявшие яркий след в памяти слушателей.

Первое подобное чтение (причем еще не отделанного до конца текста), как уже отмечалось, состоялось 18 января 1836 г. на одной из суббот В.А. Жуковского. На следующий день П.А. Вяземский рассказывал об этом событии в письме к А.И. Тургеневу: «Вчера Гоголь читал нам новую комедию “Ревизор”: петербургский департаментский шалопай, который заезжает в уездный город и не имеет чем выехать в то самое время, когда городничий ожидает из Петербурга ревизора. С испуга принимает он проезжего за ожидаемого ревизора, дает ему денег взаймы, думая, что подкупает его взятками, и прочее. Весь этот быт описан очень забавно, и вообще неистощимая веселость; но действия мало, как и во всех произведениях его. Читает мастерски и возбуждает un feu roulant d'éclats de rire dans l'auditoire (шквал смеха, прокатывающийся по аудитории (*франц.*) — *Ред.*). Не знаю, не потеряет ли пьеса на сцене, ибо не все актеры сыграют, как он читает. Он удивительно живо и верно, хотя и карикатурно, описывает наши mœurs administratives (административные нравы (*франц.*) — *Ред.*). Вигель его терпеть не может за то, что он где-то отозвался о подлой роже директора департамента. У нас он тем замечательнее, что за исключением Фонвизина, никто из наших авторов не имел истинной веселости. Он от избытка веселости часто завирается, и вот чем веселость его прилипчива» (*ОА*, т. III. С. 285; см. то же: *Вяземский 1984*. С. 387, 438). Позднее, в рецензии на “Ревизора”, Вяземский писал: “Помню первое чтение этой комедии у Жуковского на вечере при довольно многолюдном обществе. Все внимательно слушали и заслушивались, все хохотали от доброй души...” (*Вяземский 1984*. С. 154).

Присутствовавший на этом чтении барон Е.Ф. Розен засвидетельствовал восторженный прием пьесы слушателями (“...все вокруг меня аплоди-

руют, восхищаются, тешатся”. — *Барон Розен*. Ссылка на мертвых // Сын отечества. 1847. Кн. 6. Отд. III. С. 22), однако сам этого восторга не разделил: «...не разумею ничего, кроме неестественности, несообразности, карикатурности пьесы»; «мнимо-комический “Ревизор”» (там же, с. 22, 24). Более того, говоря о восприятии комедии Пушкиным («он мог смеяться при чтении “Ревизора”» — там же, с. 27), подчеркнул, что в ответ на критические замечания (Розен поделался с ним своим тяжелым впечатлением от комедии) Пушкин (внимательно слушавший) не сказал ни слова: «...в защиту “Ревизора” ничего не имею сообщить от имени Пушкина!» (там же, с. 25). Розен уверяет, что был и на втором авторском чтении “Ревизора” у Жуковского, а впоследствии слушал комедию в исполнении Гоголя еще “раз десять” (там же, с. 22—24). Последнее свидетельство Розена вряд ли может быть воспринято буквально (см. об этом: *Вацуро В.Э.* “Великий меланхолик” в “Путешествии из Москвы в Петербург” // *Временник Пушкинской комиссии*. 1974. Л., 1977. С. 56).

Традиционно отмечается, что на первом чтении “Ревизора” у Жуковского присутствовал Пушкин (*Макогоненко* 1985. С. 255—258; *Абрамович* С. Пушкин. Последний год: Хроника. Январь 1836—январь 1837. М., 1991. С. 33—34; *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / Сост. Н.А. Тархова. Т. 4: 1833—1837. М., 1999. С. 380—381*). При этом приводятся следующие источники: упомянутое письмо Вяземского А.И. Тургеневу от 19 января 1836 г. (где о присутствии Пушкина на первом чтении не говорится); свидетельства Е.Ф. Розена (в указанной выше статье “Ссылка на мертвых”) и Панаева (*Панаев* 1988. С. 92); запись в дневнике П.А. Васильчикова от 15 декабря 1853 г. (*ЛН. Т. 76. М., 1967. С. 349*). Между тем Панаев пишет в своих воспоминаниях следующее: «Впоследствии он (Розен. — *Ред.*) гордился тем, что, когда Гоголь на вечере у Жуковского в первый раз прочел своего “Ревизора”, он один из всех присутствовавших не показал автору ни малейшего одобрения и даже ни разу не улыбнулся, и сожалел о Пушкине, который увлекся этим оскорбительным для искусства фарсом и во все время чтения катался от смеха» (*Панаев* 1988. С. 92). Не исключено, что Панаев имеет в виду устное свидетельство Розена, в статье же последнего, на которую обычно ссылаются, о присутствии Пушкина именно на первом чтении “Ревизора” не говорится ни слова. Дневниковая запись П.А. Васильчикова от 15 декабря 1853 г. гласит следующее: «Виельгорский мне рассказывал, как он присутствовал у Волконского при первом чтении “Ревизора”. Пушкин присутствовал. Все были в восхищении. Михаил Юрьевич Виельгорский и князь Вяземский (Петр) одни позволили себе некоторые замечания» (*ЛН. Т. 76. М., 1967. С. 349*). Последнее свидетельство обычно истолковывается как неточное, ошибочное (см. там же, с. 357; *Дрыжакова Е.* Рискованная шутка Гоголя на чтениях “Ревизора” // *РЛ*. 2001. № 1. С. 190), хотя сама вероятность чтения “Ревизора” (пусть и не первого) у П.М. Волконского (министра императорского двора, в ведении которого находились все императорские

театры) очень велика. Она подкрепляется и еще одним (правда, документально не подтвержденным) свидетельством о том, что такое чтение состоялось 3 мая 1836 г. (*Теребенина Р.Е.* Записи о Пушкине, Гоголе, Глинке, Лермонтове и других писателях в дневнике П.Д. Дурново // Пушкин. Исследования и материалы. Т. VIII. Л., 1978. С. 266; здесь сообщается, что эта информация исходит от М.Ю. Вельгорского, однако источник не указан; отмечено также, что в семейной переписке Волконских упоминаний об этом событии не найдено). Помимо этого, известен рассказ Т.Г. Пащенко, в котором говорится, что Гоголь с большим успехом, “неподражаемо”, читал “Ревизора” у “высокой особы”, “в присутствии большого общества, генералов и других сановников”, за что получил в подарок “превосходные часы” (*Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя // Берег. 1880. 18 декабря. № 268. С. 2.* Со слов современника и соученика Гоголя — Т.Г. Пащенко, написал В. Пашков). Таким образом, на основании известных к настоящему времени источников говорить о присутствии Пушкина именно на первом чтении “Ревизора” (у Жуковского) можно лишь предположительно.

Следующее чтение, состоявшееся у Сосницкого в период репетиций “Ревизора” на сцене Александринского театра, было предназначено артистам, участвующим в спектакле (*Каратыгин 1883. С. 735*, подробнее об этом см. с. 707–708 наст. изд.). В воспоминаниях С.Т. Аксакова содержатся сведения о чтении “Ревизора” Сосницкому: «...слышно было, что Гоголь сам два раза читал ему “Ревизора”...» (*Аксаков 1960. С. 31*). Не вполне ясно, имеется ли здесь в виду и вышеупомянутое чтение, или же Гоголь действительно дважды читал “Ревизора” персонально Сосницкому.

По свидетельству В.И. Живокини, Гоголь “прекрасно” читал “Ревизора” (судя по всему, в 1842 г.) в присутствии Щепкина, самого Живокини и братьев Горшковых (прочил Живокини на роль Хлестакова, а Горшковых — на роли Добчинского и Бобчинского, идея не осуществилась — см.: *Живокини В.* Из моих воспоминаний // Библиотека театра и искусства. 1914. Кн. 2. С. 29; ср. письмо Гоголя Щепкину от 21 ноября (3 декабря) 1842 г., в котором говорится о целесообразности для Живокини взять в бенефис окончательную редакцию “Ревизора” и сыграть Хлестакова).

Сравнивая сценическое и авторское исполнение комедии, В.И. Любич-Романович отдает явное предпочтение последнему, отмечая особый артистизм Гоголя, его мастерскую манеру чтения “на голоса”: “В чтении Гоголя (...) можно было слышать весь сценический ансамбль со всеми его оттенками речи и характеров (...) все герои его пьесы ходили живыми перед нами, а не говорящими манекенами, как то было видно на сцене...” (*Глебов С.* Воспоминания о Гоголе // *РС.* 1910. Т. 141. Январь. С. 70–71).

Несколько раз Гоголь читал “Ревизора” за границей. Одно из таких чтений состоялось летом (конец июля — середина августа) 1836 г. в Баден-Бадене в присутствии М.П. и В.О. Балабиных, а также В.Н. Репниной,

которая вспоминала: «Я не бываю в театре, но могу сказать, что я присутствовала на представлении “Ревизора”: потому что Гоголь представил всех действующих лиц, переменяя голос, разнообразя мимику каждого лица. Он читал изумительно хорошо...» (Из воспоминаний княжны В.Н. Репниной. О Гоголе // *РА*. 1890. № 10. С. 228; *Шенрок*. Т. 3. С. 128–129).

В 1840 г. Гоголь читал “Ревизора” в Риме сестрам Ел.В. и Ек.В. Давыдовым (см. с. 682 наст. изд.).

14 февраля 1841 г. состоялось платное чтение “Ревизора” в доме княгини Э.А. Волконской — в пользу молодого художника И.С. Шаповалова (Шаповаленко, 1817–1890), внезапно лишенного стипендии: «Гоголь, расстроганный до глубины печенки таким потрясающим несчастьем, надумал устроить платное чтение своего знаменитого “Ревизора”; он роздал билеты всем русским, находящимся в Риме, ценой в один пиастр, а внизу на билете, в уголке, скромно подписал мелким почерком: “Кто может — и более”» (дневник Ел.В. Давыдовой — *ЛН*, т. 58. С. 595). По свидетельству Ф.И. Иордана, съезд “был огромный”, читал Гоголь “вяло, с большими расстановками, монотонно”, “не вызвав ни малейшего аплодисмента”, признательность за проявленное великодушие Гоголю выразили лишь его друзья и художники (*Иордан Ф.И. Записки*. М., 1918. С. 207–208; см. то же: *Гог. восп. совр.* 1952. С. 221–222). Одним из очевидцев этого чтения был Д.А. Милютин (см.: Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1816–1843. М., 1997. С. 357).

Одно из интереснейших чтений (и, вероятно, последнее) состоялось 5 ноября 1851 г. в Москве, в доме А.С. Талызина, где тогда жил Гоголь. Незадолго до этого он посмотрел “Ревизора” в Малом театре и, оставшись недовольным игрой артистов, изъявил готовность прочитать им комедию (подробнее см. с. 737 наст. изд.). На чтении присутствовали: М.С. Щепкин, П.М. Садовский, С.В. Шумский, С.Т. и И.С. Аксаковы, Н.В. Берг, Г.П. Данилевский, И.С. Тургенев, С.П. Шевырев и другие. Двое из них, Тургенев и Данилевский, оставили подробные описания этого знаменательного чтения, благодаря чему о нем известно не только в целом, но и в подробностях (*Тургенев*. Т. 11. С. 60–63; *Данилевский 1901*. С. 104–106). Дата чтения сообщена Г.П. Данилевским — на основании сохранившихся у него писем того времени (*Данилевский 1901*. С. 105).

По свидетельству И.С. Тургенева, «не все актеры, участвовавшие в “Ревизоре”, явились на приглашение Гоголя» (обидевшись, “что их словно хотят учить”), и “этот неохотный и слабый отзыв” огорчил автора “Ревизора” (*Тургенев*. Т. 11. С. 62). “Читал Гоголь превосходно... — вспоминал Тургенев. — Я слушал его тогда в первый — и в последний раз (...) Гоголь (...) поразил меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и в то же время наивной искренностью, которой словно и дела нет, есть ли тут слушатели и что они думают. Казалось, Гоголь только и заботился о том, как бы вникнуть в предмет для него самого новый и как бы вернее передать собственное впечатление. Эффект выходил необычай-

ный — особенно в комических, юмористических местах; не было возможности не смеяться — хорошим, здоровым смехом; а виновник всей этой потехи продолжал, не смущаясь общей веселостью и как бы внутренне дивясь ей, все более и более погружаться в самое дело — и лишь изредка, на губах и около глаз, чуть заметно трепетала лукавая усмешка мастера” (там же). Очень существенно замечание Тургенева о том, что только на чтении Гоголя он понял, «как вообще неверно, поверхностно, с каким желанием только поскорей насмешить обыкновенно разыгрывается на сцене “Ревизор”» (там же). В таком духе, по замечанию Тургенева, чтение продолжалось только до половины первого акта, а затем, после появления непрощенного гостя (“молодого, но уже необыкновенно назойливого литератора”), расстроенный Гоголь читал уже совсем не так: “Он стал спешить, бормотать себе под нос, не доканчивать слов; иногда он пропускал целые фразы — и только махал рукою” (там же, с. 63). Только в одном случае Гоголь “снова ободрился” — “в сцене, где Хлестаков завирается”. Это “затруднительное” место в чтении Гоголя показалось Тургеневу “естественным и правдоподобным”: «Хлестаков увлечен и странностию своего положения, и окружающей его средой, и собственной легкомысленной юркостью; он и знает, что врет, — и верит своему вранью: это нечто вроде упоения, наития, сочинительского восторга — это не простая ложь, не простое хвастовство. Его самого “подхватило”» (там же).

Так же высоко оценил чтение Гоголя Данилевский: Гоголь “пожелал только сам прочесть роль Хлестакова Шумскому. По его приглашению, собрались к нему все первые артисты московской сцены и некоторые из литераторов. Мы как теперь видим перед собою бледное лицо автора, исполненное глубокого юмора, и никогда не забудем впечатления, произведенного на нас этим чтением. Гоголь был великий актер” (Хроника петербургских новостей и увеселений. Сентябрь 1852 // *Совр.* 1852. Т. XXXV. Отд. VI. С. 229; без подписи — см. с. 737 наст. изд.). Позднее Данилевский вспоминал: “Никогда не забуду чтения Гоголя. Особенно он неподражаемо прочел монологи Хлестакова и Ляпкина-Тяпкина и сцену между Бобчинским и Добчинским (...) Неудержимый смех слушателей изредка невольно прерывал его (...) Когда он дочитал заключительную сцену комедии (...) очарованные слушатели долго стояли группами, вполголоса передавая друг другу свои впечатления” (*Данилевский 1901*. С. 105—106).

На одном из авторских чтений “Ревизора” присутствовал А.А. Стахович, рассказавший следующее: “Один только раз имел я счастье слышать, как читал Городничего во 2-м действии и монолог к купцам в 5-м действии сам Н.В. Гоголь; я должен сознаться, что пред этим чтением померкла чудная игра обоих артистов”, т.е. Щепкина и Садовского (*Стахович А.А. Ключки воспоминаний // Рампа и жизнь. 1909. № 32. С. 744*).

Из воспоминаний С.Т. Аксакова известно о неосуществленной идее Гоголя разыграть “Ревизора” на домашнем театре: «Он предлагал мне, вотясь из Петербурга (т.е. в декабре 1839 г.), разыграть “Ревизора” (...)

сам хотел взять роль Хлестакова, мне предлагал Городничего, (А.Ф.) Томашевскому (с которым я успел его познакомиться), служившему цензором в почтамте, назначал роль почтмейстера, и так далее» (Аксаков 1960. С. 22, 254).

Переходим непосредственно к прижизненной сценической истории “Ревизора”, начало которой, как уже говорилось, было положено премьерными постановками на сценах петербургского и московского императорских театров. С той поры в их репертуаре комедия Гоголя заняла постоянное место. Сам он, будучи за границей, как видно из письма Н.Я. Прокоповичу от 13(25) января 1837 г., не обходил вниманием объявления, сообщавшие о представлениях “Ревизора”: «В твоём письме и в письме Пашенка, которое вчера получил Данилевский, говорится, что “Ревизора” играют каждую неделю, театр полон и проч. ...и чтобы это было доведено до моего сведения (...) это ложь: я вижу через каждые три дня русские газеты».

Действительно, в 1836 г. “Ревизора” играли не каждую неделю, но тем не менее достаточно часто: в Петербурге 22 раза (т.е. 2–3 раза в месяц), в Москве — 17 раз (*ИРДТ*. Т. 3. С. 305). В дальнейшем (во второй половине 1830-х и в 1840-х годах) спектакль давали реже — в Санкт-Петербурге от трех до одиннадцати раз в год, в Москве — от одного до десяти (*ИРДТ*. Т. 3. С. 305; Т. 4. С. 383). В 1839 г. в “Галатее”, в приложении к № 15, была помещена “Статистическая таблица Императорского московского театра за последние четыре года” (т.е. за 1835–1838 гг.), из которой следует, что в 1836–1838 гг. “Ревизор” игрался чаще всех других пьес, включая оперные и балетные спектакли. В 1842 г. рецензент “Северной пчелы” отмечал, что “публика долгое время не уставала наполнять залу Александринского театра, когда играли” комедию Гоголя (*Р.З.* ⟨*Зотов Р.М.*⟩ Александринский театр // *СПч.* 1842. 16 декабря. № 282. С. 1126; о псевд. см.: *Масанов*. Т. 3. С. 10; *Рус. писатели*. Т. 2. С. 357). Помимо премьерных московских спектаклей “Ревизора”, был достаточно подробно отрецензирован и ряд других, “рядовых”: 13 апреля 1838 г. с Сосницким в роли Городничего на сцене московского театра и с Самариним, дебютировавшим в роли Хлестакова (Г. Сосницкий на московской сцене в роли городничего // *МН*. 1838. Ч. XVI. Март. Кн. 1. С. 180–182; без подписи; см. то же: *Белинский*. Т. II. С. 365); 17 мая 1838 г. в театре Петровского парка со Щепкиным, игравшим Городничего в первый раз по возвращении с петербургских гастролей (Московский театр // *МН*. 1838. Ч. XVI. Апрель. Кн. 1. С. 482–485; без подписи; см. то же: *Белинский*. Т. II. С. 396–397); 11 сентября 1838 г. (Петровский театр // *МН*. 1838. Ч. XVII. Июнь. Кн. 2. С. 563–565; без подписи; см. то же: *Белинский*. Т. II. С. 528–529); 10 апреля 1839 г. (Московский театр // *Галатее*. 1839. № 15. С. 510–511; без подписи); один из спектаклей 1840 г. (*Коровкин Н.* Московский театр. (Письмо к фельетонисту “Северной пчелы”) // *СПч.* 1840. 11 мая. № 105. С. 417–418). Сами постановки “Ревизора” на сце-

нах петербургского и московского императорских театров при жизни Гоголя изменений не претерпели.

Как известно, Гоголь предпринимал попытку уговорить М.С. Щепкина и С.Т. Аксакова осуществить новую постановку “Ревизора” — по тексту окончательной редакции, опубликованной в 1842 г. в четвертом томе его Сочинений. В письме от 16(28) ноября 1842 г. из Рима он просил Щепкина: “А между тем займитесь сурьезно постановкою Ревизора”. Здесь же Гоголь вновь вернулся к постановке Немой сцены и заметил, что для ее “успешного произведенья” нужно позаботиться о незаметном для зрителей сигнале для артистов (Гоголь полагал, что это должен сделать актер, играющий жандарма). В письме Щепкину от 21 ноября (3 декабря) 1842 г. Гоголь вновь настаивал: “Позаботьтесь больше всего о хорошей постановке Ревизора! (...) на возобновленного Ревизора гораздо будут ездить больше, чем на прежнего”. Спустя несколько месяцев в письме от 6(18) марта 1843 г. Гоголь обращался уже к С.Т. Аксакову: «...получили ли вы сами мое письмо (не разыскано. — *Ред.*), в котором я просил вас о постановке “Ревизора”, — дело, которым, пожалуйста, займитесь». 26 марта (7 апреля) 1843 г. Гоголь повторно задал С.Т. Аксакову этот вопрос.

Именно с авторским замыслом постановки “Ревизора” в Москве в 1842 г. по окончательному тексту комедии достаточно мотивированно связывают три рисунка к Немой сцене “Ревизора” (городничиха с дочкой, композиция из восьми фигур, многофигурная композиция с подписями Гоголя: “Земляника”, “Хлопов”, “Судья”, “Почтмейстер”, “Гибнер”, “Гости”), опубликованные Н.С. Тихонравовым (Р86. С. XXXIX. Приложения) как “собственноручные рисунки Гоголя” (*Дурьлин С. Гоголь-актер // Театр и драматургия. 1934. № 5. С. 54; Данилов 1936. С. 122–125*). При этом Данилов (дав подробный обзор различных точек зрения по поводу происхождения рисунков) категорически отвергает возможность авторства Гоголя, ссылаясь на составленный С.П. Шевыревым “Список бумаг, оставшихся после покойного Гоголя”, в котором рисунки к “Ревизору” охарактеризованы лишь как “одобренные покойным для издания” (*Линниченко И.А. Новые материалы для биографии Н.В. Гоголя // РМ. 1896. Кн. V. С. 181*). А. Некрасов в специальном исследовании также отверг авторство Гоголя и предположил, что рисунки (которые датировал 1842 г.) принадлежат А.А. Иванову (*Некрасов А. Приписываемые Гоголю рисунки к “Ревизору” // ЛН. Т. 19–21. М., 1935. С. 531–550*). Обосновывая датировку, Некрасов ссылаясь на текст «Предуведомления для тех, которые пожелаеи бы сыграть как следует “Ревизора”» (также датирован им 1842 г.), где, в частности, говорится: “Чтобы завязала(сь) группа ловче и непринужденней, всего лучше поручить художнику, умеющему сочинять группы, сделать рисунок и держаться рис(унка)” (там же, с. 531). Вместе с тем Некрасов указал, что расположение фигур и позы действующих лиц на рисунках не соответствуют описанию Гоголя в “Предуведомлении...” (там же, с. 532–534). Об авторстве

А.А. Иванова и проблеме датировки рисунков см. также: *Виноградов И.А.* Н.В. Гоголь и А.А. Иванов. К истории создания картины “Явление Мессии” // Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях / Сост. И.А. Виноградов. М., 2001. С. 674, 695, 702 (рисунки предположительно датируются 1841 г. и рассматриваются в связи с публичным авторским чтением “Ревизора” в Риме 14 февраля этого же года в пользу И.С. Шаповалова).

Как уже отмечалось (см. с. 594 наст. изд.), новая редакция “Ревизора” (опубликованная в четвертом томе Сочинений Гоголя 1842 г.) была представлена в драматическую цензуру Дирекцией императорских санкт-петербургских театров 12 апреля 1843 г. и 20 апреля отклонена.

21 апреля 1843 г. уведомление о запрещении III отделением “прибавлений и дополнений” к “Ревизору” за подписью управляющего конторой А.Д. Киреева было направлено режиссеру драматической труппы, т.е. Н.И. Куликову (*РГИА*. Ф. 497. Оп. 1. Ед. хр. 9503. Л. 10–10 об.; опубликовано: *Мат. и иссл.* 1995. С. 126).

В 1846 г. Гоголь вернулся к идее новой постановки “Ревизора” в Москве (в бенефис Щепкина) и в Петербурге (в бенефис Сосницкого) — по тексту окончательной редакции с добавлением “Развязки”, но этому замыслу не суждено было осуществиться (подробнее см. в комментарии к “Развязке Ревизора”).

Таким образом, новая редакция “Ревизора” была отклонена драматической цензурой, и комедию Гоголя продолжали играть по сценическому тексту 1836 г. Обновление спектаклей было связано только с вводом новых исполнителей. В Петербурге дублеры появились уже 28 апреля (четвертое представление). Это были: П.И. Григорьев (Григорьев б. — Городничий), А.М. Максимов (Хлестаков), П.А. Каратыгин (Ляпки-Тяпки), А.Е. Мартынов (Бобчинский), А.М. Степанова (Марья Антоновна), Третьяков (Земляника), Прохоров (Добчинский) (*ЕИТ*. Сезон 1897–1898 гг. СПб., 1899. С. 117–120; см. также с. 831 наст. изд.). В письме Щепкину от 29 апреля 1836 г. Гоголь с возмущением сообщал о том, что директор петербургских императорских театров Геденов вздумал “отдать главные роли другим персонажам (...) будучи подвинут какой-то мелочной личной ненавистью к некоторым главным актерам в моей пьесе, как-то: к Сосницкому и Дюру”. Как видно, 28 апреля в спектакль было введено не два, а семь дублеров. Сам А.И. Храповицкий так оценил игру новых исполнителей: “Григорьев б. был несколько слабее Сосницкого, Максимов и Дюр — между ними была почти незаметная разница, Каратыгин м. понял свою роль и был в оной выше Григорьева б., но Бобчинский и Добчинский (Мартынов и Прохоров) — несравненно выше своих предшественников. Весьма слабый вызов заслужили Григорьев б. и Максимов...” (*ЕИТ*. Сезон 1897–1898 гг. СПб., 1899. С. 117). В 1849 г. А.И. Кроненберг отмечал, что в первых сценах Максимов “еще недурен”, но “вообще его речь нараспев нейдет (...) к Хлестакову” (*Вл.Ч. <Кроненберг А.И.> Рус-*

ский и французский театры, с 15 сентября по 15 октября. Балет // ОЗ. 1849. Т. LXVII. № 11. Отд. VIII. С. 133; о псевд.: *Щепкин*. Т. 2. С. 38). А.И. Вольф оценил игру Максимова достаточно высоко: "...Максимов чередовался с Дюром в роли Хлестакова и был чуть ли не лучше его. Сцена вранья после обеда передавалась им великолепно" (*Вольф 1877*. Ч. 1. С. 50). Через шестнадцать лет после премьеры из всех исполнителей роли Хлестакова (включая Ленского, Самарина и Шумского) А.А. Григорьев выделил особо именно Максимова: "Пустоту и бесцветность Хлестакова еще лучше всех (...) выражает г. Максимов..." (*Григорьев А.* Летопись московского театра. Обзорение зимней поры (сезона) // *Москв.* 1852. № 8. Апрель. Кн. 2. Отд. VII. С. 147; см. то же: *Григорьев А.* 1985. С. 120 — в дальнейшем цитируется по этому изданию). Процесс ввода в спектакль Александринского театра дублеров продолжался непрерывно: с 1 мая 1836 г. в "Ревизоре" играл Воротников 2-й (Мишка), с 5 мая — Радин (Хлопов) (*ЕИТ*. Сезон 1897—1898 г. СПб., 1899. С. 119, 125). В упомянутом издании, на с. 117—126, приведен список всех исполнителей "Ревизора" на сценах императорских Санкт-Петербургских театров, начиная с первого представления и по 31 августа 1897 г. с указанием даты ввода артиста в спектакль и числа сыгранных им спектаклей. Наибольшее количество раз на сцену выходили: Сосницкий (161), Сосницкая (Анна Андреевна — 102), Сосновский (Абдулин — 104), Гусева (Пошлепкина — 96), Толченев (Земляника — 78), Афанасьев (Осип — 55). При жизни Гоголя Сосницкий являлся практически бессменным исполнителем роли Городничего (Григорьев дублировал его лишь три раза — там же, с. 117). Исполнители роли Хлестакова менялись гораздо чаще: с 8 сентября 1837 г. Хлестакова, наряду с Максимовым, начал играть Н.И. Куликов, 20 октября 1843 г. в этой роли выступил А.Е. Мартынов, с 24 января 1849 г. Хлестакова начал играть Ф.А. Бурдин (там же, с. 118). С особым успехом А.Е. Мартынов играл Хлестакова на гастролях в провинции, в том числе — в паре с Щепкиным — Городничим в 1843 г. в Киеве (см.: *Альциуллер А.* Александр Евстафьевич Мартынов. 1816—1860. Л.; М., 1959. С. 57—60).

В московском театре при жизни Гоголя основным исполнителем роли Городничего был Щепкин. 10 апреля 1839 г. в роли Городничего дебютировал Рославской и, по свидетельству рецензента "Галатеи", "выполнил ее весьма удачно" (*Московский театр* // *Галатея*. 1839. № 15. С. 510—511; без подписи). В том же году в роли Городничего выступил Потанчиков — по мнению критика "Репертуара русского театра", "весьма успешно" (*Л.Л. (Межевич В.С.)* Отчет о московском театре за первое полугодие (от 1-го января до 1-го июля) // *РРТ*. 1839. Т. 2. Кн. 9. С. 18; о псевд. см.: *Масанов*. Т. 2. С. 93). Однако работа Щепкина получила особое признание и считалась одной из лучших в репертуаре артиста: «Он производил тогда фурор в роле "городничего"...» (*Панаев 1988*. С. 203); «Актер понял поэта: оба они не хотят делать ни карикатуры, ни сатиры, ни даже эпиграм-

мы; но хотят показать явление действительной жизни, явление характеристическое, типическое” (Белинский. Т. II. С. 396–397); “Его игра — творческая, гениальная. Он не помощник автора, но соперник его в создании роли” (там же, с. 528); “мастерски усвоил он себе эту роль”, “передал малейшие ее оттенки” (П-ъ. ⟨Панаев И.И.⟩ (Еще отрывки из письма к***.) Ревизор и Горе от ума... // ЛПРИ. 1839. 22 июля. № 3. С. 53–54; о псевд. см.: Белинский. Т. III. С. 456, 651); “Щепкин неподражаем” (Н.П. Огарев — А.И. Герцену, ⟨18 октября 1839 г.⟩ // РМ. 1888. № 11. С. 1); “до сих пор (...) видел только его одного, совсем передающего Гоголя...” (Серов А.Н. — В.В. Стасову, 15–17 сентября 1846 г. — Щепкин. Т. 2. С. 125).

Неизменно высокую оценку получали выступления Щепкина в роли Городничего и на сцене Александринского театра — нередко в сопоставлении с игрой Сосницкого. Впервые петербургская публика увидела Щепкина в “Ревизоре” 17 апреля 1838 г. В письме от 21 апреля 1838 г. Г.С. Аксаков делился с К.С. Аксаковым впечатлением о спектакле: “Щепкин играл превосходно; многие говорят, что лучше Сосницкого. Петербург его славно принимает” (ЛН, т. 58. С. 556). Рецензент «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”» отмечал: “...всю роль свою Щепкин вел с таким совершенством, какого только можно ожидать от актера. Кажется, что Гоголь с него списывал своего городничего, а не он выполнял роль, написанную Гоголем” (Александринский театр. Дебюты г. Щепкина... // ЛПРИ. 1838. 30 апреля. № 18. С. 354–355; без подписи). Инспектор русской драматической труппы Александринского театра А.И. Храповицкий, говоря об этом спектакле, сделал сравнение в пользу Сосницкого: “Щепкин играл хорошо, но несравненно хуже Сосницкого” (Дневник А.И. Храповицкого... // РС. 1879. Т. XXIV. Февраль. С. 352). Состоявшееся в это же время выступление Сосницкого в роли Городничего в Москве вызвало критические отклики, в частности со стороны Белинского (в рецензии на спектакль 13 апреля 1838 г.): “...кроме городничего, все играли более или менее хорошо”; “...только 13 апреля постигли мы талант Щепкина во всей его бесконечной силе” (Белинский. Т. II. С. 365); “Роль городничего в Москве была очень опошлена” во время отсутствия Щепкина (там же, с. 396). В 1840 г. Белинский писал: в роли городничего “г. Сосницкий столько же плох, сколько Щепкин превосходен” (Репертуар русского театра... // ОЗ. 1840. Т. IX. № 4. Отд. VI. С. 67; см. то же: Белинский. Т. IV. С. 132). А.А. Стахович, увидевший “Ревизора” впервые в 1846 г. (с Сосницким в роли Городничего), писал: “...он (Сосницкий. — Ред.) был весьма приличный Антон Антонович (...) но не больше; а поразил меня и привел в восторг в этой роли М.С. Щепкин” — последнего Стахович видел в 1848 г. (Стахович А.А. Ключки воспоминаний // Рампа и жизнь. 1909. № 32. С. 744). О последующих гастрольных выступлениях Щепкина на сцене Александринского театра рецензенты также отзывались с похвалой. В 1844 г. В.Г. Белинский в целом ряде статей

отдал должное игре артиста в “Ревизоре” (Александринский театр. Щепкин на петербургской сцене // ЛГ. 1844. 9 ноября. № 44. С. 742–744; без подписи; см. то же: *Белинский*. Т. VIII. С. 414–418; Русский театр в Петербурге // ОЗ. 1844. Т. XXXVII. № 11. Отд. VIII. “Смесь”. С. 39; без подписи; см. то же: *Белинский*. Т. VIII. С. 373), отметив, что “в роли городничего (...) можно видеть только Щепкина, хотя игра его и не везде равно удовлетворительна” (там же, с. 373), наконец, сделал крайне важное замечание о том, что Щепкин “умел помирить александринскую публику с пьесами Гоголя” (там же, с. 417). Подробнее о двух традициях исполнения роли Городничего (связанных с именами Щепкина и Сосницкого) см. с. 753–757 наст. изд.

Отметим, что на одном из представлений “Ревизора” с участием Щепкина (именно 13 сентября 1844 г.) присутствовали А.О. Смирнова с братьями и Ю.Ф. Самарин (письмо А.О. Смирновой Гоголю от 9–13 сентября 1844 г. // РС. 1888. Т. 59. Июль. С. 55).

В 1849 г. А.И. Кронеберг связал удачу Щепкина в роли Городничего со строгостью, серьезностью его игры, с отсутствием обычного для исполнителей “Ревизора” стремления “смешить и забавлять публику” (*Вл.Ч. Кронеберг А.И.*) Русский и французский театры, с 15 сентября по 15 октября. Балет // ОЗ. 1849. Т. LXVII. № 11. Отд. VIII. С. 133; *Щепкин*. Т. 2. С. 39).

Трактовка Щепкиным роли Городничего получила высокую оценку и у зрителей провинциальных театров. Так, А.Н. Серов в письме В.В. Стасову 15–17 сентября 1846 г. из Симферополя (где гастролировал Щепкин), признавался, что теперь отдает предпочтение Щепкину перед Сосницким, и указывал причину: Сосницкий “играет петербургского частного пристава”, а Щепкин “играет уездного городничего, какого хотел Гоголь” (*Щепкин*. Т. 2. С. 125). Об исполнении роли Городничего Щепкиным на сценах провинциальных театров см. также: *Гриц 1966*.

Среди исполнителей “Ревизора” наряду со Щепкиным критики с неизменной похвалой отзывались об И.В. Орлове — исполнителе роли Осипа: “превзошел самого себя” (*Белинский*. Т. II. С. 365); “чудо совершенства” (там же, с. 397); “после г. Орлова надо было выполнить эту роль с неслышанным искусством или не браться за нее” (там же, с. 516 — оценка дана в связи с дебютом в роли Осипа Воротникова, который был принят “очень холодно”); “бесподобен”, “*браво* невольно вырывается из уст” (Галатея. 1839. № 15. С. 511); неподражаемый (*Л.Л. Межевич В.С.*) Отчет о московском театре за первое полугодие (от 1-го января до 1-го июля) // РРТ. 1839. Т. 2. Кн. 9. С. 23; Н.П. Огарев — А.И. Герцену, (18 октября 1839 г.) // РМ. 1888. № 11. С. 1); игра Орлова (на гастролях в Киеве в 1848 г.) “была сопровождается громкими единодушными рукоплесканиями и беспрестанными вызовами” (Одесский вестник. 1848. 20 ноября. № 93. С. 492). Из других участников спектакля чаще других выделяли Степанова — исполнителя роли судьи (см. с. 730 наст. изд.; “его игра чудесна”, “чу-

до совершенства”, играет “превосходно” — *Белинский*. Т. II. С. 365, 397, 529; превосходен — *Л.Л. (Межевич В.С.)* Отчет о московском театре за первое полугодие (от 1-го января до 1-го июля) // *РРТ*. 1839. Т. 2. Кн. 9. С. 23) и Шумского — исполнителя роли Добчинского (см. с. 730 наст. изд.; “превосходен”, “превосходно” играет — *Белинский*. Т. II. С. 397, 529).

Наиболее уязвимой стороной московской постановки на протяжении многих лет оставалось несовершенное исполнение роли Хлестакова. Ни участник премьерного и последующих спектаклей Ленский, ни его дублер (с 13 апреля 1838 г.) И.В. Самарин не заслужили особых одобрений критики. Так, *Белинский* отмечал, что игра Ленского “слишком субъективна”, производит “неприятное впечатление какою-то грубою, нисколько не художественною естественностию” (там же, с. 365), а в одной из рецензий прямо написал, что артист исполняет роль Хлестакова “несносно дурно” (там же, с. 397). Один из немногих одобрительных отзывов о Ленском — Хлестакове был дан в “Северной пчеле”: “...так хорош, так хорош”, создал роль “совершенно по-своему” (*Коровкин Н.* Московский театр. (Письмо к фельетонисту “Северной пчелы”) // *СПч.* 1840. 11 мая. № 105. С. 417). Об игре Самарина отзывались также не без замечаний. *Белинский* считал, что артист “подает большие надежды для этой роли”, но еще “не возвысился до ее объективного понимания и исполнения” (*Белинский*. Т. II. С. 365). Несколько позднее критик отмечал, что Самарин “имеет превосходство над Ленским в даровании, но наружность Ленского “больше идет к роли” (там же, с. 528). *Н.П. Огарев* в характеристике спектакля 17 октября 1839 г. (на котором присутствовал Гоголь — см. выше) отмечал: “Хлестаков (Самарин) средней доброты” (*Н.П. Огарев — А.И. Герцену*, (18 октября 1839 г.) // *РМ*. 1888. Кн. 11. С.1). Наиболее благосклонной к Самарину была “Галатее”, в которой отмечалось, что роль “вообще разыграна хорошо; характер лица совершенно усвоен артистом”, но при этом в Хлестакове — Самарине обращалось внимание на “ухватки дурного тона”, не приличествующие человеку, прожившему в Петербурге (Галатее. 1839. № 15. С. 511). С похвалой отзывался об игре Самарина “Репертуар русского театра”: роль Хлестакова выполнена “с заметным старанием и отчетливостию” (*Л.Л. (Межевич В.С.)* Отчет о московском театре за первое полугодие (от 1-го января до 1-го июля) // *РРТ*. 1839. Т. 2. Кн. 9. С. 23). Рецензенты “Ревизора” довольно часто констатировали отсутствие достойного исполнителя роли Хлестакова: “...пока мы еще не видели настоящего Хлестакова” (*Белинский*. Т. II. С. 365); “...нет у нас актера для роли Хлестакова” (там же, с. 528); “К сожалению, это лицо понято меньше прочих лиц и еще не нашло для себя достойного артиста на театрах обеих столиц” (“Горе от ума...” // *ОЗ*. 1840. Т. VIII. № 1. Отд. V. С. 38—39; без подписи; см. то же: *Белинский*. Т. III. С. 464); “...настоящего Хлестакова не случилось нам видать ни в одном из артистов (со включением даже г. Шумского)...” (*Григорьев А.* Летопись московского театра. Обзорение зимней

поры (сезона) // *Григорьев А.* 1985. С. 116–117). А.Н. Островский объяснял неудачи в исполнении роли Хлестакова на московской сцене двумя причинами: "...во-первых, это — одна из самых труднейших ролей во всем комическом репертуаре; а во-вторых, тип мелкого, хвастливого петербургского чиновника был в то время совершенно незнаком московским артистам" (Записка по поводу проекта "Правил о премиях императорских театров за драматические произведения", 1884 г. // *Островский А.Н.* Полное собр. соч.: В 12 т. Т. 10. М., 1978. С. 203). При жизни Гоголя из всех исполнителей роли Хлестакова наибольший успех выпал на долю Шумского.

В рецензиях 1838 г. Белинский отзывался с похвалой практически обо всех исполнителях "Ревизора" (за исключением артистов, играющих роль Хлестакова), что было органически связано с его восприятием и оценкой московской постановки как целостного действия: "...есть общность в ходе целой пьесы, а это не шутка" (*Белинский*. Т. II. С. 365); "...в ходе пьесы удивительная общность, целостность, единство и жизнь" (там же, с. 397). В таком же духе отзывались о постановке и другие критики: "...пьеса идет с большим единством" (*Галатея*. 1839. № 15. С. 511); "Ревизор" разыгрывается "почти с совершенством всеми действующими лицами" (*Л.Л. Межевич В.С.*) Отчет о московском театре за первое полугодие (от 1-го января до 1-го июля) // *РРТ*. 1839. Т. 2. Кн. 9. С. 18); "Все пять актов комедии показали мне одною полною, живою, художническою картиною", "редкое согласие в общем ходе комедии" (*Коровкин Н.* Московский театр. (Письмо к фельетонисту "Северной пчелы") // *СПч*. 1840. 11 мая. № 105. С. 417–418). Этим оценкам противоречит позднейшее суждение А.А. Григорьева, считавшего, что московской постановке недостает целостности (подробнее см. ниже).

Во второй половине 1830-х годов критики отмечали и позитивные изменения в постановке "Ревизора" (в частности, изменения в костюмировке — *Белинский*. Т. II. С. 528) и неослабевающий интерес к спектаклю московской публики: "...великое создание Гоголя на московской сцене не только не роняет своего достоинства <...> но и положительно поддерживает его" (там же); "Прекрасное произведение Гоголя давно уже благосклонно принято и постоянно дается на нашем театре" (*Галатея*. 1839. № 15. С. 510); "Ревизор", как и "Горе от ума", имел "неслыханный успех", выдержал множество представлений и никогда не перестанет "доставлять публике величайшее наслаждение" (*Русский театр в Петербурге* // *ОЗ*. 1841. Т. XIX. № 11. Отд. VII. "Смесь". С. 34; без подписи; см. то же: *Белинский*. Т. V. С. 491).

Большое внимание московской постановке уделяется в статьях А.А. Григорьева. При том, что в конце 40-х годов он отмечал падение интереса к постоянно присутствующим в репертуаре московского театра "Горю от ума" и комедиям Гоголя ("...в эти представления театр очень часто пуст, и на них уж ходят смотреть по преданию" — *Григорьев А.А.*) Заметки о московском театре // *ОЗ*. 1849. Т. LXV. № 7. Отд. VIII. С. 82;

без подписи; см. то же: *Щепкин*. Т. 2. С. 37), а в 1852 г. отметил, что в исполнении “Ревизора” “нет главного, существенного достоинства, без которого немислимо художественное совершенство представления классической пьесы, — нет целостности...”, но все же неизменно высоко отзывался о работе Щепкина (*Григорьев А.* Летопись московского театра. Обзорение зимней поры (сезона) // *Григорьев А.* 1985. С. 117). Эта высокая оценка мотивировалась тем, что актер постиг суть роли (“понял ее комический пафос” — там же), ее психологическую основу (“вошел в сокровеннейшие изгибы совести градоправителя” — там же, с. 117–118) и воплотил все это в живом образе (“городничий как будто совсем живет перед вами всей своей натурой, во всех своих привычках” — там же, с. 118). Игру Щепкина Григорьев называл непревзойденной (“великий толкователь личности Сквозника-Дмухановского” — там же, с. 119).

С этих же позиций Григорьев писал об игре другого артиста Малого театра — П.М. Садовского, знаменитого исполнителя роли Осипа (дебютировал в 1845 г. — *ИРДТ*. Т. 4. С. 173): “Совершенно спокойное, правдивое до совершенства воспроизведение личности со всеми тончайшими психологическими чертами и во всей соответствующей этим чертам внешности — вот игра Садовского” (там же, с. 124). Григорьев отмечал, что Садовский, “играющий лица”, действует на него “несравненно глубже”, чем Щепкин, “играющий по большей части страсти” (там же).

Вслед за постановкой “Ревизора” в Санкт-Петербурге и Москве последовали постановки в провинции: в Казани (1836), Одессе (1837, труппа Ерохина, с участием Щепкина в роли Городничего — *Горновский И.А.* К столетию театральных представлений в Одессе. (1804–1904) // Библиотека театра и искусства. 1905. Кн. XVII–XVIII. С. 42–43; в другом источнике об исполнении этой роли Щепкиным в составе труппы Ерохина говорится только в связи с гастролями в Вознесенске — *Гриц* 1966. С. 237), Нижнем Новгороде (1838), Воронеже и Ярославле (1840), Харькове и Курске (1842), Киеве (во время киевских гастролей в 1843 г. Щепкин дважды сыграл Городничего — 16 апреля и 7 июня, во второй раз вместе с А.Е. Мартыновым, исполнившим роль Хлестакова — там же, с. 307, 311), Екатеринбурге, Екатеринославе (1843 — *ИРДТ*. Т. 3. С. 153), в Ростове-на-Дону — 16 мая 1848 г. (*Оленин Б.* Случай с “Ревизором” // *ЛГ*. 1936. 6 мая. № 26. С. 4), в Уфе — январь 1851 г. (*Махова Н.* В Абрамцеве у Аксакова // *ЛГ*. 1984. 23 мая. № 21. С. 7). Наибольшую известность приобрели спектакли театра П.А. Соколова (Казань — *ИРДТ*. Т. 3. С. 164; см. также высокую оценку “Ревизора” в исполнении этой труппы в Уфе: “...публика изъясвила (...) полное свое удовольствие”, сам Соколов играл Городничего “весьма умно и отчетливо” — *Бельский С.* О временном Уфимском театре // Репертуар русского и пантеон иностранных театров. 1843. Т. 4. Кн. 12. “Провинциальные театры в России”. С. 127), труппы Л.Ю. Млотковского (основное место работы — Харьков), где в ролях гоголевских персонажей особо выделялись К.Т. Соленик (играл Хлестакова,

Бобчинского, Осипа), П.П. Микульский (долгое время считался непревзойденным в роли Земляники), Н.Х. Рыбаков (Хлестаков и Ляпкин-Тяпкин) — *ИРДТ*. Т. 3. С. 179, 182, 199.

Отдельные провинциальные постановки были отмечены рецензиями в московской и петербургской прессе: спектакль Воронежского театра 26 апреля 1840 г. (одобрительный отзыв об исполнении третьего, четвертого и пятого действий; высокая оценка ряда актеров, особенно Микульского — Земляники: “был бесподобен”, выразил суть роли — “пронирство под маскою простоты” — *Дацков И.* Воронежский театр // *РРТ*. 1840. Т. 2. Кн. VIII. С. 3—4); исполнение роли Городничего Борисоглебским в Саратовском театре (“естественная, неподдельная игра” — *Максимов К.* Саратовский театр. (Письмо к издателю Репертуара) // *РРТ*. 1841. Кн. 2. С. 78) и Генделевичем в Одессе, в труппе Зелинского (“многие места своей роли он исполнил умно и просто, нигде не впадая в фарс” — *РРТ*. 1841. Кн. 8. С. 11—12. “Одесский театр”; без подписи); успех Василькова в роли Осипа в Саратовском театре (Репертуар русского и пантеон всех европейских театров. 1842. № 7. “Театральная и музыкальная хроника”. С. 53); спектакль в Пензенском театре (Залесский — Хлестаков “не играл, а, лучше сказать, читал” роль — Репертуар и Пантеон. 1844. Т. 5. Кн. 3. “Театральная летопись”. С. 100); представление “Ревизора” в Осташковском театре (“ансамбль удивительный”, мастерское исполнение отдельных ролей — *Толбугин П.* Осташковский театр // Репертуар и Пантеон. 1844. Т. 6. Кн. 5. Отд. II. С. 77—78); “Ревизор” в Смоленском театре 27 мая 1845 г. (сцены Анны Андреевны — Новиковой с Хлестаковым — Орловым “увлекательно хороши” — *Р.цкий Н.* Смоленский театр // Репертуар и Пантеон. 1845. Т. 12. “Театральная летопись”. С. 63—64); в Тифлисском театре (“пиеса разыграна прескучно” — *Егоров П.* Тифлисский театр // Репертуар и Пантеон. 1846. Т. 14. “Театральная летопись”. С. 62); в Одесском русском драматическом театре («“Ревизор” был совершенно плох...» — Одесские письма. Письмо первое // *СПбВед.* 1850. 14 июля. № 156. С. 625). Одобрительную оценку получило исполнение “высокой комедии” Гоголя труппой П.А. Соколова 9 сентября 1851 г. на сцене Пермского театра: “...всеобщее глубокое внимание публики”; игра “выше посредственности”, “аплодисменты” (*Верской Е.* (*Вердеревский Е.А.*). “Ревизор” на сцене Пермского театра // *Москв.* 1851. Ноябрь. Кн. 2. № 22. С. 133; о псевд. см.: *Масанов*. Т. 1. С. 214). Рецензент подчеркнул некоторое преимущество провинциальных исполнителей, связанное с тем, что они лучше знакомы с запечатленной Гоголем жизнью. Это касается и Соколова — исполнителя роли Городничего (“настоящий, чистокровный Городничий”) и других артистов: «Все второстепенные роли — у нас выходят “провинциальнее”, и следовательно вернее» (*Верской Е.* Указ. соч. С. 136). Об исполнителях ведущих ролей в “Ревизоре” и оценке их игры критикой см. подробный обзор В.И. Шенрока (*Шенрок В.И.* Комедии Гоголя на сцене // *Шенрок*. Т. 3. С. 505—522).

Характерная особенность постановок “Ревизора” в провинции заключалась в том, что персонажи комедии легко могли быть соотнесены и соотносились с реальными лицами. 27 августа 1849 г. С.Т. Аксаков сообщал Гоголю: «В Рыбинске играли “Ревизора”; в половине пьесы актеры, видя, что зрители больше их похожи на действующие лица, — помирали все со смеха» (Аксаков 1960. С. 201).

По свидетельству Л.И. Арнольди, в 1849 г. на обеде у московского гражданского губернатора И.В. Капниста один из сенаторов с возмущением рассказывал, что в бытность его губернатором на представлениях гоголевских пьес “при всякой глупой шутке или какой-нибудь пошлости, насмешке над властью, весь партер обращался к губернаторской ложе”, в связи с чем он запретил давать пьесы Гоголя, в том числе и “Ревизора” (Арнольди Л. Мое знакомство с Гоголем // РВ. 1862. Т. 37. Январь. С. 85–86; см. то же: Гоголь восп. совр. 1952. С. 489; см. также: Данилов 1934. С. 48–51).

Местное начальство, предвидя подобное “узнавание”, нередко сопротивлялось появлению “Ревизора” на сцене (вплоть до прямого запрещения — в частности, в Орле, Иркутске), пыталось запретить разыгрывать уже поставленные спектакли (там же, с. 49–50).

Известны и постановки “Ревизора” в любительском театре. Одна из них состоялась 21 октября 1839 г. в Училище правоведения в Санкт-Петербурге, о чем И.С. Аксаков писал родителям 22 октября 1839 г.: «Вчера у нас играли “Ревизора” (...) Некоторые были просто в куртках, другие склеили себе костюмы из бумаги. Впрочем, очень, очень порядочно играли, тем более, что это все устроили в одну неделю и в первый раз, без пособия кулис и костюмов. Был директор, только не на всем спектакле, очень смеялся...» (ЛН, т. 58. С. 568). В тот же день о спектакле писал родителям и Г.С. Аксаков: “Все училище смотрело и восхищалось этой пьесой (...) все, что можно было сделать, не имея костюмов и декораций, было сделано. Против ожидания, шло очень хорошо. Особенно удачно сыграны роли Хлестакова и Осипа.

Я думаю, Гоголю будет очень приятно, когда он узнает, что пьеса его была играна в училище и что ее почти всякий из нас знает наизусть; сколько эпиграфов приведено было из его комедии к нашим профессорам; всякому досталось!” (там же).

* * *

В сценической истории “Ревизора” — как при жизни Гоголя, так и после его смерти — выявились две традиции исполнения роли Городничего: петербургская, представленная Сосницким, и московская, связанная с именем Щепкина. Одно из первых сопоставлений было сделано петербургским критиком еще в 1838 г., после гастролей Щепкина: «Мы привыкли видеть в этой роли г. Сосницкого, и многие думали, что городничий Гоголя именно таков и должен быть. Правда, роль городничего одна из лучших ролей

г. Сосницкого: он покажется вам в ней очень живым и натуральным, если вы хотите видеть в Сквознике-Дмухановском русского городничего *этого рода вообще*, без особенных признаков грубой провинциальности. Но таков ли именно городничий уездного города, “от которого”, как сам же он говорит, “хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь”? может ли быть похож этот городничий на столичного полицейского чиновника, разумеется, представленного в комическом виде? Мы, знакомые отчасти с провинциальным бытом отдаленных отсюда губерний России, мы никогда не были *вполне* довольны игрою г. Сосницкого, впрочем, повторяем, весьма натуральною и живою. Нам всегда хотелось видеть в нем поболее унижения, трусости, которые так приличны Сквознику-Дмухановскому, человеку вообще не глупому, но отъявленному плуту, трусу в беде и дерзкому в счастье. И все это нашли мы в игре Щепкина» (Александринский театр. Дебюты г. Щепкина... // ЛПРИ. 1838. 30 апреля. № 18. С. 354; без подписи).

Значительно позднее (в 1886 г.) параллель между обеими сценическими трактовками продолжил П.М. Ковалевский: «...это были два мало похожих один на другого типа. Щепкин и по южному своему темпераменту, и по дикции, по фигуре, голосу и по всей своей школе, чисто бытовой, дал городничего совсем русского — плотоядного, пролазу и шельму, с грубоватою внешностью провинциального мелкого чиновника, умеющего отлично гнуть в бараний рог низших себя и пресмыкаться перед высшими; Сосницкий, сложившийся по типам французской комедии в переделках на псевдорусские нравы Хмельницкого и просто в переводах, имел внешность более общую — подвижного и тонкого, но холодного плута, голос и характер мягко стелющей лисы, от которой жестко спится. Каждый по-своему был превосходен. Конечно, Щепкин был более типичный, как сказано, русский темный человек, темный на все, кроме уменья обойти, кого захочет. (...) Щепкин умел найти одну-две ноты почти трагические в своей роли. Так, слова: “не погубите! жена, дети...” — произносились им со слезами в голосе (...). И этот плут на минуту делался жалок. У Сосницкого он был скорее забавен, как попавший в западню тот хитрый зверь, на которого он был похож. И по телосложению оба артиста не были похожи: Щепкин был приземистый, толстенький, с широким лицом; Сосницкий — высокий, с чертами лица продолговатыми и тонкими, оплывшими только в глубокой старости» (Ковалевский П.М. Юбилейные спектакли Гоголя в Петербурге // РМ. 1886. Кн. V. “Современное искусство”. С. 181). Все это подтверждается и свидетельством Д.В. Аверкиева, восходящим к его впечатлениям 1860-х годов. “Оба артиста (...) играли одинаково превосходно, различие в исполнении зависело в сильной степени от самого рода дарования обоих: один (Щепкин) был по преимуществу комик, способности другого (Сосницкого) определялись так называемым амплуа больших характерных ролей. У одного городничий выходил простоватее, трусливее, и там, где был простор комической ярости и злости, например, в пятом акте, Щепкин де-

лал чудеса; у Сосницкого городничий выходил сдержаннее, более себе на уме; самое плутовство его было, так сказать, обработаннее, не являлось как бы естественной принадлежностью лица, а походило на вещь, приобретенную долгим опытом” (Отзывы и суждения о комедиях Гоголя // *ТиИ*. 1909. № 12. С. 224).

Приведенные свидетельства дают основание для некоторых выводов. Городничий Сосницкого имел более общий отпечаток; это был общерусский, в том числе и столичный, и в конце концов общечеловеческий тип; к такой трактовке, помимо собственно сценических данных, предрасполагала пройденная актером школа французской классицистической комедии и ее русских переделок и модификаций. Городничий же Щепкина имел ярко выраженный русский, и притом провинциальный, отпечаток; общечеловеческое проступало сквозь одежды местные и национальные. Сосницкий играл сдержаннее и ровнее. Щепкин — импульсивнее и порывистее, роль строилась им “на скорых переходах от защиты к нападению” (*Алперс Б.* Театр Мочалова и Щепкина. М., 1979. С. 316), от торжества к сознанию поражения и наоборот. Хитрость Городничего у Сосницкого была тоньше и вместе с тем холоднее, напоминала тщательно обдуманый план. Городничий же Щепкина словно импровизировал по ходу дела.

Не только Аверкиев, но и многие другие, писавшие о Щепкине — Городничем, как апогей его игры отмечали пятый акт. По поводу монолога Сквозник-Дмухановского, воображающего себя генералом, Белинский в 1840 г. заметил: “Так проявляются грубые страсти животной природы! Это страсть — и страсть бешеная: у нашего городничего сверкают глаза, в голове тон исступления, движения порывисты. Если не верите — посмотрите на Щепкина в этой роли” (“Горе от ума”. Соч. А.С. Грибоедова... // *ОЗ*. 1840. Т. 8. № 1. С. 42; без подписи; см. то же: *Белинский*. Т. III. С. 468). А. Григорьев писал в 1852 г.: “Посмотрите на него в пятом действии, в сцене с купцами. Тут уже не прежний городничий, мокрая курица перед воображаемым ревизором, а Прометей, настоящий Прометей!” (*Григорьев А.* 1985. С. 119). В такие минуты Сквозник-Дмухановский выглядел “героическим, величавым мошенником” (Кончина Щепкина // *БдЧ*. 1863. Июль. Отд. XVIII. С. 118; без подписи). В четвертом же акте, когда Хлестаков “сделал предложение” Марье Антоновне, щепкинский Городничий впадал “в состояние столбняка (<...> как бы деревенел на несколько минут всем корпусом и только махал кистями рук, вытянутых по швам, да слегка кивал головой” (*Баженов 1869*. С. 776).

Городничий у Щепкина грубее и вульгарнее; у Сосницкого — более цивилизованный. Различию игры соответствовало внешнее несходство: Щепкин — невысок ростом, с округлым брюшком; у Сосницкого — представительная “сценическая наружность, мягкий, гибкий голос, грация и изящество манер” (Чествование памяти И.И. Сосницкого // *Новости и Биржевая газета*. 1894. 19 февраля. № 49. С. 2; без подписи). Этим определялся его излюбленный типаж: “... кто сыграет лучше его какого-нибудь ловкого ка-

валерийского офицера?» (В.А. Петербургский театр // СПч. 1836. 15 апреля. № 84. С. 335). В столице Сосницкий слыл законодателем моды: «...было время, когда носили прически и галстуки а la Сосницкий» (там же). В сущности, внешние данные не благоприятствовали роли Городничего, что требовало от актера преодоления самого себя; конечный результат достигался искусством перевоплощения, сопряженного с отрешением от личного элемента. Отсюда еще одно отличие: щепкинский образ более лиричен или, во всяком случае, более личен; у Сосницкого — более объективен. Щепкина «вы везде и во всем узнаете (...). Ему изменяет не талант, не искусство, но его фигура, какая-то одному ему свойственная манера, от которой он вполне никак не может отрешиться». Сосницкий же вполне умеет «отрешаться», но зато «в патетических сценах» зритель не находил в нем «этот трепет чувств, эту электрическую теплоту души, которыми Щепкин так обаятельно и так могущественно волнует массы...» (Александринский театр (Из письма москвича) / ЛПРИ. 1839. 16 декабря. Т. II. № 24. С. 472—478; см. то же: Белинский. Т. III. С. 372—373).

На взгляд москвичей, привыкших к трактовке Щепкина, Сосницкий ему значительно уступал. Белинский к Сосницкому — Городничему отнесся прохладно; В.С. Аксакова, передавая впечатления «всей семьи» (т.е. еще отца Сергея Тимофеевича и братьев Ивана и Михаила, находившихся в это время в Петербурге), писала 27 ноября 1839 г.: «...видели “Ревизора”, и какая разница с тем, что у нас играют, начиная с Сосницкого, который ходит как-то согнувшись, изломанный какой-то, совсем нет той жизни, которая у нас всех одушевляет» (ЛН, т. 58. С. 576). Для многих петербуржцев игра Щепкина также служила эталоном. «Он умел так глубоко понять человеческую сторону этой драматической личности и так совершенно представил ее, что совершеннее мы вообразить не можем» (В.С. (тоюнин). Щепкин в роли гоголевского городничего // Русский мир. 1859. № 17. С. 409). Что же касается Гоголя, то он отдавал должное обоим актерам, и игра Щепкина не изменила его мнения о Сосницком: «Отрывок из письма...», в котором работа Сосницкого оценивалась в превосходной степени, если и был задуман и набросан после петербургской премьеры, то дописывался позднее (опубликован в 1841 г.), после того как автор уже познакомился с игрою Щепкина.

Между тем оба актера дали толчок двум традициям в отечественном театре. «По словам Аверкиева, после того как Щепкин и Сосницкий сошли со сцены, всем преемникам их приходилось только выбирать, кому из двух образцов следовать» (Отзывы и суждения о комедиях Гоголя // ТуИ. 1909. № 12. С. 224; без подписи). Так, например, И.В. Самарин, по свидетельству современника, «придерживался щепкинской традиции» (Баженков 1869. С. 774). «Припомнив в подробностях игру покойного артиста (<...> его приемы, его понимание отдельных мест роли, г. Самарин позаботился об усвоении и выразительной передаче всего этого» (там же, с. 774—775); при том, однако, что в целом «самаринский городничий из-

мельчал против щепкинского городничего” (там же, с. 77б; ср. другую точку зрения — едва ли оправданную — будто “щепкинская трактовка не привилась на русской сцене” — *Алперс Б.* Театр Мочалова и Щепкина. М., 1979. С. 321).

Если же соотносить игру Сосницкого и Щепкина с авторским комментарием к комедии, то видно, что каждый из актеров передавал (и усиливал) его определенные тенденции. Сосницкий подчеркивал больше то, что драматург говорил о благообразии, внешнем приличии своего героя (“Хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно”); Щепкин — то, что касалось его природной грубости, резкого перехода “от страха к радости, от низости к высокомерию” (“Характеры и костюмы. Замечания для гг. актеров”).

Все это создало предпосылки для последующих модификаций, порою же для взаимодействия традиций. Пример взаимодействия — трактовка роли Городничего В.Н. Давыдовым, которого считали “после Щепкина (...) несомненно лучшим ее исполнителем” (*Брянский А.* Владимир Николаевич Давыдов. 1849—1925. Жизнь и творчество. Л.; М., 1939. С. 92). По свидетельству А.А. Стаховича, Давыдов был близок к интерпретации Щепкина: “Только щепкинского огня и мощи не везде ему хватало. Зато в последнем акте (...) исполнение Давыдовым роли превосходно. Трагизм его игры поразил меня сильнее, чем исполнение этой роли самим Щепкиным” (*Стахович А.А.* Ключки воспоминаний // Рампа и жизнь. 1909. № 32. С. 744). Вместе с тем в игре Давыдова отмечали отсутствие «оскотиненности», того “зверски искаженного лица”, той жестокости, которые доминировали в замечательном по-своему исполнении этой роли артистом И.М. Ураловым» (*Брянский А.* Владимир Николаевич Давыдов... С. 93). По сравнению со своими предшественниками Давыдов “значительно смял образ Сквозника-Дмухановского. В нем совершенно не чувствовалась “щетина”. (...) В характере Городничего Давыдов особенно оттенял черту лисьего лукавства. Он передавал эту черту в интонациях и мимике с необыкновенным искусством, сочностью, яркостью, разнообразием и непосредственным комизмом” (там же, с. 93). «Этот благодушный комизм создавал исключительный контраст в бурном исполнении Давыдовым монолога “Чему смеетесь” (...). Из бархатных лап неожиданно выступали цепкие когти хищника” (там же, с. 94). К приведенной характеристике необходимо, однако, то уточнение, что Давыдов начинал не на пустом месте: именно Сосницкий первым представил своего героя не как грубого провинциального мужлана, а расчетливого хищника — сравнение с лисой было применено впервые именно к нему (“...характер мягко стелющей лисы”). С другой стороны, игра контрастами, внезапными переходами, особенно проявившаяся в пятом акте, приближала Давыдова к щепкинской традиции.

Со временем краски в игре Давыдова несколько изменились. Жесткость еще более сгладилась, появилось даже очарование. А. Кугель (под псевд. Ното повис — см.: *Масанов.* Т. 3. С. 314) в 1915 г., в связи с пятисотым исполнением “Ревизора” в Александринском театре, писал:

“В.Н. Давыдов, конечно, очаровательный городничий. Помню его, когда он давал больше оскотиненности и жесткости в Сквознике... Нынче он у него выходит мягче, незлобивее, человечнее, без тени обличительства. Ну, что ж, и это хорошо, может быть, даже лучше... И разве Сквозник-Дмухановский такой уж тяжелый, давящий человек, от которого страшно становится? Да помилуйте, ведь кругом все Сквозники, а ничего, живем, пока Бог грехам терпит...” (*Ното повис*. Заметки // *ТиИ*. 1915. № 44. С. 819). Исток этой тенденции — в тексте комедии и в авторских комментариях (“...злобного желанья притеснять в нем нет. В нем есть только желанье прибирать в руки все, что ни видят глаза” — «Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”»), а также в трактовках первых исполнителей роли.

Следует отметить, что обе сценические традиции, пройдя через полуторастолетнюю историю русского театра, отозвались и в современных интерпретациях. Так, у Кирилла Лаврова в Санкт-Петербургском (бывшем Ленинградском) Большом драматическом театре (премьера в 1972 г.) Городничий отличается внешним лоском, благообразием и ближе к столичному чиновнику. В исполнении Анатолия Папанова в Московском театре сатиры (1972 г.) Сквозник-Дмухановский жестче, резче, примитивнее. Следование определенным образцам, с одной стороны Сосницкому, с другой — Щепкину, здесь налицо.

* * *

Несколько иначе складывалась традиция сценического воплощения Хлестакова. Проблема первых трактовок образа — это проблема отделения его от типажа водеvilного проказника, лжеца, прощельги и т.д., создание характера обманщика поневоле, простодушного, недалекого и т.д. Строго говоря, проблемски искомым простодушным и естественности мелькали уже у первых исполнителей роли. Так Д.Т. Ленский “хорошо ест в трактире и сердится на полового”, а в “сцене гиперболической хвастни (...) очень натурально” представляет “опьяневшего человека” (*Григорьев А.* 1985. С. 120). Но все же канон роли в целом был другой. Первыми, кто решился его нарушить, были А.М. Максимов и особенно А.Е. Мартынов в Петербурге и С.В. Шумский в Москве. О Мартынове сохранилось замечание Л.Н. Толстого, которое А.М. Брянский, по его словам, сам слышал из уст писателя: «Мартынов был первым настоящим Хлестаковым, которого до него все изображали или шутком гороховым или человеком бывальым, себе на уме. У Мартынова Хлестаков был действительно сосулькой, тряпкой, которого только в паническом страхе можно было принять за “важную птицу” и которого лишь неожиданный случай заставил взять на себя роль ревизора. (...) Лучшего исполнения и более верного понимания Хлестакова я не представлял и не представляю» (*Брянский А.М.* Александр Евстафьевич Мартынов. Жизнь и деятельность. Л., 1941. С. 49–50; см. о Мартынове также: *Альтшуллер А.* Александр Евстафьевич

Мартынов. 1816—1860. Л.; М., 1959. С. 58—60). Игру Шумского, правда, критиковал А.А. Григорьев (в 1852 г.), противопоставляя его Щепкину — Горюхиному и П.М. Садовскому — Осипу, причем эта критика касалась центрального нерва роли — простодушия. “Хлестакову г. Шумского недостает весьма важного качества — отсутствия задней мысли (...) в сцене, когда Хлестаков от пустоты в желудке, а паче того, от пустоты душевной, принимается насвистывать арию”, в его лице зритель видит “плутующую физиономию” (Григорьев А. 1985. С. 121). Однако весьма важна и оговорка рецензента о том, что он смотрит на Шумского — Хлестакова “безотносительно”; если же сравнивать его “умную, добросовестную игру” “с игрою г. Самарина 1-го или Ленского”, то ее следует назвать “превосходною” (там же).

Такая оценка находит подтверждение и в реакции Гоголя, присутствовавшего на спектакле в Большом театре в Москве 22 октября 1851 г., когда состоялся дебют Шумского в роли Хлестакова (обоснование датировки см. выше — с. 736 наст. изд.). Из сохранившихся свидетельств об этом событии заслуживает наибольшего доверия сообщение Л.И. Арнольди, так как он не только был на спектакле, но и находился с Гоголем в одной ложе. “Гоголь говорил, что Шумский лучше всех других актеров петербургских и московских передавал эту трудную роль, но не был доволен, сколько я помню, тою сценой, где Хлестаков начинает завираться перед чиновниками. Он находил, что Шумский передавал этот монолог слишком тихо, вяло, с останковками, а он желал представить в Хлестакове человека, который рассказывает небылицы с жаром, с увлечением, который сам не знает, каким образом слова вылетают у него изо рта” (Гог. восп. совр. 1952. С. 495). Другие свидетельства, касающиеся мнения Гоголя о Шумском, менее ценны. Н.В. Берг присутствовал на спектакле, но гоголевского отзыва, кажется, не слышал и передает его с чужих слов: “Обыкновенно (как я слышал от его друзей) он бывал не слишком доволен обстановкой своих пьес и ни одного Хлестакова не признавал вполне разрешившим задачу. Шумского чуть ли не находил он лучшим” (там же, с. 507). Г.П. Данилевский о достоинствах игры Шумского говорит как свидетель, но мнение Гоголя ему известно понаслышке: «Говорят, автор “Ревизора” в этот спектакль остался вполне доволен выполнением своей комедии» (Хроника петербургских новостей и увеселений. Сентябрь // Совр. 1952. Т. XXXV. № 10. Отд. VI. С. 229; без подписи). Характерно, однако, что оба суждения (Берга и Данилевского) совпадают со словами Арнольди. Лишь В.С. Аксакова, не присутствовавшая на спектакле, также ссылаясь на других (на своих сестер), писала, что Шумский “играл (...) неудачно” (ЛН, т. 58. С. 742).

Очевидно, что игра Шумского в общем была новаторской, хотя и неровной. Меньше всего ему удалась сцена вранья — отсюда понятно, почему Гоголь во время состоявшегося спустя несколько дней (5 ноября) авторского чтения пьесы, в присутствии писателей и актеров, в том числе Щепкина, Садовского и Шумского (подробнее см. с. 741—742 наст. изд.), особенное

внимание уделил “сцене, где Хлестаков завирается”: “...ему хотелось показать актеру, исполнявшему роль Ивана Александровича, — вспоминал присутствовавший на чтении И.С. Тургенев, — как должно передавать это действительно затруднительное место” (*Тургенев*. Т. 11. С. 63).

Шумский и в дальнейшем вызывал некоторые нарекания, хотя в целом его исполнение признавалось удачным. “Основным мотивом его исполнения, очевидно, была молодость, мальчишество Хлестакова” (*Коропчевский Д.А.* Сергей Васильевич Шумский. Из “Воспоминаний о Московском театре” // *ЕИТ*. Сезон 1895—1896 г. Приложения. Кн. 3. СПб., 1896. С. 51). По-прежнему не совсем удовлетворяла “сцена вранья”, хотя иные упреки современников с точки зрения основного рисунка роли могли показаться и спорными: Хлестаков предстал “не столько пьяным, сколько человеком ломающимся, считающим возможным все себе позволить”; “он врал, как врут разболтавшиеся мальчишки, когда они замечают, что их слушают и им верят” (там же, с. 52; см. также: *Баженов 1869*. С. 778—779). Итоговым можно считать следующее суждение современника: “Мы много раз видели в роли Хлестакова С.В. Шумского. Он не всегда был ровен в ней; <но> выдавались вечера, когда он являлся чуть ли не идеальным Хлестаковым” (*Ковалевский П.М.* Юбилейные спектакли Гоголя в Петербурге // *РМ*. 1886. Кн. V. Отд. XVI. С. 173—174).

Во второй половине XIX в. исполнение роли Хлестакова стало более ровным, устойчивым, что связано с именами таких актеров, как С.В. Васильев, М.П. Садовский, П.В. Самойлов.

С.В. Васильев, дебютировавший в этой роли на сцене Малого театра 18 апреля 1858 г., по мнению его мемуариста и биографа, “был лучшим Хлестаковым, какого видела московская сцена, по крайней мере, за все последующее время” (*Коропчевский Д.А.* Сергей Васильевич Васильев. Из “Воспоминаний о Московском театре” // *ЕИТ*. Сезон 1895—1896 г. Приложения. Кн. 3. СПб., 1896. С. 18). Обладая весьма выгодной для комических ролей внешностью — “высокой, гибкой фигурой и лицом, еще более подвижным, чем у Живокини” (там же, с. 6), Васильев отказался от всяких попыток нарочитого комикования. Показательно, как вел артист сцену вранья, служившую обычно оселком роли. «Вранье Хлестакова вовсе не являлось у него пьяной болтовней, как у многих исполнителей этой роли, а само собой вытекало из общего характера лица <...> он не кривлялся, не хохорился, не рассыпался: он говорил, что ему взбредет на ум, под влиянием какого-то вдохновения <...>. Этот водевильный актер, “по преимуществу”, сумел провести всю роль Хлестакова без всякой примеси водевильного элемента» (там же, с. 18).

М.П. Садовский, дебютировавший как Хлестаков еще в 1868 г. на сцене Артистического кружка, спустя девять лет (в 1877 г.) стал играть эту роль в Малом театре (роль перешла к нему от Решимова, который в свою очередь получил ее от Шумского). Будучи фактически преемником Шум-

ского, Садовский особенно хорошо передавал чистосердечие своего героя. “Главное достоинство игры г. Садовского, — отмечал рецензент С. Васильев (псевд. С.В. Флерова, см.: *Масанов*. Т. 4. С. 492. — *Ред.*), — состоит в ее необыкновенной простоте и непринужденности. (...) Он совершенно чистосердечно удивляется, как можно не давать человеку есть в гостинице, хотя бы он и не платил денег” (*МВед.* 1883. 23 сентября. № 264. С. 2). Поступки его непредсказуемы, но их импульсы до прозрачности очевидны, поскольку диктуются обстоятельствами; так, “мысль попросить денег взаймы на наших глазах является у Хлестакова в то мгновение, когда он видит в кулаке судьи зажатый туда пук ассигнаций” (*Варнеке Б.* Михаил Провыг Садовский // *Семья Садовских* / Под ред. Вл. Филиппова. М.; Л., 1939. С. 119). Благодаря последовательно проведенной установке на чистосердечие Хлестакова отчетливее выступила коллизия пьесы. “...Сквозник-Дмухановский упорно и настойчиво обманывает самого себя в то время как Хлестаков ничего не делает чтобы поддержать в городничем его фантазму” (*МВед.* 1883. 23 сентября. № 264. С. 2). Возникает комедия, «изображающая вечно человеческую и вечно продолжающуюся борьбу хитрости с наивностью, и если бы мне пришлось переводить “Ревизора” на какой-либо иностранный язык, — заключает рецензент, — я непременно озаглавил бы его теперь: “Простак, обманувший хитреца”» (там же).

Артист Александринского театра П.В. Самойлов, игравший Хлестакова с 1892 г., усилил психологический аспект роли, что вызывало к себе различное отношение; А.Р. Кугель, например, считал такие внутренние мотивировки излишними, так как в голове гоголевского персонажа просто “черты в чехарду играют” (*Ното повис.* “Ревизор” // *Петербургская газета.* 1901. 11 апреля. № 97. С. 3; см. также: *Якобсон В.* (П.) Павел Самойлов. Сценическая биография его героев. Л., 1987. С. 57–60). Свидетельства современников передают некоторые живые и яркие детали поведения самойловского Хлестакова, в частности, в сцене вранья. «Вот между прочим одна придуманная г. Самойловым подробность. Когда он рассказывает, как играет в вист с сильными мира сего, то с великим апломбом начинает пересчитывать партнеров: — Министр иностранных дел, французский посланник, немецкий посланник... Потом внезапно задумывается: “кого бы еще выдумать” и вдруг вспоминает: — И я!.. Это произносится с извинительной улыбкой и вызывает у окружающих подобострастный смех» (*Беляев Юр.* Как чествовали Гоголя // *НВ.* 1902. 23 февраля (8 марта). № 9330. С. 4). В начале же второго акта, еще до счастливой перемены в своей судьбе, Хлестаков “являлся на сцену со смущенным видом наказанной собаки. И есть-то ему хочется, и табаку-то нет, и Осип дерзит. Петушится он, но ничего не выходит” (там же). На Хлестакова трудно было сердиться; А.Р. Кугель (псевд. *Ното повис*) сетовал на то, что “основная черта хлестаковщины — наглость — им совершенно не оттянется” (*ТиИ.* 1899. № 19. С. 360). Одновременно облагодетельствовал и внешний вид персонажа. Рецензент отмечал, что уже у Садовского Хле-

стаков был “одет по последней моде того времени” (*МВед.* 1883. 23 сентября. № 264. С. 2). Хлестаков — Самойлов тоже являлся как столичный фронт. В этом сказалось стремление следовать советам Гоголя: Хлестаков “одет по моде” (“Характеры и костюмы...”), “даже хорошо иногда держится...” (“Отрывок из письма...”).

Правда, опасность внешнего комикования и водевильности время от времени давала о себе знать; так, в связи с возобновлением спектакля на сцене Александринского театра 23 января 1881 г. А. Иванов (А.И. Урусов) отмечал: “Г-ну Петипа, играющему Хлестакова вообще удовлетворительно, роль удалась бы еще более, если бы он решился уничтожить в ней водевильность, бьющую в глаза...” (*Иванов А. Заметки и впечатления. Ч. V // Порядок.* 1881. 5(17) февраля. № 35. С. 1; см. то же: *Урусов 1907.* С. 291). Например, когда Хлестаков “завирается, напрасно в конце тирады закидывает голову назад и раскрывает рот, как бы засыпая, а Анна Андреевна в это время заглядывает ему в лицо и любит. Это грубовато и совсем не нужно” (*Порядок.* 1881. 5(17) февраля. № 35. С. 1; см. то же: *Урусов 1907.* С. 288; к слову сказать, тот же рецензент отмечал “жен-премьерские интонации и водевильные приемы” у другого участника этого спектакля — А.А. Нильского, игравшего Городничего).

Все же водевильность перестала быть столь острой проблемой трактовки Хлестакова, как при жизни драматурга, поскольку уже сложилась достаточно прочная традиция неводевильного воплощения образа. Именно поэтому оказалось возможным такое заявление критика: «Вообще, он (Гоголь. — *Ред.*) до крайности носился с Хлестаковым (...). Но в общем, хотя Гоголь и пишет, что “Дюр ни на волос не понял, что такое Хлестаков” и сделал его одним из “водевильных шаркунов”, но ведь, между нами говоря, он такой отчасти и есть» (*Кугель А.Р. (Ното повис). Загадка Гоголя // Кугель А.Р. Русские драматурги. Очерки театрального критика. М., 1934.* С. 41). Хлестаков — лишь повод для комического действия, центр которого поэтому смещается в сторону Городничего: “Нет, центр комедии, конечно, не в том, кого напуганное и расстроенное воображение принимает за ревизора, но, вообще, в ожидании его, в трагикомической борьбе мелких страстей с призраком возмездия. И потому, конечно, главное действующее лицо есть городничий” (там же). Подобная мысль уже высказывалась Белинским в 1840 г., считавшим, что главное лицо — Городничий, борющийся с призраками своей виновной совести (см. с. 681 наст. изд.). И в том и в другом случае Хлестаков словно выносятся за скобки, хотя мотивы суждений обоих критиков совпадали не полностью: Белинский весьма остро чувствовал проблему недолжного, водевильного истолкования Хлестакова, для Кугеля это уже перестало быть проблемой.

В некотором противоречии с приведенными словами Кугеля находится его суждение о том, что традиция «повела Хлестакова в сторону комического жанра и совершенно лишила образ этот “вселенского лица”, которое хотел в нем видеть Гоголь» (*ТиИ.* 1915. № 44. С. 818—819). Суждение это

опирается на положения Гоголя, что Хлестаков есть “тип многого разбросанного в разных русских характерах” (“Отрывок из письма...”), “лицо фантазмагорическое” («Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”») и т.д. Вместе с тем суждение о вселенском лице Хлестакова, высказанное за шесть лет до выхода на сцену Хлестакова — Чехова, за 11 лет до мейерхольдовской постановки, невольно обращено в сторону именно этих высших достижений в интерпретации гоголевской комедии.

Общая картина сценического истолкования “Ревизора” во второй половине XIX — начале XX в. определяется взаимодействием ряда тенденций; одна из них состоит в стремлении к “реализму” в том смысле, какой получило это понятие в “натуральной школе” и затем было развито наиболее последовательными ее продолжателями, например А.Ф. Писемским. Показательно, что именно Писемский попытался применить соответствующие эстетические нормы к гоголевской комедии. Речь идет о спектакле Литературного фонда в доме Руадзе в Петербурге, поставленном 14 апреля 1860 г. исключительно силами писателей: Писемский играл Городничего, П.И. Вейнберг — Хлестакова, Ф.М. Достоевский — Шпекина; И.С. Тургенев, А.А. Краевский, Д.В. Григорович, А.Н. Майков, А.В. Дружинин и В.С. Курочкин выступили в роли купцов; роль купца Абдулина должен был играть А.Н. Островский, которого из-за его болезни заменил Ф.А. Кони (*Вейнберг П. Литературные спектакли: (Из моих воспоминаний) // ЕИТ. Сезон 1893—1894 гг. Приложения. Кн. 3. СПб., б. г. С. 105—106*). При этом Писемский — Городничий, придерживавшийся принципа: “Никаких нет законов, кроме одного: полный реализм, без всяких ограничений и уступок!” — произносил все реплики с расчетом не на публику, а исключительно на других действующих лиц. Вейнберг, по его словам, увещевал Писемского: “Алексей Феофилактович!.. ведь так нельзя! Вас никто не услышит”, — на что тот отвечал с раздражением: “Рутинеры вы, вот что я вам на это скажу (...). Где же тут реализм в искусстве, о котором мы все усердно хлопочем теперь (...). Разве, когда я нахожусь в комнате и говорю с кем-нибудь, забочусь я о том, чтобы меня слышал кто-нибудь, кроме тех, к которым моя речь обращена? (...) Ну, точно то же и на сцене...” (там же, с. 99—100).

Однако спектакль в Литературном фонде, по-видимому, не отличался цельностью. Тот же Вейнберг передает две реплики Достоевского; одна относится к исполнению роли Хлестакова: “Вот *это* Хлестаков в его трагикомическом величии... Да, да, трагикомическом!.. Это слово подходит сюда как нельзя больше!.. Именно таким самообольщающимся героем — да, героем, непременно героем должен быть в такую минуту Хлестаков!” (там же, с. 102). Другая реплика Достоевского — об исполненной им самим роли Почтмейстера: « “Это”, сказал он, “одна из самых высококомических ролей не только в гоголевском, но и во всем русском репертуаре, и притом

исполненная глубокого общественного значения» (там же, с. 98). И Хлестакова, и Шпекина Достоевский трактует в духе своих представлений о глубине и сверхличном значении гоголевских типов, что совпадает также с его представлениями об обобщающей, философской функции истинного искусства. Вскоре после спектакля в Литературном фонде он писал: «Нет, не то требуется от художника, не фотографическая верность, не механическая точность, а кое-что другое, больше, шире, глубже» (*Достоевский Ф.М.* Выставка в Академии художеств за 1860—1861 год // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 19. Л. 1979. С. 153). С принципами игры, провозглашаемыми Писемским, такая точка зрения резко расходилась.

Для трактовки роли Хлестакова интересна еще одна деталь. Будучи не удовлетворенным исполнением сцены вранья прежними актерами, включая даже «такого тщательного «штудировщика» своих ролей, каким был Шумский», Вейнберг пояснял: «Все Хлестаковы (...) повышали более или менее тон, рассказывая о своем управлении департаментом, но к концу монолога голос их начинал ослабевать (...) и слова «ва... ва... вашество» городничему приходилось обращать уже к человеку, почти задремавшему» (*Вейнберг П.* Литературные спектакли (из моих воспоминаний) // *ЕИТ.* Сезон 1893—1894 гг. Приложения. Кн. 3. СПб., б. г. С. 101). Вейнбергу это показалось неестественным и с психологической точки зрения — ведь Хлестаков «должен непременно все более и более закусывать удила», — и ситуационно, поскольку в тексте есть ремарка, что он «поскальзывается»: «...как же может поскользнуться человек, покойно сидящий в кресле?». «Имея все это в виду, я повел сцену иначе: после слов: «извольте, я принимаю... но уж у меня...» и т.д. — я повышал тон с грозной интонацией, а через минуту после того уже вскакивал с места и продолжал говорить грознее и грознее, принимал позу героически настроенного сановника, в которой и происходило «поскальзывание», не переходившее в падение потому, что городничий с несколькими чиновниками кидались на помощь...» (там же). Однако все дело в том, что в театральной редакции (а также в издании 1836 г.), по которой обычно игралась пьеса, это место имеет другой вид (в частности, отсутствует ремарка «поскальзывается»). Из этого можно заключить, что спектакль 1860 г. шел по исправленному изданию; характерно и проявившееся внимание — вплоть до мелочей — к гоголевскому тексту (см. также: *Романова Г.А.* Русские писатели в ролях гоголевского «Ревизора» (любительский спектакль 1860 года) // *Пьеса и спектакль: Сб. статей.* Л., 1978. С. 103—113).

В театре «Ревизор» был впервые поставлен по печатавшейся «литературной», а не театральной версии 2 октября 1870 г. на Александринской сцене. «Выходило нечто курьезное, — писал А. Суворин, — на сцене мы видели одного «Ревизора», в печати мы читали другого, и так продолжалось в Петербурге до 1870 г.» (*Суворин А.* Новая постановка «Ревизора» // *НВ.* 1886. 22 апреля (4 мая). № 3643. С. 2). Зрители увидели иное начало чет-

вертого акта, появилась унтер-офицерша в том же акте и т.д. (Данилов 1936. С. 189—190). Вместе с тем была проведена и операция, не отвечавшая авторской воле, — введена сцена с Растаковским (Гоголь считал, что она замедляет “течение пьесы” и опубликовал ее отдельно — см. с. 833 наст. изд.); позднее же (в 1897 г.) в том же театре в спектакль из черновой редакции была введена сцена с Гибнером (там же, с. 199). Однако в отдельных случаях и после 1870 г. “Ревизор” ставился по театральной редакции, о чем свидетельствует замечание А. Иванова (А.И. Урусова), сделанное в 1881 г.: «До сих пор все еще не соберутся “испросить” разрешение играть по новой, полной редакции комедии!» (Иванов А. Бенефис Г. Нильского // Порядок. 1881. 25 января. № 24. С. 2; см. то же: Урусов 1907. С. 283). В московском Малом театре театральная редакция была заменена литературной лишь в 1883 г.; одновременно восстановили и вторую сцену (“Анна Андреевна и Марья Антоновна”), которая была по тем же соображениям (как замедлявшая “течение пьесы”) исключена автором (Данилов 1936. С. 192).

Спектакль 1870 г. отличает не только стремление восстановить гоголевский текст, но и своеобразный реставрационный дух, который распространился на обстановку, реквизит и т.д. “Дирекция сшила всем актерам и актрисам костюмы тридцатых годов” (СПбВед. 1870. 4 октября. № 273. С. 2). “Хлестаков (Сазонов. — Ред.) явился перед нами не в новомодном пиджаке, а в сюртуке старого покроя, желтом жилете, большом черном галстуке с длинными концами и белокуром парике с коком...” (Театральная хроника // БВед. 1870. 5 октября. № 363. С. 2; без подписи). В общем, “на спектакле ясно отразились первые опыты археологически точных исторических постановок конца шестидесятых годов” (Данилов 1936. С. 190). Дальнейший “опыт” в этом роде был предпринят в Мариинском театре в 1881 г. А. Иванов (А.И. Урусов), рецензировавший спектакль, вспоминая, как прежде Шумский — Хлестаков являлся “в круглой шляпе, шарчаупелон, и жакетке от Циммермана”, а Городничий в ботфортах, с одобрением отмечал, что теперь, наконец, “поняли необходимость соблюдения исторического колорита” и “обратили внимание на верность костюмов” (Иванов А. Заметки и впечатления. Ч. V // Порядок. 1881. 5 февраля. № 35. С. 1; см. то же: Урусов 1907. С. 287—288).

В 1886 г. по случаю 50-летия премьеры “Ревизора” в обеих столицах состоялись юбилейные постановки: 20 апреля — в Александринском театре, 21 апреля — в Малом. Оба спектакля довольно сдержанно были оценены критикой — как традиционные и не вносящие ничего нового в интерпретацию комедии. Один из рецензентов даже заметил, что в Петербурге “Ревизор” был поставлен “не совсем по Гоголю, а по Храповицкому” (Суворин А. Новая постановка “Ревизора” // НВ. 1886. 22 апреля (4 мая). № 3643. С. 2). Подразумевался уклон спектакля в сторону карикатуры (рецензент основывался на гоголевском замечании в письме к М.С. Щепкину от 10 мая 1836 г. о том, что в странном наряде Бобчинского и Добчинского повинен Храповицкий). И в юбилейном спектакле “карикатуры бы-

ло достаточно не только в костюмах и гримировке, но и в игре, в интонациях, в движениях (...). Например, слишком сладострастные объятия Городничихи с Хлестаковым, повторенные дважды (...). Присутствие в гостиной у дверей двух полицейских, стоящих как часовые на часах, лишено всякой правды: полицейских в гостиную не пускают, а стоят они или сидят обыкновенно в передней” (там же).

В это же время обратила на себя внимание постановка комедии в народном театре “Скоморох” на Сретенском бульваре в Москве (основанный антрепренером и режиссером М.В. Лентовским, театр просуществовал с 1882 по 1897 г.). И.А. Щеглов, видевший “Ревизора” на этой сцене в сезон 1896—1897 гг., описывал особенности восприятия пьесы простою публикой. Если образованный зритель “сравнительно неохотно подчиняет себя ее моральной стороне”, то «в полуграмотной публике “Скомороха” замечалось как раз обратное: жизненность и поучительность комедии настолько охватывали зрителя, что смех прорывался здесь как бы мимоходом и, к тому же, в местах наиболее безобидного непосредственного комизма, не заставляющих собой обличительной стороны сюжета» (Щеглов И. Народ и театр. Очерки и исследования современного народного театра. СПб., 1911). С. 51). Поэтому особый эффект произвела Немая сцена: «На наивно сосредоточенных лицах окружающих читаю зараз — и полураскрытую радость перед карающей “рукой Провидения”, и видимый полуиспуг перед неотвратимостью для всех и каждого этой взыскующей “руки” (...) Словом, впечатление от “немой картины” получалось именно то, о котором лишь смел мечтать многострадальный творец комедии» (там же, с. 57). Что касается особенностей восприятия комического в этой среде, то бросалась в глаза возросшая роль “грубой комики”; так, «произвело положительный фурор “падение Бобчинского”, который летит на сцену вместе с дверью» (там же, с. 54).

Между тем в новой постановке комедии на Александринской сцене (31 августа 1897 г.) была продолжена археологическая традиция; историческая точность достигла такой степени, что специально изготовили обои по моде 30-х годов, были “сделаны даже какие-то особые знаки и ручки у дверей, тоже по образцам 30-х годов” (ТиИ. 1897. № 35. С. 615).

22 февраля (7 марта) 1902 г. в связи с 50-летием со дня смерти Гоголя вновь состоялось юбилейное представление “Ревизора” в Александринском театре (по счету 409-е). «Гоголевские торжества, — писал по этому поводу А. Кугель, — прошли совершенно бесследно для Александринского театра. (...) “Ревизор” и “Женитьба” шли в старой обстановке, со старыми исполнителями — шли вяло, скучно, без всякого оживления» (ТиИ. 1902. № 18. С. 365). Другой критик был того же мнения: “...все вокруг скучно, вяло и безжизненно” (Беляев Юр. Как чествовали Гоголя... // НВ. 1902. 23 февраля (8 марта). № 9330. С. 4).

Юбилейный спектакль 1902 г. дал повод для размышлений об исполнении начальной реплики. По свидетельству современника, “в эпоху Гоголя

и Сосницкого чиновники при поднятии занавеса не сидели, а толпились вокруг городничего, который неторопливыми шагами приближался к авансцене, держа в руке письмо” (С.Д. О том, как велась прежде первая сцена “Ревизора” // *НВ*. 1902. 25 февраля (10-го марта). № 9331. С. 2). В упомянутом выше спектакле 1870 г. традиция была нарушена: “...всех чиновников вытянули в одну линию на стульях вдоль всей рампы, с равными интервалами, а посередине посадили Антона Антоновича” (там же). Такая мизансцена, при небольших изменениях, сохранилась и в спектакле 1902 г. О невыгодной стороне подобного сценического решения можно судить по впечатлениям рецензентов. «Открылся занавес, и мы увидели перед собой сидящих полукругом чиновников. (...) Сидели полукругом “уставив бороды” и подавая реплики г. Давыдову, докладывавшему за городничего», который “прочел письмо с теми оттенками и в том тоне, в каком читает на благотворительных концертах комические стихи” (*Беляев Юр.* Как чествовали Гоголя... // *НВ*. 1902. 23 февраля (8 марта). № 9330. С. 4). «Вообще, кто сочинил эту традицию, этот рутинный “канон” (...), — возмущался другой критик. — С какой стати при открытии занавеса сидят все чиновники рядышком на стульях в образцовом порядке, а в центре городничий? Это неправдоподобно в житейском отношении, потому что слишком чинно, и еще более неправдоподобно в сценическом (...) Тут потребно не методическое “подавание” знаменитых гоголевских фраз, а быстрый, взволнованный, слегка, быть может, даже рассеянный, т.е. отрывистый и по невидимому сцеплению понятий текущий разговор» (*А.К-ль* (Кугель). Театральные заметки // *ТИИ*. 1902. № 10. С. 217–218).

В канун следующего юбилея — столетия со дня рождения Гоголя — в Александринском театре была осуществлена новая постановка “Ревизора” под руководством П.П. Гнедича в декорациях К.А. Коровина, выполненных по эскизам того же Гнедича (премьеры — 17 февраля 1908 г.). И костюмы, и общий антураж были продуманы до мельчайших деталей, выдержаны в духе строгого историзма, который несколько разнообразили “красочные гаммы полотен Коровина” (*Данилов 1936*. С. 204). Стремясь к бытовой и временной точности, постановщики решились поправить Гоголя в отношении места действия: к двум декорациям (“комната в доме городничего” и “маленькая комната в гостинице”) прибавили третью — “гостиная в доме городничего”. Обоснование этого шага, содержавшееся в анонимном “Обзрении деятельности С.-Петербургских театров”, отличалось нарочитым исследовательским педантизмом: «Хотя третий акт начинается словами Анны Андреевны, что она с дочерью уже “целый час дожидаются”, но это несомненный *lapsus calami* (ошибка памяти. — *Ред.*) автора. Через несколько минут приедет Хлестаков с чиновниками, — а не надо забывать, какой ряд событий произошел со времени отъезда городничего. Он приехал в гостиницу, когда Хлестаков уже *отобедал*. Затем произошел прием градоправителя и соглашение ехать осматривать “заведения”. Они осматривали уездное училище, суд, больницу. (...) Следовательно, ес-

ли приурочить конец первого акта к часу (конец раннего обеда Хлестакова), то едва ли будет натяжкой предположить начало третьего акта — в 4–5 часов дня; и потому стояние дам в тех же позах — повторяем, *l'arsus*. В виду этого, последние три акта перенесены в гостиную городничего, где ряд окон выходит на улицу, через которую виднеется пыльный, неказистый городишка» (*ЕИТ*. Вып. XVIII. Сезон 1907–1908 г. СПб., б.г. С. 48–49).

Стремлением к максимальной точности — исторической, бытовой и т.д. — отличалась и другая предъюбилейная постановка “Ревизора”, осуществленная в московском Художественном театре 18 декабря 1908 г. (режиссеры К.С. Станиславский и И.М. Москвин, художник В.А. Симов; среди исполнителей: Городничий — И. Уралов, Марья Антоновна — Л. Коренева, Анна Андреевна — О.Л. Книппер-Чехова, Хлестаков — А. Горев). Была “привлечена к ответу вся археология тридцатых годов. (...) Мертвая часть спектакля — образцовая” (*Эфрос Н.* “Ревизор” в Художественном театре // *Речь*. 1908. 21 декабря. № 314. С. 3). «Ничего не забыто. Самовар, каждая ложка, каждая мелочь кричит: “Смотрите на меня, любуйтесь мной. Я самая подлинная ложка эпохи, без всякой фальсификации”» (*Белидор.* “Ревизор” в Художественном театре // *Раннее утро*. 1908. 21 декабря. № 331. С. 6). «“Комнату в доме городничего” необходимо назвать (...) настоящим большим художественным произведением. Это уже не декорация, а что-то живое, самостоятельное, имеющее свою собственную ценность и впитавшее в себя душу произведения. Всякая вещь, всякая мелочь здесь обдуманы и созданы с таким вниманием, с такой тщательностью, что комната эта должна сделаться традицией для других театров» (*Яблоновский С.* “Ревизор” // *Русское слово*. 1908. 20 декабря (2 января). № 295. С. 4). Была уточнена и география происходящего, о чем сообщил В.И. Немирович-Данченко в интервью о спектакле: “В пьесе точное название: Хлестаков едет из Пензы в Саратов. На этом тракте лежит единственный город — Аткарск. Но Гоголь в этих местах никогда не бывал, при этом же это, так сказать, официальная география. Другая, более важная, которую намечает самый дух произведения, приближает действие пьесы к Миргороду” (цит. по изд.: *Данилов 1936*. С. 208). Этот вывод вполне созвучен размышлениям С. Венгерова, считавшего, что описанные события происходили “в Нежине или даже Миргороде” (см. с. 642 наст. изд.).

Все же упомянутые выше постановки, в которых проявилась тенденция к исторической точности, граничащей подчас с натурализмом, в целом отличались сложностью и неоднородностью стиля. Показательно, что именно в спектакле 1870 г. в Александринском театре, спектакле, отмеченном археологизмом и музейностью, ослепительно ярко сверкнул эпизод с В.В. Самойловым — Растаковским. Современники были ошеломлены этим эпизодом, который между тем увидел свет рампы именно благодаря реставрационным устремлениям режиссера в отношении гоголевского текста. Актер

“с гениальной типичностью” изобразил “выжившего из ума старика румянцеvских времен — фигура, манера говорить, походка, каждое малейшее движение — верх совершенства игры” (Театральная хроника // *БВед.* 1870. 5 октября. № 363. С. 2; без подписи). “На просьбу Хлестакова дать ему взаймы денег, Самойлов, не спеша, доставал носовой платок (с узелком на угле, чтобы Хлестаков подумал, что в узелке завязаны деньги), и более минуты разворачивал свернутый футляр. (...) Медленно, аккуратно производил все это Самойлов и кончал громким сморканьем, давая (...) актеру, изображавшему Хлестакова, повод привскочить на стуле от неожиданного громкого сморканья” (Стахович А.А. Клочки воспоминаний. М., 1904. С. 279). Острая характерность, не чуждая гротескных красок, была построена на ведущем приеме: “Кто не видал таких старичков, забывчивых, болтливых, которые наговорят много постороннего, а о деле упомянут в самом конце? (...) Сперва такой Растаковский уложит свой костыль, потом шляпу, потом наклонится к собеседнику и даже приналяжет на ручку дивана” (Д.А. (Аверкиев Д.В.) Ревизор, комедия Гоголя (бенефис г. Зуброва) // *Голос.* 1870. 4(16) октября. № 274. С. 3). Нетрудно увидеть, что все это родственно гоголевскому приему ретардации, или отвлечения от темы (например, Бобчинский спешит поведать о своем открытии “ревизора”, но отвлекается на разные подробности — о трактирщице Власе, его жене, новорожденном ребенке и т.д.). Virtuозная игра Самойлова сценически воплотила черту гоголевской поэтики.

Спектакль 1870 г. и некоторые последовавшие за ним не чуждались и приемы “грубой комикки” и фарса. Исполнители роли Бобчинского и Добчинского в Александринском театре, по выражению рецензента, то и дело “впадали в пересоль”, а Бурдин в роли Бобчинского “в той сцене, где Бобчинский и Добчинский перебивают друг друга, чуть не полез в драку с Добчинским” (Театральная хроника // *БВед.* 1870. 5 октября. № 363. С. 2; без подписи). Порою все это доводилось до эксцентрики: в спектакле Художественного театра (1908) Хлестаков — Горев в сцене в гостинице, узнав, что несут обед, становился на кровати головой вниз, “болтая в воздухе носками”. “Хоть весь акт на голове ходи — не засмеюсь”, — писал по этому поводу С. Яблоновский (Яблоновский С. “Ревизор” // *Русское слово.* 1908. 20 декабря (2 января). № 295. С. 4).

Сохранялась в упомянутых спектаклях и манера традиционного, но добротного исполнения ролей Городничего (в Александринском театре в постановке 1908 г. его играл В.Н. Давыдов) и Хлестакова. И.И. Монахова, игравшего (наряду с Сазоновым) Хлестакова на Александринской сцене в постановке 1870 г., рецензент признавал одним из лучших исполнителей этой роли — именно по причине верного воспроизведения им естественности этого лица, в частности в сцене вранья: “...самое трудное для передачи — увлечение собственным враньем — было исполнено им превосходно; третий акт можно назвать просто блестящим по исполнению” (Театральные порядки и беспорядки // *Заря.* 1870. Кн. 11. Отд. II. С. 242).

В постановке же 1908 г. в Художественном театре уже достаточно отчетливо проявилось явление, получившее название “системы Станиславского”: «... “круг”, то есть сосредоточение творческого внимания; “сквозное действие” как преобладающая внутренняя забота каждого персонажа» (ср. требование Гоголя к актеру — “рассмотреть главную и преимущественную заботу каждого лица”, см. «Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”»). Устоять в трудную минуту, “спастись” — так определялось “сквозное действие” этого спектакля (см.: *Данилов 1936. С. 207*). В связи с этим усилились некомедийные элементы жанра, а сценические лица “посерьезнели”. “В их трактовке гораздо более драмы, чем мы видели это до сих пор. Мы не столько смотрим с точки зрения автора, сколько с точки зрения самих действующих лиц. Известие о приезде ревизора (...) производит самую подлинную панику, которая до известной степени передается зрителям” (*Яблоновский С. “Ревизор” // Русское слово. 1908. 20 декабря (2 января). № 295. С. 4*). И это в том самом спектакле, в котором Хлестаков выкидывал цирковые антраша.

Особое место в сценической истории “Ревизора” занимают спектакли, в которых гоголевский текст служил отправным пунктом для пародии. Самая известная из них — поставленная 11 декабря 1912 г. в театре “Кривое зеркало” пьеса Н.Н. Евреинова «“Ревизор”, режиссерская буффонада в 5-ти “построениях” одного отрывка», в которой вслед за фрагментом “классической постановки” следовали пародийные интерпретации того же фрагмента: “жизненная постановка в духе Станиславского”, “гротескная постановка в манере Макса Рейнгардта”, “мистериальная постановка в стиле Гордона Крэга” и “кинематографическая постановка” (пьеса опубликована значительно позднее в кн.: *Евреинов Н.Н. Драматические сочинения. Т. 3. Пг., 1923. С. 9—29*). Пародия на постановку Художественного театра, в частности, обыгрывала стремление к предельной локализации действия (возможно, имелось в виду прямое заявление на этот счет Немировича-Данченко в интервью “Русскому слову”; см. с. 768 наст. изд.): «Наш режиссер, прежде всего, естественно установил место действия “Ревизора” (...) Из сближения с биографией Гоголя и “Вечерами на хуторе близ Диканьки” можно с большой вероятностью сказать, что действие происходит в городе Миргороде (...). Съездив в Миргород и изучив историю города по архивам, наш режиссер точно установил дом, где в указанное время жил Городничий. Махорочный завод, существовавший в то время, был по левую сторону от дома Городничего, направо же был ларек, на котором продавал бублики кривой Яхим. Одновременно установлен и характер местного русского говора, каким объяснялись действующие лица, хотя и великорусского, большей частью, происхождения, но уже акклиматизировавшиеся в Украине» (там же, с. 16).

Первая четверть XX столетия ознаменовалась рядом новых постановок “Ревизора”. Вскоре после Октябрьской революции комедия была во-

зобновлена Н.В. Петровым в Малом драматическом театре в Петрограде (премьера 7 августа 1919 г.); чуть позже (11 ноября) спектакль был дан с новой, более основательной проработкой в том же театре тем же режиссером с участием художника Б.М. Кустодиева. Выполненное им оформление явилось главным достижением этой постановки: декорации “бесконечно хороши. От розоватых обоев, мебели карельской березы, потертых половиков и канарейки в гостиной городничего веет мягким покоем захолустья”; “нужно было много мастерства, чтобы воплотить в жизнь портреты Кустодиева и играть на фоне просящихся в гигантский выставочный зал картин...” (Ромм Г. “Ревизор”. (Малый драматический театр) // Жизнь искусства. 1919. 19 ноября. № 296. С. 1). В том же году, 11 сентября, комедию возобновили и в Москве, в Малом театре (режиссер И.С. Платон, художник А.А. Веснин). В следующем году, 18 сентября, “Ревизор” вернулся и на сцену Александринского театра (переименованного в Драматический театр) в постановке Е.П. Карпова, с декоративным оформлением Г.А. Косякова и при участии В.Н. Давыдова в качестве Городничего. Наконец, 13 сентября 1922 г. тот же Платон осуществил новую постановку комедии в московском Малом театре в декорациях и с костюмами Д.Н. Кардовского (Маслих В. “Ревизор” на сцене Малого театра // “Ревизор” Н.В. Голя на сцене Малого театра. (М.), 1938. С. 22).

Для ряда послереволюционных постановок характерно стремление к осовремениванию, модернизации гоголевского текста; таков поставленный в январе 1922 г. в Москве в Гостекомдраме спектакль Д. Смолина “Товарищ Хлестаков” (режиссер П.И. Ильин, художница А.А. Экстер), в котором Хлестаков превратился в особоуполномоченного, Осип — в агента для поручений при Хлестакове, Анна Андреевна — в регистраторшу. Марья Антоновна — в машинистку, Лука Лукич — в спеца по Наробразу и т.д. За “Товарищем Хлестаковым” последовали другие переделки: комедия Лернера “Брат наркома” (1925), комедия Н. Задонского “Товарищ из центра” (1928) и др. (см. подробнее: Данилов 1936. С. 234–235). Совершенно иной, глубоко творческий характер носило развитие традиций гоголевской комедии, в частности мотивов хлестаковщины и самозванства в пьесе Н.Р. Эрдмана “Мандат” (1925).

Новая постановка “Ревизора” в Художественном театре, осуществленная К.С. Станиславским (премьера — 8 октября 1921 г.; оформление К.Ф. Юона, среди исполнителей: И.М. Москвин — Городничий, М.А. Чехов — Хлестаков), сохраняла преемственность по отношению к традиции. Ю. Соболев отмечал, что “в основном своем тоне” это “реалистическо-академическая постановка” (Соболев Ю. М.Х.Т. и его Студии // Вестник театра. 1921. № 91–92. С. 11, 13). На этом фоне выделялась игра Чехова — “неожиданностью трактовки и виртуозной остротой исполнения Хлестакова” (Гарин Э.П. С Мейерхольдом: (Воспоминания). М., 1974. С. 117), выявлением подспудного иррационального плана, что

соответствовало общим изменениям в интерпретации Гоголя от академического литературоведения к символистской критике. Более внимательные рецензенты при этом отметили, что и трактовка комедии в целом не была узко традиционной, поскольку режиссер стремился укоренить фантастическое в повседневном и придать переходу от жизнеподобия к гротеску плавность и видимую последовательность. «В этом “Ревизоре” больше гофмановской жути, чем в “Брамбилле” Камерного театра (...). И Станиславскому не нужно было для этого ни длинных носов, ни каких-то особых ритмических движений, ни стилизованных, подчеркнутых костюмов. Все просто, “натурально” (...). Городничий, без мундира, в домашней обстановке, этот “сосулька” Хлестаков, все, вплоть до жандарма, так обыкновенны, так естественны (...). Но смысл этого происшествия расширяется до мировых пределов” (Коган П.С. “Ревизор” // Экран. 1921. 1—2 октября. № 2. С. 5). Кажется, что это “люди-призраки, в жутком, фантастическом хороводе несущиеся вокруг болотных огней” (там же). В таком стиле был решен эпизод с репликой Городничего “Чему смеетесь?..”. В прежней постановке (1908 г.) театр оказывался в трудном положении: традиция обязывала произносить эти слова в зрительный зал, но строгое соблюдение принципа четвертой стены и к тому же пиетет перед текстом (у Гоголя нет здесь ремарки “к зрителям”) удерживали от этого шага. В результате Городничий (Уралов) произнес эту фразу, возведя взор к небесам. “И небеса воистину смеялись, — язвил рецензент, — только не над собою, а над прямолинейностью людей, боящихся расстаться с догмой при каких бы то ни было обстоятельствах” (Яблоновский С. “Ревизор” // Русское слово. 1908. 20 декабря (2 января). № 295. С. 4). В новой постановке было выбрано другое решение: театр вдруг заливался ослепительно ярким светом, Городничий выходил вперед и, ставя ногу на суфлерскую будку, бросал в зрительный зал: “Чему смеетесь?.. Над собою смеетесь!.. Эх вы!..” А потом вновь наступала темнота — “яркий день тускнеет, меркнет, зловеще мелькают тени, вползает мрак, и в самый момент появления жандарма на сцене почти темно” (Соболев Ю. М.Х.Т. и его Студии // Вестник театра. 1921. № 91—92. С. 12).

Но больше всего эффект от нового спектакля определялся Чеховым — Хлестаковым: “...кажется, никогда еще этот образ не был воплощен на сцене так изумительно...” (Коган П.С. “Ревизор” // Экран. 1921. 1—2 октября. № 2. С. 5). Именно Чехов “заставляет признать и весь спектакль явлением исключительным” (Соболев Ю. М.Х.Т. и его Студии. С. 12). Гротеск обуславливал все сценическое поведение персонажа, а также его облик: актер появлялся с бледным лицом, с бровью, нарисованной серпом, — визитная карточка клоуна, шута, безумца, мнимого или настоящего; он выглядел существом до крайности неустойчивым, неопределенным, подвластным непредсказуемым стихиям. Это «пустое, порой наглое, порой трусливое, лгущее с упоением, все время что-то разыгрывающее — какую-то сплошную импровизацию (...), — этот Хлестаков был неожидан-

ным, внезапным во всех его словах, мыслях, поступках... То закричит, и крик перейдет в неясное и сердитое бормотание, то полезет под стол — глядеть, какую бумажку уронил опешивший Судья, то, бросив взгляд на царский портрет, внезапно и как-то по-обезьяньи остро примет позу и манеру Николая Первого, то закужится вокруг дочки, запоет ей: “Пошутил, пошутил...”» (там же).

Игра Михаила Чехова сложно соотносилась с авторской интерпретацией образа, согласно которой у “Хлестакова ничего не должно быть означено резко” и он “ничем не отличается от прочих молодых людей”; “даже хорошо иногда держится” и т.д. (“Отрывок из письма...”). Устраняя эту всепохожесть, усредненность, порою даже благообразность (“совершенный *compte il faut*”) персонажа, чеховская трактовка сохраняла его пустоту и ничтожность (“Даже пустые люди называют его пустейшим”, см. «Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”»). По Гоголю, однако, пустота Хлестакова граничила с тривиальностью; у Чехова она переходила в патологию. Н.А. Семашко находил в чеховском персонаже “ярко выраженное расстройство ассоциаций”, “аффективное оупение” и другие признаки дегенеративности (Семашко Н. Хлестаков (Чехов) с медицинской точки зрения // Известия ВЦИК. 1922. 16 марта. № 61. С. 3) — свидетельство, которое, ввиду профессиональной компетентности его автора, имеет особую важность. Но, с другой стороны, именно благодаря столь резкой трактовке была передана — может быть, сильнее, чем во всех прежних постановках, — такая особенность концепции образа, а значит и всей пьесы, как миражность и призрачность: «...вслушиваясь в его болтовню, обрывающуюся каким-то порой не совсем человеческим бормотанием (...) вглядываясь в эти его быстрые-быстрые движеньица, прыжки и броски, — вдруг вспоминаешь и внезапно понимаешь смысл гоголевских о нем слов: “Словом, это фантазмагорическое лицо...”» (Соболев Ю. М.Х.Т. и его Студии. С. 12; ср.: Дикий А.Д. Повесть о театральной юности. М., 1957. С. 316–318; о постановке “Ревизора” 1921 г. в Художественном театре см. также: Строева М.Н. Режиссерские искания Станиславского. 1917–1938. М., 1977. С. 50–71). В дальнейшем Чехов намерен был еще более усилить фантазмагорический колорит своего персонажа: «И вот, не играя сам, из зрительного зала глядя на игру, я сумел, как мне кажется, понять в гоголевском “Ревизоре” нечто такое, что я прежде не вполне сознавал. По-новому понял я контраст между Городничим и Хлестаковым. Городничий — это как бы кусок земли, твердый, тяжелый. А Хлестаков — фантазия, фантазия Городничего. Он не существует реально, Городничий от акта до акта как бы творит его. И вот поэтому я хочу теперь играть Хлестакова, так сказать, более легко, менее “плотно”, чем прежде» (Перед представлением “Ревизора”: Беседа с М.А. Чеховым // Возрождение. Париж. 1935. 27 января. № 3525. С. 4).

Игру Чехова в “Ревизоре” восторженно приветствовал Вс.Э. Мейерхольд, увидевший в ней “откровение для актерского творчества и смелый

путь к театру гротеска” (*Micaelo*. Мейерхольд о Чехове // Экран. 1921. 25–27 ноября. № 10. С. 12).

Гротескной окраской отличались и последующие представления комедии — в театре МГСПС в 1925 г. (премьера 25 ноября) в постановке В. Бебутова, с участием Степана Кузнецова в качестве Хлестакова; в Театре-студии Академического театра драмы в Ленинграде (премьера 26 апреля 1926 г.), в постановке Н.В. Петрова и год спустя (премьера 12 марта 1927 г.) в его же постановке — на сцене самого Академического театра драмы (об этих спектаклях см.: *Данилов 1936*. С. 244–249).

Однако наиболее значительной в этом ряду оказалась постановка комедии в Государственном театре им. Вс. Э. Мейерхольда (премьера 9 декабря 1926 г.; среди исполнителей: Э.П. Гарин — Хлестаков, П.И. Старковский — Городничий, Э.Н. Райх — Анна Андреевна, М.И. Бабанова — Марья Антоновна, В.Ф. Зайчиков — Земляника, Н.К. Мологин — Добчинский, С.В. Козиков — Бобчинский). Эта постановка демонстративно нарушала запреты, явные или подразумеваемые, вытекавшие прежде всего из авторской интерпретации текста, начиная с концепции Хлестакова. Если Гоголь больше всего предостерегал, чтобы из Хлестакова не вышел преднамеренный плут, и усилиями нескольких поколений актеров этот образ последовательно отчуждался от ампулы корыстного прохвоста, негодяя, а также от ампулы комедийного шалуна, то Мейерхольд не только возвращал героя на уровень сознательного обманщика, но еще и возводил это свойство в новую степень. Он видел в Хлестакове черту, “которую никогда в нем не играли, но которую нужно играть. Это принципиальный мистификатор и авантюрист” (*Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы*. Ч. 2. М., 1968. С. 145). «Может быть, это шулер, одно из действующих лиц “Игроков” (...). А может быть, он даже на гастроли поехал по городам, чтобы обыгрывать людей” (*Мейерхольд Вс. Несколько замечаний к постановке “Ревизора”... // Гоголь и Мейерхольд*. М., 1927. С. 82).

Далее, гоголевский текст локализовал сценическую площадку до комнаты Городничего, комнаты в уездной гостинице — во всяком случае до уездного города, придавая этому понятию — городу, “сборному городу” (фраза из черновой редакции “Театрального разъезда...”), а позднее в «Развязке Ревизора» душевному городу — обобщающий и принципиальный смысл. Хотя связи этого города с Петербургом не оборваны, но проявляются подспудно, так сказать закулисно. Мейерхольд же раздвинул пространственный масштаб, полагая, что «вот в этом-то и есть вся прелесть и сладость новой трактовки “Ревизора”», и решив “показать на сцене не захудалый провинциальный городишко, а сделать так, чтобы каждый легко мог представить тут современные (Гоголю) столичные типы” (*Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы*. Ч. 2. С. 145). Соответственно был сильно изменен и дополнен канонический текст; говоря словами М. Чехова, «“Ревизор” стал расти, набухать и дал трещины. В эти трещины бурным потоком хлынули: “Мертвые души”, “Невский проспект”, Подколе-

син, Поприщин, мечты городничихи, ужасы, смехи, восторги, крики дам, страхи чиновников, и многое из того, на что намекал в своих видениях Гоголь, потребовало от В.Э. Мейерхольда полного выявления и точного оформления» (*Чехов Мих.* Постановка “Ревизора” в театре им. В.Э. Мейерхольда // Гоголь и Мейерхольд. М., 1927. С. 85–86).

Далее, комедийное действо в “Ревизоре” стремилось к композиционной упорядоченности и симметрии, отчасти родственной принципам драматургии классицизма. Относительное единство времени и места, пятиактная композиция, при которой третий акт во многих отношениях принимает на себя функцию кульминации (в частности, в отношении “карьеры” Хлестакова: именно в третьем акте — сцена вранья), зеркально-контрастное расположение эпизодов в начале и в конце (например, торжество Бобчинского и Добчинского в первом акте и их посрамление в пятом) — таковы некоторые моменты указанного единства (см. с. 663 наст. изд.). Мейерхольдовский спектакль разбил комедийное действо на пятнадцать сцен, или, по выражению В.Б. Шкловского, “порций” (*Шкловский В.* Пятнадцать порций городничихи // Красная газета. Вечерний вып. 1926. 22 декабря. № 307. С. 4), усилив фрагментарность и ослабив фабульное единство, но зато выдвинув на первый план другое единство — ассоциативно-метафорическое, а также музыкально-ритмическое (“музыкальный реализм”, по терминологии Мейерхольда, см.: *Мейерхольд В.Э.* Статьи, письма, речи, беседы. Ч. 2. С. 140).

Очевидно, мейерхольдовский спектакль продемонстрировал тот пример, когда приближение к художественной логике оригинала достигалось путем нарушения некоторых запретов (характерна реплика Андрея Белого по поводу постановки: «Смешна ламентация об “искажении” Гоголя там, где дана “реставрация” гоголевского живого жеста» (*Белый А.* Мастерство Гоголя: Исследование. М.; Л., 1934. С. 315)). В первую очередь это выразилось в трактовке Гаринным фигуры Хлестакова. «На роскошном фоне бытовых образов спектакля проходит неслышными шагами жуткая, тонкая, как фитюлька, черная фигурка, внутренне безжизненная, омертвелая, неподвижная, как манекен... Это — Хлестаков, весь в черном, в черном фракке, в высоком черном цилиндре, в роговых, четырехугольных, затеняющих лицо, очках на равнодушном бледном лице, задумчиво-молчаливый, с условно-подчеркнутыми автоматическими жестами. (...) Жутким, “некто в сером”, Анатэмой мелкого калибра, “мелким бесом” появляется он впервые на сцене (...). И, спускаясь по лестнице, глухо, пусто насвистывает... — “На, прими это!”... — у Гоголя отдает Осипу фуражку и тросточку, — дает Осипу бублик... Таким и пропадает в сцене отъезда, вдруг проваливается в темноту — “Бог знает, куда”, как сквозь пол» (*Тальников Д.* Новая ревизия “Ревизора”: Опыт литературно-сценического изучения театральной постановки. М.; Л., 1927. С. 49–51). Таким образом мистификаторство и авантюризм растворяются в призрачности (характерен “бублик” как сниженно-гастрономический эквивалент круга, колеса, свернувшейся змеи и т.д., т.е. символов вечности), что по-своему отражает (и усиливает) гого-

левскую мысль о фантазмагоричности Хлестакова. Да и способность мейерхольдовско-гаринского персонажа к перевоплощению и оборотничеству продолжает отмеченную Гоголем в его герое видоизменяемость: “Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым...” (“Отрывок из письма...”).

Очевидно, сходным образом обстоит дело с нарушением других заветов. Размывание образа города с помощью петербургских и иных реалий компенсировалось двойной локализацией действия, ограниченного большим полукругом из полированного дерева, в котором было пятнадцать дверей, а затем, внутри этого полукруга, маленькой площадкой, на которой происходили основные события. Благодаря этому действие преподносилось зрителям, как выразился А.В. Луначарский, “в корзине” и возникал “как бы движущийся букет, как бы упорядоченнейший калейдоскоп” (Луначарский А.В. “Ревизор” Гоголя—Мейерхольда // Новый мир. 1927. Кн. 2. С. 190), что соответствовало гоголевской тенденции к концентрации персонажей в тесную группу. Эта тенденция также усиливалась: персонажи действовали и дышали, как единое многоголовое тело. В некоторые же, кульминационные, моменты пространство внезапно раздвигалось. Так, “вся сцена использовалась в эпизоде дачи взяток, когда одновременно из всех пятнадцати дверей появлялись чиновники со сторублевками в руках” (Елагин Ю. Темный гений (Всеволод Мейерхольд). 2-е изд., доп. London, 1982. С. 301). И затем “в последней сцене приема у городничего, которую Мейерхольд развернул в пышный великосветский бал с блестящей кадрилию, когда цепь нарядных гостей пронеслась по авансцене и затем через весь зрительный зал” (там же).

О том, до какой степени глубоко отвечал замысел режиссера законам гоголевской поэтики, свидетельствует следующий пример. Встречающийся часто у Гоголя прием умножения вещей, частей тела, персонажей (умножаются куски свитки в “Сорочинской ярмарке”, глаза в “Портрете”, жены в “Иване Федоровиче Шпоньке...”, усы в “Коляске” и т.д.) нашел развитие в таком эпизоде: “Мейерхольд размножил в мечтах городничихи обожателя, который ворвался на сцену из шкафа, из-под дивана, над этажеркою трахнувши выстрелом; а меж ног его выюркнул штатский; и пал на колени с букетом цветов” (Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование. С. 317). У Гоголя — сплошь и рядом события или детали повторяются. “Мейерхольд инсценировал и фигуру повтора: в повторном метаньи перед решеткой хвоста за запахнутым в шинель Хлестаковым” (там же). Наглядное выражение получила у Мейерхольда и символическая роль двери как границы между известным и неизвестным, хорошо знакомым и непредвиденным (ср. реплику Городничего: “Так и ждешь, что вот отворится дверь и — шашь...”): в спектакле было до полутора десятка дверей (Свербилова Т.Г. Формы организации времени и пространства в комедии “Ревизор” // Гоголь и современность: Творческое наследие писателя в движении эпох. Киев, 1983. С. 120). Таким образом, Мейерхольд отказался от оживления ко-

медийного текста с помощью приемов грубой комикки и эксцентрики (ср. упомянутого выше Горева—Хлестакова, стоящего на голове и болтающего в воздухе ногами), перенеся центр тяжести на сценическую реализацию гоголевской метафоры.

Последний аккорд этого процесса — Немая сцена, в которой актеры были подменены куклами. Вначале “публика разражалась аплодисментами; уж очень здорово стояли актеры”. “Постепенно замолкли аплодисменты, наступила пауза, потом абсолютная тишина. (...) И вдруг целый ряд зрителей, тревожно приподнявшись, пошел к сцене. (...) Вот уж поистине можно сказать, что желание автора было выполнено точно” (Гарин Э.П. С Мейерхольдом: (Воспоминания). М., 1974. С. 116). Для воплощения сконцентрированного в Немой сцене апокалиптического духа Андрей Белый считал этот прием более уместным, чем решение самого Гоголя, избравшего живую картину: “...живую картину дать потрясения нельзя: только мертвой; для этого молнией надо убить исполнителей, не убиваемых жалким жандармом. И вот М(ейерхольд) в помощь Гоголю — убивает: грубейшими средствами, напоминающими двойной критский топор, отсекающий головы; здесь архаический, грубый гротеск тоньше тонкого” (Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование. С. 319; подробную библиографию откликов на мейерхольдовский спектакль см.: Данилов 1936. С. 323–325; итоговые работы на эту тему: Рудницкий К. Режиссер Мейерхольд. М., 1969; Мацкин 1984. Разд. «Мейерхольд. Как создавался “Ревизор”. 1926»).

Во второй половине 20-х — начале 30-х годов обратил на себя внимание ряд новых постановок “Ревизора”, отличавшихся экспериментаторским характером и изменениями гоголевского текста. Такова постановка И. Терентьева в ленинградском Доме печати (премьера 9 апреля 1927 г.; художники из школы П.Н. Филонова — А.М. Ландсберг, М.Л. Цибасов и А. Сашин); в финале этого спектакля “приехавший с ревизором жандарм оказывался слугой Хлестакова” (Шкловский В. Ветер наполняет наши паруса // ЛГ. 1984. 15 февраля. № 7. С. 8); затем — постановка А.П. Петровского в московском Замоскворецком театре (премьера в марте 1927 г.; после смерти Петровского спектакль был возобновлен П.В. Ионовым при участии художника А.П. Голубовского); постановка П.П. Гайдебурова в передвижном Колхозно-совхозном театре им. Леноблсполкома (премьера в апреле 1934 г.).

В 1938 г. осуществлена новая постановка “Ревизора” в Малом театре (режиссер Л.А. Волков, художник К.Ф. Юон; среди исполнителей: Н.К. Яковлев — Городничий, В.Н. Пашенная — Анна Андреевна, А.И. Ржанов — Ляпкин-Тяпкин, В.Э. Мейер — Хлестаков; в роли Хлестакова в качестве дебютанта выступил и И.В. Ильинский (Малый театр СССР. Т. II. М., 1983. С. 92). Постановщик Л.А. Волков полагал, что «“Ревизор” на сцене Малого театра должен быть академическим, реалистическим спектаклем» (“Ревизор” Н.В. Гоголя на сцене Малого театра. М., 1938. С. 24); «лица, которые могут показаться монстрами, должны

быть раскрыты как обыкновенные живые люди (...). Опаснее всего было бы вступить на соблазнительный, но ложный путь раздувания в роли какой-либо индивидуальной характерной черты (вот откуда “гротесковые фигуры” и “маски”» (там же, с. 27). Новая постановка “Ревизора” в Малом театре с И.В. Ильинским в роли Хлестакова была осуществлена в 1949 г. (позднее, в 1967 г., Ильинский выступил в другой роли — Городничего, будучи одновременно и режиссером спектакля). Исполнение Ильинским роли Хлестакова было оценено как одно из наиболее глубоких в сценической интерпретации этого образа: актер придал ему оттенок “светонности какой-то, неожиданной, негаданной и почему-то неотразимой. Теперь мы поняли, это дано и самим Гоголем: Хлестаков не написан как фигура элементарно отрицательная, в нем наблюдается, вопреки всем предвзятостям, некоторая романтическая жизнь, ему отпущена своя обольстительность, с жизнью у Хлестакова собственные, ни на что заранее известное не сводимые счеты” (Берковский Н.Я. Комедия империи: (О “Ревизоре” Гоголя. К выступлениям Игоря Ильинского в роли Хлестакова). 1947 // Берковский Н.Я. Литература и театр. М., 1969. С. 517).

Ставилась комедия и на других сценах, в частности в Государственном театре им. Вахтангова (1939, режиссер Б.Е. Захава, в роли Хлестакова — Р.Н. Симонов), в Центральном театре Советской армии (1951, режиссер А.Д. Попов, в роли Хлестакова — А.А. Попов), в Художественном театре (1967, режиссер М.Н. Кедров; среди исполнителей — В.В. Белокуров — Городничий, В.М. Невинный — Хлестаков, О.Н. Андровская — Анна Андреевна).

1972 год отмечен новыми постановками комедии в Москве и в Ленинграде: в Московском театре сатиры (режиссер Валентин Плучек, художник В. Левенталь; среди исполнителей: А. Папанов — Городничий, А. Мионов — Хлестаков, Г. Менглет — Земляника) и в Большом драматическом театре им. Горького (режиссер Георгий Товстоногов, в ролях: Городничего — К. Лавров, Хлестакова — О. Басилашвили, Осипа — С. Юрский, Хлопова — Н. Трофимов и т.д.; о спектакле в Театре сатиры см.: *Манн Ю.* В поисках стиля // Театр. 1972. № 9. С. 3–12; *Турбин В.* К нам едет “Ревизор” // Современная драматургия. 1982. № 2. С. 262–270; о спектакле БДТ — *Смелянский А.* Наши собеседники: Русская классическая драматургия на сцене советского театра 70-х годов. М., 1981. С. 48–64).

Среди последующих постановок “Ревизора”: 1982 г. — Малый театр (режиссеры Ю. Соломин и Е. Вестник; В. Соломин — Хлестаков, Е. Вестник — Городничий); 1983 г. — Московский театр “Современник” (режиссер — В. Фокин; В. Гафт — Городничий, В. Мищенко — Хлестаков, М. Неёлова — Марья Антоновна, Г. Волчек — Анна Андреевна; об этом спектакле см.: *Аннинский Л.* В контексте театра // ЛГ. 1984. 15 февраля. № 7. С. 16); 1991 г. — московский Театр-студия Олега Табакова (режиссер С. Газаров); 1993 г. — московский Театр на Покровке (режиссер

С. Арцибашев, в роли Хлестакова — С. Удовик, в роли Городничего — Ю. Лахин; см.: *Мани Ю.* К нам снова едет Ревизор. Премьера в московском Театре на Покровке // *Известия.* 1993. 26 октября. № 204. С. 7); 1995 г. — московский Театр им. А.С. Пушкина (постановка Ю. Еремина, в роли Хлестакова — В. Гвоздичкий; см.: *Зайонц М.* Поноухали и ушли // *Сегодня.* 1995. 1 февраля. № 19. С. 10; *Соколянский А.* Притворный бес // *Общая газета.* 1995. 2–8 февраля. № 5. С. 10) и др.

В 1996 г. московский Драматический театр им. К.С. Станиславского представил «сценическую версию комедии “Ревизор” в двух частях» под названием “Хлестаков” (режиссер В. Мирзоев, сценография П. Каплевица при участии Д. Алексева; в роли Хлестакова — М. Суханов, Городничего — В. Симонов; см.: *Заславский Г.* Правда и неправда Хлестакова // *Независимая газета.* 1996. 28 февраля. № 39. С. 7).

Среди последних премьер — новая постановка комедии в Театре сатиры в 1999 г. (режиссер — В. Плучек, в роли Хлестакова — В. Гаркалин), в московском Театре им. Евг. Вахтангова в 2002 г. (постановка литовского режиссера Р. Туминаса; роль Хлестакова исполнил О. Макаров, Городничего — С. Маковецкий; см.: *Филиппов А.* Дороги и метафоры // *Известия.* 2002. 18 апреля. № 68. С. 10; *Красовский А.* К нам приехал пародист // *Независимая газета.* 2002. 16 апреля. № 76. С. 8; *Алпатова И.* Потоп уездного масштаба // *Культура.* 2002. 18–24 апреля. № 16. С. 1, 9), в Александринском театре (режиссер В. Фокин, в роли Хлестакова — А. Девотченко, в роли Городничего — С. Паршин; см.: *Горфункель Е.* Ревизская сказка. “Ревизор” Гоголя на Александринской сцене // *Театр.* 2002. № 4. С. 10–13; *Филиппов А.* Реинкарнация “Ревизора” // *Известия.* 2002. 25 декабря. № 234. С. 8). Комедия Гоголя неоднократно экранизировалась: в 1952 г. — одноименный фильм (режиссер-постановщик Владимир Петров; в ролях Хлестакова и Городничего соответственно И. Горбачев и Ю. Толубеев), в 1978 г. — фильм по мотивам “Ревизора” под названием “Инкогнито из Петербурга” (режиссер-постановщик Леонид Гайдай). Последняя кинематографическая версия произведения — фильм Сергея Газарова “Ревизор”. Премьера — в августе 1996 г.; в ролях Хлестакова и Городничего соответственно Евгений Миронов и Никита Михалков; среди других исполнителей: Э. Гердт (Лука Лукич), О. Янковский (Ляпкин-Тяпкин), Алексей Жарков (Земляника), Марина Неёлова (Анна Андреевна), Авангард Леонтьев (Бобчинский и Добчинский в одном лице).

* * *

Отражение комедии в художественном сознании, в произведениях других авторов прослеживается со времени ее появления на сцене и в печати. Одним из первых отозвался В.Ф. Одоевский; так, «стимул к написанию чиновничьей драмы “Хорошее жалованье, приличная квартира, стол, освещение и отопление”» (1838 г.) он, по-видимому, получил от гоголевского “Ревизора” (*Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Князь

В.Ф. Одоевский. Т. 1. Ч. 2. М., 1913. С. 339). Почти одновременно началось варьирование главных типов комедии, особенно часто — Хлестакова, чье отражение заметно в повести Е.П. Гребенки “Лука Прохорович” (ЛПРИ. 1838. 12 ноября. № 46. С. 901–910), в его же рассказе “Сеня” (ОЗ. 1842. Т. XXI. № 4. С. 207–268; см. об этом: *Жук А.А.* Сатира натуральной школы. Саратов, 1979. С. 74–76), в очерке Н.А. Некрасова “Петербургские углы. Из записок одного молодого человека” (Физиология Петербурга. Ч. 1. СПб., 1845; очерк вошел в незаконченное произведение того же автора “Жизнь и похождения Тихона Тростникова”) — в персонаже, именуемом “зеленым господином”, и т.д. Отмечено также, что “Хлестаков в сцене вранья — одно из первых приближений к образу Козьмы Пруткова” (*Журавлева А.И.* Русская драма и литературный процесс XIX века. М., 1984. С. 185). Стимулирующее воздействие оказывали и другие персонажи комедии, в том числе второстепенные и внесценические, например Тряпичкин. «Подобных русских фельетонистов, — заключает И.И. Панаев свой очерк “Петербургский фельетонист”, — Гоголь заклеил именем *Тряпичкиных*. Лучшего имени для них нельзя придумать! Друзья *Тряпичкиных* — *Хлестаковы* и *Ноздревы*» (Физиология Петербурга. Ч. 2. СПб., 1845; см. то же: Физиология Петербурга. М., 1991. С. 214). Варьируются и отдельные сцены “Ревизора”; так, запрет Городничего жаловаться ревизору по поводу “службы” (действие первое, явление V) повторяется в другой ситуации: управляющий Назар Яковлевич, готовясь к приезду барина, советует крестьянам: “Если барин, примерно, спросит вас: Ну, а довольны ли вы управляющим? — отвечать: Довольны, батюшка Петр Александрович, довольны, благодарим тебя, отец наш, за него” (*Панаев И.И.* Актеон // ОЗ. 1842. Т. XX. № 1. С. 4; см. то же: *Панаев И.И.* Сочинения. Л., 1987. С. 244).

Подспудное воздействие комедии на отечественный театр отмечено в 1846 г. И.С. Тургеневым: «Десять лет прошло со времени появления “Ревизора”; правда, в течение этого времени мы на русской сцене не видели ни одного произведения, которое достойно можно было бы причислить к гоголевской школе (хотя влияние Гоголя уже заметно во многих), но изумительная перемена совершилась с тех пор в нашем сознании, в наших потребностях...» (Смерть Ляпунова. <...> Соч. С.А. Гедеонова // ОЗ. 1846. Т. XLVII. № 8. Отд. VI. С. 88; без подписи; см. то же: *Тургенев*. Т. 1. С. 237). Влияние “Ревизора” простиралось и на отдельные сцены и положения. Так, по поводу комедии И.С. Тургенева “Холостяк” (ОЗ. 1849. Т. LXVI. № 9. С. 1–64; премьера в Александринском театре — 14 октября 1849 г.) анонимный рецензент — это был Н.А. Некрасов — писал: «Первый акт начинается монологом слуги, развалившегося в барских креслах, второй кончается тем, что слуга ложится на господский диван отдохнуть, с соответствующими прибаутками. Эти две сцены произвели неприятное впечатление, напомнив Осипа (в “Ревизоре”)» (Театральные новости. Октябрь 1849 // *Совр.* 1849. Т. XVIII. Отд. V. С. 140; без подписи; см.

то же: Некрасов Н.А. Собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 11. Кн. 1. М., 1989. С. 342).

Отголоски монолога Осипа отмечены и в пьесе А.В. Сухово-Кобылина “Свадьба Кречинского” (монолог слуги Федора, действие 2, явление 1; поставлена в 1855 г., опубликована в 1856 г.); здесь же (действие 3, явление 3) заметно влияние сцены хвастовства из “Ревизора” (действие третье, явление VI). Показательно для творческой истории другой пьесы Сухово-Кобылина — “Дело” (опубликована в 1869 г., поставлена в 1882 г.) — то, что ее герои первоначально носили имена персонажей из “Ревизора”: Варравин — Тряпичкина, а Тарелкин — Хлестакова. Пьесу же “Смерть Тарелкина” (1869 г.) драматург одно время намеревался назвать “Хлестаков, или Долги” (*Рудницкий К. А.В. Сухово-Кобылин: Очерк жизни и творчества. М., 1957. С. 217*). Отмечено и развитие в упомянутой трилогии свойственного гоголевской драматургии мотива миражности: фактически «в “Свадьбе Кречинского” нет свадьбы, в “Деле” нет дела, а в “Смерти Тарелкина” нет смерти, как в “Ревизоре” нет ревизора, в “Женитьбе” нет женитьбы...» (там же, с. 230).

Под воздействием гоголевской комедии повторяется и варьируется и ее исходная ситуация — прибытие важной персоны, “ревизора”: в рассказе М.Е. Салтыкова-Щедрина “Приезд ревизора” (*РВ. 1857. № 12*; вошел в его сборник “Невинные рассказы”, 1863 г.), в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка “Горное гнездо” (см. об этом: *Дергачев И. Д.Н. Мамин-Сибиряк: Личность. Творчество. Свердловск, 1977. С. 94*), в пьесе В.В. Маяковского “Баня” (поставлена в 1930 г.), в сцене появления Фосфорической женщины (об интересе Маяковского к “Ревизору” см.: *ЛН. Т. 65: Новое о Маяковском. М., 1958. С. 398–400*) и т.д. Влияние гоголевской “ситуации ревизора” прослеживается и в зарубежной литературе, например в пьесе Д.Б. Пристли “Инспектор пришел” (*An inspector calls. 1947*; см. об этом: *Гозенпуд А. Пути и перепутья: Английская и французская драматургия XX в. Л., 1967. С. 124*). Вместе с тем подхватывается и развивается характерный для “Ревизора” прием художественного обобщения с помощью “сборного города” (выражение Гоголя из черновой редакции “Театрального разезда...”): Крутогорск в “Губернских очерках” (1856–1857 гг.) и Глухов в “Истории одного города” (1869–1870 гг.) М.Е. Салтыкова-Щедрина (см.: *Макашин С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов: Биография. М., 1972. С. 122, 423*), Старгород в “Соборяхнах” (1872 г.) Н.С. Лескова (см. об этом: *Столярова И.В. В поисках идеала: Творчество Н.С. Лескова. Л., 1978. С. 6*), “Городок Окуров” (1909–1910 гг.) Максима Горького, “Город Градов” (1928 г.) А.П. Платонова и т.д.

Особое направление творческого воздействия комедии — включение ее персонажей (с большей или меньшей степенью модификации) в художественные и публицистические тексты других авторов; такому переосмыслению подвергались Городничий, Шпекин, Ляпкин-Тяпкин, Держиморда и

т.д. — и особенно часто Хлестаков. Так, Хлестаков в одноименном стихотворении П.А. Вяземского (1866 г.) выступает в роли беспринципного журналиста: “Смотри, что за балясы точит, // Как разыгрался в нем задор: // Теперь он не уезд морочит, // А Всероссийский ревизор” (*Вяземский П.А. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1982. С. 358*); у Салтыкова-Щедрина в “Дневнике провинциала в Петербурге” (1872 г.) фигурирует “молодой адвокат” Александр Хлестаков, “сын того самого Ивана Александровича Хлестакова”, получивший свое имя от бабушки и воплощающий свойственную всему “этому паскудному роду” привычку “вертеться колесом перед всем, что носит название капитала и силы, и в то же время готовность плюнуть в глаза всякому, кто хоть на волос стоит ниже их на общественной лестнице” (*Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. X. М., 1970. С. 503*; см. также: *Никитина Н. К вопросу о гоголевских традициях в творчестве Салтыкова-Щедрина // РЛ. 1978. № 1. С. 161*). У А.П. Чехова же в «Календаре “Будильника” на 1882 год» Хлестаков с Кречинским «выходят из “Нового времени”, чтобы издавать собственную газету “Благонамеренные Козлы”» (*Будильник. 1882. Т. XXXV. № 14. С. 170*; подпись “Г. Балдастов”; см. то же: *Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 1. М., 1974. С. 155*) и т.д.

Первые живописные произведения, относящиеся к “Ревизору”, отражали премьерную постановку и последующие спектакли в Александринском театре: Городничий в окружении чиновников (действие первое, явление I) — рисунок П.А. Каратыгина (*Динцес Л. Новое изображение первой постановки “Ревизора” // Рабочий и театр. 1936. № 18. Сентябрь. С. 25*; *Коростин А., Стернин Г. Герои Гоголя в русском изобразительном искусстве XIX века // ЛН, т. 58. С. 838*); финальная сцена — рисунок В.В. Самойлова (там же, с. 838; *Н.В. Гоголь в портретах, иллюстрациях, документах / Сост. А.М. Гордин. М.; Л., 1953. С. 194, 384*). О трех рисунках к “Ревизору”, приписываемых А.А. Иванову, см. с. 744–745 наст. изд. В качестве иллюстраторов гоголевской комедии или авторов произведений, созданных по ее мотивам, выступали В.Ф. Тимм (1820–1895), которому принадлежит рисунок с изображением Осипа; С.И. Грибков (“Обед Хлестакова”, 1868); П.М. Боклевский (альбом, воспроизводящий его 14 рисунков к комедии: Галерея гоголевских типов, нарисованных Боклевским. Вып. 1.: Ревизор. М., 1858; альбом литографий: Бюрократический катехизис. Пять сцен из “Ревизора” / Эскизы Боклевского. М., 1863); К.А. Савицкий («Финальная сцена “Ревизора”», 1901–1902) и др. (см.: *Коростин А., Стернин Г. Герои Гоголя в русском изобразительном искусстве XIX века // ЛН, т. 58, С. 848, 850, 854–856*). Среди авторов живописных произведений также Д.Н. Кардовский (в частности, акварели: “Городничий”, “Хлестаков”, “Чиновники перед представлением Хлестакову”, все — 1922 г.), А. Константиновский (рисунки “Отъезд Городничего в гостиницу”, “Хлестаков рассказывает”, “Хлестаков берет деньги у Хлопова”, “Хлестаков и Марья Антоновна” и т.д., все — 1951 г.) и др.

(см.: Н.В. Гоголь в портретах, иллюстрациях, документах / Сост. А.М. Гордин. М.; Л., 1953. С. 185–189).

Среди музыкальных интерпретаций гоголевской комедии следует назвать поставленный в 1985 г. в Большом театре балетмейстером А. Петровым одноактный балет Альфреда Шнитке “Эскизы” (в балете нашли также отражение мотивы других гоголевских произведений: “Мертвых душ”, “Носа” и т.д.; см.: *Попова Е.* Смех Гоголя в музыке Альфреда Шнитке: “Ревизская сказка” // Альфреду Шнитке посвящается. Из собраний “Шнитке-центра”. Вып. 2. М., 2001. С. 116).

* * *

“Ревизор” сделался известен за рубежом вскоре после его появления на сцене и в печати. Немецкий читатель получил первую информацию о комедии и ее авторе в ноябре 1836 г. из сообщения о петербургской премьере (“Korrespondenzbericht aus Petersburg”) в газете “Blätter für literarische Unterhaltung” (Beilage 17; отмечено: *Reissner 1970. S. 214, 335*). Тем самым уточняется бытовавшее мнение, будто первое упоминание в Германии о “Ревизоре” содержалось в вышедшей в 1837 г. книге Кёнига—Мельгунова (*Literarische Bilder aus Russland / Hrsg. von H. Koenig. Stuttgart und Tübingen, 1837* — см., например: *Алексеев 1954. С. 188*).

Затем в начале следующего года в венском издании — *Wiener Zeitschrift für Kunst, Literatur, Theater und Mode. Beilage 1 (3.1.1837)* — появилось сообщение о том, что комедию Гоголя “играют на сцене Александринского театра трижды в неделю и каждый раз вместительный зал бывает полным” (приведено: *Marinelli-König G.* Russland in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805–1848). Wien, 1990. S. 19–20). Аналогичную информацию поместило вскоре и другое венское издание — *Blätter für Literatur zur Oesterreichischen Zeitschrift. 4 (14.1.1837)* (*Ibid. S. 20*).

Упомянутая же выше книга “*Literarische Bilder aus Russland*” была составлена издателем Генрихом Кёнигом (не владевшим русским языком) на основе рассказов его русских собеседников, главным образом, Н.А. Мельгунова. Здесь, в посвященной Гоголю специальной главке, сообщалось о выдающемся успехе, который имел в Петербурге и Москве “Ревизор”, вызвавший “у зрителей взрыв смеха” (*Literarische Bilder aus Russland. Herausgegeben von H. Koenig. Stuttgart und Tübingen, 1837. S. 220*). В следующем году в газете “*Staats- und Gelerte-Zeitung des hamburgischen unpartheyischen Correspondenten*” за подписью *N. Ivanov* появился довольно пренебрежительный отзыв о комедии: «По своей идее “Ревизор” устарел и обветшал, но он забавляет публику провинциальными карикатурами и натуралистическим, отнюдь не художественным диалогом. Лучшее и наиболее интересное в нем — монолог голодного слуги» (*Reissner 1970. S. 217*). Рецензент повторял, таким образом, суждения Бугарина и Сенковского. Косвенной защитой Гоголя от подобных обвинений явилось выступление Мельгунова, писавшего о “Ревизоре” в 1840 г.: «Строго говоря, это не

столько комедия, сколько драматическая сатира (...). Сатира, с помощью которой писатель бичует различные злоупотребления юстиции и управления, часто соприкасается с трагическим (...). Это примечательное произведение, которое смогло увидеть сцену лишь благодаря специальному распоряжению царя, внушает большие надежды на драматический талант Гоголя» (*Blätter für literarische Unterhaltung*. 1840. № 177–178; цит. в пер. с нем. по: *Reissner 1970*. С. 217–218).

Первый известный перевод комедии вышел в Вильно на польском языке; его автор — Я. Хелмиковский: *Rewizor, czyli podróż bez pieniędzy / Przez Chelmikowskiégo*. Wilno, 1846 (см. об этом: *Лукаковский В.А.* Гоголь в польской литературе // *Литературный вестник*. 1902. Т. 3. Кн. 1. С. 18).

В конце 1840-х годов пробуждается интерес к “Ревизору” во Франции. По отзыву одного из рецензентов, это “самое высокое драматическое создание, какое когда-либо являлось в русской литературе”; «здесь выступает высокий комизм выведенных характеров, тот смех, который англичане называют “юмором”» (*Revue indépendante*. 1847. Т. 10. Р. 119–120; цит. по: *Некрасова 1887*. С. 558).

Спустя четыре года в журнале “*Revue des deux Mondes*” (1851.1.IX) появилась обширная статья Проспера Мери́ме “Николай Гоголь” с подробным пересказом и разбором комедии; автор, в частности, провел ряд параллелей между “Ревизором” и художественными явлениями в других литературах: сцена вранья напомнила ему «знаменитую сцену шекспировского “Генриха IV”, где Фальстаф рассказывает о своих проделках с жуликами и, увлекаясь рассказом, нагромождает выдуманные подробности» (*Мериме П.* Статьи о русских писателях / Пер. с фр. М., 1958. С. 24); чтение письма Тряпичкину является, по его мнению, свободным подражанием мольеровскому “Мизантропу” (там же, с. 33; см. также с. 646 наст. изд.); в целом же “Ревизор” — “острая и горькая сатира, скрытая несколько искусственной веселостью, или, вернее, грубой шутивостью, до некоторой степени напоминающей манеру Аристофана” (там же, с. 18). Высокая оценка “Ревизора” содержалась и в предисловии Луи Виардо к изданному им в 1853 г. сборнику “*Nouvelles choisies de N.Gogol*” (*Некрасова 1887*. С. 559).

В том же году Мери́ме перевел “Ревизора” на французский язык: “*Les deux héritages. Débuts d’un aventurier, suivis de l’inspecteur général*” (Paris, 1853). Это издание было встречено весьма холодно; Эдуард Делессер писал, что поражают “тривиальные выражения и тяжеловесное остроумие, да и самый смех слишком груб: он нас не смешит” (*L’Athenaeum Français*. 1853. 30 juillet). Сходным было мнение и Густава Планша (*Revue des Deux Mondes*. 1854. 15 sept.). Снисходительнее отнесся к комедии другой критик этого же издания, назвавший ее “знаменитой” (*Revue des Deux Mondes*. 1853. l’août; см.: *Некрасова 1887*. С. 560–561; *Барбе д’Ореви́льи.* Николай Гоголь / С примеч. М.П. Алексеева // *Мат. и иссл.* 1936. Т. 1. С. 270).

Первая постановка “Ревизора” в Париже была осуществлена в апреле 1854 г. в театре Porte Saint Martin — “Les russes peints par eux-mêmes”. Поставленный в разгар Крымской войны и к тому же на основе очень плохого перевода Евгения Моро (Eugene Moreau), спектакль фактически провалился; 23, 24 и 25 апреля в парижских газетах “почти только и говорилось, что о невероятном скандале с русской комедией” (*Некрасова 1887. С. 563–564*). Откликом на это событие является замечание А.И. Герцена в его статье “О романе из народной жизни в России” (1857 г.): “Иностранцу трудно понять, какое огромное влияние имела у нас театральная постановка “Ревизора” — этой пьесы, потерпевшей полное фиаско в Париже” (*Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XIII. М., 1958. С. 174; оригинал на нем. яз.; приведенная цитата на нем. — там же, с. 163*). Все же для полноты картины необходимо отметить, что в защиту Гоголя выступили издания “Siècle” (1854. 24 avril) и особенно “Charivari” (1854. № 17–18), указавшие на недостатки перевода (см.: *Некрасова 1887. С. 565–566*).

Полную противоположность французскому переводу “Ревизора” представлял собою выполненный одновременно немецкий перевод. Его автор Август Видерт (August Viedert, 1825–1888 г.) свободно владел русским языком. Он родился в Москве в семье учителя, первоначальное образование получил дома, а затем в пансионе; отправившись в 1852 г. за границу, присылал свои корреспонденции из немецких городов в “Московские ведомости”, а в затем в “Санкт-Петербургские ведомости”. Время от времени приезжал в Россию; был вхож как в русские, так и в немецкие литературные круги; известно, например, его знакомство с И. Тургеневым, Грановским, Шевыревым, Катковым, Карлом Гуцковым, Бертольдом Ауэрбахом, Теодором Штормом, Фарнгагеном фон Энзе и др. (о Видерте существует специальная литература; см., в частности: *Бестужев-Рюмин К.Н. А.Ф. фон-Видерт // ЖМНП. 1888. Ч. CCLVII. Июнь. “Современная летопись”. С.113–114; Алексеев 1954. С. 192–259; Reissner 1970. S. 335, и далее; Schultze Ch., Viedert V. Unbekannte Materialien zur Biographie August Viederts // Die Welt der Slaven. Jahrgang XXXIV. Heft 1. (1989). S. 117–125; Viedert V. with Žekulin N.G. The Viedert–Turgenev Correspondence // New Zealand Slavonic Journal. 1991. P. 1–50*).

Вначале (в 1853 г.) Видерт опубликовал перевод первой сцены первого действия (“Aus dem Revizor von Gogol”) в “Drezdner Abendzeitung”, но к этому времени был готов и перевод всей комедии, о чем свидетельствует отклик М.Л. Михайлова: “Напечатана только первая сцена первого действия (...) но мне случилось слышать чтение г. Видертом и остальных действий (...) полное понимание подлинника и верность воспроизведения его делают труд г. Видерта замечательным явлением в области переводной литературы” (*Михайлов М.Л. О новых переводах с русского языка на немецкий // ОЗ. 1854. Март. Отд. V. С. 12*). Видерт читал свой перевод в различных аудиториях, например 23 апреля 1854 г. в Берлине в литературном обществе “Tunnel über der Spree”, о чем было сообщено в газете “Vossische

Zeitung” от 2 мая 1854 г. (Reissner 1970. S. 335); 9 мая в холле гостиницы Hotel de Russie; затем в июне также в Берлине в доме Беттины фон Арним. Письмо Видерта, написанное на другой день после этого чтения, — живое свидетельство впечатления, произведенного “Ревизором” на видных деятелей немецкой культуры: «Вчера я спросил у Фарнгагена фон Энзе, как он находит эту комедию? “В ней бездна комисма”, — отвечал он. Беттина фон Арним говорит, что это фарс, но остроумнейший фарс в мире. Она вообще очень интересуется Гоголем и жалеет, что Гете не успел познакомиться с “Ревизором”. (...) Особенно же заинтересовался этой комедией знаменитый берлинский актер Дёринг (Theodor Döring, 1803—1878. — *Ред.*). Он говорит, что ни одна из его ролей в современных драмах и комедиях не может доставить ему такого наслаждения, как роль городничего в Ревизоре. Он говорит: Вот поэт, так поэт! Он знал, как писать для нашего брата актера! а этого ни один из современных немецких поэтов не знает» (Выписки из заграничных корреспонденций и газет // *МВед.* 1854. 19 июля. № 86. Литературный отдел. С. 997; корреспонденция А. Видерта; на этот пассаж обратил внимание еще В. Шенрок, пересказав его, однако, с рядом неточностей, — см.: *Шенрок.* Т. III. С. 486; в исправленном виде приведено: *Алексеев 1954.* С. 217—218).

В июле того же 1854 г. Видерт попытался устроить чтение своего перевода в Карлсбаде, но не получил разрешения у местных властей, посчитавших, что подобная акция отразится на отношениях Австрии и России (*Видерт В.Л.* Три письма А. Видерта к П.А. Вяземскому // *Zeitschrift für Slavistik.* 1980. В. 25. № 5. S. 669—674). Находившийся в это время в Карлсбаде П. Вяземский также неодобрительно отнесся к предполагаемому чтению, о чем свидетельствует его более поздний фрагмент “Два приятеля после долгой разлуки”, где NN, явно alter ego автора, заявляет: «“Ревизор” — домашняя русская комедия и должна дома оставаться (...) черное белье должно мыть семейно, и сора из избы не выносить» (*Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. VIII. СПб., 1883. С. 318; см. также: *Алексеев 1954.* С. 214—216). Мнение о нежелательном воздействии “Ревизора” на репутацию России в Западной Европе высказывал и А.Г. Строганов; в письме к А.С. Норову от 23 мая 1856 г., сравнивая гоголевскую комедию со “Свадьбой Фигаро” Бомарше, он добавлял: «Не знаю, сделала ли она какое-нибудь полезное влияние, исправила ли она хотя одного взяточника или обманщика. Но я уверен, что если “Ревизор” и сотни ее (так! — *Ред.*) последователей не произвели еще, благодаря Богу, таких печальных последствий для России, как творение Бомарше для Франции, — но уже, в переводе, навлекли на Россию много нареканий и лживых суждений за границей» (приведено: *Оксман Ю.Г.* Кровавый Бандурист (запрещенные страницы Гоголя) // Литературный музей: Цензурные материалы 1-го отд. IV секции Государственного архивного фонда. Пб., (1919). С. 352).

На 5 июля было назначено чтение “Ревизора” в Эмсе, в связи с чем в местной газете “*Emser Fremdenliste für das Jahr 1856*” было помещено сле-

дующее объявление: “Im blauen Saal des Coursaals, Mittwoch den 5. Juli, Vorlesung des Lustspiels DER REVISORS, nach Gogol von A.v. Viedert. Billets à 1 Thaler (...) Anfang halb 8 Uhr” (предоставлено Владимиром Видертом — правнуком Августа Видерта). Однако чтение не состоялось, очевидно, по тем же причинам, что и в Карлсбаде. Следующее чтение удалось провести лишь 5 января 1855 г. в Берлине, в холле Академии пения — Singakademie (*Viedert V. with Žekulin N.G. The Viedert—Turgenev Correspondence // New Zealand Slavonic Journal. 1991. P. 15*).

Что касается упомянутого перевода Видерта, то он вышел в полном виде в июле или августе 1854 г.: *Der Revisor. Lustspiel in fünf Akten, nach dem Russischen des Gogol, bearbeitet von August Viedert (Büchsenmanuskript). Berlin, 1854*.

Однако поставлен был “Ревизор” на немецкой сцене — 28 июля 1858 г. в берлинском Friedrich-Wilhelm-Städtischen Theater — по другому, значительно менее совершенному переводу, сделанному Альбертом Юнкельманом (*Albert Junkelmann*) и носившему название “*Der Regierungskommissar oder das Incognito*”. Спектакль не имел успеха; всего состоялось девять представлений (*Reissner 1970. S. 216*). В 1862 г. этот перевод под тем же названием вышел в свет (критический разбор перевода был дан Вильгельмом Вольфзоном (*Wolfsohn W. Gogol's “Revisor” in Deutschland // Russische Revue. B. 1. Heft 4. (1863). S. 336—351*; о В. Вольфзоне и его посреднической роли см.: *Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert. Reihe A. B. 3. München, 1991. S. 284—285*).

В 50—80-е годы XIX в. “Ревизора” переводят и ставят в славянских странах. Первое представление на польской сцене состоялось в Кракове в 1850 г. (*Пиотровская А.Г. Гоголь и польская литература // Гоголь и мир. лит. 1988. С. 122*; см. также: *Grzegorzyc P. “Rewizor” na warsztacie tłumacza // Twórczość. 1953. № 7. S. 158*). О краковском спектакле, относящемся, правда, к более позднему времени — к началу 1870 г., сообщает корреспонденция М.В., который, прибыв в город 6 марта, узнал, что “Ревизор” идет уже “в 10-й раз и с огромным успехом” (*М.В. “Ревизор” на краковской сцене // РВед. 1870. 7 апреля. № 75. С. 3*). Игра весьма хорошая, без “всякого шаржа” — “за исключением Хлестакова, который вдавался в неподозрительные фарсы; напр., он появляется с орехами в кармане, которые щелкал во время сцены с Осипом”. «Перевод верен, хотя польский переводчик и не мог удержаться, чтобы не прибавить в некоторых местах к Гоголю польского перца. Напр., городничий говорит, что отчего ему хочется быть генералом — оттого, что “русский генерал имеет право драться по морде”». Публика хохотала; “с моей соседкой, молодой полькой, — замечает корреспондент, — чуть не сделалась истерика” (там же). Однако другой автор дает такое объяснение подобным пассажирам: «Перевод Хелмиковского, по которому играется “Ревизор”, издан в Вильне в 1846 г.; дополнения на краковской сцене можно объяснить обычными актерскими “отсебятинами”» (*Лукаковский В.А. Гоголь в польской литературе // Литература*

ратурный вестник. 1902. Кн. 1. С. 23). Этот же автор сообщил на основе полученного им “частного письма” в “ответ на обращение к небызвестному в Варшаве артисту и антрепренеру Траншо”, что “Ревизор” поставлен был “в Калише в 1869 и 1870 годах. В последующие годы в городе Ленцице, той же Калишской губернии, и в Люблине” (там же).

На чешской сцене “Ревизор” был впервые поставлен 21 апреля 1865 г. во Временном театре в Праге (*Савицкий В.Д.* Творчество Гоголя в Чехословакии // Гоголь: Статьи и материалы. Л., 1954. С. 304; *Соловьева, Доронина* 1988. С. 93–94). На эту постановку откликнулся Ян Неруда, интерпретировавший “Ревизора” в сугубо сатирическом ключе: “Гоголь изобличает не всеобщие человеческие слабости, встречающиеся повсюду, не безнравственность высших классов своего времени, — он обращается к изображению русских государственных чиновников, он выставляет на осмеяние у позорного столба все, к чему привело Россию самодержавие” (*Неруда Я.* Избранное: В 2 т. Т. 2. М., 1959. С. 344).

Впервые на сербской сцене “Ревизор” был сыгран 1 февраля 1870 г. в Сербском народном театре в Белграде по рукописному переводу Ж. Ионовича. Более совершенный перевод на сербскохорватский язык был подготовлен Т. Тодоровичем и издан в 1880 г. Спустя два десятилетия автор обзора “Гоголь у сербов” В. Кораблев констатировал: «...”Ревизор” не сходит со сцены Белградского театра. Пишущему эти строки самому приходилось видеть и слышать, с каким восторгом сербская публика принимала “Ревизора” на сцене театра» (*Литературный вестник.* 1902. Кн. 4. С. 386; см. также: *Соловьева, Доронина* 1988. С. 110–111).

Постановка на украинском языке — “Ревізор із Петербургу” — была осуществлена в 1878 г. в театре общества “Бесіда”. Первое же издание комедии на украинском языке появилось в Черновцах в 1901 г. (перевод — В. Симоновича; см.: *Заславский И.Я.* “Ревизор” в украинском переводе Н. Садовского // Н.В. Гоголь и литературный процесс XIX—XX вв. Одесса, 1988. С. 28–29).

На болгарский язык комедия была переведена И. Христовичем и опубликована первоначально в журнале “Българска илюстрация” (1880–1882 гг.) и в 1882 г. в Софии отдельным изданием. В этом же году осуществили постановку “Ревизора” (*Кораблев В.* Гоголь у болгар // *Литературный вестник.* 1902. Кн. 3. С. 270; *Копержинский К.А.* Гоголь и болгарская реалистическая проза // Гоголь: Статьи и материалы. Л., 1954. С. 270; о влиянии гоголевской комедии на болгарских писателей, в частности на Л. Каравелова, Б. Нушича, А. Константинова, см.: *Кравцов Н.И.* Гоголь и болгарская литература // Институт славяноведения АН СССР. Краткие сообщения. 8. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1952. С. 37–38; *Соловьева, Доронина* 1988. С. 111–112).

В переводе на словенский язык комедия вышла в 1884 г. в Любляне в переводе И. Везеля (I. Vesel), а на словацкий — в 1900 г. в переводе Ф. Есенского (F. Jesenský) (см.: *Библ. пер.* 1953. С. 72).

В Национальном театре в Будапеште “Ревизор” был поставлен в 1874 г. — это было первое драматическое произведение русского автора, показанное на венгерской сцене. В следующем году появился в печати венгерский перевод комедии (см. подробнее: *Комлош А.* Путь Гоголя в венгерской литературе // Венгерско-русские литературные связи. М., 1964. С. 7–26; *Mályuszné Cászár Edit.* A “Revizor” első magyarországi előadása (Первое представление “Ревизора” в Венгрии. — *Ред.*) (1874) // *Tanulmányok a magyar-oroszk ikodalmi kapcsolatok köréből.* 2. k. Budapest. 1961. 27–41. о.).

В 1878 г. “Ревизор” был поставлен на сцене Тбилисского театра. Спектакль, имевший большой успех, был высоко оценен известным критиком и общественным деятелем Нико Николадзе в издаваемой им газете на русском языке “Обзор” (1878, 18 июня; см. об этом: *Дидебулидзе Д.О.* Гоголь в дореволюционной грузинской критике // *Гоголь и лит. нар. СССР* 1986. С. 237–238; ср.: *Бухникашвили Г. Н.В.* Гоголь на грузинской сцене. Тбилиси, 1952. С. 16).

В 1870-е годы вышли новые переводы “Ревизора” на французский и немецкий языки. Французский принадлежал А. Шалландесу (*L’inspecteur en tournée / Par A. Challandès.* Neuchatel, 1874). “Этот перевод и по духу, и по языку стоит близко к оригиналу”: переводчик много лет прожил в Петербурге, был преподавателем в одном из женских институтов (*Некрасова* 1887. С. 568).

Третий немецкий перевод комедии (после переводов Видерта и Юнкермана), сделанный Вильгельмом Ланге (*Wilhelm Lange*), был издан в 1877 г. в Лейпциге. Основанный на французском переводе Мериме, он содержал в себе ряд неточностей; так, русский рецензент обращал внимание на следующий пассаж: “Специальность Держиморды подставлять и правому и виноватому фонари под глазами превратилась в переводе Ланге в дикое и совсем никому не понятное занятие — подносить всем к носу фонарь” (*А.Б.* О немецких переводах “Ревизора” Гоголя // *Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки.* 1904. Т. 1. № 1. С. 107). Тем не менее этот перевод в несколько переработанном виде к середине XX в. был в Германии распространен более всего (*Reissner* 1970. S. 216). Следующий перевод на немецкий язык, осуществленный Фридрихом Фидлером (*Fiedler*) и вышедший в 1895 г. в Галле, был оценен русской критикой более высоко (“Его перевод “Ревизора” сделан хорошо: нередко дословно, но без всякого насилия над немецким языком”, — отмечал Э. Лямбек в обзоре “Гоголь у немцев” — *Литературный вестник.* 1902. Кн. 4. С. 378; см. также: *РМ.* 1895. Кн. IV. Библиографический отдел. С. 155–156; ср. также: *А.Б.* О немецких переводах “Ревизора” Гоголя // *Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки.* 1904. Т. 1. № 1. С. 107).

На азербайджанский язык “Ревизор” был переведен Нариманом Наримановым в 1882 г. (*Гаджиев А.Д.* Гоголь и азербайджанская дореволю-

ционная литература // *Гоголь и лит. нар. СССР, 1986. С. 307*), а на эстонский — в следующем году; автор перевода — А.В. Аус-Эрлих (см.: *Исаков С.Г. Восприятие творчества Гоголя в Эстонии XIX века // Гоголь и лит. нар. СССР 1986. С. 362*).

В 1890 г. “Ревизор” впервые ставится в Скандинавии — в Королевском драматическом театре в Стокгольме и на Национальной сцене в Осло. Норвежский перевод Г.А. Даля (G.A. Dahl) был сделан на основе немецкого перевода В. Ланге; шведский перевод принадлежал В. Хедборгу (Valborg Hedborg). Годом раньше — в апреле 1889 г. — комедия была поставлена в датском переводе в Народном театре (Folketeatret) силами студентов-любителей (*Bjørnager Kjeld. N.V. Gogol: “The Inspector-General”. Scenic Versions and Their Reception in Denmark // The Slavic World and Scandinavia. Cultural Relations. Aarhus, 1988. P. 36*). В 1909 г. в связи со столетием со дня рождения Гоголя датский критик Г. Брандес говорил о “Ревизоре”: “... В современной литературе всех стран нет такой остроумной, веселой и вместе с тем бесконечно серьезной комедии” (Гоголевские дни в Москве. М., б. г. С. 149).

На английском языке комедия вышла впервые в 1890 г. в Индии, в Калькутте (переводчик Т. Hart-Davies); лондонское издание появилось в 1892 г. (переводчик А.А. Sykes — см.: *Библи. пер. 1953. С. 67*).

На рубеже XIX и XX вв. в связи с общим интересом к творчеству Гоголя в зарубежных странах возрастает внимание и к “Ревизору”. В 1907 г. комедия была переведена в Италии, в Удине (там же, с. 69). Годом позже был осуществлен перевод в США, в Нью-Хейвене, для спектакля в Йельском университете (там же, с. 67). 8 марта того же года состоялась премьера комедии в берлинском Немецком театре в постановке Макса Рейнхардта; инсценировка Рудольфа Бернауэра (Bernauer). Несколько позже, 27 марта, ходатайствуя о разрешении играть спектакль в Страстной четверг, Рейнхардт обратил внимание властей “на классический характер этой во многих императорских театрах (an vielen Hoftheatern. — *Ред.*) исполняемой пьесы” и обещал, что “всемерно будет подчеркнута серьезная сторона этой классической сатиры” (*Reinhardt M. Schriften: Briefe, Reden, Aufsätze, Interviews. Berlin, 1974. S. 99*).

Сравнительно поздно “Ревизор” появился в Испании — лишь в 1921 г., когда одновременно в Мадриде вышел испанский перевод, а в Барселоне каталонский (*Багно В.Е. Гоголь и испанская литература // Гоголь и мир. лит. 1988. С. 205*).

В первые десятилетия XX в. гоголевскую комедию переводят и ставят в странах Азии. В 1912 г. “Ревизор” был поставлен на тегеранской сцене; в спектакле, по сообщению местной печати, приняли участие армяне из Баку. Пьеса имела огромный успех, и “его величество Султан Ахмед шах выразил благодарность устроителям за доставленное художественное наслаждение” (*Розенфельд А.Э. Произведения Гоголя на персидском языке // Гоголь: Статьи и материалы. Л., 1954. С. 319–320*).

Большую популярность приобрел “Ревизор” в Китае. Первый китайский перевод комедии был опубликован в 1921 г. в Шанхае, его автор — Хэ Цимин (в 1931 и в 1941 гг. перевод был переиздан; см.: *Серебряков Е.А. Гоголь в Китае // Гоголь и мир. лит. 1988. С. 238*). Затем последовали другие переводы: Шэнь Пэйцю (1937), Хуан Жохая (“Придворные круги”, 1939 г.), Гэн Цзичжи (1841 г.), Фансина (1941 г.), Вэймина (1945 г.), Бай Сыхуна (1996 г. — в составе Полного собрания сочинений Гоголя) и др. (сообщено Б.Л. Рифтиным). Существовали и переделки гоголевской пьесы, в которых “действие переносилось в Китай и герои имели китайские имена и чиновничьи звания” (*Серебряков Е.А. Указ. соч. С. 259— 261*).

Первые сведения о постановке “Ревизора” в Японии относятся к 1904 г.: в журнале “Симэй” (№ 2) было напечатано либретто “Ревизора”, “поставленного Литературным обществом русской православной семинарии в Токио” (*Рехо К. Смех Гоголя и японская литературная традиция // Гоголь и мир. лит. 1988. С. 288*). В 1910 г. появился первый полный перевод комедии, сделанный Кусуямой Масао. В феврале следующего года спектакль был поставлен Ассоциацией драматургов новой эпохи. Но “подлинная сценическая жизнь “Ревизора” в Японии началась в 1925 г., когда комедия была поставлена в Малом театре Цукидзи, бессменным руководителем которого был (...) реформатор японского театра Осанаи Каору — последователь системы Станиславского” (там же; ср.: *Пинус Е.М. Гоголь и русская классическая литература в Японии // Гоголь: Статьи и материалы. Л., 1954. С. 351*).

Греческий перевод “Ревизора” датируется 1935-м годом; 1837-м годом — турецкий, а 1942-м годом — монгольский (см.: *Библиограф. пер. 1953. С. 73*).

В первые десятилетия XX в. появляются новые переводы комедии на языки народов России: в 1902 г. — татарский перевод (*Гайнуллин М.Х. Гоголь и татарская драматургия // Гоголь и лит. нар. СССР 1986. С. 398*), в 1912 г. — подготовленный Андреем Упитом латышский перевод (*Вавере В.А. Гоголь и Упит // Гоголь и лит. нар. СССР 1986. С. 339*), в 1937-м — таджикский (*Розенфельд А.Э. Гоголь на таджикском языке // Гоголь и лит. нар. СССР 1986. С. 384*).

Во второй половине XX в., после окончания мировой войны, “Ревизор” все чаще появляется на различных сценах.

В 1946 г. комедия была поставлена в Багдаде (Ирак) силами египетской труппы “Египетский авангард” (*Долинина А.А. Гоголь в арабской литературе // Гоголь: Статьи и материалы. Л., 1954. С. 332*).

В конце 40-х — начале 50-х годов оживился интерес к “Ревизору” в Дании и в скандинавских странах. В 1947 г. комедия была снова поставлена на Национальной сцене в Осло в переводе уже упоминавшегося выше Г. Даля; год спустя пьесу показали в Национальном театре в другом переводе — Олафа Лизелла (Olaf Lysell). Но наибольший успех имели поста-

новки 60—70-х годов, в частности в датском театре Aalborg (1964 г.), где роль Хлестакова играл один из самых популярных датских актеров Preben Uglebjerg. В Швеции “Ревизор” был поставлен в 1967 г. в Стокгольмском государственном театре; режиссер — Ганс Абрамсон (Hans Abramson). В новом норвежском переводе комедия увидела сцену в 1977 г. в Riks-teatre; автор перевода — Гейр Хетсо (Geir Kjetsaa) — известный исследователь русской литературы, автор монографий о Баратынском, Достоевском, Гоголе, Горьком и др. (*Bjørnager Kjeld. N.V. Gogol: “The Inspector-General”. Scenic Versions and Their Reception in Denmark // The Slavic World and Scandinavia. Cultural Relations. Aarhus, 1988. P. 36—37*; здесь же см. анализ переводов и историю восприятия “Ревизора” в странах Скандинавии и в Дании).

Знаменательный факт сценической истории “Ревизора” — постановка на лондонской сцене “Олдвич” силами “Королевской шекспировской компании” (1966 г.; режиссер — художественный руководитель театра Питер Холл, Хлестакова играл один из крупнейших английских актеров Пол Скоффилд). “Холл трактует “Ревизора” как трагикомедию, в которой комедийное начало воплощено в Хлестакове, а трагедийное — в Городничем”. Зрители, по свидетельству очевидца, реагировали адекватно: “монологи Хлестакова вызывали в зале гомерический хохот, а тирады Городничего, в особенности, заключительная — “Чему смеетесь? Над собой смеетесь!..” — звучали в напряженной тишине” (*Стуруа М. Гоголь в доме Шекспира // Известия. 1966. 20 января. № 17. С. 4*).

Ставился “Ревизор” и в других странах и городах: в Сенегале в Дакарском национальном театре (1967 г.; режиссер Морис Сенгор); в варшавском театре “Народовы” (1973 г.; художественный руководитель Адам Ханушкевич, в роли Хлестакова выступил Войцех Пшоняк); в венгерском Национальном театре в Будапеште (1975 г.; постановка Г. Товстоногова, в роли Городничего Кирилл Лавров); в Шеффилде (Англия) в театре “Крусибл” (1977 г.; постановщик Олег Табаков, который перед этим, в конце 60-х годов, сыграл роль Хлестакова в пражском театре “Чиногерны клуб”); в Театре Максима Горького (Maxim Gorki Theater) в Берлине (1980 г.; режиссер Борис Луценко, перевод Сергея Gladких); в Словацком национальном театре в Братиславе (1981 г.; постановщик Милош Петор); в Чикагском театре, США (1985 г.; перевод профессора русской литературы, автора работ о Гоголе, Мильтона Эре (Milton Ehere) и Фрумы Готшелк (Fruma Gottschalk)); в Драматическом театре им. Йожефа Катоны в Будапеште (1987 г.; режиссер Габор Жамбеки) и т.д.

Последнее десятилетие XX в. ознаменовалось новыми зарубежными постановками “Ревизора”: в 1995 г. — в пражском театре “На Перилах” (“Na Zabradli”), в постановке главного режиссера театра Петра Лебла (см. об этом спектакле: *Макаров Р. Хроника неразделенной любви: Взгляд из ложи пражского театра // Россия. 1995. 26 июля — 1 августа. № 23. С. 12*), в 1999 г. — в Париже, в “Комеди франсез” (постановка Жан-Луи

Бенуа, перевод Андре Марковича). В 2001 г. состоялась премьера “Ревизора” в Занзибаре (Республика Танзания), на языке суахили (Ляхтина Е. Гоголь на суахили // Известия. 2001. 3 июля. № 116. С. 9).

Текст гоголевской комедии служил основой и для произведений других жанров, нередко с адаптацией к местным условиям и нравам. Так, в Италии по мотивам “Ревизора” был поставлен фильм “Инспектор инкогнито” (авторы сценария Сержо Амидеи, Этторе Скола и др., режиссер Луиджи Дзампа); в Германии (Франкфурт-на-Одере) — одноименный мюзикл (1975 г.; авторы либретто словацкие писатели Ян Туран и Бедрих Крамосил, музыка Теодора Шебо-Мартинского), а несколько ранее в Немецкой государственной опере в Берлине — одноименная опера Вернера Эгга (1976 г.; первая постановка была осуществлена раньше, в 1967 г.); в Швейцарии — радиоспектакль (1979 г.; режиссер Флоран Фелс).

О мировом признании гоголевской комедии свидетельствует относящееся к 1931 г. высказывание немецкого писателя, актера и театрального критика Эгона Фриделя (Egon Friedell, 1878—1938 г.): «“Ревизор” может быть назван лучшей комедией мировой литературы: под аккомпанемент всесокрушающего смеха она обнажает жалкую внешность и ужасающие бездны целой социальной сферы, целой эпохи, всей нации...» (“Kulturgeschichte der Neuzeit”; цит. по: Keil R.-D. Nikolai W. Gogol. Hamburg, 1990. S. 140).

Другой немецкий критик констатировал в 1952 г., что «к настоящему времени “Ревизор” смог занять место в лучшем репертуаре мирового театра» (Kindermann H. Meister der Komödie. Von Aristophanes bis G.B. Schaw. Wien; München, 1952. S. 265).

* * *

С. 5. *На зеркало неча пенять, коли рожа крива. Народная пословица.* — Пословица зафиксирована в изданиях: ⟨Княжевич Д.М.⟩ Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. СПб., 1822. С. 151; Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым. М., 1848. С. 243 (в обоих изданиях с незначительным отличием от текста “Ревизора”: “На зеркало неча пенять, коли рожа крива”; у Снегирева также: “Зеркало не виновато, коли рожа крива”, “Нечего пенять на зеркало, коли рожа крива” — Снегирев И. Указ. соч. С. 141, 296); Даль В. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М., 1862. С. 178 (“Не на зеркало пеня, что рожа крива”, “Что на зеркало пенять, коли рожа крива”). В письме от 6—8 февраля 1843 г. С.Т. Аксаков сообщал Гоголю: «Загоскин (...) особенно взбесился за эпиграф к “Ревизору”. С пеной у рта кричит: “Да где же у меня рожа крива?” Это не выдумка» (Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 42). В ответном письме от 6(18) марта 1843 г. Гоголь писал: “Я бы попросил вас передать мой искренний поклон Заг(оскину) и П(авлову), но чувствую, что они не поверят: подума-

ют, что я поднялся на шутики, или пожалуй примут за насмешку, вроде *кривой рожи*, и потому пусть этот поклон останется между нами”. Спустя четыре года, разъясняя М.С. Щепкину смысл “Развязки Ревизора” (подробнее см. наст. том, с. 876), Гоголь писал (письмо ок. 28 июня (10 июля) 1847 г.): «...применение к самому себе есть неперемнная вещь, которую должен сделать всяк зритель изо всего, даже и не “Ревизора”, но которое приличней ему сделать ⟨по⟩ поводу “Ревизора”. Вот что следовало было доказать по поводу слов: “разве у меня рожа крива?”» 28 декабря 1844 г. (9 января 1845 г.) Гоголь писал А.О. Смирновой: «Взгляните также на самих себя. Имейте для этого на столе духовное зеркало, то есть какую-нибудь книгу, в которую может смотреть ваша душа, хоть, напри(м)ер, “Подражание Христу”». Ср. также у А. Кантемира, в предисловии к первой сатире: “...кому стихи мои не нравны, того прошу, чтоб их не чел; а кто меня за них хулить станет, тот помнил бы, что дурной лицом николи зеркала не любит” (*Кантемир А.* Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 361). Зеркало в подобной функции фигурирует в романе Стендаля “Красное и черное” (1830): “Роман — это зеркало, с которым идешь по большой дороге. То оно отражает лазурь небосвода, то грязные лужи и ухабы. (...) зеркало отражает грязь, а вы обвиняете зеркало” (*Стендаль.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. М., 1978. С. 414). О роли зеркала, замыкающего в “Ревизоре” сцену и зрительный зал в единый круг драматического действия, см.: *Виролайнен М.Н.* Структура культурного космоса русской истории // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 42–43. О связи эпитафии с мотивом зеркальности в “Ревизоре” см.: *Лебедева О.Б.* Мотив зеркала в комедии Н.В. Гоголя “Ревизор” // Историко-литературный сборник. К 60-летию Л.Г. Фризмана. Харьков, 1995. С. 86–98. О зеркале и зеркальности см. также: *Das deutsche Lustspiel. Teil I.* Göttingen, 1968. S. 233; *Curtius E.R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern; München. 1973. S. 340; *Левин Ю.И.* Зеркало как потенциальный семиотический объект // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1988. Вып. 831. Труды по знаковым системам. XXII. Зеркало. Семиотика зеркальности. С. 6–24; *Солович Л.Н.* Зеркало как семиотическая, гносеологическая и аксиологическая модель // Там же. С. 45–51.

С. 10. *Городничий...* — В соответствии с “Учреждениями для управления губерний...” от 7 ноября 1775 г. — неперемнное должностное лицо в каждом городе, где не было коменданта. В столице должности городничего соответствовала должность обер-полицеймейстера (Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г. // *Полн. собр. законов* 1. Т. XX. С. 232, 256). Полномочия городничего определялись следующим положением: “Городничий не судья, но долженствует во 1-х иметь бдение, дабы в городе сохранены были благочиние, добронравие и порядок; 2. чтоб предписанное законами полезное в городе исполняемо и сохраняемо было; в случае же нарушения оногo, городничий, по состоянию дела, несмотря ни на какое лицо, всякому напоминать может о исполнении

предписанного законом; а в случае непослушания даст о том знать Судебному месту для суждения виновного...” (там же. Гл. XIX: “О городничем и его должности”. С. 256). Городничему вменялось в обязанность следить за санитарным состоянием города, оказывать покровительство “всякому обиженному”, обеспечивать исправное состояние улиц, мостов, переправ, казенных строений, чистоту в городе, заботиться “о прокормлении нищих и убогих” (там же, с. 257–259). Городничий не имел права наказывать кого бы то ни было самовластно (там же, с. 258). В дальнейшем обязанности городничего неоднократно корректировались и уточнялись. В соответствии с указом от 31 мая 1799 г., в помощь городничим (на которых возлагалось “сохранение порядка и наблюдение за благочинием”) в уездных городах могли быть определены состоящие на службе частные приставы, квартальные надзиратели и десятские (*Полн. собр. законов 1. Т. XXV, с. 670*). Именные указы от 20 мая 1800 г. и 11 мая 1801 г. возлагали на городничих управление полицией — в тех городах, где не было комендантов (там же, т. XXVI, с. 159, 629). Согласно указу от 24 октября 1803 г., полицией в уездном городе мог весть полицеймейстер (*Полн. собр. законов 1. Т. XXVII. С. 947; Свод законов Российской Империи... СПб., 1842. Т. II. С. 692*). Более поздние положения предписывали городничему часто посещать помещения арестантов для наблюдения за их довольствием (Положение от 18 января 1827 г. // *Полн. собр. законов 2. Т. II. С. 23, 27*), а также наблюдать “за сохранением и содержанием в порядке зданий” (Положение от 29 сентября 1832 г. // Там же. Т. VII. С. 628). В соответствии с императорским указом от 3 мая 1829 г. и последующими законодательными актами, преимущественное право замещения вакансий городничих было предоставлено раненым в Отечественную войну 1812 г. штаб- и обер-офицерам, по назначению Комитета для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб- и обер-офицерам (учрежден 18 августа 1814 г. — там же, т. XXXII, с. 876; *Полн. собр. законов 2. Т. IV. С. 296, 302; Т. VI. Отд. 1. С. 214, 724*). Городничий числился в 8 классе — коллежский ассессор (*Полн. собр. законов 1. Т. XX. С. 234; Полн. собр. законов 2. Т. X. Отд. 2. Приложения. С. 338*).

С. 10. ...попечитель богоугодных заведений... — Богоугодные заведения (больницы, богадельни, дома для неизлечимых больных и умалишенных, сиротские дома и т.д.) находились в ведении приказов общественного призрения, занимавшихся непосредственно делами призрения и делами управления собственными капиталами (прием пожертвований и вкладов от частных лиц, отдача денег под проценты и т.д.). Богоугодные заведения располагались и в уездных городах, приказы же (созданные в каждой губернии) располагались в губернских городах (Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г. // *Полн. собр. законов 1. Т. XX. С. 271, 287*). Составление штатов для каждого приказа возлагалось на Министерство внутренних дел (там же, т. XXXVII, с. 546–547). В Санкт-Петербурге и Москве богоугодные заведения были

переданы из ведения приказов общественного призрения в ведение Попечительных советов — соответственно в 1829 и 1832 гг. (*Полн. собр. законов* 2. Т. IV. С. 390—402; Т. VII. С. 694—705).

С. 10. ...*смотритель училищ*... — В соответствии с “Высочайше утвержденным положением об учебных округах Министерства народного просвещения” (25 июня 1835 г.), должность штатного смотрителя уездных училищ находилась в ведении попечителя Учебного округа: он назначал смотрителей по представлению директоров училищ и был наделен правом смещения чиновников с этой должности “на законном основании” (Там же. Т. X. Отд. 1. С. 757). Должность штатного смотрителя уездных училищ относилась к девятому классу — титулярный советник (Там же. Т. X. Отд. 2. Приложения. С. 343).

С. 10. *К нам едет ревизор*. — Законодательство и традиции того времени предусматривали ревизии разного рода. Ведомственные ревизии, по линии отдельных министерств, производились через особых чиновников (Общее учреждение министерств, 25 июня 1811 г. // *Полн. собр. законов* 1. Т. XXXI. С. 695). Для осуществления других ревизий (в зависимости от их целей) могли быть привлечены: лица из свиты императора — для расследования частных случаев в губерниях; доверенные лица на местах — для быстрого расследования злоупотреблений; высшие должностные лица (член Государственного совета, товарищ министра, генерал-губернатор при его вступлении в должность) — для более обстоятельных расследований (История правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911 гг. Т. 3. СПб., 1911. С. 619—620). Всесторонний характер носили сенатские ревизии, служившие средством надзора для Сената, Комитета министров, императора (там же, с. 619). Можно предположить, что в комедии идет речь именно о такой ревизии. Порядок проведения сенатских ревизий был регламентирован именным указом от 6 октября 1799 г., данным Сенату, — “Об избрании кандидатов в обеих столицах из сенаторов для объезда и осмотра по всей Империи всего принадлежащего до Гражданской части”. В соответствии с этим указом деятельность губернии раз в три года подлежала ревизии избранными от Сената и императором утвержденными лицами (*Полн. собр. законов* 1. Т. XXV. С. 800—801). Указ неоднократно конкретизировался и пополнялся, в частности 1 декабря 1799 г., — см.: “Высочайше утвержденные пункты. — Служащие в наставление и руководство гг. сенаторам, избранным для объезда и осмотра губерний” (там же, с. 905—909). С 1 августа 1805 г. вступила в действие “Высочайше утвержденная инструкция сенаторам, назначаемым для осмотра губерний” (*Полн. собр. законов* 1. Т. XXVIII. С. 1150—1152). С 17 марта 1819 г. в уточненной редакции: “Высочайше утвержденная инструкция сенаторам, назначаемым для обревизования губерний” (там же, т. XXXVI, с. 100—104). Согласно этой инструкции, сенаторам вменялось в обязанность: ревизия всех присутственных мест губернии, в том числе суда, Приказа общественного призрения и подведомственных ему заведений (т.е. бо-

гоугодных), Казенной палаты и др.; личный осмотр мест содержания преступников (и, в частности, проверка того, снабжаются ли они “всем для них определенным и достаточное ли имеют от того продовольствие” — там же, с. 102), заведений, подведомственных Приказу общественного призрения и др. Сенаторы должны были обратить особенное внимание на то, “нет ли каких-либо от местных начальств народу притеснений, жестокостей в употреблении власти и тому подобных обстоятельств” (там же, с. 103), а также установить, существует ли везде “должное спокойствие, безопасность и порядок, зависящий от городской и земской полиций, и действует ли она по своей обязанности” (там же). В инструкции отмечалось, что кроме присутственных мест в губернских городах сенаторы “могут и должны осматривать оные и в уездных городах, на пути лежащих; в стороне же находящиеся ревизуются тогда, когда признают сие нужным” (там же). Сенаторы были наделены полномочиями удаления чиновников от занимаемых должностей, предания их суду, замещения должностей другими чиновниками (там же). Занятые общей ревизией, сенаторы в случае необходимости имели право поручить произвести где-либо в губернии “особое исследование” кому-либо из должностных чиновников или почетных дворян губернии (там же). По окончании ревизии (а в особых случаях и в процессе ее) сенаторы должны были сделать соответствующие донесения: царю (“о том, что найдется достойным Высочайшего сведения и внимания”) и правительствующему Сенату (“о дальнейших подробностях” — там же, с. 104). Указанной инструкцией пользовались (по предписанию) не только сенаторы, но и другие должностные лица при осуществлении ревизий (История правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911 гг. Т. 3. С. 621).

С. 13. ...*вряд ли кто ~ заглянет туда ~ сам Бог ему покровительствует.* — В соответствии с “Учреждениями для управления губерний...” от 7 ноября 1775 г., уездный суд в составе уездного судьи и заседателей действовал в каждом уездном городе. Уездный судья избирался дворянством каждые три года, утверждался губернатором и числился в восьмом классе — коллежский ассессор — *Полн. собр. законов 1. Т. XX. С. 232, 234—235*). После принятия Манифеста от 6 декабря 1831 г. “О порядке Дворянских Собраний, выборов и службы по оным” уездный судья избирался Дворянским собранием каждые шесть лет и числился в седьмом классе (надворный советник) — *Полн. собр. законов 2. Т. VI. Отд. 2. С. 247, 260, 266*. Уездный суд состоял в подчинении у Губернского правления и Верхнего земского суда, посылая городничему свои приговоры, определения и решения для исполнения и получая от последнего сообщения об исполнении (*Полн. собр. законов 1. Т. XX. С. 289*). Деятельность Уездного суда, как и всех прочих Присутственных мест, подлежала ревизии (см. комментарий к с. 10).

С. 14. ...*почтмейстер.* — Главное лицо в уездной почтовой конторе (см. именной указ от 22 октября 1830 г. “О новом устройстве Почтовой ча-

сти” — Полн. собр. законов 1. Т. V. Отд. 2. С. 178; Приложения. С. 37). См. также комментарий к с. 53.

С. 15. *Это я делаю ~ с наслаждением прочтешь.* — Ср. в письме С.М. Боратынской А.И. Дельвигу от 1834 г.: “...Кирсановский почтмейстер читал из любопытства все письма, получаемые в Кирсановской конторе...” (Полвека русской жизни. Воспоминания А.И. Дельвига: 1820—1870. Т. I. М.; Л., 1930. С. 253).

С. 15. *Штандарт* (нем. Standarte) — в царской России флаг главы государства, поднимаемый в месте его пребывания; знамя кавалерийских частей (древко штандарта прикреплялось к руке всадника и к стремени).

С. 17. *...получить нотацию...* — получить сообщение.

С. 18. *...подорожная прописана...* — Подорожная — документ на право пользования почтовыми лошадьми, проездное свидетельство.

С. 18. *Приехал на Василья Египтянина.* — Одно из самых трудных мест в “Ревизоре” для комментирования (в черновом наброске ко второй редакции: “Перед Воздвиженьем приехал” — см. с. 224, 812 наст. изд.). В Святцах святой с таким именем не фигурирует. Высказывалось предположение, что здесь имеется в виду Василий Великий — святой, совершивший паломничество в Египет через Сирию и Палестину (см.: Гоголь Н.В. Ревизор / Ред., вступ. статья и примеч. В. Гиппиуса. Л., 1936. С. 171). Память святого Василия Великого празднуется 1 января ст. ст. Святой Василий Великий чествуется также особым праздником, 30 января ст. ст., — вместе с Григорием Богословом и Иоанном Златоустом. По мнению другого исследователя, Гоголь мог допустить неточность, на самом деле имея в виду не Василия, а Виссариона Египтянина, память которого празднуется 6 июня ст. ст. (Прозоров В. “Ревизор” Гоголя, комедия в пяти действиях. Саратов, 1996. С. 57). См. также интерпретацию этого имени в контексте библейского сюжета “Египетские тьмы” (упомянут Гоголем в “Выбранных местах из переписки с друзьями”, гл. XXVI, “Страхи и ужасы России”) — *Вайскопф 1993. С. 485.*

С. 18. *...высечена унтер-офицерская жена!* — Степень нарушения закона из текста не ясна, поскольку неизвестно, принадлежала ли унтер-офицерша (по рождению или по мужу) к дворянскому сословию, освобожденному от телесных наказаний, — наряду с духовенством, купцами 1 и 2 гильдий, почетными гражданами и некоторыми другими лицами (Свод законов Российской Империи... СПб., 1842. Т. XV. С. 18). С одной стороны, унтер-офицерскую жену, как и фигурирующую в этом же явлении слесаршу, можно принять за мещанку. Именно так, т.е. мещанкой, “рекомендовалась” она Хлестакову в текстах более ранних редакций “Ревизора”. Мещанское сословие от телесных наказаний освобождено не было, но даже за маловажные преступления (к которым, в частности, относились “легкие побои или оскорбления, в драке или ссоре причиненные”) мещанина можно было подвергнуть такому наказанию только по приговору уголовного суда (там же,

т. XV, с. 1, 20–21, 327–328; такой же порядок наказания мещан определен в Своде законов Российской Империи 1832 г. Т. XV. СПб., С. 2, 32, 416–417). С другой стороны, характеристика этого персонажа в тексте (именно как жены унтер-офицера) может говорить о неясности ее социального положения (в том случае, если ее муж и она сама, живя в городе, не были приписаны к городовому обществу).

С. 18. ...*арестантам не выдавали провизии. На улицах кабак, нечистота.* — См. комментарий к с. 10.

С. 18. *Вперед пустить голову...* — Городской голова избирался городским обществом каждые три года (*Полн. собр. законов 1.* Т. XX. С. 261). По положению в “торжественных собраниях” не открывал, а скорее замыкал шествие — за ним следовали только мещане (там же, с. 294–295).

С. 18. ... *вот и в книге: Деяния Иоанна Масона...* — Имеется в виду книга: О познании самого себя, или Рассуждения о естестве и пользе сей важной науки, с показанием средств к достижению оной, и с присовокуплением примечаний о Естестве человеческом. Сочинение Иоанна Масона. Вновь переведено с немецкого на российский Е.Л. В трех частях. СПб., 1819. Автор — John Mason (1706–1763) — английский писатель, богослов. Указанное сочинение относится к 1745 г., неоднократно переиздано в Англии. В России впервые издано в 1783 г. в Москве в переводе с немецкого; впоследствии неоднократно переиздавалась: в 1786, 1800, 1819, 1820 гг. В переводе с английского опубликовано в 1865 г.: О самопознании. Трактат Джона Масона. (М., 1865). Утверждая, что “познание самого себя есть гораздо пространнейшая и важнейшая наука, нежели как мы воображаем” (О познании самого себя...СПб., 1819. С. 23), Иоанн Масон последовательно разъясняет, в чем состоит самопознание, в чем заключается его польза и каким образом должно достигать познания самого себя (соответственно в первой, второй и третьей частях). О связях “гоголевского душеведения” с наставлениями Иоанна Масона см.: *Вайскопф 1993.* С. 398, 483, 491.

С. 19. *Габерсуп (нем. Hafer — овес и Suppe — суп) — овсяный суп.*

С. 19. ...*в частном доме...* — Частный дом — полицейское учреждение (ведавшее делами части города), в котором размещался частный пристав со своей канцелярией; при каждом частном доме было арестантское отделение — съезжая (Словарь совр. рус. лит. языка. Т. 17. М.; Л., 1965. Стб. 780; *Федосюк Ю.А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. 4-е изд. М., 2001. С. 74).

С. 23. ...*на прогоны...* — Прогоны — поверстная плата за проезд на почтовых лошадях.

С. 23. ...*елистратишка простой.* — Коллежский регистратор, в соответствии с “Табелью о рангах” — низший гражданский чин (14 класс).

С. 23. ...*пойдешь на Щукин...* — На Щукином дворе (в Петербурге) помещался толкучий рынок с торговыми лавками. По свидетельству

Ф. Шредера, здесь можно было видеть “особливо низший класс народа, коего проворство в отправлении дел своих немало позабавит зрителя...” (*Шредер 1820*. С. 24). О Цукином дворе см. также в повести Гоголя “Портрет”.

С. 24. *Картуз* — плотная упаковка для сыпучих товаров.

С. 25. *Штос, штосс* (нем. Stoß) — азартная карточная игра. *Штоссы* ~ срезывает. — выигрывает.

С. 25. *В овошенных лавках...* — Овошенная лавка — мелочная лавка, торгующая табаком, хлебом, колбасой, селедкой и т.д.

С. 25–26. ...из “*Роберта*”... — см. с. 801–802 наст. изд.

С. 26. “*Не шей ты мне, матушка*”... — “Не шей ты мне, матушка, / Красный сарафан...” — получившая широкое распространение песня: стихи Н.Г. Цыганова (*Цыганов Н. Русские песни*. М., 1834. С. 28–30), музыка А.Е. Варламова.

С. 26. ...*Иохим не дал напрокат кареты...* — Иоганн Альберт Иохим (1762?–1834) — известный каретный мастер, владелец ряда домов на Мещанских улицах, являвшихся центром каретного дела. Мастерская — Ново-Измайловский проспект, дом 8 (*Нистрем 1837*. С. 1460; Нумерация домов в Санктпетербурге... СПб., 1836. С. 106). В доме Иохима на Большой Мещанской Гоголь жил с апреля 1829 г. до конца этого года (*Шредер 1820*. С. 32; *Яцевич А. Пушкинский Петербург*. Л., 1935. С. 239–240, 405; *Гиллельсон М.И., Мануйлов В.А., Степанов А.Н.* Гоголь в Петербурге. Л., 1961. С. 23–26). В упомянутом путеводителе Ф. Шредера указано, что аренда кареты в четверку стоила в месяц 400–450 рублей, парной — 300–350 рублей (*Шредер 1920*. С. 241).

С. 31. ...*Владимира в петлицу и дадут*. — Орден святого равноапостольного кн. Владимира четырех степеней, учрежден в 1782 г. Обладателям третьей и четвертой степеней ордена (низших) полагался малый крест, который носили на шее и в петлице (*Шепелев 1991*. С. 195).

С. 34. *Фриштик* (нем. Frühstück) — завтрак.

С. 37. ...*шантрет...* — В словарях русского языка толкуется как шатен (Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1940. Т. 5. Стб. 1317; Словарь современного русского литературного языка. Т. 17. М.; Л., 1965. С. 1266). У М.П. Алексеева поясняется иначе: “темно-русый”, “с каштановыми волосами” (*Алексеев 1954*. С. 251).

С. 38. ...*палевое...* — Палевый цвет — розовато-бежевый оттенок желтого. От франц. *raille* (солома), по другой версии, от франц. *râle* (бледный). Светлые тона были очень популярны с середины XVIII в. до 1840-х годов XIX в. (*Кирсанова 1995*. С. 192). О моде на палевый цвет в 1835 г. не раз сообщалось в *БдЧ*: общепринятый цвет капотов для прогулок в открытом экипаже — палевый (*БдЧ*. 1835. Т. 9. Отд. VII. С. 54); “Самые модные цвета — палевый и зеленый” (Там же. Т. 10. Отд. VII. С. 128. Цenz. разрешение 29 апреля 1835 г.).

С. 39. *Лабардан* (нем. Laberdan) — просоленная и провяленная треска без хребтовой кости. Комментируя упоминание о лабардане, П. Столпянский указал на письмо К.Я.Булгакова А.Я. Булгакову от 25 января 1826 г., из которого следует, что в то время о лабардане говорили как о кулинарной новинке: “В субботу я тебе послал рыбу, свежего лабардану, привезенного мне из Колы (...) Не знаю, тебе понравится ли, ежели сказать тебе, что это то же, что и треска. Впрочем, можешь попотчевать тестя и приятелей” (РА. 1903. № 7. С. 417; *Столпянский 1910*. С. 64).

С. 40. ... нет ли у вас ~ поиграть в карты? — Азартные карточные игры были запрещены законом. Уличенных в этом занятии (в том числе лиц благородного звания) предписывалось брать под стражу и предавать суду (*Полн. собр. законов 1*. Т. XXI. С. 479, 483; Т. XXVI. С. 713; Т. XXX. С. 326–327; Т. XXXI. С. 720; Т. XXXVI. С. 238).

С. 40. ...выпонтировал... — Выиграл в карты, понтируя. Понтер (франц. *ponpe*) — в азартных карточных играх игрок, делающий ставку против банка.

С. 41. ...забастуешь, тогда как нужно гнуть от трех углов... — “Забастовать” здесь: прекратить увеличение ставки в карточной игре; ...гнуть от трех углов — увеличивать ставку втрое (загибая при этом углы карт).

С. 41. ...comprenez vous... (франц.) — ...понимаете ли...

С. 42. С Пушкиным на дружеской ноге. ~ Большой оригинал. — См. с. 814–815 наст. изд.

С. 42. ...Женитьба Фигаро, Роберт Дьявол, Норма. — Имевшие большой зрительский успех пьесы из репертуара Санкт-петербургских императорских театров 1829–1840-х годов. “Свадьба Фигаро” (“*La folle journée, ou Le mariage de Figaro*”) — комедия в 5 действиях Бомарше. Перевод с французского Д.Н. Баркова. Премьера в Санкт-Петербурге 18 февраля 1829 г., в Москве — 19 ноября 1829 г. (*ИРДТ*. Т. 3. С. 309; с 1787 г. до указанной премьеры шла под названием “Фигарова женитьба” в переводе А.Ф. Лабзина — *ИРДТ*. Т. 1. С. 470; Т. 2, С. 534). В театральном обзоре А.И. Вольфа за 1828–1829 гг. “Свадьба Фигаро” названа “модною пьесою сезона (...) благодаря великолепному исполнению”, перевод Баркова признан “прекрасным” (*Вольф 1877*. Ч. 1. С. 18). Возможно (с учетом того, что далее упоминаются только оперы), и в данном случае речь идет не о драматическом спектакле, а об оперном: “Свадьба Фигаро” (“*Die Hochzeit des Figaro*”) — комическая опера В.А. Моцарта, в 4 действиях, либретто Л. да Понте, премьера в Петербурге — 31 января 1815 г. в исполнении немецкой оперной труппы (*Гозенпуд 1965*. С. 355–356). Шла на сцене Санкт-петербургских императорских театров в сезоны 1836–1837, 1839–1840, 1840–1841 гг. (*Вольф 1877*. Ч. 2. С. 46, 64, 76). “Роберт Дьявол” (“*Robert le Diable*”) — опера в 5 действиях Дж. Мейербера, либретто Э. Скриба и Ж. Делавина. Премьера в Париже — 21 ноября 1831 г. (рец.: О новой опере: Роберт-Дьявол // Т.

1831. Ч. VI. № 24. С. 563—571; без подписи). Премьера в Санкт-Петербурге: 14 декабря 1834 г. под названием “Роберт” — после первоначального цензурного запрета, связанного с принадлежностью пьесы к классическим образцам “неистового романтизма”, последующей переделки, приспособления к отечественной сцене, снятию слова “дьявол” из названия по желанию митрополита (*Вольф 1877. Ч. 1. С. 41—42; Ч. 2. С. 37, 41, 46; Гозенпуд А. Музыкальный театр в России. От истоков до Глинки: Очерк. Л., 1959. С. 713—714; Гозенпуд 1965. С. 338—339*). В репертуаре русского театра 1830—1840-х годов — “едва ли не самая популярная опера” (*Гозенпуд 1969. С. 86*). В окончательном тексте “Ревизора” опера впервые фигурирует под своим полным названием, в *ЧА1* и *АК1* — “Роберт” (т.е. как на русской оперной сцене), в *АК1* затем вычеркнуто, в *АК2, Р36, Р41* не упоминается. “Норма” (“Norma”) — опера в 2 действиях В. Беллини, либретто Ф. Романи (тема заимствована из одноименной трагедии французских драматургов М. Бельмонте и А. Суме). Премьера — 26 декабря 1831 г., Милан, Ла Скала. Премьера в Петербурге — в сезон 1835—1836 гг., в исполнении немецкой оперной труппы; на русском языке — 3 октября 1837 г. (*Вольф 1877. Ч. 1, С. 48; Ч. 2. С. 41, 46, 51; Гозенпуд 1965. С. 271—272; Гозенпуд 1969. С. 98—100*). Упоминание “Нормы” в окончательном тексте “Ревизора” (взамен “Сумбеки” и “Фенеллы” — в *АК1, АК2, Р36, Р41*), очевидно, отражало стремление Гоголя приблизить действие комедии к современности — из трех упомянутых в окончательном тексте “Ревизора” (1842 г.) пьес в репертуаре санкт-петербургских императорских театров в сезоны 1841—1842 и 1842—1843 гг. сохранялись “Роберт” и “Норма” (*Вольф 1877. Ч. 2. С. 85, 94*). О восприятии оперных спектаклей петербургской публикой в 1835—1836 гг. Гоголь пишет в “Петербургских записках 1836 года”: «Опера принимается у нас очень жадно. До сих пор не прошел тот энтузиазм, с каким бросился весь Петербург на живую, яркую музыку “Фенеллы”, на дикую, проникнутую адским наслаждением музыку “Роберта” {...} Люди такие, которых никто не подозревал в музыкальном образе мыслей, сидят неотлучно в “Жизни за царя”, “Роберте”, “Норме”, “Фенелле” и “Семирамиде”. Оперы даются почти два раза каждую неделю, выдерживают несчетное множество представлений, и все-таки иногда трудно достать билет» (*Ак. Т. VIII. С. 183—184*). П.В. Анненков свидетельствовал, что на мотивы “новейших опер”, в том числе “Фенеллы” и “Роберта”, Гоголь с участием Н.Я. Прокоповича и А.С. Данилевского “составлял куплеты и песни на общих знакомых” (*Анненков 1989. С. 51*).

С. 44. ...под именем барона Брамбеуса... — Барон Брамбеус — один из литературных псевдонимов О.И. Сенковского (1800—1858), в ту пору редактора (в 1834—1835 гг. совместно с Н.И. Гречем) и одного из ведущих авторов “Библиотеки для чтения” (этим псевдонимом обычно подписывал беллетристические произведения, критические статьи, как правило, — настоящим именем). Профессиональные взаимоотношения Гоголя и

Сенковского к моменту появления “Ревизора” на сцене и в печати носили достаточно напряженный характер. Опыт сотрудничества Гоголя с издаваемой А.Ф. Смирдиным “Библиотекой для чтения” (первый том вышел в 1834 г., цензурное разрешение 31 декабря 1833 г.) закончился неудачно: предназначенная для второго тома журнала повесть “Кровавый бандурист” не была пропущена цензурой (Литературный музей: (Цензурные материалы I-го отд. IV секции Государственного архивного фонда) / Под ред. А.С. Николаева и Ю.Г. Оксмана. Пб., (1921). С. 351–352). Есть основания предполагать, что в процессе подготовки повести к публикации Сенковский позволил себе вмешательство в ее текст, чем навлек на себя недовольство Гоголя: “Разнесся слух, — писал 10 января 1834 г. А.В. Никитенко в своем дневнике, — будто он (Сенковский. — Ред.) позволяет себе статьи, поступающие к нему в редакцию, переделывать по-своему. Судя по его опрометчивости и характеру, довольно дерзкому, это весьма вероятно. У меня сегодня был Гоголь-Яновский в великом против него негодовании” (Никитенко. Т. 1. С. 133). Эта запись позволила В.А. Каверину утверждать, что “почин ссоры” между Сенковским и Гоголем “был взят на себя” последним (Каверин В. Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского журналиста, редактора “Библиотеки для чтения”. Л., 1929. С. 251–252). О резко отрицательном отношении к редакторскому произволу Сенковского см. также в статье Гоголя “О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году” (Совр. 1836. Т. 1). В третьем томе “Библиотеки для чтения”, в рецензии на вторую часть альманаха “Новоселье” (СПб., 1834), Сенковский негативно оценил “Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”. Отметив “большое дарование” автора (в повести “есть несколько забавных и веселых картин”), Сенковский назвал Гоголя малороссийским Поль де Коком, объясняя, что считает это сравнение “искренней и заслуженной похвалой”, поскольку видит в Поль де Коке “много, и премилого, дарования”. Гоголя, как и Поль де Кока, Сенковский упрекал в нарочитом “выборе предметов повести, которые всегда почти у него грязны и взяты из дурного общества” (БдЧ. 1834. Т. 3. Отд. V. С. 31–32). В том же снисходительном тоне отозвался Сенковский об “Арабесках” (“это не литература” — БдЧ. 1835. Т. 9. Отд. VI. С. 13). Оценка “Миргорода” была неоднозначной: отметив достоинства “Тараса Бульбы” и “Старосветских помещиков”, критик подтвердил свое отрицательное мнение о “Повести о том, как поссорился...” и резко отозвался о “Вии” (в нем “нет ничего, кроме нескольких страшных, невероятных сцен”. — Там же. 1835. Т. 9. Отд. VI. С. 30–33). В статье “О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году”, опубликованной в первом томе “Современника” за 1836 г. (цензурное разрешение 31 марта 1836 г.), Гоголь дал отрицательную оценку “Библиотеке для чтения” в целом (сделав исключение лишь для отдельных стихотворений, переводов и отдела “Смесь”), и особенно деятельности Сенковского как автора научных сочинений (в том числе о Востоке — главном предмете разыска-

ний Сенковского), критических статей (“отсутствие всякого мнения”; неспособность четко определить цель разбираемого текста и оценить, в какой мере она выполнена), беллетристических произведений (“неумеренное подражание нынешним писателям французским” — там же. С. 161). По мнению В.В. Гиппиуса, характеристика Сенковского в статье “непосредственно напоминает как самый образ Хлестакова в гоголевской комедии, так и гоголевские характеристики Хлестакова” (*Гиппиус В.В. Заметки о Гоголе // Уч. зап. ЛГУ. Серия филол. наук. Вып. 11. Л., 1941. С. 10*). Анонимный характер публикации статьи “О движении журнальной литературы...” рядом исследователей был истолкован как стремление обезопасить Гоголя от нападков Сенковского — в связи с предстоящей 19 апреля премьерой “Ревизора”: при этом инициатива снятия имени Гоголя приписывалась Пушкину (*Березина В.Г. Новые данные о статье Гоголя “О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году” // Гоголь: Статьи и материалы. Л., 1954. С. 77, 81*) или самому Гоголю (*Рыскин Е. О статье Н.В. Гоголя “О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году” // РЛ. 1965. № 1. С. 142*). Резко отрицательный отзыв Сенковского о “Ревизоре” появился незамедлительно — *БдЧ. 1836. Т. 16. Отд. V. С. 30—44*; без подписи, цензурное разрешение 30 апреля (подробнее см. с. 670—671 наст. изд.). Об отношении Гоголя к Сенковскому см. также: *Войтоловская 1971. С. 170—185*.

С. 44. ...*Фрегат Надежды...* — «Фрегат “Надежда”», повесть А.А. Бестужева-Марлинского; впервые опубликована: *Сын Отечества. 1833. № 9—17*. Возможно, имеется в виду пьеса Н.П. Писарева — драматическое представление, взятое из одноименной повести А. Марлинского, премьера — в 1837 г.; 28 сентября в Москве, 8 декабря — в Санкт-Петербурге (*ИРДТ. Т. 3. С. 329*).

С. 44. ...*Московский телеграф...* — литературный и научный журнал, издавался в Москве в 1825—1834 гг. Н.А. Полевым совместно с братом К.А. Полевым. Закрыт по распоряжению Николая I за отрицательную рецензию Н.А. Полевого на пьесу Н.В. Кукольника “Рука Всевышнего отечество спасла”. В статье “О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году” Гоголь отмечал, что “Телеграф давно потерял тот резкий тон, который давало ему воинственное его положение в отношении журналов петербургских”.

С. 44. *Мне Смирдин дает за это сорок тысяч.* — А.Ф. Смирдин (1795—1857) — книгопродавец и издатель, в том числе журнала “Библиотека для чтения” (1834—1848). По свидетельству А.В. Никитенко, годовой гонорар, получаемый редактором *БдЧ* О.И. Сенковским от А.Ф. Смирдина, составлял 15 тысяч рублей, что заставило “взбелениться” “наших почтенных литераторов” (*Никитенко. Т. 1. С. 133*). В ранних редакциях “Ревизора” (*ЧА1, АК1, АК2, Р36, Р41*) фигурировала сумма “двадцать пять тысяч” и только в окончательном тексте “гонорар” Хлестакова достиг сорока тысяч. В статье “О движении журнальной литературы

в 1834 и 1835 году” Гоголь дал достаточно высокую оценку издательской и книготорговой деятельности Смирдина: известен своею “деятельностию и добросовестностию”, “дал движение книжной торговле” (позднее отношение Гоголя к Смирдину ухудшилось, в письме к В.А. Жуковскому около 4 января 1840 г. он объяснял, что со Смирдиным не хочет “иметь сношений”).

С. 44. ...это точно Загоскина; а есть другой Юрий Милославский, так тот уж мой. — “Юрий Милославский, или Русские в 1612 году” (М., 1829), исторический роман М.Н. Загоскина; ...другой Юрий Милославский... — По версии М. Альтмана, ироническая реплика, метящая в А.А. Шаховского, автора инсценировки “Юрия Милославского”. Свое предположение Альтман аргументировал тем обстоятельством, что переделка “Юрия Милославского” Загоскина для театра безоговорочно именовалась пьесой Шаховского (*Альтман М. Заметки о Гоголе // РЛ. 1963. № 1. С. 144*). Эта гипотеза вызывает сомнение, поскольку вступает в противоречие с самой художественной природой “сцены вранья”, исключающей логическую аргументацию “признаний” Хлестакова. Само же суждение о “присвоении” Шаховским “Юрия Милославского” справедливо лишь отчасти: в репертуарных объявлениях (даже премьерных) фамилии авторов, как правило, вообще не указывались (так было и в случае с “Юрием Милославским” — *СПч. 1830. 11 октября. № 122. (С. 1)*). В рецензии на спектакль, помещенной в “Северной пчеле”, в названии, ни Загоскин, ни Шаховской также не фигурируют, они упоминаются только в самом тексте, при этом подчеркнута, что “чужой роман” обращен в собственное “романтическое представление” (*СПч. 1830. 23 октября. № 127. С. (3)*). В хронике А.И. Вольфа, в разделе “Оригинальные трагедии и драмы”, фигурирует “Юрий Милославский” князя Шаховского (*Вольф 1877. Ч. 2. С. 18*), при этом имя Загоскина не упоминается. В сохранившемся театральном списке название инсценировки выглядит иначе: “Юрий Милославский. Романтическое представление в пяти сутках, переделанное для сцены из романа: Русские в 1612-м году, князем А.А. Шаховским” (*ОР и РК СПбТБ. I.V.3.28*). В театральной рецензии С.Т. Аксакова: “Юрий Милославский, романтическое представление, в пяти сутках, взятое из романа г. Загоскина, соч. К. Шаховского” (*Молва. 1831. № 7. С. 13–14; Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 529–530*). Премьера пьесы в Петербурге состоялась 13 октября 1830 г., в Москве — 13 февраля 1831 г. (*ИРДТ. Т. 3. С. 337*).

С. 44. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа ~ отыскать в природе. — В комментариях П. Столянского к этому фрагменту приведен источник, подтверждающий факт доставки готовых блюд из других стран (конечно, не в горячем виде) еще в начале 20-х годов XIX в., — письмо К.Я. Булгакова А.Я. Булгакову от 21 октября 1821 г., в котором говорится о супе, присланном из Лондона (кстати, во второй редакции “Ревизора” — источник АК2 — речь шла о блюде, полученном гра-

фом Кочубеем именно из Лондона), и о готовых обедах из Парижа, отправляемых в Индию “в каких-то жестяных посудах нового изобретения, где они сберегаются от всякой порчи” (РА. 1903. № 1. С. 81; Столянский 1910. С. 65).

С. 44. ...*Ваше Превосходительство*. — Общий титул для чинов III—IV классов (Шепелев 1991. С. 222).

С. 46. Он, однако ж, меня очень понравил... — Понравить (что, кого) — полюбить, избрать, выбрать (Даль. Т. III. С. 288).

С. 52. ...*судья здешнего уездного суда, коллежский ассессор*... — См. с. 797 наст. изд.

С. 52. ...*к Владимиру 4-й степени*... — См. с. 800 наст. изд.

С. 52. ...*Анна 3-й степени*... — Орден св. Анны, учрежден в 1736 г., первоначально — трех степеней, с 1815 г. — четырех (Шепелев 1991. С. 196). В порядке старшинства российских орденов орден св. кн. Владимира был выше ордена св. Анны.

С. 53. ...*почтмейстер, надворный советник*... — Уездный почтмейстер, в соответствии с именным указом от 20 ноября 1835 г., имел чин не ниже 9-го (титулярный советник) или 8-го (коллежский ассессор) класса (Полн. собр. законов 2. Т. X. Отд. 2. С. 1114; Приложения. С. 339, 344). Надворный советник — чин более высокого, седьмого класса.

С. 55. ...*Ваше бла... преос... сият...* — Благородие — общий титул для дворян и обер-офицерских чинов; преосвященство — общий титул для епископов; сиятельство — общий титул для князей и графов (Шепелев 1991. С. 221—223).

С. 55. ...*попечитель богоугодных заведений, надворный советник*... — В соответствии с вышеупомянутым указом, попечитель заведений Приказов общественного призрения (т.е. богоугодных заведений) имел чин не ниже 8-го класса (коллежский ассессор) — Полн. собр. законов 2. Т. X. Отд. 2. Приложения. С. 338. Надворный советник — чин более высокого, седьмого, класса.

С. 56. ...*Перепетуя*. — Перпетуя (лат. всегдашняя, вечная), св. мученица, знатная карфагенянка, отказалась принести жертву идолам и была казнена в 202 г. (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. М. (1992 — репринтное изд.). Стб. 1796).

С. 57. ... *приказ общественного призрения*. — См. с. 00 наст. изд.

С. 58. ...*чтоб он теперь уже был ~ Добчинский-с*. — С 23 июля 1829 г. в соответствии с повелением Николая I, в России действовало положение “Об оставлении без уважения прошений, относительно (...) сопричтения к законным детей, рожденных до брака” (Полн. собр. законов 2. Т. IV. С. 528).

С. 58. *Я прошу вас покорнейше ~ Петр Иванович Бобчинский*. — По свидетельству очевидца событий, Л.Л. Леонидова, в антракте премьерного представления “Ревизора” в Александринском театре состоялся следующий разговор между Николаем I и артистом Петровым, исполнявшим

роль Бобчинского: “(Николай I.) А! Бобчинский. Так, так и сказать, что в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский? — Точно так, ваше величество... — ответил тот бойко. — Ну, хорошо, будем знать, — заключил Государь, обратившись к другим присутствующим на сцене” (Леонидов 1888. С. 228—229).

С. 60. ...чтобы так, как фельдъегеря, катили! — Фельдъегерь — военный или правительственный курьер для доставки важных, преимущественно секретных, документов.

С. 61. ...сиделец не будет есть... — Сиделец — приказчик, продавец в лавке.

С. 61. Именины его бывают на Антона ~ и на Онуфрия... — Отмечено, что присвоение Городничим именин Онуфрия (12 июня и 21 июля) основано на том, что один раз в году — 28 сентября — память святых Антония и Онуфрия отмечается одновременно (*Amberg L. Kirche, Liturgie und Frömmigkeit im Schaffen von N.V. Gogol’*. Bern; Frankfurt am Main; New York; Paris, 1986. S. 107).

С. 61. ...ты у меня, любезный, поешь селедки!” — По одной из версий, выражение “поешь селедки” следует толковать в переносном смысле: “селедкой” “называли шпагу частных приставов и квартальных поручиков, а также тесак городских” — можно предположить, что городничий грозит дать купцам “наедине несколько ударов ножнами своей шпаги” (А.Б. О немецких переводах “Ревизора” Гоголя // Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки. 1904. Т. 1. № 1. С. 108). Эта версия противоречит тексту в ЧА1, АК1, АК2 (см. с. 197, 312, 516 наст. изд.).

С. 63. ...мужу-то моему ~ он женатой. — В соответствии с рекрутским уставом, подписанным 28 июня 1831 г. и вступившим в силу с 1 января 1832 г., отдача в рекруты в рамках каждого рекрутского участка регулировалась специальными “очередными” списками, фиксирующими очередность семейной рекрутской повинности. Мещанство каждого города составляло особый рекрутский участок; если в нем было более тысячи душ — в участке состоял рекрутский староста, если менее — обязанности рекрутского старосты возлагались на мещанского старосту. Основной принцип набора рекрутов был количественный: т.е. первой по очереди значилась семья, в которой число душ, подлежащих рекрутскому набору, было наибольшим и т.д. Семейства, в которых набору подлежал только один человек, от рекрутской повинности, за исключением особых случаев, освобождались. Если очередные семейства по числу работников были равны, то рекрута ставило то семейство, в котором было более работников, старших по летам, если же и здесь было равенство, то бросали жребий. Рекрутский устав 1831 г. защищал от набора женатых только в рамках отдельного семейства — при наличии выбора в рекруты отдавали холостого (*Полн. собр. законов 2. Т. VI. Отд. 1. С. 505, 514, 516—517*). Однако 8 ноября 1834 г. последняя статья (в числе прочих) была снабжена дополнением, в соответствии с которым родителям предоставлялось право “отдавать в рекруты

женатых сыновей, если они бездетны, прежде холостых”, а также “давать всем сыновьям жребий” (Там же. Т. IX. Отд. 2. С. 150). На рекрутский набор в целом “защита женатых” распространилась только с июня 1837 г. — при прочих равных условиях (по числу работников или по числу работников, старших по летам) рекрута ставило то семейство, в котором было более холостых или вдовых, но бездетных (Там же. Т. XII. Отд. 1. С. 543).

С. 63. *“Он, говорит, вор ~ возьмут в рекруты”*. — Невзирая на семейные очереди, разрешалось отдавать в рекруты лиц, “обличенных по суду в (...) малоценных кражах”. Основанием для этого (в мещанском сословии) являлось решение 24 “добросовестных” мещан (путем голосования двумя третями), утвержденное Думой (Там же. Т. VI. Отд. 1. С. 539–540).

С. 63. *А за ошибку-то повели ему заплатить штраф*. — В соответствии с сенатским, по высочайшему повелению, указом от 21 января 1835 г., “за каждый удар, невинно данный”, по неправильному судебному приговору, взыскивалось по 200 рублей (Там же. Т. X. Отд. 1. С. 62).

С. 65. *“О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек...”* — Первые две строки “Оды, выбранной из Иова, главы 38, 39, 40 и 41” М.В. Ломоносова (о роли этой цитаты в “Ревизоре” подробнее см.: Манн Ю.В. Ломоносов в творческом сознании Гоголя // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1986. № 6. С. 533–534).

С. 66. *Для любви нет различия ~ “Законы осуждают”*. — Цитата из стихотворения в повести Н.М. Карамзина “Остров Борнгольм” (“Законы осуждают предмет моей любви...”). Ссылку на Карамзина и его повесть (в ситуации, когда герой просит руки замужней женщины) исследователи рассматривают в ряду откликов на содержащуюся в “Острове Борнгольм” апологетику запретной любви — брата к сестре (см.: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. “Письма русского путешественника” Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 575). О гротескном развитии указанного мотива см.: Lauer R. Die intrigenlose Komödie. Zur Motivstruktur von N.V. Gogol’s “Revisor” // Gattungsinnovation und Motivstruktur. Göttingen, 1992. S. 85–86.

С. 72. *...может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь*. — 19 июля 1835 г. был издан указ о “переименовании в военные чины” городничих из отставных военных (Полн. собр. законов 2. т. X. Отд. 1. С. 833–834). С 22 декабря того же года действие этого указа (“зачисление по армии и кавалерии”) распространялось только на городничих, прослуживших “в сих должностях” не менее пяти лет и особо отличившихся (Там же. Отд. 2. С. 1241).

С. 72. *Кавалерию повесят тебе через плечо. ~ красную или голубую?* — Кавалерия (от “Кавалер ордена”) — орденская лента. Цвета “кавалерии”, упомянутые городничим (голубой и красный), соответствовали

двум российским орденам: высшему — ордену св. Андрея Первозванного (учрежден в 1698 г.; знаки ордена — крест, звезда; голубая лента, перекинутая через правое плечо), и следующему за ним ордену св. Александра Невского (учрежден в 1725 г., знаки ордена — крест, звезда, красная лента, надеваемая через левое плечо) — *Шепелев 1991. С. 191–193.*

С. 73. ...*ряпушка*... — Рыба семейства лососевых. В *АРЗб* — рябушка. Такое же написание в *ЧА1, АК1, АК2* (исправлено на “ряпушка” карандашом рукой неустановленного лица), *ТС1*. В словаре 1822 г.: ряпушка (Словарь Академии российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. V. СПб., 1822. Стб. 1141).

С. 73. ...*Отче наша не знаешь*... — Молитва “Отче наш” (Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 9–13).

С. 73. ...*разодмет*... — Дмить — надувать, раздувать воздухом (*Даль. Т. I. С. 440*). См. также комментарий к с. 813.

С. 78. *От человека невозможно; а от Бога все возможно.* — В Евангелии от Матфея (гл. 19, ст. 26): “А Иисус, возрев, сказал им: человекам это невозможно, Богу же все возможно” (отмечено в изд.: *Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. / Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. Т. 4. М., 1994. С. 531–532*).

С. 79. ...*отправить его с эстафетой*... — Эстафета (*франц. estafette*) — срочная почта, доставлявшая письма, донесения и т.п. с помощью специальных нарочных, сменявших друг друга в пути в определенных пунктах.

С. 83. ...*в С.-Петербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под № 97, поворачивая на двор, в 3 этаже, направо.* — За исключением названия улицы, Гоголь точно воспроизводит собственный адрес: с лета 1833 по 6 июня 1836 г. (т.е. и в период создания “Ревизора”) он жил в двух маленьких комнатах, на третьем этаже (вход со двора) в доме (принадлежавшем придворному музыканту Лепену) по Малой Морской улице. В адресной книге Санкт-Петербурга на 1837 г. (цензурное разрешение от 3 мая 1837 г.) адрес Гоголя еще фигурирует, хотя он уже давно находится за границей: “Гоголь (так. — *Ред.*), Николай Вас., отст. чин. 8 кл., по малой Морской № 18 — 1 ч. 2 кв. № 97» (*История 1837. С. 534*; адрес приведен по новой нумерации — с указанием улицы и номера дома на ней — и по старой — с указанием номера полицейской части, квартала, дома). Современный адрес — Малая Морская, дом 17 (*Яцевич А. Пушкинский Петербург. Л., 1935. С. 265–266; Гиллельсон М.И., Мануйлов В.А., Степанов А.Н. Гоголь в Петербурге. Л., 1961. С. 75–76*). Упоминание Почтамтской улицы (где располагались здания Почтового департамента, но дома под № 97, правда, не было, — см.: Нумерация домов в Санктпетербурге... СПб., 1836. С. 30, 188) прежде всего связано с художественной необходимостью мотивировать причину, по которой почтмейстер решился распечатать письмо («Взглянул на адрес, вижу: “в Почтамтскую улицу”. Я так и обомлел. “Ну, — думаю себе, — верно, нашел беспорядки по почтовой части и уведо-

мляет начальство”, — взял да и распечатал»). При этом существует предположение, что выбор местожительства Тряпичкина (который “пописывает статейки”, “отца родного не пощадит для слова и деньгу тоже любит”) связан с “гоголевскими личными ассоциациями” и содержит намек на Ф.В. Булгарина, жившего некоторое время в Почтамтской улице, где, возможно, состоялась его встреча с Гоголем в первые месяцы 1829 года (*Манн 1994. С. 205–207*).

С. 83. *Реприманд* (франц. *térimande*) — упрек, выговор, нагоняй; неожиданность, неожиданный оборот дела (Словарь совр. рус. лит. языка. Т. 12. М.; Л., 1961. Стб. 1238).

С. 86. “*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*” — Народная поговорка. В Древней Руси раз в году, после завершения сельскохозяйственных работ, в день св. Георгия (Юрия), 26 ноября ст. ст., крестьянам разрешалось переходить от одного помещика к другому. В конце XVI в. это право было отменено. Здесь — в переносном смысле: неожиданно возникшее безвыходное положение, прекращение свободы действий.

ПЕРВАЯ ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ (ЧА1)

С. 143. ...*Эвл...* — Евпл (греч. благоплавающий) — мученик, память которого отмечается 11 августа (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. I. М., 1992 — репринтное изд.). Стб. 820).

С. 153. *Ведь Руч работал...* — Руч — известный петербургский портной, мастерская — Невский проспект, 8, в собственном доме (*Нистрем 1837. С. 1452, 1458; Нумерация домов в Санктпетербурге... СПб., 1836. С. 10, 195*). В 1832 г. Гоголь заказывал у него сюртук для А.С. Данилевского: “На требование же мое поставить тебе сукно по 25 р. аршин Руч дал мне один обыкновенный свой ответ, что он низких сортов сукон не держит” (письмо Гоголя к А.С. Данилевскому от 30 марта 1832); “Сейчас только что принесли мне от Руча твой модный сюртук. Мерка у него твоя была в сохранности, и он уверяет, что совершенно сделал по ней” (письмо Гоголя А.С. Данилевскому от 26 апреля 1832 г.)). Ср. также упоминание в “Записках сумасшедшего” (в составе вышедших в 1835 г. “Арабесок” Гоголя): “Дай-ка мне ручевский фрак, сшитый по моде...”.

С. 168. ...*брусила...* — Брусить — нести чепуху, бредить, врать.

С. 169. ...*планжевое...* — Возможно, имеется в виду бланжевый цвет (от франц. *blanc, blanche* — белый) — кремовый оттенок белого. У В. Даля приводится также написание “планшевый” (*Даль. Т. I. С. 96*). В изданиях начала XIX в. планшевый трактовался как дровяной цвет (от франц. *planchette* — дощечка) — *Кирсанова 1995. С. 42*.

С. 174. ...*шлавор...* — шлафор, шлафрок (от нем. *Schlafrock* — халат) — мужская или женская просторная домашняя одежда, достигающая

лодыжек и подпоясанная обычно витым шнуром с кистями на концах (*Кирсанова 1995. С. 330*).

С. 174. ...с *Булгариным знаком...* — О взаимоотношениях Гоголя с Ф.В. Булгариним (журналистом, прозаиком, критиком, издателем, 1789—1859) см.: *Рейтблат А.И. Гоголь и Булгарин: К истории литературных взаимоотношений // Мат. и иссл. 1995. С. 82—98; Кузовкина Т. “Румяный критик мой...”* (к истории взаимоотношений Гоголя и Булгарина) // *Русская филология. 6. Тарту. 1995. С. 35—47; Кузовкина Т. Гоголь и Булгарин. “Диалог” в историко-литературном контексте // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Вып. III. Тарту, 1999. С. 71—87.*

С. 174. ...*приняли за Дибича за Балканского...* — Дибич-Забалканский Иван Иванович (1785—1831) — русский генерал-фельдмаршал (1829), участник русско-французских войн 1805, 1806—1807, 1812 (“Отечественной”), 1813—1814 гг., с 1823 — начальник Главного штаба. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. руководил военными действиями на Балканах, с февраля 1829 г. — главнокомандующий. Славу Дибичу принес его победный, закончившийся заключением мирного договора, поход на Адрианополь (с 20-тысячным отрядом, почти не обеспеченным связью с остальной армией). Русско-турецкая кампания доставила Дибичу титул Забалканского. С декабря 1830 г. — главнокомандующий войсками, направленными на подавление Польского восстания 1830—1831 гг. В *АК1* упоминание Дибича-Забалканского первоначально сохранено, а затем заменено на “Турецкого посланника”; “Турецкий посланник” фигурирует также в *АК2, Р36, Р41*; в *Р36Ц* “Турецкий посланник” исправлен Гоголем на “Дибича-Забалканского”, в окончательном тексте вместо “турецкого посланника” упоминается “главнокомандующий”.

С. 175. ...*в Библиотеке для чтения участвуя.* — См. с. 802—804 наст. изд.

С. 175. *Марлинского также...* — псевдоним А.А. Бестужева (1797—1837). Имя Марлинского первоначально фигурировало и во второй редакции “Ревизора” (*АК1*), однако в процессе правки этой рукописи было вычеркнуто и в последующие тексты не вошло. В окончательной редакции Гоголь упомянул повесть Бестужева «Фрегат “Надежда”», не называя при этом имени автора.

С. 175. ...*Фенела...* — под таким названием исполнялась опера Ф. Обера “Немая из Портичи” (“*La Muette de Portici*”), премьера в Санкт-Петербурге — в сезон 1833—1834 гг. в исполнении немецкой оперной труппы, с сюжетными изменениями (*Вольф 1877. Ч. 2. С. 37, 41, 46; Гозенпуд А. Музыкальный театр в России: От истоков до Глинки. Очерк. Л., 1959. С. 714—716*). По свидетельству А.И. Вольфа, пьеса имела огромный успех: накануне премьеры касса Александринского театра подверглась атаке зрителей (*Вольф 1877. Ч. 1. С. 36—37*), в сезон 1835—1836 гг. опера была сыграна около 25 раз, “публика все так же рвалась на ее пред-

ставления” (там же, с. 48), в сезон 1836–1837 гг. по-прежнему чаще всего давали “Фенеллу” (там же, с. 58). О “блистательном успехе” “Фенеллы” (“публика не может насытиться” оперой) писал и Ф.В. Булгарин, с похвалой отзываясь о музыке и постановке (декорациях, костюмах, балетных номерах) и с осуждением о вокалистах, за исключением мужского хора (Ф.Б. Несколько слов об опере: Фенелла, музыка соч. Обера; слова Скриба // СПч. 1834. 12 февраля. № 34. С. 133–134). В 1857 г. А.Н. Серов вспоминал, что “Фенелла” “лет двадцать пять назад восхищала весь Петербург на сцене немецкой” (Серов А.Н. Критические статьи. Т. 2. СПб., 1892. С. 856). “Фенелла” фигурирует также в текстах АК1, АК2, Р36 и Р41, в окончательной редакции (1842) не упоминается. Одно из представлений “Фенеллы” описано в романе М.Ю. Лермонтова “Княгиня Лиговская” (Лермонтов М.Ю. Сочинения. Т. VI. М.; Л., 1957. С. 130–137, 643). О “Фенелле” см. также с. 802 наст. изд.

С. 176. *Кочубей* Виктор Павлович (1768–1834) — русский дипломат и государственный деятель, граф (с 1799 г.), князь (с 1831 г.). В 1792–1797 — посланник в Турции, с 1798 г. — вице-канцлер, в 1801–1802 гг. — управляющий Коллегией иностранных дел, в 1802–1807 и 1819–1823 гг. — министр внутренних дел. С 1827 г. — председатель Государственного совета и Комитета министров, в 1834 г. — министр внутренних дел. Владелец Диканьки — селения, ближайшего к имению родителей Гоголя, Васильевке. Из письма Гоголя матери от 10 марта 1832 г. видно, что он бывал в доме Кочубея. Фамилия Кочубей первоначально фигурировала и в АК1, затем была вычеркнута. В последующих редакциях “Ревизора”, в том числе в окончательной, не упоминается.

С. 177. ...к звезде хотели меня представить... — К ордену со звездой. Звезда — знак орденов св. Андрея Первозванного, св. Александра Невского, св. Владимира 1-й и 2-й степеней, св. Анны 1-й степени (Шенелев 1991. С. 192–193, 195–196).

С. 208. *Канчук* (обл.) — казачья плеть, нагайка.

С. 217. ...к благородию... — См. с. 806 наст. изд.

С. 218. *Телепень* — толстый, нерасторопный человек; увалень.

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ КО ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ

С. 223. *Берет все на бор...* — Брать на бор — в долг (Даль. Т. I. С. 118).

С. 224. *Перед Воздвиженьем приехал.* — Воздвижение — Праздник Воздвижения Креста Господня, празднуется 14 сентября (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. I. М., (1992 — репринтное изд.). Стб. 536).

С. 235–236. ...толь(ко) и есть всего одна куро(а)тка ~ съел себе куро(а)тку. — Н.А. Смирнов указал на два рассказа в собрании А.Н. Афанасьева, совпадающие с этим фрагментом “Ревизора” сюжетно и отчасти дословно: встреча двух героев (в одном случае — “хохла” и цыгана, в другом — русского и татарина); предложение разрешить спор о том, кому достанется съестное (соответственно поросенок и курица) в зависимости от того, “кому лучшей сон приснится” (“кто увидит лучше сон”); сон цыгана (татарина) о пребывании на небе; уловка “хохла”: получил во сне “на небе” разрешение цыгана съесть поросенка (соответственно русского: “я видел, как тебя взяли на небо, подумал, что ты оттуда не воротиться, и съел курицу...”) — *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки. 2-е изд. Кн. III. М., 1873. С. 480–482, 491–493 (раздел “Рассказы об инородцах”); *Смирнов Н.А.* К литературной истории текста “Ревизора” Гоголя // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1901. Т. VI. Кн. 1. С. 239–240).

С. 236. ...дмется... — Слова “дмение, дмится” входят в собранные Гоголем (“Материалы для словаря”) (Ак. Т. IX. С. 476). В словаре В.И. Даля глагол “дмится” толкуется как “напыщаться, становиться гордым, надменным” (*Даль*. Т. I. С. 440).

С. 238–239. ...пелевские сапоги... — Пель — известный в ту пору сапожный мастер, мастерская — Гороховая ул., 5, в собственном доме (*История 1837*. С. 1459; Нумерация домов в Санктпетербурге... СПб., 1836. С. 17, 179); упоминается также в *ЧН4, АК2* — см. с. 238–239, 511 наст. изд.).

С. 239. ...красенькая бумажка... — Ассигнация достоинством в десять рублей.

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ (АК1)

С. 243–244. Это значит, Россия хочет вести войну с Турками или с Австрийцами... — Реалии, связанные с русско-турецкими отношениями, неоднократно встречающиеся в ранних редакциях “Ревизора” (упоминание о Дибиче-Забалканском, турецком посланнике, Румянцеве-Задунайском, осаде Силистрии), так или иначе отражают остроту и особую значимость “турецкого вопроса” во внешнеполитической деятельности России конца 1820 — начала 1830-х годов: русско-турецкая война (1828–1829), завершившаяся победой России и заключением 2(14) сентября 1829 г. Адрианопольского мира (упомянутая в тексте Австрия, опасаясь усиления позиций в Турции, стремилась помешать осуществлению планов Николая I — вплоть до неудавшейся попытки создания антиросийской коалиции: Австрия, Пруссия, Англия, Франция); попытки Турции добиться пересмотра договора (нота турецкого правительства от 25 сентября 1829 г.); чрезвычайное посольство А.Ф. Орлова в Констан-

тинополе (5 декабря 1829 г.), завершившееся подписанием Петербургской конвенции 26 апреля 1830 г. (разрешила неясности Адрианопольского договора); обращенная к России просьба турецкого султана о помощи в войне с египетским пашой (февраль 1833 г.), вход российского флота в Босфор и связанные с этим опасения Франции и Англии, их вмешательство, закончившееся заключением мира между пашой и султаном; подписание Ункиар-Искелесского договора (8 июля 1833 г.), годы действия которого (1833—1841) отмечены известным улучшением отношений между Турцией и Россией. В 1833 г. наступила и некоторая стабилизация в отношениях России и Австрии — по заключенному осенью этого года Мюнхенгрецкому соглашению (6 сентября 1833 г.) Австрия была приобщена к выгодам, достигнутым Россией в русско-турецкой войне (*Гальберштадт Л.* Внешняя политика России в царствование императора Николая I // Три века. Россия от смуты до нашего времени. Т. VI. М., 1913. С. 41—64; *Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г.: Из истории восточного вопроса. М., 1975).

С. 260. ...карпетки... — Карпетка (польск. skarpetka) — короткий мужской чулок, носок.

С. 262. ...две талии прокинул... — Талия — комплект игральных карт из двух колод; круг карточной игры до окончания колоды у банкмета. Прокинуть — раскладывать карты до конца колоды или до срыва банка.

С. 264. ...показывает свою торнюру... — Турнюр (франц. tournure) — сложение, внешность, осанка.

С. 285. Уж никак не больше Коллежского Ассессора, даже немножко меньше. — Коллежский ассессор — гражданский чин 8-го класса. Более низкий чин (9-го класса) — титулярный советник.

С. 286. Приезжаю я ~ “Извините, говорю, что не кулаком”. — Н.А. Смирновым указан один из возможных источников этого эпизода — рассказ о столкновении в гостинице ряды стихотворца и “забиячливого молодчика, низкого роду”: молодчик наступил стихотворцу на ногу и не желал извиниться, последний, потеряв надежду вразумить обидчика, ударил его, сказав: “не прогневайся, что не ладонью, а кулаком” (Сатирический вестник, удобобоспособствующий разглаживать наморщенное чело старичков... 1795. 2-е изд. Ч. IV. С. 32—35; Смирнов Н.А. К литературной истории текста “Ревизора” Гоголя // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1901. Т. VI. Кн. 1. С. 237—238).

С. 288. А как странно сочиняет Пушкин ~ Недавно он такую написал пиэсу Лекарство от холеры... — Исследователями обращено внимание на сходство этого описания с фрагментом из письма Пушкина Н.Н. Пушкиной от 11 октября 1833 г. из Болдина: “Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф славнейшей настойки — он хлоп

стакан, другой, третий — и уж начнет писать! — Это слава” (*Пушкин*. Т. 15. С. 87). Упоминание “Лекарства от холеры” — возможно, отзвук имевших место в действительности попыток приписать Пушкину компрометирующие его тексты. В дневниковой записи от 10 мая 1834 г. Пушкин с раздражением упоминает о публике, которая “благосклонно и милостиво” приписывает ему “скверные стихи, исполненные отвратительного похабства” (*Пушкин*. Т. 12. С. 328). Было высказано предположение, что здесь идет речь о распространявшемся в списках стихотворении фривольного характера “Первая ночь брака” (*Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. VIII. Л., 1978. С. 363). О попытках приписать Пушкину компрометирующие его стихи Гоголь впервые упоминает в авторском примечании к статье “Несколько слов о Пушкине”: “Под именем Пушкина рассевалось множество самых нелепых стихов. Это обыкновенная участь таланта, пользующегося сильною известностью. Это вначале смешит, но после бывает досадно, когда наконец выходишь из молодости и видишь эти глупости не прекращающимися. Таким образом начали наконец Пушкину приписывать: Лекарство от холеры, Первую ночь и тому подобные” (статья вошла в первую часть напечатанной в 1835 г. книги Гоголя: “Арабески”). В рукописях “Ревизора” пассаж о том, как сочиняет Пушкин (вместе с упоминанием “Лекарства от холеры”) фигурирует лишь в так называемой второй редакции (*АК1*, нижний слой). Первоначально Гоголь решил править текст, относящийся к Пушкину, но затем вычеркнул полностью (наряду с исключением большинства упомянутых в этой рукописи реальных лиц). См. также дискуссионное предположение об исключении этого фрагмента под влиянием самого Пушкина (*Дрыжакова Е.* Рискованная шутка Гоголя на чтениях “Ревизора” // *РЛ*. 2001. № 1. С. 190—195). В упомянутом исследовании отмечается также, что хранящийся в *ОР ИРЛИ* текст “Лекарства от холеры” представляет собой всего лишь рецепт изготовления эликсира благоденствия, однако в специфическом контексте, учитывая хождение так называемых эротических рецептов, уже само название могло быть истолковано как неприличный намек (там же, с. 192). См. также: *Прозоров В.В.* Хлестаков и Пушкин в сюжете комедии Н.В. Гоголя “Ревизор” // *Филология: Межвузовский сб. научн. трудов*. Вып. 5: Пушкинский. Саратов, 2000. С. 149—153.

С. 288. ...*Сумбека...* — “Сумбека, или Покорение Казанского царства”, балет, музыка И. Сонне, в основе либретто — поэма М.М. Хераскова “Россияда”, балетмейстер А. Блаш. Премьера в Петербурге — 3 ноября 1832 г. (*Красовская В.* Русский балетный театр от возникновения до середины XIX века. Л.; М., 1958. С. 195—198). По свидетельству А.И. Вольфа, работа балетмейстера Блаша (сменившего в императорском санкт-петербургском театре главного балетмейстера Дидло в сезон 1831—1832 гг.) не пользовалась успехом у публики (*Вольф 1877*. Ч. 1. С. 29, 32). “Сумбека” шла в сезоны 1833—1834, 1834—1835 гг. (*Вольф 1877*. Ч. 2. С. 33, 37); в сезоны 1835—1836, 1836—1837 гг. в репертуаре отсутствует. Упоми-

нается в текстах *AK1, AK2, P36, P41*, в окончательном тексте “Ревизора” не фигурирует.

С. 299. ...*пятнадцать лет служит ~ одну пряжку.* — Имеется в виду особый “Знак отличия беспорочной службы” в виде прорезной пряжки с римскими цифрами (по числу лет службы — от пятнадцати и далее, через пятилетие) в дубовом венке (*Шепелев 1991. С. 199*).

С. 308. *Ich habe die Ehre mich zu rekommandiren. Doktor der Armen-Anstalten, Hiebner.* (нем.) — Имею честь представиться. Доктор в богоугодном заведении, Гибнер.

С. 308. *Es freuet mich sehr die Ehre zu haben, einen so würdigen Mann zu sehen, den die hohe Obrigkeit bevollmächtigt hat...* (нем.) — Я очень польщен оказанной мне честью видеть столь достойного человека, которого уполномочило высокое начальство...

С. 308. ...*gibt...* (нем.) — даете.

С. 308. ...*sehen Sie...* (нем.) — посмотрите.

С. 308. *Wollen Sie eine Cigarre rauchen?* (нем.) — Не хотите ли Вы выкурить сигару?

С. 308. *Ich darf Sie nicht mehr zu beunruhigen und Ihnen die theure Zeit zu berauben, die Sie den Staatsgeschäften widmen.* — Я не смею Вас больше беспокоить и похищать у Вас драгоценное время, которое Вы посвящаете государственным делам.

С. 320. *У меня, право, есть муж; разве в Синод...* — Ср.: “Все дела о разводах производятся в Духовных Правительствах, и нигде не вершатся без рассмотрения и утверждения Св. Синода” (Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 10. Ч. 1. СПб., 1832. С. 9).

С. 336. ...“*Его Благородию ~ Превосходительству...* — См. с. 806 наст. изд.

С. 337. ...*у Палкина пообедать...* — заведение Палкина (Загородная, 22) зарегистрировано в списке “Отели, гостиницы и дома со столом для приезжающих” (*Нистрем 1837. С. 1427*).

РЕДАКЦИЯ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ (P36)

С. 359. *Сосницкий* — см. с. 831–832 наст. изд.

С. 359. *Сосницкая* (урожденная Воробьева) Елена Яковлевна (1800–1855) — актриса Александринского театра с 1817 г., жена И.И. Сосницкого. В роли Анны Андреевны выступила 102 раза (*ЕИТ. Сезон 1897–1898 гг. СПб., 1899. С. 118*).

С. 359. *Асенкова* Варвара Николаевна (1817–1841) — актриса Александринского театра. Дебютировала 21 января 1835 г. в бенефис И.И. Сосницкого, а в следующем сезоне (1835–1836) уже заняла одно из первых мест в труппе (*Вольф 1877. Ч. I. С. 39, 47; СпбВед. 1835. 20 января*).

№ 17. С. 132). В связи с болезнью, начавшейся во время поста, Асенкова некоторое время не появлялась на сцене, и выход в роли Марьи Антоновны оказался для нее первым в сезоне 1836–1837 гг. (*Сушков Д. В.Н.* Асенкова, артистка русского театра // *РРТ.* 1841. Кн. V. Отд. IV. С. 19; *Владимирова Н.Б., Романова Г.А.* Премьера “Ревизора” в Александринском театре // *Спектакль в контексте истории.* Л., 1990. С. 22). Игра Асенковой в “Ревизоре” была отмечена в итоговом обзоре театрального сезона 1836–1837 гг. в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (см. с. 718 наст. изд.). В роли Марьи Антоновны выступила 25 раз (*ЕИТ.* Сезон 1897–1898 гг. С. 118).

С. 359. *Хотяинцов* — актер петербургской драматической труппы, в роли Хлопова выступил 8 раз (там же, с. 119–120).

С. 359. *Григорьев б.* Петр Иванович (1806 или 1807–1871) — Григорьев 1-й, или старший, водевилист, актер Александринского театра (*Рус. писатели.* Т. 2. С. 38). В роли Ляпкина-Тяпкина появился 4 раза, трижды (впервые — 28 апреля 1836 г.) выступил в роли Городничего (*ЕИТ.* Сезон 1897–1898 гг. С. 117, 119). Об отношении П.И. Григорьева к “Ревизору” см. с. 707 наст. изд..

С. 359. *Толченов* Павел Иванович — в роли Земляники выступил 78 раз (*ЕИТ.* Сезон 1897–1898 гг. С. 119).

С. 359–360. *Крамолей* (Прусаков) Виктор Васильевич, *Петров* Александр, *Горшенков* Петр Иванович, *Ахалин* Григорий Степанович, *Марковецкий* Семен Яковлевич (1819–1884) — в ту пору воспитанники театрального училища. По свидетельству Л.Л. Леонидова, были избраны для участия в “Ревизоре” самим автором (см. с. 709 наст. изд.). О Крамолее и Петрове см. также с. 832 наст. изд. Горшенков выступил в роли Люлюкова 32 раза, Ахалин в роли Держиморды — 28 раз, Марковецкий в роли Мишки — 28 раз (*ЕИТ.* Сезон 1897–1898 гг. С. 122–123, 125).

С. 359. *Дюр* — см. с. 830–831 наст. изд.

С. 359. *Афанасьев* — см. с. 832 наст. изд.

С. 359. *Гибнер* — эту роль в премьерном спектакле играл Даллока; выступил в ней 15 раз (*ЕИТ.* Сезон 1897–1898 гг. С. 124).

С. 359. *Григорьев м.* Петр Григорьевич (1807–1854) — Григорьев 2-й, или младший, водевилист, дебютировал на сцене Александринского театра в 1829 г. (*Рус. писатели.* Т. 2. С. 37).

С. 360. *Гусева* Елена Ивановна (1793?–1853) — актриса Александринского театра. Выдвинулась в середине 1830-х годов как исполнительница ролей женщин “простого звания” (*Альтшуллер* 1968. С. 79).

С. 363. *Оба в ~ нанковых панталонах.* — Нанка — плотная хлопчатобумажная ткань саржевого переплетения (*Кирсанова* 1995. С. 186).

С. 429. ...отпускаю *bons mots*. — *Вон тот (франц.)* — острое словечко, острота.

ИЗ РЕДАКЦИИ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ (Р41)

С. 438. ...дать вместо четвертака золотой полуимпериял. — Четвертак — серебряная монета достоинством в четверть рубля. Полуимпериял — золотая монета достоинством в пять рублей.

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА, ПИСАННОГО АВТОРОМ ВСКОРЕ ПОСЛЕ ПЕРВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ “РЕВИЗОРА” К ОДНОМУ ЛИТЕРАТОРУ

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ЧН — черновые наброски. Хранятся: *ОР РНБ*. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 4. Тетрадь с автографами Гоголя, поступившими в Императорскую Публичную библиотеку (ныне *РНБ*) из бумаг А.А. Иванова. В библиотечном картонном переплете с кожаным корешком и уголками. На корешке тиснение золотом: “Разные сочинения Н.В. Гоголя”, марка библиотеки. Л. 44—47 об. Автограф представляет собой два двойных листа, вложенных друг в друга и вшитых в тетрадь; л. 44 об., 45, 47—47 об. не заполнены; чернила. Разм. 22 × 13,5. Бумага с филигранью: литерная часть — “London”, эмблема — русалка, с дудочкой (в которую дудит) в одной руке и венком в другой. Пагинации: 44—47 (чернилами, в правом верхнем углу); 44—47 (карандашом, по нижнему полю). Описание рукописи см. также: *Тих.* Т. 2. С. 676; Т. 7. С. 867—868; *Описание РНБ*. С. 10—11, 13 (описание архивной единицы в целом см.: *Тих.* Т. 7. С. 867—873; *Описание РНБ*. С. 10—13).

Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 2. С. 676—681 (как ряд не связанных друг с другом набросков). В *Ак.* впервые описано как “связная черновая редакция” и опубликовано в своде вариантов к окончательному тексту (*Ак.* Т. IV. С. 535, 489—496). Предположительно датируется: январь—февраль 1841 г.

АК — авторизованная копия (рукой В.А. Панова с правкой Гоголя). Хранится: *ОР ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 1. Тетрадь с вклеенными автографами Гоголя и относящимися к его жизни и творчеству материалами (портреты, иллюстрации, вырезки, театральные афиши). В переплете. На корешке тиснение золотом: “Н.В. Гоголь. Разные бумаги, спасенные М.П. Погодиным от сожжения”. Из собрания П.Я. Дашкова. Л. 71—71 об. Автограф представляет собой одинарный лист, заполненный текстом с обеих сторон; чернила. Разм. 26,9 × 20,6. Бумага (та же, что и в *АКЗ* “Двух сцен...”, в *АК4* явлений I—VIII действия IV) голубовато-серого цвета со штемпелем “ВАТН” (в прямоугольной рамке с виньетками).

Ср. описание вариантов штемпеля: *Клепиков 1959. С. 111; Клепиков 1968. С. 135–136.* Правый нижний угол листа оборван, подклеен другой бумагой при реставрации. На л. 71 — пометы рукой М.П. Погодина (?): “Критика”, “Ревизор и проч. (?)”.

Впервые опубликовано: *Москв.б. С. 483–489.* Предположительно датируется: январь—февраль 1841 г.

Москв.б — Москвитянин. 1841. Ч. III. № 6. С. 483–489 (цензурное разрешение — 31 мая 1841 г., цензор Н.И.Крылов). Раздел “Критика”, заглавие: Ревизор, комедия в 5 действиях, Н. Гоголя. Издание 2. Москва. В тип. Н.Степанова. 1841. В 8-ку. (Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору.)

Р41 — Ревизор, комедия в пяти действиях, соч. Н. Гоголя. Издание второе исправленное с приложениями. Москва. В типографии Николая Степанова, 1841. На обороте титула: “Печатано с издания 1836 года, с исправлениями”. С. 203–210 (цензурное разрешение — 26 июля 1841 г., цензор И. Снегирев).

Соч. 1842 — Сочинения Николая Гоголя. Том четвертый. Санктпетербург. В типографии А. Бородина и К°. 1842. С. 197–207 (цензурное разрешение — 30 сентября 1842 г., цензор А. Никитенко).

Соч. 1855 — Сочинения Гоголя. Том четвертый. Москва. В типографии Александра Семена. 1855. С. 205–214 (цензурное разрешение — 2 июня 1855 г., цензор И. Безомыкин).

Печатается по тексту *АК* со следующим исправлением:

С. 92, строки 26–27: должна не опускаться занавесь — вместо: должна не опускаться занавес.

* * *

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранятся черновые наброски “Отрывка из письма...” (*ЧН*) — поступили в 1862 г., в дар от С.А. Иванова, брата А.А. Иванова (Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1862 год. СПб., 1863. С. 48; *Описание РНБ. С. 10*). Наброски написаны в разное время (отличаются почерк и чернила) на двух двойных листах. Листы заполнялись не от начала к концу, а в иной последовательности. При этом четыре страницы оказались заполнены (л. 44, 45 об., 46, 46 об.), четыре нет (44 об., 45, 47 и 47 об.). Н.С. Тихонравов, первый публикатор набросков, воспроизвел их механически, т.е. в той последовательности, в какой они расположены на листах рукописи (*Тих. Т. 2. С. 676–680*). В комментариях указано, что наброски I, III–VII, X — более ранние, VIII и IX — более поздние (там же, с. 680–681; здесь и далее имеется в виду нумерация набросков в настоящем издании). Тихонравов не выделяет наброски II (помещен в конце наброска III) и V. Кроме того, текст наброски VIII и IX иначе распределен: набросок VIII у Тихонравова заканчивается словами: “показать на него поч-

ти публично пальцем” (конец л. 46), а весь текст л. 46 об. истолкован как набросок IX. В настоящем издании текст наброска VIII заканчивается словами: “как будто бы и не он” (л. 46 об.), т.е. складывается из текста на л. 46 и 46 об. В академическом собрании сочинений Гоголя впервые было указано, что черновые наброски “Отрывка из письма...”, будучи прочтены не в механической, а в хронологической последовательности, по существу, представляют собой связную черновую редакцию: «...стоит установить порядок, в котором записывал эти тексты Гоголь, как окажется перед нами, вместо восьми не связанных друг с другом “набросков”, вполне связная черновая редакция “Отрывка из письма” в целом» (Ак. Т. IV. С. 535). С тем, что указанный источник содержит связную черновую редакцию “Отрывка из письма...”, можно согласиться. Следует лишь отметить, что эта редакция, во-первых, не закончена — написано немногим более половины текста (возможно, черновые наброски ко второй части “Отрывка из письма...” не сохранились), а во-вторых, эта редакция не “вполне связная”, а более или менее связная, поскольку из десяти набросков только VIII и IX связаны друг с другом графически (т.е. IX является непосредственным продолжением VIII). Первый и третий наброски связаны по смыслу (заключительные строки первого дублируют в несколько измененном виде начало третьего). Остальные наброски чисто графически никак друг с другом не связаны, написаны на разных листах и через интервалы. Что же касается идеи о возможности прочтения связной редакции путем установления хронологической последовательности заполнения листов, то она, как нам представляется, неверна.

Комментаторы академического издания сочинений Гоголя предполагали, что Гоголь писал наброски в той последовательности, в которой они впоследствии вошли в окончательный текст “Отрывка из письма...”. Однако это противоречит и самой простой логике (если бы Гоголь писал последовательно, от начала к концу, то как могла бы возникнуть мозаичная композиция источника?), и изучению черновика. Анализ цвета чернил, характера почерка и правки, расположения набросков позволяет предположить, что листы были заполнены в три этапа: на первом этапе сделаны II и VIII наброски (II — на л. 46, VIII — на л. 46—46 об.; рыжие чернила), на втором — III—VII, X наброски (IV—VII — на л. 45 об., III и X — на л. 46, серые чернила, толстое перо), на третьем I и IX наброски (I — на л. 44, IX — на л. 46 об. и 44, такие же серые чернила, тонкое перо). При этом набросок II в несколько измененном виде вошел в наброски I и III, а набросок X вошел в набросок IX. В окончательный текст вошли наброски I, III, IV, VIII, IX. Наброски V, VI и VII в окончательный текст не вошли.

Логику размещения черновых набросков понять довольно сложно. Мы можем сделать следующие предположения. Черновые наброски написаны на двух двойных листах, в настоящее время вложенных один в другой и в таком виде пронумерованных (44, <44 об.), 45, <45 об.), 46, <46 об.), 47, <47 об.). Если разнять эти листы, то можно увидеть, что один, так назы-

ваемый внешний двойной лист (44—44 об. — 47—47 об.), заполнен лишь на первой странице (44). Второй, так называемый внутренний двойной лист (45—45 об. — 46—46 об.), на первой странице не заполнен, но заполнен на л. 45 об., 46, 46 об. Возможно, первоначально Гоголь писал на этом “втором” двойном листе, развернув его и заполнив правую сторону (л. 46). Такая “техника” характерна для Гоголя: он часто писал на правой стороне разворота, оставляя левую свободной для возможных вставок, исправлений и т.д. На правой стороне разворота (л. 46) Гоголь написал набросок II и часть наброска VIII, закончив набросок VIII на обороте л. 46. Затем, вернувшись к развороту, Гоголь написал четыре наброска (IV, V, VI, VII) на его левой стороне (л. 45 об.), по-видимому предполагая вставить их в текст, написанный на правой стороне. В окончательную редакцию вошел в измененном виде лишь один из этих набросков, четвертый, который действительно оказался вставленным в текст на соседней странице, между набросками III и VIII. Одновременно с набросками IV, V, VI и VII Гоголь написал два наброска (III и X) на правой стороне разворота (л. 46). Таким образом, разворот оказался заполненным. После этого Гоголь перевернул л. 46 и начал заполнять свободную часть его оборота наброском IX. Этот набросок здесь не уместился, поэтому Гоголь взял второй двойной лист, записав на его первой странице (л. 44) окончание наброска IX. В это же время на этой же странице написан набросок I. Причем, судя по расположению текста и типу пера на первой странице л. 44, можно предположить, что набросок I написан раньше наброска IX: набросок I занимает верхнюю часть страницы, а окончание наброска IX — нижнюю; кроме того, первый набросок написан тонким свежееотточенным пером, в девятом же наброске это тонкое перо становится толстым.

В настоящем издании черновые наброски печатаются полностью — в последовательности, вытекающей из прочтения набросков как связной черновой редакции (с опорой на окончательный текст “Отрывка из письма...”). Каждый набросок пронумерован римской цифрой, заключенной в угловые скобки (она предвещает и замыкает текст).

Следующим за черновыми набросками источником (т.е. связным и полным черновым, а может быть, и беловым текстом) мы не располагаем, но имеется снятая с него (или написанная под диктовку) копия (рукой В.А. Панова) с авторской правкой (АК). По содержанию авторская копия очень близка к черновым наброскам (разумеется, речь идет о той части текста АК, которая имеет соответствие в черновых набросках), но стилистически отличается от них очень значительно, отражая новый этап работы над текстом. Выше уже отмечалось, что три наброска (V, VI, VII) в окончательный текст, т.е. в АК, не вошли. Пятый набросок состоит всего лишь из одной фразы: “я боялся очень за Хлестакова”. В шестом наброске Гоголь объясняет, что не решился раскрыть исполнителю роли Хлестакова, “обыкновенному актеру”, суть характера этого персонажа, боясь сбить артиста

“совершенно с толку”. В седьмом наброске Гоголь выражает сожаление в связи с тем, что не издал комедии прежде премьеры, — это предотвратило бы неизбежное давление театральных впечатлений на будущих читателей. Не вошла в окончательный текст и первая фраза из наброска VIII, в которой, в частности, говорится, что исполнитель роли Городничего “был выше прочих здешних актеров”. Остальные расхождения носят преимущественно стилистический, уточняющий характер. Наиболее существенные из них отмечены ниже. В переписанный рукой В.А. Панова текст была внесена небольшая по объему правка — в основном стилистическая, в двух местах смысловая: Гоголь остановился на более жесткой характеристике костюмировки пьесы (вместо “очень плоха” стало: “очень плоха и бессовестно карикатурна”; кстати, слово “бессовестно” при публикации во втором издании “Ревизора” было снято и не вошло ни в Соч. 1842, ни в Соч. 1855), а в немой сцене поставил “степень боязни и страха” персонажей в зависимость не от “разных причин” (как было первоначально), а от “великости наделанных каждым грехов”.

Авторизованная копия “Отрывка из письма...” послужила источником публикации в “Москвитянине” и во втором издании “Ревизора”. Рукой М.П. Погодина(?) на первом листе копии сделаны пометы: “Критика”, “Ревизор и проч.” (последнее слово читается предположительно). Первая помета указывает на раздел, в котором помещен “Отрывок...” в “Москвитянине”, вторая, очевидно, на название публикации; в журнале оно выглядит так: Ревизор, комедия в 5 действиях, Н. Гоголя. Издание 2. Москва. В тип. Н. Степанова. 1841. В 8-ку. (Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору.) При публикации в “Москвитянине” (Москв.б) в текст было внесено около тридцати исправлений; в публикации 1841 г. (второе издание “Ревизора” — Р41) появилось еще несколько. По-видимому, большая часть исправлений была сделана М.П. Погодиным. В основном они носят стилистический характер, приближая текст к литературной норме; имеют место неоднократные пропуски слов, зачастую, по-видимому, случайные (как и замена, относящаяся к характеристике Бобчинского и Добчинского — “два человека” вместо авторского “два человечка”). Н.Я. Прокопович, не располагая АК, при подготовке “Отрывка...” (в Соч. 1842) пользовался дефектными текстами “Москвитянина” и второго издания “Ревизора”. При этом он внес свыше десяти дополнительных исправлений. Судя по всему, Гоголь не принимал участия в подготовке “Отрывка из письма...” для издания Прокоповича: правка не носит творческого характера, в большинстве случаев искажая смысл, меняя стиль, нарушая ритм, в ряде случаев просто ошибочна (“из парижских театров” исправлено на “с парижских театров”, “очерчивается” на “очеркивается”). Кроме того, в издании не исправлены даже грубые опечатки первых публикаций — так, в “Москвитянине” и втором издании “Ревизора” вместо “маленьких человечков” (речь идет о помещиках Добчинском и Бобчинском) напечатано “маленьких чиновников”, в изда-

нии Прокоповича эта ошибка повторяется. В подготовке текста для издания Н.П. Трушковского (который воспроизвел публикацию Прокоповича с двумя незначительными дополнительными исправлениями — *Соч. 1855*) Гоголь не участвовал, так как эта часть тома печаталась после его смерти. Н.С. Тихонравов и Н.И. Коробка не располагали *АК*. В *Ак*. “Отрывок из письма...” напечатан по *АК* с исправлениями по “Москвитянину”, второму изданию “Ревизора” и изданию Прокоповича.

В настоящем издании “Отрывок из письма...” печатается по *АК* как последнему авторизованному источнику. При этом слова и части слов, находившиеся на оборванном (правом нижнем) уголке листа *АК*, восстанавливаются (в угловых скобках) по тексту *Москв.б* и *Р41*. Принципы лингвистической подготовки текста соответствуют правилам, изложенным в первом томе настоящего издания (с. 563—567), в частности понижаются прописные буквы в наименованиях должностей, рода деятельности, национальности (попечитель, почтмейстер, чиновник, литератор, русский), а также в словах: парижский, государственный, театр. В свод вариантов дополнительно (с соответствующими оговорками в каждом случае) включены разночтения, отражающие правку, внесенную рукой В.А. Панова, поскольку нельзя исключить — в случае диктовки текста, — что эта правка отражает стилистические колебания самого автора.

* * *

“Отрывок из письма...” — третий по хронологии текст (вслед за статьей “Характеры и костюмы” из первого издания и письмом Гоголя к Щепкину от 10 мая 1836 г.) в ряду авторских интерпретаций “Ревизора”. В отличие от статьи (с рекомендательными указаниями для артистов) и от письма (предваряющего московскую постановку), “Отрывок...” представляет собой развернутую характеристику уже сыгранного премьерного спектакля Александринского театра, построенную на соотношении зрительских впечатлений Гоголя с его толкованием отдельных ролей, сцен, костюмов.

Как и в письме к Щепкину от 10 мая 1836 г., основной заботой Гоголя остается Хлестаков (возможно, одним из дополнительных стимулов включения “Отрывка из письма...” во второе издание послужило неблагоприятное впечатление Гоголя от исполнения роли Хлестакова И.В. Самариним в спектакле 17 октября 1839 г. — подробнее см. с. 734 наст. изд.). Подавленный расхождением авторской трактовки и актерского исполнения роли (“Главная роль пропала (<...> Дюр ни на волос не понял, что такое Хлестаков”, “бледное лицо”, “детская, ничтожная роль”), Гоголь снова возвращается к истолкованию характера Хлестакова: “...схватить те черты, которые довольно благовидны и не выходят острыми углами из обыкновенного светского круга, — дело мастера сильного”; “Черты роли Хлестакова слишком подвижны, более тонки и потому труднее уловимы” (в сравнении с ролью Городничего). Самой главной ошибкой Гоголь считал низведение Хлестакова до уровня “водевильного шалуна”, “просто обыкновенного

враля”, “в продолжение двух столетий являющегося в одном и том же костюме”. Отметим, что слово “обыкновенный” здесь очень значимо, в черновом наброске было: “просто враль”. От подобной интерпретации Гоголь предостерегал предполагаемого руководителя московской постановки — Щепкина (в письме от 10 мая 1836 г.): “Боже сохрани, (если) ее (роль Хлестакова) будут играть с обыкновенными фарсами, как играют хвастунов и повес театральных”. Употребленное здесь слово “фарс” крайне важно для Гоголя. Из его письма к Щепкину от 10 мая 1836 г., из “Отрывка...” с очевидностью следует, что в сценической интерпретации “Ревизора” Гоголь более всего опасался именно “фарсирования”, “водевильности”, “карикатурности”.

Трактовка Хлестакова в “Отрывке...” развивает основные положения статьи “Характеры и костюмы” и письма к Щепкину от 10 мая 1836 г. Если в статье и в письме Гоголь главным образом варьирует мысль о глупости Хлестакова (“несколько пригуповат”, “без царя в голове”, “Говорит и действует без всякого соображения” — “Характеры и костюмы”; “Он просто глуп” — письмо М.С. Щепкину от 10 мая 1836 г.), то в “Отрывке...”, развивая замечание о “чистосердечии и простоте” Хлестакова (адресованное актерам в “Характерах и костюмах”), подробно разъясняет, что его герой — “не лгун по ремеслу”, т.е. вовсе не стремится надуть, а просто, видя, что его слушают, говорит “развязнее”, “от души”. В отличие от “обычной” лжи, ложь Хлестакова раскрывает его подлинную природу: “...говорит совершенно откровенно и, говоря ложь, выказывает именно в ней себя таким, как есть”. Этим объясняется и необычное одушевление Хлестакова в минуты вранья: “Хлестаков лжет вовсе не холодно или фанфаронски-театрально, он лжет с чувством, в глазах его выражается наслаждение, получаемое им от этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута в его жизни — почти род вдохновения”. Характерно, что в черновых набросках последней фразе соответствует иной текст: “...и где он лжет, это должны быть лучшие минуты в его жизни” (т.е. в окончательном тексте особо подчеркнута необычная, “творческая” природа хвастовства Хлестакова).

В “Отрывке...” впервые появляется краткая оценочная характеристика Хлестакова: “...выказывается его отчасти подлинная, ничтожная натура”. В черновых набросках этот фрагмент выглядит несколько иначе: “...является подлинная его (натура?)” (т.е. в окончательном тексте авторский “приговор” несколько смягчен — ограничительным словом “отчасти” и добавлением второго определения: “ничтожная”). Впервые говорится в “Отрывке...” и о собирательной природе характера Хлестакова: “...тип многого разбросанного в разных русских характерах...”; “...редко кто им не будет хоть раз в жизни...” (в черновых набросках более категорично: “...редко кто им не будет...”).

Отметим, что в “Отрывке...” Гоголь впервые останавливается на последней, Немой сцене, подробно разъясняя способ ее постановки и мотивируя своеобразие испуга каждого из действующих лиц — сообразно с его ха-

рактором и “степенью боязни и страха, вследствие великости наделанных каждым грехов”.

“Отрывок из письма...” — сложный текст, с одной стороны отразивший всю остроту переживаний Гоголя, связанных с петербургской премьерой, с другой стороны, несомненно вобравший и позднейшее, более взвешенное восприятие и оценку происшедшего. Отдельные строки “Отрывка...” во многом переключаются с текстами апрельских-майских писем Щепкину и Погодину: “...чувство грустное и досадно-тягостное облегло меня” (“Отрывок из письма...”) — “...как-то тягостно, грустно...” (письмо Погодину от 10 мая 1836 г.); “Еще раз повторяю: тоска, тоска. Не знаю сам, отчего одолевает меня тоска” (“Отрывок из письма...”) — “Еду за границу, там размыкаю ту тоску...” и т.д. (письмо Погодину от 10 мая 1836 г.); “Еду разгулять свою тоску...” (письмо Погодину от 15 мая 1836 г.); “Мое же создание мне показалось противно, дико и как будто во все не мое”, “у меня недостает больше сил хлопотать и спорить”, “Мне опротивела моя пьеса” (“Отрывок из письма...”) — “...я не стану хлопотать о ней. Мне она сама надоела так же, как хлопоты о ней” (письмо Щепкину от 29 апреля 1836 г.); “охладел к ней” (письмо к Щепкину от 15 мая 1836 г.).

Примечательно, что в “Отрывке...” Гоголь почти не касается оценок зрителей, так взволновавших его в дни премьерных спектаклей. Даже с учетом того, что зрительское восприятие стало предметом специального рассмотрения — в “Петербургских записках 1836 года” и особенно в “Театральном разезде...”, остается не вполне ясным (для текста, восходящего к послепремьерным дням 1836 г.) почти полное отсутствие этой важной для Гоголя темы. В “Отрывке...” он пишет следующее. В черновом наброске: “А публика вообще была довольна и, как казалось, приняла ее ⟨пьесу⟩ по крайней мере не без участия”. В окончательном тексте: “А публика вообще была довольна. Половина ⟨ее⟩ приняла пьесу даже с участием, другая половина, как водится, ее бранила по причинам, однако ж, не относящимся к искусству. Каким образом бранила, мы об этом поговорим при первом свидании с Вами: тут есть много поучительного и немало смешного. Я даже кое-что записал; но это в сторону”. Понимание закономерности различных реакций зрителей, нежелание толковать брань публики, способность видеть в зрительских оценках и поучительное, и смешное — все это свидетельства позднего, трезвого осмысления происшедшего. В “Отрывке...”, в отличие от апрельских-майских писем (анализирующих именно причины, природу и последствия не относящейся к искусству брани), речь идет о сугубо творческих проблемах, т.е. проблемах адекватного истолкования и сценического воплощения авторского замысла. При этом Гоголь пишет не о восприятии комедии публикой, а о своем собственном восприятии спектакля, не о суде зрителей, а об авторском суде: “Об восторге и приеме публики я не заботился. Одного только судьи из всех, бывших в театре, я боялся — и этот судья был я сам”.

Все вышесказанное вплотную подводит нас к двум чрезвычайно сложным и особенно интересным исследователей вопросам — об адресате и датировке “Отрывка из письма...”. Как уже отмечалось, 5 (17) марта 1841 г. Гоголь сообщил С.Т. Аксакову об “Отрывке...”: «Здесь письмо, писанное мною к Пушкину, по его собственному желанию. Он был тогда в деревне. Пьеса игралась без него. Он хотел писать полный разбор ее для своего журнала и меня просил уведомить, как она была выполнена на сцене. Письмо осталось у меня неотправленным, потому что он скоро приехал сам. Из этого письма я выключил то, что собственно могло быть интересно для меня и для него, и оставил только то, что может быть интересно для будущей постановки “Ревизора”, если она когда-нибудь состоится. Мне кажется, что прилагаемый отрывок будет излишним для умного актера, которому случится исполнять роль Хлестакова».

Тщательному анализу эти строки впервые были подвергнуты Н.С. Тихонравовым — в комментариях к “Отрывку...” во втором томе сочинений Гоголя (Тих. Т. 2). Рассмотрев окончательный текст “Отрывка...” в сопоставлении с черновыми набросками к нему, а также с письмами Гоголя к Щепкину от 10 и 15 мая 1836 г., Тихонравов пришел к выводу, что “окончательная обработка” “Отрывка...” относится к январю-февралю 1841 г. и что он “не составляет извлечения из письма к Пушкину и написан в Риме, спустя несколько лет по смерти великого поэта...” (Тих. Т. 2. С. 675, 676). Основные аргументы Тихонравова: более глубокое, нежели в письме к Щепкину от 10 мая 1836 г., и являющееся плодом “продолжительных обдумываний” (Тих. Т. 2. С. 674) толкование в “Отрывке...” самого типа Хлестакова; указание автора в самом тексте “Отрывка...” на то, что он был написан по окончании переделки начальных сцен четвертого действия (а переделка, по мнению Тихонравова, была завершена зимой 1840–1841 гг.); некоторые противоречия между свидетельством Гоголя в письме к С.Т. Аксакову от 5(17) марта 1836 г. и реальными фактами (присутствие Пушкина в Петербурге во второй половине апреля 1836 г., рецензирование “Ревизора” во втором томе “Современника” П.А. Вяземским — при цензурном разрешении от 30 июня 1836 г.); наконец, наличие не имеющих никакого отношения к эпистолярному жанру черновых набросков, которые легли в основу окончательного текста “Отрывка...” (Тих. Т. 2. С. 675–676).

При всей неоспоримости этих аргументов, Тихонравов считал возможным сделать два очень существенных предположения: о том, что в мае 1836 г. (параллельно с письмами Щепкину от 10 и 15 мая) Гоголь все же набросал начерно «некоторые замечания о недостатках сценической постановки “Ревизора” в Петербурге» (Тих. Т. 2. С. 674), и о том, что Гоголь намеревался “передать их содержание Пушкину” (Тих. Т. 2. С. 675).

Точка зрения Тихонравова была оспорена в 1907 г. Н. Лернером (Лернер Н. Писал ли Гоголь Пушкину о “Ревизоре”? // РС. 1907. № 11. Ноябрь. С. 457–459), а спустя полвека — А.Г. Гукасовой (Гукасова А.Г. «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представле-

ния “Ревизора” к одному литератору» // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1957. Т. XVI. Вып. 4. С. 335–345).

По мнению Лернера (считавшего, что Тихонравову не удалось поколебать фактов, изложенных Гоголем в письме к С.Т. Аксакову), Гоголь действительно написал Пушкину письмо 25 мая 1836 г., но не отправил, а изложил его содержание при встрече, состоявшейся между премьерой “Ревизора” и отъездом Гоголя за границу; само же письмо дошло до нас, “конечно, не в первоначальном виде, а переделанное и обращенное автором в статью” (Лернер Н. Указ. соч. С. 459).

А.Г. Гукасова, присоединяясь к выводам Лернера, выступала за включение “Отрывка...” в корпус переписки Гоголя с Пушкиным на основании следующих данных: близость отдельных фрагментов “Отрывка...” и писем Гоголя к Щепкину от 29 апреля и 10 мая 1836 г.; достоверность свидетельства Гоголя о том, что по возвращении с премьеры он “принялся за переделку” четвертого действия; связь указанной в “Отрывке...” даты (25 мая 1836 г.) с первоначальным намерением Пушкина вернуться из Москвы в Петербург не раньше 26 мая (Гукасова ссылается при этом на письмо Пушкина жене от 18 мая 1836 г. — Гукасова А.Г. Указ. соч. С. 337–339). В более позднем исследовании отмечается, что, работая над текстом “Отрывка...”, Гоголь “опирался на неизвестный нам черновик или беловик действительно написанного и не отправленного Пушкину письма” (Дрыжакова Е. Рискованная шутка Гоголя на чтениях “Ревизора” // РЛ. 2001. № 1. С. 194).

Вопрос об адресате и датировке “Отрывка...” всесторонне рассмотрен в работе Н.Н. Петруниной и Г.М. Фридлиндера “Пушкин и Гоголь в 1831–1836 годах” (Петрунина, Фридлиндер 1969. С. 221–223). Присоединяясь к точке зрения Тихонравова, авторы статьи подвергают изложенную Гоголем версию о происхождении “Отрывка...” детальному критическому анализу — путем сопоставления ее с рядом историко-литературных и биографических фактов. Это соотнесение выявило в свидетельстве Гоголя немало неточностей. Ссылаясь на письмо В.Ф. Одоевского Н.Н. Пушкиной от 10 мая и письмо П.А. Вяземского А.И. Тургеневу от 8 мая 1836 г., исследователи отметили, что «даже если Пушкин и собирался писать о “Ревизоре”» (там же, с. 221), то отказался от этого намерения еще перед поездкой в Москву, т.е. к 29 апреля: по договоренности с Пушкиным рецензию должен был писать В.Ф. Одоевский (10 мая 1836 г. В.Ф. Одоевский писал Н.Н. Пушкиной: “...я как на беду завален теперь срочною работою, так что не успел даже написать статьи о Ревизоре, что необходимо...” — Пушкин. Т. XVI. С. 232), но по недостатку времени, видимо, передал эту работу Вяземскому (8 мая 1836 г. П.А. Вяземский сообщал А.И. Тургеневу: «Я готовлю для “Современника” разбор комедии, а еще более разбор зрителей» — ОА. Т. III. С. 318). По предположению авторов статьи, Гоголь к концу апреля — началу мая скорее всего уже знал, что рецензия будет написана не Пушкиным, а другим лицом (Петрунина, Фридлиндер

1969. С. 221—222). В статье также обращается пристальное внимание на даты, фиксирующие время пребывания и отсутствия Пушкина в Петербурге в апреле—мае 1836 г.: 8 апреля уехал в Михайловское на похороны матери, 16 апреля вернулся в Петербург (но на премьере и последующих представлениях “Ревизора” не присутствовал, так как был в трауре); 29 апреля уехал в Москву, 23 мая вернулся (там же, с. 221—222). На основании этих фактов авторы поставили под сомнение и версию Гоголя о происхождении “Отрывка...”, и авторскую датировку. Н.Н. Петрунина и Г.М. Фридлендер вслед за Н.С. Тихонравовым относят сохранившийся текст “Отрывка...” (и черновой, и белой) “к периоду после смерти Пушкина, скорее всего — к 1841 г.” (там же, с. 222), но не исключают, что замысел и первые (не дошедшие до нас) наброски “Отрывка...” восходят к 1836 г.

Все эти данные (в совокупности с приведенным выше сопоставлением текста “Отрывка...” со статьей “Характеры и костюмы” и письмом Гоголя Щепкину от 10 мая 1836 г.) позволяют сделать следующие выводы.

Сохранившиеся рукописи, т.е. черновые наброски и созданный на их основе окончательный текст (зафиксированный в авторизованной копии), отражают последнюю стадию работы Гоголя над “Отрывком...” и могут быть (хотя и с некоторыми оговорками) датированы январем-февралем 1841 г., т.е. временем подготовки второго издания “Ревизора”. Оговорки касаются черновых набросков — теоретически можно допустить, что они были написаны несколько раньше, хотя, учитывая их близость к основному тексту, это маловероятно. Заметим, что в черновых набросках, как и в окончательном тексте, отсутствуют какие бы то ни было атрибуты эпистолярного жанра — обращения к адресату, воспоминания о каких-то относящихся к “Ревизору” беседах и т.д. Само подробное толкование характера Хлестакова, содержащееся в черновых набросках и в окончательном тексте, скорее всего подразумевает не конкретного адресата, названного Гоголем, а многих (в этой связи можно говорить о формировании особого жанра “публичного” письма, предвещающего создание “Выбранных мест из переписки с друзьями”). Таким образом, слова Гоголя: “Здесь письмо, писанное мною к Пушкину...” — ни в коей мере не могут быть истолкованы буквально.

Вместе с тем, при всем несоответствии отдельных подробностей гоголевской версии конкретным фактам и обстоятельствам, сама суть этой версии остается не опровергнутой, но и не подтвержденной. Возможно, Гоголь в более или менее законченной форме фиксировал свои впечатления от премьерного спектакля, предполагая поделиться ими с Пушкиным. Само это намерение кажется не только возможным, но и абсолютно естественным, особенно принимая во внимание отмеченную Гоголем роль Пушкина в создании “Ревизора” («Мысль “Ревизора” принадлежит {...} ему» — “Авторская исповедь”) и его отсутствие на премьере. Свидетельство Гоголя о том, что Пушкин собирался написать разбор “Ревизора” для “Современника”, тоже не может быть окончательно отвергнуто, хотя бы потому что в письме В.Ф. Одоевскому от начала апреля 1836 г., где подробно говорится об уча-

стии Одоевского во втором томе “Современника” (Пушкин. Т. XVI. С. 100), нет ни слова о его причастности к статье о “Ревизоре”. Судя по всему, к этому времени статья о “Ревизоре” Одоевскому еще не была заказана.

Просьба Пушкина — записать впечатления о премьерном спектакле (если таковая имела место) — скорее всего, могла относиться именно ко времени отъезда Пушкина из Петербурга в Михайловское, тем более что дата возвращения едва ли была известна, а до премьеры оставалось всего десять дней. Пушкин, хотя и был в день премьеры в Петербурге, в театре не присутствовал, что вполне могло побудить Гоголя выполнить обещание. Поэтому письмо Пушкину (если такое существовало) действительно могло быть написано именно «вскоре после первого представления “Ревизора”» (но, конечно, не 25 мая, как указал Гоголь в окончательном тексте, — вероятно, по забывчивости). Аргументом в пользу существования первоначальных, ранних набросков к “Отрывку...” является факт необычного, “мозаического” расположения известных нам черновых набросков — создается впечатление, что своеобразная логика заполнения листов определялась использованием каких-то подготовительных материалов. И чисто психологически признание Гоголя трудно истолковать как абсолютный вымысел, тем более что в этом признании не было ничего вынужденного.

* * *

“Отрывок из письма...” обратил на себя внимание критики. В заметке о поступлении в продажу в Петербурге второго издания “Ревизора” сообщалось о публикации (в приложениях к комедии) “Отрывка из письма...” и отмечалось: “Письмо это весьма замечательно, как взгляд, и притом глубоко-критический взгляд автора на свое произведение” (ОЗ. 1841. Т. XVIII. № 9. Отд. VI. С. 5; цензурное разрешение — 30 августа 1841 г.). Из текста заметки (где говорится о «письме автора “Ревизора” к одному из знакомых в Москву, после представления комедии на петербургском театре») ясно, что подразумеваемый Гоголем адресат широкой публике известен не был. В.Г. Белинский в статье “Русская литература в 1841 году” отнес “Отрывок из письма...” (вместе со «Сценами к “Ревизору”», опубликованными в “Москвитянине”) к числу “превосходных оригинальных статей (...) в прозе” (⟨Белинский В.Г.⟩ Русская литература в 1841 году // ОЗ. 1842. Т. 20. № 1. Отд. V. С. 41; см. то же: Белинский. Т. V. С. 575), а в уведомлении о выходе в свет Сочинений Гоголя в четырех томах отметил, что “Ревизор” будет напечатан “с новыми против второго издания поправками автора и с письмом его о первом представлении этой пьесы” (⟨Белинский В.Г.⟩ Библиографическое известие // ОЗ. 1842. № 9. Отд. VI. С. 28; см. то же: Белинский. Т. VI. С. 349–350). 21 февраля 1842 г. Н.М. Языков писал А.М. Языкову о новом сочинении Гоголя: «В письме его, которое напечатано в “Москвитянине”, виден он как в зеркале, весь, вполне: это письмо историческое» (ЛН, т. 58. С. 616).

Н.А. Полевой, видевший в “Ревизоре” “уморительно смешной” фарс, полагал, что “Отрывок из письма...” явился реакцией Гоголя на взаимоисключающие оценки комедии: с одной стороны, “хвалебные вопли друзей (<...>) и той бессмысленной толпы, которая является окрест людей с дарованием”, с другой — стремление очернить “Ревизора”. Видя “осуждение одних и похвалы других”, Гоголь “почел себя неузнанным гением”, о чем, по мнению Полевого, свидетельствует письмо, «приложенное при новом издании “Ревизора”», “которое можно сохранить как любопытную историческую черту и как материал для истории человеческого сердца”: “Разве Шекспир только мог бы так писать о себе и о своих творениях и так говорить о характере своего Гамлета, как г. Гоголь говорит о характере Хлестакова! И с тем вместе письмо это дышит такою добродушною поэтическою грустью...” (*Полевой Н.А.*) Ревизор. Комедия в 5-ти действиях. Соч. Н. Гоголя. Издание второе (<...>) // *РВ.* 1842. № 1. Январь. Отд. III. С. 60–62; см. то же: *Полевой Н.А., Полевой Кс.А.* Литературная критика: Статьи и рецензии. 1825–1842. Л., 1990. С. 336, 337).

С.П. Шевырев в рецензии на “Мертвые души” писал об “Отрывке...”: «Разбором характера Хлестакова в “Ревизоре” он (Гоголь. — *Ред.*) доказал, как отчетливо понимает свои создания» (*Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя // *Москв.* 1842. Ч. IV. № 8. С. 349; см. то же: *Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века.* М., 1982. С. 56).

О внимательном чтении “Отрывка...” А.А. Григорьевым свидетельствует одно из его замечаний: «Что касается до Добчинского с Бобчинским, то сам поэт жаловался в письме своем по поводу представления “Ревизора” на карикатурность выполнения этих лиц — кругленьких, толстеньких, приличных, по его замыслу, и в высшей степени неприличных на сцене» (*Григорьев А.А.* Летопись московского театра. Обзорение зимней поры (сезона) // *Москв.* 1852. № 8. Отд. VII. С. 149; см. то же: *Григорьев А.А.* Театральная критика. Л., 1985. С. 122).

* * *

С. 89. *Дюр ни на волос не понял, что такое Хлестаков.* — Дюр Николай Осипович (1807–1839) — один из ведущих артистов Александринского театра; дебютировал в сезон 1828–1829 гг.; выступал в оперных, балетных и драматических спектаклях. Наибольшую известность приобрел как исполнитель водевильных ролей, унаследовав большую часть репертуара В.И. Рязанцева, умершего в 1831 г.: “...с тех пор (<...>) сделался водевильным премьером. Амплуа это принадлежало ему по всем правам. (<...>) В ролях повес и фатов он не знал соперников” (*Вольф 1877.* Ч. I. С. 19, 27). Неудовлетворение игрой Дюра Гоголь выразил в письме к М.С. Щепкину от 10 мая 1836 г. Отметив особую сложность роли (“Есть еще трудней роль во всей пьесе — роль Хлестакова”) и опасаясь повторной актерской неудачи — уже на московской сцене (“Я сильно боюсь за эту роль”), Гоголь пи-

сал: “Она и здесь была исполнена плохо, потому что для нее нужен решительный талант”. Тем не менее известие о вводе в петербургский спектакль дублеров исполнителей главных ролей, в том числе и Дюра (уже с 28 апреля 1836 г., т.е. с четвертого представления), Гоголь воспринял как одну из “пакостей”, доставленных ему дирекцией (письмо к Щепкину от 29 апреля 1836 г.). Дюр получил в подарок от Гоголя первое издание “Ревизора” (1836 г.) с дарственной надписью: “Николаю Осиповичу Дюру От Автора” (опубликована: *ЛН, т. 58. С. 1007*, факсимиле; о владельцах книги и истории ее поступления в *РГБ* см.: *Сажин В. Тысяча мелочей // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 227–228*). В этот экземпляр (в текст второго действия) внесено два карандашных исправления, которые предположительно могут быть приписаны Гоголю (см. свод вариантов *Р36Д – С. 527* наст. изд.). Дюр попал в число трех исполнителей “Ревизора”, награжденных по высочайшему повелению подарками (см. с. 719 наст. изд.) В роли Хлестакова на сцене Александринского театра Дюр выступил только 17 раз (*ЕИТ. Сезон 1897–1898 гт. СПб., 1899. С. 118*). Летом 1836 г. Дюр сыграл Хлестакова на московской сцене, о чем писал П.А. и С.В. Каратыгиным 14 июля 1836 г.: “...встретили прекрасно; я принужден был откланиваться. Но в продолжение комедии кое-где проявлялись шикания...” (*Каратыгин П. Записки. Л., 1970. С. 235*). В этом же письме говорится о том, как воспринял игру Дюра Д.Т. Ленский («чуть не задушил меня в объятиях после “Ревизора”...»), но при этом отмечается и “особливо” свойственная московскому актеру неискренность (об исполнении Дюром роли Хлестакова в Москве см также: *Кони Ф. Николай Осипович Дюр, императорский российский придворный актер // РРТ. 1839. Т. II. Кн. 7. С. 16*).

С. 89. *Хлестаков сделался чем-то вроде Альнаскарва ~ из парижских театров.* — Альнаскарв — персонаж комедии Н.И. Хмельницкого “Воздушные замки” (переделка французской комедии Ж.Ф. Коллена д’Арлевиля “Les châteaux en Espagne”). Премьера в Петербурге 29 июля 1818 г. Пьеса сохранялась в репертуаре императорских театров в 1820–30-х гг. (*ИРДТ. Т. 3. С. 230*). Отдельное издание: *Хмельницкий Н. Воздушные замки, комедия в одном действии в стихах. СПб., 1818. См. также с. 648* наст. изд.

С. 91. *Вообще с публикою ~ у Сосницкого...* — Сосницкий Иван Иванович (1794–1871) — один из ведущих актеров Александринского театра. Кроме Сосницкого, ни один из исполнителей “Ревизора” не заслужил столь высокой авторской похвалы, выраженной письменно и публично. Замечание Гоголя о том, что роль Городничего доставила Сосницкому “возможность выказать во всей ширине талант свой”, почти дословно перекликается с печатными отзывами: «До представления “Ревизора” мы не могли оценить вполне таланта г. Сосницкого: теперь мы знаем, что он истинно-велик» (*Санктпетербургские театры в 1836–37-м театральном году... // ЛПРИ. 1837. 5 июня. № 23. С. 222; без подписи*). Об отношении к игре Сосниц-

кого зрителей и критиков см. с. 717–718, 753–755 наст. изд. В роли Городничего Сосницкий выступил 161 раз (ЕИТ. Сезон 1897–1898 гт. СПб., 1899. С. 117), уже с 28 апреля 1836 г. его дублировал П.И. Григорьев. За исполнение роли в “Ревизоре” Сосницкий (так же, как Дюр и Афанасьев) был пожалован подарком (см. с. 719 наст. изд.). Современный исследователь подчеркивает, что роль Городничего (сыгранная уже зрелым мастером, с двадцатипятилетним опытом работы) наряду с ролью Репетилова (“Горе от ума”) расширила сложившийся актерский диапазон Сосницкого (“Незаменимый исполнитель комедийных ролей любовников и фатов...”), утвердив за ним новое амплуа — острохарактерного актера реалистического направления (Альтшуллер 1968. С. 48).

С. 91. *На слугу я тоже надеялся ~ замечательность.* — В роли Осипа выступил Александр Иванович Афанасьев (ок. 1808–1842), попавший на петербургскую сцену из Москвы. Был исключен из Московского университета, отличался образованностью, демократическими взглядами. Его амплуа — роли простых людей (Альтшуллер 1968. С. 49). Высокая оценка игры Афанасьева была единодушной (см. с. 717 наст. изд.), а в посмертных отзывах роль Осипа признана лучшей в репертуаре артиста: “...лучшая роль — Осипа (...) Любители театра долго не забудут его превосходной игры...” (Репертуар русского и пантеон всех европейских театров. 1842. Кн. VII. “Смесь”. С. 68); «...лучшая его роль была в “Ревизоре” Гоголя, — наш артист поставил себя великим творцом этой роли...» (Быстрорецкий. Александр Иванович Афанасьев, артист-комик императорского С.-П.-бургского театра // Репертуар русского и пантеон иностранных театров. 1843. Т. 4. Кн. X. “Материалы для истории русского театра”. С. 110). Наряду с двумя другими исполнителями — Сосницким и Дюром — Афанасьев за участие в “Ревизоре” получил по высочайшему повелению подарок (см. с. 719 наст. изд.). В роли Осипа Афанасьев выступил 55 раз (ЕИТ. Сезон 1897–1898 гт. СПб., 1899. С. 118).

С. 91. *...оба наши приятели Бобчинский и Добчинской вышли сверх ожидания дурны.* — В премьерном спектакле эти роли исполнили воспитанники театрального училища А. Петров и В.В. Крамолей. По свидетельству Л.Л. Леонидова, они были избраны для участия в “Ревизоре” самим автором (см. с. 709 наст. изд.). Игра артистов получила высокую оценку Ф.В. Булгарина (см. с. 717 наст. изд.). Уже 28 апреля 1836 г. у названных артистов появились дублеры: А.Е. Мартынов (Бобчинский) и О.О. Прохоров (Добчинский) — см. с. 745 наст. изд. Петров выступил в роли Бобчинского 47 раз, Крамолей в роли Добчинского — 8 (ЕИТ. Сезон 1897–1898 гт. СПб., 1899. С. 120).

С. 91. *Рязанцев* Василий Иванович (1800–1831), с 1824 по 1828 г. — артист Малого театра; весной 1828 г. при содействии И.И. Сосницкого перешел в труппу Александринского театра, чем очень огорчил Щепкина: “Мы сделали (...) большую потерю в Васе Рязанцеве...” (письмо Щепкина к Сосницкому 1 марта 1828 г. — Щепкин. Т. I. С. 135). Таким образом, Го-

голь, находившийся в Петербурге с декабря 1828 г., мог видеть Рязанцева на сцене Александринского театра в течение двух с половиной лет (актер скончался 28 июня 1831 г. от холеры). Профессиональная репутация Рязанцева была очень высокой: “Он оказался комиком весьма недожонным, донельзя натуральным и веселым (...) инстинктивно схватывал суть изображаемого им лица и передавал характер с поразительной верностью. Репертуар его был довольно обширен, но преимущественно ему приходилось играть в водевилях. Публика его чрезвычайно полюбила, и одного появления его на сцене достаточно было для возбуждения в зрителях невольного смеха” (*Вольф 1877. Ч. I. С. 19*).

ДВЕ СЦЕНЫ, ВЫКЛЮЧЕННЫЕ КАК ЗАМЕДЛЯВШИЕ ТЕЧЕНИЕ ПИЕСЫ

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

AK1 — авторизованная копия “Ревизора” (писарская копия с разновременной правкой Гоголя). Хранится: *ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 4. Л. 35–37* (текст первой из двух сцен — “Анна Андреевна и Марья Антоновна”), л. 58–60 (текст второй сцены — “Хлестаков и Растаковский”). Подробнее об *AK1* см. в описании источников “Ревизора” (с. 543–544 наст. изд.).

AK2 — авторизованная копия “Ревизора” (писарская копия с разновременной правкой Гоголя и неустановленных лиц, представленная в театральную цензуру). Хранится: *ОР ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 34 об.—36* (текст сцены — “Анна Андреевна и Марья Антоновна”). Подробнее об *AK2* см. в описании источников “Ревизора” (с. 544–545 наст. изд.).

AK3 — авторизованная копия “Двух сцен...” (рукой В.А. Панова с автографическим заголовком и правкой Гоголя). Хранится: *ОР ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 1. Тетрадь с вклеенными автографами Гоголя и относящимися к его жизни и творчеству материалами (портреты, иллюстрации, вырезки, театральные афиши). В переплете. На корешке — тиснение золотом: “Н.В. Гоголь. Разные бумаги, спасенные М.П. Погодиным от сожжения”. Из собрания П.Я. Дашкова. Л. 61–61об. Автограф представляет собой одинарный лист, заполненный текстом с обеих сторон; чернила. Разм. 25,2 × 19,4. Бумага (та же, что и в АК “Отрывка из письма...”, в АК4, I–VIII явления IV действия) голубовато-серого цвета со штампом “ВАНН” (в прямоугольной рамке с виньетками). Ср. описание вариантов штампа: *Клепиков 1959. С. 111; Клепиков 1968. С. 135–136. Описание рукописи см. также: Описание ИРЛИ 1. С. 436; Описание ИРЛИ 2.**

С. 7. Впервые опубликовано: сцена “Хлестаков и Растваковский” — *Москв.5*. С. 37–40 (с купюрами); обе сцены полностью под общим заглавием “Две сцены, выключенные, и при первом издании, как замедлявшие течение пьесы” — *Р41*. С. 211–218. Предположительно датируется: январь–февраль 1841 г.

Москв.5 — Москвитянин. 1841. Ч. III. № 5. Раздел “Изящная словесность”, подотдел “Проза”. С. 37–40. Сцена Хлестакова с Растваковским под названием “Сцена”, подпись: “Гоголь” (цензурное разрешение — 7 апреля 1841 г., цензор Н.И. Крылов).

Р41 — Ревизор, комедия в пяти действиях, соч. Н.Гоголя. Издание второе исправленное с приложениями. Москва. В типографии Николая Степанова, 1841. На обороте титула: “Печатано с издания 1836 года, с исправлениями”. С. 211–218 (цензурное разрешение — 26 июля 1841 г., цензор И. Снегирев).

Соч. 1842 — Сочинения Николая Гоголя. Том четвертый. Санктпетербург. В типографии А. Бородина и К°. 1842. С. 208–216 (цензурное разрешение — 30 сентября 1842 г., цензор А. Никитенко).

Соч. 1855 — Сочинения Гоголя. Том четвертый. Москва. В типографии Александра Семена. 1855. С. 215–222 (цензурное разрешение — 2 июня 1855 г., цензор И. Безосмыкин).

Печатается по тексту *АКЗ* со следующим исправлением:

С. 97, строка 29: не можете ли вы — *вместо*: ну можете ли вы (по *АК1*).

* * *

“Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы”, вместе были впервые опубликованы Гоголем в 1841 г. — в Приложениях ко второму изданию “Ревизора” (об истории второго издания см. выше — с. 600–618 наст. изд.).

Текст обеих сцен в основных чертах сложился ко второй редакции (*АК1*): первая из них, озаглавленная впоследствии “Анна Андреевна и Марья Антоновна”, представляет здесь заключительную часть одноименного третьего явления третьего действия; вторая, “Хлестаков и Растваковский”, — явление VI действия IV. Обе сцены подвергались неоднократной правке. Первоначально они были выправлены в *АК1* — эта незначительная по объему правка приведена в подстрочных вариантах к *АК1* (обозначена цифрой I). В таком виде сцены вошли в следующий источник — *АК2* (цензурный экземпляр сценического текста). В дальнейшем общая текстологическая история сцен на некоторое время распадается на две, поскольку первая сцена сохранилась в *АК2*, а вторая была изъята из *АК2* автором еще до представления рукописи в цензуру, изъятые листы не сохранились (см. с. 584 наст. изд.).

В процессе снятия копии с *АК1* (т.е. при изготовлении *АК2*) переписчиком были допущены три ошибки (в первой сцене):

С. 94

⁹ модница (АК1) / молодлица (АК2)

²⁶ он после того (АК1) / после того (АК2)

С. 96

⁴ Вот этого (АК1) / Вот это (АК2)

До представления АК2 в драматическую цензуру сцена не правилась. Листы, содержащие текст сцены (л. 34–36), завизированы цензором, на л. 35 об. имеется цензурный вычерк слов “Боже сохрани”, зафиксированный в списке цензурных исправлений сценического текста (см. с. 508 наст. изд.). После прохождения АК2 через цензуру сцена была вычеркнута из этой рукописи автором (вместо нее вписаны две фразы — см. свод вариантов к первому изданию “Ревизора” — с. 508 наст. изд.) и не вошла ни в окончательный сценический текст, ни в текст первого издания “Ревизора”.

Готовя “Две сцены...” для публикации в Приложениях ко второму изданию “Ревизора”, Гоголь (находившийся в то время в Риме) пользовался рукописью АК1, так как рукопись АК2 (содержащая, правда, лишь текст первой сцены) была в распоряжении библиотеки Императорской русской драматической труппы. Правка этого этапа непосредственно связана с подготовкой второго издания “Ревизора” и потому может быть с большой уверенностью датирована январем-февралем 1841 г. В настоящем издании она приведена в подстрочных вариантах к АК1, обозначена цифрой IV. Работая над текстом первой сцены по АК1, Гоголь внес в него незначительную стилистическую правку (не исключив при этом выражение “Боже сохрани”, зачеркнутое цензором в сценическом тексте), написал на обрывке листа (л. 36 архивной пагинации) новое начало текста (первую реплику Марьи Антоновны и две фразы из следующего за тем монолога Анны Андреевны), название сцены (первоначально назвал ее “Марья Антоновна и Анна Андреевна”, затем переименовал последовательность имен: “Анна Андреевна и Марья Антоновна”), поставил номер (I), указывающий место сцены в “Приложениях”. В текст второй сцены также была внесена стилистическая правка (в подстрочных вариантах к АК1 также обозначена цифрой IV); кроме того, цифра VI (номер явления в четвертом действии) была заменена цифрой II (номер сцены в Приложениях). С исправленного текста обеих сцен была снята копия (АК3). В академическом издании указано, что она написана рукой неустановленного лица (Ак. Т. IV. С. 534), однако можно с уверенностью сказать, что это рука В.А. Панова, в то время тоже находившегося в Риме. Имелся ли между исправленным в АК1 текстом и текстом АК3 промежуточный источник — неизвестно. Гоголь вполне мог и продиктовать сцены Панову. Между текстами обеих сцен в АК1 и АК3 имеются незначительные разночтения — возможно, опiski, возможно, исправления, внесенные Гоголем в процессе переписки или диктовки.

С. 94

¹² бывало (АК3) / было (АК1)

²² обложенная (АК3) / обложена (АК1)

С. 94

^{28–29} его бы давно (АКЗ) / его давно бы (АК1)

С. 96

⁶ эдак (АКЗ) / этак (АК1)

³⁶ более (АКЗ) / больше (АК1)

С. 97

²⁴ Да, эта (АКЗ) / Да это (АК1)

³⁶ я думал (АКЗ) / а я думал (АК1)

С. 98

⁷ Да если (АКЗ) / Да оно (АК1)

¹⁰ не слишком надежный человек (АКЗ) / не слишком надежный человек: выпить любит (АК1)

В перебеленном тексте рукой Гоголя написан заголовок, сделаны два вычерка, исправлена последняя фраза второй сцены (см. свод вариантов к “Двум сценам” — с. 470–471 наст. изд.).

Вторая сцена была впервые напечатана по АКЗ в пятом номере “Москвитянина” за 1841 г. с семью купюрами и связанным с одной из них исправлением. Были исключены (по-видимому, цензором): упоминание о “покойной Императрице”, фраза с упоминанием о “генерал-аншефе” Потемкине, текст о девушках, посещающих палатку квартирмистра, упоминание о сенаторах, дважды повторенное замечание о том, что уж тридцать лет нет никакой резолюции на просьбу Растаковского о “прибавочном пенсионе”; слова о том, что дело это “теперь решат скоро”. Начиная с “Москвитянина”, текст сцены редактировался. Большая часть правки связана с нормативной унификацией орфографии и пунктуации. В “Москвитянине” (за исключением цензурных исправлений) текст АКЗ воспроизведен довольно тщательно, в одном случае даже устранена описка В.А. Панова (ошибочное “ну можете ли вы” исправлено на “не можете ли вы”), однако мелкие погрешности (пропуск, неточное прочтение) все же допущены, в частности в воспроизведении имени: “Фиктель-Кнабе” вместо гоголевского “Фухтель-Кнабе” (эта ошибка перейдет и в последующие прижизненные публикации).

Обе сцены вместе впервые были напечатаны в Приложениях ко второму изданию “Ревизора”. При этом в текст без участия автора была внесена правка (судя по всему, М.П. Погодиным). В первой сцене сделано девять смысловых исправлений. Три из них — результат неправильного прочтения АКЗ (текст написан очень мелким почерком) или ошибок наборщика (сюда мы относим прочтения: “Он не по мне проживал” вместо “Он, не помню, проживал”, “перелинка” вместо “пелеринка”, “с колосьями” вместо “с колосками” — см. свод вариантов к “Двум сценам...” — с. 470–471 наст. изд.). В издании Н.Я. Прокоповича (Соч. 1842) две первые ошибки устранены; из редакторских поправок, внесенных в текст Р41, сохранены четыре; одна, связанная с названием, устранена; одна подверглась дальнейшей правке. Кроме того, Прокопович вновь отредактировал текст: внес из-

менения, связанные с орфографией и пунктуацией, сделал одно мелкое грамматическое исправление и два существенных смысловых: заменил определение, относящееся к слову “блондочкою” (“тонкою” на “узенькою”), и изменил заключительные слова сцены — вместо: “застанет нас одетыми Бог знает как” стало: “застанет нас неодетыми, Бог знает как”. Судя по всему, Прокопович не располагал текстом *АКЗ* и печатал сцену по *Р41*, иначе он, вероятно, восстановил бы в каких-то случаях чтение первоисточника (т.е. *АКЗ*). Две поправки Прокоповича, устраняющие ошибки *Р41* и как будто приводящие текст в соответствие с текстом *АКЗ* (“не по мне” исправлено на “не помню”, “перелинка” на “пелеринка”), на самом деле легко могли быть сделаны без первоисточника (т.е. без *АКЗ*): в обоих случаях в *Р41* имеют место явные опечатки. Без первоисточника могло быть исправлено Прокоповичем и название. В *Р41*: “Две сцены, выключенные, и при первом издании, как замедлявшие течение пьесы”, у Прокоповича — как в *АКЗ*: “Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы”. Слова, относящиеся к первому изданию, конечно, были в собрании сочинений уже неуместны и по смыслу легко изымались из названия. Нельзя исключать и того, что название в издании Прокоповича могло быть согласовано с Гоголем. Во второй сцене в *Р41* устранены все купюры, сохранены исправления текста, сделанные в “Москвитянине”, и внесены три новых. Прокопович, судя по всему, при подготовке сцены пользовался текстами “Москвитянина” и *Р41*. Он напечатал сцену без купюр, сохранил все исправления текста, сделанные в “Москвитянине” и в *Р41*, и внес новые. Основная тенденция его правки — приведение орфографии в соответствие с нормой (“эксельбант” исправлено на “аксельбант”, безударное окончание прилагательных “-ой” на “-ий”), замена стяженных форм на полногласные (“чрез” на “через”), устранение стилистических погрешностей (“Да, эта подобная история” исправлено на: “Да, подобная этой история”). К подготовке сцен для издания Прокоповича Гоголь, по всей вероятности, причастен не был. В противном случае в текст была бы внесена творческая правка, в некоторых случаях было бы восстановлено чтение первоисточника (*АКЗ*), устраняющее опечатки и произвольные исправления (во всяком случае в именах и фамилиях).

В издании Н.П. Трушковского (Соч. 1855) воспроизведен текст, изданный Прокоповичем, с несколькими незначительными исправлениями орфографии и пунктуации и двумя словесными исправлениями (или опечатками) во второй сцене. К подготовке текста в издании Трушковского Гоголь отношения не имел, так как эта часть тома печаталась уже после его смерти. П.А. Кулиш напечатал сцены по изданию Трушковского (*Гоголь Н.В. Сочинения и письма. Изд. П.А. Кулиша. Т. 2. СПб., 1857. С. 361–364*). Так же сцена напечатана и в издании: *Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Второе издание его наследников, пополненное по рукописи автора. Т. 2. М., 1867. С. 401–404*. Н.С. Тихонравов, не располагавший *АКЗ*, напечатал текст по *Р41* с отдельными, не всегда последовательными, исправ-

лениями по *АК1* и *АК2*, “Москвитянину”, без учета правки Прокоповича (*Тих.* Т. 2. С. 291–294, 653–655, 681–682); в одном случае учтено исправление Трушковского: вместо “заглянешь к нему в палатку” напечатано “взглянешь к нему в палатку” (*Тих.* Т. 2. С. 293). В издании Н.И. Коробки (*Кор.*) “Две сцены...” не печатались. К.И. Халабаев и Б.М. Эйхенбаум указали, что печатают сцену по *Р41* (*ХЭ.* Т. II. С. 489), однако внесли в текст ряд исправлений по другим источникам. В академическом издании обе сцены напечатаны по *АК3* с одним исправлением: “обложенная блондочкою, узенькою” вместо “обложенная блондочкою тонкою” (*Ак.* Т. IV. С. 105 – по Соч. 1842 и Соч. 1855). Заметим, что во всех источниках (*АК1*, *АК2*, *АК3*, *Р41*) сохраняется именно определение “тонкая”. Более того, готовя текст для второго издания “Ревизора” по *АК1*, Гоголь поправил эту фразу и собственной рукой вместо слов: “обложенная тонкою, не больше как в палец, блондою” – написал: “и вся обложена блондочкою тонкою – не больше как в палец” (см. с. 835 наст. изд.), т.е. сохранил прежнее определение. Возможно, определение “тонкая” связано с тем, что ширина блонды (кружево) традиционно (и у Гоголя в том числе) соотносилась именно с пальцами (ср.: “...обшиты кружевом в четыре пальца шириною” – *БдЧ.* 1835. Т. 8. Отд. VII. С. 56).

В настоящем томе “Две сцены...” печатаются по *АК3* как последнему источнику, авторизованному Гоголем. Принципы лингвистической подготовки текста соответствуют правилам, изложенным в первом томе настоящего издания (с. 563–567). При этом раскрываются допущенные в целях экономии места (текст был отправлен почтой – см. с. 603 наст. изд.) сокращения в написании имен и фамилий персонажей (в *АК3*: Мар. Ант., Марья Ант., Анна Анд., Растак., Хлестак., Хлест.) и “понижаются” прописные буквы: в наименованиях воинских чинов и родов войск (штаб-ротмистр, сержант, секунд-майор, генерал-аншеф, полковник, гвардеец, кавалерийский и “примыкающая” к этому ряду полковница), в названии национальностей (турок, француз, немец, польской), в обозначениях титулов, родов службы (императрица, сенатор, чиновник, квартирмистр), а также в словах: “маминька”, “история” (“поднял историю”, “подобная история”), “екатерининский” (мундир), “начальник”, “высочайшее” (повеление), “палатка” (в *АК3* с большой буквы написаны также два первых слова в названии – “Две Сцены...”).

Факт исключения Гоголем “Двух сцен...” из текста комедии расценен В.Г. Белинским как пример умения автора “определять разумную меру и границы художественному развитию задуманной им идеи”: “...что может быть лучше двух сцен, выключенных Гоголем из его комедии, как замедлявших ее течение? Сравнительно они не уступают в достоинстве ни одной из остальных сцен комедии: почему же он выключил их? – Потому, что он в высшей степени обладает тактом художественной меры и не только знает, с чего начать и где остановиться, но и умеет развить предмет ни больше, ни

меньше того, сколько нужно” ((Белинский В.Г.) Взгляд на русскую литературу 1846 года // *Совр.* 1847. Т. 1. № 1. Отд. III. С. 36; см. то же: *Белинский*. Т. X. С. 40, 41).

При жизни Гоголя “Две сцены...” в театре поставлены не были. Сцену “Хлестаков и Растаковский” зрители Санкт-Петербурга впервые увидели 2 октября 1870 г. в Александринском театре в бенефис П.И. Зуброва — в этот день комедия была впервые сыграна по окончательному тексту 1842 г. с добавлением указанной сцены (см. с. 768—769 наст. изд.). 30 августа 1883 г. в Москве, в Малом театре, также увидела свет постановка “Ревизора” по окончательному тексту, с включением дополнительно уже “Двух сцен...” (см.: *Данилов 1934*. С. 47).

* * *

С. 94. ...*проживал за ремонтом...* — Ремонт — пополнение убыли лошадей в войсках; лошади, предназначенные для такого пополнения.

С. 94. ...*блондочкою...* — Блонды (блонда), от *франц.* blonde (золотистая, рыжеватая, русая, белокурая) — кружева, сплетенные из шелка-сырца золотистого (по цвету сырья), позже белого или черного цвета. Широко распространились в России в XVIII в., особенной популярностью пользовались в первой половине XIX в. (*Кирсанова 1995*. С. 42—44). О моде на блонды в 1835 г. регулярно сообщала “Библиотека для чтения” (*БдЧ*. 1835. Т. 8. Отд. VII. С. 55, 136; Т. 9. Отд. VII. С. 53).

С. 96. *Секунд-майор* — в 1731 г. чин майора был разделен на две степени — премьер-майор и секунд-майор (от *лат.* secundus — второй, второстепенный), в 1797 г. снова установлен один майорский чин (*Шепелев 1991*. С. 81). В чине секунд-майора вышел в отставку дед Гоголя — Афанасий Демьянович (*Манн 1994*. С. 14).

С. 96. *Графа Румянцева-Задунайского, Петра Александровича...* — Румянцев-Задунайский П.А. (1725—1796) — граф, русский полководец, генерал-фельдмаршал (1770). Участник русско-шведской (1741—1743), Семилетней (1756—1763), русско-турецких (1768—1774, 1787—1791) войн. В 1775 г., по окончании Русско-турецкой войны, в которой его армия отличилась в боевых действиях на Дунае, получил почетное добавление к фамилии — Задунайский. В 1764—1796 гг. президент Малороссийской коллегии и генерал-губернатор Малороссии.

С. 96. ...*во время осады под Силистрией, в 773 году.* — Осада Силистрии 1773 г. (во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг.) под командованием П.А. Румянцева, несмотря на неоднократные локальные победы, закончилась безуспешно. Однако уже в следующем году решительные действия русской армии (ряд крепостей, в том числе Силистрия, были при этом блокированы) вынудили Турцию заключить мир.

С. 97. ...*генерал-аншеф тогдашний, Потемкин...* — Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — государственный и военный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал (1784). Участвовал в осаде Силист-

рии (1773) в чине генерал-поручика; с октября 1774 г. генерал-аншеф (воинское звание в России в XVIII в.; по уставу 1716 г. — главнокомандующий, равный фельдмаршалу; на практике — полный генерал, рангом ниже фельдмаршала).

С. 97. ...*золотой эксельбант*. — Аксельбант — плетеное украшение в виде шнура из золотых или серебряных нитей с металлическими наконечниками, которое носили на правом плече; знак отличия некоторых должностных и военных чинов царской России.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ЧА1 — черновой автограф (первая редакция). Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 5. 2 л. Автограф представляет собой двойной лист белой почтовой бумаги (л. 1 об. заполнен наполовину, л. 2—2 об. не заполнен); чернила. Разм. 20,7 × 13,6. Бумага со штемпелем: “ВАТН” (в прямоугольной рамке с виньетками). Ср. описание вариантов штемпеля: *Клепиков 1959. С. 111; Клепиков 1968. С. 135—136*. Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1. С. 25*.

Впервые опубликовано: *Георгиевский 1910. С. 108—111* (полностью, вычерки Гоголя даны в скобках, вписанные слова — курсивом). В *Ак.* напечатано в своде вариантов к окончательному тексту (Т. IV. С. 496—502; обозначено *РМ₁₁*). Предположительно датируется: вторая декада октября 1846 г.

ЧА2 — черновой автограф (вторая редакция). Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 6. 2 л. Автограф представляет собой двойной лист бумаги; л. 1 об. заполнен наполовину, л. 2—2 об. не заполнен; чернила. Разм. 22,2 × 14,1. Бумага без филигрانی и штемпеля. Описание рукописи см. также: *Описание РГБ 1. С. 25*.

Впервые, по списку, содержащему только верхний слой автографа (ОР РГБ. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 39. С. 3—6), опубликовано: *Тих. Т. 2. С. 689—690* (в своде вариантов к окончательному тексту). В *Ак.* напечатано по автографу в своде вариантов к окончательному тексту (Т. IV. С. 496—502; обозначено *РМ₁₂*). Предположительно датируется: вторая декада октября 1846 г.

БА — белой автограф (третья редакция). Хранится: ОР ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 6 (из архива П.В. Анненкова). 1 л. Автограф представляет собой одинарный лист, заполненный с двух сторон; чернила. Разм. 22 × 14. Бумага без филигрانی и штемпеля. Над текстом (л. 1) карандашные пометы рукой неустановленного лица: “Отложено до 1848”; “Изд.: Ревизора”. Столбцы с именами отделены друг от друга волнистой

линей, под ними — виньетка. Описание рукописи см. также: *Описание ИРЛИ 1. С. 437; Описание ИРЛИ 2. С. 9.*

Первые опубликовано: *Кулиш 1856. Т. 2. С. 160—162* (без указания источника текста, по верхнему слою, предшествующая правка не отражена, список лиц, принимающих на себя раздачу вспомоществований, не приведен); *Тих. Т. 2. С. 338—340, 689* (с указанием, что “Предупреждение” печатается по автографу, “сохранившемуся в бумагах Плетнева и (...) сообщенному” Я.К. Гротом (*Тих. Т. 2. С. 689*), по верхнему слою, без приведения предшествующей правки); *Ак. Т. IV. С. 109—111, 497—502* (по БА, полностью, с приведением правки в своде вариантов к окончательному тексту — обозначено *РЛ₇*). Предположительно датируется: вторая декада октября 1846 г.

Ч41 и *Ч42* печатаются полностью в разделе “Черновые редакции”. Основной текст печатается по БА со следующим исправлением:

С. 101, строка 3: с этой целью — вместо: с этой цели

* * *

“Предупреждение” предназначалось для задуманного Гоголем в 1846 г. нового, благотворительного, издания “Ревизора” — по тексту, напечатанному в четвертом томе Сочинений (*Соч. 1842*) с присоединением написанной в том же 1846 г. “Развязки” (подробнее о замысле Гоголя и ходе его исполнения см. 864—878 наст. изд.). Предполагалось напечатать два издания (четвертое в Москве и пятое в Петербурге) под заглавием: “Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях с заключением. Соч. Н. Гоголя (...) Продаётся в пользу бедных” (см. письмо Гоголя к П.А. Плетневу от 21 октября (2 ноября) 1846 г.). По замыслу Гоголя, одновременно должна была состояться постановка “Ревизора” с “Развязкой” — в Москве и в Петербурге, соответственно в бенефисы М.С. Щепкина и И.И. Сосницкого.

Средства, собранные от продажи московского и петербургского изданий (в том числе и непосредственно по окончании бенефисов, когда желающие могли бы приобрести книгу не только по выходе из театра, но также из рук самих бенефициантов), должны были поступить в руки раздавателей вспомоществования, а они, в свою очередь, принимали на себя обязанность осуществить эту раздачу таким образом, как это было предусмотрено и обстоятельно разъяснено в специально написанном “Предупреждении” к новому изданию.

Первыми о замысле Гоголя узнали С.П. Шевырев и М.С. Щепкин — из адресованных им писем Гоголя от 12(24) октября 1846 г. К письму Щепкину был приложен текст “Развязки Ревизора”. Можно предположить, что “Предупреждение” к этому времени, т.е. к 12(24) октября 1846 г., готово еще не было, в противном случае Гоголь, вероятнее всего, отослал бы его вместе с письмами. С.П. Шевыреву (в письме от 12(24) октября) Гоголь сообщил, что “необходимое предисловие” к изданию будет

выслано. Свое обещание Гоголь исполнил через десять дней — 21 октября (2 ноября). Исходя из этого, работу над “Предуведомлением” (во всяком случае его окончательную отделку) можно датировать второй декадой октября 1846 г.

Посылая “Предуведомление” Шевыреву (в письме от 21 октября (2 ноября) 1846 г.), Гоголь возлагал на него обязанности, связанные не только с изданием “Ревизора” в Москве, но и с организацией самой благотворительной помощи: просил принять от Щепкина, театральных и других книгопродавцев деньги от продажи “Ревизора” с “Развязкой”, разделить их поровну между всеми раздавателями вспомоществования, предварительно заручившись их согласием: “Теперь посылаю к тебе предуведомление к “Ревизору”. Прочитавши его и узнавши, в чем дело, ты собери всех тех, которых имена увидишь в конце предуведомления, к себе и с ними потолкуй и объяви им мою просьбу, которую обращаю я к людям, любящим меня. Кто из них отшатнется и не захочет взять на себя обязанность раздачи бедным, грех будет на душе того. Потому что дело это ради Христа, а не ради меня. Кому же, точно, невозможно за множеством дел и хлопот этим заняться, тот пусть объявит это сейчас же, чтобы имя его вычеркнуть. Всех же остальных напиши исправно имена и отчества, с означением адресов и мест их жительства, и отправь немедленно в Петербург, чтобы это было припечатано в таком же виде и в петербургском экземпляре. Взамен ты получишь от Плетнева обстоятельное поименование лиц в Петербурге с их адресами”.

Второй экземпляр “Предуведомления” был в тот же день послан в Петербург А.М. Вьельгорской, — в письме от 21 октября (2 ноября) 1846 г. Рассказав о замысле постановки и издания “Ревизора” с “Развязкой” в пользу бедных, Гоголь объяснил, что обращается к ней как к одному из главных лиц среди раздавателей денег: “Прилагаю <...> предисловие, которое должно быть приложено в начале книги. Из него вы увидите, в чем дело и как нужно производить денежную раздачу”. Далее Гоголь дал подробные разъяснения касательно организации благотворительной помощи: просил Вьельгорскую собрать “к себе всех тех, которых имена” означены в “Предуведомлении”, переговорить с ними, не посвящая в дело посторонних, попытаться найти раздавателей помощи самостоятельно, желательно женщин (“сострадательных, рассудительных и умных”), возложить “первые дела и первые подвиги” на священников, требуя от них “подробных рассказов, каким образом и как они произвели это дело”. “От этого нечувствительно, — объяснял Гоголь, — потом научитесь помогать сами. Потому что помогать есть тоже наука и вдруг выучиться ей нельзя...”. В поиске раздавателей Гоголь рекомендовал Вьельгорской прибегнуть к помощи А.О. Роскета и Ю.Ф. Самарина, расспрашивал ее о кандидатуре князя А.И. Барятинского. “Я не думаю, — писал Гоголь, — чтобы кто-нибудь из любящих меня отказался от обязанности быть раздавателем вспомоществования. Он будет не перед мною виноват, но перед Христом <...> Кому же невозможно решительно по неимению времени, тот пусть скажет напрямик,

не увертываясь, чтобы можно было тотчас же имя его вычеркнуть, а на место его поставить другого". Гоголь просил проставить в конце "Предупреждения" имена и адреса петербургских раздавателей, переписать "Предупреждение" в двух экземплярах и отдать немедленно Плетневу для передачи цензору с последующим отправлением одного экземпляра в Москву, Шевыреву.

В письме от 21 октября (2 ноября) 1846 г. Гоголь проинформировал П.А. Плетнева (на которого были возложены цензурные хлопоты и заботы, связанные с изданием "Ревизора" с "Развязкой" в Петербурге) о находящемся у А.М. Вьельгорской "Предупреждении" и пояснил, что оно будет доставлено Плетневу в двух экземплярах.

Соответствующие разъяснения были сделаны в письмах Щепкину (от 12(24) октября 1846 г.) и Сосницкому (от 21 октября (2 ноября) 1846 г.), которых Гоголь просил выступить в роли распространителей благотворительного издания "Ревизора" прямо в театре, по окончании бенефисов.

В письме от 28 октября (9 ноября) 1846 г. Гоголь просил принять участие в раздаче благотворительной помощи А.О. Россета. Он был вторым, после А.М. Вьельгорской, человеком из числа раздавателей, к которому Гоголь обратился лично. По-видимому, это объяснялось тем, что, в отличие от "рядовых" участников благотворительной акции, А.М. Вьельгорская и А.О. Россет были обременены и другими обязанностями, суть которых Гоголь должен был подробно разъяснить в письмах.

А.М. Вьельгорская посвятила в намерения Гоголя свою мать, Л.К. Вьельгорскую, которая сочла необходимым переговорить по этому вопросу с О.С. Одоевской, включенной Гоголем в список раздавателей денежной помощи в Петербурге. "Я была у Вас, дорогая княгиня, — писала Л.К. Вьельгорская О.С. Одоевской, — надеюсь увидеться и поговорить с Вами (...) Дело касается нашего дорогого Гоголя, от которого мы получили письмо. Ответить на него невозможно до нашего свидания. Таким образом, повидаться с Вами крайне необходимо" (*ЛН*, т. 58. С. 692). Результатом переговоров Вьельгорских с О.С. Одоевской явилось письмо А.М. Вьельгорской Гоголю от 20 ноября 1846 г., в котором она (уже зная о запрещении "Развязки Ревизора" театральной цензурой — подробнее см. с. 870 наст. изд.) давала Гоголю подробный отчет о выполнении возложенных на нее поручений. Прежде всего А.М. Вьельгорская поблагодарила Гоголя за оказанное доверие и обещала "всеми силами" оправдать его. Далее рассказала о ходе самого дела: уведомила, что Плетнева не видела, но "Предупреждение" давно передала ему через О.С. Одоевскую; сообщила, что О.С. Одоевская, которой она растолковала намерения Гоголя, "готова исполнить их"; написала, что трое из числа указанных Гоголем раздавателей — Ю.Ф. Самарин, А.О. Россет и В.А. Муханов — "в отсутствии". Таким образом, из петербургских раздавателей, назначенных Гоголем, А.М. Вьельгорская не упомянула только С.А. Дашкову (*Гоголь. Переписка*. Т. 2. С. 226—227).

По-видимому, О.С. Одоевская передала “Предуведомление” Плетневу не сразу, так как 21 ноября он сообщал Гоголю, что от А.М. Вьельгорской еще ничего не получал, и просил Гоголя написать ей, чтоб она прислала эту «бумагу, без которой нельзя (...) и пустить в свет “Ревизора”» (*Гоголь. Переписка. Т. 1. С. 266*).

Получив письма Шевырева от 29 и 31 октября 1846 г., Гоголь принял решение отложить постановку и издание “Ревизора” с “Развязкой” на год (подробнее см. 871 наст. изд.). Соответствующие уведомления были немедленно посланы всем лицам, посвященным Гоголем в этот замысел и привлеченным к его воплощению, в том числе А.М. Вьельгорской (письмо от 26 ноября (8 декабря) 1846 г.) и А.О. Россету (письмо 28 ноября (10 декабря) 1846 г.). Гоголь слагал с обоих все обязанности, в том числе связанные с раздачей денег, прося Вьельгорскую уведомить об этом и других.

Реализация замысла была приостановлена, но готовность людей участвовать в благотворительной акции Гоголем забыта не была. По прошествии нескольких месяцев, 4(16) марта 1847 г., он писал В.Ф. Одоевскому: “Передай мой душевный поклон княгине (О.С. Одоевской. — Ред.). Скажи ей, что мне слишком совестно, что я дерзнул было наложить на нее одно хлопотливое дело. Я после увидел сам, что это было неумно, а она, добрая душа, несмотря на все, изъявила готовность великодушную исполнить мою просьбу”.

“Предуведомление” было крайне негативно встречено С.Т. Аксаковым, который с неприязнью отнесся к идее публичной благотворительности. Первоначально он сообщил свое мнение П.А. Плетневу (около 24–25 ноября 1846 г.), требуя не печатать “Предуведомление” и “Развязку” (подробнее см. с. 873 наст. изд.). “Во всяком случае, — уведомляя С.Т. Аксаков Плетнева, — имя моей дочери должно быть исключено из числа благотворительниц, назначенных Гоголем. О том же просит вас, через меня, Катерина Александровна Свербеева” (РС. 1887. Т. 53. Январь. С. 250; ср. в письме В.С. Аксаковой к И.С. Аксакову (24 ноября 1846 г.): “Разумеется, мое имя будет выключено, отесенька уже пишет о том к Плетневу, Свербеева также просила о том” — *Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 173*). 9 декабря 1846 г. было послано письмо и самому Гоголю, в частности содержащее упреки в связи с “Предуведомлением”. С.Т. Аксаков считал неприемлемым устройство Гоголем собственного благотворительного общества с поименным назначением “членов оногo” и подробным предписанием им образа их действий, выражал уверенность в том, что лица, назначенные Гоголем, особенно женщины, не примут на себя “публичные обязанности благотворения”: «Разумеется, никто не согласится, и ваше “Предуведомление” уничтожается само собою» (*Аксаков 1960. С. 163*).

В ответном письме от 8(20) января 1847 г. Гоголь отозвался на этот упрек С.Т. Аксакова (по-видимому, задевший его) и объяснил, что “есть дела, которые нужно производить открыто, в виду всех, которые суть просто наш непрременный долг, а не подвиг благотворения”.

К настоящему времени известны три автографа “Предупреждения” (ЧА1, ЧА2, БА), отражающие три этапа работы Гоголя над текстом. Содержательно и композиционно “Предупреждение”, судя по всему, сложилось сразу: раскрытие благотворительного замысла, разъяснение характера и способов оказания материальной помощи — все это присутствует уже в первом из сохранившихся автографов (ЧА1). Дальнейшие усилия автора были направлены на стилистическое совершенствование и шлифовку текста, который в соответствии с общим замыслом должен был открывать новое издание комедии. Ни один из автографов не послужил непосредственным черновиком для последующего, т.е. текст не перебеливался, а каждый раз писался заново (если, конечно, не предположить существование не дошедших до нас или неизвестных промежуточных источников). Расхождения между ЧА1, ЧА2 и БА достаточно существенны, что позволяет говорить о наличии трех самостоятельных редакций “Предупреждения”. История их исследования и публикации такова.

Первый публикатор “Предупреждения” П.А. Кулиш напечатал в “Записках о жизни Гоголя” текст третьей редакции без указания источника (Кулиш 1856. Т. 2. С. 160–162). Этим источником мог послужить БА или другой автограф, с которого был снят список. Три списка окончательной редакции сохранились до наших дней. Все они содержат лишь верхний слой текста, т.е. не отражают небольшой, но имеющейся в БА авторской правки. Первый список (Сп. 1) выполнен неизвестной рукой и снабжен примечанием П.А. Кулиша (ОР РГБ. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 38); второй (Сп. 2) написан рукой Н.П. Трушковского (ОР РГБ. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 39. С. 1–2, 7–8); третий (Сп. 3) написан неизвестной рукой, хранится в составе материалов Кулиша (ОР ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 65–66). Все эти списки, возможно, имеют непосредственное отношение к публикации Кулиша. Наиболее близки друг другу первый и третий списки. Между тем, в работе над “Записками”, вероятно, были использованы списки первый и второй: текст, опубликованный в “Записках”, более всего близок к списку второму, но в списке первом после слов: “осведомление о другом, удобнейшем” — есть собственноручное примечание Кулиша, дословно повторенное в “Записках”: “Следуют имена и места жительства лиц, принявших на себя раздачу вспомоществований. Н.М.” (Кулиш 1856. Т. 2. С. 162).

Тихонравов располагал второй и третьей редакциями “Предупреждения” (он называл их соответственно распространенной и краткой — Тих. Т. 2. С. 689). Вторую редакцию он опубликовал в своде вариантов к окончательному тексту — по списку, или, как сообщает сам Тихонравов, “по копии, находящейся в бумагах наследников Гоголя” (там же). Судя по всему, это список, который сохранился до настоящего времени (ОР РГБ. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 39. С. 3–6). Он содержит только верхний слой текста, причем и его отражает не слишком точно — во многих случаях допущены не-

верные прочтения, ошибочно определена последовательность правки. Третья редакция “Предуведомления” напечатана Тихонравовым по автографу, “сохранившемуся в бумагах Плетнева и весьма обязательно сообщенному” Я.К. Гротом (*Тих.* Т. 2. С. 689).

Г.П. Георгиевскому, помимо второй и третьей редакций “Предуведомления”, была известна и первая (ЧА1). Он правильно определил ее место в ряду источников: «При сопоставлении с теми двумя редакциями, которые напечатаны Н.С. Тихонравовым, эта новая редакция, в литературном отношении, является первоначальным наброском мыслей и выражений, которые уже в последующих редакциях постепенно принимали литературную форму. Поэтому в хронологическом порядке она должна быть поставлена первой среди всех трех известных редакций “Предуведомления”» (*Георгиевский 1910.* С. 108). Георгиевский напечатал первую редакцию по автографу с воспроизведением правки Гоголя (зачеркнутое обозначено скобками, вписанное — курсивом).

В Ак. источники описаны следующим образом: ЧА пространной редакции (в наших обозначениях ЧА1), БА с поправками пространной редакции (в наших обозначениях ЧА2), БА окончательной (краткой) редакции (в наших обозначениях также БА). Из этого описания можно заключить, что второй источник возник в результате простого перебеливания первого. Между тем, как уже отмечалось выше, дело обстоит иначе. Тексты их достаточно близки, но второй источник представляет собой не беловик первого, а самостоятельную редакцию, т.е. Гоголь не перебеливал ЧА1, а писал текст заново (вероятно, имея предыдущий пред глазами). В Ак. напечатана полностью лишь третья редакция (БА), первая и вторая (ЧА1 и ЧА2) даны в виде свода вариантов к окончательному тексту.

В настоящем издании все три автографа рассматриваются как самостоятельные стилистические редакции и печатаются полностью (ЧА1 и ЧА2 — в разделе “Черновые редакции”). Принципы лингвистической подготовки текстов соответствуют правилам, изложенным в первом томе настоящего издания (с. 563—568); в частности, в БА исправлено: “присовокупление” на “присовокупление”; “пиэса” на “писеса”; “самих незаметных” на “самых незаметных”; прописные буквы заменены строчными в словосочетании “русские литераторы”.

* * *

С. 101. Почти все наши русские литераторы ~ один я отстал от прочих. — Возражая С.Т. Аксакову, осудившему замысел издания “Ревизора” в пользу бедных как акт неприемлемой для него публичной благотворительности, Гоголь также ссылаясь на опыт других литераторов: “Если почти все наши писатели издавали книги для бедных, если даже Булгарин, Греч и многие другие, укоряемые в корыстолюбии, производили в пользу бедных пожертвования, публичные чтения и тому подобные, — почему же я не могу также и что же я за исключение?” и отчего копейка от другого есть

долг, а от меня подвиг благотворения?» (письмо Гоголя к С.Т. Аксакову от 8(20) января 1847 г.).

С. 101. *Поздо* (нареч.) — поздно (Словарь Академии российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. IV. СПб., 1822. Стб. 1379; *Даль*. Т. III. С. 231; Словарь русских народных говоров. Вып. 28. СПб., 1994. С. 329). Такое же написание в *ЧА1* и *ЧА2* (см. с. 350, 353 наст. изд.).

С. 102. *В тех же случаях ~ совестью человека.* — В письме А.М. Вьельгорской от 21 октября (2 ноября) 1846 г. по поводу благотворительного издания “Ревизора” Гоголь разъяснял, что в деле раздачи материальной помощи всякий может для “большого облегчения” возложить “первые дела и первые подвиги” на священников и “требовать только от них подробных рассказов, каким образом и как они произвели это дело”.

С. 103. *Авдотья Петров(на) Елагина ~ Владим(ир) Алексеевич Муханов.*

Елагина Авдотья Петровна (1789—1877) — урожд. Юшкова, по первому мужу Киреевская, мать И.В. и П.В. Киреевских, родственница В.А. Жуковского.

Свербеева Екатерина Александровна (1808—1892) — урожд. Щербатова, жена Д.Н. Свербеева.

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — поэт, публицист, философ.

Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) — литератор, фольклорист.

Семья Елагиных-Киреевских, Свербеевых, Хомяковых входила в ближайшее московское окружение Гоголя. Точные даты его знакомства с ними не установлены. Наверняка известно лишь, что в знаменитом доме А.П. Елагиной у Красных Ворот Гоголь появился до создания “Ревизора”: либо в октябре 1832 г. (к этому времени относится встреча Гоголя с ее старшим сыном И.В. Киреевским), либо в 1835 г., когда Гоголь снова побывал в Москве (*Манн 1994. С. 321*). О более раннем, чем в 1835 г., знакомстве Гоголя с младшим сыном А.П. Елагиной, П.В. Киреевским, позволяет предположить упоминание о нем в письме Гоголя к М.П. Погодину от 11 января 1834 г. из Петербурга: “Поцелуй за меня Киреевского! Правда ли, что он печатает русские песни?” (впоследствии о ходе этой работы, а также о других начинаниях П.В. Киреевского Гоголя периодически информировал Н.М. Языков, см.: Письмо Гоголя к Языкову от 23 сентября (5 октября) 1843 г.; *Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 396, 411, 425*). Сближение Гоголя с А.П. Елагиной, Е.А. Свербеевой, А.С. Хомяковым и П.В. Киреевским относится к периодам длительного пребывания Гоголя в Москве: осень 1839 — весна 1840 г., осень 1841 — весна 1842 г. В эти годы А.П. Елагина, Свербеевы, Хомяковы были в числе гостей Гоголя на его именинных праздниках: Хомяков — на дружеских обедах в саду М.П. Погодина 9 мая 1840 и 1842 г.; А.П. Елагина и Е.А. Свербеева — на вечернем чае в доме Погодина 9 мая 1840 г. и в 1842 г. на дамском сборе нака-

нуне именин (Аксаков 1960. С. 38, 65—66; ЛН. Т. 45—46. М., 1948. С. 419—420; А.П. Елагина, по-видимому, присутствовала и на обеде 9 мая 1842 г. — Аксаков 1960. С. 66; среди приглашенных на именины 9 мая 1842 г. С.Т. Аксаков упоминает и Киреевского, вероятно, имея в виду старшего из братьев, Ивана, — там же).

Быстрее, чем с другими, Гоголь сошелся с А.П. Елагиной: их отношения приобрели дружеский характер уже в 1840 г. (см. его письма к А.П. Елагиной от апреля и 16(28) июня 1840 г.), а в следующий приезд Гоголя в Москву (1841—1842 гг.) стали еще более близкими: Гоголь неоднократно прибегал к помощи А.П. Елагиной (в декабре 1841 г. поручал ее заботам больного Н.М. Языкова — письмо к Елагиной от конца 1841 г.) и к ее духовной поддержке — 7 января 1842 г. А.М. Языков сообщал Н.М. Языкову, что у Гоголя спалин и он никуда не ходит, кроме А.П. Елагиной (Языков Н.М. Свободомыслящая лира: Стихотворения. Поэмы. Жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям. М., 1988. С. 263). В письмо Н.М. Языкову от 29 октября (8 ноября) 1846 г. Гоголь вложил “небольшую записочку” Елагиной (не сохранилась). Возможно, это послание было связано с предполагаемым участием Елагиной в благотворительном замысле Гоголя.

Зимой 1841—1842 гг. Гоголь часто бывает и у Хомяковых: “Я их люблю, у них я отдыхаю душой” (письмо Гоголя к Н.М. Языкову от 10 февраля 1842 г.). Будучи за границей, Гоголь не раз интересовался Хомяковым: спрашивал, нельзя ли его “затащить в литературную деятельность” (письмо С.П. Шевыреву от 21 января (2 февраля) 1844 г.), с похвалой отзывался о публикациях работ Хомякова в “Москвитянине” (письмо к Н.М. Языкову от 19 апреля (1 мая) 1845 г.). В июле—сентябре 1846 г. Гоголь встречался с Хомяковым в Остенде.

С Е.А. Свербеевой, судя по всему, Гоголь не был столь близок — во всяком случае на дамском празднике по случаю предстоящих именин 1842 г. Гоголь еще чувствовал себя с Е.А. Свербеевой достаточно стесненно: мало зная Свербееву (за несколько дней до этого, 1 мая, был приглашен в ее палатку на гулянье в Сокольники — Аксаков 1960. С. 65), Гоголь немело пытался развлекать ее светской беседой, что, однако, не помешало тактичной гостье впоследствии сказать, что Гоголь “был чрезвычайно любезен и остроумен” (там же). Покинув Москву, Гоголь писал, что думает о Свербеевой и любит “очень ее прекрасную душу” (письмо к А.П. Елагиной(?) около 6(18) августа 1842 г.). В свою очередь, из Москвы, через Н.М. Языкова, Гоголь получал вести от Свербеевых: “Тебе кланяются Свербеевы: они тебя помнят и любят, как подобает, и чтут воспоминание о твоём бывании на их вечерах” (письмо от 2 декабря 1844 г. — Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 396). В 1843 г. Свербеева участвовала в оказании материальной помощи Гоголю: узнав об отказе мужа одолжить деньги С.Т. Аксакову для Гоголя, “вспыхнула от негодования”, “покраснела” и незамедлительно сама вручила С.Т. Аксакову нужную сумму (Аксаков 1960. С. 111).

А.С. Хомяков и Е.А. Свербеева были в числе почитателей и горячих защитников вышедших в 1842 г. “Мертвых душ” (Манн 1987. С. 115, 120, 163). Хомяков одним из первых (на именинах 18 мая 1842 г.) получил от автора и эту книгу (Манн 1987. С. 104, 106), и четырехтомное издание Сочинений Гоголя 1842 г. (см. письмо Гоголя к Прокоповичу от 10(22) октября 1842 г.). Находясь в отдалении друг от друга, Гоголь и его московские друзья время от времени обменивались приветствиями — главным образом через Языкова (см. письма Гоголя к Н.М. Языкову 21 декабря 1843 г. (2 января 1844), 21 марта (2 апреля) 1844 г.; 20 ноября (2 декабря) 1844 г.; Н.М. Языкова к Гоголю — 2 декабря 1844 г., 10 мая 1845 г., июнь — первая половина июля 1845 г., 21 ноября 1845 г. — *Гоголь. Переписка*. Т. 2. С. 396, 418, 421, 422). От участия в благотворительном замысле Гоголя Е.А. Свербеева (через С.Т. Аксакова) отказалась (см. с. 844 наст. изд.).

Несколько особняком в московском списке стоит имя *Николая Филипповича Павлова* (1803—1864), который не принадлежал к числу близких знакомых Гоголя, но привлекал к себе его внимание, что, по-видимому, определялось и литературной репутацией Павлова (поэта, театрального переводчика, автора двух повествовательных сборников, вышедших в 1835 и 1839 г.), и тем достаточно прочным местом, которое он занимал в среде московских и петербургских друзей Гоголя.

Дата знакомства Гоголя с Павловым неизвестна. По-видимому, оно состоялось в один из периодов длительного пребывания Гоголя в Москве — в 1839—1840, 1841—1842 гг. (29 марта 1840 г., в день рождения К.С. Аксакова, Гоголь и Павлов были у Аксаковых на обеде — *ЛН*, т. 58. С. 586). Отношение Павлова к Гоголю, судя по всему, было достаточно сложным: с одной стороны, налицо человеческое участие в судьбе Гоголя (оказание Гоголю материальной помощи в 1838 г. — *Аксаков 1960*. С. 18; а затем в 1842 г. — деньги были даны на печатанье “Мертвых душ”, см. письмо Гоголя к С.П. Шевыреву от 3(15) августа 1842 г.), внимание и интерес к его новым работам: присутствовал на представлении “Ревизора” 17 октября 1839 г., “Игроков” и “Женитьбы” — в бенефис Щепкина 5 февраля 1843 г. (см. с. 731 наст. изд.; *Панаев 1988*. С. 209—210; *Гоголь. Переписка*. Т. 2. С. 42). С другой стороны, известно крайне ревнивое отношение Павлова к литературным и театральным успехам Гоголя: на упомянутом выше спектакле 17 октября 1839 г. советовал К.С. Аксакову (который громко кричал, хлопал и вызывал автора) “поберечь себя”, “умерить (...) энтузиазм, который может повредить (...) здоровью”, а после внезапного отъезда Гоголя из театра замечал, что его “избаловали”, что “он поступил неприлично” (*Панаев 1988*. С. 209—210); “презрительно улыбался” при одном упоминании “Мертвых душ” (Манн 1987. С. 114); уверял, что Гоголь “себя уронит этим произведением” (письмо К.С. Аксакова к Ю.Ф. Самарину, конец мая 1842 г. — *ЛН*, т. 58. С. 624; см. также с. 612 и 630 указ. тома); присутствуя на бенефисе Щепкина 5 февраля 1843 г., «был поражен

“Игроками”», говорил, что это трагедия, но уже на следующий день уверял С.Т. Аксакова, «что “Женитьба” — шалость большого таланта, а “Игроков” не следовало писать, играть и еще менее печатать; что тут нет игроков, а просто воры; что действие слишком односторонне» (письмо С.Т. Аксакова Гоголю 6—8 февраля 1843 г. — *Гоголь. Переписка*. Т. 2. С. 42).

На этом фоне отношение Гоголя к самому Павлову и его творчеству выглядит более ровным и спокойным. Гоголь высоко ценил вышедшие в 1835 г. “Три повести” Павлова (“...первыми тремя повестями своими получил с первого раза право на почетное место между нашими прозаическими писателями” — “О Современнике” // *Ак.* Т. VIII. С. 425), в 1839 г. выступил защитником только что вышедших “Новых повестей” Павлова, “доказывая, что они имеют свое неотъемлемое достоинство: наблюдательный ум сочинителя и прекрасный язык, и что они нисколько не хуже первых” (*Аксаков 1960*. С. 29, 30; впоследствии отношение Гоголя к “Новым повестям” ухудшилось: “...не захотевши быть самим собой, вздумал копировать (в трех новых повестях своих) тех модных нувеллистов, которые гораздо его ниже” (*Ак.* Т. VIII. С. 425; см. также письмо Гоголя к С.П. Шевыреву от 13(25) мая 1847 г.). Судя по всему, Гоголя интересовала личность Павлова: 9 мая 1842 г. последний присутствовал на именинном обеде Гоголя в саду М.П. Погодина (*Аксаков 1960*. С. 66; 9 мая 1840 г., по свидетельству А.И. Тургенева, не был приглашен по ошибке — *ЛН*. Т. 45—46. М., 1948. С. 420); в записке К.С. Аксакову от 12(24) мая 1843 г. Гоголь интересовался Павловым и его женой; узнав из письма С.Т. Аксакова от 6—8 февраля 1843 г. о реакции М.Н. Загоскина на эпитафию к “Ревизору” и мнении Павлова о “Женитьбе” и “Игроках”, Гоголь без раздражения отвечал (6(18) марта 1843 г.), что передал бы “искренний поклон” Загоскину и Павлову, но чувствует, что “они не поверят (...) или, пожалуй, примут за насмешку, вроде кривой рожки...”. Достаточно высокая оценка Павлова дана Гоголем в письме к М.С. Щепкину от 12(24) октября 1846 г., содержащем советы и разъяснения по поводу исполнения “Развязки Ревизора”: артисту, играющему роль Николая Николаевича (по определению в перечне действующих лиц “литературный человек”), “должно, за неимением другого, придерживать(ся) Ник(олоя) Филип(повича) Пав(лова), потому что у него самый ровный и пристойный голос из всех наших литераторов, притом в него нетрудно попасть”.

Аксакова Вера Сергеевна (1819—1864) — дочь С.Т. Аксакова. В составленном Гоголем списке раздавателей благотворительной помощи особо выделяется круг его младших друзей, к которому принадлежит и В.С. Аксакова — наряду со своими ровесниками, В.А. Пановым и Ю.Ф. Самаринским, и самой юной из всех благотворительниц, А.М. Вельгорской. По свидетельству С.Т. Аксакова, Гоголь познакомился с В.С. Аксаковой только во время своего второго визита в Москву — проездом из Васильевки в Петербург — в октябре 1832 г. (*Аксаков 1960*. С. 13). Однако их близкое и продолжительное общение относится к более позднему времени (осень

1839 — весна 1840 г.), когда между Гоголем и семейством Аксаковых началась “тесная дружба” (там же, с. 20): появившись в доме Аксаковых (в Москве) 2 октября 1839 г., Гоголь с этого дня бывал у них “почти каждый день и очень часто обедал” (там же). К этому времени (26 октября — 21 декабря 1839 г.) относится и совместная поездка Гоголя и Аксаковых в Петербург: В.С. Аксакова сопровождала в ней отца, который вез сына Михаила в Пажеский корпус (там же, с. 21—33). Путешествие из Москвы в Петербург (с 26 по 30 октября) вместе с Гоголем, по свидетельству С.Т. Аксакова, было приятно и для него, и для его детей — сопровождалось постоянными шутками Гоголя (“мы помирали со смеху” — там же, с. 21) и серьезными разговорами (там же). По приезде Гоголь не раз навещал Аксаковых, остановившихся у Карташевских, при этом неоднократно уделяя внимание и В.С. Аксаковой: 5 ноября “был очень весел и забавен с обеими девицами” (с В.С. Аксаковой и М.Г. Карташевской — там же, с. 25); 13 ноября смотрел “портрет нашей Марихен (дочь С.Т. Аксакова Маша. — Ред.), сделанный Верой” (там же, с. 26). В Петербурге состоялось знакомство В.С. Аксаковой с сестрами Гоголя (там же, с. 29, 32, 33), возвращение из Петербурга в Москву тоже было совместным (С.Т. и В.С. Аксаковы, Гоголь с двумя сестрами и Ф.И. Васьков — там же, с. 33—34).

В.С. Аксакова разделяла благоговейное отношение семьи к таланту Гоголя и общий интерес родных к каждому его произведению: вероятно, присутствовала при домашнем чтении “Ревизора” (см. с. 727 наст. изд.); 17 октября 1839 г. была в числе зрителей “Ревизора” в Малом театре (на спектакле был и сам Гоголь — см. с. 731 наст. изд.); 26 ноября 1839 г. с отцом и братом Михаилом присутствовала на представлении “Ревизора” в Александринском театре (см. с. 735 наст. изд.); слушала авторское чтение глав “Мертвых душ”, “Анунциаты” (Аксаков 1960. С. 37); неоднократно слушала гоголевские произведения в исполнении отца: “Арабески” (была “в восхищении” и тронута “до слез”), “Мертвые души”, “Игроки” (Аксаков 1960. С. 32, 71; ЛН, т. 58. С. 648). Судя по некоторым деталям, общение Гоголя с В.С. Аксаковой носило дружеский и непринужденный характер: Гоголь играл с В.С. и К.С. Аксаковыми в домино, и “она проиграла ему дорожный мешок” (Аксаков 1960. С. 38); в мае 1842 г. Гоголь пригласил О.С. Аксакову (жену С.Т. Аксакова) и В.С. Аксакову принять участие в небольшом торжестве, которое он устраивал для дам накануне собственных именин, при этом просил их “особенно” — видимо, не только из почтения, но и в надежде на некоторую поддержку в проведении сложного для него светского мероприятия (только после разъезда гостей, оставшись наедине с Аксаковыми, почувствовал себя совершенно свободно — там же, с. 65—66). В 1840 г. в Москве “Гоголь взял обещание с Веры, что она напишет ему масляными красками” портрет отца, “на что Вера согласилась с тем, чтобы он прислал {...} свой, и он обещал” (там же, с. 38). 29 июля (10 августа) 1840 г. в письме О.С. Аксаковой Гоголь напомнил В.С. Аксаковой о ее обещании.

С.Т. Аксаков, не одобрявший избранную Гоголем публичную форму оказания благотворительной помощи, в письме к П.А. Плетневу около 24–25 ноября 1846 г. просил исключить имя дочери из числа благотворительниц, назначенных Гоголем (см. с. 844 наст. изд.).

Вьельгорская (Виельгорская) Анна Михайловна (1823–1861) — младшая дочь Л.К. и М.Ю. Вьельгорских. Гоголь сблизился с ней зимой 1843–1844 гг. в Ницце, с 1844 г. вел с ней постоянную переписку, выступая наставником для юной девушки, близкой его душе и имевшей к нему “очень много доверенности” (*Гоголь. Переписка*. Т. 2. С. 203, 208). Полагая, что А.М. Вьельгорскую ждет особое поприще — “заглядывать в самую душу человека и оказывать там помощь”, иметь “благодетельное влияние на всех” (письмо Гоголя к А.М. Вьельгорской от 30 марта (12 апреля) 1844 г.), Гоголь решил предложить ей конкретное дело — участие в задуманном им благотворительном начинании. А.М. Вьельгорская, по замыслу Гоголя, должна была явиться одним из главных лиц среди раздавателей благотворительной помощи в Петербурге: на нее была возложена не только сама раздача вспомоществований, но и организация этой работы (см. письмо Гоголя к А.М. Вьельгорской от 21 октября (2 ноября) 1846 г. и с. 842–843 наст. изд.).

Панов Василий Алексеевич (1819–1849) — писатель. Гоголь познакомился с ним у Аксаковых в январе 1840 г. (*Аксаков 1960*. С. 36–37). Понимая и ценя Гоголя, Панов привязался к нему “всею своею любящею душою”, а после чтения шестой главы “Мертвых душ” (13 апреля 1840 г.) “пришел в упоение” и, узнав, что Гоголь ищет спутника для поездки в Италию, “решился пожертвовать всеми своими расчетами” и ехать вместе с ним (*Аксаков 1960*. С. 36–37, 39). Совместное путешествие до Вены (18 мая — около 5 июня 1840 г.), пребывание в Вене (около четырех недель, до отъезда Панова в Германию), а затем в Венеции (со 2 сентября 1840 г.) и в Риме (с 25 сентября 1840 г. по 6 мая 1841 г. — день, когда Панов покинул Гоголя) достаточно подробно описаны Пановым в письмах к К.С. Аксакову от 15(27) июня — 21 июня (3 июля) 1840 г., 31 декабря 1840 г. (12 января 1841 г.), 25 мая (6 июня) 1841 г. (*ЛН*, т. 58. С. 590–594, 596, 602, 604) и С.Т. Аксакову от 9(21 ноября) 1840 г. (Письма Н.В. Гоголя / Редакция В.И. Шенрока. Т. 2. СПб., 1901. С. 87–89). В Риме Панов оказал помощь Гоголю в перебеливании рукописей “Мертвых душ” (*Манн 1987*. С. 81) и приложений к “Ревизору” для второго издания комедии (см. с. 615, 835 наст. изд.). Совместное путешествие и общение с Пановым оставило в душе Гоголя хорошее впечатление: “Панов молодец во всех отношениях...” (Гоголь к С.Т. Аксакову, 16(28) декабря 1840 г.).

23 сентября (5 октября) 1846 г. Гоголь в письме к Н.М. Языкову сообщил об отказе участвовать в составляемом Пановым втором томе “Московского литературного и ученого сборника”. Отметив, что не видит в сборнике “никакой цели”, Гоголь, развивая идеи “Развязки Ревизора”, объяс-

нял, что все дело зависит не от соединения сил, не от “какой-то складчины”, а от самого человека. «Нет, дело нужно начинать с другого конца. Прямо с себя, а не с общего дела. Воспитай прежде себя для общего дела (...) следовало бы каждому из <них (речь идет об участниках “Московского литературного и ученого сборника” и “Москвитянина”. — *Ред.*)> войти получше в собственные силы и рассмотреть, к какому делу каждый создан вследствие ему данных способностей». Не исключено, что практической реализацией этих рассуждений Гоголя явилось включение имени Панова в списки раздавателей благотворительной помощи.

Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — общественный деятель, историк, публицист. Гоголь познакомился с Самариним в конце 1839 г. в Москве, вероятно, в доме Аксаковых: 23 декабря 1839 г. Самарин присутствовал при чтении второй и третьей глав “Мертвых душ”, которое произвело на него глубокое впечатление (“...мы можем назвать себя счастливыми, — писал он тогда в дневнике, — что родились современниками Гоголя. Такие люди рождаются не годами, а столетиями” — *ЛН, т. 58. С. 576—578, 580*), в начале января 1840 г. был на обеде с участием Гоголя (*Аксаков 1960, с. 36*). 9 мая 1840 и 1842 гг. присутствовал на именных обедах Гоголя, в саду М.П. Погодина, причем в 1840 г. был приглашен благодаря К.С. Аксакову, упросившему Гоголя позвать малоизвестного ему Самарина (там же, с. 38, 66). Весной 1843 г. Гоголь познакомился с отзывом Самарина о “Мертвых душах” (в форме письма К.С. Аксакову, который и послал его Гоголю, — текст письма см.: *РС. 1890. Т. 65. Февраль. С. 421—425*; отзыв Гоголя — в его письме к К.С. Аксакову от 12(24) мая 1843 г.).

Сближение Гоголя с Самариним произошло позже благодаря А.О. Смирновой, хорошо знавшей Самарина и уже тогда оценившей его душу и высокий ум (“Самарин — удивительная жемчужина в нашей молодежи” — письмо к Гоголю от 3 ноября 1844 г. — *Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 125*). Будучи в курсе забот, переживаний и дел Самарина (о которых периодически информировала Гоголя — там же, с. 125, 127, 133, 155, 163, 175), Смирнова настойчиво привлекала Гоголя к участию в судьбе Самарина. Получив от Самарина письмо и третью часть его магистерской диссертации, Гоголь 12(24) декабря 1844 г. ответил ему больше из вежливости (попрекнув Смирнову тем, что она “еще и Самарина приплетает”, — письмо Гоголя к Смирновой от того же числа). Однако в ответ на просьбу Смирновой (в письме от 19 сентября 1845 г.) “не ежиться” с Самариним, который “прекрасно умен” и любит Гоголя за “живую душу” и за “Мертвые души” (*Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 165*), Гоголь сам написал Самарину (не дожидаясь письма от него, — см. письмо Гоголя к Смирновой от 15(27) января 1846 г.). Это письмо от 20 декабря 1845 г. (3 января 1846 г.) положило начало их переписке (в 1846 г. по три письма с каждой стороны), касающейся большей частью охватившего Самарина духовного кризиса (по его собственному признанию, причины кризиса — “одностороннее развитие ума, погасившее чувство и подорвавшее волю”, духовное расхождение с

близкими людьми — отцом и К.С. Аксаковым, вынужденная служба в Петербурге — см. письма Самарина к Гоголю 1846 г. — *РС*. 1889. Т. 63. Июль. С. 167—173). Гоголь рекомендовал Самарину не покидать света, способствовать пробуждению дремлющих в людях способностей и возвышению их душ, забыть себя и заняться конкретными делами (см. письма к Самарину: 20 декабря 1845 г. (3 января 1846 г.); начало июля 1846 г.; август 1846 г.). Одно из этих дел он и решился предложить Самарину: “Его душе и его внутреннему спокойствию, — писал он 28 октября (9 ноября) 1846 г. к А.О. Россету, — это будет нужно”.

В разгар хлопот, связанных с осуществлением благотворительной акции Гоголя, Самарин находился в Риге, куда был командирован Министерством внутренних дел для ревизии городского самоуправления.

Одоевская Ольга Степановна (1797—1872) — урожд. Ланская, жена В.Ф. Одоевского. Знакомство и сближение Гоголя с О.С. Одоевской, как и с ее мужем, вероятно, относится к 1832—1833 гг., во всяком случае в сентябре 1831 г. они еще не были знакомы, а спустя два года Гоголь и Одоевский уже предприняли попытку сотрудничества (*Манн 1994*. С. 291, 355—357). О.С. Одоевская, узнавшая о благотворительном замысле Гоголя через Вьельгорских (см. письмо Л.К. Вьельгорской к О.С. Одоевской без даты и письмо А.М. Вьельгорской к Гоголю от 20 ноября 1846 г. — *ЛН*, т. 58. С. 692; *Гоголь. Переписка*. Т. 2. С. 226), выразила готовность выполнить поручения Гоголя, о чем его уведомила А.М. Вьельгорская в вышеупомянутом письме. Спустя три месяца Гоголь выразил Одоевской свою благодарность. 4(16) марта 1847 г. он просил А.М. Вьельгорскую: “...княгиню О(доевскую) поблагодарите много за ее доброту”. В тот же день он поблагодарил Одоевскую и в письме В.Ф. Одоевскому (см. с. 844 наст. изд.).

Дашкова Софья Андреевна (1822—1908) — графиня, впоследствии жена князя Г.Г. Гагарина. “Я поставил здесь вашу приятельницу Дашкову, — объяснял Гоголь А.М. Вьельгорской в письме от 21 октября (2 ноября) 1846 г., — единственно потому, что у ней есть особенная светлость душевная, постоянно разлитая в чертах ее лица, в которой может она оказывать ту помощь страждущим, о какой еще и сама она не знает”.

Россет Аркадий Осипович (1812—1881) — офицер, брат А.О. Смирновой. Точная дата знакомства Гоголя с Россетом неизвестна. По всей вероятности, Гоголь мог встретиться с Россетом в Петербурге в конце 1830 г. или в начале 1831 г. (*Манн 1994*. С. 260—261). Летом 1837 г. они виделись в Баден-Бадене и ездили (вместе с А.О. Смирновой) на три дня в Страсбург (*Кулиш 1856*. Т. 1. С. 209—210). Сближение же их, по свидетельству А.О. Смирновой, относится к весне 1842 г. (*Смирнова 1989*. С. 29, 44). Еще более дружеский характер отношения Гоголя с Россетом приобрели в следующем, 1843 г.: в январе—апреле 1843 г. судьба свела их (а также А.О. Смирнову) в Риме, где все трое провели немало времени в совместных экскурсиях и путешествиях — с Гоголем в роли гида (там же,

с. 30—32, 45). С 1843 г. Гоголь вступил в переписку с Россетом, проявляя интерес к его судьбе и взглядам на “нынешнюю грешную жизнь” (письмо Гоголя к Россету от 24 июня (6 июля) 1846 г.). В письме от 28 октября (9 ноября) 1846 г. Гоголь обратился к А.О. Россету лично с просьбой принять на себя бремя раздачи благотворительной помощи (подробнее см. с. 868 наст. изд.).

Муханов Владимир Алексеевич (1805—1876), камер-юнкер. Гоголь сблизился с ним в августе-сентябре 1846 г. в Остенде — см.: письмо Гоголя к В.А. Жуковскому от 13(25) августа 1846 г.; письма В.А. Муханова к Ек.А., Елиз.А., П.А. и Т.А. Мухановым от 17(29) августа 1846 г., 24 августа (5 сентября) 1846 г., 14(26) сентября 1846 г. из Остенде (*Миловский Н.* К биографии Н.В. Гоголя: (О знакомстве его с братьями Мухановыми.) М., 1902. С. 9—11; оригиналы хранятся: *ОР РГБ*. Ф. 178. К. 9504. Ед. хр. 1. Л. 2об.—3, 5—5об., 7об.—8).

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ДЛЯ ТЕХ, КОТОРЫЕ ПОЖЕЛАЛИ БЫ СЫГРАТЬ КАК СЛЕДУЕТ “РЕВИЗОРА”

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

ЧА1 — черновой автограф (первая редакция). Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 7. Л. 3—12об. Автограф представляет собой пять двойных листков почтовой бумаги (вложены, как в обложку, в л. 3/12, л. 6/9 и 7/8 вложены один в другой); л. 3 заполнен наполовину, л. 3об., 11об.—12 не заполнены; в верхней части л. 12об. — рисунок пером рукой Гоголя: мужчина в шинели и цилиндре и стоящая к нему спиной дама в накинутой на плечи шали (опубл.: *ЛН*. Т. 19—21. М., 1935. С. 542; см. также наст. изд., с. 475); чернила. Разм. 18 × 13,5. Бумага со штемпелем: “ВАТН” (в прямоугольной рамке с виньетками, хорошо виден на л. 10). Ср. описание вариантов штемпеля: *Клепиков 1959*. С. 111; *Клепиков 1968*. С. 135—136. Пагинации: постраничная, чернилами (5—24); полистная, карандашом (3—12). Листы сложены в одну тетрадь с черновым автографом начала второй редакции “Предупреждения...” (*ЧА2* — см. ниже) и копиями (рукой П.А. Кулиша) двух писем М.С. Щепкина к Гоголю от 7 мая 1836 г. и 24 октября 1842 г. (л. 14—17); скреплены сургучной печатью, заверены подписью В.В. Думнова по нижнему краю всех листов и надписью на последнем листе (л. 18об.): “В сей тетради тридцать шесть страниц. В. Думнов. 31 марта 1886 г.”. Тетрадь, сшитая в 1886 г. (см. *Описание РГБ 1*. С. 24), имеет общую пагинацию: чернилами, постраничную, рукой Думнова (1—36); полистную, карандашом (1—18). При реставрации тетрадь рас-

шита. Описание рукописи см. также: *Тих.* Т. 6. С. 249–258, 667; Т. 7. С. 899; *Описание РГБ 1.* С. 24.

Впервые опубликовано: *Р86.* С. XXVII–XXVIII (текст на л. 3), XLVIII–LIX (под названием “Полный черновой текст”). Предположительно датируется: октябрь–ноябрь 1846 г.

Ч42 – черновой автограф (начало второй редакции). Хранится: *ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 7.* Л. 1–2об., 13–13об., 18–18об. Автограф представляет собой два двойных листка почтовой бумаги, вложенных один в другой; л. 2об., 13–13об., 18–18об. не заполнены; чернила. Разм. 22,6 × 14,2. Бумага без филиграни и штампея. Пагинации: постраничная, чернилами (1–4, 25–26, 35–36); полистная, карандашом (1–2, 13, 18). Соединены в одну единицу с *Ч41* (см. выше) и двумя копиями писем Щепкина к Гоголю (подробнее см. в описании *Ч41*). Описание рукописи см. также: *Тих.* Т. 6. С. 249–258, 667; Т. 7. С. 899; *Описание РГБ 1.* С. 24.

Впервые опубликовано: *Р86.* С. XLIV–XLVII (под названием “Начальные страницы, переписанные самим Гоголем набело”). Предположительно датируется: октябрь–ноябрь 1846 г.

Оба автографа печатаются полностью в следующем порядке: начало второй редакции (*Ч42*), затем первая редакция (*Ч41*), со следующим ис-
правлением:

С. 105, строка 7. Одна из главных ролей – вместо: Один из главных ролей

* * *

«Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”» – текст, запечатлевший одну из последних попыток Гоголя истолковать (в данном случае для исполнителей) природу комедии и запечатленных в ней характеров. Такого рода истолкованиями были снабжены все прижизненные публикации “Ревизора”: в первом издании (1836) это статья “Характеры и костюмы”, во втором (1841 г.) и третьем (в четвертом томе Сочинений 1842 г.) – “Характеры и костюмы” и “Отрывок из письма...”. Советы и замечания по поводу постановки комедии и исполнения отдельных ролей и эпизодов содержатся также в ряде писем Гоголя М.С. Щепкину: 10 мая 1836 г., 16(28) ноября 1842 г., 12(24) октября, 4(16) декабря 1846 г., около 28 июня (10 июля) 1847 г. (см. также письмо И.И. Сосницкому от 21 октября (2 ноября) 1846 г.).

Датировать работу Гоголя над “Предупреждением...” можно лишь предположительно, поскольку оно не было завершено (подробнее см. ниже), при жизни Гоголя не печаталось и не упоминается ни в одном из его сохранившихся писем (в том числе и к Щепкину, который, как правило, был посвящен во все гоголевские планы, относящиеся к сценической судьбе “Ревизора”). Вероятнее всего, “Предупреждение...” было связано с за-

думанным Гоголем в 1846 г. благотворительным изданием “Ревизора” в пользу бедных (в Москве и Петербурге) — с одновременным представлением комедии по тексту 1842 г. с добавлением “Развязки...” в бенефисы Щепкина и Сосницкого (подробнее см. с. 864—878 наст. изд.). Такой вывод может быть сделан, во-первых, по аналогии с предыдущими изданиями “Ревизора”, которые сопровождались пояснительными текстами автора, и, во-вторых, на основе сопоставления “Предупреждения...” с “Развязкой Ревизора” и с письмом Гоголя Щепкину от 4(16) декабря 1846 г.

Дословных совпадений с “Развязкой...” в тексте “Предупреждения...” нет, однако присущее ей символическое истолкование персонажей (чиновники-страсти, ворующие “казну собственной души нашей”, Хлестаков — “ветренная светская совесть”, продажная, обманчивая) может быть соотнесено с некоторыми идеями “Предупреждения...”. В нем, как и в “Развязке...”, впервые за всю историю авторского истолкования “Ревизора”, появляется понятие “страсть” (или “главная забота” каждого лица, “на которую издерживается жизнь его, которая составляет постоянный предмет мыслей, вечный гвоздь, сидящий в голове”) и рассуждение о страсти: “Что ж делать, у всякого человека есть какая-нибудь страсть, из-за нее он наделает множество разных неправд, не подозревая сам того”. Более того, характеристики основных персонажей в “Предупреждении...” построены именно на выявлении основных психологических доминант: в Городничем — это забота о том, “чтобы не пропускать того, что плывет в руки”, в Судье — “страсть ко псовой охоте”, стремление “выказать себя”, в Попечителе богоугодных заведений — готовность “топить других”, чтобы вывернуться самому, в Смотрителе училищ — “постоянный страх”, в Почтмейстере — простодушие, в Бобчинском и Добчинском — “страсть рассказать”, в Хлестакове — более сложное “собра(ние) многих (...) качеств”, “разных черт”: пустота, отсутствие соображения и “глупость во всех поступках”, “желанье порисоваться” и пр. В большинстве своем эти черты были отмечены и в более ранних авторских истолкованиях “Ревизора”, но только в “Предупреждении...” появилась стройная и последовательная система психологических характеристик персонажей, основанная на выявлении одной или нескольких страстей, движущих поступками.

Истолкование Хлестакова как “ветреной светской совести”, продажной и обманчивой (в “Развязке”) в какой-то мере перекликается с некоторыми характеристиками этого персонажа в “Предупреждении...”: “лживой, олицетвор(енный) обман”, “пустая светская ветренность”.

Еще более близкими выглядят отдельные фрагменты “Предупреждения...” и письма Гоголя Щепкину от 4(16) декабря 1846 г. Само название текста — «Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”» — имеет соответствие в письме: «“Ревизора” нужно будет дать так, как следует...». В обоих текстах звучит не ослабевающая со времен первой постановки “Ревизора” мысль о необходимости избегать

карикатурности: “Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть в карикатуру” (“Предупреждение...”); “Словом, изгнать вовсе карикатуру...” (письмо Щепкину от 4(16) декабря 1846 г.). И в “Предупреждении...”, и в письме Щепкину появляются новые, не встречающиеся у Гоголя ранее напутствия артистам. Во-первых, это стремление убедить их первоначально “поймать *обще(че)ловеческое* выражение роли”, а уже потом заботиться о ее красках (“Предупреждение...”; ср. в письме Щепкину: “Пусть (...) никто не оттеняет своей роли и не кладет на нее красок и колорита, но пусть услышит *общечеловеческое* ее выражение (...) Краски положить нетрудно; дать цвет роли можно и потом...”). Во-вторых, что очень существенно, и в “Предупреждении...”, и в письме применительно к персонажам “Ревизора” впервые (в связи со стремлением Гоголя искоренить карикатурность) употреблено слово “благородство”: “...нужно особенно стараться актеру быть скромней, проще и как бы благородней, чем как в самом деле есть то лицо, которое представляется” (“Предупреждение...”); актер должен попасть в “благородный, верный такт разговора”, удержать “*общечеловеческое* благородство речи” (в письме).

Разумеется, обширный текст “Предупреждения...” касается и таких вопросов, которые в письме Щепкину (а в большинстве случаев и в более ранних источниках) не затрагиваются: это тщательная психологическая аргументация ролей, особенно роли Городничего (о которой Гоголь впервые говорит столь подробно), Судьи, Попечителя богоугодных заведений, Бобчинского и Добчинского и, конечно, Хлестакова; затем указание на общую психологическую доминанту пьесы (“в голове всех сидит ревизор. Все занят(ы) ревизором”); наконец, очень детальное описание Немой сцены. Существенно, что психологическая аргументация характеров приводит к некоторому ослаблению элемента порицания. Если в “Характерах и костюмах” Городничий фигурирует как “взяточник”, то в “Предупреждении...” говорится, что он “более всего озабочен тем, чтобы не пропускать того, что плывет в руки”, и добавляется, что “злобного желанья притеснять в нем нет”. Судья в “Характерах и костюмах” определен как лицо “несколько вольнодумное”, в “Предупреждении...” эта характеристика заменена объяснением: “...безбожник только потому, что на этом поприще есть простор ему выказать себя”. Во фрагменте, относящемся к Немой сцене, помимо уже встречающегося ранее разъяснения ее природы (“немая картина”, “онемевшая картина”), Гоголь стремится дать детализированное пластическое описание каждой застывшей фигуры.

Связь “Предупреждения...” с “Развязкой...” и особенно с письмом Щепкину от 4(16) декабря 1846 г. дает возможность приурочить работу над “Предупреждением...” к октябрю-ноябрю 1846 г., когда Гоголь был занят подготовкой благотворительного издания “Ревизора”. Можно допустить, что первоначально Гоголь намеревался включить “Предупреждение...” в это издание, но затем по какой-то причине передумал. В этом слу-

чае хронологически “Предупреждение...” предшествует письму Щепкину от 4(16) декабря 1846 г. Однако при таком допущении остаются не вполне понятными некоторые расхождения в описании Немой сцены в “Предупреждении...” и в более раннем письме Щепкину — от 12(24) октября 1846 г. Письмо вносит очень важные коррективы в суть сцены, нарушая заложенную в ней идею немоты и окаменения: “Минуту или минуты две непременно должна продолжаться эта немая сцена, так чтобы Коробкин, соскучившись, успел попотчевать Растаковского табаком, а кто-нибудь из гостей даже довольно громко сморкнуть в платок” (подробнее см. с. 669 наст. изд.).

Не исключено, что Гоголь приступил к работе над “Предупреждением...” уже после того, как отложил задуманное издание на год. В этом случае “Предупреждение...” и письмо Щепкину от 4(16) декабря 1846 г. можно рассматривать как первые шаги Гоголя к неспешной, тщательной подготовке новой постановки “Ревизора” (к бенефису Щепкина в 1848 г.). Остановка работы над “Предупреждением...” в этой ситуации могла быть связана с тем, что Гоголь решил прибегнуть к более действенному, с его точки зрения, средству — вызову Щепкина за границу, с тем, чтобы он прослушал “Ревизора” в авторском исполнении, а затем уже прочитал артистам: “...настоящий смысл всякой фразы, — объяснял Гоголь, — (...) вдруг может измениться от одного удара, перемещенного на другое место или на другое слово” (письмо Щепкину от 4(16) декабря 1846 г.; см. также письмо Щепкина Гоголю от 22 мая 1847 г. — *Гоголь. Переписка*. Т. 1. С. 468—470).

* * *

Сохранилось два черновых автографа “Предупреждения...”. Один из них (Ч41) содержит полный текст первой редакции, другой (Ч42) — начало второй редакции (имеющийся список — ОР РГБ. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 37 — сделан с этих автографов). По сложившейся традиции, начало второй редакции именуется беловым автографом: “Начальные страницы, переписанные самим Гоголем набело” (Р86. С. XLIV; Кор. Т. V. С. 131); “Начальные страницы, переписанные набело” (Тих. Т. 6. С. 256); “беловик вступительного отрывка” (Ак. Т. IV. С. 539). Эти определения заставляют думать, что речь идет просто о перебеливании Гоголем начала первой черновой редакции. Между тем, это не так, ибо последний слой первой редакции и нижний слой второй редакции не совпадают, т.е. Гоголь не перебеливал первую редакцию, а начал писать новую. При этом некоторые фрагменты первой редакции были использованы во второй, другие — существенно переработаны. Переработка заключалась главным образом в более подробном развитии отдельных положений, в усилении аргументации, в стилистической отделке текста. Возможно, между сохранившимися редакциями имелся промежуточный источник (который Гоголь действительно мог перебеливать).

Вопрос о публикации двух редакций “Предупреждения...” решался по-разному. В тихонравовском издании “Ревизора” 1886 г. и в шестом томе десятого издания Гоголя обе редакции опубликованы полностью, но в разной последовательности: в издании 1886 г. прежде идут “Начальные страницы, переписанные самим Гоголем набело”, затем — “Полный черновой текст” (Р86. С. XLIV—LIX), в шестом томе — наоборот: прежде — “Полный черновой текст”, затем “Начальные страницы, переписанные набело” (Тих. Т. 6. С. 249—258; текст, напечатанный в Р86, в шестом томе в некоторых случаях улучшен, в некоторых ухудшен, ряд неточностей, допущенных в шестом томе, отмечен Г.П. Георгиевским — *Георгиевский 1910*. С. 99—102). В академическом собрании сочинений Гоголя допущена контаминация: начало опубликовано по второй редакции “Предупреждения”..., продолжение — по первой (Ак. Т. IV. С. 112—120). Между тем очевидно, что мы располагаем двумя разными стилистическими редакциями “Предупреждения...” (Ч41 и Ч42). Ни одной из них нельзя отдать предпочтение: начало первой было переработано, а вторая не является полной. Исходя из этого, мы печатаем в основном тексте обе редакции, сначала вторую (поскольку это последний по времени авторский текст начала “Предупреждения”...), затем первую (т.е. в последовательности, избранной в свое время Тихонравовым в Р86).

Публикация “Предупреждения...” представляет большую сложность еще и потому, что тексты обеих редакций носят черновой характер: многие слова не дописаны, в ряде слов пропущены буквы, многочисленны случаи небрежной или незавершенной правки (когда отмененные слова не зачеркнуты, правка не доведена до конца: т.е. последний вариант не дает связного чтения и т.д.). Незавершенность текста стала причиной того, что разные издания дают разные варианты чтения одних и тех же фрагментов. Трудность издания “Предупреждения...” была отмечена Георгиевским: «“Предупреждение”, — писал он, — как известно, при жизни Гоголя ни разу не появлялось в печати, и поэтому и в настоящее время нет текста его в законченном, в литературном отношении, виде, нет текста, обработанного и установленно для печати самим автором...» (*Георгиевский 1910*. С. 98). Георгиевский считал, что “ясно должен быть выделен текст первый по времени появления и указаны все дальнейшие его поправки” (там же, с. 99). Однако это предложение вряд ли осуществимо, поскольку выделить “первый по времени” текст практически невозможно.

В настоящем издании “Предупреждение...” печатается по верхнему слою; во всех случаях незавершенной или неясной правки в тексте дается законченный вариант (если он имеется), в своде вариантов приводятся все этапы правки с указанием на незавершенность; вычеркнутые Гоголем слова воспроизводятся в квадратных скобках в самом тексте лишь в тех случаях, когда вычерки не дают связного чтения. Пропущенные буквы и отсутствующие во многих случаях окончания восстанавливаются (в соответствии с принятыми правилами — см. наст. изд. Т. 1. С. 570) в угловых скобках.

Принципы лингвистической подготовки текстов соответствуют правилам, изложенным в первом томе настоящего издания (с. 563–568); в частности исправлено: “выдут”, “выдет” на “выйдут”, “выйдет”; “пиэса” на “пиеса”; “тем самим делом” на “тем самым делом”; “Почмейстер” на “Почтмейстер”; “Земленика” на “Земляника”. Прописные буквы заменены строчными: в наименованиях действующих лиц (Городничий, Почтмейстер, Смотритель училищ, Судья, Ревизор, настоящий Ревизор, Купцы), в театральной лексике (актер, лучший актер, первый актер, роль, главная роль, лицо — т.е. действующее лицо, акт), в словах “церковь”, “государственный”, “барин”, “автоматы” (все перечисленное относится к разряду устойчивых написаний в этом тексте); “городские болтуны”, “группа”, “лабарданы”, “литература”, “нос”, “рот”, “руки”, “окаменел”, “характер”, “трагическое”, “хапуги” (единичные написания). Соответственно “понижены” прописные буквы и в своде вариантов к основному тексту.

Представляет сложность также публикация двух фрагментов “Предупреждения...”.

1. “Русской человек ~ требова(н)ие” (л. 2; приписан под текстом второй редакции, без пробела, другими чернилами и несколько другим почерком). Тихонравовым (Р86. С. XLVII; Тих. Т. 6. С. 258) напечатан как завершающая часть текста второй редакции “Предупреждения...”. В Ак. напечатан в своде вариантов с пояснением: “далее позже приписано” (т. IV, с. 505). В настоящем томе печатается, как у Тихонравова, с соответствующим пояснением в своде вариантов ко второй редакции.

2. «Точно так же, как драматически(й) писат(ель) ~ для простого чтения” (л. 3; никакого другого текста л. 3 не содержит; сплошной текст первой редакции начинается на следующем, четвертом, листе; л. 3/12 — двойной, на л. 12об. — рисунок рукой Гоголя — см. с. 475 наст. изд.). Тихонравовым напечатан в тексте статьи «Очерк истории текста комедии Гоголя “Ревизор”» в Р86 (с. XXVII–XXVIII, перепечатано: Тих. Т. 6. С. 607–608, статья озаглавлена «История текста комедии Гоголя “Ревизор”») как заметка, которую Гоголь «предполагал включить в свои объяснительные замечания к “Ревизору”» (Р86. С. XXVII; Тих. Т. 6. С. 607); Георгиевский, печатая этот фрагмент, ошибочно указал, что он публикуется впервые (Георгиевский 1910. С. 103; ошибка повторена в Описании РГБ 1. С. 24), но при этом впервые правильно связал его с началом первой редакции “Предупреждения...” и правильно указал, что основная мысль фрагмента отражена в третьей фразе второй редакции (с. 103–104). В Ак. фрагмент напечатан в своде вариантов — как вариант к третьей фразе второй редакции (т. IV, с. 502). В настоящем томе печатается в своде вариантов к первой редакции. Место публикации в своде определяется по соотношению со второй редакцией “Предупреждения...” (третья фраза этой редакции, содержащая одну из идей указанного фрагмента, предшествует словам: “Чем меньше будет думать актер...”).

РАЗВЯЗКА РЕВИЗОРА

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

СпК — список рукой неустановленного лица из материалов П.А. Кулиша. Восходит к источнику (вероятно, к утраченному автографу), отражающему один из первоначальных этапов работы Гоголя над текстом. Хранится: *ОР ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 70. 22 л. Сшиты в тетрадь; л. 21 заполнен наполовину, л. 21об., 22—22об. не заполнены; чернила. Разм. 22 × 17,6. Бумага со штемпелем: “ТРОИЦКОЙ / № ГОВАРДА 5 / ФАБРИКИ” (в прямоугольной рамке с обрезанными уголками). Описан: *Клепиков 1959*. С. 101. № 36. Рукой неустановленного лица в список внесены исправления карандашом, приводящие текст в соответствие с *КЦ*; в приложенной записке (рукой неустановленного лица) поясняется: “Исправлено по экземпляру Гоголя, принадлежащему П.А. Плетневу и подписанному цензором Никитенко к печати 1846, Ноября 5”.

Предположительно датируется: середина 1850-х годов.

СпБ — список рукой О.М. Бодянского, восходящий к тому же источнику, что и *СпК*. Хранится: *ОР ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 92. 21 л. Автограф представляет собой десять двойных листов и один одинарный; заключены в обложку; л. 19 заполнен наполовину, л. 19об.—21об. не заполнены; чернила. Разм. 22,3 × 17,9. Бумага со штемпелем: “ПЛАВСКОЙ / ФАБРИКИ” (в овале с виньетками). Описан: *Клепиков 1959*. С. 107, № 151. Из архива журнала “Русская старина”. № 6358 (пометы на архивной обложке). Список получен редактором этого журнала, М.И. Семевским, от А.А. Гатцука, последним приобретен у вдовы Бодянского (см. письмо Гатцука Семевскому от 14 января 1888 г., хранящееся вместе с указанным списком — л. 35—36). На л. 1 пометы Гатцука(?): “Из собрания бумаг О.М. Бодянского”; “Приношение Университету св. Владимира от А. Гатцука”.

Впервые опубликовано: *Ак. Т. IV*. С. 509—512 (в своде вариантов к окончательному тексту). Предположительно датируется: середина 1850-х годов.

СпМ — список рукой П.И. Миллера, восходящий к тому же источнику, что и *СпК*, *СпБ*. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 661. Оп. 1. Ед. хр. 46. 8 л. Автограф представляет собой четыре двойных листа, сшитых в тетрадь; л. 8—8об. не заполнен; чернила. Разм. 35,5 × 22. Бумага без филигранный и штемпеля.

Предположительно датируется: середина 1850-х годов.

СпР — список рукой неустановленного лица из собрания К.К. Романова, восходящий к тому же источнику, что и *СпК*, *СпБ*, *СпМ*. Хранится: *ОР ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 61. 18 л. Сшиты в тетрадь; чернила. Разм. 26,5 × 20,6. Бумага со штемпелем в овале: “И (под короной) / ИМПЕРАТОР. ПЕТЕРГ. БУМ. ФАБ.”. Ср. описание вариантов

штемпеля: *Клепиков 1959. С. 103. № 75, 77. Без пагинации. На обложке надпись: "Развязка Ревизора. Н.В. Гоголя. Из архива К.Р."*

Впервые опубликовано: *Ак. Т. IV. С. 509–512* (в своде вариантов к окончательному тексту). Предположительно датируется: середина 1850-х годов.

СпА — список рукой неустановленного лица из фонда С.Т., К.С. и И.С. Аксаковых, восходящий к тому же источнику, что и *СпК, СпБ, СпМ, СпР*. Хранится: *ОР ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 19. Ед. хр. 18. 12 л.* Автограф представляет собой шесть двойных листов, сшитых в тетрадь; л. 11 заполнен наполовину, л. 12–12об. не заполнен; чернила. Разм. 35,2 × 22,3. Бумага без филиграни и штемпеля. На л. 1 пометы: "Развязка Ревизора Н.В. Гоголя (Яновского)".

Предположительно датируется: середина 1850-х годов.

КЦ — копия для цензуры рукой неустановленного лица, с правкой С.П. Шевырева (на основе сверки с присланной Гоголем рукописью) и тремя цензурными вычерками розовыми чернилами. Хранится: *ОР ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 1. 8 л.* Автограф представляет собой четыре двойных листа; л. 7 заполнен на одну треть, л. 7об.—8об. не заполнены; чернила. Разм. 27 × 21,2. Бумага со штемпелем: "Papier / Marion / Paris" (на княжеской гербовой мантии). Описан: *Клепиков 1959. С. 113. № 259.* На л. 1 цензурное разрешение: "Печатать позволяется. Ноября 5 Дня 1846. Цензор А.Никитенко". На всех последующих листах, содержащих текст, — подпись Никитенко.

Впервые опубликовано: *Соч. 1856. Т. V. С. 415–442* (источник публикации не указан, текст близок к *КЦ*, но не идентичен ей); *Тих. Т. 2. С. 341–352, 694–695* (с указанием источника текста, большая часть исправлений Шевырева не учтена — приведены, наряду с цензурными вычерками, в вариантах); *Ак. Т. IV. С. 121–133, 509–512* (с учетом исправлений Шевырева, с отдельными исправлениями по *Соч. 1856, СпБ, СпР*). Предположительно датируется: последние числа октября 1846 г.

ЧА — черновой автограф второй редакции окончания "Развязки Ревизора". Хранится: *ОР РГБ. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 8. 4 л.* Автограф представляет собой два двойных листа бумаги; л. 2 заполнен на одну треть, л. 2об. не заполнен; чернила. Разм. 22,5 × 14,3. Бумага без филиграни и штемпеля. Пагинация полистная, карандашом. Автограф вложен в обложку из сложенного в четвертую долю листа плотной бумаги с надписью рукой Гоголя: "Текст к Ревизору и Мерт(вым) Душ(ам)". Описание рукописи см. также: *Тих. Т. 7. С. 899; Описание РГБ 1. С. 24.* Впервые опубликовано: *Гоголь Н.В. Сочинения. Извлечены из рукописей академиком Н.С. Тихонравовым. Дополнительный том ко всем предшествующим изданиям сочинений Гоголя. Вып. 1. М., 1892 // БдЧ. Бесплатное приложение к журналу "Царь-колокол". 1892. № 3. С. 25–32* (под заглавием: «Дополнение к "Развязке Ревизора"»; текст напечатан по верхнему слою, правка не приведена). В *Тих.* (под таким же заглавием) и в *Ак.* (под заглавием «Вторая

редакция окончания “Развязки Ревизора”») опубликовано по верхнему слою с приведением правки в своде вариантов (Тих. Т. 6. С. 259–264, 679–680; Ак. Т. IV. С. 133–137, 513–515).

Соч. 1856 — Сочинения Гоголя. Том пятый. Москва. В типографии В. Готье. 1856. С. 415–442 (цензурное разрешение — 10 февраля 1856 г., цензор И. Безсомыкин).

Печатается по тексту КЦ с учетом поправок Шевырева, внесенных им по присланной Гоголем рукописи (отражены в своде вариантов), и с двумя исправлениями:

С. 114, строка 8; с. 116, строка 13; с. 117, строка 40: Первый комический актер — вместо: Первый актер (в соответствии со списком действующих лиц)

С. 123, строки 14–15: стремится служить тому же, кому все должно служить на земле — вместо: стремится служить тому же, кому все должно служить: Земле (по Соч. 1856).

Разночтения КЦ со списками (СпК, СпБ, СпМ, СпР, СпА) включены в свод вариантов к основному тексту.

Вторая редакция окончания “Развязки Ревизора” печатается по верхнему слою ЧА с приведением правки в своде вариантов.

* * *

Работа над “Развязкой” была закончена к 12(24) октября 1846 г. В этот день в “большом пакете” (см. письмо Шевырева к Гоголю от 29 октября 1846 г. // *Отчет публ. б-ки 1896*. С. 29) она была выслана в Москву — в письме М.С. Щепкину от 12(24) октября, которое, в свою очередь, было вложено в письмо Шевыреву (от того же числа). В этих письмах Гоголь посвятил московских друзей (первоначально только их двоих) в свой обширный замысел: осуществить в Москве и Петербурге постановку (в бенефисы Щепкина и Сосницкого) и благотворительное издание “Ревизора” по тексту последней редакции (напечатанному в четвертом томе Сочинений 1842 года) с добавлением “Развязки”. Текст комедии предполагалось предварить предисловием, разъясняющим благотворительную цель издания и способы оказания материальной помощи. В письме С.П. Шевыреву содержалась лаконичная информация о сути задуманного Гоголем предприятия: «“Ревизор” должен быть напечатан в своем полном виде, с тем заключением, которое сам зритель не догадался вывести. Заглавие должно быть такое: “Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях, с заключением. Соч. Н. Гоголя. Издание четвертое, пополненное, в пользу бедных”. Играть и выйти в свет “Ревизор” должен не прежде появления книги “Выбранные места”: иначе все не будет понятно вполне. Об остальных распоряжениях извещу тебя потом, вместе с присылкой необходимого предисловия».

В письме Щепкину содержались подробные разъяснения, касающиеся театральной части проекта, и настойчивые просьбы (“вы должны...”): сыграть в бенефис “Ревизора” “в его полном виде” (т.е. в редакции 1842 г.) с прибавлением посылаемого теперь “хвоста”; съездить в Петербург, чтобы личным присутствием ускорить прохождение пьесы через театральную цензуру; прибегнуть “по этому делу” к помощи П.А. Плетнева и М.Ю. Вьельгорского; по окончании спектакля возвестить публике о благотворительном издании “Ревизора” и предложить ей приобрести его по выходе из театра в театральной лавке или же (тем, “кто разохотится дать больше означенной цены”) прямо из рук самого Щепкина; переговорить с Сосницким о возможности устроить все подобным же образом в Петербурге. Гоголь уверял Щепкина в успехе дела: «Бенефис ваш будет блистателен. Не глядите на то, что пьеса заиграна и стара. Будет к этому времени такое обстоятельство, что все пожелают вновь увидеть “Ревизора”, даже и в том виде, в каком он давался прежде. Сбор ваш будет с верхом полон». Помимо этого, Гоголь уведомлял Щепкина о том, что “Развязку” нужно переписать — в связи с необходимостью представить экземпляр (через П.А. Плетнева) цензуре А.В. Никитенко для издания.

Здесь же Гоголь уже в который раз вернулся к проблемам сценического воплощения “Ревизора”, остановившись при этом на постоянно волнующих его сценах и ролях. О Хлестакове, правда, было сказано на удивление коротко — только то, что его “должен играть Живокини”. Заботясь о других исполнителях, Гоголь просил Щепкина, чтобы тот постарался сам “сыграть перед ними некоторые роли”. Особенно беспокоился Гоголь, как и всегда, за артистов, играющих Бобчинского и Добчинского. Но основной заботой Гоголя по-прежнему оставалась Немая сцена: “Обратите особенное внимание на последнюю сцену. Нужно непременно, чтобы она вышла картинной и даже потрясающей”. При этом Гоголь внес в описание сцены некоторые уточнения и дополнения, касавшиеся Городничего (“должен быть совершенно потерявшимся и вовсе не смешным”), Смотрителя училищ и Земляники (“должны трястись колени сильно”), дам-гостей (на лицах “ядовитая усмешка, кроме одной жены Луканчика, которая должна быть вся — испуг, бледна, как смерть, и рот открыт”). Существенно, что в разъяснении, данном Щепкину, отчасти нарушалась заложенная в сцену идея окаменения (см. с. 669, 859 наст. изд.).

Щепкину были даны указания, связанные и с “Развязкой Ревизора”. Гоголь просил артиста вчитаться “хорошенько в нее”, войти “в значенье и в крепость всякого слова, всякой роли”, а затем прочитать ее актерам “раза три-четыре или даже пять”. Гоголь обратил внимание на характер текста, наметил интонацию ряда ролей.

29 октября 1846 г. Шевырев уведомил Гоголя о получении писем и “Развязки”, сообщив при этом, что прочитал и то, и другое Щепкину, больному по возвращении из Крыма: “Все это его тронуло до слез” (*Отчет публ. б-ки 1896. С. 29*). Шевырев написал Гоголю о немедленном от-

правлении двух экземпляров “Развязки” в цензуру — театральную и общую. Помимо этого, Шевырев “счел за нужное сказать, что думает” о самой “Развязке”, возможности ее публикации и постановки. Несомненно положительно была встречена Шевыревым гоголевская оценка дарования Щепкина: “...я вижу прекрасную дань твоего уважения к таланту Щепкина. Если бы даже она и не была сыграна, то напечатанная она будет памятником, тобою воздвигнутым в честь нашего истинно первого комического актера” (там же). Высоко отозвался Шевырев и о запечатленной в “Развязке” полемике: “Что касается до внутреннего содержания, то горячий спор веден мастерски и как будто списан с наших прений...” (там же, с. 30). Вместе с тем Шевырев с явной осторожностью отнесся к идее постановки “Развязки”, мотивируя свои опасения следующими аргументами: скромность Щепкина будет подвергнута искушению, так как он сам, хозяин бенефиса, должен предложить “актерам и публике пиесу, в которой будут венчать его”; “высокая простота” спора может быть передана только при наличии “необыкновенного искусства актеров”; зрителю может показаться, что автор “слишком заботится о толковании своей пиесы”; “сравнение города с душевным городом, Хлестакова с внешней светской совестью, а настоящего ревизора с внутреннею...” может показаться аллегорией и будет восприниматься как проповедь, неуместная в комедии, так как комик “и без того род проповедника” (там же).

Через два дня, 31 октября 1846 г., Шевырев направил Гоголю второе письмо о “Развязке”, в котором дал ей несколько иное толкование, оценивая текст уже не столько с позиций публики, сколько со своих собственных: «Извини меня: я в письме своем сказал, может быть, не то, что следовало. Чем более вчитываюсь в “Развязку Ревизора”, тем глубже и глубже мне она кажется. Я посудил об ней, как будет, может быть, судить публика, особенно в тех местах, которые примет она за нравоучение и от которых еще кислее сделает рожу, чем от “Ревизора”. Но чем более и более я сам, уже не от лица публики, вникаю в это произведение, тем глубже оно мне является, тем более вижу, как ты духовно вырос...» (там же, с. 33–34).

21 октября (2 ноября) 1846 г., т.е. по прошествии десяти дней после отправления писем Шевыреву и Щепкину, Гоголь написал еще пять писем по поводу издания и постановки “Ревизора” с “Развязкой”: повторные Шевыреву и Щепкину в Москву и три письма в Петербург — А.М. Вельгорской, П.А. Плетневу, И.И. Сосницкому (письмо Щепкину — в надежде на его приезд в Петербург по делам “Развязки” — было вложено в письмо П.А. Плетневу и впоследствии переправлено последним в Москву в письме Шевыреву от 21 ноября 1846 г. — *Мат. и иссл.* 1936. Т. 1. С. 172). К этому времени было готово упомянутое в письме Шевыреву от 12 (24) октября 1846 г. “необходимое предисловие”, содержащее подробные инструкции и разъяснения касательно организации и способов раздачи благотворительных средств от продажи московского и петербургского изданий “Ревизора” (текст “Предуведомления” см.: с. 101–103 наст. изд.). Один из эк-

земляров “Предуведомления” был приложен к письму А.М. Вьельгорской, которую Гоголь просил, “помолившись прежде крепче Богу”, предпринять во имя его следующее дело: взять на себя обязанность одного из раздавателей вырученных денег бедным и организовать работу остальных раздавателей в Петербурге (подробнее см. в комментарии к “Предуведомлению” — с. 842—843 наст. изд.). Гоголь просил Вьельгорскую как можно скорее переписать предисловие в двух экземплярах, проставить в конце одного из них имена и адреса раздавателей денежной помощи в Петербурге и передать немедленно Плетневу — для представления в цензуру и последующего отправления одного экземпляра в Москву с целью публикации в московском издании “Ревизора”.

В письме от 21 октября (2 ноября) 1846 г. были даны подробнейшие разъяснения и указания Плетневу, на которого возлагалась роль основного исполнителя гоголевского замысла. Гоголь проинформировал Плетнева о проекте постановки (в Москве в бенефис Щепкина и в Петербурге в бенефис Сосницкого) и благотворительного издания “Ревизора” в Москве и в Петербурге (с выходом именно в день означенных бенефисов) по тексту 1842 г. с прибавлением “Развязки”. В связи с этим Гоголь просил принять в Петербурге Щепкина “как можно получше”, оказав ему “покровительство и посредничество” в хлопотах о постановке “Ревизора”, а также представить в “обычную” цензуру (А.В. Никитенко или другому цензору) текст комедии в окончательной редакции (“вырвавши” его из собрания сочинений 1842 г.) с присоединением “Развязки”, “которая находится в рукописи у Щепкина и которую, разумеется, нужно переписать” в двух экземплярах — для четвертого, московского, и пятого, петербургского, изданий. “Заглавие ему, — добавлял Гоголь, — Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях с заключением. Соч. Н. Гоголя. Издание пятое. Продается в пользу бедных. Цена 1 рубль серебром. Корректуру его, мне кажется, можно поручить Арк(адию) Россети”.

Здесь же Гоголь сообщал Плетневу о находящемся у А.М. Вьельгорской “Предуведомлении”, которое нужно представить в цензуру и затем отправить один экземпляр в Москву, Шевыреву (подробнее см. комментарий к “Предуведомлению” — с. 843 наст. изд.). Гоголь просил Плетнева взять на себя хлопоты, связанные с изданием “Ревизора” с “Развязкой” в Петербурге (“...Христа ради, а не ради меня”).

В тот же день, 21 октября (2 ноября), Гоголь написал письмо Сосницкому (было вложено в письмо Щепкину от того же числа). Писатель вновь обратил внимание на особое значение Немой сцены, подчеркнул ее связь с “Развязкой”, отметил, что артист, играющий роль первого комического актера, должен произносить слова “как можно тверже, крепче и проще”, и, как обычно, подробно остановился на Хлестакове, прося Сосницкого самого разыграть эту роль перед актерами. Кроме этого, Гоголь обратился к Сосницкому с просьбой принять на себя обязанность распространения “Ревизора” с “Развязкой” по окончании спектакля: объявить о продаже книги

в пользу бедных (при выходе из театра) и о возможности приобрести книгу из рук Сосницкого (для тех, кто пожелает дать более установленной цены). Собранные деньги Гоголь просил передать через Плетнева раздавателям вспомоществования.

В письме от 21 октября (2 ноября) Гоголь переслал Шевыреву текст “Предуведомления” и обратился к нему с рядом просьб: переговорить с указанными в тексте московскими раздавателями о просьбе Гоголя принять участие в раздаче благотворительной помощи, проставить имена и адреса и немедленно отправить рукопись в Петербург (здесь же сообщалось, что петербургские имена и адреса Шевыреву вышлет Плетнев), принять от Щепкина все собранные деньги и передать раздавателям, взяться за издание “Ревизора” с “Развязкой” в Москве под заглавием: “Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях, с заключеньем. Соч. Н. Гоголя. Издание четвертое, в пользу бедных. Цена 1 рубль серебром”.

Надеясь на приезд Щепкина в Петербург по делам издания и постановки “Ревизора” с “Развязкой”, Гоголь просил его в письме от 21 октября (2 ноября) передать письмо Сосницкому (от того же числа), встретиться с М.Ю. и А.М. Вьельгорскими: “По делу хлопочите живо и никак не пропускайте бывать у всех, у кого следует”.

Уже в конце октября Гоголь начал проявлять беспокойство о судьбе посланных в Россию рукописей и попытался ускорить ход дела, посвятив в свои планы еще нескольких лиц: 27 октября (8 ноября) 1846 г. он попросил Н.М. Языкова узнать у Шевырева, получены ли письма с “Развязкой” и с “Предуведомлением”; на следующий день, 28 октября (9 ноября), Гоголь обратился к А.О. Смирновой с просьбой поторопить Плетнева, “которому тоже нужно придать более жару и рвения”, и к А.О. Россету, прося его о ряде услуг: оказать помощь Плетневу в издании “Ревизора”, держать корректуру, принять на себя бремя раздавателя благотворительной помощи. Из письма А.О. Роскета А.О. Смирновой от 30 ноября 1846 г. известно, что предложение Гоголя о раздаче вспомоществований при посредничестве своего рода благотворительного комитета под председательством А.М. Вьельгорской самому Россету показалось несколько “странным” и “всех здесь (в Петербурге. — Ред.) немного удивило” (РА. 1896. № 3. С. 363).

Не получив в течение месяца ответов на свои письма, Гоголь повторно обратился к Шевыреву (напомнил, что ждет «известия по делу “Ревизора”» и мнения о “Развязке” — письмо от 19 ноября (1 декабря) 1846 г.) и к Плетневу, которому сообщил 22 ноября (4 декабря), что до сих пор не получил от него ответа.

Тем временем Шевырев в Москве и Плетнев в Петербурге деятельно принялись за исполнение поручений Гоголя. Щепкин по болезни отправить в Петербург не смог и поэтому все поручения Гоголя возложил на Шевырева, который 31 октября 1846 г. выслал текст “Развязки” (в двух экземплярах) Плетневу, прося в сопроводительном письме (от имени Гоголя) похлопотать вместе с М.Ю. Вьельгорским о ее разрешении в театральной

и общей цензуре (см. письмо Шевырева Плетневу от 31 октября 1846 г. — *Грот, Плетнев. Переписка. Т. II. С. 960–961*; письмо Шевырева Гоголю от того же числа — *Отчет публ. б-ки 1896. С. 34*). Одновременно, т.е. 31 октября, Шевырев написал А.В. Веневитинову, прося его передать М.Ю. Вьельгорскому следующую просьбу Гоголя: «Гоголь желает, чтобы Щепкин дал в свой бенефис “Ревизора” точно в том виде, в каком он напечатан в его сочинениях, и с прибавлением “Развязки”, которую я сегодня через Плетнева посылаю в театральную цензуру. Гоголь просит графа, чтобы он своим влиянием пособил этому доброму делу и чтобы все было пропущено так, как Гоголю хочется» (*АН, т. 58. С. 691*). Предпринятая Плетневым попытка привлечь Вьельгорского, а также П.А. Вяземского к хлопотам, связанным с прохождением “Ревизора” через драматическую цензуру, успехом не увенчалась. 8 ноября 1846 г. он уведомил Шевырева, что один из экземпляров “Развязки” уже отправил к Никитенко (это было сделано 4 ноября 1846 г. — см. письмо П.А. Плетнева А.В. Никитенко от 4 ноября 1846 г. — *Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 167*), а по поводу второго сообщал следующее: “С другим экземпляром отправился лично к Вяземскому (...). Он сказал мне, что с г. Гедеоновым, как главным судьей этого дела, он говорить не может взяться, потому что всегда чуждался его; а о графе М.Ю. Вьельгорском Вяземский прибавил, что между Гедеоновым и графом отношения совсем неблагоприятные для подобного дела, и что последний не возьмется просить о чем-либо первого. После этого я не находил другого средства выйти из затруднения, как самому мне просить г. Гедеонова, тем более, что за несколько лет я бывал им принят” (*Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 169*; см. также письмо П.А. Плетнева Я.К. Гроту от 9 ноября 1846 г. — *Грот, Плетнев. Переписка. Т. II. С. 852*).

Плетнев препроводил “Развязку” директору императорских театров А.М. Гедеонову 4 ноября 1846 г. с просьбой “передать ее в установленную для того цензуру” и с уведомлением о том, что ходатайство о разрешении пьесы исходит от московского актера Щепкина, которому Гоголь дозволил разыграть свое новое сочинение в день бенефиса по окончании “Ревизора” (опубликовано: *Дризен 1917. С. 136*; см. также: *Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 167–168*; подлинник хранится в составе дела о цензурной истории “Развязки” — *РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Ед. хр. 11013. Л. 1*). 6 ноября А.М. Гедеонов написал Плетневу ответное письмо, в котором просил указать причины, побудившие Щепкина прибегнуть к посредничеству Плетнева вместо того, чтобы дать пьесе обыкновенный ход (опубликовано: *Грот, Плетнев. Переписка. Т. II. С. 961*; *Дризен 1917. С. 136*; черновик письма хранится в вышеуказанном деле, л. 2–3). В тот же день Плетнев направил Гедеонову ответ с разъяснением всех обстоятельств дела, сообщив, что Щепкин не смог приехать в Петербург по болезни и поручил ходатайствовать о пьесе Шевыреву, который, в свою очередь, обратился непосредственно к Плетневу (опубликовано: *Дризен 1917. С. 137*; см. также: *Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 168*; подлинник письма хранится в вышеуказанном деле,

л. 4—4 об.). В ответном письме Гедеонов объяснил, что расспрашивал Плетнева, предполагая его “особенное участие” в этом деле и желая узнать его намерения, дабы по возможности сделать ему “удобное”. По поводу самой “Развязки” он сообщил следующее: “...по принятым правилам при императорских театрах, исключаящим всякого рода одобрения артистов самими артистами, а тем более венчания на сцене, она в этом отношении не может быть допущена к представлению” (опубликовано: *Грот, Плетнев. Переписка*. Т. II. С. 961—962; *Дризен 1917*. С. 137—138, черновик письма хранится в вышеуказанном деле, л. 5—5об.).

Излагая Шевыреву содержание своей переписки с Гедеоновым (в письме от 8 ноября 1846 г.), Плетнев замечал: “Из этого я заключаю, что у директора театров есть какое-то неблагоприятное расположение к Гоголю. Чтобы поправить дело, Вяземский советует Щепкину, чтобы он сам написал к Гедеонову письмо, и объяснил бы, что в его поступке не было намерения уклониться от форм, что все недоразумение произошло от его болезни и особенно от моего непростительного незнания отношений служащих при театрах к их директору” (*Мат. и иссл. 1936*. Т. 1. С. 169—170).

21 ноября (3 декабря) 1846 г. Плетнев известил Гоголя о результатах “цензурных” хлопот: «Твою пьесу “Развязка Ревизора” пропустили, но только к печатанию, а не к представлению, затем что увенчивать на сцене артисты товарища своего, по правилам нашей дирекции, не имеют права, как отозвался мне *действительный тайный советник* Гедеонов. Я это уже сообщил Щепкину, который теперь болен. По выздоровлении он сам приедет сюда и будет хлопотать о дозволении *играть*. До тех пор я приостановился и новым изданием “Ревизора” с прибавкою. Впрочем, не дожидаясь отзыва твоего по этому делу, я приступлю к нему и Шевыреву тоже скажу...» (*Гоголь. Переписка*. Т. 1. С. 266). Письмо Шевыреву с изложением всех обстоятельств дела было написано в тот же день — Плетнев сообщал, что до приезда в Петербург Щепкина и в ожидании предисловия к изданию от А.М. Вьельгорской на некоторое время приостановил хлопоты, связанные с постановкой и изданием “Ревизора” с “Развязкой” (*Мат. и иссл. 1936*. Т. 1. С. 172).

А.В. Веневитинов, вовлеченный в заботы о цензурном разрешении “Развязки” Шевыревым, 10 декабря 1846 г. сообщал последнему: «Тебе, вероятно, уже известна участь покушения Гоголя насчет “Ревизора”. Переделанная эта пьеса отказана» (*ЛН, т. 58*. С. 692).

Не осталась без внимания и обращенная к А.М. Вьельгорской просьба Гоголя о передаче “Предуведомления” Плетневу и об участии в раздаче вспомоществований. 20 ноября 1846 г. А.М. Вьельгорская уверяла, что постарается “всеми силами” оправдать оказанное ей доверие, уведомляла, что “Предуведомление” давно послано Плетневу (через О.С. Одоевскую), и также сообщала о готовности О.С. Одоевской участвовать в задуманном благотворительном начинании (*Гоголь. Переписка*. Т. 2. С. 226; подробнее см. комментарий к “Предуведомлению” — с. 843 наст. изд.).

Сообщение Плетнева о цензурной судьбе “Развязки” еще было в пути, когда Гоголь получил, наконец, оба письма Шевырева, от 29 и 31 октября 1846 г., с изложением его мнения о “Развязке”. Первое из этих писем в значительной степени решило судьбу гоголевского замысла: «Благодарю за советы и мысли относительно “Развязки Ревизора”, — отвечал Гоголь 26 ноября (8 декабря) 1846 г. — Я соглашаюсь, однако же, больше с теми, которые в твоём первом письме. В предстоящем обстоятельстве я особенно руководствуюсь первыми впечатлениями: они для меня уже и тем важны, что мнение публики, даже и добродетельной и просвещенной, будет ближе к ним, нежели к тем, которые изложены в твоём втором письме и которые принадлежат, может быть, одному тебе или двум-трем, глядящим на вещи с точки повыше». Гоголь распорядился приостановить хлопоты, связанные с изданием и постановкой “Ревизора” с “Развязкой” до бенефиса Щепкина в следующем году, объяснив, что публика “к тому времени будет больше приготовлена...”. Помимо этого, Гоголь попросил вернуть рукопись “Развязки” (“именно те самые листки, которые я послал к тебе”), поясняя, что ему надобно в ней “многое пересмотреть, исправить и обделать лучше”.

Сочтя целесообразным “отложить” издание “Ревизора” с “Развязкой” на год, Гоголь в кратчайшие сроки (до 4 декабря 1846 г.) известил о своем решении всех вовлеченных в это мероприятие лиц. 26 ноября (8 декабря) 1846 г., т.е. одновременно с ответом Шевыреву, Гоголь уведомил Плетнева (еще до получения его письма от 21 ноября 1846 г.), приведя также аргументы в пользу переноса срока издания и постановки: вести, которыми он располагает (характер вестей не уточнен), “некоторые препятствия” (о запрещении “Развязки” театральной цензурой Гоголь к этому времени еще не знал), замечания, изложенные в письме Шевырева, наконец возможность ему самому к тому времени “получше оглянуть это дело, выправить пиесу и приспособить более к понятиям зрителей”. “Теперь” и “в таком виде”, по мнению Гоголя, “Развязка” “может произвести действие противоположное и, при плохой игре наших актеров, может выйти просто смешной сценой”. Гоголь просил приостановить цензурные хлопоты и положить рукопись “под спуд, употребив елико возможные меры к тому, чтобы она не пошла во всеобщую огласку”. 27 декабря 1846 г. Плетнев, в свою очередь, уведомил С.П. Шевырева о решении Гоголя (РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 441. Л. 29–29об.).

В тот же день, 26 ноября (8 декабря) 1846 г., Гоголь сообщил о своем решении А.М. Вельгорской: «Ему (“Ревизору” с “Развязкой”. — *Ред.*) еще не время являться в таком виде перед публику. Сообразя все толки, мнения и мысли, ныне обращающиеся в свете, равно как и состояние нынешнего общества, я признаю благоразумным отложить это дело до следующего года. А между тем в это время я оглянусь получше и на себя, и на свое дело».

28 ноября (10 декабря) Гоголь освободил от обязанностей по изданию “Ревизора” А.О. Россега, сообщив, что и постановку, и печатание нужно

отложить на год “по многим причинам”. Здесь же Гоголь прямо указал на внутреннюю связь “Развязки” с “Выбранными местами из переписки с друзьями” и поставил судьбу зрительского и читательского восприятия “Ревизора” с “Развязкой” в зависимость от восприятия “Выбранных мест...”: “Сверх всего прочего нужно, чтобы публика имела время вчитаться получше в мои письма и привыкнула к тем словам, которые покуда еще дико раздаются в ушах ее”. Напомним, что в лаконичной форме связь “Развязки” с “Выбранными местами...” была отмечена Гоголем в письме Шевыреву от 12(24) октября 1846 г.

“Развязка”, с ее символическим истолкованием “Ревизора”, делая акцент на проблематике духовной, органично вписывалась в религиозно-нравственную концепцию “Выбранных мест...”. Сам же замысел издания “Ревизора” в пользу бедных был своего рода грандиозной практической реализацией исповедуемых в “Выбранных местах...” идей — с вовлечением в дело авторской благотворительности не только узкого круга “раздавателей” материальной помощи, но и всех желающих приобщиться к этой деятельности (и самой покупкой книги, и сбором сведений о нуждающихся).

30 ноября (12 декабря) 1846 г. Гоголь повторно написал Плетневу, выразив надежду на то, что он уже получил письмо с уведомлением о приостановке всех дел, связанных с “Ревизором”, до 1848 г. Получив письмо Плетнева от 21 ноября 1846 г. с сообщением о запрещении “Развязки” к постановке и разрешении к изданию, Гоголь ответил 23 декабря 1846 г. (5 января 1847 г.), что запрещение “Развязки” последовало “весьма кстати”, так как он «и прежде предполагал дать ее на театре только в таком разе, если бы протекло значительное расстояние времени от появления в свет (...) “Переписки”, чтобы многие мысли успели обойтись в свете и в публике; иначе все покажется дико и странно». Издание же, по мнению Гоголя, “имело бы смысл и расход только в таком случае, если бы пиеса возымела в представлении большой успех и произвела сильное впечатление”. Гоголь сообщил Плетневу и о своих дальнейших планах в связи с “Развязкой” и с самим “Ревизором”: «Мне нужно будет потом и самому ее хорошенько пересмотреть. Многое нужно будет сказать гораздо умнее и понятней, чем там сказано. Да и всего “Ревизора” нужно будет, хорошенько пообчистивши, дать совершенно в другом виде, чем он дается ныне на театре. Теперь же на него гадко и противно глядеть: из него актеры сделали такую тривиальность, что, я думаю, нет человека, которому бы приятно было на него поглядеть».

Последним о своем решении Гоголь уведомил Щепкина в письме от 4(16) декабря 1846 г.: «...”Ревизора с Развязкой” следует отложить до вашего бенефиса в будущем 1848 году. На это есть множество причин, часть которых, вероятно, вы и сами проникаете. Во всяком случае я этому рад. Кроме того, что дело будет не понято публикою нашей в надлежащем смысле, оно выйдет просто дрянь от дурной постановки пиесы и плохой игры на-

ших актеров. “Ревизора” нужно будет дать так, как следует (сколько-нибудь сообразно тому, чего требует, по крайней мере, автор его), а для этого нужно время». Здесь же Гоголь сообщил о своей готовности (“Теперь, слава Богу, могу”) прочитать пьесу Щепкину — с тем, чтобы потом тот прочел ее актерам (в преддверии предполагаемой Гоголем постановки “Ревизора” с “Развязкой” в бенефис Щепкина в 1848 г.). В этой связи Гоголь предполагал устроить приезд Щепкина в Италию летом 1847 г. (поездка не состоялась — см. с. 876 наст. изд.), а тем временем просил его вводить второстепенных актеров “в надлежащее существо ролей, в благородный, верный такт разговора (...) чтобы не слышался фальшивый звук (...) Словом, изгнать вовсе карикатуру и ввести их в понятие, что нужно не представлять, а передавать. Передавать прежде мысли, позабывши странность и особенность человека. Краски положить нетрудно; дать цвет роли можно и потом...”

В письме от 30 декабря 1846 г. Шевырев, выполняя просьбу Гоголя, выслал ему рукопись “Развязки” (*Отчет публ. б-ки 1896. С. 35*). Во втором письме от того же числа, ссылаясь на запрещение “Развязки” театральной цензурой, Шевырев написал Гоголю о невозможности осуществления его замысла (там же, с. 38).

Таким образом, вопрос об издании и постановке “Ревизора” с “Развязкой” был отложен. Однако переписка, связанная с этим неосуществленным замыслом Гоголя, еще какое-то время продолжалась, поскольку некоторые из близких Гоголю людей, познакомившись с текстами “Предупреждения” и “Развязки”, сочли необходимым изложить ему свое мнение. Выше уже отмечалось, что о “Развязке” дважды отозвался Шевырев — в письмах к Гоголю от 29 и 31 октября 1846 г. Помимо него, отклики на “Развязку” Гоголь получил от С.Т. Аксакова и Щепкина.

Прочитав “Предупреждение” и “Развязку” (вероятно, полученные от Шевырева или Щепкина), С.Т. Аксаков около 24–25 ноября 1846 г. писал П.А. Плетневу: «Вы, вероятно, так же, как и я, заметили с некоторого времени особенное религиозное направление Гоголя; впоследствии оно стало принимать характер странный и, наконец, достигло такого развития, которое я считаю, если не умственным, то нервным расстройством. Вы, верно, получили “Предупреждение” к 4-тому или 5-тому изданию “Ревизора” и также новую его “Развязку”. Все это так ложно, странно и даже нелепо, что совершенно непохоже на прежнего Гоголя, великого художника» (*ОР ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. 10. Л. 1–2об.; Аксаков 1960. С. 160*). Беспокойство С.Т. Аксакова вызвали также слухи о печатающейся в Петербурге книге “Выбранные места из переписки с друзьями”. В связи с этим он считал невозможным для друзей Гоголя спокойно предать его “на поругание многочисленным врагам и недоброжелателям” и предлагал: “Выбранные места...” в свет не выпускать, а “Предупреждение” к “Ревизору” и новой его развязки совсем не печатать; вам, мне и С.П. Шевыреву написать к Гоголю с полною откровенностью наше мнение. Если он его не послушает, то

мы откажемся от его поручений, пусть он находит себе других исполнителей. По крайней мере, мы сделаем, что можем» (там же). В это же время В.С. Аксакова сообщила И.С. Аксакову о намерении Гоголя осуществить благотворительное издание “Ревизора” с “Развязкой” и отметила, что допустить печатание — “это конечно значит предать его на посмеяние всех, он (Гоголь. — *Ред.*) этого не понимает...” «Разумеется, — добавляла она, — и тут есть места прекрасные и сильные, но отесенька и Конст(антин) справедливо говорят, что это только частицы прекрасного из “Разъезда” и даже лишённые их силы. Истинно тяжелое чувство доставляет чтение всего этого. Увы, человек, со всей его премудростью, без простоты и смирения» (письмо В.С. Аксаковой к И.С. Аксакову (24 ноября 1846 г.) — *Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 173—174*). 28 ноября 1846 г. С.Т. Аксаков уведомил И.С. Аксакова о том, что написал и послал “сильный протест Плетневу”: «Требую (<...>) чтоб не печатать “Предуведомление” к пятому изданию “Ревизора” и новой его “Развязки”: ибо все это с начала до конца ложь, дичь и нелепость, и если будет обнародовано, то сделает Гоголя посмешищем всей земли русской. То же самое объявил я и Шевыреву. Не обязывая их к полному согласию со мною, я убеждаю их написать к Гоголю с совершенной откровенностью, что они думают. Сам же я начал диктовать большое письмо к Гоголю, в котором высказываю ему беспощадную правду» (*Аксаков 1960. С. 159—160*). Ответ Плетнева С.Т. Аксакову (от 30 ноября 1846 г.) носил достаточно противоречивый характер. С одной стороны, Плетнев писал о переходе Гоголя “к самой высокой религиозности” (отмечая, что Гоголя “как человека и прежде очень знали мало”, а последние несколько лет “не видались с ним и, следовательно, лишены были возможности примечать за постепенными его переходами в новые лета и в новые убеждения”). С другой стороны, Плетнев доказывал, что Гоголь хоть и руководствуется добрыми чувствами (“слишком любит Россию”, движим “самыми живыми чувствами христианской любви к ближним”), но тем не менее России “совсем не знает”, а потому воображает, что его “талант сделался предметом всеобщего внимания, участия, любви”. Говоря о самолюбивой природе Гоголя, его странностях (“которые так многих озадачили”), Плетнев тем не менее считал, что эти самые странности дают друзьям его “только новый повод поддерживать честь имени его и сочинений”, ибо “нет ни в одной фразе его ни бессмыслицы, ни подлости”. При этом Плетнев опирался на авторитет Жуковского: “...все читал и все находит так же, как и я” (*РА. 1895. № 5. С. 118—119*). Ответ С.Т. Аксакову Плетнев послал через Шевырева, прося его прочитать письмо и в том случае, если не найдет неуместным, запечатать, надписать и отправить — см. письмо Плетнева к Шевыреву от 30 ноября 1846 г. (*Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 174—175*). Уже 4 декабря С.Т. Аксаков получил этот ответ и охарактеризовал его как “преглупый” (в письме к сыну, И.С. Аксакову, от 5 декабря 1846 г. — там же, с. 161). “Довольно одного такого друга, — добавлял С.Т. Аксаков, — чтобы поддерживать гоголево сумасшествие” (*Аксаков 1960. С. 161*).

9 декабря 1846 г. С.Т. Аксаков (страдающий болезнью глаз) закончил диктовку письма Гоголю. О “Предупреждении” и “Развязке” здесь шла речь в связи с рассуждениями о религиозном направлении Гоголя, в котором С.Т. Аксаков видел проявление духовной гордости под видом христианского смирения (“гордыня в рубище смирения” — Аксаков 1960. С. 162). “Друг мой, — обращался С.Т. Аксаков к Гоголю, — где же то христианское смирение, которое велит делать добро так, чтоб шуйца не ведала, что творит десница? Вы всенародно, во услышание всей России, устраиваете свое благотворительное общество, назначаете поимянно членов оногo и с подробностью предписываете им образ их действия, невозможный в исполнении, несообразный ни с чем до последней крайности. Как вы могли подумать, что лица, назначаемые вами, особенно женщины, могли быть так неразборчивы, так нескромны, что согласились бы принять публичные обязанности благотворения, вами на них возлагаемые?.. Разумеется, никто не согласится, и ваше “Предупреждение” уничтожается само собою” (там же, с. 163). Так же резко отозвался С.Т. Аксаков о “Развязке”, указав, что “нет в ней никакой надобности”, что Гоголь позабыл “всякую человеческую скромность”, если считает возможным, чтобы Щепкин в свой бенефис увенчал “сам себя каким-то венцом, поднесенным ему актерами” (там же, с. 164). «Но мало этого, — продолжал С.Т. Аксаков, — скажите мне, ради Бога, положив руку на сердце: неужели ваше объяснение “Ревизора” искренно? Неужели вы, испугавшись нелепых толкований невежд и дураков, сами святотатственно посягаете на искажение своих живых творческих созданий, называя их аллегорическими лицами? Неужели вы не видите, что аллегория внутреннего города не льнет к ним, как горох к стене, что название Хлестакова светскою совестью не имеет смысла: ибо принятие Хлестакова за ревизора есть случайность?» (там же).

8(20) января 1847 г. Гоголь написал Аксакову ответное письмо, в котором сообщил, что издание и представление “Ревизора” с “Развязкой” отложены. На вопросы Аксакова о “Развязке” Гоголь никак не отозвался, по поводу “Предупреждения” разъяснял: “Есть дела, которые действительно нужно производить так, чтобы и другая рука наша не видела того, и есть дела, которые нужно производить открыто, в виду всех, которые суть просто наш непременный долг, а не подвиг благотворения”.

С большим опозданием отозвался о “Развязке Ревизора” Щепкин, что было вызвано его долгим нездоровьем и опасением изложить Гоголю откровенное мнение о его новом сочинении: «По выздоровлении, — писал он 22 мая 1847 г., — прочтя ваше окончание “Ревизора”, я бесился на самого себя, на свой близорукий взгляд, потому что до сих пор я изучал всех героев “Ревизора” как живых людей. (...) Не давайте мне никаких намеков, что это-де не чиновники, а наши страсти; нет, я не хочу этой переделки: это люди, настоящие, живые люди (...) с этими людьми в десять лет я совершенно сроднился, и вы хотите их отнять у меня. Нет, я их вам не отдам, не отдам, пока существую. После меня переделывайте хотя в козлов, а до тех пор я не

уступлю вам даже Держиморды, потому что и он мне дорог» (Гоголь. Письма. Т. 1. С. 468—469).

В ответном письме Щепкину (около 28 июня (10 июля) 1847 г.) Гоголь дал очень существенные и четкие разъяснения, касающиеся предназначения “Развязки” и характера ее связи с самой комедией: «В этой пьесе (т.е. в “Развязке”. — Ред.) я так неловко управился, что зритель непременно должен вывести заключение, что я из “Ревизора” хочу сделать аллегория. У меня не то в виду. “Ревизор” — “Ревизором”, а примененье к самому себе есть неперемнная вещь, которую должен сделать всяк зритель изо всего, даже и не “Ревизора”, но которое приличней ему сделать (по) поводу “Ревизора”. Вот что следовало было доказать по поводу слов: “разве у меня рожа крива?” Теперь осталось все при своем. И овцы целы, и волки сыты. Аллегорья аллегор(ией), а “Ревизор” — “Ревизором”». Гоголь выразил сожаление в связи с невозможностью прочесть Щепкину “Ревизора” (в письме от 22 мая Щепкина сообщил, что не сумеет приехать за границу): «Раз в жизни пришла мне охота прочесть как следует “Ревизора”, чувствовал, что прочел бы действительно хорошо, — и не удалось». Здесь же Гоголь вновь сделал несколько частных замечаний, связанных с исполнением Щепкиным роли Городничего: обратил внимание на то, что начало первого акта у Щепкина несколько холодно, просил не позабыть об “ироническом выражении в минуты самой досады”, указал, что нужно “гораздо больше игры в лице” во втором акте, в разговоре с Хлестаковым («Тут есть совершенно различные выраженья сарказма. (...) это ощутительней по последнему изданию, напечатан(ному) в “Собрании сочинений”»).

Насколько убедительным оказался для Щепкина ответ Гоголя, мы не знаем. Известно лишь, что в середине сентября 1852 г., после смерти Гоголя, Щепкин со слезами на глазах читал “Развязку” у одного из петербургских литераторов (Д. <Данилевский Г.П.). Петербургская жизнь. (Письма в редакцию “Московских ведомостей”) // МВед. 1852. 23 сентября. № 115. С. 1189; о псевд. см.: Масанов. Т. 1. С. 310; Щепкин. Т. 2. С. 50), а 1 июня 1853 г. в Стрельне, для великого князя Константина Николаевича (О первом издании посмертных сочинений Гоголя. Воспоминания кн. Д. Оболенского // РС. 1873. Т. VIII. Декабрь. С. 950; дату чтения указывает Т.С. Гриц, хотя не упоминает “Развязку” в числе сочинений Гоголя, прочитанных в этот день великому князю — Гриц 1966. С. 497). 7 мая 1861 г. в Москве, в зале 4-й гимназии, Щепкин читал «Ключ к “Развязке Ревизора”», т.е., по-видимому, вторую редакцию окончания “Развязки Ревизора” (там же, с. 667, 746).

Упомянутое письмо Гоголя Щепкину (датируемое приблизительно около 28 июня (10 июля) 1847 г. как ответ на письмо Щепкина от 22 мая 1847 г.) было написано в то время, когда подходила к концу, а, может быть, и уже была завершена переработка “Развязки Ревизора”. О необходимости такой переработки, как отмечалось выше, Гоголь сообщил Шевыреву 26 ноября (8 декабря) 1846 г., одновременно с уведомлением о прекраще-

нии всех хлопот, связанных с благотворительным изданием “Ревизора” и его постановкой: “Мне надобно (...) многое пересмотреть, исправить и обделать лучше...” В письме П.А. Плетневу от того же числа Гоголь обозначил одно из направлений предполагаемой правки пьесы, объяснив, что должен более приспособить ее “к понятиям зрителей”. Спустя месяц, 23 декабря 1846 г. (5 января 1847 г.), Гоголь вновь написал Плетневу о своем намерении пересмотреть “Развязку”: “Многое нужно будет сказать гораздо умнее и понятней, чем там сказано”.

Когда Гоголь приступил к переработке “Развязки”, неизвестно. Мы знаем лишь, что к 28 июня (10 июля) 1847 г. новый текст был готов. В этот день Гоголь писал П.А. Плетневу: “Хочу послать к тебе также переделанную “Развязку Ревизора”, которая вышла теперь, кажется, ловче. Спроси у того художника, который предлагал мне издание “Мертвых душ” с рисунками: не хочет ли он издать с виньетками “Ревизора”, с присоединен(ием) означенной заключительной пьесы, разумея по виньетке к голове и к хвосту всякого действия, на той же странице, где и слова”. 29 июля 1847 г. Плетнев отвечал: “Пришли, если желаешь, и переделанную развязку Ревизора” (Гоголь. *Переписка*. Т. 1. С. 289). По поводу оформления “Ревизора” Плетнев ответил, что художнику (речь шла о Е.Е. Бернадском) для окончательного ответа на предложение Гоголя необходима сама рукопись. “Да не дурно бы сделал ты, — продолжал Плетнев, — если бы занялся повнимательнее и всюю комедию, перечитал бы ее с пером в руках и прислал бы весь оригинал в таком виде, как желаешь напечатать его с развязкою” (там же). Задуманное Гоголем издание не осуществилось, и “Развязка”, судя по всему, так и не была выслана Плетневу.

Полного текста второй редакции “Развязки” мы не имеем и потому не можем судить о том, насколько он отличается от первоначального. Сохранившийся черновой автограф окончания этой новой, второй редакции (ЧА) показывает, что переработка была осуществлена в духе разъяснений, данных Гоголем в вышеупомянутом письме Щепкину (около 28 июня (10 июля) 1847 г.). В новой редакции Гоголь всячески стремился предотвратить возможность аллегорического истолкования “Ревизора” (заложенную в первоначальном тексте “Развязки”) и перенести акценты с проблемы трактовки “Ревизора” на проблему его очищающего духовного воздействия и шире — на проблему христианского восприятия смеха как “бича”, который прежде всего должен быть направлен на самого себя.

Подобная интерпретация была осуществлена с большой осторожностью и психологической убедительностью. Гоголь включил во вторую редакцию окончания “Развязки” некоторые оттенки предшествующей полемики вокруг комедии: негативные суждения о сопоставлении Хлестакова с ветреной светской совестью (ср. с оценкой С.Т. Аксакова в письме к Гоголю от 9 декабря 1846 г.: “...название Хлестакова светскою совестью не имеет смысла...” — Аксаков 1960. С. 164); отрицательное отношение к идее истолкования изображенного города как города душевного, в котором

страсти, подобно продажным чиновникам, “крадут сокровища души нашей” (ср. с оценками С.Т. Аксакова в том же письме: “...аллегория внутреннего города не льнет” к живым созданиям Гоголя — там же).

Все эти упреки были отведены устами первого комического актера, четко разграничившего права автора (“...его дело ⟨...⟩ изобразить просто ужас от беспорядков вещественных, не в идеальном городе, а в том, который на земле...”) и права зрителя (читателя): “...это уж наше дело выводить нравоученье”. Заметим, что тон этого нравоученья в новой редакции существенно смягчен: в первом монологе комического актера каждая из семи фраз начинается словами: “Мне показалось...”. Несомненным усилением позиции первого комического актера является еще более подробное, чем в первоначальной редакции, обоснование высокой природы истинного, “добро-го”, “честного” смеха, данного “именно на то, чтобы уметь посмеяться над собой, а не над другими”.

Во второй редакции окончания в завуалированной форме содержался и ответ Гоголя на упреки в создании слишком мрачной, удручающей картины жизни города. Подчеркивая, что в комедии собрано “в кучу все, что есть похуже в нашей земле”, первый комический актер дает этому следующее объяснение: “Его (автора. — *Ред.*) дело изобразить ⟨...⟩ темное так сильно, чтобы почувствовали все, что с ним надобно сражаться, чтобы кинуло в трепет зрителя, и ужас от беспорядков пронял бы его насквозь всего”. Сравни с признанием Гоголя в письме к В.А. Жуковскому от 29 декабря 1847 г. (10 января 1848 г.): «Я решился собрать все дурное, какое только я знал, и за одним разом над ним посмеяться — вот происхождение “Ревизора”! Это было первое мое произведение, замышленное с целью произвести доброе влияние на общество...»

Отреагировал Гоголь и на замечания Шевырева, С.Т. Аксакова и заключение театральной цензуры (см. об этом выше) о невозможности для артистов увенчать на сцене своего же товарища. В самом тексте и в авторском пояснении к нему подчеркнуто, что пьеса предназначена для особого случая — прощального бенефиса “одного из лучших актеров нашего театра”, который, прослужив на сцене двадцать лет, сходит с нее, “прощаясь навсегда с публикою ⟨...⟩ и с товарищами...”.

* * *

Позднейшими исследователями “Развязка” рассматривалась главным образом в двух аспектах: в плане выявления ее религиозно-философских и литературных источников и в плане соответствия или несоответствия авторского толкования “Ревизора” тексту комедии.

По мнению Вяч. Иванова, указавшего на сходство “Ревизора” с высокой комедией древности (в частности, аристофановской), “Развязка” обнаружила “бессознательное тяготение Гоголя к большим формам всенародно-го искусства”, в данном случае — стремление придать первоначальному замыслу “характерные черты средневекового действа” (Иванов Вяч. “Ревизи-

зор” Гоголя и комедия Аристофана // Театральный Октябрь. Сб. 1. Л.; М., 1926. С. 91; см. то же: *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Т. IV. Брюссель, 1987. С. 389).

Д.И. Чижевский обратил внимание на тесную связь “Развязки” с теологической традицией: «Самый образ души как “города” или “замка” — старый традиционный образ христианской литературы (Иоанн Златоуст), в которой Гоголь был начитан» (*Чижевский Д.* Неизвестный Гоголь // Новый журнал. Нью-Йорк. 1951. Кн. XXVII. С. 137; см. то же: *Мат. и иссл.* 1995. С. 209; см. также: *Tschizewskij D.* Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. В. I. München, 1977. S. 105). Было отмечено также сходство воплощенной в “Развязке” идеи “духовного города” с основными положениями книги Блаженного Августина “О Граде Божием” (*Паламарчук П.* Козацкие могилы: Повести, сказания, художественные исследования. М., 1990. С. 358—365). Тот же Чижевский обращает внимание на то, что символическое истолкование “Ревизора” в “Развязке” позволяет провести параллель между комедией Гоголя и драмами Кальдерона (*Мат. и иссл.* 1995. С. 209).

Современным исследователем впервые было выдвинуто предположение о том, что “прямым и близким по времени литературным источником” “Развязки Ревизора” послужило сочинение немецкого теософа И.Г. Юнга-Штиллинга “Тоска по Отчизне” (1794; *Штилинг Г.* Тоска по Отчизне. М., 1817—1818. Ч. 1—5), в котором, как и в “Развязке”, предлагается “ключ” (в пятой, последней, части) к истолкованию происходящего. Этот ключ (отметим, что в “Развязке” он предлагается не автором, а актером) дает аллегорическую интерпретацию событийного художественного ряда (в “Тоске по Отчизне” — одного из первых эпизодов): Штилинг поясняет, что действие на самом деле происходит не в провинциальном городке, а в душе человека, снedaемой страстями (воплощены в действующих лицах) и подлежащей высшему суду совести, олицетворенной в особом персонаже — “Генерал Ревизоре” (*Виницкий И.* Николай Гоголь и Угроз Световостоков (К истокам “идеи ревизора”) // Вопросы литературы. 1996. Сентябрь-октябрь. С. 167—194; см. то же: *Виницкий И.* Утехи меланхолии. М., 1997. С. 198—205. (Уч. зап. Моск. культурол. лицея № 1310. Сер.: Филология. Вып. 2.)

В рассуждениях о природе самой “Развязки” издавна наметились существенные расхождения. С одной стороны, налицо рассмотрение “Развязки” как попытки искусственного переосмысления комедии. Уже в рецензии на пятый и шестой тома Сочинений Гоголя 1855—1856 гг. отмечалось, что из “Развязки” (опубликованной в пятом томе) «мы узнаем о комедии “Ревизор” такие вещи, какие в течение двадцати лет, с тех пор, как играет эта комедия, никому и в голову не приходили», и что все сказанное в “Развязке” “слабо вяжется” с комедией (ОЗ. 1856. Кн. 6. Библиографическая хроника. С. 46, 47; без подписи). Эта точка зрения была развита во многих работах. Судя по всему, к “Развязке” относятся и рассуждения П. Аннен-

кова о попытках Гоголя интерпретировать собственный драматический мир: “Никто не знает — как он (мир драматургии Гоголя. — *Ред.*) явился, куда и каким образом уйдет от нас, а когда автор хотел отвечать за него на эти вопросы, то, на наших глазах, запутался в противоречиях и недоразумениях” (*Анненков П. О бурной рецензии на “Грозу” г. Островского, о народности, образованности и о прочем. (Ответ критику “Грозы” в журнале “Наше время”) // БдЧ. 1860. Т. 158. Март. “Современная летопись”. С. 11).* А.И. Урусов отмечал, что в “Развязке” завершился начатый в “Театральном разъезде” процесс “символизирования” “Ревизора”, “с преобладанием аргументов защитительного свойства” (*Иванов А. <Урусов А.И.> Юбилейная неделя. — Гоголь. — К истории и символике “Ревизора” // Порядок. 1881. 29 января. № 28. С. 2; см. то же: Урусов А.И. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. Т. I. М., 1907. С. 280—281).* А.Д. Галахов определил “Развязку” как “преднамеренное, хитроумное и ни с чем не сообразное толкование смысла комедии” (*Галахов А.Д. Литературная кофейня в Москве в 1830—1840 гг. // РС. 1886. Т. 50. Июнь. С. 694).* А. Кугель отмечал, что режиссер сделал бы “непоправимую ошибку”, положив в основу постановки “Ревизора” “Развязку”, «с туманными аллегориями о “внутреннем городе”, который каждый носит в себе, и с жандармом, глас которого рассматривается чуть ли не как труба второго пришествия» (*К-ль А. <Кугель А.Р.>. Театральные заметки // Театр и искусство. 1902. № 10. С. 217; о псевд. см.: Масанов. Т. 2. С. 32).* Иванов-Разумник считал, что Гоголь напрасно пытался впоследствии «придать какое-то якобы высшее символистическое значение “Ревизору”», называя сопоставление ревизора с совестью, а чиновников со страстями — наивным (*Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Т. I. СПб., 1907. С. 159).* Л.Н. Толстой писал, что из попыток Гоголя (в том числе «в заключительной сцене к “Ревизору”») “придать уже написанным произведениям несвойственный им нравственно-религиозный поучительный смысл” “выходит ужасная, отвратительная чепуха” (*Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 38. М., 1936. С. 50 — статья “О Гоголе”, 1909 г.*). В.В. Каллаш считал толкование “Ревизора” в “Развязке” натянутым (*Гоголь Н.В. Сочинения / Под. ред. В.В. Каллаша. Т. 6. <Пг., 1915>. С. XII).* Вяч. Иванов назвал “Развязку” “чуждым поэтическому сознанию примыслом”, сквозь призму которого “Ревизор” предстает как “пьеса-оборотень”, “нравоучительная притча в лицах” (превращение “города плутов в город чертей”), но при этом заметил, что “аналогия между общественной организацией и организацией личного сознания” сама по себе “остроумна и глубокомысленна” (*Иванов Вяч. “Ревизор” Гоголя и комедия Аристофана // Театральный Октябрь. Сб. 1. Л.; М., 1926. С. 91; см. то же: Иванов Вяч. Собр. соч. Т. IV. Брюссель, 1987. С. 389—390).*

Подобное восприятие “Развязки” характерно и для позднейших работ: вступление “на путь аллегорического толкования” (*Мочульский К. Духовный путь Гоголя. Париж, 1934. С. 76*); “моралистические аллего-

рии” “Развязки” (Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 268); “запоздалое оправдание, придуманное самим Гоголем”; “способность тщательно планировать свои произведения” после их написания и публикации; желание “натянуть нос читателю или себе самому”, или же, если отнестись к “Развязке” всерьез, “то перед нами невероятный случай: полнейшее непонимание писателем своего собственного произведения, искажение его сути” (Набоков В. Николай Гоголь // Новый мир. 1987. № 4. С. 189, 194—195; впервые: *Nabokov V. Nikolai Gogol. Norfolk, Connecticut, 1944*).

С другой стороны, очевидно стремление исследователей показать, что толкование “Ревизора” в “Развязке” отвечает и духу самой комедии, и природе гоголевского творчества. Так, В.И. Шенрок рассматривал “Развязку” как завершающее звено “процесса символизирования” комедии, связанного с тремя факторами: временем, показавшим, “что в комической оболочке скрывается горькое зерно критического обобщения”, “необходимостью для автора защиты себя и своего детища от нареkania на тему потрясения основ”, “мистической подкладкой Гоголя” (Шенрок. Т. 3. С. 464). А. Лобода считал, что Гоголь умалил общественное значение “Ревизора” и придал ему “высокое символическое значение”, поскольку выше всего ставил “самое углубление человеческого духа” (Лобода 1902. С. 303). Н.И. Коробка писал, что в “Ревизоре” есть “негодование гражданина против общественного зла и вместе с тем скорбь моралиста, созерцающего человеческую безнравственность. Нравственный и общественный элемент сливаются. Это слияние делает возможным нравственно-символическое толкование “Ревизора”, данное впоследствии самим Гоголем. Такое толкование столь же законно, как и толкование общественно-реалистическое” (Кор. Т. V. С. 7). Не разделяя мысль о “насильственной интерпретации” “Ревизора” в “Развязке” и Д.И. Чижевский. Он полагал, что истолкование Гоголя следует признать вероятным уже потому, что, будучи воспитан в традициях христианской литературы, писатель не мог связывать морального воздействия своей комедии исключительно с искоренением взяточничества (*Мат. и иссл. 1995. С. 209*).

* * *

Проблема публикации “Развязки” тесно связана с ее сложной текстологической историей. Источники, которыми мы располагаем, не дают возможности с точностью воссоздать процесс работы Гоголя над этим текстом. Из рабочих материалов “Развязки” сохранилась лишь одна запись — в записной книжке Гоголя 1846 г.: “Грусть оттого, что не видишь добра в добре, и (оно) кажется меньше: враждебны(ми) представля(ются) образы привлекательн(ые)” (Ак. Т. IX. С. 568). В тексте “Развязки” эта идея развивается в двух репликах, Николая Николаевича и первого комического актера: “Не то дурно, что нам показывают в дурном дурное ~ не спрашивая, куда и зачем”.

Выше уже отмечалось, что 12(24) октября 1846 г. Гоголь отправил текст “Развязки” С.П. Шевыреву для передачи Щепкину. Был это автограф или же писарская копия, не ясно. 21 октября (2 ноября) 1846 г. Гоголь писал П.А. Плетневу, что “Развязка” “находится в рукописи у Щепкина”; 26 ноября (8 декабря) 1846 г. Гоголь просил Шевырева: «Пришли мне назад “Развязку Ревизора”, именно те самые листки, которые я послал к тебе». Исходя из этих фактов, можно предположить, что Гоголь послал Щепкину или автограф “Развязки”, или же им самим исправленную копию: во-первых, он называет текст рукописью, и, во-вторых, просит вернуть его назад (эта просьба понятна только в том случае, если у Гоголя не осталось при себе идентичного текста, т.е. если в Москву был отправлен автограф или собственноручно исправленная копия). 30 декабря 1846 г. Шевырев выслал “Развязку” (“те самые листки”) Гоголю (*Отчет публ. б-ки 1896. С. 35*). Сведения о дальнейшей судьбе этого текста отрывочны и противоречивы. Рукопись “Развязки” фигурирует под номером четыре в “Списке бумаг, оставшихся после покойного Гоголя”: «Предуведомление к “Ревизору” и “Развязка Ревизора” с некоторыми замечаниями автора» (*Линниченко И.А. Новые материалы для биографии Н.В. Гоголя // РМ. 1896. Кн. V. С. 180*). О каком источнике идет речь, не вполне ясно. Известно, что в 1919 г. в Полтавский музей Гоголя поступили его рукописи (ранее принадлежавшие наследникам), в том числе автограф “Развязки Ревизора” на восьми листах почтовой бумаги (*Капустянский Ив. Рукописи Гоголя в Полтавському музеї // Українська Академія наук. Записки історично-філологічного відділу. Кн. V. 1925. С. 188*). Здесь же указано, что “Развязка” в редакции Н.С. Тихонравова опубликована в издании А.Ф. Маркса (там же). Между тем публикация в этом издании (*Гоголь Н.В. Сочинения. 15-е изд. / Ред. Н.С. Тихонравова. Т. 4. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1900. С. 57–68*) соответствует более ранней публикации Тихонравова, по *КЦ* (подробнее см. ниже). Наконец в академическом издании говорится о “полной” рукописи “Развязки”, которая “была выкрадена из Полтавского музея в 1935 г.” (*Ак. Т. IV. С. 538*). Не совсем ясно, что имеется в виду: первая редакции “Развязки” или же вторая, переработанная.

С текста, посланного Гоголем Шевыреву, в последних числах октября 1846 г. были сняты и 31 октября отправлены в Петербург две копии: для представления в театральную и в обычную цензуру (см. письмо Шевырева к Гоголю от 31 октября 1846 г. — *Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 333*). Первая не разыскана, вторая, с цензурным разрешением А.В. Никитенко, сохранилась (*КЦ*). Она написана рукой неустановленного лица и выправлена Шевыревым. Тихонрахов полагал, что Шевырев вносил в текст произвольные поправки, и в комментарии указал, что не считает нужным вносить их в текст (*Тих. Т. 2. С. 694*). В публикации Тихонравова бо́льшая часть поправок, действительно, в текст не внесена, хотя исключения есть. К точке зрения Тихонравова присоединился Коробка, но и он в некоторых случаях учел правку Шевырева (*Кор. Т. V. С. 381*). Комментаторы академического из-

дания Гоголя, сличив текст *КЦ* с двумя списками “Развязки” (*СпБ* и *СпР*), пришли к выводу, что Шевырев не произвольно правил текст, а исправлял ошибки переписчика (*Ак. Т. IV. С. 538*). Этот верный вывод не был подкреплен примерами и не был снабжен доказательствами (вероятнее всего, чисто формальные, технические причины не позволили сделать это). При соединяясь к точке зрения комментаторов академического издания, отметим, что в тексте “Развязки” Шевыревым сделано тридцать шесть значимых исправлений (сюда не входят пунктуационные исправления и исправления прописных букв на строчные и наоборот; одинаковые исправления считаются за одно). Из них в двенадцати случаях текст в исправленном виде совпадает с текстом во всех других источниках “Развязки”; в восьми случаях — с текстом в *Соч. 1856*; в семи случаях — с текстом в *Соч. 1856* и в каком-то из других источников; в шести случаях — не совпадает с текстом в *Соч. 1856*, но совпадает с текстом в других источниках; в трех случаях текст в исправленном виде не совпадает с текстом ни в одном из источников.

Из этой статистики очевидно, что Шевырев не вносил в текст произвольных изменений, а только исправлял ошибки переписчика. Что касается тех трех случаев, когда текст в исправленном виде не совпадает с текстом в других источниках, то и здесь, как нам представляется, нет оснований говорить о произвольной правке Шевырева, так как текст, присланный Гоголем, вполне мог содержать и отличия от других источников. В *Ак.* в текст “Развязки” внесены все исправления Шевырева за исключением следующего: в одной из фраз Шевырев исправил словосочетание “ее самую” на “ее самое” (см. с. 122 наст. изд.), в *Ак.* оставлено: “ее самую” (*Ак. Т. IV. С. 131*). В настоящем издании указанное исправление Шевырева вносится в текст вместе со всеми остальными (включая пунктуационные изменения и изменения прописных букв на строчные и наоборот). Добавим, что, посылая “Развязку”, Гоголь не давал Шевыреву никаких указаний исправлять ее. Известно, что в тех случаях, когда Гоголь хотел привлечь Шевырева к работе над текстом, он четко оговаривал это. Так, 23 сентября (5 октября) 1846 г., незадолго до отправления “Развязки”, Гоголь просил Шевырева поправить предисловие к “Мертвым душам”: “Исправь, пожалуйста, слог. Я не мастер на предисловия. Для меня труден этот приличный язык, которым должен разговаривать автор с нынешней публикою, а потому угадывать всякое неловкое выражение и устрой всякий неуклюжий период”.

Помимо правки Шевырева, с цензурной копией связан еще один сложный вопрос — о ее соотношении с текстом, изданным Трушковским в *Соч. 1856*. Несомненно, что эти тексты восходят к одному источнику, значимых разночтений между ними мало, но все же они есть. Публикуя “Развязку”, Трушковский не указал, каким источником он пользовался. Не вносит ясности в этот вопрос и запись в “Журнале для регистрации рукописей 1855 г.” московского цензурного комитета: “Рукопись: Развязка Ревизора к 5 тому соч. Гоголя. 20 стр. От Трушковского. Отдана цензору 13 августа.

Одобрена 5 декабря Безосмыкиным, получена 8 декабря Трушковским” (ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 364. Л. 88 об.—89). Комментаторы академического собрания сочинений полагали, что Трушковский печатал “Развязку” по рукописи, с которой снята КЦ (Ак. Т. IV. С. 538). Однако утверждать это наверняка вряд ли можно по следующим причинам. Между текстом КЦ и текстом в издании Трушковского (Соч. 1856) имеется двадцать два значимых различия (сюда не включаются различия в пунктуации, различия прописных и строчных букв, различия типа: что-бы/чтоб; перед/пред; бы/б; различия в окончаниях типа: движеньем/движением; узнаешь/узнаем; выставишь/выставить — они могут быть результатом ошибок переписчика). Эти различия носят следующий характер. В пяти случаях текст Трушковского отличается от КЦ, но совпадает с текстом во всех остальных источниках. В четырех случаях из пяти в Ак. текст КЦ, принятый за основу, исправляется по всем другим источникам, т.е. печатается: с. 114, строка 29 — так же в своей роли (в КЦ: в своей роли); с. 115, строка 23 — за это обязан (в КЦ: обязан); с. 117, строка 1 — а у кого (в КЦ: у кого); с. 117, строка 9 — быть оно (в КЦ: оно быть). В одном случае текст в Ак. не исправлен — напечатано: Михайло Семеныч (по КЦ; во всех остальных источниках в сочетании с этим именем пишется: Семенович). В одном случае текст Трушковского совпадает с текстом во всех источниках и с текстом КЦ до правки. В двух случаях текст Трушковского совпадает с текстом в других источниках и с текстом КЦ до правки. В трех случаях текст Трушковского совпадает с текстом в других источниках. В одном случае текст Трушковского совпадает только с текстом в КЦ до правки. Наконец в десяти случаях текст Трушковского не совпадает с текстом ни в одном источнике. На основании этих данных все-таки нельзя с полной уверенностью сказать, что Трушковский печатал “Развязку” по рукописи, с которой была снята КЦ, хотя и исключить этого нельзя. Публикуя “Развязку”, Трушковский, очевидно, мог воспользоваться тремя источниками: КЦ (которая хранилась у П.А. Плетнева; публикация “Развязку” в 1889 г., Н.С. Тихонравов сообщил, что печатает ее “по списку, сохранившемуся в бумагах Плетнева и благосклонно сообщенному (...) академиком Я.К. Гротом” — Тих. Т. 2. С. 694); оригиналом, с которого была снята КЦ и который был возвращен Шевыревым Гоголю по его просьбе (см. письмо Гоголя к Шевыреву от 26 ноября (8 декабря) 1846 г.; письмо Шевырева к Гоголю — *Отчет публ. б-ки 1896*. С. 35); каким-то неизвестным нам источником, скажем, автографом, который хронологически предшествовал тексту, отправленному Гоголем в Москву, или каким-то списком. Наконец, не исключено, что Трушковский располагал несколькими источниками “Развязки”. Первый вариант вряд ли возможен, так как: 1) не все исправления Шевырева вошли в текст, изданный Трушковским; 2) между текстом КЦ и текстом Трушковского имеются расхождения, не связанные с правкой Шевырева. Более вероятны другие варианты. Причем во всех случаях нетрудно указать возможные источники двадцати двух имеющихся различие-

ний. Если Трушковский пользовался неизвестным нам источником, то, конечно, логично предположить, что этот источник отличался от текста, отправленного в Москву. Если же Трушковский пользовался текстом, с которого была снята *КЦ*, то разночтения могут быть объяснимы ошибками переписчиков (и того, кто готовил текст для издания в 1846 г., и того, кто готовил текст для издания Трушковского, — ведь мы, в сущности, имеем возможность сопоставить не оригиналы, а лишь цензурный список и печатный текст). Сличение автографов Гоголя с их списками в аналогичных случаях показывает, что собственноручные тексты Гоголя практически никогда не копировались без ошибок и описок. При наличии у Трушковского нескольких источников можно предположить, что один из них был принят им за основу, а по другим вносились отдельные исправления. Отсутствие автографов “Развязки” и косвенных доказательств, как нам кажется, не позволяет точно установить, каким источником или источниками располагал Трушковский. Из двух имеющихся источников текста (*КЦ* и Соч. 1856) мы, как и прежние издатели Гоголя, отдаем предпочтение *КЦ*, руководствуясь следующими соображениями: 1) источник публикации Трушковского неизвестен, тогда как текст *КЦ* сохранился; 2) *КЦ* снята с рукописи, присланной Гоголем для представления в цензуру; 3) *КЦ* считана с оригиналом Шевыревым, который хорошо знал почерк Гоголя и, как мы видим, не вносил в текст произвольных исправлений.

В настоящем издании “Развязка” печатается по тексту *КЦ*. Принципы лингвистической подготовки текстов соответствуют правилам, изложенным в первом томе настоящего издания (с. 563–568); в частности, исправлено: “выдет” на “выйдет”; “пиэса” на “писса”. Прописные буквы заменены строчными: в наименованиях действующих лиц (“городничий”, “жандарм”), в театральной лексике (“актер”, “комедия”, “комический актер”, “актриса”, “артист”, “бенефис”, “зритель”, “лицо”, “публика”, “театр”), в словах: “автор”, “город” (в словосочетании “душевный город”), “господа”, “государство”, “государь”, “литературный”, “русская”, “русская земля”, “русской”, “христианин” (все перечисленное относится к разряду устойчивых написаний в этом тексте), “аллегория”, “беспорядки”, “генерал”, “душа”, “по именному высшему”, “лицемерны”, “отечество”, “разум”, “чиновники” (единичные написания). Соответственно “понижены” прописные буквы и в своде вариантов к основному тексту. Кроме того, без дополнительных оговорок раскрываются сокращения в именах, отчествах и наименованиях действующих лиц.

Помимо цензурной копии, сохранилось пять списков “Развязки”: список из материалов П.А. Кулиша (*СпК*), список рукой Бодянского (*СпБ*), список рукой П.И. Миллера (*СпМ*), список из собрания К.К. Романова (*СпР*), список из фонда С.Т., К.С. и И.С. Аксаковых (*СпА*). Датировка списков очень затруднена в связи с отсутствием на них каких-либо пояснений и помет. Некоторые предположения могут быть сделаны только в свя-

зи со штемпелями, имеющимися на трех списках. Список из материалов П.А. Кулиша (СпК) имеет штемпель: “ТРОИЦКОЙ / № ГОВАР-ДА 5 / ФАБРИКИ” (в прямоугольной рамке с обрезанными уголками). Зарегистрировано применение этого штемпеля в 1850 г. (Клепиков 1959. С. 101), в 1852 г. (Клепиков 1968. С. 123, № 29). Список рукой Бодянского имеет штемпель: “ПЛАВСКОЙ / ФАБРИКИ” (в овале с виньетками). Зарегистрировано применение этого штемпеля в 1853 г. (Клепиков 1968. С. 129. № 113), в 1854 и 1856 гг. (Клепиков 1959. С. 107). Возможно, изготовление списка относится к тому времени, когда Бодянский принимал участие в подготовке пятого тома сочинений Гоголя в издании Трушковского (в частности, текста “Отрывка неизвестной повести...” — “Был апрель 1645 года...” — Соч. 1856. С. IV, 367—411; в Ак.: “Гетьман (Несколько глав из неоконченной повести)” — т. III. С. 277—301) — в этом же томе, как уже отмечалось, была напечатана и “Развязка Ревизора”. Не исключено, однако, что список Бодянского был снят со списка из материалов Кулиша (см. ниже).

Список из собрания К.К. Романова имеет овальный штемпель: “Н (под короной) / ИМПЕРАТОР. ПЕТЕРГ. БУМ. ФАБ.”. Штемпели этой фабрики применялись в 1820—40-х годах (Клепиков 1959. С. 103, 153), сама фабрика работала в 1817—1846 гг. (Гейрот А. Описание Петергофа. СПб., 1868. С. 45), однако указанная бумага могла использоваться и в более поздние годы.

Вероятнее всего, известные к настоящему времени списки относятся к середине 1850-х годов. Все они восходят к одному и тому же несохранившемуся источнику, текст которого отличается от текста КЦ и текста в Соч. 1856. Отличия, хотя и многочисленны, но не слишком существенны, поэтому очень трудно сказать, какой из источников (КЦ или тот текст, к которому восходят списки) является хронологически более ранним. В Ак. список рукой Бодянского и список из собрания Романова (другие не учтены) охарактеризованы как копии ранней редакции “Развязки” (Ак. Т. IV, с. 521), точнее копии с автографа, оставшегося в бумагах Гоголя (там же, с. 538). Сличение пяти списков с текстом КЦ и текстом в Соч. 1856, а также друг с другом дает возможность, хотя и не без некоторых колебаний, подтвердить этот вывод: часть расхождений между КЦ и списками носит достаточно нейтральный характер, не позволяющий установить хронологическую последовательность имеющихся источников, но все-таки в ряде случаев в цензурной копии даются стилистически улучшенные варианты текста, что говорит о восхождении списков к более раннему источнику, чем та рукопись, с которой была снята копия для цензуры. Нельзя не принимать во внимание и того, что Трушковский напечатал текст “Развязки” по источнику, явно близкому именно цензурной копии. По этой копии был выправлен и список из материалов Кулиша. Можно думать, что и Трушковский, и Кулиш располагали рукописями и фактами, которые позволили им сделать выбор источника текста “Развязки” именно в пользу КЦ. Кроме того, в тек-

стах списков нет ничего, что говорило бы об их связи со второй редакцией окончания “Развязки” (это логично в случае их более позднего происхождения, чем цензурная копия).

Все это позволяет говорить о том, что списки восходят к источнику, запечатлевшему один из первоначальных этапов работы Гоголя над текстом. По всей вероятности, это был черновой автограф или сильно выправленная Гоголем писарская копия. В пользу такого вывода говорят многочисленные расхождения списков, вероятно в значительной степени связанные с черновым, трудно поддающимся прочтению, характером оригинала.

Возможна, однако, и иная версия происхождения списков “Развязки Ревизора”. Она может быть основана на дневниковой записи О.М. Бодянского от 31 января 1854 г., в которой, со слов П.А. Кулиша (посетившего Бодянского в конце января 1854 г.), пересказано признание Щепкина в том, что он, находясь в 1853 г. в Петербурге, позволил сделать копию “Развязки” со своего списка А.С. Норову, у которого, в свою очередь, переписал текст Г.П. Данилевский и “пустил по городу” (*Кочубинский Ал.* О.М. Бодянский в его дневнике // *ИВ.* 1887. Т. XXX. № 12. С. 524). Здесь же приводится сообщение Кулиша о том, что и его список сделан с текста Данилевского. Все это позволяет предположить (хотя и с большой долей осторожности), что имеющиеся списки “Развязки” могут восходить к копии Щепкина. Расхождения списков с текстом *КЦ* в этом случае объясняются особенностями или дефектами щепкинской копии — особенно в том случае, если оригинал, присланный Гоголем, был не вполне разборчив, что вероятно, так как Гоголь (как уже отмечалось выше), скорее всего, прислал либо автограф, либо выправленную им копию.

Сопоставление всех источников текста “Развязки” позволяет заключить, что наиболее авторитетными, т.е. точными, являются список рукой Миллера и очень близкий ему, а возможно, с него переписанный список из собрания Романова. Менее точны список, написанный рукой Бодянского, и список из собрания Кулиша, в свою очередь, почти идентичные (возможно, что первый был снят со второго). Промежуточное положение (по степени точности) занимает список из собрания Аксаковых, тяготеющий то к *СпМ* и *СпР*, то к *СпК* и *СпБ*.

Разночтения списков друг с другом и с остальными источниками “Развязки” отражены в своде вариантов к основному тексту. При этом опущены многочисленные расхождения в окончаниях, разночтения типа “пред-перед”, как правило, объяснимые индивидуальностью переписчиков.

Уже отмечалось выше, что, получив текст “Развязки”, Гоголь продолжал над ним работать. 28 июня (10 июля) 1847 г. он писал Плетневу: «Хочу послать к тебе также переделанную “Развязку Ревизора”, которая вышла теперь, кажется, ловче». 29 июля (10 августа) 1847 г. Плетнев отвечал: “Пришли, если желаешь, и переделанную развязку Ревизора” (*Гоголь. Переписка.* Т. 1. С. 289). Свое намерение Гоголь, судя по всему, не осуществил. Сказать определенно, о какой переделке идет речь, мы не можем.

Не ясно, переделывал ли Гоголь весь текст или только окончание. До нас дошел лишь черновой автограф второй редакции окончания “Развязки” (ЧА; сохранившийся список сделан с этого источника — ОР РГБ. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 40). Это окончание печатается в настоящем издании по верхнему слою, предшествующая правка дается в своде вариантов. Слова, подчеркнутые Гоголем, печатаются курсивом.

* * *

С. 116. ...человек, который смеется ~ над обычаями, над порядками... — По предположению В.И. Шенрока, в этих строчках нашел отражение устный, переданный Гоголю С.Т. Аксаковым, отзыв Ф.И. Толстого (“Американца”) об авторе “Ревизора” как о “враге России” (Аксаков 1960. С. 40; Шенрок. Т. IV. С. 102).

С. 116. В эпитафье выставлено ~ Разве у меня рожа крива? — Сходным образом об эпитафье к “Ревизору” отозвался М.Н. Загоскин. С.Т. Аксаков уведомил об этом Гоголя в письме от 6–8 февраля 1843 г.: Загоскин «особенно взбесился за эпитафью к “Ревизору”. С пеной у рта кричит: “Да где же у меня рожа крива?”» (Гоголь. Переписка. Т. 2. С. 42; Шенрок. Т. IV. С. 101–102). См. также комментарий к эпитафье (с. 793–794 наст. изд.).

С. 119. ...à la lettre... (франц.) — в буквальном смысле.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРХИВОХРАНИЛИЩА

- ИР НБУ* – Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Киев)
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
ОР и РК СПбТБ – Отдел рукописей и редких книг Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки
ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы

ПЕРИОДИКА

- БВед* – газета “Биржевые ведомости”
БдЧ – журнал “Библиотека для чтения”
ВЛ – журнал “Вопросы литературы”
ЕИТ – Ежегодник императорских театров
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИВ – журнал “Исторический вестник”
ЛГ – Литературная газета
ЛПРИ – газета «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”»
МВ – журнал “Московский вестник”
МВед – газета “Московские ведомости”
МН – журнал “Московский наблюдатель”
Москв. – журнал “Москвитянин”
НВ – газета “Новое время”

ОЗ — журнал “Отечественные записки”
РА — журнал “Русский архив”
РВ — журнал “Русский вестник”
РВед — газета “Русские ведомости”
РИ — газета “Русский инвалид”
РЛ — журнал “Русская литература”
РМ — журнал “Русская мысль”
РРТ — журнал “Репертуар русского театра”
РС — журнал “Русская старина”
Совр. — журнал “Современник”
СПВед — газета “Санкт-Петербургские ведомости”
СПч — газета “Северная пчела”
Т — журнал “Телескоп”
ТиИ — журнал “Театр и искусство”

ЛИТЕРАТУРА¹

- Ак. — Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. (Б.м.): Изд-во АН СССР, 1937–1952
- Аксаков 1960 — Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем / Изд. подгот. Е.П. Населенко и Е.А. Смирнова. М., 1960
- Алексеев 1954 — Алексеев М.П. Первый немецкий перевод “Ревизора” // Гоголь: Статьи и материалы. Л., 1954. С. 187–259
- Альтшуллер 1968 — Альтшуллер А.Я. Театр прославленных мастеров: Очерки истории Александринской сцены. Л., 1968
- Андросов 1836 — Андросов (В.П.) Ревизор, комедия, в 5 действиях, соч. Н. Гоголя // Московский наблюдатель. 1836. Ч. VII. Май. Кн. 1
- Анненков 1989 — Анненков П.В. Литературные воспоминания / Вступ. ст. В.И. Кулешова; коммент. Л.М. Долотовой, Г.Г. Елизаветиной, Ю.В. Манна, И.Б. Павловой. М., 1989
- Баженов 1869 — Баженов А.Н. Сочинения и переводы. Т. I. М., 1869
- Барсуков — Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1–22. СПб., 1888–1910
- Белинский — Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. I–XIII. М., 1953–1959
- Библ. пер. 1953 — Библиография переводов на иностранные языки произведений Н.В. Гоголя / Сост. М.С. Морщинер, Н.И. Пожарский (ВГБИЛ). М., 1953
- Вайскопф 1993 — Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993
- Виницкий 1998 — Виницкий И. Нечто о привидениях: Истории о русской

---

¹ В список не включены сокращения, соответствующие сигналам, указанным в перечне источников текста к каждому произведению.

- литературной мифологии XIX века. М., 1998. (Уч. зап. Моск. культу-
рол. лицея. Сер.: Филология. № 3–4/6–7)
- Войтоловская 1971* – *Войтоловская Э.Л.* Комедия Н.В. Гоголя “Ревизор”: Комментарий. Л., 1971
- Вольф 1877* – *Вольф А.И.* Хроника петербургских театров: С конца 1826 до начала 1855 года. Ч. 1. Годовые обозрения русской и французской драматической сцены, оперы и балета. Ч. 2. Статистика драматической, оперной и балетной части. СПб., 1877
- Вяземский 1984* – *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Л.В. Дерюгиной. М., 1984
- Георгиевский 1910* – Гоголевские тексты. Изданы Г.П. Георгиевским. СПб., 1910
- Гиппиус 1924* – *Гиппиус В.В.* Гоголь. Л., 1924
- Гиппиус 1931* – *Гиппиус В.В.* Литературное общение Гоголя с Пушкинным // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. Отд. обществ. наук. Вып. II. Пермь, 1931. С. 61–124
- Гог. восп. совр. 1952* – Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952
- Гоголь и лит. нар. СССР 1986* – Гоголь и литература народов Советского Союза. Ереван, 1986
- Гоголь и мир. лит. 1988* – Гоголь и мировая литература. М., 1988
- Гоголь. Переписка* – Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А.А. Карпова, сост. и коммент. А.А. Карпова и М.Н. Виролайнен. М., 1988
- Гозенпуд 1965* – *Гозенпуд А.* Оперный словарь. М., 1965
- Гозенпуд, 1969* – *Гозенпуд А.* Русский оперный театр XIX века: (1836–1856). Л., 1969
- Грановский 1897* – Т.Н. Грановский и его переписка. Т. II. М., 1897
- Григорьев А. 1967* – *Григорьев А.* Литературная критика. М., 1967
- Григорьев А. 1985* – *Григорьев А.А.* Театральная критика. Л., 1985
- Гриц 1966* – *Гриц Т.С. М.С. Щепкин:* Летопись жизни и творчества. М., 1966
- Грот, Плетнев. Переписка* – Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым: В 2 т. СПб., 1896
- Даль – Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955
- Данилевский 1866* – *Данилевский Г.П.* Украинская старина. Материалы для истории украинской литературы и народного образования. Харьков, 1866
- Данилевский 1901* – *Данилевский Г.П.* Знакомство с Гоголем (Из литературных воспоминаний) // *Данилевский Г.П.* Сочинения. Т. XIV. СПб., 1901
- Данилов 1934* – *Данилов С.С.* “Ревизор” на сцене. 2-е изд., испр. и доп., с приложением монтажки первого спектакля. Л., 1934
- Данилов 1936* – *Данилов С.С.* Гоголь и театр. Л., 1936

- Долинин 1956* – Долинин А.С. Из истории борьбы Гоголя и Белинского за идейность в литературе // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. Т. XVIII. Факультет яз. и лит. Вып. 5. 1956
- Дризен 1907* – Дризен Н.В. Заметки о Гоголе // Исторический вестник. 1907. Октябрь
- Дризен 1909* – Дризен Н.В. Гоголь и драматическая цензура.: (Историческая справка) // Ежегодник императорских театров. 1909. Вып. 2
- Дризен 1917* – Дризен Н.В. Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. (М., 1917)
- Елеонский 1962* – Елеонский С.Ф. Шесть редакций комедии Гоголя “Ревизор” // Елеонский С.Ф. Изучение творческой истории художественных произведений. М., 1962
- Зотов 1859* – Зотов Р. Театральные воспоминания. Автобиографические записки. СПб., 1859
- Зотов 1896* – Записки Рафаила Михайловича Зотова // Исторический вестник. 1896. Т. 66. Декабрь.
- ИРДТ* – История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978–1987
- Каратыгин 1883* – Каратыгин П. Портрет Гоголя, рисованный П.А. Каратыгиным // Исторический вестник. 1883. Т. 13. Сентябрь
- Кирсанова 1995* – Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв. (Опыт энциклопедии). М., 1995
- Клепиков 1959* – Клепиков С.А. Филигрani и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959
- Клепиков 1968* – Клепиков С.А. Штемпели на бумаге русского и иностранного производства XIX–XX вв. (Дополнение к таблице, опубликованной в 1959 г.) // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968
- Клепиков 1978* – Клепиков С.А. Филигрani на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978
- Кор.* – Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 5 т. / Под ред. Н.И. Коробки. Текст заново сверен с рукописями и изданиями, вышедшими при жизни автора. СПб., (1912–1914)
- Котляревский 1915* – Котляревский Н. Николай Васильевич Гоголь. 1829–1842. Очерк из истории русской повести и драмы. 4-е. изд. Пг., 1915
- Кулиш 1854* – (Кулиш П.) Опыт биографии Н.В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М*. СПб., 1854
- Кулиш 1856* – (Кулиш П.) Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В 2 т. СПб., 1856
- Леонидов 1888* – Воспоминания Леонида Львовича Леонидова: За полсотню лет назад. 1835–1843 // Русская старина. 1888. Т. 58. Апрель

- ЛН, т. 58* — Литературное наследство. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952
- Лобода 1902* — Лобода А. Комедии Н.В. Гоголя в связи с развитием русской комедии и другими его произведениями // Памяти Гоголя: Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца / Под ред. Н.П. Дашкевича. Киев, 1902
- Макогоненко 1985* — Макогоненко Г.П. Гоголь и Пушкин. Л., 1985
- Манн 1987* — Манн Ю. В поисках живой души: “Мертвые души”. Писатель—критика—читатель. М., 1987
- Манн 1994* — Манн Ю. “Сквозь видный миру смех...”: Жизнь Н.В. Гоголя. 1809–1835. М., 1994
- Манн 1997* — Манн Ю. Император Николай I и “Ревизор” Н.В. Гоголя // Литература. Ежедневное приложение к газете “Первое сентября”. 1997. № 47
- Масанов — Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956–1960
- Мат. и иссл. 1936* — Н.В. Гоголь. Материалы и исследования: В 2 т. / Под ред. В.В. Гиппиуса. М.; Л., 1936. (Литературный архив)
- Мат. и иссл. 1995* — Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. М., 1995
- Мацкин 1984* — Мацкин А. На темы Гоголя: Театральные очерки. М., 1984
- Надеждин 1972* — Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика // Вступ. ст., сост. и коммент. Ю. Манна. М., 1972
- Некрасова 1887* — Некрасова Е.С. Гоголь пред судом иностранной литературы. 1845–1885 // Русская старина. 1887. Т. 55. Кн. IX
- Немирович-Данченко 1953* — Немирович-Данченко Вл. Тайна сценического обаяния Гоголя // Н.В. Гоголь в русской критике: Сб. статей. М., 1953
- Никитенко — Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. И.Я. Айзенштока. (М.), 1955–1956
- Нильский 1897* — Нильский А.А. Закулисная хроника: 1856–1894. СПб., 1897
- Нистрем 1837* — Нистрем К. Книга адресов С.Петербурга на 1837 год. СПб., 1837
- ОА, т. III* — Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В.И. Сaitова. Т. III. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836. СПб., 1899
- Описание ИРЛИ 1* — Описание автографов Н.В. Гоголя в собрании Института литературы Академии наук СССР / Сост. Б.П. Городецкий // Литературный архив: Материалы по истории литературы и об-

- щественного движения. I / Под ред. С.Д. Балухатого, Н.К. Пиксанова и О.В. Цехновицера. М.; Л., 1938
- Описание ИРЛИ 2* – Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. I. Н.В. Гоголь / Сост. Е.А. Ковалевская, Е.В. Фрейдель, Е.М. Хмелевская, Б.В. Шапошников; ред. Б.В. Томашевский; АН СССР. М.; Л., 1951
- Описание РГБ 1* – Рукописи Н.В. Гоголя: Каталог / Сост. Г. Георгиевский и А. Ромодановская. М., 1940
- Описание РГБ 2* – Иванова Л.М. Фонд Н.В. Гоголя (Дополнение к печатному каталогу “Рукописи Гоголя”. М., 1940) // Записки Отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 19. М., 1957
- Описание РНБ* – Заборова Р.Б. Рукописи Н.В. Гоголя. Описание Гос. публ. б-ки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Труды Отдела рукописей. Л., 1952
- Отчет публ. б-ки 1895* – Отчет императорской публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. Приложения
- Отчет публ. б-ки 1896* – Отчет императорской публичной библиотеки за 1893 год. СПб., 1896
- Панаев 1988* – Панаев И.И. Литературные воспоминания / Вступ. статья и коммент. И.Г. Ямпольского. М., 1988
- Петрунина, Фридлиндер 1969* – Петрунина Н.Н., Фридлиндер Г.М. Пушкин и Гоголь в 1831–1836 годах // Пушкин: Исследования и материалы. Т. VI: Реализм Пушкина и литература его времени. Л., 1969
- Поздеев 1953* – Поздеев А.А. Несколько документальных данных к истории сюжета “Ревизора” // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. Т. 4. М.; Л., 1953
- Полн. собр. законов 1* – Полное собрание законов Российской империи. (Собрание первое). Т. I–XLV. СПб., 1830
- Полн. собр. законов 2* – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. I–LV. СПб., 1830–1880
- Пушкин* – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1949; Т. 17 (спр.). 1959
- Р86* – Ревизор. Комедия в пяти действиях. Сочинение Н.В. Гоголя. Первоначальный сценический текст, извлеченный из рукописей Н. Тихомировым. М., 1886
- Рус. писатели* – Русские писатели. Биографический словарь. Т. 1–4. М., 1989–1999 (продолжающееся издание)
- Смирнова 1989* – Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания // Изд. подгот. С.В. Житомирская. М., 1989
- Соловьева, Доронина 1988* – Соловьева А.П., Доронина Р.Ф. Гоголь и развитие реализма в литературах южных и западных славян // Гоголь и мировая литература. М., 1988

- Столпянский 1910* – *Столпянский П.* Заметки на полях Гоголя. (Историко-библиографические примечания) // Ежегодник императорских театров. Вып. VI. 1910.
- Тих.* – Сочинения Н.В. Гоголя. 10-е изд.: В 7 т. Т. 1–5. М., 1889. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым; Т. 6. М.; СПб., 1896; Т. 7. СПб., 1896. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым и Владимиром Шенроком
- Тихонравов 1898* – *Тихонравов Н.С.* Первое представление “Ревизора” на московской сцене // Тихонравов Н.С. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. М., 1898
- Тургенев* – *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1978–1986
- Урусов 1907* – *Урусов А.И.* Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. Т. I. М., 1907
- ХЭ* – *Гоголь Н.* Сочинения / Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1928. Т. II
- Шенрок* – *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. М., 1892–1897
- Шепелев 1991* – *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991
- Шредер 1820* – Новейший путеводитель по Санктпетербургу, с историческими указаниями, изданный Ф. Шредером. СПб., 1820
- Щепкин* – *Щепкин М.С.* Жизнь и творчество: В 2 т. М., 1984
- Reissner 1970* – *Reissner E.* Deutschland und die russische Literatur. 1800–1848. Berlin, 1970
- Uchastkina 1962* – A History of Russian Hand Paper-Mills and their Watermarks. By Z.V. Uchastkina / Ed. and adapt. for publication in english by J.S.G. Simmons. (Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia. IX). Holland, Hilversum, 1962

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

“Ревизор”. Страница первого издания (1836) с авторской правкой 1842 г. Российская государственная библиотека. Москва	43
“Ревизор”. Страница первого издания (1836) с авторской правкой 1842 г. Российская государственная библиотека. Москва	81
Страница письма Н.В. Гоголя Н.Я. Прокоповичу от 15(27) июля 1842 г. из Гастейна с окончательной редакцией последнего явления и Немой сцены “Ревизора”. Институт рукописей Научной библиотеки Украины. Киев	84
“Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы”. Копия рукой В.А. Панова с автографическим заголовком и правкой Гоголя. Первая страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург	95
“Развязка Ревизора”. Копия для цензуры рукой неустановленного лица с исправлениями С.П. Шевырева и цензурным разрешением А.В. Никитенко. Л. 1. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург	113
“Развязка Ревизора”. Черновой автограф (вторая редакция окончания). Л. 3 об. Российская государственная библиотека. Москва	127
“Ревизор”. Черновой автограф (первая редакция). Л. 10. Российская государственная библиотека. Москва	163
“Ревизор”. Черновые наброски ко второй редакции. Л. 23 об. Российская государственная библиотека. Москва	222
“Ревизор”. Писарская копия с авторской правкой (вторая редакция). Л. 86/43об. Российская государственная библиотека. Москва	287
«Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору». Черновые наброски. Первая страница. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург	344
Титульный лист первого издания “Ревизора”	362
Титульный лист второго издания “Ревизора”	434
“Ревизор”. Из редакции второго издания. Копия рукой неустановленного лица с авторской правкой. Действие IV. Последняя страница с окончанием явления 5, исправлениями явлений 6 и 7 и вписанным авторской рукой текстом явления 8. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург	441

«Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”». Черновой автограф (первая редакция). Л. 3. Российская государственная библиотека. Москва	475
Рисунок пером Н.В. Гоголя (на л. 12 об. того же автографа)	475
“Ревизор”. Писарская копия с правкой Гоголя и неустановленных лиц, представленная в театральную цензуру (третья редакция). Л. 26 об. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург	505
“Ревизор”. Писарская копия с правкой Гоголя и неустановленных лиц, представленная в театральную цензуру (третья редакция). Титульный лист с резолюцией Е.И. Ольдекопа. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург	573
“Ревизор”. Театральный список, изготовленный в Александринском театре и переданный в Малый театр. 1836 г. Л. 2. Спецбиблиотека Малого театра. Москва	579
Рапорт цензора Е.И. Ольдекопа о “Ревизоре” (на французском языке) с резолюцией А.Н. Мордвинова. Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург	591
Н.В. Гоголь на репетиции премьерной постановки “Ревизора” в Александринском театре. Портрет работы П.А. Каратыгина. Карандаш, акварель, белила. 1836 г. (дата “1835”, поставленная под изображением, ошибочна). Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург	713

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А.Б. 789, 807
 Абрамович С.Л. 739
 Абрамсон Г. 792
 Августин Блаженный 879
 Аверкиев Д.В. (псевд.: Д.А.) 754–756, 769
 Адлерберг В.Ф. 719
 Айзеншток И.Я. 649, 893
 Аксаков Г.С. 672, 717, 729, 731, 734, 747, 753
 Аксаков И.С. 556, 612, 683, 731, 734, 741, 753, 756, 844, 863, 874, 885
 Аксаков К.С. 556, 664, 674, 679, 683, 717, 727, 729, 731–735, 747, 849–854, 863, 874, 885
 Аксаков М.С. 609, 735, 756, 851
 Аксаков С.Т. 539, 589, 592, 596, 601–604, 606, 609–613, 615, 633, 648, 649, 651, 664, 672, 724, 726–728, 731–738, 740–744, 753, 756, 793, 805, 826, 827, 844, 846–853, 863, 873–875, 877, 878, 885, 888, 890
 Аксакова В.С. 103, 356, 610, 612, 628, 731–737, 756, 759, 844, 850–852, 874
 Аксакова М.С. 851
 Аксакова О.С. 731–735, 851
 Аксаковы 610, 612, 634, 636, 727, 732–734, 736, 738, 756, 849, 851–853, 887
 Александр Македонский 14, 138, 247, 368
 Александр Николаевич, вел. кн. (“Государь Наследник”), с 1855 г. – имп. Александр II 718
 Александра Федоровна, имп. 719
 Александровский Г.В. 639
 Алексеев А.А. 565, 566
 Алексеев Д. 779
 Алексеев М.П. 783–786, 800, 890
 Алексей Михайлович, царь 684
 Алпатов И. 779
 Алперс Б.В. 755, 757
 Альми И.Л. 658
 Альтман М.С. 805
 Альшуллер А.Я. 746, 758, 819, 832, 890
 Амиден С. 793
 Андровская О.Н. 778
 Андросов В.П. 674–676, 726, 729, 890
 Анненков П.В. 554, 597, 673, 680, 689, 707, 715, 716, 802, 840, 879, 880, 890
 Анненский И.Ф. 695, 696
 Аннинский Л.А. 778
 Антоний, св. 61, 197, 268, 312, 411, 503, 576, 807
 Антонский-Прокопович А.А. 712
 Аринин В. 637
 Аристофан 653–656, 700, 784, 793, 878–880
 Арним Б., фон 786
 Арнольди Л.И. 736, 753, 759
 Арцибашев С.Н. 779
 Асенкова В.Н. 359, 718, 816, 817
 Аскоченский В.И. 684, 685
 Аус-Эрлих А.В. 790
 Ауэрбах Б. 785
 Афанасьев А.И. 359, 578, 717–719, 746, 817, 832
 Афанасьев А.Н. 813
 Ахалин Г.С. 359, 709, 817
 Ахмед-шах С. 790
 Ацаркина Э.Н. 675
 Ашимбаева Н.Т. 696
 Бабанова М.И. 774
 Бабореко А.К. 657
 Багно В.Е. 790
 Баженов А.Н. 755, 756, 760, 890
 Бай Сыхун 791
 Байков 359
 Бакунин М.А. 671, 679
 Балабина В.О. 740
 Балабина М.П. 740
 Балухатый С.Д. 894
 Барабаш Ю.Я. 701
 Баратынский (Боратынский) Е.А. 601, 791
 Барбе д’Оревиаль Ж.А. 784
 Барков Д.Н. 801

- Барсуков Н.П. 564, 601, 603, 611, 614,
 615, 722, 890
 Бартоломей П.И. 635, 731
 Бартоломей, ген. 727
 Барятинский А.И. 842
 Басилашвили О.В. 778
 Батюшков К.Н. 637
 Батюшков П.Н. 637
 Батюшков Ф.Д. 637, 642
 Бахрушин А.П. 598
 Бахтин М.М. 647
 Бабугин Б. 774
 Безсомыкин (Бессомыкин) И.И. 549,
 819, 834, 864, 884
 Бекер 359
 Белидор 768
 Белинский В.Г. 601, 615, 670,
 676—682, 684, 687, 691, 726,
 728, 730, 732, 733, 743, 747—750,
 755, 756, 762, 829, 838, 839, 890,
 891
 Белини В. 642, 802
 Белозерский Н.Д. 554, 589, 708
 Белокуров В.В. 778
 Белоногова В.Ю. 639
 Бельмонте М. 802
 Белый Андрей (Бугаев Б.Н.) 700—
 702, 775—777
 Бельский С. 751
 Беляев Ю.Д. 761, 766, 767
 Бенгель И.-А. 656
 Бенкендорф А.Х. 594
 Бенуа Ж.-Л. 793
 Берг Н.В. 737, 741, 759
 Бергсон А. 647
 Бердяев Н.А. 701, 702
 Березина В.Г. 804
 Берковский Н.Я. 778
 Бернар К. 693
 Бернардский Е.Е. 877
 Бернауэр Р. 790
 Бестужев, Бестужев-Марлинский А.А.
 (псевд.: Марлинский) 175, 288,
 572, 642, 804, 811
 Бестужев-Рюмин К.Н. 785
 Блаш А. 815
 Блок А.А. 699
 Боборыкин П.Д. 636, 691
 Богатырев П.Г. 647
 Боград В.Э. 737
 Бодянский О.М. 633, 634, 638, 659,
 862, 885—887
 Бокадоров Н.К. 693
 Боклевский П.М. 782
 Бомарше П.О. 786, 801
 Боратынская С.М. 798
 Борисов Ю.Н. 658
 Борисоглебский 752
 Бородин А. 549, 819, 834
 Боткин В.П. 681, 687, 732
 Брамбеус (см.: Сенковский О.И.)
 Брандес Г. 790
 Бродский Н.Л. 646
 Брюллов К.П. 656, 657, 675
 Брюсов В.Я. 695, 699
 Брянский А.М. 757, 758
 Брянский Я.Г. (Григорьев) 707
 Буало Н. 665
 Булаховский Л.А. 667
 Булгаков А.Я. 801, 805
 Булгаков К.Я. 801, 805
 Булгарин Ф.В. 174, 284, 288, 572, 651,
 670, 671, 674, 676, 682—684, 717,
 718, 726, 783, 810—812, 832, 846
 Бунин И.А. 657
 Бурденков 735
 Бурдин Ф.А. 592, 719, 735, 746, 769
 Буслаев Ф.И. 692
 Бутурлин М.П. 635
 Бухарев А.М. 689
 Бухникашвили Г.В. 789
 Быстрорецкий 832
 В.А. 756
 Вавере В.А. 791
 Вайскопф М. 667, 706, 799, 890
 Вайсфельд И.В. 658
 Варвара, св. 268
 Варламов А.Е. 800
 Варнеке Б.В. 761
 Василий Великий, св. 798
 Васильев С. (см.: Флеров С.В.)
 Васильев С.В. 760
 Васильков 752
 Васильчиков А.А. 712
 Васильчиков П.А. 739
 Васьюк Ф.И. 851
 Вацура В.Э. 637, 739
 Везель И. 788
 Веймин 791
 Вейнберг П.И. 763, 764
 Великопольский И.Е. 601, 727
 Вельтман А.Ф. 648
 Венгеров С.А. 642, 693, 768
 Веневитинов А.В. 869, 870
 Вердеревский Е.А. 752
 Верстовский А.Н. 647
 Веселовский А.Н. 646, 692
 Веснин А.А. 771
 Вестник Е.Я. 778

- Ветловская В.Е. 706
 Виардо Л. 784
 Вигель Ф.Ф. 672, 738
 Видерт А.Ф. 785–787, 789
 Видерт В.Л. 785–787
 Викторов А.Е. 549, 556
 Виноцкий И.Ю. 656, 669, 879, 890
 Виноградов В.В. 701
 Виноградов И.А. 745, 809
 Виролайнен М.Н. 794, 891
 Виссарион, св. 798
 Витали И.П. 675
 Вишневская И.Л. 706
 Вл.Ч. (см.: Кронеберг А.И.)
 Владимирова Н.Б. 717, 817
 Войтоволская Э.Л. 554, 560, 676, 705, 804, 891
 Волков Л.А. 777
 Волков Н.В. 649
 Волков П.Г. 633, 636–638
 Волконская Э.А. 741
 Волконские 740
 Волконский П.М. 594, 596, 710, 719, 720, 730, 739
 Волчек Г.Б. 778
 Вольф А.И. 592, 642, 717, 719, 746, 801, 802, 805, 811, 815, 816, 830, 891
 Вольфзон В. 787
 Воронов Е.И. 546, 588
 Воропаев В.А. 809
 Воротников А.В. 746, 748
 Вревский Б.А. 555
 Вьельгорская (Виельгорская) А.М. 103, 356, 842–844, 847, 850, 852, 854, 866–868, 870, 871
 Вьельгорская (Виельгорская) Л.К. 843, 852, 854
 Вьельгорские (Виельгорские) 843
 Вьельгорский (Виельгорский) Мих.Ю. 592, 593, 720, 739, 740, 852, 865, 869, 871
 Вяземский П.А. 589, 592, 637, 638, 650, 655, 662, 666, 671–673, 678, 714–716, 718, 738, 739, 782, 786, 826, 827, 869, 870, 891, 893
 Гагарин Г.Г. 854
 Гагарин Н.С. 543, 545, 571
 Гаджиев А.Д. 789
 Газаров С. 778, 779
 Гайдай Л.И. 779
 Гайдебуров П.П. 777
 Гайнуллин М.Х. 791
 Гайштут К.М. 706
 Галаган П.Г. 639
 Галахов А.Д. 880
 Галич А.И. 654
 Гальберштадт Л.И. 814
 Гарин Э.П. 771, 774–777
 Гаркалин В.Б. 779
 Гатцук А.А. 862
 Гафт В.И. 778
 Гвоздицкий В.В. 779
 Гедеонов А.М. 595, 596, 707, 710, 719, 725, 730, 745, 869, 870
 Гедеонов М.А. 594
 Гедеонов С.А. 780
 Гейрот А.Ф. 886
 Генделевич К.О. 752
 Георгиевский Г.П. 840, 846, 860, 861, 891, 894
 Георгий, св. 810
 Гердт Э.Е. 779
 Герен А.Г.Л. 654
 Герцен А.И. 684, 731, 747–749, 785
 Гете И.В. 786
 Гибнер 643
 Гибнер И. 643
 Гиллельсон М.И. 800, 809
 Гиппиус В.В. 552–554, 561, 590, 592, 593, 595, 619, 625, 630, 634, 641, 645, 647, 650, 659, 698, 699, 720, 798, 804, 891, 893
 Гладких С. 792
 Глазунов М.И. 598
 Глебов С.И. 638, 740
 Глинка М.И. 718, 740
 Глинка Ф.Н. 727
 Гнедич П.П. 767
 Гоббс Т. 697
 Говард 862, 886
 Гоголи-Яновские 648
 Гоголь А.В. 851
 Гоголь А.Д. 839
 Гоголь В.А. 644, 645, 812
 Гоголь Е.В. (в замужестве Быкова) 851
 Гоголь М.И. 590, 592, 598, 644, 645, 812
 Гозенпуд А.А. 781, 801, 802, 811, 891
 Головин В.И. 650
 Голубовский А.П. 777
 Гольшева Е. 705
 Гончаров С.А. 669, 706
 Горбачев И.О. 779
 Гордин А.М. 782, 783
 Горев А.Ф. 768, 769
 Горновский И.А. 751
 Горнфельд А.Г. 694
 Городецкий Б.П. 893

- Горфункель Е. 779
 Горчаков А.М. 719
 Горчаков М.Д. 719
 Горшенков П.И. 359, 578, 709, 817
 Горшковы 740
 Горький М. 781
 Готшелк Ф. 792
 Готье В.И. 864
 Гофман В.В. 701
 Гофман Э.Т.А. 772
 Грановский Т.Н. 672, 731–734, 785, 891
 Гребенка Е.П. 780
 Греч Н.И. 684, 802, 846
 Грибков С.И. 782
 Грибоедов А.С. 656, 658, 663, 664, 676, 681, 682, 687, 691, 755
 Григорий Богослов 798
 Григорович Д.В. 763
 Григорьев Ап.Ал. 687, 688, 691, 695, 746, 749–751, 755, 758, 759, 830, 891
 Григорьев П.Г. 359, 578, 817
 Григорьев П.И. 359, 578, 707, 717, 745, 746, 817, 832
 Гриц Т.С. 748, 751, 876, 891
 Грот Я.К. 841, 846, 869, 870, 884
 Гукасова А.Г. 826, 827
 Гусева Е.И. 359, 746, 817
 Гущков К. 785
 Гэн Цзичжи 791
- Д. (см.: Данилевский Г.П.)
 Д.А. (см.: Аверкиев Д.В.)
 Давид Ж.Л. 668
 Давыдов В.Л. 682
 Давыдов В.Н. 757, 758, 767, 769, 771
 Давыдова Ек.В. 682, 741
 Давыдова Ел.В. 682, 741
 Даллока 599, 817
 Даль В.И. 793, 806, 809, 810, 812, 813, 847
 Даль Г.А. 790, 791, 891
 Данилевский А.С. 600, 601, 639, 708, 743, 802, 810
 Данилевский Г.П. (псевд.: Д.) 634, 635, 638, 639, 649, 737, 741, 742, 759, 876, 887, 891
 Данилов С.С. 565, 566, 594, 709–711, 744, 753, 765, 767, 768, 770, 771, 774, 777, 839, 891
 Дацков И.С. 752
 Дашкевич Н.П. 693, 893
 Дашков Д.В. 553
 Дашков П.Я. 548, 818, 833
- Дашкова С.А. 103, 356, 843, 854
 Девогченко А.В. 779
 Делавинь К.Ж.Ф. 801
 Делессер Э. 784
 Дельвиг А.И. 798
 Демидов П.Н. 674
 Денфер А.У. 635, 636
 Дергачев И.А. 781
 Дерюгина Л.В. 891
 Деринг Т. 785
 Дзампа Л. 793
 Дибич-Забалканский И.И. 174, 175, 286, 288, 572, 811, 813
 Дидебуандзе Д.О. 789
 Дидло Ш.Л. 815
 Дидро Д. 676
 Дикий А.Д. 773
 Диккенс Ч. 685
 Дино (псевд. Ж.Ф. Бедена и П.П. Губо) 645
 Динцес Л.А. 782
 Дмитриевский В.И. 580
 Добровольский А.С. 675
 Добролюбов Н.А. 686, 692
 Долинин А.С. 554, 892
 Долиннина А.А. 791
 Долотова Л.М. 890
 Доронина Р.Ф. 788, 894
 Достоевский Ф.М. 691, 694–696, 698, 763, 764, 792
 Дризен Н.В. 575, 590, 593, 869, 870, 892
 Дружинин А.В. 686, 687, 763
 Дрыжакова Е.Н. 739, 815, 827
 Дубельт Л.В. 590, 594
 Дубровин 359, 578
 Дудышкин С.С. 681
 Думнов В.В. 544, 566, 571, 855
 Дурново П.Д. 718, 740
 Дурылин С.Н. 672, 744
 Дюканж В. 645
 Дюр Н.О. 89, 343, 359, 527, 547, 588, 598, 718, 719, 735, 745, 762, 817, 823, 830, 831, 832
- Е.Л. 799
 Евпл, св. 810
 Евреинов Н.Н. 770
 Егоров Б.Ф. 688
 Егоров П. 752
 Екатерина II, имп. 650, 658, 660, 667, 669
 Елагин Ю.Б. 776
 Елагина А.П. (урожд. Юшкова, в первом браке Киреевская) 103, 356, 847, 848

Елагины 847
Елеонский С.Ф. 554, 560, 892
Елизаветина Г.Г. 890
Еремин Ю.И. 779
Еремина Л.И. 701
Еромолова С.А. (урожд. Черткова) 731
Ерохин 751
Ерохин В.Н. 706, 751
Есенский Ф. 788

Жамбеки Г. 792
Жан Поль (Рихтер И.П.Ф.) 698
Жарков А. 779
Жемчужниковы Алексей, Вл., Ал-др
Мих. (см.: Козьма Прутков)
Живокини В.И. 740, 760, 865
Житомирская С.В. 894
Жук А.А. 780
Жуков 650
Жуковский В.А. 589, 590, 592, 593,
601, 666, 673, 716, 720, 737–740,
847, 855, 874, 878
Журавлева А.И. 780

Заборова Р.Б. 894
Загоскин М.Н. 44, 176, 289, 397, 511,
596, 598, 644, 648, 649, 658, 669,
670, 672, 678, 679, 682, 708,
720–725, 727, 731–733, 737, 793,
805, 850, 888
Задонский Н.А. 771
Зайонц М. 779
Зайцева И.А. 594
Зайчиков В.Ф. 667, 774
Залесский 752
Залыгин С.П. 705
Заславский Г. 779
Заславский И.Я. 788
Захава Б.Е. 778
Зелинский К.М. 752
Зеньковский В.В. 702, 703
Зограф Н.Г. 580
Золотусский И.П. 706
Золя Э. 693
Зорин А.Н. 706
Зотов Р.М. 592, 596, 673, 717, 719,
743, 892
Зубов Н.Н. 588
Зубров П.И. 769, 839

Иванов А. (см.: Урусов А.И.)
Иванов А.А. 547, 549, 618, 657, 744,
745, 782, 818, 819
Иванов Вяч.И. 656, 698–700,
878–880

Иванов С.А. 618, 819
Иванова Л.М. 894
Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) 880
Изабе Ж.Б. 668
Измайлов А.Е. 633
Ильин И.А. 704
Ильин Н.И. 596
Ильин П.И. 771
Ильинский И.В. 777, 778
Иоанн Златоуст, св. 798, 879
Ионов П.В. 777
Ионович Ж. 788
Иордан Ф.И. 741
Иохим И.А. 26, 153, 264, 380, 800
Исаков С.Г. 717, 790

К-ль А. (см.: Кугель А.Р.)
Каверин В.А. 803
Калайдович Н.К. 601
Каллаш В.В. 553, 880
Кальдерон де ла Барка П. 879
Канкрин Е.Ф. 719
Кантемир А.Д. 794
Каплевич П. 779
Капнист В.В. 648, 656, 658, 662, 668
Капнист И.В. 753
Капустянский И. 882
Кара-Мурза С. 721
Каравелов Л. 788
Карамзин А.Н. 678
Карамзин Н.М. 66, 808
Карамзина С.Н. 678
Карамзины 678, 714
Каратыгин В.А. 717
Каратыгин П.А. 578, 592, 708, 711,
712, 713, 719, 745, 782, 831, 892
Каратыгин П.П. 592, 707, 708, 711,
712, 719, 740, 831, 892
Каратыгина С.В. 831
Кардовский Д.Н. 771, 782
Карпов А.А. 891
Карпов Е.П. 771
Карташевская М.Г. 610, 612, 674, 727,
851
Карташевские 851
Катенин П.А. 655
Катков М.Н. 732, 733, 785
Катона Й. 792
Квитка, Квитка-Основьяненко Г.Ф.
639, 647–649, 652, 666, 694
Кедров М.Н. 778
Кетчер Н.Х. 732
Кёниг Г. 783
Киреев А.Д. 590, 745
Киреевские 847

- Киреевский И.В. 598, 847, 848
 Киреевский П.В. 103, 356, 847
 Кирпичников А.И. 553
 Кирсанова Р.М. 800, 801, 810, 817, 839, 891
 Киселев П.Д. 638, 719
 Клепиков С.А. 543–548, 556, 578, 580, 608, 819, 833, 840, 855, 862, 863, 886, 892
 Книппер-Чехова О.Л. 768
 Княжевич Д.М. 793
 Княжнин Я.Б. 662, 668, 708
 Ковалевская Е.А. 894
 Ковалевский П.М. 754, 760
 Коган П.С. 772
 Козиков С.В. 774
 Козловский П.Б. 592, 673
 Козьма Прутков (колл. псевд. Алексея, Владимира, Александра Мих. Жемчужниковых, А.К. Толстого) 780
 Кок Ш.П., де 803
 Коллен д'Арлевиаль Ж.Ф. 831
 Колосова А.И. 580
 Комаров А.А. 712
 Комарович В.Л. 553, 630, 641
 Комлош А. 789
 Комовский В.Д. 727
 Кони Ф.А. 645, 707, 717, 763, 831
 Конобеевская И. 673
 Константин Константинович, вел. кн. (Романов, К.Р.) 862, 863, 876, 885–887
 Константин Николаевич, вел. кн. 876
 Константинов А. 788
 Константиновский А.И. 782
 Коньков Вл. 593
 Копержинский К.А. 788
 Кораблев В. 788
 Коренева Л.М. 768
 Корнель П. 646, 692
 Коробка Н.И. 546, 552, 554, 557, 583, 617, 629, 630, 632, 641, 823, 838, 859, 881, 882, 892
 Коровин К.А. 767
 Коровкин Н.А. 743, 749, 750
 Короленко В.Г. 690, 714
 Коропчевский Д.А. 760
 Коростин А. 782
 Корсаков П.А. 546, 597
 Корш Е.Ф. 617
 Косяков Г.А. 771
 Котляревский Н.А. 666, 694, 699, 892
 Котошихин Г.К. 684
 Коцебу А.Ф.Ф., фон 645, 646, 662
 Кочубей В.П. 176, 289, 572, 806, 812
 Кочубинский А.А. 887
 К.Р. (см.: Константин Константинович, вел. кн.)
 Кравцов Н.И. 788
 Краевский А.А. 674, 676, 711, 763
 Крамолей (Пруссаков) В.В. 359, 709, 717, 817, 832
 Крамосил Б. 793
 Краснов Г.В. 706
 Красовская В.М. 815
 Красовский А. 779
 Краюшкин А.А. 360
 Кривцов П.И. 598
 Кроненберг А.И. (псевд.: Вл.Ч.) 745, 748
 Крылов И.А. 596, 644, 737
 Крылов Н.И. 548, 609, 610, 613, 617, 819, 834
 Крэг Г.Э.Г. 770
 Кутель А.Р. (псевд.: К-ль А., Ното повус) 757, 758, 761, 762, 766, 767, 880
 Кузнецов В.Я. 706
 Кузнецов С. 774
 Кузовкина Т. 811
 Кукольник Н.В. 672, 804
 Кулешов В.И. 890
 Куликов Н.И. 707, 735, 736, 745, 746
 Кулиш П.А. 544, 553, 556, 565, 617, 633, 686, 837, 841, 845, 854, 855, 885, 886, 887, 892
 Кулябко Е.С. 675
 Купреянова Е.Н. 668, 706
 Курочкин В.С. 763
 Курышев И. 557, 558
 Кусуяма М. 791
 Кустодиев Б.М. 771
 Кюхельбекер В.К. 655, 667
 Л.Л. (см.: Межевич В.С.)
 Лабзин А.Ф. 801
 Лавров К.Ю. 758, 778, 792
 Лажечников И.И. 678
 Ланге В. 789, 790
 Ландсберг А.М. 777
 Лахин Ю. 779
 Лахтина Е. 793
 Лебедева О.Б. 657, 794
 Лебл П. 792
 Левенталь В.Я. 778
 Левин Ю.И. 794
 Лейбниц Г.В. 696
 Лейн А.Э. 737

- Ленский Д.Т. 645, 729, 730, 737, 746, 749, 758, 759, 831
Лентовский М.В. 720, 721, 766
Леонидов Л.А. 592, 708, 709, 718, 719, 806, 807, 817, 832, 892
Леонтьев А.Н. 779
Лепен 809
Лермонтов М.Ю. 685, 706, 718, 737, 740, 812, 893
Лернер Н.Н. 771
Лернер Н.О. 826, 827
Лесков Н.С. 781
Лессинг Г.Э. 668
Лизелл О. 791
Линниченко И.А. 592, 744, 882
Лисенков И.Т. 597
Лобанов Д. 545
Лобода А.М. 658, 661, 881, 893
Логинов В.В. 614
Ломоносов М.В. 808
Лонгинов М.Н. 674
Лотман Ю.М. 643, 644, 705, 706, 808
Лубяновский Ф.П. 684
Лугаковский В.А. 784, 787
Лукин В.И. 646, 664, 666
Луначарский А.В. 776
Луценко Б. 792
Любич-Романович В.И. 638, 740
Лямбек Э. 789
Лященко А.И. 649
- М.В. 787
Маврин 637, 638
Маврин С.Ф. 637
Майков А.Н. 763
Майков Л.Н. 649
Макаров О. 779
Макаров Р. 792
Макашин С.А. 781
Маковецкий С.В. 779
Маковская Л.К. 675
Маковский В.Е. 675
Маковский Е.И. 675
Макогоненко Г.П. 555, 659, 706, 739, 893
Максимов А.М. 718, 737, 745, 746, 758
Максимов К. 752
Максимович М.А. 553
Макшеев А.И. 636
Макшеев И.А. 636
Мамин-Сибиряк Д.Н. 781
Мандельштам И.Е. 699, 701
Манн Ю.В. 594, 647, 655, 656, 669, 705, 711, 719, 731, 778, 779, 808, 839, 847, 849, 852, 854, 890, 893
- Мануйлов В.А. 800, 809
Марковецкий С.Я. 360, 709, 817
Маркович А. 793
Маркс А.Ф. 882
Марлинский (см.: Бестужев А.А.)
Мартынов А.Е. 578, 736, 745, 746, 751, 758, 759, 832
Масанов И.Ф. 737, 743, 746, 752, 757, 761, 876, 880, 893
Маслик В.А. 771
Масон Иоанн (Месон Джон; Mason John) 18, 253, 372, 799
Матфей, св. 809
Махова Н. 751
Мацкин А.П. 667, 706, 777, 893
Маяковский В.В. 781
Межевич В.С. (псевд.: Л.Л.) 746, 748—750
Мейер В.Э. 777
Мейербер Дж. 642, 801
Мейерхольд Вс.Э. 657, 667, 700, 701, 763, 773—777
Мейлах Б.С. 640
Мельгунов Н.А. 783
Менандр 653, 654
Менглет Г.П. 778
Мережковский Д.С. 696
Мериме П. 648, 784, 789
Мизко Н.Д. 685
Микульский П.П. 752
Миллер О.Ф. 657
Миллер П.И. 862, 885, 887
Миловский Н.К. 855
Милоков А.П. 665, 685, 689
Милаютин Д.А. 741
Мирзоев В.В. 779
Миронов А.А. 778
Миронов Е.В. 779
Михаил Павлович, вел. кн. 593
Михайлов М.Л. 785
Михайловский В.А. 596, 717
Михалков Н.С. 779
Мищенко В. 778
Млотковский Л.Ю. 709, 751
Модзалевский Б.Л. 553
Мологин Н.К. 774
Мольер (Поклен Ж.Б.) 645, 646, 648, 650, 653, 660, 661, 668, 670, 676, 681, 682, 684, 687, 691, 692, 784
Монахов И.И. 769
Монтень М., де 697
Мордвинов А.Н. 590, 591
Мордовченко Н.И. 674, 676
Моро Е. 785
Морозов П.О. 634

- Морцинер М.С. 890
 Москвин И.М. 768, 771
 Моцарт В.А. 801
 Мочалов П.С. 755, 757
 Мочульский К.В. 703, 880
 Муханов В.А. 103, 356, 843, 847, 855
 Муханова Ек.А. 855
 Муханова Елиз.А. 855
 Муханова П.А. 855
 Муханова Т.А. 855
 Мухановы 855
- Набоков В.В. 705
 Навроцкий С.Н. 682
 Надеждин Н.И. 655, 677, 678, 680,
 725, 727–729, 893
 Надимов П.П. 736
 Нариманов Н. 789
 Наркевич А.Ю. 557
 Населенко Е.П. 890
 Неверов Я.М. 671
 Невинный В.М. 778
 Неёлова М.М. 778, 779
 Некрасов А. 744
 Некрасов Н.А. 780, 781
 Некрасова Е.С. 784, 785, 789, 893
 Немирович-Данченко В.И. 663, 697,
 768, 770, 893
 Непомнящих Ник. 642
 Неруда Я. 788
 Нессельроде К.В. 719
 Никитенко А.В. 113, 549, 624, 718, 719,
 731, 803, 804, 819, 834, 862, 863,
 865, 867, 869, 882, 893
 Никитина Н. 782
 Никифоров Н.М. 730
 Николадзе Н. 789
 Николаев А.С. 803
 Николай Александрович, дес. 692
 Николай I, имп. 590, 592–594, 596,
 718, 719, 730, 804, 806, 807, 813,
 814, 816, 893
 Николюкин А.Н. 694
 Нильский А.А. 546, 588, 709, 762,
 765, 893
 Нистрем К.М. 643, 809, 810, 813, 893
 Новикова 752
 Норов А.С. 786, 887
 Нушич Б. 788
- Обер Д.Ф.Э. 811, 812
 Оболенский Д.А. 876
 Овсяннико-Куликовский Д.Н. 693, 694
 Огарев Н.П. 731, 732, 747–749
- Одоевская О.С. (урожд. Ланская) 103,
 356, 843, 844, 854, 870
 Одоевский В.Ф. 552, 673, 779, 780,
 827–829, 844, 854
 Оксман Ю.Г. 786, 803
 Окунев Н.А. 637
 Оленин Б. 751
 Ольдекоп Е.И. 545, 546, 573, 578, 586,
 590, 591, 593
 Онуфрий, св. 61, 197, 312, 411, 516, 807
 Орлов 752
 Орлов А.Ф. 813
 Орлов И.В. 729, 730, 748
 Орлов М.Ф. 732
 Осанаи К. 791
 Осовцов С.М. 678
 Островский А.Н. 686, 688, 689, 691,
 750, 763
- П-н (см.: Потехин А.А.)
 П-ъ (см.: Панаев И.И.)
 Павлов Н.Ф. 103, 356, 601, 688,
 731–733, 793, 849, 850
 Павлова И.Б. 890
 Павлова К.К. 850
 Павлищев Н.И. 555
 Павлищева О.С. (урожд. Пушкина) 555
 Паламарчук П.Г. 879
 Палкин 337, 339, 525, 816
 Панаев И.И. (псевд.: П-ъ) 612, 672,
 717, 731–734, 739, 746, 747, 780,
 849, 894
 Панаева А.Я. (урожд. Брянская, во вто-
 ром браке Головачева) 672, 707,
 708
 Панов В.А. 95, 103, 356, 468, 469, 547,
 549, 602, 615–618, 818, 821–823,
 833, 835, 836, 850, 852, 853
 Панов В.К. 636, 637
 Папанов А.Д. 758, 778
 Паршин С.И. 779
 Пашенная В.Н. 777
 Пашков В. 740
 Пащенко И.Г. 600, 639, 743
 Пащенко Т.Г. 740
 Пель 238–239, 511, 813
 Переверзев В.Ф. 698, 700
 Перлина Н. 658
 Перовский В.А. 635
 Перпетуя, св. 806
 Пертинакс 717
 Перхурова Е. 578
 Перцов Э.П. 655
 Петипа М.М. 762
 Петор М. 792

- Петр I, имп. 646, 650, 651, 708
Петров А. 359, 566, 578, 709, 717, 806, 817, 832
Петров А. 783
Петров Ал. 730
Петров В.М. 779
Петров Н.В. 771, 774
Петровский А.П. 777
Петрунина Н.Н. 555, 827, 828, 894
Пикар Л.-Ф. 682
Пикассо П. 702
Пиксанов Н.К. 698, 894
Пинус Е.М. 791
Пиотровская А.Г. 787
Писарев А.И. 644
Писарев Н.П. 643, 804
Писемский А.Ф. 763, 764
Плавт Т.М. 655, 659
Планш Г. 784
Платон И.С. 771
Платонов А.П. 781
Плетнев П.А. 555, 673, 720, 735, 841, 843, 844, 846, 852, 862, 865–874, 877, 882, 884, 887, 891
Плучек В.Н. 778, 779
Плюшар А.А. 546, 597
Погодин М.П. 548, 552, 554, 564, 589, 600–604, 606, 609–618, 650, 651, 654, 674, 707, 715, 716, 720, 722–724, 818, 819, 822, 825, 833, 836, 847, 850, 853, 890
Пожарский Н.И. 890
Поздеев А.А. 636, 637, 894
Покровский И.Е. (псевд.?) 678, 727, 730
Полевой Кс.А. 613, 614, 683, 726, 804, 830
Полевой Н.А. 615, 670, 681, 683, 692, 804, 830
Полторацкий Н.П. 704
Понте Л., де 801
Попов А.А. 778
Попов А.Д. 778
Попов П.С. 653
Попова Е. 783
Потанчиков Ф.С. 729, 746
Потемкин Г.А. 97, 189, 304, 839
Потехин А.А. (псевд.: П-н) 737
Прево д'Экзиль А.Ф. 645
Пристли Д.Б. 781
Прозоров В.В. 706, 798, 815
Прокопович В.Я. 601
Прокопович Н.Я. 549, 597, 600, 617, 620, 623–629, 632, 712, 716, 743, 802, 822, 823, 836–838, 849
Прохоров О.О. 566, 578, 709, 745, 832
Пугачев Е. 634, 635
Пушешников А.А. 657
Пушкин А.С. 42, 288, 552–555, 558, 568, 572, 593, 603, 633–635, 637–641, 645, 657–659, 675, 678, 687, 690, 695, 699, 706, 712, 718, 719, 722, 739, 740, 801, 814, 815, 826–829, 891, 893, 894
Пушкина Н.Н. 722, 814, 827
Пшоняк В. 792
Пыпин А.Н. 692
Р.цкий Н. 752
Рабле Ф. 647
Радин 578, 746
Райх Э.Н. 700, 774
Рамазанов Н.А. 675
Расин Ж. 662
Рейнхардт (Рейнгардт) М. 770, 790
Рейтблат А.И. 557, 811
Репнина В.Н. 740, 741
Рехо К. 791
Решимов М.А. 760
Ржанов А.И. 777
Рифтин Б.Л. 791
Родиславский В.И. 596
Родичев Ф.И. 637
Розанов В.В. 694, 695, 699, 701
Розен Е.Ф. 738, 739
Розенфельд А.Э. 790, 791
Романи Ф. 802
Романов К.К. (см.: Константин Константинович, вел. кн.)
Романова Г.А. 717, 764, 817
Ромм Г.М. 771
Ромодановская А.А. 894
Ронен И. 658
Рославский 359, 746
Россет А.О. (Россети, Росетти) 103, 356, 842–844, 854–855, 867, 868, 871
Руадзе 763
Рудницкий К.Л. 777, 781
Румянцев-Задунайский П.А. 96, 188, 303, 813, 839
Руссо Ж.-Ж. 697
Руч 153, 194, 235, 239, 309, 396, 810
Рыбаков Н.Х. 752
Рыскин Е.И. 804
Рязанцев В.И. 91, 348, 830, 832, 833
С.Д. 767
Савицкий В.Д. 788
Савицкий К.А. 782

- Садовский М.П. 760, 761
 Садовский Н.К. 788
 Садовский П.М. 580, 736, 737, 741, 742, 751, 759
 Сажин В. 831
 Сазонов Н.Ф. 765, 769
 Сайтов В.И. 893
 Сакулин П.Н. 779
 Салаевы 566
 Салтыков-Щедрин М.Е. 781, 782, 894
 Самарин Д.Ф. 541, 556, 557
 Самарин И.В. 733, 735, 737, 743, 746, 749, 756, 759, 823
 Самарин Ю.Ф. 103, 356, 748, 842, 843, 849, 850, 853, 854
 Самойлов В.В. 768, 769, 782
 Самойлов П.В. 760–762
 Самойлова В.В. 736
 Сашин А. 777
 Свербеев Д.Н. 847
 Свербеева Е.А. (урожд. Щербатова) 103, 356, 844, 847–849
 Свербеевы 847, 848
 Свербилова Т.Г. 643, 776
 Свинин П.П. 633–635, 637, 638, 640
 Семашко Н.А. 773
 Семевский М.И. 862
 Семен А.И. 549, 819, 834
 Сенгор М. 792
 Сенковский О.И. (псевд.: Барон Брамбеус) 44, 175, 288, 396, 553, 639, 670, 671, 673, 676, 683, 684, 726, 783, 802–804
 Сервантес Сааведра М., де 646
 Серебряный П. 638, 678
 Серебряков Е.А. 791
 Серов А.Н. 747, 748, 812
 Симов В.А. 768
 Симонов В.А. 779
 Симонов Р.Н. 778
 Симонович В. 788
 Синельникова М.Н. 628
 Сияняский А.Д. (псевд.: Абрам Терц) 705
 Сиповский В.В. 660
 Скола Э. 793
 Скотт В. 662
 Скофилд П. 792
 Скриб О.Э. 801, 812
 Слонимский А.А. 629, 630, 698, 699, 701
 Смелянский А.М. 778
 Смирдин А.Ф. 44, 175, 289, 397, 601, 803–805
 Смирнов 709
 Смирнов Н.А. 813, 814
 Смирнов-Сокольский Н.П. 547, 588
 Смирнова А.О. (урожд. Россет) 593, 596, 643, 719, 735, 748, 794, 853, 854, 868, 894
 Смирнова Е.А. 890
 Смолин Д.П. 771
 Снегирев И.М. 548, 609, 610, 614, 793, 819, 834
 Соболев Ю.В. 771–773
 Соболевский С.А. 714
 Соколов П.А. 751, 752
 Соколянский А. 779
 Соленик К.Т. 708–709, 751
 Солеников Е.Н. 546, 578
 Соллогуб В.А. 635
 Соловьёва А.П. 788, 894
 Соломин В.М. 778
 Соломин Ю.М. 778
 Соломон, царь 19, 451
 Сомов О.М. 654
 Сонне И. 815
 Сосницкая Е.Я. (урожд. Воробьева) 359, 718, 746, 816
 Сосницкий И.И. 91, 348, 359, 707–709, 712, 717–720, 722, 726, 728–730, 735, 740, 743, 745–748, 753–758, 767, 816, 831, 832, 841, 843, 856, 857, 864, 866–868
 Сосновский М.Ф. 359, 746
 Софокл 655
 Станиславский (Алексеев) К.С. 720, 721, 768, 770–773, 791
 Станкевич Н.В. 671, 679, 680, 731
 Старковский П.И. 774
 Стасов В.В. 674, 747, 748
 Стахович А.А. 742, 747, 757, 769
 Стендаль (Бейль А.М.) 794
 Стендер-Петерсен А. (см.: Stender-Petersen A.)
 Степанов А.Н. 800, 809
 Степанов Н. 548, 613, 614, 617, 819, 822, 834
 Степанов Н.Л. 705
 Степанов П.Г. 730, 748
 Степанова А.М. 578, 718, 745
 Стернин Г. 782
 Столянский П.Г. 646, 801, 805, 806, 895
 Столярова И.В. 781
 Стоюнин В.Я. 756
 Страхов Н.Н. 690, 695
 Строганов А.Г. 786
 Строева М.Н. 773

- Стура М. 792
 Суворин А.С. 764, 765
 Суворов А.В., гр. Рымникский, кн. Ита-
 лийский 667
 Сумароков А.П. 658
 Суме А. 802
 Суханов М. 779
 Сухово-Кобылин А.В. 781
 Сушков Д. 817
 Сушков Н.В. 649
- Табаков О.П. 778, 792
 Талызин А.С. 741
 Тальников Д. (Шпитальников Д.Л.)
 775
 Тарасенков А.Т. 738
 Тархова Н.А. 739
 Терехина Р.Е. 718, 740
 Терентьев И. 777
 Терц Абрам (см.: Синявский А.Д.)
 Тимм В.Ф. 782
 Тихонравов Н.С. 491, 541–545,
 547–549, 552, 553, 556, 557, 563,
 564, 566, 574, 583, 584, 587, 593,
 596, 603, 606, 617–619, 629, 630,
 632, 640, 641, 714, 725–728, 744,
 818, 819, 823, 826–828, 837, 838,
 840, 841, 845, 846, 856, 859–861,
 863, 864, 882, 884, 894, 895
- Товстоногов Г.А. 778, 792
 Тодорович Т. 788
 Толбутин П. 752
 Толстой А.К. (см.: Козьма Прутков)
 Толстой Л.Н. 696, 758, 880
 Толстой Ф.И. (Американец) 888
 Толубеев Ю.В. 779
 Толченев А.П. 736
 Толченев П.И. 359, 746, 817
 Томашевский А.Ф. 743
 Томашевский Б.В. 894
 Томин 650
 Траншо 788
 Третьяков К.В. 578, 745
 Тропинин В.А. 675
 Трофимов Н.Н. 778
 Туминас Р. 779
 Трушковский Н.П. 617, 628, 629, 630,
 632, 823, 837, 838, 845, 883–886
 Туран Я. 793
 Турбин В.Н. 778
 Тургенев А.И. 553, 589, 592, 671, 672,
 679, 680, 715, 738, 739, 827, 850,
 893
 Тургенев И.С. 737, 741, 742, 760, 763,
 780, 785, 895
- Уваров С.С. 673
 Удовик С. 779
 Ульяшов П. 675
 Упит А. 791
 Уралов И.М. 757, 768, 772
 Урусов А.И. (псевд.: Иванов А.) 689,
 690, 711, 765, 880, 895
 Усачев В. 556
 Усачевы 543, 544, 564
 Усовик Е.Г. 706
 Участкина Э.В. (см.: Uchastkina Z.V.)
 Ушаков Д.Н. 800
- Фансин 791
 Фарнгаген фон Энзе К.А. 785, 786
 Федоров Б. 557, 558
 Федосюк Ю.А. 799
 Федотов Г.П. 705
 Фелс Ф. 793
 Фет А.А. 687
 Фидлер Ф. 789
 Филиппов А. 779
 Филиппов В. 637
 Филиппов В.А. 761
 Филонов П.Н. 777
 Финдейзен Н.Ф. 647
 Флёров С.В. (псевд.: Васильев С.) 761
 Флоровский Г.В. 881
 Фокин В.В. 778, 779
 Фонвизин Д.И. 596, 650, 655, 656,
 658, 665–668, 681, 685, 694, 738
 Фрейдель Е.В. 894
 Фридель Э. 793
 Фридендер Г.М. 555, 827, 828, 894
 Фризман Л.Г. 794
 Фус П.Н. 674
- Халабаев К.И. 629, 630, 632, 838, 895
 Халчинский Ф.Л. 598
 Ханушкевич А. 792
 Хедборг В. 790
 Хелмиковский Я. 784, 787
 Херасков М.М. 665, 815
 Хетсо Г. 792
 Хмелевская Е.М. 894
 Хмельницкий Н.И. 647, 648, 659, 708,
 754, 831
 Ходасевич В.Ф. 704
 Холл П. 792
 Хомяков А.С. 103, 356, 847–849
 Хомяковы 847, 848
 Хотяинцов 359, 817
 Храповицкий А.И. 546, 578, 582, 590,
 627, 707, 710–712, 717–719, 723,
 731, 745, 747, 765

- Христович И. 788
 Хуан Жохай 791
 Хэ Цимин 791
- Цехновицер О.В. 894
 Цибасов М.Л. 777
 Циммерман 765
 Ципельзон Э. 598
 Цицерон М.Т. 51, 172, 436, 529
 Цицианов, кн. 730
 Цыганов Н.Г. 800
- Чаадаев П.Я. 680
 Чаговец В.А. 628
 Чайской 359
 Чернышев А.И. 719
 Чернышевский Н.Г. 685, 686, 692
 Черткова Е.Г. 731
 Чертковы 732
 Чехов А.П. 782
 Чехов М.А. 706, 771–775
 Чижевский Д.И. 656, 879, 881
- Шалландес А. 789
 Шамполион-Фижак М. 557, 558
 Шаповалов (Шаповаленко) И.С. 741, 745
 Шапошников Б.В. 894
 Шаховской А.А. 596, 654, 662, 682, 708, 805
 Шебо-Мартинский Т. 793
 Шевырев С.П. 113, 482, 483, 592, 615, 623, 625, 628, 650, 653, 655, 656, 658, 676, 677, 722, 731, 732, 741, 744, 785, 830, 841–844, 848–850, 863–874, 876, 878, 882–885
 Шекспир У. 659, 668, 784, 830
 Шеллинг Ф.В. 653
 Шемаева Е. 359
 Шенрок В.И. 544, 552, 554, 593, 622, 639, 672, 711, 741, 752, 786, 852, 881, 888, 895
 Шепелев Л.Е. 800, 806, 809, 812, 816, 839, 895
 Шермет В.И. 814
 Шереметевский В.П. 689
 Шиллер И.К.Ф. 678, 679
 Ширяев А.С. 726
 Шкловский В.Б. 775, 777
 Шлегель А.В. 654
 Шлегель Ф. 654
 Шнитке А.Г. 783
 Шредер Ф.А. 800, 895
 Шторм Т. 785
- Шуберт А.И. (урожд. Куликова) 736
 Шульгин Л.К. 708
 Шумский С.В. 730, 736–738, 741, 742, 746, 749, 750, 758–760, 764, 765
 Шэнь Пейцю 791
- Щеглов (Леонтьев) И.Л. 766
 Щепкин М.С. 91, 348, 482, 527, 546, 580, 590, 592, 598, 607, 627, 669, 673, 674, 679, 708, 709, 712, 714–717, 719–730, 732, 736, 737, 740–748, 751, 753–759, 765, 794, 823–827, 830–832, 841–843, 849, 850, 855–859, 864–873, 875–877, 882, 891, 895
- Эвл (см.: Евпла)
 Эгк В. 793
 Эйзенштейн С.М. 657, 658
 Эйхенбаум Б.М. 629, 630, 632, 838, 895
 Экстер А.А. 771
 Эрдман Н.Р. 771
 Эре М. 792
 Эсхил 655
 Эфрос Н.Е. 768
- Юнг-Штиллинг И.Г. 656, 879
 Юнкельман А. 787
 Юнкерман 789
 Юон К.Ф. 771, 777
 Юрский С.Ю. 778
- Яблоновский С.В. 768–770, 772
 Языков А.М. 727, 829, 848
 Языков М.А. 612
 Языков Н.М. 829, 847–849, 852, 868
 Якобсон В.П. 761
 Яковлев Н.К. 777
 Ямпольский И.Г. 894
 Янковский О.И. 779
 Яновский П. 643
 Яновские 648
 Яцевич А.Г. 800, 809
- Abramson H. (см.: Абрамсон Г.)
 Amberg L. 706
 Aristophanes (см.: Аристофан)
 Bernauer R. (см.: Бернауэр Р.)
 Bjørnager K. 790, 792
 Challandès A. (см.: Шалландес А.)
 Champollion-Figeac M. (см.: Шамполион-Фижак М.)
 Curtius E.R. 794
 Dahl G.A. (см.: Даль Г.А.)

Didot (Firmin Didot) 557
Döring T. (см.: Дёринг Т.)
Ehre M. (см.: Эре М.)
Fanger D. 706
Fiedler F. (см.: Фидлер Ф.)
Friedell E. (см.: Фридель Э.)
Gottschalk F. (см.: Готшалк Ф.)
Grzegorzczak P. 787
Günther H. 706
Hart-Davies T. 790
Hedborg V. (см.: Хедборг В.)
Homo novus (см.: Кугель А.Р.)
Ivanov N. 783
Jesenský F. (см.: Есенский Ф.)
Junkelmann A. (см.: Юнкельман А.)
Keil R.-D. 793
Klndermann H. 793
Klotz V. 666
Koenig H. (см.: Кёниг Г.)
Kjetsaa G. (см.: Хетсо Г.)
Lange W. (см.: Ланге В.)
Lauer R. 706, 808
Lysell O. (см.: Лизелл О.)
Maguire R.A. 706

Mályuszné C. 789
Marinelli-König G. 783
Micaelo 774
Moreau E. (см.: Моро Е.)
Peace R. 706
Reinhardt M. (см.: Рейнхардт М.)
Reissner E. 783–787, 789, 895
Schlieter H. 664, 665
Schultze C. 785
Shaw (Schaw) G.B. 793
Simmons J.S.G. 895
Stender-Petersen A. 646
Sykes A.A. 790
Tschizewskij D. (см.: Чижевский Д.И.)
Uchastkina Z.V. 543–545, 556,
895
Uglebjerg P. 792
Vesel I. (см.: Везель И.)
Viedert A. (см.: Видерт А.Ф.)
Viedert V. (см.: Видерт В.Л.)
White D. 706
Wolfsohn W. (см.: Вольфзон В.)
Zelinsky B. 660
Žekulin N.G. 785, 787

СОДЕРЖАНИЕ

Ревизор	5*	447	541
Приложения к комедии “Ревизор”	87		
Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору	89	468	818
Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы	94	470	833
Позднейшие приложения к “Ревизору”	99		
Предупреждение	101	472	840
Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”	104	472	855
⟨1. Начало второй редакции⟩	104	472	
⟨2. Первая редакция⟩	105	474	
Развязка Ревизора	112	481	862
⟨Вторая редакция окончания “Развязки Ревизора”⟩	124	490	
Черновые редакции	131		
Ревизор			
Первая черновая редакция	133		
Черновые наброски ко второй редакции	221		
Вторая редакция	240		
⟨Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору⟩	343		
⟨Предупреждение⟩	350		
Первая черновая редакция	350		
Вторая черновая редакция	353		
Другие редакции	357		
Редакция первого издания “Ревизора”	359		
Из редакции второго издания “Ревизора”	433	528	
Варианты	445		
Комментарий	537		
Условные сокращения	889		
Список иллюстраций	896		
Именной указатель	898		

---

* В первом столбце указана страница текста, во втором — вариантов, в третьем — комментария.

*Печатается по решению
Научно-издательского совета
Российской академии наук*

Николай Васильевич Гоголь

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ**

**В двадцати трех томах
Том четвертый**

*Зав. редакцией А.И. Кучинская
Редакторы М.Л. Береснева, В.Г. Шитарева
Художник В.Ю. Яковлев
Художественный редактор Т.В. Болотина
Технический редактор О.В. Аредова
Корректоры Г.В. Дубовицкая, Р.В. Молоканова,
Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 29.05.2003
Формат 60 × 90¹/16. Гарнитура Академическая
Печать офсетная
Усл.печ.л. 57,0. Усл.кр.-отг. 58,0. Уч.-изд.л. 59,0
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 8183

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ППП Типография “Наука”
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-032711-5

9 785020 132711 5

ISBN 5-02-006375-4

9 785020 063754